

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

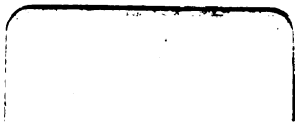
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 537.14

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

243
1/2

05
0-82

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССХLVIII.

с 4408 ж.ф. 411

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Б. П. ПЕТЕРБУРГЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

1880.

7-1111000

Δ

PSlow 538.14 (yr. 42, t. 248)

rq П

Рожда...	Соп...	Докже...
В.Т.И.Т.	Восточн...	М.И. (1904)

О Г Л А В Л Е Н И Е
ПЕРВАГО ТОМА
«ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ»
1880 г.

(По общей нумерации тома CCXLVI)

Январь № 1.

СТРАН

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. А. Островскаго	5
ФРАНЦУЗСКІЕ РОМАНТИКИ. (Историко-литературные очерки). Викторъ Гюго. А. Снабичевскаго	81
КАНДИДАТЪ КУРАТОВЪ. (Эпизодъ изъ обыденной жизни). Ольги Шапиръ	115
ИЗЪ ГЕЙНЕ. (<i>Стихотвореніе</i>). А. Яхонтова	150
УЧЕНЫЙ. С. Коронина	151
** (<i>Стихотвореніе</i>). А. Яхонтова	164
ИТОГИ ЗЕМСКИХЪ ЗАТРАТЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ОБ- РАЗОВАНІЯ ВЪ 1878 ГОДУ.	165
СТАРЫЙ ПРУДЪ. (<i>Стихотвореніе</i>). А. Яхонтова	189
ЖЕНЩИНА ВЪ XVIII ВѢКѢ. (Очерки нравовъ. По Гон- куру). А. П.	191
ОСКУДѢНІЕ. (Очерки, замѣтки и размышленія тамбовскаго помѣщика). Посвящ. С. В. Максимову. Атавы	225
ИГРУШЕЧНАГО ДѢЛА ЛЮДИШКИ. Н. Щедрина	251
ВРАГИ ДЖОБСОНА. Опытъ изслѣдованія политической и общественной жизни въ Великобританской Имперіи. Ро- манъ въ восьми частяхъ. Эдуарда Дженкинса , автора «Джинксова Младенца». (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—64).	

Февраль № 2.

ПРОПАЩЕ ГОДЫ. Повѣсть. <i>Часть первая.</i> А. Пальма . . .	281
НАРОДНЫЙ КАДАСТРЪ. (Мѣстное изслѣдованіе). В. Трирогова	325
** (Стихотвореніе). Алексѣя Жемчужникова	350
ПАУКЪ. Разсказъ. И. Салова	351
** (Стихотвореніе). Алексѣя Жемчужникова	397
ОСКУДѢНІЕ. Очеркъ второй. Сергѣя Атавы	399
ДѢТСКІЙ И ЖЕНСКІЙ ФАБРИЧНЫЙ ТРУДЪ ВЪ АНГЛІИ И РОССІИ. Ивана Янжула	427
ФРАНЦУЗСКІЕ РОМАНТИКИ. (Историко-литературныя очерки). А. Снабичевскаго	459
ЗАБВЕНІЕ. (Стихотвореніе). А. Яхонтова	492
МАЛЫЕ РЕБЯТА. (Изъ памятной книжки). Г. Иванова . . .	493
ЖЕНЩИНА ВЪ XVIII ВѢКѢ. (Очерки нравовъ. По Гонкуру). А. П.	519
ФАНТАСТИЧЕСКІЕ ЗАМЫСЛЫ МИНАЯ. С. Каронина	557
ВРАГИ ДЖОБСОНА. Опытъ изслѣдованія политической и общественной жизни въ Великобританской Имперіи. Романъ въ восьми частяхъ Эдуарда Джемминса, автора «Джинксова Младенца». (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 65—112).	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Январь № 1.

НАШИ ОБЩИНЫ. (Записки изслѣдователя). В. Трирогова . . .	1
КЪ СЛОВУ О МЕДИЦИНСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ У НАСЪ. Д. Бѣлевцова	34
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Открытіе палатъ въ Парижѣ. — Вступительная рѣчь Гамбетты. — Программа четырехъ группъ лѣвой. — Голосованіе 2-го декабря. — Предложеніе Буассе. — Рѣчь Флокэ противъ магистратуры. — Запросы министрамъ: рѣчи Бриссона, Ваддингтона, Ферри, Флокэ, Лепера и Девеса. — Поль де-Кассаньякъ, подвергнувшійся цензурѣ. — Большинство 221 голоса. — II. Конецъ экстраординарной сессіи и министерскій кризисъ. — Отставка министра Ле-Ройэ и его товарища. — Запросъ объ амнистіи, 1-го декабря. —	

Голосованіе довѣрія правительству.—Внесеніе доклада Жюля Ферри.—Гренобльскій епископъ.—Сенатскія бюджетныя пренія. — Улаженіе несогласія между двумя палатами. — Оставленіе засѣданія военнымъ министромъ. — Конецъ министерства Ваддингтона. — Выборы въ Сенско-Уазскомъ и Воклюзскомъ округахъ.— III. Наша общественная и международная благотворительность. — Жестокость зимы.—Ворьба Парижа со свѣгомъ.—Частная и правительственная помощь нуждающимся. — Бѣдствіе въ Испаніи и помощь французамъ.—Ночной праздникъ 19-го декабря: Фестиваль и базаръ.—Исполненіе «Взятія Трои» Берлиоза на концертахъ Паделу и Колонна. — Международная литературная ассоціація. **Людвина** 51

НОВЫЯ КНИГИ. Синезій философъ, епископъ Птолемаидскій. Алексѣя Остроумова.—Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи.—Ближе къ природѣ. М. И. Красова. — Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. П. Пассекъ.—Въ пересыльной тюрьмѣ. Д. А. Линева 73

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М. 95

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Абсолютныя права земства по нѣкоторымъ предметамъ, злоупотребленія которыми (правами) не могутъ быть устранены ни постановкою современнаго земства, ни закономъ.—Причина, почему они не предусмотрѣны въ законѣ.—Временное положеніе нынѣшняго земства.—Вредъ, наносимый странѣ изолированностью земства отъ соприкасающихся съ сферою его дѣятельности властей и учреждений.—Вліяніе изолированности земства на его внутреннее состояніе.—Засѣданіе московскаго губернскаго земскаго собранія по разсмотрѣнію проекта московскаго уѣзднаго собранія объ учрежденіи земской кассы для содѣйствія крестьянскимъ обществамъ въ приобрѣтеніи земли 114

Февраль № 2.

19 ФЕВРАЛЯ. 137

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЧАСТНАГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНІЯ. . . . 141

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Новое министерство.—Парламентское значеніе лѣваго центра.—Конституціонный образъ дѣйствій президента республики.—Сенаръ и Гамбетта.—Усиленіе значенія Ферри и его законопроекта. — Декретъ 29-го декабря о министер-

ствѣ финансовъ.—Планъ Казо объ очищеніи судебного вѣдомства.—Дѣятельность генерала Фарра.—Благопріятное впечатлѣніе, произведенное новымъ кабинетомъ.—Какъ онъ можетъ гарантировать за собою большинство?—II. Начало обыкновенной сессіи 1880 года.—Избраніе бюро.—259 голосовъ за Гамбетту.—Министерское заявленіе 16-го января.—Монархическія несогласія: мессы легитимистовъ и мессы бонапартистовъ.—III. Литература, театры, искусства и некрологъ.—Пріемъ Тэна въ академію.—Костюмированный балъ «Nouvelle «Revue».—Карнавалъ.—Театральныя и музыкальныя новости.—Празднованіе годовщины Мольера.—Шедѣвръ Эркмана-Шатриана: «Эльзась», недозволенный цензурою къ представленію.—Выставка Верещагина.—Новыя книги.—Некрологи Браницкаго, Монталиве, герцога Граммона, Лаверня и Жюля Фавра. <i>Людвига</i>	161
КРИТИКА УТИЛИТАРИЗМА. Нравственная философія утилитаризма. Историко-критическое изслѣдованіе А. Мальцева. <i>Н. М.</i>	187
НОВЫЯ КНИГИ. Четверть вѣка назадъ. Б. М. Маркевича.—По новому. Ольги В. Л.—и.—Шекспиръ. Эдуарда Дaudена.—Библіотека западной полосы Россіи.—Третій губернский съѣздъ врачей московскаго земства.—Нужды русскаго народа. Ивана Кашкарова.—«Русское богатство»	206
ФИНАНСОВЫЕ ИТОГИ ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ. (Государственная роспись на 1880 г. Отчетъ госуд. контроля по исполненію росписи 1878 г.)	223
ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТАРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.	239

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Потапъ Потапъчъ Каркуновъ—богатый купецъ, старикъ.

Вара Филипповна—жена его, 30-ти лѣтъ съ небольшимъ.

Исай Данильчъ Халымовъ — подрядчикъ, кумь Каркунова.

Аполлиарія Панфиловна — его жена, за 40 лѣтъ.

Константинъ Лукичъ Каркуновъ — племянникъ Потапа Потапъча, молодой человекъ.

Ольга Дмитриевна — его жена, молодая женщина.

Ерастъ — приказчикъ Каркунова, лѣтъ 30-ти.

Огуревна — ключница, старуха.

Въ домѣ Каркунова, въ фабричной мѣстности, на самомъ краю Москвы. Жилая комната купеческаго дома, представляющая и семейную столовую, и кабинетъ хозяина, въ ней же принимаютъ и гостей запросто, т. е. родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Направо (отъ актёровъ) небольшой письменный столъ, передъ нимъ кресло; далѣе желѣзный денежный (сундукъ) шкафъ, вдѣланный въ стѣну; въ углу дверь въ спальню. Съ лѣвой стороны диванъ, передъ нимъ круглый обѣденный столъ, покрытый цвѣтной салфеткой и нѣсколько креселъ; далѣе большая горка съ серебромъ и фарфоромъ, въ углу дверь въ парадная комнаты. Въ глубинѣ дверь въ переднюю, съ правой стороны—большой комодъ, съ лѣвой—буфетъ. Вся мебель, хотя не модная, но массивная, хорошей работы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ОГУРЕВНА (*стоитъ, подперши щеку рукой. Входятъ*): КОНСТАНТИНЪ И ОЛЬГА.

КОНСТАНТИНЪ.

Огуревна, что ты тутъ дѣлаешь?

ОГУРЕВНА.

Самое дожидаясь, на счет самовара.

КОНСТАНТИНЪ.

А гдѣ-жь она, сама-то, гдѣ дяденька?

ОГУРЕВНА.

Въ залѣ сидятъ; залу растворить велѣли, и чехлы всѣ съ небели давеча еще снимали.

КОНСТАНТИНЪ.

Что за праздниѣ такой? Кажется, такіе параты у насъ раза три въ годъ бывають не больше.

ОГУРЕВНА.

Съ гостями сидятъ.

ОЛЬГА.

Съ какими гостями?

ОГУРЕВНА.

Аполлинарія Памфиловна съ Исай Данилычемъ приѣхали, за нимъ давеча нарочно послали.

КОНСТАНТИНЪ (*Омь*).

Поняла?

ОЛЬГА.

Ничего не понимаю.

КОНСТАНТИНЪ.

Завѣщаніе.

ОЛЬГА.

Какое завѣщаніе?

КОНСТАНТИНЪ.

Дяденька давно собирались завѣщаніе писать, только хотѣли посоветоваться съ Исаемъ Данилычемъ, такъ какъ онъ подрядчикъ, съ казной имѣлъ дѣло, и значитъ, всѣ законы знаетъ. А мы съ дяденькой никогда и понятія не знали, какіе такіе въ Россіи законы существуютъ, потому намъ не для чего.

ОГУРЕВНА.

Да, да, писать что-то хотятъ—это вѣрно; у приказчика Ераста врандашъ и бумагу требовали.

КОНСТАНТИНЪ (*Омь*).

Слышишь?

ОЛЬГА.

Ну, такъ что-жь?

КОНСТАНТИНЪ.

Не твоего ума дѣло. Огуревна, поди свяжи дяденькѣ, молъ, Константинъ Лукичъ желаютъ войти, такъ можно ли?

ОГУРЕВНА.

Хорошо, батюшка. (*Уходитъ нальво*).

Ольга.

Зачѣмъ ты пойдешь?

Константинъ.

Разговаривать буду.

Ольга.

Въ такомъ-то видѣ?

Константинъ.

Я всегда умѣю, что пьяный, что трезвый; еще пьяный лучше, потому у меня тогда мысли свободнѣе.

Ольга.

Объ чемъ же ты будешь разговаривать?

Константинъ.

Мое дѣло. Обо всемъ буду разговаривать. Никакого завѣщанія не нужно; дяденька долженъ мнѣ наслѣдство оставить; я единственный... понимаешь... И потому еще, что я, въ надеждѣ на дяденькино наслѣдство, все свое состояніе прожилъ.

Ольга.

А кто тебѣ велѣлъ?

Константинъ.

Не разговаривай! Если дяденька мнѣ ничего не оставитъ, мы должны будемъ въ кулаки свистѣть и я даже могу попасть въ число несостоятельныхъ, со всѣми послѣдствіями, вторыя изъ этого проистекають. (*Входитъ Огуревна*).

Огуревна.

Пожалуйте!

Ольга.

И я съ тобой пойду.

Константинъ (*отстраняя жену*).

Маршъ за шамбаумъ! Нечего тебѣ тамъ дѣлать. Разговоръ будетъ умственный. Тетенька и Аполлинарія Панфиловна должны сейчасъ сюда придти: либо ихъ попросятъ вонъ, либо онѣ сами догадаются, что при нашемъ разговорѣ онѣ не при чемъ, а только мѣшаютъ; потому это дѣло на много градусовъ выше женсваго соображенія. (*Уходитъ нальво. Съ той же стороны входятъ: Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА, АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА,
ОЛЬГА И ОГУРЕВНА.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Здравствуй, Оленька!

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуй, Оленька!

Вѣра Филипповна.

Садитесь милости прошу, гости дорогія!

Огуревна.

Матушка, Вѣра Филипповна, чай-то сюда приважете подавать, аль сами къ самоварчику сядете?

Вѣра Филипповна.

Да онъ готовъ у тебя?

Огуревна.

Въ минуту закипитъ, ужъ зашумѣлъ.

Аполлинарія Панфиловна.

А ты ему шумѣть-то много не давай. Другой самоваръ ворчливѣй хозяина, расшумится такъ, что и не уймешь.

Вѣра Филипповна.

Сейчасъ придемъ, Огуревна (*Огуревна уходитъ*). Я ожидаю, когда самъ выйдетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Что это вы, Вѣра Филипповна, точно русачка изъ Телѣжной улицы, мужа-то «самъ» называете!

Ольга.

Тетенька всегда такъ.

Вѣра Филипповна.

Мы съ Потапъ Потапычемъ люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно. Какъ его ни называй: мужъ, хозяинъ, самъ—все онъ большой въ домѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, нѣтъ, разниа. «Хозяинъ» — ужъ это совсѣмъ низко, у насъ кучерова жена своего мужа хозяиномъ зоветъ; а и «самъ» тоже развѣ ужъ которыя еще въ платочкахъ ходять.

Ольга.

А кто нынче въ платочкахъ-то ходить! Всѣ и лавочницы давно шляпки понадѣли.

Аполлинарія Панфиловна.

Нынче купчихи себя высоко, охъ, высоко держать, ни въ чемъ иностранкамъ уступить не хотятъ... снаружи-то.

Вѣра Филипповна.

Слышала я, по слуху-то и я знаю. Что-жъ мудренаго. Люди людей видять, одинъ отъ другого занимаются. Только я одна двадцать лѣтъ свѣту божьяго не вижу, такъ мнѣ и заняться не отъ кого. Чтò это Потапъ Потапычъ съ Исаемъ Данилычемъ за-толковались!

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Стало быть, дѣло есть. Развѣ не слышали?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Ничего не слыхала.

ОЛЬГА.

Напрасно вы, тетенька, скрываете отъ насъ; мы и сами довольно хорошо знаемъ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Мнѣ Исая Данилычъ говорилъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

А мнѣ Потапъ Потапычъ ничего не сказывалъ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

По заслугамъ и награда.

ОЛЬГА.

Отчего-жъ не награждать, коли кто стоитъ; всякій волѣнъ въ своемъ добрѣ; только и другихъ тоже обижать не нужно.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Зачѣмъ обижать! Сохрани Богъ! Только не знаю я, про какую награду вы говорите.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Завѣщаніе пишутъ, ВѢРА ФИЛИППОВНА, завѣщаніе.

ВѢРА ФИЛИППОВНА *(съ испугомъ)*.

Завѣщаніе? Какое завѣщаніе, зачѣмъ? Потапъ Потапычъ на здоровье не жалуется; онъ, кажется... слава Богу.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Осторожность не мѣшаетъ; въ животѣ и смерти Богъ волѣнъ. А ну, вдругъ... Значить, надо впередъ подумать, да успокоить кого любишь. Вотъ, молъ, не сомнѣвайтесь, все вамъ предоставлю, всякое счастье, всякое удовольствіе.

ОЛЬГА.

Какъ же, тетенька, неужели-жъ вы этого не ожидали?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Не ожидала, да и не думала никогда.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Какъ чай не думать! Развѣ вы богатству не рады будете?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, очень рада.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Ну, еще бы!

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Я много бѣднымъ помогаю, такъ часто не хватаетъ; а у По-

тапа Потапыча просить боюсь; а кабы я богата была, мнѣ бы рай, а не житье. (*Входит Оуревна*).

О Г У Р Е В Н А.

Я, матушка, на счетъ варенья.

ВЪРА Филипповна.

Сейчасъ приду. (*Оуревна уходитъ*). Извините, гости дорогія! (*Уходитъ*).

О Л Ъ Г А.

«Для бѣдныхъ». Рассказывай тутъ! И мы люди небогатые.

Аполлинарія Панфиловна.

Надо ей говорить-то что-нибудь. (*Входитъ Вѣра Филипповна*). Вы говорите, что не думали о богатствѣ? Да кто-жъ этому повѣрить! Не безъ разсчета-жъ вы шли за старика. Жили бы въ бѣдности...

ВЪРА Филипповна.

Я и не оправдываюсь; я не святая. Да и много ли у насъ, въ купечествѣ, дѣвушекъ по любви-то выходятъ? Все больше по разсчету, да еще не по своему, а по родительскому. Родители подумаютъ, разочтутъ и выдадутъ, вотъ и все тутъ. Маменька все сокрушалась, какъ ей быть со мной при нашей бѣдности; разумѣется, какъ посватался Потапъ Потапычъ, она обѣими руками перекрестилась. Развѣ я могла не послушаться маменьки, не утѣшить ее!

Аполлинарія Панфиловна.

Послушались маменьку и полюбили богатаго старичка.

О Л Ъ Г А.

Какъ богатаго не полюбить! Да я бы сейчасъ...

ВЪРА Филипповна.

Богатаго труднѣй полюбить. За что я его буду любить! Ему и такъ жить хорошо. Бѣднаго скорѣй полюбишь. Будешь думать, «того у него нѣтъ, другого нѣтъ», станешь жалѣть и любишь.

Аполлинарія Панфиловна.

Ужъ на маменьку только слава; чай и сами были не прочь за Потапа Потапыча идти. Всякому хочется получше пожить, особливо кто изъ бѣдности.

ВЪРА Филипповна.

«Получше пожить». Да жида ли я, спросите! Моей жизни заводить нечему. Я двадцать лѣтъ свѣту не видала; мнѣ только и выходу было, что въ церковь. Нѣтъ, виновата, въ первую зиму, какъ я замужъ вышла, въ театръ было поѣхали.

Аполлинарія Панфиловна.

Да не доѣхали, что ли?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, хуже.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Смѣшнѣе?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Кому какъ. Только что я сѣла въ ложу, кто-то изъ кресель на меня въ трубку и посмотрѣлъ; Потапъ Потапычъ какъ всплылъ: «что, говорить, онъ глаза-то пялитъ, чего не видывалъ! собирайся домой!» Такъ и уѣхали до начала представленія. Да съ тѣхъ поръ, вотъ ужъ двадцатый годъ и сижу дома. Я ужъ не говорю о театрахъ, о гуляньяхъ...

ОЛЬГА.

Какъ, тетенька, неужели же ни въ Сокольники, ни въ Паркъ, ни въ Эрмитажъ?..

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Какіе Сокольники, какой Эрмитажъ! я объ нихъ и понятія не имѣю.

ОЛЬГА.

Однако, тетенька.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да, ужъ нынче такихъ антиковъ не много, чтобъ Сокольниковъ не знать.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ну, да ужъ такъ и быть. Сначала-то и горько было и обидно, и до смертной тоски доходило, что все въ заперти сижу; а потомъ, слава-Богу, прошло, къ бѣднымъ привязалась; да такъ обидѣлась дома, что самой страшно подумать: какъ это я на гулянье поѣду? Да ужъ Богъ съ ними, съ гуляньями и театрами. Говорятъ, тамъ соблазну много. Да вѣдь на бѣломъ свѣтѣ не все-жъ дурное, есть что-нибудь и хорошее, я и хорошаго-то не видала, ничего и не знаю. Для меня Москва-то, какъ лѣсъ; пути меня одну, такъ я подлѣ дома заблужусь. Твердо дорогу знаю только въ церковь, да въ барю. И теперь, какъ выѣду, такъ словно дитя малое, на дома, да на церкви люблюсь; все-то мнѣ въ диковину.

ОЛЬГА.

Все-жъ-таки выѣзжали куда-нибудь?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Выѣздъ мой, милая, былъ раза два-три въ годъ по магазинамъ за нарядами, да и то всегда самъ со мной ѣздила. Портниха и башмачникъ на домъ приходятъ. Мѣхъ понадобится, такъ на другое утро, я еще не проснулась, а ужъ въ залъ по всему полу мѣха разостланы, выбирай любой. Шляпку захочу, такъ

тоже мадамъ полную карету картоновъ привезеть. О вещахъ дорогихъ и говорить нечего: Потапъ Потапычъ чуть не каждую недѣлю возилъ, то серыги, то кольцо, то брошку. Хоть надѣвать некуда, а все-таки занятіе: поутру встану, переберу да перемяжу все—время-то незамѣтно и пройдетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Сидѣли дома съ Потапъ Потапычемъ, да другъ на друга любовались. Что-жь, любезное дѣло!

Вѣра Филипповна.

И любоваться-то не приходилось. Еще теперь, какъ Потапъ Потапычъ сталъ здоровьемъ припадать, такъ иной день и дома просидитъ; а прежде по буднямъ я его днемъ-то и не видала. Изъ городу въ трактиръ, либо въ клубъ, и жди его до трехъ часовъ утра. Прежде ждала, беспокоилась; а потомъ ужъ и ждать перестала, такъ не спится съ чего спать-то! А по праздникамъ: отъ поздней обѣдни за обѣдъ, потомъ отдохнетъ часа три, проснется, чаю напьется; «скучно, говорить, съ тобой. Поѣду въ карты играть». И нѣтъ его до утра. Вотъ и сижу я одна; въ окна-то у насъ, черезъ садъ, чуть не всю Москву видно, сижу и утро и вечеръ, и день и ночь, гляжу, слушаю. А по Москвѣ гуль идетъ, какой-то шумъ, стучать колеса; думаешь: вѣдь это люди живутъ, что-нибудь дѣлаютъ, воли такой шумъ отъ Москвы-то.

Аполлинарія Панфиловна.

Житейское море волнуется.

Вѣра Филипповна.

Думала приемыша взять, сиротку, чтобъ не такъ скучно было; Потапъ Потапычъ не велитъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Сироту взять, такъ веселѣе будетъ.

Вѣра Филипповна.

Только чтобъ не самага крошечнаго, не грудного.

Аполлинарія Панфиловна.

Нѣтъ, зачѣмъ! Такъ лѣтъ двадцати пяти, вудравенькаго. Отъ скуки пріятно.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, что вы, какъ вамъ не стыдно! Безъ шутокъ вамъ говорю, помѣшаться можно было. Какъ я тогда съ ума не сошла, такъ это дивиться надо.

Аполлинарія Панфиловна.

Старики ужъ всегда ревнивы.

Вѣра Филипповна.

Да что меня ревновать-то! Я въ двадцать лѣтъ не взглянула

ни разу на посторонняго мужчину. Въ чемъ другомъ не похва-
люсь, а этого грѣха нѣтъ за мной, чиста душа моя.

Аполлиарія Панфиловна.

Ну, не говорите! Испушенія не было, такъ и грѣха нѣтъ.
Врагъ-то силенъ, поручиться за себя никакъ нельзя.

Ольга.

Это правда, тетенька. Вы по вечерамъ и по баламъ не ѣздите;
а посмотрѣли бы тамъ какіе мужчины бываютъ. Умные, ловкіе,
образованные; не то что...

Аполлиарія Панфиловна.

«Не то что мужья наши». Ай, Олинька! Вотъ умница! А вѣдь
правду она говорить: пока не видишь другихъ людей, такъ и
свои хороши кажутся; а какъ сравнишь, такъ на свое-то и гля-
дѣть не хочется.

Вѣра Филипповна.

Что вы, что вы! какъ вамъ не грѣхъ!

Ольга.

Да вѣдь мы, тетенька, не слѣпцы. Конечно, обязанность есть
наша любить мужа, такъ ее исполняешь; а вѣдь глаза-то на
что-нибудь даны. Что невѣжа и дуракъ, а что образованный
человѣкъ, разобратъ-то не хитрость.

Аполлиарія Панфиловна.

Не видали вы настоящихъ-то мужчинъ, такъ хорошо вамъ
разговаривать. И первый человѣкъ грѣха не миноваль, да и по-
слѣдній не минуетъ. Грѣхъ сладокъ, а человѣкъ падокъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, и слава Богу, что съ молоду испушенія не было; а ужъ
теперь и бояться нечего, мое время прошло.

Аполлиарія Панфиловна.

Какіе ваши года! Мнѣ и подъ пятьдесятъ лѣтъ, да я за себя
не поручусь.

Ольга.

Я, кажется, до семидесяти лѣтъ влюбляться буду. А то и
жить-то не зачѣмъ, какой интересъ! А тутъ вдругъ какъ-то тепло
на душѣ. А то какая наша жизнь? Цей, ѣшь да спи!

Аполлиарія Панфиловна.

Я тоже не люблю, чтобъ безъ занятія. Ужъ, само собой, не
любовь—гдѣ ужъ! Хотъ и не заекаиваюсь. А чтобъ были мнѣ хло-
поты: или сватать, или, когда молодая женщина запутается,
такъ поучишь ее, какъ изъ бѣды вынырнуть, мужу глаза отвести.

Ольга.

Да что, въ самомъ дѣлѣ, тетенька, мы не люди, что ли! По-
смотрите-ка, что мужчины-то дѣлаютъ, какую они себѣ льготу

даютъ! Чтѣ они, боятся, аль стыдятся чего! Какая только придетъ имъ въ голову фантазія, все и исполняютъ. А отъ насъ требуютъ, чтобъ не только мы законъ соблюдали, а въ душѣ и помысленіи непорочность имѣли. Какъ еще они, при своей такой безобразной жизни, смѣютъ отъ насъ чего-то требовать! Да возьми такой мужъ въ самомъ дѣлѣ-то хорошую, да благородную дѣвушку, такъ она черезъ три дня плюнетъ на него да убѣжитъ, куда глаза глядятъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Недавно за-мужемъ, а какъ разговариваешь! Скоро жизнь-то раскусила.

Ольга.

Раскусишь. Я пла за-мужь-то, какъ голубка была, а мужъ меня черезъ недѣлю по трактирамъ повезъ арфистокъ слушать; сажалъ ихъ за одинъ столъ со мной, обнимался съ ними; а что говорили, такъ у меня волоса дыбомъ подымались.

Вѣра Филипповна.

Я такія рѣчи въ первый разъ слышу.

Аполлинарія Панфиловна.

Да вольно-жъ вамъ людей-то дичиться. Вы ужъ спѣсивы очень. Пожаловали бы когда къ намъ за просто, или меня къ себѣ приглашали почаще; угощенья для меня особеннаго не нужно: былъ бы чай, да бутылка мадеры—вотъ и все.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ по гостямъ! Я одичала очей, мнѣ и людей-то видѣть тяжело. И разъ-то въ годъ выдѣшься, а въ ча просидишь въ гостяхъ, а тамъ ужъ и скучно, домѣ гнетъ.

Ольга.

Теперь не прежнее время, не въ заперти живете; вотъ бы и начали выѣзжать понемножку, привыкать къ людямъ.

Вѣра Филипповна.

Разница-то невелика: прежде въ заперти жила, а теперь сама усѣлась дома. Вотъ только одно мое удовольствіе, по монастырямъ стала ѣздить: въ Симоновъ, въ Новоспаскій, въ Андроньевъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Раненько за богомолье-то принялись.

Вѣра Филипповна.

Да хорошо тамъ очень: когда небольшой праздникъ, тамъ народу немного, тихо таково, просторно, поютъ хорошо. Выдѣшь за ограду, по бульварчику походишь, на Москву поглядишь, старушекъ богомолекъ найдешь, съ ними потолкуешь. (*Входитъ Оуревна*). Что ты?

ОГУРЕВНА.

Сумлѣваюсь на счетъ лимону.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Я сейчасъ, гостя дорогія. (*Уходитъ съ Огуревной*).

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

По монастырямъ стала ѣздить! Надо подсмотрѣть за ней; въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли сироты какого.

ОЛГА.

Нѣтъ, не похоже.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Смотри ей въ зубы-то! Я очень тихимъ-то не вѣрю. Знаешь пословицу: въ тихомъ омутѣ...? (*Входитъ Вѣра Филипповна*).

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Сюда прикажете чай подать, или туда пойдете? Сюда и мужчины придутъ; вонъ, кажется, Потапъ Потапычъ подвигается.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Лучше мы къ самовару присосѣдимся; я не люблю съ мужчинами-то; не привыкли мы въ перемѣшку-то. Простору нѣтъ, разговоръ не тотъ; я въ разговорѣ свободна, стѣснять себя не люблю. Мужчины врутъ сами по себѣ, а мы сами по себѣ, и имъ свободнѣй и намъ вольнѣй. Любезное дѣло! А вмѣстѣ одна кашитель, а не разговоръ. Я съ прибавленіемъ люблю чай-то; неравно при мужчинахъ-то невзначай лишнее перельешь, такъ и совѣстно.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Какъ вамъ угодно. Пожалуйста! (*Уходятъ: Аполлинарія Панфиловна, Ольга, Вѣра Филипповна. Входятъ: Каркуновъ, въ рубашкѣ, бумага и карандашъ, Халымовъ, Константинъ Каркуновъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

КАРКУНОВЪ, ХАЛЫМОВЪ И КОНСТАНТИНЪ КАРКУНОВЪ.

КОНСТАНТИНЪ.

Помилуйте дяденька!.. Къ чему, къ чему?.. Ни къ чему это не ведетъ.

КАРКУНОВЪ.

Помолчи, ты, помолчи! (*Халымову*). Ахъ, кумъ ты мой милый, вотъ ужъ спасибо, вотъ ужъ спасибо!

ХАЛЫМОВЪ.

Да за что?

КАРКУНОВЪ.

Какъ, за что? Я тебѣ шепнулъ: «пріѣзжай моль», а ты и пріѣхалъ.

ХАЛЫМОВЪ.

Да чудакъ: зовешь въ гости, какъ не поѣхать! Отъ хлѣба-соли кто же отказывается!

КАРКУНОВЪ.

Да я еще тебя хлѣбомъ-то не кормилъ; я какъ ты пріѣхалъ, такъ за дѣло тебя; говорю: «помоги!..»

ХАЛЫМОВЪ.

Да какое дѣло-то! Гроша оно мѣднаго не стоитъ; эка невидаль, завѣщаніе написать! Было-бъ что отказывать; а коли есть, такъ не хитро: тутъ вся твоя воля, что хочешь, то и пиши!

КАРКУНОВЪ.

Нѣтъ, ты не говори! Вотъ у насъ тутъ по сосѣдству адвокатишко проживаетъ, такъ паршивенькій; а и тотъ триста рублей проситъ.

ХАЛЫМОВЪ.

Еще мало запросилъ. Вольно-жъ тебѣ за адвокатами посылать.

КОНСТАНТИНЪ.

Да помилуйте! Коли есть единственный... такъ въ чему? Одни вляузы!

КАРКУНОВЪ.

Погоди! Ты помолчи, помолчи!

ХАЛЫМОВЪ.

Взялъ листъ, и пиши!

КАРКУНОВЪ.

«Пиши», ишь ты! Чтò я напишу, чтò я знаю! Какъ напьемся хорошенько, такъ «мыслете» писать наше дѣло; а перо-то возьми, такъ вѣдь надо, чтобъ оно слушалось. А коли не слушается, такъ что-жъ ты тутъ! Ничего не подѣлаешь.

ХАЛЫМОВЪ.

А ты его возьми покрѣпче въ руки-то, да и пиши съ первоначалу съ Божьего благословія: во имя и прочее...

КАРКУНОВЪ.

Такъ, такъ, съ Божьего благословія; нельзя безъ этого, нельзя. Этò ужъ первое дѣло. (*Константину*) Ты незванный пришелъ, такъ вотъ тебѣ бумага и врандашъ. Пиши! (*Отдаетъ бумагу и карандашъ*). Пиши, что сказано.

КОНСТАНТИНЪ.

Да позвольте! Коли я единственный...

КАРКУНОВЪ.

Молчи, молчи! (*Константинъ садится къ столу*). Что ему писать-то?

Х А Л И М О В Ъ .

Потомъ пиши: во-первыхъ...

К А Р К У Н О В Ъ .

Константинъ, пиши: во-первыхъ...

Х А Л И М О В Ъ .

«Поручаю душу мою Богу»...

К А Р К У Н О В Ъ (вздыхая).

Охъ, охъ! Да, да. (Константинъ пишетъ).

Х А Л И М О В Ъ .

А грѣшное тѣло мое предать землѣ по христіанскому обряду.

К А Р К У Н О В Ъ .

По христіанскому, по христіанскому, да, да, по христіанскому, чтобы ужъ какъ слѣдуетъ.

Х А Л И М О В Ъ .

Теперь на счетъ пѣвчихъ... Какихъ тебѣ будетъ пріятіе: Чудовскихъ или Нешумовскихъ?

К А Р К У Н О В Ъ .

Чудовскихъ пріятіе, другъ ты мой любезный, пріятіе.

Х А Л И М О В Ъ .

Ну, и пиши «Чудовскихъ».

К А Р К У Н О В Ъ .

Константинъ, запиши «Чудовскихъ»!

Х А Л И М О В Ъ .

Теперь покровъ на гробъ... хочешь парчевый, хочешь глазетовый. Нынче этотъ товаръ до тонкости доведенъ, въ Парижѣ на выставкѣ былъ.

К А Р К У Н О В Ъ .

Надъ этимъ задумаешься, кумъ, задумаешься.

Х А Л И М О В Ъ .

Да какъ не задумаешься; дѣло большого разсудка требуетъ. А ты вели принести образчиковъ, да который тебѣ къ лицу, тотъ и обозначь; узорчикъ повеселѣй выбери. Да вотъ еще забыли: прежде всего надо: «находясь въ здоровомъ умѣ». Чтò забыли-то! Да и въ правду, въ здоровомъ мы умѣ, аль нѣтъ?

К А Р К У Н О В Ъ .

Въ здоровомъ, въ здоровомъ, куда хочешь. Константинъ, поставь впереди: «въ здоровомъ умѣ».

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ .

Ну, ужъ сомнѣваюсь!

К А Р К У Н О В Ъ .

Пиши, пиши, не твое дѣло!

Х А Л И М О В Ъ .

«И твердой памяти».

Т. ССXLVIII.—Отд. I.

КАРКУНОВЪ.

Ну, насчетъ памяти... противъ прежняго не то.

ХАЛЫМОВЪ.

Да вѣдь помнишь всѣхъ, кто тебѣ долженъ?

КАРКУНОВЪ.

Всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ.

ХАЛЫМОВЪ.

Значить, твердая. Можетъ быть, забываешь, кому самъ долженъ? Такъ не бѣда, напомнять. Ну, главное дѣло, кончено, теперь ужъ пустяки. Вотъ пиши: любезной супругѣ моей, Вѣрѣ Филипповнѣ, за ея любовь ко мнѣ и всегдашнія попеченія...

КАРКУНОВЪ.

Да, да, всегдашнія попеченія.

ХАЛЫМОВЪ.

Ну, тамъ что знаешь.

КАРКУНОВЪ.

Пиши, Константинъ: «все движимое и недвижимое имѣнiе и миллионъ денегъ».

КОНСТАНТИНЪ.

Да, позвольте, дяденька.

КАРКУНОВЪ.

Молчи, молчи! Стѣитъ, стѣитъ, больше стѣитъ.

ХАЛЫМОВЪ.

Ужъ это твое дѣло.

КАРКУНОВЪ.

Больше стѣитъ, больше стѣитъ. Только вотъ что, кумъ, охъ!..

ХАЛЫМОВЪ.

Что случилось?

КАРКУНОВЪ.

Оставляю я ей миллионъ, а она съ моими деньгами-то замужъ, либо любовника.

ХАЛЫМОВЪ.

Да тебѣ-то что за дѣло! Ужъ тамъ, какъ знаетъ, какъ ей лучше.

КАРКУНОВЪ.

Нѣтъ, такъ нельзя, такъ нельзя: мои деньги-то. Она выйдетъ замужъ, да еще подсмѣется съ мужемъ-то надъ старикомъ.

ХАЛЫМОВЪ.

Да и подсмѣются, ничего не подѣлаешь.

КАРКУНОВЪ.

Нѣтъ, вотъ какъ: любезной супругѣ моей, Вѣрѣ Филипповнѣ, коли не выдетъ она замужъ и не заведетъ любовника, миллионъ.

ХАЛИМОВЪ.

Нельзя такъ написать-то, кумъ.

КАРБУНОВЪ.

Отчего, кумъ?

ХАЛИМОВЪ.

Скажутъ, что не въ здоровомъ разсудкѣ.

КАРБУНОВЪ.

Такъ мы этого писать не будемъ, не осраимъ себя, кумъ, не осраимъ. Я вотъ что: я велю ей образъ со стѣны снять, да пожитья. Такъ, кумъ?

ХАЛИМОВЪ.

Такъ, такъ. Да вѣдь и она не глупа, она образъ-то, на которомъ божилась, повернетъ къ стѣнѣ, либо вовсе изъ комнаты вынесетъ, чтобы свидѣтелей не было; да и сдѣлаетъ, что хочетъ.

КАРБУНОВЪ.

Опять бѣда! Вотъ горе-то мое, горе!

ХАЛИМОВЪ.

Ну, какъ не горе! Всю жизнь мучилъ жену, хочешь и погребъ смерти потиранишь, да никакъ не придумаешь. Да она честно жила съ тобой?

КАРБУНОВЪ.

Честно, честно. Что тутъ говорить — святая!

ХАЛИМОВЪ.

Всякій твой капризъ, всякую блажь исполняла?

КАРБУНОВЪ.

Исполняла, исполняла.

ХАЛИМОВЪ.

Стѣить это чего-нибудь?

КАРБУНОВЪ.

Стѣить, стѣить, какъ не стѣить!

ХАЛИМОВЪ.

Ну, чего это стѣить, то ты и дай ей; да ужь и не печалься больше, пусть живетъ, какъ сама знаетъ.

КАРБУНОВЪ.

Нѣтъ, мало, мало (*Константину*). Да что тутъ! Пиши: безъ всякихъ условіевъ миллионъ.

КОНСТАНТИНЪ.

Ужь это, дяденька, даже довольно глупо, позвольте вамъ сказать.

КАРБУНОВЪ.

Ты молчи! Ты долженъ къ дядѣ со всякимъ уваженіемъ.

*

Константинь.

Я со всякимъ уваженіемъ; а ежели что неумно, такъ поневолю скажешь «глупо».

Халымовъ.

Пойдемъ дальше помаленьку! Теперь племяннику... «Племяннику моему, Константину Лукичу Каркунову, за его почтительность и хорошее поведеніе...»

Каркуновъ.

Пиши, Константинь: племяннику моему...

Константинь.

Написаль.

Каркуновъ.

Вся моя торговля, фабричное заведеніе, oprичъ стѣнъ, товары, векселя и миллионъ денегъ.

Константинь.

Я такъ понимаю, что это только одна шутка съ вашей стороны.

Каркуновъ.

Только, чтобъ онъ вѣчно поминалъ меня, а свое пьянство и безобразіе оставилъ.

Константинь.

Безобразіемъ-то, дяденька, мы вмѣстѣ занимались; ежели я и пьянствовалъ, такъ для вашего удовольствія.

Каркуновъ.

И чтобъ всю жизнь онъ чувствовалъ.

Халымовъ.

Опять ты съ чувствами! А если онъ чувствовать не будетъ?

Каркуновъ.

Тогда деньги отобрать.

Халымовъ.

Нѣтъ, ты эти аллегоріи брось! Никто такого твоего завѣщанія не утвердитъ.

Константинь.

Оставьте! Пушай не утверждать; тѣмъ лучше, все мнѣ и достанется.

Каркуновъ.

Ишь ты какой ловкій! Пиши: миллионъ! Миллионъ тебѣ—вотъ и все.

Константинь.

Одна только прокламація, больше ничего.

Халымовъ.

Ну, еще что? Кому еще соблаговолишь?

КАРКУНОВЪ.

Приказчику моему, Ерасту... Пиши: ему десять тысячъ! Давай бумагу, ступай! Объ остальномъ безъ тебя порѣшимъ.

КОНСТАНТИНЪ.

Ну, дяденька, не ожидажь. Кажется, знаете, какой я человекъ! Можно довѣриться безъ сумлѣнія. Стоитъ вамъ приказать словесно: выдай тому столько-то, тому столько-то: въ точности исполню. Наслѣдникъ у васъ одинъ я, а вы какую-то моду выдумали—завѣщаніе писать. Смѣшно даже.

КАРКУНОВЪ.

Ну, хорошо, хорошо, ступай! Обиженъ не будешь (*Константинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРКУНОВЪ И ХАЛЫМОВЪ.

КАРКУНОВЪ (*осмотрѣвъ въ двери*).

Ну, кумъ, вотъ ужъ теперь ты мнѣ помоги, въ ножки поклонюсь! Возьми бумажку-то! (*Подаетъ бумагу, писанную Константиномъ*). Захерь, всю захерь! Да напиши ты мнѣ все завѣщаніе снова! При племянникѣ я правды-то говорить не хотѣлъ.

ХАЛЫМОВЪ.

А въ чемъ твоя правда-то?

КАРКУНОВЪ.

Грѣшный я, ахъ, какой грѣшный человекъ! Чтò грѣховъ, чтò грѣховъ! Чтò неправды на душѣ, чтò обиды людямъ, чтò всякаго угнетенія!

ХАЛЫМОВЪ.

Ну, такъ что же?

КАРКУНОВЪ.

Такъ надо, чтобъ за мою душу много народу молилось; выкупать надо душу-то изъ аду кромѣшнаго.

ХАЛЫМОВЪ.

Какъ же ты ее выкупишь?

КАРКУНОВЪ.

А вотъ какъ: ни женѣ, ни племяннику ничего, такъ развѣ малость какую. На нихъ надежда плоха, они не умолятъ. Все на обѣднхъ, неимущихъ, чтобы молились. Вотъ и роспиши! Ты порядокъ-то знаешь: туда столько, въ другое мѣсто столько, чтобы вѣчное поминовеніе, на вѣчныя времена... на вѣчныя. А вотъ

тебѣ записочка, что у меня есть наличными и прочимъ имуществомъ. (*Достаетъ изъ кармана бумажку и подаетъ Халымову*).

Халымовъ.

Ого! Сколько у тебя наличныхъ-то! Гдѣ же ты ихъ держишь?

Коркуновъ.

Дома, кумъ, вонъ въ шеапу.

Халымовъ.

Ты живешь въ захоlustѣ, кругомъ пустыри; налетятъ молодцы, увезутъ у тебя деньги-то и съ твоимъ дорогимъ шкапомъ вмѣстѣ.

Коркуновъ.

Не боюсь, кумъ, нѣтъ. Нынче, кумъ, люди-то умны, говорятъ, стали; такъ и я съ людьми поузнѣлъ. Вотъ видишь, двѣ пуговки! (*Показываетъ двѣ пуговки подлѣ шкафа*). Электрической звонокъ! А? Умственная штука, кумъ, умственная штука! Одну пуговку нажму—всѣ молодцы и дворники тутъ, а другую — сто человекъ фабричныхъ черезъ двѣ минуты здѣсь будутъ.

Халымовъ.

Ну, кумъ, задалъ ты мнѣ задачу!

Каркуновъ.

Сдѣлай милость! Будь другъ! Трепещу, трепещу; что грѣховъ-то, что грѣховъ-то, что всякаго окаянства!

Халымовъ.

Какъ же ты жену-то обидишь, за что?

Каркуновъ.

Да, да... жена у меня душа ангельская, голубица чистая. Какъ подумаю, кумъ, про нее, такъ слезы у меня. Вотъ видишь, слезы. Заморилъ я ее, всю жизнь загубилъ... Да что же... мое вѣдь... кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вотъ еще приказчикъ... Я у пріятеля сыночка взялъ, общалъ въ люди вывести, наградить... а не вывелъ. И жалованье-то платилъ малое, все посулами проводилъ... И объ немъ тоже, видишь, плачу. Только у меня и дорогого-то, что жена да приказчикъ; а душа-то все-таки дороже... Можно ему что-нибудь изъ платья... шубу старую. Такъ и напиши!

Халымовъ.

Напишу, что съ тобой дѣлать! Только будетъ ли польза душѣ-то?

Каркуновъ.

Будетъ, будетъ; съ умными людьми совѣтовался, съ благочестивыми... И больше все, чтобы по мелочамъ, въ раздачу нищей братіи, по гривнѣ сто тысячъ, по пятаку триста.

Х А Л Ы М О В Ъ.

Это хорошо, это по крайности цѣликомъ въ казну поступить; казнѣ деньги нужны.

К А Р К У Н О В Ъ.

Какъ, кумъ, въ казну?

Х А Л Ы М О В Ъ.

Черезъ акцизное управленіе. Питейныя заведенія заторгуютъ хорошо.

К А Р К У Н О В Ъ.

Ну, что-жь, пушай! Все-таки каждый передъ ставаномъ-то помянетъ добрымъ словомъ.

Х А Л Ы М О В Ъ.

Передъ первымъ помянетъ, а на другой не хватить денегъ, такъ тебя-жь и обругаетъ.

К А Р К У Н О В Ъ.

Ничего, нужды нѣтъ; хоть разъ перекрестится, да вздохнетъ на образъ, все-таки душѣ-то легче. (*Растворяетъ двери*). Вѣра Филипповна, Костя!.. А! и ты, Ерасть, здѣсь! Войдите, войдите! (*Входятъ: Вѣра Филипповна, Константинъ, Ерасть*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

К А Р К У Н О В Ъ, Х А Л Ы М О В Ъ, ВѢРА ФИЛИППОВНА, К О Н С Т А Н Т И Н Ъ и Е Р А С Т Ъ.

К А Р К У Н О В Ъ.

Ну, супруга любезная, ну, племянничекъ дорогой, и ты, Ерасть! молитесь Богу, молитесь Богу! Всѣхъ, всѣхъ наградили, всю жизнь поминать будете.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Благодарю покорно, Потапъ Потапычъ! Не надо мнѣ ничего; а коли ваша такая любовь ко мнѣ, такъ за любовь вашу, я должна васъ поминать всегда и всегда за васъ Богу молить.

Е Р А С Т Ъ.

Покорно благодарю, Потапъ Потапычъ, что труды мои цѣните, даже сверхъ заслугъ.

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ.

Извините, дядинька, мнѣ благодарить не за что. Конечно, на все ваша воля, а коли разсудить правильно, такъ и безъ того все мое.

К А Р К У Н О В Ъ.

А коли твое, такъ твое и будетъ; никого не обижу, никого.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Сюда чай прикажете, или къ намъ пожалуете?

КАРКУНОВЪ.

Пойдемъ, кумъ, къ бабамъ, пойдемъ балагурить, зубы точить.
(Уходятъ Каркуновъ и Халымовъ).

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Пожалуйте! Константинъ Лукичъ, Ерасть... приходите!

КОНСТАНТИНЪ.

Увольте, тетенька, мы не желаемъ. (Въра Филипповна уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

КОНСТАНТИНЪ И ЕРАСТЬ.

КОНСТАНТИНЪ.

Ну, Ерасть, дѣло табакъ.

ЕРАСТЬ.

О чемъ твой разговоръ и какъ его понимать?

КОНСТАНТИНЪ.

Намъ съ тобой зубы на полку.

ЕРАСТЬ.

Почему такъ полагаешь?

КОНСТАНТИНЪ.

Все теткѣ—шабашъ!

ЕРАСТЬ.

Что-жь, послужимъ и ей.

КОНСТАНТИНЪ.

Не придется.

ЕРАСТЬ.

Отъ чего-жь не служить, мы не хуже людей?

КОНСТАНТИНЪ.

Ты думаешь, она при милліонахъ-то съ фабриками, да съ торговлей путаться будетъ? Какъ же, очень ей нужно! Оборотеть все въ деньги, да замужъ за благороднаго.

ЕРАСТЬ.

Пожалуй; мудренаго нѣтъ.

КОНСТАНТИНЪ.

А мы съ тобой на собахъ останемся.

ЕРАСТЬ.

Такъ неужто-жь вся моя служба за даромъ пропадетъ?

Константинь.

А ты благодарности ждешь?.. Отъ дяди-то? Жди, жди! Онъ не нынче, такъ завтра тебя по шапкѣ скамандуетъ.

Ерасть.

За что, про что?

Константинь.

Здорово живешь. Къ расчету ближе. Ты, по своимъ трудамъ, стоишь много, а ему жаль тебѣ прибавить; ну, известное дѣло, придерется къ чему, распухнетъ, да и прогонитъ. У нихъ, у хозяевъ, одна политика-то.

Ерасть.

Однако, призадумался. Надо мѣсто искать.

Константинь.

Погоди! Ты вспомни, чему я тебя училъ.

Ерасть.

На счетъ чего?

Константинь.

На счетъ амуровъ.

Ерасть.

Эхъ! Будетъ тебѣ глупости-то!

Константинь.

Одно твое спасенье.

Ерасть.

Не такая женщина; приступу нѣтъ.

Константинь.

Ну, плохъ же ты, братъ!

Ерасть.

Кто плохъ? Я-то?.. Кабы ты зналъ, такъ не говорилъ бы, что я плохъ. Я свое дѣло знаю, да ничего не подѣлаешь. Первымъ долгомъ, надо женщину хвалить въ глаза; такимъ манеромъ какую хочешь донять можно. Нынче скажи—красавица, завтра—красавица, она уши-то и распуститъ и подавай ей турусы на колесахъ! А ужъ коли стала слушать, такъ заговорить не-долго.

Константинь.

Такъ бы ты и дѣйствовалъ.

Ерасть.

Я и дѣйствовалъ, да она меня только однимъ взглядомъ такъ ошибла, ровно обухомъ, насилу на ногахъ устоялъ. Нѣтъ, я теперь на другой манеръ.

Константинь.

Какая статья?

Ерасть.

Она у насъ сердобольная, чувствительная, такъ я на жалость ее маню; казанскимъ сиротой прикидываюсь.

Константинь.

Дѣйствуетъ?

Ерасть.

Кажется, подѣйствовало; ужь подлюжины голландскихъ рубашекъ получилъ вчера. Отъ кого-жь, какъ не отъ нея! Она все такъ-то, въ тайнѣ благодѣтельствуеть.

Константинь.

Ну, и дѣйствуй въ этомъ направленіи. Затягивай ее мало-по-малу; потомъ свиданье гдѣ-нибудь назначь, либо къ себѣ замани.

Ерасть.

Ну, хотя бы и такъ, да тебѣ-то какая польза отъ всего этого?

Константинь.

Ахъ, простота! я подстерегу васъ, да и уважу дядѣ: вотъ, молю, посмотри, кому ты миллионы-то оставляешь!

Ерасть.

Однако! Да что ты дурака что-ль нашель?

Константинь.

Погоди! что болтаешь, зря, не разобравши дѣла! Ты слушай, да понимай! Тебя все равно дня черезъ два-три дядя прогонитъ, ужь онъ говорилъ, такъ что тебѣ жалѣть-то себя! Такъ, ни съ чѣмъ уйдешь; а коли мнѣ, черезъ твою услугу, дядино состояніе достанется, такъ я тебя озолочу.

Ерасть.

Разсказывай! Тебѣ повѣришь, такъ трехъ дней не проживешь!

Константинь.

Это точно, это ты правду говоришь. И не вѣрь мнѣ на слово никогда, я обману. Какое я состояніе-то ухнулъ—отобрали все. А отъ чего? отъ того, что людямъ вѣрилъ. Нѣтъ, ужь теперь шабашъ; и я людямъ не вѣрю, и мнѣ не вѣрь. Ты на совѣсть мою, пожалуйста, не располагайся; была когда-то, а теперь ее нѣтъ. Это я тебѣ прямо говорю. Бери документъ! Хочешь двѣтри тысячи, ну, хочешь пять?

Ерасть.

Да что съ тебя возьмешь по документу-то?

Константинь.

Само собой, что теперь ничего; а какъ оставить дядя наслѣдство, получишь все и съ процентами.

Ерасть (*подумавъ*).

Вотъ что, слушай! Которое ты дѣло мнѣ сейчасъ рекомендуешь, довольно оно подлое. Пойми ты! Довольно подлое.

Константинь.

Да развѣ я говорю тебѣ, что оно хорошее? И я такъ считаю, что оно подлое. Только я за него деньги плачу. Разбирай, какъ знаешь! Пять тысячъ, да на голодные-то зубы, да тому, кто ихъ никогда у себя не видывалъ... тоже пріятность имѣютъ.

Ерасть.

Не надо. Нетолько твоихъ пяти тысячъ... а отойди! Вотъ... одно слово!

Константинь.

Правда пословица-то: дураковъ-то не орутъ, ни сѣютъ, а сами родятся. Получаешь ты триста рублей въ годъ, значить, обязанъ ты воровать; хотять тебя осчастливить, дають тебѣ пять тысячъ, а ты физиономію въ сторону отворачиваешь! Мозги! нечего сказать! Постучи-ка себя въ лобъ-то, да вонь въ стѣну попробуй, будетъ ли разнища?

Ерасть.

А какъ ты думаешь, ежели дьяволъ... такъ это изъ васъ тоньше... людей-то опутывать?

Константинь.

Ну, вотъ еще «дьяволъ». Испугать что-ль меня хочешь? Слова, глупыя слова, и больше ничего. Къ чему тутъ дьяволъ? Которые люди святой жизни, такъ дьяволу съ ними заботы много; а мы и безъ него нагрѣшимъ, что на десяти возахъ не вывезешь. Но, однако, всякому разговору конецъ бываетъ... Хочешь—бери деньги, а не хочешь—сочти такъ, что я пошутилъ.

Ерасть.

Надо, по крайности, подумать.

Константинь.

И выходишь ты, братецъ мой, невѣжа. Думай, не думай, ума не прибудеть; сколько тебѣ ума дано, столько и останется. Значить, показывай сейчасъ свой умъ, или свою глупость! На томъ и покончимъ.

Ерасть.

Ну, ужь была-не была, куда ни шло!

Константинь.

Вотъ такъ-то лучше; а ты еще въ разсужденія пускаешься! Какія еще твои разсужденія, когда ты обязанъ во всемя слушать меня и всегда подражать подъ меня. Я старше тебя, хотя не лѣтами, но жизнію и умомъ; я большое состояніе прожилъ, а ты всегда жилъ въ бѣдности; я разсуждаю свободно, а ты въ разсужденіи связанъ; я давно совѣсть потерялъ, а ты еще только начинаешь. Когда-жъ подробный объ этомъ предметѣ у насъ разговоръ будетъ?

Ерасть.

Ты сегодня что дѣлаешь?

Константинь.

До вечера свободенъ, зайду къ тебѣ и потолкуемъ; а вечеромъ—опять съ дядей въ провожатыхъ.

Ерасть.

Куда вы съ нимъ ѣздите?

Константинь.

По трактирамъ, а то куда-жь больше. Надоѣло имъ безъ проказъ пьянствовать, такъ теперъ придумываютъ, что чуднѣй: антиговъ разныхъ розыскиваютъ, да и тѣшатся. У кого сила, такъ бороться заставляютъ; у кого голосъ великъ, такъ многолѣтіе имъ кричи; кто пьетъ много, такъ поятъ на пари. Вотъ бы найти какого дивовиннаго, чтобъ дяденькѣ удружить.

Ерасть.

Нѣтъ, я встрѣтилъ антика-то: и сила, и голосъ, и выпить сколько хочешь.

Константинь.

Кто онъ такой?

Ерасть.

Такъ, въ родѣ какъ странникъ по Москвѣ бродить, понакутить, да у монастырей съ нищими становится.

Константинь.

И знаешь, гдѣ его найти?

Ерасть.

Знаю.

Константинь.

Такъ покажи мнѣ сегодня же! Я съ кѣмъ-нибудь стравлю его на пари, большой капиталъ могу нажить отъ дяди. Да что! Дядя озолотитъ, все состояніе оставитъ мнѣ, коли придется ему по вкусу, да всѣхъ мы побѣдимъ.

Ерасть.

Можно. (*Входятъ Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, Константинь и Ерасть.

Каркуновъ.

Что-жь, кумъ, загуляли, значить?

ХАЛЫМОВЪ.

Не знаю, какъ ты; а я коньки подвязалъ, далеко катиться могу.

КАРЕУНОВЪ.

Такъ поѣхали, что ли?

ХАЛЫМОВЪ.

Поѣхали.

КАРЕУНОВЪ (*указывая на женщину*).

А ихъ не возьмемъ, кумъ, не возьмемъ! пушай дома сидятъ! Вотъ вы и знайте! Да! Мы въ разгулъ, а вы дома сидите!

ХАЛЫМОВЪ.

Куда ихъ! Намъ съ тобой надо быть на легкѣ, безъ груза; чтобы куда потянуть, туда и плыть, такъ, глядя по фантазіи, рулемъ-то и поворачивай.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да поѣзжайте, куда душѣ угодно, не заплачемъ.

КАРЕУНОВЪ.

О чемъ плакать! Что за слезы! Не о томъ рѣчи! А ты вотъ что, кума: ты спроси у лошади, какъ ей лучше, свободнѣй: въ хомутѣ, или безъ хомута! А баба-то вѣдь хомутъ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да ну васъ, убирайтесь. Не очень-то въ васъ нуждаются. Домой-то дорогу я и одна найду. Такъ приѣдете, Вѣра Филипповна, въ монастырь-то ко всенощной?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Приѣду непременно.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Ну вотъ, можетъ быть, увидимся. Прощайте! Къ намъ милости просимъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Ваши гости.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Прощайте, кавалеры! (*Уходитъ*).

КОНСТАНТИНЪ.

Дяденька, мнѣ прикажете съ вами сопутствовать?

КАРЕУНОВЪ.

Чего еще спрашиваешь? Аль ты свою службу забылъ? У тебя вѣдь одно дѣло-то: по ночамъ пьянаго дядю домой провозать.

КОНСТАНТИНЪ.

А ежели я малость замѣшкаюсь, такъ къ ночи гдѣ васъ искать, подъ какимъ флагомъ? То есть, дядинька, подъ какой вывѣской?

Халымовъ.

Да ужь гдѣ ни путаться, а должно быть, Стрѣльны не мновать. Поклонъ, да и вонъ! Поѣхали.

Каркуновъ.

Хозяйка, не жди! (*Уходятъ: Каркуновъ, Халымовъ, Константинъ. Вѣра Филипповна провожаетъ ихъ въ переднюю и возвращается.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣра Филипповна, Ерасть.

Ерасть (*потупя голову*).

Вѣра Филипповна, вы позволите мнѣ сегодня идти во все-нощной?

Вѣра Филипповна.

Развѣ Богу молиться позволенія спрашиваютъ?

Ерасть.

Нѣтъ-съ, я спрашиваю, позволите ли вы мнѣ идти въ монастырь, куда вы поѣдете?

Вѣра Филипповна.

Храмъ большой, всѣмъ мѣсто будетъ... Иди, коли есть усердіе.

Ерасть.

Я думалъ, что, можетъ быть, вамъ неприятно, что я все съ вами въ одну церковь хожу. Такъ я могу и въ другое мѣсто...

Вѣра Филипповна (*взглянувъ на Ера-ста*).

Отъ чего же ты думаешь, что мнѣ неприятно?

Ерасть.

Вы женщина строгая, мало-ль что можете подумать.

Вѣра Филипповна.

Я ничего не думаю; а коли ты самъ что-нибудь думаешь дурное, такъ лучше не ходи, не грѣши. А ежели ты съ чистымъ сердцемъ...

Ерасть.

Съ чистымъ, Вѣра Филипповна.

Вѣра Филипповна.

А коли съ чистымъ, такъ иди съ Богомъ! Мнѣ даже очень пріятно; я очень рада, что въ такомъ дѣлѣ есть у меня товарищъ и провожатый.

Ерасть.

Я только вамъ доложить хотѣлъ. Я безъ спросу не пошлѣлъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да, хорошо, хорошо! Вижу, что ты скромный и хороший человекъ. Я такихъ люблю. Хорошаго человека нельзя не любить... Кого-жь и любить, коль не хорошихъ людей. Ну, покуда прощай! (*Ерастъ почтительно кланяется*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Авдѣярица Панифилевна.

Константинъ Каркуновъ.

Ерастъ.

Инокентій-странникъ, сильный мужчина суроваго вида. Въ длинномъ парусиномъ пальто и страннической шапкѣ.

Бульваръ подъ монастырской стѣной: нѣсколько скамеекъ; въ глубинѣ по обрыву деревянная загорода, за ней вдаль видна часть Москвы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

И Н О К Е Н Т І Й (*одинъ*) *сидитъ на скамьѣ.*

И Н О К Е Н Т І Й.

Эка обуза!.. Эка обуза мнѣ тѣло мое!.. алчное, жадное, ненасытимое! Экую утробу богатому человеку—и то будетъ въ тягость удовлетворить; а мнѣ, пролетарію... нѣсть конца мученіямъ... Непрестанныя муки голода и жажды... непрестанныя обуреванія страстей! Былъ рубль сегодня—и нѣтъ его; а жажда и голодъ все тѣ же. Хоть бы ослѣпнуть! Не сытымъ окомъ видишь трактиры, видишь пивныя заведенія, видишь лѣпообразныхъ жень... Какъ звѣрь бы ринулся на все сіе и пожралъ; но не пожрешь... Прежде чѣмъ пасть твоя розинется, связанъ будешь и заключенъ въ узилище. Былъ рубль... Лучше бы его не было... Рубль издержалъ, но удовлетворенія нѣтъ, а только сугубая жажда. Всюе искать человека, который, какъ я, могъ бы завидовать всему. Волкъ живетъ хищеніемъ, грабежемъ, убійствомъ... а я

ему завидую; ибо онъ даровую находить пинцу. (*Входитъ Вѣра Филипповна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ИННОКЕНТІЙ И ВѢРА ФИЛИППОВНА.

ИННОКЕНТІЙ.

Государыня милостивая, соблаговолите странному человѣку!

ВѢРА ФИЛИППОВНА (*подавая деньги*).

Примите!

ИННОКЕНТІЙ.

Мало.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Не взыщите.

ИННОКЕНТІЙ.

Другому это довольно, а мнѣ мало.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Ты человѣкъ въ силахъ, работать бы тебѣ...

ИННОКЕНТІЙ.

Не могу.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Не здоровъ, что ли?

ИННОКЕНТІЙ.

Нѣтъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Такъ почему же?

ИННОКЕНТІЙ.

Я празднoлюбeцъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Такимъ не помогаютъ.

ИННОКЕНТІЙ.

Напрасно.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Работай и молись, такъ не будешь нуждаться.

ИННОКЕНТІЙ.

Не наставленій, государыня милостивая, а денегъ желаю я получить отъ тебя.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Такъ не просятъ.

ИННОКЕНТІЙ (*омядвляясь*).

Я не прошу, я приказываю.

ВѢРА Филипповна.

Богъ съ тобой, миленькій! Прими еще и будь доволенъ. За всякую малость надо Бога благодарить. Не грѣши и меня не вводи въ грѣхъ; я молиться иду.

Инокентій.

Вотъ у тебя, раба божья, сколько серебряныхъ денегъ-то!

ВѢРА Филипповна.

Не завидууй, грѣшно!

Инокентій.

Отдай ты мнѣ ихъ!

ВѢРА Филипповна.

Мнѣ, миленькій, не жаль, да не мои деньги-то, отдать-то нельзя: они бѣднымъ приготовлены.

Инокентій.

А если я ихъ отниму у тебя?

ВѢРА Филипповна.

Отнимай, коли Бога не боишься; а сама не отдамъ; это деньги чужія.

Инокентій.

Отнять-то я отниму, да вотъ бѣда: сила у меня большая и рука тяжела, какъ бы не повредить тебя, руки не оторвать прочь.

ВѢРА Филипповна.

Ты, миленькій, глядѣлъ когда на небо, лобъ-то крестишь себѣ, или нѣтъ?

Инокентій.

Ну, ужь будетъ разговаривать-то!

ВѢРА Филипповна.

Взгляни, миленькій, взгляни на небо-то!

Инокентій.

Либо у тебя разумъ младенческой, либо ты ужь очень въ вѣрѣ крѣпка. Что ты мнѣ рацен-то читаешь! Я самъ умнѣ тебя. Молчи, говорятъ тебѣ, заткни уста свои; а то я такую печать наложу на нихъ!.. Давай кошелекъ! *(Вдали показываются Константинъ и Ерастъ).*

ВѢРА Филипповна.

А вотъ мнѣ Богъ и помощь посылаетъ.

Инокентій *(тихо)*.

Ну, счастлива ты! Проходи! я пошутилъ съ тобой! *(Громко)*: Благодарю, государыня милостивая. *(Садится. ВѢРА Филипповна уходитъ. Входятъ: Константинъ и Ерастъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

И Н Н О К Е Н Т І Й, К О Н С Т А Н Т И Н Ъ И Е Р А С Т Ъ.

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ (Ерaстy).

Этотъ что ли?

Е Р А С Т Ъ.

Онъ самый.

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ.

Мужчина занятный.

И Н Н О К Е Н Т І Й.

Господа милостивые, соблаговолите странному челоѣку на пропитаніе!

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ.

Я на пропитаніе не даю; коли пропить сейчасъ, такъ изволь, подамъ.

И Н Н О К Е Н Т І Й.

Давай! Пропью.

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ.

Таеъ ты вотъ какой странникъ-то!

И Н Н О К Е Н Т І Й.

Не осуждай! Коли хочешь подать, такъ подай; а не хочешь, таеъ проходи! Мнѣ не до разговоровъ.

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ.

Что такъ? Иль гордъ очень?

И Н Н О К Е Н Т І Й.

Не гордъ, а голодеъ.

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ.

Накормимъ.

И Н Н О К Е Н Т І Й.

Накормишь, тогда и будемъ съ тобой разговаривать.

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ.

Да объ чемъ съ тобой разговаривать-то; что ты знаешь?

И Н Н О К Е Н Т І Й.

Знаю больше тебя; я челоѣкъ ученый и умный, а ты, какъ вижу, профанъ, простецъ.

К О Н С Т А Н Т И Н Ъ.

А коли ты ученый, отъ чего-жь бѣдствуешь?

И Н Н О К Е Н Т І Й.

Я челоѣкъ, буруеваемый страстями и весьма порочный.

КОНСТАНТИНЪ.

Намъ такихъ и надо. А выпить ты много можешь?

ИННОКЕНТИЙ.

И мью, и ѣмъ много и жадно.

КОНСТАНТИНЪ.

Да какъ много-то?

ИННОКЕНТИЙ.

Не мѣрялъ; только очень много, неизглаголанно много; повѣрить невозможно—вотъ сколько!

КОНСТАНТИНЪ.

Да, можетъ, хвастаешь?

ИННОКЕНТИЙ (*отворачивается въ сторону*).

.Лучше отойди!.. Проходи мимо!

КОНСТАНТИНЪ.

Что «проходи!» Ты человѣкъ нужный. Надо тебя испробовать; словами-то все можно сказать.

ИННОКЕНТИЙ.

Испробуй!

КОНСТАНТИНЪ.

А начнешь пробовать, такъ, пожалуй, и я больше выпью. Съ нами такія-то оказіи бывали.

ИННОКЕНТИЙ.

Не выпьешь.

КОНСТАНТИНЪ.

Да почему ты знаешь? Какъ ты можешь такъ... вдругъ?.. Ты слыхалъ романсъ: «Никто души моей не знаетъ»?

ИННОКЕНТИЙ.

Не выпьешь.

КОНСТАНТИНЪ.

Еще это дѣло впереди.

ИННОКЕНТИЙ.

Невозможно. Ты нетолько что не выпьешь, ты руками не подынешь того, что я могу выпить.

КОНСТАНТИНЪ.

Коли правда, мнѣ же лучше; я на тебѣ большіе капиталы наживу. (*Ерасту*) Ну, я теперь его понялъ, мы съ нимъ и ѣдемъ. Что у васъ съ теткой будетъ, извѣсти! (*Ерастъ уходитъ*).

*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КОНСТАНТИНЪ И ИННОКЕНТІЙ.

КОНСТАНТИНЪ.

Ты слышалъ, что я тебѣ сказалъ?

ИННОКЕНТІЙ.

Нѣтъ, я слышу только требованія и вопли желудка моего.

КОНСТАНТИНЪ.

Ну, такъ я тебѣ повторю: «Я тебя понялъ».

ИННОКЕНТІЙ.

Говори, милостивецъ, яснѣй!

КОНСТАНТИНЪ.

Ты человѣкъ голодный; чѣмъ ты живешь?

ИННОКЕНТІЙ.

Подаяніемъ отъ добрыхотныхъ дателей.

КОНСТАНТИНЪ.

А когда подаянія не хватаетъ по размѣру твоего аппетита, тогда что?

ИННОКЕНТІЙ.

Надо бы умирать съ голоду; но я не умираю.

КОНСТАНТИНЪ.

На пятерню берешь?

ИННОКЕНТІЙ.

Ты что за духовникъ?

КОНСТАНТИНЪ.

Ничего, признавайся, свидѣтелей нѣтъ.

ИННОКЕНТІЙ.

Да ты ужь не товарища ли ищешь?

КОНСТАНТИНЪ.

Пока Богъ миловалъ; а впередъ не угадаешь, можетъ, и понадобится товарищъ.

ИННОКЕНТІЙ.

Такъ не избѣгай, я работникъ хорошій.

КОНСТАНТИНЪ.

Сундуковъ желѣзныхъ ты безъ ключа отпирать не пробовалъ?

ИННОКЕНТІЙ.

Да на что тутъ ключъ, коли руки хороши; а то такъ и разрывъ-траву можно приложить.

КОНСТАНТИНЪ.

Стало-быть оомка¹-то бываль въ рукахъ?

ИННОКЕНТІЙ.

Что за мастеръ безъ инструмента!

КОНСТАНТИНЪ.

Судился?

ИННОКЕНТІЙ.

Было.

КОНСТАНТИНЪ.

А потомъ гдѣ гостилъ?

ИННОКЕНТІЙ.

Въ арестантскихъ ротахъ.

КОНСТАНТИНЪ.

Мѣсто хорошее. Ну, поѣдемъ! Только ты теперь держи себя, братецъ, въ струнѣ! Съ хорошими людьми въ компаніи будешь, съ купцами съ богатыми. Надо тебѣ русское платье достать. Скажемъ, что ты съ Волги, изъ Рыбинска, изъ кручниковъ.

ИННОКЕНТІЙ.

Знаю, случалось кули-то таскать.

КОНСТАНТИНЪ.

Нашей компаніи умѣй только уважить; а то на цѣлый мѣсяцъ и сытъ, и пьянъ будешь, да и мнѣ будетъ хорошо.

ИННОКЕНТІЙ.

Только кормите до сыта, да поите до пьяна, а то радъ вамъ хоть воду возить.

КОНСТАНТИНЪ.

Вѣдь тебѣ умирать бы съ голоду въ другомъ мѣстѣ; а Москва-то матушка что значить! Здѣсь и такіе, какъ ты, надобны. (*Уходятъ. Входятъ: Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА И АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да, да, конечно; какъ можно безъ провожатаго!

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Кого же я возьму?

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Мало-ль у васъ... Ну, хоть Ераста.

¹ Короткій ломъ.

Въра Филипповна.

Какъ можно! Молодой человекъ цѣлый день занятъ, ему охота погулять. У нихъ на гулянье времени-то и такъ немного; чай, вечеромъ-то радехоньки вырваться изъ дому, а тутъ еще хозяйку провожай. У меня совѣсть не подымется.

Аполлинарія Панфиловна.

Почемъ знать, можетъ, ему и самому приятно. Вы домой сейчасъ поѣдете?

Въра Филипповна.

Нѣтъ, ужъ я достоинъ. Я всегда послѣ второго звона отдыхать выхожу, а къ третьему опять въ соборъ.

Аполлинарія Панфиловна.

А ужъ я поѣду. Народу мало; ни посмотрѣть не на кого, ни себя показать некому. Тутъ какъ ни одѣнься, никто не замѣтитъ.

Въра Филипповна.

Мнѣ все равно; я не затѣмъ ѣзжу.

Аполлинарія Панфиловна.

Нѣтъ, мы люди грѣшные: мы и въ церковь-то ходимъ людей посмотрѣть, да себя показать. Прощайте! (*Уходитъ. Подходитъ Ерастъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Въра Филипповна и Ерастъ.

Въра Филипповна.

Присядь, Ерастъ, отдохни.

Ерастъ.

Помилуйте, смѣю ли я! Ничего-съ, я и постою.

Въра Филипповна.

Вѣдь устанешь, служба-то длинна.

Ерастъ.

Хоть всю ночь-съ... Я этого себѣ въ трудъ не считаю.

Въра Филипповна.

Ну, какъ знаешь.

Ерастъ.

Ужъ я и то долженъ за счастье считать, что съ вами нахожусь... Въ одномъ домѣ живемъ, а когда васъ увидишь!

Въра Филипповна.

Да на что-жь тебѣ меня видѣть? Тебѣ хозяинъ нуженъ, а не я.

ЕРАСТЬ.

Конечно, всякое дѣло ведется хозяиномъ; только вѣдь мы отъ хозяина-то, кромѣ брани да обиды, ничего не видимъ. А коли есть у насъ въ домѣ что хорошее, коли еще жить можно, такъ всѣ понимаютъ, что это отъ васъ. Вѣдь мы тоже не каменные, благодарность чувствуемъ; только выразить ее не смѣемъ; потому, какъ вы отъ насъ очень отдалены.

ВЪРА Филипповна.

Что за благодарность! Если я что и дѣлаю, такъ, повѣрь, не изъ благодарности.

ЕРАСТЬ.

Я это очень понимаю, только за что-жь вы людей такъ низко ставите? Вѣдь это значить: «дѣлать молъ для васъ добро я могу изъ жалости—нате молъ, я брошу вамъ... только я такъ высока для васъ, что вы даже и благодарить меня не смѣете, и ни во что я считаю вашу благодарность, какъ есть вы люди ничтожные».

ВЪРА Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, что ты, что ты! Я никогда такъ и не думала.

ЕРАСТЬ.

Хотя вы и не думали, но оно такъ выходитъ по вашимъ поступкамъ.

ВЪРА Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, ты, пожалуйста, не думай! Я нисколько не горда, а только что мнѣ стыдно, когда меня благодарятъ; и ничего такого особеннаго... а что только должное...

ЕРАСТЬ.

Какъ, помилуйте, какое должное! Да вотъ я ужъ и словъ не найду какъ васъ благодарить.

ВЪРА Филипповна.

За что, Ерасть?

ЕРАСТЬ.

Такое вниманіе, такая, можно сказать, заботливость обо мнѣ... развѣ я стѣю?

ВЪРА Филипповна.

Да про что ты?

ЕРАСТЬ.

А подарокъ вашъ... помилуйте! Вѣдь ужъ это даже въ родѣ какъ по родственному; да и отъ родственниковъ нынче не дождешься... Какія-жь мои заслуги противъ васъ, помилуйте!

ВЪРА Филипповна.

Можетъ, и есть тебѣ подарокъ, только ты на меня не думай!

Ерасть.

Эхъ, Вѣра Филипповна! Вотъ опять съ вашей стороны гордость, а мнѣ униженіе. «Бросила тебѣ нищему, а благодарности не желаю».

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, что ты... Богъ съ тобой! Ну, я, я...

Ерасть.

Благодарность... вѣдь оно такое чувство, что его не удержишь, оно изъ души просится. Можетъ быть, сколько слезъ пролито, пока я дождался, чтобъ вамъ ее выразить.

Вѣра Филипповна.

Ну, хорошо, я принимаю твою благодарность.

Ерасть.

Позвольте ручку поцѣловать.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, нѣтъ, что ты, что ты! Я никогда...

Ерасть.

Да отъ чего же, помиуйте! Всѣ дамы-съ...

Вѣра Филипповна.

Да нѣтъ, что это, какъ можно! Я знаю, что у дамъ и барышень цѣлуютъ руки, да не хорошо это. За что насъ возвеличивать, что въ насъ такого особеннаго? Мы такіе же люди. Вѣдь это развѣ какого высокаго званія, или за святость жизни, а какое наше званіе, какія-жъ мы святыя! Которая развѣ ужъ сама себя не понимаетъ, что она такое, ну, по глупости, и рада, а то какъ это равному человѣку свою руку давать цѣловать. Вотъ у матери цѣлуй! Потому нѣтъ больше ничего для тебя на свѣтѣ, какъ ея любовь, ея забота, ея печаль о тебѣ.

Ерасть.

Хорошо, у кого жива родительница; а коли съ дѣтства кто сиротой остался.

Вѣра Филипповна.

Что-жъ, Божья воля.

Ерасть.

Это точно-съ. Но развѣ другая женщина не можетъ быть вмѣсто матери-съ?

Вѣра Филипповна.

Никогда, Ерасть, никогда.

Ерасть.

Нѣтъ, можетъ-съ. Положимъ такъ, что въ ней любви такой ужъ не будетъ; да это ничего-съ. Вы извольте понять, что такое сирота съ малыхъ лѣтъ. Ласки не видишь, никто тебя не пожалѣетъ, а вѣдь горе-то частое. Каково сидѣть одному въ углу, да

кулакомъ слезы утирать? Плачешь, а на душѣ не легче, а все тяжелѣй становится. Есть ли на свѣтѣ горчѣе сиротскихъ слезъ? А коли есть къ кому придти съ горемъ-то такъ совѣмъ другое дѣло: приляжешь на грудь съ слезами-то, и она надъ тобой заплачетъ, вотъ съ разу и легче, вотъ и конецъ горю.

ВЪРА Филипповна.

Правда твоя, правда. Присядь, Ерасть!

ЕРАСТЬ.

Нѣтъ, зачѣмъ же-съ! Да мнѣ ни серебра, ни золота, ни какихъ сокровищъ на свѣтѣ не надо, только-бъ ласку видѣть, да жалѣть бы меня кто-нибудь. Вотъ теперь вашъ подарокъ, конечно, я очень чувствую; а вѣдь для души тутъ ничего нѣтъ-съ. Для меня только ласковое слово, совѣтъ, наставленіе для жизни въ тысячу разъ дороже всякихъ подарковъ. А ежели пожалѣтъ, утѣшить въ горѣ, заплакать вмѣстѣ... объ такихъ предметахъ зачѣмъ и мечтать! Потому, этого никогда не дождешься.

ВЪРА Филипповна.

Отъ чего-жь не дождешься? Вѣдь ужъ я плачу, Ерасть!

ЕРАСТЬ.

Это для меня сверхъ всякаго ожиданія. Такое счастье, что ужъ я и не знаю, какъ его оцѣнить и чему приписать! Все-таки, по крайности позвольте хоть ручку поцѣловать.

ВЪРА Филипповна (*зидумчиво*).

Не надо, мой другъ; ты знаешь, что я не люблю.

ЕРАСТЬ.

Вы сами изволили говорить, что у матери слѣдуетъ руки цѣловать, а вы для меня гораздо дороже-съ. Потому, мать—это дѣло даже довольно обнаковенное, у всякаго она есть, а чтобъ посторонняя женщина такія чувства имѣла—это, по нынѣшнимъ временамъ, невозможно и встрѣтить. Не обижайте, позвольте ручку!

ВЪРА Филипповна.

Ну, изволь, мой дружокъ. Только, пожалуйста, чтобъ никогда...

ЕРАСТЬ (*цѣлуя руку*).

Какъ никогда, какъ никогда, помилуйте! Подняли меня до небесъ и опять приказываете мнѣ взять оборотъ на старое положеніе. Я такъ осмѣливался думать, что не послѣдній разъ я отъ васъ такое утѣшеніе въ своихъ горестяхъ имѣю.

ВЪРА Филипповна.

Да я, дружокъ, только насчетъ поцѣлуевъ-то; а побесѣдовать съ тобой, посоветовать что, потужить вмѣстѣ я, пожалуй, и впередъ не откажусь.

ЕРАСТЬ.

Только того-съ и жаждетъ душа моя.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Что-жь, отъ чего же! Тутъ дурного ничего нѣтъ.

ЕРАСТЪ.

Окромя хорошаго ничего нѣтъ-сь. Но при всемъ томъ я отъ васъ отойду подальше; потому, Аполлинарія Панфиловна сюда приближается. (*Уходитъ. Входитъ Аполлинарія Панфиловна.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА И АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Воротились?

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Затолковалась съ одной знакомой. А вы все еще тутъ сидѣли?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да, отдыхаю. Хорошо здѣсь воздухомъ-то подышать; еще по-снѣю, служба долгая, часовъ до десяти.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да, да, конечно, на вольномъ воздухѣ... Что дома-то, въ четырехъ стѣнахъ сидѣть! Проводить есть кому, такъ что-жь вамъ! Не то что до десяти часовъ, хошь до полночи оставайтесь.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

И безъ провожатыхъ, одна ѣзжу.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

А словно какъ я тутъ вашего приказчика, Ераста, видѣла.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да, и я видѣла; такъ вѣдь онъ тоже помолиться пришелъ, а совсѣмъ не для проводовъ: онъ самъ по себѣ, а я сама по себѣ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да, конечно. Хорошій онъ человекъ, солидный, скромный такой.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Не знаю я ихъ, приказчиковъ-то, да и вижу очень рѣдко. Какіе они тамъ, ужь это не мое дѣло, это Потапъ Потапычъ знаетъ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Хорошій человекъ, хорошій: не болтунъ, не похваляется, женщину не опозорить, которая къ нему снисходительность имѣеть, ужь хоть умереть, а промолчить. Другіе вѣдь такіе охальники, чего и нѣтъ наговаряютъ; а этотъ, хоть бы что и было, такъ рѣжь его, не выдастъ. Оно и дорого для васъ, для женщины-то.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Не понимаю я, что вы говорите.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да что вы, ВѢра Филипповна, что тутъ такого непонятнаго! Разумѣется, скромный мужчина гораздо пріятнѣе. Другой, знаете, и собой не красивъ, а, глядишь, очень хорошая женщина любить. А за что? За скромность. Вотъ Оленька сама мнѣ проговорилась, а онъ молчать и виду не подаетъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Оленька, говорите вы? Какая Оленька?

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да Оленька, ваша племянница. Болтушка она; хорошо еще, что такого скромнаго человѣка нашла. Попадись она другому, такъ ужъ мужъ-то давно бы узналъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да что вы говорите! Можетъ ли быть!

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да что-жъ такого мудренаго! Эхъ, матушка, ВѢра Филипповна! Да сплошь да рядомъ, чему тутъ удивляться-то!

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, я не вѣрю вамъ, онъ кажется такимъ скромнымъ, сиротливымъ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

«Кажется». Да мужчина, какимъ ему нужно, такимъ онъ и кажется: гдѣ надо быть смиреннымъ, онъ смиренный, гдѣ надо бойкимъ, онъ бойкій; гдѣ плакать—плачетъ, гдѣ плясать—пляшетъ. Всякій мужчина, коли онъ не дуракъ, такъ плутъ; а у всякаго плута свой расчетъ. Розини-то повывелись, нынче пальца въ ротъ не клади, откусать.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Ахъ, право, какъ это непріятно, какъ непріятно!

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да вамъ-то что за дѣло? Пушай ихъ...

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да какъ же это... въ нашемъ домѣ! Нѣтъ, не хорошо, не хорошо.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да вѣдь слуховъ никакихъ нѣтъ, никто про это не говоритъ; такъ все равно, что нѣтъ ничего.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, все-таки... Вотъ поди, узнай людей-то!

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да зачѣмъ ихъ узнавать! И вѣрить никому не надо. Надо

только самой быть осторожной. Вѣдь не къ присягѣ же всякаго приводить. Вотъ я никому не вѣрю. Мало ли что съ горяча-то говорится... Пожалуй, меня обманывай, я не разсержусь: я за то сама десятерыхъ обману. Ахъ, заболталась я съ вами. Прощайте, домой пора!

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ужь и я.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Что такъ? Вы достоятъ хотѣли?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Да что-то нездоровится, такъ какъ-то не по себѣ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Погуляйте немножко! На воздухъ-то лучше. Куда вамъ торопиться!.. Да гдѣ онъ тутъ? Вонъ, кажется, идетъ... Парень-то такъ, безъ дѣла шатается, что-жъ ему... онъ и проводитъ васъ. Прощайте! (*Уходитъ. Вдали показывается Ерастъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ВЪРА ФИЛИППОВНА И ЕРАСТЪ (*вдали*).

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Кто изъ нихъ лжетъ: онъ или она? Да что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ... какъ хотятъ; мнѣ за нихъ не отвѣчать. Только вотъ ужъ разговаривать-то не надо. Развѣ пойти въ соборъ... да нѣтъ, какая ужъ молитва! (*Ерастъ подходитъ*). Что тебѣ, Ерастъ?

ЕРАСТЪ.

Не будетъ ли какого приказанія отъ васъ?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Какія приказанія! я уѣду сейчасъ.

ЕРАСТЪ.

А мнѣ-съ?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Да что-жъ мнѣ до тебя! Хочешь оставайся, хочешь — домой ступай.

ЕРАСТЪ.

Только и всего-съ?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Чего-жъ тебѣ! Я пріѣхала молиться, ты тоже; я себя знаю и ты свое мѣсто понимай!

ЕРАСТЪ.

Это ужь совсѣмъ другой разговоръ противъ давешняго, одно къ другому не подходитъ.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ну, что-жь дѣлать! Пока человѣка не знаешь, такъ ему и вѣришь; а какъ узнаешь про дѣла его, такъ по дѣламъ ему и цѣна.

ЕРАСТЪ.

Теперь я понимаю. Такъ я и ожидалъ. Значитъ, въ вашихъ глазахъ меня очернили; и теперь, что было для меня дорогого на свѣтѣ, я всего лишень; потому, вы считаете меня неосновательнымъ человѣкомъ. Ну, что-жь дѣлать! Знать, такая судьба, такъ тому и быть. Но послѣ всего этого позвольте вамъ сказать два слова.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Говори!

ЕРАСТЪ.

Первое-съ: ничего такого и никакихъ дурныхъ дѣлъ за мной нѣтъ. Если вамъ что сказано, такъ это все пустое, все наносныя слова. Есть за мной одинъ грѣхъ, что я больше всего на свѣтѣ уважаю и люблю женщину, которая очень высока для меня; но этого я грѣхомъ не ставлю.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ну, дальше что-жь?

ЕРАСТЪ.

Такъ какъ вижу я со всѣхъ сторонъ одиѣ нападки и ни откуда мнѣ никакой радости и утѣшенія нѣтъ; такъ для чего жить-съ? Не въ примѣръ лучше будетъ, если свою жизнь покончить.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Чтò ты, Богъ съ тобой! Какія ты слова говоришь!

ЕРАСТЪ.

Слова самыя настоящія; все это такъ и будетъ. Спасенья мнѣ нѣтъ, спасти меня никто не можетъ... только можетъ одна женщина, и эта самая женщина—вы-съ!

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Да очень бы я рада и готова.

ЕРАСТЪ.

Только и отъ васъ мнѣ спасенья ожидать нельзя.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Почему же ты такъ думаешь?

ЕРАСТЪ.

Вы меня не пожалѣете. Чтò такое я для васъ? Стòить ли вамъ изъ-за меня себя беспокоить!

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, пожалѣю, пожалѣю.

ЕРАСТЪ.

Нельзя вамъ пожалѣть, вамъ ваше званіе не позволяетъ. Приказчикъ хоть умирай, а хозяину до этого дѣла нѣтъ — такой порядокъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да какой тамъ порядокъ! По христіански всякаго жалѣть слѣдуетъ.

ЕРАСТЪ.

Опять же у женщинъ всякое дѣло все имъ грѣшно, да стыдно; и все-то онѣ грѣха боятся, а еще больше того стыда.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да какъ же, миленькій, стыда не бояться? Для того онъ и стыдъ называется, чтобы его боялись.

ЕРАСТЪ.

Позвольте-съ! Ежели бы былъ такой законъ, чтобы совсѣмъ даже не прикасаться до мужчины ни подъ какимъ видомъ, а кто прикоснется, такъ это грѣхъ и стыдъ. И вотъ, если мужчина на вашихъ глазахъ тонетъ, а вамъ только руку протянуть, и онъ спасенъ. Вѣдь вы руки не протянете, потому это стыдно; пуцай онъ тонетъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Какъ руки не протянуть! Да если человѣкъ тонетъ, до стыда ли тутъ! Стыдъ вѣдь только въ обыкновенной жизни очень нуженъ, а то онъ не очень важенъ: какъ что посерьезнѣй, такъ его и нѣтъ.

ЕРАСТЪ.

Ну, вотъ только и всего-съ, и конченъ разговоръ-съ. Стыдно по ночамъ къ мужчинамъ на свиданье ходить; а вы, значить, ко мнѣ пожалуете.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Что ты, что ты, опомнись!

ЕРАСТЪ.

Мнѣ жизнь не дорога; я не живу, а только путаюсь въ своей жизни; стало быть, и жалѣть ее нечего, и, значить, я человѣкъ отчаянный. Кромѣ васъ, я никому на свѣтѣ не вѣрю и никого не уважаю. Вамъ я желаю рассказать всю свою жизнь: какъ жилъ, что дѣлалъ и всѣ свои помышленія, и спросить у васъ совѣта, какимъ манеромъ и для чего мнѣ существовать на этомъ свѣтѣ и влачиться на землѣ. Это разговоръ не минутный, тутъ мало часа полтора, или два потребуется. Видѣться мнѣ съ вами

негдѣ, къ себѣ въ комнату я васъ приглашать не смѣю; поэтому самому пожалуйста завтра внизъ, въ контору, въ десять часовъ вечера. Потапъ Потапычъ, по обыкновенію, въ эти часы находятся въ отъѣзжихъ поляхъ, въ домѣ все будетъ погружено въ глубокомъ снѣ; значить, намъ полная свобода.

ВѢРА Филипповна.

Да нѣтъ, что ты, какая свобода! Ты перестань глупости-то!..

ЕРАСТЪ.

Если въ десять часовъ не придете, въ одиннадцать—у васъ въ домѣ упокойникъ.

ВѢРА Филипповна.

Ахъ, страсти! Да не говори, пожалуйста!

ЕРАСТЪ.

Придете?

ВѢРА Филипповна.

Да ужъ нечего съ тобой дѣлать... что-жъ, видно, надо придти.

ЕРАСТЪ.

Такъ я и ожидалъ, потому у васъ душа особенная. Вотъ она, Москва-то рѣка недалеко, нырнуть въ нее — одна минута; но какъ васъ увижу, совсѣмъ другія мысли у меня проясняются.

ВѢРА Филипповна.

Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, поберегай себя.

ЕРАСТЪ.

Теперь еще желаю я знать отъ васъ: обиду вы прощаете?

ВѢРА Филипповна.

Какова обида, миленькій.

ЕРАСТЪ.

Ну, вотъ-съ человѣкъ у васъ украдетъ что, или ограбитъ васъ, ну, вредъ вамъ какой сдѣлаетъ... Такъ вы простите его, или всю жизнь будете зло на него въ душѣ имѣть?

ВѢРА Филипповна.

Нѣтъ, какъ можно! Пусть его Богъ судитъ, а я прощу.

ЕРАСТЪ (*горячо обнимаетъ и цѣлуетъ ее*).

Вотъ вамъ и обида-съ!

ВѢРА Филипповна.

Ай! (*Отблгаетъ*).

ЕРАСТЪ.

Ну, казните!

ВѢРА Филипповна.

Какъ же ты?.. Зачѣмъ это? (*Оттираетъ слезы*).

ЕРАСТЪ.

Приказывайте, что мнѣ надъ собой дѣлать! (*ВѢРА Филип-*

повна тихо плачетъ). Ужь теперь самому-то въ омутъ бросить-ся будетъ мало для меня, а утопить меня надо съ камнемъ за мое невѣжество. (*Молчаніе*).

ВѢРА Филипповна (*взглянувъ на Ераста*).

Неужели ты домой, этакую даль, пѣшкомъ пойдешь? Поѣдемъ, я подвезу. (*Молчаніе*).

ЕРАСТЪ.

Да-съ... ужь лучше-бъ меня бязнили... За мѣсто всего... такія слова... да это... развѣ отъ ангела дожждаться.

ВѢРА Филипповна.

Ну, что-жь... ты не подумавши... А вотъ подумаешь, такъ увидишь, какъ это тяжело и больно для меня.

ЕРАСТЪ.

И сейчасъ понимаю: тяжело и больно для васъ, а съ моей стороны даже довольно низко... И никогда впередъ не посмѣю и подумать-съ... Только, я полагаю... все-таки въ этомъ никакой обиды нѣтъ для васъ.

ВѢРА Филипповна (*улыбаясь*).

Да, пожалуй. Очень, очень дурно ты сдѣлалъ, и никакъ я не могла отъ тебя ожидать... а коли правду сказать... если ты каешься да говоришь, что впередъ не будешь... такъ... само собой... какая-жь тутъ обида! Простить тебя очень можно. Поѣдемъ, Ерастъ! (*Уходятъ*).

Знаватьсь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Каркуновъ.
Хамновъ.
Въра Филипповна.
Константигъ.
Ольга.
Ерасть.
Огурева.

Комната со сводомъ въ нижнемъ этажѣ дома Каркунова. На правой сторонѣ (отъ актеровъ) дверь въ комнату Ераста, на лѣвой въ корридоръ, поперекъ комнаты дубовый прилавокъ, за нимъ двѣ конторки съ табуретами, на стѣнѣ часы. Книжн. товаровъ въ суровыхъ парусинныхъ сорочкахъ сложены у прилавка. Въ глубинѣ два окна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЕРАСТЬ (за конторкой, на конторкѣ свѣча).

ЕРАСТЬ.

А похоже, что Константигъ правду сказалъ: хозяинъ ходить сердитый, на свѣтъ не глядитъ; все ворчитъ: «надо прикончить фабрику, выгоды никакой нѣтъ»... Дѣло не хвали! Пойдешь по Москвѣ шляться, мостовую гранить. Денегъ на черный день не припасено... Да какъ ихъ и припасешь на такомъ жалованьи? Какъ прогуляешь мѣсяца три-четыре, а то и всѣ полгода безъ мѣста, вотъ и узнаешь, гдѣ раки-то зимуютъ. Затянешься въ долги, платьишко все размотаешь... вѣдь голодь-то не тетка, пожалуй, въ такое званіе попадешь, что послѣ и не выпарапашься. Мало-ль ихъ зимой въ лѣтнемъ платьѣ по городу ходить, за копейки пляшутъ на морозѣ, да руки протягиваютъ. Эхъ, ты жизнь! какъ подумаешь, такъ мурашки у тебя по спинѣ-то заползаютъ. Тутъ не то... что... тутъ на разбой пойдешь... Оно точно, что хозяйка наша женщина рѣдкостная, совсѣмъ какая-то особенная, и какую я теперь штуку гну, такъ немного это лучше, что зарѣзать человѣка. А какъ подумаешь объ жизни объ своей, такъ оно и выходитъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе... Коли не выгоритъ дѣло у Константина, ну, была не была... что я теряю! только и всего, что въ томъ же чинѣ оста-

Т. ССXLVIII. — Отд. I.

4

нусь, какъ былъ... Былъ ничего и останусь ничего... А разживется Константинъ, такъ и я хоть немножко побарствую... получу съ него деньги, покучу, сколько мнѣ надо, одѣнусь по послѣднему журналу, поступлю на мѣсто хорошее; нынче жалованье-то по платью даютъ. Само собою, дурного хорошимъ не назовешь; да разница-то велика: по морозу въ какомъ нибудь страмъ-пальто прыгать да въ кулаки подувать или въ шубѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ по Ильинкѣ проѣхаться (*взглянуть на стѣнные часы*). Еще безъ двадцати минутъ десять. Пойти взять книжку. (*Уходитъ со свѣчкой. Въ комнатѣ темно, лунный свѣтъ. Входитъ Вѣра Филипповна, Огуревна со свѣчкой остается на порогѣ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА И ОГУРЕВНА.

ВѢРА ФИЛИППОВНА (*тихо*).

Поди, поставь свѣчку на лѣстницу, да сама тамъ посиди, подожди меня.

ОГУРЕВНА.

А? Ну... подожду, подожду.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Поди на лѣстницу, говорю я.

ОГУРЕВНА.

Куда на лѣстницу, зачѣмъ?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Поди, поди, говорю я, взойди на лѣстницу, да и сядь тамъ.

ОГУРЕВНА.

Ну, и ничего здѣсь... и пойдемъ что-ли?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Ступай одна, я сейчасъ приду, подожди тамъ!

ОГУРЕВНА.

Чась-то который?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да ты ступай ужъ.

ОГУРЕВНА.

То-то, мошь, что теперь? Утро, аль вечеръ?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да какая тебѣ надобность! Утро ли, вечеръ ли, все равно тебѣ. Ты ступай, ступай!

ОГУРЕВНА.

А? ступай? Куда ступай?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ты на лѣстницу ступай, на верхъ! Какъ ты не понимаешь?

ОГУРЕВНА.

Да, понимать... ты днемъ говори, такъ я пойму... а ночью человѣкъ, что онъ можетъ понимать? Ты ему то, а онъ тебѣ то; потому заснулъ человѣкъ, все одно, что утонулъ. А ежели ты его разбудишь, ну, какое у него понятие?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ступай, ступай!

ОГУРЕВНА *(охлажившись)*.

Батюшки, да гдѣ это мы?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ступай, ступай, не твое дѣло.

ОГУРЕВНА.

А вѣд мнѣ мерещится, что ты это у себя въ спальнѣ, на постелѣ лежа, мнѣ что приказываешь.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ступай, ступай, вонъ прямо по корридору — на лѣстницу на верхъ, да тамъ и жди! Да ты не усни дорогой-то!

ОГУРЕВНА *(уходя)*.

Ладно, молъ, ладно.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Куда ты? Куда ты? Прямо, прямо... Свѣчку-то не урони!.. *(Затворяетъ дверь и отходитъ отъ нея)*. Гдѣ-же онъ? Онъ въ своей комнатѣ. Ну, я туда не пойду *(прислушивается)*. Кто-то идетъ со двора... по корридору... сюда кто-то... *(входитъ на прилавокъ и садится за киль товару)*. *(Входитъ изъ корридора Ольга, на встрѣчу ей Ерастъ выходитъ изъ своей комнаты со свѣчкой)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ОЛЬГА И ЕРАСТЪ.

ЕРАСТЪ. ?

Ты зачѣмъ? Кто тебя просилъ?

ОЛЬГА.

А за тѣмъ, чтобъ сказать тебѣ прямо въ глаза, что безсовѣстный ты человѣкъ.

*

ЕРАСТЪ.

Такъ, я думаю, ты это послѣ успѣла бы, торопиться-то тебѣ не куда.

ОЛЬГА.

Да душа не терпитъ, постылый ты человѣкъ. Вотъ какъ ты за любовь-то мою, вотъ какъ! Да вѣдь со мной шутить нельзя... Я тебя, голубчикъ, погоди!..

ЕРАСТЪ.

Да потише ты! Ты не въ своей квартирѣ—дебоширничать-то! Ты въ чужомъ домѣ. *(Замыдываетъ въ корридоръ).*

ОЛЬГА.

Да что мнѣ! Я и знать не хочу!

ЕРАСТЪ.

Нѣтъ, вотъ что: ты лучше оставь до завтра, мы съ тобой послѣ поговоримъ.

ОЛЬГА.

Да не могу я, не могу; душа кипитъ, не могу.

ЕРАСТЪ.

Ну, говори, только скорѣй! Что тамъ такое у тебя случилось?

ОЛЬГА.

Я только одному дивлюсь, какъ у тебя хватаетъ совѣсти прямо глядѣть на меня. Ахъ, убила-бъ я тебя.

ЕРАСТЪ.

Да ужъ довольно твоихъ аховъ-то! Ты дѣло-то говори!

ОЛЬГА.

Аполлинарія Панфиловна видѣла тебя съ теткой вмѣстѣ? Говори! Видѣла?

ЕРАСТЪ.

Ну, такъ что-жъ за бѣда? Видѣла, такъ видѣла.

ОЛЬГА.

И ты можешь послѣ этого равнодушно со мной разговаривать; и тебѣ ничего не стыдно? Вотъ и выходитъ, что глаза-то у тебя безстыжіе.

ЕРАСТЪ.

Да, дальше-то что? Ты дѣло-то говори! Некогда мнѣ съ тобой проплакаться *(замыдываетъ въ дверь).*

ОЛЬГА.

Чего-жъ тебѣ еще дальше-то, чего еще?

ЕРАСТЪ.

А коли только, такъ и ступай домой. Стоило прибѣгать изъ-за такихъ пустяковъ.

ОЛЬГА *(чуть не плачетъ).*

Что-жъ тебѣ мало этого? мало?

ЕРАСТЪ.

Разумѣется, мало, а ты какъ думала!

ОЛЬГА.

Мало! Чего-жь тебѣ? Удаться мнѣ, что ли?

ЕРАСТЪ.

Если твоя глупость заставляетъ тебя давиться, такъ дави! Я тебѣ больше скажу! Твоя тетка сейчасъ ко мнѣ сюда придетъ. Слышишь ты это?

ОЛЬГА.

Ну, такъ не бывать же этому; себя не пожалѣю, а ужъ не позволю тебѣ такъ издѣваться надо мной.

ЕРАСТЪ.

Позволишь.

ОЛЬГА.

И не говори ты мнѣ, и не терзай ты меня; а то я такъихъ дѣлъ надѣлаю, что ты сраму и не оберешься.

ЕРАСТЪ.

Погоди, слушай ты меня! Сейчасъ придетъ сюда твоя тетка, а черезъ десять минутъ нагрянетъ сюда Потапъ Потапычъ съ твоимъ мужемъ и накроютъ ее здѣсь.

ОЛЬГА.

Что, что? Что еще за глупости придумываешь?

ЕРАСТЪ.

Ну, ужъ это не твоего ума дѣло.

ОЛЬГА.

Да зачѣмъ, къ чему это?

ЕРАСТЪ.

Стало быть, такъ надо.

ОЛЬГА.

Да голубчикъ, миленькій, скажи!

ЕРАСТЪ.

То-то вотъ, такъ-то лучше; а то шумишь, да грозишь безъ толку. (*Смотритъ въ дверь*). Пожить-то тебѣ получше хочется— и одѣться и все такое?

ОЛЬГА.

Какъ не хотѣться! Дурное ли дѣло.

ЕРАСТЪ.

А мужъ-то твой давно прогорѣлъ, да еще долговъ много. Если дядя ему наслѣдства не оставитъ, такъ ему въ яму садиться, а тебѣ куда?

ОЛЬГА.

Ужъ ты меня не оставь, Ерастъ, на тебя только и надежда.

Ерасть.

Да мнѣ самому-то не нынче-завтра придется по Москвѣ собакамъ гонять. А какъ застанетъ Потапъ Потапычъ жену здѣсь, меня-то за ворота дубьемъ проводить, да ужь и ей наслѣдство не достанется, а все ваше будетъ. Такъ видишь ты, а для вась съ мужемъ себя не жалѣю; а ты тутъ путаешься, да мѣшаешь.

Ольга.

Да развѣ я знала...

Ерасть.

Такъ вотъ знай! Ну, иди, иди!

Ольга.

А вѣдь я думала, что ты ее любишь.

Ерасть.

Какъ бы не полюбить, да не такая она женщина. Къ ней не скоро подѣдешь.

Ольга.

А ты бы не прочь подѣхать, кабы можно?

Ерасть.

Да, конечно, чего-жъ зѣвать-то!

Ольга.

Ахъ, ты постылый! Такъ вотъ не пойду же, не пойду.

Ерасть.

Кому-жъ ты угрозить хочешь? Себѣ-жъ хуже сдѣлаешь. Да тебя мужъ-то убьетъ до смерти, коли ты намъ помѣшаешь.

Ольга.

Да я бы ушла, да какъ тебя оставить-то съ ней? Сомнительно мнѣ.

Ерасть.

Ревность. Ты о теткѣ-то по себѣ судишь!.. Не сумѣвайся. Она не такая, не вамъ чета. Ну, ступай скорѣй, скоро десять часовъ.

Ольга.

Ну, смотри-жъ ты у меня! И, кажется... тогда не живи на свѣтѣ.

Ерасть.

Да будетъ ужь, ступай! Постой! Идетъ кто-то. Вотъ дотолковались. Бѣги въ мою комнату, возьми свѣчку. Затворишь и сиди тамъ не дыши. *(Ольга уходитъ со свѣчкой. Ерасть подходитъ къ двери корридора.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЕРАСТЪ И ВѢРА ФИЛИППОВНА.

ЕРАСТЪ (у двери).

ВѢРА ФИЛИППОВНА, это вы-съ?

ВѢРА ФИЛИППОВНА (*выходя изъ перегородки*).

НѢтъ, Ерастъ, я давно ужь здѣсь.

ЕРАСТЪ (*хватаясь за юлову*).

Все слышали?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Все.

ЕРАСТЪ.

Стало быть, знаете теперь, каковы мы люди?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Знаю, Ерастъ.

ЕРАСТЪ.

Оправданій нѣтъ, и языкъ не подыметъ оправдываться передъ вами! Что-жь мнѣ, плавать, прощенье просить, въ ногахъ ваяться? Такъ я, можетъ, и потерянный человѣкъ, но унижаться не стану, низкости во мнѣ нѣтъ. Все дѣло на лицо, ясно... ужь тутъ нечего... Слѣдуетъ вамъ только пренебречь нами, плюнуть и уйти... и оставайтесь опять такой высокой женщиной, какъ вы были, не связывайтесь съ такими людьми, какъ мы.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Такъ я и сдѣлаю. Ты какъ точно угадалъ мои мысли.

ЕРАСТЪ.

Но позвольте! Человѣкъ я для васъ маленькій, ничтожный, такъ все одно, что червь ползущій; но не откажите сдѣлать мнѣ послѣднюю милость (*становится на колѣни*). Скажите, что-нибудь да скажите! Ругайте, прощайте, проклинайте; ну, что вамъ угодно, только говорите—мнѣ будетъ легче; ежели же вы уйдете молча, мнѣ жить нельзя. Не убивайте презрѣніемъ, сорвите сердце, обругайте и уходите!..

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Изволь. Встань! (*Ерастъ встаетъ*). Ты меня хотѣлъ обмануть, а Богъ меня помиловалъ, стало быть, мнѣ жаловаться не на что. Мнѣ радоваться надо, что Богъ меня не забылъ. Хоть сто разъ меня обмануть, а все-таки любить людей я не отстану.

Только одно я скажу тебѣ: любить людей надо, а въ дѣла ихъ входить не нужно. Чтобы входить въ дѣла людей, надо знать ихъ, а знать мнѣ ихъ не дано. Коли я не умѣю разобратъ, кто правду говоритъ, а кто обманываетъ, такъ лучше не браться за это. Кто молча нуждается, кто просить, кто руку протягиваетъ—всякому помощи и проходи мимо съ легкимъ сердцемъ. А станешь ты людей про ихъ нужды спрашивать, такъ волей-неволей, тебя обмануть, потому что всякому хочется себя оправдать, свою вину на другихъ, либо на судьбу свалить, всякому хочется себя получше показать, своихъ-то грѣховъ, своей-до вины ни кто тебѣ не скажетъ. А догадаешься ты, что тебя обманываютъ и осудишь человѣка, такъ ужъ какое тутъ добро, только грѣхъ одинъ. А вотъ какъ надо жить, намъ глупымъ людямъ: люби людей, и не знай ихъ и не суди. Я не за свое дѣло взялась, моя забота люди бѣдныя, безпомощныя; а вы сами себѣ поможете; ишь какъ ловко вы все придумали. Видѣть тебя и разговаривать съ тобой ужъ больше мнѣ не зачѣмъ. Ты прощенья-то за свой грѣхъ проси не у меня, а выше, а коли и мое прощенье тебѣ нужно, такъ я тебѣ прощаю. Съ Богомъ! Мы теперь чужіе (*идутъ къ двери*).

Ер а с т ь.

Вотъ, кажется, въ воротамъ кто-то подбѣжалъ, да ужъ теперь васъ не застанутъ.

Въра Филипповна.

Тебѣ дѣла до меня нѣтъ, ты объ себѣ думай, я не боюсь. Что правому человѣку бояться (*уходитъ*).

Ер а с т ь.

Вотъ важно! хорошо, очень хорошо, лучше требовать нельзя. Ну, Константинъ, подвелъ ты меня ловко! Во всей формѣ я теперь невѣжа передъ ней, да и самому-то на себя глядѣть противно. Вотъ такъ налетѣлъ! Я стыда-то еще въ жизни не видалъ, такъ вотъ попробовалъ. Эхъ, сирота, сирота, учить-то тебя, да бить-то было не кому. Вотъ и бѣда, какъ твердо-то не знаешь, что хорошо, что дурно. Нѣтъ, ужъ лучше бѣдствовать, чѣмъ таковыи дѣлами заниматься! Только бы Богъ помогъ. До поту меня стыдъ-то пробралъ; да потъ-то какой, холодный (*Подходитъ къ двери своей комнаты*) Ольга! (*выходитъ Ольга со сѣточкой*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ЕРАСТЪ И ОЛЬГА.

ЕРАСТЪ *(береть сѣчу и ставитъ на конторку)*.

Иди домой! Бѣги скорѣй!

ОЛЬГА.

Что, что случилось?

ЕРАСТЪ.

Когда тутъ разговаривать! Бѣги скорѣй, застануть.

ОЛЬГА.

Такъ я завтра къ тебѣ забѣгу.

ЕРАСТЪ.

Да ладно, ладно.

ОЛЬГА.

Вѣдь ты меня любишь, ты меня ни на кого не прогнѣнешь?

ЕРАСТЪ.

Нашла время нѣжничать. Бѣги, говорятъ тебѣ.

ОЛЬГА *(обнимаетъ Ераста)*.Ну, прощай, милый, прощай *(отворяетъ двери въ корридоръ)*. Ай! *(подбѣгаетъ къ Ерасту)*. Дяденька тамъ, мужъ...

ЕРАСТЪ.

Бѣги ко мнѣ въ комнату, прячься тамъ хорошенько. (Ольга убѣгаетъ. Ерастъ садится за конторку и раскрываетъ конторскую книгу. Входятъ Каркуновъ, Халымовъ и Константинъ. Ерастъ встаетъ и кланяется).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ЕРАСТЪ, КАРКУНОВЪ, ХАЛЫМОВЪ И КОНСТАНТИНЪ.

КАРКУНОВЪ *(сидя на стулѣ)*.

Чѣмъ мнѣ не житье, кумъ, а? Какого еще житья надо? Приказчики ночи не спятъ, надъ книгами сидятъ; а не пьянствуютъ вѣдь, не безобразничаютъ.

ХАЛЫМОВЪ.

Каковъ хозяинъ, таковы и приказчики, хозяинъ трезвой жизни и приказчики по немъ.

КАРКУНОВЪ.

Да, да, вѣрно, кумъ, вѣрно. Другіе-то приказчики по трактирамъ, да всякое безобразіе...

ХАЛЫМОВЪ.

Да вѣдь они глупы, они думаютъ, что трактиры-то для нихъ устроены, а не знаютъ того, что трактиры-то и всякія безобразія для хозяевъ, а не для привазчиковъ.

КАРКУНОВЪ.

Такъ, такъ это, кумъ, такъ точно. А мои, видишь, какъ стараются. Старайся, Ерастъ, старайся!

ЕРАСТЪ.

Я, Потапъ Потапычъ всѣ силы полагаю.

КАРКУНОВЪ.

Да вижу, какъ не видать, чудакъ, вижу. Старайся, старайся. Забыть не будешь. А племянникъ, кумъ, словъ-то я, словъ не подберу, какъ нахвалиться. Я за нимъ, какъ за каменной стѣной! Какъ онъ дядю бережетъ! Приѣдетъ съ дядей въ трактиръ; самъ прежде дяди пьянъ напьется. Золотой парень, золотой! Ыдемъ ночью домой, кто кого везетъ, неизвѣстно, кто кого держитъ, не разберешь. Обнявшись ѣдемъ всю дорогу, пока насъ у крыльца дворники не снимутъ съ дрожекъ.

ХАЛЫМОВЪ.

Чудесно. Значить, дружески живете. Чего-жь лучше!

КОНСТАНТИНЪ.

Стараюсь, помилуйте, себя не жалѣю... Какъ можно, чтобы я для дяденьки...

КАРКУНОВЪ.

Вотъ и нынче, видишь, какъ старался, чуть на ногахъ держится.

КОНСТАНТИНЪ.

Для куражу, дяденька, для куражу. Коль скоро вы меня въ свою компанію принимаете, долженъ же я понимать себя, значить, долженъ я васъ веселить. А если я буду повѣся носъ сидѣть, скука, канитель... для чего я вамъ тогда нуженъ?

КАРКУНОВЪ.

Молодцы, молодцы ребята! А, кумъ, такъ вѣдь?

ХАЛЫМОВЪ.

Твое дѣло.

КОНСТАНТИНЪ.

Я, дяденька, всей душой... Да, кажется, такъ надобно сказать, что во всемъ домѣ только одинъ я къ вамъ приверженность имѣю.

КАРКУНОВЪ (встаетъ).

Спасибо, голубчикъ мой, спасибо! (кланяется въ поясъ).

КОНСТАНТИНЪ.

Чувствовать вашу благодарность я, дяденька, могу... душу имѣю такую... благородную...

КАРКУНОВЪ.

И тебѣ, Ерасть, за твою службу спасибо! (кланяется). Спасибо, дружки мои! Ты, Ерасть, завтра утромъ расчетъ получишь! (Константину) А ты такъ, безъ расчета, убирайся! И чтобы завтра духу вашего не пахло... (Ерасть молча кланяется).

КОНСТАНТИНЪ.

Вы, дяденька, извольте найти виноватыхъ, а я надѣюсь передъ вами правымъ остаться.

КАРКУНОВЪ.

Не надѣйся, дружокъ, не надѣйся. Ужъ ты тѣмъ виноватъ: какъ ты смѣлъ противъ тетки... что она и что ты? Такъ вѣдь, кумъ, я говорю?

ХАЛЫМОВЪ.

Да ну тебя, разговоривай одинъ! И такъ хорошо поешь, чего еще! Подпѣвать тебѣ не нужно. Пой, а мы слушать будемъ.

КАРКУНОВЪ.

Ты съ пьяну-то забылся; ты забылъ, что ты ничто, ты прахъ, тлѣнь, послѣдній гвоздь въ каблукѣ сапога моего! А тетка твоя женщина благочестивая, богомольная... Да вѣдь она жена моя, жена моя... какъ же ты смѣлъ? Какъ ты меня, братецъ, обидѣлъ, какъ обидѣлъ.

КОНСТАНТИНЪ.

Я такъ чувствую, что всѣ ваши слова только одна шутка, вы своей фантазіи отвагу даете. Извольте разобрать дѣло, поискать хорошенько кругомъ, да около, тогда и окажется, кто правъ, кто виноватъ.

КАРКУНОВЪ.

Погоди, погоди, твои рѣчи впереди! Мы теперь другую матерію заведемъ (плачевнымъ тономъ). Вотъ, кумъ, горе мое, зубы плохи стали!

ХАЛЫМОВЪ.

Свѣжіе закажи, коли природные изжевалъ; нынче покупные молучше своихъ.

КАРКУНОВЪ.

Да и то покупные, своихъ-то давно нѣтъ. Вотъ смотри! Да не востры, костяные, ну, что въ нихъ! А что, кумъ, если заказать желѣзные, сдѣлаютъ? Я большія деньги заплачу.

ХАЛЫМОВЪ.

Да что ты, баба яга, что ли?

КАРКУНОВЪ.

Да, я баба яга, а ты какъ думалъ? Вотъ какъ будутъ жадѣнные зубы-то, вотъ и буду я ими жевать жену-то — жевать, жевать... Константинъ, послужи послѣднюю службу, гдѣ жена, гдѣ жена моя, боярыня?

КОНСТАНТИНЪ.

Да вотъ, надо полагать, дяденька, что она вотъ тутъ (*указывая на комнату Ераста*). Уйти ей было не буда.

ЕРАСТЪ.

Ошибаетесь.

КОНСТАНТИНЪ.

Нѣтъ, ужъ теперъ не увернешься, съ поличнымъ поймали! Коли ты дяденькиныхъ благодѣяній не чувствуешь, что ты за человекъ послѣ этого. Пожалуйте, дяденька! (*Отворяетъ дверь въ комнату Ераста*).

КАРКУНОВЪ (*у двери*).

Жена, Вѣра Филипповна, выходи! Нейдетъ, перемонится... Пожалуйте сюда, чество васъ просимъ. Эхъ, баба-то заломалась, заупрямилась... Видно, пойти самому, поклоняться ей хорошеньво! (*Уходитъ, слышенъ его хохотъ; показывается изъ двери*). Тсс... тише!.. Нашель, нашель, находку нашель. Ни съ кѣмъ не подѣлюсь! Чуръ, одному! (*Уходитъ и быстро возвращается, таща за руку Ольгу*). Вотъ она, вотъ она, жена-то! (*Вилдывается; потомъ подбѣгаетъ къ Константину и ударяетъ его по плечу*). Жена... жена, да не моя, чудакъ!

КОНСТАНТИНЪ.

Вотъ такъ разъ... ну — Ольга!

КАРКУНОВЪ.

Ха, ха, ха! Поддержи меня кумъ, поддержи! (*хохочетъ истерически*). Завтра же всѣхъ васъ вонъ! всѣхъ вонъ! Метлой велю вымести на чисто! Ха, ха, ха! (*Уходитъ, отираясь на Халымова, который его поддерживааетъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

КОНСТАНТИНЪ, ЕРАСТЪ И ОЛЬГА.

КОНСТАНТИНЪ.

Ну, Ольга... *(Ольга убиваетъ въ корридоръ)*. Не отбѣгаешь, расчесть съ тобой будетъ. *(Ерасту)*. А съ тобой какъ намъ разбраться, какъ съ тобой считаться будемъ?

ЕРАСТЪ *(вынимаетъ вексель, разрываетъ, свертываетъ въ комокъ и бросаетъ)*.

Вотъ тебѣ и всѣ счеты. Возьми свой вексель! Считаться намъ нечего. Плакаться не на кого, не рой другому яму... *(обиваетъ Ольгу)*.

ОЛЬГА.

Съ дяденькой въ корридорѣ дурно сдѣлалось... говорить, ударъ... онъ умираетъ.

КОНСТАНТИНЪ.

А умираетъ? Такъ это другое дѣло.

ОЛЬГА *(заключивъ въ корридоръ)*.

Умеръ.

КОНСТАНТИНЪ.

Ну, Ольга, стоило бы убить тебя; а теперь я тебѣ въ ножки поклонюсь. По твоей милости, дядя помираетъ безъ завѣщанія, и я теперь полный хозяинъ всему этому.

Заканься.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица:

Наркуновъ.
Въра Филипповна.
Хальмовъ.
Аполлинарія Панфиловна.
Константигъ.
Ольга.
Ерастъ.
Миникентій.
Огуревна.
Одинъ изъ фабричныхъ.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОГУРЕВНА, ПОТОМЪ АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

ОГУРЕВНА.

Нивакъ кто-то идетъ! Не заперла я дверь-то. Не изъ нищихъ-ли? Пожалуй, стащатъ что. (*Идетъ къ двери, входитъ Аполлинарія Панфиловна*), Здравствуйте, матушка, Аполлинарія Панфиловна!

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Здравствуй, Огуревна! Всѣ ли вы тутъ живы?

ОГУРЕВНА.

Покуда живы, еще Богъ грѣхамъ терпитъ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Какъ здоровье Потапа Потапыча?

ОГУРЕВНА.

Все также, матушка, перемѣны не видать.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Встаетъ съ постели-то?

ОГУРЕВНА.

На полчаса не больше; побродить по комнатамъ, на палочку опирается, да подъ руки держимъ, посидитъ на креслѣ, да и опять сведемъ его на постель; сидѣть-то силушки нѣтъ у него.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

А какъ сердцемъ-то: по прежнему блажить, аль нѣтъ?

О Г У Р Е В Н А .

Нѣтъ, какъ можно, не въ примѣръ тише стала. Да докторъ говорить, чтобъ не сердился, а то вторительный ударъ ошибеть, такъ и живъ не будетъ. Онъ теперь со всѣмъ на Вѣру Филипповну расположился, такъ ужъ и не наглядится; все-то смотреть на нее, да крестить, да шепчетъ ей: «молись за меня, устрой мою душу, раздавай милостыню, не жалѣй!» А ужъ такая-ль она женщина, чтобъ пожалѣла!

А П О Л Л И Н А Р И Я П а н ф и л о в н а .

Много добра-то дѣлаетъ?

О Г У Р Е В Н А .

Ужъ и говорить нечего. Только и дѣла у ней, что разспрашиваетъ о бѣдныхъ, да сама ихъ розыскиваетъ. А потомъ на бумажку пишетъ, кому, когда и сколько отвезти, или послать. У ней на каждый день расписано—одинъ разъ въ недѣлю ужъ непременно въ острогъ съѣздить, а то по тюрьмамъ, да по больницамъ. А что разсылаетъ по обитателямъ, да по церквамъ по дальнимъ! Обромѣ того каждый день, послѣ обѣдни, до десяти часовъ, у насъ полонъ дворъ нищихъ и всякаго народу; сама ихъ всѣхъ одѣляетъ. Да что ходитъ этихъ съ книжками да съ кружками! Такіе-то заходятъ странники, что глядѣтъ на нихъ страсть, другой, какъ есть, разбойникъ, а она ихъ всѣхъ угощаетъ. А по праздникамъ кормимъ бѣдныхъ-то, вотъ тутъ-то всякаго народу насмотришься. Вотъ у насъ тутъ и пріемная, рядомъ съ ея спальней. Сюда прямо и лѣзутъ всѣ.

А П О Л Л И Н А Р И Я П а н ф и л о в н а .

Много къ вамъ бѣдныхъ-то ходитъ?

О Г У Р Е В Н А .

Много. И утромъ и вечеромъ ходятъ. Дворникамъ всѣхъ велѣно до самой допускать, такъ они и пускаютъ народъ, не разбирая. Какъ святыхъ живемъ, не бережемся; деньги изъ сундука вынетъ, да такъ на столъ и броситъ, такъ и валяются, а то и сундукъ забудетъ запереть. И какъ это насъ не ограбятъ до сихъ поръ.

А П О Л Л И Н А Р И Я П а н ф и л о в н а .

А кто-жъ у васъ за больнымъ-то ходитъ?

О Г У Р Е В Н А .

Поперемѣнно, либо я, либо она, а то еще старичка изъ богадѣльни взяли. Вотъ и сейчасъ она у Потапа Потапыча сидитъ; а пойду перемѣню ее, пошлю къ вамъ. (*Уходитъ*).

А П О Л Л И Н А Р И Я П а н ф и л о в н а .

Да неужто ужъ такъ окрѣпла женщина, что кромѣ мило-

стыни ничего не знаетъ? А вѣдь еще молода. Чудно! Какъ же вамъ-то, грѣшнымъ, на себя смотрѣть послѣ этого? Да нѣ словно какъ этого и не бываетъ. Да вотъ попробуемъ: пош не шутка, а спрось не бѣда. (*Входитъ Вѣра Филипповна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА И ВѢРА ФИЛИППОВНА.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Здравствуйте, Вѣра Филипповна, золотая моя! Какъ поживаете?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Какой еще жизни! Вотъ только самъ-то боленъ; а то какъ въ рай живу.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Во всемъ довольствѣ, значитъ?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да какое мое довольство! Миѣ для себя ничего не нужно тѣмъ я довольна, что всякому бѣдному помочь могу; никому отказывать не приходится, всякій съ чѣмъ-нибудь да уйдетъ отъ меня! Сколько богатства-то и дохода у Потапа Потапыча! Точно я изъ моря черпаю, ничего не убываетъ, тысячу-двѣ истратишь, а три прибудетъ. Или ужъ это Богъ посылаетъ за добрыя дѣла.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Много-ль въ день-то раздаете?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Я не считаю, день на день не придется. Вотъ нынче много отдала; за племянника, Константина Лукича, долги заплатила, изъ заключенія его выкупила.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

А ужъ Потапъ Потапычъ въ ваши дѣла не вступается?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, еъ нему только кланяются ходять, которые люди съ чувствомъ. А онъ только плачетъ, крестится, да меня благодарить. Никогда бы миѣ, говоритъ, такъ о своей душѣ не позаботиться, какъ ты объ ней заботишься: я хоть бы и хотѣлъ бѣднымъ помочь, такъ не сдюжѣлъ бы.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Все ужъ, значитъ, теперь вамъ предоставлено?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

...е, все.
...м

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Значить, во всей формѣ завѣщаніе сдѣлано?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, онъ хочетъ при жизни все на мое имя перевести по какой-то бумагѣ, по купчей, или по дарственной, ужь не знаю. Исая Данилыч хлопочетъ объ этомъ въ судѣ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Слышала я отъ него, слышала... Онъ хотѣлъ нынче къ вамъ заѣхать... Не за этимъ ли дѣломъ ужь? Ну, чай, не вдругъ-то Потапъ Потапычъ рѣшился, развѣ что болѣзнь-то убила.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, онъ равнодушно... только одно отъ меня требовалъ, чтобы я повлялась не идти за-мужь послѣ его смерти.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Ну, что-жь вы?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Божиться не стала, я грѣхомъ считаю, а сказала, что я и въ помышленіи этого не имѣю. Что мнѣ за охота себя подѣ чужую волю отдавать? Будетъ, пожила.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Ну, нѣтъ, не закаивайтесь, зарокъ не давайте!

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Я никому зарокъ и не даю; а только знаю про себя, что не быть мнѣ за-мужемъ; скорѣй же я въ монастырь пойду. Объ этомъ я подумываю иногда.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Не раненъ ли въ монастырь-то?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Охъ, да одна только и помѣха, моложава я, вотъ бѣда-то!

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Да, что-жь за бѣда. По нашему, такъ чего-жь лучше! Мы что бѣдиль-то, да разныхъ спецій истратимъ, чтобъ помоложе казаться; а у васъ этого расходу нѣтъ. А вѣдь это расчесть не маленькій.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, я къ тому, что соблазну боюсь; народа я вижу много, такъ грѣха не уберешься. Сама-то я не соблазнюсь, а люди-то смотрятъ на меня, кто знаетъ, что у нихъ на умѣ-то! Молода еще, да богата, другому въ голову-то и придетъ что не хорошее—вотъ и соблазнъ; а грѣхъ-то на мнѣ, я соблазнила-то. Вотъ горе-то мое какое!

Аполлинарія Панфиловна.

Коли только и горя у васъ, такъ еще жить можно. А я къ вамъ съ просьбой! Надо помочь одному человѣку.

Въра Филипповна.

Съ радостью, что могу.

Аполлинарія Панфиловна.

Ему многого не нужно; ему только слово ласковое.

Въра Филипповна.

За этимъ у меня дѣло не станетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Такъ поѣду, обрадую его.

Въра Филипповна.

Къ Потапу Потапычу не зайдете?

Аполлинарія Панфиловна.

Я черезъ полчаса къ вамъ заѣду съ мужемъ, тогда ужъ и съ Потапъ Потапычемъ увидаюсь. Да, забыла... Оленьку сейчасъ видѣла, катитъ въ коляскѣ, такъ-то разодѣта.

Въра Филипповна.

Ну, Богъ съ ней, не намъ судить.

Аполлинарія Панфиловна.

До свиданія (*уходитъ*).

Въра Филипповна (*у двери въ корридоръ*).

Кто тамъ? Проводите Аполлинарію Панфиловну... (*входитъ Огурева*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Въра Филипповна и Огуревна.

Огуревна.

Самъ-то уснулъ, я у него старичка посадила.

Въра Филипповна.

Поди-ко, посиди въ передней; а то взойдетъ кто, и доложить не кому.

Огуревна.

Чай тамъ есть кто, неужто-жь нѣтъ! Да что мудренаго! Инъ у насъ какой присмотръ-то въ домѣ! Какъ самъ захворалъ, такъ никакой строгости не стало. (*Отворяетъ дверь въ переднюю*). Да и то никого нѣтъ.

Въра Филипповна (*садится къ столу*).

Много-ль у меня денегъ-то осталось? (*вынимаетъ изъ кармана*

деньш). О, еще довольно! Надо-бъ ихъ въ шкапъ убрать, да пусть здѣсь полежать, кто ихъ тронетъ (*кладетъ на столъ деньги*). Куда мнѣ завтра-то? (*беретъ бумажку со стола и читаетъ*). «На Разгуляй, во вдовѣ съ сиротами»; мужъ на желѣзной дорогѣ, такъ машиной убило. Да, вотъ она жизнь-то! И день и ночь при машинѣ, семью-то и видѣлъ не надолго. А машина... вѣдь она желѣзная, развѣ она чувствуетъ, что онъ одинъ кормилецъ-то. Убила, да и дальше пошла. А вдовѣ-то съ дѣтьми каково! (*входитъ Огуревна*).

О Г У Р Е В Н А.

Матушка, Константинъ Лукичъ пришелъ съ нѣкіемъ странникомъ.

В ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Ну, что-жь, пусти!

О Г У Р Е В Н А.

Матушка, пускать ли странника-то? Вида-то онъ, какъ бы тебѣ сказать, больше звѣринаго, ничѣмъ человѣческаго.

В ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Съ виду-то и ошибиться не долго. Ничего, пусти! (*Огуревна уходитъ. Вѣра Филипповна отходитъ отъ стола къ дивану. Входитъ Константинъ, одѣтъ бѣдно, пальто короткое, поношенное, панталоны въ сапогахъ, и Иннокентій*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

В ъ Р А Ф и л и п п о в н а, К о н с т а н т и н ѣ и И н н о к е н т і й.

В ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Милости прошу. Присядьте!

К о н с т а н т и н ѣ.

Съ Хитрова рынка пѣшкомъ путешествовали, такъ отдохнуть надо (*садится*).

И н н о к е н т і й.

Благодаримъ, государыня милостивая (*садится*).

В ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Какъ же ты, Константинъ Лукичъ, устроиться думаешь? Изъ мѣсту бы куда опредѣлился, что ли.

К о н с т а н т и н ѣ.

Что мнѣ къ мѣсту, я самъ человѣкъ богатый.

В ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Ну, полно шутить-то!

*

КОНСТАНТИНЪ.

Наслѣдства жду.

ВѢРА Филипповна.

Откуда?

КОНСТАНТИНЪ.

Объ этомъ разговоръ послѣ. Вы бы, тѣтенька, побормили странныхъ-то!..

ВѢРА Филипповна.

Я не знала, что ты голоденъ. Подите внизъ, тамъ внизу столъ накрытъ, покушайте!

КОНСТАНТИНЪ.

Я суходѣнія не люблю; прежде надо горло промочить.

ВѢРА Филипповна.

Негдѣ взять, миленькій, мы вина не держимъ.

КОНСТАНТИНЪ.

Были-бъ деньги, а вина достать можно.

ВѢРА Филипповна.

Такъ возьми денегъ и ступайте, куда вамъ нужно; а въ моемъ домѣ пьянства я не позволю.

КОНСТАНТИНЪ.

«Въ моемъ домѣ!» Мой домъ-то, а не твой!

ВѢРА Филипповна.

Что-жъ дѣлать; на то была воля Потапа Потапыча.

КОНСТАНТИНЪ.

Ну, домъ, куда нишло; ты хоть деньгами подѣлись.

ВѢРА Филипповна.

Я и подѣлилась, я за васъ долги заплатила.

КОНСТАНТИНЪ.

Этого мало, ты половину всего подай!

ВѢРА Филипповна.

Такъ не просячь.

КОНСТАНТИНЪ.

Да я и пришелъ къ тебѣ не просить, а требовать; я за своимъ пришелъ, тутъ все мое. Вонъ, на столѣ деньги, и тѣ мои. Прибирай, Иннокентій, благо барманы широки. (*Иннокентій беретъ деньги со стола*). Это разъ! Теперь надо пощупать, что въ шкапу лежитъ, это будетъ другой.

ВѢРА Филипповна.

Что вы дѣлаете, побойтесь Бога!

КОНСТАНТИНЪ.

Иннокентій, съ тобой разрывъ-трава?

ИННОКЕНТІЙ.

Со мной, государь милостивый (*вынимаетъ небольшой ломъ*).

КОНСТАНТИНЪ.

Такъ похлопочи около шкапа-то! Постой! Не придушить ли ее немного, чтобъ не тараторила?

ИННОКЕНТІЙ.

Какъ прикажешь, милостивецъ. Только у меня рука тяжела, послѣ моихъ рукъ не выхаживаются. Клещи у меня здоровыя, прихвачу горло, пикнуть не успеешь, государыня милостивая.

КОНСТАНТИНЪ.

Вотъ слышишь! Ну, повяла ты теперь, что мы за люди? Ребята теплые! Ты кричать не вздумай! Что хорошаго! Пожалуй, дядю разбудишь, а онъ спитъ теперь; а Огуревну я внизъ услаь, не услышитъ. Значить, доставай ключъ, отпирай шкапъ и дѣли дѣпги по поламъ!

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Это деньги не мои, это деньги Божьи. Онъ мнѣ ихъ послалъ для бѣдныхъ. Хоть убейте, я не отопру.

КОНСТАНТИНЪ.

Да и убьемъ, тѣтенка, убьемъ, ты не сомнѣвайся! Вонъ погляди, каковъ у меня товарищъ, онъ изъ разбойниковъ только въ отпуску, еще отставку не выслужилъ.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Я его знаю; онъ Божьимъ именемъ у меня милостыню просилъ; онъ не убьетъ меня.

ИННОКЕНТІЙ.

Убью, государыня милостивая.

КОНСТАНТИНЪ.

Тѣтенка, разговоровъ нѣтъ, надо отпирать! Отпирай! Постой! Шкапъ-то съ секретомъ, онъ и самъ отопрется. Видишь пружину-то! *(показываетъ на пуговку звонка)*. Подави-ко, Иннокентій, навались; а я другую пожму. *(Нажимаютъ пуговицы звонковъ)*.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Что вы! Что вы дѣлаете!

КОНСТАНТИНЪ.

Что дѣлаемъ? Это ты сейчасъ увидишь.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Какъ Богъ-то васъ попуталъ. Это не пружина, это звонки на фабрику. Сейчасъ вся фабрика будетъ здѣсь.

КОНСТАНТИНЪ.

Какая фабрика?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Фабричные, ткачи, ну, и всякіе.

ИННОКЕНТІЙ.

Я еще поборюсь, государыня милостивая.

ВѢРА ФИЛИПОВНА.

Миленькій, нельзя; человекъ семьдесятъ, а то и больше нахлынетъ.

ИННОКЕНТІЙ.

Да, это сила, противъ такой силы не пойду, ибо глупо. (*Константину*), Милостивецъ, бросай что лишнее, да расправляй руки, лопатки крутить будутъ. Сопротивленіе бесполезно, я фабричныхъ знаю; ребра беречь надо, милостивецъ.

КОНСТАНТИНЪ (*съ испугомъ*).

Батюшки, что дѣлать-то?

ИННОКЕНТІЙ.

Слышу шумъ отъ множества шаговъ.

КОНСТАНТИНЪ (*падая на колѣни*).

Тетенька, вѣдь мы только поугаать васъ хотѣли... Простите!

ВѢРА ФИЛИПОВНА.

Встаньте, Константинъ Лукичъ! Богъ съ вами!

КОНСТАНТИНЪ.

Девъги-то, тетенька, которыя мы взяли, отдать прикажете?

ВѢРА ФИЛИПОВНА.

Да, отдайте! Отнятое въ прокъ не пойдетъ. Не ввели бы они насъ въ бѣду какою.

КОНСТАНТИНЪ.

Отдавай, Иннокентій!

ИННОКЕНТІЙ.

Здоровые зубы свои извлекать клещами легче бы мнѣ было, чѣмъ возвращать сіи деньги. (*Отдаетъ деньги*).

ВѢРА ФИЛИПОВНА.

Прошу васъ принять ихъ отъ меня (*отдаетъ деньги обвратно*). Раздѣлите ихъ пополамъ! И дай Богъ, чтобы онѣ вамъ на пользу пошли.

ИННОКЕНТІЙ.

Благодаримъ, государыня милостивая.

КОНСТАНТИНЪ.

Тетенька, отпустите насъ?

ВѢРА ФИЛИПОВНА.

Погодите! (*Входитъ фабричный*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТЪЖЕ И ФАБРИЧНЫЙ.

ФАБРИЧНЫЙ.

Что приказать изволите, матушка, Вѣра Филипповна?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Постой немножко... Дяденька вашъ жалуетъ вамъ пенсію, Константинъ Лукичъ, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ; каждое первое число приходите въ контору получать.

КОНСТАНТИНЪ.

А наверхъ ужъ ни ногой, тетенька?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да вамъ и не зачѣмъ, ужъ я за васъ поблагодарю Потапа Потапыча.

ИННОКЕНТИЙ.

Я, государыня милостивая, не долго погуляю на волѣ, къ зимѣ-то на базенную квартиру попрошусь къ Бутырской заставѣ; такъ не оставьте своей милостью, благодѣтельница.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Хорошо, я попомню, навѣщу. Прощайте. (*Константинъ и Иннокентій уходятъ*). Молодецъ, вы подите внизъ, скажите, чтобъ вамъ дали по стаканчику водки передъ ужиномъ. Я зачѣмъ васъ и позвала.

ФАБРИЧНЫЙ.

Благодаримъ покорно! (*кланяется и уходитъ. Входитъ Аполлинарія Панфиловна*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА, АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА, ПОТОМЪ
ОГУРЕВНА.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Я опять къ вамъ, съ мужемъ пріѣхала, онъ тамъ прямо къ Потапу Потапычу прошель.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Очень рада гостямъ, милости прошу. Чѣмъ подчивать прикажете?

Аполлинарія Панфиловна.

Хоть оно и стыдно на угощенье напрашиваться, а ужь съ вами по душѣ, велите-ко мнѣ подать мадерки.

Въра Филипповна.

Ахъ, что вы, помилуйте, какой стыдъ! Это моя глупость, что я не знаю, кого и когда чѣмъ подчивать.

Аполлинарія Панфиловна.

Да какъ узнать-то! Въ чужую душу не влѣзешь.

Въра Филипповна (*у двери въ переднюю*).

Огуревна, подай мадеры!

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, какъ вы можете знать, зачѣмъ мнѣ выпить нужно?

Огуревна (*за сценой*).

Сейчасъ, матушка, несу.

Аполлинарія Панфиловна.

Я для куражу хочу выпить. Разговаривать съ вами хочу, а смѣлости не хватаетъ (*входитъ Огуревна съ бутылкой мадеры и стаканомъ*). И стаканчикъ принесла, мою препорцію знаетъ. Ну-ка, налей, слуга Личарда! (*Огуревна наливаетъ и уходитъ*).

Въра Филипповна.

Кушайте!

Аполлинарія Панфиловна.

Выпью, много кланяться не заставлю. (*Пьетъ*).

Въра Филипповна.

Объ чемъ же вамъ угодно было со мной разговаривать?

Аполлинарія Панфиловна.

Помните?.. Да нѣтъ, погодите, еще не подѣйствовало, что-то не куражить. Не осудите вы меня?

Въра Филипповна.

Ахъ, что вы, помилуйте!

Аполлинарія Панфиловна.

Такъ я еще стаканчикъ пропущу.

Въра Филипповна.

Кушайте на здоровье (*наливаетъ стаканъ*).

Аполлинарія Панфиловна (*выпивъ*).

Ну, вотъ теперь, кажется, въ самый разъ. Отчего это мы съ вами по-пріятельски не сойдемся? Я вѣдь женщина не дурная, я гораздо лучше того, что про себя рассказываю. Отчего-жъ это мы по-дружески не живемъ?

Въра Филипповна.

Я не прочь, это какъ вамъ угодно.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, такъ поцѣлуемся! (*цѣлуются*). Вотъ что, Вѣрочка милая,

ты надъ нами не оченьъ возвышайся! Коли тебѣ дана душа хорошая, такъ ты не оченьъ возносишься; можетъ быть, и у другихъ не хуже твоей.

ВѢРА Филипповна.

Я и не возношусь. Я всегда и передъ всякимъ смириться готова.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ думаешь, на что женщинѣ дана душа-то хорошая?

ВѢРА Филипповна.

Чтобъ ближнихъ любить, бѣднымъ помогать.

Аполлинарія Панфиловна.

Только? Кабы это правда, такъ одной бы души съ женщины-то и довольно. А то еще ей дано тѣло хорошее, больно красивое да складное... это для чего? Боть и понимай, какъ знаешь!

ВѢРА Филипповна.

Не разберу я тебя, Аполлинарія Панфиловна.

Аполлинарія Панфиловна.

Да что тутъ разбирать-то! Помнишь, я тебя просила объ одномъ человѣкѣ, такъ онъ въ передней дожидается.

ВѢРА Филипповна.

Кто же такой?

Аполлинарія Панфиловна.

Его; хочешь ты принимай его, не хочешь — не принимай по твоей воли. А я къ Потапу Потапычу пойду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ВѢРА Филипповна, потомъ Огуревна.

ВѢРА Филипповна (*садится къ столу и подпираетъ голову рукой*).

Что она сказала! что она сказала! Нѣтъ, не надо мнѣ его... зачѣмъ онъ! А можетъ... онъ нуждается? Ну, пусть черезъ людей скажетъ, что ему нужно. А коль видѣть хочется? Не всякую нужду-то людямъ повѣришь. Словно, какъ я боюсь его... Да нѣтъ, чего бояться!.. Обидѣлъ онъ меня, кровно обидѣлъ... Такъ какъ же это... неужо я до сихъ поръ ему не простила? Ужели въ самомъ дѣлѣ не простила? А надо бы простить. Грѣхъ вѣдь— это грѣхъ... Разбойника, который хотѣлъ убить меня, я простила,

а его не прощаю... Какой грѣхъ-то... какой грѣхъ-т! (*громко*)
Огуревна! (*входитъ Огуревна*). Ерасть въ переднѣй?

О Г У Р Е В Н А.

Тамъ, матушка.

В Ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Ну, такъ... (*задумывается*).

О Г У Р Е В Н А.

Что, матушка?

В Ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Пусть онъ... пусть онъ войдетъ сюда. (*Огуревнѣ уходитъ. Входитъ Ерасть*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

В Ъ Р А Ф и л и п п о в н а и Е р а с т ь.

В Ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Здравствуй, Ерасть!

Е р а с т ь.

Честь имѣю кланяться.

В Ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Какъ ты поживаешь?

Е р а с т ь.

Лучше требовать нельзя; мѣсто имѣю отличное, двѣ тысячи рублей жалованья получаю.

В Ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Ну, слава Богу! Очень рада за тебя. (*Молчаніе*). Ты меня зачѣмъ-то хотѣлъ видѣть?

Е р а с т ь.

Точно такъ-съ.

В Ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Зачѣмъ же? Вѣдь ужъ ты теперь не нуждаешься.

Е р а с т ь.

Я пришелъ зачѣмъ-съ... вотъ чтобъ сказать вамъ, что я хорошо живу.

В Ъ Р А Ф и л и п п о в н а.

Ну, спасибо тебѣ. Это радость для меня не малая.

Е р а с т ь.

Да еще...

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Зачѣмъ еще-то?

ЕРАСТЪ.

Пожалѣть васъ.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Что ты, Богъ съ тобой. Нашель кого жалѣть! Я такъ счастлива, какъ въ раю живу?

ЕРАСТЪ.

Такъ ли-съ?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Чего мнѣ еще? Я теперь полная хозяйка всему, у меня больше, чѣмъ надо—на добрыя дѣла тратить могу, сколько хочу. Какого-жь еще счастья!

ЕРАСТЪ.

И значить, вы живете въ полномъ удовольствіи?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Въ полномъ удовольствіи, Ерастъ.

ЕРАСТЪ.

А я такъ понимаю, что вы только сами себя обманываете.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Да что съ тобой! Какъ ты знать можешь? Я сама-то себя лучше знаю.

ЕРАСТЪ.

Не знаете. Вы очень любите людей-съ, и полагаете, что этого довольно?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Да, конечно, довольно.

ЕРАСТЪ.

Нѣтъ, мало-съ. Ежели я кого люблю, а меня на отвѣтъ не любятъ, такъ какое же мнѣ удовольствіе!

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Ты про другое говоришь; ты про то говоришь, чего я знать не хочу.

ЕРАСТЪ.

Нѣтъ, про то самое. Вы теперь всѣхъ людей любите и добрыя дѣла постоянно дѣлаете, только одно у васъ это занятіе и есть, а себя любить не позволяете; но пройдетъ годъ или полтора, и вся эта ваша любовь... я не смѣю сказать, что она вамъ надоѣсть, а только зачерствѣетъ, и всѣ ваши добрыя дѣла будутъ въ родѣ какъ обязанность, или служба какая, а ужъ душевнаго ничего не будетъ. Вся это ваша душевность изсякнетъ, а на мѣсто того даже раздражительность послѣ въ васъ окажется и сердиться будете и на себя и на людей.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Правда ли это?

ЕРАСТЪ.

Зачѣмъ же я буду лгать. Я лгать пробовалъ, да ничего хорошаго не вышло, такъ ужъ я зарокъ далъ. А еслибы вы сами настоящую любовь и ласку отъ мужчины видѣли, совсѣмъ дѣло другое-съ; душевность ваша не изсякнетъ, къ людямъ вы не въ примѣръ мягче и добрѣй будете, все вамъ на свѣтѣ будетъ понятнѣй и доступнѣй, и всѣ ваши благодѣянія будутъ для всякаго въ десять разъ дороже.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Можетъ быть это и правда; да что-жь дѣлать-то, нельзя.

ЕРАСТЪ.

Я такъ думаю, что можно. Отбросьте гордость; не гоните того человѣка, который васъ полюбитъ, не обижайте его!

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Я замужняя женщина.

ЕРАСТЪ.

Такъ что-жь за бѣда! Потапъ Потапычъ ужъ не жилецъ на свѣтѣ, доктора говорятъ, что онъ больше мѣсяца не проживетъ. При томъ же, если умный человѣкъ, такъ онъ пойметъ ваше теперешнее положеніе, будетъ себя вдали держать и съумѣетъ благороднымъ образомъ своего термину дожидаться.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Ты давно ли такъ уменъ-то сталъ?

• ЕРАСТЪ.

Давно-съ. Я не то, что другіе изъ нашего брата, которые только и знаютъ, что по трактирамъ шляться; я все больше къ умнымъ, да къ образованнымъ людямъ въ компанію приставалъ; хоть самъ говорить съ ними не могу, такъ, по крайней мѣрѣ, отъ другихъ занимаюсь.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да, умныя твои рѣчи, только слушать ихъ грѣхъ.

ЕРАСТЪ.

Какъ вы, однако, грѣха-то боитесь! Вы, видно, хотите совсѣмъ безъ грѣха прожить? Такъ вѣдь это гордость. Да и какаѣ-жь заслуга, ежели человѣкъ отъ соблазну прячется? значить, онъ на себя не надѣется. А вы все испытайте, все извѣдайте, да останьтесь чисты, непорочны—вотъ заслуга.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Охъ, да!

ЕРАСТЪ.

Отъ враговъ прячутся-то, а не отъ тѣхъ, кто любитъ. По-

вѣрите душѣ моей, что кто васъ истинно любитъ, тотъ злодѣемъ вашимъ не будетъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Да, хорошо, хорошо, я вѣрю.

ЕРАСТЪ.

Такъ будьте хоть пѣскольку понисходительнѣе къ тѣмъ, кто васъ любитъ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Хорошо, хорошо, мы объ этомъ послѣ поговоримъ.

ЕРАСТЪ.

Значить, вы мнѣ позволяете навѣщать васъ хоть изрѣдка.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Что-жь заходи... только я рѣдко свободна бываю.

ЕРАСТЪ.

Ужь я найду время. Такъ я буду въ надеждѣ-съ?

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Не знаю, Ерастъ, на что ты надѣнешся; только надежды отнимать я не буду у тебя. Надежду отнимать у человѣка—грѣхъ... Прощай, Ерастъ.

ЕРАСТЪ.

Если я что вамъ неприятное... такъ извините-съ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА.

Нѣтъ, что ты! Скорѣй же я... Меня извини. *(Ерастъ вздыхаетъ, кланяется и уходитъ. ВѢРА ФИЛИППОВНА сидитъ у стола въ задумчивости. Изъ двери нальво входятъ: Аполлинарія Панфиловна, Каркуновъ (одной рукой опирается на палку, подъ другую ея поддерживааетъ Халымовъ).*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ВѢРА ФИЛИППОВНА, АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА, КАРКУНОВЪ И ХАЛЫМОВЪ.

АПОЛЛИНАРІЯ ПАНФИЛОВНА.

Кресло, Потапу Потапычу, кресло! *(ВѢРА ФИЛИППОВНА беретъ кресло отъ письменнаго стола и ставитъ на серединѣ комнаты. Каркуновъ садится).*

КАРКУНОВЪ *(дрожащимъ голосомъ).*

Любезная супруга моя, ВѢРА ФИЛИППОВНА... я вотъ сейчасъ...

торжественно... потому, кумъ, кума, Аполлинарія Панфиловна, вы знаете, какъ мои чувства... ежели насчетъ души моей... какъ ее устроить... значить, чтобъ на вѣчное поминовение... я не могу самъ; а все она, все она (*утираетъ слезы*). Торжественно объявляю... (*достаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ Въръ Филипповнѣ*). На, возьми! Все, все предоставляю... Теперь выгони ты меня, дурака, изъ дому-то! Все твое, все... дарственная... Я гость у тебя, а ты хозяйка. Поди сюда поближе, нагнись ко мнѣ! Я тебѣ шепну на ухо! (*Въра Филипповна нагибается*). Ты возьми, да выгони меня изъ дому! Такъ молъ васъ и надо, дураковъ старыхъ, женолюбивыхъ. Кумъ, кума, нѣтъ... она меня не выгнать... Какъ она объ душѣ моей хлопочетъ... всѣ меня благодарить приходятъ, земно бляняются; а за что, я и не знаю.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Я, Потапъ Потапычъ, за Константина Ильича долги заплатила.

КАРКУНОВЪ.

Вонъ, вонъ. слышите, слышите?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Я ему вашимъ именемъ, Потапъ Потапычъ, пенсію положила пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

КАРКУНОВЪ.

Что для души-то моей дѣлаетъ! (*утираетъ слезы*). А мнѣ бы не догадаться, не догадаться.

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Онъ приказалъ благодарить васъ.

КАРКУНОВЪ.

Да, да, вотъ; владѣй... владѣй всѣмъ!

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

Потапъ Потапычъ, при вашей жизни, продли вамъ Богъ вѣку, я исполнять вашу волю съ радостью готова; искать бѣдныхъ, утѣшать ихъ, помогать имъ я нисколько не считаю себѣ въ тягость, а даже за великое счастье. И благодарю васъ, что вы наградили меня такимъ счастьемъ.

КАРКУНОВЪ.

Кумъ, кума, слышите?

ВЪРА ФИЛИППОВНА.

И когда Богъ по вашу душу пошлетъ, и тогда я готова до самой свей смерти непрестаннымъ подаяніемъ вашу душу поминать, только дарственную вы отъ меня возьмите и откажите ваше имѣніе кому-нибудь другому.

КАРКУНОВЪ.

Что это! Обижаетъ вѣдь она меня, обижаетъ... На колѣняхъ вѣдь я тебя буду просить, на колѣняхъ... *(приподнимается)*.

ВЪРА Филипповна.

Никакого зароку, никакой клятвы, я не дамъ.

КАРКУНОВЪ.

Какъ, какъ ты говоришь?

ВЪРА Филипповна.

Я вамъ откровенно скажу, я за-мужъ пойду.

КАРКУНОВЪ.

Змѣя, змѣя! *(падаетъ въ кресло)*.

ХАЛЫМОВЪ.

Зачѣмъ было говорить!

АПОЛЛИНАРІЯ Панфиловна.

Къ чему это похвасталась! Дѣлай постѣ, что хочешь; а пока молчала-бы.

ВЪРА Филипповна.

Не могу я лгать, не могу.

КАРКУНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ. Она моей смерти ждетъ, моей смерти радоваться будетъ.

ВЪРА Филипповна.

Не правда, я вашей смерти радоваться не буду. *(Отходитъ къ сторонѣ и, отвернувшись, плачетъ)*.

КАРКУНОВЪ.

Такъ не дожидаться ей, не радоваться *(быстро поднимается)*. Я ее убью *(подымаетъ палку)*. Пусть умираетъ прежде меня.

ХАЛЫМОВЪ.

Кумъ, кумъ, что дѣлаешь?

КАРКУНОВЪ.

Прочь! Между мужемъ и женой посредниковъ нѣтъ *(подходитъ къ Вѣрѣ Филипповнѣ)*. Такъ ты моей смерти ждешь? гляди на меня! Гляди на меня! *(Вѣра Филипповна глядитъ на него)*. Убить ее, люди добрые, убить? Убить тебя, а? *(глядитъ ей въ глаза, бросаетъ палку, весь дрожитъ и едва держится на ногахъ. Вѣра Филипповна его поддерживаетъ. Каркуновъ смотритъ ей въ глаза, потомъ прилегаетъ къ плечу)*. За двадцать-то лѣтъ любви, покоя, за все ея усердіе убить хотѣлъ. Вотъ, какой я добрый. А еще умирать собираюсь. Нѣтъ, я не убью ее, не убью и не свяжу... Пусть живетъ какъ ей угодно; какъ-бы она ни жила, что бы она ни дѣлала, она отъ добра не отстанетъ и о душѣ моей помнить

будеть (Въра Филипповна подводитъ его къ креслу и сажаетъ его. Всѣ окружаютъ Каркунова. Въра Филипповна становится на колѣни подлѣ него). Владѣй всѣмъ, владѣй! Тебѣ и владѣть! А я долженъ благодарить Бога, что нашелъ человѣка, который знаетъ, на что богатымъ людямъ деньги даны, и какъ богатому человѣку проживать ихъ слѣдуетъ, чтобъ непостыдно могъ стать онъ передъ послѣднимъ судомъ.

Конецъ.

А. Островскій.

ФРАНЦУЗСКІЕ РОМАНТИКИ.

(Историко-литературные очерки).

Викторъ Гюго.

Безсмертіе принадлежитъ творцамъ живыхъ людей, тѣмъ, кто вдохновляется жизнью, создаетъ жизнь.

Золд.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ каждомъ увлеченіи чѣмъ-нибудь новымъ развивается естественное стремленіе относиться къ предшествующему не только критически, но и съ полнымъ отрицаніемъ. И замѣчательно, что нигдѣ это стремленіе не господствуетъ съ такою силою, какъ именно тамъ, гдѣ оно менѣе всего умѣстно, именно въ борьбѣ литературныхъ школъ. Другого рода дѣло—наука или политика. Здѣсь исключительность вполне законна и понятна, потому что новая научная теорія или политическая система являются обыкновенно логическимъ отрицаніемъ прежнихъ; нельзя принять теорію Коперника, не отвергнувши теоріи Птолемея, или признать необходимость освобожденія крестьянъ, оставаясь крѣпостникомъ. И въ искусствѣ, тамъ, гдѣ дѣло касается научной его стороны, теоріи, эстетики, исключительность вполне законна: каждая новая теорія искусства естественно отрицаетъ старую. Но совсѣмъ другого рода дѣло практическое осуществленіе искусства въ видѣ школъ. Школы отнюдь не исключаютъ другъ друга логически, а только смѣняются. Вѣдь что такое школа, сама по

себѣ, откладывая въ сторону тѣ различныя теоретическія подкладки, на которыя она обыкновенно опирается. Это есть не что иное, какъ извѣстный способъ выраженія идей вѣка въ тѣхъ или другихъ художественныхъ образахъ, сообразныхъ съ нравами, привычками и вкусами современниковъ, условный языкъ, создаваемый различными обстоятельствами времени и мѣста. Возникающая со своимъ временемъ, она и умираетъ съ нимъ, замѣняясь новыми школами наравнѣ съ новыми модами, обычаями и причіями. Никому въ настоящее время не придетъ въ голову написать александрійскими стихами оду по всѣмъ правиламъ піитики Буало, совершенно подобно тому, какъ никто не отправится на балъ вмѣсто фрака въ распитомъ золотомъ бархатномъ камзолѣ времянь Людовика XIV. Сравнивая фраки съ камзолами, мы можемъ судить о томъ, что фраки дешевле и удобнѣе камзоловъ. Но смѣшно было бы въ то же время утверждать, чтобы фракъ былъ логическимъ отрицаніемъ камзола, чтобы во фракѣ олицетворялась святая истина, а въ камзолѣ постыдная ложь. Въ такомъ же родѣ должны быть и сравненія наши литературныхъ школъ. Мы можемъ, напримѣръ, сказать, что ложный классицизмъ въ своей погонѣ за внѣшнимъ античнымъ изяществомъ стѣснялъ челоуѣческую мысль разными корсетами и шнуровками, уродовалъ ее всевозможными притираньями и подстриганьями, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ произведеніяхъ этой школы подъ тѣсными шнуровками не билось живое и страстное челоуѣческое сердце, а подъ слоями румянъ и пудры не переливалась по жиламъ горячая кровь. И мы не должны забывать, что эта самая литературная школа была исполнена такой жизненности и такихъ могучихъ силъ, что всѣ свои аристотелевскія оковы она носила, какъ перышко, и, несмотря на ихъ стопудовую тяжесть, имѣла возможность перевернуть чуть не весь міръ.

А между тѣмъ, эта банальная истина постоянно забывается въ разгарѣ борьбы между двумя соперничающими школами. Новаторы въ своемъ полемическомъ задорѣ не ограничиваются отрицаніемъ въ старой школѣ того, что въ ней дѣйствительно уже устарѣло, износилось и предстоитъ погребенію; вмѣстѣ съ тѣмъ они терзаютъ на части и то, что въ ней было, а можетъ быть до сихъ поръ остается живого; кончается дѣло слѣпымъ отрицаніемъ не только современнаго, но даже и всякаго историческаго значенія за старую школу. Положимъ, случается иногда, что новый вѣкъ, вмѣстѣ съ новыми литературными формами, приноситъ и новое идейное содержаніе, какъ это было, напримѣръ, у насъ при смѣнѣ ложнаго классицизма романтизмомъ и затѣмъ романтизма реализмомъ. Тогда отрицаніе старой школы вращается

преимущественно въ сферѣ идей, гдѣ оно имѣетъ свое логическое основаніе. Но не всегда это бываетъ такъ. Случается и наоборотъ, какъ это произошло во Франціи. Тамъ литературныя формы отличаются чрезвычайною живучестью, вслѣдствіе чего случается иногда, что новое и богатое идейное содержаніе вливается всецѣло въ старыя формы, имѣющіяся подъ рукою, а затѣмъ наступаетъ реакція и тогда вдругъ является новая литературная школа, подчиняется на первыхъ порахъ общему реакціонному духу и начинаетъ ратовать противъ старой шwoлы, подымая руки не только на ея обветшалыя формы, но и на самое ея славное содержаніе. Такъ было съ романтизмомъ въ его первомъ реакціонномъ періодѣ въ 20-е годы нынѣшняго столѣтія, когда онъ каралъ въ ложномъ классицизмѣ не только піитику Буало, но и все движеніе XVIII вѣка.

Хотя въ настоящее время во Франціи и нѣтъ реакціи въ такомъ крайнемъ видѣ, какъ это было въ 20-е годы, тѣмъ не менѣе, отчасти подобное же впечатлѣніе производятъ письма Золя въ «Вѣстникѣ Европы», въ которыхъ онъ обрушается безъ малѣйшаго удержа на такихъ почтенныхъ представителей своей отечественной литературы, какъ Викторъ Гюго и Жоржъ-Занда, гораздо снисходительнѣе относясь въ то же время къ Шатобріану и Альфреду-Мюссе. «Викторъ Гюго, по словамъ Золя, какъ новаторъ, пошелъ по ложному пути и внесъ въ литературу только личную фантазію, не попавъ въ широкое теченіе нашего вѣка, ведущее къ точному анализу, къ натурализму. Потомство отвернется отъ средне-вѣкового *bric-à-brac*, не имѣющаго даже за собой исторической правды. Онъ будетъ изумляться, что мы относились безъ смѣха къ этому колоссальному скопленію ошибокъ и пустяковъ. Будутъ искать философа, критика, историка, романиста, драматическаго писателя и, встрѣчая одного лирическаго поэта, ему, конечно, отведутъ очень почетное мѣсто, но ужь, конечно, не наполнять имъ цѣлаго столѣтія, потому что онъ не только не озарилъ свѣтомъ этого столѣтія, но еще чуть-чуть не омрачилъ его своими риторическими потемками. Онъ не искалъ истины, онъ не былъ человѣкомъ своего времени, чтобы тамъ ни говорили, и этого достаточно, чтобы объяснить, почему Бальзакъ будетъ расти съ теченіемъ времени, а Викторъ Гюго умалиться».

Что же касается до Жоржъ-Занда, то она оказывается мечтательницею, фантазеркою; она искажала дѣйствительность каждый разъ, когда касалась ея; живя воображеніемъ, всегда проходила возлѣ жизни. По сравненію съ романами натуралистической школы, романы Жоржъ-Занда гораздо безправ-

ствениѣе на томъ основаніи, что «дайте ихъ въ руки молодого человѣка или молодой женщины, они сильно взволнуютъ ихъ: у нихъ останется воспоминаніе, какъ бы объ очаровательномъ сновидѣніи, и можно опасаться, что дѣйствительная жизнь побѣдитъ имъ послѣ этого скучной, и они будутъ разочарованы, выбиты изъ колеи и готовы на всякія глупости и наивныя выходки. Эти книги переносятъ въ міръ химеръ, но въ концѣ-концовъ все же приходится роковымъ образомъ окунуться въ дѣйствительность. Женщины, послѣ такого чтенія, объявляютъ себя непонятными, какъ героини прочитанныхъ ими романовъ, а мужчины стануть искать приключеній, практиковать на дѣлѣ тезисъ о святости страстей. Насколько здоровѣе жизнь дѣйствительная, суровость правдивыхъ картинъ, анализъ человѣческихъ язвъ. Здѣсь невозможно извращеніе» и т. д.

Всѣ подобныя отзывы тѣмъ болѣе поражаютъ насъ, что являются у насъ безъ всякой побудительной причины, связи съ нашею текущей жизнью, словно какимъ-то анахронизмомъ. Совсѣмъ другое дѣло во Франціи: тамъ литературныя школы не заимствовались изъ внѣ, а вырабатывались жизнью и потому, какъ мы сказали выше, глубоко пускали свои корни. Тамъ и о ложномъ классицизмѣ нельзя сказать, чтобы онъ совсѣмъ сошелъ со сцены. А о романтизмѣ и говорить нечего; онъ все еще стоитъ передъ натуралистами школы Золя во всеоружіи. При такихъ условіяхъ, еслибы Золя обрушился на романтиковъ съ своею исключительностью передъ французскою публикою, то такая исключительность извинялась бы военнымъ правомъ. Пусть она была бы и несправедлива и дика, но что вы прикажете дѣлать: *à la guette, comme à la guette*; вашъ врагъ можетъ быть отличный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо лучше васъ, и въ мирное время на досугъ вы это разберете, но въ сраженіи вы должны его уничтожить, или онъ васъ уничтожить. Мы же по отношенію къ романтикамъ находимся въ самыхъ что ни на есть мирныхъ отношеніяхъ, и нѣтъ у насъ ни малѣйшаго побужденія набрасываться на нихъ съ саблями на голо; имѣемъ, напротивъ того, полный досугъ разбирать всѣ ихъ прекрасныя качества безъ всякой боязни, что они налетятъ на насъ и съѣдятъ насъ. Наши романтики, въ лицѣ Жуковского, Пушкина и Лермонтова, давнымъ давно мирно почіютъ въ гробахъ своихъ и походы противъ нихъ представляются намъ такими же дѣлами давно минувшихъ дней, преданіями старины глубокой, какъ какая-нибудь Куликовская битва. Мало этого, даже и самый тотъ объективно-протокольный натурализмъ, съ точки зрѣнія котораго Золя обрушается на романтиковъ, является у насъ дѣломъ давно

уже оспореннымъ, рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ. Въ такомъ видѣ натурализмъ являлся повсюду при самомъ началѣ своего возникновенія, когда онъ впервые провозглашалъ свою основную общую формулу. У насъ такимъ провозгласителемъ былъ Бѣлинскій, но и онъ подъ конецъ своей жизни началъ уже ратовать противъ этого примитивнаго натурализма, находя, что такой натурализмъ есть своего рода чистое искусство. Критика же 60-хъ годовъ рѣшительно и окончательно выставила на своемъ знамени и утвердила новый принципъ искусства, который, хотя и стоитъ на реальной почвѣ, но съ примитивнымъ натурализмомъ не имѣетъ ничего общаго. И дѣйствительно, съ точки зрѣнія этого новаго, господствующаго нынѣ принципа далеко недостаточно, чтобъ искусство только и дѣлало, что, по словамъ Золя, «рисовало жизнь такую, какова она есть, и старалось собрать какъ можно больше документовъ о людяхъ, не давая въ тоже время никакихъ выводовъ, изъ боязни впасть въ ошибку и предоставляя будущимъ вѣкамъ формулировать общія идеи, когда собраніе документовъ будетъ настолько велико, что дастъ возможность произнести сужденіе о человѣкѣ». Нѣтъ, мы никакъ не можемъ согласиться, вооружась молчалинскимъ изреченіемъ, что въ наши лѣта можно-ль смѣть свои сужденія имѣть, предоставить вдругъ будущимъ вѣкамъ всякія сужденія, а самимъ ограничиться скромною ролью безотчетныхъ и бессмысленныхъ копистовъ. Мы чувствуемъ себя живыми людьми, требуемъ себѣ законнаго мѣста на праздникъ жизни и стремимся участвовать въ этомъ праздникѣ всѣми порами своего существованія. На этомъ основаніи для насъ недостаточно, чтобы искусство только списывало жизнь, мы хотимъ, чтобы оно принимало активное и непосредственное участіе въ ней, выражало передовые идеалы своего вѣка, расширяло наши умственные горизонты, будило въ насъ всѣ высшіе и лучшіе нравственные инстинкты, раскрывало бы намъ все, что есть позорнаго, опаснаго, гибельнаго вокругъ насъ, и призывало бы насъ на борьбу со всѣми мрачными силами, тормозящими процвѣтаніе и прогрессъ нашего отечества.

Съ точки зрѣнія этого господствующаго нынѣ у насъ принципа для насъ совершенно безразлично, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ тотъ или другой изъ предшествовавшихъ писателей, романтикъ онъ, натуралистъ или ложный классикъ, изображаетъ онъ окружающую насъ дѣйствительность или переноситъ насъ въ міръ фантастическихъ грѣзъ, созданныхъ его воображеніемъ, является ли онъ передъ нами съ трагедіей во вкусѣ Буало, съ растрепанною романтическою поэмою или съ протокольнымъ романомъ въ духѣ Золя, мы прежде всего посмотримъ, какую

роль играет произведение въ дѣлѣ жизни, какое оно имѣетъ значеніе для своего вѣка. Этотъ принципъ мы прикидывемъ и къ самому Золя; такъ мы высоко цѣнимъ такія его произведенія, какъ «Ругоновъ» или «Брюхо Парижа», именно за то, что онъ является въ нихъ не однимъ безотчетнымъ копистомъ, но и строгимъ судьей своихъ современниковъ. Что же касается до такихъ его произведеній, какъ, напримѣръ, «Страница изъ романа», въ которомъ Золя остается вполне вѣрнымъ своему принципу, то на такой романъ мы не промѣняемъ ни одной строчки его славныхъ, гонимыхъ имъ предшественниковъ, и мы сильно сомнѣваемся, чтобы грядущіе вѣка могли изъ подобныхъ произведеній дѣлать какіе-либо выводы, кромѣ развѣ убѣжденія въ тщетѣ подобнаго рода протокольныхъ романовъ.

Господствующій у насъ принципъ, расширяя наши умственные горизонты, заставляетъ насъ усматривать такое явленіе, которое съ точки зрѣнія узкой доктрины Золя, должно показаться невѣроятною нелѣпостью. Реализмъ господствуетъ у насъ не день, не два, а лѣтъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ и представилъ въ литературѣ нашей цѣлую серію писателей, вѣрность дѣйствительности которыхъ несомнѣнна. А между тѣмъ, всѣ эти писатели— Некрасовъ, Островскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Л. Толстой, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Н. и Гл. Успенскіе и проч. — всѣмъ, что только у нихъ есть лучшаго и цѣннаго, всѣмъ своимъ вліяніемъ на современниковъ и своимъ значеніемъ обязаны, между прочимъ, именно тѣмъ самымъ французскимъ романтикамъ-фантазерамъ, которые, по словамъ Золя, искажали жизнь, шли мимо нея и потому не были людьми своего времени. Въ виду того просвѣтительнаго вліянія, которымъ всѣ мы обязаны французскимъ романтикамъ 30-хъ годовъ, въ виду того благотворнаго дѣйствія, которое оказали они и до сихъ поръ еще продолжаютъ оказывать на нашу литературу, рѣшительные приговоры Золя, преисполненные того высокоумнаго самодовольства, какимъ постоянно отличается всякое узкое доктринерство, мало того, что поражаютъ своею ложью, они возмущаютъ душу, какъ нѣчто крайне непристойное, почти что оскорбительное. Какъ? Мы воображали, что всѣмъ, что есть въ насъ лучшаго въ смыслѣ общечеловѣческихъ идеаловъ, мы обязаны этимъ корифеямъ французской литературы, мы привыкли уважать отечество Золя именно за то, что оно выдвинуло такихъ писателей, какъ Викторъ Гюго, Жоржъ Зандъ, Беранже и проч. И вдругъ является передъ нами соотечественникъ этихъ великихъ именъ и нагло смѣется намъ въ глаза, говоря, что все, чему мы учились у Франціи и что мы чтили въ ней, все это вздоръ, галиматья, одно безпутное

фантазерство, что вся французская литература не стоит вы́деннаго яйца, кромѣ Бальзака, Стендаля, братьевъ Гонкуровъ, Додэ и его самого, распрекраснаго Золя. Своими приговорами Золя похериваетъ у насъ цѣлую эпоху въ 50 лѣтъ, и всѣ мы остаемся въ дуракахъ съ тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ переворотомъ, который совершился въ нашихъ мозгахъ въ теченіи этой эпохи, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ корифеевъ французской литературы.

Поэтому всему, съ цѣлью не одного только возстановленія истинны, но и удовлетворенія чувства признательности, оскорбленнаго письмами Золя, я считаю не лишнимъ посвятить нѣсколько этюдовъ французскимъ романтикамъ: пусть читатели, не увлекаясь слишкомъ приговорами Золя, припомнятъ, чѣмъ были эти романтики для своихъ соотечественниковъ и чѣмъ мы имъ до сихъ поръ обязаны. Въ видахъ этой цѣли, я не буду вдаваться ни въ какія эстетическія сужденія объ этихъ писателяхъ, что и безъ меня давно сдѣлано лучшими знатоками этого дѣла и что совершенно не входитъ въ предметъ моихъ этюдовъ. Пусть эти писатели исповѣдывали такія эстетическія теоріи, которыя съ нашей точки зрѣнія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, пусть слогъ Виктора Гюго вычуренъ и риториченъ, пусть романы Жоржъ Занда растянуты и слишкомъ преисполнены разными отвлеченными разсужденіями вмѣсто того, чтобы строго держаться въ предѣлахъ художественной образности. Я ограничусь только точнымъ историческимъ изложеніемъ ихъ литературной дѣятельности въ связи съ ихъ личнымъ умственнымъ развитіемъ и развитіемъ ихъ великаго вѣка, причемъ самое главное вниманіе мое будетъ обращено именно на то, чѣмъ эти писатели наиболее цѣнны: на тѣ идеи, которыя они проводили, и тѣ идеалы, которые воплощали.

Тою же спеціальною цѣлью, въ видахъ которой я предпринимаю свой трудъ, объясняется и то, что я начинаю свои этюды прямо съ Виктора Гюго, минуя его предшественниковъ. Въ каждой странѣ Европы между романтизмомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова и ложнымъ классицизмомъ стоитъ промежуточная школа сентиментализма, съ которой присяжные литературные историки и начинаютъ обыкновенно прослѣживать развитіе романтизма. Во Франціи представителями сентиментализма оказываются Жанъ-Жакъ-Руссо, Сталь, Бернарденъ де-Сенъ-Пьерръ, Шатобрианъ и Ламартинъ, и съ нихъ слѣдовало бы начинать трактатъ о французскихъ романтикахъ. Но я не присяжный историкъ и вовсе не имѣю въ виду обзоренія французскаго романтизма въ полномъ его составѣ. Я обращаю вниманіе лишь на такихъ писа-

телей романтической школы, на долю которых выпала наибольшая роль въ дѣлѣ европейскаго прогресса, а главное дѣло, вліяніе которыхъ въ развитіи нашей литературы наиболѣе ощутительно. Къ тому же, первый періодъ литературной дѣятельности Виктора Гюго въ 20-е годы нашего столѣтія, когда поэтъ находился еще подъ вліяніемъ Шатобриана и Ламартина, дастъ намъ вполне достаточное понятіе о томъ, что такое былъ романтизмъ во Франціи въ началѣ своего развитія, когда онъ подчинялся еще духу реакціи, царившему въ періодъ реставраціи, и не успѣлъ еще взять въ свои руки знамя передовыхъ идей своего вѣка. Что же касается до эпиграфа, выставленнаго мною въ началѣ этюда, то я избралъ его нарочно въ оппозицію приговорамъ Золя. Вышеприведенныя слова эпиграфа Золя относятся, конечно, ужъ къ своимъ излюбленнымъ романистамъ-натуралистамъ, желая выразить, что имъ исключительно принадлежитъ безсмертіе, какъ творцамъ живыхъ людей, вдохновляющимся жизнью и создающимъ жизнь; романтиковъ же фантазеровъ, шедшихъ мимо жизни, онъ обрекаетъ на забвеніе. Я же отношу слова Золя прямо къ романтикамъ и буду вполне доволенъ, если этюдами своими я докажу, что они нисколько не менѣе, если только не въ болѣе высокой степени вдохновлялись жизнью, изображали живыхъ людей и создавали жизнь, и что, поэтому, они вполне раздѣляютъ вмѣстѣ съ натуралистами право на безсмертіе.

I.

Общее положеніе вещей во Франціи въ періодъ реставраціи: ужасы бѣлаго террора, репрессивныя и реакціонныя мѣры, пресса, литература, тайны общества.—Скитальческая, лагерная жизнь В. Гюго въ раннемъ дѣтствѣ.—Первые учителя В. Гюго.—Вліяніе Испаніи.—Разводъ родителей.—Характеристика ролястическихъ кружковъ того времени.—Дальнѣйшее воспитаніе поэта.—Первые литературные успѣхи.—Независимость и борьба съ жизнью.—Начало литературной славы.—Женитьба.—Пенсія Людовика XVIII.

Годы дѣтства и юности Виктора Гюго совпадаютъ съ мрачною эпохою, черною тучею висѣвшею надъ всею Европою—эпохою, весьма поучительною во многихъ отношеніяхъ. Такъ, мы видимъ, до какого поразительнаго забвенія всего пережитаго и перетерпѣннаго, стоившаго невѣроятныхъ усилій, миллиардовъ денегъ и морей крови, можетъ быть доведена нація, ослабленная и истощенная всѣми этими жертвами и кинувшаяся въ руки реакціи, подобно тому, какъ усталый человѣкъ радъ броситься на камни, чтобы хоть немножко передохнуть. Казалось, что отъ всей той

славной эпохи, когда Франція возвѣщала міру наступленіе царства разума, идей свободы, равенства и братства и затѣмъ сдѣлалась повелительницею половины Европы—не осталось ни малѣйшаго слѣда. Единственно, что, повидимому, завѣщала ей эта эпоха—былъ влочекъ жалкой конституціонной хартіи, опредѣлявшей такой высокой цензъ, по которому страна отдавалась въ руки олигархіи въ 100,000 избирателей и лишь въ 17,000 избираемыхъ въ палату депутатовъ. Подобный высокой цензъ и создалъ ту «незамѣнимую» палату, членамъ которой, ознаменовавшимъ себя знаменитою пословицею «plus royalistes que le roi», даже Людовикъ XVIII казался черезчуръ либеральнымъ и они все время стояли съ нимъ въ оппозиціи, считая недостаточными существующія репрессивныя мѣры и требуя еще большихъ, ради полнаго искорененія всякихъ традицій эпохъ революціи и Наполеона I. Въ какой же степени были недостаточны эти репрессивныя мѣры, мы можемъ судить по слѣдующему перечню тѣхъ фактовъ, какими ознаменовалась реставрація, фактовъ, извѣстныхъ подъ историческою кличкою «бѣлаго террора».

Тотчасъ же послѣ 100 дней были утверждены палатою три закона, которыми совершенно нарушалась конституціонная хартія: одинъ законъ уничтожалъ гарантіи личной свободы и давалъ полиціи безграничную власть надъ лицами, другой угрожалъ строжайшими наказаніями «возмутительнымъ возгласамъ», третій—въ каждомъ департаментѣ учреждалъ подъ именемъ превотальнаго суда комиссію, должествовавшую судить безапелляціонно всѣ политическія преступленія и приводить въ исполненіе свои приговоры безъ малѣйшаго отлагательства.

По настоянію фанатиковъ роялизма, министръ полиціи Фуше составилъ родъ проскрипціоннаго списка, въ которомъ поименованы 90 бонапартистовъ, подлежащихъ казни, и 30—изгнанію за государственную измѣну; но при этомъ само министерство полиціи спасало тайно жертвы фанатическаго преслѣдованія, совѣтуя имъ бѣжать, выдавая для этого паспорта и даже деньги для путешествія, такъ что заплатились только тѣ, которые, по легкомыслію или вслѣдствіе недостаточности средствъ, не воспользовались бѣгствомъ; таковы были генераль Лабедойеръ, маршаль Ней и пр. Въ столицѣ и провинціяхъ все громче и громче раздавались голоса, которые требовали широкихъ и рѣшительныхъ мѣръ для наказанія прошедшаго и утвержденія будущаго, именно: отставки всѣхъ чиновниковъ съ подозрительными политическими убѣжденіями, до послѣдняго почтальона и сторожа; осужденія на смерть всѣхъ, устроившихъ возвращеніе Наполеона; изгнаніе дѣятелей революціи, противъ которыхъ нельзя было начать формальнаго

процесса; возстановленіе конфискацій для враговъ существующаго порядка вещей. Въ провинціяхъ образовались роялистскіе комитеты, которые самовольно, даже съ угрозами и насиліями противъ королевскихъ чиновниковъ, старались приводить въ исполненіе эти и имъ подобныя цѣли, и которые во многихъ мѣстахъ фактически захватили съ свои руки общественное управленіе. Палаты съ своей стороны стремились къ тому, чтобы законодательнымъ путемъ устроить реакцію въ большемъ видѣ. Главныя дѣятели второй палаты проэктировали законъ проскрипціи, который, подъ разными категоріями, не менѣе, чѣмъ тысячи лицъ угрожалъ смертію, тюрьмою и изгнаніемъ.

Доносы, судебныя преслѣдованія, отставки, тюремныя заключенія, изгнанія или полицейскія ссылки разрастались до невѣроятной степени. Говорятъ, будто бы въ теченіи десяти мѣсяцевъ 70,000 человекъ было заключено въ тюрьмы за убѣжденія, и около 100,000 чиновниковъ прогнаны изъ службы по той же причинѣ. Новый министръ полиціи Деказь своими приказами и циркулярами отдавалъ «враговъ государства» — т. е. всѣхъ, которые не были и не прикидывались горячими приверженцами реставраціи на полный произволь даже самыхъ низшихъ чиновниковъ. Во многихъ мѣстахъ чиновники дѣлали изъ этихъ полномочій такое употребленіе, которое не только превышало намѣренія самого министра, но выходило за предѣлы всякой разумной возможности. По одному капризу какого-нибудь административнаго чиновника, нѣсколько сотъ жителей изъ своей родины переселялись въ отдаленныя департаменты. Одинъ префектъ, который вообще считался за человекъ разсудительнаго, требовалъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, чтобы жители его округа доносили ему о всѣхъ лицахъ, распространяющихъ «нелѣпыя слухи». Другой префектъ устроилъ «трибуналь покаянія», который долженъ былъ судить объ искренности новообращенныхъ роялистовъ. Третій приказалъ сжечь на площади въ Орлеанѣ книги, гравюры, статуи и другія произведенія искусствъ, которыя изображали лицъ и событія имперіи; при этомъ былъ уничтоженъ портретъ Наполеона, едѣланнныи известнымъ Жераромъ и кушленный городомъ за 200,000 франковъ.

И замѣчательно при этомъ, что главная инициатива во всѣхъ этихъ неистовствахъ принадлежала отнюдь не высшему правительству, въ лицѣ короля и большинства его министровъ. Напротивъ того, правительство, изъ чувства самосохраненія, всячески старалось умѣрить реакціонный пылъ и, насколько могло, препятствовало предлагавшимся репрессивнымъ мѣрамъ, еще болѣе крайнимъ, чѣмъ всѣ вышеприведенныя. Реакція коренилась въ самомъ

обществѣ столичномъ и провинціальномъ, начиная съ высшихъ и до самыхъ низшихъ его ступеней, не исключая и простаго народа, который съ своей стороны спѣшилъ заявить свою преданность церкви и королю рядомъ кровавыхъ расправъ противъ враговъ отечества. Таково возстаніе черни въ Марселѣ, гдѣ была избита безъ всякаго повода и предлога бѣдная колонія азіатцевъ, которые изъ Египта и Сиріи послѣдовали за французскими войсками и уже пятнадцать лѣтъ жили на краю города. Расправившись съ магометанами, народъ напалъ на дома нѣкоторыхъ богатыхъ бонапартистовъ, и еслибы не вмѣшательство національной гвардіи, весь городъ былъ бы разграбленъ. Въ Авиньонѣ народъ, узнавъ о приѣздѣ въ городъ маршала Брюна, бѣшеною толпою окружилъ гостинницу, въ которой остановился маршалъ, ворвался въ его комнату черезъ крышу сосѣднихъ домовъ и маршалъ былъ убитъ наповаль выстрѣломъ изъ ружья. Въ Тулузѣ такимъ же позорнымъ образомъ былъ убитъ генераль Рамель. Но все это были мелкія всышки передъ тѣми ужасами, какіе разразились въ городахъ Нимѣ, Юзесѣ и 'сосѣднихъ мѣстечкахъ надъ несчастными протестантами, проникнутыми республиканскими стремленіями. Ужасы эти напомнили собою Варооломеевскую ночь, но длившуюся нѣсколько мѣсяцевъ. Сегодня совершалось убійство нѣсколькихъ плѣнныхъ, завтра разграблялась деревня, послѣ завтра сжигалась дача или опустошался виноградникъ. Самъ же Нимъ представлялъ видъ города, взятаго штурмомъ. И въ то же время въ теченіи мѣсяца ни одна парижская газета не осмѣлилась заикнуться обо всемъ этомъ, а когда въ палатѣ Волье-д'Аржансонъ позволилъ себѣ сдѣлать намекъ, то яростные крики его товарищей заставили его замолчать и, кромѣ того еще, президентъ формально призвалъ его къ порядку.

А въ это время по улицамъ и площадямъ городовъ торжественно двигались пышныя католическія процессіи, причемъ свѣтскія власти принимали въ нихъ ревностное участіе и парижскому населенію представлялось трогательное зрѣлище при видѣ маршала Сульта, важно выступающаго съ горящею свѣчею въ рукахъ за иконою Дѣвы Маріи. Странствующие проповѣдники изъ Парижа расхаживали по всей странѣ, ниспосылая проклятія на все прошлое и грозя казнями небесными, и народъ устремлялся толпами туда, гдѣ они устраивали свою духовную сцену, тѣмъ болѣе, что власти на это время запрещали всѣ другія зрѣлища, которыя могли помѣшать миссіонерскимъ представленіямъ. Католическая ревность дошла до такой степени, что правительство вздумало запретить по воскреснымъ днямъ всякую торговлю и уличное движеніе, но когда эта мѣра не удалась, потому что

подобное празднованіе воскресеній было чуждо нравамъ парижанъ и убыточно для многочисленныхъ классовъ, жившихъ воскресными развлечениями публики, то старались, по крайней мѣрѣ, удержать въ силѣ запрещеніе танцевальной музыки и народныхъ гуляній. «Казалось, говорить по этому поводу Рохау въ своей исторіи Франціи:—какъ будто правительство, посредствомъ жандармовъ и судовъ, хотеть довести народъ до убѣжденія, что онъ не имѣетъ никакого другого назначенія, кромѣ того, чтобы въ будничные дни трудиться и добывать средства для уплаты податей, а въ праздники молиться о томъ, чтобы небо даровало ему самоотверженіе и послушаніе».

Въ тоже время господствующая партія стремилась всѣми силами передать образованіе юношества въ руки духовенства. Такъ народныя школы въ городахъ и деревняхъ переданы были монашескому обществу Frères de l'école chrétienne, между тѣмъ, какъ система взаимнаго обученія преслѣдовалась и изгонялась, какъ проклятое орудіе революціи и невѣрія. Изъ гимназій и другихъ заведеній были вытѣснены всѣ тѣ профессора, убѣжденія которыхъ не были безусловно согласны съ господствующими принципами. Если къ отставкѣ подозрительныхъ профессоровъ представлялись какія-либо законныя препятствія, то прямо прибѣгали къ закрытію самихъ заведеній. Такъ, на примѣръ, были уничтожены юридическій факультетъ въ Греноблѣ, медицинскій факультетъ въ Парижѣ и нормальная школа тамъ же, и если впоследствии возстановлялось то или другое изъ этихъ заведеній, то при этомъ уже совершенно устранялись всѣ подозрительныя личности; изъ парижской медицинской школы были такимъ образомъ устранены одиннадцать профессоровъ. Въ другихъ случаяхъ, профессорамъ, внушавшимъ опасенія, запрещались чтенія. Эта мѣра постигла на примѣръ: Ройе-Коллара и Гизо, профессоровъ философіи и новой исторіи въ Collège de France. Даже знаменитый ориенталистъ Сильвеестръ-де-Саси, несмотря на свои благочестивыя и роялистскія убѣжденія, былъ лишень своего мѣста въ верховномъ университетскомъ совѣтѣ за то, что не согласился на передачу всего обученія духовенству, и на его мѣсто опредѣленъ былъ какой-то ничтожный аббатъ. Главой же университета (Grand maître de l'université), т. е. главой народнаго просвѣщенія былъ назначенъ священникъ Фрейсинусъ.

Запасшись благонамѣренными учителями, не забыли, конечно, и о такихъ же учебникахъ, причемъ достаточно упомянуть о знаменитомъ учебникѣ исторіи патера Лорикё, въ которомъ ни однимъ словомъ не упомянуто о Наполеонѣ, какъ императорѣ,

а говорилось лишь о генералѣ Бонапартѣ, главнокомандующемъ войсками его христіаннѣйшаго величества Людовика XVIII.

Пресса по закону была свободна, но типографіи и книжная торговля были связаны дозволеніями, отнятіе которыхъ висѣло надъ ними постоянно дамокловымъ мечомъ. Если же пресса позволяла себѣ порою говорить смѣло, то ее заставляли молчать строгими наказаніями по суду, которыя, кромѣ того, приводились въ исполненіе во многихъ случаяхъ съ самою безжалостною и грубою жестокостью. Такъ, на примѣръ, осужденнаго на нѣсколько мѣсяцевъ заключенія журналиста Магалена, связали съ пьянымъ каторжникомъ и заставили его въ такомъ видѣ идти пѣшкомъ изъ Парижа въ смиренный домъ, находившійся въ Пуасси. Послѣ же убійства герцога Беррійскаго въ 1820 году, хартія была прямо нарушена уничтоженіемъ свободы печати для газетъ и журналовъ, которые теперь могли издаваться не иначе, какъ по особому разрѣшенію, и снова были подчинены цензурѣ.

А казалось бы, что и преслѣдовать-то цензурѣ было совершенно нечего. Не говоря уже о такихъ ультра-роялистическихъ изданіяхъ, какъ «Quotidienne», «Gazette de France», «Drapeau blanc», «Conservateur», которыя, если порою нападали на правительство, то лишь за то, что оно было, по мнѣнію издателей, слишкомъ либерально, слабо и недостаточно мужественно и строго проводило свои принципы — даже и такіе популярныя органы, какъ «Journal des Débats» и «Constitutionnel», были строго-роялистичны, причѣмъ, болѣе консервативный «Journal des Débats» вооружался лишь на крайности роялистскаго фанатизма, а лавочническій либерализмъ Constitutionnel'я поражалъ лишь своею крайнею узостью и мелочностью. Одна только «Minerve», стояла въ прямой и явной оппозиціи съ правительствомъ, но и эта была оппозиція, не простирающаяся далѣе доктринерскаго конституціонализма Бенжамена Констана, хотя на страницахъ этой газеты и пѣлъ свои гѣсны Беранже, а Поль Луи Курью разразился своими ядовитыми памфлетами. Одинъ только «Sensé» отличался нѣсколько республиканскимъ оттѣнкомъ, но за то онъ держался строго-научнаго характера, и во избѣжаніи цензуры, выходилъ выпусками различнаго объема.

Что касается до литературы, то она вполнѣ гармонировала съ общимъ реакціоннымъ духомъ эпохи. Въ то время, какъ такіе столпы, поддерживавшіе на своихъ плечахъ зданіе реставраціи, какъ Де-Местръ, Бональдъ и Ламене, проводили самымъ рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ образомъ свои ультра-католическія и легитимистическія идеи, доводя ихъ до послѣднихъ абсурдовъ, изящная литература, въ лицѣ своихъ первыхъ представи-

телей Шатобріана и Ламартина, вторила имъ съ полнымъ усердіемъ въ томъ же направленіи. Вотъ про эту литературу такъ дѣйствительно можно было сказать, что она достойна полного забвенія, какъ печальный памятникъ того крайняго нравственнаго и умственнаго извращенія и того упадка человѣческаго духа, до которыхъ доходятъ люди, когда они принимаются защищать обветшалые и вымирающіе принципы, въ которые сами утратили всякую вѣру. Исполненная напыщенной риторики и приторной сентиментальности, напускной экзальтаци и унылаго чувства надломленности и разочарованія, это была литература, ни въ одной строкѣ которой вы не видите ни тѣни искренности и правды. Во всѣхъ этихъ «*Génie du Christianisme*», «*Les Martyres*», «*Méditations poétiques*», «*Harmonies poétiques et religieuses*», передъ вами такъ и выглядываютъ изъ-за каждой строки набѣлennыя, разумяенныя, раздупенныя и накрахмаленныя души, въ которыхъ не было ничего завѣтнаго, которыя не умѣли ни любить, ни ненавидѣть, и были преисполнены одного наглаго притворства. Эти писатели по традиціи, со времени Руссо, все толкуютъ о бренности человѣческой славы и призываютъ людей на лоно природы подъ соломенныя крыши, а сами такъ и смотрятъ въ министры. Они играютъ роль апостоловъ возрожденія христіанства, славятъ церковь, воспѣваютъ ея мучениковъ, только и дѣлаютъ, что расточаютъ благочестивые вздохи, а самихъ ихъ въ различныхъ религіозныхъ предметахъ занимаетъ только одна художественная, внѣшне декоративная сторона и они очень напоминаютъ собою благочестивыхъ свѣтскихъ барынь, которыя становятся на колѣни, умиленно закатываютъ глаза къ небу, граціозно складываютъ руки, а сами въ тоже время только о томъ и помышляютъ, красиво ли все это выходитъ. Они славятъ величіе старой монархіи, воспѣваютъ доблести феодальнаго рыцарства и блескъ аристократіи эпохи Людовика XIV, но такимъ плаксивымъ и унылымъ тономъ, какъ будто хоронятъ все это и выдаютъ такимъ образомъ своимъ современникамъ тайну своего отчаянія въ возможность возвращенія всѣхъ этихъ традицій.

Вообще это были люди, которымъ ничего не стоило продать за 30 сребренниковъ какого угодно бога. Зола рисуетъ Шатобріана величавымъ мученикомъ своихъ принциповъ, который будто бы всѣмъ пожертвовалъ для своего короля, хотя и потерялъ вѣру въ королевскую власть, получилъ отъ монархіи однѣ раны, видѣлъ ее умирающей, и безнадежно, упорно оставался ея вѣрнымъ рыцаремъ. А на самомъ дѣлѣ, этотъ вѣрный рыцарь самъ заявлялъ, что онъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: по убѣжденіямъ онъ монархистъ, по чувству долга—приверженецъ Бур-

буновъ, а по сердечнымъ влеченіямъ — республиканецъ, и на основаніи этихъ отдѣленій онъ только и дѣлалъ въ продолженіи своей жизни, что перебѣгалъ изъ одного лагеря въ другой. Такъ сначала мы видимъ его въ лагерѣ эмигрантовъ, а когда дѣло ихъ было проиграно, онъ очутился въ станѣ Наполеона. Не удалась здѣсь его карьера въ качествѣ перваго секретаря посольства въ Римѣ, онъ тогда эффектно протестовалъ противъ убіенія герцога Ангіенскаго подачею въ отставку и всталъ въ ряды роялистовъ. Тоже самое мы видимъ и въ эпоху реставраціи: сначала онъ становится въ ряды ультра-роялистовъ, мечтая, что его протестъ по поводу убійства герцога Ангіенскаго не будетъ забытъ и его ожидаетъ блестящая карьера, но карьера опять-таки дважды улыбнулась ему: сначала послѣ ареста брошюры его «De la Monarchie selon la Charte», онъ былъ изгнанъ изъ государственнаго совѣта и вычеркнутъ изъ списка министровъ; потомъ онъ былъ вторично изгнанъ изъ министерства Виллеля. Тогда онъ покинулъ ультра-роялистическое знамя, вступилъ въ ряды оппозиціи и изъ издателя *Conservateur* сдѣлался сотрудникомъ «*Journal des Débats*». Если послѣ июльской революціи онъ почилъ отъ всякихъ исканій въ гордомъ уединеніи, то и это была одна лишь маска вѣрности роялистическимъ принципамъ, подъ которою скрывалось сознаніе своей ненужности при видѣ новыхъ порядковъ и новыхъ людей, занявшихъ общественную арену. Флюгарка заржавѣла и потеряла уже способность вертѣться по волѣ вѣтра. Перебѣжчикъ почувствовалъ, что довольно съ него перебѣганій; дальнѣйшія же измѣны будутъ слишкомъ уже скандальны, пора подумать и о потомствѣ, и онъ началъ рисоваться въ гордомъ отчужденіи отъ всѣхъ дѣлъ, рыцаремъ роялизма, оправдывая въ тоже время грѣхи своей молодости въ своихъ «*Les mémoires d'outre-tombe*».

Но эти манерные и напыщенные риторы и продажные флюгера, занимая передовое мѣсто въ литературѣ, представляли собою явленіе жизненное хоть въ томъ отношеніи, что они двигали литературу впередъ, играя роль первой переходной ступени къ дальнѣйшему ея развитію. А сзади за ними простиралась область полнаго разрушенія и тлѣнія вымирающей ложно-классической школы. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такими теперь уже окончательно преданными забвенію старцами ложнаго-классицизма, какъ Антуанъ Венсанъ, Арно, Жюи, Лемерсье, Бауръ-Лорміанъ, и пр., которые продолжали возиться со своимъ александрійскимъ стихомъ, пѣтливою Буало, мифологическими сравненіями и уподобленіями, и публика усердно зѣвала, выслушивая ихъ высокопарно-жертвенныя трагедіи съ тремя единствами

и читая ихъ безконечно-длинныя описательныя стихотворенія и прозаически-сухія дидактическія поэмы.

Правда, что въ это время пѣлъ уже свои безсмертныя пѣсни Беранже, но онъ занималъ совершенно изолированное положеніе въ литературѣ внѣ ея теченія, блестя, какъ самородокъ золота, среди всеобщей плесени и грязи. На него смотрѣли, какъ на грязнаго куплетиста, поэта уличной черни, и онъ не допускался въ литературныя салоны, не говоря уже о великосвѣтскихъ. Какъ дворъ, такъ и знать продолжали считать себя горячими приверженцами ложнаго классицизма, такъ какъ завѣтныя традиціи рьялизма тѣсно сливались съ славою и блескомъ этой шволы.

Къ довершенію картины общаго положенія вещей во Франціи въ ту эпоху, остается прибавить, что подобно тому, какъ это было и во всей Европѣ того времени, и Франція въ свою очередь была наполнена тайными обществами, несмотря на всѣ репрессивныя мѣры и можетъ быть именно благодаря имъ. Таковы были «Унія», общество «Друзей свободы и печати», общество «Рыцарей свободы», «Карбонаровъ». Во всѣхъ этихъ обществахъ участвовали люди самыхъ разнообразныхъ классовъ общества, не исключая людей богатыхъ и вліятельныхъ, каковы напримѣръ, были герцогъ Бролья, Лафиттъ, Лафайетъ, генералы Тарейръ и О'Конноръ и проч. Въ этихъ обществахъ, какъ бонапартисты, такъ и орлеанисты, какъ умѣренные конституціоналисты, такъ и республиканцы—безразлично соединялись въ одномъ общемъ стремленіи свергнуть бурбонскую династію. Плодомъ этихъ обществъ былъ цѣлый рядъ смуть и отважныхъ возстаній, въ родѣ сомюрскаго. Подготовительной работѣ этихъ обществъ не мало была обязана и июльская революція, своимъ успѣхомъ. Нерѣдко и сама полиція, посредствомъ своихъ agents provocateurs, прибѣгала къ заговорамъ затѣмъ, чтобы потомъ обрушиться всякими карами на жертвы этихъ вѣроломныхъ подстрекательствъ. Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ 27 іюля 1816 года, трое несчастныхъ были казнены казнію отцеубійць, т. е. имъ сначала отрубили правую руку и потомъ гильотинировали ихъ за то, что они слушали шпіона, который соблазнялъ ихъ нелѣпнымъ и невозможнымъ планомъ взрыва Тюльери на воздухъ.

Вотъ подъ вліяніемъ какихъ впечатлѣній провелъ В. Гюго свое дѣтство и юность. Но прежде, чѣмъ мы посмотримъ какъ отразилась эта эпоха на первыхъ его произведеніяхъ, вернемся нѣсколько назадъ, и познакоимся съ первыми годами его жизни.

Викторъ-Марія Гюго родился въ Безансонѣ 26 февраля 1802 г. Отецъ его родомъ изъ Лоттарингіи былъ волонтеромъ во время республики, а потомъ участвовалъ въ походахъ Наполеона, былъ

осыпанъ отъ него высокими милостями, дослужился до генеральскаго чина и затѣмъ занималъ губернаторскій постъ въ Италіи въ провинціи Авеллино. Мать же его, Софія Требуше, бретонка, дочь нантскаго арматора, была тѣмъ болѣе строгая и рылая роялиста, что въ юности сама подвергалась ужасамъ вандейскаго возстанія. Такимъ образомъ, подъ родительскою кровлею Виктора Гюго гнѣздилися тотъ самый раздоръ роялизма и бонапартизма, который обливалъ кровью отечество поэта въ періодъ его юности. Но въ годы дѣтства Виктора Гюго, при Наполеонѣ, раздоръ этотъ не обнаруживался еще повидимому въ семьѣ, которая жила вполне мирно и дружно. Это семейное согласіе, конечно, не въ малой степени зависѣло отъ общественнаго положенія главы семьи, которое съ каждымъ годомъ становилось все болѣе и болѣе блестяще.

Первые годы дѣтства Гюго прошли въ постоянномъ скитальчествѣ вслѣдствіи походной жизни отца. Такъ, въ младенчествѣ еще онъ успѣлъ уже побывать и на Эльбѣ, и въ Корсикѣ, и въ Женевѣ. Въ 1805 и 1806 годахъ, семейство прожило въ Парижѣ, а затѣмъ опять началось скитальчество: отецъ Гюго поѣхалъ въ Италію, въ Авеллино, на свой губернаторскій постъ. Въ Калабріи онъ преслѣдовалъ знаменитаго бандита Фра-Діаволо. Затѣмъ, посѣтивъ Флоренцію, Римъ и Неаполь, маленький Гюго возвратился съ матерью въ Парижъ въ 1809 году. Вотъ въ какихъ чертахъ представляетъ Викторъ Гюго свое скитальческое дѣтство въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

«Моя тревожная душа исполнена воинственныхъ грезъ, и если бы я не былъ поэтомъ, я сдѣлался бы солдатомъ. Не удивляйтесь же, что я люблю военныхъ. Часто, оплакивая ихъ въ своей нѣмой скорби, я находилъ, что ихъ выпарисъ привлекательнѣе нашихъ лавровъ.

«Моя младенческая люлька была утверждена на барабанѣ; святую воду на моихъ крестинахъ черпали каской. Солдатъ, устроявая надо мною альковъ изъ ружей, вмѣсто пеленокъ, влалъ въ мою колыбель обрывки обветшалыхъ знаменъ.

«Меня вдохновляла лагерная муза подъ сѣнью палатокъ среди пороховыхъ ящичковъ и сверкающихъ штыковъ. Меня убаюкивалъ грохотъ смертоносныхъ пушекъ. Меня восхищали гордые кони съ развивающимися гривами и звонъ шпоръ въ скрипучихъ стреленахъ.

«Меня восхищала громъ батарей въ минуты отчаянныхъ приступовъ, обнаженные мечи вождей, ведущихъ за собой послушные ряды, и сторожевыя цѣпи, теряющіяся въ пустынныхъ ро-

шахъ, и батальоны старыхъ ветерановъ, проходящіе по городскимъ улицамъ съ истерзанными знаменами.

«Меня приводили въ ревнивый трепетъ и быстрый гусарь съ золотыми кистями на неувротимой груди, и ловкій уланъ съ бѣлыми перьями, и драгуны съ ихъ гепидскими касками, тигровая шерсть которыхъ смѣшивалась съ черными гривами коней.

«И я ропталъ на свое дѣтство:—Ахъ, какъ скучно расти, жить въ темной глуши, и видѣть, какъ охлаждается въ твоихъ жилахъ молодая, чистая кровь, такая кипучая въ твои лѣта, и которая тоже могла бы въ пылу битвы потечь алымъ потокомъ по холодной стали.

«И я мечталъ о войнѣ, представляя ее въ самыхъ страшныхъ сценахъ. Я грезилъ, исполненный надежды увидѣть когда-нибудь, какъ на бранномъ полѣ при оглушительномъ крикѣ воиновъ и ржаніи коней сшибаются два вражескіе стана, разомъ устремля другъ на друга свои смертоносные ряды.

«Мнѣ грезились и ясные звуки трепещущихъ литавръ, и грохотъ походныхъ телегъ, и свистъ пуль, и я видѣлъ, какъ вдали, тамъ и сямъ сшибались свергающіе эскадроны, пробираясь черезъ груды кровавыхъ тѣлъ.

«Я скитался съ нашими побѣдоносными войсками по покоренной Европѣ еще прежде, чѣмъ успѣлъ увидѣть свѣтъ; и будучи еще ребенкомъ, я рассказывалъ съ восхищеніемъ на своихъ маленькихъ губкахъ старикамъ, собиравшимся вокругъ меня толпою, о своихъ прошлыхъ дняхъ, столь немногочисленныхъ еще и между тѣмъ наполненныхъ воспоминаніями.

«Я жилъ среди десяти побѣжденныхъ народовъ безъ всякой охраны и меня удивлялъ ихъ почтительный страхъ. Въ возрастъ, когда дѣти жалуются, я покровительствовалъ, и когда мой младенческій языкъ лепеталъ имя милой Франціи, я видѣлъ, какъ блѣднѣлъ иностранецъ.

«Я посѣтилъ тотъ островъ, наполненный мрачными развалинами, который впоследствии былъ первой ступенью великаго паденія. Высокій Сенисъ, на вершинахъ котораго гнѣздятся орлы, слышалъ, какъ въ его ущельяхъ, среди грохота лавинъ, мои дѣтскіе шаги хрустѣли по его ледникамъ.

«Съ береговъ Роны я переселился на берега Эча и Арно. Я видѣлъ царственный Вавилонъ Запада, Римъ, вѣчно живой во мракѣ своихъ могилъ, пребывающій и до сихъ поръ царемъ міра, хотя и возсѣдающимъ на развалинахъ трона въ пурпурѣ, висящемъ лохмотьями.

«Потомъ я посѣтилъ Туринъ, вѣчно веселую Флоренцію, Неаполь съ благоухающими берегами, гдѣ царитъ вѣчная весна,

Неаполь, который Везувій словно покрываетъ пылающимъ багдахиномъ, подобно ревностному воину, который, попавши на праздникъ, бросаетъ среди цвѣтовъ свой окровавленный султанъ.

«Побѣжденная Испанія приняла меня подъ свою сѣнь. Я перѣхалъ Бернаръ, гдѣ вѣчно стонетъ буря. Издали, я принялъ Эскуриаль за гробницу. И тройной акведукъ заставилъ меня слонить голову предъ его царственнымъ челомъ.

«Тамъ видѣлъ я, какъ почернѣли обсыпавшіеся стѣны пустынныхъ городовъ отъ пороховаго дыма военной непогоды, видѣлъ военныя палатки на папертяхъ церквей, и смѣхъ солдатъ среди монастырскихъ стѣнъ повторялся эхомъ, словно въ видѣ какихъ-то похоронныхъ стоновъ.

«Я возвратился, привезя изъ своихъ далекихъ странствій слово какой-то безпредѣльный снопъ таинственныхъ лучей. Мнѣ казалось, какъ будто я встрѣтилъ на пути своей жизни волшебный источникъ, вода котораго опьянила меня навсегда.

«Мнѣ продолжали грезиться Испанія со своими монастырями и твердынями, Бургосъ {со своимъ кафедральнымъ соборомъ съ готическими иглами, Ирунъ со своими деревянными кровлями, Витторія со своими башнями, и ты, Вальдолидъ съ фамильными дворцами, гордящимися заржавѣвшими цѣпями на своихъ дворцахъ.

«Воспоминанія разрастались въ моемъ разгоряченномъ воображеніи, я бродилъ, напѣвая стихи глухимъ голосомъ, и моя мать, слѣдя тайкомъ за мною, плакала и улыбалась, говоря: это ему нашептываетъ невидимая фея».

Что касается до воспоминаній объ Испаніи, которыми наполнены послѣдній строфы этого стихотворенія, [то мы въ скоромъ времени поймемъ ихъ значеніе. Теперь же мы остановились на восьмомъ году его жизни, когда въ 1809 году онъ возвратился съ матерью изъ Италіи въ Парижъ. Здѣсь онъ прожилъ два года тихой и спокойной жизни въ предмѣстьи Saint-Jacques, въ монастырѣ Феллянтиновъ (Feuillantines), въ обществѣ матери и молодой подруги его дѣтства, которая впоследствии сдѣлалась и подругою его жизни. Здѣсь онъ началъ серьезныя учебныя занятія подъ руководствомъ священника Де-ла-Ривіера, который обучалъ его между прочимъ латинскому и греческому языкамъ. Не малое содѣйствіе развитію мальчика оказалъ въ это время генералъ Лагори, проживавшій въ семействѣ Гюго. Этотъ Лагори, нѣкогда служившій лейтенантомъ подъ начальствомъ Марра, былъ одинъ изъ тѣхъ мятежныхъ республиканскихъ ветерановъ, которые не признавали въ Наполеонѣ императора и время отъ времени дѣлали попытки возмущеній съ цѣлю сверженія его съ

*

престола. Преслѣдуемый полиціею, Лагори нашель убѣжище въ семьѣ Гюго и занималь маленькую комнату подь сѣнію этого гостепріимнаго крова. Снѣдаемый скукою бездѣйствія, генераль часто сажаль на свои колѣни маленькаго Гюго, и читаль съ нимъ Полибія по французски или разбираль Тацита по латыни. Безъ всякаго сомнѣнія ребенокъ любиль своего стараго наставника-друга и съ увлеченіемъ слушаль рассказы изъ его боевой жизни. Дѣти всегда привязываются къ взрослымъ людямъ и старикамъ, которые занимаються съ ними по доброй волѣ, внѣ всякихъ обязанностей, особенно же, если это люди гонимые и несчастные. Но этой дѣтской привязанности вскорѣ пришлось испытать тяжкій ударъ. Прослѣженный полиціею несчастный генераль былъ схваченъ въ своемъ мирномъ убѣжищѣ и заключенъ въ Лафорсъ. Затѣмъ освобожденный своимъ товарищемъ, генераломъ Малле, такимъ же неисправимымъ республиканцемъ, при новой отчаянной попыткѣ послѣдняго къ низверженію Наполеона во время неудачъ московскаго похода, Лагори былъ расстрѣлянъ на Гренельскомъ Полѣ. Весьма вѣроятно, что эта казнь сильно потрясла ребенка, глубоко и грубо оскорбивъ его нѣжную дѣтскую привязанность, и тяжкое впечатлѣніе это отразилось потомъ на всей жизни поэта, сдѣлавъ изъ него горячаго противника смертной казни и проповѣдника ея уничтоженія.

Между тѣмъ, отецъ Виктора Гюго получилъ новый, еще болѣе блестящій постъ перваго майордома при дворѣ новаго испанскаго короля Іосифа. И вотъ въ 1811 году маленькій Викторъ Гюго поѣхаль съ матерью въ Испанію, гдѣ отецъ тотчасъ же опредѣлиль его въ дворянскую семинарію. Мальчизъ предназначался въ пажы при королѣ Іосифѣ. Но этому не суждено было сбыться. Это былъ послѣдній годъ наполеоновской славы, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній годъ блестящаго положенія стараго заслуженнаго ветерана, равно какъ и благосостоянія семьи В. Гюго. Въ слѣдующій ужъ годъ политическій горизонтъ сдѣлался столь мраченъ для новой династіи въ Испаніи, что отецъ В. Гюго принужденъ былъ поспѣшить отправить семью снова въ Парижъ.

Мы видѣли уже въ стихотвореніи В. Гюго, какъ сильно подѣйствовала на него эта поѣздка въ Испанію; можно положительно сказать, что Испанія въ его воображеніи заслонила Италію. И это очень понятно: по Италіи онъ разтѣвжалъ шестилѣтнимъ ребенкомъ, теперь же ему было уже 10 лѣтъ, и онъ началъ уже пописывать стихи. Вотъ что, между прочимъ, говорить о вліяніи на В. Гюго Испаніи Сент-Бевъ въ своей біографіи поэта (Rabbe, Biogr. univ. et portr. des Contemporains). «Изъ Испаніи В. Гюго вынесъ, кромѣ знанія языка, особеннаго

рода кастильскій складъ ума и характера, удвоенную серьезность и твердость, тотъ возвышенный и смѣлый полетъ, который свойственъ всему великому. Можно сказать, что солнце Сьерры, забронзировавъ его характеръ, позолотило его воображеніе».

Между тѣмъ, событія бѣжали быстрою чередою. Парижъ былъ взятъ союзными войсками, Наполеонъ низверженъ и заточенъ на островъ Эльбу. Затѣмъ прошли и знаменитые 100 дней, и начались вмѣстѣ съ реставраціей ужасы бѣлаго террора. Тотъ страшный политическій раздоръ, который раздѣлилъ всю Францію на два враждебные лагеря, не замедлилъ отразиться и на семьѣ В. Гюго: она тотчасъ же распалась. Въ 1813 году супруги получили формальный разводъ. И это было очень понятно: для рыцарской роялистки и вандеенки изъ древняго бретонскаго рода бракъ съ республиканскимъ волонтеромъ былъ мезальянсомъ и при прежнемъ порядкѣ вещей. Но тогда предосудительность подобнаго брака все-таки ступшеывалась въ виду блестящаго положенія мужа. Теперь же этотъ бывший первый майордомъ при испанскомъ дворѣ, потерялъ все, кромѣ честнаго имени; но и послѣднее было оспариваемо господствовавшими роялистами, которые иначе не называли бонапартистовъ, какъ *les brigands*. Очевидно, что оставаться въ бракѣ съ подобнымъ *le brigand*, не раздѣляя съ нимъ ни одного убѣжденія, было мало того, что предосудительно для строгой роялистки, но и рискованно: ни одинъ бонапартистъ въ то время не могъ поручиться за цѣлость своей головы.

Что касается до В. Гюго, то, живя до сихъ поръ подъ крыломъ матери, подъ ея непосредственнымъ надзоромъ и вліяніемъ, рѣдко видя отца въ его вѣчныхъ походныхъ скитаніяхъ по дѣламъ службы, онъ естественно былъ воспитанъ въ духѣ строгаго роялизма, и въ семейномъ раздорѣ присталъ къ сторонѣ матери. Чтобы дать читателямъ болѣе ясное и опредѣленное понятіе о томъ роялистическомъ кружкѣ, который встрѣчалъ В. Гюго въ домѣ матери и въ которомъ вращался онъ потомъ въ первые годы своей юности, мы обратимся къ его роману «*Les misérables*». Въ этомъ романѣ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ парадируетъ нѣкто Марій, разыгрывающій роль *jeune premier*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ лицѣ этого Марія авторъ до нѣкоторой степени изобразилъ самого себя. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что тѣ фазы умственнаго развитія, которыя переживаетъ Марій, вполне соотвѣтствуютъ фазамъ умственнаго развитія самого Гюго. Вслѣдствіе этого, мы можемъ отлично пользоваться подобнымъ матерьяломъ для представленія картины умственнаго развитія В.

Гюго въ тѣхъ живыхъ и яркихъ краскахъ, въ какихъ они изображены въ романѣ. На первый разъ мы беремъ изъ романа описаніе ролястического салона, въ которомъ провелъ Марій свое дѣтство, и на это мы имѣемъ тѣмъ большее право, что авторъ самъ, какъ увидимъ ниже, говоритъ, что съ этомъ салономъ соединены у него личныя воспоминанія о его матери.

«Салонъ m-me de T. былъ все, что только извѣстно было Марію о свѣтѣ. Это было единственное окно, черезъ которое онъ смотрѣлъ на жизнь. Окно это было мрачно, и изъ этой фортки на него вѣяло болѣе холодомъ, чѣмъ тепломъ, болѣе ночью, чѣмъ днемъ. Этотъ ребенокъ, который весь сіялъ радостью, когда вошелъ въ этотъ странный міръ, въ короткое время сдѣлался печаленъ и, что еще болѣе странно въ этомъ возрастѣ, степененъ. Окруженный всѣми этими важными и исключительными въ своемъ родѣ личностями, онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ серьезнымъ удивленіемъ. И все вокругъ него было соединено, чтобы еще болѣе увеличить его изумленіе. Въ салонѣ m-me de-T. парадировали благородныя и очень почтенныя старыя дамы, которыя именовались Натанъ, Ное, Левицъ (произносили Левисъ) и Камби (произносили Камбизъ). Эти древнія лица и библейскія имена смѣшивались въ умѣ ребенка съ ветхимъ завѣтомъ, который онъ изучалъ съ большою охотой, и когда онѣ сидѣли вокругъ угасающаго камина въ полумракѣ лампы подъ зеленымъ абажуромъ, съ своими строгими профилями, сѣдоватыми или, какъ лунь, бѣлыми волосами, въ длинныхъ, мрачныхъ платьяхъ инаго вѣка, изрѣдка роняя слова, исполненныя въ одно и то же время величія и гнѣва, маленькій Марій смотрѣлъ на нихъ пугливыми глазами, не вѣря, чтобы это были женщины, и воображая, что это патриархи, маги, не живыя существа, а призраки.

«Къ этимъ призракамъ присоединялись нѣсколько священниковъ, завсегдагавъ этого стараго салона, и нѣсколько великосвѣтскихъ господъ—маркизь де-Ласс..., секретарь вѣдомства m-me де-Берри, виконтъ де-Вал..., который издавалъ однориемованныя оды подъ псевдонимомъ Charles Antoine, принцъ де-Бофф... который, будучи еще довольно молодъ, имѣлъ сѣдую голову и очень красивую и умную жену, нарушавшую сумракъ салона своими бархатными, украшенными золотыми шнурами и крайне декольтированными платьями, маркизь де-С... де-Е... государственный мужъ и тонкій знатокъ великосвѣтской любезности, графъ д'Ам... добрый старичокъ съ благосклонной миной, и кавалеръ де-Порт-дегюи, плѣшивый, болѣе пожилой, чѣмъ старшій, который разсказывалъ, какъ въ 1793 году, когда ему было 16 лѣтъ, онъ

былъ сосланъ на каторгу за непокорность революціи и его заковали съ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, епископомъ Мирепуа, тоже неповорнымъ, хотя тотъ былъ непокорный въ качествѣ священника, а онъ въ качествѣ солдата. Это было въ Тулонѣ. Обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы по ночамъ собирать съ эшафота головы и тѣла гильотинированныхъ въ теченіи дня. Они носили на своихъ спинахъ эти кровавыя ноши, и на красныхъ капорахъ ихъ, въ которыхъ ходятъ каторжники, наростали сгустки крови, днемъ просыхавшіе, а ночью мокрые. Подобные трагическіе рассказы были очень часты въ салонѣ *m-me de-T.* И проклятія, расточавшіяся ужасамъ прошедшихъ временъ, служили поощреніями современныхъ ужасовъ. Нѣсколько депутатовъ незамѣнимой палаты играли здѣсь постоянно въ вистъ: Тиборъ, Шаларъ, Лемаршанъ-де-Гомигуръ и знаменитый на смѣшникъ правой стороны Корне-Динкуръ. Балльи де-Ферретъ со своими короткими брюками и тощими ногами, собутыльникъ графа д'Артуа, иногда заѣзжалъ сюда на пути къ Талейрану.

«Это была эссенція и квинтъ-эссенція бѣлаго парижскаго общества. Здѣсь выдерживались, какъ въ карантинѣ, знаменитости даже роялистскія. Въ каждой извѣстности всегда есть нѣчто anarchическое. Шатобрианъ, войдя въ этотъ салонъ, на первый взглядъ произвелъ впечатлѣніе отца Дюшена. Нѣкоторые раскаявшіеся, впрочемъ, допускались изъ снисхожденія въ этотъ ортодоксальный кругъ. Такъ, графъ Бег... былъ принятъ здѣсь на исправленіе.

«Благородные салоны нашего времени не похожи уже на подобные старинные салоны. Въ Сен-Жерменскомъ предмѣстьѣ нынѣ пахнетъ дегтемъ. Роялисты сдѣлались демагогами, скажемъ къ ихъ похвалѣ.

«У *m-me de-T.* сосредоточивался высшій свѣтъ, благоухающій утонченными и представительными манерами. Здѣсь господствовали тѣ врожденныя привычки, которыя составляли суть стараго режима, погребеннаго, но между тѣмъ воскресшаго. Нѣкоторыя изъ этихъ привычекъ, особенно въ языкѣ, поражали своею странностью. Поверхностный наблюдатель съ вѣтру принялъ бы за провинціализмъ то, что было лишь архаизмомъ. Такъ, напримеръ, къ дамъ обращались здѣсь *madame la générale*, *madame la colonelle*. Прелестная *m-me de-Леонъ*, безъ сомнѣнія въ память герцогини де-Лонгевилль и де-Шеврѣзъ, предпочитала подобное обращеніе къ ней титулу принцессы. Маркиза де-Креки, въ свою очередь, именовалась *madame la colonelle*.

«Это былъ тотъ высшій свѣтъ, который въ Тюльери изобрѣлъ

утонченный обычай обращаться къ королю въ третьемъ лицѣ, интимнымъ *le roi*, вмѣсто *votre majesté*, потому что титулъ *votre majesté* былъ «оскверненъ узурпаторомъ».

«Здѣсь произносили приговоры надъ фактами и людьми, осмѣивая вѣкъ, что избавляло отъ труда понимать его. Одинъ другого превосходилъ въ изумленіи, сообщая другъ другу тѣ бѣдныя остатки свѣта, которые каждый имѣлъ въ головѣ своей. Здѣсь не существовало времени, протекшаго съ эпохи Кобленца. И подобно тому, какъ Людовикъ XVIII былъ Божіею милостію на двадцать пятомъ году своего царствованія, такъ и эмигранты, по всѣмъ правамъ, оставались на двадцать пятомъ году своей юности.

«Все здѣсь было соразмѣрно; ничто не торопилось жить: слово было едва слышнымъ шопотомъ; газета, въ соотвѣтствіи съ характеромъ салона, казалась папирусомъ. Здѣсь были и молодые люди, но они казались немножко мертвыми. Въ передней красовались обветшалыя ливреи. Этимъ давнопрошедшимъ людямъ прислуживали и слуги въ такомъ же родѣ. Все это имѣло таковой видъ, какъ будто давно уже умерло, и все-таки не хотѣло сойти въ могилы. Conserver, Conservation, Conservateur—въ этихъ трехъ словахъ заключался почти весь словарь этихъ людей. Весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы имѣть хорошій духъ, *être en bon odeur*. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣнія этихъ почтенныхъ группъ имѣли свой особенный запахъ; отъ ихъ идей несло народомъ. Это былъ міръ мумій. Господа были набальзамированы, слуги представлялись набитыми соломкою чучелами.

«Одна почтенная старая маркиза, эмигрировавшая, разоренная, и имѣвшая при себѣ лишь одну прислужницу, продолжала говорить: *moi moi*.

«Что же дѣлали въ салонѣ m-me де-Т.? Были ультра-роялистами.

Быть ультра. Это слово потеряло нынѣ свой смыслъ, хотя то, что подъ нимъ разумѣется, можетъ быть, еще и не исчезло. Объяснимъ же, что это значить. Быть ультра—это значить хватать черезъ край, нападать на скипетръ во имя трона, и на митру во имя алтаря, брыкаться въ экипажѣ, который везешь, разбрасывать костеръ за то, что онъ недостаточно жарить еретиковъ; роптать на свой кумиръ, зачѣмъ онъ не возбуждаетъ еще большаго стремленія поклоняться ему. Это значить—оскорблять изъ излишка уваженія, находить въ папѣ мало папизма, въ королѣ мало роялизма и много свѣту въ ночи; это значить быть недовольнымъ мраморомъ, снѣгомъ, лебедемъ, лиліею во имя бѣлизны, это значить быть партизаномъ до такой степени, чтобы сдѣлаться врагомъ, такъ сильно стоять за что-нибудь, чтобы обратиться пре-

тивъ этого. Духъ ультрароялизма принадлежитъ специально первой фазѣ реставраціи. Вы не найдете въ исторіи ничего похожаго на эти четверть часа, которые начинаются съ 1814 года и кончаются 1820 годомъ, выходомъ на сцену Виллеля, этого практика правой. Эти шесть лѣтъ были исключительнымъ моментомъ, въ одно и то же время сіяющимъ и пасмурнымъ, улыбающимся и мрачнымъ, освѣщеннымъ блескомъ утренней зари и покрытымъ мглою великихъ катастрофъ, которые облекали еще горизонтъ черными тучами, медленно нисходящими за горизонтъ прошедшаго. Въ этомъ смѣшеніи свѣта и тьмы, словно цѣлый маленький мірокъ, въ одно и то же время новый и старый, веселый и печальный, молодой и дряхлый протиралъ свои глаза. Ничто такъ не похоже на пробужденіе, какъ возвращеніе. Впереди стояла группа, смотрѣвшая на Францію съ юморомъ, въ то время, какъ Франція смотрѣла на нее съ иронією. Маркизы, походившіе на добродушныхъ старыхъ совъ, наполняли улицы; возвратившіеся и возвращающіеся старые дворяне смотрѣли на все съ изумленіемъ. Храбрые и благородные джентльмэны и радовались, и плакали, видя себя во Франціи, восхищались тѣмъ, что снова обрѣли отечество и были въ отчаяніи, не найдя въ немъ монархіи. Знать крестовыхъ походовъ съ презрѣніемъ относилась къ къ знати имперіи, т. е. къ знати шпаги. Историческія расы потеряли историческое чутье. Сыны сподвижниковъ Карла Великаго отрицали сподвижниковъ Наполеона. Шпаги перекрещивались во взаимныхъ оскорбленіяхъ. Шпага Фонтенуа была смѣшна и покрыта ржавчиной; шпага Маренго—ненавистна, и къ тому же это была лишь сабля. Прошлое отвертывалось отъ вчерашняго. Потеряли всякое чувство различія великаго отъ глупаго. Кто-то въ это время называлъ даже Бонапарта паяцемъ. Этого міра не существуетъ болѣе. Ничего изъ него не осталось нынѣ, повторяемъ еще разъ. Если мы выхватимъ наудачу какую-нибудь фигуру изъ того времени и постараемся воскресить ее въ нашемъ воображеніи, она покажется намъ такою странною, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-нибудь допотопнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ вѣкъ былъ поглощенъ своего рода потопомъ. Онъ исчезъ, смытый двумя революціями. О, страшнѣе всѣхъ потоповъ наводненіе идей! Съ какою быстротою поглощаютъ онѣ все, что предназначено ихъ разрушенію, и какія глубокія и страшныя пучины разверзаютъ они въ одно мгновеніе ока!

«Такова была фізіономія салоновъ въ эти отдаленныя и навныя времена, когда Наполеона иначе не называли, какъ корсиканскимъ людоедомъ и когда смотрѣли, какъ на уступку вре-

мени, на введеніе въ исторію маркиза де-Бонапарте, генераль-лейтенанта королевскихъ войскъ.

«Салоны эти недолго сохраняли свою чистоту. Съ 1818 года появились въ нихъ особеннаго рода доктринеры и внесли безпокойный отгѣнокъ. Главная манера этихъ доктринеровъ заключалась въ томъ, чтобы, оставаясь роялистами, извиняться въ этомъ. Въ чемъ ультрароялисты полагали всю свою гордость, доктринеры какъ бы стыдились этого. Это были люди съ тактомъ; они умѣли молчать. Ихъ политическая догма была ловко задрапирована. Они должны были выиграть. Они пересаливали въ педантизмъ бѣлыхъ галстуховъ и застегнутаго платья — и, надо сказать, не безъ успѣха. Вина или несчастіе доктринерской партіи заключалось въ томъ, что она создала юношей-стариковъ. Всѣ они принимали позы мудрецовъ, мечтая къ крайнему абсолютивному принципу привить идею умѣренной власти. Либерализму разрушительному они противопоставляли либерализмъ консервативный, и надо отдать справедливость, дѣлали это съ тонкимъ умомъ. Ультрароялистамъ принадлежитъ первый періодъ реставраціи. Доктринеры характеризуютъ собою—второй. Необузданность смѣнилась хитростью».

Заканчивая этими словами эскизъ салоновъ начала XIX вѣка, В. Гюго говоритъ въ заключеніе, что въ этой характеристикѣ онъ былъ далекъ отъ горечи или смѣха, что, напротивъ того, чувства любви и уваженія привязываютъ его къ этому прошлому, потому что оно тѣсно связано съ воспоминаніями его о своей матери.

Вотъ подъ вліяніемъ какихъ впечатлѣній провелъ В. Гюго свое отрочество отъ 10 до 15 лѣтъ. Казалось, все въ его жизни въ этотъ періодъ было направлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ него узкаго свѣтошу и слѣпо преданнаго раба господствовавшего режима, «royaliste, fanatique et austère», какъ выражается В. Гюго о своемъ Маріѣ. Куда ни обращалъ свои взоры мальчикъ, вездѣ онъ видѣлъ передъ собою проявленія этого мрачнаго фанатизма. Въ ушахъ его только и раздавались проклятія и ругательства противъ всего пережитаго его отечествомъ, въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ. Всѣ дѣятели этого періода представлялись не иначе, какъ кровожадными людоедами и безнравственными извергами, причемъ приводился рядъ ужасающихъ примѣровъ, убѣждающихъ въ этомъ самымъ осязательнымъ образомъ. Напротивъ того, все, что подходило къ господствовавшему режиму, рисовалось въ воображеніи юноши въ самыхъ обольстительныхъ краскахъ различныхъ рыцарскихъ доблестей, самоотверженной преданности своимъ идеямъ, мучени-

чества. На самую военную славу отца его приучили смотрѣть какъ на позоръ его рода, и онъ чувствовалъ къ отцу полное отчужденіе. «Марій, говоритъ В. Гюго:—кромѣ мотивовъ политической антипатіи, былъ убѣжденъ, что отецъ его—рубака (le sabreur), какъ называли его родственники, не любитъ его; это было очевидно, такъ какъ онъ бросилъ его на руки другихъ. Не чувствуя себя любимымъ, и онъ не любилъ. Нѣтъ ничего проще, говорилъ онъ».

Немного свѣта и нравственнаго тепла могла дать мальчику и школа того времени, школа, въ которой все, и наставники, и учебники нарочно были подогнаны и принаровлены не для расширения и просвѣтленія, а напротивъ того, для большаго еще суженія и затемненія умственнаго горизонта учениковъ. «Эта молодая и развертывавшаяся душа, говоритъ В. Гюго: — перешла изъ рукъ свѣтской чопорности подъ ферулу педанта». Впрочемъ, школа, какъ увидимъ ниже, заняла не много мѣста въ жизни В. Гюго. Тотчасъ же, вслѣдъ за родительскимъ разводомъ, В. Гюго, вмѣстѣ со своимъ братомъ Евгеніемъ, были помѣщены въ пансіонъ Кордые, который долженъ былъ подготовить ихъ къ Политехнической школѣ. Живя въ этомъ пансіонѣ, братья въ то же время слушали курсъ философіи, физики и математики въ коллежѣ Людовика Великаго.

Между тѣмъ литературный талантъ В. Гюго, первый проявленія котораго мы видѣли уже на десятилѣтнемъ возрастѣ, съ каждымъ годомъ развивался болѣе и болѣе, причѣмъ мальчиѣ черпалъ матеріалъ для своихъ литературныхъ работъ отчасти изъ всего прочитаннаго, отчасти изъ того узкаго круга идей, въ духѣ которыхъ онъ воспитывался. Такъ, 14-ти лѣтъ, онъ написалъ трагедію въ ложно-классическомъ стилѣ Иртамену, въ которой подъ видомъ египтянъ прославлялъ реставрацію. Потомъ, онъ началъ писать другую трагедію Ателію или Скандинавовъ, но написалъ лишь три акта. Въ то же время онъ написалъ два лирическія стихотворенія — «Le riche et la pauvre» и «La Canadienne».

Въ 1818 году, 16-ти лѣтъ, В. Гюго написалъ первый свой романъ Bug-Jargal. Романъ этотъ былъ написанъ на пари, какъ говоритъ В. Гюго въ предисловіи къ одному изъ изданій этого романа: авторъ побился объ закладъ съ кѣмъ-то, что онъ напишетъ книгу въ 15 дней и плодомъ этого пари и былъ Bug-Jargal.

Вообще этотъ 1818 годъ былъ въ жизни поэта знаменательнымъ годомъ одного изъ важныхъ еризисовъ его жизни. За годъ передъ тѣмъ, въ 1817 году, В. Гюго представилъ въ Академію

на конкурс сочиненіе въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Les avantages de l'étude», въ которомъ онъ объявилъ себя пятнадцатилѣтнимъ поэтомъ. Академикъ Рануаръ въ своемъ отчетѣ о конкурсѣ заявилъ, что если въ самомъ дѣлѣ конкурентъ имѣетъ лишь пятнадцать лѣтъ, то Академія должна поощрить молодого поэта, который пишетъ такіе стихи, и онъ привелъ нѣсколько стиховъ, какъ образецъ совершенства и по формѣ и по содержанію.

Вслѣдствіе этого отчета академія удостоила молодого конкурента почетнымъ отзывомъ (d'une mention honorable).

Этотъ первый литературный успѣхъ такъ вскружилъ голову юноши, что онъ не хотѣлъ болѣе и думать ни о коллежѣ Людовика, ни о Политехнической школѣ, и рѣшился посвятить всего себя литературной дѣятельности. Въ 1818 году онъ оставилъ пансіонъ Кордье, отказался отъ всякой опеки и помощи своихъ родныхъ и началъ вполнѣ самостоятельную жизнь литературнаго пролетарія, живущаго своими собственными заработками. И вотъ съ 1818 по 1822 годъ — слѣдуютъ четыре года той тяжелой жизненной школы, которую выдерживаетъ каждый литераторъ, который пробиваетъ себѣ дорогу собственными силами, безъ всякой поддержки со стороны. «Это были, говорить С. Бёвъ:—годы, исполненные самаго усидчиваго труда, самые горячіе и рѣшительные годы его жизни. Любовь, политика, независимость, рыцарство и религія, бѣдность и слава, упорное углубленіе въ науку, борьба съ судьбою желѣзной воли, все это сразу развило всѣ силы его природы, и поставило ихъ на ту высоту, которая свойственна генію».

Вотъ какъ изображаетъ эти годы самъ В. Гюго, рассказывая все о томъ же Маріѣ:

«Настала для Маріа суровая жизнь. Проѣсть свои платья, часы было нипочемъ въ томъ ужасномъ положеніи, которое называется пищей св. Антонія. Страшная вещь — проводить дни безъ хлѣба, ночи безъ сна, вечера безъ свѣчки, морозы безъ огня, недѣли безъ работы, не видѣть ничего въ будущемъ, ходить съ прорванными локтями въ старой шляпенкѣ, возбуждающей хохотъ дѣвушекъ, находить порою вечеромъ дверь запертою передъ твоимъ носомъ за неплатежъ квартиры, терпѣть грубости привратниковъ и кабатчиковъ, насмѣшки сосѣдей и всякаго рода униженія и до такой степени подавить въ себѣ человѣческое достоинство, что быть готовымъ на какой угодно трудъ, какое-бы отвращеніе, горечь и изнеможеніе вы ни вынесли изъ него. Маріа узналъ, какъ проглатываютъ все это и какъ часто это бываетъ единственною вещью, какую имѣютъ возможность проглатывать. Въ такую пору жизни, когда человѣкъ нуждается въ

гордости, потому что нуждается въ любви, Марій испытывать лишь, какъ смѣялись надъ нимъ, потому что онъ былъ дурно одѣтъ, считали его дуракомъ, потому что онъ былъ бѣденъ. Въ годы, когда юность наполняетъ сердце царственными мечтами, онъ не разъ опускалъ глаза на свои прорванные сапоги, весь проникнутый ложнымъ стыдомъ и ѣдкимъ смущеніемъ нищеты. Поразительное и страшное испытаніе, изъ котораго слабые выходятъ безчестными, сильные—великими. Въ это горнило судьба бросаетъ человѣка каждый разъ, когда хочетъ изъ него сдѣлать воришку или полубога. Потому что много великаго таится въ этой мелкой борьбѣ. Здѣсь встрѣчаются упорные невѣдомые борцы, которые грудью стоятъ во мракѣ противъ осаждающихъ ихъ нищеты и грязи. Здѣсь совершаются танственные побѣды, которыхъ никто не видитъ и никто не славить. Несчастье, уединеніе, сиротство, нужда—представляютъ собою поле битвы, имѣющее своихъ героев—героевъ темныхъ, но, можетъ быть, болѣе великихъ, чѣмъ герои, увѣнчанные славой.

«Такимъ образомъ создаются крѣпкія и могучія природы. Бѣдность, почти всегда мачиха, является иногда матерью. Нужда плодитъ силы души и ума; лишенія вскармливаютъ гордость; бѣдствія являються прекраснымъ млекоомъ для великодушія.

«Были дни въ жизни Марія, когда онъ самъ подметаль у себя полъ, покупалъ на одинъ су кусокъ бри въ овощной лавкѣ, ожидалъ сумерекъ, чтобы прокрасться въ булочную, купить тамъ хлѣбецъ и украдкой, точно ворованный, пронести его на свой чердакъ. Иногда въ мясной на углу протискивался среди насмѣшливыхъ кухарокъ, толкавшихъ локтями, неловкій молодой человѣкъ съ книгами подъ мышкою, робкаго и мрачнаго вида, дѣлалъ глубокой поклонъ удивленной продавщицѣ, покупалъ за шесть или за семь су телячью котлетку, завертывалъ ее въ бумагу, клалъ подъ мышку между книгами и уходилъ. Это былъ Марій. Эту котлету онъ самъ жарилъ и существовалъ ею три дня. Въ первый день онъ ѣлъ мясо, во второй—жиръ, въ третій глодалъ кости.

«Иногда кто-нибудь изъ родныхъ присылалъ ему шестьдесятъ пистолей на помощь. Марій отсылалъ ихъ назадъ, говоря, что онъ не нуждается...

«Но привыкають ко всему, привыкають и къ бѣдности. Мало-по-малу, она складывается въ болѣе удобныя формы и становится выносива. Бѣдняки прозябають, т. е. поддерживають кое-какъ свое жалкое существованіе. Вотъ какъ устроился Марій: онъ вышелъ изъ самой послѣдней крайности, ущелье нѣсколько раздвинулось передъ нимъ. Силою труда, смѣлости, настойчиво-

сти и воли онъ достигъ того, что началъ зарабатывать около 700 франковъ въ годъ. Онъ выучился по-нѣмецки и по-англійски; благодаря одному своему товарищу и другу, сошелся съ однимъ книгопродавцемъ и занялъ въ лавкѣ его скромную роль *полезности*, составлялъ объявленія, переводилъ съ газетъ, озглавлявалъ изданія, компилировалъ биографіи—и, такимъ образомъ, сколачивалъ въ годъ до 700 франковъ. И на эти средства жилъ. Какъ жилъ, это мы сейчасъ увидимъ.

«Марій занималъ комнатку въ отдаленномъ предмѣстьѣ за 30 франковъ въ годъ. Это былъ чуланчикъ безъ камина, такъ называемый кабинетъ, меблированный самымъ необходимымъ. Мебель принадлежала жильцу. Онъ платилъ по три франка въ мѣсяцъ квартирной хозяйкѣ за то, что она мела у него полъ и приносила ему каждое утро теплой воды, свѣжее яйцо и хлѣбецъ въ одинъ су. Это былъ его завтракъ, цѣна котораго измѣнялась отъ двухъ до четырехъ су, смотря потому, что стоили на рынкѣ яйца. Въ шесть часовъ вечера, онъ отпраплялся въ улицу Сент-Жакъ обѣдать у Руссо, противъ эстампаго магазина Бассе, на углу улицы Матюрень. Онъ не ѣлъ супа. Весь обѣдъ его состоялъ изъ порціи мяса въ шесть су, полупорціи зелени въ три су и десерта въ три су. Сверхъ того за три су онъ могъ ѣсть сколько угодно хлѣба. Что касается вина, то онъ пилъ воду. Расплачиваясь у выручки, гдѣ величественно возсѣдала мадамъ Руссо, жирная, но довольно въ то время еще свѣжая, онъ платилъ су мальчику, а мадамъ Руссо дарила его улыбкой. Затѣмъ онъ уходилъ. За шестнадцать су онъ получалъ, такимъ образомъ, улыбку и обѣдъ. Этотъ ресторанъ Руссо, въ которомъ опустошали очень мало бутылокъ съ виномъ и очень много графиновъ съ водою, слѣдовало бы назвать правильнѣе водолечебницею, чѣмъ рестораномъ. Онъ уже не существуетъ нынѣ. Хозяинъ его имѣлъ отличную кличку: его называли Руссо-водолей.

«Такимъ образомъ, при завтракѣ въ четыре и обѣдѣ въ шестнадцать су, пища стоила Марію двадцать су въ день, что составляло 365 франковъ въ годъ. Прибавьте къ этому 30 франковъ за квартиру и 36 франковъ прислужницѣ, и сверхъ того мелкіе расходы, и выйдетъ, что за 450 франковъ Марій имѣлъ квартиру, столъ и прислугу. Платъе стоило ему 100 франковъ, бѣлье 50 франковъ, да 50 франковъ прачка, итого всѣ расходы 650 франковъ. У него оставалось еще 50 франковъ. Онъ былъ богачъ. Онъ могъ при случаѣ одолжить займы своему другу. Что же касается до тепла, то, за неимѣніемъ камина, Марій довольствовался жаровней.

«Марій имѣлъ двѣ пары платья, одну старую, для повседнев-

наго употребленія и другую новую для экстренныхъ случаевъ. Сорочки же онъ имѣлъ только три: одну на себѣ, другую въ комодѣ, третью у прачки. Онъ ихъ возобновлялъ по мѣрѣ того, какъ онѣ изнашивались, но обыкновенно онѣ находились въ очень ветхомъ состояннн, что заставляло его застегивать сюртукъ до подбородка.

«Нужны были годы, чтобы Маріи достигъ такого благосостоянія, тяжелые годы: одни изъ нихъ пришлось ему провладчить. черезъ другіе пролетѣть. Но не было ни одного дня, въ который Маріи сознавалъ бы себя банкротомъ: онъ все испыталъ по части нищеты, всему подвергся, кромѣ только одного—долговъ. Онъ могъ засвидѣтельствовать передъ своею совѣстью, что никогда никому не былъ долженъ ни одного су. Онъ смотрѣлъ на долгъ, какъ на начало рабства. Онъ говорилъ, что кредиторъ хуже даже господина, потому что господинъ владѣетъ лишь вашимъ тѣломъ, а кредиторъ — вашимъ нравственнымъ достоинствомъ, и можетъ заушать его, сколько угодно. Чтобы не занимать, Маріи отказывалъ себѣ въ пищѣ, и много провелъ въ жизни дней полнаго поста. Сознывая, что крайности сходятся и что если пренебречь этимъ, то низкій уровень благосостоянія можетъ повести и къ душевной низости, онъ ревностно охранялъ свою гордость. Тотъ или другой поступокъ, который былъ бы для него безразличенъ въ иномъ положенн, теперь ему казался опаснымъ шагомъ, на который онъ не рѣшался. Онъ избѣгалъ всякаго риска изъ боязни осрамиться. На самомъ лицѣ его отпечатывалась суровая строгость. Онъ былъ суромень до жестокости.

«Во всѣхъ, этихъ испытаннхъ Марія ободряла и даже порой вдохновляла какая-то особенная таящаяся въ немъ сила. Душа помогаетъ тѣлу, иногда даже оживляетъ его. Это—единственная птица, которая поддерживаетъ свою клѣтку».

Эта борьба за существованіе осложнялась еще первою любовью, которая хотя и была раздѣлена, но тѣмъ не менѣе, причиняла юношѣ не мало душевныхъ мукъ, потому что казалась совершенно безнадежною при незавидномъ финансовомъ положенн влюбленнаго. Предметомъ страсти В. Гюго была та самая m-ле Фуше, съ которою онъ провелъ лучшіе годы дѣтства въ монастырѣ Феллянтиновъ. Когда страсть В. Гюго перестала быть тайной для родныхъ дѣвушки, послѣдніе рѣшительно воспротивились этому, не находя подходящей партіи въ восемнадцатилѣтнемъ безбородомъ юношѣ, не имѣющемъ никакого положенн въ обществѣ и никакихъ средствъ къ существованн. Кончилось

дѣло тѣмъ, что влюбленные были лишены всякой возможности видѣться.

Но ни тяжкая борьба съ нуждою, ни безнадежная любовь, не охлаждали въ юношѣ страсти къ литературнымъ занятіямъ. Всѣ свободныя минуты онъ посвящалъ попрежнему музамъ. Такъ съ 1819 по 1822 годъ онъ представилъ на конкурсъ въ тулузскую академію *des jeux floraux* три оды—«*Les vierges de Verdun*», «*le Rétablissement de la statue de Henri IV*» и «*Moïse sur le Nil*». Оды эти были награждены преміями, авторъ ихъ былъ объявленъ *maître des jeux floraux*, и въ то же время онъ обратилъ на него вниманіе литературнаго міра. Въ то же время онъ написалъ массу другихъ мелкихъ стихотвореній и романъ «Ганъ Исландецъ». И когда впоследствии, этотъ романъ былъ изданъ, думала ли читавшая его публика, что это необузданно-фантастическое произведеніе молодого пера было вдохновлено тою молодою страстью, которою въ то время было проникнуто сердце поэта. Вотъ, по крайней мѣрѣ, что говорить о своемъ романѣ В. Гюго въ иллюстрированномъ изданіи его романовъ 1867 г.:

«Въ каждое произведеніе, драму, поэму или романъ входятъ три ингредиента: то, что авторъ прочувствовалъ, то, что онъ взялъ изъ жизни путемъ наблюденія и то, что онъ угадалъ. Въ романѣ, мало-мальски порядочномъ, въ особенности необходимо, чтобы было много прочувствованнаго и подмѣченнаго, и чтобы вещи угаданныя логически вытекали изъ прочувствованныхъ и подмѣченныхъ. Если мы приложимъ этотъ законъ къ Гану Исландцу, то недостатки этого романа рѣзко выступать впередъ. Въ Ганѣ Исландцѣ только вы и найдете, что одну прочувствованную вещь: любовь молодого человѣка и одну подмѣченную—любовь молодой дѣвушки. Все остальное предугадано, т. е. сочинено, потому что юность, не имѣющая за собою ни фактовъ, ни опыта, ни навыка, можетъ угадывать только воображеніемъ. И если подводить Гана Исландца подъ какую-нибудь классификацію, то его слѣдуетъ назвать фантастическимъ романомъ».

Въ то же самое время В. Гюго, вмѣстѣ съ братьями своими Абелемъ и Евгениемъ и нѣсколькими молодыми людьми, издавали въ складчину нѣчто въ родѣ періодическаго изданія, подъ заглавіемъ «*Conservateur littéraire*». Самое заглавіе этого журнальца показываетъ о томъ роялистическомъ духѣ въ политическомъ отношеніи и строго-классическомъ отношеніи въ литературномъ, какимъ былъ проникнутъ этотъ журналъ. Здѣсь В. Гюго печаталъ свои первыя религіозныя и роялистическія оды и помѣщалъ кое-какія критическія статейки. Здѣсь же впервые

былъ напечатанъ и романъ его Bug-Jargal подъ заглавіемъ: «Contes sous la Tente».

Затѣмъ слѣдуетъ 1822 годъ, представляющійся годомъ рѣзкаго перелома въ жизни В. Гюго. Въ этотъ годъ, вдохновленный успѣхомъ «Méditations» Ламартина, В. Гюго издалъ первый томъ своихъ одъ и балладъ. Это изданіе имѣло такой блистательный успѣхъ, что можно сказать, сразу перевернуло всю жизнь поэта. Изъ безвѣстнаго труженика и обитателя мансардъ, на котораго едва обращали вниманіе въ литературныхъ кружкахъ, онъ сталъ въ ряды первыхъ французскихъ писателей. Изданіе раскупилось такъ быстро, что къ концу того же года было выпущено новое. Роялистскіе кружки чуть не носили на рукахъ восходящее свѣтило. Онъ былъ принятъ во всѣ великосвѣтскіе салоны и вошелъ въ пріятельскія отношенія со всѣми знаменитостями рестаurationи. Ламартинъ и Шатобрианъ иначе не называли его, какъ l'enfant sublime. Между прочимъ и запретныя врата его рая, двери дома Фуше широко растворились передъ нимъ и онъ въ томъ же году женился на своей возлюбленной. И еще бы: онъ теперь могъ считаться вполнѣ приличной партіей, такъ какъ его безъ сомнѣнія ожидала блестящая будущность, тѣмъ болѣе, что онъ снискалъ теперь не только великосвѣтскую, но даже и придворную извѣстность: Людовикъ XVIII былъ такъ расположенъ къ молодому поэту, что въ слѣдующемъ году назначилъ ему пенсію въ 3000 франковъ.

Это назначеніе пенсіи было соединено съ весьма своеобразнымъ скандаломъ, отлично характеризующимъ нравы того времени вообще, въ частности же обнаруживающимъ прекрасную черту великодушія въ В. Гюго, съ другой стороны—добросердечіе короля и тотъ фактъ, какъ мало раздѣлялъ Людовикъ XVIII строгости и жестокости, которыхъ жаждали ультра-роялисты.

Незадолго передъ тѣмъ разразилось Сомюрское возстаніе, глава котораго генераль Бертонъ, съ 40 соучастниками, былъ преданъ военному суду и послѣ двухнедѣльнаго разбирательства приговоренъ къ смерти съ пятью соучастниками. Въ числѣ приговоренныхъ къ смерти былъ одинъ знакомый В. Гюго, Делонъ. Ему удалось спастись изъ заключенія и бѣжать, но полиція ревностно розыскивала его. Тогда В. Гюго рѣшился предложить ему убѣжище въ своей квартирѣ. Какъ строгій роялистъ, В. Гюго не могъ сочувствовать ни убѣжденіямъ, ни поступкамъ инсургента, возмущившагося противъ своего законнаго короля, но въ немъ тогда уже жилъ горячій ненавистникъ смертной казни, и онъ рѣшился подать руку спасенія бѣглецу, безъ всякихъ политическихъ соображеній, просто какъ гонимому человѣку, ко-

торому угрожала вѣрная смерть. Съ этою цѣлю В. Гюго написалъ письмо матери Делона, приглашая сына ея скрыться въ его квартирѣ на томъ основаніи, какъ онъ выразился, что онъ «слишкомъ роялистъ, чтобы вздумали явиться къ нему съ обыскомъ». Но полиція въ это время усердно прочитывала письма и не такихъ роялистовъ, какъ В. Гюго. Письмо его было перехвачено и представлено королю на его усмотрѣніе. Ждали, конечно, всякихъ каръ, которыя должны были обрушиться на преступнаго укрывателя, но отвѣтъ короля поразилъ своею неожиданностью.

— Я знаю этого молодого человѣка, сказалъ король, прочтя письмо:—онъ поступилъ въ настоящемъ случаѣ съ честью, и я назначаю ему первую вакантную пенсію.

И первая вакантная пенсія дѣйствительно была назначена молодому поэту. Что же касается Делона, то онъ имѣлъ благо-разуміе не польститься на предложеніе поэта и нашелъ болѣе надежное мѣсто для спасенія отъ преслѣдованій.

Но этотъ самый 1822 г., въ который роялизмъ поэта дошелъ до высшей точки развитія, озарилъ его блескомъ славы, доставилъ ему полное матеріальное благоденствіе и сдѣлалъ его даже неуязвимымъ полицейскими нурунами, этотъ годъ былъ въ тоже время поворотнымъ пунктомъ въ умственномъ развитіи поэта: съ этого года бѣлизна убѣжденій поэта начинается все болѣе и болѣе омрачаться и краснѣть. *L'enfant sublime* не оправдываетъ возложенныхъ на него надеждъ и обманываетъ всѣ ожиданія и, въ концѣ-концовъ, обращается въ *l'enfant terrible*: въ новатора-ересиарха въ литературномъ отношеніи и врага бѣлыхъ лилій въ политическомъ. Этой переходной эпохѣ жизни поэта, равно какъ и характеристикѣ произведеній В. Гюго во весь первый періодъ его литературной дѣятельности будетъ посвящена слѣдующая глава.

А. Снабичевскій.

КАНДИДАТЪ КУРАТОВЪ.

(Эпизодъ изъ обиденной жизни).

— Вотъ кстати-то! а я къ вамъ шла въ училище... Деша!!
Сегодня, Петръ Андреечъ съ вечернимъ поѣздомъ!!

— Господи... какъ же это такъ вдругъ?! И письма не было...
Ахъ, Боже мой!..

— Да вотъ... она у меня въ карманѣ:

«Кандидатъ. Буду съ вечернимъ поѣздомъ.

Куратовъ».

— Ну, вотъ... вотъ видите, Зинаида Николаевна! Кандидатъ,
а вы ужъ Богъ знаетъ чего не придумали. Я говорилъ...

— Нѣтъ, все-таки я не оправдываю: такъ мучить даромъ...

— Ну, да ужъ почему-нибудь же не писалъ, не такъ вѣдь зря.
Времени-то какъ мало, а я... ахъ, ты Господи, вѣдь никакъ
нельзя... не могу встрѣтить! совѣтъ учительскій у насъ сегодня.
Вѣчно такъ!..

— Я и одна. Вы, какъ только кончится, прямо къ намъ.

— Да, да! Ну, прощайте пока, опоздалъ ужъ чай минутъ на
десять...

Разговаривавшіе разошлись. Мужчина — маленькій, сѣдень-
кій старичокъ, запахнулся плотнѣе въ сильно поношенное сукон-
ное пальто на мерлушкахъ и ускоренной походкой направился
къ виднѣвшемуся на углу большому зданію городского училища.
Дама—дѣвушка за тридцать, наружности ничѣмъ не выдающейся,
одѣтая плохо, скрылась въ дверяхъ ближайшей фруктовой лавки.

Кандидатъ Куратовъ съ вечернимъ поѣздомъ пріѣдетъ въ род-
ной городъ, гдѣ живутъ его мать и сестра и гдѣ его покойный
отецъ учительствовалъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ въ городскомъ
училищѣ.

Неужели родной городъ останется безучастнымъ къ такому зна-
менательному событію? Эти люди росли на его глазахъ; онъ зналъ
ихъ береженными, миловидными дѣтьми, ежедневно отпавлявшими-

*

ся по его улицамъ гулять «на ту сторону», на встрѣчу къ отцу, возвращавшемуся изъ классовъ; онъ былъ свидѣтелемъ отчаянія вдовы, оставшейся въ одно скверное утро съ двумя подростками, съ пенсіей уморительныхъ размѣровъ и ветхимъ домишкою въ глухой части города, унаслѣдованнымъ отъ ея родителей; и онъ же безсознательно пришелъ ей на помощь, встрѣтивъ доврчиво появленіе на свѣтъ Божій новенькой вывѣски: *школа для первоначальнаго обученія*. (Вдова учителя — видимое дѣло, человѣкъ къ педагогикѣ прикосновенный).

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ; школа «Куратики», какъ величали ее кліенты изъ мѣщанъ и мелкихъ купцовъ, успѣшно водворяла первоначальное обученіе во множествѣ дѣтскихъ головокъ, особенно успѣшно, съ тѣхъ поръ, какъ въ помощь матери окончательно подросла молоденькая Зина.

Кандидатскій дипломъ молодого Куратова обошелся не дешево: онъ стоилъ въ сложности нѣсколько тысячъ рублей, выработанныхъ упорнымъ трудомъ и систематической экономіей матери и сестры; онъ поглотилъ всю молодость Зиночки, нечувствительно превращавшейся въ почтенную Зинаиду Николаевну, и положительно цѣлую пучину неистоцимаго, несокрушимаго; женскаго терпѣнія...

Городу онъ будетъ стоить школы—это всѣ знали. Всѣхъ родителей, отдававшихъ въ школу дѣтей, очень серьезно и торжественно предупреждали, что заведеніе это недолговѣчно; какъ только Коля получитъ кандидатскій дипломъ—вся семья переселится въ тотъ городъ, гдѣ онъ будетъ служить. Пожалуй, что родители не имѣли особенной надобности знать это, но госпожа Куратова почему-то находила это необходимымъ. Точно также всякій разъ, какъ ей приходилось мѣнять жильцовъ, занимавшихъ лучшую половину ея дома, она и ихъ ставила въ извѣстность, что собственно домъ ея продается, такъ какъ она намѣрена покинуть городъ, какъ только сынъ ея кончитъ университетъ.

Это было рѣшено еще тогда, когда Коля учился въ гимназіи: потому много разъ обсуждалось въ письмахъ, и далекой путеводной звѣздой мерцало въ непроглядной скупѣ ихъ однообразнаго, трудового существованія. Этимъ жили, для этого терпѣливо работали, отказывая себѣ во всемъ. Обѣ женщины точно не понимали, что не все въ жизни можно наверстать, что есть одно, чего не вернешь, а именно: никакое переселеніе въ другой городъ, на отдыхъ, подъ крылышко Коли-кандидата не превратитъ тридцатилѣтнюю Зинаиду Николаевну въ двадцатилѣтнюю Зиночку!.. Но такія вещи видѣе со стороны—онѣ объ этомъ не думали. Кандидатскій дипломъ составлялъ предѣлъ, у котораго закан-

чивались всѣ ихъ планы, всѣ маленькія, житейскія комбинаціи; на этомъ ихъ жизнь точно обрывалась и начиналась всегда заманчивая, всегда привлекательная область неизвѣстнаго.

Зинаида Николаевна спросила въ лавкѣ бутылку портвейна, фунтъ стеариновыхъ свѣчей и мещерскаго сыру, и при этомъ просительно прибавила, чтобы дали получше и посвѣжѣе, такъ какъ сегодня онѣ ожидаютъ брата; на пути домой ей встрѣтилась мало знакомая дама, вскользь освѣдомившаяся о ея здоровьи — она и ей успѣла сообщить радостную новость. Словомъ, эту новость узнавалъ всякій, кто такъ или иначе сталкивался втеченіи этого дня съ обитательницами ветхаго домика.

— Ну, вотъ, значить и школьъ шабашъ! рѣшилъ всѣхъ прежде сосѣдъ мѣщанинъ, твердо усвоившій значеніе этого приѣзда.

Втеченіи короткаго, осенняго дня квартира Куратовыхъ перешла черезъ всѣ превращенія, какія только способна изобрѣсти фантазія трехъ всполошившихся женщинъ. Телеграмма застала ихъ врасплохъ — она пришла послѣ долгаго, упорнаго, неостережимаго молчанія молодого Куратова.

Въ большой комнатѣ сдвинули въ уголь, и нагромоздили другъ на друга школьные столы, скамьи и черныя доски; собирались, но не успѣли вынести ихъ въ сарай, такъ какъ теперь все ровно онѣ ужь не были нужны.

Зина едва не опоздала къ поѣзду; то-есть собственно это ей такъ казалось, а извозчикъ клялся всю дорогу, что такой конецъ можно еще успѣть сдѣлать, по крайней мѣрѣ, три раза. Дѣйствительно ждать пришлось долго. Ей все казалось, что поѣздъ неопозвительно опоздалъ и она столько разъ обращалась съ этимъ вопросомъ къ дежурному сторожу, что онъ, наконецъ, сказалъ ей какую-то дерзость. Братъ и сестра не видались больше пяти лѣтъ. За это время въ ней произошла та перемѣна, которая иногда совершается круто и разомъ въ дѣвушкахъ около тридцати лѣтъ; она вдругъ вся точно поблекла, высохла и потускнѣла, и смотрѣла старше любой матери семейства однихъ съ нею лѣтъ. Братъ оставилъ ее все еще Зинойкой, надѣвавшей по праздникамъ яркіе банты и свѣтлое платьѣ и тогда ни банты, ни яркое платьѣ никому не рѣзали глазъ... Въ суетливой толпѣ, которая тѣснится у прибывшаго поѣзда, не мудрено проглядѣть знакомое лицо, особенно въ томъ случаѣ, если ваша память удержала измѣнившійся образъ; Куратовы были слишкомъ бѣдны, чтобы бросать деньги на фотографію.

Задыхаясь отъ волненія, не чувствуя толчковъ, дѣвушка торопливо летала взглядомъ по лицамъ всѣхъ попадавшихъ ей мужчинъ, бессознательно отыскивая между ними знакомое ей без-

бородое, юношеское лицо. Кандидатъ приглядывался ко всѣмъ молоденькимъ женщинамъ. Зина безпомощно металась по платформѣ до тѣхъ поръ, пока осталась одна среди кондукторовъ и носильщиковъ; тогда она бросилась въ вокзалъ, пробѣжала по всѣмъ заламъ, заглянула даже въ дамскую комнату и, потерянная, съ подступавшими къ горлу слезами, машинально вышла на подъездъ. Публика разѣхалась. Извозчики толкались и кричали, накидываясь на каждое новое лицо...

Не пріѣхаль!.. Но вѣдь депеша подана съ дороги?.. Она еще разъ съ недоумѣніемъ оглянулась на входную дверь и ея растерянная фигура бросилась въ глаза старичку сторожу, жившему въ одной улицѣ со школой. Онъ подошелъ къ ней, добродушно улыбаясь.

— Никакъ братца встрѣчать изволите? пріѣхали вѣдь они, я самъ слышалъ, какъ извозчика порядили — тутъ я и призналъ ихъ... Очень съ лица смѣивши.

— Пріѣхаль... ахъ... какъ же это?! какое, право, несчастье?.

— Да вы нагоните—вотъ-съ, пожалуйста! я духомъ домчу, коли угодно, вызвался мальчуганъ-извозчикъ.

— Да, да... я тебѣ, голубчикъ, на чай гривенникъ, только поскорѣе, пожалуйста! суетилась Зина, взбираясь на старенькіе дрожки, забрызганные осенней грязью.

Юный возница безжалостно хлесталъ свою пѣгую лошаденку, ухарски заворачивая на поворотахъ и исполняя полнѣйшимъ пренебреженіемъ ко всѣмъ глубокимъ выбоинамъ, ямамъ и лужамъ провинціальныхъ улицъ. Дѣвушка вѣриво держалась за низкую спинку и напряженно смотрѣла впередъ. Только уже близко не доѣзжая школы они нагнали другіе, степенно подвигавшіеся дрожки съ новенькимъ чемоданомъ на козлахъ и съ статнымъ сѣдокомъ съ дорожной сумкой поверхъ пальто.

— Коля!! вырвался изъ груди Зины давно готовый крикъ.

Сѣдокъ обернулся и, вмѣсто худошаваго, безцвѣтнаго лица скромнаго гимназиста, она увидѣла цвѣтущаго блондина съ красивой бородой, выгодно скрывшей не совсѣмъ удачныя очертанія рта и подбородка.

— Стой, стой, любезный! удержалъ онъ за плечо сего извозчика. — Боже мой, да вѣдь это ты, Зиночка! какъ же мы не встрѣтились, не понимаю!

Они оба въ одно время слезли съ дрожекъ и обнялись среди улицы. Зина истерически расплакалась.

— Какая, право, досада... Я смотрѣлъ, смотрѣлъ! такъ вѣдь и думалъ, что ты придешь встрѣтить. Толпа такая! словно из-

винялся пріѣзжіи, какъ будто главное въ эту минуту было то, что они случайно разошлись.

— Боже, какъ ты перемѣнился! пожалуй, я даже и видѣла тебя... Совсѣмъ красавецъ и съ бородой... Господи... Коля!! пять лѣтъ вѣдь, мальчикъ былъ совсѣмъ!..

Дѣвушка смотрѣла на него восторженными глазами и смѣялась сквозь слезы. Молодой человекъ неловко улыбался, безпокойно сознавая, что они остановились среди улицы, и изъ ближайшихъ домовъ, вѣроятно, любятъ неожиданной, трогательной сценой.

— Мы тутъ дойдемъ пѣшкомъ, если хочешь? онъ доведетъ мой чемоданъ... предложилъ онъ, слегка нагибаясь среди фразы, такъ какъ она еще разъ неожиданно и порывисто обняла его.— Или, впрочемъ, грязь у васъ ужасная—эдакъ все-таки скорѣе... Дай я помогу тебѣ...

Онъ подсадилъ ее на дрожки, но не догадался сѣсть рядомъ и они на двухъ извозчикахъ подѣхали къ дому.

Пріѣзжіи расплачивался съ извозчикомъ, торопясь и порываясь къ худенькой, болѣзненно фигуркѣ Катерины Ивановны Куратовой, выбѣжавшей въ одномъ платьѣ на крыльцо встрѣчать сына. Затѣмъ, въ домѣ началась безпорядочная суета свиданія послѣ долгой разлуки — суета, въ которой въ первыя минуты всегда больше напряженія и неловкости, чѣмъ истинной радости. Такъ какъ женщины все больше восклицали, то пріѣзжіи говорилъ за всѣхъ: объ экзаменѣ, о дорогѣ, о разницѣ въ климатѣ, даже, какъ-то ужъ совсѣмъ нечаянно и необдуманно, въ первыя же минуты сообщилъ интересный политическій слухъ... Его каждое слово ловили; его закидывали вопросами, разглядывали, любовались. Очевидно, онъ былъ животрепещущимъ нервомъ, центромъ этой жизни и не только въ силу ихъ любви къ нему, а по существу вещей; одинъ молодой, цвѣтущій, сильный, среди отживающихъ, затерявшихся въ невидной, мелкой борьбѣ. Онъ олицетворялъ въ себѣ будущее среди прошедшаго, завѣдомо неудачнаго и безвѣтнаго и ихъ собственная будущность цѣплялась за эту начинающуюся жизнь.

— Мама, голубушка... а вѣдь ты постарѣла, бѣдная! проговорилъ сынъ, съ печальной нѣжностью лаская ея худыя руки.

— О, родной мой, вотъ нашель о чемъ! Дотянула, хватило силъ до этой минуты—больше ничего вѣдь и не надо отъ меня. Теперь я отдыхать буду.

Онъ нагнулся и молча цѣловалъ ея руки.

— Школа!.. въ раздумѣ остановился пріѣзжіи передъ угломъ, загроможденнымъ школьной мебелью.—Вотъ какъ, Зина? у тебя

нынче доски заведены и карты какія отличныя? оглянулся онъ на стѣну.

— Еще бы! и какъ же я гордилась всѣмъ этимъ въ свое время!.. Знакомый столяръ дѣлалъ по образцу гимназическихъ. Не успѣли сегодня вынести, добавила она неожиданно небрежнымъ тономъ: — надо пока хоть въ сарай свалить, а то здѣсь тѣсно очень.

Братъ вопросительно посмотрѣлъ на нее и промолчалъ.

Хотя Куратовъ и не чувствовалъ ни малѣйшаго голода, но чтобы утѣшить мать, онъ долженъ былъ присѣсть къ столу, заставленному всѣмъ, что было накуплено и настряпано для него; когда онъ благополучно одолѣлъ кусокъ курицы, Анисья внесла сіяющій самоваръ и Зина заняла свое мѣсто у большого подноса съ чайной посудой. Это особенно живо напоминало прошлое. Думая о домѣ, онъ всегда воображалъ себѣ сестру сидящую за самоваромъ. Неуклюжій, рослый гимназистъ, всегда здоровый, всегда съ прекраснымъ аппетитомъ и вѣчно новымъ запасомъ школьныхъ разсказовъ, онъ присаживался къ этому подносу и начиналъ съ увлеченіемъ дѣлиться съ нею всѣми впечатлѣніями дня; они говорили вполголоса, чтобы не мѣшать матери, которая за тѣмъ же столомъ поправляла нѣмецкія тетрадки учениковъ. Зиночка слушала гимназиста съ неподдѣльнымъ, наивнымъ интересомъ; въ собственной ея жизни не было даже и такихъ незабываемыхъ впечатлѣній. Это повторялось изо дня въ день цѣлыя годы. За этимъ же самымъ столомъ было рѣшено, что онъ броситъ школу и переселится въ другой городъ, какъ только Коля получитъ кандидатскій дипломъ. Катерина Ивановна предпочла бы, чтобы сынъ взялъ мѣсто въ родномъ городѣ, но молодежь съ такой вѣтершиной горячностью настаивала именно на переселеніи, что, въ концѣ-концовъ, ей пришлось уступить. Долго спорили. Обсуждали подробно всѣ выгоды и невыгоды продажи дома и всего имущества; высчитывали, какую, примѣрно, сумму придется истратить на путешествіе и обустройство, при этомъ столько горячились, такъ волновались, входили въ такія подробности, что посторонній слушатель навѣрное бы неудержимо расхохотался, еслибъ узналъ въ серединѣ разговора, что рѣчь идетъ... о кандидатскомъ дипломѣ кончающаго гимназиста! И на другое утро гимназистъ отправился въ свои классы, преисполненный самой возвышенной гордостью: онъ чувствовалъ, что несетъ въ себѣ судьбу цѣлой семьи. Онъ былъ тогда слишкомъ юнъ и неискушенъ жизнью, чтобы понимать, какъ невыгодно и рискованно носить въ себѣ чужую судьбу... Но кончившій кандидатъ зналъ это прекрасно.

Куратову живо представился тотъ памятный вечеръ, когда онъ, какъ и теперь, занялъ то же мѣсто около подноса—и какъ бы для дополненія иллюзіи въ прихожей послышалось шарканье снимаемыхъ галошъ, дверь стремительно распахнулась и вошелъ Петръ Андреевичъ, ни на югу не измѣнившійся, ни чуть не постарѣвшій и, вѣроятно, даже въ томъ же самомъ темно-коричневомъ сюртугѣ.

— А гдѣ онъ у васъ, Катерина Ивановна—кандидатъ... кандидатъ-то нашъ желанный?

Куратовъ вскочилъ и почтительно позволилъ себя обнять. Старику по-русски тоекратно поцѣловалъ его и, не выпуская плечъ, весь откинулся назадъ и вглядывался въ него съ простодушной безцеремонностью.

— Господи Боже ты мой!.. господинъ кандидатъ!.. это вѣдь ужъ даже и черезчуръ!.. Девди какой-то... бель-омъ... Что же мы-то послѣ этого? Я вотъ крестнымъ отцомъ довожусь — такъ, право, конфужусь даже!

Петръ Андреевичъ усиленно мигалъ совсѣмъ влажными глазами и изъ-за его напускной, напыщенной шутливости слышались глубоко растроганныя ноты.

— Вѣдь, правда, Петръ Андреичъ, можно не узнать?! горячо отозвалась съ своего мѣста Зина. — Я и не узнала! я теперь совершенно увѣрена, что видѣла его въ вокзалѣ и не узнала!

Катерина Ивановна смотрѣла на сына съ безмолвнымъ восхищеніемъ.

Куратовъ стоялъ среди комнаты и испытывалъ то неловкое *ощущеніе* собственныхъ рукъ, ногъ, глазъ, которое является у человѣка, когда его разглядываютъ.

— А вѣдь и тутъ виновата все та же бѣднота проклятая! заговорилъ онъ развязно, садясь на прежнее мѣсто. — Были бы деньги лишнія, присылалъ бы вамъ каждый годъ свои фотографическія карточки и не случилось бы того, что сестра родная въ толпѣ проглядѣла.

— Конечно, конечно! да вѣдь, говорятъ, и не дороги нынче, отвѣтилъ наивно старикъ.

— Есть и не дорого. Грѣшный человѣкъ, я и снялся-было года два тому назадъ... Ну, только похожи онѣ на меня будутъ развѣ лѣтъ черезъ десять.

— Какъ? ты снимался? гдѣ же онѣ? съ недоумѣніемъ встрепенулась Катерина Ивановна.

— Да и, мама, хотѣлъ это тебѣ къ рожденію — и вдругъ бы ты увидѣла, Богъ знаетъ, какую фізіономію!

— Куда же ты дѣль? теперь хоть покажи...

— Я тогда же изорвалъ ихъ въ мелкіе куски.

— Какъ!.. ты изорвалъ цѣлую дюжину карточекъ?! вскрикнула она съ такимъ искреннимъ ужасомъ, что сынъ тихо, ласково разсмѣялся и поцѣловалъ ея руку.

— Виновать, мама! не хотѣлось явиться передъ вами какимъ-то уродомъ.

— Ахъ, молодежь!.. укоризненно покачала она головой:—развѣ лучше никакой-то не имѣть? Умереть могла, тагъ бы и не знала, какой-ты у меня бородачь сталъ.

— За то теперь такой портретъ пришлю, что какъ живой буду! съ увлеченіемъ проговорилъ Куратовъ и въ ту же минуту, еще договаривая послѣднее слово, весь вспыхнулъ и тревожно пробѣжалъ взглядомъ по лицамъ всѣхъ присутствующихъ.

— Теперь и безъ портрета хорошъ, отвѣтила радостно Катерина Ивановна.

— Тѣмъ болѣе, что и присылать-то не откуда! добавила весело Зина.

Кандидатъ промолчалъ и съ мучительнымъ выраженіемъ въ лицѣ нагнулся надъ стаканомъ съ чаемъ.

Между тѣмъ, Петръ Андреевичъ все продолжалъ съ умиленіемъ разсматривать своего крестника. Неужели это тотъ самый Коля Куратовъ, котораго онъ, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, торжественно несъ вокругъ купели? которому, десятилѣтнему мальчику, онъ ревностно «выправлялъ почеркъ», въ качествѣ патентованнаго преподавателя каллиграфіи? Тотъ самый Коля, на котораго, со смертью Куратова-отца, сосредоточились всѣ заботы и надежды Катерины Ивановны? Прожить кое-какъ домипкомъ и пенсіей она, пожалуй, еще могла бы одна, но надо было воспитывать сына; Зиночкѣ было уже пятнадцать лѣтъ, и покойный отецъ очень гордился ея познаніями. Въ качествѣ дочери благородныхъ родителей, вдовы учителя, ей показалось всего приличнѣе открыть школу; не въ швеи же записаться, не торговать же начать, въ самомъ дѣлѣ! Ни мать, ни дочь ни минуты не сомнѣвались въ собственной компетентности въ дѣлѣ педагогики. Школа пришла въ вкусъ небогатымъ обывателямъ города, но Куратовы отнюдь не смотрѣли на нее, какъ на свое призваніе, какъ на полезное служеніе обществу или что-либо подобное. Она была необходима, чтобы доставить Колѣ высшее образованіе и тѣмъ самымъ и ихъ вывести когда-нибудь на вождѣлнннй путь обезпеченнаго и покойнаго существованія. И онѣ терпѣливо работали для этого, даже не считая своего существованія за настоящую жизнь: это было какое-то промежуточное пространство

которое необходимо было перейти, чтобы устроиться, «какъ добрые люди». Правда, для Зиночки оно совпало съ лучшей порой ея жизни; молоденькой дѣвушкѣ было куда не занимательно изъ года въ годъ преподавать катехизисъ и четыре правила ариметики сыновьямъ лавочниковъ и мелкихъ чиновниковъ; на знакомства и развлечения не хватало ни времени, ни денегъ. Но за то будущее вознаградить ее за все. Въ новомъ мѣстѣ она явится сестрой преподавателя гимназiи, кандидата естественныхъ наукъ, Николая Николаевича Куратова, и никто не будетъ знать скромной исторiи ея трудовой юности. По довольно обыкновенному извращенiю понятiй, Зиночка нетолько не гордилась своею ролью, но считала неизмѣримо болѣе почетнымъ быть настоящей «барышней». Она жила, такъ сказать, со взоромъ, устремленнымъ въ отрадное будущее и совершенно нечувствительно для себя оставляла въ этомъ промежуточномъ пространствѣ свою молодость и свѣжесть... Человѣку, все только собирающемуся жить, очень трудно самому уловить, когда неумолимая природа отсчитаетъ для него короткiй мигъ зенита. Вершина горы всегда представляетъ очень небольшое пространство; но только тотъ, кто чувствуетъ себя совершившимъ «въ предѣлѣхъ земномъ все земное», только тотъ можетъ своевременно и съ спокойнымъ достоинствомъ понять, что его жизнь пошла подъ гору. Зиночкѣ было двадцать-шесть лѣтъ, когда ей предложилъ свою руку и сердце одинъ товарищъ Петра Андреевича по училищу, человѣкъ пожилой и видѣвшiй вполне подходящую для себя жену въ скромной, привычной къ труду и уже не молоденькой дѣвушкѣ. Зина отвергла его безъ малѣйшаго раздумья и даже съ нѣкоторымъ негодованiемъ.

Гораздо страннѣе, что и Катерина Ивановна впадала въ ту же ошибку. Для нея дочь оставалась неизмѣнной Зиночкой; она никогда не разставалась съ нею ни на одинъ день и совершенно не замѣчала, какъ та увядала на ея глазахъ.

Всѣхъ больше замѣчалъ это Петръ Андреевичъ, который давно ужъ сдѣлался членомъ семьи Куратовыхъ, хотъ и не былъ связанъ съ ними никакимъ родствомъ. Старшiй холостякъ, задушевный другъ покойнаго мужа Катерины Ивановны, крестный отецъ ея дѣтей — онъ такъ сжился съ ними, со всѣми ихъ надеждами и планами, что понемногу совершенно пересталъ отдѣлять свою жизнь отъ ихъ жизни. Петръ Андреевичъ намѣревался также переселиться въ тотъ городъ, гдѣ будетъ служить Коля; а такъ какъ у него не было ни дома, который можно было продать, ни другого, собственнаго Коли, на котораго, можно было бы уповать, то онъ уже нѣсколько лѣтъ ухитрился изъ своего жалкаго

заработка отлаживать небольшую сумму и такимъ образомъ, прикупилъ маленькій капитадецъ, необходимый для переѣзда и подысканія новаго мѣста. Эта послѣдняя статья очень озабочивала всѣхъ; что, если въ томъ городѣ, гдѣ будетъ служить кандидатъ Куратовъ, не случится вакантнаго мѣста учителя чистописанія?

Когда два года тому назадъ Петръ Андреевичъ захворалъ довольно сильно, простудившись по неимѣнью порядочной шубы, то его пугала не перспектива болѣзни, быть можетъ серьезной, быть можетъ опасной, а единственно необходимость «тронуть капиталъ», въ случаѣ, если болѣзнь затянется и потребуетъ серьезнаго леченія. Да и какъ не бояться! онъ одинъ зналъ, каково сколачивать капитадецъ изъ доходовъ преподавателя каллиграфіи... Хозяева, у которыхъ Петръ Андреевичъ нанималъ комнату съ прислугой, но безъ стола, увѣряли даже, будто онъ обѣдаетъ не каждый день и въ постные дни питается однимъ чаемъ, единственно ради экономіи, а совсѣмъ не изъ чрезвычайнаго благочестія. За глаза, они величали его не иначе, какъ скрягой и скопидомомъ. Что подѣлаешь! такое феноменальное явленіе, какъ капитадецъ учителя чистописанія, не давалось даромъ!

Торопясь къ Куратовымъ послѣ окончанія учительскаго совѣта, Петръ Андреевичъ, однакоже, предварительно забѣжалъ домой переодѣться и кстати вынулъ изъ старенькой шкатулки завѣтную сумму и тщательно нѣсколько разъ пересчиталъ ее. Конечно, онъ какъ нельзя лучше помнилъ эту интересную цифру и даже разбуженный внезапно среди ночи, всегда могъ бы безошибочно назвать ее, но въ эту минуту онъ ощутилъ живѣйшую потребность поддержать ее въ рукахъ, убѣдиться собственными глазами, что она не исчезла какимъ-нибудь чудомъ изъ замкнутого сундука.

Теперь, Петръ Андреевичъ сидѣлъ и смотрѣлъ на живое олицетвореніе всѣхъ ихъ надеждъ и плановъ. Сердце его было исполнено невыразимой гордостью, но въ то же время оно какъ будто начинало замирать отъ какого-то неуловимаго и еще неопредѣлившагося чувства. Блистательный кандидатъ, красивый мужчина, съ солидной бородой, смѣлымъ взглядомъ и увѣренной рѣчью, ничѣмъ не напоминалъ прежняго *мсье* Колю, ими взлелѣяннаго и оберегаемаго, жившаго общей жизнью. Мальчикъ всегда отлично учился, серьезно и убѣжденно, какъ учатся не многія дѣти, твердо сознающія, для чего имъ это нужно. Онъ понималъ, что мать и сестра работаютъ для него, но нисколько не тяготился этимъ, потому что въ будущемъ его и ихъ интересы сливались въ одно. Онъ обожалъ мать и сестру. Уѣзжая въ университетъ, онъ говорилъ только о своемъ возвращеніи.

Молодой кандидатъ смотрѣлъ на всѣхъ съ спокойной и какъ будто грустной лаской; онъ часто съ снисходительной нѣжностью цѣловаль руку матери вмѣсто всякаго отвѣта на ея слова и... очень мало говорилъ. Въ его тонѣ прорывалась порой затаенная горечь, его лицо минутами принимало тревожное и озабоченное выраженіе.

Когда Коля благополучно сдалъ послѣдній гимназическій экзамень, онъ ворвался въ комнату, какъ ураганъ. Хохоха сквозь слезы, онъ до боли душилъ мать въ своихъ объятіяхъ и долго кружилъ по комнатѣ сестру въ неудержимомъ порывѣ шумнаго, дѣтскаго восторга. За обѣдомъ онъ выпилъ столько рюмокъ хересу, провозглашая всевозможные тосты, что былъ слегка пьянъ въ первый разъ въ жизни. Они всѣ были пьяны отъ радости.

Конечно, никто не ждалъ отъ кандидата прежнихъ ребяческихъ выходокъ, никто не могъ требовать, чтобы онъ носился по комнатѣ отъ восторга... но, мечтая объ этомъ свиданіи, они безотчетно ждали чего-то, по впечатлѣнію, подобнаго тому счастливому дню...

Какъ самый хладнокровный изъ трехъ, Петръ Андреевичъ первый почувствовалъ приступы тоскливаго недоумѣнія. Въ одну изъ паузъ, то и дѣло прерывавшихъ разговоръ, ему случайно попалась на глаза непочатая бутылка вина, купленная утромъ Зной.

— Ну что за молодежь стала нынче! загорячился старикъ и порывисто сорвался съ своего мѣста.—До сихъ поръ никому въ голову не пришло чокнуться за счастливое событіе! провозгласить тостъ за начало новой жизни! Равнодушіе какое-то непостижимое... Въ мое время умѣли торжествовать подобныя минуты. Бывало, кутили по нѣскольку дней на радостяхъ, просто пьянствовали, грѣшнымъ дѣломъ! И не осуждаю. Никогда не осуждалъ. Потому что коли не радоваться благополучному осуществленію собственныхъ начинаній, то гдѣ же другая достойная причина для веселья? Видно, надо мнѣ, старику, примѣръ показать.

Петръ Андреевичъ взялся было за бутылку, но неожиданно, рѣшительнымъ жестомъ поставилъ ее обратно, торопливо разстегнулъ свой сюртукъ и вынулъ изъ внутренняго кармана большой потертый бумажникъ.

— Коли мы окончаніе курса гимназіи хересомъ праздновали, такъ теперь ужъ, по всей справедливости, полагается шампанское! Вотъ-съ пять рублей, Катерина Ивановна, и разрѣшите вашу Анисью послать къ Пѣтухову... Я, какъ крестный отецъ Николая Николаевича, ставлю первую бутылку, а затѣмъ, какъ будетъ благоугодно хозяевамъ...

Старикъ съ невыразимой торжественностью бережно выложилъ

на середину стола синюю депозитку и спряталъ обратно свой бумажникъ.

Куратовъ вскочилъ недовольный.

— Я васъ прошу не дѣлать этого, добрѣйшій Петръ Андреичъ! Я пить не охотникъ, вы, сколько мнѣ извѣстно, также. Съ какой же стати продѣлывать какой-то обязательный обрядъ, когда для этой бумажки навѣрное найдется болѣе серьезное назначеніе. Если ужъ есть желаніе, мы прекрасно можемъ выпить всѣ по рюмкѣ вотъ этого самаго портвейна и поздравить другъ друга съ сегодняшнимъ свиданіемъ.

Онъ взялъ со стола деньги и хотѣлъ было сунуть ихъ въ боковой карманъ Петра Андреевича, но старикъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ вы, г. кандидатъ, не мѣшайте! всякій по своему... На этотъ разъ я отлагаю экономію и сегодняшний радостный день, столь важный въ жизни каждаго изъ насъ, желаю ознаменовать не стѣсняясь... какъ это вообще принято съ давнихъ поръ...

Старикъ сильно покраснѣлъ отъ напряженія, и рука, которой онъ отстранялъ отъ себя ассигнацію, слегка дрожала. Куратовъ слѣдилъ за нимъ съ любопытствомъ. Можно ли было ожидать, что Петръ Андреичъ сдѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ вопросъ чести изъ бутылки шампанскаго!

— О, я никоимъ образомъ не позволю себѣ вмѣшиваться, если вы это такъ серьезно желаете! отвѣтилъ онъ весело и съ своей стороны также вынулъ пятирублевую бумажку.—Зиночка, распорядись, пожалуйста. Я также ставлю бутылку и—будемте кутить!

Зина взяла деньги и нерѣшительно переглянулась съ матерью. Катерину Ивановну давно уже видимо волновалъ этотъ неожиданный споръ изъ-за шампанскаго. Теперь она не выдержала.

— Но... кому же пить двѣ бутылки, Коля? и я не понимаю вообще, для чего вы это затѣяли, Петръ Андреичъ? Какъ будто всѣ мы недостаточно радуемся и безъ этого. Это просто грѣшно бросать на вино такія деньги!

— Нѣтъ, нѣтъ, мама! ты, пожалуйста, не противорѣчь! неожиданно горячо остановилъ ее сынъ.—Петръ Андреичъ совершенно правъ—чего другого, а ужъ грошовой экономіи было слишкомъ достаточно у всѣхъ насъ. Я вполне понимаю его желаніе хоть разъ махнуть рукой на всякіе копеечные расчеты... Да и десять рублей, конечно, никого не сдѣлаютъ богаче.

Катерина Ивановна была совершенно другого мнѣнія о десяти рубляхъ, но все-таки покорно умолела и Зиночка вышла распорядиться.

— Вы, Зиночка, записку дайте, а то еще поддѣльнаго какого-нибудь подсунуть—все вѣдь мошенники! озабоченно проговорилъ ей вслѣдъ учитель.

Николай Николаичъ возбужденно шагаль взадъ и впередъ по комнатѣ.

Развѣ это не назидательно?! Даже Петръ Андреичъ, смиреннѣйшій преподаватель каллиграфіи, чувствуетъ потребность выйти изъ нормы, наплевать на привычное воздержаніе, сдѣлать что-нибудь «въ ознаменованіе»—хотя бы безразсудство... А вѣдь тутъ привычка, цѣлая система, старость, наконецъ! Да, тутъ эта бутылка шампанскаго получаетъ значеніе по истинѣ грандіозное!

Кандидатъ горько усмѣхнулся и оглянулъ группу у стола. Зина вернулась и что-то прибирала; перестанавливала тарелки; Катерина Ивановна старательно рѣзала тонкими ломтиками сыръ и онѣ вполголоса о чемъ-то озабоченно совѣщались. По другую сторону стола, выдвинутаго на середину комнаты, Петръ Андреичъ тихонько прохаживался, заложивъ руки за спину и задумавшись. О чемъ? спросилъ себя Куратовъ, и его сердце мучительно сжалось отъ признанія, что онъ, навѣрное, занимаетъ не послѣднее мѣсто въ этихъ мысляхъ. Какъ будто въ этой комнатѣ, въ этихъ трехъ человѣкахъ, въ этотъ день могло быть что-нибудь, что не было бы, такъ или иначе, связано съ его особой!.. Онъ въ плѣну съ той минуты, какъ переступилъ порогъ этого дома... Онъ ихъ собственность — нѣтъ больше: весь смыслъ, все содержаніе ихъ жизни...

Николай Николаичъ этого никогда не забывалъ. Не даромъ цѣлыхъ два мѣсяца онъ не могъ найти въ себѣ достаточно рѣшимости, чтобы написать письмо. Собственно говоря, онъ написалъ ихъ нѣсколько но каждый разъ озлобленно разрывалъ, находя жестокими, бездушными, недостаточно ясными. Сдѣлалъ ли онъ лучше, что заставилъ себя пріѣхать, не предупредивъ ихъ вовсе?

Анисья принесла вино. За неимѣніемъ бокаловъ, Зина достала четыре стакана; Петръ Андреичъ вооружился ножомъ и штопоромъ и приваялся медленно, неумѣло откупоривать. Пробка хлопнула въ стѣну, стаканы запѣнились.

Николай Николаичъ стоялъ въ дальнемъ углу комнаты и ждалъ. У него было столько причинъ не желать тостовъ!

— Ну-съ, а гдѣ же самъ герой этой минуты?..

Старикъ торжественно разставилъ стаканы и искалъ глазами крестника. Молодой человѣкъ быстро подошелъ къ столу, взялъ вино и мужественно встрѣтился съ его взглядомъ.

— За новую жизнь!.. почему-то тоненькимъ фальцетомъ выкрикнулъ старый учитель, высоко поднимая стаканъ.—За канди-

дата Николая Николаича Куратова! за нашу надежду и гордость! Урра!..

Женщины прослезилась; каждое слово, видъ, всѣ приемы Петра Андреича были неподдѣльно торжественны, а подобныя вещи разительны.

Куратовъ напряженно улыбался, безмолвно чокался и долго, горячо цѣловаль руки матери и обнималъ сестру.

— Нѣтъ ужъ завтра... лучше завтра! тогда не будетъ [никакихъ комедій... соображалъ онъ мысленно.

Петръ Андреичъ снова поднялъ стаканъ.

— За скорое и успѣшное исполненіе всѣхъ желаній нашего молодого ученаго! За будущую блестящую карьеру!

— Спасибо вамъ отъ всего моего сердца, добрѣйшій Петръ Андреичъ! заговорилъ, наконецъ, Куратовъ, до сихъ поръ упорно молчавшій. — Но... не довольно ли тостовъ? Вы и такъ ужъ довели до слезъ бѣдную маму и Зину, а вѣдь шампанское пьютъ для веселья!

Это была бесполезная попытка. Петръ Андреичъ только все больше входилъ въ роль.

— Теперь мы выпьемъ за тѣхъ достойныхъ женщинъ, которыя своимъ великодушнымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ помогли вамъ, молодой человекъ, выбраться на широкой путь полезной и просвѣщенной дѣятельности, которыя дали вамъ этимъ несравненную отраду въ будущемъ—вознаградить близкихъ вамъ за ихъ незавидную и не легкую долю! За здоровье почтенной Катерины Ивановны и Зинаиды Николаевны!

Лицо Куратова казалась почти искаженнымъ отъ того неестественнаго выраженія, которое онъ усиливался удержать на немъ.

Поднявъ глаза, онъ замѣтилъ, что сестра смотритъ на него съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, Петръ Андреичъ, и въ самомъ дѣлѣ довольно вамъ! Мы съ мамой и безъ того уже плакали, а у Коли вонъ какое страшное лицо дѣлается. Лучше садитесь и вы къ столу и давайте по просту, весело и задушевно поговоримъ обо всемъ. Право, это будетъ гораздо пріятнѣе.

— Конечно, пріятнѣе, сейчасъ же поддержала ее Катерина Ивановна.—Къ чему тутъ рѣчи какія-то? Нашли время прошлой горе вспоминать! Обсудимъ лучше, какъ теперь-то устроиться.

Петру Андреичу пришло замолчать, такъ какъ не находилось охотниковъ слушать его тосты, которыхъ у него готово въ умѣ еще нѣсколько; но онъ рѣшительно не могъ сразу превратиться опять во всегдашняго, будничнаго учителя чистописанія.

— Пусть вотъ г-нъ кандидатъ скажетъ сначала, почему онъ

не писалъ цѣлыхъ два мѣсяца? проговорилъ онъ неожиданно.— Отчего онъ, по окончаніи послѣдняго экзамена, не извѣстилъ насъ тотчасъ же, чтобы и мы могли порадоваться своевременно? Почему вы знали, молодой человѣкъ, можетъ быть, мы пожелали бы тогда же между собой воздать должную дань событію, такъ сказать устроить себѣ праздникъ! Какъ же вы, вмѣсто того, заставили насъ тревожиться и опасаться, а теперь обезкураживаете насъ своимъ равнодушіемъ!.. Я очень понимаю, что вы за два мѣсяца могли привыкнуть къ своему ученому званію, но вѣдь мы этимъ жили; мы пять лѣтъ ждали этого всѣми своими помышленіями; вѣдь, Богъ мой! не такая же это заурядная вещь, чтобы... даже и слезы-то лишней не выронить!

И въ его глазахъ и въ голосѣ дѣйствительно дрожали слезы.

— Должно быть вы правы, Петръ Андреичъ, и я дѣйствительно успѣлъ привыкнуть... да и съ дороги усталъ немного, нашелся только отвѣтить Куратовъ.

Учитель мрачно смотрѣлъ на него, заложивъ по своей привычкѣ одну руку за бортъ сюртука, а другую въ карманъ, и, по-прежнему, не присаживаясь къ столу. Зина и на этотъ разъ выручила брата.

— Ахъ, мамаша, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ ужъ поздно! Коля бѣдный должно быть уставши Богъ знаетъ какъ, а вы, Петръ Андреичъ, его своими рѣчами душите!

— Правда, правда! и завтра еще день будетъ! Чтò мы и въ самомъ дѣлѣ накинудись на него, примирительно вторила дочери Катерина Ивановна и нѣжно провела своей худенькой рукой по густымъ русымъ волосамъ сына.

Петръ Андреичъ сейчасъ же взялъ шапку и мрачно простился со всѣми. Что-то упорно и мучительно протестовало въ немъ противъ всего этого давножданнаго вечера, хотъ онъ и не понималъ, въ чемъ могло быть дѣло. Не помогла и бутылка шампанскаго, купленная на его кровные рубли—это послѣднее безотчетное усиліе заглушить тяжелое впечатлѣніе и водворить недаввавшееся единодушіе. Другая бутылка такъ и осталась неоткупоренная на столѣ.

По уходѣ учителя, Зина объявила, что она уложитъ брата на свою кровать, а сама ляжетъ въ большой комнатѣ и они долго спорили на эту тему. Всѣ пріѣзжіе впадаютъ обыкновенно въ эту ошибку! Они должны бы понимать, что ради рѣдкаго и желаннаго гостя необыкновенно пріятно испытать маленькое неудобство—проспать ночь на диванѣ, вмѣсто кровати, или вовсе переселиться изъ собственной комнаты. Можетъ быть, гостю это и не прибавитъ удобствъ, но за то доставитъ несомнѣнное, не-

винное удовольствіе хозяйкѣ. Куратовъ этого не понималъ вовсе и настоялъ на своемъ, къ искреннему огорченію дѣвушки.

Наконецъ, его оставили одного, послѣ новаго, продолжительнаго взрыва поцѣлуевъ и объятій. Молодой человѣкъ утомленно потянулся всѣмъ тѣломъ, глубоко вздохнулъ и крѣпко стиснулъ голову обѣими руками. Онъ горячо сожалѣлъ теперь, что не отправилъ ни одного изъ своихъ писемъ! Для нихъ въ результатѣ все равно тѣмъ или другимъ способомъ свалиться съ своего неба, а себѣ онъ создалъ этимъ цѣлый рядъ невыразимо мучительныхъ минутъ... Какъ приступить онъ къ объясненію завтра? Куратовъ рѣшительно не зналъ; онъ не зналъ даже, возможно ли вообще сдѣлать это вполне бережно и постепенно, когда каждую минуту ему угрожала опасность какого-нибудь категорическаго вопроса. Вѣдь нужна была ихъ безхитростная любовь, ихъ несокрушимая вѣра, чтобы и теперь ужъ не замѣтить, сколько разъ онъ отмалчивался и уклонялся. И еслибъ еще онъ счумѣлъ въ совершенствѣ разыграть свою роль, а то, надо сознаться, что все это онъ дѣлалъ самымъ неумѣлымъ и первобытнымъ образомъ. Если онъ и были безмятежно счастливы хотя этотъ одинъ вечеръ, то и этимъ счастіемъ онъ обязаны только самимъ себѣ.

Поддаваясь усталости, Куратовъ машинально сѣлся на край постели, посланной для него на диванъ, но сейчасъ же снова вскакивалъ въ тревожной тоскѣ.

Неужели никогда имъ не приходило въ голову ничего подобнаго?! Какимъ же представляли онъ себѣ его послѣ пяти лѣтъ? неужели все тѣмъ же Колей, мало развитымъ, добрымъ мальчикомъ, который видѣлъ свою конечную цѣль въ томъ, чтобы получить въ какой-нибудь гимназій мѣсто штатнаго учителя, взять къ себѣ мать и сестру и устроиться такимъ образомъ на вѣчныя времена! Въ ихъ школѣ не будетъ больше надобности; мать будетъ съ самой безупречной экономіей расходовать каждый его грошъ, Зина... что же собственно будетъ дѣлать Зина, тридцати-лѣтняя барышня? Быть можетъ, она все еще мечтаетъ о замужествѣ и въ каждомъ его знакомомъ будетъ видѣть жениха? Изъ такихъ положеній нѣтъ выхода. Прямо отъ учебниковъ въ провинціальныи городъ—положимъ, даже губернской, въ виду прекрасной диссертациі, обратившей особенное вниманіе начальства на кандидата Куратова, но, конечно, ужъ съ тѣмъ, чтобы никогда изъ него не выбраться! На учительскій заработокъ не вздумаешь путешествовать для пополненія образованія; не рѣнешь мѣнять мѣста, ради освѣженія въ 'новой обстановкѣ; съ семьей на рукахъ, пожалуй, даже и жениться-то не удастся на незатѣйливой провинціальной барышнѣ! Развѣ, при удачѣ, полу-

чишь достаточно частныхъ уроковъ, влѣзешь разъ на всегда въ рабочій хомутъ, забудешь думать о какой бы то ни было наукѣ и будешь только ежеминутно чувствовать, что все держится однимъ тобой, единственно мѣрой твоихъ физическихъ силъ... Случайная простуда, зараза, нелѣпый случай — и полетѣло кувиркомъ! Въ результатѣ, на свѣтѣ лишняя Катерина Ивановна, лишняя Зиночка, у которыхъ можетъ не оказаться даже и соотвѣтствующаго Коли для поддержки... Если ихъ мечты не идутъ дальше этого, то неужели же ему-то онѣ никогда не желали ничего лучшаго?!

Мебель школьную въ уголъ свалили... не нужна больше! «Не успѣли сегодня въ сарай вынести» — вспомнилось ему безпечное замѣчаніе Зины. Да, для нихъ не существуетъ сомнѣній-онѣ, очевидно, совсѣмъ ужъ собрались, укладываться чего добраго не начали ли?..

Въ то время, какъ Куратовъ предавался своимъ одинокимъ, волнующимъ размышленіямъ, въ комнатѣ Катерины Ивановны Зина сидѣла около кровати матери при свѣтѣ одной лампы, горѣвшей у большого образа Николая чудотворца; мать легла уже въ постель и обѣ женщины вполголоса, чтобы не разбудить Колю, обмѣнивались отдѣльными, отрывочными замѣчаніями, которыя доказывали, что въ головахъ ихъ происходитъ рядъ совершенно одинаковыхъ мыслей и что имъ ничего не стоитъ понимать другъ друга съ полуслова.

— Все-таки я думаю предложить сначала Пѣтухову, говорить задумчиво Катерина Ивановна, и хотъ фразѣ этой только что предшествовали соображенія о завтнешнемъ обѣдѣ, однако, Зина сейчасъ же понимаетъ, что рѣчь идетъ о предложеніи богатому купцу Пѣтухову приобрести въ собственность домъ вдовы Куратовой.

— Улица не бойкая, коротко возражаетъ дочь.

— Мнѣ бы все-таки хотѣлось лучше поужинѣ!.. замѣчаетъ она помолчавъ и Катерина Ивановна ужъ знаетъ, что дочь мысленно блуждаетъ по картѣ Европейской Россіи и опредѣляетъ кандидата Куратова на штатное мѣсто въ одинъ изъ безчисленныхъ городовъ имперіи...

— Только я не намѣрена ждать больше трехъ дней, если она еще не можетъ дать отвѣта! неожиданно сухо и холодно произноситъ Зина, совершенно какъ будто говорить съ постороннимъ лицомъ.

— Она никакъ не можетъ получить письма изъ деревни такъ скоро, возражаетъ кротко Катерина Ивановна.

— Да, но вѣдь и онъ же не станеть ждать до безконечности!

*

горячится дѣвушка и мать отлично понимаетъ и кто такое «онъ» и какого именно письма изъ какой деревни ждетъ «она».

Но въ настроеніи матери и дочери замѣчается нѣкоторая разница; Катерина Ивановна и теперь такая же кроткая и тихая, какъ всегда, но въ тонѣ Зины то и дѣло прорываются совершенно ей несвойственныя нетерпѣніе и досада. Она видимо расположена торопиться даже въ ущербъ благоразумію, и матери часто приходится останавливать ее и напоминать, что время терпѣть и въ сущности говоря ничего еще и не извѣстно. Раза два онѣ даже поспорили, что вообще случалось въ ихъ жизни крайне рѣдко. Было ужь поздно, когда Катерина Ивановна, сладко зѣвнувъ нѣсколько разъ, рѣшила, что утро вечера мудренѣе, и отослала дочь.

— А я еще ни капельки спать не хочу, проговорила возбужденнымъ голосомъ Зина и нагнулась поцѣловать мать. — Господи, мама!.. да неужели-жъ мы съ тобой дѣйствительно дожили?! Мнѣ просто не вѣрится минутами... И какой Коля красавецъ сталъ! теперь я немного ужь присмотрѣлась, а въ первую минуту... точно чужой, важный баринъ! Неловко даже...

Катерина Ивановна вздохнула.

— Мнѣ показалось, что онъ невеселый какой-то, проговорила она робко, еще болѣе понижая голосъ. — Ты этого не думаешь, Зина?

— Съ какою стати! онъ просто съ дороги усталъ и потому мужчины вообще не любятъ выказывать своихъ чувствъ, отвѣтила очень увѣренно Зина, полагая, очевидно, что ей до нѣкоторой степени извѣстенъ характеръ мужчинъ.

— Мало ли что! Столько времени... и у него могутъ быть свои какія-нибудь непріятности...

— Просто мы отвыкли отъ него. А вотъ какъ бы холодно ему не было подъ утро: въ той комнатѣ такъ выдуваетъ за ночь! озабоченно проговорила Зина съ порога.

Проходя къ себѣ мимо большой комнаты, дѣвушка неожиданно замѣтила, что у брата еще не былъ потушенъ огонь. Странно! что могъ онъ дѣлать такъ поздно? онъ самъ жаловался на усталость... Зина остановилась и стала прислушиваться: въ комнатѣ было совершенно тихо. Чего добраго, уснулъ и забылъ погасить свѣчу, пришло ей въ голову. Послѣ нѣкотораго колебанія, она рѣшилась тронуть дверь и сама вздрогнула, когда та слегка скрипнула подъ ея рукой. Куратовъ не отзывался. Она сильнѣе потянула дверь и заглянула: молодой человекъ сидѣлъ у стола, подперевъ голову обѣими руками, и очевидно спалъ, потому что не шевельнулся, когда она осторожно перешла комнату.

— Коля!.. позвала она тихонько.

— Кто?!.. испуганно сорвалось съ его губъ: — ахъ, это ты, Зина! какъ ты тихо вошла...

— Извини, пожалуста... Я увидала огонь и боялась, что ты забылъ потушить свѣчу.

— Нѣтъ, я не спалъ еще, отвѣтилъ Куратовъ и провелъ рукой по лицу.

Застигнутый врасплохъ, онъ не успѣлъ во-время привести его въ порядокъ. Зина стояла пораженная его тяжелымъ, озабоченнымъ выраженіемъ; ей сейчасъ же вспомнилось опасеніе, только что высказанное матерью.

— Мы думали, что ты давно ужъ спишь съ дороги, проговорила она подозрительно.

Куратовъ, прищурившись, смотрѣлъ на свѣчу. Чтò, если сейчасъ?.. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ легче. Это одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ положеній, гдѣ человѣкъ, ни въ чемъ неповинный, будетъ однако безъ конца оправдываться передъ самимъ собой... Онъ рѣшительно отвелъ глаза отъ свѣчи и оглянулъ всю фигуру сестры такъ серьезно и зорко, точно онъ сейчасъ только увидаль ее.

— Присядь, если хочешь, Зина... Вы развѣ всегда ложитесь такъ поздно? выговорилъ онъ небрежно и сталъ закуривать папирску, нервно содрогаясь отъ озноба, который иногда дѣлается, если засидишься черезчуръ долго.

— Но развѣ ты не усталъ?.. все больше удивлялась дѣвушка и машинально опустила на придвинутый имъ стулъ.

Куратовъ началъ ходить взадъ и впередъ, не отдаляясь въ глубь комнаты, а описывая безпокойные круги тутъ же около стола. Ему вдругъ показалось, что всего лучше избрать легкую форму — высказаться возможно короче и такъ какъ-нибудь, не придавая особенной важности, и отнюдь не дѣлать изъ этого трагедіи.

— Усталъ немного, но это неважно, отвѣтилъ онъ громко.— И я очень радъ, что ты вздумала зайти, Зиночка. Надо переговорить и всего лучше сначала безъ мамы... Потомъ ужъ какъ-нибудь, вмѣстѣ.

Легкій тонъ сейчасъ же ввелъ Зиночку въ заблужденіе; она встрепенулась и вся такъ и засвѣтилась оживленіемъ.

— О, вѣдь мама ни въ чемъ не будетъ намъ противорѣчить. Только ты, Коля, долженъ помочь ей въ главномъ, то есть съ домою... Иначе она все будетъ колебаться, бояться продешевить и этому просто конца не будетъ! Я ужъ отлично знаю это!..

Вся эта тирада съ такимъ одушевленіемъ вылетѣла изъ устъ

Зиночки, неожиданно дорвавшейся до желанной тѣмы, что не было никакой возможности остановить ее во-время.

— Но для чего продавать домъ?.. выговорилъ несовсѣмъ увѣренно Куратовъ, огорошенный тѣмъ, что первый же ея отвѣтъ подвинулъ ихъ такъ далеко впередъ.

— Какъ же иначе? Развѣ ты думаешь, что можно поручить это кому-нибудь и безъ насъ?.. или въ наймы отдавать по прежнему?.. Но вѣдь за глаза это ужасно неудобно!

Куратовъ внезапно страшно разсердился. Предстоящій разговоръ только что промелькнулъ въ его воображеніи, конечно, въ общихъ, приблизительныхъ чертахъ, и показался ему даже сноснымъ въ его положеніи. При этомъ, разумѣется, въ ея отвѣтахъ не предполагалось ничего сбивающаго и идущаго въ разрѣзъ... Онъ никакъ не ждалъ, что ему придется имѣть дѣло съ упорнымъ, какимъ-то даже безтолковымъ непониманіемъ; что его не только не облегчатъ, догадываясь съ полуслова, но еще вынудятъ долго, утомительно, мучительно вразумлять и втолковывать.

Теперь онъ это понялъ сразу, по ея двумъ фразамъ.

— Ахъ, ты Боже мой, Зина! куда это ты такъ страшно торопишься? вырвалось у него совсѣмъ ужъ жестко.

Она вдругъ въ внезапномъ испугѣ всплеснула руками.

— Коля... да неужто-жь ты хочешь устроиться здѣсь?!..

Страшнѣе этого ей ничего даже и представиться не могло. Куратовъ молча, въ безсильной тоскѣ швырнулъ въ уголъ свою папироску.

— Господи! но почему же такъ вдругъ?.. Зачѣмъ? Вѣдь это давно уже было рѣшено... Ты самъ, Коля, первый ты и настаивалъ на другомъ городѣ! и вѣдь тебѣ дѣйствительно все равно гдѣ ни служить... А мнѣ... ты не знаешь какъ я привыкла къ этой мысли... Подумай: цѣлую жизнь все здѣсь! всѣхъ знаешь и насъ всѣ знаютъ, все помнить... Какъ бы мы ни жили потомъ, мы съ мамой для всѣхъ всегда будемъ учительши... Да и просто смѣшно даже — вдругъ я ни съ того ни съ сего начну дѣлать визиты и заводить знакомства, послѣ того, какъ вѣкъ жили ни съ кѣмъ не знавшись!.. Да и весь городъ знаетъ, что мы уѣзжаемъ, насъ даже сколько разъ отговаривали, сожалѣли... Сбирались, сбирались—да и остались ни съ того ни съ сего!

Зина могла бы еще хоть четверть часа волноваться на ту же тѣму, Куратовъ все равно даже не слушалъ. Только ея испуганный, растерянный голосъ жалобно отдавался въ ухахъ. Не все ли ему равно, что именно она говорить? вѣдь это совсѣмъ не относится къ дѣлу! Очевидно, что приходится просто возможно яснѣе, короче и понятнѣе объявить въ чемъ дѣло, отнюдь не

разсчитывая, чтобы она сама пришла на помощь, облегчила эту сцену себѣ и ему и, ужь конечно, нечего мечтать, чтобы она поняла его, повѣрила, въ какой мѣрѣ ему самому тяжело и мучительно... А его доводы въ свою защиту — какую цѣну могутъ они имѣть въ глазахъ Зиночки, такъ искренно испуганной тѣмъ, что за нею можетъ остаться прозвище учительши!..

Но зато она не сомнѣвалась, что то, что она скажетъ, можетъ еще измѣнить дѣло; что ей удастся доказать, убѣдить, упрямить... Онъ слушаетъ молча; ему, видимо, и возразить-то нечего. И подстрекаемая этимъ соображеніемъ, Зина убѣждала все горячѣе. Отъ волненія красныя пятна проступали на ея поблекшемъ лицѣ.

— Да и какъ же такъ, даже не посовѣтовавшись! прислушался Куратовъ: — ты ничего не писалъ... вѣдь ты же зналъ, что мы готовимся! развѣ такъ дѣлаютъ? да еслибъ телеграмма пришла раньше, вѣдь мы могли бы успѣть распродать ужь все къ твоему пріѣзду!

— Зина, помолчи, пожалуйста, нѣсколько минутъ, если ты хочешь, чтобы говорилъ также и я, а не одна ты! внезапно оставилъ ее братъ; онъ уловилъ въ ея тонѣ уже новую нотку раздраженія и упрека. — Съ чего ты взяла, что я собираюсь поселиться здѣсь? Развѣ я сказалъ это? ты такъ кипятишься, не разобравъ даже въ чемъ дѣло, что мнѣ не даешь и рта разинуть! Будь благоразумна, сестра, выслушай внимательно то, что я сейчасъ скажу и, ради всего святого, постарайся понять меня!..

Зина впиалась въ него взглядомъ и, разомъ вся поблѣднѣвъ, ждала объясненія. Она видѣла, что что-то сейчасъ разразится надъ нею.

— Я, Зина, ни здѣсь и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не поступлю на службу теперь же. У меня есть на это такія причины, которыя вы должны признать законными... Отъ первыхъ шаговъ зависитъ вся будущая карьера... не можете же вы желать, чтобы я пожертвовалъ ею, потому только, что когда-то мы вмѣстѣ составили себѣ ребяческой планъ!

Куратовъ перевелъ духъ. Зина молчала.

— Кажется, всѣ мы достаточно уже натерпѣлись онъ бѣдности, продолжалъ онъ съ горечью. — Не думай, пожалуйста, что учитель гимназій— важная птица; это только не легкій и далеко не роскошный кусокъ хлѣба. У меня довольно и знаній, и энергій, чтобы завоевать себѣ въ жизни что-нибудь получше, и вы сами отъ этого только выиграете. Я, разумѣется, буду помогать вамъ по мѣрѣ возможности, но поселиться съ вами сейчасъ, жить

такъ, какъ вы это воображали, я не могу! Поймите вы только. Бога ради, какъ мнѣ больно разочаровывать васъ!..

Зина сидѣла ошеломленная, жалкая и по прежнему ничего не говорила.

— Ты, можетъ быть, думаешь: кабы больно было, такъ и не сдѣлать бы. Да? спросилъ онъ почти злобно.—Я два мѣсяца не могъ собраться съ духомъ написать... Я знаю, какъ вы прожили весь свой вѣкъ, ждали: вотъ поселимся вмѣстѣ и начнется что-то новое... Но вѣдь въ сущности, Зина, это было бы немногимъ лучше, чѣмъ теперь; таже бѣдность, небезопасность... Или школа эта вамъ такъ ужъ надоѣла? Да вѣдь безъ дѣла только еще скучнѣе... Я, Зина, не наобумъ же это и дѣлаю. На мою диссертацию обратили особенное вниманіе; у меня есть уже тамъ кое-какія нужныя знакомства. Мнѣ предложили участвовать въ одной ученой экспедиціи. Я могу себѣ имя этимъ составить. Придется уѣхать, пропутешествовать, можетъ быть, довольно долго. Другого подобнаго случая не представится въ цѣлую жизнь. Чего стоить, въ сущности, книжная наука, не проверенная, не подкрѣпленная собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ? Какого умственнаго роста ждать отъ человѣка, прямо со школьной скамьи закабаленнаго въ глухой провинціи, безъ средствъ, безъ всякой надежды на болѣе широкое будущее?

Николай Николаичъ самъ не замѣчалъ, что сейчасъ же началъ увлекаться, какъ только заговорилъ о своей собственной будущности и что перешелъ онъ къ ней непосредственно послѣ того, какъ старался убѣдить свою безмолвную слушательницу, что имъ въ сущности и отъ новой-то жизни ждать было нечего. Въ этомъ контрастѣ была бессознательная жестокость; но Зина не замѣчала этого. Она чувствовала только, что въ томъ, что онъ говорить теперь — съ внезапнымъ жаромъ, весь радостно оживившись — совершенно нѣтъ мѣста ни ей, ни матери. Это, безъ сомнѣнія, что-то очень хорошее, блестящее и смѣлое, но что-то такое, до чего имъ рѣшительно нѣтъ дѣла! Она никогда не воображала, что можно заботиться объ умственномъ ростѣ, и думала, что проверять научныя данныя собственными наблюденіями, участвовать въ ученой экспедиціи, пожалуй, можно и быть можетъ даже и нужно, но только, конечно, ужъ не *илъ* Колѣ, котораго онъ насилу дождались! И она слушала совершенно безучастно именно то, въ чемъ молодой кандидатъ видѣлъ самыя очевидныя доводы, самоозакононое свое оправданіе. Чтò ей до всего этого? Вполнѣ она поняла, уловила и почувствовала только одно: что ничего не сбудется изъ того, чего всѣ они ждали столько лѣтъ! Все должно остаться по прежнему... собираться некуда...

мечтать не о чемъ!.. Зина такъ потерялась отъ неожиданности, что продолжала сидѣть молча, безъ слезъ, съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Куратовъ энергично шагаль по комнатѣ и все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ развиваль детали собственной много-объщавшей будущности, пока, наконецъ, онъ замѣтилъ, что давно уже говоритъ все только о себѣ; онъ остановился около стула сестры и ласково взялъ ее за руку.

— Неправда ли, Зиночка, вѣдь ты же сочувствуешь всему этому? ты не требуешь. Отъ меня подобной жертвы? спросилъ онъ мягко.

Дѣвушка подняла голову и слезы разомъ брызнули изъ ея глазъ. Ей никогда не приходило въ голову, что она требуетъ жертвы. Она никогда также не думала, что сама чѣмъ-нибудь жертвуетъ, добывая средства для существованія семьи, въ которой самой дорогой статьей было образованіе брата.

— Я... я ничего не требую... но что же теперь будетъ, Коля? выговорила она безпомощно.

Ему это казалось совсѣмъ просто—она, по прежнему, будетъ заниматься своей школой; ихъ положеніе все-таки улучшится, потому что онъ нетолько не будетъ нуждаться въ ихъ поддержкѣ, но еще будетъ помогать имъ по мѣрѣ силъ. Куратовъ, однако же, не рѣшился этого высказать.

Зина вдругъ вскочила съ мѣста и съ отчаяніемъ оглянулась по комнатѣ.

— Все по старому... опять разставить по мѣстамъ эти столы и скамейки... собрать дѣтей... Опять мы съ мамой однѣ; но только теперь ужъ и ждать нечего!..

Она громко, мучительно зарыдала.

Это было очень не деликатно. Въ этомъ было полное отсутствіе самолюбія и она только совершенно бесполезно мучила его. Но вѣдь она не смотрѣла на себя со стороны, въ ней только разгоралась боль, какъ свѣжая рана на тѣлѣ разбаливается все сильнѣе съ каждой минутой... И вмѣстѣ съ тѣмъ все громче говорилъ протестъ противъ неожиданнаго жестокаго удара. Ихъ Коля не могъ быть такъ безжалостенъ; неужели для него какая-то экспедиція важнѣе всѣхъ ихъ надеждъ и плановъ! на что онъ рассчитываетъ? какую карьеру мечтаетъ сдѣлать безъ средствъ и протекціи?.. И развѣ быть учителемъ такъ ужъ дурно!.. Онъ прежде не былъ честолюбивъ и не призираль бѣдности... Онъ бы не пожертвовалъ ими для какого-то путешествія!..

Она высказывала все это безсвязно, съ горечью, упрекомъ и

негодованіемъ. Этотъ тонъ сейчасъ же расколодилъ жгучую жалость, которую Куратовъ почувствовалъ при видѣ ея слезъ.

— Хорошо, Зина, я безсердечный эгоистъ, потому что не соглашаюсь отказаться отъ всякой будущности ради того, чтобы вамъ стало чуточку пріятнѣе жить на свѣтѣ. Но себя ты чувствуешь совершенно вправѣ требовать этого отъ меня? Я не имѣю права желать себѣ чего-нибудь лучшаго? Вы ждали... Но скажите по совѣсти, чего же такого существеннаго я васъ лишаю?!

— Для тебя это не существенно, но намъ съ мамой и ждать больше нечего!.. Петръ Андреичъ бѣдный!.. онъ вѣдь тоже собирался ѣхать съ нами, у него и деньги приготовлены—и чего только это ему стоило!

— Ахъ! такъ и у Петра Андреича есть планы, которые я нарушаю?! вскричалъ Куратовъ со взрывомъ неудержимой досады:—онъ также давно уже распорядился моимъ существованіемъ?! Вѣроятно, и у мѣщанина Савельева, по сосѣдству, также есть какіе-нибудь виды на мою особу?!

— Ты, кажется, смѣешься надъ тѣмъ, что тебя любятъ?

— Зина... уйди ты, Христа ради, оставь меня теперь! отвѣтилъ онъ неожиданно.—Мы поссоримся — и ничего больше. Можетъ быть, подумавъ одна, ты успокоишься и поймешь, что тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, что мнѣ хочется путешествовать!

Въ чемъ бы ни было дѣло, но она ушла отъ него вполне несчастная и безутѣшная.

— И для чего только я пріѣхалъ! Зачѣмъ я не написалъ имъ! восклицалъ съ горькимъ сожалѣніемъ Куратовъ.

Эту ночь одна Катерина Ивановна проспала безмятежно. Утромъ, она, по обыкновенію, поднялась всѣхъ раньше и намѣревалась отправиться самолично на базаръ, не подозревая, что ея дочь совсѣмъ даже и не ложилась въ постель. Зина просидѣла у окна передъ своимъ старенькимъ рабочимъ столикомъ и переживала тѣ несравненно тяжелые часы, когда человѣкъ впервые начинаетъ видѣть вполне ясно собственное безотрадное положеніе. И почему же я не понималъ этого раньше?! спрашиваетъ онъ себя въ горестномъ недоумѣніи. Переживать это легче тому, кто привыкъ размышлять, кто умѣетъ разомъ поставить все на свое мѣсто и разобраться въ хаосѣ разнородныхъ ощущеній, кто не станетъ взводить напрасныхъ, неосновательныхъ обвиненій ни на себя, ни на другихъ... Никакая философія не приходила на помощь Зиночкѣ Куратовой. Она доходила до пониманія только путемъ горькихъ, обидныхъ, часто ложныхъ и напрасныхъ терзаній. По ея мнѣнію, все зло было единственно въ томъ, что ея братъ оказался не тѣмъ Колей, котораго она, какъ нѣкій крае-

угольный камень, легкомысленно положила въ основаніе всего зданія... Живой камень строптиво отказывался лечь на предназначенное ему мѣсто и воздушный замокъ разлетѣлся, какъ картонный домъ! Зиночка сидѣла на развалинахъ и оплакивала свою судьбу, всѣмъ своимъ существомъ возмущаясь бездушной неблагодарностью, безсердечнымъ эгоизмомъ, неумѣстными претензіями, заносчивыми требованіями... и все въ этомъ родѣ. Въ ея размышленіяхъ было ужасно мало надлежащихъ словъ и вѣрныхъ понятій!..

Въ первый разъ она сознала вполне отчетливо, что ей тридцать второй годъ и шансовъ на замужество никакихъ; женщины выходятъ замужъ и послѣ тридцати лѣтъ, но, конечно, при сколько-нибудь благопріятной обстановкѣ, а такъ какъ эту-то именно обстановку и олицетворялъ въ себѣ ея воображаемый Коля, то вся горечь разочарованія естественно обрушивалась на него. Зина вспомнила даже своего единственного, отвергнутаго жениха и искренно пожалѣла, что не была тогда благоразумнѣе...

Ночь прошла. Сѣренькій, осенній разсвѣтъ смѣнился такимъ же сѣрымъ, скучнымъ утромъ. Въ глухой провинціальной улицѣ просыпалась обычная жизнь: скрипѣли калитки, мычали коровы; бабы съ коромыслами шли къ рѣкѣ за водой, хозяйки слѣзили на базарь. Она обречена цѣлую жизнь смотрѣть на эту улицу.

Изъ противоположнаго дома вышелъ мальчуганъ со связкой книгъ и побрелъ въ городъ, съ наслажденіемъ шлепая по грязи. Она знала этого мальчика, который пренебрегалъ школой, помѣщаясь какъ разъ противъ его дома, и отправлялся за просвѣщеніемъ къ соборному дьячку. Она и въ будущемъ не ограждена отъ обидъ подобнаго рода! Конкуренція соборнаго дьячка остается, по прежнему, однимъ изъ элементовъ ея жизни!.. И эта жизнь начинаетъ предъявлять свои требованія сейчасъ же, вмѣстѣ съ наступленіемъ утра, не принимая во вниманіе ея душевнаго настроенія, не справляясь, успѣла ли она за ночь освоиться съ злой шуткой, которую выкинула надъ нею судьба. Жизнь, до послѣдней минуты конечнаго отдыха, не выпускаетъ изъ рукъ своихъ жертвъ! Надо во-время извѣстить родителей учениковъ о томъ, что планы госпожъ Куратовыхъ измѣнились, и онѣ намѣрены, по прежнему, продолжать свои занятія: иначе могли пострадать ихъ же интересы; необходимо сегодня же предупредить ту даму, которой она намѣревалась передать свою школу и отвѣта которой такъ нетерпѣливо отказывалась ждать лишній день... А распросы, недоумѣнія и соболѣзнованія? А горе матери, не подозрѣвавшей, что ей грозитъ новая долгая, быть мо-

жетъ, вѣчная разлука съ сыномъ, и утѣшать которую будетъ она одна?

Зинаида Николаевна задавала себѣ совершенно праздный вопросъ—«за что» все это обрушилось на ея голову? почему для нея не находится никакой награды за долгій подвигъ безропотнаго терпѣнія? Она забывала, какъ нелѣпо требовать справедливости отъ богини съ завязанными глазами, и не понимала, что лучше вовсе не начинать роптать, чѣмъ начать слишкомъ поздно.

За стѣной, Катерина Ивановна одѣвалась и вполголоса мирно совѣщалась съ Анисьей на счетъ предстоящихъ на базарѣ покупокъ.

— Мама, оставь базарь... поди сюда!.. неожиданно появилась на порогѣ Зина.

— Создатель!.. что такое? съ чего ты-то поднялась такую рань?.. удивилась Куратова. — Сейчасъ, сейчасъ!.. заторопилась она безпокойно, такъ какъ дочь ничего не отвѣчала. — Ступай на кухню, Анисья, я сейчасъ...

Она бросила на кровать платокъ, который намѣревалась-было надѣть, и едва успѣла переступить порогъ комнаты, какъ Зина съ плачемъ кинулась ей на шею.

— Мама!.. мама!.. захлебывалась она совсѣмъ по-дѣтски.

— Господи Боже мой... Зина, да что ты?.. что съ тобой? твердила Катерина Ивановна, дрожа отъ испуга.

— Мама, голубушка... все было напрасно! Ничего не будетъ, ничего не надо! Мы, глупыя, напрасно ждали, надѣялись и мечтали... Онъ уѣдетъ Богъ знаетъ куда, онъ совсѣмъ и не думаетъ объ насъ!

Такъ трагически Зина начала передавать матери печальную новость. Она было собиралась предоставить это самому Куратову, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, испилъ всю горечь своего положенія—и не выдержала; ей слишкомъ хотѣлось, чтобы ее-то саму кто-нибудь пожалѣлъ.

Катерина Ивановна тоже плакала и убивалась, тоже въ первыя минуты чувствовала себя какъ будто обиженной, но всего больше ее огорчила разлука съ сыномъ, его отъѣздъ неизвѣстно куда, неизвѣстно на какой срокъ... Минутами она радовалась его надеждамъ и гордилась его успѣхомъ, но радоваться долго не могла, глядя на бурное горе Зины, слушая ея горькія сѣтованія... Мать стояла между двумя, равно ей близкими, сочувствовала одинаково горячо обоимъ и страдала за троицъ. Зину ей то и дѣло приходилось останавливать и успокоивать, сына она защищала, себя — забывала. Катерина Ивановна не

пошла на базарь, объ утреннемъ чаѣ никто не думалъ и когда Куратовъ всталъ, онъ нашель обѣихъ женщинъ разстроенными, плачущими, сидящими безъ дѣла въ неубранной комнатѣ...

Катерина Ивановна сейчасъ же встала и пошла на встрѣчу сыну; она обняла его и долго молча плакала на его плечѣ. Николай Николаевичъ не заплакалъ и это очень жаль, потому что все очевидное дѣйствуетъ сильнѣе. Рѣдко кто пойметъ ваши чувства, если вы только блѣднѣете, молча тискаете руки и съ сокрушеніемъ опускаете глаза... Катерина Ивановна понимала во всякомъ случаѣ лучше Зины. Она усадила сына около себя и, не выпуская его руки, начала спрашивать о его дѣлахъ, намѣреніяхъ и ожиданіяхъ.

Безконечно долго и томительно тянулось это утро у Куратовыхъ. Они всѣ то и дѣло расходились по разнымъ комнатамъ. Зина написала много недлинныхъ и совершенно одинаковыхъ записокъ, которыя намѣревалась за двугривенный разослать съ знакомымъ старичкомъ, и ни съ кѣмъ не говорила о томъ, что она дѣлаеть. Катерина Ивановна гораздо чаще, чѣмъ это нужно, уходила въ кухню, по нѣскольку минутъ въ раздумьѣ простаивала у плиты, смотрѣла какъ Анисья катаетъ тѣсто и щиплетъ курь, и съ подавленнымъ вздохомъ снова уходила въ комнаты. Молчаливая Анисья цѣлый день все что-то ворчала и черезчуръ энергично обращалась со всѣми атрибутами своего искусства.

Куратова часто оставляли одного въ большой комнатѣ. Онъ начиналъ потихоньку меланхолически блуждать назадъ и впередъ, думая съ грустной нѣжностью о матери, съ сожалѣніемъ о Зинѣ. Потомъ его мысль совершенно незамѣтно переходила къ собственнымъ дѣламъ и неудержимо рвалась впередъ... отъ того момента, когда онъ сядетъ въ вагонъ. Николай Николаичъ дѣлалъ усиліе и удерживалъ ее на мѣстѣ. Но неугомонная мысль кидалась въ прошедшее и останавливалась на очаровательной, умненькой, слегка насмѣшливой женской головкѣ. Головка милымъ жестомъ отбѣгивалась назадъ и иронически твердила на прощанье, что она положительно не вѣритъ въ его возвращеніе! Если ужъ онъ тутъ, за глазами, такъ безконечно много терзается, то тамъ эти терзанія навѣрное переселятъ все. Конечно, ему не устоять противъ всей ихъ нѣжности, слезъ и мольбы!.. Не можетъ быть, чтобы очаровательная головка сама вполне вѣрила тому, что она говорила... Вѣроятно, это была одна изъ милыхъ, кокетливыхъ уловокъ, предназначенныхъ для того, чтобы успѣшнѣе подвигнуть смертнаго къ желаемому поступку. Когда онъ вернется, успокоенный и свободный—умная головка будетъ все-таки продолжать улыбаться иронически, насмѣшливые глаза

встрѣтить его искусно замаскированной лаской и на сцену выступить какая-нибудь новая уловка, не менѣе увлекательная, возбуждающая и, конечно, не менѣе дѣйствительная... Во всѣхъ подобныхъ размышленіяхъ было такъ много радостнаго, молодого счастья, открывались такія безконечныя, заманчивыя перспективы. что Николай Николаичъ каждый разъ испытывалъ нѣчто похожее на стыдъ... Это было просто неприлично въ такія минуты. Онъ отрывался съ усиліемъ и шелъ разыскивать мать или сестру.

Петръ Андреичъ явился къ Куратовымъ сейчасъ же послѣ классовъ и по своему обыкновенію прошелъ черезъ кухню. Когда онъ вошелъ въ большую комнату, молодой человѣкъ стоялъ одинъ у окна, заложивъ руки за спину, и припоминалъ различные эпизоды своего дѣтства, которое вставало особенно ярко при видѣ этой знакомой улицы.

— Вотъ вы какъ—въ одиночествѣ! весело поздоровался учитель.—Какъ ночьку провели, хороши ли сны снились на новомъ мѣстѣ? Хотя оно какъ бы и не новое, а въ нѣкоторомъ родѣ старое попелище, ну, да все равно послѣ столькихъ лѣтъ... Конечно, вы, господа ученые, не вѣрите подобнымъ суевѣріямъ, а мы, старики, все привыкли замѣчать...

— Право не помню. Петръ Андреичъ, я, кажется, никогда и сновъ-то не вижу.

— Не можете этого быть—забываете, спите крѣпко. Эхъ-ма! и меня бывало пушками не поднять... Какія у молодежи заботы!

— Миѣ кажется, и у васъ, Петръ Андреичъ, что-жъ за особенныя заботы? Человѣкъ вы одинокій.

— А вы полагаете, что коли одинокій, такъ ужъ и горя мало? какъ будто даже обидѣлся старикъ.—Вѣдь это-съ обоюдно... Заботиться не о комъ, да ужъ и о тебѣ зато никто не порадуется. Хорошаго въ этомъ, доложу я вамъ, немного.

— Конечно, неопредѣленно отозвался кандидатъ.

— При нашихъ достаткахъ, безъ заботъ не проживешь. Вотъ хоть бы теперь тоже семейства вашего лишиться—свыше силъ. Сами знаете, васъ съ Зиночкой вокругъ купели носилъ. Катерину Ивановну знавалъ еще барышней молоденькой, на свадьбѣ плясалъ, шаферомъ былъ... Покойникъ Николай Ильичъ... Петръ Андреичъ съ секунду помолчалъ, чтобы поправить голосъ, звучавшій черезчуръ чувствительно, и снова заговорилъ нѣсколько уже бодрѣе.—Съ покойникомъ, какъ съ братомъ роднымъ, цѣлую жизнь прожили. Этого, молодой человѣкъ, никто лишиться не можетъ; въ мои годы поздно къ новымъ людямъ привыкать да и сердце остыло, только по старой памяти любить и умѣть... Ну-съ, а для подобной рѣшимости нужны готовенькія денежки,

потому тутъ и расходы неминуемыя и случайности разныя, а желудокъ каждый день ѣсть просить.

— Вы, Петръ Андреичъ, кажется озябли? неожиданно перебилъ его Куратовъ, безпокойно мѣняя позу: — не хотите ли водочки выпить до обѣда?

— А что-жь, оно бы и не дурно. Обѣдать-то мы будемъ, должно быть, по праздничному, позднечко.

Предупредительный кандидатъ вышелъ изъ комнаты, а старый учитель вздохнулъ и уже не въ первый разъ подвиглся, какъ это нынче молодежь изліяній всякихъ конфузится.

Черезъ нѣсколько минутъ, Катерина Ивановна собственноручно принесла подносъ съ закуской. Привычные глаза Петра Андреича сейчасъ же замѣтили слѣды слезъ на ея растерянномъ лицѣ.

— Вотъ тебѣ и на! Катерина Ивановна! да никакъ вы, голу-бушка, плакать изволите? Въ нынѣшній-то день?!

Катерина Ивановна поставила подносъ на столъ и на мещерскій сыръ капнули горячія слезы.

— Вы не знаете... горе-то у насъ какое!.. Вѣдь Коля только повидаться пріѣхалъ, уѣзжаетъ онъ совѣмъ... въ экспедицію какую-то...

Она достала платокъ и надрасно силилась остановить снова полившіяся слезы.

Петръ Андренчъ остолбенѣлъ.

— Что такое, матушка? Не пойму! ей-ей ничего не пойму!.. Что за экспедиція вдругъ?.. откуда?..

Катерина Ивановна принялась кратко объяснять, незамѣтно для самой, напирая всего больше на вниманіе начальства къ блестящимъ способностямъ ея сына, на лестныя предложенія, которыхъ удостоился Коля, на его почетныя знакомства въ кругу профессоровъ. Петръ Андреичъ сидѣлъ около стола и все время не спускалъ съ нея глазъ.

— Лестно... лестно... отрывисто ронялъ онъ отъ времени до времени.—Очень все это лестно, словъ нѣтъ—да вы-то, вы-то какъ же теперь?!

— Мы, Петръ Андреичъ, будемъ тутъ жить по старому. Что-жь дѣлать! Не губить же ему себя изъ-за насъ...

Учитель вдругъ страшно покраснѣлъ.

— Позвольте, Катерина Ивановна, какая же тутъ погибель! объясните вы мнѣ, Христа ради! Что сынъ сестру и мать на старости лѣтъ успокоить, такъ развѣ это не священнѣйшая обязанность? Да его-то кто же на ноги поставилъ, коли не вы? Почему онъ кандидатъ, ученый и съ профессорами знакомъ, а вы

мѣщанскихъ ребятишекъ обучаете и въ платьяхъ штопаннхъ щеголаете?!

Катерина Ивановна испуганно махала на него руками.

— Тише!.. ради Бога, тише, Петръ Андреичъ!

— Нѣтъ-съ, ужь вы извиците, а эдакъ нельзя! У него сестра дѣвушка, молодости за работой не видала—сначала ее пристрой, а тамъ, пожалуй, хоть и къ сѣверному полюсу поѣзжай, коли охота!

— Боже мой, что же вы дѣлаете?.. со слезами умоляла Курадова:—легче развѣ будетъ, если вы ссору затѣете? Послѣднюю радость отравите...

— Да какая ужь тутъ радость, Богъ съ вами, Катерина Ивановна! Я и вчера дивлюсь, постичь не могу: что же это выходитъ у насъ? Почему мы ждали, какъ бога, только и мечтали, а прѣхаль—и радости никакой настоящей нѣтъ! Чего онъ молчить, за пять лѣтъ и словъ-то не припасено у него для насъ. Анъ оно вотъ-что!..

Петръ Андреичъ каждую минуту хватался за шею и поправлялъ галстухъ, который вдругъ сталъ ему тѣсенъ.

— А вы, Катерина Ивановна, чай, и слова наперекоръ не сказали? Дѣлай, голубчикъ, какъ тебѣ лучше вздумается! Да вы, коли себя забыли, объ Зиночкѣ хоть подумайте сколько-нибудь! Что-жъ она дѣлать-то будетъ? вѣкъ въ дѣвушкахъ такъ ей и оставаться? Умрете вы—одной вѣкъ коротать?!

— Да вѣдь ужь этого, Петръ Андреичъ, Коля все равно не можетъ, вступилась Катерина Ивановна.—Что-жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что такъ ужь непремѣнно и женихъ для нея найдется, коли мы съ нимъ жить будемъ?

— И найдется, непремѣнно найдется! отвѣтилъ совершенно увѣренно старикъ. — Мало ли товарищей, сослуживцевъ, постороннихъ знакомствъ—развѣ можно сравнить, когда въ домѣ мужа чина есть! Не все же молодые, найдется, что и къ ея годамъ подойдетъ. Да я все-таки крестный отецъ, что-нибудь же значу—я послѣ этого за нее вступиться долженъ!

— Богъ съ вами!.. какъ это вы вступаться станете...

— Очень просто, все прямо и выскажу господину кандидату! не оробѣю!

Между тѣмъ, самъ кандидатъ сидѣлъ въ комнатѣ Катерины Ивановны и, весь блѣдный, прислушивался къ сигналу старческому крику, который совершенно отчетливо разносился по маленькой квартиркѣ. Зина, у себя, тоже слушала; она замерла въ одной позѣ и безсознательно чего-то ждала.

При послѣднемъ вызывающемъ восклицаніи Петра Андреича,

Куратовъ порывисто сорвался съ своего мѣста и перешелъ въ большую комнату.

— Ну, вотъ и прекрасно! и очень радъ, что сами пожаловали! еще сильнѣе заволновался старикъ, когда молодой человѣкъ вошелъ, не торопясь приставилъ стулъ къ столу и сѣлъ около матери.

— Продолжайте, пожалуйста, Петръ Андреичъ, заговорилъ Куратовъ очень сдержанно.—Вы, разумѣется, знаете, что въ подобной квартирѣ слышно каждое слово и потому повторять нѣтъ надобности. Я только желалъ бы слышать, какимъ именно образомъ, по вашему мнѣнью, я могу устроить судьбу моей сестры?

— Да-съ, люди устраиваютъ и всегда устраивали при желаніи... Браки не всегда заключаются только по любви, и близкимъ людямъ содѣйствовать этому нѣтъ ничего предосудительнаго.

— Очень можетъ быть, но вѣдь я не сваха, Петръ Андреичъ!

— Я понимаю это, господинъ кандидатъ. Да и я вѣдь объ этомъ заговорилъ къ слову только, потому что если вы теперь въ экспедицію какую-то отправитесь намѣреваетесь, то ужъ Зинаидѣ Николаевнѣ никакой перемѣны въ своей судьбѣ ждать нельзя. Таитья тутъ нечего—годы ея для дѣвицы не малые.

И Петръ Андреичъ, и Катерина Ивановна какъ будто теперь только сосчитали хорошенько лѣта Зиночки; ея замужество никогда прежде не представлялось имъ такой безнадежной вещью.

— Да я-то тутъ при чемъ же? вскричалъ Куратовъ съ неудержимымъ раздраженіемъ.—Если сестрѣ не удалось выйти замужъ до тридцати лѣтъ, то почему это удастся теперь, оттого только, что и я присоединюсь къ этой жизни, которую вы сами же клянете?!

Старикъ порывисто поправилъ свой галстухъ.

— Вы, Николай Николаичъ, совсѣмъ напрасно такъ именно на это напираете! Вообще ожидалось, что онѣ могутъ теперь начать жить покойно, въ новомъ мѣстѣ и не трудясь ради куска хлѣба. Этого, я полагаю, позволительно желать хоть бы матушкѣ вашей?

— Кто-жь вамъ сказалъ, что я отъ этого отказываюсь?! вспыхнулъ Куратовъ.—Какъ вы не поймете, что чѣмъ лучше мнѣ удастся устроиться самому, тѣмъ надежнѣе и для нихъ будетъ моя помощь.

— Я, Коля, ничего, ровно ничего не хочу для себя, вступилась Катерина Ивановна.—Я не знаю, для чего Петръ Андреичъ говорить все это! Мнѣ только тяжело разстаться съ тобою.

Куратовъ тоскливо вскинулъ руками.

— Я, мама, не могу и не уѣзжать отъ васъ и выбиться на дорогу въ одно время. Это ужъ не моя вина!

— Вотъ вы, Николай Николаичъ, все о широкой дорогѣ упоминаете, снова принялся наступать Петръ Андреичъ.— Да что-жь, эта экспедиція—мѣсто развѣ какое постоянное или ужъ деньги дасть вамъ очень большія?

Крутовъ злобно стиснулъ зубы. Чтò это ему дасть! Не угодно ли толковать съ расходившимся старикомъ о неполнотѣ кандидатаго образованія... о движеніи науки... о страстной жаждѣ впечатлѣній... о стремленіи къ общественной дѣятельности... о молодомъ честолюбіи... о смутныхъ, еще не оформившихся надеждахъ... У него не было ни готовыхъ цифръ, ни опредѣленныхъ сроковъ, а чтò другое могло подѣйствовать убѣдительно на добросердечнаго учителя чистописанія?

Куратовъ разомъ потерялъ всякое терпѣніе и, какъ и наганувъ съ сестрой, желалъ только кончить возможно скорѣе эту бесполезную муку, заставить ихъ замолчать — даже грубо, жестоко, даже цѣной новыхъ обидъ и ложныхъ толкованій... Лишняя капля не прибавитъ много.

Онъ рѣшительно поднялся съ мѣста.

— Нѣтъ-съ, Петръ Андреичъ, ученая экспедиція не штатное мѣсто и не даетъ ровно ничего! Моихъ видовъ на будущее я, при всемъ желаніи, не могу вамъ изложить въ подробности—да и бесполезно, такъ какъ въ вашихъ глазахъ это не имѣетъ никакой цѣны. Кончимте, ради Бога, этотъ дикій разговоръ! Я никогда, въ какомъ бы самъ ни былъ положеніи, не откажу матери въ посильной помощи, и вовсе не отказываюсь на вѣчные времена жить съ ними вмѣстѣ. Я только не могу теперь безповоротно связать себѣ руки—я только прошу подождать!

Думалъ ли онъ тамъ, въ Москвѣ, когда не разрѣшалъ себѣ прибѣгнуть къ письму, ради облегченія, что здѣсь придется вести подобные разговоры, переживать такіа сцены!

— Подождать... и вправду какая малость! съ печальной ironіей покачалъ головой учитель. — Ждать, сударь, можете—вы! куда ужъ ни шло отказаться отъ надежды мнѣ, старику, когда я, Богъ дасть, помру не сегодня, такъ завтра. Но каково же тому, кому жить еще долго, да ждать-то нѣтъ времени? У кого съ этимъ послѣдняя надежда пропадаетъ?..

— Надежда! надежда! сколько ужъ разъ я слышу это слово!.. Да подумали ли вы хоть разъ, что я-то самъ живой же человекъ, а не какая-нибудь отвлеченная надежда! Могутъ быть и у меня свои желанія и требованія? или въ вашихъ глазахъ я какая-то общая собственность и ничего больше?!

Самныя безобразныя сцены доростають когда-нибудь до такой точки, гдѣ идти дальше уже некуда. Куратовъ, видѣ себя, выбѣжалъ въ дверь, направился было въ другія комнаты, но вспомнилъ, что тамъ онъ найдетъ Зину и, схвативъ въ прихожей пальто и шляпу, вышелъ на улицу.

Послѣ этого Зина также пришла въ большую комнату и вмѣстѣ съ матерью онѣ горячо накинулись на своего усерднаго защитника, хотъ онъ все время высказывалъ только то, что онѣ обѣ и думали, и чувствовали. Кончилось тѣмъ, что старикъ и самъ началъ упрекать ихъ въ неблагодарности и, не дождавшись обѣда, ушелъ домой, разсерженный и обиженный.

Его уже не было, когда Куратовъ вернулся. Мать и сестру онъ нашелъ за работой. Конечно, онѣ вовсе не намѣревались заниматься руководѣлемъ на другой день его прїѣзда, но теперь онѣ инстинктивно прибѣгли къ нему, потому что оно придавало, по крайней мѣрѣ, внѣшній обликъ мира...

— Гдѣ ты былъ, Коля? спросила мать тихо.

— Гулялъ. Городъ осматривалъ; обстроился замѣтно за это время.

— А церковь новую видѣлъ за желѣзнымъ рядомъ?

— Нѣтъ, въ той сторонѣ вовсе не былъ. Отца Матвѣя встрѣтилъ—не узналъ, пока я не подошелъ.

— Гдѣ же узнать!.. вставила и Зина.

Такъ завязался разговоръ и долго вертѣлся вокругъ города, старыхъ знакомыхъ, городскихъ слуховъ. Подали обѣдъ и всѣ прилежно ѣли, не справляясь съ своимъ аппетитомъ, потому что не ѣсть значило намекнуть на что-то особенное, а они весь остатокъ дня употребили на то, чтобы казаться какъ ни въ чемъ не бывало, говорить о самыхъ заурядныхъ вещахъ, точно и не было у нихъ на сердцѣ ничего важнѣе этого.

За вечернимъ чаемъ, Николай Николаичъ неожиданно сказалъ, что онъ думаетъ ѣхать завтра. (Онъ могъ бы, въ сущности, остаться лишній день, но подумалъ, что это никому не прибавитъ радости). У Катерины Ивановны въ ту же минуту слезы наполнили глаза; она нагнулась поднять упавшее полотенце и потомъ отвѣтила: что-жъ дѣлать, если онъ не могъ остаться дольше. Зина посмотрѣла на брата молча и неприязненно.

Пассажирскій поѣздъ проходитъ черезъ N*** разъ въ сутки. Утромъ, въ шестомъ часу, Куратовъ въ своей комнатѣ стягивалъ веревкой чемоданъ; на столѣ горѣла свѣча, въ которой больше не было надобности, и смѣсь огня съ слабымъ еще дневнымъ свѣтомъ неприятно рѣзала глазъ.

Катерина Ивановна боялась запоздать съ утреннимъ кофеемъ

и съ несвойственнымъ ей раздраженіемъ каждую минуту торопила Анисью, которая суетливо металась во всё стороны.

Зина зябла въ настывшихъ за ночь комнатахъ и блуждала по дому безъ всякаго дѣла. У подѣзда ждали двое извозчиковъ.

Хотя весь домъ поднялся очень рано, сборы все-таки затянулись въ послѣднюю минуту. Куратову не хотѣлось, чтобы подумали, что онъ торопится... А потомъ оказалось, что никто не знаетъ навѣрное, во сколько именно минутъ седьмого проходить поѣздъ, пока не выручить извозчикъ.

Кофе остался недопитымъ. Катерина Ивановна торопливо повязала голову чернымъ кашемировымъ платкомъ, но никакъ не могла застегнуть шубы своими дрожащими руками. Синъ помогъ ей и они крѣпко обнялись. Она тихо приговаривала сквозь безпомощныя, глухія рыданія:

— Прости, голубчикъ, не суди... Богъ знаетъ, что это у насъ вышло!.. Чего наслушался!.. Развѣ мы только о себѣ думали?.. Неужто мы-то тебѣ не сочувствуемъ?.. Развѣ-жъ мы хотѣли заставить тебя работать на насъ?!. Охъ, Господи! зачѣмъ это все такъ вышло?.. это мнѣ всего горше!..

Николай Николаичъ тоже горячо просилъ простить его, обѣщаль писать, утѣшалъ, что вернется черезъ годъ... и въ тоже время не забывалъ, что можетъ опоздать и не рѣшался сказать этого...

Катерина Ивановна сама вспомнила, и крестясь, первая вышла изъ дому. Она поѣхала съ Зиной, Куратовъ одинъ съ своимъ новенькимъ чемоданомъ.

Осенняя безпутица придавала очень унылый видъ городу; въ воздухѣ стоялъ пронизывающій, утренній туманъ; еще не вполне разсвѣло и только мѣстами начинали отпирать лавки.

На станціи собралось очень немного пассажировъ. Зина тревожно оглянула ихъ и успокоилась, не найдя знакомыхъ; только одинъ господинъ поклонился ей издали.

Дамы сѣли на диванъ у стѣнки; Николай Николаичъ стоялъ около нихъ, разсѣянно блуждалъ глазами по большой залѣ и силился придумать, что бы сказать матери на прощанье особенно нѣжное и памятное?.. Послышался первый звонокъ — придумать ему такъ и не удалось.

— Пойти, мѣсто занять... проговорилъ Куратовъ, словно извиняясь.

Они вышли вмѣстѣ на платформу. Зинѣ пришло почему-то въ голову, что она еще ни разу никуда не ѣздила съ тѣхъ поръ, какъ построили эту желѣзную дорогу; съ внезапно проснувшимся завистливымъ чувствомъ она заглядывала въ ближайшіе неприглядные вагоны третьяго класса.

Катерина Ивановна не спускала глазъ съ сына. Куратовъ внесъ свой чемоданъ и опять вернулся.

— Холодно какъ... ты, мама, не простудись, Бога ради...

Его сердце вдругъ болѣзненно сжалось. Ему показалось, что онъ видитъ въ послѣдній разъ это кроткое, блѣдное лицо.

— Я непременно сейчасъ же приѣду, какъ только вернусь! непременно! говорилъ онъ неожиданно, повинувшись безотчетному порыву.

Катерина Ивановна заплакала.

— Садитесь, садитесь, господа, сейчасъ третій звонокъ! озаченно обратился къ нимъ на ходу кондукторъ.

Катерина Ивановна отъ слезъ не видала, какъ онъ вошелъ въ вагонъ и уже въ окнѣ большого, мрачнаго вагона увидала одно только лицо своего Коли...

Все прошло быстро, какъ сонъ и такъ же смутно и сбивчиво.

— Пиши чаще!! кричала Зина въ слѣдъ медленно тронувшемуся поѣзду.

.....

Ольга Шапиръ.

1-го Ноября.
1879 г.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Скажи, кто времени придумалъ раздѣленья,
Кто выдумалъ часы и мѣрныя мгновенья?
Угрюмый человѣкъ.—Безмолвьемъ окруженъ,
Въ ночь длинную одинъ сидѣлъ и думалъ онъ;
Пискъ мыши подъ поломъ онъ слушалъ, иль, на смѣху,
Стукъ мѣрный червяка, который точитъ стѣну.

Кто создалъ поцѣлуй?—Румяныхъ устъ чета:
То были свѣжія, счастливыя уста!
Они, не мудрствуя о многомъ, цѣловали...
То было въ майскій день: цвѣты изъ подъ земли
На зелень брызнули; шума, ручьи текли,
Смѣялось солнышко и птички распѣвали...

А. Яхонтовъ.

УЧЕНЫЙ.

Официально онъ былъ Иванъ Ивановъ, неофициально, у парашкинцевъ—дядя Иванъ; а въ школѣ его звали Ванюхой. И это увеличительное названіе въ полной силѣ оправдывалось его русой бородой, длинными, спутанными волосами, большими ручищами, которыя онъ обыкновенно пряталъ подъ учебный столъ, вмѣстѣ съ ногами, и всей его неуклюжей фигурой, которую онъ самъ не зналъ, куда дѣть. Онъ всегда сидѣлъ на задней скамейкѣ школы и боязливо шевелился тамъ, пугаясь самъ своего огромнаго тѣла, которое казалось чудовищнымъ среди маленькихъ клоповъ, сидящихъ впереди и по бокамъ его. Когда онъ, по забывчивости, вынималъ руки наружу, то онѣ захватывали пространство чуть не полъ-парты; это вызывало протестъ со стороны сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Яшки, который колотилъ въ бокъ невѣжу. Тогда лѣваванъ въ замѣшательствѣ пряталъ руки обратно подъ парту.

Въ парашкинской школѣ были ребята семи, десяти, много пятнадцати лѣтъ; а Ванюхѣ было, пожалуй, тридцать — нелѣпость, которой изумлялись всѣ парашкинцы.

Сначала, учитель, не очень грамотный человѣкъ, пріѣхавшій въ школу потому собственно, что ѣсть ему было рѣшительно нечего, отказался принять «въ ученье» такого монстра и съ хохотомъ выпроводилъ его за дверь, когда послѣдній выразилъ свое намѣреніе «почитаться». Но послѣ одного вечера, во время котораго слышался нѣкоторыми парашкинцами визгъ поросенка, начавшійся подлѣ избы дяди Ивана и окончившійся въ избѣ учителя, послѣ этого вечера, школа, въ лицѣ ея распорядителя, навсегда приняла въ свои нѣдра Ванюху.

Ванюха не злоупотреблялъ позволеніемъ; онъ ходилъ на ученіе только разъ, рѣдко два раза въ недѣлю, въ такое время, когда старая мать его, Савишна, не качала грустно головой, и когда его скудное хозяйство не могло пострадать отъ его безразсуд-

наго намѣренія. Что касается до парашкинцевъ, то Ванюха мало обращалъ на нихъ вниманія; изрѣдка только сердился, если кто-нибудь изъ нихъ начиналъ усовѣщивать его.

Къ счастью, ему не было надобности мозолить глаза всѣмъ своимъ парашкинцамъ. Изба его, съ земляной крышей, на которой все лѣто росли большіе кусты полыни, выглядывала окнами прямо на школу; вслѣдствіе этого Ванюха быстро проскальзывалъ къ учителю и не подвергалъ себя постоянному посмѣянію.

Только ребятишки часто досаждали ему; но здѣсь онъ былъ самъ кругомъ виноватъ. Сидя на задней скамейкѣ, онъ велъ себя иногда совершенно непозволительно. Ребятишки не смѣялись надъ его бородой и нисколько не удивлялись тому, что вотъ тутъ, среди нихъ, сидитъ огромный верзила и вмѣстѣ съ ними ломаетъ по звуковому методу свой устарѣвшій языкъ. Они глумились только надъ его несообразительностью. И это было ему по дѣломъ. Короткія слова Ванюха произносилъ хорошо, однимъ духомъ; но иногда ему попадалось предлинное слово, которое онъ вынужденъ былъ переламывать пополамъ, да и то часто ничего не выходило; выговорить первую половину слова, а дальше не хватаетъ ужъ силы; или скажетъ конецъ слова, а начало ужъ забыто! Эти случаи всегда приводили его въ отчаяніе, и онъ обращался тогда къ своему крошечному сосѣду: «Ну-ка, Яшка! какъ тутъ»... Яшка, съ сознаниемъ превосходства, читалъ ему слово и въ награду за это толкалъ несообразительнаго верзилу въ бокъ. Тогда всѣ ребятишки поднимали на смѣхъ верзилу. А верзила выходилъ изъ себя; въ его, по большей части, кроткихъ голубыхъ глазахъ, сверкалъ гнѣвъ; онъ вынималъ руки изъ подъ парты и кричалъ громко, на всю школу: «что вы, черти!»

Только вмѣшательство учителя и его строгій выговоръ за безпорядокъ, вызванный такимъ поведеніемъ Ванюхи, прекращали смѣхъ и гвалтъ. Ванюха, красный, какъ ракъ, быстро прячетъ руки подъ столъ и растерянно смотритъ на учителя.

Воскресныхъ уроковъ въ парашкинской школѣ не было. Учитель получалъ семь рублей въ мѣсяцъ; зачѣмъ ему было убивать себя ради такой суммы? Очевидно, не за чѣмъ. Поэтому, Ванюха ходилъ въ школу въ будни и дѣлалъ то, что дѣлали ребята. Когда до него доходилъ чередъ рассказывать «своими словами», онъ не отказывался; онъ рассказывалъ. Онъ, выслушиваемый цѣлой школой, рассказывалъ о томъ, какъ мужикъ и медвѣдь рѣшили рѣпу сѣять; какъ мужикъ надулъ медвѣдя; какъ медвѣдь осерчалъ; какъ онъ объявилъ мужику свое намѣреніе съѣсть его; какъ мужикъ, для предотвращенія печальной участи, обратился къ лисѣ; какъ лиса выручила его и какъ му-

жигъ хитро наградила ее, выпустивъ на нее собакъ, которыя вытащили ее изъ норы за морду...

— Врешь, врешь! за хвостъ! съ негодованіемъ кричала цѣлая школа.

— Аль за хвостъ? Ну, за хвостъ... возражалъ дядя Иванъ, недоумѣвающимъ взоромъ глядя то на учителя, то на ребятъ.

Однимъ словомъ, Ванюха подчинялся всему, что происходило въ школѣ. Когда у него спрашивали: что такое корова? онъ прямо по книжкѣ отвѣчалъ: травоядное животное; когда у него спрашивали, сколько единицъ въ пяти? онъ отвѣчалъ—пять! Или: можно ли ходить по потолку? — онъ, съ осовѣвшимъ взоромъ, принужденъ былъ увѣрять, что невозможно.

Мучимый жаждой учиться, онъ терпѣлъ; еще бы ему не терпѣть?! Средства у него не было; а то, разумѣется, онъ не сталъ бы торчать по пустому въ школѣ. Еслибы у него былъ капиталъ? Но у него былъ одинъ-единственный капиталъ—тѣло, обладающее сверхъестественнымъ свойствомъ ежегодно обростать.

Учитель имѣлъ странный методъ; онъ сперва училъ читать, а потомъ уже писать. Это имѣло ближайшимъ послѣдствіемъ то, что дядя Иванъ началъ считать письмо чѣмъ-то въ высшей степени головоломнымъ и для него недостижимымъ—онъ, даже и въ воображеніи, не допускалъ возможности выучиться писать; болѣе же отдаленное и окончательное послѣдствіе выразилось въ томъ, что дядя Иванъ и на самомъ дѣлѣ остался неграмотнымъ.

Можетъ быть, дядя Иванъ преодолѣлъ бы свой страхъ передъ письменной азбукой; но школа была земская, сысойскаго земства, слѣдовательно, въ нѣкоторой степени эфемерная. Черезъ годъ послѣ своего основанія, она была закрыта.

Всѣмъ извѣстна эта грустная исторія. Пламенное возбужденіе, вызвавшее жажду «плодотворной дѣятельности», прямо повело за собой увеличеніе школъ во всемъ уѣздѣ. Даже тѣ земцы, которые раньше съ младенческой наивностью думали, что школа для мужика—«это, можно сказать, чистая революція», вынуждены были сознаться, что они ошибались, и что для парашкинцевъ, напимѣръ, школа необходима. Это и было время, когда дядя Иванъ внезапно былъ озаренъ мыслью—«почитаться».

Но все это скоро измѣнилось, и притомъ такъ неожиданно, что Ванюха не успѣлъ опомниться. Возбужденіе въ Сысойскѣ начало проходить. Это было замѣтно по красному, толстому лицу чекменскаго барина. Сначала, когда ни одно засѣданіе сысойскаго земства не обходилось безъ гвалта и перебранки изъ-за школъ, чекменскій баринъ, хотя и отплевывался, но принужденъ былъ слушать внимательно. Но потомъ, во время дебатовъ о школѣ,

онъ могъ уже позѣвывать, прикрывая ротъ рукой; съ теченіемъ времени для него открылась возможность храпѣть во время засѣданія—онъ прикрывался листомъ газеты, гдѣ говорилось о невѣжествѣ, пьянствѣ и проч. Далѣе, ему не нужно было и прикрываться чѣмъ бы то ни было;—онъ могъ сопѣть во всеуслышаніе. Наконецъ—это было за годъ до открытія у парашкинцевъ школы — школьный вопросъ былъ рѣшенъ. Въ достопамятномъ засѣданіи, когда члены управы были уже готовы прочитать отчетъ о своей дѣятельности по школьному дѣлу, сысойское земство вдругъ единогласно постановило: заказать портретъ предсѣдателя управы и повѣсить его въ залѣ засѣданія.

Такъ и не научился дядя Иванъ писать. Онъ успѣлъ выучиться только читать; да и то съ грѣхомъ пополамъ. Когда онъ читалъ книжку, то принужденъ былъ наглядывать на произносимое слово пальцемъ; иначе ничего не выходило; слово быстро исчезало съ поля его зрѣнія, и ему съ мучительными усилиями приходилось отыскивать его.

Книжки давалъ ему учитель; по отъѣздѣ же учителя, онъ долженъ былъ самъ изыскивать способы добывать ихъ. Жены у него не было: она умерла отъ чахотки. Онъ жилъ только со старухой своей, что для него было выгодно, по крайней мѣрѣ, самъ онъ такъ думалъ; онъ желалъ остаться вольнымъ и не думать жениться. Безъ жены онъ могъ свободно читать по праздникамъ книжки, никто ему не мѣшалъ! И дѣтей у него не было; а еслибы были, то пришлось бы покупать имъ пѣтушковъ изъ тѣста. А теперь онъ покупалъ книжки той же стоимости.

Возвращаясь изъ Сысойска, съ базара, онъ всегда былъ въ восторженномъ настроеніи духа, хотя дома ожидалъ его суровый допросъ со стороны Савишны.

— Ну-ка! показывай покупки-то! говорила она, подозрительно осматривая сына, только-что возвратившагося съ базара.

Дядя Иванъ не отвѣчаетъ долго и упорно. Но потомъ, не желая больше подвергать себя мукамъ раскаянія, онъ вдругъ вынимаетъ изъ-за голенища книжку и ухмыляется.

— И книжку купилъ! говоритъ онъ легкомысленно, не въ состояніи скрыть улыбки.

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ! отвѣчала старуха, и ея глаза сверкали гнѣвомъ.

— Стѣить-то сколько? спрашивала она грозно.

— Пятакъ.

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ!

Старуха собирала снуду поѣсть; потомъ лѣзла на печь и оттуда

уже начинала свое увѣщаніе. Старческіе, потухающіе глаза ея грустно устремлялись на сына.

Не взирая, однако, на такія непріятности, дядя Иванъ не могъ отстать отъ своей привычки. Увѣщанія старухи не дѣйствовали на него, и не было силы, которая заставила бы его отказаться водить пальцемъ по книжкѣ, что онъ и дѣлалъ въ свободныя минуты, по большей части, скрытно. Досадно было ему не то, что старуха часто накрывала его на мѣстѣ преступленія и брюзжала, а то, что въ книжкѣ не все давалось ему. Попадались такія словечки, что онъ приходилъ въ глубокое волненіе, потому что смыслъ ихъ для него былъ закрытъ, а онъ все старался пронинуть... Въ эти минуты голова его трещала отъ напряженія, глаза съ тоской смотрѣли въ одну точку, и палецъ такъ и застывалъ на одномъ проклятомъ мѣстѣ.

Иногда онъ обращался за поясненіемъ къ Фролу Пантелѣеву, но тотъ по большей части коротко говорилъ: «уйди!» И дядя Иванъ зналъ, что, дѣйствительно, надо уходить, ибо Фролъ не любитъ шутить даже и въ праздники.

Тогда ему оставалось только прибѣгнуть за помощью къ писарю Семенычу. Семенычъ былъ болѣе сговорчивъ. Семенычъ самъ любилъ пояснять, конечно, за приличное вознагражденіе. Тусклые, оловянные глаза его рѣдко смотрѣли сурово на дядю Ивана. Такъ какъ Семенычъ очень часто наливался водкой и пропивалъ нерѣдко все, вплоть до сапоговъ, которые въ такомъ случаѣ замѣнялись валенками, то Иванъ нерѣдко былъ нуженъ ему просто до зарѣзу. Дядя Иванъ это зналъ и безъ особенной робости шелъ къ писарю, выбирая такое время, когда послѣдній былъ «тверезый».

Въ волостномъ правленіи жаръ; роями летаютъ мухи. За столомъ сидитъ Семенычъ и скрипитъ перомъ. На немъ сплошь мухи; чтобы отвязаться отъ назойливыхъ насѣкомыхъ, онъ иногда мотаетъ головой, продолжая скрипѣть. Когда же мухи садятся на его глаза, носъ, уши, губы, то онъ хлопаетъ себя по лицу и дуется. Блѣдное лицо его покрыто крапинками пота; глаза тусклы. Онъ съ похмѣлья.

Въ прихожей слышится ему шорохъ.

— Это кто? спрашиваетъ онъ, не оборачиваясь.

— Это, Семенычъ, я, кротко отвѣчаетъ изъ глубины комнаты дядя Иванъ.

Писарь продолжаетъ скрипѣть. Ему въ голову пришла идея. Онъ молчитъ.

Но Иванъ рѣшается донять своего учителя изморомъ. Онъ стоитъ возлѣ двери и изрѣдка покашливаетъ.

— Это кто? снова спрашиваетъ писарь.

— Это, Семенычъ, я... кротко возражаетъ дядя Иванъ.

— А-а-а! Это ты, дурья голова! Чтò придумалъ?

— Вотъ тутъ словечко... одно... н-ну, не понимаю! говоритъ Иванъ, и съ сіяющимъ лицомъ вынимаетъ изъ-за голенища книжку.

Семенычъ не обращивается; онъ говоритъ: гм! и продолжаетъ скрипѣть.

— Словечко бы только одно, Семенычъ... умоляетъ Иванъ.

— Словечко? Ну, братъ, шалишь! Теперь ужь ты отваливай! Теперь у меня дѣловъ вотъ по какихъ поръ! Писарь проводитъ пальцемъ вокругъ глотки.

— Ты, Семенычъ, не сердись... я только самую малость... одно словечко...

Семенычъ вдругъ пристально уставляетъ оловянные глаза на Ивана, и такъ какъ выпить ему хочется смертельно, то онъ не выдерживаетъ болѣе.

— Пятакъ есть? неожиданно спрашиваетъ онъ.

— Найдется...

— Луи что есть духу!

Иванъ стремглавъ летитъ въ кабакъ, беретъ тамъ шкаликъ водки, летитъ обратно и отдаетъ покупку Семенычу. Семенычъ выпиваетъ, корчитъ гримасы и начинаетъ свои поясненія; при этомъ, толкованіе его не всегда совпадаетъ съ смысломъ словечка. Но Иванъ сосредоточенно слушаетъ и пристально глядитъ на чудовищное слово, которое столько времени мучило его.

Вся душа Ивана была устремлена къ наукѣ.

Что онъ разумѣлъ подъ наукой — ему одному извѣстно, но только мучился за нее онъ нестерпимо, ужасно! И главное — безъ всякой корысти. Корыстныхъ видовъ онъ никакихъ не имѣлъ. Онъ былъ доброволецъ, или, лучше сказать, жертва безразсуднаго стремленія «почитаться». Онъ ничего не ожидалъ отъ книжки, кромѣ «словечекъ», которыя одно по одному входили въ темную пустоту его головы и, однако, тамъ торчали, какъ вѣхи въ безграничной пустотѣ. Онъ никогда не думалъ о практической пользѣ. Невыразимое наслажденіе доставлялъ ему самый процессъ воспріятія «словечекъ», а не выгода знать ихъ. Словомъ сказать, дурость его была безгранична.

Понятно, что съ нимъ нѣтъ возможности поставить на одну доску образованныхъ людей, знающихъ значеніе и цѣну наукъ.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, что въ среду истинно образованныхъ людей невѣжественному человѣку и носу показать нельзя; тамъ знаютъ цѣну наукъ. Наука — прямая выгода для каждаго;

безъ нея не шагу! Наука питаетъ. Напримѣръ, у сысойскихъ образованныхъ людей, наука—искусство, доставляющее съѣстные припасы; а дипломъ—смертоносное орудіе, помощью котораго можно схватить невѣжественнаго ближняго и съѣсть.

Это до такой степени вѣрно, что даже никто и не удивляется больше, а если кто вздумаетъ удивиться—тому плохо! Наука теперь уже не пустое мечтаніе, а осязательный кусокъ. Такъ думаютъ папеньки и маменьки, такъ и младенцевъ своихъ учать, ужасаясь при одной мысли о мечтаніяхъ.

А дядѣ Ивану нечего было бояться. Никакихъ «правовъ» онъ не добивался и не могъ добиться. Это нашель нетолько онъ, а всѣ парашкинцы, которые ничего не возражали, когда у нихъ уничтожили школу; и только какой-то шутникъ замѣтилъ: «а ну ее ко псамъ!» Учился дядя Иванъ не ради съѣстныхъ припасовъ, а лишь удовлетворяя свой умственный голодъ. Съ наукой ему нечего было дѣлать—продать ее было не гдѣ, потому что и базара для парашкинской науки не устроено, да и цѣна ей грошъ мѣдный.

Сумасшедшая голова дяди Ивана была полна невозможностей даже Семенычъ смѣялся надъ нимъ. Парашкинцы тоже стали примѣчать, что дядя Иванъ сталъ чуденъ! И парашкинский староста изумлялся; часто, когда Иванъ ошеломлялъ его какимънибудь неожиданнымъ-негаданнымъ вопросомъ, староста рассказывалъ объ этомъ праздничной кучкѣ парашкинцевъ съ величайшимъ негодованіемъ, начиная свою рѣчь съ оглушительныхъ словъ: «Ванюха-то!»

Дядя Иванъ дѣйствительно началъ задумываться; иногда Богъ знаетъ о чемъ тосковалъ; часто даже «пищи рѣшался». Въ головѣ его копошились странные вопросы.

«Откуда вода?»

«Или опять тоже земля... почему?»

«Куда бѣгутъ тучки?»

Иногда же странные вопросы достигали крайней несообразности; иногда ему приходило на умъ: откуда мужикъ?! И многое множество такихъ нелѣпостей лѣзло ему въ голову. Конечно, на такіе вопросы никто не въ состояніи былъ отвѣтить ему. Въ этомъ случаѣ даже Семенычъ былъ бесполезенъ. Какъ онъ ни привыкъ врать, но онъ часто истощался и становился въ туникъ передъ неожиданностями дяди Ивана; а однажды, послѣ разговора съ послѣднимъ, рѣшилъ, что съ такимъ «пустоголовымъ дураломомъ» даже и говорить не стоитъ взаправду, по настоящему; самое большее—это спать съ него шкаликъ.

Это было въ тотъ разъ, когда Семенычъ пропился до чиста

Иванъ, слѣдовательно, нуженъ былъ ему до зарѣзу. Выбравъ ближайшее за своимъ непробуднымъ пьянствомъ воскресенье, онъ бросилъ правленіе и пошелъ къ своему ученику. Нашелъ онъ его на дворѣ, и хотя имѣлъ твердое намѣреніе немедленно же приступить къ осуществленію своего плана—выпить шкаликъ, но при видѣ Ивана, долженъ былъ заглушить на время свою жажду и только спросилъ:

— Лежишь, дурья голова?

Дядя Иванъ, дѣйствительно, лежалъ вверхъ дномъ, подложивъ обѣ руки подъ голову. Глаза его были устремлены въ пространство, на чистое, свѣтлое небо. Казалось, что голубые глаза Ивана, устремленные въ бездонную небесную синеву, вполнѣ отражали въ себѣ всю ея неопредѣленность и безпредѣльность, гармонируя съ внутренней смутностью копошащихся въ его головѣ мыслей. Онъ повернулся.

— Ничего, Семенычъ... садись! разсѣянно отвѣчалъ онъ.

Семенычъ сѣлъ тутъ же на землю и принялся придумывать способъ поскорѣе осуществить свою идею, потому что жажда, сжигая его желудокъ, ужасно томила его; но дядя Иванъ предупредилъ его.

— Думалъ я, Семенычъ, навѣдаться у тебя... Ты, Семенычъ, не сердись...

— Ну-ка?

— Напримѣръ, мужикъ... Дядя Иванъ остановился и сосредоточенно смотрѣлъ на Семеныча.

— Мужик у насъ счету нѣтъ, возразилъ послѣдній.

— Погоди, Семенычъ... ты, Семенычъ, не сердись... Ну, напримѣръ, я мужикъ, темнота, одно слово — невѣжество... А почему?

Въ глазахъ дяди Ивана появилось мучительное выраженіе.

У Семеныча и косушка вылетѣла изъ головы; онъ даже плюнулъ.

— Ну, мужикъ—мужикъ и есть! Ахъ! ты, дурья голова!

— То-то я и думаю: почему?

— Потому, мужикъ, необразованность... Тьфу! дурья голова! съ удивленіемъ плюнулъ Семенычъ, начиная хохотать.

Иванъ опять легъ навзничъ. По его лицу прошла тѣнь; видно было, что какая-то мысль мучительно билась въ его головѣ, а онъ не могъ ни понять ее, ни выразить.

— Стало быть, въ другихъ царствахъ тоже мужикъ? разсѣянно спросилъ онъ.

— Въ другихъ царствахъ-то?

— Ну!

Семенычъ насмѣшливо поглядѣлъ на лежащаго.

— Тамъ мужика не дозволяется... Тамъ этой самой нечистоты нѣтъ! Тамъ его духу не положено! Тамъ, братъ, чистота, наука.

— Стало быть, мужика...

— Ни-ни!

— Наука?

— Тамъ-то? Да тамъ, надо прямо говорить, ежели, напримѣръ, ты сунешься съ образиной своей, тамъ на тебя с-с-о-обакъ напустятъ! Потому, ты звѣрь звѣремъ!

— Тсс! отвѣтилъ Иванъ и изумленно посмотрѣлъ на Семеныча, который пришелъ въ азартъ до такой степени, что его блѣдное лицо вспыхнуло яркими пятнами. Онъ уже хотѣлъ-было врать дальше, но вдругъ вспомнилъ, за чѣмъ пришелъ и ожесточился.

— И что только не выдумаетъ такая безпутная башка?! свирѣпо сказалъ онъ и прибавилъ неожиданно:

— Пятакъ есть?

Черезъ нѣкоторое время Семенычъ повеселѣлъ, потому что утолил свою жажду; но за то больше ужъ не отвѣчалъ на выдумки «башки»—хохоталъ только.

Хозяйство свое дядя Иванъ до сихъ поръ велъ сносно; по крайней мѣрѣ, никогда не случалось, чтобы его призвали въ правленіе и приказали: «Иванъ Ивановъ! ложись!» Но съ теченіемъ времени, онъ опустился. Онъ сталъ забывчивъ; на него находила тоска. Дѣло валилось изъ его рукъ, которыя стали работать меньше, чѣмъ его «безпутная башка».

Случалось иногда, что во время какого-нибудь хозяйственного дѣла, въ его голову вдругъ залѣзетъ какая-нибудь чудесная мысль—и хозяйственное дѣло пропало! Онъ забываетъ его, а вмѣсто него старается схватить неуловимую мысль. Разумѣется, его хозяйство начало страдать, что постоянно подтверждала и Савишна, которая съ нѣкоторыхъ поръ все чаще и чаще [кивала головой, зловѣще смотря на сына съ высоты печи.

Прежде, дядя Иванъ никогда не копилъ недоимокъ. Иванъ Ивановъ исправно, въ установленные сроки, вносилъ пачки загаженныхъ цѣлковыхъ—и былъ правъ. Теперь же у него появились вдругъ недоимки. Первый разъ староста! только сказалъ ему: «Ахъ. Ванюха! Неужли!..» А на слѣдующій годъ между ними произошелъ уже такой разговоръ.

— Иванъ! недоимки!

— Чево?

— Ай не слышишь? недоимки.

— Сдѣлай Божескую милость!

— Да мнѣ что! Мнѣ плевать! ну, только шкуру-то свою я блюду.

— Сдѣлай Божескую милость!

— Ну, гляди! Какъ бы тебѣ тово...

Однако, когда староста ушелъ, Иванъ немедленно же позабылъ объ этомъ разговорѣ. Вообще, онъ все забылъ, кромѣ чудесныхъ мыслей и книжекъ, которыя постоянно торчали у него за голенищами, измызганныя до омерзѣнія. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, еслибы не вмѣшалось въ это дѣло постороннее обстоятельство. Хорошо, что вмѣшалось.

Это случилось два года спустя послѣ того, какъ парашкинцы потеряли надежду добиться «правовъ» отъ школы.

Это случилось въ мѣсяцъ взиманія.

Это случилось въ тотъ день, когда рушился мостъ, переброшенный черезъ рѣку Парашку; ну, да! рушился; провалился на самой серединѣ! Собравшіеся парашкинцы посмотрѣли, погалдѣли, похлопали отъ удивленія руками и затѣмъ, такъ какъ мостъ былъ земскій, по свойственному имъ легкомыслію, рѣшили, что «это нича-аво», и что «ежели выпадеть времечко»... И разошлись.

Но въ тотъ же самый день, явился въ Парашкино исправникъ. Онъ ѣхалъ быстро и, разумѣется, по дѣламъ, не терпящимъ ни малѣйшаго отлагательства. Поэтому, легко представить себѣ его негодованіе, когда онъ очутился передъ печальнымъ зрѣлищемъ. Увидѣвъ прибѣжавшихъ по случаю его пріѣзда нѣсколькихъ парашкинцевъ, онъ молча указалъ имъ пальцемъ на мостъ, прибавивъ: «у-у-у!» Но, вслѣдствіе того, что рѣка Парашка довольно широкая и приказаніе исправника только вѣтромъ донеслось на другой берегъ, парашкинцы не поняли и молча продолжали стоять, уставивъ глаза на пріѣзжаго. Внѣ себя отъ гнѣва, исправникъ затопалъ тогда ногами и показалъ парашкинцамъ на другой берегъ, пантомиму, которую парашкинцы поняли мгновенно.

Они быстро разсыпались по деревнѣ. Одни изъ нихъ побѣжали за топорами, другіе просто затѣмъ, чтобы скрыться. Но всѣ были въ необыкновенномъ волненіи, лихорадочно суетяся и шмыгая, часто безъ толку. Въ особенности горѣлъ староста. Съ краснымъ, какъ у рака, лицомъ, съ котораго текли ручьи пота, онъ совался по деревнѣ и приглашалъ къ мосту. Забѣжавъ въ одинъ домъ, онъ начиналъ убѣждать:—«Яковъ! Что-жь это?! вѣдь ждешь... чтобы сичасъ!» Потомъ хлопалъ руками по бедрамъ, бѣжалъ дальше, съ тѣмъ же волненіемъ въ лицѣ.

Нѣтъ-то нѣтъ парашкинцы догадались, что самое цѣлесо-

образное въ ихъ отчаянномъ положеніи—это перевести начальство на лодкѣ. Такъ и было сдѣлано.

Тогда староста нѣсколько успокоился и съ наслажденіемъ вытеръ потъ съ лица. Скоро для него стало очевидно, что все «обчесво» надо раздѣлить на двѣ партіи; одна пусть мостъ чинить, другая должна идти въ правленіе для исполненія натуральной повинности. Къ послѣдней партіи принадлежалъ и дядя Иванъ.

— Иванъ! въ волость! сказалъ староста, садясь на минутку на порогъ Ивановой избы.

— Зачѣмъ? задумчиво спросилъ Иванъ, голова котораго въ эту самую минуту поражена была какой-то чудесной мыслью.

— Рази не знаешь?

Дядя Иванъ такъ и примерзъ къ одному мѣсту. Онъ пошевелилъ губами, намѣреваясь что-то сказать, но у него ровно ничего не вышло. Онъ ничего не сказалъ даже тогда, когда староста, уходя, проговорилъ: «чтобы сичасъ»!

Сообщеніе старосты было громомъ на голову дяди Ивана.

Но, разумѣется, онъ, въ концѣ-концовъ, отправился къ мѣсту назначенія, хотя и машинально, какъ автоматъ, и съ ошалѣлыми глазами.

Въ волости всѣ отпѣтые уже собрались и дожидались начатія «повинности». Они мирно и добродушно разговоры разговаривали; а Иванъ ничего не видѣлъ. Онъ стоялъ въ сторонѣ и молчалъ. Лицо его было блѣдно; глаза помутились. Онъ даже прислонился къ стѣнѣ.

Когда его увидалъ Семенычъ, то замигалъ глазами. Несмотря на то, что онъ былъ «выпимши», онъ помнилъ своего друга, и ему вдругъ стало жалко его, даже захотѣлось выручить «пустую башку». Подойдя къ Ивану, Семенычъ предложилъ ему «дернуть для нечувствительности», но Иванъ угрюмо отрѣзалъ: «не надо!» и отворотился, по прежнему блѣдный вплоть до губъ.

Семенычъ замигалъ глазами и отошелъ; потомъ вдругъ заплакалъ, въ первый разъ заплакалъ отъ такого случая, заплакалъ пьяными слезами, но искренно.

Черезъ нѣкоторое время, показавшееся для Ивана Иванова вѣчностью, въ волости все утихло. Дядя Иванъ возвращался домой. Внутри глodalъ его червь, снаружи онъ по прежнему былъ блѣденъ, съ помутившимися глазами. Проходя по улицѣ, онъ озирался по сторонамъ, боясь кого-нибудь встрѣтить—онъ такъ бы и оцѣпенѣлъ отъ стыда, еслибы встрѣтилъ; да, отъ стыда! потому что все, что дали ему чудесныя мысли—это стыдъ, ѣдкій, смертельный стыдъ.

Прійдя къ себѣ, онъ прошелъ въ сарай и легъ на-земь. Сперва ему какъ будто захотѣлось захныкать, но слезы нужно было выжимать насильно. Вмѣсто слезъ, на него напала дрожь, такъ что даже зубы его застучали, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, тоска его сдѣлалась до того невыносимою, что онъ вскочилъ на ноги и стремглавъ пустился бѣжать.

Съ ополоумѣвшимъ лицомъ, онъ выбѣжалъ на улицу, юрнулъ въ переулочекъ, попалъ на огороды и прыгая по нимъ, скоро добѣжалъ до берега рѣки. Тутъ онъ немного приостановился, какъ бы раздумывая, но потомъ опять пустился бѣжать по берегу что есть духу. Ему надо было выбрать хорошее мѣсто для того, чтобы утопиться, удобное.

Скоро онъ совсѣмъ остановился и устремилъ глаза на воду. Подошелъ ближе къ водѣ; остановился; потеръ себѣ лобъ; отошелъ назадъ; сѣлъ на пригоркѣ и снова сталъ глядѣть на воду. Зубы его перестали стучать. Онъ еще разъ потеръ себѣ лобъ и успокоился. Окончательно рѣшившись утопиться, онъ снялъ съ себя шапку, сапоги и кафтанъ; сложилъ все это въ кучу и завязалъ кушакомъ... Онъ не желалъ, чтобы одежда его пропала даромъ; зачѣмъ обижать старуху? Она и безъ того голодать будетъ! Шапка еще совсѣмъ новая; и кушакъ тоже, все денегъ стоитъ. А зипунъ-то? Какъ ни какъ, а за полтину не купишь... Сдѣлавъ эти предсмертныя приготовления, Иванъ опять поглядѣлъ въ воду; въ его безумныхъ глазахъ сверкала твердая рѣшимость наложить на себя руки.

Онъ почесалъ себѣ спину... И вдругъ:

— Иванъ!

Иванъ даже подпрыгнулъ при этомъ возгласѣ и съ смертельнымъ ужасомъ въ глазахъ обернулся къ человѣку, сдѣлавшему окрикъ. Это былъ староста.

— Гдѣ у тебя совѣсть-то, дьяволъ ты эдакій!

Иванъ смотрѣлъ ополоумѣвшими глазами.

— Коего дѣшаго ты тутъ проклажаешься!

У Ивана совершенно не было языка.

— Провалитесь вы совсѣмъ! Пойдемъ къ мосту, чортъ! Чай, слышишь?

Издали дѣйствительно слышались удары топоровъ, рѣзкій, кричащій звукъ пилы и гвалтъ. То парашкинцы работали и ругались, починивая мостъ. Дядя Иванъ слушалъ и приходилъ въ сознаніе. Повинуясь приказанію старосты, съ укоромъ озираваго дѣнтая, онъ развязалъ свой узелъ, надѣлъ сапоги, архаку и шапку и пошелъ за топоромъ.

Прошло съ тѣхъ поръ довольно времени, а дядя Иванъ о книжкахъ и чудесныхъ мысляхъ больше не вспоминалъ. Онъ думалъ только о недомгахъ; и цѣлый годъ, изо дня въ день, по тѣлу его пробѣгалъ морозъ, а внутри все мучительно ныло. Книжекъ въ пятакъ онъ не носилъ большѣ за голенищами; онъ зарылъ ихъ въ яму, выкопанную нарочно на огородѣ и старался никогда не вспоминать о нихъ. Если же на него нападала тоска, то онъ шелъ къ Семенычу и отправлялся вмѣстѣ съ нимъ въ кабачекъ. Черезъ полчаса, много черезъ часъ, оба закадычные выходили оттуда уже готовыми. Держась другъ за друга и заплетаясь ногами за землю, они шли по улицѣ и размахивали руками. Семенычъ въ такомъ случаѣ говорилъ: брррр! воображая, что произносить цѣлую рѣчь; а дядя Иванъ молчалъ; онъ только шевелилъ губами, все желая сплюнуть горечь; но ему никогда не удавалось переплюнуть черезъ губу!

С. Коренинъ.

*

* * *

Пронеслася гроза стороною,
Подъ дождемъ освѣжились поля,
Какъ легко послѣ душнаго зноя,
Какъ живительно дышетъ земля!
Ужь недолго ей ждать до заката,
Влажный воздухъ спокоенъ, душистъ,
Облака унеслися куда-то,
А въ саду—не шелѣхнется листь.
Вѣтви тамъ надъ дорожкой гнутся,
Словно въ землю сквозь слезы глядя,
Но задѣнешь ихъ—градомъ польются
Съ нихъ, трепещущихъ, капли дождя.
Можетъ быть, о недавнемъ раздорѣ
Съ бурнымъ вихремъ напомнилъ ты имъ,
И нескромнымъ движеньемъ своимъ
Разбудилъ ихъ дремавшее горе?...

А. Яхонтовъ.

ИТОГИ ЗЕМСКИХЪ ЗАТРАТЪ

ДЛЯ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ 1878 ГОДУ.

Кто изъ васъ, читатели, не слышалъ самыхъ разнорѣчивыхъ сужденій о нашемъ земствѣ? Кому изъ васъ, такъ или иначе задѣтымъ его дѣятельностію, не приходилось самимъ высказывать о немъ рѣзкаго мнѣнія? Большинство осуждаетъ, немногіе защищаютъ и почти никто не изслѣдуетъ. А между тѣмъ, земство вѣдь мы сами, со всѣмъ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ нашей общественной жизни. Все, что есть въ немъ дурного или хорошаго, это плоть отъ плоти нашей и кость отъ кости нашей. Напрасно думаютъ иные, что земство только неудачная форма администраціи, замѣнившая прежнюю, можетъ быть, еще менѣе удачную. Какъ и все въ мирѣ, земство, конечно, врежде всего форма, но подъ этой формой несомнѣнно даже для ея противниковъ есть нѣчто совершенно отличное отъ былого содержанія нашей мѣстной администраціи. Это нѣчто— мѣстный бытовой элементъ, тогда какъ въ старой администраціи это былъ оторванный отъ народа чиновникъ. Нѣтъ спора, что земство, въ большинствѣ случаевъ, какъ и прежній чиновникъ, исполняетъ волю того же начальства изъ чиновниковъ, но въ томъ-то и разница, что исполняетъ-то ее не назначенный теоретикомъ теоретикъ, а избранный практикъ. Если вообще во всякое исполненіе чужого распоряженія необходимо проникаетъ и личный взглядъ исполнителя, то тѣмъ съ большею опредѣленностію высказывается взглядъ исполнителя, смотрящаго на вещи совершенно съ иной точки зрѣнія, чѣмъ распорядитель. И этотъ-то взглядъ мѣстныхъ представителей намъ и дорогъ.

Точно также, какъ бы мало мы ни признавали за земскими дѣятелями правъ на выраженіе мѣстныхъ потребностей, другихъ, болѣе знакомыхъ съ ними выразителей его воли мы не имѣемъ и не знаемъ. Какъ бы ни измѣнялся въ будущемъ кругъ дѣл-

тельности земскаго представительства, есть основаніе думать, что и будущіе избиратели и избранники не останутся въ большинствѣ такими же, какими принимаютъ участіе и нынче въ земской службѣ. По крайней мѣрѣ, для доказательства противнаго мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Если нынѣшніе земскіе дѣятели плохи, значить, плохи мы сами; въ такомъ случаѣ намъ еще болѣе надо внимательно присматриваться къ ихъ дѣятельности, чтобы сознать наши собственные недостатки. А можетъ быть, узнавъ лучше, мы многое простимъ и многое даже одобримъ, можетъ быть, изъ самопознанія мы вынесемъ не одно безотрадное чувство. Можетъ быть, въ настоящемъ несовершенномъ мы прозримъ лучшее будущее.

И такъ, прежде всего точное, насколько можно безпристрастное знаніе дѣятельности нашего земства.

Самымъ точнымъ и безпристрастнымъ зеркаломъ общественной жизни служить статистика—наука итоговъ. Къ сожалѣнію, у насъ посматривать въ это зеркало не очень-то любятъ.

И благодаря этой нашей нелюбви къ итогамъ, они очень отрывочны, а подчасъ даже и не совсѣмъ вѣрны или подведены подъ невѣрными данными. Но если мы не будемъ въ нихъ почаще заглядывать и ихъ провѣрять, то, очевидно, у составителей всевозможныхъ отчетовъ, вѣдомостей и свѣдѣній, никогда и не явится желанія отнестись къ дѣлу внимательно, а напротивъ, все больше и больше будетъ развиваться склонность смотрѣть на всѣ эти цифры, какъ на совершенно лишній, никому ненужный трудъ и праздную прихоть начальства.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ мы познакомимъ читателей съ примѣрами поразительной небрежности нѣкоторыхъ изъ нашихъ земскихъ статистиковъ—говорить о другихъ неудобно—а пока, приступая къ нашему первому очерку о затратахъ земства по народному образованію, мы замѣтимъ только, что наше общественное зеркальце въ настоящемъ случаѣ не только разбито на куски, но многіе изъ нихъ еще и очень плохо отражаютъ дѣйствительность. Къ этому присоединяется еще другое зло. Итоги затратъ земства по народному образованію отражаютъ только одну поверхностную сторону явленія; вдаваться въ ихъ внутреннее содержаніе, въ причины многихъ странныхъ сочетаній нельзя, по причинамъ, независящимъ ни отъ земства, ни отъ насъ.

Источниками для нашихъ очерковъ служили подлинныя сметы, отчеты и вѣдомости земскихъ управъ, къ сожалѣнію, составляемые безъ общаго плана, часто безъ частныхъ итоговъ, а иногда, что еще хуже, съ итогами невѣрными. Вслѣдствіе этого трудъ группировки превращался подчасъ въ Сизифову работу,

а потому мы впередъ и за-разъ испрашиваемъ у читателей снисхожденія ко всѣмъ погрѣшностямъ нашихъ очерковъ.

Всѣмъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что до открытія земскихъ учреждений забота о народномъ просвѣщеніи лежала исключительно на различныхъ органахъ разныхъ правительственныхъ учреждений. Съ открытіемъ земскихъ учреждений и имъ было также предоставлено заботиться, между прочимъ, и о народномъ просвѣщеніи. Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что забота эта возложена на земство не только не какъ главная, но даже и между второстепенными обязанностями только между прочимъ. Во II ст. полож. о земскихъ учрежденіяхъ между различными дѣлами, подлежащими вѣдѣнію земскихъ учреждений, только въ 7-мъ пунктѣ разрѣшено: «участіе земства преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ».

Въ примѣненіи этой статьи на дѣлѣ попеченіе земства о народномъ образованіи было ограничено одной обязанностію давать деньги на народное образованіе по своему выбору. Несмотря, однако, на эту скромную роль, земство съ первыхъ лѣтъ своего существованія обнаружило большую энергію и отзывчивость къ желаніямъ народа, быстро увеличивая расходы по устройству низшихъ, среднихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Въ то же время, подъ вліяніемъ идей, признанныхъ уже давно всею Европою въ шестидесятыхъ годахъ, развилась у насъ просвѣтительная дѣятельность и правительственныхъ учреждений, о чемъ мы сообщимъ подробно въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ¹.

Затѣмъ, когда съ начала семидесятыхъ годовъ, правительственные затраты на образованіе стали замедляться въ своемъ ростѣ²; въ теченіи 6-ти лѣтъ затраты земства получили еще большее развитіе. Въ 1871 году, составляя въ среднемъ 7,6% всѣхъ земскихъ расходовъ, въ 1877 г. они уже поднялись до 13,7%.

Даже усиленіе надзора и строгость разнообразныхъ распоряженій со стороны вѣдомствъ, наблюдающихъ за правильнымъ ходомъ народнаго образованія, по необходимости налагая стѣсненія, особенно усилившіяся въ послѣдніе годы, не могли остановить постоянно возрастающей щедрости земства на народное

¹ Въ теченіи 6-ти лѣтъ, съ 1865 по 1871 г., затраты по министерству народнаго просвѣщенія возросли на 64%, а военнаго министерства на 17%.

² Съ 1871 по 1877 г. затраты министерства народнаго просвѣщенія увеличились на 38%, а военнаго министерства—на 11%.

просвѣщеніе и только мѣстами ее задержали или измѣнили ея направленіе.

Смета расходовъ по народному образованію въ 32 губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія¹, возрасла въ послѣдніе пять лѣтъ съ 2.545,203 р. 52 к. въ 1873 году, до 4.333,372 р. 76 к. въ 1878 году, т. е. болѣе, чѣмъ на 70%.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это возрастаніе было еще значительнѣе:

Въ Пермской . . .	съ 208,000	до 398,000	слѣдов. на	91%
» Смоленской . .	» 29,000	» 56,000	»	» 92%
» Черниговской .	» 79,000	» 154,000	»	» 93%
» Нижегородской	» 42,000	» 84,000	»	» 98%
» Полтавской . .	» 91,000	» 211,000	»	» 132%
» Владимірской .	» 45,000	» 123,000	»	» 173%
» Саратовской . .	» 41,000	» 115,000	»	» 179%
» Пензенской . .	» 36,000	» 105,000	»	» 189%
» Екатеринбургск.	» 50,000	» 151,000	»	» 218%

наконецъ, въ Олонцкой съ 25,000 до 83,000, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ на 231%.

Ниже средняго роста движеніе расходовъ по народному образованію было въ сметахъ только пяти губерній, притомъ наименьшій въ губерніяхъ: Симбирской, гдѣ съ 78,000, ассигнованныхъ по сметѣ 1873 года, издержки по народному образованію возрасли въ 1878 году лишь до 92,000, всего на 18%; въ Костромской—съ 59,000 до 67,000, слѣдовательно, на 15%, и въ Бессарабской области—съ 57,000 до 63,000, слѣдовательно, на 12%.

Затѣмъ, только въ одной Херсонской губерніи, по сметѣ 1873 года, было назначено болѣе, чѣмъ въ 1878 году, притомъ на 50,000 рублей. Но это объясняется внесеніемъ въ смету 1873 года единовременнаго расхода на устройство сельскохозяйственнаго училища, на счетъ остатка отъ сметъ 1870, 1871 и 1872 г. (29,000 руб.) и капитала, образовавшагося отъ содержанія почтовыхъ лошадей (40,000 руб.), всего 70,064 р. 76 к. За освобожденіемъ же этого чрезвычайнаго и единовременнаго расхода, смета слѣдующаго 1874 года по народному образованію понизилась до 162,022 руб., и затѣмъ эта сумма оставалась почти безъ измѣненій во всѣ слѣдующіе года и въ 1878 году возрасла всего на 940 руб. Въ этомъ отношеніи Херсонская губернія составляетъ исключеніе изъ всѣхъ остальныхъ земскихъ губерній. Отчасти это можетъ быть объяснено значительностію

¹ Изъ Самарской губерніи намъ не удалось получить свѣдѣній, а въ Уфимской губерніи земскія учрежденія были введены только въ 1874 году.

расходовъ на народное образованіе, по сравненію, какъ съ другими губерніями, такъ и съ общею расходною сметою, въ которой они составляютъ 15,2%, отчасти же малою измѣняемостію вообще всей расходной сметы Херсонской губерніи. Въ теченіи шести лѣтъ, съ 1871 по 1877 годъ, она возрасла всего на 16%, между тѣмъ, какъ въ то же время въ другихъ губерніяхъ земскіе расходы возрасли среднимъ числомъ на 50%.

По значительности расходовъ на народное образованіе въ 1873 году, 32 губерніи располагались въ слѣдующемъ порядкѣ:

3 болѣе 150,000 рублей.

1) Вятская	241,564 р.	19 к.
2) Херсонская	213,367	» 76 »
3) Пермская	208,484	» 19 »

4 болѣе 100,000 рублей.

4) Харьковская	121,700 р.	— к.
5) Московская	107,198	» 88 »
6) Курская	100,120	» 32 »
7) Тверская	100,029	» 11 »

16 болѣе 50,000 рублей.

8) Полтавская	91,074 р.	53 к.
9) Таврическая	89,971	» 70 »
10) Казанская	85,814	» 77 »
11) Воронежская	81,404	» 79 » ¹
12) Черниговская	79,971	» 27 »
13) Симбирская	78,392	» 30 »
14) Вологодская	66,577	» 69 »
15) Тамбовская	65,694	» 92 »
16) Рязанская	65,542	» 32 »
17) Новгородская	63,513	» 78 »
18) Костромская	59,098	» 10 »
19) С.-Петербургская	57,372	» 24 »
20) Бессарабская	57,142	» 94 »
21) Псковская	54,365	» 50 »
22) Орловская	53,586	» 32 »
23) Екатеринославская	50,369	» — »

Затѣмъ остальные десять губерній назначали на расходы по народному образованію менѣе 50,000 р. и всѣ вмѣстѣ 352,000 р.

Черезъ пять лѣтъ картина чрезвычайно перемѣнилась; старыя мѣста удержали только сметы: Харьковская, Казанская, Тамбовская, Псковская и Калужская, остальные или опередили свои

¹ Показана сумма израсходованная, которая обыкновенно нѣсколько меньше сметнаго назначенія.

прежнія мѣста въ спискѣ или отстали сравнительно съ 1873 г., такъ что 33 губерніи располагались въ 1878 году уже въ слѣдующемъ порядкѣ:

9 больше 150,000 рублей.

1) Пермская	398,674	р.	43	к.
2) Вятская	386,191	>	20	>
3) Полтавская	211,517	>	51	>
4) Харьковская	211,120	>	99	>
5) Курская	187,188	>	12	>
6) Московская	167,629	>	67	>
7) Херсонская	162,963	>	50	>
8) Черниговская	154,642	>	79	>
9) Екатеринославская	151,374	>	20	>

11 больше 100,000 рублей.

10) Казанская	148,943	р.	22	к.
11) Таврическая	139,090	>	76	>
12) Новгородская	138,100	>	5	>
13) Воронежская	129,320	>	23	>
14) Владимирская	123,929	>	13	>
15) Тамбовская	116,409	>	92	>
16) Вологодская	115,567	>	65	>
17) Саратовская	115,039	>	80	>
18) Тверская	112,840	>	91	>
19) Рязанская	106,415	>	56	>
20) Пензенская	105,091	>	50	>

Всѣ остальные 12 больше 50,000 рублей.

21) Псковская	98,575	р.	60	к.
22) С.-Петербургская	97,289	>	40	>
23) Симбирская	92,838	>	12	>
24) Калужская	89,118	>	27	>
25) Уфимская	86,626	>	—	>
26) Нижегородская	84,385	>	8	>
27) Олонекская	83,545	>	1	>
28) Орловская	83,177	>	55	>
29) Ярославская	78,988	>	76	>
30) Костромская	67,974	>	8	>
31) Бессарабская	63,870	>	—	>
32) Смоленская	56,371	>	41	>
33) Тульская	55,188	>	34	>

Всего 4.419,998 р. 76 к. ¹.

¹ Со включеніемъ губерніи Уфимской.

Впрочемъ, простое сравненіе какихъ-либо расходовъ за нѣсколько лѣтъ еще не можетъ представить ихъ дѣйствительнаго значенія.

Очевидно, что для губерній бѣдныхъ увеличеніе расходовъ требуетъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ даже и большее увеличеніе расходовъ для губерній богатыхъ, точно также увеличеніе сметы, достигшей полнаго соотвѣтствія съ платежною способностію населенія, болѣе затруднительно, чѣмъ увеличеніе сметы даже сравнительно болѣе, но менѣе обременительной для населенія. А потому, чтобы представить себѣ, насколько именно увеличились расходы по народному образованію въ каждой губерніи, намъ бы слѣдовало сравнить ихъ съ общимъ богатствомъ и потребностями губерніи и тогда бы мы могли совершенно ясно видѣть, которая изъ губерній затрачиваетъ сравнительно больше и которая меньше. Но у насъ такой единицы для сравненія нѣтъ, есть только, и то очень не вѣрныя и приблизительныя цифры пространства и населенія каждой губерніи, и вотъ, по необходимости, мы должны ограничиться только этими двумя однородными, но очень мало выражающими единицами, чтобы сдѣлать наше сравненіе нѣсколько болѣе нагляднымъ.

Если мы примемъ населенность 32 губерній съ земскими учрежденіями въ 1873 году въ 47 милліоновъ душъ обоего пола, а въ 1878 г. въ 49 милліоновъ душъ обоего пола, то сравнительное отношеніе между губерніями представится въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ 1873 г. Въ 1878 г.		На 1 квадратную милью людей.
	На 1 человекъ. Коп.	Коп.	
1) Олонецкая	8 $\frac{1}{2}$	28	120 человекъ.
2) Таврическая	12 $\frac{1}{2}$	19	635 »
3) Пермская	9 $\frac{1}{2}$	18	364 »
4) Курская	9 $\frac{1}{2}$	17 $\frac{1}{4}$	2,317 »
5) Вятская	10	16	865 »
6) Новгородская	6	13 $\frac{1}{4}$	455 »
7) Псковская	9	12 $\frac{3}{4}$	977 »
8) Харьковская	7	12 $\frac{1}{2}$	1,716 »
9) Вологодская	6 $\frac{1}{2}$	11 $\frac{1}{2}$	137 »
10) Екатеринославская	3	11	1,100 »
11) Полтавская	4 $\frac{1}{4}$	10	2,320 »
12) Херсонская	13	10	1,236 »
13) Владимирская	3 $\frac{1}{2}$	10	1,420 »
14) Московская	6	9 $\frac{1}{2}$	2,931 »
15) Черниговская	4 $\frac{3}{4}$	9 $\frac{1}{2}$	1,744 »
16) Пензенская	3	9 $\frac{1}{4}$	1,663 »
17) Калужская	5 $\frac{1}{4}$	9	1,774 »

	Въ 1873 г. Въ 1878 г.		На 1 квадратную милю людей.
	На 1 человека.	Коп.	
18) Казанская	5	9	1,473
19) Ярославская	4 ¹ / ₄	8	1,547
20) Симбирская	6 ¹ / ₂	7 ³ / ₄	1,342
21) Тверская	6 ¹ / ₂	7 ¹ / ₄	1,289
22) С.-Петербургская	4 ¹ / ₄	7 ¹ / ₄	1,622
23) Рязанская	4 ¹ / ₄	7	1,932
24) Нижегородская	3 ¹ / ₄	6 ¹ / ₂	1,366
25) Саратовская	2	6 ¹ / ₂	1,141
26) Уфимская	—	6	617
27) Воронежская	3 ³ / ₄	6	1,799
28) Бессарабская	5 ¹ / ₄	6	1,644
29) Костромская	5 ¹ / ₄	6	755
30) Тамбовская	3 ¹ / ₄	5 ¹ / ₂	1,881
31) Орловская	3 ¹ / ₂	5	1,882
32) Смоленская	2 ¹ / ₂	5	1,120
33) Тульская	2 ¹ / ₄	4 ¹ / ₂	2,077

При первомъ же взглядѣ на эту таблицу оказывается, что въ 1873 году, житель Олонецкой губерніи на народное образованіе платить нѣсколько меньше, чѣмъ житель Таврической, Херсонской, Вятской, Пермской, Курской и Псковской губерній, но зато больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ и притомъ почти втрое больше, чѣмъ житель Екатеринославской и въ четыре раза больше, чѣмъ Саратовскій, Тульскій и Смоленскій; затѣмъ черезъ пять лѣтъ, тотъ же житель Олонецкой губерніи, несмотря на то, что издержки на народное образованіе сильно поднялись во всѣхъ губерніяхъ, платилъ на этотъ предметъ болѣе, чѣмъ кто нибудь изъ жителей остальной земской Россіи и притомъ втрое больше, чѣмъ въ Московской, Черниговской, Пензенской, Калужской и Казанской, въ четыре раза болѣе чѣмъ въ Симбирской, Тверской, С.-Петербургской, Рязанской, Нижегородской и Саратовской и въ семь разъ больше, чѣмъ житель Тульской губерніи.

Такимъ образомъ, обездоленные природою жители Олонецкой, Новгородской и Псковской губерній облагаютъ себя для расходовъ по народному образованію вдвое и втрое больше противъ богато одѣленныхъ природою земцевъ губерній: Симбирской, Саратовской, Воронежской и Бессарабской.

Правда, изъ этой же таблицы видно, что нѣкоторые изъ богатыхъ земствъ уже обнаружили стремленіе изгладить это неравенство, такъ саратовское, въ пятилѣтіе съ 1873 года, увеличило размѣръ издержекъ на народное образованіе болѣе, чѣмъ втрое

на каждаго жителя, екатеринославское на 266,6%, а пензенское даже учетверило, хотя въ то же время и земства бѣдныхъ губерній не ослабѣли, а, напротивъ, еще усилили свою энергію въ обложеніи себя расходами на дѣло народнаго образованія: новгородское назначило на каждаго человѣка въ 1878 г. на 129% болѣе, чѣмъ въ 1873 году, владимірское на 185,7%, олонецкое на 229,4%, т. е. болѣе чѣмъ втрое. Рядомъ съ этимъ въ трехъ земствахъ почти не было движенія по увеличенію средствъ народнаго просвѣщенія: бессарабское и костромское увеличили свои расходы всего на 14%, а тверское только на 11,5%. Между тѣмъ, въ среднемъ по 32 губерніямъ издержки земства возросли за пять лѣтъ съ 5,4 коп. на 8,7 коп. съ каждаго жителя этихъ губерній, слѣдовательно, каждый человѣкъ въ Россіи земской платилъ въ 1878 году на 61% болѣе, чѣмъ въ 1873 г. на народное образованіе.

Продолжая сравненіе по нашей таблицѣ, мы не можемъ не обратить вниманія читателей еще на одно чрезвычайно замѣнительное сочетаніе. Оказывается, что губерніи съ рѣдкимъ населеніемъ затрачиваютъ на образованіе болѣе, чѣмъ губерніи густо населенныя, за исключеніемъ Уфимской и Костромской. Въ значительной степени это явленіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что, при разбросанномъ на большомъ пространствѣ населеніи, земству приходится для достиженія одинаковыхъ результатовъ съ земствами густо-населенныхъ губерній производить сравнительно большія затраты, напримѣръ, имѣть большее число школъ и учителей при сравнительно меньшемъ числѣ учениковъ, дороже платить за помѣщенія и т. п. Однако, изъ этой же таблицы видно, что нѣкоторыя губерніи и очень густо-населенныя, напримѣръ: Курская, Харьковская, Полтавская и Московская признаютъ необходимымъ затрачивать на народное образованіе не менѣе губерній мало населенныхъ и потому мы съ нѣкоторымъ основаніемъ можемъ признать, что земства этихъ четырехъ губерній даютъ для народнаго просвѣщенія наибольшія средства, тогда какъ губерніи Костромская и Уфимская назначаютъ этихъ средствъ вдвое менѣе, чѣмъ земства олонецкое, таврическое, пермское, вятское, новгородское, псковское и вологодское, поставленныя въ сходныя условія малочисленности. Точно также не безъ основанія можно утверждать, что земства: тамбовское, орловское, смоленское и въ особенности тульское не дѣлаютъ даже и половины тѣхъ затратъ на народное образованіе, которыя признаются необходимыми болѣе передовыми земствами четырехъ названныхъ губерній, поставленныхъ въ одинаковыя съ ними условія населенности.

Мы рѣшительно не имѣемъ средствъ дать какое-либо положительное и вполне доказанное объясненіе этой неодинаковости и несоотвѣтственности земскихъ расходовъ на народное образованіе въ разныхъ губерніяхъ. Мы можемъ утверждать только, что то же разнообразіе существуетъ и въ другихъ видахъ земскихъ расходовъ. Обитатели Олонецкой губерніи платятъ и всѣхъ другихъ земскихъ сборовъ въ три раза болѣе, чѣмъ сосѣдніе жители Петербургской губерніи, и въ четыре раза болѣе, чѣмъ въ Орловской губерніи; жители Таврической, Курской, Новгородской и Псковской — облагаютъ себя въ полтора и даже въ два раза большими земскими сборами, чѣмъ жители губерній Полтавской, Черниговской, Тверской, Воронежской, Смоленской и Тульской. Та же неравномѣрность и въ отношеніи къ общей суммѣ издержекъ на образованіе къ другимъ расходамъ земства. Въ Вятской губерніи они составляютъ до 22%, въ Олонецкой, Таврической, Вологодской, Черниговской, Уфимской, Псковской и Курской отъ 19 до 17%, а въ Тамбовской, Бессарабской и Саратовской менѣе 9%.

Конечно, всего ближе было бы искать объясненія большаго или меньшаго участія земства въ народномъ образованіи во впливіи, которое могли бы оказывать центры просвѣтительной и промышленной жизни. Но изъ сопоставленія приведенныхъ итоговъ очевидно, что для подтвержденія такого впливія нѣтъ ни одной цифры. Губерніи Петербургская, Московская, Харьковская и Херсонская въ отношеніи расходовъ на народное образованіе значительно ниже губерній съ ними сосѣднихъ, на примѣръ, Олонецкой, Курской, Таврической или даже губерній отъ нихъ удаленныхъ, на примѣръ, Пермской, Вятской, Вологодской, Екатеринославской.

Не больше оказываютъ впливія и водные пути и желѣзныя дороги, хотя они, казалось бы, и могли сильно оживлять мѣстную экономическую и умственную жизнь. Въ губерніяхъ системы рѣбен Волги, на примѣръ, расходы на народное образованіе значительно ниже, чѣмъ въ губерніяхъ почти лишенныхъ водныхъ сообщеній: Олонецкая, Курская, Псковская, Харьковская и т. д. Тоже можно сказать и относительно желѣзныхъ дорогъ. Наибольшее протяженіе желѣзныхъ путей имѣютъ губерніи: Херсонская болѣе 1,000 верстъ, Московская и Орловская до 600 верстъ, Екатеринославская, Петербургская и Тамбовская около 500 верстъ и Тульская до 450 верстъ. Между тѣмъ, размѣръ участія земствъ этихъ губерній въ издержкахъ на народное образованіе далеко не наибольшій, а въ Тамбовской и Тульской даже наименьшій, тогда какъ въ губерніяхъ совершенно лишенныхъ не только же-

лѣзныхъ, но и шоссезныхъ путей, расходы земства на этотъ предметъ значительно превосходятъ средній размѣръ, напримѣръ, Олонецкая, Пермская, Вятская и т. д.

Не найдя объясненія во внѣшнихъ причинахъ, нѣкоторые изъ читателей, вѣроятно, захотятъ искать ихъ въ личномъ составѣ земскихъ учреждений. Но и здѣсь едва ли можно безусловно доказать зависимость между взаимнымъ отношеніемъ числа гласныхъ трехъ видовъ земскаго представительства и расходами земства вообще. и на народное образованіе въ особенности, хотя нѣкотораго постоянства отношеній и нельзя не замѣтить.

Взявъ изъ нашей таблицы 9 губерній, въ которыхъ на образованіе собирается болѣе 11 копеекъ съ человѣка и 10 губерній, въ которыхъ собирается менѣе 7 копеекъ, и. сравнивъ число гласныхъ въ этихъ губерніяхъ по тремъ родамъ ихъ представительства, мы увидимъ, что въ губерніяхъ, болѣе издерживающихъ число гласныхъ, отъ землевладѣльцевъ составляетъ 43%, отъ городовъ 13% и отъ сельскихъ обществъ 44%; между тѣмъ, какъ въ губерніяхъ, издерживающихъ на образованіе народа менѣе, число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ больше 48%, отъ городовъ 11% и отъ сельскихъ обществъ только 41%.

Разница дѣлается еще замѣтнѣе, если для сравненія взять только пять первыхъ губерній, издерживающихъ болѣе 15 коп., въ нихъ гласные отъ землевладѣльцевъ составляютъ всего 40%, зато городскіе—14%, а отъ сельскихъ обществъ—46%.

	На одного че- ловѣка для на- роднаго обра- зованія прозв- одится рас- хода.	Г Л А С Н Ы Е:		
		отъ земле- владѣль- цевъ.	отъ горо- довъ.	отъ сель- скихъ об- ществъ.
Олонецкая . . .	28 коп.	35%	17%	48%
Таврическая . .	19 »	37%	26%	57%
Пермская	18 »	42%	14%	44%
Курская	17 »	44%	10%	46%
Вятская	16 »	34%	14%	52%
Въ среднемъ болѣе.	(15 »)	(40%)	(14%)	(46%)
Новгородская . .	13 ³ / ₄ »	47%	12%	41%
Псковская	12 ³ / ₄ »	45%	11%	44%
Харьковская . . .	12 ¹ / ₂ »	46%	14%	40%
Вологодская . . .	11 ¹ / ₂ »	44%	12%	44%
Въ среднемъ по 9 губерніямъ болѣе.	11 »	43%	13%	44%

	На одного че- ловка для на- роднаго обра- зованія проэк- тируется рас- хода.	Г Л А С Н Ы Е:		
		отъ земле- владѣль- цевъ.	отъ горо- довъ.	отъ сель- скихъ об- ществъ.
Нижегородская .	6 1/2 коп.	50%	8%	42%
Саратовская . . .	6 1/2 »	48%	13%	39%
Уфимская	6 »	48%	9%	43%
Воронежская . . .	6 »	46%	7%	47%
Бессарабская . . .	6 »	44%	18%	38%
Костромская . . .	6 »	49%	13%	48%
Тамбовская	5 1/2 »	45%	11%	44%
Орловская	5 »	48%	12%	40%
Смоленская	5 »	49%	10%	41%
Тульская	4 1/2 »	50%	11%	39%
Въ среднемъ по 10 губерніямъ менѣе.	7 »	48%	11%	41%

Переходя отъ общей цифры земскихъ затратъ на народное образованіе къ частностямъ ихъ распредѣленія, мы прежде всего видимъ, что, въ числѣ земскихъ расходовъ на образованіе, бы-стрѣе всего растутъ издержки на сельскія училища¹. Въ те-ченіи пяти лѣтъ онѣ возросли на 80,3%, затѣмъ, расходы на среднее образованіе возвысились на 67,7%; содержаніе педагогическихъ учреждений—на 42,2%, издержки по стипендіямъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ—на 38,8%, расходы по городскимъ училищамъ—на 10,8%, по покупкѣ учебныхъ пособій—на 3,3% и только расходы по устройству и содержанію спеціальныхъ заведеній уменьшились на 7,7%.

Очевидно, что это безусловное возрастаніе отдѣльныхъ статей земской сметы на народное образованіе еще не можетъ дать яснаго понятія о томъ, въ какомъ направленіи идетъ это возрастаніе расходовъ. Расходъ, составляющій незначительную часть общихъ затратъ на образованіе, можетъ увеличиться, повидимому, очень сильно, но въ общей массѣ это увеличеніе будетъ незамѣтно, тогда какъ возрастаніе расхода, составляющаго болѣе значительную часть всей расходной сметы, даже и при меньшемъ сравнительно размѣрѣ роста, окажетъ гораздо большее вліяніе на всю смету. Въ этомъ случаѣ все будетъ зависѣть

¹ Для сравненія взяты двѣнадцать губерній, изъ которыхъ мы имѣемъ за оба года, 1873 и 1878, одинаково подробныя и по одной системѣ составленныя свѣдѣнія: Вологодская, Вятская, Екатеринославская, Курская, Новгородская, Олонская, Таврическая, Тамбовская, Харьковская, Херсонская, Ярославская и Черниговская.

отъ отношенія, въ какомъ находится отдѣльный расходъ во всей суммѣ расходовъ. Такъ, въ данномъ случаѣ, расходы, напримѣръ, на инспекцію училищъ и по училищнымъ совѣтамъ, хотя и возросли сравнительно съ 1873 годомъ на 67,7⁰/₀, но по отношенію къ общей массѣ расходовъ на народное образованіе, остались въ прежнемъ ничтожномъ размѣрѣ, составляя въ нихъ одну сотую часть. При этомъ умѣстно замѣтить, что бѣльшая часть расхода на инспекцію падаетъ на 8 губерній¹, гдѣ учреждены въ 19 уѣздахъ инспектора на счетъ земства въ силу Высочайше утвержденнаго 22-го ноября 1875 г. мнѣнія государственнаго совѣта.

Точно также остались въ прежнемъ отношеніи къ общей суммѣ и расходы на педагогическія учрежденія — 3¹/₂⁰/₀. Затѣмъ, дѣйствительно возросли не только безусловно, но и по отношенію къ другимъ расходамъ, сильнѣе всего расходы на сельскія училища. Въ 1873 году, составляя въ сметѣ 51,2⁰/₀, они въ сметѣ 1878 г. поднялись уже до 56,1⁰/₀, т. е. почти на 5⁰/₀, далѣе идутъ менѣе возросшія издержки на учебныя пособія и библіотеки съ 1,3⁰/₀ на 3⁰/₀, т. е. на 1,7⁰/₀ и на средне-учебныя заведенія съ 16,2⁰/₀ на 17,1⁰/₀, слѣдовательно, на 0,9⁰/₀. Расходы же на стипендіи, хотя и возросли противъ 1873 года на 38,8⁰/₀, но, по отношенію къ другимъ расходамъ, въ сметѣ 1878 года на народное образованіе они понизились съ 6,7⁰/₀ на 5,7⁰/₀, т. е. на 1⁰/₀, точно также и расходы земства на городскія училища понизились съ 4,4⁰/₀ до 2,9⁰/₀, слѣдовательно на 1¹/₂⁰/₀, а издержки на спеціальныя учебныя заведенія съ 15,3⁰/₀ упали до 8,5⁰/₀, т. е. на 6,8⁰/₀.

Такое пониженіе отчасти можетъ быть объяснено значительными одновременными затратами, сдѣланными нѣкоторыми земствами на устройство спеціальныхъ учебныхъ заведеній въ 1873 году, напримѣръ, херсонскимъ, какъ было уже объяснено выше, но главнымъ образомъ это пониженіе, по всей видимости, произошло оттого, что, при быстро усиливающимся расходахъ земства на народное образованіе, еще въ бѣльшей степени усиливается особая заботливость земства о развитіи низшаго образованія, а потому земскія учрежденія стали обращать бѣлье значительную часть своихъ средствъ на поднятіе и распространеніе сельской школы. Точно также въ 1878 г. земства обращаютъ бѣлье значительныя средства на устройство своихъ собственныхъ среднеучебныхъ заведеній, тогда какъ въ 1873 году земства

¹ Вятская, Самарская, Вологодская, Пермская, Калужская, Саратовская, Казанская и Пензенская.

обращались въ этомъ отношеніи болѣе къ помощи правительственныхъ заведеній и для того отпускали сравнительно значительнѣйшія средства на содержаніе стипендіатовъ. Здѣсь, можетъ, будетъ кстати замѣтить, что на дальнѣйшее движеніе земскихъ затратъ въ новомъ направленіи, по всей вѣроятности, окажетъ извѣстное вліяніе правительственное распоряженіе, изданное въ нынѣшнемъ году, въ видахъ ограниченія земства въ дѣлѣ назначенія суммъ на устройство и содержаніе средне-учебныхъ заведеній. Какъ на примѣръ подобнаго вліянія, мы можемъ указать на слѣдующее, не лишнее значенія сочетаніе цифръ. Въ началѣ земство выказало стремленіе на подготовку своихъ собственныхъ учителей и учительницъ для народныхъ школъ, но затѣмъ министерствомъ народнаго просвѣщенія были приняты мѣры съ цѣлью приготовленія учителей, болѣе отвѣчающихъ его требованіямъ и взглядамъ на задачи сельской школы. Рядомъ съ этимъ, итоги земскихъ затратъ измѣнились слѣдующимъ образомъ: во всѣхъ губерніяхъ изъ указанныхъ нами двѣнадцати, въ которыхъ въ 1873 г. земство дѣлало затраты на педагогическія учрежденія: учительскія школы; сѣзды и т. п. по сметѣ 1878 года, кромѣ Вологодской и Новгородской, послѣдовало значительное сокращеніе этихъ издержекъ съ 18,261 рубля на 9,135 рублей, т. е. на 50⁰/₀. Въ то же время курское земство въ 1873 году, вовсе не принимавшее участія въ затратахъ на подготовку учителей, по сметѣ 1878 года, ассигновало 18,099 руб. 28 коп. на устройство и содержаніе учительской школы.

Само собою разумѣется, что, дѣлая общіе выводы о движеніи земскихъ расходовъ на народное образованіе по сметамъ лишь 12 губерній, за неизмѣнимъ подробныхъ свѣдѣній изъ 20 другихъ губерній, имѣвшихъ земскія учрежденія въ 1873 году, мы не считаемъ нашихъ выводовъ безусловно и точно доказанными. И не можемъ не повторить при этомъ нашихъ сожалѣній о томъ, что составители сметъ и отчетовъ не сознали еще у насъ повсюду совершенной необходимости ихъ правильнаго и однообразнаго составленія. Впрочемъ, мы должны оговориться, что, въ отношеніи земскихъ учреждений, этотъ упрекъ долженъ потерять часть своего значенія, такъ какъ, въ силу ст. 1, 2 и 3 Полож. о земск. учрежд. и правительственныхъ распоряженій, земства отдѣльныхъ губерній разъединены и сношенія между ними сильно затруднены.

Въ виду этой недостаточности итоговъ, сообщаемыхъ земствами, и, переходя отъ общихъ соображеній о движеніи земскихъ расходовъ по народному образованію къ даннымъ по этому пред-

мету за минувшій 1878 годъ, мы вынуждены опять ограничиться лишь свѣдѣніями по 18 губерніямъ¹, имѣющимъ болѣе подробныя данныя по отдѣльнымъ видамъ этихъ расходовъ.

Общая цифра расхода въ этихъ губерніяхъ на народное образованіе 2.629,970 руб. 42 коп., т. е. почти двѣ трети расхода всѣхъ земствъ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

На сельскія училища	1.449,929 р. 27 к.		
» городскія »	145,926	» 9	»
» спеціальныя: медицинскія и техническія училища	202,707	» —	»
» педагогическія учрежде- нія	83,319	» 32	»
» учебныя пособія и библио- теки	58,451	» 4	»
» надзоръ и училищныя со- вѣты	23,860	» 41	»
» стипендіи и плата за уче- ніе: въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ	9,806	» 9	»
» въ среднихъ учебныхъ за- веденіяхъ	42,084	» 50	»
» въ университетахъ	27,710	» —	»
и въ спеціальныхъ учеб- ныхъ заведеніяхъ	83,101	» 55	»

Слѣдовательно, на низшее образованіе, сельское и городское, земствами затрачивается въ 18-ти губерніяхъ до 1.747,431 руб. 77 коп., т. е. 66,4% всего расхода на народное образованіе, при этомъ мы включаемъ въ эту статью издержки на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и содержаніе земскихъ библиотекъ, а также и педагогическихъ учреждений, напримѣръ, учительскихъ школъ, съѣздовъ сельскихъ учителей, педагогическихъ курсовъ и т. п., такъ какъ, всѣ расходы по этимъ статьямъ служатъ, главнымъ образомъ, для пользы низшихъ сельскихъ и городскихъ школъ. Намъ кажется, что было бы основательно присоединить сюда же и расходы по надзору (0,9%) въ виду того, что они почти исключительно состоятъ изъ выдачъ раздѣдныхъ денегъ членамъ училищныхъ совѣтовъ отъ земства, для обозрѣнія сельскихъ школъ. Затѣмъ, 20,7% сметной суммы затрачивается на среднее образованіе, 10,9% на спеціальное и 1% на университетское.

¹ Владимірская, Вологодская, Вятская, Екатеринославская, Курская, Новгородская, Олонецкая, Пензенская, Полтавская, Саратовская, Сибирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Харьковская, Херсонская, Ярославская и Черниговская.

Но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ замѣчаются отступленія отъ этого средняго отношенія, такъ во Владимірской губерніи на низшее образованіе назначено 65⁰/₀, а на среднее и университетское 31⁰/₀, въ Таврической—на низшіе—69⁰/₀, а на среднее и университетское—27⁰/₀; въ Курской—69⁰/₀ и 26⁰/₀; за то въ Вятской на низшее 77⁰/₀ и только 14⁰/₀ на среднее и высшее. Эта разница еще значительнѣе въ Ярославской: на низшее 88⁰/₀; на среднее 10⁰/₀ и въ Олонейской: на первое 86⁰/₀, а на второе всего 6⁰/₀.

Изъ сопоставленія этихъ итоговъ опять невольно приходишь къ тому же выводу, къ которому мы уже приходили ранѣе, при сравненіи общихъ цифръ затратъ земства по народному образованію и движенію ихъ за пять лѣтъ, а именно, что главное вниманіе земства направляется на возможное пополненіе того пробѣла, который оставляется въ расходахъ на народное образованіе по сметѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Этотъ выводъ дѣлается еще очевиднѣе при разсмотрѣніи частныхъ приведенныхъ цифръ. Оказывается, что вся сумма, затрачиваемая земствами на спеціальное образованіе, назначается почти исключительно на нужды низшаго и преимущественно сельскаго населенія; такъ болѣе половины всей суммы, назначаемой на спеціальное образованіе (63,4⁰/₀), расходуется на обученіе ремесла и сельско-хозяйственныхъ и техническихъ училища, оставшая за тѣмъ сумма (36,6⁰/₀), на приготовленіе фельдшеровъ и ветеринаровъ. Такимъ же образомъ распределены и стипендіи для лицъ, посвящающихъ себя спеціально образованію. Почти половина суммы, ассигнованной на эти стипендіи, отпускается лицамъ изъ крестьянскаго сословія, приготовляющимся для занятія должностей учителей и учительницъ сельскихъ училищъ, треть стипендіатамъ и стипендіатамъ медицинской академіи, фельдшерскихъ курсовъ и повивальныхъ институтовъ и остальные 8,000 руб. въ пособіе учащимся ремесленникамъ.

Изъ этихъ данныхъ мы имѣемъ, мнѣ кажется, право вывести заключеніе, что болѣе 75⁰/₀, т. е. болѣе трехъ четвертей сметы земства по народному образованію назначается исключительно для образованія бѣднаго сельскаго и городскаго населенія.

Мы не безъ основанія можемъ также допустить, что въ среднемъ отношеніи этихъ издержекъ приблизительно одинаково и въ другихъ губерніяхъ съ земскими учрежденіями, тѣмъ болѣе, что по свидѣтельству всеподданнѣйшаго отчета господина министра народнаго просвѣщенія за 1877 годъ, въ этомъ году на одни низшія одноклассныя и двуклассныя училища земствами было затрачено до 2½ миллионъ рублей.

Такимъ образомъ, оказывается, что земство издерживаетъ въ 34-хъ губерніяхъ на начальную народную школу почти столько же, сколько отпускается изъ государственнаго казначейства на низшія городскія и сельскія училища во всей Европейской и Азіатской Россіи, а на среднее и высшее образованіе назначаетъ въ шестнадцать разъ менѣе, чѣмъ ассигнуютъ на этотъ предметъ министерства народнаго просвѣщенія, военное и морское.

Однако такая исключительность заботъ земства объ образованіи низшихъ и для низшихъ слоевъ общества уравнивается дѣятельностію правительственныхъ учреждений въ интересахъ высшихъ сословій.

Такъ, по сметѣ министерства народнаго просвѣщенія на сельскія и городскія начальныя училища и на подготовку учителей для нихъ въ 1873 году было назначено 23,2% всего расхода по народному просвѣщенію, а въ 1878 году даже 22%, т. е. немного болѣе одной пятой и въ то же время на среднее и высшее образованіе, которымъ могутъ пользоваться по преимуществу болѣе зажиточные классы было назначено въ 1873 году 63,7% а въ 1878 году—69,5%.

Если же къ этимъ расходамъ правительства присоединить и тѣ, которые назначаются для средняго и высшаго образованія еще и по сметамъ другихъ министерствъ, то большая значительность этихъ расходовъ на низшее народное образованіе сдѣлается еще замѣтнѣе. Такъ только двумя вѣдомствами: военнымъ и морскимъ было ассигновано для высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній—послѣднія доступны только для лицъ привилегированныхъ—въ 1873 году 5.722,180 руб., а по сметѣ 1878 года—6.453,549 руб.

По свидѣтельству всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1877 годъ, стоимость всѣхъ низшихъ училищъ равнялась 7.229,589 руб., изъ которыхъ на счетъ государственнаго казначейства упали лишь 14%, остальная сумма пополнялась городскими и земскими учрежденіями, сельскими обществами и частными пожертвованіями (11%).

Въ виду этихъ данныхъ, дѣлается понятнымъ, почему, несмотря на нѣкоторую исключительность земскихъ расходовъ, г. министр народнаго просвѣщенія, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1877 годъ, и засвидѣтельствовалъ передъ Государемъ Императоромъ, что «современное устройство учебныхъ заведеній удовлетворяетъ разнообразнымъ потребностямъ всѣхъ слоевъ и классовъ общества».

Обращаясь къ итогам земскихъ затратъ на среднее образованіе, мы считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что хотя, повидимому,

всѣ среднія учебныя заведенія имѣютъ въ виду образованіе по преимуществу лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, но въ частности эти заведенія довольно рѣзко различаются на два вида. Одни предоставляютъ своимъ ученикамъ больше правъ, и въ нихъ болѣе половины воспитанниковъ изъ дворянъ и дѣтей духовенства (57⁰/₀); сельское же сословіе даетъ лишь 7⁰/₀—это заведенія съ классическимъ курсомъ; другія даютъ права болѣе ограниченныя, и въ нихъ дворяне составляютъ лишь 44⁰/₀ общаго числа учащихся, духовенство—только 2⁰/₀, но за то сельское населеніе до 11⁰/₀—это реальныя училища ¹.

Опредѣлить даже съ приблизительною точностію земскіе расходы въ 1878 году, отдѣльно по каждому изъ этихъ двухъ видовъ среднихъ учебныхъ заведеній, представляется совершенно невозможнымъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ земствъ, въ своихъ сметахъ часть расходовъ на реальныя и классическія учебныя заведенія соединяютъ вмѣстѣ; однако, судя по даннымъ, представляемымъ большинствомъ изъ 18-ти вызванныхъ нами губерній, мы не безъ основанія можемъ допустить, что на учебныя заведенія съ классическимъ курсомъ земствами расходовалось до сихъ поръ нѣсколько болѣе, чѣмъ на реальныя училища.

Несмотря на это, при ближайшемъ ознакомленіи съ подробными итогами земскихъ назначеній, мы едва ли будемъ вправѣ придти къ тому же выводу, къ которому пришли, по свидѣтельству министра народнаго просвѣщенія, попечители учебныхъ округовъ, удостовѣряя «усиливающее довѣріе общества къ учебнымъ заведеніямъ, учрежденнымъ для классическаго образованія.

Сравненіе затратъ земства на среднее образованіе за нѣсколько лѣтъ приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что издержки земства на реальныя училища возрастаютъ въ значительно болѣемъ размѣрѣ, чѣмъ расходы на гимназіи и прогимназіи.

Изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ г. министра народнаго просвѣщенія за 1873 и 1877 г. видно, что земскіе и городскіе расходы на гимназіи и прогимназіи возрасли въ теченіи четырехъ лѣтъ съ 242,000 руб. въ 1873 г. до 386,000 руб. въ 1877 г. т. е. на 59,3⁰/₀, между тѣмъ, какъ за то же время расходы на реальныя училища поднялись съ 88,000 до 427,000 руб., т. е. на 384,2⁰/₀, слѣдовательно, почти упятерились.

¹ См. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1877 годъ. Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1879 года, за сентябрь и октябрь мѣсяцы.

По свидѣтельству отчета за 1877 годъ, затраты земства въ общемъ расходѣ по содержанію реальныхъ училищъ въ 1876 году составляли лишь 8%, казны—63%, а по содержанію училищъ, открытыхъ въ 1877 году, земство участвовало уже въ размѣрѣ 32%, казна—53%.

Если сравнить суммы, ассигнованныя по 15-ти губерніямъ, съ точнымъ обозначеніемъ для классическаго образованія въ 1873 году съ такими же назначеніями по сметѣ 1878 года, то оказывается, что расходы по этому предмету, въ теченіи пяти лѣтъ, возрасли съ 135,000 до 212,000 руб., т. е. на 57,3%, расходы же, точно опредѣленные по тѣмъ же губерніямъ на реальное образованіе, возрасли за то же время съ 77,000 до 188,000 руб., слѣдовательно, на 142,1%, т. е. почти въ два съ половиною раза.

Выводъ дѣлается еще опредѣленнѣе, если добавить изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра за 1877 годъ, что въ этомъ году учебныхъ заведеній съ классическимъ образованіемъ было вновь открыто съ пособіемъ отъ земства 2, и на ихъ содержаніе ассигновано изъ суммъ государственнаго казначейства 12,575 руб., а земствомъ—5,250 руб., слѣдовательно, 41,1%, а реальныхъ училищъ въ томъ же году открыто 11, и изъ отчета видно, что для пяти изъ нихъ изъ государственнаго казначейства назначено 55,770 руб., а земствомъ—40,480 руб., т. е. 72,8%, и притомъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ къ провинціи. Далѣе изъ того же отчета оказывается, что общества городское и земское ассигнуютъ въ пособіе государственному казначейству для классическаго образованія 8,9%, а для реального 39,1% расхода изъ государственныхъ суммъ.

О томъ, насколько направленіе, принятое земствомъ по отношенію къ классическому и реальному образованію, соответствуетъ желаніямъ большинства, отчасти можно судить по размѣру постоянного увеличенія числа учениковъ въ этихъ заведеніяхъ, Изъ отчета г. министра видно, что число учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ съ классическимъ образованіемъ возрасло въ 1877 году на 6,4% (съ 47,000 до 50,000 учениковъ), тогда какъ, по свидѣтельству того же отчета, число учениковъ въ реальныхъ училищахъ за то же время увеличилось на 19,8% (съ 7,000 до 9,000 учениковъ).

Такимъ образомъ, есть поводъ утверждать, что возрастающее стремленіе земства къ развитію реального образованія, преимущественно передъ классическимъ, несмотря на препятствія и матеріальную невыгоду, находитъ поддержку въ общественномъ мнѣніи.

Позволяемъ себѣ думать, что неменьшимъ сочувствіемъ пользуется и направленіе, принятое земствомъ по отношенію въ женскому образованію.

Сильно распространенное въ образованныхъ странахъ убѣжденіе въ необходимости дать женщинамъ возможность участвовать наравнѣ съ мужчиною хотя бы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ его дѣятельности, нашло отголосокъ и въ нашемъ земствѣ. Значительную часть затратъ на народное образованіе оно отдѣляетъ на расходы по устройству и содержанію женскихъ учебныхъ заведеній и въ пособіе бѣднымъ дѣвушкамъ, неимѣющимъ средствъ для своего образованія. По сметамъ 23 губерній¹, изъ которыхъ имѣются свѣдѣнія, въ 1878 году было назначено на женскія среднее учебныя заведенія 167,472 рубля и для стипендій учащимся въ нихъ 7,575 руб., для устройства и содержанія женскихъ медицинскихъ училищъ и на стипендіи при медицинскихъ курсахъ 21,100 рублей и для женскихъ педагогическихъ учреждений и на стипендіи слушательницамъ при нихъ 16,079 руб., всего 212,086 руб. Объ отношеніи этихъ расходовъ къ остальнымъ расходамъ земства на народное образованіе можно судить по тому, что въ 18-ти перечисленныхъ нами губерніяхъ для средняго женскаго образованія приходится 141,000 рублей, слѣдовательно, болѣе 28% всей суммы, отпускаемой въ этихъ губерніяхъ на среднее образованіе.

Само собою разумѣется, что при тѣхъ стѣсненіяхъ, какія существуютъ для приложенія женскаго труда внѣ тѣснаго круга семейной дѣятельности, земство по необходимости можетъ давать средства для образованія только учительницъ, врачей, акушеровъ и фельдшерницъ, тѣмъ болѣе, что затраты въ этомъ направленіи приносятъ и непосредственныя выгоды земскому хозяйству.

Однако, едвали было бы справедливо объяснять затраты земства по женскому образованію расчетами исключительно на прямую выгоду, которую могутъ доставить специально образованныя женщины.

Изъ сравненія размѣра и характера земскихъ затратъ на женское образованіе за пять лѣтъ въ 18-ти губерніяхъ, изъ которыхъ мы имѣемъ по этому предмету болѣе подробныя свѣдѣнія, видно, что въ 1873 году земствами на среднее женское образованіе было назначено 47,000 руб., а на специальное—14,000 р., когда какъ въ 1878 году ассигновано на среднее образованіе

¹ Кромѣ перечисленныхъ 18-ти губерній: Тульская, С.-петербургская, Нижегородская, Московская и Пермская.

130,000 руб., т. е. на 175% болѣе, на специальное же—29,000 руб., слѣдовательно, болѣе только на 108%.

Есть полное основаніе предполагать, что земства точно также въ значительной степени увеличили расходы и на распространеніе грамотности между женщинами, но такъ какъ суммы, назначаемыя на низшія училища, не подраздѣлены и въ большинствѣ этихъ училищъ мальчики и дѣвочки обучаются вмѣстѣ, то мы и лишены возможности подтвердить наше предположеніе путемъ сопоставленія цифръ земскихъ затратъ. Но позволяемъ себѣ въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ косвенному доказательству, а именно сравненію учащихся дѣвочекъ и мальчиковъ въ избранный нами пятилѣтній промежутокъ времени. Изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ г. министра народнаго просвѣщенія за 1873 и 1878 годы оказывается, что число учащихся въ народныхъ училищахъ мальчиковъ возрасло за пять лѣтъ на 23,2%, а число дѣвочекъ на 27,7%. Еще больше говорятъ въ пользу нашего предположенія итоги, приведенные за три года 1871—1873 въ послѣднемъ выпускѣ статистическаго временника. Въ уѣздахъ съ земскими учрежденіями въ низшихъ училищахъ разнаго наименованія число мальчиковъ возрасло въ 1872 году на 10,7%, въ 1873 г.—на 11,6%, число же учащихся дѣвочекъ возрасло въ первомъ году на 4,2%, во второмъ же на 20,5%.

Окончивъ, такимъ образомъ, съ вопросами о размѣрѣ и направленіи расходовъ нашего земства на народное образованіе, и бы считалъ мой трудъ неполнымъ, еслибы не обратилъ вниманія читателей на одно обстоятельство въ высшей степени характерное для дѣятельности земства на поразительную неравномѣрность распредѣленія этихъ затратъ не только по губерніямъ, но даже и между смежными уѣздами одной и той же губерніи. Для примѣра возьмемъ Херсонскую губернію: уѣздъ Александровскій назначаетъ 9,800 р., сосѣдній Елисаветградскій—35,800 р., Одесскій—6,740 р., сосѣдній Херсонскій—17,922 р., Тираспольскій—6,080 р., смежный Ананьевскій—23,100 р. Тоже въ Тамбовской: Шацкій назначаетъ 3,190 р., а сосѣдній Моршанскій—16,380 р.; въ Вятской: Елабужскій—16,380 р., а Сарапульскій—69,388 р.; въ Тульской: Одоевскій уѣздъ—500 р., а сосѣдній Чернскій—4,108 р.; въ Харьковской: Зміевскій уѣздъ—1,697 р., Купянскій—12,118 р.; въ Казанской: Спасскій уѣздъ—5,824 р., Чистопольскій—20,081 р.; въ Екатеринославской: Новомосковскій—60 р., а смежный Верхнеднѣпровскій—17,115 р. и т. д. и т. д.

При сравненіи уѣздовъ не смежныхъ эта разница въ размѣрѣ назначеній на народное образованіе дѣлается еще разительнѣе, на примѣръ, въ губерніяхъ:

Размѣръ назначенія:

Ярославской	низшій	3,000 р.,	высшій	16,668 р.
Казанской	»	3,330 »	»	26,840 »
Вятской	»	16,000 »	»	69,000 »
Рязанской	»	978 »	»	14,946 »
Тульской	»	600 »	»	10,000 »
Екатеринославской	»	60 »	»	21,900 »
Таврической	»	900 »	»	75,444 »

и т. д.

Еще большую, если можно, неодинаковость обнаруживают земства въ измѣненіи своихъ затратъ на народное образованіе. Если большинство и увеличиваетъ ихъ болѣе или менѣе, то есть и такіе уѣзды, которые ихъ значительно сокращаютъ или оставляютъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ почти безъ перемѣнъ.

Возьмемъ для примѣра опять нѣсколько смежныхъ уѣздовъ: въ Калужской губерніи Бобровскій вмѣсто 3,776 рублей, ассигнованныхъ на народное образованіе въ 1873 году, ассигновалъ на этотъ предметъ въ 1878 году уже только 3,625 рублей, тогда какъ сосѣдній Медынскій уѣздъ въ тотъ же промежутокъ времени почти утроилъ свои расходы, ассигновавъ вмѣсто 2,083 р.—6,044 р.: въ Псковской губерніи Порховскій уѣздъ съ 4,875 р. въ 1873 г. возвысилъ издержки на народное образованіе въ 1878 г. до 7,300 р., слѣдовательно, на 52%, между тѣмъ, какъ въ смежномъ Великолуцкомъ уѣздѣ эти издержки возрасли за то же время съ 900 р. до 11,252 р., то есть на 1,159%; въ Курской губерніи, въ Путивльскомъ уѣздѣ съ 1873 по 1878 годъ уменьшились съ 4,700 до 4,078 р., въ Рыльскомъ возрасли съ 2,600 до 9,300 р., въ Тимскомъ уменьшились съ 4,200 до 3,850 руб., въ смежномъ Шигровскомъ увеличились съ 6,321 до 11,509 р.; въ Новгородской губерніи, въ Старорусскомъ уѣздѣ уменьшились съ 5,120 до 5,000 р., въ Крестецкомъ возрасли съ 2,069 до 10,012 р. Въ Орловской губерніи, въ Болховскомъ уѣздѣ уменьшились съ 2,000 до 1,482 р., т. е. на 20%, а рядомъ въ Мценскомъ увеличились съ 800 р. до 4,670 руб., т. е. на 483% и т. д.

При сравненіи не смежныхъ уѣздовъ одной и той же губерніи разница и въ этомъ случаѣ выступаетъ еще замѣтнѣе, на примѣръ:

Въ Таврической губерніи, въ Бердянскомъ уѣздѣ издержки на народное образованіе возрасли на 108%, а въ Евпаторійскомъ уменьшились на 77%; въ Орловской губерніи, въ Трубчевскомъ уѣздѣ онѣ возрасли на 1,000, а въ Корчевскомъ даже на 1,066%, въ Болховскомъ же уменьшились на 20%, въ Ря-

занской губерніи, въ Зарайскомъ уѣздѣ уменьшились на 45%, а въ Егорьевскомъ увеличились на 1,444% и т. д.

Всѣ эти сближенія не могутъ не приводить къ заключенію, что главный двигатель въ нашемъ земствѣ не общее направленіе потребностей и взглядовъ большинства общества той или другой губерніи, того или другого уѣзда, что даже не экономическія или моральныя условія имѣютъ въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе, такъ какъ они, во-первыхъ, не могутъ вполне совпадать съ административными, случайно созданными границами уѣздовъ и губерній, а во-вторыхъ, не мѣняются съ такою рѣзкостью и непостоянствомъ, съ какимъ мы видѣли, мѣняются направленіе и напряженность земскаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія.

И вотъ, невольно наталкиваешься на предположеніе, что дѣятельность эта почти исключительно зависитъ отъ доброй или злой воли отдѣльныхъ личностей, и что все остальное общество совершенно безучастно относится къ дѣятельности своихъ избранныхъ.

Гдѣ причины этого равнодушія наши итоги, конечно, отвѣтить не могутъ; они его только обнаруживаютъ и неоспоримо доказываютъ. Здѣсь нѣтъ надобности перечислять всѣ тѣ невыгоды, которыя являются необходимымъ слѣдствіемъ подобнаго порядка вещей. Для каждаго очевидно, что личность, какъ бы гениальна она ни была, можетъ легче ошибиться въ опредѣленіи общихъ желаній и потребностей, чѣмъ само общество; при этомъ, какъ бы прочно ни было ея положеніе; оно зависитъ отъ тысячи непредвидѣнныхъ случайностей, опредѣляющихъ жизнь отдѣльнаго человѣка и не имѣющихъ значенія на жизнь цѣлаго общества. Какъ бы ни совпадала дѣятельность отдѣльной личности съ направленіемъ всего общества, всегда могутъ явиться сомнѣнія въ этомъ тождествѣ стремленій и потому очень часто заявленія общественныхъ дѣателей принимаются только какъ личныя, особенно если власть имъ не сочувствуетъ. Какъ бы ни была плодотворна дѣятельность отдѣльной личности, она по необходимости мѣнчива и непостоянна, и понятно, что такая неустойчивость общественной жизни порождаетъ всегда цѣлый рядъ затрудненій и даже разстройствъ, убытковъ и неудовольствій.

А если мы допустимъ еще, что не каждая личность бываетъ достойна того довѣрія, которымъ ее облакаетъ общество, допустимъ, что и лучшіе люди не могутъ быть чужды личнымъ недостаткамъ, не могутъ быть чужды личнымъ отношеніямъ, родства, дружбы, вражды и расчетовъ, то зло отъ преобладанія въ общественныхъ дѣлахъ отдѣльныхъ личностей и равнодушія избира-

телей къ дѣятельности своихъ избранныхъ. дѣлается еще рѣзче, еще ощутительнѣе.

Вотъ въ виду этихъ-то соображеній, мы имѣемъ полное право утверждать, что если, несмотря на исключительно личное вліяніе затраты земства на народное образованіе, постоянно возрастаютъ и получаютъ очень замѣтное движеніе въ извѣстномъ направленіи, то это направленіе существуетъ во всемъ обществѣ, пользуется сочувствіемъ большинства и очевидно сказывалось бы во много кратъ сильнѣе и опредѣленнѣе, еслибы не было колебаній и отступленій отъ общаго направленія, которыя обусловлены преобладаніемъ личной воли отдѣльныхъ членовъ общества, еслибы не было его равнодушія къ дѣятельности своихъ избранныхъ.

Гдѣ же искать причинъ этого неправильнаго отношенія личности къ обществу? Пусть каждый въ своихъ личныхъ наблюденіяхъ въ кругу явленій, выходящихъ за предѣлы нашего очерка, ищетъ объясненій, общественное обсужденіе которыхъ въ настоящее время неудобно.

СТАРЫЙ ПРУДЪ.

Надъ тинистымъ, старымъ прудомъ
Въ раздумьѣ стоялъ я и мнилось,
Не время-ль минувшее въ немъ,
Какъ образъ живой, отразилось?
Поросшіе злакомъ густымъ,
Его берега молчаливы,
Стоять, наклонившись, надъ нимъ
Широковѣтвистыя ивы;
Какъ встарь, опрокинулся садъ
Въ его неподвижныя воды
И звѣзды, какъ въ прежніе годы,
Въ немъ искрами тихо дрозать.
Рябить его влагу, порою,
Паденьемъ осенній листокъ
И въ тинѣ, весь полонъ водою,
Гниеть затонувшій челнокъ.
Бывало, какъ почъ наступаетъ,
Скликались мы весело тутъ
И... тайнъ нашихъ мало ли знаетъ
Заглохшій, заброшенный прудъ!
Онъ образы, память бывова
Въ таинственномъ лонѣ хранитъ
И думы забытыя — снова
Отрадно во мгѣ шевелить...

Но... нѣтъ ему дальше исхода,
Покой его вѣчный—лѣнивъ;
Ему незнакомы свобода,
Движенье, приливъ и отливъ;
Въ немъ вязнешь, спасаясь отъ зною
И вверхъ съ глубины поднялась,

Едва лишь ступилъ ты ногою,
Осѣвшая, старая грязь.
Въ углу опустѣлаго сада
Къ нему заростають слѣды,
И въ полдень пылящее стадо
Не пьетъ его мутной воды.
Изъ лона-ль его, освѣженный,
Омытый отъ сквернъ и грѣховъ,
Ты выйдешь, съ душой обновленной,
На подвиги жизни готовъ?

А. Яхонтовъ.

ЖЕНЩИНА ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Очерки нравовъ. По Гонкуру).

I.

Рожденіе.—Монастырь.—Бракъ.

Когда въ XVIII вѣкѣ родится женщина — ея появленія на свѣтъ не встрѣчаетъ радость семьи. Семейный очагъ не принимаетъ для нея праздничнаго вида. Это событіе наполняетъ сердца родителей не восторгомъ, а разочарованіемъ. Это не тотъ желанный ребенокъ, котораго призываютъ надежды отцовъ и матерей, въ этомъ обществѣ, управляемомъ салическихкими законами; это не наслѣдникъ, предназначенный для продолженія рода, для поддержанія имени, блеска и достоинства дома; это только дочь... и передъ ея колыбелью отецъ остается холоденъ; мать страдаетъ какъ королева, ожидавшая дофина.

Вскорѣ кормилица далеко увозитъ съ собой малютку; и только уже позднѣй, въ эпоху картинъ Греза и д'Обри, мы видимъ мать, приѣзжающую къ кормилицѣ навѣстить своего ребенка. Когда дѣвочка возвращалась въ родительскій домъ, ее поручали гувернанткѣ, съ которой они вмѣстѣ жили въ верхнихъ комнатахъ. Гувернантка старалась сдѣлать изъ ребенка маленькую барышню, но помаленьку, осторожно, съ помощью лести и баловства. Въ этой дѣвочкѣ, которую она почти никогда не подвергала высканіямъ, позволяя ей дѣлать все, что угодно, она уже подготовляла себѣ покровительницу, которая, по выходѣ замужъ, должна обезпечить ей маленькое состояніе. Она учила ее читать и писать, останавливала ея вниманіе на кар-

тинкахъ въ библии Саси; знакомила съ географіей, показывая въ хорошенкомъ оптическомъ ящичкѣ внутренность храма св. Петра, новый дворецъ въ Сан-Суси, новую церковь св. Женевьевы — патронессы Парижа, Эрмитажъ русской императрицы; давала ей иногда прочесть какіе-нибудь «Совѣты отца или матери своимъ дочерямъ» или какое-нибудь «Разсужденіе объ истинномъ достоинствѣ». Она также приучала ее держаться прямо, дѣлать всѣмъ реверансъ; и вотъ почти все, чему гувернантка обучала ребенка.

Картины XVIII вѣка изображаютъ намъ этого ребенка, эту маленькую дѣвочку, эту современную женщину въ миниатюрѣ, въ шапочкѣ, украшенной множествомъ перьевъ, или въ чепчикѣ съ лентами и цвѣткомъ, приколотымъ съ боку; въ прозрачномъ тюлевомъ фартучкѣ, съ вышитыми на немъ букетами, на голубомъ или розовомъ шелковомъ платьѣ. Игрушки ея великолѣпны. Это серебрянныя, золотыя или кораловыя погремушки; деревянные и сильно нарумяненныя куклы, которыя больше ея самой, такъ что она едва можетъ держать ее въ своихъ рученкахъ. На дѣтскихъ портретахъ въ версальскомъ музеѣ, вы видите иногда этихъ дѣвочекъ играющими въ паркѣ; онѣ носятъ другъ дружку по песку аллеи въ маленькихъ тележкахъ, имѣющихъ форму раковины, въ какой на картинѣ Буше является Венера. Всѣ онѣ страшно разряжены, въ серебряныхъ кружевахъ, въ бантахъ, въ цвѣтахъ, туалетъ ихъ представляетъ миниатюрную копію роскошныхъ нарядовъ ихъ матерей. Только по утрамъ видятъ ихъ дома, въ этомъ простомъ граціозномъ, такъ идущемъ къ дѣтскому возрасту, костюмѣ, называемомъ *habit de margotte* или *Savojarde*, и состоящемъ изъ коричневаго шелковаго платья съ тремя рядами розовыхъ лентъ на подолѣ; и изъ газовой косынки, покрывающей голову и завязанной подъ подбородкомъ. Но не такими нравятся дѣвочки своимъ родителямъ. Не успѣютъ онѣ выйдти изъ пеленокъ, какъ ужъ на нихъ надѣваютъ корсетъ, *un corps de baleine*, парадное платье и берутъ имъ танцевальнаго учителя; одна гравюра Коне изображаетъ намъ маленькую дѣвочку, которая, округливъ локти и держась кончиками пальцевъ за свою пышную юбку, стоитъ въ позиціи, съ серьезнымъ видомъ, съ видомъ «дамы»; между тѣмъ, какъ танцмейстеръ командуетъ: идите же въ тактъ... голову прямо... больше смѣлости во взглядѣ!

Заставить маленькую дѣвочку разыгрывать изъ себя даму—къ этому только и стремится все первоначальное воспитаніе въ XVIII вѣкѣ. Оно старается уничтожить въ ребенкѣ всякую живость, всякое естественное движеніе, все дѣтское. Оно подавляетъ

его характеръ точно также, какъ связываетъ его тѣло. Оно употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобъ дѣвочка опередила свой возрастъ. Посылаютъ ли ее гулять въ Тюльери, ей говорятъ, чтобъ она не прыгала, чтобы гуляла съ серьезнымъ видомъ; какъ будто и безъ того ея панье не мѣшаетъ всякимъ дѣтскимъ шалостямъ. Приходилось ли ей крестить (сдѣлаться крестной матерью—это было въ то время величайшимъ счастьемъ для дѣвочки, высшей честолюбивой мечтой ея. Это была первая роль, которую ее заставляли играть въ обществѣ), она садилась въ карету, какъ взрослая женщина, съ перьями въ волосахъ, съ жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ, съ букетомъ на лѣвомъ плечѣ. Собиралась ли она на дѣтскій балъ—потому что ее чуть не съ колыбели находятъ нужнымъ приучать къ этому свѣту, въ которомъ она будетъ блистать, къ этимъ удовольствіямъ, которыя будутъ ея жизнью—ей клали на голову огромную подушку, называвшуюся *toqué*, на которой воздвигали, съ помощію булавокъ и фальшивыхъ волосъ, какую-то чудовищную башню—*hérisson*, увѣнчанную тяжелой шляпой; ее облекали въ новый корсетъ, въ тяжелый панье изъ конскаго волоса и съ желѣзными обручами; платье ея все было покрыто гирляндами, и ее везли, говоря ей: «остерегайся, чтобъ не стереть румянъ, не растрепать прически, не смять туалета; да веселись хорошенько...»

Такимъ образомъ, формировались эти манерныя дѣвочки, судившія о модахъ, рѣшавшія вопросъ о туалетѣ, вмѣшивавшіяся во все, и которыя не могли выносить даму не надушенную и безъ мушекъ; эти хорошенькія дѣти—*«enfants jolis à croquer et tout au parfait»*.

Изъ верхняго помѣщенія, гдѣ она жила съ гувернанткой, дѣвочка только на минуту спускалась внизъ, къ своей матери, часовъ въ одиннадцать утра, когда еще ставни ея комнаты были полузакрыты, и когда туда входили только домашніе и собачки. «Какъ ты одѣта! говорила мать здоровавшейся съ ней дочери:—что съ тобой! У тебя нынче какое-то больное лицо? Поди скорѣй нарумянись. Или нѣтъ, не надо; ты нынче останешься дома». Потомъ, обращаясь къ входившей гостьѣ, прибавляла: «Какъ я люблю этого ребенка! Поди сюда, поцѣлуй меня, крошка... Но, ты сегодня грязнушка... ступай вычисти себѣ зубы. Да, пожалуйста, не приставай ко мнѣ сегодня, по своему обыкновенію, съ разными вопросами, это просто невыносимо». — «Ахъ! какая вы нѣжная мать!» говоритъ гостья. — «Что вы хотите! отвѣчала мать:—я безъ памяти люблю эту дѣвочку!» Никакого другого общества, никакого общенія между матерью и дочерью, кромѣ этого банальнаго разговора, начинавшагося и кончавшагося обыкновенно

поцѣлуемъ дѣвочки, поцѣлуемъ въ подбородокъ, для того, чтобъ не стереть румянъ съ лица матери. Впродолженіе долгихъ лѣтъ вы не находите нигдѣ материнскаго воспитанія, того воспитанія, гдѣ поцѣлуи переѣшиваются съ уроками, гдѣ на вопросы матери, поддѣлывающейся подъ дѣтскій лепетъ, ребенокъ отвѣчаетъ веселымъ смѣхомъ. Душа ребенка не растетъ на колѣнахъ матери. Нѣтъ этихъ взаимныхъ ласкъ, вторично связующихъ ребенка съ той, которая носила его, и подготовляющихъ ей подстарость въ дочери друга. Тогдашняя мать не старается вызвать въ дѣтяхъ нѣжной довѣрчивости. Она постоянно сохраняетъ строгую физиономію, жесткій сердитый видъ. Ей кажется, что иначе она уронила бы передъ дѣтьми свое достоинство; изменила бы своему долгу; что равнодушное, почти холодное отношеніе къ дѣтямъ составляетъ необходимый атрибутъ ея роли. И вслѣдствіе этого мать является дѣвочкѣ какою-то олицетворенной властью, внушающей только страхъ, и къ которой она боится приблизиться. Робость овладѣваетъ ребенкомъ, испуганная нѣжность его подавлена, сердце его закрывается. Тамъ, гдѣ должна быть только почтительность—является страхъ. И симптомы этого страха, по мѣрѣ того, какъ ребенокъ подвигается въ возрастъ, обнаруживаются все сильнѣй и сильнѣй; такъ что сами родители наконецъ замѣчаютъ ихъ, и начинаютъ тревожиться и сокрушаться. Случалось, что мать и даже отецъ, удивленные тѣмъ, что имъ приходится пожинать то, что они посѣяли, просятъ дочь свою, чтобъ она старалась побѣдить трепеть (*le tremblement*), съ которымъ соединяется у ней дочерняя любовь. Въ одномъ письмѣ отца къ дочери мы встрѣтили именно это ужасное слово «*le tremblement*»—«дрожь».

Но вотъ дѣвочка прошла все, чему обучала ее гувернантка. Она хорошо читаетъ и знаетъ катехизисъ. Она умѣетъ танцовать и можетъ спѣть нѣсколько «рондо». Ее еще восьми лѣтъ посадили за клавикорды. Домашнее воспитаніе кончено. Пора отправить ее въ монастырь.

Кто хочетъ имѣть вѣрное понятіе о томъ, что такое былъ въ дѣйствительности «монастырь» въ XVIII вѣкѣ, тотъ не долженъ останавливаться на этомъ словѣ и на идеѣ этого слова. Попытаемся же обрисовать этотъ пріютъ, гдѣ проходили золотые годы современной женщины—въ ту минуту, когда молодая дѣвушка стучится въ дверь его; проникнемъ за эти суровыя стѣны, скрывающія отъ насъ великолѣпныя жилища съ балконами, каминами, рѣзными карнизами, позолотой, скульптурными украшеніями, гдѣ все носитъ на себѣ отпечатокъ вкуса и роскоши вѣка. Монастырь игралъ въ то время большую роль. Онъ отвѣчалъ всякаго рода обществен-

нымъ потребностямъ. Онъ не былъ только мѣстомъ спасенія: онъ гораздо болѣе служилъ мірскимъ цѣлямъ. Онъ во многихъ случаяхъ представлялъ *Hôtel garni* и приличное убѣжище для женщины. Туда удалялась вдова, желавшая уплатить долги мужа, какъ г-жа Шуазель; мать, рассчитывавшая поправить состояніе своихъ дѣтей при помощи сбереженій, какъ г-жа де-Креки. Монастырь держалъ въ своихъ стѣнахъ хорошенькую Эмили, которую ревность ея возлюбленнаго, Фимареона, похитила у театра; и королевскихъ любовницъ, которыя должны были выйти замужъ. Женщины, разставшіяся съ своими мужьями, поселялись въ немъ. Монастырь принималъ къ себѣ женщинъ, искавшихъ, подобно г-жамъ Дюдефанъ и Дубле, просторной квартиры за дешевую цѣну, и спокойствія. Въ немъ были также помѣщенія для удалившихся отъ свѣта и для говѣльщицъ, гдѣ временно поселялись знатныя дамы и принцессы, получившія воспитаніе въ монастырѣ.

Всѣ эти лица, вся эта мірская жизнь, вторгшаяся въ монастырь, должны были, конечно, сильно повліять на строгость монастырскихъ правъ и надпись на фронтонѣ монастыря новыхъ католичекъ (*nouvelles catholiques*)—*Vincit mundum fides nostra*—сдѣлалась мертвой буквой. Свѣтъ пустилъ корни въ монастырѣ. Хотя всѣ эти женщины, представлявшія въ сокращенномъ видѣ общество съ его приключеніями, занимали обыкновенно особыя зданія, отдѣленныя отъ монастыря, но въ такомъ близкомъ отъ него разстояніи, что между ними и монастыремъ не могло не быть сообщенія. Послушницы, исполнявшія хозяйственныя обязанности, какъ внутри монастыря, такъ и внѣ его, приносили въ монастырь разные слухи и новости. Отголоски свѣта долетали сюда также благодаря частымъ выѣздамъ пансіонерокъ. Наконецъ, свѣтъ проникалъ за монастырскую ограду вмѣстѣ съ молоденькими пансіонерками, которыхъ выдавали за-мужъ 12-ти и 13-ти лѣтъ, и потомъ отвозили въ монастырь, гдѣ онѣ должны были оставаться до брачнаго возраста¹. Даже приемная монастыря, гдѣ поэту Фюзелье дозволено было читать свои стихи, утратила свой прежній суровый характеръ; городскія и придворныя новости нашли туда доступъ. Все, что дѣлалось въ Версалѣ, что происходило въ Парижѣ, было извѣстно здѣсь. Ограда не останавли-

¹ Во многихъ сочиненіяхъ и мемуарахъ того времени говорится объ этомъ обычаѣ выдавать за-мужъ дѣтей, которымъ бы слѣдовало дать въ руки вуклу. Такъ старшая дочь г-жи Жанлисъ была выдана за-мужъ 12-ти, а маркиза Мирабо — 13-ти лѣтъ.

чала никакихъ свѣтскихъ помысловъ, ни честолюбивыхъ плановъ; она не мѣшала безсоннымъ ночамъ, ни лихорадочно тревожнымъ мечтамъ о будущемъ. Она едва могла помѣшать осуществленію задуманнаго... Вспомните планъ дѣвицы де-Нель, сдѣлавшейся вполнѣдствіи г-жей Вентимиль; этотъ опредѣленный, тщательно обдуманый, рѣшительный планъ — отбить короля у г-жи де-Мальи; всю эту обширную интригу, гдѣ все было разсчитано, взвѣшено, и которую изобрѣла на монастырскомъ дворѣ молоденькая дѣвочка! Есть и еще примѣръ, доказывающій, какъ мало эта монастырская жизнь была изолирована и нравственно, и умственно—примѣръ очень странный—это книга «Признанія хорошенькой женщины», написанная молодой дѣвушкой, m-lle d'Albet, по выходѣ ея изъ монастыря Panthéon. Подружившись въ монастырѣ съ m-lle де-Роганъ, вполнѣдствіи прекрасной графиней де-Брионнъ, она изъ новостей, которыя та привозила въ монастырь, изъ разсказовъ своей покровительницы и изо всего, что говорилось въ монастырѣ другими, почерпнула такое знаніе парижскихъ и версальскихъ нравовъ, что они въ ея книгѣ какъ-будто являются списанными съ натуры; и люди, изображенные ею, нашли свои портреты до такой степени схожими, что упрятали ее на нѣсколько мѣсяцевъ въ Бастилю.

Но не слышится ли подъ сводомъ этихъ монастырей глухихъ жалобъ, стenanій растерзаннаго сердца, не произносятся ли тамъ «насильственные обѣты»? Романисты часто старались пробудить въ обществѣ участіе къ этимъ молодымъ дѣвушкамъ, приносимымъ въ жертву изъ какихъ-нибудь семейныхъ разсчетовъ, изъ желанія, на примѣръ, увеличить состояніе старшаго сына, и которыхъ съ четырнадцатилѣтняго возраста осаждали просьбами, убѣжденіями, настояніями постричься въ монахини, когда ей минетъ шестнадцать лѣтъ. Но романы не исторія, и нужно умѣть отдѣлать истину отъ того, что внушено было пристрастіемъ. Безъ сомнѣнія, строй тогдашняго общества, всего болѣе заботившагося о продолженіи рода и всего менѣе объ индивидуумѣ, представлялъ обширное поле для всевозможныхъ злоупотребленій и несправедливостей по отношенію къ правамъ и личности женщины; и нельзя отрицать, что примѣры подобнаго насильственнаго постриженія и семейнаго гнета существовали. Были молодыя дѣвушки, сердце которыхъ рвалось къ иной, внѣ-монастырской жизни, хотѣло бы биться любовью къ мужу, къ ребенку, и которыхъ безжалостная семья, кака-я-нибудь бездушная мать заключала въ монастырь, гдѣ она оплакивала въ

кельѣ свои разрушенныя мечты и надежды. Но справедливость требуетъ сказать, что подобныя случаи представляютъ рѣдкое исключеніе. Они противорѣчатъ общимъ привычкамъ и нравамъ XVIII вѣка. Мы видимъ, напротивъ, изъ мемуаровъ того времени, что молодыя дѣвушки весьма энергически сопротивляются волѣ своихъ родителей, желающихъ сдѣлать изъ нихъ монахинь, и торжествуютъ надъ этой волей. Притомъ же эта суровость отцовъ и матерей, болѣе напускная, нежели дѣйствительно идущая изъ глубины души, уменьшалась съ каждымъ днемъ. И когда Лагарпъ читалъ въ парижскихъ салонахъ свою «Мелани», внушенную ему, по словамъ его друзей, самоубійствомъ одной пансіонерки монастыря «Вознесенія», постриженная противъ воли монахиня была уже только театральнымъ лицомъ; насильственные обѣты были только драматической тѣмой.

Если устранить всякія романическія традиции и чувствительныя фразы, то окажется, что монастырь являлся скорѣе убѣжищемъ чѣмъ тюрьмой. Прежде всего онъ служилъ пріютомъ для тѣхъ, чье существованіе было разбито. Онъ былъ почти обязательнымъ убѣжищемъ для женщинъ, изуродованныхъ оспой, болѣзью, страшно свирѣпствовавшей въ то время. И общество, и семейство всячески убѣждали молодую женщину или дѣвушку, которую постигло это несчастіе, удалиться въ монастырь. Женщина некрасивой наружности не имѣла мѣста въ тогдашнемъ обществѣ. «Въ монастырѣ, говоритъ князь де-Линъ:—двѣсти тысячъ «дурнушекъ» находили утѣшеніе въ честолюбіи, въ стремленіяхъ къ почестямъ и прерогативамъ, сопряженнымъ съ званіемъ настоятельницы».

Гораздо чаще нежели насильственное постриженіе, встрѣчаются въ этомъ вѣкѣ иного рода обѣты, не налагающіе никакихъ суровыхъ обязанностей и вносящіе только нѣкоторый монашескій оттѣнокъ въ женскій туалетъ. Обѣты эти сдѣлались модой. Молодыя дѣвушки дворянскаго происхожденія, вступали въ монашескіе ордена, которые, не требуя отъ нихъ произнесенія торжественнаго или просто обѣта, и дозволяя имъ жить въ свѣтѣ, и носить свѣтскую одежду, иногда давали имъ титулъ и всегда какое-нибудь почетное отличіе. Это были шануанессы, самый знаменитый капитулъ которыхъ—Ремермона въ Эльзасѣ, имѣлъ назначеніемъ принимать особъ королевской крови, славнѣйшія имена христіанскаго міра. Молодая особа, поступавшая въ эту ассоціацію шануанессъ, раздѣлявшихся на тетокъ и племянницъ, *dames-tantes* и *dames-nièces*, и которыя, произнеся обѣтъ, обязывались проводить два года изъ трехъ въ капитулѣ, приобрѣтали

тамъ связи, друзей, покровительство; и такъ какъ обычай требовалъ, чтобы каждая тетка избирала себѣ племянницу (*s'apnîéçait une nièce*), то каждая племянница могла надѣяться получить послѣ тетки въ наслѣдство ея мебель, драгоценности, ея домикъ и пребенду. Г-жа Жанлисъ описываетъ намъ свое вступленіе въ благородный капитулъ Алисы, въ Лионѣ, когда она была еще совсѣмъ ребенкомъ. Она изображаетъ себя всю въ бѣломъ, посреди всѣхъ шануанессъ, одѣтыхъ по свѣтски, въ черныя шелковыя платья съ панье, съ широкими горностаевыми рукавами. Послѣ того, какъ она, стоя на колѣняхъ передъ священникомъ, произнесла символъ вѣры, священникъ отрѣзалъ у ней ключокъ волосъ, и приколомъ ей маленькій въ вершокъ длинны лоскутокъ матеріи, бѣлой съ чернымъ, называвшійся «*мужемъ*» (*un pagé*). Потомъ онъ надѣлъ ей на шею эмалевый крестъ, на красномъ шнуркѣ, и опоясалъ ее широкой черной муаровой лентой; раздѣтая такимъ образомъ семилѣтняя дѣвочка была преисполнена гордости и самодовольства, когда ее, какъ шануанессу, называли—*madame* или *comtesse*.

Романы грѣшатъ противъ правды и въ другомъ отношеніи. Не довольствуясь насильственными постриженіями, они еще навязываютъ монастырямъ XVIII вѣка всякаго рода скандальныя исторіи. И въ книгахъ и на эстампахъ того времени вы безпрестанно встрѣчаете изображеніе похищеній. Это вѣчная почтовая карета, останавливающаяся ночью у монастырскаго сада; пансіонерка, спускающаяся по лѣстницѣ, между тѣмъ, какъ внизу ожидаетъ любовникъ, а горничная еще сидитъ верхомъ на гребнѣ стѣны, готовая также спуститься; любовники, переодѣтые комисіонерами, интрижки, завязывающіяся въ монастырской пріемной, тайныя передачи писемъ, подкупъ послушницы, отпирющей рѣшотку, похищеніе молодой дѣвушки во время постриженія, посреди толпы, которую держать въ почтительномъ отдаленіи направленный противъ нее пистолетъ—вотъ обычные театральные эффекты, сцены, которыми полны эти исторіи à la Casanova. Вы словно видите въ дѣйствіи эту мораль Бюсси, говорившаго, что «похищать нужно во всякомъ случаѣ; во-первыхъ, добываешь дѣвочку; во-вторыхъ, приобретаешь дружбу родителей, а по смерти ихъ получаешь и ихъ состояніе».

Но эта точка зрѣнія совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. Въ XVIII вѣкѣ скандальныя исторіи съ монастырями всѣ на счету; и списокъ ихъ заключаетъ въ себѣ очень немногое имень. Въ эту эпоху, когда замужняя женщина защищалась такъ слабо, проступокъ дѣвушки, въ особенности дѣвушки хорошей

фамиліи, представляется явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ. Онъ не въ правахъ. Это замѣчаетъ Руссо, и не одинъ онъ. И потомъ, похищеніе было дѣломъ далеко не шуточнымъ. Напротивъ, послѣдствія его заставляли блѣднѣть самаго отважнаго, самаго пылкаго любовника. Мы видимъ страшный примѣръ тому въ исторіи Ла-Рошъ-Курбона, приговореннаго къ обезглавленію, за то, что онъ въ 1737 г. похитилъ изъ монастыря Notre Dame des consolations, дѣвицу Моро. Горе свело въ могилу мать его; а самъ онъ бѣжалъ въ Сардинію, гдѣ скрывался у своего родственника г. де-Сеннетера, французскаго посла, и умеръ въ бѣдственномъ положеніи. Священникъ, вѣнчавшій любовниковъ, и нѣкоторое время опасавшійся галлеръ, былъ подвергнутъ публичному покаянію и изгнанъ. Горничную, сопровождавшую дѣвицу Моро, приговорили къ плетямъ, къ клейменію и къ девятилѣтней ссылке.

Наибольшей славой, въ XVIII вѣкѣ, пользовался—послѣ монастыря Фонтерво, гдѣ воспитывались королевскія дочери—монастырь Пантемонъ. Онъ былъ мѣстомъ воспитанія принцессъ, и потому высшее дворянство помѣщало туда преимущественно своихъ дочерей, въ надеждѣ, что школьныя связи, дружба съ какимъ-нибудь «высочествомъ» доставитъ имъ въ послѣдствіи покровительство, какую-нибудь милость, мѣсто фрейлины при будущей принцессѣ...¹ За этимъ монастыремъ, представлявшемъ въ ракурсѣ свѣтъ, даже самый дворъ, и гдѣ молодая дѣвушка съ своей гувернанткой и горничной живетъ и воспитывается совершенно отдѣльно, слѣдуетъ другой монастырь, пользующійся также особеннымъ расположеніемъ дворянства, и наполненный пансіонерками съ громкими именами—монастырь «de la Présentation» (Введенія во храмъ). Около этихъ двухъ монастырей группируются всѣ остальные заведенія религіознаго характера, принимающія воспитанницъ: аббатства, общины, монастыри, разсѣянные по всему Парижу. Каждое изъ нихъ имѣетъ свою спе-

¹ Кстати, по поводу воспитанія особъ королевскаго дома въ Фонтерво, мы находимъ въ мемуарахъ г-жи Кампанъ, одинъ весьма недурной анекдотъ, обрисовывающій всемогущество ихъ капризовъ въ монастырской средѣ.—Танцевальный учитель репетировалъ съ m-me Adélaïde танецъ, называвшійся «*ba-let couleur de rose*» (розовый балетъ). Молодая принцесса непрестанно желала, чтобъ онъ назывался «голубымъ менуэтомъ», и только подъ этимъ условіемъ соглашалась брать урокъ. Учитель говорилъ «розовый», а принцесса, топая ногой, повторяла «голубой». Дѣло становилось серьезнымъ; призвали всю монастырскую общину, которая единогласно рѣшила окрестить менуэтъ въ «голубой».

ціальность и своих кліентовъ, принимая дѣвушекъ, живущихъ въ извѣстномъ кварталѣ столицы, или принадлежащихъ къ извѣстному сословію. Такъ члены магистратуры и крупные финансисты отдавали дочерей своихъ преимущественно въ монастырь Des dames de s-te Marie, въ улицѣ Сен-Жакъ, не столь знаменитый, какъ Пантемонъ или «Введеніе во храмъ», но также пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ публикѣ, и славившійся превосходствомъ своего учебнаго курса.

Въ «L'état de la ville de Paris en 1757» мы находимъ свѣденія о платѣ за пансіонерокъ въ парижскихъ монастыряхъ. Она простиралась отъ 400 до 600 ливровъ; но, кромѣ того, нужно было платить горничной 300 ливровъ; потомъ взималась плата на обзаведеніе, и за кровать и комодъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Освѣщеніе и отопленіе не входило въ этотъ счетъ; стирка тонкаго бѣлья также лежала на обязанности родителей. Былъ пансіонъ обыкновенный и экстраординарный. Въ Пантемонѣ, самый дорогой обыкновенный пансіонъ доходилъ до 600 ливровъ, а экстраординарный до 800. Въ концѣ вѣка, по словамъ Тьерри, за обыкновенный пансіонъ взимали 800 ливровъ, а пансіонерки, обѣдавшія вмѣстѣ съ настоятельницей — платили 1,000 ливровъ.

Въ отношеніи дисциплины, формъ воспитанія, внутреннихъ распорядковъ, всѣ эти монастыри представляли сколокъ съ Сен-Сирской школы. Повсюду мы находимъ духъ этого заведенія, считавшагося образцовымъ; тоже раздѣленіе на четыре класса (по возрастамъ), отличавшихся одинъ отъ другого цвѣтомъ ленты: голубыхъ, желтыхъ, зеленыхъ и красныхъ. Повсюду тоже воспитаніе, колеблющееся между свѣтскостью и религіозностью; между отреченіемъ и талантами вѣка; переходящее отъ Бога къ учителю танцевъ, отъ благочестивыхъ размышленій къ уроку реверансовъ.— Не отражалась ли эта двойственность и въ самой одеждѣ пансіонерокъ, наполовину монашеской, наполовину свѣтской? юбка и плащъ у нихъ изъ темной матеріи (этамина), но станъ въ корсетѣ; головной уборъ изъ бѣлаго полотна, но съ кружевомъ. Прическу приказано было носить простую и скромную; но при этомъ не воспрещалось согласоваться съ существующей модой.

Монастырское воспитаніе даже въ XVIII в. подвергалось большимъ нападкамъ. Но чѣмъ же оно было въ двухъ словахъ? По мнѣнію одной современной женщины, хорошее воспитаніе должно дать дѣвушкѣ: понятіе о религій, таланты, необходимые свѣтской женщинѣ и нѣкоторое умѣнье вести хозяйство». И въ этихъ

словахъ г-жи де-Креки заключается оправданіе монастырей. Этихъ школъ, откуда должно было выйти столько женщинъ, о которыхъ вѣкъ говоритъ, что «онѣ все знаютъ, ни чему не учились».

Главное зло этого монастырскаго воспитанія состояло не въ урокахъ, не въ учебной сторонѣ дѣла, не въ недостаточности знанія или неспособности сестеръ пробудить въ женщинѣ сознаніе ея общественныхъ обязанностей, какъ это столько разъ повторялось. Оно состояло въ разлукѣ дочери съ матерью, въ томъ, что дѣвушка, отчужденная отъ свѣта, подвергалась, однакоже, свѣтскимъ искушеніямъ. Оторванная въ раннемъ возрастѣ отъ жизни въ родительскомъ домѣ она уносила съ собой въ монастырь воспоминаніе объ этой шумной, блестящей жизни, промелькнувшей передъ ней подобно дѣтскому сну; объ этихъ салонахъ и празднествахъ, роскошь которыхъ грезилась ей потомъ подъ монастырскимъ сводомъ. Отъ спокойствія и молчанія окружающихъ ее, она убѣгала къ своимъ воспоминаніямъ и желаніямъ. Воображеніе ея работало, воспламеняемое тѣмъ, что долетало до нея извѣстїе, что она угадывала. Венци, которыя ей приходилось видѣть во время отпусковъ изъ монастыря, удовольствія, ухаживанье мужчинъ за женщинами, проходили въ ея головѣ, принимали увеличенные размѣры, раздражали ея нетерпѣніе, волновали ее по ночамъ. Еслибы она воспитывалась въ родительскомъ домѣ, то доступность этихъ удовольствій, обыденность этихъ явленій, привычка къ свѣту, вскорѣ угомонила бы ея тревожное любопытство, охладило бы пылкость ея мечтаній. Между молодыми женщинами XVIII вѣка, тѣ, которыя выходили изъ монастыря, наименѣе способны были сдерживать порывы страстей своихъ.

Молодыхъ дѣвушекъ выдавали обыкновенно замужъ тотчасъ же по выходѣ ихъ изъ монастыря, за человѣка, избраннаго семьей. Потому что бракъ былъ прежде всего дѣломъ семейнымъ и родители, устраивая его, руководствовались разными житейскими соображеніями, денежными расчетами, условіями свѣта. Съ дѣвушкой не считали нужнымъ совѣтоваться; и она узнавала о томъ, что ее вскорѣ намѣрены выдать замужъ, только благодаря необычному движенію, которое замѣчалось въ домѣ. То и дѣло являлись портные, модистки, магазинщицы; комнаты были завалены матеріями, цвѣтами, кружевами; швей шили приданое. Что касается до ухаживанія молодыхъ людей за своими невѣстами, то мы находимъ образцы его въ тогдашней комедіи и во всѣхъ этихъ разговорахъ, отличающихся легкимъ, нѣскольکو

паглым тономъ, сквозить желаніе поскорѣй повончить съ этими пустяками. Существуетъ весьма любопытный документъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ быстро устраивались въ то время браки родителями жениха и невѣсты и какъ мало принимала въ этомъ участіе сама дѣвушка, на склонность или отвращеніе которой не обращалось никакого вниманія. Это именно разсказъ о замужествѣ г-жи д'Удето (d'Houdetot). Изъ этой картины тогдашнихъ нравовъ, списанной прямо съ натуры, мы можемъ всего лучше видѣть, что такое было представленіе мужа его будущей женѣ, и сколько времени оставлялось ей на то, чтобы узнать его, полюбить и влюбить въ себя.

Г. Ренвиль прѣзжаетъ къ г. Бельгарду предложить его дочери Мими—мужа въ лицѣ одного своего родственника, слышаго очень хорошимъ малымъ. Такъ какъ г. Бельгардъ прекрасный отецъ и хочетъ прежде всего, чтобы молодой человѣкъ «нравился его дочери»—фраза, которая всегда говорилась въ подобныхъ случаяхъ—то назначаютъ день. Предупредивъ Мими, потому что она имѣетъ привычку не обращать ни на кого вниманія, отправляются обѣдать къ г-жѣ Ренвиль, гдѣ находятъ всѣхъ Ренвильей и д'Удето, какіе есть на свѣтѣ. Маркиза д'Удето цѣлуется со всѣмъ семействомъ Бельгардовъ. Садятся за столъ; Мими помѣщаются рядомъ съ молодымъ д'Удето, а г. Ренвиль и маркизъ д'Удето завладѣваютъ г. Бельгардомъ; и за десертомъ начинаютъ громко говорить о свадьбѣ. Послѣ кофе, когда лакеи ушли, старикъ Ренвиль произнесъ добродушно: «Послушайте! Мы здѣсь въ своей семьѣ, не будемъ говорить объ этомъ съ такой таинственностью. Все дѣло тутъ только въ *да* или въ *нѣтъ*. «Нравится ли вамъ сынъ мой? Да или нѣтъ? И вашей дочери тоже, да или нѣтъ»? Вотъ и вся трудность. Нашъ молодой графъ ужъ влюбленъ. Ваша дочь его видитъ, и если онъ ей по вкусу—пусть она скажетъ. «Мими краснѣетъ. Когда г-жа д'Эскламель прервала переговоры, потребовавъ, чтобы дали время вздохнуть, г. Ренвиль отвѣчалъ: «И въ самомъ дѣлѣ, обсудимъ сперва статьи контракта; а молодые люди, между тѣмъ, поговорятъ между собой. Это вы хорошо сказали, очень хорошо.» При этихъ словахъ, всѣ переходятъ въ гостиную; и г. Ренвиль объявляетъ, что маркизъ д'Удето даетъ своему сыну 18,000 ливровъ дохода, съ помѣстьями въ Нормандіи, и кавалерійскій эскадронъ, который купилъ для него въ прошедшемъ году, а маркиза д'Удето всѣ свои брилліанты, «сколько ихъ ни окажется». Г. Бельгардъ въ свой чередъ, обѣщаетъ дать 300,000 ливровъ въ приданое, и свою часть наслѣдства. Послѣ этого, они встаютъ, говоря: «Мы всѣ со-

гласны между собой. Подпишемъ контрактъ сегодня вечеромъ. Въ воскресенье сдѣлаемъ церковное оглашеніе, а въ понедѣльникъ отпразднуемъ свадьбу. «Сказано—сдѣлано. Возвращаясь домой, заходятъ къ нотаріусу и сообщаютъ ему прозектъ контракта, потомъ извѣщаютъ всѣхъ родственниковъ; и въ тотъ же вечеръ собираются къ г. Белльгарду, гдѣ, посреди всеобщей натаяности, такъ какъ обѣ эти семьи совершенно не знаютъ другъ друга, подписываютъ контрактъ. Во время чтенія, г-жа д'Удето вручаетъ невѣстѣ два футляра съ брилліантами, для обозначенія стоимости которыхъ, въ контрактѣ оставленъ пробѣлъ, потому что некогда было произвести имъ оцѣнку. Подписавъ контрактъ, садятся за столъ и свадьба назначена въ понедѣльникъ.

Этотъ импровизированный бракъ не встрѣтилъ со стороны мадмуазель Белльгардъ никакого сопротивленія. Она повиновалась, какъ повиновались всѣ дѣвушки ея времени. Ихъ выдавали замужъ въ томъ раннемъ, почти дѣтскомъ возрастѣ, у котораго еще нѣтъ ни силъ, ни воли; холодная сдержанность въ обращеніи съ ними матерей и боязнь возвратиться въ монастырь дѣлали ихъ послушными; притомъ же не мужъ былъ предметомъ ихъ желаній; имъ улыбалось, ихъ привлекало положеніе замужней женщины, и онѣ отдавали руку свою человѣку, дѣлавшему имъ предложеніе, ради той новой жизни, которую онъ открывалъ передъ ними, ради роскоши и кокетства, которыя онъ долженъ былъ имъ позволить.

«Я вышла замужъ затѣмъ, чтобы выѣзжать въ свѣтъ, видѣть балъ, гулянье, оперу и комедію»... говоритъ таже самая г-жа д'Удето. Другая женщина, г-жа де-Шюизье, признавалась, что искушеніе имѣть карету, брилліанты, красивыхъ лошадей, было такъ велико, что она вышла бы за самаго непріятнаго человѣка, лишь бы обладать всѣмъ этимъ».

Послѣ вѣнчанья, молодые уѣзжали по обыкновенію въ свое имѣнье; но оставались тамъ очень не долго. Новобрачная спѣшила возвратиться въ Парижъ, куда влекло ее многое. Она должна была сдѣлать всѣмъ визиты. Ей хотѣлось поскорѣй занять свое новое положеніе, воспользоваться своими новыми правами, и прежде всего, «показать публикѣ свой букетъ и свою шляпку новобрачной» въ оперѣ. Въ Парижскомъ большомъ свѣтѣ для молодой женщины было почти обязательно, въ первую недѣлю своего замужества, показаться въ оперѣ во всѣхъ своихъ брилліантахъ. Былъ даже день, назначенный для этого, именно пятница; и молодымъ знатнаго происхожденія оставалась лежать, рядомъ съ ложей королевы. Потомъ, новобрачная съ особымъ нетерпѣніемъ ожидала своего представленія ко двору.

Представленіе это было дѣломъ первой важности для женщины. Оно указывало ей мѣсто въ свѣтѣ, приличное ея званію; извлекало ее изъ преддверія рая, изъ этого полусуществованія женщинъ, не озаренныхъ лучами версальскаго солнца. Положеніе «не представленной» женщины являлось какимъ то неопредѣленнымъ, сомнительнымъ даже въ глазахъ двора. И что это былъ за торжественный день—этотъ день представленія! Г-жа Жанлисъ оставила намъ описаніе его. Три раза причесывала ее г-жа де-Пуизьё и все еще не была довольна, такъ много эта прическа требовала таланта, труда и терпѣнія. Потомъ слѣдовали румяна, пудра. Завязался безконечный споръ между маршалшей д'Эстре и г-жей Пуизьё о коллереткѣ, четыре раза ее надѣваютъ, снимаютъ, и опять надѣваютъ. Призываются на судъ всѣ горничныя маршалши: мнѣніе ея торжествуетъ, но споръ тѣмъ не менѣе продолжается во все время обѣда. Затѣмъ переходятъ къ панье. Начинается репетиція реверансовъ. Совѣты, замѣчанія такъ и сыплются. Въ особенности подвергается всесторонней критикѣ движеніе ноги, которымъ г-жа Жанлисъ откидываетъ шлейфъ, пятясь назадъ, и которое находятъ слишкомъ «театральнымъ». Наконецъ, въ самую минуту отъѣзда, г-жа Пуизьё вынимаетъ изъ своей коробки съ мушками румяны и натираетъ ими все лицо г-жѣ Жанлисъ.

Представьте же себѣ эту молоденькую женщину, на другой день послѣ представленія ко двору, выступающей на сцену большого свѣта, новизна котораго ее ослѣпляетъ, изумляетъ, пугаетъ... гдѣ всѣ смотрятъ на нее съ любопытствомъ... Она еще скромна, застѣнчива, снисходительна къ другимъ. Она повинуется наивности своего возраста, сердца, ума. Въ движеніяхъ ея замѣтна еще нѣкоторая неловкость, угловатость. Ея невинный, смущенный видъ вызываетъ улыбку у пожилыхъ женщинъ. Она смотритъ птичкой, еще не успѣвшей выучиться ни одной изъ тѣхъ пѣсенокъ, которыя ей насвистываютъ. Ей нужно четверть часа для того, чтобъ прійти въ себя послѣ реверанса. Она не знаетъ, что сказать; не умѣетъ притвориться; не можетъ ничего скрыть — даже начинающейся нѣжности къ мужу, что всего смѣшнѣй! И тогда-то, вѣкъ всѣми своими голосами спѣшитъ предостеречь ее, преподать ей урокъ. Послушаемъ его: «Какъ! говорить онъ съ усмѣшкой:—вы уже полгода замужемъ и все еще любите вашего мужа. У вашей модистки точно такая же слабость къ своему, но вы маркиза... Зачѣмъ вы такъ мало заботитесь о своей наружности, когда онъ въ отсутствіи; и такъ наряжаетесь, когда онъ возвращается? Раскройте кодексъ свѣтской

жизни и вы прочтете въ немъ, что наряжаются для любовника, для публики или для себя. Какую неловкость вы сдѣлали недавно. Вы велѣли заложить лошадей, чтобы ѣхать въ театръ, разсчитывая на мужа. На французскаго мужа!.. Или вы хотѣли въ театрѣ сами представить изъ себя зрѣлище, разыграть комедію? Долго ли вы будете сохранять эту сдержанность, которая такъ нейдетъ къ замужней женщинѣ? Кавалеръ находитъ васъ прекрасной, вы краснѣете; откройте глаза. Здѣсь дамы краснѣютъ только отъ румянъ. Ну право же вы погубите свою репутацію! Посмотрите, что у васъ за жалкая передняя; лакеи ваши считаютъ себя равно принадлежащими какъ барину, такъ и барынѣ, они воображаютъ, что ихъ держатъ только за тѣмъ, чтобъ они что-нибудь дѣлали. Они почтительно обращаются съ честнымъ человѣкомъ, который пришелъ цѣлкою, и когда у нихъ освѣдомляются о времени — вынимаютъ изъ кармана серебрянные часы! Лакеи безъ фізіономіи, и на цѣлыхъ три дюйма ниже надлежащаго роста. Въ 8-мъ часовъ васъ застаютъ уже вставшей съ постели; еслибы вы въ это время возвращались съ бала, дѣло другое, но что вы дѣлаете? Вы совѣщаетесь съ поваромъ и метръ д'отелемъ. Наконецъ, вы вспоминаете, что вамъ нужно одѣться. Но вы далеко не понимаете всей важности, всего значенія туалета. Вамъ 18 лѣтъ и въ туалетѣ вашемъ еще не принимаютъ участія мужчины... у васъ только двѣ женщины, которыхъ вы никогда не браните, надѣвая все, что онѣ ни подадутъ вамъ. Звонятъ къ обѣду, и не успѣли еще отзвонить, какъ вы ужь въ гостиной. Неужели вамъ не надо было приколоть никакой ленточки, никакого бантика? Но каково же всеобщее удивленіе когда вашъ метръ д'отель докладываетъ объ обѣдѣ «барину». Послѣ стола вы стараетесь завязать бесѣду... Подумайте, что вѣдь вы въ Парижѣ. Скука заставила вскорѣ сѣсть за карты, и я видѣлъ, какъ вы зѣвнули... а это была *комета* — придворная игра! Кстати, я замѣтилъ, что въ нее играли уже четыре дня, когда вы спросили: что это за игра? Буржуазка изъ Марэ, сдѣлавъ тотъ же самый вопросъ, въ тотъ же день. Дамы вынули изъ своихъ рабочихъ мѣшочковъ руководѣлье. Что находилось въ вашемъ мѣшочкѣ? Маншетки для вашего мужа! Развѣ Франція не изобрѣла «узелки» (*les noeuds*) для отличія аристократическихкихъ руевъ отъ мѣщанскихихъ! Вы садитесь, не подойдя сначала къ зеркалу и не сказавъ, что вы «сегодня ни на что не похожи!» Вы ѣздите въ Тюильери въ оперные дни, а въ другіе дни въ Палерояль. Но что всего хуже — васъ видятъ тамъ по утрамъ, какъ будто вы ищете прогулокъ только для здоровья.

Если же вы появляетесь тамъ, въ тѣ дни и часы, когда это принято, то какъ вы одѣты? На васъ кружева по 50 экю аршинъ. Что вы дѣлали въ прошедшее воскресенье въ вашей приходской церкви, въ десять часовъ утра? Въ десять часовъ—ужь одѣты! И кто бы повѣрилъ этому—безъ мѣшка! Развѣ порядочная женщина слушаетъ обѣдню въ своемъ приходѣ, и въ десять часовъ? Правда ли, что вы бываете и у вечерни? Маркизь*** рассказываетъ это про васъ, и говоритъ, что «это смѣшно такъ спасаться». Вамъ можно было бы простить двѣ, три проповѣди, но не такія, которыми стараются обратить... Хорошенькая женщина создана для хорошенькихъ проповѣдей, которыя познаются по множеству экипажей и дороговизнѣ стульевъ, и т. д., и т. д.»

Въ этомъ ироническомъ наставленіи скрывается подъ сатирой весь кодексъ свѣтскихъ обычаевъ, характеристика нравовъ и модъ того времени. Посреди всей этой «милрой лжи», въ этихъ гостинныхъ, съ росписанными потолками, со стѣнами, обтянутыми шелкомъ и отражающимися въ безчисленныхъ зеркалахъ, съ цѣлымъ музеемъ рѣдкихъ, дорогихъ бездѣлушекъ; или даже въ деревнѣ въ этихъ садахъ съ террасами, боскетами, амфитеатрами, стриженными деревьями, женщина не гармонировала бы со всѣмъ ея окружающимъ, еслибы ей не удалось отдѣлаться отъ всякой простоты и естественности. Она необходимо должна стремиться къ тому, чтобы попасть какъ можно скорѣй въ тонъ этого общества, приобрести эту искусственную грацію, которую уже старалось привить ей тщеславіе родителей; сдѣлаться образцомъ условности, моды, во всемъ: въ туалетѣ, въ походкѣ, въ движеніяхъ. Свѣтъ потребуетъ отъ нея, чтобы у ней—даже въ мелочахъ—проявлялась эта «distinction», которой такъ старается подражать, никогда не достигая ея, буржуазія. Движеніе тѣла, наклонъ головы, небрежная улыбка, кусанье губъ, гримасы, ужимки, надутая мина—все должно быть изучено. Объ одномъ умѣннѣ владѣть вѣеромъ Каррачиоли написанъ чуть не цѣлый трактатъ. Если имъ закрывали щеку или шею, это обозначало гнѣвъ; если имъ тихо и плавно махали—этимъ выражалось удовольствіе. А какъ много говорилъ ударъ вѣеромъ по плечу, сопровождаемый восклицаніемъ: ахъ! перестаньте! (finissez donc)! — Чему только не приходилооо учиться... ѣсть, пить, моргая при этомъ глазами, кланяться, налѣплять на лицо себѣ мушки, сморкаться...

Привыкнувъ все украшать, сообщать каждому жесту пріятное выраженіе, каждой улыбкѣ отгѣнокъ очарованія, вѣкъ этотъ требуетъ отъ женщины и особаго способа выраженія: образуется напыщенный языкъ, гдѣ преобладаютъ восклицанія и пре-

восходная степень: изумительно! дивно! божественно! — всѣ эти эпитеты дѣлаются достояніемъ обыденной рѣчи. При малѣйшей усталости говорятъ: «я изнемогаю»... При малѣйшей неудачѣ или непріятности—«я прихожу въ отчаяніе». Если чего-нибудь желаютъ—«я съума схожу... я не въ состояніи ни пить, ни ѣсть!» Если кто-нибудь не нравится—«это человѣкъ, котораго надо вышвырнуть за окно!» Но этого еще мало; для того, чтобы быть вполне модной женщиной, нужно картавить и, вмѣсто «pigeons» и «choux», говорить «des pigeons» и «des soux».

Но не одну физическую сторону женщины общество передѣлываетъ на свой образецъ, согласно условному типу: въ ея нравственномъ существѣ совершается еще бѣльшій переворотъ. Уроки свѣта преобразуютъ ея сердце, измѣняютъ умъ. Ея врожденныя чувства, потребность найти себѣ опору въ какомъ-нибудь вѣрованіи, въ преданности—всѣ эти слабости своего прошлаго она сбрасываетъ съ себя, какъ бы дѣтство души своей. Она освобождаетъ себя отъ всякой серьезной мысли и становится на точку зрѣнія свѣта; она начинаетъ мѣрять жизнь и все, что въ ней содержится, двумя мѣрками: скукой и удовольствіемъ. Отказавшись отъ всего, что называлось тогда «признаками скромности и приличія», избавившись отъ всѣхъ заботъ и печалей, бывшихъ достояніемъ ея пола въ прежніе вѣка, отъ всякихъ суровыхъ обязанностей, она быстро усваиваетъ себѣ эту свѣтскую мудрость, выдающую въ человѣческомъ существованіи одну только провиденціальную цѣль: развлеченіе; а въ женщинѣ, освобожденной отъ всякой тяготы, отъ всякихъ хозяйственныхъ заботъ—существо, имѣющее назначеніемъ олицетворять собой въ обществѣ наслажденіе, предлагать и дарить его всѣмъ.

Мужъ, въ объятія котораго семья бросала вдругъ молодую дѣвушку, не всегда былъ тѣмъ отталкивающимъ мужемъ, толстымъ финансистомъ или старикомъ-аристократомъ, условный типъ котораго обыкновенно рисуется въ нашемъ воображеніи. Всего чаще дѣвушка встрѣчала «прекраснаго молодого человѣка» того времени, свѣтскаго франта, безъ характера, безъ устойчивости, вѣтренаго, непостояннаго, нѣсколько даже развратнаго. Въ первое время этотъ молодой человѣкъ невольнo чувствовалъ къ этой молодой женщинѣ, еще только наполовину сбросившей съ себѣ дѣвическіе покровы, нѣчто въ родѣ благодарности (все же онъ былъ человѣкъ) за то новое, неизвѣданное наслажденіе, которое она заставила его испытать, и состоящее въ обладаніи цѣломудреннымъ, стыдливымъ, исполненнымъ свѣжаго, искреннаго чувства существомъ. Въ молодой

женщинѣ, между тѣмъ, пробуждалась потребность нѣжности; Ей казалось, что мечты, волновавшія се еще въ монастырѣ, мечты о счастіѣ взаимной любви, осуществлялись, что для нея настала именно та жизнь, которой такъ жаждало ея сердце.

Мужу льстила вся эта работа, происходившая въ маленькой головкѣ, вся эта лихорадка чувства, котораго онъ былъ предметомъ; его занимало это обожаніе ея, и онъ снисходительно поддерживалъ, поощрялъ романъ молодой женщины. Но когда всѣ развлеченія первыхъ дней супружества, представленія, визиты, маленькія поѣздки, обзаведеніе, устройство, приходили къ концу и молодая чета возвращалась къ домашней жизни, мужъ встрѣчая въ женѣ своей нѣчто въ родѣ страсти — былъ этимъ очень испуганъ. Онъ никакъ не думалъ, что она зайдетъ такъ далеко, и въ такое короткое время. Это было слишкомъ много усердія съ ея стороны. Человѣкъ своего вѣка, мужъ своего времени, онъ прежде всего любилъ только «пріятную сторону вещей». Зачѣмъ страсть вторгалась въ его домашній бытъ? Онъ совсѣмъ на нее не рассчитывалъ. Она не подходила ни къ его характеру, ни къ его наклонностямъ. Да наконецъ, она создана вовсе не для людей, благородныхъ и воспитанныхъ такъ, какъ онъ. Какимъ стѣсненіемъ грозила его свободѣ, его удовольствіямъ эта эзальтированная привязанность, ревнивая, безпокойная! Его ожидали инъвизиторскіе допросы, докучная требовательность, надутыя мины, шпіонство, сцены, слезы, громкія фразы.

Было отчего придти въ отчаяніе человѣку, уже нѣсколько мѣсяцевъ женатому, и котораго холостая жизнь, похороненная имъ за ужиномъ съ веселыми женщинами, начала снова манить къ себѣ въ концѣ перваго же мѣсяца; котораго одолѣвали его воспоминанія, старыя привычки, пороки, и томило однообразіе семейнаго счастья, невозмущаемаго никакимъ надувательствомъ.

Ему, однако-жъ, было нѣсколько совѣстно и онъ старался быть вѣжливымъ съ этимъ серьезнымъ чувствомъ своей молоденькой жены. На ея жалобы онъ отвѣчалъ съ добродушной ироніей, тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми, когда хотятъ внушить имъ, что не надо капризничать. Потомъ онъ начиналъ рѣже являться къ ней и каждый день исчезалъ изъ дому. И вотъ жена, поздней ночью, мучимая бессонницей, прислушивалась на своей постели, не раздастся ли стукъ кареты. Супругъ возвращался, но уже не входилъ къ ней. Онъ шелъ прямо въ маленькую комнатку, находившуюся рядомъ, которая давала ему возможность, не стѣняясь возвращаться домой подъ утро, когда звонили къ ранней обѣднѣ, какъ онъ это дѣлалъ прежде. Утромъ жена ждала его.

Наконецъ, въ одиннадцатъ часовъ, онъ церемонно посылалъ освѣдомиться, можетъ ли она принять его. Упреки, вслѣдствіе негодованія, порывы нѣжности—все было ему ни почемъ, на все отвѣчалъ онъ съ хладнокровной усмѣшкой, съ спокойствіемъ чловѣка лучшаго тона...

Случалось ли женѣ обратиться, послѣ подобныхъ сценъ, къ родителямъ, они, къ величайшему ея удивленію, находили, что она огорчается пустяками; обвиняли ее въ мелочности, въ узкомъ взглядѣ на вещи. На лицѣ своей матери и въ словахъ ея она какъ будто читала, что любить такимъ образомъ мужа своего неприлично. Братъ ея мужа говорилъ ей съ улыбкой: «Если даже у него есть любовница, что за бѣда? Развѣ онъ отъ этого будетъ любить васъ меньше въ душѣ?» Эти слова вызывали въ ней бурю ревности. На ея крики являлся мужъ и дружески замѣчалъ женѣ: «Вамъ нужно развлекаться. Выѣзжайте въ свѣтъ, поддерживайте связи, наконецъ, живите, какъ всѣ женщины вашихъ лѣтъ». И онъ прибавлялъ нѣжно: «Это единственное средство нравиться мнѣ, мой другъ». (Мемуары и корреспонденція г-жи д'Элине).

II.

Женщина въ буржуазіи.

Въ буржуазіи дочь живетъ съ матерью; она всегда при ней, всегда у ней на глазахъ. Мать лелѣетъ и воспитываетъ ее; такъ сказать переноситъ ее собственными руками изъ дѣтства въ юность. Шарденъ — живописецъ, избравшій своей спеціальностью домашнюю жизнь буржуазіи, всегда изображаетъ намъ маленькую дѣвочку подлѣ этой матери, трудолюбивой и преданной. Она уже серьезна; и костюмъ ея простъ. Это кофточка (juste) съ короткими рукавами, юбочка съ фартукомъ, и на головѣ четырехъугольная шапочка. Игрушки ея тѣже самыя какими играютъ на улицѣ дѣти простолюдиновъ: барабанъ, мельница, кегли, воланы. Гувернантку замѣняетъ ей мать, которая будетъ воспитывать дочь свою, какъ воспитывали ее самое, посреди этой мирной обстановки, гдѣ царствуетъ строгій порядокъ, гдѣ все такъ солидно и прочно, все дышетъ довольствомъ и буржуазнымъ счастьемъ. Чисто вымытые полы, спокойныя кресла на точеныхъ ножкахъ, орѣховый шкапъ, съ бутылью черносмоудиной наливки, на верху и на полкахъ котораго хранятся

старые календари, заключающіе въ себѣ всю исторію семьи, потому что въ нихъ аккуратно записывается рожденіе и смерть каждаго изъ ся членовъ. Мать, оставивъ на столѣ веретено и прялку, будетъ причесывать ее передъ своимъ зеркаломъ и по праздничнымъ днямъ прикалывать къ волосамъ ея бантигъ. Она будетъ спрашивать у ней урокъ изъ катехизиса; и если кому-нибудь поручить иногда замѣнить себя—то это развѣ своей старшей дѣвочкѣ, которая при этомъ напускаетъ на себя важность, играя роль матери. Здѣсь въ этихъ трудящихся семьяхъ, матерей не отвлекаютъ отъ ихъ дѣтей развлечения и требованія свѣта. Дѣвочки или мальчики все равно—они являются помощниками, товарищами, рабочей силой въ домѣ. Материнское чувство не знаетъ ложнаго стыда. Мать любитъ ихъ и любитъ, чтобы они были всегда при ней. Правда, эти дѣти буржуазокъ не стоили матерямъ своимъ такихъ лишеній, какъ дѣти аристократокъ, которыя должны были отказываться отъ свѣтскихъ удовольствій, перестать жить на время — для того, чтобы дать жизнь этимъ «несноснымъ маленькимъ существамъ». Привыкшимъ къ домашнему очагу буржуазкамъ роль матери не была въ тягость. Онѣ видѣли въ ней какъ бы награду за честное исполненіе своихъ обязанностей.

Дочери буржуазокъ росли скромныя, сдержанныя. Туалетъ ихъ, даже самое кокетство—все носило отпечатокъ умѣренности. Въ немъ проглядывала экономія. Онѣ носили при себѣ орудія женскаго труда — ножницы и клубокъ, какъ знамя своего призванія. Онѣ росли здоровыя и сильныя, дышашія счастьемъ своего возраста—около этой матери, съ которой еще болѣе сближало ихъ то, что онѣ говорили ей *«ты»*. Въ семь лѣтъ — дѣвочка считалась уже вступившей въ сознательный возрастъ или, лучше сказать, родители старались внушать ей это, въ надеждѣ, что, возмимѣвъ о своей маленькой особѣ высокое понятіе, она быстрѣй разовьется умственно. Желая наказать ее, мать говорила ей *«mademoiselle»*, и дѣвочка начинала понимать, что въ устахъ матери бывають слова, которыя наказываютъ больше, нежели розга въ рукѣ ея. Ее считали достаточно взрослой для того, чтобы возить къ роднымъ, на гулянье; и начинали посылать на уроки закона Божія (*au catéchisme*), которые должны были приготовить ее къ конфирмаціи.

«Каждое воскресенье, гдѣ нибудь въ углу церкви или капеллы, въ какомъ-нибудь придѣлѣ, съ колоннами, дѣвочки садились на длинныя деревянныя скамейки; старшія, играя своими вѣжами, младшія, болтая между собой, хихикая, прятаясь за спиной стар-

шихъ. Въ концѣ прохода, оставленнаго между скамьями, сидѣлъ, въ большомъ деревянномъ креслѣ, старый священникъ, державъ въ рукѣ свои очки. Рядомъ съ нимъ стоялъ молоденькій, хорошенькій клеркъ, съ елейнымъ видомъ, и котораго онъ заставлялъ, въ присутствіи матерей и другихъ набожныхъ прихожанъ, спрашивать дѣвочекъ; каждая изъ нихъ повторяла ему евангеліе, читанное въ тотъ день, посланіе апостола, и главу изъ катехизиса, заданную въ прошедшее воскресенье. Иногда являлся кюре, передъ которымъ всѣ дѣвочки должны были вставать. Онъ спрашивалъ лучшихъ, и уходилъ, сопровождаемый реверансами матерей, польщенныхъ до глубины души и которыхъ отвѣты ихъ дочекъ приводили въ неописанный восторгъ. (Мемуары г-жи Роланъ).

Но наступала минута, когда матери, какъ ни довольны онѣ были знаніемъ своихъ дочерей, уступали, однакожь, обычаю и помѣщали ихъ, для окончанія религіознаго образованія, въ монастырскій пансіонъ подъ руководство сестеръ. Сдѣлавъ визиты всѣмъ родственникамъ, одиннадцатилѣтняя дѣвочка, не безъ слезъ, переступала порогъ своего новаго жилища.

Эти духовныя школы, куда отдавала дѣтей своихъ буржуазія, были скромными общинами, обыкновенно помѣщавшимися въ какомъ-нибудь отдаленномъ предмѣстьѣ и гдѣ брали за пансіонъ отъ 250 до 350 ливровъ въ годъ; но гдѣ также обучали даромъ дѣвочекъ изъ народа. Хотя и здѣсь подчинялись требованіямъ моды, и здѣсь учили танцамъ и музыкѣ, безъ которыхъ тогда не обходились даже заведенія чисто благотворительнаго характера, но эти общины были чужды той роскоши, того тщеславія, какими отличались монастыри, гдѣ росли дочери дворянъ, сгорая нетерпѣливымъ желаніемъ поскорѣй окунуться въ свѣтъ, присутствие котораго онѣ чувствовали вокругъ себя. Въ этихъ духовныхъ школахъ буржуазія царствовала миръ, тишина, молчаніе... онѣ были точно также удалены отъ волненій свѣта, какъ и отъ шума парижскихъ улицъ. Дѣвочка, обласканная сестрами, сдружившаяся съ другими дѣтьми, съ которыми она сидѣла за общимъ большимъ столомъ, скоро свыкалась съ этой жизнью. Все вокругъ нея дышало и наполняло ея душу какимъ-то яснымъ спокойствіемъ... Эта правильная, размѣренная жизнь, эта кроткая дисциплина, эта тѣнистая липовая аллея, гдѣ она, въ часы рекреации, гуляла съ какой-нибудь избранной ею самой подругой. Никто не говорилъ ей здѣсь о свѣтѣ, котораго она совсѣмъ не знала. Молитва смѣнялась ученьемъ, ученье музыкой—и такъ проходила незамѣтно недѣля. По воскресеньямъ

*

пріѣзжали родители и брали ее съ собой гулять. Въ этомъ уединеніи, чуждомъ строгости, воображеніе дѣвочки усиливало ея набожность; пробуждавшаяся въ ней чувствительность обращалась къ Богу... Она возносилась къ нему мыслью съ тайнымъ экстазомъ, который поддерживали монастырскіе праздники, зрѣлище постриженія, тысяча обрядовъ... и когда наставалъ день перваго причащенія — она приступала къ нему трепещущая, восторженная, воспламененная...

Пребываніе въ монастырѣ оставляло глубокой слѣдъ въ душѣ молодой дѣвушки изъ буржуазіи. Наклонность къ дисциплинѣ, набожность, нѣкоторая строгость вѣры оставались у ней и послѣ замужства, и усиленные духовными распрями вѣка, приводили ее къ ригоризму. Набожность ея имѣла нѣсколько суровый характеръ... У ней была инстинктивная потребность доктрины, потребность, которая влекла ее къ яansenизму. И она является опорой его. Въ ней онъ нашель эту страстную преданность, которая въ 1758 г. заставила дочерей прокурора Шере стать во главѣ небольшой церкви, и вести энергическую борьбу съ Сен-Северинскимъ кюре.

Матерямъ, въ мелкой буржуазіи, нужна была дома помощь ихъ дочерей; и потому онѣ никогда не оставляли ихъ позже двѣнадцати лѣтняго возраста, ни въ монастырѣ, ни въ тѣхъ буржуазныхъ пансіонахъ, гдѣ въ пять лѣтъ дѣвочку выучивали чтенію, письму, счету, шитью, вышиванью и вязанью. Какъ только она подростала, родители брали ее къ себѣ. На воспитаніи, которое она получала по возвращеніи въ родительскій домъ, лежалъ отпечатокъ того средняго положенія, которое занимало въ обществѣ буржуазія. Рожденная въ этомъ сословіи, не имѣвшемъ строго опредѣленныхъ границъ, и которое своей трудовой жизнью соприкасалось съ народомъ, а довольствомъ своимъ приближалась къ дворянству, молодая дѣвушка готовилась быть хорошей хозяйкой, не чуждающейся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свѣтскихъ удовольствій. Жизнь ея дѣлилась на двѣ половины; одну она посвящала занятію искусствамъ; другую руководѣлю, домашнимъ работамъ, хозяйству, переходя такимъ образомъ безпрестанно, и часто даже нѣсколько разъ въ день, отъ роли виртуозки къ роли Сандрильоны. Одинъ учитель приводилъ за собой въ домъ другого. За учителемъ чистописанія слѣдовалъ учитель географіи; за этимъ учитель музыки; потомъ танцовальный учитель, которому даже мелкій людъ платилъ 30 су въ мѣсяцъ. Но всѣ эти учителя походили на праздничныя платья молодой дѣвушки, на щегольской, даже богатый нарядъ, придававшій ей видъ дворянки:

она покидала его для того, чтобъ идти съ матерью, въ какомъ-нибудь холстинковомъ капотикѣ, на рынокъ, покупать петрушку или салатъ. Ей старались дать свѣтскій лоскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовали, чтобы она не отвыкала ходить на кухню, готовить яичницу, или чистить коренья. Строгое, практическое, грубое основаніе и легкія, свѣтскія, галантныя украшенія — вотъ двойственный характеръ этого воспитанія дочерей. Кажется, онѣ были воспитаны молюеровскимъ здравымъ смысломъ, свѣтскостью г-жи Помпадуръ.

Жизнь молодой дѣвушки въ буржуазіи во многомъ походила на ея воспитаніе. Эта простая, правильная, трудовая жизнь, по-видимому, столь ограниченная, не была, однакоже, совершенно замкнутой. Обычнымъ, всеневнымъ кружкомъ дѣвушки былъ тѣсный семейный кружокъ, состоящій изъ трехъ, четырехъ родственниковъ, столькихъ же друзей и сосѣдей, но она не вращалась исключительно въ немъ одномъ. Она жила въ уединеніи, но, по выраженію одной молодой буржуазки того времени — «на границахъ свѣта». Районъ дѣятельности буржуазіи былъ такъ обширенъ; разнообразныя профессіи, приводили ее въ соприкосновеніе съ столькими лицами, принадлежащими ко всѣмъ слоямъ общества, что дочерямъ ея трудно было оставаться на этой «границѣ свѣта», не переступивъ ее. Отъ времени до времени молодая дѣвушка приотворяла потаенную дверь, скрывавшую отъ нея шумную, блестящую жизнь салоновъ, развлечения богатства и досуга. Она прикасалась, мимоходомъ, къ нравамъ, обычаямъ, модамъ дворянства, вкушала отъ его удовольствій. Если ее до двадцати лѣтъ не возили въ оперу, то домашніе спектакли, столь распространенные въ буржуазныхъ классахъ, знакомили ее съ наслажденіемъ, доставляемымъ театромъ, заставляли ее смѣяться, плакать и волноваться. Притомъ же, не было почти ни одной буржуазной семьи, которая бы не имѣла знакомствъ, дружескихъ или родственныхъ связей въ этомъ магическомъ театральномъ мірѣ. Наконецъ, даже въ мелкой буржуазіи, мы встрѣчаемъ въ то время, молодыхъ дѣвушекъ, посѣщающихъ, въ сопровожденіи своихъ матерей, выставки картинъ и концерты.

Но все это, однакоже, только случайности, проблески въ буржуазной жизни; эти дни, когда молодая дѣвушка покидаетъ свою сферу, свою среду, когда ей удается взглянуть на свѣтъ, слишкомъ рѣдки. Остальную часть своего времени она проводитъ дома, въ семьѣ, рѣдко выходя со двора; если она идетъ гулять, то въ одинъ изъ тѣхъ традиціонныхъ садовъ, гдѣ дочери, сопровождая матерей своихъ, какъ будто ступаютъ по слѣдамъ

своихъ бабушекъ; въ садъ Арсенала, въ Королевскій садъ, или въ этотъ садъ добраго стараго времени, куда еще отправлялись съ вязаньемъ, т. е. въ Люксембургскій. Иногда, впрочемъ, ѣдутъ въ деревню и цѣлый день проводятъ на чистомъ воздухѣ, въ настоящемъ лѣсу. Молодой дѣвушкѣ, въ мелкой буржуазіи, наивной и свѣжей, сосредоточенной и нѣжной, природа даритъ ощущенія и наслажденія, извѣстныя только ей одной и въ которыхъ отказано дѣвушкамъ, воспитаннымъ въ свѣтѣ и для свѣта; въ искусственной и порочной атмосферѣ его предразсудковъ, его лжи, его *антинатурализма*; и сердце ея чувствуетъ тайную потребность восторга и обожанія. Безмолвные пруды, прогалины, гдѣ она отдыхаетъ на грудѣ листьевъ, уединенные уголки, гдѣ она рветъ «кукушкины слезы»—все это, имѣетъ для нея прелесть «земнаго рая.» (Мемуары г-жи Роланъ).

— Куда мы поѣдемъ завтра, если будетъ хорошій день? спрашиваютъ въ семействахъ, въ лѣтніе субботніе вечера и выбираютъ, если не Медонъ, то, по крайней мѣрѣ, Pré St.-Gervais, куда ѣдутъ, въ обществѣ друзей, завтракать на травѣ; или же Сен-Клу, обычное мѣсто воскресныхъ прогулокъ буржуазіи. Тамъ пущены фонтаны; будетъ публика. И вотъ на другой день отправляются въ одной изъ тѣхъ лодокъ, гдѣ помѣщается восемь человѣкъ и которыя ждуть у набережной, пока наберется полное число пассажировъ. Молодая дѣвушка, которая уже съ пяти часовъ на ногахъ—въ простомъ, легкомъ и кокетливомъ платьѣ. въ цвѣтахъ, весело входитъ въ лодку, подъ руку съ отцомъ. Дорогой завязывается знакомство, не рѣдко случается, что дѣвушка находитъ себѣ жениха. Ухаживанье за дѣвушками происходитъ также передъ ихъ домами, по вечерамъ, когда онѣ выходятъ на крыльцо подышать свѣжимъ воздухомъ, или сидятъ подъ окномъ; на валу, куда дѣвушки отправляются группами. гдѣ поютъ и хохочутъ; на гуляньѣ, въ празникъ Тѣла Господня, продолжающійся недѣлю и очень почитаемый буржуазіей. Это по преимуществу время сватства и ухаживанья. Наконецъ, дѣвушка, если она еще не помолвлена за кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ или знакомыхъ, имѣетъ шансы встрѣтить и выбрать себѣ жениха на масляницѣ между ряжеными, которымъ обычай дозволяетъ обходить всѣ дома въ кварталѣ.

Эти встрѣчи, свобода буржуазныхъ нравовъ, привычка родителей позволять своимъ взрослымъ дочерямъ ходить однѣмъ со двора, когда имъ вздумается, помогали молодой дѣвушкѣ пристроиться. Но, отыскивая себѣ, такимъ образомъ, мужа, дѣвушка подвергалась многимъ опасностямъ. Преслѣдуемая какимъ-ни-

будь красивымъ франтомъ изъ высшаго круга, она соглашалась назначить ему невинное rendez-vous, подъ сводами какой-нибудь церкви. Потомъ, однажды вечеромъ, она вдругъ исчезала изъ родительскаго дома. Но, впрочемъ, только весьма немногія допускали обольстить себя такимъ образомъ. Большая часть поддавшихся увлеченію бывали обмануты. Отдаваясь любовнику, онѣ думали, что ввѣряютъ честь свою мужу. Онѣ часто были введены въ заблужденіе какимъ-нибудь внѣшнимъ подобіемъ союза, мнимымъ брачнымъ обрядомъ. Онѣ вѣрили въ эти обѣты которыми обмѣнивались женихъ и невѣста, и которые часто писались и подписывались кровью, что было тогда въ сильномъ ходу (случалось даже, что подобныя записки повергались къ стопамъ красавицъ, танцовавшихъ на балѣ королевы). Между этими дѣвушками находились столь наивныя, столь довѣрчивыя или неосторожныя, что имъ достаточно было прослушать обѣдню, для того, чтобъ потомъ считать себя замужними. «Я избираю васъ своимъ супругомъ, говорили онѣ молодому человѣку, взявъ его руку, при возношеніи даровъ.—Призываю въ свидѣтели Бога и передъ алтаремъ Его клянусь вамъ въ вѣчной вѣрности.» На что молодой человѣкъ отвѣчалъ, въ свою очередь, сжимая руку дѣвушки: «Клянусь всѣмъ, что есть самаго святого и священнаго, что никогда не буду имѣть другой супруги, кромѣ васъ.» Нѣкоторыя, менѣе довѣрчивыя, не довольствуясь этимъ, требовали болѣе формальности и тайно вступали въ бракъ. Тайные браки были въ то время въ большой модѣ, даже при дворѣ. Молодая дѣвушка думала защитить себя этимъ отъ гнѣва родителей и связать человѣка, съ которымъ соединялась, въ надеждѣ, что со временемъ и съ Божьей помощью она будетъ имѣть возможность открыто объявить объ этомъ союзѣ. Этотъ тайный бракъ, успокоивашій совѣсть, не былъ однимъ изъ тѣхъ мнимыхъ браковъ, какіе изображаются въ комедіяхъ, и гдѣ лакея переодѣвають священникомъ. Это былъ настоящій бракъ, освященный благословеніемъ церкви, которая одна только, въ то время дѣлала его законнымъ. Отыскивали какого-нибудь бѣднаго священника, почти всегда нормандца. Нормандія славилась тѣмъ, что поставляла самыхъ бѣдныхъ и самыхъ сговорчивыхъ поповъ. Деньги, а отчасти и любовь молодыхъ людей трогали бѣдняка. Онъ соглашался обвѣнчать любовниковъ и выдать имъ свидѣтельство о бракѣ, съ тѣмъ, чтобы они подъ его диктовку написали взаимное обѣщаніе и обязались бы, каждый съ своей стороны, дополнить новой церемоніей этотъ первый обрядъ бракосочетанія, какъ только

имъ ненужно будетъ болѣе сохранять тайны. Подъ обоими этими обязательствами должны были подписаться не только любовники и священникъ, но и свидѣтели, присутствовавшіе при обрядѣ. Кромѣ того, на пакетъ, куда вложено было обязательство жениха, запечатанномъ его собственной печатью, два нотаріуса должны были сдѣлать удостовѣреніе, что пакетъ этотъ дѣйствительно содержитъ въ себѣ объявленіе непремѣнной воли вступающаго въ бракъ. Наканунъ свадьбы, послѣ религіознаго наставленія, женихъ и невеста исповѣдывались. Свадьба происходила въ какой-нибудь отдаленной низенькой приходской церкви. По окончаніи обѣдни, церковныя двери, которыя только что заперли, отпирались снова, и священникъ совершалъ обрядъ. Выходя изъ церкви, новобрачные вручали священнику свои обязательства, подписанныя четырьмя свидѣтелями и удостовѣреннымъ нотаріальнымъ актомъ. Но, несмотря на всю эту процедуру, женщина становилась женой только передъ Богомъ; мужчину связывало съ ней только его обѣщаніе, его слово. И сколько мужей, послѣ подобнаго брака, уступая совѣтамъ семьи, выгодамъ богатой женитьбы, или непостоянству чувства, разрывали свое обязательство, какъ страницу романа, покинувъ и опозоривъ ту, которую, имъ казалось, они любили, или надъ которой они насмѣялись.

Всего чаще женихъ, съ которымъ дѣвушка знакомилась на гуляньѣ, въ церкви или на балѣ—это три мѣста, гдѣ всего болѣе улаживалось буржуазныхъ браковъ—являлся въ домъ молодой дѣвушки, дверь которой отворялась передъ нимъ безъ всякаго затрудненія. Онъ иногда даже при первой встрѣчѣ просилъ позволенія сдѣлать визитъ. Ему разрѣшали. Онъ былъ принятъ и, послѣ партіи въ мушку, получалъ позволеніе продолжать свои посѣщенія. Ухаживанье за дѣвушкой происходило на глазахъ у родителей. Часто влюбленные объяснялись посредіи шумныхъ веселыхъ игръ «jeux innocents». Но любимой игрой влюбленныхъ была какая-нибудь коммерческая игра, въ которой дѣвушка за какую-нибудь разсѣянность платила штрафъ, въ видѣ поцѣлуевъ; а проигрышъ каждаго откладывался въ копилку, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги отпраздновать la Saint-Martin. Наступало рождество, время подарковъ, и влюбленный пользовался случаемъ, чтобы приподнести дѣвушкѣ молитвенникъ и перчатки. Несмотря на то, что женихи имѣли легкій доступъ въ дома буржуазіи, и что имъ предоставлены были всѣ средства поправиться, браки устраивались здѣсь далеко не такъ быстро, какъ въ высшемъ обществѣ. Странное дѣло! Въ этомъ трудо-

вомъ классѣ не одни только приличія или денежныя соображенія имѣли рѣшающее вліяніе на союзъ женщины и мужчины. Для того, чтобы устроился бракъ, требовалась, если не страсть, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая симпатія со стороны дѣвушки къ молодому человѣку, искавшему руки ея, и котораго ей нравилось заставлять играть роль «Селадона». Личность жениха, его характеръ болѣе взвѣшивались, изучались, анализировались въ буржуазіи, нежели въ другихъ классахъ. Молодая дѣвушка, менѣе вѣтреная, болѣе нѣжная, невидѣвшая передъ собой примѣровъ, способныхъ разбить ея иллюзіи, поселить въ ней раннее разувѣреніе, незнавшая честолюбія, которое сушитъ сердце, хотѣла найти въ мужѣ, если не любовника, то, по крайней мѣрѣ, человѣка, котораго бы она могла любить. И такъ какъ она была въ семьѣ своей лицомъ эманципированнымъ, волю котораго родители не осмѣливались насиловать въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ бракъ, и такъ какъ ей почти всегда предоставлялось самой располагать своей участью, то она не прочь бы испытать ловѣва, сдѣлавшаго ей, черезъ отца ея, письменное предложеніе, присмотрѣться къ нему, заставить его поговорить. Она принимала его въ простомъ холстинковомъ платицѣ, въ ненапудренныхъ волосахъ, небрежно причесанныхъ à la baigneuse; и ему долго приходилось посѣщать ее, долго ухаживать, прежде чѣмъ она разрѣшила ему отправиться на набережную «des Orfèvres», чтобы купить тамъ свадебное кольцо и медальонъ. (Мемуары г-жи Роланъ).

Эта требовательность, эта медленность, это испытаніе, эти долги размышленія о замужствѣ—и даже отвращеніе къ нему въ нѣкоторыхъ—неудивительны. Съ нимъ начиналась для молодой дѣвушки серьезная сторона жизни, начинались труды, отвѣтственность, рабская зависимость отъ домашняго очага. Должно было проститься съ своей свободой, безпечностью, съ своимъ спокойствіемъ, съ маленькими удовольствіями. Здѣсь супружество представляетъ совершенную противоположность тому, чѣмъ оно является въ дворянскомъ сословіи. Здѣсь это узы—тамъ освобожденіе. Здѣсь оно налагаетъ на женщину обязанности—тамъ приноситъ ей права. Здѣсь оно затворяетъ передъ ней двери въ свѣтъ, вмѣсто того, чтобы отворить ихъ; имъ завершается ея блестящая, веселая, легкая жизнь; тогда какъ въ высшемъ обществѣ съ нимъ начинается эманципація женщины, оживляется ея существованіе. Помимо строгихъ образовъ, встающихъ передъ дѣвушкой при мысли о бракѣ, онъ пугаетъ ее еще и суровостью своихъ обѣтовъ. Мужъ и жена въ буржуазіи дѣйствительно должны

жить вмѣстѣ. Здѣсь невозможны между ними удобныя сдѣлки: имъ нельзя разойтись прилично. Это дѣйствительно союзъ двухъ существованій, также какъ двухъ интересовъ. Чѣмъ рискуетъ женщина высшаго общества въ своемъ супружествѣ? Своимъ счастьемъ. Для буржуазіи это еще не все. Выбирая мужа, она должна быть увѣрена, что беретъ человѣка, который не разстроитъ хозяйства, не лишитъ дѣтей ея хлѣба.

Въ дворянской средѣ порокъ произвелъ бы нѣкоторую запутанность въ дѣлахъ. Здѣсь онъ имѣлъ бы послѣдствіемъ нищету. Выборъ поэтому здѣсь чрезвычайно важенъ. Отъ него зависитъ вся будущность, все состояніе семьи. Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ, заставляющимъ дѣвушку колебаться и раздумывать, прежде чѣмъ связать себя на всю жизнь, присоединимъ еще послѣднее: она видѣла на примѣрѣ своихъ родителей, что мужчина сохранилъ въ буржуазіи власть надъ женщиной. Это не тотъ мужъ, котораго показываютъ ей дворянство и дворъ, дѣлающій изъ женщины, на которой онъ женится, равную себѣ, оставляющій ей полную свободу дѣйствій, предоставляющій ей распоряжаться въ домѣ. Въ ея сословіи—она это знаетъ—другія традиции, другіе обычаи, и взять себѣ мужа, значить, взять себя господина.

Въ томъ классѣ, который, вмѣстѣ съ финансовой сферой, составляетъ вершину буржуазіи, въ высшей магистратурѣ, женщина старается придать себѣ строгій и сухой видъ; у ней и въ нравственномъ отношеніи достоинство переходитъ въ суровость, добродѣтель—въ нетерпимость. У ней, кажется, вмѣсто сердца—долгъ; свои материнскія обязанности эти жены отправляютъ, какъ правосудіе, безъ увлеченій, безъ снисхожденія къ тѣмъ маленькимъ слабостямъ, которыя такъ охотно прощаются дѣвушкамъ и которыя женщина часто ставитъ себѣ почти въ достоинство, кокетничая ими. Онѣ держатся прямо; черты ихъ еще красивы, но красота эта серьезная, непривѣтливая; какое-то недовольное, угрюмое выраженіе читается на ихъ лицахъ; въ глазахъ ихъ нѣтъ огня. Онѣ одѣты опрятно, и всегда въ темномъ; длинная тонкая рука лежитъ на молитвенникѣ. Такими онѣ являлись намъ на тогдашнихъ картинахъ и эстампахъ. Соурелъ нарисовалъ намъ эту мать, подъ наблюденіемъ которой ребенокъ, съ опущенными глазами и грустнымъ лицомъ, сидитъ за работой. («Сухое и отталкивающее воспитаніе». Рис. Койцеля, грав. Деспласъ).

Сухость, рѣзкость, надменность сглаживаются по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся по іерархической лѣстницѣ магистратуры—у женъ

прокуроровъ и нотариусовъ. Онѣ почти совсѣмъ исчезаютъ у женъ адвокатовъ, вслѣдствіе сношеній съ клиентами, которыхъ онѣ принимаютъ у себя, съ знатными лицами, иногда обращающимися къ нимъ; вслѣдствіе того, что струя свѣтскаго воздуха врывается въ ихъ жилище. Въ противоположность «робѣ», рядомъ съ нею, классъ женъ и дочерей артистовъ выказываетъ непринужденность манеръ, независимость тона, оригинальность привычекъ и вкусовъ, веселость и любовь къ удовольствіямъ. За ними идетъ огромная женская корпорація продавщицъ; міръ ловкихъ, оболстительныхъ женщинъ, въ высшей степени одаренныхъ парижскимъ гениемъ продажи, неподражаемо умѣющихъ навязать вамъ товаръ, вооруженныхъ милой болтовней, неотразимой вкрадчивостью, съ помощью которыхъ онѣ, по выраженію Мариво, «усыпляютъ ваши интересы, подобно хирургу, который прежде, чѣмъ пустить вамъ кровь, магнетизируетъ вашу руку».

Въ сношеніяхъ своихъ съ покупателями и покупательницами большого свѣта, къ какому кокетству не прибѣгаютъ онѣ! Привлекательнѣйшія между всѣми буржуазками, по своимъ манерамъ, по изяществу своего туалета, по своей вѣжливости, онѣ часто превосходятъ даже дамъ большого свѣта непринужденностью, отсутствіемъ изысканности и напыщенности, и тѣмъ сладострастіемъ, которымъ дышетъ все существо ихъ. XVIII вѣкъ только у нихъ однѣхъ находитъ это свойство: «le coelleux».

Разставшись съ крупной торговлей, съ этими оболстительными магазинщицами, пройдемте до конца весь лавочный міръ. На низшей ступени буржуазіи, мы встрѣтимъ типъ г-жи Дютуръ, торговки холстомъ, схваченный съ натуры авторомъ: «Жизни Марианны» — Мариво. Это толстая, веселая кумушка, любящая посмѣяться, хорошо поѣсть, справляющая дважды въ году свои именины, также какъ и именины своей Туанонъ, круглая, грубо-откровенная, шумно-привѣтливая, готовая перевернуть всю лавку вверхъ-дномъ. Разъ облекшись въ свой праздничный платокъ, она уже не щадитъ глотки, крича на извозчиковъ, и громко имянуя себя «мадамъ Дютуръ», потому что, по ея мнѣнію, кто больше кричитъ, тотъ больше выказываетъ свое достоинство. Доброта простодупки; сокрушеній сколько угодно... слезы надъ всякой малостью. Развѣ это не лучшая женщина въ мірѣ? Однакожь, торговка сквозитъ подъ этимъ. Проливая слезы, добрая женщина не упускаетъ того, что плыветъ ей въ руки; деликатность отлично мирится въ ней съ любовью къ наживѣ; и никто лучше ея не устроитъ выгоднаго дѣльца, подъ видомъ самоотверженія.

Къ той же породѣ принадлежитъ и г-жа Пишонъ, являющаяся

въ одномъ изъ романовъ Дюкло, и походящая на дочь г-жи Дютурь.—Это молоденькая, хорошенькая женщина, которую всѣ въ околѣдѣ стараются заручить еѣ себѣ на обѣдъ или ужинъ. Вѣчно поющая и хохочущая; живая и бойкая—до рѣзкости; свободная, шумная; болѣе веселая, нежели деликатная; и способная выдержать самый долгій ужинъ, не ощутивъ тяжести въ головѣ.

Буржуазія, въ продолженіи этого вѣка, все болѣе и болѣе отдается отъ обычаевъ добраго стараго времени, того времени, когда вся роскошь ея и гордость состояла въ томъ, чтобы накануне праздника de la saint Martin выставить надъ крыльцомъ своимъ перо индюка или гуся; или когда она одѣвала своихъ дочерей и женъ въ поношенные платья знатныхъ дамъ, вышедшія изъ моды, и которыя самыя элегантныя буржуазки покупали на ярмаркѣ св. Духа, происходившей по понедѣльникамъ на Гревской площади.

Съ самаго начала вѣка, авторъ «Знаменитыхъ Француженокъ» «*Illustres Françaises*» возстаетъ противъ буржуазнаго честолюбія и тщеславія; противъ того, что жены секретарей, прокуроровъ, нотариусовъ, кушцовъ, сколько-нибудь достаточныхъ, изъ подражанія дворянству, велятъ называть себя и сами называютъ «*madame*». Мало по-малу, вся буржуазія, сначала высшая, а потомъ и низшая, усваиваетъ себѣ слова, языкъ, моды, спѣсъ и тщеславіе дворянства. И вскорѣ никто уже не будетъ удивляться, слыша какъ буржуазка, сядя за столъ, говорить служанкѣ жалобнымъ голосомъ.—«Ахъ, Боже мой! гдѣ же барышня? Поди доложи ей, что мы ее ждемъ къ обѣду...» И не одинъ только тонъ, а и многое другое заимствовала буржуазія у свѣта; она раззоряется на свои наряды, тратитъ годовой доходъ на вѣнчальное платье; и королевское приданое мадемуазель Жуаннъ, выходящей за г. Трюдона-сына, обладателя свѣчной мануфактуры въ деревнѣ Антони, скандализируетъ одного только добряка Арди и онъ приводитъ въ своихъ мемуарахъ (*Journal de Hardy*) списокъ этого приданаго, «какъ образецъ роскоши буржуазіи».—Невѣста, говоритъ онъ, получила въ подарокъ слѣдующія драгоценности: золотыя часы, украшенные брилліантами, золотой игольникъ, украшенный брилліантами, ящичекъ для мушекъ, украшенный брилліантами; табакерку изъ горнаго хрустала, съ золотомъ; два ножа съ золотыми ручками, одинъ для мяса, другой для фруктовъ; брилліантовья серьги, стоившія 6 тысячъ ливровъ; брилліантовые кольца, браелеты, пряжки еѣ башмакамъ, застежки и проч. Приданое самое полное; превосходныя кружева, и три платья, изъ которыхъ первое, гро-де-туровое, стоило со-

рокъ ливровъ аршинъ, а второе—тридцать. Въ свадебномъ кошельѣ невѣста получила 200 луи; свадебный обѣдъ стоилъ 3,000 ливровъ и т. д.

Ретифъ де-ла-Бретоннъ также рассказываетъ, что одна блочница, за которой дали 15,000 ливровъ приданого, восемь изъ нихъ издержала на платья и браслеты, а невѣста одного ювелира—20,000 ливровъ на одни брилліанты, говоря, что «въ своей лавкѣ нужно блистать»; она вѣнчалась вся покрытая брилліантами.

«Мы видимъ даже, что буржуазки носили придворный трауръ, между тѣмъ, какъ Гельвецій не смѣлъ надѣть траура по смерти принца, приходившагося ему родственникомъ по женѣ. Каждый день это было новое возвышеніе, новое удовлетвореніе тщеславія, новая узурпація. Въ концѣ вѣка, едва можно было отличить буржуазку отъ знатной дамы. У буржуазки тотъ же куаферъ, тотъ же портной, тотъ же акушеръ. Куда дѣвалась прежняя простота буржуазной жизни; веселые свадебные пиры, даже интимность между женой и мужемъ? Повсюду входитъ въ обыкновеніе—спать отдѣльно, что прежде означало ссору, разрывъ и предшествовало бракоразводному процессу. Это уже не тотъ скромный бытъ, который описывалъ Мариво. У барыни своя половина, у барина—своя. Буржуазка по три раза на день мѣняетъ туалетъ и не можетъ обойтись безъ горничной. Она велитъ звонить къ обѣду, докладывать о гостяхъ. Прошло то время, когда ея партію по вечерамъ составляли какіе-нибудь длинноволосые адвокаты. Теперь у ней бываютъ концерты, за которыми слѣдуетъ игра «bouillotte». Буржуазка ужинаетъ въ гостяхъ, возвращается домой въ два часа по полуночи; по утрамъ принимаетъ у себя въ спальномъ плащѣ (*un manteau de lit*). Прошло время сдѣлокъ съ кухаркой, для того, чтобы какъ-нибудь утаить изъ расходныхъ денегъ, выданныхъ мужемъ, нѣсколько луи на свой туалетъ. Она приглашаетъ гостей, приказываетъ, покупаетъ, и только посылаетъ счета мужу. Она уже не хохочетъ, подобно прежней буржуазкѣ, съ своими служанками, не толкуетъ съ ними о дороговизнѣ по поводу новыхъ башмаковъ, за которые заплачено шесть ливровъ, и которые остались въ парижской грязи, или по поводу платья, забрызганнаго этой грязью. Выговоры горничнымъ не смягчаются уже этимъ ласковымъ словомъ «*ma fille*»; буржуазка повысила тонъ. Эта женщина, читающая романы, разсуждающая о нихъ, находящая ихъ «преlestными» или «отвратительными», и отдающая дочь свою въ монастырь, въ самомъ раннемъ возрастѣ, для того, чтобъ самой быть свободной. Правы, вкусы, при-

вычки—неузнаваемы. Посмотрите на эту женщину, идущую къ обѣднѣ въ сопровожденіи лакея, который несетъ за ней большую книгу въ сафьянномъ переплетѣ. Это—торговка изъ улицы Сент-Оноре, и жена церковнаго старосты.

Но несмотря на все это, буржуазія XVIII вѣка не была, однакожь, окончательно развращена модой. Семейныя и супружескія добродѣтели находятъ себѣ убѣжище въ этомъ сословіи. За исключеніемъ небольшого числа магазинщицъ, которыхъ сами мужья поощряютъ къ кокетству для приманки покупателей, буржуазка относится строго къ своимъ супружескимъ обязанностямъ. Въ буржуазномъ бракѣ, гдѣ все серьёзно, даже самое счастье, адюльтеръ встрѣчается весьма рѣдко. И тамъ, гдѣ онъ есть—онъ не прихоть, не развлеченіе, не забава; онъ является порывомъ страсти, или скорѣй увлеченіемъ слабости, всецѣло овладѣвающимъ сердцемъ женщины, заглушающимъ въ ней на минуту стыдъ; и которое она, послѣ кратковременнаго счастья, искушаетъ долгимъ раскаяніемъ. Съ адюльтеромъ буржуазка утрачиваетъ не то, чему знатныя дамы даютъ громкое названіе «чести», а то, что маленькіе люди выражаютъ этимъ узкимъ, но точнымъ словомъ: «честность». Скромно воспитанная, привыкшая съ дѣтства подчиняться долгу, обыкновенно набожная, буржуазка уступаетъ, падаетъ—съ какимъ-то отвращеніемъ къ самой себѣ.—Не имѣя силъ противиться искушенію, она какъ будто сопротивляется паденію. въ самомъ паденіи. Ея поцѣлуи прерываются слезами ужаса и стыда... она отдается съ растерзаннымъ сердцемъ. За упоеніемъ страсти наступаетъ смущеніе, безпокойство, подавляющее уныніе... Обольщеніе имѣло дѣйствіе медленнаго, смертельнаго яда. Въ послѣднія свиданія, обезсиленная и уже охладѣвшая—она дѣлаетъ надъ собой насиліе, чтобы на ласки отвѣчать ласками. Потомъ она уходитъ въ свое раскаяніе, и мало по малу гаснетъ... Посреди своей тихой агоніи, она порой ласкаетъ какое-нибудь воспоминаніе—какъ цѣлуютъ портретъ. Любовь, сожалѣніе, отчаяніе сводятъ ее въ могилу... и, умирая, она шепчетъ слова прощенія...

Такъ любила, такъ умерла жена зеркальнаго фабриканта, въ улицѣ Сент-Антуанъ, г-жа Мишленъ, восемнадцатилѣтняя блондинка, обольщенная герцогомъ Ришелье. Сначала она каждое утро видѣла у обѣдни красиваго незнакомца. Потомъ однажды онъ сказалъ ей какой-то банальный комплиментъ, и она покраснѣла. Черезъ часъ Ришелье былъ уже въ ея домѣ, торгуя у мужа ея зеркала. Вскорѣ послѣ того, обманутая фальшивымъ письмомъ, полученнымъ будто бы отъ какой-то герцогини, она явилась

въ маленькій домикъ Ришельё. И вотъ она очутилась лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго любила, но любила невинной любовью, и, какъ она сама выражалась, «не желая дѣлать дурного». Сколько слезъ было пролито ею съ этого дня! ей приходилось утѣшаться развѣ тѣмъ, что она могла называть любовника, такъ жестоко, такъ нагло и такъ безсозвѣстно издѣвавшася надъ ея мученіями, надъ ея стыдливостью, «monsieur le duc!» Бѣдняжка начала таять, какъ свѣчка. Ришельё самъ замѣчалъ, что она измѣняется. Она пыталась забыться; но посреди наслажденій у ней вырывается восклицаніе: «Все кончено! я несчастна!» и, поцѣловавъ руку своего любовника, она уходитъ отъ него навсегда, уходитъ для того, чтобы умереть. Нѣсколько времени спустя, когда Ришельё ѣхалъ въ каретѣ, ему попался на встрѣчу человѣкъ въ глубокомъ траурѣ. Это былъ Мишленъ. Онъ два дня какъ похоронилъ жену. Ришельё посадилъ его съ собой, чтобъ разспросить объ его горѣ.

Этотъ образъ молоденькой буржуазки, нѣжной и любящей— есть можетъ быть самый трогательный и привлекательный образъ того времени. Вы нѣсколько отдыхаете нравственно, встрѣчая ее въ скандалѣзныхъ мемуарахъ, которые она очищаетъ и озаряетъ своей стыдливой любовью. Въ книгѣ M-r Nicolas ou le soeur humain dévoilé (1779), publié par lui même, также является женщина этого типа. Это m-me Парангонъ. Сколько въ ней свѣжести и чистоты; какъ трогательны ея отношенія къ этому молоденькому ученику Ретифу, котораго она беретъ подъ свое покровительство. Она наблюдаетъ за нимъ, сажаетъ его съ собой за столъ, освобождаетъ отъ порученій, совѣтуетъ чтó читать; заставляетъ его декламировать «Заиру». Потомъ, опасаясь его или самой себя—она, можетъ быть, подсмотрѣла, какъ онъ тайно поцѣловалъ ленточку, которую она велѣла ему положить на туалетъ—она задумываетъ женить его. Она хотѣла бы видѣть его богатымъ, счастливымъ, имѣющимъ хорошенькую жену, и потому предлагаетъ ему свою сестру. Безпрестанно опуская глаза, она даетъ ему наставленія, какъ держать себя въ свѣтѣ. Иногда, когда она возвращается домой, въ сильный холодъ, мальчикъ бросается къ ея ногамъ, чтобъ снять съ нея башмаки. «Какой вы ребенокъ», говоритъ она ему, и принуждаетъ себя улыбнуться ему какъ сестра брату. Но вотъ настаетъ день, когда она выходитъ изъ комнаты Ретифа съ плачемъ и смѣхомъ, обезумѣвшая, словно въ бреду. Когда она приходитъ въ себя—добродѣтель ея прощаетъ, но не унижается; сердце ея забываетъ, но слезы стыда, но ея достоинство и дѣломудріе воспрещаютъ юношѣ даже же-

ланіе. Она уже не питаетъ, не хочетъ болѣе питать къ нему никакого другого чувства, кромѣ материнской нѣжности. Она соединяетъ его съ сестрой своей—передъ портретомъ своего отца; и когда Ретифъ уже далеко отъ дома Парангоновъ, онъ видитъ, обернувшись назадъ, на порогъ этого дома бѣлую, какъ бы окутанную въ саванъ фигуру... Это г-жа Парангонъ, которая смотритъ на него въ послѣдній разъ и которая должна умереть...

(Продолженіе будетъ).

А. Я.

ОСКУДѢНІЕ.

(Очерки, замѣтки и размышленія тамбовскаго помѣщика).

Посвящ. С. В. Максимову.

Плакала Саша, какъ гвѣзь вырубали.
Некрасовъ.

Когда человѣкъ отчего нибудь «захудаетъ»—съ горя, съ бѣдсти, отъ болѣзни—на него нападаетъ иногда нечисть, по просту, заводятся гадкіе паразиты, называть которые по имени считается неудобнымъ и въ печати, и въ обществѣ. Съ улучшеніемъ обстановки и вообще условій жизни несчастнаго, подвергшагося нападению ихъ, они сами собой пропадають и безъ всякаго лекарства.

Подходящее явленіе можно иногда наблюдать и въ другихъ сферахъ, причеиъ причина остается, конечно, та же—«захудалость».

Въ наше удивительное время можно съ рѣдкимъ удобствомъ наблюдать такое явленіе. Нечисти всюду завелось ужасно сколько: и въ обществѣ, и даже въ литературѣ, и никому нѣтъ отъ нея покоя.

Я счелъ нужнымъ сказать все это потому, что мнѣ придется говорить сейчасъ о такихъ деликатныхъ вещахъ, на которыя нечисть обыкновенно накидывается всегда съ особеннымъ усердіемъ, извращаетъ смыслъ словъ, фактовъ и выводовъ, заключеній, и надъ безсовѣстно оклеветанной жертвой-книгой, вопіеть анаему или, по мѣрѣ усердія, даже подлаживаетъ подходящія статьи уголовного кодекса.

Конечно, со всѣмъ этимъ пока ничего не подѣлаешь—ея время и она, нечисть, это знаетъ. Никакія оговорки отъ нея не спасутъ, но я и пишу эти строки не для огражденія себя, а для читателя, къ которому обращаюсь съ усердной просьбой, никого

не слушая, повѣрить мнѣ, что кромѣ самой искренней и строгой правды я ничего не положилъ въ основу этихъ очерковъ и кромѣ желанія разсказать все, какъ было, никакой задней мысли не имѣлъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ газетахъ появилось извѣстiе, что одинъ изъ крупныхъ русскихъ помѣщиковъ, графъ Орловъ-Давыдовъ, пожертвовалъ десять тысячъ рублей на конкурсъ за лучшее сочиненiе о фермерствѣ съ указанiемъ способовъ насажденiя его въ Россiи. Вслѣдъ затѣмъ появилась и программа, по которой должно быть написано такое сочиненiе.

Я не имѣю чести знать графа лично, но знаю въ то же время, что имя его почему-то излюблено братьями Бланкъ, Скарятинимъ и проч. и во дни оно всѣ ихъ писанiя никакъ не обходились безъ упоминовенiя его имени и извѣстной грамоты Еватерины II.

Изъ факта дачи десяти тысячъ рублей на конкурсъ и, наконецъ, изъ самой программы ясно, что графъ продолжаетъ ревновать о дѣлѣ помѣщичьяго благополучiя. Это, конечно, похвально, но тѣмъ не менѣе совершенно бесполезно, ибо графъ, очевидно, продолжаетъ смотрѣть на факты съ точки зрѣнiя помѣщиковъ 1861 года, и стоитъ на почвѣ совершенно неплоднот. Позволительно думать, что ему должно быть даже неизвѣстно, что и въ Англии, въ этой классической странѣ крупнаго землевладѣнiя, фермерство утрачиваетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе свой экономическiй смыслъ и пересаживать его къ намъ ужъ по одному этому нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Даже «Московскiя Вѣдомости», которыя ужъ никакъ невозможно заподозрить въ нелюбви къ Англии и ея государственному и экономическому строю, и тѣ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, нарисовали такую мрачную картину англiйскаго фермерства и всего происходящаго отъ этой формы землевладѣнiя и земледѣлiя, что соблазняться ею намъ по меньшей мѣрѣ странно... да и поздно.

Не тамъ помѣщичья бѣда, гдѣ видитъ ее графъ и не тамъ онъ найдетъ спасенiе, гдѣ его ищетъ.

Но, говорятъ намъ, мы раззоряемся съ каждымъ годомъ; съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе! Чѣмъ же, наконецъ, кончится это?

Я позволю себѣ на это просто отвѣтить:

— Виноваты мы сами, и насъ, кромѣ насъ самихъ, никто не спасетъ и спасти не можетъ.

Мнѣ давно хочется какъ можно проще, безыскусственнѣе и нагляднѣе рассказать какъ все это вышло, т. е. съ чего и какъ началось наше оскудѣніе и какъ дошли мы до теперешняго своего состоянія.

Рассказать это цѣлымъ рядомъ воспоминаній, очерковъ и замѣтокъ для меня сподручнѣе, чѣмъ написать на ту же тѣму большую съ цифрами статью. Впрочемъ, такая статья тоже очень желательна, очень необходима, и даже жаль, что ее до сихъ поръ никто не написалъ.

И это совершенно неправда, что компетентные люди не хотятъ ее написать, потому что стоитъ ли дескать ломать голову и тратить время надъ изслѣдованіемъ, отчего и какъ сперва захудали, а потомъ почти-что совсѣмъ на нѣтъ сошли помѣщики.

Такъ думали о помѣщикахъ давно ужъ. Такъ думали, говорили и даже писали передъ объявленіемъ крестьянскаго положенія и года два послѣ. Тогда такое отношеніе къ вопросу имѣло, пожалуй, и смыслъ. Тогда думали, что помѣщики, представлявшіе собою носителей подлежавшаго уничтоженію крѣпостничества, окажутъ нѣкоторую чувствительность относительно эксперимента, который готовился впереди. Думали, плохо зная ихъ, конечно, что они сила, и готовились на борьбу съ ними. Кричали на нихъ, бранили, чтобы запутать, устыдить, однимъ словомъ, обезкуражить. Это несомнѣнно было недоразумѣніе, но тогда оно все-таки имѣло смыслъ. Теперь же, когда все это кончилось, когда оказалось, что никакой борьбы и не предстояло вовсе, настало время взглянуть иначе.

Я очень плохой натуралистъ и не знаю, насколько сильно и вообще какъ отражается на окружающей природѣ исчезновеніе той или другой породы. Но я отлично знаю, какъ и въ чемъ выразилось и продолжаетъ съ каждымъ годомъ все рѣзче и рѣзче выражаться въ деревенской жизни постепенное исчезновеніе помѣщичьяго элемента. Въ сферѣ этого вопроса я считаю себя достаточно компетентнымъ и потому буду говорить. Но чтобы былъ прокъ изъ такого дѣла, мы должны навремя оставить всѣ разглагольствованія и размышленія на тѣму: слѣдуетъ или не слѣдуетъ искусственно тормозить это исчезновеніе и если да, то на чей счетъ должны падать расходы по сему предмету: на общественный или казенный.

Началось это оскудѣніе, какъ извѣстно, давно-таки. Началось, разумѣется не вдругъ, а понемножку, не такъ какъ теперь валить. Читатель "не забылъ извѣстія," появившагося недавно во

*

всѣхъ газетахъ о томъ, что въ одномъ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита сразу назначено къ публичной продажѣ двѣ тысячи имѣній! А вѣдь общество взаимнаго поземельнаго кредита не единственный у насъ земельный банкъ. Спрашивается, сколько же всего-то, во всѣхъ банкахъ, назначается къ продажѣ ежегодно имѣній? Прежде, повторяю, оскудѣніе шло тише.

Обстоятельству этому, разумѣется, предшествовали разные признаки, болѣе или менѣе ясно говорившіе, что дни процвѣтанія сочтены и что идти дальше невозможно. Болѣе прозорливые видѣли эти признаки, понимали ихъ, задумывались надъ ними но, къ сожалѣнію, не на долго. Какъ увидимъ ниже, по природѣ своей, на такое вдумываніе и немного было способныхъ. Оттого, послѣ выпитія рюмки водки, мысли тотчасъ же переходили на другіе предметы, иногда совершенно посторонніе, въ родѣ того, напримѣръ, что намѣревались дѣлать ихъ современники: Наполеонъ или Пальмерстонъ? А между тѣмъ, по правдѣ-то говоря, эта разсѣянность и была всему причиной, и ужъ во вскомъ случаѣ гораздо болѣе главной причиной, чѣмъ сопряженная съ новымъ положеніемъ рѣзкость перехода отъ одной формы отношенія къ землѣ къ другой. Занимайся тогдашніе помѣщики своимъ дѣломъ—нивакого вымиранія и не было бы.

Я убѣжденъ, что скажу безусловную истину, утверждая, что помѣщики раззорились и продолжаютъ раззоряться потому только, что никогда не дѣлали того, что имъ слѣдовало и слѣдуетъ дѣлать. Мужики пахутъ, купцы торгуютъ, духовные молятся, а что дѣлали помѣщики? Они занимались и развлекались всѣмъ, чѣмъ угодно—службой, охотой, литературой, амурами, но только не тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало заниматься.

Еслибы, напримѣръ, въ то время помѣщику, захотѣвшему отдать своего сына, ну хоть въ училище статскихъ юнкеровъ, что ли, съ тою цѣлью, чтобы онъ пошелъ потомъ въ чиновники или дипломаты — просто сказать и притомъ кротко, взявъ его подъ руку: милый другъ, не дѣлай этого! У тебя есть земля, сиди на ней самъ и дѣтей приучай сидѣть на ней. Поэтому, давай имъ воспитаніе и образованіе такое, чтобы они могли прочнѣе, честнѣе, умнѣе и выгоднѣе сидѣть на ней, а не дѣлай изъ нихъ праздныхъ людей, которые къ двадцати годамъ и тебя раззорятъ и сами ничего путнаго во всю жизнь свою не сдѣлаютъ, если не считать нужнымъ содержаніе Сюжетокъ, Камилекъ или проѣданіе у Дюссо и Бореля...

Я думаю, что онъ послушался бы этого совѣта.

Также точно слѣдовало поступить и въ томъ случаѣ, еслибы было замѣчено, что помѣщикъ начинаетъ прельщаться красивой

военной формой. И тутъ надо было также точно кротко взять его подъ руку и, проговоривъ вышеприведенную рѣчь, присовокупить къ ней еще слѣдующее: милый другъ, защищать отечество отъ враговъ мы всѣ, конечно, обязаны, но знаешь ли, что защищать его дѣти твои могутъ съ неменьшей пользой и на другихъ поприщахъ и безъ красивой формы. Красивая же форма, такъ соблазняющая твое око, много принесетъ тебѣ огорченія и сынъ твой, красивый юнкеръ, оторванный съ малолѣтства и отбученный отъ земли и охоты сидѣть на ней, все-таки не будетъ нетолько Наполеономъ или Цезаремъ, но даже, быть можетъ, и самымъ обыкновеннымъ генераломъ. И ужъ во всякомъ случаѣ эта случайность гораздо менѣе вѣроятна, чѣмъ то, что Ивановка или Осиновка твоя, въ первомъ и ужъ непременно во второмъ твоемъ колѣнѣ, будетъ заложена, перезаложена и, наконецъ, совсѣмъ продана.

Къ этому съ увѣренностью можно сказать, что еслибы всеобщая воинская повинность была бы у насъ введена двадцать, тридцать лѣтъ назадъ, помѣщичья раса нетолько не вырожда-лась бы, какъ теперь, но земля наша кишѣла бы помѣщиками и это былъ бы премилый народъ. Я нисколько не шучу. Еслибы великая военная реформа совершилась двадцать, тридцать лѣтъ назадъ, сердце и очи помѣщиковъ давно ужъ не прельщались бы красивыми экипировками, ибо они очень хорошо знали бы, что сыновья ихъ, на ряду со всѣми, будутъ въ извѣстное время, годъ или два непременно, носить ту или другую красивую форму и для этого нѣтъ никакой надобности дѣлать ихъ специалистами совершенно не того дѣла, которое будетъ ихъ кормить, т. е. не зачѣмъ отрывать ихъ отъ земли.

Но этого не случилось, и Ивановки, Петровки и Осиновки, оставленные безъ присмотра, или что еще хуже, поступившія подъ присмотръ отставныхъ департаментскихъ чиновниковъ или бывшихъ носителей красныхъ формъ, одна за другой начали «улыбаться» и переходить во владѣніе къ кулакамъ, къ нѣмцамъ, жидамъ, однимъ словомъ, куда и къ кому угодно, но только не къ помѣщикамъ.

Если дать маленькую волю своему воображенію, то это удивительное исчезновеніе помѣщичьихъ имѣній можно представить себѣ такъ: всѣ эти Ивановки, Семеновки и Осиновки не распроданы самими помѣщиками, а какъ бы разбѣжались отъ нихъ... Сговорились, да и разбѣжались.

Но такъ какъ я все-таки пишу въ нѣкоторомъ родѣ исторію дворянскаго оскудѣнія, то долженъ, разумѣется, слѣдовать примѣру великихъ учителей этого дѣла—историковъ, т. е. начать

съ отдаленнѣйшихъ временъ и рядомъ фактовъ, иногда, повидимому, разнородныхъ, но, въ сущности, имѣющихъ внутреннюю связь, воспроизвести передъ читателемъ это грандіозное и вмѣстѣ печальное событіе.

Если не считать началомъ «бѣды» разрѣшеніе опекунскому совѣту брать въ залогъ за выданныя ссуды помѣщичьихъ имѣній, то «отдаленнѣйшія» времена, въ которыхъ мнѣ, какъ историку, приходится рыться, въ сущности суть времена очень не отдаленныя, и намъ совершенно нѣтъ никакой надобности проникать для этого въ глубь вѣковъ далѣе 1855 и даже 1856 г., когда кончилась Крымская война и ополченцы-помѣщики съ своими дружинами, въ большинствѣ случаевъ не дошедшими даже до мѣста войны, начали возвращаться на родину, въ свои Иванивки и Осиновки.

Время возвращенія ополченцевъ было отличное время; всѣ сразу и очень чутко почувствовали, что что-то такое случилось, что къ намъ ворвалась струя какого-то новаго рѣзкаго воздуха, что она всѣмъшибнула въ носъ, и отъ этого всѣ какъ-то закопошились... Повидимому, все было тоже самое; тѣ же предметы и лица стояли кругомъ, но свой человекъ, мало-мальски наблюдательный, сейчасъ же долженъ былъ почувствовать, что случилось нѣчто такое, чѣмъ одни какъ будто недовольны, а другіе, напротивъ, очень довольны. Но такъ какъ причина довольства и недовольства была до того неопредѣленна и туманна, и казалась въ то время отдаленной, то и самое довольство и недовольство въ началѣ высказывалось больше не рѣчами, не фразами и даже не отдѣльными словами, а скорѣе мимикой и, повидимому, ничего не выражающими междометіями. Иногда такое восклицаніе сопровождалось глубокимъ вздохомъ, безпричинной раздражительностью, строгостью административной, излишней подозрительностью и проч. Это у однихъ. Другіе, напротивъ, свое настроеніе выражали въ формѣ болѣе легкой; съ большимъ любопытствомъ прислушивались къ тому, что говорилось за закрытыми дверями; безпричинно, повидимому, ослаблялись и, хотя приказанія господъ исполняли, но какъ-то разсѣянно. Все это особенно было замѣчаемо за молодыми лакеями и горничными; и въ этомъ отношеніи поведеніе ихъ не разъ было причиной глубокаго огорченія для ихъ господъ.

Но этому неопредѣленному и томительному настроенію духа и мыслей у тѣхъ и другихъ не суждено было продолжаться...

Возвратившіеся сосѣди-ополченцы были просто неузнаваемы. Во-первыхъ, всѣ они ходили, вмѣсто сюртуковъ, бекешей и «паль-

тончиковъ», въ такихъ точно сѣрыхъ пальто, въ какихъ ходятъ теперь всѣ наши офицеры, но только эти пальто были необыкновенно коротенькія и служили не верхнимъ, а обыкновеннымъ комнатнымъ платьемъ, такъ что было совершенно принято ѣздить въ нихъ даже въ гости. Назывались они рамзайками (отъ генерала Рамзая), патриотками и еще какъ-то. Всѣ они, т. е. ополченцы, были коротко, по поенному, острижены; усы были у всѣхъ длинные, вислые. Говорили увѣренно, громко и рѣчь ихъ такъ и гудѣла разными флангами, траншеями и проч.

И странное дѣло! хотя всѣ мы отлично знали, что они не только ни въ одномъ сраженіи не были, но даже и близко къ тѣмъ мѣстамъ не подходили, а между тѣмъ ихъ всѣхъ слушали точно очевидцевъ или участниковъ всего того, о чемъ они рассказывали. Одинъ изъ такихъ рассказовъ ихъ о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ разошелся по всей Россіи. Это очень глупый рассказъ, но ему вѣрили и я не могу пройти его молчаніемъ. Послѣ обѣда, собравшись въ кабинетъ и въ угольной, тѣ, которые не засыпали тотчасъ же на диванахъ, плотно затворяли двери, приказывая не входить безъ крайней необходимости лакеямъ, и начинали разговоръ въ полголоса. Но, такъ какъ, по природѣ своей, представители исчезающей расы, встрѣчаясь, не могутъ говорить спокойно, а сейчасъ же затѣваютъ споръ, то, разумѣется, начинался говоръ не просто обыкновеннымъ голосомъ, но во всю глотку, такъ что лакеи совершенно свободно и легко могли слышать.

— Это мы въ тотъ же день узнали, какъ пріѣхалъ адъютантъ изъ штаба.

— Сейчасъ и узнали всѣ.

— Это вы про пятый пунктъ говорите?

— Да-съ. Вотъ Ивану Петровичу рассказывали...

И вслѣдъ за тѣмъ рассказывалось, якобы при заключеніи предварительнаго мира, маршалъ Пелисье отъ имени Наполеона и Пальмерстона включилъ въ пятый пунктъ этого договора обязательство уничтожить дворянство по всей имперіи, а земли раздать мужикамъ. Кто первый пустилъ въ ходъ эту штуку, я не знаю, но рассказу этому вѣрили.

Я не знаю, чувствовали ли лакеи, слышавшіе этотъ и подобные рассказы въ замочныя скважины, благодарность къ Наполеону и Пальмерстону, но несомнѣнно, что своимъ содержаніемъ они производили на нихъ, а чрезъ нихъ и дальше на всю дворню и деревню самое возбуждающее впечатлѣніе... Рассказывалось и кромѣ этого много всякаго вздора, крайне тенденціознаго и, въ результатѣ, въ головахъ всего населенія получился неистовый

сумбуръ, ориентироваться въ которомъ людямъ полуграматнымъ и совершенно безграматнымъ было рѣшительно невозможно. Что же мудренаго, что при такомъ порядкѣ, въ ожиданіи его разъясненія, одни махнули на все рукой? съ горя, а другіе сдѣлали тоже самое—съ радости. Можно представить себѣ, какъ благодѣтельно отразилось это все на хозяйствѣ тѣхъ и другихъ.

Ошеломленные всѣми этими слухами и разсказами, какъ громомъ съ безоблачнаго неба, Иваны Петровичи и Петры Ивановичи рѣшительно не знали, что имъ дѣлать. Кое-какіе грѣшки и счеты въ прошломъ, а главное перепугъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ, понятно, стянули всѣ ихъ мысли къ заботѣ о спасеніи своихъ животовъ. Но и тутъ, въ этой заботѣ, въ томъ, что предпринималось съ цѣлью обезопасить себя, ясно видны были слѣды самаго угнетеннаго умственнаго состоянія: покупались ружья, сабли, приносились изъ кладовыхъ заржавленные дѣдовскія и прадедовскія шпаги, въ которыхъ во дни оны щеголяли разные генералы-аншефы, и которыми теперь ихъ внуки собирались защищать свою жизнь отъ Сенекъ, Степокъ и т. д.

Приносилось изъ кладовыхъ, чистилось и чинилось все это тѣми же самыми Сеньками и Степками, отлично хорошо понимавшими смыслъ всего этого. И потому ничего не было страннаго въ ихъ хихиканьи, ослабленіи и проч., что такъ раздражало, пугало и убивало Ивана Петровича и Петра Ивановича. И дѣйствительно, въ ту пору перемерло съ перепугу пропасть народу, бѣльшей частью совсѣмъ добродушнаго. Пишущій эти строки лишился въ ту пору обоихъ своихъ дѣдовъ, покинувшихъ этотъ свѣтъ чисто только съ перепугу.

— Слушайте! Это моя воля, говорилъ намъ, собравшимся во кругъ его кровати, умирающій дѣдъ.—Теперь, пока есть еще время, кругомъ нашего семейнаго склепа сдѣлать ограду, толщиной въ пять кирпичей и вышиной въ четыре аршина. Дверь сдѣлать желѣзную и держать всегда на замкѣ!

Это были послѣднія его слова. До хозяйства ли ужъ тутъ было!..

А между тѣмъ, все это произошло на основаніи однихъ только слуховъ, правда, очень похожихъ на вѣроятность, но тѣмъ не менѣе все-таки слуховъ, не болѣе того. Официальнаго, достовѣрнаго ничего еще не было извѣстно. И какъ ни ждали этого официального и достовѣрнаго, оно не появлялось. Поэтому, очень естественно, что острый періодъ общей смуты уступилъ мѣсто какому-то тупому томленію и жизнь обратилась въ какіе-то безразсвѣтные сумерки, безъ всякой надежды на лучшее будущее.

Это очень скверное состояніе. Въ такое время, люди живутъ только настоящимъ, прирастаютъ къ нему и только и думаютъ о томъ, чтобы не отняли хоть этого скуднаго настоящаго, чтобы оно протянулось еще ну, хоть денекъ. Въ такое время, люди ни за что серьезно не берутся, ничего не начинаютъ, потому что не знаютъ, придется ли имъ видѣть плоды этихъ начинаній. Такое время, если оно продолжительно, непременно производитъ массу трусовъ, эгоистовъ и лѣвтяевъ. Это очень скверное время.

Такого общаго пьянства, вызваннаго у однихъ потерей вѣры въ свое будущее и обманутыми надеждами на скорое наступленіе лучшаго будущаго у другихъ, кажется, въ Россіи еще никогда не было, ни до, ни послѣ этой эпохи. И это продолжалось вплоть до появленія манифеста объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

На прощаніе съ ополченцами еще два слова объ нихъ. Авторитетъ ихъ и ореолъ, окруженные которымъ они возвратились въ свои Ивановки и Семеновки, очень скоро началъ падать и, наконецъ, совсѣмъ упалъ. Масса дѣлишекъ съ провіантскимъ и интендантскимъ букетомъ, въ которыхъ перепачкались дружинные и иные командиры, мало по малу всплыла въ разсказахъ ратниковъ-мужиковъ и слово «ополченецъ» утратило свой престижъ, получивъ въ замѣнъ его тотъ же смыслъ, какой въ послѣдствіи былъ присвоенъ слову ташкентецъ.

Но чтобы то ни было, и какіе бы они, эти ополченцы, ни были сами по себѣ, во всякомъ случаѣ въ степной глуши они были первыми ласточками, прилетѣвшими съ извѣстіемъ о неожиданномъ наступленіи весны для однихъ и осени для другихъ.

Наконецъ, грянулъ манифестъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Очень скоро послѣ манифеста начали образоваться губернскіе комитеты. Въ составъ ихъ вошли, т. е. были избраны, разумѣется, самые авторитетные помѣщики. Очень много принимались во вниманіе петербургскія связи избираемаго. Легковѣрные думали, что при помощи этихъ связей удастся отвести ударъ или сдѣлать его, по крайней мѣрѣ, не столь сокрушительнымъ...

Когда, время отъ времени, члены комитета возвращались изъ губернскаго города въ свои деревни, къ нимъ, обыкновенно, тотчасъ же съѣзжались всѣ сосѣди и разспрашивали. Но что же можно было отвѣчать на эти разспросы? Ничего, потому что возвратившіеся и сами ничего не знали. Былъ еще источникъ, изъ котораго слѣшили тогда помѣщики утолить жажду своего любопытства — это сношенія съ Петербургомъ. Какъ извѣстно, наша петербургская чиновная іерархія почти сплошь составлена изъ воспитанниковъ привилегированныхъ училищъ, т. е. изъ сыно-

ней, племянниковъ и внуковъ помѣщичьихъ. И вотъ это молодое, такъ сказать, поколѣніе обречено было на писаніе безконечнаго количества отвѣтныхъ писемъ во всѣ концы обширнаго отечества. Папаши, мамыши, тетюшки, дядюшки, дѣдушки и даже бабушки, писали и спрашивали о «своей участи», о своемъ «приговорѣ», который долженъ былъ произнести надъ ними Петербургъ.

Кто знаетъ, какъ велось дѣло составленія изданія положенія 19-го февраля, и знаетъ, что такое департаментское служащее юношество, тотъ, конечно, согласится со мной, что вѣсти, получаемыя изъ Петербурга въ глуши, не только не разсѣвали неизвѣстности, но своимъ разнорѣчіемъ и безсодержательностью способствовали только унынію, заводя въ умахъ отчаянную путаницу и кислотину. Я сдѣлаю здѣсь маленькое отступленіе для одного очень характернаго анекдота, героемъ котораго былъ одинъ щелкопёръ, сынъ тамбовскаго помѣщика, проходившій въ то время свой служебный путь въ Петербургъ.

Джентльменъ этотъ, приближавшійся къ тридцати-лѣтнему возрасту, безукоризненно одѣтый и правильно дѣлившій свое время между канцеляріей, Дюссо и коготками, былъ настолько обремененъ долгами, что родители его, доведенные уплатами до раззоренія, наотрѣзъ объявили ему, чтобъ больше за деньгами къ нимъ онъ не обращался, а изворачивался бы самъ, игрою своего ума. И дѣйствительно, умъ у него оказался столь игривъ, что далъ ему возможность сыграть съ цѣлымъ уѣздомъ такую штуку. Какъ сейчасъ помню, передъ самыми святками, у насъ въ степи прошелъ слухъ, что къ Х—скимъ пріѣхалъ изъ Петербурга сынъ, привезъ какія-то новости очень важныя, и что поэтому случаю къ нимъ собираются всѣ сосѣди. Потащился туда и мой старикъ дядя. Три дня онъ тамъ пропадалъ, наконецъ, пріѣхалъ и привезъ новость.

— Ну, Сергѣй, теперь мы хоть немножко можемъ быть покойны. Если и не удастся отстоять свои права, то хоть узнаемъ заблаговременно свою участь, успѣемъ, по крайней мѣрѣ, хоть какія-нибудь мѣры принять.

— Что же такое, спрашиваю, вы устроили?

— А устроили мы, другъ мой, вотъ что: ты знаешь, гдѣ Х—скій служить? Ну, такъ вотъ, все, что въ ихъ комиссіи говорить и дѣлается, онъ намъ будетъ каждую недѣлю сообщать. а мы ему на расходы за это въ складчину будемъ ежемѣсячно платить по восьми сотъ рублей.

Прошли цраздники, Х—й поѣхалъ въ Петербургъ, заполучивъ за два или за три мѣсяца впередъ гонораръ. Недѣли черезъ двѣ, дядя получаетъ приглашеніе къ Х—скимъ. Пишутъ, что

имѣются новости изъ Петербурга. Опять собрался весь уѣздъ. опять толковали, читали, жевали и писали запросы и вопросы дня два. Возвращается дядя домой.

— Ну, что?

— То есть, какъ тебѣ сказать... Что-то уже очень хорошо. Пишетъ хоть и не своей рукой, но пишетъ, что все дѣло можно еще поправить, т. е. затянуть лѣтъ на десять... А тамъ-дескать, можетъ, образумятся, и сами поймутъ куда это заведетъ. Вѣдь князь М—овъ сказалъ же, что подписывать эти эмансипаціи надо на пароходѣ съ разведенными парами... Х—скій пишетъ, что князь это такъ-таки прямо и сказалъ.

— Ну, это, говорю, можетъ быть и остроумно, да дѣло-то, дѣло-то ваше все-таки въ какомъ положеніи?

— Да вотъ теперь написали ему, чтобы поскорѣе отвѣчалъ, не можетъ ли онъ это подешевле какъ устроить.

— А развѣ онъ за это просить еще?

— То есть, какъ тебѣ сказать... Онъ не для себя просить. а дать, говорить, нужно, чтобы дѣло-то затянули...

И какъ ни очевидно было мошенничество, но деньги, десять тысячъ были собраны и отправлены въ Петербургъ. Скоро Х—й пересталъ даже присылать и бюллетени, убѣдившись, вѣроятно, что больше урвать ему едвали удастся.

Вообще, вспоминая то время, необходимо придется признать тотъ несомнѣнный фактъ, что помѣщиковъ занимала, въ гораздо бѣльшей степени, забота о сохраненіи своихъ животовъ, а также сохраненіи личныхъ своихъ правъ и преимуществъ, чѣмъ экономическая сторона реформы. Интересовало, какъ удобнѣе будетъ спастись при предстоящемъ возбужденіи, какія оскорбленія придется испытывать, оставаясь въ деревнѣ, отъ Филекъ и Сенекъ, какъ эти Фильки и Сеньки будутъ надъ нами глумиться; куда переѣзжать безопаснѣе; какъ бы половчѣе все распродать и припрятать и затаить на черный день деньги. Все это мы слышали, помнимъ, но я рѣшительно не помню, чтобы слышалъ хотя какія-нибудь соображенія на счетъ того хозяйства, которое должно будетъ смѣнить настоящее. Мнѣ сдается, что это было такъ отъ того, что въ то время не было никакого хозяйства въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается теперь даже у насъ. Да, хозяйства не было. Была безобразная затрата лошадинаго и человѣческаго физическаго труда, почти дарового, безъ всякаго расчета, безъ всякой теоріи, безъ всякой системы, не говоря уже о какой-нибудь научной подготовкѣ, о приложеніи какихъ-нибудь научныхъ законовъ. Я говорю вообще, про массу, и это не опровергается рѣдкими-рѣдкими исключеніями, которыя тогда встрѣчались, ко-

нечно, еще рѣже, чѣмъ теперь, и не вызывали ничего, кромѣ насмѣшки, какъ надъ дураками, надъ тѣми, которые заводили машины, новые сорта хлѣба и травъ, и презрѣнія къ тѣмъ, кто къ хозяйству примѣшивалъ соображенія и приемы купца, т. е. кто скупалъ, напимѣръ, телятъ, свиней, птицу, выкармливалъ ихъ и продавалъ, кто заводилъ у себя мукомолки, маслобойни и пр. Все это считалось дѣломъ не дворянскимъ, купеческимъ. Дворянское дѣло было: приказать вспахать, посѣять, сжать, обмолотить и зерно продать. Единственные заводы, не компрометировавшіе дворянскаго достоинства, были конскіе.

Все это было еще такъ недавно, такъ у всѣхъ на памяти, что по этому вопросу, кажется, не можетъ быть никакихъ споровъ и недоразумѣній. Дослужится, бывало, Иванъ Петровичъ до штаб-ротмистра, застрянетъ въ этомъ чинѣ, позапутается въ долгахъ—глядишь, умеръ родитель и зовутъ штаб-ротмистра на помѣщичій тронъ. И вотъ онъ беретъ бразды правленія и пошли писать. Сейчасъ, разумѣется, реформы, но реформы въ чемъ? Реформы въ администраціи, реформы на конюшнѣ, на псарнѣ и полнѣйшее забвеніе земледѣлія, т. е. повтореніе родительскаго безобразнаго расходованія лошадиной и мужицкой силы, повтореніе того же дикаго игнорированія науки и тотъ же дворянскій говоръ относительно введенія въ хозяйство разчета и коммерческаго элемента. И такъ шло нерушимо и неуклонно изъ рода въ родъ, безъ одинаго шага впередъ, безъ единой попытки приложить къ дѣлу хоть бы тѣ приемы, которые обратились ужъ въ рутину въ западномъ хозяйствѣ, и которые все-таки неизмѣримо выше тѣхъ, что процвѣтало въ нашемъ болотѣ...

Но какъ ни бѣдны мы были живой мыслью и развитіемъ, все же отлично понимали, что такой порядокъ, такое хозяйство возможны только подъ условіемъ, чтобы Фильки и Ваньки не смѣли и думать объ ослушаніи, чтобы все время и всѣ мускулы этихъ Филекъ были въ полномъ распоряженіи нашемъ. Такъ было до тѣхъ поръ, такой порядокъ мы видѣли отъ рожденія, и ни о какомъ другомъ порядкѣ никогда ничего не слышали, ничего не читали. Теперь, стало извѣстно, что время и мускулы Филекъ вотъ-вотъ будутъ объявлены личной ихъ собственностью и намъ никому никакихъ правъ на нихъ предъявлять не будетъ предоставлено... Можно было еще питать кой-какую надежду, что удастся обезземелить дворовыхъ и, какъ верхъ блаженства, мужиковъ, но воля... но вѣдь «своеволіе» все-таки «имъ» будутъ даны!

Послѣ всѣхъ этихъ соображеній, мнѣ кажется, ясно, почему никто не старался заглянуть впередъ и поломать голову надъ

тѣмъ хозяйствомъ, которое должно смѣнить настоящее. Кромѣ настоящаго, никто никакого другого не зналъ, и едвали даже кто-нибудь могъ себѣ представить, какъ это можно будетъ «съ нашимъ народомъ» хозяйство вести, не имѣя права «его» наказывать? Словомъ, будущее хозяйство представлялось въ этомъ отношеніи до того неизвѣстнымъ, что представить его себѣ отказывалось даже самое смѣлое помѣщичье воображеніе. Представлялась какая-то пустота и больше ничего. Вотъ каково было тогдашнее отношеніе къ экономической сторонѣ ожидавшейся реформы. Что же касается «своеволія», то это дѣло другого рода. Объ этомъ думали, говорили, соображали, сбѣзжались, принимали мѣры, правда, очень комическія, но все-таки хотъ что-нибудь да предпринимали. Покупались, напримѣръ, дома въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ жизнь, подъ охраной исправника, двухъ квартальныхъ, десятка будочниковъ, и такого же числа разсылныхъ, почиталась почему-то безопасной. Многіе предполагали совершить экскурсіи гораздо болѣе отдаленныя, чѣмъ бѣгство въ свой уѣздный городъ. Одицъ умеръ, напримѣръ, въ Гельсингфорсѣ, куда онъ сбѣжалъ изъ Тамбовской своей деревни, за годъ до объявленія новаго положенія.

Медленно, душно, мрачно прошли томительные три года, въ которые писалось, редактировалось и печаталось положеніе 19-го февраля.

Но за полгода, до объявленія «воли», кое-что стало выясняться. Такъ, напримѣръ, стало извѣстнымъ, что мужики будутъ надѣлены землею и что за эту землю они должны будутъ заплатить помѣщикамъ или работой или выкупить ее, въ чемъ имъ поможетъ казна. Немного спустя, стало извѣстно, что дворовыхъ можно будетъ пустить «на вѣтеръ» и что нѣсколько лѣтъ они должны будутъ работать на помѣщиковъ по старому.

Всѣ эти новости нѣсколько оживили нашъ умственный духъ. «Бѣда» начала представляться далеко не такой ужъ безвыходной, какой оно померещилась съ начала. И, наконецъ, привычка: вѣдь живутъ же люди на Везувіи. Сегодня страшно, завтра страшно, и тамъ и привыкнешь помаленьку.

Оно, конечно, въ зобу дыханіе спиралось и руки тряслись, когда въ первый разъ коснулись они знаменитой книги положенія 19-го февраля; но смертнаго приговора себѣ въ ней ужъ не рассчитывали прочитать. А когда начали читать, вдумываться и перечитывать безъ конца, усмотрѣли даже возможность устройства съ «пейзанами», какъ называли тогда мужиковъ, при по-

мощи нѣкоторыхъ болѣе или менѣе остроумныхъ экспериментовъ. Вообще, раскинувъ, какъ слѣдуетъ, умомъ мы пришли къ тому заключенію, что «шалить» «имъ» не дадутъ, а когда прошло еще съ полгода, то увидали, что «мужички» и сами никакихъ поползновеній на шалости не выказываютъ. Тогда и со-всѣмъ ужь успокоились и стали заниматься своимъ дѣломъ, какъ слѣдуетъ. Это «свое дѣло» въ то время заключалось въ заботѣ, какъ бы поставить «мужиковъ» въ такое положеніе, чтобы они всегда «чувствовали» и чтобы мы сами, напротивъ, совсѣмъ не чувствовали. Дворню, «этихъ тунейдцевъ» мы, конечно, держали положенный срокъ у себя, но были очень рады, что имъ «совершенно справедливо» не дано земли. И дѣйствительно, зачѣмъ дворовому человѣку земля? Вѣдь дворовые, какъ предполагалось, все специалисты, мастеровые: столяры, маляры, печники и проч. Что же касается вопроса о томъ, куда дѣнутся крѣпостные скрипачи, крѣпостные балетмейстеры, доѣзжачіе, борзятники, выклятники и проч.—мы его себѣ не задавали.

Съ этихъ размышленій, соображеній и плановъ, собственно и начинается пробужденіе «духовной», такъ сказать, жизни помѣщика. Мѣсто страха заняло чувство жолчной мелочности и хотя это чувство вообще не похвальное, но оно было тогда такъ присуще, что было причиной, что многія утѣшенія «мужичкамъ» произошли безъ всякой надобности, а себѣ, благодаря этому чувству, мы испортили очень много благородной крови. Впрочемъ, нѣкоторымъ это чувство принесло и пользу. Такъ напри-мѣръ, тѣ изъ насъ, которые сумѣли тогда спустить мужикамъ въ надѣлъ землю «съ песочкомъ», ничего противъ этого не имѣютъ и теперь, потому что «мужички» на расхватъ арендуютъ ихъ землю, по цѣнѣ гораздо болѣе «приличной», чѣмъ у сосѣдей.

Но вообще, весь этотъ начальный, такъ сказать, періодъ нашего пробужденія слѣдуетъ назвать кляузнымъ. Помѣщики изучили Положеніе 19-го февраля до изступленія. Были нѣкоторые, которые знали его чуть не наизусть, и все-таки ровно ничего не понимали. Съ этой же цѣлью, т. е. чтобы понять «Положеніе», ѣздили въ городъ сами и изъ города привозили или выписывали отставныхъ секретарей уѣзднаго и земскаго судовъ, отставныхъ квартальныхъ, писцовъ и проч., которые не только получали содержаніе и водку въ достаточномъ количествѣ, но и посылали провизію своимъ семьямъ. И надо правду сказать, многіе изъ нихъ проявили при истолкованіи статей «Положенія» 19-го февраля, замѣчательное остроуміе, но за то не малое число ихъ и было отдано въ послѣдствіи подъ судъ за излишнее усердіе при составленіи приговоровъ отъ имени мужиковъ.

Когда такимъ образомъ «Положеніе» 19-го февраля было основательно изучено подъ извѣстнымъ угломъ и даже сдѣланы были нѣкоторыя удачныя пощты къ примѣненію его на практикѣ, и когда во всякомъ случаѣ былъ установленъ характеръ будущихъ взаимныхъ отношеній господъ къ мужикамъ и «тунендцамъ», наша «духовная» дѣятельность, такъ сказать, разщепилась. Мы ясно увидали и даже почувствовали, что передъ нами двѣ задачи. Во-первыхъ, мы должны во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было способомъ ухитриться сохранить хоть то, что «намъ оставили», что «не отняли у насъ», т. е. отдать «мужикамъ» какъ можно меньше земли въ надѣлъ и притомъ, чтобы эта отданная въ надѣлъ земля была самая худшая и дальняя. И во-вторыхъ мы должны приладить хозяйство къ новому положенію. Эта вторая задача, какъ увидимъ ниже, оказалась гораздо труднѣе первой.

Обойтись въ хозяйствѣ безъ мужика или, правильнѣе, имѣти въ своемъ распоряженіи мужика не съ утра до ночи каждый день, какъ было прежде, а всего только (при издѣльной повинности) три дня въ недѣлю, да притомъ и въ эти-то три дня опредѣленное число часовъ—вотъ что было трудно. И ко всему этому цѣлый рядъ огорченій. Во-первыхъ, «они» сразу узнали, какія мѣры побужденія разрѣшаются и какія не разрѣшаются, такъ какъ было даже нѣсколько примѣровъ, когда, по старой привычкѣ, будучи отправлены за непослушаніе къ исправнику, для «наказанія на тѣлѣ», они возвратились оттуда ненаказанными, и вслѣдствіе сего, проѣзжая обратно мимо барскаго дома, смѣялись и не ломали шапокъ, а на другой день, на работѣ въ полѣ, при встрѣчѣ съ бариномъ, показывали видъ, что совершенно его не замѣчаютъ. Затѣмъ, при исполненіи работъ, лѣность выказывали чрезвычайную; можно сказать, даже невѣроятную, и работали не только мало, но и эта малая работа была достоинства самаго низшаго.

Мысли и думы, вызванныя такими порядками, были, понятно, самыя тяжелыя. Ничего не могло быть естественнѣе желанія избѣгнуть всѣхъ этихъ неприятностей, такъ что ощущалась, наконецъ, справедливая потребность забыть ее и отдохнуть. Шутка сказать—вѣдь цѣлые года прожили, въ ожиданіи, Богъ знаетъ чего. Отъ «нашего народа» всего вѣдь можно ожидать — развѣ это люди! и т. д. И, наконецъ, надо же подумать о дѣтяхъ, надо же и имъ дать воспитаніе, а изъ какихъ это, спрашивается, доходовъ?

И такъ соблазнительно, такъ желанно представлялась возможность получить деньги! Стоило только пустить мужиковъ

на фюить, т. е. на выкупъ, и денежки тутъ какъ тутъ. Конечно, онѣ являются въ видѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, но маленькая скидочка—и у васъ тѣ же деньги...

Я не знаю, кто онъ, но мнѣ ужасно хотѣлось бы взглянуть хоть разъ въ лицо того, кто получилъ первое выкупное свидѣтельство и проѣлъ его. Гдѣ оно было проѣдено, и притомъ, одинъ ли онъ его проѣлъ, или съ метрессой? Все это, конечно, вопросы совершенно праздные и, пожалуй, даже къ дѣлу неидущіе, но все-таки любопытные.

Съ увѣренностью можно сказать, что какъ только помѣщику эти мысли и соображенія разъ пришли въ голову, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подчинялся имъ и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день не выдерживалъ и пускалъ «нихъ» на выкупъ. Такъ поступила, по крайней мѣрѣ, половина помѣщиковъ, не будучи способной, во-первыхъ, устоять противъ искушенія получить сейчасъ же деньги, а во-вторыхъ, противостоять желанію дать «воспитаніе дѣтямъ». Но «благоразумные» и дальновидные характеры смотрѣли на дѣло иначе.

— Нѣтъ, голубчикъ, на обязательный выкупъ не соглашусь—дудки! Не хотите-ка по согласію, да рубликовъ такъ по сту за десятину-то.

И дѣйствительно, дальновидные и энергичные люди, при помощи штрафовъ, условій и контрактовъ, доводили до того, что «они» соглашались на что угодно, лишь бы раздѣлаться. Но такихъ прозорливцевъ было немного, ибо энергичныхъ людей у насъ вообще мало.

И съ этого самаго времени, т. е. съ того момента, какъ родилась мысль объ «отдыхѣ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, кстати ужъ, созрѣла другая мысль—о необходимости дать дѣтямъ «приличное воспитаніе», и для всего этого ѣхать въ городъ—съ этого самаго времени, повторяю, для многихъ и многихъ началась быстрая наклонность къ упадку.

Почему?

Много причинъ. Во-первыхъ, бумажки, полученныя за выкупныя свидѣтельства, отличались замѣчательной способностью уплывать между пальцами гораздо скорѣе и легче, чѣмъ когда онѣ получались, бывало, за пшеницу, овесъ и т. д. Многие объясняли это тѣмъ, что первыми кинувшимися за «выкупными», т. е. «пустившими» мужиковъ на выкупъ, были самые легковѣрные, самые истомленные, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что они поддались искушеніямъ, увлеченіямъ и, «воспитывая дѣтей», сдѣлались жертвами своей нерасчетливости. И вотъ, когда всѣ «выкупныя» отъ первой до послѣдней были съѣдены, и когда

въ то же время, ни потребность въ «отдыхѣ», ни «воспитаніе дѣтей» не позволяли еще оставить столицы и вообще города, то, понятно, слѣдовало прибѣгнуть къ кредиту. Кредитъ же не представлялся опаснымъ, потому что предполагалось повести хозяйство «по новому», а это несомнѣнно должно было поднять доходность имѣнія.

Трудно опредѣлить, до чего была тверда вѣра въ будущую доходность, и сколько бы они, эти легкомысленные, накредитовались бы, еслибы общее тогдашнее безденежье не положило предѣла и мечтаніямъ, и кредиту.

Такъ какъ веденіе «по новому» хозяйства было еще только въ началѣ и, даже можно сказать, существовало болѣе въ принципѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, а кредитъ былъ уже захопнутъ, то естественнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія представлялось продолженіе реализаціи или, лучше сказать, ликвидаціи оставшагося имущества. Меню проѣданія этого имущества было вообще однообразно. Вся разница была только въ томъ порядкѣ, въ которомъ подавались блюда. У однихъ, напримѣръ, подавали, вслѣдъ за выкупными, лѣса, у другихъ—многолѣтнюю аренду, у третьихъ—вторую закладную, и все это подавалось подъ соусомъ изъ веселей, сохранныхъ росписокъ и проч.

При такой обстановкѣ продолжались «отдыхъ» и «воспитаніе дѣтей». Само собою разумѣется, что положеніе было отвратительное, и еслибы не удивительная наша способность принимать мечтанія за дѣйствительность, то съ увѣренностію можно сказать, что многіе не вынесли бы такого порядка и сами наложили бы на себя руки. И если этого не случилось, то единственно благодаря мечтательной надеждѣ, что, съ предстоящимъ введеніемъ «раціональнаго хозяйства», деньги польются рѣкой.

Но деньги, занятія для введенія «раціональнаго хозяйства», какимъ-то непостижимымъ путемъ уходили туда-сюда, а «раціональное хозяйство» не вводилось...

Только люди безчувственные, вспоминая это тяжелое время для многихъ и многихъ, непонимавшихъ, куда влечетъ ихъ легкомысліе, могутъ издѣваться надъ ними.

Становится неловко, когда подумаешь, что почти половина нашего сословія сошла уже «на нѣтъ», или ужь непремѣнно сойдетъ на нѣтъ въ ближайшемъ будущемъ, и что случилось это, единственно благодаря легкомысленному и несвоевременному «отдыху» и «воспитанію дѣтей».

Это очень тяжелый фактъ, и въ настоящее время мы не можемъ еще, какъ слѣдуетъ, оцѣнить всѣ его послѣдствія. Да не

заподозрять меня въ ироніи — нѣтъ, я говорю совершенно серьезно и называю фактъ тяжелымъ вотъ почему:

«Воспитаніе дѣтей», о которомъ мнѣ приходится упоминать такъ часто, было довольно странное и ужъ во всякомъ случаѣ несообразное. Люди, состояніе которыхъ, можно сказать, таяло какъ снѣгъ весной, находили себѣ утѣшеніе, въ надеждѣ на неслыханные доходы отъ предполагавшагося введенія «раціональнаго хозяйства», и они же, эти же люди, обманывали себя еще разъ, восторгаясь въ тоже время видомъ сыновей своихъ, одѣтыхъ въ привилегированные мундирчики, въ которыхъ ходили и дѣти сановниковъ, ихъ товарищи. Они восторгались и млѣли отъ одной мысли, что сынъ ихъ, привезенный изъ какой-то тамбовской глуши, носящій имянную фамилію, за девять сотъ рублей годовой платы сидитъ въ училищѣ рядомъ съ сыномъ министра, и они говорятъ другъ другу ты и по субботамъ вечеромъ вмѣстѣ ужинаютъ у Бореля и оба будутъ служить въ одномъ и томъ же департаментѣ и, «почемъ знать», можетъ быть...

Обѣ мечты шли рядомъ и были у нихъ неразлучны. Золотныя горы отъ «раціональнаго хозяйства» и Петинькина карьера... Какъ ни трудно было, а по письму Петиньки, въ которомъ онъ просилъ немедленно прислать ему пять сотъ рублей, такъ какъ завтра онъ долженъ быть тамъ-то на балу и для этого предстоятъ такіе-то расходы — деньги посылались «немедленно» или привозились въ училище самимъ родителемъ или родительницей, если таковыя, для «воспитанія дѣтей», находились въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, росли Петиньки, не подозрѣвая о той горькой участи, какая имъ предстоитъ, въ случаѣ неудачи «раціональнаго хозяйства».

Сколько драмъ, комедій и водевилей завязывалось тогда, а мы и не подозрѣвали, что героями ихъ будемъ мы, наши дѣти, наши племянники. Намъ тогда и въ голову не приходило, что результатомъ нашихъ заботъ объ «воспитаніи дѣтей» будетъ разведеніе въ Россіи великаго количества празднолюбцевъ, которые въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи уже сами выработаютъ изъ себя совершенно самостоятельный типъ, и не будетъ въ Россіи отъ нихъ никому проходу и вездѣ заведутъ они небывалую духоту.

Дѣти окончили свое воспитаніе и получили аттестаты немного ранѣе того, какъ было доѣдено послѣднее блюдо, т. е. какъ имѣніе было продано съ аукціона за долгъ банку или по второй закладной купцу второй гильдіи Подъугольникову. Отъ окончанія курса Петиньки въ училищѣ до продажи имѣнія, прошли всего года два съ чѣмъ-то. Да и эти два года хотя имѣньемъ

и владѣлъ еще папенька, но онъ владѣлъ имъ ужъ до такой степени конституціонно, что такое владѣніе не стоитъ собственно и называть владѣніемъ. Лѣсъ проданъ на срубъ Подъугольнику, земля сдана въ аренду племяннику Подъугольника и деньги за все время получены впередъ. Садъ фруктовый и даже огородъ сданы другому племяннику Подъугольника, который, «со скидочкой» тоже всѣ деньги уплатилъ впередъ. И такъ все и во всемъ, куда ни оглянись, тѣснота въ деньгахъ была уже тяжкая и при окончаніи курса доходило уже до того, что, когда Петинькѣ, причисленному къ министерству иностранныхъ дѣлъ, надо было прилично одѣться и онъ поѣхалъ къ Тедески и началъ намекать стороной о кредитѣ, то послѣдній наотрѣзъ отказалъ и только ужъ благодаря какой-то необыкновенно остроумной комбинаціи, согласился окипировать будущаго дипломата, въ чемъ, разумѣется, не разъ впоследствии раскаявался. Очень естественно, что Петинька всѣ денежные затрудненія родителей немедленно же началъ критиковать, строго осуждая ихъ за то что они упустили столько времени, не заводя рациональнаго хозяйства и пр.

Такое жестокое отношеніе къ родителямъ «своего же дѣтища», конечно, глубоко ихъ огорчило и, можно сказать, даже убивало.

— Ты знаешь самъ, Петинька, что для твоего воспитанія мы ничего не жалѣли; всѣ твои прихоти исполняли... Кажется, можно быть благодарнымъ.

— Вы, маменька, совершенно заблуждаетесь. За мое воспитаніе вамъ слѣдовало бы платить въ училище и больше ничего. Но для чего вы переѣхали изъ Осиновки въ Петербургъ — этого, кажется, и сами вы не знаете.

— Какъ, мой другъ, для чего? А развѣ ты думаешь, можно было оставить тебя здѣсь одного, безъ надзора?

— Вотъ это-то, маменька, и было вашей ошибкой. вмѣсто того, чтобы вводить въ имѣніи рациональное хозяйство и устраивать его, вы все бросили и пріѣхали слѣдить за мной. Во-первыхъ, въ училищѣ у насъ есть воспитатели, специально для этого приставленные, а потомъ, зачѣмъ собственно хотѣли вы слѣдить? Чтобы я долговъ не надѣлалъ? Но, вѣдь я еще и теперь несовершеннолѣтній, слѣдовательно, долги для меня не могли быть опасными. Чтобы я не завелъ какой-нибудь связи, не увлекся? Но вѣдь вы должны же знать, что это немислимо ни съ однимъ изъ насъ. Вы, маменька, должны были бы знать, что наше училище хоть и закрытое, но двери въ жизнь для насъ всегда открыты. И, кажется, не было примѣра, чтобы хоть одинъ изъ насъ увлекся. Спрашивается: что же мы будемъ дѣ-

*

латъ теперь, когда мы раззорены? Вы знаете, что на мое годовое жалованье я не могу и мѣсяца прожить. Гдѣ же средства? Моя карьера, значитъ, зарѣзана!

— Мой другъ, что отъ насъ зависѣло, мы исполнили; самое главное было дать тебѣ образованіе — теперь ты ужъ на своихъ ногахъ. Съ такимъ образованіемъ, которое ты получилъ, съ такимъ блестящемъ знакомствомъ...

Но ничего изъ этихъ собесѣдованій не выходитъ, потому что и сами бесѣдующіе внутренно сознаютъ, что говорятъ неправду. Петинька правъ, по крайней мѣрѣ, хоть въ томъ, что если не поддержать его, пока онъ не взберется кому-нибудь на плечи или пока плотно къ кому-нибудь не присосется, то изъ всего его «блестящаго» образованія ни черта не выйдетъ.

Съ такими мыслями и соображеніями рѣшено было поѣхать всѣмъ вмѣстѣ въ Осиновку и тамъ, на мѣстѣ, тщательно рассмотреть и сообразивъ, извлечь изъ имѣнія послѣдніе соки и этими соками полить то растеніе, которое должно будетъ распусться роскошными цвѣтами на петербургской департаментской почвѣ. Не полагаясь болѣе ни на опытъ родителей и не питая къ нимъ довѣрія, Петинька съ какимъ-то ожесточеніемъ ѣхалъ въ Осиновку. Фактъ необходимости достать денегъ во что бы то ни стало и откуда бы то ни было, былъ констатированъ и всѣ помысленія были сосредоточены только на средствахъ и способахъ достать ихъ.

— Вѣдь вы, маменька, всю землю сдали въ аренду?

— Всю, мой другъ.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вамъ всѣ эти постройки — риги, амбары — вѣдь ихъ тоже можно продать? Вѣдь дадутъ же за нихъ что-нибудь?...

— Во-первыхъ, мой другъ, что же это такое будетъ? это ужъ значитъ, ты хочешь просто раззорить имѣніе. И потомъ вѣдь это все сдано Подъугольникову въ аренду...

— Я, маменька, вашего имѣнія раззорять не хочу и ѣду туда только потому, что вы просили меня сами вмѣстѣ съ папенькой пріѣхать туда, осмотрѣть все и постараться найти источники новыхъ доходовъ. Я вамъ ихъ указываю, а если это вамъ не нравится, то я могу или совсѣмъ туда не ѣхать, или, пріѣхавъ, буду въ моихъ сужденіяхъ воздержанъ и ничего не буду высказывать...

— Да ты пойми же, наконецъ, ужъ болѣе раздраженнымъ тономъ отвѣчаетъ маменька: — развѣ это доходы — продажа хозяйственныхъ построекъ? Я такого образованія, какъ ты, не полу-

чила, а все-таки понимаю, что это «раззореніе отчаго гнѣзда» и только. Мы съ отцомъ про новыя источники доходовъ тебѣ говорили, а ты...

Такого рода недоразумѣнія и несогласія во взглядахъ еще до шрѣзда въ Осиновку уже непріятно дѣйствовали на Петиньку, представившаго было себѣ Осиновку какъ бы объятую пламенемъ, изъ котораго онъ, какъ смѣлый и ловкій пожарный, все будетъ извлекать, и что бы онъ ни извлекъ — все его будетъ. Но Петинька, несмотря на свое несовершеннолѣтіе, былъ уже мальчижъ съ ноготкомъ, и совершенно справедливо говорилъ маменькѣ, что хотя училища ихъ и закрытыя, но онъ въ нѣкоторомъ родѣ прошелъ уже и огонь, и воду, и мѣдныя трубы.

Такимъ образомъ, разногласіе съ маменькой относительно способовъ извлеченія доходовъ изъ имѣнія, хотя и подѣйствовало на него непріятно, но онъ твердо рѣшилъ, что такъ или иначе, безъ денегъ онъ въ Петербургъ не вернется, хотя бы пришлось продать для этого не только амбаръ и ригу, но даже самый домъ... И вдругъ—сюрпризъ! Огромный шкапъ съ образами въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ, испоконъ вѣку стоявшій въ спальнѣ, вспомнился ему особенно отчетливо и онъ, не сообразивъ всей безтактности своего вопроса, ляпнулъ его маменькѣ прямо и безъ всякихъ обиняковъ.

— Маменька, мой другъ, а почему серебро продаютъ въ ломъ?..

— Это тебѣ, мой другъ, зачѣмъ же нужно знать? У тебя развѣ есть такое серебро?

— Нѣтъ, я говорю это, еслибы въ Осиновкѣ нашлось что-нибудь изъ стараго серебра...

Маменька векинула на него глаза и уставилась.

— Ужъ не къ образамъ ли ты подѣзжаешь?

— Вы, кажется, маменька, хотите просто доставить мнѣ удовольствіе прожить у васъ въ деревнѣ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ и затѣмъ, давъ мнѣ на дорогу сто рублей, позвольте ѣхать въ Петербургъ. Такъ, мой другъ? кротко и даже ласково испытывалъ онъ и взялъ материну руку, чтобы поцѣловать. Но мать, разумѣется, сейчасъ же поняла все его ехидство, отняла руку и глубоко огорчилась, даже до слезъ.

— И гдѣ у тебя сердце послѣ этого, и въ кого это ты родился! крикнула она на весь вагонъ, такъ что всѣ оглянулись на нихъ.

Съ такими неестественными, можно сказать, чувствами злобы, они, наконецъ, пріѣхали въ Осиновку, гдѣ, какъ сказано, самымъ конституціоннымъ образомъ правилъ дѣлами теперь папенька, т. е. собственно не правилъ даже ничѣмъ, а каждый день из-

обрѣталъ все новыя и новыя прозекты полученія отъ Подутольниковова впередъ еще денегъ; но тотъ всѣ бесѣды на этотъ счетъ кончалъ однимъ полнѣйшимъ на все отказомъ. Встрѣчу Петиньки съ отцомъ можно назвать тоже странною.

Маменька, по приѣздѣ, тотчасъ же ушла въ спальню, тамъ заперлась и начала молиться передъ упомянутымъ выше шкафомъ съ образами въ серебрянныхъ ризахъ. Папенька же взявъ Петиньку за бока и не то чтобы пристыженно, а какъ-то приниженно-закискивающе, какъ бы извиняясь, проговорилъ:

— Ну, очень радъ — теперь ты самъ... теперь все увидишь. теперь дѣлай, какъ знаешь... Мнѣ, старику... мнѣ горсть земли!

Петинька обнялъ его и, трижды поцѣловавъ, сказалъ:

— Папенька! живите, живите и живите. Надо только быть твердымъ и благоразумнымъ. Поддержите меня только теперь. Вы понимаете, отъ первыхъ моихъ шаговъ въ обществѣ все зависитъ. Не надо только имѣть предразсудковъ. Средства мы найдемъ—мы найдемъ что продать...

— Другъ мой! ужъ все продано, что можно было продать. Не обманывайся на этотъ счетъ. Трудно намъ.

— Поищемъ — найдемъ, кротко и успокоивающе сказалъ Петинька и, ласково обнявъ отца, повелъ его на балконъ.

— Папенька! что это за личности ходятъ тамъ въ цвѣтникѣ? спросилъ онъ, увидавъ двухъ мѣщанъ съ бородами въ синихъ длиннополыхъ растегнутыхъ сюртукахъ, позволявшихъ видѣть выпущенныя изъ подъ жилетовъ розовыя ситцевыя рубашки.

— Ахъ, мой другъ, не спрашивай! видѣть я ихъ не могу — это племянники Поддугольникова. Они сняли фруктовый садъ на аренду — ну, цѣлый день вотъ тутъ и вертятся передъ глазами.

— А деньги у нихъ есть? Они, можетъ быть, будутъ намъ полезны!

— Нѣтъ, мой другъ, это ужъ испробовано—они ничего не дадутъ. Вчера, повѣришь ли, просилъ пятьдесятъ рублей—не дали! говорятъ, денегъ нѣтъ; а я положительно знаю, что у нихъ у обоихъ тысячъ десять капитала.

— Нѣтъ, папенька, я не про заемъ у нихъ говорю, а такъ вообще. Можетъ быть, они согласятся на какую-нибудь комбинацію.

— На какую же, мой другъ?

Въ это время взоръ Петиньки совершенно случайно остановился вдали на широкой длинной липовой аллеѣ.

— А что, папенька, вѣдь здѣсь лѣсовъ мало, все степи?

— Да, мой другъ, степи, да и были у кого лѣса, такъ тоже, какъ и мы, пораспродали.

— Такъ что, папенька, лѣсъ у насъ, значить, вообще въ цѣнѣ?

— Еще бы!

— А почему, напримѣръ, можно купить (онъ чуть-чуть не сказалъ продать, но не сказалъ потому, что для чего же вызывать пошлую сцену?) большое толстое липовое дерево?

— Т. е. какъ это толстое?

— Ну, вотъ хоть такое, какъ вотъ эти липки?

— Да тебѣ зачѣмъ это нужно? Ты ужъ говори лучше прямо: ты думаешь продать садъ на срубъ? Такъ что ли? а?..

— Вотъ видите, папенька... Надо на что-нибудь рѣшиться, надо что-нибудь дѣлать. Вы рѣшите сами про себя, одни, въ душѣ, что для васъ дороже: я ли, мое счастье, моя карьера или старая постройка, старый безтолковый запущенный садъ, въ которомъ, если есть что хорошаго, такъ, конечно, только то, что его можно дорого продать, благодаря здѣшнему безлѣсному мѣсту.

Папенька стоялъ неподвижно, какъ-то недоумѣло, поднявъ брови и уставивъ глаза куда-то вдаль, въ ту сторону, гдѣ темнѣла широкая, темно-зеленая липовая аллея съ позлащенными заходящимъ солнцемъ вершинами.

— Впрочемъ, папенька, если это васъ... Если для васъ это такъ дорого...

— А что?.. Что ты сказалъ? очнулся старикъ.

— Я говорю, папенька, что если это для васъ...

— А мнѣ что?.. Мнѣ горсть земли—и больше ничего. Это ты вотъ ужъ съ матерью объ этомъ. А мнѣ что—моя пѣсня спѣта!

И папенька часто-часто заморгалъ глазами; по щекамъ потекли слезы.

— Я, повторяю, папенька, что если это для васъ тяжело, если...

— Ахъ, дѣлай, что хочешь!

Остатокъ этого дня Петинька провелъ въ осмотрѣ сада, усадьбы, хозяйственныхъ построекъ, всюду заглядывая, все вынюхивая.

А папенька съ маменькой все это видѣли изъ окна и бесѣдовали промежъ себя:

— Вѣдь это онъ все высматриваетъ, чтобы продать что-нибудь! говорила маменька.—И въ кого это онъ у насъ уродился такой ненасытный и жестокий!

Вечеръ провели бурно. Хотя Петинька и былъ почтителенъ и вѣжливо къ родителямъ, но эта почтительность «только масло въ

огонь». Маменька горячилась до того, что одинъ разъ хотѣла было даже проклясть его, и только вмѣшательство папеньки утишило бурю. Слѣдующій день и еще одинъ день Петинька посвятилъ тому же, т. е. еще болѣе подробно все высмотрѣлъ и вынюхалъ и ко всему прицѣнился. Племянники Подбугольникова во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ ему сопутствовали и онъ отъ нихъ много полезныхъ свѣдѣній и указаній заимствовалъ.

Когда такимъ образомъ Петинька все вынюхалъ и даже составилъ «карандашикомъ» опись всему съ оцѣнкою, то рѣшился приступить къ дѣйствию. Дѣло происходило вечеромъ. Какъ «благовоспитанный» и «приличный» мальчикъ, Петинька, разумѣется, терпѣть не могъ сценъ и потому передъ началомъ разговора заручился обѣщаніемъ папеньки и маменьки, что они не будутъ горячиться, а напротивъ, все выслушаютъ спокойно, благоразумно обсудятъ и приступить къ дѣйствию.

Какъ и слѣдовало ожидать, Петинька на этотъ разъ побѣдилъ. Рѣшено было, ничего не жалѣя, все распродать, а самимъ переѣхать въ городъ, гдѣ папенька поступитъ на какую-нибудь службу. При выборѣ города, въ которомъ должны были поселиться папенька съ маменькой, вышелъ, конечно, споръ, который чуть-чуть было не испортилъ всего дѣла. Папенька съ маменькой хотѣли переѣхать въ Петербургъ и нанять квартиру хоть на Петербургской сторонѣ, гдѣ подешевле, но лишь бы Петинька былъ у нихъ на глазахъ. Онъ же, напротивъ, настаивалъ, чтобы они жили гдѣ угодно, только не въ Петербургѣ, ибо если они будутъ тамъ жить, то товарищи его это непременно пронюхаютъ, и всѣ узнаютъ, что они вполнѣ впали въ бѣдность, а это можетъ окончательно испортить всю его карьеру..

Это взбѣсило опять маменьку.

— Да что же это за карьера твоя такая подлая, если для нея сынъ отъ родного отца съ матерью отказывается?

И какъ ясно и справедливо Петинька ни доказывалъ, что онъ настаиваетъ на этомъ не отъ жестокости своего сердца и не отъ недостатка чувствъ къ родителямъ, а дѣйствительно, въ интересахъ карьеры, маменька все-таки ничего не поняла. Наконецъ, было порѣшено такъ: они будутъ жить хотя и скромно, но «прилично», на Петербургской сторонѣ, и показываться въ его квартирѣ не будутъ. Онъ же будутъ пріѣзжать къ нимъ на Петербургскую по воскресеньямъ къ пирогу.

— Вѣдь вы, маменька, такіе славные пироги дѣлаете, что я бы одинъ, кажется, всѣ съѣлъ... и съ пальчиками вашими! необыкновенно кротко и любовно сказалъ Петинька, и совсѣмъ было ужъ взялъ материну руку, но она и на этотъ разъ отняла.

— Да ты и такъ все одинъ съѣлъ. Изъ-за кого же мы и раззорились-то, какъ не изъ-за тебя!

Но онъ не обидѣлся, и кротко сказалъ:

— Это, маменька, съ вашей стороны несправедливо; но Богъ съ вами, не будемъ объ этомъ говорить!

Раззореніе «отчаго дома» началось на другой же день. «Гнѣздо» буквально растащили въ какую-нибудь недѣлю. Изъ города прѣехали еще два племянника Поддугольниковыхъ, которые, вмѣстѣ съ бывшими двумя, и купили всю рухлядь. Амбаръ, ригу, конюшню и домъ, а равно и садъ на срубъ купилъ самъ старикъ Поддугольниковъ, разумѣется, купилъ онъ это все за «полцѣны».

Петинька былъ при этомъ неутомимъ. Самъ лазилъ на чердакъ, составилъ всему инвентарь до того подробный, что включилъ въ него даже и ночныя вазы самой грубой горшечной работы. Самъ сосчиталъ и смѣрилъ въ толщину всѣ липы, клены и сосны въ саду.

Папенька ходилъ какъ лишившійся разсудка и на все соглашался, только повторялъ: мнѣ—горсть земли. Я—что?

Маменька, напротивъ, видя какъ хлопочетъ, торгуется, пишетъ и лазааетъ Петинька, приходила просто въ ожесточеніе.

— Да онъ вѣдь радуется, ты не видишь развѣ? говорила она папенькѣ.—И въ кого онъ только уродился!

Наконецъ, все было продано, увезено, такъ что Петинька, обойдя пустыя комнаты, не нашелъ рѣшительно ни одного предмета, который можно бы было продать хоть за копейку. Подали карету (ее также купилъ самъ старикъ Поддугольниковъ, а потому теперь «отъ себя» приказывалъ кучеру привезти ее обратно въ сохранности). Петинька предчувствовалъ, что при отъѣздѣ будетъ сцена и потому, чтобы избѣжать ее, нарочно раньше ушелъ и сѣлъ въ карету. Но онъ ошибся. Отъ маменьки не такъ легко было отдѣлаться.

— Гдѣ-жь онъ? Позовите его, говорила она.—Пусть хоть лобъ-то перекреститъ, выѣзжая изъ «отчаго дома».

— Вы, маменька, кажется, звали меня? началъ было онъ, появляясь передъ ней.

— Да-съ, звала-съ. Уѣзжая, надо присѣсть и Богу помолиться. Ты въ этомъ домѣ родился и для тебя теперь его продали—такъ хоть лобъ перекрести въ немъ послѣдній разъ.

Понимая, что никакія пререканія ни къ чему не приведутъ, Петинька все это пропустилъ мимо ушей и опустился на стулъ возлѣ папеньки. Когда, наконецъ, помолившись Богу, всѣ встали, а маменька пошла въ послѣдній разъ обойти комнаты, въ кото-

рыхъ, кромѣ голыхъ стѣнъ, ничего не было, и когда она вошла въ спальню, гдѣ зачала и потомъ родила «его», съ ней чуть-чуть не сдѣлалось дурно.

Здѣсь мы должны будемъ разстаться съ Петинькой. Онъ намъ дальше ужъ не нуженъ ни на что. Онъ могъ интересоваться насъ въ данномъ случаѣ только какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участннковъ «раззоренія»—и только. «Отчій домъ» раззоренъ общими усиліями. Кѣмъ, какъ и во имя чего—это мы сейчасъ видѣли, а что до того, заказалъ ли Петинька на вырученныя деньги сто паръ штановъ Тедески или только пятьдесятъ, и гдѣ, на Выборгской или на Петербургской сторонѣ послалились папенька съ маменькой—это ужъ къ нашему дѣлу неидеть.

Но вотъ вопросы для насъ интереснѣе:

I) Сколько Осиновоко, Покровскихъ, Ивановскихъ, Семеновоко и проч. продано съ аукціона и по вольной цѣнѣ, исключительно въ силу только этихъ причинъ, т. е. «отдыха» и «воспитанія дѣтей»?!

II) Воспитаніе и образованіе, даваемое помѣщичьимъ дѣтямъ. то ли воспитаніе, которое нужно, чтобы быть хорошимъ развитымъ хозяиномъ въ своемъ имѣніи; не наоборотъ ли?

III) Такъ какъ Петинька, вслѣдствіе Положенія 19 февраля утратившій возможность сосать сокъ изъ Осиновки, перенесъ эту потребность на болѣе обширную арену, общественную, то кака я изъ этихъ операцій лучше?

Такъ погибли помѣщики малодушные и легкомысленные; энергичные же обратили свое вниманіе на «раціональное хозяйство», земельные банки, концессіи и проч., и проч.

Посмотримъ, чего добились эти.

(Продолженіе впереди).

Атава.

ИГРУШЕЧНАГО ДѢЛА ЛЮДИШКИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ 184* году я жилъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній Россіи. Жилъ, то есть состоялъ на службѣ, какъ это само собой разумѣлось въ то время. И при этомъ, всякія дѣла дѣлалъ: возлежалъ на лонѣ у начальника края, танцевалъ вотильонъ съ губернаторшей, разговаривалъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ о величіи Россіи, и, совмѣстно съ управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ, плакалъ горючими слезами, когда послѣдній удостовѣрялъ, что будущее принадлежитъ окружнымъ начальникамъ. И, что всего важнѣе, ужасно сердился, когда при мнѣ называли окружныхъ начальниковъ эмиссарами Пугачева. Однимъ словомъ, проводилъ время не весьма полезно.

Въ то время, вблизи губернскаго города, процвѣталъ (а быть можетъ, и теперь процвѣтаетъ) уѣздный городокъ Любезновъ, куда я частенько-таки ѣзжалъ, во-первыхъ, потому что празднаго времени было прѣдѣсть, а во-вторыхъ потому, что тамъ служилъ, въ качествѣ городничаго, мой пріятель, штабъ-капитанъ Вальяжный, а у него жила экономка Аннушка. Эта Аннушка была премилая особа, и, признаюсь, когда мнѣ случалось пить у Вальяжнаго чай или кофей, то очень пріятно было думать, что предлагаемый напитокъ разливала дѣвица благоутробная, а не какая-нибудь пряничная форма. Но, впрочемъ, только и всего. Хотя же и былъ на меня доносъ, будто бы я ѣзжу въ Любезновъ «для лакомства», но, въ виду моей безпорочной службы, это представляло такъ мало вѣроятія, что самъ его превосходительство собственноручно на доносѣ написалъ: «не вѣрю; пусть ѣздить».

Подобно тому, какъ у любого отца семейства всегда бываетъ особенно-надежное чадо, о которомъ родители говорятъ: этотъ не выдастъ!—подобно сему и у cadaго губернатора бываетъ свой излюбленный городъ, который его превосходительство называетъ

своею «гвардіей», и относительно котораго сердце его не знает никакихъ тревогъ. Объ такихъ городахъ ни въ губернаторской канцеляріи, ни въ губернскомъ правленіи иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ слыхомъ не слышать. Исправники въ нихъ — нешьющіе; городничіе такіе, что двѣ рюмки вставши, да три передъ обѣдомъ, да три передъ ужиномъ — и сами говорятъ: баста! городскіе головы—такіе, что только о томъ и думаютъ, какъ бы новую пожарную трубу пріобрѣсти или общественный банкъ устроить, а обыватели—трудолюбивые, къ начальству ласковые и къ уплатѣ податей склонные.

Къ числу такихъ веселящихъ начальственныхъ сердца муниципій принадлежалъ и Любезновъ. Я помню, губернаторъ даже руки потиралъ, когда заводили рѣчь объ этомъ городѣ. «За Любезновъ я спокоенъ! Любезновцы меня не выдадутъ!» восклицалъ его превосходительство, и все губернское правленіе, въ полномъ составѣ, вторило: «да, за Любезновъ мы спокойны! Любезновцы насъ не выдадутъ!» За то, бывало, какъ только придетъ изъ Петербурга циркуляръ о принятіи пожертвованій на памятникъ Θεофану Прокоповичу или на стипендію имени генераль-маіора Мардарія Отчаяннаго, такъ тотчасъ же первая мысль: поскорѣе дать знать Любезновцамъ! И точно: не успѣетъ начальство и оглянуться, какъ исправникъ Миловзоровъ уже шлетъ 50 коп., а городничій Вальяжный, цѣлыхъ 75 коп. Тогда какъ изъ Полоумнова городничій съ тоскою доноситъ, что по усиленному его приглашенію, пожертвованій на означенный предметъ поступило всего 1 копейка... Да еще испрашиваетъ въ разрѣшеніе предписанія, какъ съ оной копейкой поступить, потому-де, что почтовая контора принимаетъ къ пересылкѣ деньги лишь въ круглыхъ суммахъ!

Любезновъ былъ городокъ небольшой, но настолько опрятный, что только развѣ въ самую глухую осень, да и то не на всѣхъ его улицахъ можно было увязнуть. Въ немъ былъ общественный банкъ, исправная пожарная команда, бульваръ на берегу рѣки Любезновки, небольшой каменный гостинный дворъ, соборъ, двѣ мощенныя улицы — однимъ словомъ, все, что можетъ веселить самое прихотливое начальническое сердце. Но главнымъ украшеніемъ города былъ городской голова. Этотъ замѣчательно дѣятельный человѣкъ цѣлыхъ пять трехлѣтій не сходилъ съ головства, и въ теченіи этого времени неуклонно задавалъ пиры губернскимъ властямъ, а мѣстнымъ—кидалъ подачки. Съ помощью этой внутренней политики, онъ и самъ твердо держался на мѣстѣ, и въ тоже время содержалъ любезновское общество въ дисциплинѣ, подходящей къ ежовымъ

рукавицамъ. И вотъ, быть можетъ, благодаря этимъ послѣднимъ, въ Любезновѣ процвѣли разнообразнѣйшія мастерства, которыя сдѣлали имя этого города извѣстнымъ не только въ губерніи, но и за предѣлами ея.

Этотъ блестящій результатъ былъ, однакожь, достигнуть не безъ труда. Есть преданіе, что Любезновъ нѣкогда назывался Буяновымъ, и что кличка эта была ему дана именно за крайнюю необузданность его обывателей. Было будто бы такое время, когда Любезновцы проводили время въ гульбѣ и праздности, и всѣ деньги, какія попадали имъ въ руки, «крамольнымъ обычаемъ» пропивали и проѣдали; когда они не тою не оказывали начальству должныхъ знаковъ почитанія, но одного изъ своихъ градоначальниковъ продали въ рабство въ сосѣдній городъ (см. «Сѣверныя народоправства» соч. Н. И. Костомарова). Даже и донынѣ наиболѣе распространенныя въ городѣ фамильныя прозвища свидѣтельствуютъ о крамольническомъ ихъ происхожденіи. Таковы, напримѣръ: Изувѣровы, Идоловы, Строптивцевы, Вольницыны, Непроймѣновы и т. д. Такъ что нѣсколько странно видѣть какаго-нибудь Идолова, котораго предокъ когда-то градоначальника въ рабство продалъ, а нынѣ потомокъ постепенными мѣрами до того доведенъ, что готовъ, для увеселенія начальства, самъ себя въ рабство за даромъ отдать.

Къ счастью для Буянова, случилось сряду четыре удачныхъ и продолжительныхъ головодства, которыя и положили конецъ этой неурядицѣ. Первый изъ этихъ удачныхъ Градскихъ Головъ далъ городу раны, второй—скорпионы, третій—согнулъ въ бараній рогъ, а четвертый познакомилъ съ ежовыми рукавицами. И независимо отъ этого, всѣ четверо прибѣгали и къ мѣрамъ кротости, неослабно внушая приведеннымъ въ изумленіе гражданамъ, что человекъ рожденъ для трехъ цѣлей: во-первыхъ, дабы пребывать въ непрерывномъ трудѣ, во-вторыхъ, дабы снимать передъ начальствомъ шапку, и въ-третьихъ—лить слезы. Повторяю: результатъ оказался блестящій. Изувѣровы, вмѣсто того, чтобы заниматься «противодѣйствіями», занялись изобрѣтеніемъ *regretium mobile*, и въ ожиданіи, покуда это дѣло выгоритъ, работали самокаты и дѣлали какія-то особенныя игрушки, которыя «чуть не говорятъ»; Идоловы, прекративъ «филантропію», избрали спеціальностью сборку деревянныхъ часовъ, которые въ сутки показывали двое сутокъ, но и за всѣмъ тѣмъ, какъ образцы русской смекалки, могли служить поводомъ для размышленій о величій Россіи; Строптивцевы, бросивъ «революціи», изобрѣли такія шкатулки, до которыхъ нельзя было дотронуться, чтобъ по всему дому не пошелъ гвалтъ и звонъ; а одинъ изъ Непроймѣновыхъ, занявшій-

ся торговлей муравьиными яйцами (для кормленія соловьевъ), до того осмѣлился, что написалъ даже диссертацию «О сравнительной плотности муравьиныхъ яицъ» и, отославъ оную въ надлежащее ученое общество (вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ, что недоимокъ за нимъ не состоитъ) получилъ за сіе дипломъ на званіе члена-соревнователя.

И вотъ, когда городъ совсѣмъ очистился отъ крамолы и всѣ старыя недоимки уплатилъ, когда самый послѣдній изъ мѣщанъ настолько углубился въ свою специальность, что буйствовать стало ужъ нѣкогда, а въ пору было платить дани и шапки снимать — случилось нѣчто торжественное и чудное. Обыватели, созванные на вѣче (это было послѣднее вѣче, послѣ котораго вѣчевой колоколъ былъ потопленъ въ рѣкѣ) Городскимъ Головой Вольницынымъ, принесли публичное покаяніе, а затѣмъ, въ порывѣ чувствъ, единогласно постановили: просить вышнее начальство, дабы имя Буянова изъ географіи Арсеньева исключить, а городъ ихній возродить къ новой жизни подъ именемъ Любезнова...

Нужно ли прибавлять, что ходатайство сіе было уважено?

Повторяю: въ 184* году, Любезновъ ни о какихъ «народо-правствахъ» уже не думалъ, а просто принадлежалъ къ числу городовъ, осужденныхъ радовать губернаторскія сердца. А такъ какъ времена были тогда патріархальныя, то члены губернскаго сингклита частенько-таки туда ѣзжали, во-первыхъ, чтобы порадоваться на трудолюбивыхъ и ласковыхъ мѣщанъ, а во-вторыхъ, чтобы попить и поѣсть у гостепріимнаго головы. Слѣдую общему настроенію умовъ, ѣздилъ туда и я.

Однажды, пріѣзжаю прямо къ другу моему, Вальяжному, и уже на лѣстницѣ слышу, что въ городнической квартирѣ происходитъ что-то не совсѣмъ обычное. Отворяю дверь и вижу картину. Городничій стоитъ посреди передней, издавая звуки, и простирая длани (съ рукоприкладствомъ или безъ онаго—завѣрить не могу), а противъ него стоитъ, прижавшись въ уголъ, довольно пожилой мужчина, въ синемъ кафтанѣ тонкаго сукна, съ виду степенный, но блѣдный и какъ бы измученный съ лица. Очевидно, это былъ одинъ изъ любезновскихъ гражданъ, который до того ужъ проштрафился, что даже голова нашель находящіяся въ его рукахъ мѣры кротости недостаточными и препроводилъ виновнаго на воздѣйствіе предержавшей власти.

— Степанъ Степанычъ! голубчикъ! воскликнулъ я, привѣтствуя дорогого хозяина:—а мы-то въ губерніи думаемъ, что въ Любезновѣ даже самое слово «расправа» упряднено!

— Да... вотъ... сконфузился-было Вальяжный, но тотчасъ же

поправился и, обращаясь къ стоявшимъ тутъ «десятникамъ», присовокупилъ: — эй! бѣгите въ лавку за Твердолобовымъ, да судья чтобы... Въ бостончикъ? обратился онъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

— Отлично. Милости просимъ! А я — вотъ только кончу!

И покуда я разоблачался (дѣло было зимой), онъ продолжалъ судъ.

— Говори! почему ты не хочешь съ женой «жить»?

Вальяжный остановился на минуту и укоризненно покачалъ головой. Подсудимый молчалъ.

— И баба-то какая... Давича пришла... печь-печью! Да съ этой бабой... конца-краю такой бабѣ нѣтъ! А ты!! Ахъ ты — ахъ!

Но подсудимый продолжалъ молчать.

— Да ты знаешь ли, что даже въ книгахъ сказано: Мужъ, иже жены своея... хотѣлъ было поучить отъ писанія Вальяжный, но зашнулся и опять произнесъ: — ахъ-ахъ-ахъ!

Мѣщанинъ продолжалъ переминаться съ ноги на ногу, но на лицѣ его постепенно выступало какое-то безконечно-тоскливое выраженіе.

— Говори! что-жь ты не говоришь?

— Что же я, вашескородіе, скажу?

— Будешь ли «жить» съ женой какъ слѣдуетъ... какъ законъ велить? Говори!

Подсудимый нѣсколько секундъ помолчалъ и наконецъ вдругъ заметался.

— Вашескородіе! Мнѣ не токма, что говорить, а даже думать... увольте меня, вашескородіе!

— А коли такъ — маршь въ холодную! И завтра — чтобы безъ разговоровъ! А будешь разговаривать — такъ вспрысну, что до новыхъ вѣнниковъ не забудешь! Маршь!

И помахавъ (чтобъ крѣпче было) у подсудимаго подъ носомъ указательнымъ перстомъ, Вальяжный приказалъ его увести, и затѣмъ, обратившись ко мнѣ, протянулъ обѣ руки и воскликнулъ:

— Ну вотъ, вы и къ намъ! очень радъ! очень радъ! Аннушка! чаю!

До бостона, я съ полчаса спорилъ съ Вальяжнымъ. Онъ говорилъ, что «есть въ законахъ», я говорилъ, что «нѣтъ въ законахъ». Послали за письмоводителемъ — тотъ «отвѣтилъ надвое: «самъ не видалъ, а должно быть, гдѣ-нибудь да есть». Аннушка,

вслушавшаяся въ нашъ разговоръ, тоже склонялась въ пользу того мнѣнія, что гдѣ-нибудь да должно быть: «потому, ежели они теперича въ бракѣ, то какіе же это будутъ порядки, если жена свою положенія отъ мужа получать не будетъ». Даже подослѣвшій къ бостону судья — и тотъ сказалъ, что нужно гдѣ-нибудь въ примѣчаніяхъ поискать, потому что иногда, гдѣ не чаешь, тамъ-то именно и обрѣтешь сокровище. Кончилось тѣмъ, что Валдыжннй приказалъ письмоводителю къ завтраму отыскать законъ, и въ заключеніе прибавилъ:

— А ночь онъ пускай въ холодной посидитъ! тамъ что еще окажется, а ему—наука!

Въ теченіи вечера, дѣло, хотя и недостаточно, но все-таки слегка для меня объяснилось. Обвиняемый былъ любезновскій мѣщанинъ, Никаноръ Сергѣевъ Изувѣровъ, имѣвшій въ городѣ лучшую игрушечную мастерскую. Человѣкъ трезвый, трудолюбивый и послушливый, онъ представлялъ собой идеаль обывателя, какимъ ему передъ Богомъ и страшнымъ его судомъ предстать надлежитъ. Слава объ его мастерствѣ доходила нѣкоторымъ образомъ даже до столицъ, потому что всякій заѣзжій по дѣламъ службы столичный чиновникъ или офицеръ считалъ своею обязанностью поощрить «самородка» и приобрести у него нѣсколько особенно хитрыхъ игрушечныхъ механизмовъ. Говорили, что онъ не игрушки дѣлаетъ, а «настоящихъ деревянныхъ человѣчковъ». И еще говорили, что еслибы всѣхъ самородковъ, въ нѣдрахъ земли русской скрывающихся, откопать, то вышла бы такая каша, которой врагамъ Россіи и во вѣкъ бы не расхлебать.

Изувѣровъ до сорока лѣтъ прожилъ одиноко съ старухой матерью. Всецѣло углубившись въ свою специальность, онъ, повидимому, даже не ощущалъ потребности въ обществѣ жены; но лѣтъ пять тому назадъ, старуха-мать умерла и Изувѣрова попуталъ бѣсъ. Некому было шти сготовить, некому — заплату на штаны положить. Онъ затосковалъ и началъ было даже попивать. Въ это время, подъ руку подвернулась двадцатипятилѣтняя дѣвица Матрена Идолова, рослая, рыхлая, какъ будто нарочно созданная, чтобы горшки изъ печи ухватомъ таскать. Изувѣровъ рѣшился. Онъ даже радовался, что у него будетъ жена сильная, печь-печью, думалъ, что при сильной бабѣ въ домѣ больше порядку будетъ. Но, увы! Матрена съ первыхъ же шаговъ заявила наклонность не столько къ тасканію горшковъ изъ печи, сколько къ тому, чтобы мужъ велъ себя относительно ея, какъ дамскій кавалеръ. И такъ какъ Никаноръ Сергѣевъ, повидимому, къ роли дамскаго угодника чувствовалъ призваніе очень слабое, то немедленно же обнаружилась полнѣйшая семейная

неурядица, а подѣ конецъ дѣло дошло и до разбирательства полиціи.

Разумѣется, на другой день письмоводитель доложилъ, что «въ законахъ нѣтъ». Но, кромѣ того, оказалось и еще кое-что, а именно, что даже «вспрыснуть» Изувѣрова нельзя, такъ какъ законъ на этотъ разъ гласилъ прямо, что мѣщане, яко образованные, отъ тѣлесныхъ воздѣйствій освобождаются. Поэтому, Изувѣрова тогда же выпустили, а женѣ его Вальязный объявилъ кратко: закона нѣтъ.

Результатъ этотъ я отчасти приписываю себѣ. Конечно, я былъ тутъ орудіемъ случайнымъ и даже страдательнымъ, но все-таки, въ качествѣ чиновника изъ губерніи, въ извѣстной мѣрѣ олицетворялъ авторитетъ. Я убѣжденъ, что не наткнись я на сцену суда, и не возбудилъ вопроса о томъ, есть ли въ законѣ или нѣтъ, никто (и всѣхъ меньше самъ Изувѣровъ) и не подумалъ бы объ этомъ. Никаноръ Сергѣевъ не только высидѣлъ бы въ холодной свое «положенное», но, навѣрное былъ бы и «вспрыснутъ». Много-много, еслибы Вальязный, передъ «вспрыснутіемъ» сказалъ бы: «а ну, «образованный», ложись!» Это былъ бы единственный компромиссъ, который онъ допустилъ бы въ свидѣтельство, что въ городническомъ правленіи дѣйствительно имѣется шкапъ, въ которомъ, въ качествѣ узника, заключенъ законъ.

Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что очень часто слыша о необыкновенныхъ способностяхъ Изувѣрова, я до сихъ поръ еще не разу не полюбопытствовалъ познакомиться съ произведеніями его мастерства. Поэтому, теперь, когда, помимо его репутаціи, меня заинтересовала самая личность «самородка-механика», я счелъ уже своею обязанностью посѣтить его и его заведеніе.

Домикъ, въ которомъ жилъ Изувѣровъ, стоялъ въ одной изъ пригородныхъ слободъ и почти ничѣмъ не отличался отъ сосѣднихъ домовъ. Таковой же чистенькій, словно подскобленный, такъ же о трехъ окнахъ и съ такимъ же маломѣрнымъ дворомъ. Вообще, мастерскія и ремесленныя слободы Любезнова были распланированы и обстроены съ изумительнымъ однообразіемъ, такъ что сами граждане въ шутку говаривали: точно у насъ здѣсь каторга! Въ домикахъ съ утра до ночи шла неусыпающая дѣятельность; всѣ работали: и взрослые и подростки, и малолѣтки, и мужескъ и женскъ полъ; за то улицы стояли пустынные и безмолвныя.

Я засталъ хозяина въ мастерской одного. Изувѣровъ принялъ меня съ какимъ-то робкимъ радушіемъ, и показался мнѣ чрез-

вычайно симпатичнымъ. Лицо его, изжелта-блѣдное и слегка изнуренное, было очень привлекательно, а въ особенности пріятно смотрѣли большіе сѣрые глаза, въ которыхъ, отъ времени до времени, проблескивало глубоко-тоскливое чувство. Тѣло у него было совсѣмъ тщедушное, такъ сразу было видно, что ему на роду написано: не быть исправнымъ кавалеромъ. Плечи узкія, грудь впалая, руки худыя, безволосыя, явно непривычныя къ тяжелой работѣ. Когда я вошелъ, онъ стоялъ въ одной рубахѣ за верстакомъ, и суетливо заторопился надѣть армякъ, который висѣлъ возлѣ на гвоздикѣ. На верстакѣ лежала кукла, сдѣланная вчернѣ. Плѣшивая голова безъ глазъ; вмѣсто груди и живота двѣ пустыя коробки, предназначенныя для помѣщенія механизма, деревянные остовы рукъ и ногъ съ обнаженными шалнерами.

Я, конечно, видалъ въ своей жизни великое множество разоренныхъ куколъ, но какъ-то онѣ никогда не производили на меня впечатлѣнія. Но тутъ, въ этой насыщенной «игрушечнымъ дѣломъ» атмосферѣ, меня вдругъ охватило какое-то шемящее чувство, не то чтобы грусть, а какъ бы оторопь. Точно я вошелъ въ какое-то совсѣмъ околѣлое царство, гдѣ все въ какой-то отупѣлой безнадежности застыло и онѣмѣло. Это послѣднее обстоятельство было въ особенности тяжело, потому что нѣмота именно заключаетъ въ себѣ что-то безнадежное. Такъ что мнѣ ужасно жалкимъ показался этотъ человѣкъ, который осужденъ проводить жизнь въ этомъ застывшемъ царствѣ, смотрѣть въ эти просверленные глаза, начинать всякой чепухой этѣ пустыя груди, и направлять всю силу своей изобрѣтательности на то, чтобы руки, приводимыя въ движеніе [замаскированнымъ механизмомъ, не стучали «по деревянному», а плавно и мягко, какъ у ханжей и клеветниковъ, ложились на перси, слегка подправленныя тряпкой и ватой, и, «для натуральности», обтянутыя кожей.

— Какъ живете? привѣтствовалъ я хозяина.

— Тихо-съ. Смирно у насъ здѣсь-съ. Прохоръ Петровичъ (Голова) такую въ нашемъ городѣ тишину завелъ, что, кажется, кабы не стучалъ станокъ — подумалъ бы, что и самъ-то умеръ.

— Скучно?

— Не скучно-съ, а какъ будто совсѣмъ нѣтъ ничего: ни скуки, ни веселости—одна тишина-съ. Всѣ мы здѣсь на равныхъ правахъ состоимъ, точно веревка скрозь продернута. Одинъ утромъ проснулся, за веревку потянулъ—и всѣ проснулись; одинъ за станокъ сталъ—и всѣ стали. Порядокъ-съ.

— Что-жь, это хорошо. Порядокъ и притомъ тишина — это прежде всего. Оттого и начальники, глядя на васъ, радуются; оттого, и недоимокъ на васъ нѣтъ. А при семъ весьма возможно, что и порочныя наклонности ваши, не встрѣчая питанія...

Къ счастью, я поперхнулся на этомъ словѣ, и когда откашлялся, то потерялъ нить, и такимъ образомъ, учительное настроеніе какъ-то само собой оставило меня.

— Вы, сказывали мнѣ, игрушечнымъ мастерствомъ занимаетесь? И притомъ, какія-то особенныя, отличнѣйшія куклы работаете?

— Хвалить себя не смѣю, а, конечно, стараюсь доходить. Весь вѣкъ промежду куколъ живешь, все молчишь, все думаешь... Думаешь, да думаешь — и вдругъ-это кукла передъ тобой, какъ живая стоитъ! Ну, натурально, пострафить хочется... А въ этомъ разѣ, ужь само собой, одной тряпкой да лайкой мудрено обойтись!

— Значить, вы отчасти и въ скульптуру вдаетесь?

— Не знаю, сударь, какъ на это вамъ доложить. По моему, я куклу работаю, только, разумѣется, пострафить стараюсь. Скажемъ теперича хотъ такъ: желаю я куклу-подъячаго сдѣлать — какъ съ этимъ быть? Разумѣется, можно и такъ: взявъ чурбашокъ, намѣтилъ на немъ глаза, носъ, губы, напялилъ камзолишко да штанишки — и снесъ на базаръ продавать по гривеннику за штуку. А можно и иначе. Можно такъ сдѣлать, что этотъ самый подъячій разговаривать будетъ, мимику руками разводить.

— Вотъ какъ!

— Да и это, позвольте вамъ доложить, еще не самый конецъ. И подъячіе тоже разные бываютъ. Одинъ подъячій — мздоимецъ; другой — мзды не емлетъ, но лакомству преданъ; третій — руками впередъ безъ резону тычетъ, четвертый — только объ томъ думаетъ, какъ бы ему мужичка облагодѣтельствовать. Вотъ извольте видѣть: только четыре сорта назваль, а ужь и тутъ четыре особенныя куклы понадобились.

— Такъ что, еслибъ всѣхъ сортовъ подъячихъ въ кукольномъ видѣ представить, такъ они, пожалуй, всю мастерскую бы вашу заполонили?

— Мудренаго нѣтъ-съ. Или, напримѣръ, женскій родъ — сколько тутъ для кукольнаго дѣла матеріалу сыщется! Однѣхъ «щеголихъ» десятками не сосчитаешь, а сколько безстыжихъ, закоснѣлыхъ, оглашенныхъ, сколько такихъ, которыя всю жизнь зря мотаются, и ни къ какому бездѣлю пристроить себя не могутъ! Да вонъ она-съ! извольте присмотрѣть! вскрикнулъ онъ, указывая въ окошко:—это сосѣдка наша, госпожа Стрп-

*

тивцева, по улицѣ мостовой идетъ! Мужъ у ней часовымъ мастерствомъ занимается, такъ она за него, вишь, устала, погулять вышла! Извольте взглянуть—чѣмъ не кукла-съ?

Дѣйствительно, по другой сторонѣ улицы проходила молодая женщина, нѣсколько страннаго, какъ бы забвеннаго вида. Идетъ, руками машетъ, головой болтаетъ, ногами переплетаетъ. Не то чего-то ищетъ, не то припоминаетъ: чего-бишь я ищу?

— Вотъ этакую-то куклу да ежели ейный секретъ какъ слѣдуетъ услѣдить—стоить ли за ней посидѣть, спрошу васъ, или нѣтъ? А многіе ли, позвольте спросить, изъ нашего брата, игрушечниковъ, понимаютъ это? Большая часть такъ думаетъ: насоваль тряпки, лайкой обтянулъ да платьемъ прикрылъ — и готовъ женскій полъ! Да вотъ позвольте-съ! у меня и обращенъ отличнѣйшій въ этомъ родѣ найдется—не угодно ли полюбопытствовать?

Онъ подошелъ къ стеклянному шкапу, и вынулъ оттуда довольно большую и цѣнную куклу. Кукла представляла собой богато-убранную «новобрачную», въ кринолинѣ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, украшенномъ серебряннымъ шитьемъ и кружевными тряпочками. Личико у нея было восковое, съ нѣжнымъ румянчикомъ на щекахъ; глазки — фарфоровые; волосы на головѣ—желтенькіе. Съ головы до полу спускался длинный тюлевый вуаль.

— Полковникъ здѣсь у набора былъ, объяснилъ Изувѣровъ:— такъ онъ заведеніе мое осматривалъ, а впослѣдствіи мнѣ эту куклу изъ Петербурга въ презентъ прислалъ. Какъ, сударь, по вашему, дорогого эта кукла стоитъ?

— Да рублей двадцать, двадцать-пять.

— Вотъ видите-съ. Мнѣ этакой суммы и не выговорить, а, по моему, вся ей цѣна, этой куклѣ—грошъ!

— Чтò такъ?

— Пустая кукла — вотъ отчего-съ. Чтò она есть, чтò нѣтъ ей—не жалко. Сейчасъ ты у ней голову разбилъ — и безъ головы хороша; платье изорвалъ—другое сшить можно. Ишь у ней глазки-то зря болтаются: ни она съискоса взглянуть ими, ни кверху ихъ завести—ничего не можетъ. Пустая кукла — только и всего!

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣвши внимательно щегольскую петербургскую куклу, я и самъ убѣдился, что это пустая кукла. Дадутъ ее ребенку въ руки, сейчасъ же онъ у нея голову скуситъ—и модѣломъ. Однакожь, я все-таки попытался хотъ немного смягчить приговоръ Изувѣрова.

— Послушайте! да вѣдь это «новобрачная»! сказалъ я:—чего-жь вы хотите отъ нея?

— Ежели, вашескородіе, на счетъ ума это изволите объяснить, такъ позвольте вамъ доложить: хотъ и трудно отъ «новобрачной» настоящаго ума ожидать, однако, ежели нѣтъ у ней ума, такъ хотъ простота должна быть! А у этой куклы даже и простоты настоящей нѣтъ. Почему она «новобрачная»? на какой предметъ и въ какомъ градусѣ состоитъ?—Какіе отвѣты она на эти вопросы можетъ дать? Что уваль-то у ней на головѣ, въ знакъ непорочности, положенъ, такъ вѣдь его можно и снять-сь! Чтò тогда она будетъ? «новобрачная» или просто пологрудая баба, которая наготою своею глаза прохожимъ людямъ застелить хочеть?

— Да развѣ можно отъ нея отвѣтовъ требовать, коль скоро она «Новобрачная»? вѣдь она и сама, вѣроятно, объ себѣ ничего сказать не сьумѣтъ.

— Бываетъ съ ними, конечно, и это-сь. Бываютъ промежду ихней сестры такія, что объ чемъ ты съ ней ни заговори, она все только цѣловаться лѣзеть... Такъ вѣдь нужно, чтобъ и это было сразу понятно. Чтобы всякій, какъ только взглянулъ на нее, такъ и сказалъ: вотъ такъ баба... ахъ-ахъ-ахъ! А то — натко! Нацѣпилъ уваль — и думаетъ, что дѣло сдѣлалъ! Этакія-то куклы у насъ на базарѣ по гривеннику штука продають. Вонъ ихъ, чурбашковъ, сколько въ углу навалено!

— Такъ вы, значить, и простую куклу работаете?

— Безъ простой куклы намъ пропитаться бы нѣчѣмъ. А настоящую куклу я работаю, когда досугъ есть.

— И это интересуеть васъ?

— Извѣстно, кабы не было занятно, такъ лучше бы чурбашки работать; по крайности, полтинниковъ больше въ карманѣ водилось бы. А отъ этихъ отъ «человѣчковъ» и пользы для дому не видишь, да не ровенъ часъ и отъ тоски, пожалуй, пропадешь съ ними.

— Тоска-то съ чего же?

— Съ того самаго и тоска, что тебѣ вотъ «дойти» хочется, а дѣло показываетъ, что руки у тебя коротки. Хочется тебѣ, напимѣръ, чтобъ «подъячій»... ну, разсердился бы что ли... а онъ, замѣсто того, только «гнѣвается»! Хочется, чтобъ онъ сегодня—одно, а завтра—другое; а онъ съ утра до вечера все одну и ту же канитель твердить! Хочется, чтобъ у «человѣчковъ» твоихъ поступки были, а они только руками машутъ!

— Еще бы вы чего захотѣли: чтобъ у куколъ поступки были!

— Знаю, сударь, что умнаго въ этомъ хотѣньи мало, да вѣдь

хотѣтъ никому не заказано—вотъ горе-то наше какое! Думаешь: сейчасъ взмахну и полечу! а «человѣчекъ»-то вцѣпилъ въ тебя да и не пускаетъ. Какъ всталъ онъ на свою линію, такъ и не сходить съ нея. Я даже такую механику придумалъ, что людишки мои изъ лица краснѣютъ — анъ и изъ этого проку не вышло. Пустишь-это въ лицо ему варминцу, думаешь: вотъ сейчасъ онъ разсердится!—а онъ «гнѣвается», да и шабашъ! А нынче и еще фортель приспособилъ: сердца имъ въ нутро владывать началъ, да ужъ напередъ знаю, что и изъ этого только проформа выйдетъ одна.

И онъ показалъ мнѣ цѣлую связку крошечныхъ кукольныхъ сердецъ, изъ которыхъ на каждомъ мелкими-мелкими буквами было вырѣзано: «цена сему сердцу Адна копекъ».

— Такъ вотъ какъ поживешь этта съ ними: ума у нихъ — нѣтъ, поступковъ — нѣтъ, желаній — нѣтъ, а на мѣсто всего, одна видимость — ну, и возьметъ тебя страхъ. Того гляди, зарѣжутъ. Сидишь посреди этой нѣмоты и думаешь: Господи! да куда же настоящіе-то люди попрятались?

— Ахъ, голубчикъ! да вѣдь и въ заправской-то жизни развѣ много такихъ найдется, которыхъ можно «настоящими» людьми назвать?

— Вотъ, сударь, вотъ. Это одно и смиряетъ. Взглянешь кругомъ: все-то куклы! вездѣ-то куклы! не есть конца этимъ кукламъ! Мучать! тиранятъ! въ отчаянность, въ преступленіе вводятъ! Вѣрите ли, иногда думается: Господи! кабы не куклы, вѣдь десятой бы доли злыхъ дѣлъ не было противъ того, что теперь есть!

— Гм... отчасти это, пожалуй, и такъ.

— Вполнѣ вѣрно-съ. Потому, настоящій человѣкъ—онъ впередъ глядитъ. Онъ и боль всякую знаетъ, и огорченіе понять можетъ, и страхъ имѣетъ. Осмотрительность въ немъ есть. А у куклы ни страху, ни боли — ничего. Живетъ какъ забвенная, нй у ней горя, нй радости настоящей, живетъ да душу изнимаетъ — и шабашъ! Вотъ хоть бы эта самая госпожа Стротивцева, которую сейчасъ изволили видѣтъ — хоть распотроши ее, ничего въ ней, окромѣ тряпки и прочаго кукольнаго естества, найти нельзя. А сколько она, съ помощью этой тряпки, злодѣяніевъ надѣлаетъ, такъ кажется, всю жизнь ее судить, такъ и еще на цѣлую такую же жизнь останется. Такъ вотъ какъ рассудишь это порядкомъ — и смиришься-съ. Лучшемоль я къ своимъ деревяннымъ людишкамъ уйду, не чѣмъ съ живыми куклами пропадать буду!

— Съ деревянными-то людишками, стало быть, повадишь?

— Какъ же возможно-съ! Съ деревяннымъ «человѣчкомъ» я какой хочу, такой разговоръ и поведу. А коли надоѣлъ, его и угомонить можно: ступай въ коробку, лежи! А живую куклу какъ ты угомонишь! она сама тебя изведетъ, сама твою душу вынетъ, всю жизнь тебѣ въ сухоту обратить!

Изувѣровъ высказалъ это страстно, почти съ ненавистью. Видно было, что онъ зналъ «живую куклу», что она, пожалуй, и теперь, въ эту самую минуту, невидимо изводила его, вынимала изъ него душу и скулила надъ самымъ его ухомъ.

— У насъ, сударь, въ здѣшнемъ земскомъ судѣ хорошій человѣкъ служить, продолжалъ онъ:—такъ онъ, какъ ему чуточку въ голову вступить, сейчасъ ко мнѣ идетъ. «Изувѣровъ, говорить, исправникъ одолѣлъ! празднословить съ утра до вечера—смерть! Сдѣлай ты мнѣ такую куклу, чтобъ я могъ съ нею, замѣсто исправника, разговаривать!»

— А любопытно было бы исправника вашей работы видѣть—есть у васъ?

— Матеріалу покуда у насъ, вашескородіе, еще не припасено, чтобъ господъ исправниковъ въ кукольномъ видѣ изображать. А впрочемъ, и то сказать: не велику бы забаву и господинъ секретарь получилъ, еслибъ я его капризъ выполнилъ. Сегодня онъ позабавился, сердце себѣ утолилъ, а завтра ему и опять къ той же живой куклѣ на расправу идти. Тяжело, сударь, очень даже тяжело промежду куколъ на свѣтѣ жить!

Онъ помолчалъ съ минуту, вздохнулъ и прибавилъ:

— Отецъ дьяконъ соборный не однажды говаривалъ мнѣ: «прямой ты, Изувѣровъ, дуракъ! И отъ живыхъ людшекъ на свѣтѣ житья нѣтъ, а онъ еще деревянныхъ плодитъ!»

Изувѣровъ опять умолкъ, и на этотъ разъ, повидимому, даже усумнился, правильно ли онъ поступилъ, сообщивъ разговору философическое направленіе. Онъ застѣнчиво ходилъ около верстака и полою армяка сметалъ съ него опилки и стружки.

— А не покажете ли вы мнѣ своихъ «людшекъ»? попросить я.

— Помилуйте! отчего же-съ! отвѣтилъ онъ: — даже за честь почту-съ! Да вотъ, позвольте, для начала хоть господъ «подъячихъ» вамъ отрекомендовать.

— А нутка, господинъ коллежскій ассесоръ, выльзай! воскликнулъ Изувѣровъ, вынимая изъ картонки куклу и становя ее на верстаекъ.

Передо мною стоялъ «человѣчекъ» величиной около пяти вершковъ; лицо и части тѣла его были удовлетворительно соразмѣрены;

голова, руки и ноги свободно двигались. Типъ подъячаго былъ схваченъ положительно хорошо. Волоса на голѣвѣ — черные, тщательно прилизанные, съ завиточками на вискахъ и съ кокомъ надъ лбомъ; лицо, вздернутое кверху, самодовольное, съ узкимъ лбомъ и выдающимися скулами; глаза маленькіе, подвижные и блудливые, съ сильнымъ блѣкомъ; щеки одутловатыя, отливающія желтизною и въ выдающихся мѣстахъ какъ бы натертыя бирючикою (вмѣсто румянца); губы пухлыя, красныя, масляныя, точно сейчасъ послѣ принятія жирной пищи; подбородокъ бритый и порѣзанный; кой-гдѣ по лицу разсыяны прыщи. Одѣтъ въ вицъ-мундиръ сѣраго казинета съ краснымъ казинетовымъ же воротникомъ, и притомъ нѣсколько страннаго покроя: съ узенькими-узенькими фалдочками, падающими почти до земли; при вицъ-мундирѣ сѣренкіе штанишки, коротенькіе и отрѣпанные: карманы вездѣ глубокіе, способные вмѣстить содержаніе сумки нищаго, возвращающагося домой послѣ удачнаго сбора «кусковъ». Въ петлицѣ виситъ серебряной фольги медаль съ надписью «за спасеніе погибающихъ». Бѣдра крутыя, женскаго типа; брюшко круглое, какъ комочекъ и весело колеблющееся, какъ будто въ немъ еще продолжаютъ трепыхаться только что заглотанныя живьемъ куры и другая живность. Одну руку онъ утвердилъ фертомъ на бедрѣ, другую—засунулъ въ карманъ брюка, какъ бы нѣчто въ оный поспѣшно опуская; ноги сложилъ ножницами. Вообще, всей своей фигурой онъ напоминалъ ножницы, опрокинутыя острымъ концомъ внизъ. И хотя я не могъ доподлинно вспомнить, гдѣ именно я эту личность видѣлъ, но несомнѣнно, что гдѣ-то она мнѣ встрѣчалась и даже не рѣдко.

— Мздоимецъ? спросилъ я.

— Онъ самый-съ; какъ на вашъ взглядъ-съ?

— Недуренъ. Только, признаюсь, я не совсѣмъ понимаю. зачѣмъ вы его въ сѣрый вицъ-мундиръ одѣли, да еще съ краснымъ воротникомъ? Вѣдь такой формы, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ.

— Для цензуры-съ. Ежели бы я въ настоящій вицъ-мундиръ его нарядилъ—куда бы я съ нимъ сунулъ-съ? А теперь, съ меня взятки гладки-съ. Тамъ какъ хочешь разумѣй, а у меня одинъ отвѣтъ: партикулярный-моль человекъ—только и всего.

— Ну, а зачѣмъ вы его коллежскимъ ассесоромъ прозвали?

— Тоже для цензуры-съ. Приѣзжалъ ко мнѣ, позвольте вамъ доложить, въ мастерскую человекъ одинъ—онъ въ Петербургѣ чиновникомъ служить—такъ онъ мнѣ сказывалъ, что тамъ свыше коллежскаго ассесора представлять въ кукольномъ видѣ не доз-

воляется, а до коллежскаго ассесора будто бы можно. Вотъ я съ тѣхъ поръ и поставилъ себѣ за правило эту самую норму брать.

— Правильно. Ну, такъ покажите мнѣ теперь вашего коллежскаго ассесора, какъ онъ дѣйствуетъ.

— Сейчасъ, вашескородіе. Мы ему сперва на перво экзаменъ учинимъ. Сказывай, коллежскій ассесоръ! взятки любишь?

— Папп-п-п! вдругъ совершенно отчетливо крикнулъ «человѣчекъ».

Я даже вздрогнулъ. Какъ-то удивительно непріятно поражають голосъ, которымъ были произнесены эти звуки. Точно попугай въ сосѣдней комнатѣ крикнулъ, да еще въ старозавѣтныхъ помѣщичьихъ домахъ проживалки и попадья такимъ голосомъ говорили, когда желали веселить своихъ благодѣтелей.

— Это значитъ: люблю-съ, пояснилъ Изувѣровъ, и вновь обращаясь къ «коллежскому ассесору», продолжалъ:—большую, поди, мзду любишь?

— Папп-п-п!

— Такую, чтобъ ограбить? до тла чтобы?

— Папп! папп! папп!

Троекратно произнося этотъ возгласъ, коллежскій ассесоръ выказывалъ чрезвычайное волненіе: вращалъ глазами, кивалъ головой, колыхалъ животомъ, и хлопалъ руками по бѣдрамъ, точь въ точь какъ бьетъ крыльями птица, которая неожиданно налетѣла на разсыпанный кормъ. Мнѣ показалось, что даже было одно мгновеніе, когда онъ покраснѣлъ...

— Вотъ вы говорили, что ваши «человѣчки» поступковъ не имѣютъ, сказалъ я:—а посмотрите, какой неподдѣльный восторгъ вашъ коллежскій ассесоръ выказываетъ!

— То-то и есть, что не вполне, вашескородіе! возразилъ Изувѣровъ: — и руками онъ хлопаетъ, и глазами бѣгаетъ — это дѣйствительно; а въ лицѣ все-таки настоящей алчности нѣту! Вотъ у насъ въ магистратѣ секретарь служить, такъ тотъ, какъ взятку-то увидитъ, даже изъ себя весь помертвѣетъ! И взгляды у него помутятся, и руки затрясутся, и слюна на губахъ. Ну, а мой до этого не дошелъ-съ.

— Мнѣ кажется, что вы черезчуръ ужъ скромны, Никаноръ Сергѣичъ. По моему мнѣнію, и вашъ «подъячій» — мерзавецъ хоть куда!

— Нѣтъ, сударь, что ужъ! Дальше — лучше увидите доказательства, что не напрасно я недоволенъ имъ. А покуда, позвольте мнѣ экзаментъ продолжать.—Ну, коллежскій ассесоръ, сказывай! Что большую мзду ты любишь — это мы знаемъ, а какъ насчетъ малой мзды — приемишь?

— Папш... взззз...

«Человѣчекъ» какъ будто спохватился и зашипѣлъ. Признаться, я подумалъ, не испортился ли въ немъ механизмъ, но Изувѣровъ успѣшилъ разувѣрить меня.

— Это значить: приѣмлю и малую мзду, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сорвать больше нѣчего. Ну, а какъ ты насчетъ того скажешь, чтобы, напримѣръ, совсѣмъ безъ мзды дѣло рѣшить?

— Вззззз...

Коллежскій ассесоръ не только зашипѣлъ, но даже закружился. Лицо у него совсѣмъ налилось красною жидкостью; глаза блудливо бѣгали въ орбитахъ. Вообще было видно, что самая идея рѣшить дѣло безъ мзды можетъ довести его до изступленія.

Даже Изувѣровъ возмущился такою наглостью и строго покачалъ головой!

— Какъ посмотрю я на тебя, мздоимецъ, сказалъ онъ:—такъ ты жадень, такъ жадень, что, кажется отца родного за взятку продать готовъ?

— Папп-пà! пà-пшà! пàпп-пà!

— А подь судъ за это попасть хочешь?

— Вззззз...

— Не любишь? Конечно... Кому подь судъ попасть хочется! Какой ни на есть пансионъ, хоть грошъ, а все-таки заслужить лестно! Ты поди, ужъ и деревнюшку для себя присмотрѣлъ?

— Папп-пà!

— Наберешь взятковъ, женишься, уѣдешь въ вотчину, станешь дѣтокъ зоблнить, крестьянъ на барщину гонять, въ праздники на крылосъ за обѣдней подпѣвать!

— Папп-п-пà!

— И вдругъ кондрашка!

— Вззззз...

— Не любишь? Ни чѣмъ его такъ, вашескородіе, огорчить нельзя, какъ ежели о смертномъ часѣ напомнить. Ну, ладно, коллежскій ассесоръ! покуда что, а мы тебя теперь съ однимъ человѣчкомъ сведемъ...

Изувѣровъ отыскалъ другую картонку и вынулъ оттуда «мужика».

Мужикъ былъ совсѣмъ настоящій и, повидимому, даже зажиточный. Борода длинная съ сильною просѣдью, волосы, обильно вымазанные коровьимъ масломъ; на плечахъ—синій армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, на ногахъ — совсѣмъ новенькіе лапти. Изъ-за пазухи у него высовывались куры, гуси, утки, индюшки, поросята, а въ одномъ изъ кармановъ торчала даже

цѣлая корова. Изувѣровъ поставилъ его сначала нѣсколько подалъ отъ коллежскаго ассесора.

— Ну что, мужичокъ! виновать?

— Мм-му-у!

— А коли виновать—становись, значить, на колѣнки!

Онъ поставилъ мужика на колѣни и обратилъ лицомъ къ коллежскому ассесору.

— Ползи!

Мужикъ поползъ и остановился передъ мздоимцемъ. Коллежскій ассесоръ сначала отвернулъ голову въ сторону, притворяясь будто не видитъ просителя; но послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ: мм-му-у! — постепенно началъ взглядывать по направленію виноватаго, и наконецъ, вдругъ плотно и пронзительно взвизгнуть:

— Папп-пà!

И тотчасъ же вырвалъ у мужика изъ-за пазухи гуся, котораго тутъ же, при неистовомъ гоготаніи птицы, живьемъ и сожралъ.

— Кланяйся же! кланяйся, мужичокъ! поощрялъ Изувѣровъ:— проси прощенья... вотъ такъ! виновать-моль, ваше высокородіе! ~~не~~ буду!

— Мму-у-у! мму-у-у! мму-у-у! твердилъ мужичокъ.

Поощренный этимъ, коллежскій ассесоръ словно остервенился. Откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ, и нѣкоторое время стоялъ въ этой позѣ, какъ бы разглядывая свою жертву; потомъ, началъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, наливался приэтомъ кровью; и, наконецъ, со всѣхъ ногъ бросился на мужика и принялся его теревить и грабить. Все это было продѣлано до такой степени живо, что у меня даже волосы встали дыбомъ. Мздоимецъ повытаскалъ изъ-за пазухи мужика всѣхъ курятъ, выволокъ изъ кармана за рога корову, потомъ выворотилъ другой карманъ и нашелъ тамъ свинью, которая со страху сейчасъ же опоросилась десятью поросятами и при всякой находкѣ восклицала:

— Папп-пà! папп-пà! папп-пà!

Мужикъ же въ умиленіи вторилъ ему:

— Мму-у-у!!

Наконецъ, мздоимецъ отцѣпился, и мужикъ, думая, что вина ему ужъ прощена, тоже началъ проворно становиться на ноги. Однакожь, не тутъ-то было. Коллежскій ассесоръ опять что-то вспомнилъ (и, повидимому, самое важное) и энергично замахалъ руками, указывая мужику на лапти. Мужикъ сконфузился, какъ будто его уличили въ плутнѣ; затѣмъ безпрекословно опустился на полъ и сталъ разувать онучи и лапти. Все время, покуда

происходилъ процессъ разуванія, издоимецъ внимательно слѣдилъ за виноватымъ и лукаво улыбался, какъ бы говоря: надуть хотѣлъ... негодай!! И точно: по мѣрѣ того, какъ развергивались мужиковы онучи, изъ нихъ во множествѣ сыпались бѣленькіе и желтенькіе кружечки.

— Это крестовики и полуимперяльчики-съ! пояснялъ Изувѣровъ.

Коллежскій ассесоръ остервенился вновь. Въ одно мгновеніе оба бросился онъ на виноватаго, обшарилъ съ головы до ногъ, обралъ деньги, снялъ съ мужика армякъ и даже отнялъ мѣдный гребень, висѣвшій у него на поясѣ.

— Папп-па! папп-па! папп-па! восклицалъ онъ въ восхищеніи.

— Мму-у-у! вторилъ ему мужикъ.

— Ну вотъ, теперѣ вставай! рѣшилъ Изувѣровъ, становя мужика на ноги.

Мужикъ былъ сильно помятъ, но, повидимому, ни мало не огорченъ. Онъ понималъ, что исполнилъ свой долгъ, и только потихоньку встряхивался.

— Доволенъ? обратился къ нему Изувѣровъ.

— Мму-у-у!

— Ну, то-то! теперѣ твое дѣло—вѣрное! и дома всѣмъ такъ говори: теперѣ-моль меня хоть съ кашею ѣшь, хоть на куски рѣжь—мое дѣло вѣрное! Ну-ну! добро, полѣзай опять въ картонку да обростай до будущаго раза!

Онъ ухватилъ мужика поперѣкъ туловища и уложилъ его обратно въ картонку.

— Этотъ мужичокъ у меня для «представленій» служить, объяснилъ мнѣ Изувѣровъ:—самъ по себѣ онъ персоны не обозначаетъ, а коли ежели силу души кому показать нужно, такъ складнѣе парня не сыскать! А засимъ позвольте вашескородіе попросить! негодно ли будетъ вамъ ужъ отъ себя вопросы господину коллежскому ассесору предложить?

— Какіе же вопросы?

— Чтò, сударь, вздумаете, то и спросите. Увидите, по крайности, какую силу онъ передъ вами выкажетъ.

— Извольте. Чтò бы, напимѣръ... Ну, напимѣръ: понимаешь ли ты, коллежскій ассесоръ, какое значеніе слово «правда-имѣетъ»?

Молчаніе.

— А Бога... боишься?

Молчаніе.

— Ну, чтòбы еще... На пользу ближнему послужить не прочь? Опять и опять молчаніе.

Я въ недоумѣннн взглянулъ на Изувѣрова.

— Не понимаетъ-сь, объяснилъ онъ кратко.

— То-есть, какъ же это не понимаетъ? кажется, вопросы не очень мудреные?

— И не мудреные, а онъ отвѣтить не можетъ. Нѣтъ у него «добродѣтельнаго» разговора—и шабашъ! все воровство да подлости да грабежъ—только на умъ! Вообще, позвольте вамъ доложить, сколько я ни старался добродѣтельную куклу сдѣлать—никакъ не могу! Мерзавцевъ—сколько угодно, а что касается добродѣтели, такъ кажется, экого слова и въ заводѣ-то въ этомъ царствѣ нѣтъ!

— Да вѣдь это, впрочемъ, и естественно. Возьмите даже живую куклу—развѣ она понимаетъ, что такое добродѣтель?

— Не понимаетъ — это вѣрно-сь. Да, по крайности, она хоть лицемѣрить можетъ. Спросите-ка, напримѣръ, нашего магистратскаго секретаря: боишься ли ты Бога?—такъ онъ, пожалуй, даже въ умиленіе впадетъ! Ну, а мой коллежскій ассесоръ — этого не можетъ.

— Это отъ того, я полагаю, что, въ сущности, вашъ коллежскій ассесоръ» добродѣтельнѣе, нежели магистратскій секретарь— вотъ и все. А попробуйте-ка вы «добродѣтельные» разговоры съ точки зрѣнія лицемѣрія повести—тогда я увѣренъ, что и вашъ «мздоимецъ» не хуже магистратскаго секретаря на всякій вопросъ отвѣтить.

Идея эта, сама по себѣ очень простая: сдѣлать доступною для негодья добродѣтель, обративъ ее, при посредствѣ лицемѣрія, въ подлость, повидимому, не приходила до сихъ поръ въ голову Изувѣрову. Даже и теперь онъ не сразу монялъ: какъ это такъ? сейчасъ была добродѣтель... и вдругъ будетъ подлость!! Но, въ концѣ концовъ, метаморфоза, разумѣется, объяснилась для него вполне.

— А вѣдь я, вашескорodie, попробую! сказалъ онъ, робко взглядывая на меня.

— Разумѣется, попробуйте! И я увѣренъ, что успѣхъ будетъ полный.

— Вѣдь я тогда, вашескорodie, пожалуй, и госпожу Стротивцеву вполне сработать могу?

— Еще бы! да вотъ постоитъ! попробуемте даже сейчасъ съ вашимъ «мздоимцемъ» опытъ сдѣлать. Поставимте ему вопросъ по новому—что онъ намъ скажетъ?

И обращаясь къ куклѣ, я формулировалъ вопросъ такъ:

— Слушай, мздоимецъ! что ты не понимаешь, что значить правда — это мы знаемъ. Но еслибы, напримѣръ, на пирогѣ у

головой кто-нибудь разговоръ объ правдѣ завелъ, вѣдь и ты, поди, съумѣлъ бы притвориться: одною-моль правдою и свѣтъ Божій миль?

«Коллежскій ассесоръ» взглянулъ на насъ съ недоразумѣніемъ и нѣсколько мгновеній какъ бы соображалъ, стараясь понять. И вдругъ пронзительно и радостно крикнулъ:

— Папш-пà! папш-пà! папш-пà!

Новая кукла, «Лакомка», съ внѣшней стороны, оказалась столь же удовлетворительною, какъ и «Мздоимецъ». «Лакомка» былъ «человѣкъ» неизвѣстныхъ лѣтъ, въ напудренномъ парикѣ, съ косичкою назади и букольками на вискахъ, въ костюмѣ петиметра осьмнадцатаго столѣтія, какъ ихъ изображаютъ на дешевенькихъ гравюрахъ, украшающихъ стѣны провинціальныхъ гостинницъ. Лицо полное, румяное, улыбающееся, губы сочныя, глаза съ поволокою. Одной рукой онъ зажималъ трехъугольную шляпу, другую — держалъ на отмашь, какъ бы посылая въ пространство воздушный поцѣлуй. Сзади его стояли ширмы, на которыхъ сусального золота буквами было написано: «пріютъ слаткихъ адахнавеній»; сбоку были поставлены другія ширмы съ надписью: «вхоть для прелестницъ». Вообще, было замѣтно поползновеніе устроить такую обстановку, которая сразу указывала бы на постыдный характеръ занятій дѣйствующаго лица.

— Тоже состоитъ на службѣ? спросилъ я.

— Помилуйте! пражку имѣеть-сь!

Послѣ этого предварительнаго объясненія, «Лакомка», по данному знаку, учащенно замахалъ свободной рукой, то прижимая ее къ сердцу, то поднося къ губамъ. И въ то же время, какъ бы повинуюсь какому-то тонкому психологическому побужденію, одну ногу поднялъ.

— Это онъ женскій полъ чуетъ! объяснилъ мнѣ Никаноръ Сергичъ, покуда «Лакомка», что есть мочи, кричалъ:

— Мамм-чва! мамм-чва! мамм-чва!

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ призывъ, занавѣска, скрывающая «входъ для прелестницъ», заколыхалась. Я ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ войдетъ какая-нибудь вѣтреная маркиза, но, къ удивленію моему, вошла... старуха!.. И не маркиза, а старая мѣщанка, въ обтрепанномъ платьишкѣ, съ платкомъ на головѣ, и даже, повидимому, добродѣтельная. Лицо у нея сморщилось, глаза слезились, подбородокъ трясся, носъ выказывалъ признаки затажного насморка, во рту не было видно ни одного зуба. Она держала въ рукахъ прошеніе и тотчасъ же бросилась на колѣни

передъ «Лакомкой», какъ бы оправдываясь, что у нея ничего нѣтъ, кромѣ безплодныхъ воспомнаній о добродѣтельно проведенной жизни.

Сначала, «Лакомка» какъ бы не вѣрилъ глазамъ своимъ, но потомъ ужасно разгнѣвался.

— Взззз... шипѣлъ онъ злобно, топая ногами и изо всей силы потрясая крошечнымъ колокольчикомъ.

— Ишь, Искаріотъ, опалѣлъ! шепнулъ мнѣ Изувѣровъ, повидимому, принимавшій въ старухѣ большое участіе.—Онъ, ваше-скородіе, у насъ по благотворительной части попечителемъ служить, такъ бабья этого нѣсть конца, что къ нему валить. И чтобы онъ, расподлецъ, хворости или старости на помощь пришель—ни въ жизнь этому не бывать! Вотъ хотъ бы старуха эта самая! Колькѣй ужъ годъ она въ богадѣльню просится, и все пользы не видать!

Покуда Изувѣровъ выражалъ свое негодованіе, на звонъ колокольчика прибѣжалъ сторожъ, и между дѣйствующими лицами произошла такъ-называемая «комическая» сцена. «Лакомка» бросился съ кулаками на сторожа, сторожъ съ тѣмъ же оружіемъ—на старуху; съ головы у старухи слетѣлъ шлыкъ, и она, обозлившись, уцѣпнула «Лакомку» въ жирное мѣсто. Тогда сторожъ и «Лакомка» окончательно разсвирѣпѣли и стали тузить старуху уже соединенными силами. Однимъ словомъ, вышло что-то неестественное, сумбурное и невеселое, и я былъ даже доволенъ, когда добродѣтельную старуху, наконецъ, вытолкали.

— Взззз... потихоньку шипѣлъ «Лакомка», оправляясь передъ зеркаломъ и съ трудомъ овладѣвая охватившимъ его волненіемъ.

Мало-по-малу, однакожь, все пришло въ порядокъ; сторожъ скрылся, а «Лакомка», успокоенный, всталъ въ прежнюю позу и вновь что есть мочи закричалъ:

— Мамм-чка! мамм-чка! мамм-чка!

На этотъ разъ изъ-за занавѣски показала молодая женщина. Но такъ какъ чувство изящнаго было неособенно развито въ Изувѣровѣ, то красота вошедшей «прелестницы» отличалась какимъ-то совсѣмъ особеннымъ характеромъ. Все въ ней, и лицо, и тѣло, запыло жиромъ; краски не то выцвѣли, не то исчезли подъ густымъ слоємъ неумытости и заспанности. Одѣта она была маркизой осьмнадцатаго столѣтія, въ короткомъ платьѣ, сдѣланномъ изъ лоскутковъ старыхъ оконныхъ драпри, въ фижмахъ, и почти до пояса обнажена. Несмотря, однакожь, на непривлекательность «прелестницы», «Лакомка» даже шляпу изъ рукъ выронилъ при видѣ ея: такъ она приплась ему по вкусу!

— Индюшка-съ! шепнулъ мнѣ Изувѣровъ.

Дѣйствительно, остановившись передъ «Лакомкой», «прелестница» какъ-то жалобно и съ растановкой протянула:

— П-пля! п-пля! п-пля!

На что «Лакомка» немедленно возопилъ:

— Курлы-рлы-рлы! Кур-курлы!

Началась мимическая сцена оболъщенія. Какъ ни глупа казалась «Индюшка», но и она понимала, что безъ предварительной игры ходатайство ея не будетъ уважено. А ходатайство это было такого рода, что человѣку, получающему шривоенное отъ казны содержаніе, нельзя было не призадуматься надъ нимъ. А именно: требовалось, чтобъ «Лакомка», забывъ долгъ и присягу, соединился съ внутреннимъ врагомъ, и сдѣлалъ изъ подвѣдомственныхъ ему учреждений тайное убѣжище, въ которомъ могли бы укрываться неблагонадежные элементы и оттуда безнаказанно сѣять крамолу. Понятно, что «Индюшка» должна была пустить въ ходъ всѣ до-ступныя ей чары, чтобы доставить торжество своему преступному замыслу.

Мы, видѣвшіе на своемъ вѣку появленіе и исчезновеніе безчисленнаго множества вольнолюбивыхъ казенныхъ вѣдомствъ — мы ужъ на столько притупили свои чувства, что даже судебная или земская крамола не производитъ на насъ надлежащаго дѣйствія. Но въ то время крамола была еще вновь. «Лакомка», повидимому, и самъ неполнѣ понималъ, въ чемъ именно заключается опасность, а только смутно сознавалъ, что шагъ, который ему предстоитъ, можетъ имѣть роковыя послѣдствія для его барьеры. И подъ гнетомъ этого предчувствія потихоньку вздрагивалъ.

Сцена оболъщенія продолжалась. «Индюшка» закатывала глаза, сгибала станъ, потрясала бедрами — а «Лакомка» все стоялъ, вперивъ въ нее мутный взоръ, и вздрагивалъ. Что происходило въ это время въ душѣ его? Понялъ ли онъ наконецъ? приходилъ ли въ ужасъ отъ дерзости преступной незнакомки, или же наивно обдумывалъ: сначала часокъ-другой пріятно позабавлюсь, а потомъ и отошлю съ сторожемъ въ полицію на дальнѣйшее распоряженіе...

Какъ бы то ни было, но, въ виду этихъ колебаній, «Индюшка» рѣшилась на крайнюю мѣру: начала всею горстью скребсти себѣ бедра, томно при этомъ выкрикивая:

— П-ля! п-ля! п-ля!

Тогда онъ не выдержалъ. Забывъ долгъ службы, весь въ мылѣ, онъ устремился къ оболъстительницѣ и, ухвативъ ее поперегъ талии... Признаюсь, я ужасно сконфузился. «Пріютъ сладкихъ отдохновеній» находился такъ близко, что я такъ и думалъ:

вотъ-вотъ сейчасъ будетъ скандалъ. Но Изувѣровъ угадалъ мои опасенія и поспѣшилъ успокоить меня.

— Не извольте опасаться, вашескорodie! недолжнаго ничего не будетъ! сказалъ онъ въ ту минуту, когда, повидимому, ничто уже не препятствовало осуществленію крамолы.

И дѣйствительно, вдругъ, откуда ни возмись... мужикъ!! Это былъ тотъ же самый мужчина, который, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, фигурировалъ и у «Мздоимца» — но какъ онъ въ короткое время обросъ! Опять на немъ былъ синій армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ; опять изъ-за пазухи торчалъ цѣлый запасъ куръ, утокъ, гусей и проч., а изъ кармана, ласково мыча, высовывала рогатую голову корова; опять онучи его кипѣли млекою и медомъ, т. е. серебромъ и золотомъ... И опять — онъ былъ виноватъ!

Онъ вбѣжалъ, какъ угорѣлый, бросился на колѣни и замеръ.

— Это онъ по ошибкѣ-съ! объяснилъ Изувѣровъ:—ему опять надлежало къ «Мздоимцу» отъѣзжаться, а онъ этажемъ ошибся, да къ «Лакомкѣ» попалъ!

И рассказалъ при этомъ анекдотъ, какъ однажды сельскій попъ, пріѣхавъ въ губернской городъ, повезъ къ серебрянику старое серебро на приданое дочери подновить, да тоже этажемъ ошибся и, вмѣсто серебряника, къ секретарю консисторіи влопался.

— И такимъ родомъ воротился во свояси уже безъ серебра, прибавилъ Изувѣровъ въ заключеніе.

Первую минуту у «Лакомки», и «Индюшка» стояли въ оцѣненіи, точно сейчасъ проснулись. Но вслѣдъ за тѣмъ, оба зашипѣли, бросились на мужика и начали его тузить. На шумъ приближалъ, разумѣется, сторожъ, и то же сталъ направо и налево тузить. Опять произошла довольно грубая «комическая» сцена, въ продолженіи которой дѣйствующія лица до того перемѣшались, что начали угощать тумаками безъ разбора всякаго, кто подъ руку попадетъ. Мужика, конечно, вытолкали, но въ общей свалкѣ, къ моему удовольствію, исчезла и «Индюшка».

— Надѣюсь, что она больше ужъ не явится? обратился я къ Изувѣрову.

— Явится-съ, отвѣчалъ онъ:—но только тогда, когда вопросъ о крамолкѣ окончательно созрѣетъ.

«Лакомка» остался одинъ, и задумчиво поправлялъ передъ зеркаломъ слегка вывихнутую челюсть.

Несмотря на принятые побои, онъ, однакожь, не унылся, и какъ только поврежденная челюсть была вправлена, такъ сейчасъ же, и даже умилнѣе прежняго, зазѣвалъ:

— Мамм-чва! мамм-чва! мамм-чва!

Впорхнула довольно милостивая субретка (тоже по рисункамъ XVIII столѣтія), скромно сдѣлала книженъ и, подавая «Лакомѣ» книжку, мимикой объяснила:

— Барышня приказали кланяться и благодарить: просятъ, нѣтъ ли другой такой же книжки—почитать?

Увы! къ величайшему моему огорченію, я долженъ сказать, что на оберткѣ присланной книжки было изображено: «Сочиненія Баркова. Москва. Въ университетской типографіи. Печатано съ разрѣшенія Управы Благочинія.»

Я такъ растерялся при этомъ открытіи, что даже посовѣстился узнать фамилію барышни.

Между тѣмъ, «Лакомка», бережно положивъ принесенный томъ на столъ, устремился къ субреткѣ и ущипнулъ ее. Произшла мимическая сцена, по выразительности своей, не уступавшая таковымъ же, устроиваемымъ на театрѣ города Мариуполя Петипа.

— Еще ничего я отъ васъ не видѣла, говорила субретка:—а вы ужъ щиплетесь!

Тогда «Лакомка», смекнувъ, что передъ нимъ стоитъ дѣвица разсудительная, безъ потери времени вынулъ изъ шкапа банку помады и фунтъ валеныхъ орѣховъ и повергъ все это къ столамъ субретки.

— А ежели ты будешь мнѣ соотвѣтствовать, прибавилъ онъ, тѣлодвиженіями:—то я, подобно сему, и прочія мои сокровища не замедлю въ распоряженіе твое предоставить!

«Субретка» задумалась, и нѣкоторое время даже разсчитывала что-то по пальцамъ и, наконецъ, сказала:

— Ежели къ сему прибавишь еще полтинникъ, то—согласна соотвѣтствовать.

Весь этотъ разговоръ произошелъ ужасно быстро. И такъ какъ не было причины предполагать, чтобъ и развязка заставила себя ждать (я видѣлъ, какъ «Лакомка» уже началъ шарить у себя въ карманахъ, отыскивая требуемую монету), то я со страхомъ помышлялъ: ну, ужъ теперь-то, навѣрное скандала не миновать!

Но гнусному сластолюбцу было написано на роду обойтись въ этотъ день безъ «лакомства». Въ ту минуту, когда онъ простираетъ уже трепетныя руки, чтобы увлечь новую жертву своей ненасытности, за боковой кулисой послышались крики, и на сцену ворвалась цѣлая толпа женщинъ. То были старыя «Лакомкины» прелестницы. Я счелъ ихъ не меньше двадцати штукъ; всѣ онѣ были въ разнообразныхъ одеждахъ, и у каждой лежало на рукахъ по новорожденному ребенку.

— П-ля! п-ля! п-ля! кричали онѣ разомъ.

«Лакомка» на минуту какъ бы смутился. Но сейчасъ же оправился и, обращаясь въ нашу сторону, съ гордостью произнесъ, указывая на младенцевъ:

— Таковы результаты моея почительной дѣятельности за минувшій годъ!

Этимъ представленіе кончилось.

Послѣ этого, Изувѣровъ разыгралъ передъ мной еще два «представленія»: одно, подъ названіемъ «Наказанный гордецъ», другое—«Неразсудительный Выдумщикъ, или Сдѣлай милость, остановись!» Я, впрочемъ, не буду въ подробности излагать здѣсь сценарій этихъ представлений, а ограничусь лишь краткимъ рассказомъ ихъ содержанія.

Пьеса «Наказанный Гордецъ» начиналась тѣмъ, что Коллежскій Ассесоръ появился въ телегѣ, запряженной тройкой лихихъ лошадей и съ чрезвычайной быстротой проскакалъ нѣсколько круговъ по верстаку. Едва въѣхалъ онъ на сцену, какъ во всю мочь заоралъ: го-го-го! объявилъ, что ѣдетъ на усмиреніе и далъ ямщику тумака въ спину. На немъ было форменное пальто съ свѣтлыми пуговицами и фуражка съ кокардой на головѣ; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ мѣшокъ съ выбитыми, по разнымъ административнымъ соображеніямъ, зубами, а правую имѣлъ въ готовности. Несмотря на захватывающую духъ ѣзду, онъ ни на минуту не переставалъ гоготать, мѣрно ударяя ямщика въ спину, вылушывая ему зубы и лишая волосъ. Наконецъ, частныя членовредительства, повидимому, показали ему мало дѣйствительными, и онъ рѣшилъ покончить съ ямщикомъ разомъ. Снявъ съ него голову и бросилъ ее въ кусты. Почувявъ свободу, лошади бѣшено рванули впередъ, и я ужъ предвидѣлъ минуту, когда телега и ея утлый сѣдокъ будутъ безжалостно растрепаны; но, къ счастью, станція была уже близко. Повинуясь инстинкту, лошади, какъ вкопанныя, остановились передъ станціоннымъ столбомъ и тотчасъ же всѣ три поколѣли. Покуда «Гордецъ» скакалъ послѣднія полверсты, я замѣтилъ, что на станціонномъ дворѣ происходило какое-то чрезвычайно-суетливое движеніе, но когда тройка подсказала и раздалось раскатистое «го-го-го!», то никто на этотъ окликъ не отвѣтилъ. «Гордецъ», закинувъ голову назадъ, ходилъ взадъ и впередъ, держа въ рукахъ часы и твердо увѣренный, что черезъ минуту новая перекладная будетъ подана. Но урочная минута прошла, и никакого движенія не проявля-

лось. Тогда «Гордецъ» удивленно оглядѣлся кругомъ и унылая картина предстала очамъ его...

Почтовый дворъ стоялъ одиноко въ лѣсу, и внутри его все словно умерло. Какіе-то таинственные звуки доносились со двора, не то шопотъ, не то фырканье, да слышно было, что гдѣ-то вдали, въ лѣсной чащѣ, аукается лѣшій. «Гордецъ» отлично понималъ, что тутъ кроется противодѣйствіе властямъ, и сейчасъ же бросился на розыски. Дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ онъ вытаскилъ за шиворотъ изъ потаенныхъ убѣжищъ писаря и четверыхъ ямщиковъ. И по мѣрѣ того, какъ вытаскивалъ, немедленно лишалъ ихъ жизни даже безъ допроса. Когда же лишилъ жизни послѣдняго ямщика, то вновь возопилъ: го-го-го! думая, что теперь-то ужъ непременно выѣдетъ готовая перекладная. Однако, и на этотъ окликъ нието не явился. Тогда, внѣ себя отъ гнѣва, онъ поймалъ пѣтуха и оторвалъ ему голову; потомъ, завидѣвъ бѣгущую собаку, погнался за ней, догналъ и разорвалъ на части. Но и это не помогло.

Между тѣмъ, времени прошло не мало, на землю спустились уже сумерки, и въ глубинѣ лѣса показалось стадо голодныхъ волковъ. Впервые, въ головѣ «Гордеца» блеснула мысль, что еслибъ онъ не заботился такъ много объ огражденіи прерогативовъ власти, то, вѣроятно, въ эту минуту преспокойно продолжалъ бы путь, а можетъ быть, доѣхалъ бы ужъ и до мѣста. А волки, между тѣмъ, почуявъ убиенныхъ, подходили все ближе и ближе, и подняли, наконецъ, такой надрывающій душу вой, что даже вѣроны, облѣпившіе, въ чашии шира, сосѣдную сосну, поняли, что тутъ взятки гладки, и, съ шумомъ снявшись съ дерева, полетѣли дальше.

Мракъ сгущался, волки выли, лѣсъ начиналъ гудѣть... Долго крѣпился «Гордецъ», все думалъ: не можетъ этого быть! — но, наконецъ, заплакалъ. Плакалъ онъ много и горько, плакалъ безнадежно, какъ человѣкъ, который неожиданно понималъ, сколько жестокаго, сатанински-безсмысленнаго заключаетъ въ себѣ актъ лишенія жизни. И плача, вспоминалъ папеньку, маменьку, братцевъ, сестрицъ, и горько зывалъ къ нимъ: гдѣ вы? Потомъ обратился мыслью къ начальникамъ и тоже вопіялъ: гдѣ вы? И среди этой агоніи слезъ, кощунствовалъ, говорилъ: а вѣдь управлять и опустошать—не одно и то же!

Но тутъ совершилось нѣчто ужасное. Стая волковъ на столько приблизилась, что совершенно заслонила собой «Гордеца». Еще минута—и на порогѣ станціоннаго дома валялась одна фуражка, украшенная ковардою...

Содержаніе «Неразсудительнаго Выдумщика» было нѣсколько сложнѣе.

Нѣкоторый коллежскій ассесоръ, получивъ власть, вдругъ почему-то сообразилъ, что она дана ему не напрасно. А такъ какъ начальники, облекшіе его властью, ничего ему на этотъ счетъ не объяснили, то онъ началъ додумываться самъ. Думалъ-думалъ, и, наконецъ, выдумалъ: для искорененія невѣжества. Ужь больше столѣтія, сказалъ онъ себѣ, какъ коллежскіе ассесоры искореняютъ русское невѣжество, а толку все нѣтъ. Отъ чего? А отъ того, сударь мой, что не всѣ коллежскіе ассесоры въ одинаковой силѣ дѣйствуютъ. Много есть между ними издоимцевъ, много прелюбодѣевъ, много зубосокрушителей, и очень мало настоящихъ искоренителей невѣжества. Начнетъ истинный искоренитель искоренять, а невѣжество возьметъ, да за полтинникъ откупится. А надо такъ на невѣжество нажать, чтобъ ему вздыху не было, чтобъ куда оно ни сунулось—вездѣ ему мать!

И какъ только рѣшилъ про себя «Выдумщикъ», какая ему задача предстоитъ, такъ сѣлъ за письменный столъ, да съ тѣхъ поръ и не выходитъ оттуда. Не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ, все «неразсудительныя» выдумки выдумываетъ.

Строчить съ утра до вечера, но такъ какъ онъ и самъ не понимаетъ чтò строчить, то все выходитъ у него безъ связи, въ разбродъ. То вдругъ съ большого ума покажется: отъ того въ Россіи невѣжество, что община по рукамъ и по ногамъ мужика связываетъ, и вотъ готовъ прозекъ: общину упразднить. То вдругъ мелькнетъ: отъ того царствуетъ невѣжество, что въ деревняхъ хорошихъ племенныхъ жеребцовъ нѣтъ—немедленно таковыхъ приобрести! Или вздумается: истинное основаніе русскому невѣжеству полагаютъ кабаки — сейчасъ резолюція: кабаки закрыть а вмѣсто оныхъ повсемѣстно открыть торговлю печатными пряниками. А наконецъ и еще: куда были бы мы просвѣщеннѣе, еслибъ мужики сѣяли на поляхъ, вмѣсто ржи, персидскую ромашку, а на огородахъ, вмѣсто рѣпы, морковь! И опять резолюція: дать знать, кому вѣдать надлежитъ, и т. д.

Но бѣда въ томъ, что невѣжество упорно. Недостаточно связать ему: въ видахъ твоего искорененія необходимо упразднить общину. Надо, кромѣ того, еще сдѣлать его способнымъ къ воспріятію этой истины. Иначе, пожалуй, оно и того не пойметъ, съ какой стати его невѣжествомъ зовутъ и зачѣмъ непремѣнно понадобилось его искоренить. Какимъ же образомъ добиться, чтобы невѣжество сдѣлалось способнымъ къ воспріятію? Думалъ-думалъ коллежскій ассесоръ, и наконецъ, хоть и съ болью въ

сердцѣ, но пришелъ къ заключенію, что самое лучшее средство— это экзекуція! Конечно, разсудилъ онъ самъ съ собою, это тоже самое, что въ древности называлось «поронцами», но вѣдь одно другого дороже: или церемониться, или достигать! Поронцы такъ поронцы!

И вотъ, сидитъ онъ, да неразумительность свою неуставаячи тѣшить, а по дорогѣ солдатики въ рога трубятъ, а въ рощицѣ волостные начальнички вѣники рѣжутъ, а на селѣ мужичокъ кричить: вашескородіе! не буду! Слышитъ эти крики «Выдумщикъ», но нѣкоторое время дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ. Однакожь, наконецъ и онъ видитъ, что притворяться не понимающимъ дальше нельзя. Вскочить, приложить руку къ сердцу и скажетъ въ свое оправданіе: знаю, милые что нынѣ вамъ больно, но надѣюсь, что впоследствии вы сами поймете сколь сіе было для васъ полезно!

И что всего ужаснѣе — не только не подкупенъ, но и неумолимъ. Сколько разъ мужички всѣмъ міромъ ходили, хабару носили, на колѣнахъ просили—не внемлетъ и не пріемлетъ. «Глушенькіе! говорить, стерпится—слюбится, а послѣ вы меня же благодарить будете»!

Такъ у нихъ до сихъ поръ колесомъ дѣло и идетъ. Онъ — неразумительныя выдумки выдумываетъ, они—вопіють: вашескородіе! не будемъ! Ромашку персидскую посѣяли, а клопы пуще прежняго одолѣли; о племенныхъ жеребцахъ докучали, а начальство, по недоразумѣнію, племенныхъ поросятъ прислало; кабаки закрыли—корчемщиковъ развели.

Одна только община осю пору цѣла стоитъ: видно, ужъ самъ Богъ ее бережетъ!

«Подьячіе» были исчерпаны. Только и додумался Изувѣровъ до этихъ четырехъ типовъ, да можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ только ихъ и было въ тогдашнее несложное время. Я, впрочемъ, былъ очень этому радъ. Несмотря на то, что мое посѣщеніе длилось не больше двухъ часовъ, я чувствовалъ какую-то чрезвычайную усталость. И не только физическую, но и нравственную. Какъ будто ощущение оголѣнія, о которомъ я говорилъ выше, мало-по-малу, заползло и въ меня самого и все внутри у меня онѣмѣло и оскудѣло.

Я не мало на своемъ вѣку встрѣчалъ живыхъ куколъ и очень хорошо понимаю, какую отраву онѣ вносятъ въ человѣческое существованіе, но на этотъ разъ чувство нѣмоты произвело на меня такое угнетающее впечатлѣніе, что я готовъ былъ вытер-

нѣтъ безчисленное множество живыхъ куколъ, лишь бы уйти изъ міра «людипекъ». Даже госпожа Строптивцева, возвращавшаяся въ это время по улицѣ домой — и та показала мнѣ «умницей».

Мнѣ кажется, разгадка этого чувства угнетенности заключается въ томъ, что живыхъ куколъ мы встрѣчаемъ въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ, которыя не позволяютъ имъ всегда оставаться вполне цѣльными, вѣрными своему кукольному естеству. А сверхъ того, онѣ живутъ хотя и скудною, но все-таки живую жизнь, въ которой имѣются нѣкоторые общіе людскому роду инстинкты и вождѣленія. Словомъ сказать, принимаютъ участіе въ общей жизненной драмѣ. Тогда какъ деревянные людипки представляются намъ какъ-то наивно сосредоточенными, до тупости послѣдовательными и вполне изолированными отъ какихъ-либо осложнений, вызываемыхъ наличностью живого инстинкта. Участвуя въ общей жизненной драмѣ, въ перемежку съ другими такими же куклами, живая кукла уже потому одному дѣйствуетъ не такъ вымогательно, что назойливость ея отчасти умѣряется разными жизненными нечаянностями. Деревянные людипки даже этого отпора не встрѣчаютъ. У нихъ въ запасъ имѣется только одна струна, но они бьютъ въ эту струну съ безпрепятственностью и регулярностью, доводящими мыслящаго зрителя до отчаянія.

Правда, Изувѣровъ утверждаетъ, что его «людипекъ» можно легко уговорить, тогда какъ живая кукла сама, дескать, вынетъ изъ тебя душу и заставитъ проклинать часъ твоего рожденія. Положимъ, что это и такъ; но въ такомъ случаѣ стѣитъ ли интересоваться этими людипками, стѣитъ ли тратить на нихъ свою жизнь? И не правъ ли былъ соборный дьяконъ, укорявшій Изувѣрова: и отъ живыхъ людипекъ отбою на свѣтѣ нѣтъ, а ты еще деревянныхъ плодишь!

Но, сверхъ того, ежели хорошенько вникнуть въ дѣло, то Изувѣровъ окажется неправъ и въ другомъ. Онъ слишкомъ презрительно, свысока, отозвался о присланной изъ Петербурга «Новобрачной», слишкомъ поспѣшилъ назвать ее «пустой» куклой. Во-первыхъ, чтобы сдѣлать такую куклу, не нужно ни задумываться, ни изобрѣтать, ни мнить себя гениемъ, а достаточно обладать нѣкоторымъ навыкомъ, имѣть подъ рукой достаточное количество тряпокъ и лайки и умѣть со вкусомъ распорядиться наружными украшеніями. А во-вторыхъ, какъ «Новобрачная», эта кукла положительно не оставляетъ ничего желать. Изувѣровъ спрашиваетъ: «на какой предметъ? и въ какомъ градусѣ?» —

странные вопросы! Да на всякій предметъ и во всякомъ градусѣ — вотъ и все.

Природа благосклонна; люди — злѣе. Природа не допускаетъ строго-последовательнаго пустоутробія; люди, напротивъ, слишкомъ охотно настаиваютъ на этой последовательности. Еслибъ природа хотѣла быть до конца жестокою, она награждала бы живыхъ людишекъ тѣмъ же идиотскимъ упорствомъ побужденій и движеній, какимъ награждаетъ Изувѣровъ своихъ деревянныхъ людишекъ. Вотъ тогда было бы ужасно, ужасно, ужасно — въ полномъ смыслѣ этого слова! Ни уговорить кузлу, ни уйти отъ нея нельзя! сиди и ежесекундно чувствуй, какъ она вынимаетъ изъ тебя душу! и не шелохнись, потому что всякій протестъ, всякое движеніе вызываетъ новую жестокость, новую невыносимую боль!

Но, можетъ быть, жизнь ужъ и созидаетъ такихъ людишекъ? Можетъ быть, въ тѣхъ безчисленныхъ принудительныхъ сферахъ, которыя со всѣхъ сторонъ сторожатъ человѣка, совсѣмъ не въ рѣдкость тѣ потрясающія «кувольныя комедіи», въ которыхъ живая кузла попираетъ своей пятой живого человѣка? Можетъ быть, Изувѣровъ является совсѣмъ не изобрѣтателемъ, а только блѣднымъ копистомъ того, что уже давно изобрѣтено жизнью?

Кто возьметъ на себя смѣлость утверждать, что это не такъ? И кто не согласится, что изъ всѣхъ тайнъ, раскрытіе которыхъ наиболѣе интересуется человѣческое существованіе, «тайна кузлы» есть самая существенная, самая захватывающая?

Какъ бы то ни было, но я воспользовался наступившими сумерками, чтобъ отложить дальнѣйшій осмотръ мастерской до другого дня.

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ОБЩИНЫ¹.

(Записки изслѣдователя).

МОРДОВСКІЯ ОБЩИНЫ.

Въ предыдущихъ запискахъ я сообщилъ вамъ, почтенный читатель, бѣглыя замѣтки о селеніяхъ, встрѣченныхъ мною на пути въ При-Узинскій край, куда я торопливо стремился для изслѣдованія разноплеменныхъ общинъ. Но прежде чѣмъ говорить о предметѣ изслѣдованія, предпринятаго въ При-Узинскомъ краѣ, скажу нѣсколько словъ о самомъ краѣ, что впрочемъ вызывается и поводами его изслѣдованія.

Избранный мною край названъ При-Узинскимъ потому, что рѣка Уза служитъ ему основаніемъ. Протекая почти по серединѣ уѣздовъ Петровскаго—земледѣльческаго и Кузнецкаго—промышленнаго, она образуетъ изъ нихъ какъ бы одну долину.

Уза, впадая въ Суру, входитъ въ составъ системы рѣкъ Волжскаго бассейна. Она считается сплавною, хотя по ней сплавляются въ половодье только бревна изъ мѣстныхъ дачъ, расположенныхъ не подалеку ея береговъ. Большая часть этого края представляла когда-то сплошное пространство лѣсовъ; пахатныя же поля образовались постепенно изъ расчистокъ лѣса въ большихъ долинахъ рѣчекъ, впадающихъ въ Узу, расположенныхъ нѣсколько выше мѣстъ, заливаемыхъ весною этою же рѣкою. Всѣ возвышенности покрыты и теперь лѣсомъ разныхъ породъ, въ томъ числѣ прекрасною строевою сосною въ двѣнадцать саженей высоты и до четырнадцати вершковъ ширины въ основаніи.

Поверхность края очень холмиста и большій процентъ ея площади занятъ лѣсами, что рѣзко отличаетъ этотъ край отъ всѣхъ

¹ «Отч. Зап.», ноября 1878 и марта 1879 года.

Т. СС XLVIII. — Отд. II.

другихъ частей губерніи, носящихъ болѣе или менѣе степной характеръ. Значительная сравнительно высота его поверхности надъ уровнемъ океана, судя по многимъ опредѣленнымъ въ смежныхъ съ нимъ мѣстностяхъ пунетамъ и по теченію рѣкъ, наблюдатели принимаютъ среднюю высоту его поверхности въ 900—1,000 ф., тогда какъ высота, напримѣръ, рѣки Волги надъ уровнемъ океана равняется въ Саратовѣ на 11 и въ Камышинѣ на 23½ фута ниже его. Въ метеорологической же наукѣ принято, что каждому повышенію мѣстности на 632 фута надъ уровнемъ океана соотвѣтствуетъ пониженіе температуры на 1° Реом.

Изъ новѣйшихъ мѣстныхъ наблюдений¹ выводятся слѣдующія замѣчанія: 1) что средняя температура года въ изслѣдованной нами мѣстности ниже даже лежащаго отъ нея на 3½° къ востоку самарскаго края; 2) что разность температуры особенно заключается не въ ея пользу въ лѣтніе мѣсяцы, и 3) что число дождевыхъ дней въ этой мѣстности значительно выше, чѣмъ въ близъ лежащей степной полосѣ по обѣимъ сторонамъ Волги. Это обстоятельство предохраняетъ ее отъ лѣтнихъ засухъ и отъ безснѣжныхъ зимъ, столь свойственныхъ степной полосѣ и столь вредно вліяющихъ на ея урожайность. Мы знаемъ Кузнецкій уѣздъ въ теченіи послѣднихъ 12 лѣтъ, и за все это время въ немъ полнаго неурожая не было ни разу и былъ лишь одинъ годъ, въ коемъ собраны были отъ урожая одни почти сѣмена (1869 годъ), но и это произошло не отъ засухъ, а совершенно по другимъ причинамъ. Отсутствіемъ засухъ этотъ край обязанъ, по всей вѣроятности, обширности его лѣсной площади, о чемъ упомянуто выше.

Въ связи съ сравнительно низкой средней температурой 6-ти лѣтнихъ мѣсяцевъ особенно неблагоприятно въ сельско-хозяйственномъ отношеніи дѣйствуетъ на климатъ При-Узинскаго края краткость періода времени между послѣдними весенними и первыми осенними морозами, такъ что лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ не замѣчалось морозовъ, причемъ наибольшее число дней между послѣднимъ и первымъ морозами было 125, наименьшее 55 и за среднее за 9 лѣтъ 93. Это обстоятельство дѣлаетъ не только невозможнымъ разведеніе арбузныхъ и дынныхъ бакчей и не успѣшнымъ занятіе садоводствомъ, но и весьма дурно вліяетъ на разведеніе такихъ хлѣбовъ, какъ греча, почти ежегодно страдающая либо отъ тѣхъ, либо отъ другихъ морозовъ. Въ числѣ причинъ, вредно вліяющихъ на ея посѣвы, слѣдуетъ упомянуть и о мглѣ, нерѣдко свертывающей ее въ цвѣту (особенно памятна мгла, убившая прекраснѣйшія гречи въ іюлѣ 1869 года).

Преобладающее отличіе почвы — черноземъ въ болѣе или

¹ Наблюденія эти принадлежатъ молодому ученому Э. Чекалину, который, при исполненіи обязанности мирового судьи, не покидаетъ и своихъ любимыхъ ученыхъ занятій, какъ кандидатъ математическаго факультета.

меньшей степени смѣшанный съ глиной и пескомъ, образуя разныя степи суглинка и супеска.

При изобиліи воды и гѣса, этотъ край какъ бы созданъ для развитія земледѣлія въ связи съ разнородною промышленностью; на разстояніи какихъ-нибудь 7—10 верстъ другъ отъ друга, въ встрѣчаютъ заводы винокуренные, заводы мельничные, пеклеванные, кожевенные и поташные, салотопни, маслобойни, гѣсные склады, конные заводы, стада тонкорунныхъ испанскихъ овецъ и гурты рогатаго скота и овецъ, пригнанныхъ изъ Самарской губерніи и откармливающихся для отдаленныхъ столичныхъ рынковъ, значительные кустарные промыслы, тележный, гончарный, колесный и другіе. Въ этомъ районѣ земельныя общины расположены между собой довольно часто—1,85 на квадратную милю, тогда какъ въ другихъ уѣздахъ селенія размѣщены гораздо рѣже—въ средней полосѣ 1,65 на квадратную милю, а въ южной они встрѣчаются раскиданными группами 0,75 на квадратную милю.

Изъ племенъ, нынѣ населяющихъ При-Узинскій край, по историческимъ изслѣдованіямъ, ни одно не было исконнымъ здѣшнимъ обитателемъ.

Мы встрѣчаемъ здѣсь переселенцевъ изъ многихъ великороссійскихъ губерній и кромѣ того значительныя пространства, занимаемыя сплошными массами мордвы, татаръ, чувашъ.

Мордва, послѣ русскихъ, малороссіянъ и нѣмцевъ, составляютъ въ Саратовской губерніи самую большую этнографическую группу. Занимаясь преимущественно земледѣліемъ и кустарнымъ промысломъ, они живутъ исключительно въ селеніяхъ, болѣею частью отдѣльно отъ другихъ національностей.

Вообще признается, что мордва прибыла въ Саратовскую губернію въ недавнее время изъ губерній Тамбовской и Пензенской, но если принять мнѣніе нѣкоторыхъ изъ ориенталистовъ, что древніе буртасы были не что иное, какъ нынѣшніе мордва, вѣтви Мокша, то мордвовъ надобно будетъ признать за древнѣйшихъ обитателей При-Узинскаго края.

Мордва нашего края болѣе всего сохранили свою народность. Здѣсь женщины почти вовсе не понимаютъ по-русски. Кромѣ того, въ нашихъ лѣтописяхъ нерѣдко говорится, что русскіе князья, совершивъ походъ въ Булгарію, возвращались на коняхъ чрезъ мордовскую землю («пусти кони на Мордву»), да и позднѣйшіе походы на Казань болѣею частью предпринимались съ этой стороны.

Мордва усердно занимаются разными сельскими промыслами, склонны и къ торговлѣ, вообще отличаются смышленностью, известною степенью предпримчивости, и изъ всѣхъ здѣшнихъ инородцевъ самыя общительныя и наиболѣе обрусѣвшіе. Всѣ они исповѣдуютъ христіанство и многіе изъ нихъ усердно исполняютъ всѣ религиозныя обряды. Въ порядкахъ домашней жизни, въ одеждѣ (особенно мужчинъ) видится много чисто русскаго.

Напримѣръ, въ с. Шаткинѣ всѣ они говорятъ по-русски, свой родной языкъ пестрятъ словами русскими.

Внѣшній видъ мордовскихъ деревень ничѣмъ не отличается отъ деревень русскихъ¹.

Мордва вообще отличается необыкновенною предприимчивостью. большинство изъ нихъ занимается кустарною промышленностью, которая вызвалась предприимчивостью, скорѣе чѣмъ перенесена сюда вмѣстѣ съ переселеніемъ мордвы; необыкновенно интересенъ рассказъ стариковъ о томъ, какъ въ старину выбивались у нихъ подати и что мордва предпринимала для ихъ добыванія.

Земли ихъ были необыкновенно хлѣбородны, такъ какъ образовались изъ лѣсныхъ расчистокъ; а потому хлѣбные запасы разнаго рода были значительны; но денегъ вблизи достать не было никакой возможности; вынуждаемые строгими мѣрами полиціи, они собирали сходы и придумывали способы къ присканію денегъ; по мірскому приговору, поочередно сажали однообщественниковъ своихъ въ холодную избу подъ полъ и поливали ихъ холодной водой до тѣхъ поръ, пока съ нимъ не сдѣлается лихорадка.

Эта ли мѣра, другія ли побудили міръ къ необходимости избрать изъ своей среды наиболѣе смѣлыхъ и образовать изъ нихъ цѣлый обозъ съ пшеномъ и отправить его для продажи въ Нижній-Новгородъ за 600 верстъ; операція эта удалась. Оттуда возами уже привозились мѣдные деньги, которыя раздавались всѣмъ однообщественникамъ, по мѣрѣ участія ихъ въ обозѣ; эти деньги они вносили въ подати по первому требованію начальства. А теперь мордвѣ не въ диковину поѣхать въ Астрахань за рыбой и далеко за Волгу съ продуктами своего рынка.

Центральнымъ пунктомъ, отъ котораго производятся мои наблюденія, я избралъ сельцо Аряшъ. Отсюда я и буду предпринимать отдѣльныя изслѣдованія общинъ, по ихъ племенному отличію.

Такимъ образомъ, на мой взглядъ, и этнографу, и экономисту рельефнѣе представляются и общія племенные отличія, и частныя разновидности явленій между общинами одного и того же племени. Мордовскія земли подходятъ очень близко къ с. Аряшъ. Онѣ отдѣляются небольшою рѣчкой, подъ названіемъ Чикъ-Аряшъ, которая, представляя живое урочище, имѣетъ важное межевое значеніе для смежныхъ владѣльцевъ: встарину изъ-за береговъ этого Чикъ-Аряша были кровавыя свалки между двумя общинами русскою и мордовскою. Русская община почему-то полагала, что земли и по ту сторону этой рѣчки до долины принадлежатъ ей и мужики съ топорами отстаивали свою претензію. Мордовская община не поддавалась, выставя также свои топоры. Мордва теперь еще хвалится, какъ они стояли за мірскую землю:

¹ Русскій лѣтописецъ, описавъ основаніе Свияжска въ 1554 г., говоритъ, что воеводы... и чувашу, и черемису, и мордву... привели къ правдѣ.

«А говорятъ мордва дураки, а отбили же аряшенскихъ, маленько сплошали, а то до гуменъ бы отняли». Теперь все мирно, планы указали, гдѣ кому владѣть, а для воспомнанія о свалкахъ служить лощина, которая обѣими сторонами именуется *спорной лощиной*. Я переѣхалъ мостикъ черезъ Чижь-Аряшъ и очутился на Кулясовскомъ полѣ.

Между названіемъ мордовскія земли и Кулясовское поле нельзя не дѣлать отличія. Сначала три селенія мордвы: Кулясово, Мамадышъ и Алексѣвка, расположенныя другъ отъ друга въ 2 — 5-ти верстахъ, имѣли земли въ одной окружной межѣ, въ общемъ владѣніи и пользовались ими по взаимному согласію, тогда эти земли сосѣдями назывались мордовскими землями, а теперь, когда послѣдовало специальное размежеваніе и выданы владѣнныя записи, тѣ же самыя земли стали называться полями кулясовскими, мамадышскими и алексѣвскими.

Кулясовское поле представляетъ прекрасную долину по рѣкѣ Аряшу, разстилающуюся по его лѣвой сторонѣ во всю семи-верстную длину рѣчки, до самаго села Кулясова.

Обѣ стороны этой долины окаймляются лѣсомъ разныхъ породъ, не исключая и сосны, которая любитъ занимать болѣе возвышенныя мѣста.

Вдоль всего этого поля извивается скромная сельская дорога.

Кулясовское поле, отъ самой Аряшенской грани изстари, какъ выражаются крестьяне, прежде всего разбито во всю длину на *столбники*, параллельными линиями, называемыми *межниками* и отстоящими другъ отъ друга на 80 сажень. Столбники, такимъ образомъ, представляютъ длинныя ленты пахатной земли, въ первоначальномъ своемъ видѣ, неизмѣющія никакой опредѣленной мѣры. Столбники эти нарѣзаны изстари, какъ основаніе, какъ канва для правильнаго раздѣленія земли на мелкіе четверугольники, которые распредѣляются между членами общины по особому расчету. Столбники Кулясовскаго поля оказываются разбитыми поперечными, также перпендикулярными линиями, образующими вмѣстѣ съ продольными межниками столбниковъ небольшіе четверугольники (параллелограммы), подъ названіемъ *наевъ*. Каждый такой пай, по разуму предковъ кулясовской общины, содержитъ полдесятины сороковой мѣры, т. е. 80 сажень между межниками столбника и 20 сажень по длинѣ того же межника. Линіи, опредѣляющія пай другъ отъ друга, это простыя борозды. Онѣ также постоянны, какъ и межники столбниковъ.

Таковъ, съ незапамятныхъ временъ, наружный канвообразный видъ кулясовскаго поля передъ ежегоднымъ его распредѣленіемъ между членами общины. Поле это въ день послѣдняго моего изслѣдованія, 17-го іюня нынѣшняго года, было паровымъ, а потому нетрудно было разглядѣть всѣ пай по раздѣляющимъ ихъ неглубокимъ бароздамъ, а межники виднѣлись издали. Однимъ (среднимъ) изъ такихъ межниковъ служила дорога, по которой я ѣхалъ, а для отличія отъ другихъ ее называютъ *базарной до-*

ройой, такъ какъ она ведетъ черезъ Аряшъ на бузовлевскій базаръ въ пятницу и на другіе отдаленные рынки.

У Спорной Лощины я нашелъ толпу мордвы, которая вотъ уже вторья сутки какъ дѣлитъ землю. Такой случай не легко можетъ представиться, а потому я нетерпѣливо ждалъ его. Подобный случай трудно уловимъ для изслѣдователя, потому что иногда мѣръ и самъ навѣрное не знаетъ, когда придется выйти на передѣлъ, или дожди остановятъ, или засуха оттянетъ или. наконецъ, соберутся да отложить до предстоящаго черезъ два три дня праздника, такъ что нужно положить около двухъ недѣль на выжиданіе. Постороннему прїѣзжему изслѣдователю надо пожертвовать или первую половину апрѣля, когда происходитъ дѣлежъ ярового поля, или первую половину іюня для парового поля.

— Что вы такъ запоздали паръ дѣлить, вотъ наши почти весь уже вспахали, замѣтилъ я мордвамъ.

— Куда торопиться; для скотины больше всего держались, отвѣтили одинъ.

— Прежде въ лѣсу по полянамъ кормились, теперь запрещаютъ, въ казну вишь отошли, ни себѣ, ни намъ, такъ пропадаютъ поляны, поддержалъ другой ¹.

Съ отмежеваніемъ лѣсовъ въ казну, съ ними естественно должны были отойти и внутреннія поляны, составлявшія существенную статью *общиннаго приволья*, которымъ привыкли пользоваться. Теперь съ поднятіемъ пара скотинѣ болѣе трехъ недѣль приходится страдать отъ безкормицы, питаться остатками травы по паханному пару, а прежде при лѣсныхъ полянахъ, которыя предназначались на то время, она легко поддерживалась на сносномъ кормѣ.

— А что, не всю еще подѣлили? спросилъ я.

— Лучшенькую порастресли, а остальную растресаемъ, отвѣчали мордвы.—Мы стояли на Нижнемъ столбникѣ, на которомъ растресались солончаки. Такъ какъ пай отъ этого столбника съ одной стороны прилегаютъ къ лѣснымъ извилинамъ, то одинъ пай были длиннѣе обыкновенныхъ.

— Вотъ недаромъ про васъ русскіе говорятъ, что *у мордвы длинная душа*, шутиливо замѣтилъ я.

— Это у насъ изстари такія были ².

— У мордвовъ коли что не такъ, *это изстари все баютъ*, замѣтилъ принятый къ нимъ въ общество русскій, чемезавскій мужикъ, откупившійся изъ крѣпостныхъ.

— Ну, что, какъ тебѣ съ мордвой живется? интересовался я узнать у русскаго.

¹ Мордва ошиблись въ расчетѣ, какъ узналъ я впоследствии; они согласились вмѣсто поляны получить лѣсъ подъ чящебы, рассчитывая, что поляны будутъ сдаваться въ аренду; но казна отказывается въ этомъ.

² «Отеч. Зап.» «Душа въ народномъ хозяйствѣ», февраль, 1879 г.

— Ничего, такъ себѣ, вотъ луговинки въ казну, грѣхъ великій, отошли, нечаялись совсѣмъ.

— Жеребій! Жеребій! прервалъ насъ крикомъ разбитой мордвинъ староста, потряхивая изношенной мірской шляпой. Прежде у нихъ была старинная шляпа, а эта куплена на общественныя деньги за 20 коп.

— Ведро было вздумали таскать, да нѣтъ руки бьются, да и трясти нельзя, выбрасываетъ, объясняли мнѣ мордвы.

Стали подходить къ шляпѣ; одни крестились передъ тѣмъ, какъ власть свои жеребья, другія послѣ; а какой-то недовольный мордвининъ съ размаху бросилъ свой жеребій безъ молитвы.

— Ты что это его безъ уваженія бросилъ?

— Такъ, все зря вылетаетъ, хозяина своего не жалѣетъ, отвѣчалъ онъ мордовскимъ нарѣчіемъ, жалуясь на несчастіе своего жеребья.

Каждый жребій является представителемъ отъ 10 душъ, а такъ какъ всѣхъ душъ въ общинѣ 380, то въ шапку положено 38 жеребьевъ. Каждый десятокъ душъ образовывался изъ нѣсколькихъ домохозяевъ, по ихъ взаимному согласію, или изъ двухъ, или изъ трехъ. Если изъ двухъ только, то они были или мятидушникъ съ пятидушникомъ, или восьмидушникъ съ двухдушникомъ или девятидушникъ съ однодушникомъ, а если десятокъ составляется изъ трехъ домохозяевъ, то они были или изъ двухъ-трехъ душниковъ съ однимъ четырехъ-душникомъ; или одинъ шестидушникъ съ двумя двудушниками и т. д.

Каждый такой десятокъ душъ получалъ особый пай ($\frac{1}{2}$ десятины) по своему одному и тому же жеребью. Словомъ, домохозяева, состоящіе въ одномъ десяткѣ душъ, состоятъ непременно на весь дѣлежъ и въ одномъ паю и въ одномъ жеребѣ. Обыкновенно на дѣлежъ земли приходится отъ десяти душъ по согласенію одинъ только домохозяинъ, другіе же не отрываются отъ домашняго дѣла. Доставшуюся же землю между собой дѣлятъ послѣ, предварительно разсмотрѣвъ ее въ свободное время. Но въ этотъ разъ пришло не 38 человекъ, какъ бы слѣдовало, а около 100 человекъ. Это объяснили они тѣмъ, что запоздали дѣлежемъ пара, что имъ придется на другой же день поступить на пашню, такъ что для указанія паевъ товарищамъ, еслибы они оставались дома, времени бы не хватило, вотъ по этому они всѣ пришли на дѣлежъ и тутъ же могли увидѣть, гдѣ доставался имъ пай, и, не откладывая до другого дня, тутъ же распредѣляли ихъ между собой, трясли жеребья, гдѣ кому стоять въ паѣ съ права, съ лѣва или въ срединѣ. Когда всѣ жеребья были положены въ шляпу, вся толпа двинулась къ тому паю, съ котораго начался дѣлежъ худшей земли. По мѣрѣ вылавливанія жеребьевъ, вся толпа, ничѣмъ постороннимъ незадерживаемая, подвигалась быстро въ передъ. Когда прошли недостаточное количество паевъ, шедшій рядомъ со мною мордвинъ, закричалъ одному изъ слѣдовавшихъ за самой шляпой жеребьевщиковъ.

— Ну, что *Дригуша*? ¹

— Нѣтъ еще, былъ отвѣтъ.

— О чемъ это ты спрашиваешь? обратился я къ идущему со мной рядомъ.

— Вотъ, отвѣтилъ онъ:—сейчасъ трясли этотъ паекъ, которымъ идемъ, земляца все получше, думалъ, не вылетитъ ли нашъ.

— Какъ ни ровный, а оказывается, что все счастье есть мѣстечко, замѣтилъ я.

— Знамо—жеребій на *счастливца*. Еще нѣсколько паевъ прошли и мы очутились у родника, огороженного срубомъ; тутъ же лежалъ старый деревянный ковшикъ.

Родникъ этотъ называется Трошина-Лисьма (Трошинъ родникъ). Никто не помнитъ, какой это былъ Троша. На этотъ родникъ ходятъ молиться о дождѣ во время засухи. Въ нынѣшнемъ году мордва не успѣла собраться въ назначенный день къ мірскому молебну, какъ полилъ дождь. Священникъ предполагалъ, что раздумаетъ мордва молиться.

— Нѣтъ, батюшка, надо благодарить, замѣтили ему, и отслужили цѣлымъ міромъ благодарственный молебенъ.

А сосѣди ихъ, въ двухъ верстахъ, Мамадышцы, въ тотъ же день просили о дождѣ, потому что дождь прошелъ полосой, кулясовскими полями отъ Аряша на Камашкирь.

— Ноне все *полосой* ходитъ, говорили крестьяне, разсуждая объ урожаѣ ².

Отъ Трошиной-Лисьмы, крестьяне круто повернули въ право, перешли дорогу, цѣлый столбникъ съ паями хорошей земли, и когда стали на крайній столбникъ съ правой стороны, начали вновь трясти и вылавливать жеребья, такъ какъ тутъ были пай плохого качества; этотъ крайній столбникъ тянулся съ лѣвой стороны около межника, а съ правой прилегалъ къ лѣсу. Пай въ этомъ столбникѣ показались мнѣ гораздо короче паевъ въ другихъ столбникахъ, которые, какъ извѣстно, были въ 80 сажень длины. Мнѣ объяснили, что дѣйствительно эти пай короче, потому что упираются длинными концами въ лѣсъ.

— Но въ этомъ бѣды нѣтъ, успокоилъ меня одинъ:—на такой пай *дача* живетъ.

Я просилъ разъясненія.

— Вотъ гляди, вотъ пай, а вотъ и дачка—ему обиды и не будетъ.

Изъ дальнѣйшихъ болѣе уяснительныхъ указаній и толкованій оказалось, что въ тѣхъ случаяхъ, когда пай, по положенію мѣст-

¹ Мордвы необыкновенно мягкосердечны, ласковы въ обращеніи, чѣмъ рѣзко отличаются отъ русскихъ. Они называютъ другъ друга уменьшительными именами. Дригуша означаетъ Григорій, Гриша. Вообще у Мордвы буква г передъ буквою р обращается въ букву д.

² Въ нынѣшнемъ году, благодаря подобному ходу дождя, урожай былъ необыкновенно разнообразенъ.

ности, выходили не полными, то тутъ же къ нимъ прирѣзаны были при первоначальномъ еще раздѣленіи столбниковъ на пай, особья прирѣзки къ малымъ паямъ, или надбавки земли подъ названіемъ *дача* (придача). Я подоспѣлъ къ распредѣленію земли почти къ конпу дѣла: на ходу же, когда растрясали плохую шапку, крестьяне рассказали мнѣ все, какъ было дѣло съ самаго начала.

Процессъ распредѣленія земли они называютъ дѣлежемъ, хотя, собственно говоря, дѣлится не земля, а домохозяева, какъ мы видѣли, распредѣляются по землѣ, по неизмѣннымъ съ незапамятныхъ временъ частицамъ, именуемымъ *паями*.

Въ назначенный старостою по уговору его съ домохозяевами день, всѣ собираются къ сборной избѣ и тамъ уже домохозяева соединяются въ десяти-душевыя группы, которыя такъ же, какъ и части земли, называются паями. Случается такъ, что девяти-душевой домохозяинъ соединяется въ одинъ пай съ однодушевымъ домохозяиномъ; пятидушевой съ пятидушевымъ и т. д.

По окончаніи распредѣленія по группамъ, домохозяева обыкновенно по одному отъ десяти-душевой группы или пая отправляются къ полю, назначенному для дѣлежа, и тамъ вырѣзываютъ изъ прутьевъ толщиною въ палецъ, жеребьи съ своими мѣтками. Но прежде чѣмъ приступить къ процессу дѣлежа, представители паевъ совѣщаются о томъ, въ какомъ мѣстѣ отвести солдатскую землю; здѣсь существуетъ мѣрской обычай отводить въ награду, каждому поступающему въ рекруты по одной десятинѣ или по два пая, которыми и пользуется въ теченіи года домохозяиство, поставившее своего члена для отправленія воинской повинности.

Послѣ этого, всѣ помолвившись Богу приступаютъ къ дѣлежу въ томъ порядкѣ, какъ я засталъ ихъ на мѣстѣ. Земля ихъ еще отцами и дѣдами распредѣлена на три категоріи, по своему качеству: наилучшую по плодороднымъ свойствамъ, среднюю и худшую.

На каждую категорію производится особая жеребьевка, что называется дѣлить землю на шапки. Сначала обыкновенно проходятъ пай земли лучшей, первой категоріи, тогда шапка или шляпа (урна), въ которую кладутся жеребья, называется первой шапкой; шапка съ жеребьями для средней земли называется второй шапкой; а съ жеребьями худшей земли называется третья шапка, хотя и тѣже самыя жеребья и та же самая шляпа служатъ при распредѣленіи всѣхъ трехъ категорій земли.

Такъ какъ въ кулясовскомъ обществѣ всѣхъ десяти-душевыхъ паевъ 38, то когда пройдутъ 38 паевъ земли лучшаго качества, и когда всѣ 38 жеребьевъ выдутъ, то вновь ихъ кладутъ въ шляпу, потому что лучшей земли не 38 паевъ только, а 152, такъ что для распредѣленія одной лучшей земли (первой шапки) приходится класть, трясти и вылавливать жеребья четыре раза. Такимъ же точно образомъ поступаютъ и съ паями земли сред-

няго и плохого качества, до тѣхъ поръ, покуда не растрясутъ всѣхъ паевъ и всѣхъ жеребьевъ въ трехъ шапкахъ.

При такомъ порядкѣ дѣлежа, уравнительность достигается тѣмъ, что каждый сопайщикъ—домохозяинъ участвуетъ въ 4-хъ разныхъ паяхъ лучшей, въ 4-хъ разныхъ паяхъ средней и 4-хъ разныхъ паяхъ плохой земли.

Различіе качествъ почвы до того разнообразится, и отъ положенія мѣстности, и отъ почвенныхъ соединеній, что пай земли одной и той же категоріи могутъ представить нѣкоторую разницу. Идея уравнительности въ этомъ случаѣ преслѣдуется тѣмъ, что и земля лучшая одного и того же качества, по опредѣленію схода, получается не въ одномъ, а въ четырехъ разныхъ мѣстахъ; а по всѣмъ тремъ шапкамъ придется получить въ 12-ти мѣстахъ.

Но этимъ не заканчивается процессъ дѣлежа земли; есть еще четвертая шапка, которая идетъ на такъ называемый «пахолный жеребій». Въ эту категорію поступаютъ разные обрѣзки, бугры, овражки, песчанники и т. п. Эти земли въ пай не имѣютъ опредѣленной мѣры, какъ земля первыхъ трехъ шапокъ, здѣсь, по мѣстности глядя, иногда одинъ пай пахолной земли равняется тремъ паямъ обыкновенной.

Пахолный жеребій принадлежитъ также всѣмъ домохозяевамъ по числу душъ, такъ что каждый десятокъ душъ имѣетъ особый пахолный жеребій.

Если вы встрѣтите большой пай, удобриваемый однимъ домохозяиномъ въ теченіи многихъ лѣтъ, то онъ скажетъ вамъ, что онъ называлъ пахолный жеребій.

На вопросы мои о причинахъ такого явленія, мнѣ объяснили, что всякій благоразумный домохозяинъ видитъ прямой расчетъ удобривать, во-первыхъ самую плохую землю, за которой никто не погонится, и во-вторыхъ, чтобы это былъ большой пай; а все это потому, что плохая земля не жалка міру, а одинокому, безлошадному, маломощному нейдетъ, она ему не рука, а у семьянаго каждый годъ есть излишній наземъ, лишніи руки; чѣмъ больше пай, тѣмъ больше расходу его удобрить и долго пользоваться имъ; было бы изъ чего хлопотать, говорить мордва; наземнымъ паемъ мірской земли домохозяинъ владѣетъ десять и болѣе лѣтъ.

Почти каждый домохозяинъ имѣетъ свой наземный пай. Но чтобы получить право на подобный пай недостаточно заявить свое желаніе, а необходимо предварительно свалить на него нѣсколько возовъ навоза.

Исполнившій это условіе, получалъ избранный пай при дѣлежѣ безъ жеребья, а потому уже и въ шапку своего жеребья не кладетъ, дожидаясь, когда всѣ подойдутъ къ его паю и постановятъ словесно о принадлежности его такому-то домохозяину. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вообще всѣ наземные пай идутъ безъ жеребья.

Но каждому домохозяину не дозволяется имѣть неограничен-

ное число наземныхъ паевъ. До настоящаго времени удовлетворяются всѣ однимъ паемъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ были пай *пахомато жеребья*, наткнулись мы на пахаря, который *подымалъ парь* въ своемъ паяу. На вопросъ мой, какъ это могло случиться, что онъ пашетъ, когда земля еще не раздѣлена, да къ тому тотъ пай не принадлежалъ къ наземнымъ, не подлежащимъ дѣлежу, мнѣ объяснили, что здѣсь была залежь, которую снялъ пахарь у міра *на юдь* за особую плату, которая пошла въ общественный доходъ.

Прослѣдивъ такимъ образомъ за процессомъ дѣлежа земли, я обратился съ вопросомъ къ толпившимся у мірской *шляты съ пахамымъ жеребьемъ*, почему это такая разница въ порядкахъ дѣлежа земли, между самими близкими сосѣдями.

— У всякаго свой разумъ, отвѣтили мнѣ.

— Больно ужъ большая разница; вотъ у Аряшенскихъ отъ двухъ душъ жеребій, а у васъ отъ десяти душъ, на одно и то же количество земли, возразилъ я имъ.

— Отъ двухъ жеребій куда это! больно толошно, эдакъ намъ не кажется, эдакъ мы не слышали еще, стояли они на своемъ. Послѣ такого заключенія, говорить было нечего, я направился на лошадахъ къ селу Кулясову, чтобы узнать изъ владѣнной записи, какъ раздѣлились землями между собой три отдѣльно поселенныя и изслѣдуемыя мордовскія общины. На полудорогѣ стали попадаться пахаря, подымавшіе все тотъ же парь, а такъ какъ моя дорога служила межникомъ двухъ прилегавшихъ къ ней столбниковъ, то съ каждымъ изъ пахавшихъ не трудно было переброситься нѣсколькими словами. Я остановился у пахавшихъ пай въ двѣ сохи.

— Какъ это вы угадали пахать, ваши вотъ тамъ землю еще не подѣлили? обратился я къ двумъ мордвамъ.

— Это *перву шапку пашемъ, ее вечеръ* растрясли, отвѣчалъ пахарь, идущій впереди, а за нимъ слѣдовавшій имѣлъ совершенно бессмысленный видъ, что отвѣчало его умственнымъ недостаткомъ, которые обозначились въ дальнѣйшихъ распросахъ: но пахалъ онъ не хуже перваго.

— Да вѣдь нынѣ вы запоздали дѣлежемъ; мнѣ сказывали ваши же, что теперь всѣ домохозяева вышли для того, чтобы знать, гдѣ пай достанутся, и не искать завтра, когда стануть на пашню, а не отъ 10-ти душъ, какъ это у васъ водится, допрашивалъ я пахаря.

— Это вѣрно—всѣ тамъ.

— Да вы-то какъ здѣсь?

— Мы вишь не одинокіе, старика-тъ нашъ тамъ, *пахомый жеребій* трясеть, а мы *перву шапку пашемъ*; онъ старъ ужъ, пахать самъ не можетъ, на немъ $\frac{1}{2}$ души всего считаютъ, онъ намъ пай нашъ уважаетъ, утре, пояснилъ мнѣ пахарь.

Оказывается, что не всѣ поголовно и въ исключительномъ только случаѣ должны быть на дѣлежѣ, только одни домохозяева;

излишніе же рабочіе въ домохозяйствахъ занимались безъ потери времени полевымъ хозяйствомъ; это только одни одинокіе, какъ говорится, были цѣлые дни *ни въ поле, ни въ домъ*.

Не могъ я не замѣтить по глазомѣру, что эти два пахаря вспахали уже цѣлый пай; я просилъ объяснить мнѣ также, почему это они вдвоемъ подняли цѣлый пай, который долженъ принадлежать двумъ, тремъ домохозяевамъ и дается на 10 душъ.

Они рассказали мнѣ, что на нихъ на троихъ, считая и шестидесяти лѣтняго отца, всего *пять* душъ, и что по жеребью только половина этого пая досталась имъ, а другая половина досталась другому хозяйству, состоящему съ подросткомъ тоже изъ трехъ человекъ и платящихъ 5 душъ, состоящихъ съ ними въ одномъ жеребѣ. Что такимъ же точно образомъ имъ достались и въ другихъ мѣстахъ пай и первой, и второй, и третьей шапки, т. е. лучшей, средней и худшей земли. Для большаго же удобства, они между собой распредѣляли эти общіе пай по другому, а именно, такъ, чтобы каждый сопайщикъ пахалъ уже не $\frac{1}{2}$ пая, по своимъ 5-ти душамъ, а цѣлый пай; такимъ порядкомъ каждый сопайщикъ будетъ пахать не въ 12-ти мѣстахъ, а только въ 6-ти, и всегда по цѣлому паю.

— *Эдакъ намъ спорѣ, заключилъ пахарь.*

Да вѣдь у этихъ господъ семьянистыхъ мы съ вами, читатель, давно слыхали, что *все должно спориться*.

— Это хорошо вамъ, пятидушникамъ, не всѣ же такіе, замѣтилъ я моему собесѣднику.

— Другіе все тоже, утверждалъ онъ.

— А вотъ если девятидушникъ съ однодушникомъ свяжется, какъ они управятся, хотѣлъ я озадачить мордву.

— *Все то же будетъ*, доказывалъ онъ, нисколько не удивленный новизною комбинаціи: — изъ десяти паевъ къ девятидушнику девять паевъ цѣлыхъ поступить, а къ однодушнику — одинъ пай цѣлый — эдакъ и сильному немного спорѣе, и слабаго-то выручить вовсе; по десяти загонамъ ему не ѣздить.

Меня везъ аряшенскій мужикъ, который не могъ не слыхать многого.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ я его:—какъ тебѣ кажутся мордовскіе порядки?

— Мнѣ не кажутся, отвѣчалъ онъ.

— Да почему же?

— Развѣ можно десять душъ на поле-десятину—туть пропадешь.

— Вѣдь ты слыхалъ, какъ они разбиваютъ ихъ промежъ себя?

— Да оно, положимъ, такъ, нѣсколько смягчился-было мой проводникъ; а подумавъ нѣсколько:—нѣтъ, говорить, мнѣ не кажется; этакъ не наѣдешься пахать.

Если поразобрать хорошенько, то каждый порядокъ имѣеть за собой хорошія стороны: въ десятидушевомъ жеребѣ отъ

трех домохозяевъ идетъ на дѣлежъ одинъ только, остальные работаютъ дома, а въ двухдушевомъ жеребѣ, хотя и всѣ выходить, но за то имъ не предстоитъ надобности тратить время на разъѣзды по 12-ти загонамъ; неудобство многими устраняется взаимнымъ добровольнымъ соглашеніемъ солайщиковъ, какъ это мы видѣли выше. А потому, кто къ какому порядку привыкъ, тотъ того и держится, и естественно, что онъ ему кажется легче, сподручнѣе. Здѣсь интересны для наблюдателя разные виды самобытной умственной работы у народа; тутъ ясно, что перениманіе, подражаніе и подчиненіе чужой мысли не имѣло мѣста. Аряшницы, несмотря на то, что поселились и рядомъ съ мордвою, но внесли свой разумъ.

Когда мы отѣхали нѣсколько десятковъ саженой, то по правую сторону отъ дороги углублялся небольшой оврагъ, подъ названіемъ Косье-Латко (сухой оврагъ), послужившій въ прошедшемъ году причиною мірскаго гнѣва. Какой-то мордвинъ, воспользовавшись веселымъ расположеніемъ многихъ членовъ своей общины, на поминеахъ его односельца, уговорилъ ихъ сдать ему въ пользованіе этотъ Косье Латко на 10 лѣтъ и посулилъ имъ за это четверть ведра вина, рассчитывая, что для неучаствующихъ въ этомъ пиру членовъ такой оврагъ никакой потери не составитъ. Но въ этомъ оврагѣ кормили своихъ лошадей запоздавшіе съ базара, а чуть ли не чаще онъ выручалъ многихъ отъ преслѣдованія лѣсной стражи; если ихъ настигала она съ травой, скошенной въ казенномъ лѣсу, то на вопросъ: гдѣ косилъ?—въ Косье-Латко; былъ отвѣтъ, и стража успокаивалась. Когда всѣ узнали о томъ, что этимъ спасительнымъ оврагомъ думаетъ завладѣть одинъ, то міръ, не долго думая, отнялъ его и оставилъ по прежнему, въ общемъ мірскомъ пользованіи.

Паровое поле, которымъ мы ѣхали, называется *Пиче-Уголъ*, т. е. Сосновый Уголъ; изъ этого названія можно заключить, что мордва начинаютъ уже смѣшивать мордовскія слова съ русскими.

По этому полю, въ одномъ его концѣ паслось стадо рогатаго скота и табунъ лошадей, а въ другомъ—два стада овецъ; послѣднія два стада пасутся хотя и отдѣльно, но неподалеку другъ отъ друга; одно принадлежитъ одному концу села, что отъ церкви къ селу Аряшу, а другое—что отъ церкви къ селу Камышкирю. Оказывается, что вся мірская скотина пользуется кормомъ одного парового поля. Особенно заботиться о сбереженіи корма, блюсти поле, какъ выражаются крестьяне, не представляется надобности, такъ какъ паровое поле ограничено краткимъ срокомъ—съ первыхъ чиселъ іюня его поднимаютъ сохами, а спустя нѣсколько дней—боронуютъ, чтобъ выбить всю траву, подготавливая такимъ образомъ поле къ озимому посѣву, а чѣмъ болѣе скотина давить, топчетъ ногами (толочить) траву, тѣмъ менѣе развиваются и не крѣпнутъ ея корни, такъ что при самой простой сохѣ и деревянной боронѣ, а тѣмъ болѣе, при супесковатомъ или даже суглинистомъ грунтѣ травы, легко отдѣляются,

а съ обнаженными корнями гибнуть подъ вліяніемъ юльскаго солнца. Попадавшіеся часто загоны съ удобреніемъ не отличались изобильнымъ удобреніемъ, потому что на нихъ сваливался навозъ почти ежегодно; но населеніе здѣсь крѣпко вѣруеть въ силу и необходимость удобренія; *возъ навозу—возъ хлѣба*, свидѣтельствуеть о томъ общеупотребительная народная пословица.

Такое обыденное дѣло, какъ дѣлежъ земли, должно бы происходить безъ всякихъ особыхъ происшествій; тутъ все выяснено десятками лѣтъ, малаго ребенка пошли и того не обдѣлять. Но жизнь беретъ свое; не пройдетъ года, чтобы не случилось какого либо *смученія*, какъ говорятъ кулясы.

Я не буду удалаться въ глубь прошедшаго. А передамъ про случившееся въ *мѣстоимомъ году*¹ событіе, извѣстное подъ именемъ *тайной записки*.

Какой-то домохозяинъ не могъ попасть на дѣлежъ земли и не угодилъ на распредѣленіе паевъ между сопайщиками; не распростивъ путемъ о мѣстоположеніи одного изъ доставшихся ему паевъ, запахалъ по ошибкѣ чужой сосѣдній пай, о чемъ онъ узналъ отъ своего сопайщика, когда встрѣтился съ нимъ на мѣстѣ ошибки. Какъ ни жалко было пропавшей работы, онъ однако заявилъ о случившемся старостѣ и поступилъ на свой пай совершенно довольный, подъ конецъ, что во-время ушелъ отъ грѣха.

Но не такъ просто кончился этотъ случай для счастливаго домохозяина, который получилъ готовый, задаромъ вспаханный пай. Ему хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ зналъ, что остался лишній мірской пай, на который жеребья не трасли. Вотъ онъ, подъ предлогомъ того, что пай, доставшійся ему, уже запаханъ другимъ, занялъ мірской пай. Старики это провѣдали тутъ же вскорѣ, какъ только представились желающіе его снять у міра за деньги. Разумѣется старики разслѣдовали все какъ слѣдуетъ; міръ взѣлся не напугку; виноватый сталъ не въ мѣру огрызаться и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ поплатился своими боками. *Не трогай мірскою! Не смучай!* кричали озлобленные старики.

Мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться, что мордва въ особенности крѣпко стоятъ за общественную собственность и никакое преступленіе такъ строго, или, вѣрнѣе, съ такимъ ожесточеніемъ не преслѣдуется, какъ кража и вообще утайка.

Въ Котункинѣ за кражу сноповъ готовы были удалить виновнаго изъ общества.

Когда мордвинъ попадется на сторонѣ въ какойнибудь кражѣ, онъ просить объ одномъ, чтобы не доводить объ этомъ до міра.

Азрипинскій мордвинъ, Суркинъ, долго не показывался одному нашему знакомому.—Что съ тобой, Суркинъ? куда дѣвался? спрашиваютъ его.

— Несчастіе, *міромъ отивам*, отвѣчалъ онъ.

¹ Прошедшемъ, въ году *последняго мѣта*.

Оказывается, что онъ взялъ съ поля у кого-то сто сноповъ и уложилъ ихъ въ свое одонье.

— Ты бы въ волостномъ судѣ просилъ суда, тебѣ выгоднѣй, совѣтывали ему.—Тутъ *міромъ отивали*, а тамъ *волостью отивать* стали бы — въ корень раззорять, утверждалъ Суркинъ.

Но за то, если мордвы и постоятъ за кого міромъ, то ни какіе происки и самага волостнаго правленія не въ силахъ ничего сдѣлать. Такъ какъ у насъ объ этомъ зашла рѣчь по поводу дѣлежа земли, то я позволю передать читателю еще одинъ случай мірской солидарности мордвы, бывшій во время дѣлежа земли въ прошедшемъ году. Какъ-то крутили подати; у одного домохозяина не хватало 5 р. 50 коп., онъ и заложилъ одну свою душу другому до весны. Наканунѣ дѣлежа яровой земли, приноситъ займодавцу свой долгъ; послѣдній сталъ отказываться отъ денегъ, доказывая, что онъ не въ залогъ бралъ душу, а купилъ ее за 6 р. (полугодовыя подати за одну душу).

На дѣлежѣ это было заявлено старикамъ. Они потребовали сборщика, который объяснилъ, что доказывающій покушку души уплатилъ ему за того, который доказываетъ, что онъ заложилъ свою душу только за 5 р. 50 коп., а не за 6 р. Старики приняли въ соображеніе и другія обстоятельства, а главное то, что кредиторъ, по своему семейному положенію, не принадлежалъ къ тѣмъ, которые обыкновенно продаютъ свои души, по всему этому приговорили продажу души не признавать, а претендующаго на покушку ее, къ дѣлежу на ту душу не допускать. Такимъ образомъ, послѣдній лишился и пая и денегъ.

Вотъ мы переѣхали мостъ черезъ р. Чангриву, неподалеку отъ села. Читатель за мѣчаетъ вѣроятно, что мы, хотя и находимся въ Саратовской губерніи, которая съ нынѣшнимъ годомъ доживаетъ свое первое губернское столѣтіе, но что здѣсь встрѣчаются названія иноплеменные, которыя здѣсь живутъ подольше, чѣмъ даже сама губернія. Словомъ, я хочу сказать, что здѣсь встрѣчаемыя поселенія общинъ не принадлежатъ къ тѣмъ, которыя поселены подъ названіями: Ивановка, Софьино, Марьино, и т. п., поселенныхъ по волѣ одного лица, которое можетъ, пожалуй, погордиться тѣмъ, что оно само создало общину, какъ это мнѣ приходилось слышать отъ доморощенныхъ враговъ земельной общины. Передъ нами село Кулясово. Никакихъ историческихъ свѣдѣній собственно о селѣ Кулясовѣ я ни гдѣ розыскать не могъ, а потому обратился къ преданію. Вотъ что повѣдалъ мнѣ дѣдушка Сергѣй мордвинъ, которому теперь 90 лѣтъ отъ роду. Старики сказывали ему, что первые жители Кулясова пришли изъ другой губерніи, Тамбовской или Симбирской, хорошо не помнить, и жили вмѣстѣ съ мамадышцами по ту сторону рѣчки на бугрѣ; они пришли сюда изъ двухъ большихъ деревень, которыя тамъ также назывались Кулясово и Мамадышъ¹, и поселились какъ

¹ Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Симбирской губерніи дѣйствительно зна-

на новья земли. Первый жеребій трясли вмѣстѣ, земля у нихъ была общая. Къ нимъ потомъ пришли алексѣевцы, просились, чтобы ихъ приняли къ себѣ *нущенниками*; кулясовцы не согласились на поселеніе ихъ въ одномъ мѣстѣ, а пустили ихъ на свои земли, которыхъ было тогда много, съ тѣмъ, чтобы они поселились выше въ пяти верстахъ, гдѣ начинается истокъ Аряша, гдѣ теперь алексѣевцы и живутъ. Но у кулясовцевъ съ мамадышцами, жившими рядомъ, были часто ссоры изъ разныхъ мірскихъ дѣлъ; такъ что мамадышцы отдѣлились отъ кулясовцевъ и поселились выше на двѣ версты, и съ тѣхъ поръ повели особое мірское хозяйство. Кулясовцы тоже не остались на старомъ мѣстѣ и переселились на эту сторону рѣчки, гдѣ былъ встарину большой лѣсъ. *Прежде шутя было переселяться*, говорилъ старикъ:—*тѣсь некупленный*. Впрочемъ теперь, хотя три общины и живутъ отдѣльными хозяйствами, но между ними осталась еще связующее ихъ пользованіе лѣсомъ, который дѣлятъ между собою не по общинамъ, а по домохозяйствамъ, по расчету душъ. Такъ какъ это единственное явленіе, въ которомъ выражается еще разумъ трехъ общинъ, то мы не будемъ откладывать до другого мѣста, а здѣсь остановимся на дѣлежѣ лѣса. Правила, принятая для уравнительнаго распредѣленія лѣса, различны, смотря по качеству лѣса. Строевой, основной, такъ называемый красный лѣсъ, дѣлится такимъ образомъ: прежде всего домохозяева образуютъ, какъ передъ дѣлежемъ пахатной земли, изъ каждаго десятка душъ особый пай. Отъ каждаго такого пая отправляются на мѣсто предназначеннаго къ дѣлежу участка, одинъ или два домохозяина, по ихъ личному усмотрѣнію. Когда всѣ соберутся къ условленному мѣсту, то всѣ устремляются считать деревья, сначала лучшаго качества, а потомъ худшаго; для этого отъ каждаго дерева отрубаются щепки, которыя складываются въ мѣшокъ. Когда приведется въ извѣстность все количество деревъ, то ихъ дѣлятъ на цифру, показывающую число паявъ; частное покажетъ число деревъ каждаго качества, причитающееся на каждый пай.

Вслѣдъ за этимъ староста распоряжается, чтобы пайщики сдѣлали жеребьи съ своею мѣтою и шли къ одному боку участка: жеребья отъ паявъ кладутъ въ шляпу, отдѣляютъ особыми знаками съ угла число деревъ, причитающихся на пай, и тутъ же передъ ними вынимаютъ изъ шляпы одинъ жеребій, владѣльцы котораго и получаютъ отмѣченное и отдѣленное число деревъ: такимъ же точно образомъ поступаютъ съ остальными деревьями и жеребьями. Если на весь пай придется для раздѣла между сопайщиками, положимъ, 40 деревъ, то на одну душу достанется 4 дерева, эти 4 дерева во всей дѣлянкѣ называются *тѣсною душою*, на которую устанавливается тутъ же цѣна между сопай-

чутся въ Ардатовскомъ уѣздѣ Мордов. села Кулясова и Мамадышъ; свидѣній по Тамбовской губ. у меня подъ рукою не было.

щипами, такъ какъ нѣкоторые до дѣла или во время его продаютъ свои души. Мнѣ неоднократно приходилось встрѣчать крестьянъ сосѣднихъ деревень, направляющихся съ бревнами лѣса отъ мордовскаго поруба.

На вопросъ, откуда лѣсъ? У мордвы души брали, бывалъ отвѣтъ.

— А много тамъ еще?

— Нѣтъ, почестъ всё поразмотали; одна душенька, куда она ему, доказывалъ покупатель, разумѣя однодушника продавца. Участокъ чернолѣся, дровяного лѣса, дѣлится первоначально съ общаго согласія на столько мелкихъ участковъ, сколько числится паевъ и жеребевъ; чтобы обозначить каждую дѣлянку пая дѣлаются затесы и надламываются вѣтви. Передъ каждою такою дѣлянкою вынимается жеребій. Иногда для удобства дѣлать весь участокъ на болѣе крупныя части, чѣмъ пай изъ 10 душъ, а на пять паевъ разомъ тогда передъ такою дѣлянкою вынимается пять жеребевъ; тутъ предоставляется соайщикамъ самимъ между собою разобраться, какъ знаютъ. Мордовское село Кулясово, въ которое мы, наконецъ, въѣжаемъ, тянется въ одну улицу, вдоль которой одна къ другой жмутся деревянныя избы ничѣмъ особеннымъ неотличающіяся въ своемъ покровѣ отъ русскихъ избъ въ два и три окна. Одинъ край избъ, въ который мы въѣзжали, называется Аряшенскимъ концомъ, а другой, противоположный, Камышkirскимъ концомъ, а середина улицы до проулковъ на право и на лѣво, называется *середкой*. Это обыкновенное дѣленіе поселеній въ одну улицу.

Село это отличалось тѣмъ, что почти у cadaго двора стояла или телега безъ колесъ, или лежали сани, или наконецъ, оглобли торчали приложенные къ наружной стѣнѣ. Ясно было, что здѣсь жили кустари-тележники.

Здѣсь я не буду касаться этой отрасли нашей сельской промышленности ни въ ея экономическомъ, ни въ техническомъ значеніи, такъ какъ все это можетъ составлять предметъ спеціальнаго изслѣдованія. Здѣсь я коснусь кустарничества на столько, на сколько она вяжется съ общиннымъ началомъ, составляющимъ предметъ нашего изслѣдованія.

Существуетъ упорное мнѣніе, что кустарничество несовмѣстимо или мѣшаетъ развитію земледѣлія. По дѣлежу полей мы видѣли, что всѣ домохозяева участвуютъ въ его процессѣ; мы видѣли, что на правомъ полѣ пасется разнаго рода скотъ, мы видѣли, что почти у cadaго домохозяина есть *наземный пай*; поднятіе пара задержалось потому, что онъ нуженъ былъ для скота; мѣръ не успѣлъ еще подѣлать поля, какъ уже изъ сильныхъ домохозяиствъ одна часть членовъ была занята полевыми работами.

Кустарный промыселъ возникъ благодаря массѣ незапретныхъ лѣсовъ и свободному отъ земледѣлія времени осенью и зимой, какъ дополнительная отрасль въ хозяйствѣ; занимающійся изво-

зомъ не можетъ быть кустаремъ, у него уже такъ прилажено все хозяйство. Если кустарь увидитъ, что спросъ на его издѣлія очень великъ и очень выгоденъ, то онъ не затруднится временно продать земельную душу и купить готового хлѣба.

На вопросъ же мой, какъ теперь, выручаютъ ли ихъ телеги, всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: «Бросать надо—одинъ чистый убытокъ отъ нихъ; лѣсъ кулешный, дорогой, хлѣбъ дорогой—дѣло вовсе отъ рукъ отбивается».

Нынѣшняя весна особенно наказала ихъ. Выгода промысла тележного, который соединяется обыкновенно съ выдѣлкою боронъ, регулируется урожаемъ въ Приволжьѣ. Хорошіе всходы—тутъ и телегѣ и боронѣ ходъ свободный, а чуть всходы неудачны, то все неимоверно убыточно отражается на кустарѣ-тележникѣ. Когда лѣсъ былъ по избытку некулешный, дешевый, то обыкновенно убытокъ состоялъ въ одной потерѣ работы, а теперь страдаетъ и затраченный капиталъ на покупке сырья.

Теперь цѣна на души возвысилась значительно и каждый цѣпляется, какъ говорить кулясы, за землю.

Такимъ образомъ представляется, что у кустарниковъ общинное землевладѣніе всегда было основнымъ дѣломъ, даже и тогда, когда кустарничество могло развиваться, по малоцѣнности матерьяла, до громадныхъ размѣровъ.

Теперь, когда мы въ самомъ Кулясовѣ, намъ остается поближе ознакомиться съ внутренней его организаціею¹. По подлиннымъ спискамъ, село Кулясово составляетъ одну земельную общину. Членами ея (составными частями) представляются отдѣльныя домохозяйства, которыя подраздѣляются на три главныхъ экономическихъ типа: такъ называемые одинокіе семьянистые и бездомные одинокіе, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на мельчайшіе отгѣнки, а именно: бездушниковъ (4 двора), однодушниковъ (7 дв.), полуторадушниковъ (17 дв.), двудушниковъ (41 дв.), двухъ съ половиною душниковъ (12 дв.), трехдушниковъ (30 дв.), трехъ съ половиною душниковъ (5 дв.), четырехдушниковъ (10 дв.), четырехъ съ половиною душниковъ (1 дв.), пятидушниковъ (7 дв.), пяти съ половиною душниковъ (1 дв.), шестидушниковъ (4 дв.), восьмидушниковъ (1 дв.). *Бездомовыхъ*: однодушниковъ (7 дв.) и двудушниковъ (5 дв.).

Такимъ образомъ, представляется особенно интересное явленіе *бездомниковъ*—ихъ числится 12 коз.—которые оказываются, по разуму общины, экономически болѣе сильными, чѣмъ четыре хозяйства, имѣющихъ дворы, которыя признаны бездушными. Эти бездушники, живя общиннымъ хозяйствомъ, никакихъ повинностей не несутъ, даже на общинныя надобности, а бездомники платятъ всѣхъ повинностей 206 руб. 38 коп.

Какъ объяснить подобныя странныя явленія? Бездушники.

¹ Въ приложеніи къ этой статьѣ помѣщаются сравнительныя данныя по пяти изслѣдуемымъ мордовскимъ обществамъ.

имѣющіе свои дома, прежде платили подати, но теперь одинъ, по совершенной престарѣлости, а другой по болѣзни, какъ разбитый параличемъ, освобождены отъ повинностей и караулятъ околицу, а бездомники, по семейному положенію, должны были уничтожить всякое хозяйство; одинъ живетъ въ Астрахани и оттуда высылаетъ подати, другой живетъ въ работникахъ у священника, по уродливости не можетъ жениться и завести хозяйство, домъ свой сдалъ родственнику, который обязался приютить его у себя, когда онъ не найдетъ работы или не въ состояніи будетъ работать, а остальные значатся въ безызвѣстной отлучкѣ—скрываются отъ податей.

Одинокихъ домохозяйствъ въ общинѣ вмѣстѣ съ бездушными и бездомными всего 93, а семейныхъ 59; первая всѣхъ повинностей платятъ 1,960 руб. 61 коп., а вторая 2,725 руб. 43 коп., всего община платитъ 4,686 руб. 4 коп.

Самыя точныя свѣдѣнія о скотѣ можно изслѣдуя получать у пастуховъ, такъ какъ они отвѣтственны за каждую голову передъ обществомъ и плату получаютъ съ череда или головы. По ихъ свѣдѣніямъ, кулясы имѣютъ 278 старыхъ лошадей и 32 молодыхъ, 275 коровъ и 119 телятъ, 150 свиней и 847 овецъ.

Цифры эти интересны въ томъ отношеніи, что всѣ кулясовцы занимаются тележнымъ промысломъ, который у нихъ и по положенію скота нельзя не считать дополнительнымъ и во всякомъ случаѣ не исключаящимъ общиннаго землепользованія.

Повинности мордва платитъ такъ же, какъ и въ другихъ русскихъ общинахъ, о которыхъ мнѣ приходилось уже говорить. Всѣ оклады, какіе только получаютъ, складываются въ одну общую цифру, которая въ прошедшемъ году выражалась 4,686 р., дѣлить ее на 386 ревизскихъ душъ, полученное частное 12 р. 16 к. и составляетъ искомую мірскую цифру, такъ называемую душу. Здѣсь только община не сочла нужнымъ образовать своего дѣлителя, который въ другихъ общинахъ образуется изъ рабочихъ силъ, подъ названіемъ окладныхъ душъ.

Я спросилъ волостного старшину изъ мордвовъ о томъ, не отдѣльно ли у нихъ взскачивается мірской сборъ отъ государственнаго и земельнаго?

— Это въ казні, слыхатъ, разница, у насъ все душа, отвѣчалъ онъ чистосердечно.

Я хотя и былъ увѣренъ, что иначе и быть не можетъ, но не удовольствовался отвѣтомъ; мнѣ хотѣлось услышать отзывъ лица, ближе стоящаго къ дѣлу и обязаннаго вести его законно. Я говорю о сельскомъ писарѣ, на этотъ разъ очень толковымъ, трезвымъ и грамотномъ человѣкѣ; счетоводство ведется имъ аккуратно и отчетливо.

Подати возятся въ казначейство, какъ объяснилъ онъ мнѣ, около двадцати разъ въ годъ; возить ихъ и староста, и старшина, и содержатель питейнаго дома, какъ кто уходитъ во время; «своимъ жалованьишко очистишь—не умирать же съ голуду,

Земскихъ отдѣлишь большую часть, а то почталіоны ¹ все лагутся, жалованье, вишь, не выдавали».

— А исправника вы не боитесь? спросилъ я въ дополненіе.

— Если больно донимать станеть, то перехватимъ гдѣ-нибудь взаимы и его убоготоримъ; а оброчной подати больше всего достается, она все сзати.

Странно, какъ различны бывають податныя симпатіи; не дальше, какъ лѣтомъ прошедшаго года, когда я еще готовился къ изданію *податной десятины*, мнѣ также нужно было знать, какъ вносятся подати въ казначейство, тогда одинъ изъ писарей другого уѣзда (Петровскаго), не придавая никакого значенія своей откровенности, отвѣтилъ мнѣ: *Для насъ хотъ и не будь этиаъ земскихъ сборовъ, мы больно не любимъ въ клоповкахъ, да въ холодныхъ сидеть. Насъ изъ подушныхъ, да выкупныхъ больше стружатъ.* Вотъ почему, между прочимъ, съ особеннымъ состраданіемъ относился я къ земскимъ сборамъ, не подозрѣвая, что кулясовская администрація смотритъ на нихъ другими глазами.

Теперь я вижу необходимость по предмету поступления податей интересоваться мнѣніемъ и симпатіей каждаго сельскаго писаря, не исключая и мордовскихъ общинъ. Впрочемъ, меня интересовало знать, зачѣмъ это сельскій писарь беретъ грѣхъ на душу—заботится самъ распредѣлять повинности?

— Отчего вы не отсылаете въ томъ видѣ, какъ получаете отъ народа? спросилъ я его.

— Нельзя; въ казначействѣ просятъ, чтобы мы сами распредѣляли.

Этимъ не кончилось мое изслѣдованіе по взносу народомъ разныхъ повинностей въ рубляхъ и копейкахъ безъ названія; вскорѣ мнѣ довелось быть въ г. Кузнецкѣ и лично объясниться съ г. бухгалтеромъ казначейства. Я просилъ его указать мнѣ, какимъ это порядкомъ вносятся къ нимъ разныя повинности крестьянскими обществами?

— Какъ это вамъ сказать, объяснялъ мнѣ, прекрасно понимавшій дѣло бухгалтеръ:—вотъ у насъ здѣсь по четвергамъ базаръ, ну, и тащить каждый, разъ пятнадцать въ годъ, *все подушныя, да подушныя*; а съ мужикомъ какое объясненіе, разнесешь деньги и выдашь надлежащія квитанціи.

При этомъ, однако, нужно присовокупить, что само населеніе—мордва—нетолько разныхъ названій повинностей не знаетъ по русски, но и самую сумму всѣхъ податей называетъ *датя*.

Кстати, за одно ужъ о повинностяхъ; нельзя было не обратить вниманія на такъ называемыя натуральныя повинности, которыя оказались на дѣлѣ натуральными только по названію.

Кулясовское общество, по положенію мѣстности, должно содержать на свой счетъ пять мостовъ; изъ нихъ три моста сдаются міромъ съ торговъ на 10 лѣтъ за 30 руб. сер. Всѣхъ для обозна-

¹ Здѣсь давно учреждена земская сельская почта.

ченія направленія зимнихъ дорогъ ставятся по найму за 3 руб. Смотритель запаснаго магазина получаетъ жалованья 5 руб., а караульщикъ 6 руб. въ годъ. Сельская ямщина, взвѣзжая квартира и лошади у пожарнаго сарая обходятся въ 140 руб. ежегодно.

Въ Кулясовѣ устроена школа четырьмя обществами, въ расходѣ на нее кулясовцы приняли на себя 70 руб. Учителю на ихъ долю приходится платить 38 р. 60 к., а на школьныя принадлежности 21 руб. Отправка рекрутъ и угощеніе отъ міра обходится имъ около 100 руб. Часть этихъ расходовъ покрывается арендными статьями (двумя мельницами и мѣстомъ, отданнымъ подъ питейное заведеніе), а остальная часть—особымъ мірскимъ сборомъ по душамъ вмѣстѣ съ другими повинностями и сборами. Изслѣдователь сдѣлаетъ большую ошибку, если окладные мірскіе сборы приметъ за дѣйствительные мірскіе расходы. Изъ свѣдѣній, собранныхъ комиссіею для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, видно, что мірскіе сборы, въ теченіи 10 лѣтъ своего существованія, выросли до 30 милліоновъ, а дѣйствительные *расходы мірскіе* могутъ равняться цифрѣ и вдвое, если только не болѣе¹. Здѣсь, разумѣется, не слѣдуетъ забывать и такихъ мірскихъ расходовъ, которые извѣстны только Богу, да міру, какъ говорятъ, мужики, а начальство формально до нихъ никогда не докопается.

Я спрашивалъ, для очищенія совѣсти, объ этомъ моихъ сосѣдей.

— *Много баить—нужна большая память*, отвѣтила мордва.

Для пополненія хлѣбнаго запаснаго магазина въ Кулясовѣ, по желанію самихъ крестьянъ, поддерживается мірская запашка, а не сборъ зерномъ, какъ это дѣлается въ другихъ обществахъ. Какъ бы дурно запашка ни производилась, а мордвы находятъ ее выгоднѣе въ мірскомъ смыслѣ, чѣмъ сборъ зерномъ. Предназначенныя въ каждомъ полѣ для запашки пять десятинъ земли дѣлятся первоначально на 38 паевъ, такъ что на каждый пай приходится 10 душъ, а на каждую душу по 1/2 сажени въ ширину и 80 сажень въ длину. Паи между домохозяевами распределяются по жеребью. Такое ничтожное количество земли, приходящееся на каждое домохозяство, не можетъ быть обременительно ни для кого. Если замѣчается нѣкоторая небрежность въ обработкѣ мірской запашки, то это слѣдуетъ приписать иногда неуясненію правъ земства на внимательство въ дѣло храненія хлѣба въ мірскихъ запасахъ. Излишняя осторожность, небольшое замедленіе, чрезмѣрное недовѣріе земства къ дѣйствіямъ общественныхъ властей влекутъ нерѣдко къ уничтоженію и негодности запасовъ отъ неожиданной порчи и другихъ причинъ. Одинъ, два такихъ случая достаточны, чтобы охладить всякую заботу у міра о скопленіи

¹ По Кулясову, напримѣръ, за одинъ годъ было всего мірскихъ расходовъ на 1,108 руб., изъ нихъ только 463 р. покрываются окладнымъ сборомъ, а остальные 645 доходными статьями.

запаса. Ночной караульщикъ села получаетъ за свой трудъ по 40 коп. съ двора.

Въ Кулясовѣ четыре родника, которые прочищаются и содержатся въ надлежащемъ видѣ по курькамъ (по околодочно). Каждый такой курьнокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ и пользуется своею водою. У чувашей подобные околодки называются *курмишами*; нужно думать, что происхожденіе ихъ одно и тоже.

По этимъ же курькамъ устроены и бани, составляющія, такимъ образомъ, общую собственность многихъ дворовъ. Есть бани, принадлежащія десяти дворамъ.

На рѣчкѣ Аряшѣ, не подалеку отъ с. Кулясова находятся двѣ мукомольныя мельницы, которыя состоятъ въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи двухъ общинъ—Кулясовской и Мамадышинской; эти мельницы сдаются въ аренду, а доходъ съ нихъ дѣлится общинами на двѣ равныя части—*по общинно*.

Внутренними дѣлами общины завѣдываютъ *выборные старики*; ихъ въ насмѣшку называютъ *каштанами*, но въ понятіяхъ населенія между настоящимъ выборнымъ старикомъ и каштаномъ не должно быть ничего общаго.

Познакомившись, насколько возможно съ внутренними порядками Кулясовской общины, я отправился взглянуть на яровое поле, которое расположено было тутъ же за околицей по направленію къ селу Камышкирю. Оно такъ же, какъ и другіе два поля было разбито изстари на полудесятинныя пай и распределено было между домохозяевами въ томъ самомъ порядкѣ, какъ это мы видѣли въ паровомъ полѣ. Здѣсь только бросилась въ глаза наружная картина разныхъ посѣвовъ, которые успѣли уже обозначиться. Такъ, на примѣръ, въ одномъ и томъ же паю одна часть его во всю длину (80 сажень) посѣяна овсомъ, а другая также во всю длину гречихой, а рядомъ съ этимъ въ другомъ паю только на 40 сажень въ длину посѣянъ овесъ, а остальныя 40 сажень греча, такъ что посѣвъ этого пая выходитъ поперечнымъ противу перваго; но въ дальнѣйшихъ паяхъ посѣвы видоизмѣнялись необыкновенно разнообразно, перемѣшиваясь посѣвами чечевицы, проса, льну, гороху гречи и овса.

Сопровождавшимъ меня старику мордвину и сельскому писарю все это разнообразіе представлялось естественнымъ. Они не нуждались въ допросѣ домохозяевъ, безъ которыхъ я лично никакъ не могъ бы обойтись. Что для нихъ это было совершенно ясно, можно судить изъ ихъ краткаго объясненія, которымъ они думали меня удовлетворить.

— *Это все по земль глядя, по времю глядя и по хлѣбу глядя*, утверждали они.

Какъ ни мудро это изреченіе, оно не убѣдило меня ни въ чемъ; я разбилъ его на три части и попросилъ объясненія по каждой отдѣльно.

Вотъ ихъ объясненіе:

Пай, хоть въ немъ и полдесятины всего, хоть онъ и одной шапки, а все-таки въ немъ земля къ одному концу можетъ быть бугоркомъ, а къ другому яминкой; къ одному концу натащить песку, а въ другомъ солонечикъ живетъ, а длиннику-то въ немъ 80 сажень во всемъ паю; а угодить концомъ къ луговинѣ, да къ родничку, ну, тутъ всегда потное мѣстечко, поясняли они.

Каждый хлѣбъ свою землю знаетъ, продолжали они, просцо, примѣрно, солонечика не боится, гречишка любить песочикъ, а вѣтъ прихотливѣе овса—ему давай и сырыньюю и попухлявѣе, а горохъ къ дорогѣ, хоть и не сѣй, растаскаютъ весь. Недаромъ и пословица хохлацкая, острилъ писарь: *«какъ урохъ при дорозе, кто не пройде, той и щипне»*.

Время также бываетъ не равно, доказывали мои наставники: *«осень кажетъ, а весна что скажетъ»* Иной разъ на пай, да на осень глядя, посѣешь загонъ просомъ, а смотришь $\frac{1}{2}$ загона взошло, а $\frac{1}{2}$ загона, гдѣ повыше, не взошло, взялъ да перепахалъ и засѣялъ гречей. Вотъ мордва, какъ получить пай и разгадываетъ, что къ чему идетъ.

Я сначала думалъ, что все это дѣлается гораздо проще. Мнѣ вазалось, что каждый домохозяинъ, получая въ двѣнадцать мѣстахъ отдѣльные участки, опредѣляетъ ихъ свободно подъ разные хлѣба по цѣлымъ участкамъ хлѣбъ. Но на дѣлѣ оказывается, что природа, которую онъ, повидимому, слушаетъ болѣе, чѣмъ мы, заставляетъ его подчиниться разнороднымъ сочетаніямъ условій почвы, растенія и атмосферы. Мнѣ хотѣлось еще узнать причину разныхъ направленій бороздъ: въ одномъ и томъ же паѣ въ одной его части борозды шли вдоль, а въ другой поперекъ.

— Это такъ юма, отвѣчалъ старикъ.

— Чьи же это гоны, одного и того же или разныхъ хозяевъ?

Этотъ вопросъ заставилъ старика и писаря улыбнуться.

Названіе гонъ, я видимо смѣшивалъ съ названіемъ *загонъ*, но въ нихъ, какъ оазалось, не было ничего общаго: одинъ и тотъ же загонъ могъ имѣть разные гоны; и одинаковые гоны могли быть въ разныхъ загонахъ.

Вотъ въ этомъ загонѣ, показывалъ рукой старикъ, гоны такъ идутъ, а въ томъ вотъ эдакъ. Изъ объясненій видно было, что гономъ называется направленіе, по которому шла соха; обыкновенно оно бываетъ длиннѣйшее въ паѣ, а загономъ назывался участокъ въ паю, воздѣланный однимъ домохозяиномъ, а такъ какъ въ одномъ паю, какъ это мы видѣли выше, можетъ быть два и три домохозяина, то, слѣдовательно, можетъ быть и два, и три загона.

Тутъ же въ яровомъ полѣ, я наткнулся еще на одно новое общинное явленіе—это такъ называемыя у мордвовъ *чистебы*, а по нашему просто не занятыя лѣсныя расчистки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашей обширной Россіи, располагающихъ большими свободными пространствами земли, усматривается, такъ

называемый, захватный способ пользования общинною землею. состоящий въ томъ, что каждый пользуется обработаннымъ имъ участкомъ и дѣляетъ расчистки незанятыхъ нигѣмъ земель, гдѣ сколько можетъ и кочетъ. Члены кулясовской общины могутъ также занять свободный участокъ тамъ, гдѣ знаютъ, но не настолько, насколько имъ хочется и не настолько, насколько имъ вздумается. Не дальше, какъ въ прошедшемъ году, обществомъ назначенъ подъ чистебы особый участокъ мелкаго чернолѣсья: на каждую душу опредѣлено по 1½ сажени въ ширину и 80 въ длину, срокомъ на 10 клѣбовъ, т. е. на 15 лѣтъ. Постановленіе это словесное, никакими формальностями не обставлено. Но, кромѣ указанныхъ клочковъ чистебы, почти у каждаго домохозяина есть, такъ называемая, *контраковая чистеба*. Этотъ родъ чистебъ получается домохозяевами у міра по особымъ заявленіямъ на сходѣ. Миръ никогда не отказываетъ своимъ членамъ въ подобныхъ просьбахъ. Домохозяинъ долженъ заявить только о мѣстѣ и размѣрѣ участка, избираемаго подъ чистебу. Послѣ первоначальнаго такого разрѣшенія миръ не указываетъ на срокъ пользования участкомъ, объ этомъ и не упоминается на сходѣ. Когда же домохозяинъ воспользуется разрѣшеніемъ, приведетъ чистебу въ надлежащій видъ и *сниметъ обинъ хлѣбъ*, какъ они выражаются, тогда онъ является вновь на сходъ, доводитъ до свѣдѣнія его, что чистеба готова и хлѣбъ уже снятъ. присовокупляя при этомъ просьбу, чтобы ему выдали приговоръ. который они въ этомъ случаѣ называютъ контрактомъ.

Приговоръ обществомъ выдается безъ всякаго препятствія, и въ немъ уже указывается срокъ, втеченіи котораго дозволяется пользоваться расчисткою. Сроки эти бываютъ различны; миръ всегда соображаетъ труды, понесенные при расчисткѣ; обыкновенно сроки бываютъ на 5, 6 и 10 клѣбовъ. За чистебы никакой аренды не полагается; по окончаніи же срока пользования, чистеба поступаетъ въ мирское пользованіе и наравнѣ съ другими полями поступаетъ по пайно въ урвнительный дѣлежъ по жеребью и по шапѣ.

Есть предположеніе, что въ нашихъ общинахъ дѣлежъ продуктомъ встрѣчается какъ исключеніе. Кулясовцы же не придають особеннаго значенія или предпочтенія тому или другому способу пользования продуктомъ. Напримѣръ, уборка сѣна производится различно, какъ вздумается и какъ придется. Одинъ годъ раздѣляютъ луга по паямъ на полосы; сопайщики косятъ свой пай сообща разомъ и дѣлятъ сѣно между собой, а иногда по стогамъ по жеребью, иногда и по возамъ по жеребью. Это зависитъ отъ уговора сопайщиковъ, которые руководятся качествомъ и положеніемъ доставшагося имъ пая въ лугахъ. Есть и такіе пая, которые дѣлятся по полосно; это бываетъ удобно тогда, когда сопайщиками бываютъ два пятидушника и трава на обѣ половины видится одинаковою; въ этомъ случаѣ кладется въ шапку два жеребья, чтобы знать, кому какой половиной пая пользо-

ваться, тогда домохозяинъ распоряжается своею половиною пая какъ знаетъ, онъ можетъ и косить, и убирать сѣно и раньше, и позже своего сопайщика.

На другой день мы предприняли небольшое путешествие по сосѣднимъ мордовскимъ общинамъ: Мамадышу, Алексѣевкѣ и двумъ Дубровскимъ. Цѣль поѣздки состояла въ ближайшемъ ознакомленіи на мѣстѣ съ порядками полеваго хозяйства. Съ другими же порядками этихъ общинъ мы имѣли случай познакомиться раньше; чтобы попасть на поля этихъ общинъ намъ нельзя было миновать Кулясова, которому мы посвятили вчерашній день. У сборной избы толпился народъ и галдѣлъ такъ, что слышно было въ верхнемъ и нижнемъ концѣ села; оказалось, что вчерашняя дѣлежка земли обошлась не безъ грѣха. Одинъ мордвинъ хотѣлъ понадуть свой мѣръ. Пользуясь минутой, онъ утаилъ одинъ пай, показавъ, въ одномъ изъ *пометовъ*, что онъ будто бы не клалъ жеребья, тогда какъ жеребій имъ былъ положенъ. Не клалъ же жеребья будто бы потому, что въ томъ пометѣ былъ его поземный пай, который идетъ безъ жеребья.

Слово пометъ намъ встрѣчается здѣсь чуть ли не въ первый разъ. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что во время дѣлежки земли, въ первую шапку, какъ и во вторую и третью всѣ жеребья, числомъ 38, кладутся не одинъ только разъ, а по четыре раза въ каждую шапку, вотъ эти-то разы и называются *пометомъ*. Вамъ должна быть теперь понятна фраза, которую вы можете услышать изъ устъ мужика сплошь да рядомъ: *этотъ пай достался по жеребью, изъ первой шапки, въ третьемъ пометѣ*. Мордвинъ захотѣлъ воспользоваться этими пометами въ какой-то изъ шапокъ; но кто-то подмѣтилъ эту продѣлку. Его потребовали въ сборню и началось мѣрское слѣдствіе. Мордвинъ сталъ путаться въ показаніяхъ, но доказать обманъ по паямъ и жеребьямъ было не трудно.

— Ну, коли вышла такая *смѣшка*, то нужно поставить ведро, ласково замѣтили старики, не придавая вида обвиненію.

— А ну-ка скажи намъ сколько у тебя дѣтей? стали допрашивать его потомъ.

Вообще мордва снисходительны къ проступкамъ, вызываемымъ нуждою и семейнымъ положеніемъ; а попавшійся подъ мѣрское слѣдствіе мордвинъ былъ бездѣтенъ и имѣлъ отцовскій зажитокъ.

— Виновать, старики, сталъ извиняться онъ, видя, что дѣло плохо.

Но онъ давно на дурной примѣтѣ у міра; а потому снисхожденія не послѣдовало, пай былъ отнятъ и тутъ же проданъ публично. Почему же они такъ шумѣли? спрашивалъ я, когда узналъ о подробностяхъ продѣлки.

Это они ужъ *пимъ въ виноватую шею*: такъ назывался штрафъ по мордовскому уставу о наказаніяхъ.

Я не буду утомлять читателя подробнымъ описаніемъ одно-

родныхъ явленій, встрѣченныхъ въ другихъ мордовскихъ общинахъ, а обращу вниманіе на однѣ лишь различія между ними.

По разнороднымъ типамъ домохозяйствъ, всѣ мордовскія общины сходны между собою: вездѣ вы встрѣчаете и бездушныхъ, и съ душами, бездомовыхъ и одинокихъ и семьяныхъ, такъ же какъ и въ Кулясовѣ, но одно необыкновенное явленіе, бросающееся въ глаза на первыхъ же шагахъ—это отношеніе разнородныхъ домохозяйствъ между собою.

Такъ, въ Кулясовѣ на 386 ревизскихъ душъ образовалось 140 домохозяйствъ, и въ Мамадышѣ на 526 душъ—163 домохозяйства.

Изъ нихъ въ Кулясовѣ одиночныхъ 77, не считая бездомовыхъ, а въ Мамадышѣ 53. Въ Кулясовѣ семьяныхъ 59, а въ Мамадышѣ 97. Въ общихъ числахъ эта разница не такъ замѣтна, потому что число ревизскихъ душъ не равно. Но, разбирая домохозяйства по податнымъ типамъ, эта разница рѣзко бросается въ глаза, такъ напримѣръ, въ Кулясовѣ четырехдушныхъ домохозяйствъ 10, а въ Мамадышѣ 22; въ Кулясовѣ пятидушниковъ 7, а въ Мамадышѣ 18; шестидушниковъ въ Кулясовѣ 21, а въ Мамадышѣ 8; семидушниковъ въ Кулясовѣ ни одного, а въ Мамадышѣ 4; восьмидушниковъ въ Кулясовѣ 1, а Мамадышѣ 5; десятидушниковъ въ Кулясовѣ нѣтъ, а въ Мамадышѣ 1 дворъ.

То же самое замѣчается и въ другихъ сосѣднихъ общинахъ мордовскихъ; у всѣхъ число семьяныхъ домохозяйствъ или равняется числу одиночныхъ, или превышаетъ его; такъ что кулясовская община является какимъ-то исключеніемъ. Не здѣсь ли кроется причина того, что мамадышцы принуждены были отдѣлиться отъ кулясовцевъ и образовать самостоятельную общину? Не въ чертахъ ли характера кулясовцевъ кроется раздражительность и несогласіе, сдѣлавшіяся отличительными у большинства членовъ общины? Всѣ эти общины не только принадлежать къ одному племени, но и къ одному разряду крестьянъ государственныхъ или вольныхъ, какъ они сами себя называютъ; подчинены они совершенно одинаковымъ экономическимъ условіямъ, такъ какъ всѣ эти общины занимаются однимъ и тѣмъ же промысломъ, тележнымъ и колеснымъ. Всегда, когда только я ни обращался къ крестьянамъ за разъясненіемъ, почему это дѣлается многіе домохозяйства, одни и очень многіе находили: *нужды еще не видѣли—вотъ и дѣлается*; другіе же думали, отъ того, что *любви въ насъ мало стало*; отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ не уживаются; и третьи заключали—*это бабы насъ дѣлаютъ*.

Какъ-то спросилъ я мужика, не оттого ли дѣлится другой, что у него не отъ отца земля достается, а отъ міру, приволье у него также отъ міру, пастухъ тоже мірской.

— Много ли земли-то придется, отвѣчалъ мнѣ мужикъ:—когда онъ отдѣлится—по одному осьминнику на душу, да хотъ и жъ втрое больше; одной голой землю не прокормишь, а ско-

тины у одинокаго не Богъ знаетъ что: одна коровенка, да пять-шесть овчишекъ съ лошадежкой, не у всякаго двѣ. А больше ему вредъ держать, нужно все ухотъ, да ухотъ; какая же ему польза отъ пастуха; на сторону ему отъ этой скотины не придется продавать, дай Богъ, чтобы на себя хватило, самому не прокормиться; этой скотиной ему въ пору только ребятишекъ одѣвать да обувать. Другой, какъ отдѣлится, наровитъ свою душу продать, только слава за нимъ, что домохозяинъ. У него одна съ солдаткой рѣчь: *чужь стѣра, да воля своя.*

Здѣсь нетрудно было провѣрить то мнѣніе, что голой землей не прокормишься; оказалось, что, какъ въ Кулясовѣ, такъ и въ Мамадышѣ, продажная душа земли не окупаетъ податей; на душу податей ложится 12 р. 16 к., а души дороже 7-ми рублей не продавались земельныя, а вмѣстѣ съ лѣсными доходили до 8 р. 50 к.—это кулясовскія цѣны. Не очень-то за землей гоняются, хотя избытка въ ней невидать, да и качествомъ она совершенно плоха. Въ Мамадышѣ души нѣсколько дороже, потому что тамъ много семьяныхъ, которые ихъ охотно покупаютъ, но все-таки не выше 10-ти рублей за душу. Это служить новымъ доказательствомъ того, что обезпеченіе одной землей не можетъ вести къ раздѣламъ, какъ это предполагаютъ; въ Кулясовѣ, земля не покрываетъ податей и тамъ дѣлятся сильнѣе, чѣмъ въ Мамадышѣ, гдѣ земля почти покрываетъ подати.

— Какой ужъ земледѣлецъ одинокій, замѣтилъ это-то въ разговорѣ:—*добрыя люди пахутъ, а мы только сохи чинимъ.*

— Семьяный, положимъ, Бога не просить, чтобы у одинокаго не было урожая, а Богъ самъ такъ приводитъ, замѣтилъ другой.

Какъ въ Кулясовѣ, такъ и въ другихъ мордовскихъ общинахъ, мы встрѣтили разнородныя души, о которыхъ мы имѣли уже случай говорить въ особомъ по этому предмету изслѣдованіи¹, но здѣсь намъ указали еще на два рода душъ—это *рекрутскія души* и *сиротскія души*. Подъ именемъ первыхъ разумѣются тѣ доли всѣхъ повинностей, которыя лежали на домохозяствѣ, а послѣ поступленія одного изъ членовъ его въ военную службу; сняты міромъ съ того домохозяства, по расчету той силы, которая уменьшалась съ выбитіемъ того члена въ военную службу. *Рекрутскія души* иногда оставляются семьями за собой, а иногда сдаются міру. Если въ семьѣ одинокаго самъ домохозяинъ умретъ, а останутся дѣти, то повинности съ землею этого домохозяства, за невозможностью перейти къ малолѣтнимъ дѣтямъ, называются сиротскими душами до тѣхъ поръ, покуда они не пристроятся къ какому-либо домохозяству или по заявленію членовъ, или по усмотрѣнію самого міра. Иногда міръ продаетъ ихъ съ убыткомъ, а когда и съ барышомъ; годъ на годъ не приходится, говорятъ мордвы. Цѣна на души рекрутскія и сиротскія не подчи-

¹ «Отеч. Зап.» февр. 1879 г. Душа въ народномъ хзайствѣ.

наются рыночной, такъ сказать, цѣнѣ, потому что поступленіе въ рекруты при жеребьевой системѣ и смерть домохозяина могутъ послѣдовать неожиданно, когда всѣ желавшіе покупатели душъ могли понабраться ими, черезъ что цѣны обыкновенно падаютъ, вообще причины повышения и пониженія цѣны могутъ быть различны.

Двинулись мы на поля нашихъ мордовскихъ общинъ; всѣ они вдоль дѣлились на столбики посредствомъ межниковъ, какъ въ Кулясовѣ, а въ ширину на *пай*, вездѣ одинаково неизмѣнные съ незапамятныхъ временъ. Слово *пай*, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, перешло къ мордвамъ отъ татаръ, означая часть, хотя въ татарскихъ общинахъ я не встрѣчалъ этого названія для мелкаго участка земли. *Пай* кулясовской общины отличался отъ другихъ мордовскихъ паевъ немного въ величинѣ. Такъ мамадышенскій пай имѣетъ не 20 сажень въ ширину, а 30 сажень, т. е. равняется тридцатной десятинѣ, но за то на него ложится всегда не 10 душъ, какъ въ Кулясовѣ, а 14 душъ: алексѣевскій пай состоитъ также, какъ и въ Мамадышѣ изъ одной тридцатки, но на него ложится 16 душъ. Мамадышцы и алексѣевцы, несмотря на то, что имѣютъ такъ много общаго во всѣхъ отношеніяхъ съ кулясцами, но какъ-то критически относятся къ разуму послѣднихъ. Мамадышевскій пастухъ встрѣтился намъ со стадомъ овецъ у опушки лѣса. Паръ былъ поднятъ и свотина должна была переколачиваться кое-гдѣ. Пастухъ былъ свой старикъ однодушникъ, онъ въ пастухахъ съ тѣхъ поръ, какъ помнить себя, а потому и неудивительно, что имѣетъ блюсти скудный кормъ.

Я остановилъ его вниманіе на паяхъ, которые меня интересовали, и выражалъ желаніе знать причину различія въ величинѣ ихъ. У нихъ, у кулясовцевъ, пай зрѣщи, говорить онъ: тамъ душъ купить нельзя, гдѣ ее найдешь. Такое порицаніе дѣйствій предковъ кулясовскихъ не давало яснаго понятія о преимуществѣ разумности въ дѣйствіяхъ предковъ мамадышцевъ и алексѣевцевъ, такъ какъ послѣдніе, хотя и сдѣлали у себя пай больше, но за то на лишніе 80 сажень въ паяу прибавили одни 4 лишніхъ душъ, а другіе 6 лишніхъ душъ, чѣмъ, на мой взглядъ, нисколько не измѣнили положенія дѣла противу кулясцевъ. Также поступили и двѣ общины дубровскія, но только съ небольшою разницею, что послѣднія на пай наложили 12 душъ. Нужно думать, что разумность дѣйствій двухъ позднѣе образовавшихся общинъ, объясняется дальнѣйшими процессами пользованія паями. Есть основаніе предполагать, что здѣсь немаловажную роль играетъ семьяниность, составляющая отличительную черту этихъ общинъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь не безынтересно самостоятельное проявленіе общиннаго разума, который въ родныхъ племенныхъ группахъ можетъ видоизмѣняться, не выходя изъ подчиненія лишь общихъ экономическихъ законовъ.

Во всѣхъ мордовскихъ общинахъ замѣтна та общая у всѣхъ

черта, что у нихъ сумма паевъ, приходящаяся на сумму всѣхъ душъ въ общинѣ, называется *мирскимъ паемъ*; такъ въ Кулясовѣ мирской пай состоитъ изъ 38 паевъ, въ Мамадышѣ тоже изъ 38, въ Алексѣевкѣ изъ 22, въ Дубровкѣ изъ 24^{1/2} и т. д.

Всѣ эти общины одинаково передѣляютъ ежегодно землю, а также каждый почти домохозяинъ имѣетъ свой постоянный пай, который онъ удабриваетъ, и который, по ихъ выраженію, въ жеребій не идетъ и не именуется *наземнымъ паемъ*.

Въ предшествовавшемъ выпускѣ¹ записокъ я упоминалъ о большомъ селѣ Лохъ, бывшемъ казеннаго вѣдомства, и ставилъ его экономическое положеніе въ рѣзкую противоположность съ положеніемъ помѣщичьяго с. Сокура. Въ одномъ бѣдность и уныніе, и отсутствіе сообразительности въ большинствѣ домохозяевъ, въ другомъ—сравнительное довольство, жизненность, разумность при такомъ же общинномъ владѣніи. Нѣкоторые находили въ этомъ противорѣчіе, что высказывалось и словесно, и печатно. Имъ казалось страннымъ видѣть общину бѣдную при свободномъ состояніи, когда она получила самоуправленіе и независимое экономическое положеніе, съ правомъ самостоятельно располагать своею землею. Они не могли понять, какъ это послѣ 16 лѣтъ такой жизни—двѣ трети населенія обѣднѣли до того, что потеряли возможность обрабатывать хорошую землю и принудили здоровую треть своихъ односельцевъ ограничиться дарственнымъ *нищенскимъ надѣломъ*, только бы не нести отягчительныхъ повинностей. Были мнѣнія, что все это разрѣшалось противоположностію слѣдующихъ обстоятельствъ, при которыхъ слагалась экономическая жизнь обоихъ селеній. У лоховцевъ на 562 домохозяевъ—оказывается одиночекъ только 150; передѣлы земли у нихъ происходятъ въ теченіи 10—15 лѣтъ одинъ разъ; есть семейства, состоящія изъ 10 душевыхъ паевъ. Лохъ всегда принадлежалъ казенному вѣдомству, и плохое ли, хорошее ли самоуправленіе было для него не новостью; частые передѣлы земли тогда воспрещались министерскими предписаніями; семейные раздѣлы подчинены были согласію общества, а часто и разрѣшенію начальства въ видахъ сохраненія семейныхъ силъ и удержанія ихъ совокупности для отправленія воинской повинности. Всѣ эти противоположности, замѣчали мнѣ, достаточно могутъ быть существенны для поддержанія экономическаго благосостоянія и при общинномъ пользованіи землею, хотя вовсе не исключаютъ возможности улучшенія хозяйствъ при семейныхъ участкахъ.

Но вотъ теперь предъ нами рядомъ лежатъ другія двѣ одноплеменные общины, одинаково издавна пользующіяся благами самоуправления, соединеннаго съ тѣми самыми благами управленія казеннаго, какъ и въ Лохѣ, тутъ ни малѣйшихъ внѣшнихъ противоположностей, какъ это читатель могъ видѣть раньше. Почему же это у кулясцевъ на 140 домохозяйствъ 81 одно-

¹ Отеч. Зап., мартъ 1876 г.

кихъ, и только 59 семьяныхъ, а у мамадышцевъ на 163 домохозяйства—66 одинокихъ и 93 семьяныхъ? Почему значительное большинство кулясовскихъ домохозяевъ съ апрѣля покупаютъ хлѣбъ на базарахъ, а у большинства мамадышцевъ гумно ни чѣмъ не прошибешь, какъ говорятъ мужики. Не удивляйтесь, читатель, что о зажиточности крестьянина мы судимъ по гумну, а не по амбару. Европеецъ-промышленникъ полное гумно хлѣба припишетъ отсутствію сбыта, а мордвинъ говорить:—*въ амбарѣ хлѣбъ—не хлѣбъ, а въ гумнѣ хлѣбъ—хлѣбъ*. Эту загадку мы будемъ разгадывать послѣ. Ужъ не потому ли изъ двухъ общинъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ племенныхъ, политическихъ и экономическихъ, одна богатѣе, а другая бѣднѣе, что одинъ человекъ талантливый можетъ отличатся отъ бездарнаго, энергическій отъ апатичнаго, разумный отъ легкомысленнаго; а въ суммѣ взятыя талантливыя, энергичныя и разумныя должны равняться въ суммѣ взятымъ бездарнымъ, апатичнымъ и легкомысленнымъ?

Мамадышцы съ кулясовцами въ старину поклонялись одному и тому же мірскому быку, а теперь православные хрістіане одного и того же прихода, слѣдовательно, подъ однимъ и тѣмъ же религиознымъ вліаніемъ. Мы только изъ преданія знаемъ, что они ссорились изъ-за чего-то и стали жить отдѣльными общинами, а изъ дѣйствительности въ ихъ общинныхъ порядкахъ мы видимъ разницу въ размѣрѣ паевъ и числѣ душъ на каждый пай.

Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что, говоря о свойствахъ общинъ дробиться на мелкія домохозяйства, не слѣдуетъ смѣшивать тѣ мелкія-одинокія маломощныя домохозяйства, которыя образуются одинаково во всѣхъ общинахъ, вслѣдствіе причинъ, лежащихъ внѣ общины и внѣ разума семьи, какъ-то: коноврадство, воинская повинность, болѣзнь, случайная смерть и т. п.

Осмотрѣвъ поля, раздѣленныя искони, первоначально на столбники и затѣмъ на пай, оставалось еще узнать о пользованіи лугами. На вопросъ мой о существующихъ у нихъ порядкахъ по этой статьѣ земельного угодья, мордвы мнѣ объяснили, что трава травъ рознь, уборка уборокъ рознь и дѣлежъ дѣлежу рознь. Вотъ, что могъ понять я изъ ихъ болѣе подробныхъ объясненій. Снимаютъ луга когда обществомъ, а когда и артельно, а когда и каждый, кто знаетъ для себя. Травы же, снимаемыя или обществомъ, артелью и домохозяйствомъ, бываютъ, главнымъ образомъ, двухъ родовъ или степными, или поемными. Степныя, гдѣ ихъ много, снимаются съ весны и съ осени даже или исполу или за деньги, а поемное снимается не задолго до покоса, на траву глядя. Тутъ ни денегъ, ни работы ни жалѣешь, говорили мои собесѣдники:—не даромъ пословица—*не кути дешево сѣно, а кути дорого траву*. Это объясняется тѣмъ, что снявшій траву самъ заботится о томъ, чтобы скосить ее во-время, когда она полна жизненныхъ соковъ.—Это еще *не выжитъ*, говоритъ мужикъ, что мало показывается, ее хотя и одинъ стожекъ *да подвитый*; а у

мордовы молоко на языкъ, довазывалъ все тотъ же мужикъ. А когда косить сѣно, мы совѣтъ держимъ, раза три другъ по другу ходимъ, какъ бы не упустить. Сказано: *ко времени скосили пудъ меду тебѣ, а упустили—пудъ назъму*. Косимъ и дѣлимъ разное, говорили мордва, если трава вездѣ ровная, то раздѣлимъ на пай, а чтобы знатко было, гдѣ какой пай, бродимъ по дѣлянкамъ. Тогда каждый косить свой пай, а когда трава не Богъ знаетъ что, да еще неровная угодить, то косимъ сообща; раздѣлимъ на ровныя копны, по числу косцовъ, или на пару одна копна, и трясемъ жеребьи кому какая копна достанется.

Изъ словъ ихъ можно было ясно видѣть, что установленнаго разъ на всегда одного и того же порядка у нихъ не было; а косятъ и дѣлятъ одни и тѣ же люди, одно и тоже мѣсто разное, какъ вздумается, да къ тому же годъ на годъ не приходится.

Не знаю почему-то русскіе своихъ сосѣдей мордовскаго племени считаютъ за какихъ-то тупыхъ и несмышленныхъ, и называютъ обыкновенно унизительно—*мордвѣнце* или *мордвиники*; а при всякомъ удобномъ случаѣ, порицая ихъ, выражаются: *сказано мордва, такъ мордва, она и есть чудъ*. «Къ кому Богородица, а къ намъ мордва»—извѣстная русская поговорка. А между тѣмъ въ Кулясовской волости, гдѣ на 12 сельскихъ обществъ приходится 8 русскихъ, а 4 мордовскихъ, и въ старшины воть ужъ два трехлѣтія выбираютъ, изъ Лексевки, да изъ Мамадыша. Въ Кулясовѣ, правда, всегда въ затрудненіи выбрать нетолько старшину, а простого старосту и, сколько я могъ замѣтить, сосѣди мамадышцы-мордва подсмѣиваются надъ кулясовцами. Тамъ я знавалъ одного мордвина, который отправлялъ какую-то мірскую обязанность и не разъ возилъ меня. При теперешнемъ посѣщеніи Мамадыша, я спросилъ объ немъ. Оказалось, что онъ былъ сотскимъ въ Кулясовѣ. Кто-то изъ окружающихъ счелъ нужнымъ добавить:

— Какже, онъ теперь, *при навозѣ жода*.

При томъ взглядѣ, который установился у русскихъ на мордву, интересно было знать, какъ управляютъ съ волостью старшины-мордва.

Отзывы были про ирежняго: «славный, первый былъ мужикъ въ міру, первый тележный мастеръ въ деревнѣ, да изгадился было маленько, какъ въ старшинахъ сталъ сидѣть; ну, тоже и нельзя, оправдывалъ его рассказчикъ, каждый уважаетъ и подноситъ, изгадиться недолго; а вотъ какъ не сталъ въ старшинахъ сидѣть, опять сталъ человѣкомъ».

«А тотъ, что изъ *русскаго угла* долго сидѣлъ, тотъ такъ изгадился, что ни на что не похоже, а тоже былъ первый мужикъ въ міру и первый горшечникъ».

Кулясовская волость дѣлится какъ бы на двѣ части, по племенному составу жителей; одна называется *мордовскимъ угломъ*, а другая—*русскимъ угломъ*. Но старшина изъ мордовскаго угла, какъ оказалось, имѣлъ въ своихъ недостаткахъ и хорошія сто-

роны какъ *мірской человекъ*, не разъ выручалъ онъ міръ взносомъ податей. Нужно знать, что мордва всячески избѣгаетъ случая, чтобы не прѣхалъ какой и не *сталъ охальничать изъ податей*. Этимъ часто пользуются посторонніе цѣловальники и т. п. денежные люди, которые берутъ большіе проценты за ссужаемыя деньги въ уплату податей.

Мордва цѣнили также, что старшина *не таялся*, какъ выражались мордвы. Это можно видѣть изъ необыкновенно характеристичнаго случая послѣдняго годоваго учета, сдѣланнаго старостѣ мамадышевскаго сельскаго общества, по завѣдываніи имъ *мірскими суммами*. Выборные старики пригласили старшину, на правахъ почетнаго члена, присутствовать при учетѣ своего старосты. Онъ охотно согласился, хотя и могъ бы, подѣ разными предлогами, уклониться отъ скучной обязанности.

Мірской учетъ, какъ и всѣ учеты, нужно было думать, дѣлаются по приходо-расходнымъ книгамъ.

Мамадышевская община, какъ и всѣ другія мордовскія общины, снабжена нѣсколькими, *установленными для сельскихъ обществъ книгами*. Сколько ни приходилось мнѣ видѣть подобныхъ книгъ—онѣ, при нѣкоторой заботливости начальства, находятся всегда въ совершенной исправности. По своему же наружному виду и по своему внутреннему содержанию, эти книги представляютъ тотъ же характеръ, который усматривается въ извѣстныхъ читателю статистическихъ столбахъ, и здѣсь возвышающихся у вѣзда и выѣзда cadaго села: и книги и столбы одинаково отличаются чистотой внѣшней оболочки и лживостью изображенныхъ на нихъ цифръ. Но не по такимъ книгамъ міръ учитывается, какъ слѣдуетъ, своихъ старостъ, не скрыли отъ меня вѣрные старики.

— А эти книги съ печатами для всякихъ членовъ больше, для всякаго случая, говорили они.

И такъ обратимся къ учету мамадышевскаго старосты. Если установленныя для сельскихъ обществъ книги существуютъ *только для всякихъ членовъ*, то на чемъ же основывается міръ въ своихъ учетахъ?

Какъ я ни допрашивалъ, а могъ добиться лишь однихъ намековъ, что у міра есть свои книги, которыя составляютъ предметъ глубокой мірской тайны. Несмотря на то, что между окружавшими меня нашелся бы человекъ, можетъ быть, и готовый приподнять завѣсу, но я не хотѣлъ насиловать мірское чувство, особенно когда узналъ, что эти книги чисто мірскія, и самимъ крестьянамъ извѣстны подѣ такими разными наименованіями, какъ *поганахъ, тынхъ и зрпшнхъ*¹ и т. п. Не оставалось сомнѣнія, что по одной изъ такихъ книгъ дѣлался учетъ мамадышевскому старостѣ, въ присутствіи старшины Дмитрія Ильича.

¹ Объ нихъ мы когда-нибудь поговоримъ подробнѣе.

Не заглядывая въ книгу, я ограничился любопытнымъ разсказомъ одного изъ присутствовавшихъ на учетѣ. Мордва любитъ посѣщать сходы, а особливо сходы для учета, гдѣ можно выпить *въ виноватую шею*. На этотъ разъ, сходъ былъ полный, и учетъ торжественно начался съ чтенія расходныхъ статей по порядку. Первая статья гласила: *старшинъ штофъ водки*.

Дмитрій Ильичъ не ожидалъ этого, покраснѣлъ и видимо сконфузился. Всѣ промолчали.

Во второй значилось: *старшинъ на улощеніе штофъ*. Эта статья осталась также безъ возраженія. Послѣ третьей, гласившей *тоже, ему же штофъ*, кто-то изъ толпы, безъ всякой, впрочемъ, злости и укоризны, замѣтилъ:

— *Одначе, ваше степенство, ты нашего мірскаго попилъ же?*

— Виноватъ, старики, не примати, самъ приму, проговорилъ старшина, не желая, чтобы этотъ расходъ ложился на мірскаго сборъ.—Каждый изъ учетчиковъ видѣлъ, что старшина *выпится*, на лицѣ у него точно родники открылись, по словамъ расказчика.

— *Что-жь за бѣда, Дмитрій Ильичъ, ласково одобрялъ его кто-то изъ учетчиковъ:—чай мы осимимъ—вѣдь ты у насъ одинъ, а насъ много.*

При этихъ словахъ, всякій ясно сознавалъ, что Дмитрій Ильичъ, хотя и попьетъ мірскаго на три, на четыре рубля въ годъ, но за то, если *не въ-время закрутятъ подати*, у него отъ казу не бываетъ—всегда готовы деньги, а главное, онъ не беретъ за это ни процентовъ, ни мірскихъ загоновъ, какъ это дѣлаютъ другіе, прочіе.

— Вѣрно!.. Чего тутъ!.. Онъ насъ выручить! слышались со всѣхъ сторонъ голоса на мірскомъ сходѣ.

Но моего расказчика видимо тревожила мысль о томъ, что мнѣ могло сдѣлаться извѣстнымъ о существованіи *третьей* книги и въ ихъ обществѣ, хотя онъ мнѣ ее и не показывалъ.

— Не все же у васъ такіе мужики какъ Дмитрій Ильичъ? продолжалъ я его допрашивать.

— Знамо, отвѣчалъ онъ простодушно, со всячинкой живутъ, сплошь и рядомъ, мы за то, на сходахъ, поди какъ *совѣстимъ другъ дружску*.

В. Трироговъ.

КЪ СЛОВУ О МЕДИЦИНСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ У НАСЪ.

НАШИ МОЛОДЫЕ ВРАЧИ-ПРАКТИКИ.

Наша непрактичность во всемъ сказалась и въ учрежденіи медицинскихъ курсовъ, предназначенныхъ ежегодно давать обществу извѣстный контингентъ молодыхъ врачей-практиковъ. Насколько преслѣдуемая ими цѣль мало достигается, каждый, сколько-нибудь занимавшійся этимъ вопросомъ, могъ легко себѣ уяснить. Массы молодыхъ врачей (хотя относительно ничтожныя по обширности пространства нашего отечества), выпускаемыхъ ежегодно на поприще общественной дѣятельности, въ сущности далеко не оправдываютъ тѣхъ надеждъ, какія возлагаются на нихъ обществомъ. Получивши дипломъ на врача и право практики, они, вмѣсто того, чтобы сейчасъ приложить къ дѣлу, общей пользѣ, свои спеціальныя, научныя свѣденія, не знаютъ, какъ съ ними справиться, за что ухватиться, съ чего начать... Лабиринтъ всевозможныхъ знаній по различнымъ отраслямъ медицинской и вспомогательныхъ ей наукъ, не улегшихся, какъ слѣдуетъ, въ молодомъ умѣ и не получившихъ надлежащей подъ собою почвы, только взбудораживаетъ собою всю логику начинающаго врача-практика. Онъ видитъ больного и не знаетъ, какъ къ нему приступить; ставитъ діагнозъ, въ большинствѣ случаевъ ложный, и не знаетъ—какія принять средства противъ извѣстной заболѣваемости; знаетъ, наконецъ, самыя средства, но не умѣетъ, какъ воспользоваться ими въ томъ или другомъ случаѣ. Непрактичность заявляетъ о себѣ кругомъ. Начинающій практикъ мечется изъ стороны въ сторону, перебираетъ съ самаго основанія своей головы весь нагроможденный въ ней запасъ матеріала, но непривычность распоряжаться имъ самостоятельно, безъ посторонней помощи, и не особенно блестящая память имѣющая свои границы, обезкураживаютъ его окончательно. Такова судьба большинства окончивающихъ медицинское образованіе и выступающихъ на самостоятельную общественную дѣятельность. Общество знаетъ это хотя отчасти, почему старается предупреждать себя отъ ихъ услугъ, а если когда пользуется, то съ большой осторожностью и сомнѣніемъ. Сами врачи со-

знаютъ свою незавидную участь и скорѣе добиваются получения какого-нибудь мѣстечка, лишь бы пристроиться на первое время. Мѣстечекъ этихъ отерываеся въ настоящее время не мало: земство является для нихъ неизсякаемымъ источникомъ; но не потому, свѣшнимъ оговорить, чтобы наше земство заботилось особенно ревностно о медицинской части, вводило массу новыхъ мѣствъ, не довольствуясь старымъ штатомъ; нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Причина такому явленію совершенно иная... Вслѣдствіе неразвитости многихъ нашихъ земскихъ дѣятелей, сидящихъ не на своихъ мѣстахъ, и частой безурядицы среди нихъ, отражающейя и на врачахъ, болѣе или менѣе солидные врачи, свѣдущіе въ своей спеціальности, теряютъ всякую охоту посвятить себя земской службѣ. Къ этому присоединяется еще непрочность всѣхъ вообще врачей, занимающихъ земскія мѣста, вслѣдствіе той же безурядицы; такъ что за частую мѣста эти оказываются открытыми, вакантными, за которыя и ухватываются молодые врачи, какъ утопающій за соломенку, лишь бы, повторяемъ, пристроиться на первое время. Врачи, конечно, выигрываютъ; земства же, ввѣряющія свою врачебную часть столь неопытнымъ практикамъ, носящимъ лекарское званіе скорѣе номинально, чѣмъ въ дѣйствительности, остаются, внѣ всякаго сомнѣнія, въ проигрышѣ... Въ земствѣ, предполагая, что врачъ имѣетъ дѣло съ простымъ, сѣренькимъ русскимъ мужичкомъ, больше, чѣмъ гдѣ либо, нужна практичность, опытность врача. Молодой врачъ, не практиковавшійся ниразу, не имѣвшій самостоятельной практики и изучавшій больного только въ клиникѣ, при всевозможномъ комфортѣ послѣдней, или по книжкамъ, предлагающимъ въ своихъ послѣднихъ усовершенствованіяхъ такую же недоступную роскошь для больного бѣднаго труженика, какая существуетъ для него во всѣхъ прочихъ усовершенствованіяхъ, по всевозможнымъ родамъ человѣческаго прогресса, по настоящему, не долженъ и думать о земской службѣ, если не хочетъ быть лишнимъ эксплуататоромъ на ней... Но, впрочемъ, кто думаетъ изъ всѣхъ служащихъ, получающихъ жалованье, о дѣйствительно приносимой ими пользѣ; достаточно, если есть мнимая, кажущаяся, формальная, и получается приличное содержаніе... Формалистика, внѣшность дѣла, а не внутреннее содержаніе его, эгоизмъ, самый злостный, коммерческій, спекулятивный, если можно такъ выразиться—вотъ наша общая, всѣмъ присущая язва, развѣдающая все сильнѣе и сильнѣе русскаго дѣятеля... Трудно лечить простого сѣренькаго русскаго мужичка, не будучи знакомымъ съ его средою, его жизненной обстановкою. Кромѣ научно-спеціальнаго знанія, здѣсь требуется отъ врача умѣнье приспособиться къ означенной средѣ, забыть роскошь медицины и обратиться къ самымъ простымъ, народнымъ мѣтрамъ и сдѣлать ихъ полезными. Это долгъ, обязанность каждаго врача, такъ какъ врачъ долженъ существовать для всѣхъ безразлично,

*

а не исключительно для сельскихъ, городскихъ пациентовъ, или для салона; но земскаго врача — въ особенности.

Съ теченіемъ времени, нѣкоторые изъ этихъ пристроившихся врачей, кое-какъ понатершись и изучивши слабыя струны общества, успѣваютъ войти къ нему въ довѣріе, приобрести извѣстность; другіе же, менѣе хитрые и менѣе способные приспособляться къ той и другой средѣ, остаются на всю жизнь въ тѣни, или дѣлаются изъ врачей-практиковъ настоящими безупречными чиновниками и даже дослуживаются высокихъ чиновъ и орденъ. Болѣе добросовѣстные и вѣрные своему назначенію продолжаютъ, впрочемъ, учиться, только не въ стѣнахъ заведеній или клиники, подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ пользующихся извѣстною репутаціей врачей-практиковъ или профессоровъ, а самостоятельно у себя дома или у постели своего пациента. Что же легко могло быть достигнуто въ заведеніи или клиникѣ, подѣ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, мастеровъ своего дѣла, то очень медленно и трудно дается собственными силами и средствами, а иногда не достигается вовсе. Изучить науку лично самому, безъ посторонней помощи, почти невозможно, а продолжать ей учиться, безъ надлежаще положеннаго для того фундамента или безъ твердой подѣ собою почвы, также чрезвычайно трудно. Если положена основа, заложенъ прочный фундаментъ — можно съ успѣхомъ продолжать строить домъ. Незавидна участь и тѣхъ пациентовъ, которые дѣлаются жертвами этихъ молодыхъ ученыхъ: вмѣсто того, чтобы получить радикальное излеченіе въ своихъ болѣзняхъ, они лечатся ошупью и различными испытываемыми надъ ними средствами и способами.

Въ печати говорилось нѣсколько разъ о несостоятельности среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно классическихъ гимназій, о неудовлетворительной ихъ программѣ, недостигающей своего назначенія и не соответствующей требованіямъ и условіямъ времени, а также о неудовлетворительномъ составѣ самаго учебнаго персонала, т. е. просвѣтителей юношества. Все это не новость ни для кого, читающаго газеты, журналы. Но, касаясь несостоятельности среднихъ учебныхъ заведеній, нельзя пройти молчаніемъ и высшія, преимущественно университеты, которые также обнаруживаютъ рельефно свою неудовлетворительность. Печать говорила и о нихъ, но гораздо меньше, а нѣкоторыхъ вопросовъ, кажется, совсѣмъ не поднимала. Какъ на одинъ изъ такихъ вопросовъ мы и хотимъ указать въ настоящей нашей статьѣ, на существующее у насъ медицинское образованіе, на неудовлетворительность медицинскихъ образовательныхъ учрежденій. Мы высказали выше, что слово—практикъ—существуетъ только номинально для нашихъ молодыхъ врачей, выпускаемыхъ ежегодно на поприще общественной дѣятельности; къ этому прибавимъ, что право практиковать дается имъ какъ бы не знаніемъ, а исключительно однимъ дипломомъ или тѣмъ же патентомъ, какой установленъ въ торговлѣ и про-

мышленности для каждаго, занимающагося извѣстнымъ предпріятіемъ.

Намъ встрѣчались такіе специалисты, не говоря объ однихъ врачахъ, которые, при каждомъ возможномъ случаѣ, опирались на свой дипломъ, какъ на единственное и исключительное средство заявить свое достоинство, преимущество передъ другими. Вы спрашиваете ихъ, что они за люди: почему называются врачами, коль скоро не умѣютъ лечить; юристами, коль скоро не знаютъ самыхъ обычныхъ статей нашего законодательства; историками, коль скоро не знаютъ исторіи даже въ объемѣ гимназическаго учебника, и получаете на всѣ подобныя вопросы единственный, энергическій отвѣтъ, какъ бы рѣшающій все сразу: если вы не вѣрите, что мы специалисты, люди, знающіе свое дѣло, посмотрите наши дипломы, вдобавокъ, съ отличіемъ (*cum eximia laude*), и убѣдитесь... Коротко и ясно. Формалистика и здѣсь обнаруживается въ полномъ своемъ блескѣ.

Сказавши вначалѣ, что неудовлетворительность медицинскаго образованія у насъ состоитъ въ непрактичности его, пояснимъ теперь это. Многіе изъ читателей, конечно, не знакомы съ программю нашихъ медицинскихъ курсовъ, какъ университетскихъ, такъ и медико-хирургической академіи. Для лучшаго знакомства съ дѣломъ, скажемъ о ней вкратцѣ.

Чтобы сдѣлаться врачомъ, требуется у насъ, какъ извѣстно, пройти пятилѣтній курсъ на медицинскомъ факультетѣ въ университетѣ, и 5½ лѣтъ — въ медико-хирургической академіи. (То же должно быть отнесено и къ преобразованной медико-хирургической академіи, но въ томъ смыслѣ, что каждый, желающій получить въ ней образованіе, долженъ будетъ первые два курса прослушать при какомъ-нибудь университетѣ, и затѣмъ 3½ года проучиться въ академіи, слѣдовательно, всего 5½ лѣтъ). Послѣднее полугодіе идетъ на производство экзаменовъ, такъ что его можно не принимать въ расчетъ. Первые два курса посвящаются теоретическому изученію такъ называемыхъ подготовительныхъ къ медицинѣ наукъ, изъ которыхъ важнѣйшія: анатомія, гистологія и фізіологія, съ практическими по нимъ занятіями, а остальные суть: физика, химія, ботаника, минералогія, зоологія, фармація и сравнительная анатомія. Опускаемъ изъ этого перечня еще богословіе, читаемое на первомъ курсѣ, какъ неподходящее къ разряду вспомогательныхъ медицинѣ наукъ. Слѣдующіе затѣмъ три курса посвящаются теоретическому изученію собственно медицинской науки и клиникѣ; первая же, въ свою очередь, подраздѣляется на фармакологию съ рецептурою, общую патологию и терапію, частную патологию и терапію, патологическую анатомію, патологическую хирургию, оперативную хирургию съ военно-полевою, акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни, глазныя, горловыя и ушныя, сифилитическія и наружныя, нервныя и душевныя, гигиену, судебную медицину и эпизоотию. Есть еще нѣкоторыя болѣе мелкія

подраздѣленія, которыя оставляемъ безъ вниманія. Всѣ эти науки или отрасли науки, составляющія собой одну обширную науку медицины, изучаются, повторяемъ, въ теченіи 3-хъ лѣтъ и по самой обширной программѣ. Насколько обширно онѣ изучаются, можно видѣть изъ того, что каждая изъ нихъ читается по большей части отдѣльнымъ лекторомъ, составляетъ отдѣльную кафедру. Словомъ, каждая изъ нихъ изучается спеціально, въ возможно большей полнотѣ и совершенствѣ послѣдняго времени, и имѣетъ такую сложную теорію, съ которой, чтобы ознакомиться и ознакомиться сколько-нибудь основательно, нужно, по крайней мѣрѣ, годъ и больше. А такъ какъ ихъ изучается не одна, а нѣсколько, цѣлая масса, то, спрашивается, что же можно сдѣлать въ каіе-нибудь три года или три послѣдніе курса... Между тѣмъ, остаются еще клиники, которыя требуютъ меньшаго усидчиваго труда и количества времени для изученія ихъ. При такой сложной и непосильной задачѣ изученія медицинскихъ наукъ въ нашихъ университетахъ и академіи, теорія окончательно поглощаетъ собою все время изучающаго ее и не оставляетъ почти ничего для клиники. Самая большая часть часовъ въ теченіи учебнаго академическаго года приходится на аудиторіи, на чтеніе и слушаніе теоретическихъ лекцій, а не на практическое знакомство съ больнымъ у постели его. Еслибы какой студентъ пожелалъ преимущественно заняться клиникою, то не можетъ этого сдѣлать изъ одного опасенія не успѣть пройти теорію, а, слѣдовательно, не выдержать теоретическаго экзамена, просидѣть лишній годъ на курсѣ и быть исключеннымъ; тѣмъ болѣе, когда видятъ, какое серьезное вниманіе обращаютъ на теоретическую сторону и какъ легко относятся къ клиникамъ. Въ самомъ дѣлѣ: не обнаружитъ студентъ теоретическихъ свѣдѣній на экзаменѣ, его оставляютъ на другой годъ; не покажетъ и на слѣдующій годъ, его исключаютъ, какъ неспособнаго; но если тотъ же самый студентъ наскочитъ какой-нибудь чепухи на практическомъ экзаменѣ, т. е. на больномъ, хотя бы то былъ экзаменъ окончательный, выпускной, его не только ничѣмъ не наказываютъ, а даже постараются успокоить разыгравшееся въ немъ ложное самолюбіе тѣмъ, что онъ еще молодъ, непрактиченъ, временемъ напрактикуется и будетъ настоящимъ эскулапомъ. Большинство изъ студентовъ, будущихъ исцѣлителей больнаго человечества, его всевозможныхъ физическихъ и, такъ тѣсно съ ними связанныхъ, нравственныхъ недуговъ, имѣютъ три, четыре больныя въ теченіи академическаго года, и то еще слава Богу; но встрѣчаются между ними такіе субъекты, которые, за все время своего пребыванія въ заведеніи, ни разу не получали больнаго. Какъ они представляютъ исторіи болѣзней и какимъ образомъ обманываютъ своихъ почтенныхъ профессоровъ—мы не знаемъ; знаемъ только, что, въ концѣ-концовъ, если не будутъ принуждены оставить заведеніе по другимъ какимъ-либо соображеніямъ, награждаются все-таки дипломами на врачей. Суще-

ствуютъ еще, для наглядно-практическаго изученія медицины, въ извѣстные дни и часы клиникъ, обходы больныхъ гг. профессорами, каждымъ въ отдѣльности своей клиники, совмѣстно со студентами; но эти обходы, при бѣгломъ клиническомъ обзорѣ того или другого больного и при отсутствіи всякаго порядка между студентами, вслѣдствіе большой ихъ скученности, также даютъ очень мало. Что же касается до производства операций, въ особенности мелкихъ, какъ напр., глазныхъ, то о нихъ не стоить и говорить: здѣсь студентъ видитъ только что дѣлаетъ самъ операторъ и ближайшій его помощникъ или ассистенты.

Такъ въ общихъ чертахъ идетъ клиническое образованіе нашихъ молодыхъ врачей-практиковъ. Въ послѣднюю русско-турецкую войну, присутствуя на театрѣ военныхъ дѣйствій, мы не могли не замѣтить, съ какимъ воодушевленіемъ, благородствомъ духа и силой воли, доходящей до самопожертвованія, приступали къ помощи своего ближняго-героя молодые врачи послѣднихъ выпусковъ и какъ горько сожалѣли, что не могутъ быть полезными... Непрактичность ихъ оказалась здѣсь въ особенности, и болѣе или менѣе опытному врачу-практику приходилось работать одному за десятерыхъ.

Но, выходя съ университетской или академической скамьи жалкими практиками, молодые врачи не могутъ похвалиться и своимъ теоретическимъ образованіемъ. Мы замѣтили уже, что всѣ эти знанія по различнымъ отраслямъ медицинской и вспомогательныхъ ей наукъ образуютъ въ головѣ молодого ученаго какую-то сѣть, сплетенную изъ различнаго, разнороднаго матеріала, или просто какой-то хаосъ, массу знаній, лишенной всякой послѣдовательности, опредѣленности, ясности, системы, словомъ, неимѣющихъ подъ собою никакой почвы, вслѣдствіе чего скоро улетучиваются, испаряются, оставляя такимъ образомъ молодого ученаго и безъ знанія практики, и лишеннымъ теоретическаго научнаго образованія. При такихъ-то условіяхъ молодой врачъ оставляетъ скамью и бросается въ волны житейскаго моря, предоставляется собственнымъ силамъ, заявившимъ о своей полной несостоятельности. Положеніе критическое, переходящее впоследствии въ борьбу за существованіе.

Для сравненія посмотримъ, какъ поставлено тоже медицинское образованіе въ другихъ странахъ, какъ на примѣръ, въ Англіи, Франціи и Германіи. Въ Англіи для того, чтобы поступить въ число медицинскихъ студентовъ, нужно сдать предварительный экзаменъ изъ роднаго языка, показавъ основательное знакомство съ нимъ; затѣмъ изъ математики, латинскаго языка и какого-нибудь одного изъ новыхъ или же естественной философіи (Natural Philosophy). Студентъ допускается къ окончательному экзамену послѣ того, какъ занимался медициною не меньше чetyрехъ лѣтъ, причемъ, во все свободное время отъ лекцій, обязанъ былъ состоять кураторомъ при госпитальныхъ больныхъ. Во Франціи допускается въ число студентовъ медицинской школы

только имѣющей извѣстную ученую степень. Въ теченіи перваго года онъ называется «benevole» и занимается у каковаго-нибудь профессора въ госпиталѣ, помогаетъ ему въ перевязкахъ, операціяхъ и т. п.; при этомъ работаетъ также въ лабораторіи и слушаетъ лекціи, избранныя по собственному желанію. По окончаніи перваго года, сдаетъ экзаменъ изъ математики, зоологіи, химіи, ботаники и латинскаго языка. Второй курсъ посвящается исключительно анатоміи и физиологіи, по выдержаніи испытанія изъ которыхъ, студентъ переходитъ на третій курсъ и дѣлается госпитальнымъ «экстерномъ». Третій курсъ проводитъ также въ практическихъ занятіяхъ по госпиталю, послѣ чего держитъ экзаменъ на госпитальнаго «интерна» или получаетъ званіе, соотвѣтствующее нашему младшему ординатору. Затѣмъ, отъ четырехъ до пяти лѣтъ состоитъ опять-таки при госпиталѣ, и только послѣ этого срока допускается къ окончательному экзамену.

Въ Германіи распредѣленіе курсовыхъ занятій въ медицинскіхъ школахъ соотвѣтствуетъ нашимъ медицинскимъ факультетамъ или академіи, съ тою лишь разницею, что получившій степень доктора лишается права практики до тѣхъ поръ, пока не проработаетъ, для научно-практическаго усовершенствованія, еще два или три года, послѣ чего держитъ вторичный экзаменъ въ особой комиссіи: «Staats-Examination».

Такъ поставлены медицинскія школы въ образованныхъ государствахъ Стараго Свѣта; обратимся теперь къ Новому Свѣту, къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки и посмотримъ, какъ поставлены тамъ медицинскія образовательныя учрежденія и какой выработался типъ врача, получаемого отъ нихъ обществомъ. Вопросъ этотъ до такой степени интересный, что никакъ нельзя обойти его молчаніемъ. Американская жизнь выработала особый типъ врачей, нисколько не похожій на нашихъ русскихъ — это типъ практическихъ врачей, вполне удовлетворяющихъ нуждамъ общества, какъ по своей доступности для больныхъ, такъ и по той ощутимой пользѣ, какая ими приносится. Въ дѣлѣ образованія практическихъ врачей и настоящаго пракческаго приложенія медицины къ жизни, въ дѣлѣ организаціи госпиталей и лечебницъ, съ благотворительною цѣлью, американцы достигли того, что еще долго будетъ скромнымъ желаніемъ у насъ, русскихъ. Теоретическое медицинское образованіе, правда, у нихъ поставлено низко; сами американцы отлично сознаютъ, на сколько выше ихъ медицинскихъ школъ, въ отношеніи теоретическаго уровня, стоятъ, на примѣръ, нѣмецкія, какъ далеко послѣднія опередили первыхъ въ изученіи химіи, физиологіи, гистологіи, патологической анатоміи и проч.; они знаютъ свои недостатки и надѣются со временемъ устранить ихъ, т. е. поднять уровень теоретическаго образованія, но поднять на столько, на сколько онъ не будетъ противорѣчить складу ихъ общественной жизни. Такъ что въ будущемъ американскія ме-

дицинскія учрежденія расширятся еще больше и достигнутъ того совершенства, о которомъ намъ пока приходится мечтать.

Теоретическія знанія для врача, конечно, необходимы; безъ нихъ онъ дѣлается не больше, какъ знахаремъ; въ серьезныхъ болѣзняхъ, требующихъ и серьезнаго діагноза, ступается; серьезные операціи оставитъ неоконченными; самый прогрессъ его дальнѣйшаго образованія—а всякій порядочный врачъ работаетъ надъ своимъ образованіемъ всю жизнь—будетъ немислимъ. Но если важно для врача теоретическое образованіе, то еще важнѣе практическое; врачъ безъ практическаго образованія, съ однимъ теоретическимъ знаніемъ, не долженъ называться врачомъ, а ученымъ; въ медицинской практикѣ онъ будетъ столько же полезенъ, какъ и всякій ученый, хотя бы не изъ медиковъ. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, врачъ-практикъ принесетъ несомнѣнно бѣльшую пользу обществу, чѣмъ врачъ-теоретикъ или просто теоретикъ. Это очевидно. Общество требуетъ врачей, которые лечили бы его, а не читали ему лекціи медицины, слѣдовательно, требуетъ обыкновеннаго врача-практика. Ему не нужно знать, насколько послѣдній знакомъ съ теоріями и воззрѣніями разныхъ ученыхъ на тотъ или другой вопросъ, а ему нужна отъ него скорая и существенная польза для каждаго заболѣвающаго его члена. И вотъ такихъ-то врачей-практиковъ, въ которыхъ общество ощущаетъ насущную потребность, даютъ американскія медицинскія школы. Если нѣкоторые изъ ихъ врачей не скажутъ гистологической и патологической картины той болѣзни, къ которой ихъ призвали, напримеръ, воспаленія легкихъ (pneumoniae), то не затруднятся по субъективнымъ и объективнымъ клиническимъ явленіямъ, сказать, что это воспаленіе легкихъ, а не другая какаѣ болѣзнь, а равно не задумаются принять и нужныя врачебныя средства, знакомыя имъ изъ практики. Они не затруднятся также сдѣлать какую угодно перевязку, хотя бы при самомъ замѣчательномъ переломѣ, или наложить лигатуру на любую артерію на протяжении; все это ихъ не испугаетъ, не заставитъ потеряться или сконфузиться у постели больного. Но такіе ли врачи у насъ, особенно молодые, начинающіе свое поприще? Нашъ врачъ, говоря о послѣднихъ, не сдумаетъ, какъ слѣдуетъ, поставить клистирную трубку больному, и если не сдѣлаетъ цапаины на слизистой оболочкѣ его прямой кишки, то или причинитъ совсѣмъ неожиданную для него боль своею грубою манипуляціею, или разольетъ все содержимое клистирной трубки, не пощадивъ имъ и пациента. «Но это ужъ черезъ чуръ, скажетъ, пожалуй, читатель — пристрастіе...» Нисколько, спѣшимъ возразить: — васъ удивило, что врачъ не умѣетъ поставить клистирную трубку, которую всякій фельдшеръ поставитъ, даже самъ больной сдумаетъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства; совершенно вѣрно; для этого не требуется большого искусства или умѣнья; но все-таки, чтобы поставить нѣжно, безъ причиненія малѣйшаго без-

покойства больному, нуженъ нѣкоторый навыкъ руки въ способѣ употребленія. Фельдшеръ практиковался въ немъ не разъ, а потому не обезпочить больного; но врачъ, ставящій собственными руками, можетъ, въ первый разъ, ни чѣмъ существеннымъ не разнится отъ самого пациента, который, при болѣе нѣжныхъ рукахъ, еще превзойдетъ его въ этой операци.

Но мы коснулись клистирной трубки, т. е. такой операци, которую кто не сдѣлаетъ; теперь же представьте себѣ, что у васъ сопряженный переломъ руки или ноги, вмѣстѣ съ раненіемъ мягкихъ частей, или замаскированный вывихъ, страшное кровотеченіе, угрожаетъ антоновъ огонь и слѣдовательно требуется безотлагательная ампутація конечности или энергическое воспрепятствованіе истеченію крови. Вы требуете врача; за нимъ нѣмъ другого, къ вамъ является только вступившій на такое поприще, сейчасъ со скамьи. Повѣрьте, что онъ не съумѣетъ вамъ даже остановить кровотеченіе; а отъ ампутаціи откажется наотрѣзъ, предложивъ, вмѣсто себя, своего помощника, фельдшера. Впрочемъ, за добросовѣстность такую вы еще скажете ему спасибо. Если же нѣтъ фельдшера, или врачъ устыдится своего незнанія и приступитъ самъ къ операци, то горе тому, кто достанется ему въ жертву... Вмѣсто предупрежденія антонова огня, онъ скорѣй поспособствуетъ его осуществленію. Въ дѣлѣ практической дѣятельности такого врача, фельдшеръ, считающійся его ученикомъ, помощникомъ, знаетъ иногда гораздо больше, чѣмъ самъ учитель; онъ служитъ для него незамѣнимымъ подспорьемъ и часто разрѣшаетъ ему самыя сложныя, повычитанныя изъ книгъ, теоріи и никакъ не вяжущіяся съ даннымъ случаемъ, одной обычной практикой своихъ рукъ.

Множество всякихъ специалистовъ, появившихся въ наше время, указываетъ только на то, что каждый изъ нихъ желаетъ хоть чѣмъ-нибудь быть полезенъ обществу, чѣмъ ровно ничѣмъ. Но нельзя не пожалѣть одного, что слишкомъ дробится трудъ на различныя его специальности, что также мало соотвѣтствуетъ практической жизни. Почему одинъ профессоръ медико-хирургической академіи совершенно справедливо замѣтилъ, отзываясь о нашихъ специалистахъ-врачахъ, что скоро они, пользуя правый глазъ, будутъ отказываться отъ лѣваго.

Чтобы дать приблизительное понятіе о приготовленіи практическихъ врачей въ Америкѣ, мы должны остановиться на состояніи тамошнихъ медицинскихъ школъ, познакомиться съ ними хотя въ общихъ чертахъ. Школы эти, какъ было указано, бѣдны научно-теоретическимъ образованіемъ; уровень послѣдняго въ нихъ поставленъ гораздо ниже сравнительно съ такими же европейскими школами, особенно нѣмецкими. Во всѣхъ изъ нихъ, за исключеніемъ «Howard University», не существуетъ строгаго систематическаго преподаванія. Для поступленія въ число медицинскихъ студентовъ даже не требуется никакого вступительнаго

экзамена; только въ «Medical Department» мичиганскаго университета и «Chicago Medical College» требуется экзамень, хотя очень элементарный. Въ послѣднее время, впрочемъ, поступаютъ по вступительному экзамену также на медицинскій факультетъ при «Howard University», на которомъ главное вниманіе обращается на правильное пониманіе обыденныхъ явленій природы и умѣнье выражать мысли на родномъ языкѣ, для чего задается тема для письменныхъ и словесныхъ отвѣтовъ по физикѣ и географіи. Курсъ ученія продолжается формально не болѣе двухъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ студентъ удостоивается степени доктора медицины; а во многихъ школахъ курсъ кончается въ два зимніе семестра и одинъ лѣтній, т. е. въ полтора года, или же, въ видѣ исключенія, въ годъ или шесть мѣсяцевъ. Но каждый, поступающій на медицинскіе курсы, обязанъ представить письменное удостовѣреніе отъ какого-нибудь пользующагося извѣстной репутаціей врача въ томъ, что практически изучалъ у него медицину, безъ чего ни въ какомъ случаѣ не получаетъ диплома. Строгое распредѣленіе студентовъ по курсамъ соблюдается только въ «Howard University», а въ большинствѣ школъ бываетъ такъ, что читается одна какая-нибудь лекція и на нее собираются всѣ студенты. Физика, сравнительная анатомія, ботаника, зоологія, минералогія совершенно исключены изъ программы курса. Помимо теоретическихъ лекцій и практическихъ занятій по химіи, гистологіи, физиологіи и анатоміи, студентамъ предлагается огромный клиническій матеріалъ въ богато устроенныхъ госпиталяхъ. На этомъ клиническомъ матеріалѣ и идетъ собственно образованіе практическаго врача. Его голову не забиваютъ такими свѣдѣніями, которыя могутъ забыться черезъ двѣ-три недѣли послѣ экзамена и, слѣдовательно, не принести никакой пользы, но главное вниманіе обращается на уровень практическаго или клиническаго его образованія. Несмотря на предшествующую медицинскую подготовку, студентъ, во все время своего пребыванія въ школѣ, занимается не столько лекціями, различными гистологическими строеніями тканей и патологическими ихъ измѣненіями или химическими анализами тѣхъ и другихъ органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, сколько пататными больными и всевозможнымъ клиническимъ матеріаломъ, при превосходно устроенномъ госпиталѣ, предоставляющемъ ему всѣ нужныя къ тому средства. Лучшіе изъ нихъ, по окончаніи курса, идутъ на конкурсъ и остаются опять-таки при госпиталяхъ для дальнѣйшаго пракческаго усовершенствованія на время отъ одного года до двухъ лѣтъ. При существованіи въ госпиталяхъ нѣсколькихъ отдѣленій, они обязаны заниматься въ каждомъ изъ нихъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Востонѣ, установленъ такой обычай, что до тѣхъ поръ, пока врачъ не пробудетъ извѣстный узаконенный срокъ въ госпиталѣ, не получаетъ диплома.

Нечего говорить, до какой степени благотворно вліяетъ на

приготовленіе практическихъ врачей столь незамысловатая и существенно важная программа ихъ обученія; тѣмъ болѣе, когда всѣ эти клиническія занятія, поглощающія собою большую часть ученія, идутъ подъ непосредственнымъ руководствомъ лучшихъ или извѣстнѣйшихъ врачей-клиницистовъ. Кромѣ того, какъ на важный фактъ, способствующій столь успѣшному образованію практическихъ врачей, должно указать на цѣлую массу здѣшнихъ медицинскихъ обществъ съ ихъ засѣданіями, на не меньшее число общественныхъ и частныхъ библіотекъ, музеевъ, охотно посѣщаемыхъ врачами, и массу періодическихъ изданій, въ которыхъ участвуетъ большинство ихъ. У насъ, русскихъ, есть только нѣчто похожее. Медицинскихъ обществъ наперечетъ; засѣданія въ нихъ врачей не часты; библіотека также очень мало; музеи существуютъ лишь для студентовъ, никогда, впрочемъ, не посѣщаемые ими; что же касается до періодическихъ изданій, то у насъ вообще ихъ не густо, а медицинскихъ даже слишкомъ ограниченное число, всего нѣсколько, и тѣ скорѣе усыпляютъ, чѣмъ будятъ мысль. Пишущихъ и того меньше... Да и что писать?.. Состряпать какой-нибудь разсказецъ, повѣстунку, если есть маленькая къ тому способность, еще можно. Ни мысли, ни наблюдательности—ничего не требуется, лишь бы была литературная обработка, побольше художественности, красокъ... Откажутъ въ одной редакціи, примутъ въ другой; откажутъ въ другой, навѣрное сойдеть въ третьей. Зачѣмъ мыслить, наблюдать, еще, пожалуй, назовутъ свободнымъ... Пиши, что на умъ взбредеть, что въ состояніи твое воображеніе выдумать, лишь поменьше касайся дѣйствительности, поменьше наблюдай за реальнымъ содержаніемъ жизни. Въ ученой литературѣ не тѣ условія. Здѣсь прежде всего и исключительно должна составлять собой все—истина. Наука есть самая святая, чистая, безпорочная истина. Ученый писатель, слѣдовательно, не можетъ быть ни фразеромъ, ни фантазеромъ, а истиннымъ мыслителемъ и наблюдателемъ положительныхъ фактовъ и ихъ причинъ. Мы же, русскіе, не привыкли ни мыслить, ни наблюдать положительное. Вся наша жизнь есть рабское подражаніе и отрицаніе... Такой жизненный складъ кладетъ извѣстный отпечатокъ и на ученую нашу дѣятельность. Мы родились несвободными, несвободными выросли и живемъ... Мы не привыкли распоряжаться своимъ умомъ, работать собственной мыслью; наша несамостоятельность съ первыхъ дней жизни дѣлаетъ насъ неспособными и въ послѣдующіе дни жить свободно, безъ подражанія чужому и пользованія имъ... Такимъ образомъ, наши ученые привыкли жить и пользоваться чужой мыслью. А потому, повторяемъ, что же имъ писать?.. Развѣ какіе рефераты или переводы инстранныхъ авторовъ. Странная черта у нашего русскаго ученаго: онъ какъ-то чуждается, относится враждебно къ своему товарищу; вмѣсто объединенія, существуетъ по большей части разбѣдиненіе въ кругу русскихъ ученыхъ. Чѣмъ мало-мальски способенѣ русскій уче-

ный, чѣмъ сколько-нибудь больше удалось ему выдвинуться среди товарищей, тѣмъ высокоумнѣе, недоступнѣе дѣлается онъ по отношенію къ послѣднимъ, смотреть на нихъ съ той гордой снисходительностью, какую расточаетъ обыкновенно аристократъ передъ жалкимъ плебеємъ...

Если принято говорить про русское общество, что оно спитъ, то тоже можно сказать и про русскихъ ученыхъ. Спитъ русское общество, спитъ и русскій ученый... Конечно, наши слова относятся къ большинству, массѣ, а исключенія есть вездѣ.

Мы не хотимъ американскихъ врачей ставить какимъ-то совершенствомъ, идеаломъ, къ которому должны стремиться русскіе; нѣтъ, мы далеки этой мысли и не хотимъ вовсе, чтобы послѣдніе сдѣлались американцами. Недостатки научно-теоретическаго образованія американскихъ врачей до того сильно развиты, что сочувствовать имъ въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой возможности. Но насколько недостаточно теоретическое образованіе, настолько совершенно въ нихъ практическое, такъ что недостатки перваго какъ бы покрываются совершенствомъ послѣдняго. И коль скоро быть одностороннимъ, разсматривать ихъ съ этой точки зрѣнія, то, внѣ всякаго сомнѣнія, американцы достигли того, къ чему должны стремиться и мы. Если же американцы односторонни съ практической стороны дѣла, мы односторонни съ теоретической; первые даютъ все-таки обществу врача-практика; мы же — никуда и никому не нужнаго врача-теоретика.

Какую, въ самомъ дѣлѣ, практическую пользу можетъ оказать врачъ, изучавшій медицину по книжкамъ, а не у постели больного? Какой имѣетъ смыслъ дипломъ, дающій право свободной практики человѣку, никогда ею незанимавшемуся или почти никогда? Все это вопросы, остающіеся до сихъ поръ вопросами. Но когда они разрѣшатся? Когда общество получить удовлетвореніе въ своихъ законныхъ нуждахъ? Тѣмъ болѣе теперь, когда стала такъ ощутима потребность во врачахъ, пора позаботиться о болѣе рациональномъ образованіи ихъ, болѣе соответствующемъ цѣлямъ практической жизни.

Ниодна дѣятельность не связана столь тѣсно съ практическою стороною жизни, какъ дѣятельность врача. Чтобы быть вполне рациональнымъ и утилитарнымъ въ своихъ обязанностяхъ, вполне отвѣчать долгу—врачъ не только долженъ быть хорошимъ практикомъ, умѣть всегда своевременно подать нужную помощь больному, но быть по возможности и болѣе или менѣе знакомымъ съ человѣкомъ, знать его природу, существо, въ самыхъ мельчайшихъ проявленіяхъ; словомъ, быть какъ практическимъ врачомъ, такъ и практическимъ человѣкомъ. Нашъ врачъ мало знаетъ человѣка; онъ изучаетъ расположеніе и устройство различныхъ органовъ его тѣла, но мало останавливается на спеціальныхъ ихъ функціяхъ. Онъ изучаетъ устройство мозга, наружную его картину, но не останавливается на заложенныхъ въ

немъ психомоторныхъ центрахъ. Его знакомство съ человѣкомъ идетъ больше по объективнымъ признакамъ, чѣмъ субъективнымъ. Въ послѣднее время стали говорить о психическихъ вліяніяхъ на человѣка, о психическомъ леченіи его, объ особенной психической терапектикѣ. Это одинъ изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ путей къ леченію больного человѣка. Нельзя смотрѣть на человѣка, какъ на остовъ, скелетъ, обтянутый мышцами и кожей, не останавливаясь на важномъ, самомъ существенномъ факторѣ его субстанции — нервахъ. Игнорировать послѣдніе значить изучать не цѣльное существо, а лишь половину его. Но чтобы дѣйствовать психическими моментами на человѣка, нужно сначала изучить ихъ, узнать. Слѣдовательно, знакомясь съ наружностью, заглянуть и въ душу, изучить, по силѣ возможности, еще внутреннюю сторону его. Причина, почему наши врачи-эксперты часто расходятся на судѣ въ своихъ показаніяхъ или пассуютъ окончательно, не выясняя экспертизою ровно ничего, должна быть объяснена единственно незнаніемъ ихъ внутренняго человѣка, внутренняго его содержанія, субъективной его жизни. Не тотъ врачъ, который съумѣетъ прописать рецептъ и рассказать, какъ принимать прописанное, но тотъ истинный врачъ, который знаетъ всѣ тайники, всѣ секретные, глубоко лежащіе уголки человѣческой души или нервной субстанции и умѣетъ примѣниться къ нимъ, усилить или ослабить жизненный импульсъ въ нихъ, при всякихъ условіяхъ и положеніяхъ больного. У насъ встрѣчаются иногда такіе врачи, которые отказываются лечить неимущихъ больныхъ, по дороговизнѣ практикуемаго ими способа леченія и непримѣимости дешевыхъ средствъ къ данному случаю. Но еслибы тѣ же врачи понимали практическую жизнь, умѣли согласовать съ нею свои знанія, судили о природѣ человѣка не столько по книжкамъ, сколько по жизненному опыту, собственнымъ наблюденіямъ, они съумѣли бы, какъ выйти изъ того и другого положенія, какъ приспособиться къ тому и другому случаю. Отъ молодого врача, конечно, нельзя требовать той жизненной практичности, того пракческаго знакомства съ человѣкомъ, какого мы вправѣ ожидать отъ стараго или, по крайней мѣрѣ, давно практикующаго. Мы высказали лишь мысль, къ чему долженъ стремиться каждый, посвятившій себя этому поприщу.

Молодой врачъ долженъ прежде всего быть практическимъ техникомъ въ своей спеціальности, отвѣчать прямому ея назначенію, а не теоретикомъ, ученымъ книжникомъ, способнымъ скорѣе читать лекціи медицины, чѣмъ пользоваться ею. Но какъ же этого достигнуть? Какія измѣненія возможны въ нынѣшнемъ строѣ нашего медицинскаго образованія? Вопросы эти слишкомъ спеціальны, а мы не чувствуемъ себя такими специалистами, чтобы отвѣчать на нихъ; но выскажемъ хотя приблизительную мысль, чего можно желать.

Начнемъ съ того, что каждый, поступающій въ число меди-

цинскихъ студентовъ, долженъ быть настолько элементарно подготовленъ въ большинствѣ тѣхъ вспомогательныхъ наукъ, которыя поглощаютъ собою цѣлые два года его медицинскаго образованія, чтобы, сдѣлавшись студентомъ, быть окончательно освобожденнымъ отъ дальнѣйшаго прохожденія ихъ. Всѣ такія науки, какъ физику, ботанику, зоологію, минералогію и даже химію слѣдовало бы исключить изъ программы медицинскаго курса. Болѣе обширное, спеціальное знакомство съ ними въ теченіи двухъ лѣтъ, при одновременномъ изученіи анатоміи, гистологіи и физиологіи, съ практическими по нимъ занятіями, кромѣ еще фармаціи—невозможно, а жертвовать такое время для полученія изъ нихъ элементарныхъ свѣдѣній, нужныхъ въ помощь медицинѣ, неосновательно. Каждый студентъ, положи руку на сердце, не откажется сказать правду, что въ теченіи двухъ-лѣтняго изученія этихъ наукъ, онъ пріобрѣтаетъ тѣ же элементарныя свѣдѣнія, если не меньше, какія пріобрѣтались въ прежнее время въ гимназіяхъ, до введенія классицизма и сокращенія естественныхъ наукъ. Читаемая на медицинскихъ курсахъ по болѣе спеціальной программѣ, чѣмъ въ гимназіяхъ, онѣ, при столь сложной массѣ занятій, дѣлаютъ въ головѣ студента лишь какой-то сумбуръ, лишнюю обузу памяти, которая, впрочемъ, держится не долго и улетучивается такъ же легко, какъ все непрочное, воздушное.

Первые два курса, посвящаемые въ настоящее время вспомогательнымъ наукамъ, по всѣмъ правиламъ справедливости, должны также принадлежать медицинѣ, какъ принадлежать ей послѣдующіе три. Для человѣка, не изучавшаго медицины до вступленія въ число студентовъ, что требуется въ американскихъ медицинскихъ школахъ, пятилѣтній срокъ изученія ея былъ бы самый желательный, надежный. Получивши въ гимназіи необходимую элементарную подготовку, студентъ съ 1-го курса могъ бы легко начинать свое медицинское образованіе. Такъ что, вмѣсто сокращенія естественныхъ наукъ въ нашихъ гимназіяхъ, было бы желательно скорѣе расширеніе ихъ и настолько, насколько того требуетъ дальнѣйшая перспектива образованія большинства учащагося. Возьмемъ ли медицинскій факультетъ, физико-математическій, съ естественнымъ отдѣленіемъ, горный институтъ, институтъ путей сообщенія, технологическій, строительное училище и проч.—всѣ эти заведенія развѣ не отвѣчаютъ выказанной цѣли? Раціональное общее изученіе естественныхъ наукъ, физики и математики въ нашихъ гимназіяхъ еще желательно потому, что только такое среднее образованіе можетъ доставить извѣстный уровень развитія, требуемый современною жизнію отъ нашего юношества. Въ теченіи восьмилѣтняго гимназическаго курса, при разумномъ методѣ преподаванія, элементарное ознакомленіе съ этими науками могло бы достигаться въ совершенствѣ. Притомъ, какая была бы послѣдовательность у каждаго, ищущаго высшаго образованія, въ дальнѣйшей перспективѣ его

стремлений... Между тѣмъ, всякій, изучавшій, въ бытность свою въ гимназій, классическіе языки, можетъ только пожалѣть за массу потраченнаго на нихъ времени и столь бесполезно.

Слабая подготовка или совершенное отсутствіе ея заявляетъ о себѣ каждому, ищущему дальнѣйшаго образованія. Сколько, напримѣръ, врачей и студентовъ медицины сознаютъ, какъ много они теряютъ при отсутствіи въ нихъ математической и физической подготовки. Знаніе математики и физики составляетъ необходимое условіе для пониманія многихъ частей медицины и вспомогательныхъ ей наукъ. Многія главы физиологій, употребленіе микроскопа, электротерапія—остаются такимъ образомъ далеко невыясненными. Не зная математики, трудно усвоить себѣ нѣкоторыя главы акустики и перкуссии, или произвести осмысленный поляризационный или спектроскопическій анализъ. Офтальмологія, разсматриваемая отчасти, какъ прикладная оптика, требуетъ для усвоенія ея обширнаго знакомства съ употребленіемъ математическихъ способовъ. Врачъ, необладающій нужными физико-математическими знаніями, со стыдомъ отказывается отъ чтенія многихъ книгъ по своей специальности. Плохо изучается и гигиена, при плохой математической и естественно-научной подготовкѣ, такъ какъ гигиена, собственно говоря, есть лишь примѣненіе стереометріи и физики къ оцѣнкѣ зданій и приспособленій для отопленія и провѣтриванія, физики и химіи къ оцѣнкѣ пищи и занятій и метеорологіи къ оцѣнкѣ платья и жилищъ.

Но, не получивши надлежащей подготовки въ гимназій, студентъ не заручается ею и на медицинскихъ курсахъ, какъ замѣтили мы выше и объяснили причины. Почему терять лишніе два года на болѣе обширное ознакомленіе съ вспомогательными науками, отнимая нужное время отъ собственно медицинскаго образованія—совершенно непроизводительный трудъ и напрасная затрата молодыхъ, свѣжихъ силъ, которыя могутъ быть употреблены съ болѣе большою пользою и на болѣе прямое дѣло. Къ чему обременять голову всевозможными знаніями, необходимыми скорѣе для спеціалиста, чѣмъ для врача? Положимъ, всякое знаніе не лишне; но лучше знать что-нибудь, чѣмъ ничего. Лучше быть обыкновеннымъ врачомъ-практикомъ и знать по вспомогательнымъ медицинѣ наукамъ только то, что существенно важно, чѣмъ, погнавшись за двумя зайцами, не догнать не одного. Что говорить, какъ было бы чудесно соединять въ одномъ лицѣ и врача, и химика, и физика, и ботаника, но это невозможно, свѣше человеческихъ силъ, и всякій человѣкъ, чѣмъ болѣе запасается знаніями, тѣмъ меньше въ сущности знаетъ.

Таковъ, видно, складъ человеческого ума. И кому, какъ не двигателямъ врачебной науки, должно быть извѣстно это; кому, какъ не имъ, должны быть извѣстны человеческія силы и ихъ границы. Зачѣмъ же ставить такую сложную и нераціональную программу медицинскаго образованія для желающаго получить его, столь несоразмѣрную съ природными силами послѣдняго?..

Въ силу логики и смысла, кажется, все, что ни читается студенту-медику въ теченіи пяти-лѣтняго курса, читается съ той единственной цѣлью, чтобы онъ зналъ; между тѣмъ, сами господа профессора высказываютъ, что обильная масса знаній предлагается студенту не для того, чтобы онъ овладѣлъ ею въ тотъ же самый моментъ, а чтобы сѣмѣлъ воспользоваться впоследствии, какъ готовымъ матеріаломъ. Намъ, поистинѣ, эта мысль непонятна. Каждый врачъ долженъ прежде всего быть врачомъ-практикомъ, отвѣчать прямому своему назначенію, и затѣмъ работать всю жизнь надъ самимъ собою, ради прогресса своего дѣла, такъ какъ всякое дѣло должно прогрессировать, въ силу постоянного стремленія человѣка къ совершенству, вѣчно для него искомому. Если же обществу данъ практикъ, а наука—слуга ея прогресса—ваша цѣль, гг. профессора, достигнута. Зачѣмъ же и какой еще матеріалъ ему вы готовите? Сѣмѣйте поставить его на самостоятельныя ноги, избавьте его отъ всякихъ ходуль, на которыхъ онъ можетъ упасть и разбиться, а матеріалъ себѣ онъ самъ отыщетъ...

Изученію собственно медицинской науки и прикладныхъ къ ней: анатоміи, физиологіи и гистологіи, съ практическими по нимъ занятіями, а также фармаціи и отчасти практической химіи, т. е. читаемой въ лабораторіи, а не въ аудиторіи, долженъ быть посвященъ по меньшей мѣрѣ пяти-лѣтній срокъ. Безъ предварительной медицинской подготовки, это самый желательный срокъ для пригтовленія практическаго врача. Но цѣль будетъ достигнута лишь при условіяхъ практическаго знакомства съ медициною, а не теоретическаго.

Всѣ пять лѣтъ должны быть проведены у постели больного и въ практическихъ кабинетахъ или лабораторіяхъ; самая теорія должна слагаться на больномъ, если говорить о медицинѣ; на опытахъ, если говорить о химіи, физиологіи; на группѣ и микроскопическихъ занятіяхъ, если касаться анатоміи и гистологіи, какъ нормальной, такъ и патологической.

Чтеніе и слушаніе теоретическихъ лекцій въ аудиторіяхъ можетъ быть допущено въ видѣ дополненій къ практическимъ занятіямъ и конспектнаго повторенія ихъ. Слѣдуетъ помнить развѣ навсегда, что медицина самая практическая наука, что главное изученіе ея должно идти практическимъ, опытнымъ, а не книжнымъ, теоретическимъ путемъ. Еслибы мы сознавали это или сознательно относились къ нашей цѣли, мы были бы совершенно правы и не сворачивали съ прямой дороги. Изученіе, повтореніе, должно согласоваться съ требованіями жизни, а не отвѣчать книгѣ. Пусть лучше врачъ не знаетъ тонкостей въ медицинѣ, но знаетъ основательно все то, что можетъ въ большинствѣ случаевъ быть потребовано отъ него обществомъ. Для тонкостей могутъ быть спеціалисты, и всякому, желающему посвятить себя той или другой спеціальности, дорога открыта. Не изученію тонкостей, а общему медицинскому образованію, со-

отвѣтствующему насущнымъ потребностямъ жизни, долженъ быть посвященъ каждый, чтобъ приготовиться практическимъ врачомъ. Высшее теоретическое образование или высшее специально-практическое можетъ быть допущено, какъ послѣдовательное общему. Это не только логичнѣе, но практичнѣе теперешняго медицинскаго образованія тѣмъ, что лишь при общемъ знакомствѣ съ предметомъ могутъ выясниться отдѣльныя силы для изученія частныхъ его. У насъ сразу начинаютъ изучать такія тонкости и специальности, какія не только не могутъ быть усвоены студентомъ, но даже осмыслены имъ, какъ слѣдуетъ. При теперешнемъ складѣ медицинскаго образованія, молодой врачъ долженъ отказаться отъ предлагаемаго ему диплома, если не хочетъ причислить себя къ тѣмъ же шарлатанамъ, какими привыкли считать людей, занимающихся практикой, но не получившихъ никакого медицинскаго образованія. Развѣ не въ дипломѣ одномъ заключается все отличіе первыхъ отъ послѣднихъ? Но есть же страна, гдѣ получаютъ медицинскіе дипломы за деньги, значить и это отличіе устраняется.

Какъ на вредный обычай, установившійся или принявшій законную силу при нашихъ медицинскихъ факультетахъ и медико-хирургической академіи, слѣдуетъ указать на приготовленіе врачей къ докторскому экзамену. Докторская степень заманчива потому, что даетъ извѣстныя преимущества и возвышаетъ достоинство ея въ средѣ товарищей; поэтому многіе стремятся къ ней. Другіе сейчасъ со скамьи начинаютъ уже заниматься у какого-нибудь профессора, занимаются годъ, два и больше, и наконецъ, добиваются искомаго. И хотя нѣкоторыя работы выходятъ новыми, замѣчательными по своей научности, но въ результатѣ дѣлаютъ изъ врача чиновника, администратора, успѣвшаго сѣсть на теплое мѣстечко и сложить руки, съ сознаниемъ собственного достоинства. Черта, свойственная вообще всѣмъ русскимъ... Конечно, не беремъ исключеній, отдѣльныхъ личностей и говоримъ о массѣ.

Въ заключеніе своихъ строкъ скажемъ про одно отрадное явленіе и совершенно новое въ нашемъ медицинскомъ мірѣ. Мы слышали, что уважаемый профессоръ медико-хирургической академіи Эйхвальдъ задумалъ устроить особые специальные курсы для врачей и приступилъ уже къ началу самаго дѣла. Не будучи знакомы ни съ идеею вновь учреждаемыхъ курсовъ, ни съ программою ихъ, мы узнали только, что главная цѣль, руководящая уважаемаго профессора-клинициста—поучить нашихъ недоучекъ-врачей. Если эти слухи справедливы, остается радоваться за нихъ и пожелать полного успѣха въ столь хорошемъ дѣлѣ.

Д. Бѣлевцовъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Открытие палаты въ Парижѣ.—Вступительная рѣчь Гамбетты.—Программа четырехъ группъ лѣвой.—Голосованіе 2-го декабря.—Предложеніе Буассе.—Рѣчь Флоксъ противъ магистратуры.—Запросы министрамъ: рѣчи Бриссона, Ваддингтона, Ферри, Флокса, Лопера и Девеса.—Поль-де-Кассаньякъ, подвергнувшійся цензурѣ.—Большинство 221 голоса.

Несмотря на всѣ зловѣщія предсказанія реакціонеровъ и на всѣ ихъ старанія вызвать хоть какіе-нибудь уличные беспорядки при открытіи палаты на ихъ новосельи въ Парижѣ, день 27-го ноября, когда это открытіе происходило, прошелъ самымъ благополучнымъ образомъ. У Люксамбургскаго дворца, въ улицѣ Вожираръ, собралось не болѣе публики, чѣмъ собиралось обыкновенно въ Версалѣ, въ улицѣ Резервуаровъ, чтобы видѣть съѣзжавшихся въ засѣданіе сенаторовъ. Около Бурбонскаго дворца толпа была нѣсколько многочисленнѣе, но вѣдь и при каждомъ отправленіи депутатскихъ поѣздовъ въ Версалѣ обыкновенно собиралось въ Сен-Лазарскомъ дебаркадерѣ по нѣскольку сотъ чело-
вѣкъ.

Въ сенатѣ, за болѣзнь Мартеля, вице-президентъ, замѣнявшій его, произнесъ, при открытіи сессіи, нѣсколько теплыхъ словъ въ честь умершихъ во время ваканцій сенаторовъ, и затѣмъ было приступлено къ избранію бюро. Жребій выбора при этомъ поблагопріятствовалъ республиканцамъ, а по учрежденіи бюро былъ составленъ и провозглашенъ очередной порядокъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію.

Въ палатѣ Гамбетта, конечно, не упустилъ случая, чтобы не ознаменовать счастливаго событія возвращенія общественныхъ властей въ Парижъ—это, по выраженію его, «единственное мѣсто на французской территоріи, откуда можно управлять страной съ достодолжнымъ авторитетомъ»—рѣчью, приличной случаю. Въ рѣчи этой, обращаясь какъ бы одновременно и къ правительству, и къ палатѣ, онъ высказалъ слѣдующую мысль: «Въ великомъ дѣлѣ осуществленія задуманныхъ вами реформъ перенесеніе вашей резиденціи въ Парижъ должно послужить значительнымъ возбуждителемъ, такъ какъ вы теперь находитесь среди ве-

ликой лабораторіи, гдѣ собраны всѣ интеллектуальные ресурсы Франціи, куда стекаются всѣ живыя силы общества и гдѣ всѣ факты и событія внѣшней и внутренней политики оплодотворяются обсужденіемъ общественнаго мнѣнія народа, живость и впечатлительность котораго нисколько не препятствуетъ проявленіямъ благоразумія и здраваго смысла. Вы собрали уже и подготовили достаточно матеріаловъ, вы выработали уже не мало проэктвовъ. Теперь *пора ихъ осуществить...* Да будетъ же наша великая трибуна источникомъ свѣта, блескъ котораго поможетъ реформамъ осуществляться одной вслѣдъ за другой, и дастъ возможность странѣ увидѣть, что ея терпѣніе вознаграждается... Возьмитесь же всѣ дружно и серьезно за дѣло. Покажемъ, что мы умѣемъ возвыситься надъ частными интересами и станемъ избѣгать всякихъ столкновеній, бесполезныхъ или служащихъ выраженіемъ только личныхъ страстей, и направимъ дружно всѣ наши способности и труды къ достиженію высшей цѣли: величія отечества, усиленія республики».

Слова эти какъ разъ соотвѣтствовали настроенію депутатовъ, передававшихъ одинъ другому о томъ раздраженіи, которос съумѣло вызвать въ провинціяхъ министерство своею слабостью и нерѣшительностью. На первыхъ же непарламентскихъ собраніяхъ четырехъ группъ лѣвыхъ, въ какіе-нибудь два-три дня, несмотря на оппозицію редактора газеты «Parlement», Рибо, ближайшаго друга и послѣдователя Дюфора, было рѣшено, что необходимо придумать сообща какую-нибудь комбинацію, при помощи которой было бы можно одновременно и противодѣйствовать слишкомъ бурнымъ проявленіямъ радикализма, и дать удовлетвореніе общественному мнѣнію. Вслѣдствіе этого, была выработана почти въ окончательной редакціи программа, состоящая изъ девяти статей, которыя я и привожу здѣсь въ извлеченіи, такъ какъ ее необходимо читателямъ имѣть въ виду для пониманія тѣхъ событій, которыя логически должны возникнуть изъ настоящаго положенія дѣлъ въ первыхъ же мѣсяцахъ будущаго года.

1) Реформа административнаго персонала, такъ же какъ и судебнаго, поставленнаго принципомъ несмѣняемости судей въ возможность находиться въ постоянной и открытой враждѣ съ республиканскимъ правительствомъ. 2) Жандармерія, вслѣдствіе безпрестанныхъ столкновеній ея съ республиканскими муниципальными властями, должна быть подчинена министерству внутреннихъ дѣлъ. 3) Къ католическому духовенству должны быть строго примѣнены существующіе законы, точно такъ же, какъ должны быть выработаны новые, которыми обезпечивалось бы подчиненіе церкви государству. 4) Законопроектъ Поля Берта объ обязательномъ свѣтскомъ и даровомъ первоначальномъ обученіи долженъ быть немедленно голосованъ, принятъ и введенъ въ практику; учителя-конгреганисты обязаны имѣть такіе же, какъ и всѣ учителя, дипломы; для вступленія въ высшее государственное училище и на общественную службу необходимо имѣть сви-

дѣтельство о прохожденіи курса въ государственныхъ коллежахъ, лицейхъ или академіяхъ. 5) Бюджетъ на народное образованіе всякаго рода долженъ быть увеличенъ; плата за среднее образованіе значительно понижена. 6) Всѣ декреты времени имперіи, относительно печати, должны быть отмѣнены, а право сходовъ должно быть регулировано въ либеральномъ и демократическомъ смыслѣ. 7) Свобода ассоціацій тоже должна быть регулирована, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы за конгрегаціями не было признано права юридическаго лица относительно собственности. 8) Срокъ военной службы долженъ быть немедленно сокращенъ съ 5-ти до 3-хъ лѣтъ, а для того, чтобы военная повинность стала дѣйствительно обще-обязательною, волонтерство на одинъ годъ должно быть отмѣнено. 9) Плательщикамъ должны быть облегчены тяжелые налоги съ предметовъ потребления, какъ, на-примѣръ, съ спиртныхъ напитковъ. Крайніе лѣвые хотѣли усилить эту программу еще десятой статьею, которая долженствовала, по ихъ мнѣнію, находиться во главѣ программы, но лѣвая республиканская ее рѣшительно отвергла. Въ этой статьѣ заключалось требованіе полной и общей амнистіи.

Между тѣмъ, какъ лѣвые выработывали эту программу, правые осаждали правительство мелочными запросами. Такъ, на-примѣръ, знаменитый своими любовными похождениями имперіалистъ Жанвье де-ла-Моттъ, поддержанный своимъ не менѣе жювьильнымъ товарищемъ, Гентжансомъ, въ чемъ-то очень долго укоряли правительство съ трибуны, но лѣвые ихъ не слушали и прогуливались во время ихъ ораторскихъ упражненій; когда же они окончили, то голосовали простой переходъ къ очередному порядку. Легитимисты тоже собирались дѣлать запросы и, между прочимъ, знаменитый Бодри д'Ассонъ грозился совершенно разгромить правительство за отозваніе мэровъ, участвовавшихъ на вандейскомъ банкетѣ. Но правые узнали, что министерство было весьма недовольно тѣмъ, что лѣвые хотятъ навязать ему свою программу и, рассчитывая, что между правительствомъ и республиканцами возникнетъ изъ-за этого столкновеніе, предпочли дожидаться въ молчаніи. Бодри д'Ассонъ, заявляя о томъ, что онъ беретъ назадъ уже внесенную имъ интерпеляцію, не сдумѣлъ, впрочемъ, воздержаться отъ рѣзкихъ выраженій, такъ что вызвалъ этимъ на трибуну Ваддингтона. Въ рѣчи своей онъ высказалъ, что ему представляется весьма страннымъ, что, съ одной стороны, интерпеляціи, вносимыя съ такимъ шумомъ, берутся назадъ съ излишнею развязностью, а съ другой, что члены парламента комбинируютъ между собой какія-то программы безъ содѣйствія правительства. «Министерство, сказалъ онъ съ особеннымъ одушевленіемъ: — желаетъ, чтобы парламентъ заявилъ ему прямо, сохраняетъ ли онъ еще къ нему полное и абсолютное довѣріе, да или нѣтъ? и въ тоже время какъ можно скорѣе далъ ему случай высказать публично и открыто все, что имъ уже сдѣлано, и что оно еще собирается сдѣлать».

Впечатлѣніе, произведенное этимъ вызовомъ къ интерпелляціямъ, еще не совершенно изгладилось, когда, по игрѣ случая, по очередному порядку этого самаго засѣданія 2-го декабря, пришлось приступить къ первому обсужденію предложенія Буассе, требующаго какъ бы новой инвеституры для всѣхъ членовъ магистратуры, состоящихъ въ настоящее время на службѣ. Министръ юстиціи, Ле-Ройэ, соглашается принять это предложеніе къ свѣдѣнію, но находитъ, что къ принципу несмѣняемости судей не слѣдуетъ прикасаться и просить, по крайней мѣрѣ, чтобы окончательныя пренія по этому вопросу были отсрочены, пока онъ успѣетъ внести свой собственный законопроектъ о реформѣ магистратуры. Депутатъ Рибо поддерживаетъ министра, но Буассе настаиваетъ на своемъ; два же защитника магистратуры, въ настоящемъ ея составѣ, бонапартистъ Годель и легитимистъ де-Соланъ, распинаются за принципъ несмѣняемости судей съ такимъ рвеніемъ, съ какимъ они стали бы отстаивать еще развѣ догматъ папской непогрѣшимости. Имъ отвѣчаетъ Флокэ и вызываетъ дружный взрывъ рукоплесканій республиканцевъ, когда доказываетъ, что ни одно изъ предшествовавшихъ правительствъ не относилось къ этому пресловутому принципу несмѣняемости съ такимъ уваженіемъ, чтобы жертвовать ему своими интересами, что существованіе при республикѣ судей анти-республиканцевъ поддерживаетъ въ странѣ весьма опасную «судебную анархію» и что «уваженіе къ юстиціи и республикѣ» будетъ навсегда потеряно, если изъ-за принципа, позволяющаго сохранять свои мѣста мятежнымъ членамъ суда, народу не будетъ дано того, чего онъ такъ долго ждетъ: непристрастныхъ и достойныхъ уваженія судей. Послѣ этой рѣчи наступаетъ голосованіе и 320 голосовъ противъ 152-хъ оказываются на сторонѣ Флокэ и Буассе.

Все 3-е декабря проходитъ въ совѣщаніяхъ между парламентскими группами о томъ, какой образъ дѣйствія слѣдуетъ принять относительно министерства. Республиканская лѣвая отказывается отъ внесенія запроса и обязанность эту принимаетъ на себя республиканскій союзъ. Онъ вноситъ запросъ при самомъ открытіи засѣданія палаты 4-го декабря и Ваддингтонъ требуетъ немедленнаго его обсуждения. «Республиканское большинство, начинаетъ Бриссонъ, снова подтвердилось въ засѣданіи 2-го декабря, высказавшись 320-ю голосами противъ настоящаго состоянія магистратуры; оно доказало этимъ свою живучесть, свое дѣятельное и горячее стремленіе къ осуществленію реформъ; если же относительно ихъ являются колебанія и нерѣшительность, то они происходятъ не отъ него, а отъ министерства, такъ какъ уже десять мѣсяцевъ приходится ждать общаго имъ проекта реформъ. Относительно жандармеріи достаточно было бы простаго декрета и его, однако, нѣтъ! Въ дѣлѣ о посѣщеніи донъ-Карлосомъ Сомюрской школы и въ дѣлѣ принятія участія офицеровъ территоріальной арміи въ ром-

листских манифестаціяхъ выказалась вполнѣ вся слабость правительства, такъ что общественному мнѣнію едва удалось вырвать у него нѣкоторыя слабыя уступки. Дѣятельность префектовъ повсюду встрѣчаетъ противодѣйствіе въ подчиненныхъ имъ чиновникахъ, креатурахъ предшествовавшихъ правительствъ; повсюду идетъ борьба между чиновниками, вновь назначенными министромъ внутреннихъ дѣлъ, и чиновниками министерства финансовъ, сохранившими свои мѣста, на которыя они были назначены прежними правительствами. Враги республики, несмотря на то, что были побѣждены въ избирательной борьбѣ, выказываютъ необычайную предприимчивость, встрѣчая повсюду сообщниковъ. «Политику уклончивости», завѣщанную намъ предшествовавшими министерствами, должна замѣнить, наконецъ, «политика дѣятельности»; нація не хочетъ болѣе, чтобы республика была, какой-то «монархіей безъ монарха». Нація хочетъ, наконецъ, ориентироваться и правительство обязано помочь ей въ смыслѣ идей, обусловившихъ его побѣду на выборахъ 1876-го и 77-го годовъ. «Пора осуществлять, какъ справедливо замѣтилъ президентъ палаты Гамбетта: — эра нерѣшительности должна быть закончена! Демократическая республика не можетъ существовать иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы она была правительствомъ постоянного прогресса».

Ваддингтонъ старается объяснить все, что уже сдѣлало министерство, которое обвиняютъ, повидимому, въ совершенномъ бездѣйствіи. Оно дало амнистію и при томъ въ такихъ размѣрахъ, «что уже болѣе никогда не позволить прилагать своихъ рукъ къ этому дѣлу». (Весьма сильный ропотъ между крайними лѣвыми). Оно способствовало возвращенію палаты въ Парижъ. Оно приняло «смѣлую инициативу» въ вопросахъ общественного образованія. Оно преобразовало государственный совѣтъ, состоящій въ настоящее время весь изъ республиканцевъ. Оно составило и провело обширный планъ общественныхъ работъ, осуществленіе котораго начинается какъ разъ въ то время, когда необходимо придти на помощь націи, страдающей отъ послѣдствій неурожая, всеобщаго промышленнаго кризиса и исключительно жестокой зимы; доказательствомъ же того, что страна удовлетворена и исполнена довѣрія къ правительству, можетъ служить то, что въ продолженіи года поступило налоговъ на 140 милліоновъ фр. болѣе противъ бюджетныхъ предположеній. Во все продолженіе существованія настоящаго правительства нигдѣ во Франціи не происходило никакихъ нарушеній общественного порядка. Наконецъ, «республика республиканцевъ» была повсюду въ Европѣ принята сочувственно и въ этомъ смыслѣ нигдѣ не вызвала ни тѣни политическихъ затрудненій. «Но если мы уже многое сдѣлали добавилъ президентъ совѣта: — то сознаемъ, что и остается сдѣлать еще многое. Кабинетъ никогда не согласится на требованіе какой-то гекатомбы чиновниковъ, но онъ будетъ продолжать очищеніе персонала служащихъ во всѣхъ вѣдомствахъ и

не остановится ни передъ какими средствами, чтобы добиться отъ магистратуры уваженія къ республикѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ представитъ законопроектъ въ свое время. Министерство обвиняютъ въ недостаткѣ единогласія, но еслибы оно сдѣлалось такимъ, какъ этого желаютъ, то обратилось бы только въ исполнительную комиссію диктатора. Въ общихъ политическихъ воззрѣніяхъ члены его, однако, вполне между собою согласны. Министерство думаетъ, что едвали его можно было бы замѣнить другимъ, которое располагало бы большинствомъ въ обѣихъ палатахъ. Оно находитъ опасной и неосуществимой программу своихъ противниковъ: полную амнистію, выборъ всѣхъ мэровъ, не исключая парижскаго и ліонскаго, муниципальными совѣтами, полную свободу печати, безъ ограниченій даже относительно личныхъ оскорбленій, безграничную свободу сходокъ, клубовъ, ассоціацій и т. д., и т. д. «Оканчивая свою рѣчь, министръ иностранныхъ дѣлъ предостерегаетъ своихъ оппонентовъ отъ сопоставленія ихъ программы съ образомъ дѣятельности министерства, что произвело бы опасное распадѣніе республиканской партіи на прогрессистовъ и консерваторовъ, «а такъ какъ, заканчиваетъ министръ:—республика могла быть основана только благодаря союзу различныхъ республиканскихъ группъ, то и поддерживаться она можетъ только при условіи существованія этого союза».

Флоэ замѣчаетъ на слова министра, что министерство, вмѣсто представленія своей программы, ограничивается только критикой программы своихъ противниковъ. Ему возражаетъ Жюль Ферри, говоря, что «искатели портфелей» на словахъ всегда обѣщаютъ очень многое, но что онъ полагаетъ, что еслибы настоящимъ противникамъ министровъ удалось занять мѣста ихъ, то они сочли бы себя исполнившими свое дѣло, еслибы имъ удалось осуществить все то, что подготовлено настоящимъ кабинетомъ. Что въ кабинетѣ не существуетъ разногласія—это, по его словамъ, докажется блистательно въ самомъ скоромъ времени при защитѣ въ сенатѣ седьмой статьи его законопроекта о высшемъ образованіи. Гораздо опредѣленнѣе Ваддингтона онъ утверждаетъ, что щекотливый вопросъ объ очищеніи служебнаго персонала получить вполне желательное для страны разрѣшеніе, и что принятое къ свѣденію предложеніе Буассе нисколько не противорѣчитъ правительственному законопроекту относительно магистратуры. Правительство озабочено и вопросомъ о жандармеріи, а относительно офицеровъ территоріальной арміи оно уже отчасти показало, а вскорѣ внесеніемъ новаго необходимаго закона докажетъ весьма опредѣленно, что оно въ этомъ смыслѣ не намѣрено оказывать никакихъ поблажекъ дерзости нѣкоторыхъ изъ офицеровъ этой арміи».

При послѣднихъ словахъ Ферри, съ конца первой скамейки изъ занимаемыхъ правыми—мѣсто, которое и въ Бурбонскомъ дворцѣ, какъ въ версальскомъ собраніи, занялъ Поль де-Кассанъ-

якъ—слышатся слова: «Скажите-ка это имъ самимъ и они бросятъ въ лицо вамъ свои эпюлеты». Президентъ Гамбетта требуетъ отъ дерзкаго депутата, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ, но Кассаньякъ своими объясненіями съ трибуны еще болѣе усиливаетъ оскорбленіе. Президентъ за это подчиняетъ его простой парламентской цензурѣ, съ уменьшеніемъ въ теченіи 15-ти дней на половину получаемаго имъ содержанія въ качествѣ депутата. Еслибы Кассаньякъ сталъ возражать противъ этого, то онъ подвергся бы временному удаленію съ засѣданій. Поэтому, онъ болѣе не протестуетъ, а министръ народнаго просвѣщенія получаетъ возможность спокойно окончить свою рѣчь подтвержденіемъ, что правительство «твердо рѣшилось осуществить все, что желаетъ національное большинство».

Отъ имени республиканской лѣвой говоритъ депутатъ Девесъ, который съ большимъ тактомъ заявляетъ, что недоразумѣніе между кабинетомъ и палатою должно разсѣяться, что объясненія двухъ министровъ такого характера, что они должны «разсѣять сомнѣнія и удовлетворить стремленіямъ большинства». Заявивъ, что онъ голосовалъ за полную амнистію, онъ думаетъ, однакожь, что изъ-за этого дѣла не слѣдуетъ въ настоящее время дѣлать кабинетскаго вопроса. Онъ находитъ, что и вообще нѣтъ достаточно серьезныхъ поводовъ къ неудовольствіямъ противъ настоящаго министерства, замѣнить которое было бы не легко. Страна требуетъ, по его словамъ, только того, чтобы министерство было столь же послѣдовательнымъ, какъ и большинство. Поэтому, онъ предлагаетъ слѣдующій мотивированный переходъ къ очередному порядку: «палата депутатовъ, выслушавъ объясненіе кабинета, убѣждена, что онъ твердо намѣренъ заставить уважать правительство республики и вполне довѣряетъ его энергіи, для отстраненія отъ исполненія общественныхъ должностей чиновниковъ, враждебныхъ существующимъ учрежденіямъ».

Флокэ считаетъ нужнымъ заявить снова отъ имени крайней лѣвой и республиканскаго союза, что если различныя фракціи республиканцевъ и не должны между собою расходиться, то тѣмъ не менѣе кабинетъ все-таки проявляетъ достойную всякаго сожалѣнія бездѣятельность, почему и не можетъ получить того полнаго и абсолютнаго довѣрія, какого требуетъ Ваддингтонъ. «Правительство этого требуетъ, говоритъ онъ:—мы же, съ своей стороны, требуемъ отъ него полнаго и абсолютнаго довѣрія къ демократіи и республикѣ». Тогда, пользующійся наибольшимъ довѣріемъ изъ министровъ, Леперь, опровергая обвиненія Флокэ и Бриссона, увѣряетъ своихъ недавнихъ друзей, что правительство сохраняетъ всё тѣ убѣжденія, съ какими оно приступило къ исполненію своихъ обязанностей. Онъ заклинаетъ республиканцевъ снова возстановить союзъ лѣвыхъ въ пользу кабинета.

Между тѣмъ, Алэнъ Тарже вноситъ новый мотивированный очередной переходъ такого рода: «Палата депутатовъ заявляетъ желаніе, чтобы кабинетъ обезпечилъ на будущее время осу-

ществленіе республиканскаго образа правленія, удаливъ отъ общественныхъ обязанностей лицъ, скомпрометированныхъ при прежнихъ правительствахъ, выказавъ энергическое сопротивленіе стремленіемъ клерикализма и принявъ на себя инициативу великихъ реформъ, ожидаемыхъ страной, въ особенности относительно судебнаго устройства».

Правительство не соглашается на такой очередной переходъ и принимаетъ переходъ Девеса, который и проходитъ при большинствѣ 221 голоса противъ 97. Послѣдняя цифра состоитъ изъ раялистовъ и имперіалистовъ, да изъ шести членовъ крайней лѣвой, не пользующихся извѣстностью, за исключеніемъ двухъ, Таландые и... Эмиля де-Жирардена! Большинство составляютъ 152 члена лѣвой, 37 лѣваго центра и 32 республиканскаго союза. За исключеніемъ отсутствующихъ депутатовъ, 201 депутатъ, по большей части изъ республиканцевъ, отстранились отъ голосованія.

II.

Конецъ экстраординарной сессіи и министерскій кризисъ.—Отставка министра Ле-Ройэ и его товарища.—Запросъ объ амнистіи 16 декабря.—Голосованіе довѣрія правительству.—Внесеніе доклада Жюль Ферри.—Греновскій епископъ.—Сенатскія бюджетныя пренія.—Улаженіе несогласія между двумя палатами.—Оставленіе засѣданія военнымъ министромъ.—Конецъ министерства Ваддингтона.—Выборы въ Сенско-Уазскомъ и Воэвльскомъ округахъ.

Черезъ нѣсколько дней по составленіи бюро, палата назначила комиссію для разсмотрѣнія предложенія Буассе-Флоэз. Министръ юстиціи, въ качествѣ сенатора, въ выборѣ этой комиссіи не участвовалъ, товарищи же его, депутаты, воздержались отъ всякаго въ немъ участія, а нѣкоторые даже не появлялись въ бюро. Комиссіа составила изъ девяти сторонниковъ новой инвеституры, то есть принесенія присяги республикѣ, и отмѣны несмѣняемости судей, что дало бы возможность обновить весь судебный персоналъ.

Министръ Ле-Ройэ, несмотря на просьбу другихъ министровъ, тотчасъ же подалъ въ отставку отъ званія хранителя государственной печати и его примѣру послѣдовалъ и помощникъ государственнаго секретаря Гоблэ. Оба они, однако, согласились оставаться въ министерствѣ юстиціи, чтобы не прерывать теченія дѣлъ, до конца экстраординарной сессіи. Съ окончаніемъ же ея, кабинетъ было предположено измѣнить такимъ образомъ, чтобы онъ могъ ко дню открытія обыкновенной сессіи, ко второму вторнику будущаго января, представить правительственную программу. Тогда будетъ можно видѣть, совпадаетъ ли политика Гревя, отстраняющагося въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ отъ всякаго

заявленія какихъ-либо мѣбнй, съ современными желаніями и стремленіями страны, а также существуетъ ли парламентское большинство, довольно значительное и устойчивое для поддержанія умѣреннаго министерства, не дѣлающаго уступокъ ни правымъ, ни крайнимъ лѣвымъ. Еслибы такого большинства не оказалося, то произойдутъ такіе значительные парламентскіе кризисы, которые, въ концѣ концовъ, приведутъ къ возникновенію министерства Гамбетты и къ распущенію палаты.

Между тѣмъ, расколъ въ средѣ 363, обнаружившійся 4 декабря, подтвердился и выразился еще рѣзче по вопросу объ амнистии, внесенному въ палату депутатами Локруа и Клемансо.

Еще въ концѣ ноября, хранитель государственной печати опубликовалъ въ «Официальномъ журналѣ» свой докладъ президенту республики о примѣненіи къ коммунарамъ закона 3 марта 1879 года, дѣйствіе котораго, какъ извѣстно, продолжалось только три мѣсяца. Министръ заявляетъ, что изъ 4,311 осужденныхъ, до которыхъ относился законъ, онъ, изслѣдовавъ судебные протоколы, совершенно освободилъ отъ наказанія или возвратилъ изъ изгнанія 3,113 человекъ, а 203 облегчилъ наказаніе, такъ что легальною амнистіей не воспользовалось только 1,198 человекъ. Но послѣ 5 іюня, при новомъ пересмотрѣ протоколовъ, было произведено 368 новыхъ прощеній (не амнистійныхъ) и 209 новыхъ смягченій наказаній. Такимъ образомъ, осужденныхъ, непомилованныхъ остается 830, и въ томъ числѣ осужденныхъ заочно 276 человекъ. Изъ этого числа, за исключеніемъ категоріи преступниковъ, осужденныхъ вмѣстѣ и за обыкновенныя уголовныя преступленія, остается 65 человекъ членовъ коммуны, которые признаны «неподлежащими прощенію, какъ главные виновники инсуррекцій» и 51 человекъ, исключеніе которыхъ мотивируется политическими причинами, такъ какъ они протестовали противъ самой амнистии или, проживая за-границей, выказывали явную враждебность къ существующему правительству. Объяснивъ такимъ образомъ свою точку зрѣнія на политическое значеніе исключенія изъ числа помилованныхъ этихъ лицъ, Ле-Ройэ заканчивалъ свой докладъ заявленіемъ, что полученные результаты громко свидѣтельствуютъ о либеральномъ духѣ, въ которомъ произведено примѣненіе закона, и что правительство, «еслибы оно пошло еще далѣе, превысило бы желаніе большинства, голосовавшаго законъ 5 мая».

Еслибы гг. Локруа и Клемансо захотѣли ограничиться въ своихъ запросахъ только критикой этого доклада, то они и тутъ нашли бы для себя богатый матеріалъ. Такъ число изъятыхъ отъ амнистійныхъ помилованій составляетъ не 830, а 1,407, какъ доказалъ это Клемансо. Такъ помилованіе Эмбера, какъ вскользь замѣтилъ Локруа, не объяснимо съ точки зрѣнія доклада. Такъ и самыя категоріи хранителя государственной печати достаточно произвольны. Еслибы авторы запроса ограничили его протестомъ на неправильность примѣненія закона, то они, конечно, привлекли

бы на свою сторону нѣкоторое число членовъ республиканскаго союза и лѣвой республиканской, и могли бы добиться какъ нѣсколькихъ новыхъ простыхъ прощень, такъ, можетъ быть, и новаго трехмѣсячнаго срока для продолженія закона объ амнистійныхъ помилованіяхъ. Но Локруа, съ обычною своею искренностью и горячностью, напалъ въ своемъ запросѣ не на Ле-Ройэ, «который уже, какъ министръ, не существуетъ», но на весь кабинетъ, еще пользующійся довѣріемъ «почти половины палаты», и на самый «удоборастяжимый законъ», который предоставлялъ правительству возможность по произволу обратить амнистию въ «полную или въ крайне ограниченную». Вслѣдъ затѣмъ, онъ указалъ палатѣ, что лица, неподпавшія амнистіи, должны за границей потерять всякую работу, такъ какъ на нихъ тамъ могутъ смотрѣть какъ на неамнистированныхъ, вслѣдствіе того, что ими совершены какія либо обыкновенныя уголовныя преступленія. Съ другой стороны, ораторъ настаиваетъ на неволности правительства, которое, устраняя отъ амнистіи такихъ лицъ, какъ Артуръ Арну и Анри Рошфоръ, въ качествѣ «возможныхъ кандидатовъ», вызвало этимъ самымъ кандидатуры Бланки и Эмбера. «Нѣкоторыхъ изгнанниковъ, сказалъ онъ:—правительство лишаетъ амнистіи за рѣзкость ихъ выраженія, за ихъ желчность и честолюбіе, за то, что они говорятъ и пишутъ. Оно такимъ образомъ, до амнистіи, требуетъ отъ нихъ того, чего могло бы требовать уже отъ амнистированныхъ». Такую претензію Локруа осмѣиваетъ, видоизмѣняя извѣстную фразу изъ «Свадьбы Фигаро»: «Но вы требуете, господа, такихъ качествъ отъ членовъ коммуны, какія едвали встрѣтите во многихъ министрахъ!» Онъ настаиваетъ потомъ на той разницѣ, съ какою правительство отнеслось къ лицамъ 16 мая и 18 марта и находитъ, что «Франція все еще находится подъ управленіемъ, нисколько не отличающимся отъ прежнихъ правительствъ, такъ какъ оно милосердно къ сильнымъ и безпощадно къ слабымъ». Онъ упрекаетъ правительство въ его постоянной заботѣ, *какъ бы не раздражить своихъ противниковъ*, говоря: «ви никогда не старались удовлетворить вашихъ друзей и ваша республика какъ бы постоянно *проеитъ у васъ прощенья въ томъ, что она республика*».

Ле-Ройэ, хотя вышедшій въ отставку, отвѣчаетъ на запросъ и слова его сопровождаются одобреніемъ его бывшихъ товарищей по министерству: когда же Клемансо, по поводу обвиненія Ле-Ройэ крайней лѣвой въ «праздныхъ агитаціяхъ», восклицаетъ: «Мы дѣлаемъ запросъ всему министерству, а не г. Ле-Ройэ», то Жюль Ферри весьма быстро отвѣчаетъ ему отъ имени всей министерской скамьи: «Мы всѣ такого же мнѣнія». Едва окончили свою рѣчь Ле-Ройэ, какъ на трибуну вошелъ Клемансо. Онъ съ безпощадной логикой продолжалъ защиту лицъ, на которыхъ не распространилась амнистія и въ особенности членовъ коммуны. Сравнивая отношеніе правительства къ герцогу Омальскому съ отношеніемъ его къ Рошфору, онъ замѣтилъ, что гг. Гриви и

Ферри, повидимому, не избѣжали той участи, которой такъ опасались въ 1869 и въ 1871 годахъ, т. е. участи сдѣлаться или «одураченными или сообщниками» относительно орлеанизма. На обвиненіе цѣлой категоріи изгнанниковъ въ озлобленіи противъ правительства, онъ отвѣчаетъ такимъ замѣчаніемъ: «Министры желаютъ, чтобы страна забыла ужасы коммуны, но они не допускаютъ и мысли, чтобы подвергавшіеся ужасамъ репрессій осмѣливались объ нихъ помнить».

Эти слова возбуждаютъ цѣлую бурю, но Гамбетта водворяетъ спокойствіе и заявляетъ, къ неудовольствію центра, что «до тѣхъ поръ, пока онъ на предсѣдательскомъ креслѣ, онъ предоставляетъ возможность всѣмъ высказываться, считая свободу слова одинаковымъ правомъ всѣхъ депутатовъ». Клемансо продолжаетъ: «Пора перестать связывать политику съ прошедшимъ, пора принимать во вниманіе и будущее. Почему же тѣ лица, которыя не боялись амнистировать дѣятелей 16-го мая, такъ опасаются какой-нибудь сотни лицъ 18-го марта? Или съ слабыми необходимо казаться очень сильными, а съ сильными быть очень слабыми?.. Для чего нужно выказывать такъ много милосердія относительно вожаковъ, хладнокровно обдумывающихъ и подготовляющихъ междоусобіе, и къ чему нужна такая жестокость относительно лицъ, которыя уже тяжело заплатились за ошибки?» Ораторъ напоминаетъ, какъ при первой республикѣ были скоро прощены Шуаны, пытавшіеся предать Францію англичанамъ, и находить, что третьей республикѣ предстояло амнистировать несравненно меньшее преступленіе. Находя, что даже 7-я статья законопроекта Ферри, «эта кульминационная точка смѣлости настоящаго кабинета, еслибы и могла казаться радикальной для Карла X, то не казалась бы такой при Людовикѣ XV», Клемансо хочетъ установить, что вся республиканская дѣятельность перваго республиканскаго министерства была въ самомъ корнѣ подрѣзана именно его нерѣшительностью въ вопросѣ о полной амнистіи для республиканцевъ. Амнистія дѣятелей 16-го февраля, съ другой стороны, воспрепятствовала очищенію административнаго персонала; главные коноводы этого движенія остались въ сенатѣ и палатѣ, какъ же думать объ изгнаніи со службы ихъ сообщниковъ? Какъ бы для того, чтобы пригласить все министерство послѣдовать примѣру Ле-Ройэ, онъ приводитъ слова Дюфора, отказавшагося принять въ свои руки управленіе при назначеніи президентомъ Греви: «При новомъ положеніи нужны и новые люди».

Только крайняя лѣвая апплодировала такому окончанію рѣчи; правая же только иронически улыбалась. И въ этотъ день также министерство оказалось бы въ меньшинствѣ, еслибы имперіалисты и монархисты одобрили очередной порядокъ, представленный Флокэ и Клемансо, которымъ заявлялось сожалѣніе, что «министерство не произвело болѣе справедливаго примѣненія на практикѣ закона объ амнистіи. Поль-де-Кассаньякъ къ этому и скло-

наль своихъ товарищей, но Руэръ ему противодѣйствовалъ. Правые предложили простой очередной переходъ, къ которому присоединился и Клемансо, правительство же отвергло его; за него оказалось только 108 голосовъ, а противъ 246. При второй баллотировкѣ представленъ былъ республиканской лѣвой очередной переходъ съ заявленіемъ правительству довѣрія, и число сторонниковъ общей амнистіи было низведено къ 55 голосовъ. Но за то и правительство получило только 284 голоса. Тѣмъ не менѣе, это большинство все-таки оказалось на 13 голосовъ больше большинства 4-го декабря, хотя и его нельзя назвать солиднымъ большинствомъ, на которое можно было бы опереться, такъ какъ оно менѣе половины общаго числа членовъ палаты, которыхъ 539. Республиканскій союзъ, впрочемъ, почти во всемъ составѣ своемъ, отстранившійся отъ голосованій, навѣрное, присоединился бы къ правительству, еслибы оно пользовалось благо-расположеніемъ Гамбетты, и въ особенности, еслибы можно было надѣяться, что оно сумѣетъ образовать въ сенатѣ анти-клерикальное большинство при голосованіи 7-й статьи законопроекта Ферри.

Такъ долго ожидаемый докладъ Жюля Симона объ этомъ законопроектѣ былъ, наконецъ, внесенъ въ сенатъ, и хотя не былъ прочитанъ, а только розданъ сенаторамъ, но тотчасъ же появился въ печати и подвергся обсужденію въ журналистикѣ. Составленъ онъ мастерски и въ немъ тщательно подобраны всѣ мнѣнія, какія только высказывались противъ 7-й статьи. Мы будемъ объ немъ говорить, когда въ сенатѣ произойдутъ пренія по поводу этого законопроекта, то-есть въ январѣ 1880 года. Тогда исходъ дѣла, впрочемъ, будетъ зависѣть скорѣе отъ положенія правительства, нежели отъ аргументаціи краснорѣчиваго ученика Виктора Кузена. Если министерство окажется, дѣйствительно, анти-клерикальнымъ, то всѣ возраженія Жюля Симона приведутъ только къ тому, что къ духовенству будутъ приложены во всей строгости существующіе законы, а недозволенные конгрегаціи подвергнутся рѣшительному запрещенію и церковь будетъ приведена въ подчиненіе государству. Небольшой шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ правительствомъ и теперь относительно гренобльскаго епископа, котораго государственный совѣтъ объявилъ декретомъ виновнымъ въ злоупотребленіи власти, такъ какъ онъ позволилъ себѣ примѣнять папскій декретъ, неодобренный предварительно правительствомъ. Въ рѣшеніи государственнаго совѣта упоминается, что, на основаніи наполеоновскаго конкордата, буквально списаннаго съ конкордата Франциска I, «никакая бумага, грамота, рескриптъ, декретъ, приказъ, духовное распоряженіе и никакая другая мѣра римской куріи не можетъ быть приводима въ исполненіе безъ предварительнаго правительственнаго разрѣшенія». И хотя обвиненіе въ злоупотребленіи не ведетъ за собой никакого наказанія, но оно служитъ духовенству какъ бы предостереженіемъ, что противъ его неповиновенія правительство, наконецъ, приметъ и болѣе существенныя мѣры.

Я говорилъ вамъ въ прошломъ письмѣ о предложеніи Рока, вотъ его дальнѣйшіе результаты: муниципальный совѣтъ отвергнулъ въ парижскомъ бюджетѣ на 1880 годъ расходы на поддержку духовенства и, кромѣ того, выразилъ желаніе, чтобы городскія помѣщенія, уступленныя въ пользованіе духовныхъ орденовъ, были возвращены общинамъ; наконецъ, онъ просилъ сенсваго префекта озаботиться очищеніемъ двухъ значительныхъ зданій, изъ когорыхъ одно занято братствомъ христіанскихъ школъ, а другое корпораціею сестеръ Поля Сень-Винченца и годовая сумма найма которыхъ составляетъ около 30,000 франковъ. Предложеніе это было голосовано 32 совѣтниками, изъ числа 80 членовъ совѣта; только 6 изъ нихъ голосовали противъ предложенія, 15 отстранились изъ голосованія, а остальные не присутствовали въ засѣданіи. Префектъ Герольдъ, хотя и другъ автора предложенія и вполнѣ раздѣляетъ его антиклерикальныя мнѣнія, протестовалъ, однакоже, противъ такого постановленія во имя закона, дѣлающаго для общинъ обязательной нѣкоторую часть издержекъ на духовенство, также какъ и на народное образованіе. Такимъ образомъ, неизвѣстно будетъ ли постановленіе это кассировано министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но важно уже и то, что парижскій совѣтъ далъ этимъ какъ бы примѣръ муниципалитетамъ другихъ большихъ городовъ Франціи. Это какъ бы начало общей муниципальной агитаціи и приведетъ неизбѣжно къ тому, что въ палатѣ будетъ снова поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ бюджета исповѣданій и о полной религіозной свободѣ.

Сенатъ менѣе, чѣмъ въ 8 засѣданій, рассмотрѣлъ общій государственный бюджетъ, утвержденный палатою еще до парламентскихъ вакацій. По этому бюджету на 1880 годъ предположено: на общіе расходы 2.756,000, а на расходы экстраординарные 561 милліонъ, или всего 3 миллиарда, 317 милліоновъ. Къ этому надо еще прибавить, чтобы имѣть понятіе объ общей суммѣ налоговъ, 406 милліоновъ на расходы по департаментамъ и общинамъ, и различныя частныя пошлины, въ родѣ, напримѣръ, городскихъ сборовъ съ провизіи, которые всѣ вмѣстѣ исчисляются въ 1,334 милліона, такъ что общая сумма, взимаемая съ плательщиковъ, достигаетъ громадной цифры 5 миллиардовъ.

Не чудо ли, что французскій народъ нетолько выносить страшную тяжесть такихъ громадныхъ налоговъ, но еще внесъ въ 1879 году на 140 милліоновъ болѣе противъ бюджетныхъ предположеній! Сенаторы, впрочемъ, не обсуждали значенія этихъ громадныхъ бюджетныхъ цифръ и все дѣло ограничилось тѣмъ, что нѣкоторые изъ членовъ праваго и лѣваго центра немножко поворчали противъ Лопера за громадность бюджета исповѣданій и противъ Ферри по поводу бюджета на народное просвѣщеніе. Въ концѣ концовъ, бюджетъ былъ отправленъ въ палату съ возстановленіемъ на сумму отъ 5 до 6 милліоновъ франковъ кредитовъ, находившихся въ первоначальномъ мини-

стерскомъ бюджетѣ и вычеркнутыхъ палатою депутатовъ. Тотчасъ же вслѣдъ за утвержденіемъ бюджета, Ваддингтонъ прочиталъ президентскій декретъ о закрытіи экстраординарной сессіи.

Тотъ же самый декретъ былъ прочитанъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ палатѣ депутатовъ, гдѣ онъ быстро прекратилъ довольно оживленныя пренія объ уничтоженіи должностей полковыхъ священниковъ. За какіе-нибудь полчаса до того, запросъ, обращенный къ военному министру Грелѣ по поводу сенатора Карайона-ля-Тура, принявшаго, по званію полковника территориальной арміи, участіе въ недавнихъ роялистскихъ демонстраціяхъ, заставилъ министра взойти на трибуну. «Я не одобряю и не извиняю, вскричалъ онъ съ сильнымъ раздраженіемъ: — тѣхъ офицеровъ территориальной арміи, которые участвовали на легитимистскихъ банкетахъ въ Бордо, или гдѣ бы то ни было... я подвергнулъ почти всѣхъ ихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, находившимся въ моей власти: я лишилъ ихъ званія... Но такъ какъ г. Карайону-ля-Туру надлежало быть лишеннымъ еще званія мэра, то я передалъ дѣло объ немъ слѣдственному совѣту. Затѣмъ, слѣдственный совѣтъ выразилъ противоположное моему мнѣнію и я не захотѣлъ идти дальше... Я, впрочемъ, принимаю на себя за это всякую отвѣтственность. Что же касается до того, чтобы я перерѣшилъ снова это дѣло, то я никогда на это не соглашусь!» Послѣ этихъ словъ, министръ захватываетъ свой портфель, забытый на скамьѣ, и внезапно покидаетъ зало собранія. Происходитъ общее недоумѣніе, которое еще умышленно старается усилить клерикалъ Келлеръ; но министръ торговли Тираръ, весьма горячій ораторъ, старается выгородить военнаго министра, и требуетъ отъ имени правительства простого очереднаго перехода, который проходитъ при 240 голосахъ противъ 163. Это голосованіе 20-го декабря еще менѣе побѣдоносно для правительства, чѣмъ голосованіе 4 и 16, такъ какъ въ этомъ случаѣ большинство состоитъ только изъ 126 республиканцевъ и изъ 118 роялистовъ и имперіалистовъ. Но теперь это уже не представляетъ важности, такъ какъ сессія окончилась, всѣ министры подали въ отставку.

21-го декабря должны были быть произведены 2 депутатскихъ выбора. Въ Версалѣ прошелъ нѣсколько противъ желанья Гамбеты умѣренный кандидатъ, профессоръ исторіи Маза. Но въ Оранжѣ происходила весьма ожесточенная борьба между извѣстными читателямъ Эмберомъ и Жантомъ, потерявшимъ свое депутатское мѣсто изъ-за неудачнаго назначенія губернаторомъ Мартиники. Можно было опасаться, что мѣстныя бонапартисты и легитимисты, возбужденные Полемъ-де-Кассаньякомъ, доставятъ успѣхъ Эмберу. Но, благодаря личному прибытію въ округъ Мады де-Монжо, Жантъ получилъ снова свое мѣсто въ палатѣ.

III.

Наша общественная и международная благотворительность. — Жестокость зимы. — Борьба Парижа со снѣгомъ. — Частная и правительственная помощь нуждающимся. — Бѣдствіе въ Испаніи и помощь французовъ. — Ночной праздникъ 19-е декабря: Фестиваль и базаръ. — Исполненіе «Взятія Трон» Берліоза на концертахъ Паделу и Коллонна. — Международная литературная ассоціація.

Давно уже Франція не испытывала такой жестокой и суровой зимы, какую пришлось ей вынести въ настоящемъ году. Стужа въ самомъ Парижѣ несравненно жесточе, чѣмъ въ грозный годъ послѣдней осады и развѣ только въ зимы 1788—89 годовъ термометръ такъ сильно опускался ниже нуля. Въ окрестностяхъ Парижа почти постоянно стоятъ 20-ти градусные морозы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ морозъ доходилъ нѣсколько разъ до 30-ти градусовъ. Вамъ, привычнымъ къ стужѣ, трудно и отгадать, какъ мы страшно страдаемъ отъ такого холода, не зная условій нашей жизни, гдѣ ничего не принаровлено для встрѣчи сильнаго холода. Въ нашихъ домахъ нѣтъ ни хорошихъ печей, ни двойныхъ рамъ у оконъ; сани и экипажи на полозьяхъ только еще начинаютъ вводиться въ употребленіе и громадному большинству обывателей приходится еще учиться ходить по намерзшему льду.

Снѣжныя массы, покрывшія сплошнымъ саваномъ всю поверхность Франціи, за исключеніемъ прибрежій Средиземнаго моря и подошвы Пиренеевъ, въ Парижѣ причинили совершенный переворотъ въ обычныхъ условіяхъ нашего существованія. Когда послѣ обильнаго снѣга, не произошло, черезъ нѣсколько дней, какъ это обыкновенно бываетъ, оттепели, то необходимо было употребить болѣе недѣли, чтобы очистить отъ снѣга хотя главнѣйшія изъ улицъ. Муниципальный совѣтъ долженъ былъ ассигновать болѣе, чѣмъ на 2 милліона, сверхъ-сметнаго кредита, для очищенія улицъ; но и въ двѣ недѣли непрерывнаго труда, трудно было достигнуть вполнѣ благопріятныхъ результатовъ. Вообще нашими регламентами была упущена изъ виду возможность продолжительной стужи, а когда она пришла, то оказалось, что шоссе нашихъ улицъ, попеченіе о которыхъ лежитъ на муниципальномъ совѣтѣ, находятся въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, а съ домохозяевъ и хозяевъ магазиновъ, на обязанности которыхъ наблюденіе за тротуарами, нельзя слѣдовательно и взыскивать. Такимъ образомъ, въ теченіи весьма продолжительнаго времени, всякія общественныя сношенія были у насъ насильственно прерваны; большая часть театровъ была закрыта, изъ экипажей выѣзжала едвали одна четверть, да и то лошади безпрестанно падали и ломали себѣ ноги, а ушибовъ и увѣчій за это время и не перечесть! Еще буржуазія, хорошо питающаяся и имѣющая воз-

возможность хотъ нѣсколько отогрѣваться, если не у себя въ домахъ, то въ кафе и ресторонахъ, могла съ грѣхомъ пополамъ переносить всѣ эти бѣды, но весь ужасъ зимы обрушился на рабочихъ, такъ какъ прекращеніе значительныхъ работъ, вмѣстѣ со стужей, обострило ихъ нужды до степени страшнаго бѣдствія. Состоятельные классы общества, къ чести своей, вполне поняли свою обязанность. Всѣ лица и учрежденія, безъ различія партій, съ одинаковымъ рвеніемъ отдались дѣлу благотворительности. Въ «Фигаро», еще въ началѣ зимы, когда причиненныхъ ею бѣдствій никто еще не могъ предвидѣть, была уже открыта подписка въ пользу бѣдныхъ и немощныхъ. На этотъ разъ, клерикалы и преимущественно дамы особенно щедро жертвовали съ тенденціозными цѣлями, но когда начались неожиданныя бѣдствія, то это оказалось весьма кстати. Республиканскія газеты тотчасъ же тоже открыли у себя подписки, и изъ демократическихъ су и франковъ у нихъ скоро образовались такія же сотни тысячъ франковъ, какъ у «Фигаро» изъ лудировъ. Радикальный парижскій муниципальный совѣтъ, ежегодно выдающій миллионную субвенцію на общественное благотвореніе, ассигновалъ еще сверхъ-сметно 500,000 франковъ. Примѣру его послѣдовали и всѣ другіе республиканскіе муниципалитеты большихъ городовъ Франціи. Благотворительныя бюро, преобразованныя, согласно новому закону, передавшему ихъ административному управленію свѣтской власти, получаютъ вездѣ обильныя пожертвованія отъ достаточныхъ обывателей. Палаты немедленно втировали въ распоряженіе правительства 5 миллионъ франковъ. Рабочимъ, оставшимся безъ работы, поручена была считая снѣга по всѣмъ дорогамъ Франціи. Предпринимателямъ общественныхъ работъ было предложено не закрывать мастерскихъ повсюду, гдѣ это только возможно, и открывать новыя вездѣ, гдѣ состояніе температуры и освобожденіе дорогъ отъ снѣга это позволить. Короче, благотворительность въ этотъ разъ приняла такіе обширные размѣры, какихъ никогда еще не представляла, и притомъ носитъ характеръ совершенно братской помощи. Сплідарности въ несчастіи парижане, впрочемъ, выучились еще во время послѣдней осады; это же событіе дало нѣсколько практическихъ указаній, какъ и чѣмъ лучше помогать. По примѣру «грознаго года», мы и теперь построили повсюду экономическіе очаги и открыли бюро для даровой раздачи дровъ и каменнаго угля. Достаточные люди выкупаютъ заложенные бѣдняками въ Mont de piété тюфяки и одѣяла. Открыто нѣсколько новыхъ ночлежныхъ домовъ; на площадяхъ и перекресткахъ большихъ улицъ постоянно горятъ костры, у которыхъ хотя нѣсколько согрѣваются обязанные быть на улицахъ городскіе сержанты, кучера, посыльные и т. д. Однимъ словомъ, если побѣдить стужу внѣ человѣческой возможности, то Парижъ счумѣлъ на столько облегчить бѣдствія, вызванныя ею, что бѣдняки, наконецъ перестали испытывать тѣ ужасы и лишенія, какимъ подверга-

лись въ первые дни по наступленіи морозовъ, и теперь едва ли нуждаются сильнѣе, чѣмъ въ каждую обыкновенную зиму.

Какъ извѣстно, въ половинѣ октября, въ Испаніи былъ разрушенъ наводненіемъ городъ Мурсіа, подобно тому, какъ въ Венгріи передъ тѣмъ погибъ Сегединъ. «Gaulois» еще осенью приглашалъ публику устроить въ пользу пострадавшихъ мурсійцевъ праздникъ, такой же, какъ былъ устроенъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ въ пользу жителей Сегедина. Къ идеѣ этой присоединились всѣ газеты, безъ различія мнѣній, и для организаціи праздника составилъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ редактора агентства Гавасъ, куда вошли членами редакторы «Вольтера», «Фигаро», «Официальнаго журнала» и т. д. Организація праздника приходила уже къ концу, какъ вдругъ пришла наша личная бѣда, въ видѣ непомѣрной стужи; тогда комитетъ рѣшилъ, чтобы суммы, какія доставить этотъ праздникъ, раздѣлить поровну между Испаніей и Франціей, и, для усиленія ихъ, просить разрѣшенія на устройство благотворительной лотереи. Лотерея эта задумана на 4 милліона франковъ. Испанія приняла съ восторгомъ и благодарностію это выраженіе братскаго сочувствія Франціи, и во всѣхъ большихъ городахъ, въ Мурсіи, Сарагоссѣ, Севиліи и Барселонѣ произведены были сочувственныя демонстраціи, при крикахъ: «Да здравствуетъ Французская республика!» Въ самый день праздника предполагалось въ Мадридѣ устроить французскому посольству колоссальную серенаду, но реакціонный министръ Кановасъ дель Кастильо, испугался народной манифестаціи и запретилъ ее въ самую послѣднюю минуту. Запрещеніе это, впрочемъ, не послужило ни къ чему, такъ какъ на слѣдующій же день населеніе все-таки устроило серенаду; но въ Парижѣ еще до начала праздника была получена уже телеграмма о странномъ распоряженіи Кановаса, и вотъ почему ни Гревъ, ни Гамбетта и никто изъ министерства, сенаторовъ и депутатовъ не позволилъ себѣ явиться на праздникъ, хотя всѣ приобрѣли себѣ заранѣе, за дорогую цѣну, мѣста. На генеральной репетиціи праздника, за восемь дней до того, нѣкоторые реакціонеры изъ публики позволили себѣ освищать «Марсельезу», исполнявшуюся испанскими гитаристами. Послѣ случая въ Мадридѣ, появленіе на праздникъ республиканскихъ коноводовъ могло бы вызвать бурныя политическія манифестаціи. Такимъ образомъ, мурсійско-парижскій праздникъ принялъ совершенно частный характеръ народнаго гулянья, чему не помѣшало даже присутствіе на немъ экс-королевы Изабеллы, для которой ея льстецы устроили подобіе какого-то трона.

Арена ипподрома была отлично декорирована и представляла собой какъ бы цѣлый испанскій городъ въ миниатюрѣ; на сценѣ, во всѣхъ комнатахъ и даже конюшняхъ ипподрома были устроены циркъ, сельскій балъ и ресторанъ, съ отдѣльными боскетами, такъ что все вмѣстѣ представляло собою какъ бы ярмарку подъ крышей, въ тепломъ и удобномъ по-

*

мѣщеніи, гдѣ свободно гуляло болѣе 8-ми тысячъ мужчинъ во фракахъ, и дамъ въ бальныхъ нарядахъ. Фестиваль, продолжавшійся съ 10-ти часовъ до полуночи, въ сожалѣнію, въ музыкальномъ отношеніи не представлялъ интереса; весьма оригинальный венгерскій маршъ и новая музыкальная концертная пѣса Ашара, исполненная разомъ на 16-ти рояляхъ, совершенно не были слышны—такъ громадны размѣры зданія и такъ значителенъ былъ гулъ отъ говора публики. Увертюра «Нѣмой изъ Портичи», исполненная двумя-стами музыкантовъ оркестра Метра, и «Вильгельмъ Тель», исполнявшійся оркестромъ республиканской гвардіи, были чуть слышны. Только тѣ музыкальные пьесы и можно было разслушать, которыя, вмѣстѣ съ оркестрами, исполняли хористы Большой Оперы и консерваторіи. Особенный успѣхъ на праздникѣ имѣла народная испанская процессія de Los Totos, во главѣ которой шли нарочно присланные изъ Испаніи оркестры артиллерійскій и инженерный. Сопровождали процессію верховые испанскіе альгвазилы и жандармы, въ полной парадной формѣ. Понравился публикѣ также и фантастическій танецъ, въ родѣ фарандолы, исполненный всѣми тинцовщицами кордебалета, какихъ только можно было добыть въ Парижѣ. Послѣ фестиваля началась ярмарка, гдѣ множество дамъ почти насильно заставляли публику покупать различныя мелочи, по баснословнымъ цѣнамъ, въ пользу бѣдныхъ. Редакціей газеты «La Vie Moderne» былъ устроенъ особенный богатый и изящный павильонъ, въ которомъ г-жа Сара Бернаръ, въ бѣломъ бархатномъ платьѣ, и г-жа Біанка—въ розовомъ, окруженныя всѣми нашими художественными знаменитостями, продавали съ аукціона росписныя тамбурины, которые покупались на расхватъ, за цѣну отъ 200 до 2,000 франковъ, и, несмотря на это, въ какіе-нибудь полтора часа весь ихъ запасъ былъ проданъ, такъ что пришлось продавать по той же цѣнѣ промессы на право заказа подобныхъ же тамбуриновъ. Г-жа Жюдикъ, одѣтая цыганкой, въ особомъ фургонѣ, въ какомъ цыганки обыкновенно появляются на ярмаркахъ, продавала билеты, съ предсказаніемъ будущаго, по 20-ти франковъ за каждый, для тѣхъ, кто довольствовался какой бы то ни было будущностью, и по 40—для тѣхъ, кто предъявлялъ претензію на будущее счастье. Г-жа Тео продавала бѣлокурныхъ куколъ, «маленькихъ Тео», говорящихъ, по ея словамъ, не хуже «Нана». Продащица народнаго напитка «коко» цѣдила желавшимъ бокалы шампанскаго, по 5-ти франковъ, а молодая швейцарка, въ шалашѣ которой мычала настоящая корова, подчивала публику молокомъ, по 3 франка за полъ-чаши. Въ обильно снабженномъ буфетѣ, украшенномъ цѣлою рощею пальмъ, за долго до окончанія праздника уже не оставалось никакой провизіи, и остатки хлѣба продавались съ аукціона. Тѣмъ же, кому удавалось основательно поужинать, очаровательныя дамы-прислужницы составляли такіе счеы и съ такими ошибками въ цѣнахъ, что многіе денежныя

люди замѣчали съ удивленіемъ, что у нихъ не хватаетъ денегъ для уплаты за ужинъ! Тогда имъ снисходительно, записавъ ихъ адресъ, позволяли производить доплату на слѣдующій день, но подъ непремѣннымъ условіемъ уплатить вдвое.

Такимъ образомъ, за продажу вещей и провизіи на праздникъ было получено болѣе 100 тысячъ франковъ. Входная плата дала тоже 100 тысячъ. За продажу же номеровъ особаго иллюстрированнаго изданія «Парижъ-Мурсія» собрано 300,000 франковъ. Объ изданіи этомъ я не стану распространяться, такъ какъ оно уже, конечно, получено у васъ въ Петербургѣ и вы знаете, что оно составлено почти все изъ рисунковъ художественныхъ свѣтилъ и автографовъ знаменитостей всего міра. Теперь остается еще томбола, а послѣ томболы будетъ разыгрываться четырехмилліонная лотерея. Всѣ украшенія ипподрома остались до сихъ поръ въ неприкосновенномъ видѣ, такъ какъ въ немъ предполагается дать два народныхъ праздника по случаю Рождества и Новаго года и балъ въ сочельникъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ ожидать, что какъ на долю Франціи, такъ и на долю Испаніи очистится болѣе, чѣмъ по два милліона франковъ.

Театральныхъ новостей, т. е. такихъ, по крайней мѣрѣ, о которыхъ стоило бы говорить, почти нѣтъ, но въ настоящемъ случаѣ оно и совершенно понятно, такъ какъ изъ-за стужи чуть не всѣ театры болѣе двухъ недѣль были закрыты; упомяну только объ одноактной комедіи въ стихахъ Франсиска Коппе, шедшей съ большимъ успѣхомъ на сценѣ театра «Одеонъ»: «Сокровище»; да не могу также умолчать о послѣднемъ превращеніи Оффенбаха, который на слова гг. Шиво и Дарю написалъ новую оперетку «Дочь тамбурмажора» для театра Folies dramatiques. Оперетка эта не представляла бы ничего особеннаго, такъ какъ она только сколокъ съ извѣстной «Дочери полка» Доницети, но дѣло въ томъ, что Оффенбахъ съумѣлъ въ ней польстить инстинктамъ республиканской публики точно такъ же, какъ онъ не стѣснился бы польстить двору при имперіи. Комическая опера Даницети кончается весьма красивымъ хоромъ въ честь Франціи, а Оффенбахъ, въ свою очередь, помѣстилъ въ финалъ своей оперетки ни больше, ни меньше, какъ *Chant du départ* Мегюля. Этимъ онъ сразу убилъ двухъ зайцевъ: создалъ новый родъ оперетки, такъ сказать, республиканско-патріотическій, и завоевалъ себѣ новыя лавры со стороны впечатлительной, но не особенно разборчивой въ своихъ симпатіяхъ демократической публики.

Отсутствіе театральныхъ новостей не значитъ еще отсутствіе новостей музыкальных. Въ мірѣ звуковъ настоящимъ событіемъ было исполненіе на концертахъ Паделу и Коллона «Взятія Трои» Берлиоза. Нѣсколько воскресеній сряду оба громадныя помѣщенія этихъ концертовъ были полны публикой, да и впереди предстоитъ, вѣроятно, еще нѣсколько такихъ же многлюдныхъ концертовъ: такъ вырастаетъ въ Парижѣ со дня на день число почитателей великаго композитора, которому надо было умереть,

чтобы гений его был признанъ. Исполненіе далеко отъ совершенства какъ въ театрѣ Шатлѣ, такъ и въ Зимнемъ Циркѣ: въ послѣднемъ солисты, пожалуй, нѣсколько удовлетворительнѣе, чѣмъ въ первомъ, но оба оркестра и хоры производятъ въ обѣихъ залахъ громадное впечатлѣніе. А это главное для произведенія, хотя въ сущности и драматическаго, но обработаннаго не по театральному шаблону и врядъ ли исполнимаго на какой-либо изъ обыкновенныхъ сценъ, изъ которыхъ ни одна недостаточно велика для того, чтобы на ней могли фигурировать цѣлыя народы, играющіе въ произведеніи роль, подобно тому, какъ это было принято въ трагедіяхъ у древнихъ. Чтобы согласиться съ этимъ, довольно вспомнить неуспѣхъ «Троянецъ въ Карагенѣ», хотя и блистательно поставленныхъ на сценѣ прежняго Лирическаго театра: въ нихъ были произведены безбожные купюры, приводившія въ совершенное отчаяніе автора, и все-таки даже въ такомъ обезображенномъ видѣ они не выдержали и 20-ти представлений, производя утомленіе въ публикѣ временъ имперіи, увлекавшейся въ то время безшабашной музыкой герцогини Герольштейнской. Наблюдая, въ продолженіи послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, какъ быстро растетъ съ каждымъ днемъ слава и популярность нѣкогда непонятаго Берліоза, я нисколько не сомнѣваюсь, что великая лирическая трагедія, заимствованная Берліозомъ изъ Энеиды, будетъ у насъ поставлена и на сценѣ Большой Оперы, причеи партіи Кассандры и Дидоны будутъ поручены какимъ-нибудь знаменитымъ пѣвицамъ; но будетъ ли она и при такой обстановкѣ имѣть тотъ успѣхъ, какаго вполне заслуживаетъ—это впередъ рѣшить очень трудно. Во всякомъ случаѣ, дѣло надлежитъ подвергнуть испытанію.

«Взятіе Трои» при жизни Берліоза было издано, но оно никогда еще и нигдѣ не исполнялось. Первоначально оно было написано въ родѣ пролога въ трехъ картинахъ и композиторъ только въ послѣдствіи развилъ этотъ прологъ въ цѣльное и законченное произведеніе въ трехъ актахъ, исполненіе котораго занимаетъ болѣе двухъ часовъ. Все произведеніе проникнуто отъ первой ноты до послѣдняго звука единствомъ высокаго вдохновенія, и чѣмъ болѣе въ него вслушиваешься, чѣмъ внимательнѣе изучаешь, тѣмъ осязательнѣе убѣждаешься, что это шедевръ, какихъ немного. Берліозъ самъ составилъ для него поэму и превосходно діалоговалаъ рассказы Вергилія.

Два литературныхъ международныхъ конгресса, изъ которыхъ первый происходилъ въ Парижѣ на всемирной выставкѣ, а второй въ Лондонѣ въ іюнѣ настоящаго года, обусловили учрежденіе международной литературной ассоціаціи, нанявшей для себя помѣщеніе въ Парижѣ, въ улицѣ Вивьенъ (51), и начинающей приобрѣтать такое значеніе, что я долженъ вамъ на нее указать. Почетнымъ ея предсѣдателемъ выбранъ Викторъ Гюго, а дѣйствительными предсѣдателями на сессію 1879—1880 г. избраны гг. Торесъ Калгеро, полномоченный министръ Санъ-Сальвадора

и Шьеръ-Закоме, известный популярный романистъ. 14 различныхъ націй имѣютъ своихъ представителей въ почетномъ комитетѣ. Такъ, представителями Россіи въ немъ считаются гг. Феодоръ Достоевскій, графъ Левъ Толстой и Иванъ Тургеневъ. Исполнительный комитетъ раздѣленъ на 20 фракцій и со стороны Россіи въ немъ находятся гг. Вырубовъ (въ Парижѣ), Турнеръ (въ Петербургѣ) и Ковалевскій (въ Москвѣ). Я, впрочемъ, не думаю, чтобы эта ассоціація могла имѣть у васъ какое-нибудь особенное значеніе, такъ какъ ваши законы литературной собственности представляютъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ остальной Европѣ, но все-таки передаю вамъ все нижеслѣдующее къ свѣдѣнію.

Цѣль ассоціаціи была опредѣлена на засѣданіи конгресса въ Парижѣ 1878 года такимъ образомъ: «Защищать и распространять принципы международной литературной собственности». На основаніи общаго регламента, выработаннаго исполнительнымъ комитетомъ вотъ условія для вступленія въ члены. Членами ассоціаціи считаются всѣ тѣ, которые, соглашаясь подчиняться статутамъ, обязуются помогать осуществленію постановленій конгресса и доставлять всѣ свѣденія, могущія облегчить дѣятельность исполнительнаго комитета. Заявленіе о желаніи вступить въ члены ассоціаціи должно быть за подписью двухъ ея членовъ, оно поступаетъ въ комитетъ, который назначаетъ докладчика, долженствующаго представить о вступающемъ докладъ не позже двухъ недѣль. Выборъ производится закрытой баллотировкой простымъ большинствомъ голосовъ членовъ комитета. Члены ассоціаціи получаютъ всѣ печатныя публикаціи и имѣютъ право работать въ залахъ помѣщенія ассоціаціи и пользоваться книгами изъ ея библіотеки. Они имѣютъ право требовать содѣйствія ассоціаціи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ находятъ это нужнымъ, но при необходимомъ условіи согласія на это комитета. За право входа платится 25 франковъ, кромѣ того, члены вносятъ еще ежегодно 15 франковъ или одновременно 500. Вступленіе члѣныхъ обществъ въ ассоціацію требуетъ непремѣннымъ условіемъ подчиненія его статутамъ ассоціаціи. Они дѣлаютъ взносъ въ 200 франковъ и, по внесеніи этой суммы, получаютъ право дарового входа для своихъ членовъ, если число ихъ болѣе десяти. Члены такого аффилированнаго ассоціаціею общества допускаются въ собранія ассоціаціи по рекомендаціи бюро присоединеннаго общества.

Особымъ регламентомъ установлено, чтобы въ каждой странѣ, имѣющей своихъ представителей въ международной литературной ассоціаціи, были устраиваемы особыя національныя комитеты, назначеніемъ которыхъ должны быть ознакомленіе публики съ цѣлью ассоціаціи, привлеченія въ нее членовъ, приемъ взносовъ, входной платы и пожертвованій, такъ же, какъ приглашенія желающихъ къ даровой доставкѣ ассоціаціи издаваемыхъ ими книгъ, газетъ, журналовъ, статистическихъ документовъ и т. д., доведеніе до свѣденія ассоціаціи о всякихъ посягательствахъ

на литературную собственность и, наконецъ, подготовленіе, по соглашенію съ исполнительнымъ комитетомъ, къ дальнѣйшимъ конгрессамъ. Въ регламентѣ выражено желаніе, чтобы такіе комитеты состояли изъ слѣдующихъ членовъ: писателя, журналиста, издателя, члена парламента (тамъ, гдѣ правленіе конституціонное) и капиталиста. Національнымъ комитетамъ предоставлено широкое право составленія своихъ уставовъ, а также право учрежденія особыхъ вспомогательныхъ комитетовъ въ провинціяхъ, или въ такихъ мѣстностяхъ, жители которыхъ говорятъ на другихъ языкахъ или нарѣчіяхъ. Бюджетъ расходовъ такихъ комитетовъ, составляемый по соглашенію съ парижскимъ исполнительнымъ комитетомъ, не долженъ ни въ какомъ случаѣ превосходить 4-й части поступленій, собираемыхъ въ странѣ. Въ концѣ сентября, исполнительный комитетъ разослалъ свой окончательный уставъ ко всѣмъ членамъ ассоціаціи и приложилъ къ нему циркуляръ, которымъ ихъ приглашаетъ присутствовать каждые 3 мѣсяца разъ на собраніяхъ комитета, и которымъ извѣщаетъ объ имѣющихъ происходить литературныхъ чтеніяхъ и артистическихъ вечерахъ, принимать участіе въ которыхъ имѣютъ право артисты и литераторы всѣхъ націй и т. д.

3-го ноября исполнительный комитетъ издалъ новый циркуляръ, который обращается ко всѣмъ писателямъ и издателямъ всѣхъ странъ, дорожающимъ достоинствомъ и независимостью литературы, съ настоятельнѣйшею просьбою о поддержкѣ «Центрального Агентства», имѣющаго съ 1-го декабря открыться въ Парижѣ, въ помѣщеніи общества (улица Вивьенъ, 51) съ цѣлю посредничества въ литературныхъ предпріятіяхъ и соглашеніяхъ между писателями и издателями различныхъ національностей.

Въ агентствѣ уже заведены книги, въ которыя авторы могутъ какъ вписывать названія своихъ еще неизданныхъ сочиненій, которыя они соглашаются уступать переводчикамъ и иностраннымъ издателямъ, такъ и заявленія о своихъ желаніяхъ переводить сочиненія, еще подготавливающіяся къ печати, или еще неоконченныя изданіемъ. Всякій переводъ, полученный при посредствѣ ассоціаціи, будетъ снабжаемъ удостовѣреніемъ о согласіи автора и пользоваться всѣми гарантіями литературной собственности.

Сначала ассоціація хотѣла ограничить свою дѣятельность только охраненіемъ переводовъ и передѣлокъ романовъ и театральныхъ пьесъ, но теперь она сочла полезнымъ распространить свое посредничество на всякаго рода международныя изданія и сочиненія книгъ литературнаго, научнаго, историческаго и даже политическаго характера, чтобы такимъ образомъ создать солидныя связи настоящаго интеллектуальнаго равенства и братства на всей землѣ.

Парижъ, 22-го декабря 1879 г.

Людовикъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Синезій философъ, епископъ Птолемаидскій. Сочин. *Алексыя Остроумова*. Москва. 1879 г.

Если посчитать наши философскія каедръ въ университетахъ, духовныхъ академіяхъ и историко-филологическихъ институтахъ, если взять во вниманіе, что каждый изъ профессоровъ уже издалъ въ свѣтъ два философскія разсужденія и что онъ, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ разъ во время своего сидѣнія на кафедрѣ имѣлъ случай явиться передъ публикой съ печатнымъ сочиненіемъ (т. е., кромѣ двухъ казенныхъ требованій), если подумать о томъ, что университеты наши и академіи живутъ ученою дѣятельностію уже не одинъ десятокъ лѣтъ, то можно, кажется, надѣяться, что и на русскомъ языкѣ найдется довольно изрядный выборъ философскихъ трактатовъ, особенно по главнѣйшимъ отдѣламъ философіи. Однако-жь, на дѣлѣ выходитъ не то: у насъ совсѣмъ нѣтъ самостоятельныхъ изслѣдованій, а тѣмъ менѣе полныхъ изложеній, напримѣръ, такихъ философовъ, какъ Платонъ или Аристотель. А между тѣмъ, одинъ только Платонъ до того можетъ поощрить философскую пытливость, что, напримѣръ, у нашихъ западныхъ сосѣдей явилось, не говоря о множествѣ разнаго рода изданій и переводовъ этого писателя, однихъ только отдѣльныхъ разсужденій по поводу этой философіи 976 (съ 1700 по 1869 гг.), какъ это видно изъ «*Bibliotheca Scriptorum Classicorum*» В. Энгельмана, причежь на одно послѣднее (въ каталогѣ) десятилѣтіе (1859 — 69 гг.) приходится 254 трактата. Положимъ, въ Германіи съ Австріей 31 университетъ; ну, такъ пусть бы у насъ философская дѣятельность проявлялась не въ два, а хоть бы въ 10 разъ менѣе, чѣмъ въ средѣ нѣмецкихъ геллертеровъ, но во всякомъ случаѣ чѣмъ-нибудь да выражалась бы. Столь же пустынно русскія библіотеки и по предмету средневѣковой философіи, и потому теперь, когда, напримѣръ, Ѳома Аквинатскій заявляетъ устами папы Льва XIII столь рѣшительныя претензіи на исключительную авторитетность въ католическихъ странахъ Европы, мы не имѣемъ ни одной монографіи и объ этомъ царѣ схоластиковъ. Но, быть можетъ, наши казеннокоштные философы дѣлились съ публикой своими

глубокими познаніями въ области новой философіи? Да, быть можетъ, если только исключить изъ сферы ихъ изслѣдованій Бэкона, Юма, Берклея, Декарта, Спинозу, Канта, Фихте, Шеллинга и почти Гегеля. Итакъ, остается, наконецъ, одно предположеніе: вѣроятно, наши профессора читали на кафедрахъ и развивали письменно свои собственные умозрѣнія, трактовали свои системы, собирая послѣдователей и обосновывая школы. Но и это предположеніе не оправдывается фактами, такъ какъ, за исключеніемъ какого-то совершенно миѣческаго Кузмы Пруткова, да столь же апокрифическаго Григорія Сковороды—у насъ о какихъ-нибудь новыхъ философскихъ системахъ и слухомъ-не слышать, и видомъ-не видать. Можно даже предположить, что и извѣстный философъ Фихте (старшій) не имѣлъ бы теперь опредѣленнаго мѣста въ исторіи философіи, еслибы онъ исполнилъ свое обѣщаніе и занялъ бы кафедру въ Харьковѣ. Не говоря здѣсь о Брукверѣ и Шадѣ, можно думать, что и знаменитый Лессингъ, еслибы только послушался нашего приглашенія и принималъ бы кафедру въ московскомъ университетѣ, тоже не удерживалъ бы теперь столь почетнаго мѣста въ философіи между вольфганцами.

Но писали же что-нибудь наши ученые, хотя бы въ видѣ тѣхъ двухъ диссертаций, которыя обязательно требуются отъ каждаго аспиранта на кафедре и безъ которыхъ, какъ извѣстно, нельзя даже плотно усѣсться на мѣстѣ пломбированнаго философа?

Въ наукѣ, даже болѣе, чѣмъ въ жизни или искусствѣ, необходимо различать существенное и главное отъ второстепенностей и частныхъ; первое сознаніе этого различія послужило основою и дальнѣйшимъ развитіемъ наукъ; оно и совершенствуетъ каждую въ отдѣльности науку и сообщаетъ ей стремленіе примыкать въ своихъ главныхъ положеніяхъ къ общему міросозерцанію данной эпохи; оно служитъ принципомъ систематизаціи и научнаго изложенія, потому что главное, какъ цѣлое, предшествуетъ своимъ частностямъ, освѣщая путь обученія на практикѣ и изслѣдованій въ теоріи. Да и какъ я могу, напримѣръ, дѣлать ножку къ столу, когда я не видывалъ и не представляю себѣ стола, какъ цѣлое? Или, въ мѣру какого соображенія босой человѣкъ будетъ запасаться и подбирать подметки къ тѣмъ сапогамъ, которыхъ онъ не покупалъ и не износилъ? И не будутъ ли въ нѣкоторомъ родѣ такими безцѣльными и лишними подметками, особенно у насъ, ученые диссертации, въ родѣ слѣдующихъ: о послѣдѣ у мышей, о стратегической ошибкѣ Люиса-Ваеса-де-Торреса, о несуществованіи писемъ, принадлежащихъ тирану Агаюклу и т. под.? Если и на Западѣ серьезные ученые негодуютъ иногда на *спекуляціи* подобныхъ диссертаций, то что сказать намъ? Гдѣ на 976 трактатовъ о Платонѣ есть 8 брошюръ о Синесіѣ (по-русски не *Синезій*, сравн., напр., Пасій и др.), изъ которыхъ 5 помѣщено въ разныхъ специальныхъ журналахъ, гдѣ болѣе чѣмъ на 1,000 сочиненій объ Аристотелѣ приходится 19 изслѣдованій о Плотинѣ, тамъ еще нѣтъ особенной

причины скорбѣть о нарушеніи равновѣсія между главнымъ и частностями. Затѣмъ, изъ 8 сочиненій о Синесіѣ, 5 написано по латынѣ, а изъ 19 о Плотинѣ—латинскихъ 9, слѣдовательно, тамъ, при разработкѣ этихъ частностей, имѣлись въ виду ученые всѣхъ странъ, пополнялись пробѣлы и исправлялись выводы вообще европейской литературы. Ну, а наши Spitzfindigkeiten на русскомъ языкѣ, что онѣ пополняютъ, какому специалисту онѣ интересны или доступны?! Конечно, гдѣ-нибудь на Замоскворѣчьи сильно поражаются ученостью такого мужа, который смогъ написать цѣлую книгу о совершенно неизвѣстномъ писателѣ древности, но вѣдь эти простодушные люди не подозрѣваютъ того, что этотъ же мужъ, быть можетъ, и странички не напишетъ о томъ, о чемъ почти каждый образованный человѣкъ кое-что знаетъ. Нѣмецкіе антикваріи говорятъ, что наши молодые ученые часто спрашиваютъ у нихъ брошюры о такихъ древнихъ писателяхъ, о которыхъ и эти опытные антикваріи часто ничего не слышали. Одинъ лейпцигскій книгопродавецъ рассказываетъ, что однажды, только послѣ усиленныхъ поисковъ, ему удалось обрѣсти въ одномъ складѣ давнишнее сочиненіе о какомъ-то ничтожномъ древнемъ философѣ, но зато нашелъ онъ цѣлыхъ 3 экземпляра этого сочиненія. И что же? нашъ ученый купилъ всѣ экземпляры: вѣроятно, одинъ онъ оставилъ для своей будущей диссертации, а остальные 2 уничтожилъ. Каково положеніе рецензента!! Вотъ такого рода диссертациями и обогащается наша философская литература. Въ этомъ случаѣ и писать, и вполне библиографію знать, и публично защищать совсѣмъ не трудно: есть 3 или 4 иностранные перевода намѣченнаго автора, есть старенькая, всѣми давно забытая брошюрка, а то—2 или 3, есть статья въ какомъ-нибудь специальномъ нѣмецкомъ журналѣ, хотя бы въ отдѣлѣ miscellanea и... дѣло въ шляпѣ! Разумѣется, если взять предметомъ своихъ inauguralныхъ разсужденій метафизику Аристотеля, какую-нибудь критику Канта или, положимъ, Ichlehre Шеллинга и т. под., то наберется на диспутъ претенціозный народъ, послышатся недвусмысленные допросы, указанія на разныя книги, однимъ словомъ, выйдетъ такой кризисъ, какой дѣйствительно случился съ однимъ «Кризисомъ новой философіи». И вотъ г. Остроумовъ благоразумно останавливается на Синесіѣ...

Прежде всего нельзя не посоветовать г. Остроумову, при изложеніи своихъ ученыхъ трудовъ, заботиться о нѣкоторой правильности литературнаго языка: у него встрѣчается очень много неудачныхъ выраженій; напримѣръ, стр. 17: «и въ состояніи познакомить насъ съ состояніемъ церковной жизни»; стр. 18: «благодаря тому, что писалъ свои сочиненія въ различные періоды его (?) жизни»; стр. 47: «тѣмъ не менѣе, изображая безобразіе живущихъ тамъ». Но на этотъ счетъ довольно примѣровъ—не перебирать же всю книгу почти въ 400 страницъ. Далѣе, зачѣмъ г. Остроумовъ внесъ въ свою книгу греческія слова и

дѣлныя выраженія? Множество ошибокъ никакимъ образомъ нельзя отнести, по обыкновенію, на счетъ наборщиковъ; значительное число этихъ искаженій обязано, очевидно, тому обстоятельству, что авторъ поставилъ свою *орфографію* въ зависимость *отъ своею чтенія* греческихъ словъ. Внеся въ число опечатокъ совершенно пустыя ошибки, напримѣръ, слѣдаль вмѣсто сдѣлаль, исантазія вмѣсто фантазія и т. под., г. Остроумовъ собственно въ греческихъ словахъ и при исправленіи терзался своимъ чтеніемъ. Столь же страненъ г. Остроумовъ и въ своей транскрипціи собственныхъ именъ, причемъ наблюдается какая-то періодичность въ непослѣдовательности, какъ бы въ зависимости отъ вліянія той или другой книги: то у него *Кирена*, то *Кирина* (стр. 157); то *тсологія*, *Анизій* (149 с. вм. Анисій), *Антемій* (вм. Анонімъ, стр. 126), то вдругъ *Иракль* вмѣсто Геркулесь (стр. 34), *анологія* вмѣсто антологія (38 с.) и т. под., а на 225 страницъ уже безъ всякихъ колебаній и зависимости, поэтъ Анакреонъ названъ старцемъ *Теозскимъ*! Очевидно, сумасбродный наборщикъ приставилъ къ названію извѣстнаго острова густое придыханіе и вышло названіе бога! На страницѣ 270 описывается извѣстный классическій мудрецъ, знавшій настоящее, прошедшее и будущее, умѣвшій предсказывать волю боговъ и судьбу людей; жреца этого г. Остроумовъ называетъ почему-то *Хамасомъ*; читаемъ немного далѣе—и дѣло разъясняется: вѣдь это Калхасъ! О, да, онъ извѣстенъ! Разумѣется, слѣдуетъ хвалить степеннаго профессора за то, что онъ не пощажаетъ сценическихъ представленій, въ родѣ «Прекрасной Елены», но можно и не похвалить этого профессора за незнаніе Гомера.

Непоследователенъ г. Остроумовъ и въ своихъ общихъ разсужденіяхъ и выводахъ; для примѣра укажемъ на стр. 57: «его (Синесія) софистическая наклонность могла побудить его блеснуть оригинальностью и смѣлостью». Значить, смѣлость мысли и оригинальность выраженія были совсѣмъ не чужды софистивѣ, напротивъ, эти прекрасныя качества были какъ бы нѣкоторою характеристикой настоящаго софиста. Но далѣе (на стр. 221), очевидно, подъ вліяніемъ уже другой книги, г. Остроумовъ такъ честитъ своихъ софистовъ: «Вѣкъ Синезія былъ причиною несамостоятельности синезіевыхъ философскихъ воззрѣній. Софистика ~~есть~~ мертвенностію ея содержанія и бездушностію формъ была самымъ лучшимъ отображеніемъ этой эпохи. Она опутывала бездушнымъ формализмомъ всѣ лучшіе умы того времени. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ явиться самостоятельный философъ въ то время, когда болѣе всего была развита подражательность, когда человѣкъ былъ совершенно связанъ софистическими формами и правилами, когда онъ долженъ былъ сообразоваться съ этими послѣдними не только въ мысляхъ, но и въ каждомъ словѣ и проч.». Каковъ эклектизмъ г. профессора философіи! Гдѣ же г. Остроумовъ принимается разсуждать, очевидно, на свой собственный страхъ и совѣсть, тамъ какъ будто и совсѣмъ не

умѣть философски мыслить. Напримѣръ (стр. 157 и 158), разсказывается, какъ Синесій видѣлъ во снѣ, что умершій Евagrій, принявшій христіанство почти передъ самой своей кончиной, держитъ въ своемъ гробу росписку, данную ему на томъ свѣтѣ въ томъ, что Евagrій за свои деньги, розданныя бѣднымъ, дѣйствительно получилъ сполна все то, на что расчитывалъ при жизни. Сонъ дѣйствительно оправдался: открыли гробъ, по приказанію Синесія, и нашли въ рукахъ мертвеца росписку. На страницѣ 159 г. Остроумовъ говоритъ: въ этомъ сказаніи хотятъ (т. е. католическіе и протестантскіе ученые, бывшіе до этихъ поръ столь надежными руководителями г. Остроумова) видѣть не иное что, какъ легенду. Между тѣмъ, по мнѣнію нашего философа, общественное сознаніе и совѣсть были совершенно спокойны по отношенію къ Синезію, такъ что не было никакой нужды въ вымыслахъ; сомнѣній ни во время жизни, ни послѣ смерти Синезія не существовало и, слѣдовательно, тѣмъ спокойнѣе (?) должны быть потомки и потому (стр. 160) въ этомъ сказаніи лежитъ дѣйствительно *историческая основа*. Возраженія же въ родѣ того: какимъ образомъ передаются въ той жизни деньги? какимъ образомъ душа, оставившая тѣло, можетъ писать? какимъ перомъ, какими чернилами? — всѣ подобныя возраженія, говоритъ г. Остроумовъ, *въ высшей степени наивны!* Если нашъ авторъ такъ сурово сталъ обходиться съ своими руководителями: Дрюономъ, Баснажемъ, Крамбигеромъ и др., то на этомъ пунктѣ приличнѣе всего и намъ замолчать.

Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Вып. I и II. Спб. 1879 г.

Огромное значеніе кустарной промышленности въ Россіи составляетъ фактъ общеизвѣстный. Въ то же время, однако, статистика русской промышленности, если и даетъ какія-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія, то только въ сферѣ заводскаго и фабричнаго производства. Кустарная промышленность остается до сихъ поръ почти неизслѣдованной. Въ виду этого, понятенъ интересъ, возбуждаемый «Трудами» комиссіи, специально посвященной этому важному вопросу.

Къ сожалѣнію, дѣятельность комиссіи, какою она является въ собственныхъ ея отчетахъ, далеко не производитъ безукоризненно благоприятнаго впечатлѣнія. Являясь результатомъ потребности, давно сознанной и неоднократно высказываемой нашими учеными и техническими обществами, земствами и отдѣльными дѣятелями — комиссія очевидно не могла испытывать затрудненій при своихъ работахъ ни отъ недостатка матеріальныхъ средствъ, ни вслѣдствіе отсутствія людей, достаточно подготовленныхъ къ дѣлу и достаточно преданныхъ. Съ другой стороны, комиссія не могла не понимать, что статистическія данныя, особенно собираемыя въ виду чисто практическихъ цѣлей (а комиссія задавалась цѣлью изыскать мѣры для *поддержанія* кустарной промышленности), дѣлаются устарѣлыми очень быстро. По отношенію къ такому

подвижному, вѣчно мѣняющемуся элементу, какъ промышленность, это особенно очевидно, и потому особенно вызываетъ необходимость быстрого, энергичнаго хода работъ. А, между тѣмъ, просматривая отчеты комиссіи, крайне непріятно поражаешься какой-то вялостью, недостаткомъ энергіи, обиліемъ ни къ чему не приводящихъ разговоровъ.

Различныя общества и учрежденія давно уже поговаривали о необходимости изслѣдованія кустарной промышленности. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1870 г., по случаю пятидесяти-лѣтняго юбилея, моск. общ. сельск. хоз., въ Москвѣ составилъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ, на которомъ и было рѣшено обратиться къ министерству государственныхъ имуществъ съ ходатайствомъ о пособіи для изслѣдованія нашихъ кустарныхъ промысловъ, и о выработкѣ нормальнаго устава артелей, въ которыхъ съѣздъ видѣлъ средство поднять и упрочить положеніе кустарниковъ. Въ 1870 году въ декабрѣ мѣсяцѣ было отправлено это ходатайство. Министръ государственныхъ имуществъ представилъ его на Высочайшее усмотрѣніе; затѣмъ по Высочайшему повелѣнію ходатайство было препровождено въ министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство финансовъ. Министръ финансовъ передалъ дѣло совѣту торговли и мануфактуръ, который уже, наконецъ, и образовалъ настоящую комиссію изъ представителей трехъ упомянутыхъ министерствъ, а также вольно-экономическаго общества, московскаго общества сельскаго хозяйства, географическаго общества, общества для содѣйствія русской промышленности и техническаго общества. На всю эту процедуру потребовалось ровно два года, и комиссія явилась на свѣтъ 21-го декабря 1872 г.

Первое засѣданіе комиссіи состоялось еще черезъ годъ съ небольшимъ (25-го января 1874 г.). Здѣсь очень много толковали объ опредѣленіи самаго понятія кустарной промышленности, и выбрана подкомиссія для выработки программы изслѣдованій. Опредѣленіе кустарной промышленности было окончательно сдѣлано, однако, не раньше 20-го марта 1876 г., т. е. черезъ два года съ лишнимъ. Что же касается программы, то подкомиссія приступила къ работамъ только въ январѣ 1876 г., и окончила ихъ черезъ три мѣсяца. Комиссія же удосужилась рассмотреть программу еще черезъ годъ (1877 г. 12-го и 16-го марта). Такая поразительная медленность, безъ сомнѣнія, не могла не имѣть вредныхъ послѣдствій: такъ изъ отчета самой комиссіи видно, напримѣръ, что московское земство, особенно энергично взявшееся за дѣло, получило программу уже послѣ того, какъ начало свои изслѣдованія, о чемъ крайне сожалѣло, и весьма резонно. Утвержденіе же программы министерствомъ послѣдовало не ранѣе 1878 года (21-го мая). Очень можетъ быть, что недостатокъ силъ, явно выдающійся въ глаза при пересмотрѣ «Трудовъ», обусловливался въ той или другой степени тоже бездѣятельностью комиссіи. Вопросъ о способахъ пользованія *мыслными* силами обсуждался цѣлый годъ и порѣшенъ только въ февралѣ 1877 года, а между

тѣмъ, не опредѣливши этихъ способовъ, дѣйствительно, очень мудрено привлечь много мѣстныхъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе создать новыхъ. Мудрено также привлечь много силъ, если для отысканія ихъ дожидаться «случаевъ», командировокъ и т. п. «Бывъ командированъ министромъ финансовъ въ наши свекло-родныя губерніи, предсѣдатель комиссіи воспользовался своей поѣздкой, чтобы лично войти въ сношенія съ мѣстными дѣятелями въ Твери, Москвѣ, Тулѣ, Харьковѣ». Неужели такіе важные пункты не заслуживали болѣе серьезнаго посѣщенія, чѣмъ «по случаю»? Г. Мейбаумъ отправляется въ юго-западный край (тоже, конечно, по казенной надобности) и этимъ комиссія пользуется, какъ случаемъ распространить въ томъ краю свою программу. Г. Исаева университетъ командируетъ за границу и комиссія пользуется этимъ случаемъ, чтобы изслѣдовать мелкую иностранную промышленность. Случаевъ упускать, конечно, не слѣдуетъ, но не мѣшало бы имѣть побольше преднамѣренности. Иначе выходитъ то, что вышло у комиссіи: изслѣдователей и наблюдателей оказывается недостаточно, въ «Трудахъ» приходится печатать даже «изслѣдованія» г. Бентковскаго, ровно ничего не дающія; комиссія не знаетъ, какъ ей и благодарить г. Гильдебрандта, открывшаго хорошаго наблюдателя въ г. Тимоховичѣ. Ужъ неужто русская земля клиномъ сошлась? Еслибы комиссія, «не теряя напрасно времени», по ея собственному выраженію, сразу энергично повела сношенія съ земствами и мѣстными дѣятелями, организовала бы широко непосредственныя, личныя сношенія съ ними, не дожидаясь командировокъ, то, безъ сомнѣнія, у ней явились бы многіе десятки такихъ же энергическихъ помощниковъ, какъ г. Тимоховичъ.

Недостатокъ денежныхъ средствъ не можетъ оправдывать вялое веденіе дѣла. Во-первыхъ, еслибы комиссія энергичнѣе вела пропаганду, сѣумѣла бы расшевелить земства, она этимъ самымъ приобрѣла бы новыя средства, или сократила бы свои расходы, избавившись отъ необходимости посылать специальныхъ изслѣдователей туда, гдѣ за изслѣдованія взялись бы мѣстныя силы. Московская, Тверская, Полтавская губерніи прекрасно доказываютъ, какъ охотно принимаютъ земства участіе въ этомъ дѣлѣ. Московское земство самодѣтельно производитъ изслѣдованія кустарнаго промысла и затрачиваетъ на это много средствъ, полтавское ассигнуетъ 1,500 р. въ годъ втеченіи трехъ лѣтъ. Во-вторыхъ, комиссія недостатка въ денежныхъ средствахъ не испытывала. Въ ея распоряженіе было предоставлено первоначально отъ разныхъ вѣдомствъ и обществъ 9,800 руб. Когда къ 1-му марту 1878 года оказалось, что за сдѣланными уже расходами, въ наличности остается только около 6,000 р., а между тѣмъ, новыхъ расходовъ предвидится на 16,000 р., комиссія обратилась съ ходатайствомъ объ новомъ кредитѣ на сумму недостающихъ 10,000 руб. Министръ финансовъ получилъ ходатайство 13-го мая 1878 года, и уже 16-го мая предоставилъ въ распоряженіе комиссіи

требуемую сумму. Такимъ образомъ, въ отчетѣ комиссіи мы не находимъ никакихъ жалобъ на недостатокъ средствъ. Что касается недостатка въ дѣятеляхъ—это, по нашему мнѣнію, не только не оправдываетъ комиссію, но прямо можетъ быть поставлено ей въ вину.

Въ общей сложности, дѣятельность комиссіи, за шесть лѣтъ ея существованія, даетъ въ итогѣ такіе результаты: 1) составлена и утверждена программа и инструкция для производства изслѣдованій, 2) начаты изслѣдованія въ Московской губерніи (9 уѣздовъ), Тверской (2 уѣзда), Калужской (2 уѣзда), Нижегородской (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ), Тульской (городъ Тула), Новгородской, Саратовской, Тамбовской, Уфимской, Ставропольской, Казанской, Черниговской. 3) Заведены ни къ чему еще не приведшія сношенія съ Ярославской, Владимірской, Костромской, Харьковской, Полтавской, Рязанской губерніями. 4) По иностранной промышленности изслѣдованія поручены гг. Исаеву и Туну. Можно опасаться, что при такомъ медленномъ ходѣ работъ изслѣдованія растянутся на очень продолжительное время и въ результатѣ мы получимъ картину кустарной промышленности, не имѣющую ничего общаго съ ея дѣйствительнымъ состояніемъ въ моментъ подведенія итоговъ всѣмъ этимъ частнымъ работамъ.

Выпуски I и II «Трудовъ» комиссіи заставляютъ опасаться даже большаго. *Качество* изслѣдованій оставляетъ желать очень многого, и можно сказать, что въ обѣихъ книжкахъ одна только работа г. Тимоховича (Мединскій уѣздъ Калужской губерніи) воспроизводитъ передъ нами положеніе кустарниковъ съ такой полнотой, съ какой слѣдовало бы знать положеніе всей массы нашего населенія. На эту работу, дѣйствительно, нельзя не обратить вниманія. Здѣсь передъ вами является русскій мужикъ съ большей опредѣленностью, чѣмъ въ любомъ художественномъ произведеніи. Вы видите, какъ онъ кидается во всѣ стороны, ища выхода изъ своего положенія, видите, какъ вся его предпримчивость разбивается о недостатокъ средствъ и знаній, видите, какъ изъ среды сельскаго населенія формируется знаменитое третье сословіе. Особенно интересно сопоставленіе европейскаго рабочаго съ нашимъ, которое само напрашивается при просмотрѣ изслѣдованій Тимоховича съ одной стороны, гг. Исаева и Туна съ другой. Посмотрите, напрямѣрь, откуда почерпаетъ русскій человѣкъ свои техническія свѣдѣнія и свои соображенія о новыхъ источникахъ заработковъ и сравните съ тѣмъ, какъ это дѣлается за-границей.

Въ 1857 г. одинъ крестьянинъ (теперь купецъ) Ерохинъ, бывший лучшимъ ткачемъ на одной нынѣ не существующей фабрикѣ, встрѣтился случайно съ однимъ проѣзжимъ, человекомъ, хорошо знающимъ условія ткацкаго производства. Ерохинъ узналъ изъ разговора съ нимъ, какой нынче требуется товаръ, какъ приступить къ дѣлу и проч. Пользуясь этими свѣдѣніями, Ерохинъ устроилъ «фабричку», повелъ дѣло успешно,

и нынѣ служить лучшимъ представителемъ медынскаго пеньковаго производства. Самопрялочное производство, довольно распространенное нынѣ въ Медынскомъ уѣздѣ, возникло, благодаря такой случайности: крестьянинъ Пантелѣевъ, живущій еще и нынѣ, долженъ былъ починять самопрялки у своихъ господъ (при крѣпостномъ еще правѣ); онъ попробовалъ изготовить самъ такую самопрялку, и дѣйствительно изготовилъ, хотя господа, требуя, чтобы онъ работалъ только на нихъ, очень притѣсняли и даже наказывали его за изобрѣтательность. Потомъ, однако, за большой оброкъ, позволили Пантелѣеву заняться новымъ мастерствомъ, которое мало-по-малу стали перенимать и односельчане; такимъ образомъ, этотъ видъ промышленности распространился въ уѣздѣ. Дужный промыселъ, нынѣ широко развитый, появился лѣтъ 70 тому назадъ. Изъ Москвы въ дер. Ступино пріѣхалъ извожикъ Адрианъ; дуга его, купленная въ Москвѣ, изломалась въ дорогѣ, и была имъ отдана въ починку деревенскому колеснику Комолову. Комоловъ, починяя, замѣтилъ, что дуга сдѣлана изъ вѣтлы, которой много въ Медынскомъ уѣздѣ, и вздумалъ попытаться сдѣлать такую же самъ. Оказалось, что дуги выходятъ хорошія и Комоловъ имѣлъ большія прибыли до тѣхъ поръ, пока сосѣди не переняли у него новаго промысла. Клееваренное производство возникло такъ: крестьянинъ Белевитиновъ, работая на писчебумажной фабрикѣ, видѣлъ, какъ тамъ варятъ клей. А въ Медынскомъ уѣздѣ занимаются выдѣлкой овчинъ и кожъ, почему можно легко и за безцѣное доставать матеріалъ для варки клея. Это сообразилъ Белевитиновъ, и, бросивъ фабрику, отправился домой и занялся варкой клея. Знаній у него не было никакихъ, производство онъ видѣлъ мелькомъ, а потому его клей былъ очень плохъ. Несмотря на это, производство все-таки давало доходъ, и теперь имъ занято нѣсколько хозяевъ. Дурной сортъ клея мѣшаетъ ему имѣть сбытъ, а потому производство не расширяется. Въ уѣздѣ занимаются и клѣточнымъ производствомъ. Начало промысла положено въ 1827 году столяромъ Калугинымъ, который привезъ себѣ изъ Москвы канарейку въ клѣткѣ, и попытался по образцу этой клѣтки начать дѣлать новыя. Въ настоящее время, изъ этой мѣстности вывозится 4,000 штукъ клѣтокъ.

Даже и канареекъ въ Медынскомъ уѣздѣ стали разводить, и тоже благодаря случайности: какой-то любитель вздумалъ разводить этихъ птичекъ, и такъ какъ опытъ удался, то промыселъ мало-по-малу распространился, и теперь ежегодно вывозится на продажу до 3,500 канареекъ; канарейки, однако, очень плохо обучены, а потому не имѣютъ хорошаго сбыта, и этотъ промыселъ уже начинаетъ падать. Какъ видите, медынскаго крестьянина грѣхъ упрекнуть въ рутинности, въ недостатокѣ предприимчивости. Онъ хватается рѣшительно за все, кидается всюду, лишь бы добыть конейку. Земледѣіе мало даетъ медынцу. Г. Тимоховичъ высчитываетъ, что при бюджетѣ крестьянской семьи въ 431 р. 76 к. — отъ земли получается 156 р., въ другой семьѣ

при расходѣ въ 154 р., земля даетъ только 48 р. Не мудрено, что мужикъ начинаетъ искать заработка, и, какъ мы видѣли — ищетъ его очень энергично. На бѣду, никто и ничто ему въ этомъ не помогаетъ. Увидѣть, узнать что-нибудь новое онъ можетъ только случайно, мимоходомъ, а потому ничего не узнаетъ толкомъ, а потому ничего не можетъ производить успѣшно, особенно когда приходится конкурировать съ фабриками, ведущими дѣло по всѣмъ правиламъ техники. Г. Тимоховичъ высчитываетъ, что, въ сферѣ мѣстнаго потребленія, суконщики, *еслибы производили хорошия сукна*, могли бы конкурировать съ фабриками, ибо производить 1 ар. по 1 р., чего фабрика не въ состоянїи достигнуть. Но откуда крестьянинъ узнаетъ условія *хорошаго* производства? А потомъ, еслибы даже узналъ, гдѣ онъ возьметъ средства для первоначальной затраты? По словамъ Тимоховича, мѣстная касса не имѣетъ для бѣдныхъ никакого значенія, ибо требуетъ залога и поручительствъ. Частный кредитъ—чистое ростовщичество, и скорѣе разоряетъ, чѣмъ помогаетъ. И вотъ, какъ вся крестьянская промышленность цѣликомъ пасуетъ передъ фабрикой, такъ отдѣльные мелкіе предприниматели пасуютъ передъ болѣе зажиточнымъ и идутъ простыми батраками на «фабричку» своей же братїи, оперившихся крестьянъ-кулаковъ.

Сравните это съ положеніемъ вещей въ Германїи.

Въ Гейнсбергѣ (округъ Аахенъ) земля крайне плоха, но, пригодная для болѣе полезныхъ растений, она превосходно родитъ ивнякъ. Мѣстные жители ископавъ-вѣка занимались плетеніемъ корзинъ изъ диваго ивняка для домашняго хозяйства. Но вотъ на фабрикахъ начали вводить ивовыя корзины для упаковки товаровъ, находя корзину удобнѣе ящика. Является возможность дать населенію новый источникъ дохода и утилизировать негодную почву. Начинается цѣлое движеніе. Бургомистръ Крахе предлагаетъ общинѣ и правительству устроить образцовые питомники для разведенія ивы. Община даетъ землю, министерство—деньги, начинаютъ опыты обработки почвы, изысканія лучшихъ породъ ивняка, способовъ уничтоженія вредныхъ для него насѣкомыхъ и проч. Являются солидные труды, посвященные новой отрасли хозяйства. Замѣтьте, что эти излѣдованія дѣлаются для крошечнаго уголка Германїи, четверо меньшаго, чѣмъ Медвнскій уѣздъ, и больше ни для какой мѣстности не имѣютъ значенія. Этого мало. Въ 1876 г., возникаетъ общество «Гейнсбергская школа плетенія»; это общество, составленное мѣстными жителями, имѣло отчасти коммерческой расчетъ, но главнымъ образомъ цѣль его поднять корзиночную промышленность. Школа бесплатна, ученики получаютъ 5% стоимости сработанныхъ ими произведеній. Въ школѣ обучаютъ рисованью, плетенью, знакомятъ учениковъ съ лучшими образцами этого искусства, а также съ сортами и способами обработки ивняка. Когда оказалось, что школа не можетъ существовать исключительно доходами отъ продажи произведеній учениковъ, на помощь общепольному учреж-

денію является и правительство и общество. Правительство назначает школъ ежегодную субсидію въ 2,000 марокъ сперва, а потомъ въ 3,000, Аахенское общество трудолюбія ежегодно назначаетъ 3,000 марокъ, община также назначаетъ посильное пособие. И вотъ новая промышленность развивается годъ отъ году. земли, прежде никуда негодныя, начинаютъ дѣлаться выше тѣхъ, которыя прежде считались наилучшими, и, несмотря на коскія неблагоприятныя условія (фабричныя кризисы въ сосѣднихъ областяхъ), плетеніе корзинъ становится на ноги прочно и готово выдерживать конкуренцію даже съ Франціей.

Что, еслибы нашимъ медынамъ хоть $\frac{1}{10}$ часть такихъ пощеченій? Чтобы имъ, по крайней мѣрѣ, приходилось учиться не на сломанной, случайно завезенной изъ Москвы дугѣ... Можетъ быть, и они бы сумѣли тогда устроиваться не хуже нѣмцевъ.

Ближе къ природѣ. Романъ въ двухъ частяхъ. *М. И. Красова.* Часть I. Сиб., 1879 г.

Мы до такой степени не избалованы—ужь не говоримъ художественными, но и просто сколько-нибудь сносными беллетристическими произведениями, что нельзя не порадоваться роману, повѣсти, разсказу, въ которыхъ дѣйствующія лица не говорятъ походя вопіющихъ глупостей, а самъ авторъ не старается завлечь читателя ни скабрѣзностью, ни пасквильнствомъ, ни, наконецъ, какой-нибудь «современною» тенденціею въ духѣ Ваньки Каина. Художественныя произведенія во всѣхъ литературахъ составляютъ рѣдкое исключеніе, даже до того, что, напримѣръ, графъ Толстой, говоря, не помнимъ ужь по какому поводу, собственно о нашей литературѣ, намечетъ, что со времени «Мертвыхъ душъ» у насъ появилось только *одно* художественное произведеніе — «Записки изъ Мертваго дома». Такъ это или не вполне такъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что вліяніе литературы, какъ живой, воспитательной общественной силы, обусловливается отнюдь не этими перлами словеснаго искусства, а именно массою второстепенныхъ и третьестепенныхъ произведеній, которыя имѣютъ дѣло не съ абсолютными задачами духовной жизни человѣка, а съ матеріалами современной жизни. Произведенія этой категории, конечно, эфемерны, но это свойство ихъ—свойство всякой текущей дѣйствительности. Весь вопросъ лишь въ томъ, насколько глубоко и разносторонне понимаетъ авторъ данную дѣйствительность, ея потребности и характеръ, въ чемъ онъ усматриваетъ ея слабыя стороны и гдѣ предполагаетъ найти исцѣленіе. Для всего этого не требуется непременно быть истиннымъ художникомъ, «жрецомъ Аполлона», а требуется лишь быть неглухимъ, человѣкомъ, умѣть судить о вещахъ, да, конечно, обладать необходимою дозою литературной техники. Примѣнять къ произведеніямъ этого рода художественный критерій—напрасный трудъ: говорить о характерѣ ихъ персонажей, о психологическомъ анализѣ и т. д.—дѣло бесполезное. Ни искусства, ни яркихъ типовъ у нихъ не имѣется, а есть положенія и діалоги, путемъ

*

которыхъ авторъ доказываетъ свою основную идею, въ которой обыкновенно и заключается вся суть дѣла, все значеніе и весь смыслъ произведенія.

Г. Красовъ не объективный художникъ, а горячій адвокатъ, имѣющій въ виду не столько констатированіе фактовъ, сколько извѣстную группировку и освѣщеніе ихъ. Говоримъ это не въ судъ и не въ осужденіе автору. Гораздо болѣе важнымъ представляется намъ то обстоятельство, что г. Красовъ адвокатъ давно проиграннаго дѣла. Тенденція романа состоитъ въ идеѣ благотворности и необходимости той «всепрощающей» любви, которая учитъ подставлять свои ланиты ударамъ, взываетъ къ смиренію, самоотверженію и самоотреченію. Всѣ значительнѣйшія разсужденія и главнѣйшіе поступки персонажей г. Красова вертятся около этой идеи, но собственно отношенія къ этой идеѣ самого автора установить довольно трудно. Трудно сказать, что такое романъ г. Красова—убѣжденная проповѣдь или не новая, но довольно мѣткая сатира. Заглавіе романа не только ничего не объясняетъ, но само нуждается въ объясненіи: кто или что «ближе къ природѣ»? Усматриваетъ ли авторъ близость къ природѣ именно въ тѣхъ кисло-сладкихъ воззрѣніяхъ на людей и жизнь, которыя исповѣдуются его главными дѣйствующими лицами или наоборотъ, онъ видитъ въ нихъ уклоненіе отъ природы, отъ естественности, отъ того закона, въ силу котораго человѣческое сердце способно не только къ любви, но и къ ненависти? Всѣ эти вопросы остаются открытыми и читатель воленъ вывести о симпатіяхъ автора какое угодно заключеніе.

Центръ тяжести романа заключается въ личности нѣкогого Постникова, «извѣстнаго литератора», который является главнымъ апостоломъ всепрощающей любви. Личность Постникова (г. Красовъ, по странной и даже двусмысленной опибкѣ, называетъ его иногда «Красовымъ» — см., напримѣръ, 171 стр.) авторъ описываетъ очень симпатичными чертами и въ тоже время, по сознательной или безсознательной ироніи, неизмѣнно и постоянно ставитъ его въ самыя комическія положенія. И эта симпатія, и эта иронія въ данномъ случаѣ совершенно умѣстны. Нельзя въ самомъ дѣлѣ, безъ жалости, безъ сострадательнаго участія относиться къ человѣку, который искренно убѣжденъ, что «великая сила любви воскрешаетъ мертвыхъ» (131), что достаточно «сосредоточиться на любви къ людямъ», чтобы «забыть все остальное» (196) и т. д., и который не ограничивается платоническимъ исповѣданіемъ этихъ правилъ, а проводитъ ихъ въ жизнь даже до буквального подставленія своихъ ланитъ. Такое смиреніе возмущаетъ, когда его источникъ лежитъ въ характерѣ человѣка; оно трогаетъ, когда оно принципиально. Но съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ человѣкъ не отъ міра сего, въ практической жизни, гдѣ «человѣкъ человѣку — волкъ», шагу не ступитъ безъ того, чтобы не повредить себѣ и не размѣшить другихъ. Вся жизненная миссія нашего любве-

обильнаго героя состоитъ, повидимому, только въ томъ, чтобы вѣчно попадать пальцемъ въ небо, давать неисполнимые совѣты и примирять непримиримое. Авторъ называетъ его «идеалистомъ» и мы ничего не имѣемъ противъ этого опредѣленія, если только принимать терминъ «идеалиста» въ его старомъ, опошленномъ значеніи, въ смыслъ чловѣка безпредметныхъ мечтаній и иллюзій (кстати и подзаглавіе романа называется «мечты и иллюзіи»). *Такіе* идеалисты, какъ извѣстно, очень хорошо уживаются съ реальною грязью и, дѣйствительно, по свидѣтельству автора, Постниковъ «былъ вполнѣ *правый*; трудно было отыскать чловѣка болѣе довольнаго существующимъ порядкомъ вещей, болѣе горячо его защищавшаго» (150). Какъ бы то ни было, «извѣстный литераторъ», какъ сказано, постоянно попадаетъ въ просакъ, тѣмъ болѣе, что его личный характеръ почти вполнѣ соотвѣтствуетъ его розовому, «любвному» міросозерцанію. Достаточно какого-нибудь толчка со стороны жизни—а судьба такъ-называемыхъ идеалистовъ въ томъ специально состоитъ, чтобы безпрестанно наткаться на рожны, и нашъ герой падаетъ духомъ и начинаетъ ставить себѣ будто бы глубокіе, а въ сущности, совершенно гимназическіе вопросы: «какъ же нужно жить и дѣйствовать между людьми? Лгать? Фразерствовать? Клеветать? Адвокатствовать? Ужасно!» (176). Ужаснаго мало, а смѣшнаго, конечно, очень достаточно. Пусть читатель припомнитъ только, что этими младенческими вопросами тревожится взрослый и развитой чловѣкъ, «извѣстный литераторъ», который, говоря словами Базарова, можетъ разсуждать и «о томъ, какъ эфиръ трепещетъ и что на солнцѣ происходитъ». И вотъ, однакоже, его приводитъ въ тупикъ вопросъ «какъ жить»? Онъ не въ силахъ уразумѣть, что, кромѣ навязыванья своей «любви» встрѣчному и поперечному и, равнымъ образомъ, кромѣ «фразерства» и «лганья»—есть еще иные пути, иные способы держаться съ людьми и жить съ ними. Ничего этого «извѣстный литераторъ» не понимаетъ. Разбрасывая бисеръ своихъ чувствъ на всѣ четыре стороны, онъ иренаивно удивляется, что разныя хавроньи не чувствуютъ къ нему за это ни малѣйшей благодарности. Впрочемъ, терзанія нашего героя обыкновенно продолжаются очень недолго. Достаточно дѣвушкѣ, которая ему нравится, сказать пару ласковыхъ словъ и вся гамлетовщина «извѣстнаго литератора» исчезаетъ яко дымъ—«и жизнь опять показалась ему свѣтлой, а люди прекрасными и добрыми» (178). И тянется, такимъ образомъ, эта сказка про бѣлаго бычка, тянется однообразно, утомительно и нескончаемо, и жизнь горемычнаго «идеалиста» проходитъ, во-первыхъ, въ полученіи плюхъ и толчковъ, во-вторыхъ, въ сокрушительныхъ размышленіяхъ по сему поводу, въ-третьихъ, въ восторженныхъ умиленіяхъ по тому случаю, что барышня ласково улыбнулась или побившій извиненія попросилъ.

Собственно, по отношенію къ Постникову, мы въ правѣ употреблять прилагательное «битый» не въ фигуральномъ только

смыслѣ, не въ смыслѣ преслѣдующихъ его разочарованій и огорченій, а въ буквальномъ значеніи. Ему раскрылъ нагайкой физиономію нѣкто Линдеманъ, пройдоха и прихлебатель, замышлявшій къ тому же, во что бы то ни стало, жениться на любимой Постниковымъ дѣвушкѣ, хотя бы то и противъ ея воли. Герой нашъ—на то онъ и герой—распорядился при этомъ неприятномъ случаѣ не такъ, какъ распорядился бы на его мѣстѣ каждый простой смертный, т. е. не далъ сдачи и, по возможности, съ хорошими процентами: утеревши съ лица кровь, онъ помогаетъ встать разбитому лошадей Линдеману, отвозить его къ себѣ въ домъ, лечитъ и ухаживаетъ за нимъ. Это добродѣтель—большая, нежели добродѣтель милосерднаго самаритянина. Мало того. Когда Линдеманъ, на половину искренно, на половину съ расчетомъ, впоследствии совершенно оправдавшимся, явился къ Постникову съ просьбою «дать возможность хоть чѣмъ-нибудь загладить свою вину» тотъ—«весь вспыхнулъ. «А, вотъ она великая сила любви!» мелькнуло у него и онъ почувствовалъ такую братскую невыразимую любовь къ этому человѣку-ребенку, что самъ бросился къ нему, схвативъ и крѣпко сжавъ его руку и, наклонившись надъ его головою, крѣпко, нѣсколько разъ поцѣловалъ эту голову въ волосы. Въ тотъ же моментъ, Линдеманъ, слѣдуя какому-то непонятному душевному порыву, поднесъ руку Постникова къ своимъ губамъ и поцѣловалъ ее. Постниковъ отдернулъ руку и еще крѣпче обнялъ шею юноши, еще восторженнѣе поцѣловалъ его въ волосы. Тонкій, нѣжный запахъ помады отъ этихъ волосъ на мгновеніе прорѣзалъ какимъ-то диссонансомъ его чувство, но онъ постарался вполне отдаться своему восторгу «воскрешеннаго человѣка». Прошло нѣсколько мгновеній. Оба молчали и смотрѣли другъ на друга, стараясь выразить въ своихъ глазахъ выраженіе «влюбленныхъ и счастливыхъ людей» людей, но обоимъ начинало дѣлаться неловко. Нужно было заговорить, о чемъ оба не знали. Начать о чемъ-нибудь обыденномъ—переходъ будетъ очень рѣзокъ. Однимъ словомъ, высокое настроеніе стало смѣняться значительнымъ конфузомъ...» (132). Наивный герой предлагаетъ затѣмъ Линдеману «свои книги, свои званія», наконецъ, титулъ своего «младшаго брата», а тотъ въ это время думаетъ: «Чертовское положеніе! Теперь, въ самомъ дѣлѣ я связанъ съ нимъ, какъ близнецъ... Пожалуй, и книги придется брать...» (133). Иронія автора *здесь* совершенно очевидна—и еще бы иначе! Очень жаль, что въ другихъ, менѣе рѣзкихъ по формѣ, но тождественныхъ по существу случаяхъ, г. Красовъ относится къ своему герою—простофилю съ сочувствіемъ, даже съ уваженіемъ. Въ концѣ концовъ, повторяемъ, не разберешь—смѣется ли авторъ надъ своимъ героемъ или показываетъ намъ его въ поученіе: дескать «се человѣкъ» и разумѣйте языцы. Жизнь и не въ конецъ еще заглухшее человѣческое чувство взяли таки свое и г. Красовъ безпристрастно не скрываетъ этого: Постниковъ кончилъ тѣмъ, съ чего естественно было начать, т. е.

отдулъ до полусмерти нахальнаго и лицемѣрнаго подлеца, не смотря на свою «невъразимую, братскую»—пресловутую любовь къ нему, чѣмъ романъ и оканчивается.

Какъ сатира, романъ г. Красова—положительно хорошая вещь, хотя, конечно, какъ-то странно, что русскій писатель не имѣлъ кругомъ себя предмета болѣе достойнаго осмѣянія, чѣмъ безвредный умственный недоросль, со всѣми лѣзущій цѣловаться и вмѣняющій себѣ въ особенную заслугу отсутствіе въ себѣ «мальконтанства» (150). Разумѣется, логика героя забавна: съ одной стороны, неукротимое стремленіе къ идеалу, съ другой, полнѣйшее довольство конкретной дѣйствительностью. Разумѣется, его личность смѣшна до послѣдней степени, но смѣшна водевильно и сатиры ни подъ какимъ видомъ не стоить. Если же — а мы имѣемъ право такъ думать, г. Красовъ даетъ къ этому частые и сильныя поводы—авторъ смотритъ на своего героя и его курьезную *idée fixe* вообще серьезно, видитъ въ этой идеѣ общественный смыслъ, то это, конечно, очень прискорбно. Не будемъ уже говорить о томъ, что, въ виду началъ, положенныхъ въ основу организаціи современныхъ обществъ, эта проповѣдь любви является даже не гласомъ въ пустынѣ вошюющимъ, а какою-то завѣдомо бесполезною игрою въ хорошія и громкія слова. Если хотите насмѣшить всѣхъ куръ Великой, Малой и Бѣлой Россіи—сдѣлайте одолженіе выходите на эту проповѣдь. Вы скажете: «люби своего ближняго, какъ самого себя», а щедринскій «батьюшка» отвѣтитъ: «по нынѣшнему времени, господинъ, многія заповѣди въ обратномъ смыслѣ понимать должно». Вы будете гремѣть «не укради», а Граціановъ васъ за это, какъ неблагонамѣреннаго человѣка, аттестуетъ. Вы будете убѣждать не желать дому ближняго своего, ни осла его, ни вола его, а Деруновы хоромъ протянуть: «йонъ доста-анеть!» И пойдете вы «солнцемъ палимы» и не солоно хлебавши. Хорошая вещь «любовь», но справедливость еще лучше. А справедливость не всегда прощаетъ и ужь, конечно, не все и не всѣхъ рекомендуетъ любить и благословлять. Кто, говорятъ, все понимаетъ, тотъ все прощаетъ. Но, кто же понимаетъ *все*? И «ужь сколько разъ твердили міру», что если каждое явленіе имѣетъ свои причины и въ своей законосообразности находитъ свое оправданіе, такъ вѣдь и ненависть къ тому или другому цыглу явленій есть, въ свою очередь, также явленіе и стало бытъ имѣетъ свой *raison d'être*. Тутъ логика обоюдоострая и обращаться съ нею нужно осторожно. Во всякомъ случаѣ метать бисеръ передъ свиньями—неразсчетливо и надѣяться излечить гангрену медовыми лепешками — не особенно глубокомысленно.

Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія *Т. П. Пассекъ*. Томъ II. Спб. 1879.

«Книга 1-жи Пассекъ, говорили мы при появленіи перваго тома «Воспоминаній», не только записки бывалаго человѣка, обстоятельствами сближеннаго съ нѣкоторыми замѣчательнѣйшими

людьми своего времени; нѣтъ, это, кромѣ того, записки честнаго и умнаго человѣка». Вполнѣ тоже самое можно сказать и относительно появившагося теперь второго тома «Воспоминаній». Также искренность и безыскусственная простота повѣствованія, также теплая любовь къ прошлому, но любовь не на счетъ и не въ ущербъ настоящему, тоже, наконецъ, и искусство внѣшняго изложенія. Но интересъ второго тома выше и сильнѣе, какъ потому, что въ немъ идетъ рѣчь объ эпохѣ, болѣе близкой къ намъ и очень серьезной по своему историческому значенію, о такъ называемой эпохѣ сороковыхъ годовъ, такъ и потому, что люди, фигурировавшіе въ первомъ томѣ дѣтьми и юношами, въ этомъ томѣ являются зрѣлыми людьми и общественными дѣятелями. Непропорціонально-большое мѣсто, отведенное въ «Воспоминаніяхъ» чисто личному элементу, составляетъ слабую сторону и этого тома. Увлекаясь своими, вполнѣ, конечно, законными и естественными, но для читателя довольно чуждыми симпатіями и пристрастіями, г-жа Пассекъ не рѣдко распространяется о людяхъ, не сѣумѣвшихъ или не успѣвшихъ оставить въ нашей жизни прочнаго слѣда. Крупный общественный дѣятель, со всѣми своими слабостями и недостатками, интереснѣе и ближе для общества, нежели хотя бы самая свѣтлая личность, влияніе которой не шло дальше предѣловъ тѣснаго кружка. О Станкевичѣ, напримѣръ, ни Бѣлинскій, ни «Саша» г-жи Пассекъ, ни другіе замѣчательные люди той эпохи, не вспоминали безъ благоговѣйнаго уваженія, ставили его на первомъ мѣстѣ и, однакоже, имя Бѣлинскаго знаетъ каждый грамотный человѣкъ, а имя Станкевича давно быльемъ поросло. Вотъ почему, между прочимъ, мы, вполнѣ понимая мотивы, тѣмъ неменѣе не видимъ цѣли, напримѣръ, того, что г-жа Пассекъ озаботилась «спасти отъ забвенія» одну юношескую статейку Вадима Пассека и перепечатала ее въ своихъ воспоминаніяхъ. Нравственнаго удовольствія, испытаннаго, вѣроятно, при этомъ г-жею Пассекъ, читатель, безъ сомнѣнія, не раздѣлитъ съ нею и только пожалѣетъ о времени, непроизводительномъ потраченномъ на чтеніе ужъ безцѣльнѣе юной и ни въ какомъ отношеніи не характерной статьи покойнаго писателя. Такія уступки личному чувству, въ ущербъ общему интересу, въ книгѣ г-жи Пассекъ не часты, но онѣ есть и это является едва ли не существеннѣйшимъ недостаткомъ «Воспоминаній».

Этотъ недостатокъ едва ли, впрочемъ, не недостатокъ всѣхъ мемуаровъ. Гораздо важнѣе то обстоятельство, именно и выдвигающее «Воспоминанія» г-жи Пассекъ изъ ряда другихъ однородныхъ произведеній, что личный элементъ не заслоняетъ собою въ книгѣ болѣе важныхъ явленій тогдашней жизни. Г-жа Пассекъ не даетъ никакихъ общихъ характеристикъ, а рассказываетъ лишь факты, не пытаясь придать имъ то или другое освѣщеніе, даже не подчеркивая ихъ, но эти факты чаще всего таковы, что о значеніи ихъ и не можетъ быть двухъ мнѣній.

Главный интерес по прежнему сосредоточивается на блестящей личности «Саши», изъ жизни котораго г-жа Пассекъ сообщает нѣкоторыя любопытныя подробности. Вотъ, напримѣръ, по какому поводу Сашѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга. «У Сяняго моста будочникъ убилъ и ограбилъ прохожаго. Объ этомъ случаѣ говорилъ весь городъ — Александръ написалъ отцу въ Москву и его присудили къ возвращенію въ Вятку за распрощаніе слуха, вреднаго полиціи. Участіе графа Строганова спасло (?) его—ему позволили замѣнить Вятку любымъ губерньскимъ городомъ. Для Наташи (жены Александра) эта исторія имѣла ужасныя послѣдствія. Она преждевременно разрѣшилась ребенкомъ, прожившимъ нѣсколько минутъ и вынесла жестокую горячку. Нервы ея до того были потрясены, что она всю остальную жизнь уже не пользовалась полнымъ здоровьемъ» (314 — 320). Однородныя свѣдѣнія сообщаетъ г-жа Пассекъ и о Шевченкѣ, приводя его подлинныя письма, очень характерныя и въ субъективномъ смыслѣ, и со стороны фактическаго содержанія. «Я такъ обрадованъ, писалъ, напримѣръ, Шевченко, такъ очастливленъ вашимъ ласковымъ привѣтомъ, что забываю гнетущее меня девятилѣтнее испытаніе. Да, уже девять лѣтъ, какъ казнясь я за грѣшное увлеченіе моею безтолковой молодости. Преступленіе мое велико (Шевченко написалъ сатиру)—я это сознаю въ душѣ, но и наказаніе безгранично, и я не могу понять, что это значить. Конфирмованъ я съ выслугою, служу какъ истинный солдатъ; одинъ мой недостатокъ, что я не могу дѣлать ружьемъ какъ бравый ефрейторъ, но мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ. Мнѣ запрещено писать стихи, я знаю, за что и переносу наказаніе безропотно. Но за что мнѣ запрещено рисовать? Свидѣтельствуюсь сердцевѣдцемъ Богомъ—не знаю. Да и судьи мои столько же знаютъ, а наказаніе страшное! Вся жизнь моя была посвящена божественному искуству. И что же? Не говорю уже о матеріальной пыткѣ, о нуждѣ, охлаждающей сердце. Но какова пытка нравственная? О, не приведи Господи никому на свѣтѣ испытать ее. Хотя съ великимъ трудомъ, я однакожь отказалъ себя въ самомъ необходимомъ. Довольствуюсь тѣмъ, что царь даетъ солдату. Но какъ отказаться отъ мысли, чувства, отъ этой неугасимой любви къ прекрасному искуству? О, спасите меня или еще одинъ годъ—и я погибъ» (396). Ничего существенно новаго эти, и подобныя имъ факты, конечно, не прибавляютъ тѣмъ неменѣе, неліцепріятная исторія отведеть имъ довольно видное мѣсто. Переходя отъ матеріаловъ, обрисовывающихъ нравы и порядки къ матеріаламъ, характеризующимъ людей и дѣятелей того времени, мы находимъ въ книгѣ не мало данныхъ и по этому предмету. «Странное племя, мудреное племя» сороковыхъ годовъ обрисовывается нѣкоторыми указаніями г-жи Пассекъ довольно ярко, это племя людей, столь смѣлыхъ и послѣдовательныхъ въ сферѣ теоретической мысли и столь робкихъ и нерѣшительныхъ на практикѣ, племя, заѣденное «рефлексією», вѣчно разсуждавшее

и сомнѣвавшееся, и осужденное лишь на благіе порывы, которые не дали дѣйствительной жизни почти ничего, а ему самому доставили лишь мученія Тантала. «Иногда, рассказываетъ, напримеръ, г-жа Пассекъ:—съ Коршемъ и Грановскимъ прѣзжалъ въ Соколово П. В. Анненковъ, издатель Пушкина. Всѣ любили и уважали его — онъ этого и стоилъ. Однажды при Анненковѣ всѣ друзья отправились полежать на берегу рѣки подъ деревьями, велѣли принести себѣ туда шампанскаго. Подъ горой, на которой они расположились, текла рѣка, и за рѣкой виднѣлись поля, на которыхъ золотились рожь и овесъ. Жара была страшная. Въ полѣ работали крестьяне. Анненковъ, держа въ рукахъ бокалъ шампанскаго и указывая на работавшихъ, шутя сказалъ: «А право пріятно лежать подъ деревьями, попивать шампанское и глядѣть какъ въ полѣ идутъ работы; жарко имъ должно быть! ну, да за то намъ хорошо». Право отлично, подтвердили другіе, захохотали, да вдругъ и стихли. Всѣ почувствовали себя неловко. Грановскій бросилъ бокаль и отвернулся.

— Ну, братецъ, сказалъ Е. Ѳ. Коршъ, обращаясь къ Анненкову:—отравилъ ты намъ жизньъ.

Эти шутя сказанныя слова развеселили всѣхъ и они принялись разсуждать о томъ, какъ бы устроить дѣло такъ, чтобы всѣмъ жилось также хорошо, какъ живетъ имъ» (378).

Интересно было бы послушать эти импровизированныя разсужденія! Всѣ эти передовые люди, соль тогдашней интеллигенціи, преотлично могли говорить и на самомъ дѣлѣ безпрестанно говорили и о категоріяхъ Канта, и о «я», и «не я», и о разумной дѣйствительности Гегеля, но вопросъ, «какъ бы устроить дѣло», за множествомъ занятій, какъ видно, имъ и въ голову не приходилъ. На него навелъ ихъ только рѣзкій контрастъ, одинъ изъ безчисленныхъ «веселенькихъ пейзажиковъ» жизни, который сначала сконфузилъ ихъ, а потомъ даже «развеселилъ», доставивши новую тѣму для пріятнаго «обмѣна мыслей». Въ искренности ихъ гуманнаго чувства, этого «благаго порыва» къ самоосужденію, сомнѣваться невозможно. Но въ томъ именно и состоитъ трагическій и комическій элементъ этого времени, что, признавая настоящую реальность, а, стало быть, и настоящимъ дѣломъ не дѣйствительную жизнь съ ея «проклятыми вопросами», а отвлеченную мысль, представители его даже изъ такихъ понижающихъ и оскорбляющихъ «контрастовъ» ухитрялось дѣлать предметъ для діалектическихъ умствованій и контраверсовъ. Жизненная правда, говоря вульгарно, текла у нихъ по усамъ, а въ ротъ не попадала.

Конечно, это не вина, а только несчастіе ихъ. Книга г-жи Пассекъ оканчивается словами «Саши», которыя не только хорошо разумируютъ книгу, ея идею и смыслъ, но и представляютъ собою какъ бы завѣтъ намъ нашимъ предшественниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ самооправданіе. «Пойметъ ли, говорилъ «Саша», при послѣднемъ свиданіи съ авторомъ книги:—пойметъ

ли, оцѣнить ли грядущее поколѣніе всю трагическую сторону нашего существованія, между тѣмъ, какъ наше страданіе—зерно, изъ котораго разовьется ихъ счастье. Поймутъ ли, отчего въ минуты восторга не забывали мы тоски? вѣра въ будущее спасаетъ насъ отъ отчаянія, а любовь влечетъ выразиться благими дѣлами. Пусть же они остановятся съ мыслію и грустью передъ тѣми камнями, подъ которыми мы уснемъ. Мы заслужили ихъ грусть» (495).

Эти слова, можно надѣяться, брошены не на вѣтеръ. Намъ тѣмъ легче почтить своею «грустью» память своихъ предшественниковъ, что то «счастье», на которое надѣялся «Саша», также мало извѣстно намъ, какъ мало было извѣстно и имъ. Нашимъ преемникамъ едва ли придется выслушать что-нибудь большее и лучшее, нежели то, что мы услышали отъ своихъ предшественниковъ.

Въ пересыльной тюрьмѣ. Д. А. Линева. Спб. 1880.

Многочисленныя иллюстрированныя изданія наши ставятъ иногда рецензента въ презатруднительное положеніе. Эти изданія играютъ въ журналистикѣ роль нѣкоторой съ боку-припеки и очень естественно, что даже самый усердный рецензентъ не считаетъ своею обязанностью слѣдить за появляющимися въ нихъ произведеніями. Какъ-то ужъ такъ устроилось, что въ представленіи рецензента относительно разныхъ «Нивъ» и «Невъ» все смѣшано и перепутано—шахматныя задачи съ романами, шарады съ повѣстями, критическія статьи съ «преміями», стихотворенія съ «почтовымъ ящичкомъ». Все это какъ-будто не литература, не журналистика, а такъ, Богъ знаетъ что. При такомъ взглядѣ, можетъ быть и неосновательномъ, но чрезвычайно упорномъ, слагающемся у васъ какъ-то стихійно и произвольно, естественно что весь легионъ «иллюстрированныхъ» беллетристовъ остается для рецензента нѣкоторою невѣдомою и неизслѣдованною областью и престранное чувство испытываешь, когда внезапно встрѣчаешься съ однимъ изъ этихъ таинственныхъ незнакомецъ на полѣ общей журналистики. Къ вашему конфузу и удивленію, иногда оказывается, что этотъ незнакомецъ написалъ нѣсколько томовъ романовъ, повѣстей и разныхъ «очерковъ», мнитъ о себѣ не малое и отличается даже нѣкоторою полемическою пылкостью и задорностью. Беря въ руки его толстую книгу, въ которой онъ собралъ воедино всѣ клочки своей разодранной по еженедѣльнымъ нумерамъ ризы, вы натываетесь на неизвѣстное имя, предполагаете встрѣтить начинающаго писателя и вдругъ узнаете изъ предисловія, что авторъ—человѣкъ бывалый и даже заслуженный, что онъ и такую-то задачу рѣшилъ и такой-то подвигъ совершилъ и даже гражданское мужество успѣлъ неоднократно обнаружить. Не повѣрить нельзя, потому, человѣкъ чуть не божится, а повѣрить—себя осрамишь: какого слона не примѣтилъ! Конфузъ вашъ тѣмъ сильнѣе, что вы не знали того, что давно извѣстно всѣмъ чухломцамъ, царевokokшайцамъ и бугуруслан-

цамъ, въ литературѣ, какъ извѣстно, вообще мало причастнымъ: въ длинные зимніе вечера, когда выпивки не предвидѣлось, а пулѣки не состоялось, они цѣлыми семьями упивались произведеніями вашего автора, давнымъ давно произвели его въ гении. а вы, присяжный рецензентъ, вы, по долгу службы обязанный слѣдить за отечественными талантами, ничего-то вы этого не знали и всероссийскую знаменитость обзываете незнакомцемъ!

Г. Линева поставилъ насъ именно въ такое непріятное положеніе. Линева, Линева! Откуда г. Линева? По какому случаю г. Линева? Такъ, въ своемъ невѣжествѣ готовы были звать мы, взявши въ первый разъ книгу нашего автора. — Въ пересильной тюрьмѣ. Тѣмъ хуже для насъ, разумѣется. Оказывается, что г. Линева и замѣчательный писатель и замѣчательный человекъ — такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуется предисловіе. Онъ «служить дѣлу, а не лицамъ» — дѣлу преобразования тюремъ путемъ беллетристическихъ иллюстрированныхъ изобличеній. Онъ задался такою задачею: «изобличать модность, мнимую благонамѣренность, обнаруживать зло, указывать язвы во всей ихъ отвратительной наготѣ»; «такъ какъ прибавляетъ авторъ: — только при такихъ условіяхъ и мыслимо сколько-нибудь правильное и цѣлесообразное врачеваніе» (VII). Онъ написалъ книгу «По тюрьмамъ» и другую книгу «Впередъ до распоряженія»; передъ нами лежитъ третья, а «въ первой половинѣ будущаго года» онъ общается намъ и четвертую. Книги автора имѣли заслуженный успѣхъ. Первый томъ, «встрѣченный благопріятными отзывами главныхъ органовъ столичной прессы, въ самое короткое время разошелся въ количествѣ почти 1,300 экземпляровъ» и авторъ «далекъ отъ боязни» за успѣхъ и настоящаго тома. «С.-Петербургскія Вѣдомости» поспѣшили отозваться о «По тюрьмамъ», указавъ на *соціальное значеніе и серьёзное содержаніе* книги» (V) — шутка ли! Г. Буренинъ, по словамъ автора, «удостоилъ» его «цѣлыхъ шести фельетонныхъ столбцовъ всевозможной ругони, клеветы и инсинуаций» и г. Линева мужественно выходитъ съ нимъ на ратоборство, одинъ на одинъ: опять-таки — шутка ли! Наконецъ, авторъ даетъ генеральную битву г. Никитину, «директору тюремнаго комитета», выступившему противъ г. Линева въ «Новостяхъ» со статьею «Современный Хлестаковъ въ роли моралиста». Положеніе читателя обреченнаго слѣдить за этой полемикой, тяжело до послѣдней степени. Дѣло въ томъ, что ничего понять невозможно. Гг. Линева и Никитинъ, точно авгуры, говорятъ какими-то только для нихъ понятными обиняками, о какихъ-то княжнахъ и графиняхъ филантропкахъ, о какихъ-то баронахъ Соте и Влевѣ и о какой-то «Амальѣ Карловнѣ», разыгрывавшей, будто бы, пантомимы любви въ секретныхъ камерахъ полицейскаго дома и т. д., и т. д. Сущность разногласія между гг. Никитинымъ и Линевымъ, насколько можно понять, состоитъ, кажется, въ томъ, что, по мнѣнію перваго, упомянутыя филантропки-аристократки «почти свя-

тыя», «умныя», «истинныя» и т. п., а, по мнѣнію втораго, имѣ еще нѣсколько далеко до святости. Это мнѣніе г. Линеваъ высказываетъ, «хорошо сознавая грозящую ему опасность со стороны «почти святыхъ» и «знатныхъ» друзей г. Никитина» (VI). Для читателя, однакоже, непосвященнаго въ закулисныя тюремныя тайны, пропадаетъ даромъ и ядовитость г. Никитина и гражданское мужество находящагося въ опасности г. Линева. Онъ понимаетъ только, что собственно тюремное дѣло не подвигается ни на шагъ впередъ отъ всѣхъ этихъ взаимныхъ полемическихъ опорочиваній и что гг. Никитинъ, Линеваъ, баронъ Соте и святые или несвятые филантропки сдѣлали бы лучше, еслибы свели свои маленькіе счеты гдѣ-нибудь подальше отъ глазъ публики.

Мы остановились на предисловіи, потому что для характеристики автора оно даетъ гораздо болѣе матерьяла, нежели сама книга. Книга г. Линева въ значительной своей части наполнена біографическими свѣдѣніями о наиболѣе интересныхъ, въ романическомъ отношеніи, невольныхъ тюремныхъ обитателяхъ и никакого такого «изобличенія подлости» и «указанія язвъ» мы въ ней не нашли. «Подлость» и «язвы» — это въ устахъ г. Линева только громкія слова. Книга г. Линева и имѣющіяся въ ней кое-какія изобличенія кое-какихъ грѣшковъ и злоупотребленій производятъ даже довольно благодушное и успокоительное впечатлѣніе — мы говоримъ это совершенно искренно. Если тюремныя «язвы» состоятъ только въ нѣкоторомъ произволѣ смотрителей, во взяточничествѣ разныхъ надзирателей и конвойныхъ. въ комедіяхъ, отламываемыхъ разными «филантропками» и т. п. — такъ право это еще съ полагоря.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Принесетъ ли новый годъ нашей литературѣ новое счастье — дѣло темное. Знаменитые мнѣицкіе покровители всего русскаго, Авось и Небось, можетъ быть и вывезутъ, а можетъ быть и не вывезутъ. Это божества, конечно, могущественныя, объ чемъ свидѣтельствуеетъ вся русская исторія, но капризныя, объ чемъ тоже исторія не умалчиваетъ. Они могутъ вознести русскаго человѣка выше лѣса стоячаго, такъ что мимоходящіе скажутъ: боги! какъ этотъ человѣкъ высоко летаетъ и какъ онъ чувствуетъ свое достоинство на высотѣ птичьяго полета! Но могутъ они также этого самаго человѣка въ такомъ какомъ-нибудь мѣстѣ устроить, гдѣ и мимоходящихъ-то никакихъ не бываетъ, такъ что не то что любоваться, а и пожалѣть некому. Темное, говорю, дѣло. И ни одинъ смертный не подниметъ завѣсы будущаго. Таковъ, впрочемъ, характеръ русской жизни вообще. Хоть и не лестно, а надо сознаться, что историческіе законы, кажется, не для насъ писаны. У другихъ народовъ, на примѣръ «флотовъ нѣтъ — передъ флотами», и это, говорятъ, историческій законъ, а у насъ нѣтъ флотовъ, нѣтъ, нѣтъ и потомъ опять-таки нѣтъ.

Во всякомъ случаѣ новый годъ уже принесъ, если не новое счастье, то нѣсколько новинокъ, и за то спасибо. Новый годъ принесъ новую газету («Страна»), новые журналы («Русское Богатство», «Русская Мысль»), новую, какъ сообщаютъ газетные слухи, газету г. Цитовича (одна эта новинка чего стоит!), новое произведеніе г. Гончарова. Объ новыхъ періодическихъ изданіяхъ еще успѣемъ наговориться, тѣмъ болѣе, что не всѣ оны еще въ настоящую минуту появились. Объ новомъ произведеніи г. Гончарова можно говорить теперь же. Это вещь законченная. Напечатана она въ № 1 «Русской Рѣчи» и называется «Литературный вечеръ».

По старой памяти, мы все еще ждемъ нѣкотораго сладостнаго, умственнаго и нравственнаго волненія при появленіи новаго произведенія котораго либо изъ даровитыхъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Ожиданіе, довольно легкомысленное, конечно. Но такова ужъ сила преданія. Поэтому обусловленная этимъ ожиданіемъ иногда чрезмѣрная требовательность, придирчивость, юрчливость, хотя вполнѣ несправедливы, но понятны. Не будь

подъ «Литературнымъ вечеромъ» много общающей подписи г. Гончарова, этотъ «очеркъ», какъ называетъ его самъ авторъ, прочелся бы заурядъ съ разнымъ другимъ журнальнымъ матеріаломъ: кое-кто зѣвнулъ бы нѣсколько разъ при его чтеніи, кое-кто совсѣмъ не дочиталъ бы, кое-кто, дочитавъ, подумалъ бы: и охота же было этому очерку растянуться на шесть печатныхъ листовъ! Кромѣ этой, совершенно невинной и, надо правду сказать, даже при наличности подписи г. Гончарова справедливой претензіи, никто не предъявилъ бы автору ничего. Теперь, совсѣмъ другое дѣло. Теперь каждый принимается за «Литературный вечеръ» съ надеждой встрѣтить яркіе типическіе образы, можетъ быть правильно, а можетъ быть неправильно освѣщенные, но во всякомъ случаѣ живые, больно или сладостно трогающіе читателя. Иной можетъ быть даже рассчитывать, что вотъ человѣкъ сейчасъ «ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой» и, дочитавъ «Литературный вечеръ» до конца, естественно рассердится. Но будемъ же справедливы. Возьмемъ то, что намъ даютъ.

Никакихъ яркихъ типическихъ образовъ въ очеркѣ г. Гончарова нѣтъ, да авторъ и не имѣлъ въ виду создать ихъ. Строго говоря, это не только не художественное произведеніе, а вещь, даже не преслѣдующая художественныхъ цѣлей. Это просто характеристика нѣкоторыхъ сторонъ нынѣшняго положенія литературы, изложенная въ привычной автору беллетристической формѣ. Для такой характеристики очеркъ немножко длиненъ и оснащенъ нѣкоторыми ненужными подробностями. Но все-таки это именно такая характеристика, и по замыслу, и по исполненію, и иныхъ требованій ей предъявлять нельзя. Съ этой точки зрѣнія, очеркъ, несмотря на растянутость, отнюдь не лишенъ интереса и поучительности.

Великосвѣтскій авторъ читаетъ въ великосвѣтскомъ кругу свой романъ изъ великосвѣтскаго быта. Для этого именно случая великосвѣтскій кругъ немножко потѣснился и далъ у себя мѣсто простымъ смертнымъ, «оглашеннымъ»: профессору, редактору журнала, газетному критику. Самъ по себѣ романъ великосвѣтскаго автора большаго вниманія не заслуживаетъ. Г. Гончаровъ рассказываетъ содержаніе части его своими словами: благороднѣйшій графъ влюбленъ въ прекраснѣйшую княгиню, прекраснѣйшая княгиня влюблена въ благороднѣйшаго графа, но коварнѣйшій баронъ, пользуясь маленькою случайностью, разводитъ интригу, вслѣдствіе которой любовь смѣняется раздоромъ. Но «ручей два древа раздѣляетъ, а вѣтви ихъ, слетаясь, растутъ», сердца графа и княгини остаются неразлучными и потому обладатели сердець вновь соединяются, чтобы потомъ вновь разойтись, но уже при другихъ условіяхъ. Такъ какъ дѣйствіе великосвѣтскаго романа происходитъ и въ Россіи, и за-границей, то авторъ инерустируетъ разные тонкія описанія красивыхъ мѣстностей, музеевъ, картинъ, маневровъ въ Красномъ Селѣ и проч.

и проч. Да идетъ все это мимо насъ! Но вотъ романъ прочитанъ и начинаются сужденія объ немъ, сначала при самомъ авторѣ, а потомъ и безъ него. Въ этихъ сужденіяхъ заключается весь интересъ «очерка» не только для насъ, читателей, но, очевидно, и для самого г. Гончарова, выбравшаго эпиграфомъ къ очерку стихъ Крылова: «лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду».

Сначала, въ присутствіи автора, сужденія высказываются, конечно, только благопріятныя. «Оглашенные», случайно попавшіе въ высокіе хоромы на роли экспертовъ, молчать, а «свои» выражаютъ восторги въ такомъ родѣ. Нѣкоторый господинъ Фертонъ категорически объявляетъ: «Comme c'est beau! on se croirait transporté à l'époque d'Homère!» «C'est divin! c'est Homère doublé de Tasse!» А князь Пестовъ, съ своей стороны, проситъ автора: «Vous me donnerez un exemplaire: je le mettrai à coté de J. J. Rousseau». По отбытіи автора и нѣкоторыхъ изъ его друзей, между прочимъ, и тѣхъ, которые столь блаженно сравнивали его съ Гомеромъ, Тассомъ и Руссо, начинается веселый ужинъ, развязываются всѣ языки... Говорятъ и о только-что выслушанномъ произведеніи, и о литературѣ вообще. Генералъ недоволенъ тѣмъ, что въ литературѣ употребляются слова «объективный, субъективный, эксплуатация, инспирація, конкуренція, интеллигенція». Старикъ Красноперовъ, пріятель Булгарина и Греча, вспоминаетъ доброе старое время, когда «бывало, сочинители по стрункѣ ходили», «являлись къ Николаю Ивановичу на поклонъ и выслушивали отъ него благіе совѣты, да слѣдовали имъ». Онъ же, Красноперовъ, находитъ, что литература колеблетъ «основы». Въ этомъ его поддерживаетъ господинъ Трухинъ, пускающій шипъ по змѣиному насчетъ разрушительныхъ стремленій и недостатка уваженія къ религіи. Это крайняя правая сторона за ужиномъ. Крайнюю лѣвую изображаетъ собой газетный критикъ Кряковъ, беспорядочно и азартно полемизирующій направо и налево, и каждому изъ собесѣдниковъ въ отдѣльности, равно какъ и всему обществу въ цѣломъ говорящій дерзости. Центръ занимаютъ свѣтскій, но образованный и умный старикъ Чешневъ, редакторъ журнала и профессоръ. Какъ и подобаетъ центру, среднимъ людямъ, они говорятъ среднего рода и среднего достоинства рѣчи, склоняясь то немножко вправо, то немножко влево. Настоящій парламентъ! Чтобы читатель видѣлъ, какъ происходятъ эти дебаты, подъ руководствомъ президента г. Гончарова, я приведу небольшой образчикъ:

«— Перестанешь смѣяться, какъ вотъ эдакіе новые умники (Красноперовъ кивнулъ на Крякова, а Кряковъ въ отвѣтъ кивнулъ ему) придуть къ тебѣ, да объявятъ, что домъ твой въ Большой Конюшенной не твой, а ихъ; что все общее..., а тебя вытолкаютъ вонъ! Будетъ тогда «весело!»

— Господи помилуй! Что ты это на ночь пугаешь! говорилъ Суховъ.—Слышите, что онъ говорить? обратился онъ къ Уранову

и генералу. Не бойся, мой другъ, прибавилъ онъ успокоительно:—всѣ эти отрицатели и разрушители, если не обо что-либо другое, такъ о собственность лобъ себѣ разобьютъ!

— Я старѣ васъ всѣхъ тутъ и могу говорить... наставлялъ Красноперовъ.

— И говоришь по опыту, что ли?

— Богъ миловалъ пока, а коли вы такъ равнодушно глядите на всѣ затѣи, да идеи этихъ мальчишекъ, что величаютъ себя новымъ поколѣніемъ, и мѣръ не принимаете, такъ дождетесь, что и у насъ заведутъ коммуны! Смотрите-ка, что теперь дѣлается! Старшихъ нѣтъ, перемерли, учить уму-разуму некому! Что еслибы они возстали изъ гробовъ!..

— Ихъ теперь посадили бы въ кунтскамеру, а съ ними и васъ! сказалъ Кряковъ.

Красноперовъ разсердился, особенно когда это замѣчаніе встрѣтило смѣхъ даже около него.

— А васъ, милостивый государь, и всѣхъ подобныхъ вамъ сочинителей, которые такъ разсуждаютъ, ужъ извините, я бы не туда посадилъ! горячо замѣтилъ онъ учительскимъ тономъ.

— И сажаютъ, успокойтесь, господинъ Фамусовъ; вы еще не всѣ перевелись на Руси!

Всѣ смѣялись, глядя на задоръ противниковъ.

— Что смѣтаете! говорилъ Красноперовъ раздражительно гостямъ постарше: вы ему на руку смѣтаете и угождаете новому поколѣнію;—да, вы унижаетесь передъ ними, стыдно показаться отсталыми! Что? неправда?

— Что ты! внушительно сказалъ хозяинъ:—что намъ за надобность угождать, вѣдь мы не ребята; чего намъ заискивать у новаго поколѣнія? Мы его не боимся и не ждемъ отъ него дурного. Какая же намъ причина потакать такимъ ужасамъ, какіе ты рассказываешь?

— Какая причина... изволь, я скажу.

— Говори.

— Вы всѣ сами нигилисты, вотъ что! брякнулъ онъ.

Всѣ весело, со смѣхомъ глядѣли на него.

— C'est trop fort!

— Какъ такъ! Богъ съ тобой!

— Да такъ! вы сами за одно съ этими новыми. Кто больше, кто меньше, но всѣ, всѣ! Напримѣръ, иные изъ васъ—и я знаю кто—вѣруютъ въ Бога по своему, разсуждаютъ, а не такъ, какъ указываетъ православная церковь; ходятъ разъ въ годъ на исповѣдь «для примѣра»—говорятъ; другіе исповѣдуютъ противный господствующему строю правительства образъ мыслей и разсуждаютъ объ этомъ подъ рукой съ пріятелями, а сынки слушаютъ, да на усъ мотають! Что мудренаго послѣ этого, что они не признають и не уважають ничего и никого!

Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ и слушали съ улыбкой.

— Вотъ изволите видѣть, замѣтилъ журналистъ:—а вы все на печать...

— А печать поддерживаеъ, подстрекаетъ, говорилъ Красноперовъ.

— Нельзя ли указать, гдѣ и какъ?

— Да вездѣ! Гдѣ я теперь припомню? Да и припоминать нечего... Что тутъ указывать, все никуда не годится! Вотъ Николай Ивановичъ или Ѳаддей Венедиктовичъ, тѣ сейчасъ бы указали, за словомъ въ карманъ не полѣзли бы! Я не цензоръ — что мнѣ!

Онъ не зналъ, что сказать. Но заговорилъ неожиданно новый собесѣдникъ. Это былъ Трухинъ... Онъ все молчалъ и слушалъ прилежно, смиренно потупляя взоръ въ тарелку и по временамъ вглядываясь изъ-подъ очковъ то въ того, то въ другого изъ собесѣдниковъ.

— Вы изволите спрашивать подтвержденія тому, что Иванъ Петровичъ излагали сейчасъ насчетъ распространенія путемъ печати превратныхъ идей, сказалъ онъ вкрадчиво журналисту.

— Да-съ! не возьмете ли вы на себя трудъ доказать, чѣмъ это подтверждается въ печати?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ... положительнымъ образомъ не подтверждается, это точно-съ...

— Вотъ видите! сказалъ журналистъ Красноперову.

— Противнаго религіи, продолжалъ новый собесѣдникъ: — въ печати нѣтъ-съ, это правда... Оно и понятно: не позволили бы. Но за то ни одинъ журналъ не ополчается и за религію...

— Зачѣмъ же, когда вы сами говорите, что на нее не нападаютъ?

— Не нападаютъ, это такъ-съ, но упадокъ религіознаго начала въ обществѣ ощутителенъ, а поддержки ему никакой нѣтъ... Напримѣръ, въ журналахъ, и въ вашемъ тоже, извините, на трехъ-четырехстахъ страницахъ нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминалось имя Божіе. Это очень знаменательно...

Всѣ съ любопытствомъ глядѣли на него и на журналиста.

— Dieu—Dieu—Dieu—Dieu! зачастилъ кто-то въ концѣ стола.

— Что, не правду я говорилъ? подтвердилъ Красноперовъ.— Не я одинъ, а и другіе заключаютъ...

— Я ничего не заключаю-съ, я только хотѣлъ бы прояснить этотъ вопросъ изъ любопытства... поспѣшно прибавилъ Трухинъ.

— Кто это? вполголоса спросилъ генералъ у Сухова про Трухина.

— Не знаю! сказалъ тотъ.—Надо спросить у Григорія Петровича.

— Сикофантъ, развѣ не видите! брякнулъ вдругъ Кряковъ, услышавшій вопросъ генерала. Чешневъ даже слегка вздрогнулъ.

— Что это? фамилія что ли его? спросилъ генералъ и не много смутился, когда нѣкоторые засмѣялись и даже Чешневъ улыбнулся.

— Нѣтъ! это имя ему при крещеніи нарекли! добавилъ Кряковъ».

И т. д., и т. д., и т. д. Въ такомъ родѣ идутъ дебаты о задачахъ искусства, о національности, объ идеализмѣ и реализмѣ и другихъ матеріяхъ важныхъ. Приведеннаго образчика совершенно достаточно, чтобы читатель видилъ, до какой степени очеркъ г. Гончарова чуждъ художественнаго замысла и до какой, значить, степени несправедливо было бы предъявлять ему требованія въ этомъ родѣ. Однако, если смотрѣть на него и какъ на публицистику, вставленную, по капризу и склонности автора, въ беллетристическую форму, очеркъ производитъ все-таки какое-то странное впечатлѣніе. Помимо растянутости, это зависитъ, кажется, отъ того, что г. Гончаровъ не пожелалъ вмѣшаться самъ въ дебаты дѣйствующихъ лицъ и держитъ себя именно, какъ президентъ палаты, заботящійся единственно объ томъ, чтобы всѣ стороны высказались. Хорошъ ли такой пріемъ въ чистой беллетристикѣ, это особь-статья, но въ публицистикѣ онъ, конечно, не хорошъ. Еслибы дѣйствующія лица *жили* въ очеркѣ, мы имѣли бы, значить, поэтическое произведеніе, но они только разговариваютъ. Надо же, чтобы эти разговоры были опредѣленнымъ образомъ сгруппированы и освѣщены, чтобы они имѣли свой *raison d'être*, чтобы читатель могъ понимать, почему именно эти, а не сотни другихъ возможныхъ разговоровъ ему предъявляются. Между тѣмъ, единственное, вполне опредѣленное освѣщеніе этихъ длинныхъ и подчасъ довольно-таки скучныхъ разговоровъ, которое авторъ рѣшается дать отъ себя, резюмируется эпиграфомъ. Объ остальномъ надо догадываться, что впрочемъ, особеннаго труда не представляетъ. Въ концѣ концовъ, всѣ эти разговоры, если не художественно, то довольно вѣрно воспроизводящія различные существующіе у насъ оттѣнки мнѣнія о литературѣ, дѣйствительно показываютъ, что лебедь рвется въ облака, какъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду. И это, конечно, фактъ, достойный вниманія. Затѣмъ, оттѣнокъ легкой, а иногда даже очень не легкой ироніи, съ которой г. Гончаровъ относится къ крайней правой своего парламента, долженъ быть ему, по нынѣшнему времени, поставленъ положительно въ заслугу. Само собою разумѣется, что и безъ этой ироніи никто не заподозрилъ бы нашего ночтеннаго романиста въ солидарности съ глухими и злыми людьми въ родѣ Красноперова и Трухина. Но глупость и злоба гуляютъ нынѣ по бѣлому свѣту съ такою развязностью, блестятъ такою самоцвѣтною наглостью, что просто полезно, когда человѣкъ въ родѣ г. Гончарова, человѣкъ съ крупнымъ литературнымъ именемъ и ни въ какой неблагонамѣренности не заподозрѣнный, говорить: вотъ глупость и злоба. Что касается крайней лѣвой, т. е. газетнаго критика Крякова, то и къ нему авторъ относится не безъ ироніи, но выражается она главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ усваиваетъ Крякову какую-то безпорядочность и не порядочность мысли, полемики, выражений,

*

костюма, манеръ. Впрочемъ, съ Кряковымъ выходитъ въ концѣ очерка необыкновенно странный казусъ, смыслъ котораго остается во мракѣ неизвѣстности. Оказывается именно, что онъ вовсе не газетный критикъ Кряковъ, а артистъ императорскихъ театровъ, актеръ, настоящій актеръ съ фальшивой бородой и усами, шутки ради приведенный на литературный вечеръ студентомъ, родственникомъ хозяина. Зачѣмъ понадобилась г. Гончарову эта странная фикція уразумѣть тѣмъ труднѣе, что, по мнѣнію всѣхъ присутствующихъ, равно какъ и по мнѣнію самого автора, актеръ сыгралъ свою роль безукоризненно, какъ будто на литературномъ вечерѣ присутствовалъ не актеръ, а настоящій газетный критикъ изъ «нигилистовъ». Зачѣмъ же было городить странный огородъ съ фальшивой бородой и усами? Какъ бы то ни было, но, посмѣиваясь надъ беспорядочностью и непорядочностью Крякова, г. Гончаровъ не дѣлаетъ изъ него пугала въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Напротивъ, по задачѣ автора, это человѣкъ не глупый, искренній и честный. Но симпатіи автора все-таки не на его сторонѣ, а на сторонѣ центра и именно главнымъ образомъ старика Чешнева.

Рассказывая своими словами содержание великосвѣтскаго романа, г. Гончаровъ характеризуетъ его, между прочимъ, такъ: «Ничего вульгарнаго, никакой черновой, будничной стороны не входило въ рамки этой жизни, гдѣ все было очищено, убрано, освѣщено и украшено, какъ въ свѣтлыхъ и изящныхъ залахъ богатаго дома. Прихожія, кухни, дворъ, со всею внѣшнею естественностью—ничего этого не проникало сюда; сіяли одни чистые верхи жизни, какъ снѣговья вершины Альпъ». По поводу этой стороны романа, происходитъ много ошибокъ за ужномъ и, между прочимъ, таека:

«— Это протестъ аристократизма и милитаризма противъ демократіи—вотъ какъ я назову! сердито сказалъ Кряковъ.—Протестъ привилегированныхъ сословій, съ ихъ роскошью, приторною утонченностью, противъ...

— Противъ грубости, цинизма, неряшества, всякой моральной и матеріальной распушенности... это правда! добавилъ Чешневъ тоже пылко.

Генералъ, Суховъ и Урановъ засмѣялись.—*Bien dit!* раздалось съ другого конца стола.

— И это подвигъ со стороны автора, продолжалъ Чешневъ.— Давно пора было поднять копые противъ бурнаго натиска на все то, чѣмъ живетъ и держится общество!

— Напримѣръ, на что? почти грубо спросилъ Кряковъ.

— Напримѣръ, на человѣческія приличія, уваженіе къ человѣческому достоинству, сдержанность, обузданіе дикихъ страстей, а виѣсть съ этимъ, конечно, и на соответствующія формы общежитія, на утонченность нравовъ, такъ же, какъ на чистый вкусъ и здоровыя понятія... и въ искусствахъ! Словомъ, протестъ противъ всякой расшатанности и растрепанности въ людскомъ об-

ществу, противъ всякаго звѣроподобія! Вотъ въ чемъ состоитъ подвигъ автора! Человѣчество долгимъ и труднымъ путемъ достигало этихъ результатовъ, а тутъ вдругъ явилось поколѣнiе, которое хочетъ стереть все, добытое тысячелѣтiями... И что оно поставитъ на это мѣсто? Вотъ противъ этой лжи и грубаго насилiя и протестуетъ авторъ!

— Нѣтъ! бурно заговорилъ Кряковъ:—онъ протестуетъ противъ простоты нравовъ, естественности быта, требованiй времени, противъ человѣческихъ правъ, личной свободы, равенства!.. вотъ въ чемъ подвигъ вашего автора! Онъ хочетъ защитить положенiе героевъ наверху, ихъ привилегированную утонченность, роскошь, уклоненiе отъ прямого и положительнаго труда!

— Пошли за полиціей! тихо, удерживая смѣхъ, сказалъ Суховъ хозяину».

Въ этомъ полемическомъ эпизодѣ, получающемъ и дальнѣйшее, если не развитiе, то распространенiе, заключается, повидимому, самый Brennpunktъ всего «Литературнаго вечера». Глупыя рѣчи Красноперова, злобное шипѣнiе Трухина, академическіе періоды профессора, уклончивыя разъясненiя журналиста отходятъ на задній планъ. На сценѣ остаются Чешневъ и Кряковъ. Разговоръ поднимается въ болѣе высокую сферу общихъ вопросовъ и какъ бы столкновенiя двухъ разныхъ міровъ, двухъ цивилизацій. И хотя Чешневъ и Кряковъ расстаются другъ съ другомъ со всѣми признаками взаимнаго уваженiя, но вы чувствуете, что здѣсь-то и должно быть главнымъ образомъ приложено иносказанiе насчетъ лебедя и щуки. Оно и понятно: Красноперовы и Трухины имѣютъ, конечно, голосъ въ житейскихъ дѣлахъ, большой голосъ, а нынѣ даже совсѣмъ черезъ край большой. Но какъ бы громко они ни галдѣли, какъ бы ни вредили обществу своимъ змѣинымъ шипѣньемъ, въ процессѣ выработки идей они равны нулю. Они представители не идеи, а инстинкта и рутины. Они могутъ только въ критическій моментъ дебатовать чисто идейнаго характера крикнуть, подобно Сухову, но не со смѣхомъ, а съ ужасомъ или злобой: «пошли за полиціей!» Они не видятъ разницы между полиціей и логическимъ доводомъ и, постоянно смѣшивая эти двѣ вещи, хотя и могутъ наполнить собой данный историческій моментъ и окрасить его черной краской, но они и идея—какая бы то ни было, старая, новая, вѣрная, невѣрная—не имѣютъ между собой ничего общаго. Красноперовыхъ и Трухиныхъ нельзя обойти въ картинѣ, какою задался г. Гончаровъ, потому что въ соотвѣтственной жизненной картинѣ они занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ: и сѣкутъ, и рубятъ, и въ полонъ берутъ. Но не сошлась же на нихъ интеллигентная Русь клиномъ. Многіе и многіе на разные лады и тоны поютъ, вопiютъ, взываютъ и глаголятъ: «пошли за полиціей!» Но есть же и здравомыслящіе люди, которые могутъ смотрѣть на вещи каждый по своему и расходиться между собою рѣшительно во всемъ, кромѣ, однако, понятiя о взаимныхъ

границах логики и полиціи. Въ сущности эти двѣ вещи даже не граничатъ другъ съ другомъ, ибо не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія между собой. Чешневъ и Кряковъ одинаково понимаютъ это, несмотря на полное разногласіе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. И вотъ почему ихъ дебаты несравненно интереснѣе, чѣмъ окрики Красноперовыхъ и шипѣніе Трухинныхъ, хотя послѣдніе и наполняютъ собою пространство, а первые почти не слышны. Естественно также, что дебаты Крякова и Чешнева отодвигаютъ на второй планъ расплывающіяся, межумочныя рѣчи журналиста и профессора, фигурирующихъ въ «Литературномъ вечерѣ». Въ практической жизни такіе межумки играютъ несомнѣнно важную роль, потому что ихъ виляющая срединность приходится какъ разъ по плечу разномастной толпѣ съ ея разномастными интересами: никого не удовлетворяя вполне, они раздаютъ всѣмъ сестрамъ по маленькимъ серьгамъ и сестры остаются, до поры до времени, довольны, самодовольно поглядывая въ зеркало и позвякивая маленькими дешевыми подѣсками. Но въ мірѣ идей наибольшій интересъ выпадаетъ на долю цѣлостной, логически законченной, до послѣдней ступени развитія доведенной мысли. Такими и должны быть, по очевидному замыслу автора, идеи Чешнева и Крякова. Таковы они по замыслу, но не по исполненію.

Чешневы и Кряковы отнюдь не новыя фигуры въ нашей литературѣ. Это приснопамятные «отцы» и «дѣти», въ отношенія которыхъ «Литературный вечеръ» не вводитъ ни одной новой жизненно-типической черты. Да г. Гончаровъ и не имѣлъ въ виду пополненія типа, потому что свелъ все дѣло къ разговорамъ, оставивъ Чешневу условную сдержанность и изящество, а Крякову столь же условную пылкость и неряшливость. Но именно потому, что все дѣло сведено къ разговорамъ, идеи Кряковыхъ и Чешневыхъ получили или могли бы, по крайней мѣрѣ, получить нѣсколько большую опредѣленность. Особенности личныхъ характеровъ, случайныя черты темпераментовъ, вкусовъ, склонностей, все индивидуальное отсутствуетъ въ «Литературномъ вечерѣ». Все это остается гдѣ-то за кулисами, гдѣ-то на днѣ, котораго никто не видитъ, а на верхъ всплываютъ только идеи. Въ то же время, однако, случайно или намѣренно избравъ г. Гончаровъ для своего изложенія форму разговора за ужиномъ, скакивающего съ одного предмета на другой въ капризномъ безпорядкѣ; но уже самая эта форма изложенія не даетъ возможности съ достаточною полнотою высказаться тѣмъ изъ собесѣдниковъ, которыхъ святая святыхъ не можетъ вылиться въ короткую формулу: «пошли за полиціей!» Для Крякова и Чешнева такое положеніе, разумѣется, особенно невыгодно. Ихъ міросозерцанія надо реставрировать по отдѣльнымъ крупинкамъ вскользь брошенныхъ замѣчаній и другъ друга перебивающихъ репликъ. Собственно говоря, разъ г. Гончаровъ отказался отъ чисто-художественнаго замысла, ему надлежало бы остановиться

на излюбленной формѣ классической древности, формѣ почти, такъ сказать, безплотнаго діалога, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ идейной исповѣди. Къ этой формѣ, обладающей своеобразнымъ, хотя и непривычнымъ для насъ изяществомъ, еще недавно не безъ успѣха прибѣгали Ренанъ.

Что же это за идеи Чешнева и Крякова? Если сказать, что Чешневъ идеалистъ, а Кряковъ реалистъ, то многіе, во-первыхъ, этому повѣрятъ, а, во-вторыхъ, многимъ покажется, что они отлично поняли, въ чемъ дѣло. На самомъ же дѣлѣ, слова «идеализмъ» и «реализмъ» имѣютъ такую длинную исторію и въ втеченіи этой исторіи такъ много прилипло къ нимъ разнаго случайнаго и посторонняго, что сказать: Чешневъ идеалистъ, а Кряковъ реалистъ — едва ли значитъ сказать что-нибудь опредѣленное и всѣмъ одинаково понятное. Правда, самъ Чешневъ ставитъ въ одномъ мѣстѣ Крякову упрекъ, что тотъ хочетъ «жить безъ идеала, то есть жить безъ цѣли», и Кряковъ не парируетъ упрека. Но это зависть, конечно, только отъ того, что въ безпорядочной *causerie* за ужиномъ Крякову трудно равномѣрно слѣдить за всѣми направленными противъ него обвиненіями и уличеніями. А то какъ бы не найти возраженія! Да и изъ дальнѣйшаго разговора съ полною ясностью обнаруживается, что у Крякова есть очень опредѣленные цѣли и очень опредѣленные идеалы. Бѣда только въ томъ, что тѣ формы пониманія чести и совѣсти, права и долга, которыя принадлежатъ Крякову, до такой степени чужія Чешневу, что онъ даже отказывается признавать ихъ формами пониманія чести и совѣсти, права и долга. Это, конечно, бѣда для того воза, который остается на мѣстѣ, потому что впряженные въ него лебедь, ракъ и щука тянутъ въ разныя стороны. Но это, кромѣ того, глубокая ошибка Чешнева, ошибка и теоретическая, и практическая. Теорія обязываетъ всякаго, разсуждающаго объ идеалахъ, понимать, что если противникъ имѣетъ иной идеаль, такъ это еще не значитъ, чтобы онъ не имѣлъ его вовсе. Съ практической же стороны просто невыгодно, объявляя идеаль противника отсутствующимъ, тѣмъ самымъ лишая себя возможности доказать ложность этого идеала. И нѣтъ ничего мудренаго, если противникъ, при видѣ такого полемическаго пріема, нетолько подумаетъ, а и вслухъ заявитъ: эге! братъ, видно дѣло-то твое плохо, коли ты уклоняешься отъ оцѣнки моего идеала, подъ предлогомъ его отсутствія!

Глядя на препирательства Крякова и Чешнева со стороны, мы не имѣемъ никакого резона прибѣгать къ какимъ-нибудь уловкамъ и можемъ, кажется, совершенно спокойно признать, что идеалы есть и у той, и у другой стороны. Но все-таки такъ прямо дать Чешневу кличку идеалиста, а на Крякова надѣть ярлыкъ реалиста было бы не совсѣмъ осмотрительно.

Чешневъ выражаетъ мнѣніе, что прослушанный обществомъ великосвѣтскій романъ есть протестъ противъ «всякой расшата-

ности и растрепанности въ людскомъ обществѣ». Сказано это въ пику Крякову, но сказано не въ видѣ бранныхъ словъ, по крайней мѣрѣ, не исключительно бранныхъ. Чешневъ хочетъ сказать, что Кряковъ и ему подобные расшатываютъ исторически сложившіяся узы, которыми люди связываются въ общество, и отказываются повиноваться тѣмъ условнымъ требованіямъ, которыя означенными узамъ ставятся. Живой примѣръ такого отрицательнаго образа дѣйствій у Чешнева передъ глазами: Кряковъ ведетъ себя за ужиномъ не такъ, какъ требуется установившимися въ собравшемся обществѣ правилами, и говорить не такъ, и одѣтъ не такъ, какъ тамъ принято, и много ѣсть, и много пьетъ. Эта мелочь очень важна, какъ для Чешнева, такъ и для всего собравшагося за ужиномъ общества, но не въ ней одной дѣло. Кромѣ подробностей нѣсколько эксцентрическаго въ свѣтскомъ смыслѣ поведенія, никакихъ иныхъ поступковъ Кряковъ не совершаетъ, но онъ позволяетъ себѣ критически относиться къ общественнымъ узамъ, которыя священны въ глазахъ Чешнева. И этого словеснаго посягательства достаточно, чтобы Чешневъ «стонать» отъ душевной боли. Напримѣръ, Кряковъ нѣсколько неуважительно отзывается объ образѣ жизни офицеровъ. «Боже мой! Боже мой! застонать Чешневъ:—какая злая несправедливость! И это русскій человѣкъ говоритъ о русскихъ людяхъ, о своихъ братьяхъ!» Это чрезвычайно характерный для Чешнева оборотъ мысли. Въ жизни ему не разъ, разумѣется, случается дурно отзываться о «русскихъ людяхъ» и о «братьяхъ» въ буквальномъ смыслѣ слова, если у него такое же есть. Онъ можетъ быть даже очень сильно подтачиваетъ въ этомъ смыслѣ стихійные союзы «русскихъ людей» и «братьевъ», что, разумѣется, не мѣшаетъ ему быть умнымъ и честнымъ человѣкомъ. Но въ принципѣ онъ считаетъ эти союзы и устанавливаемые ими людскія отношенія неприкосновенными, возвышенными, великими. На неприкосновенности ихъ основываются всѣ его идеалы чести, самопожертвованія, преданности: люди должны жить и умирать такъ, какъ того требуютъ связывающія ихъ семейныя, сословныя общественныя, государственныя, національныя узы. Чуть человѣкъ выбился изъ шеренги, въ которую его поставилъ фактъ рожденія и другія случайности, онъ представляется уже Чешневу растрепаннымъ и распатаннымъ. Онъ, напримѣръ, съ восторгомъ говорить о картинѣ манѣвровъ въ Красномъ Селѣ, вставленной въ великосвѣтскій романъ: ему нравится это единообразіе движеній, это проникновеніе массы людей какъ бы одной волей. Какимъ образомъ это объединеніе достигается, какою оно цѣною покупается, до этого ему дѣла нѣтъ. Разъ сложилась изъ отдѣльныхъ людей нѣкоторая группа, все равно, какъ бы она ни сложилась, люди должны проникнуться беззавѣтною преданностью ей и въ этомъ повиновеніи велѣніямъ группы видѣть свою задачу, свою цѣль жизни и свой идеаль. Безъ сомнѣнія, на этомъ именно основаніи, Чешневъ и самъ себя считаетъ идеа-

листомъ, и другіе его такимъ полагають. Имя вещи не мѣняетъ, поэтому отчего же пожалуй и не называть Чешнева идеалистомъ. Но почему же бы, спрашивается, не называть его и реалистомъ, если онъ строить свои идеалы на почвѣ сырья реальной дѣйствительности? Священныя для него узмы онъ беретъ не изъ какой-нибудь идеальной области, а прямо такими, какими ихъ родила исторія и дѣйствительность, во всей ихъ конкретной реальности. Предлагая личности заколоться на алтарѣ того цѣлаго, въ которое она помимо воли попала, Чешневъ именно въ этомъ самозакланіи видитъ идеалъ, порывъ къ небу, но собственно цѣлое-то онъ просто съ земли поднимаетъ. Существуетъ, на примѣръ, свѣтское общество съ извѣстными, не однимъ поколѣніемъ установленными понятіями о чести, долгѣ, достоинствѣ; сообразоваться съ этими понятіями и, въ случаѣ надобности, жертвовать собою ради нихъ, значитъ, по Чешневу, жить съ цѣлю, съ идеаломъ, уклоняться же отъ нихъ значитъ быть растрепаннымъ, расшатаннымъ, расшумленнымъ. Я вовсе не желаю принижать идеализмъ Чешнева упоминаніемъ о требованіяхъ свѣтскаго общества, уваженіе къ которымъ весьма мало популярно. Нѣтъ, я беру ихъ только въ видѣ удобнаго примѣра и затѣмъ хотѣлъ бы не только не принижать идеализмъ Чешнева, а, напротивъ, уяснить его себѣ въ наиболѣе чистѣйшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ. Я не отрицаю этого идеализма и готовъ вѣрить, что Чешневы, сами по себѣ, способны и въ другихъ будить благородныя чувства самоотверженія, преданности, любви, и сами ихъ обнаруживать. Тѣмъ не менѣе узмы, во имя которыхъ этотъ идеализмъ будится и проявляется себя, отнюдь не имѣютъ идеальнаго характера: они цѣлкомъ взяты изъ реальной дѣйствительности и ею поддерживаются. И вотъ почему Чешневу, при всемъ его умѣ и благородствѣ (такимъ хочется его показать автору, а мы вѣримъ автору), приходится не разъ замараться нѣкоторою солидарностью съ глупымъ Красноперовымъ и дряннымъ Трухинымъ, а между нимъ и искреннимъ и неглупымъ Кряковымъ лежитъ непроходимая пропасть.

Въ самомъ дѣлѣ Кряковъ смотритъ на вещи, какъ разъ наоборотъ взгляду Чешнева. Онъ расчленяетъ ножомъ анализа, (не Богъ знаетъ какого острого, но вѣдь дѣло за веселымъ ужиномъ происходитъ) тѣ именно якобы идеальныя группы, во имя которыхъ Чешневъ взываетъ къ самоотреченію и преданности, расчленяетъ во имя «правды», какъ онъ самъ говоритъ. И вотъ почему онъ «реалистъ». Опять таки имя вещи не мѣняетъ и пусть Кряковъ будетъ реалистъ, встаетъ же онъ и самъ склоненъ себя такъ называть. Но я опять таки не знаю, почему бы ему не называться идеалистомъ, если онъ изъ расчлененныхъ элементовъ реальныхъ группъ, чтимыхъ Чешневымъ, строить свои дѣйствительно идеальныя группы съ особыми понятіями о формахъ чести, совѣсти, права, долга. Можетъ быть, эти его идеалы нелѣпы, но они несомнѣнно идеалы и, во имя ихъ, онъ, по малой

мѣръ, также способенъ и на самопожертвованіе, и на преданность, какъ и Чешневъ. Однако, разница какъ въ идеалахъ, такъ и въ процессахъ ихъ выработки, до такой степени велика въ данномъ случаѣ, что о какомъ-нибудь примиреніи тутъ не можетъ быть и рѣчи: лебедь рвется въ облака, а щука тянется въ воду.

Но этого мало. Не въ томъ только бѣда, что Чешневъ и Кряковъ не могутъ столковаться. Обратите вниманіе на положеніе самихъ Чешневыхъ. Взять хоть бы тѣже узы свѣтскаго общества, съ ихъ требованіями условнаго изящества и сдержанности, которыя Чешневъ такъ чтить. Читить онъ ихъ, это правда, но, собственно говоря, Кряковъ съ своей рѣзкой манерой говорить правду, какъ онъ ее понимаетъ, манерой, совершенно въ этомъ обществѣ неприличной, все-таки нравится Чешневу, да и остальнымъ собесѣдникамъ. Имъ самимъ тяжело въ обычной атмосферѣ, они рады струѣ свѣжаго воздуха, ворвавшейся въ случайно распахнутую форточку; чтимыя ими по преданію и привычкѣ узы уже утратили часть своего руководящаго значенія. И еще вопросъ, каковъ будетъ тотъ телець, котораго они заколютъ, въ случаѣ нужды, на алтарѣ свѣтскихъ узъ, вопросъ—не бѣгаютъ ли они отдыхать отъ нихъ куда-нибудь въ совѣмъ не свѣтскіе уголки. Затѣмъ Чешневъ, желая показать, какъ сильна связь, сливающая въ одно цѣлое «русскихъ людей», указываетъ на то единодушіе въ самопожертвованіи, которое обнаружилось въ минувшую войну. Это очень характерно. Допустимъ, что единодушіе въ самопожертвованіи было въ самомъ дѣлѣ полное, въ чемъ, конечно, усомниться было бы болѣе, чѣмъ позволительно. Но замѣчательно вотъ что. Возьмите любой русскій романъ, повѣсть, фельетонный беллетристическій набросокъ за послѣдніе годы, и вы почти навѣрное найдете тамъ героя, пылающаго самоотверженіемъ, сжигаемаго идеаломъ и несущаго это самоотверженіе непремѣнно либо въ Сербію, либо въ Болгарію. Когда такой герой становится столь шаблоннымъ лицомъ всѣхъ повѣстей и романовъ изъ русской жизни, то невольно рождается вопросъ: куда же бы онъ, этотъ самоотверженный герой, дѣвался, еслибы мы не гуляли по Сербіи и Болгаріи? куда бы понесъ онъ свой идеализмъ? Припомните изрѣченіе легкомысленнаго фельетониста, который неустанно трубя «въ походъ!», говорилъ: укажите мнѣ внутреннюю задачу, столь же увлекательную, столь же будящую жизнь, какъ война, и я стану ее проповѣдывать. Надъ фельетонистомъ посмѣялись, попрекнули его близорукостью, мѣшающею ему видѣть огромной важности внутреннія задачи. Онъ, конечно, заслуживалъ упрека и насмѣшки, но упрекали и смѣялись далеко не всегда тѣ, кто имѣлъ на это право. Можетъ быть, вотъ и Чешневъ смѣялся, а между тѣмъ, самъ не можетъ найти, въ подтвержденіе своей мысли о единодушіи самопожертвованія «русскихъ людей», ничего, кромѣ войны. Да и романисты не даромъ такъ обрадовались случаю пристроить въ Сербіи и Болгаріи самоотверженіе своихъ героевъ. Дѣло въ томъ, что съ точки

зрѣнія идеализма Чешнева, въ самомъ дѣлѣ, у насъ дома нѣтъ достаточно сильнаго дисциплинирующаго начала, которое объединило бы людей и властно потребовало бы отъ нихъ самоотверженія. Все идетъ своимъ чередомъ, самоотверженіе не требуется, чешневскому идеализму питаться нечѣмъ: нѣтъ такихъ реальныхъ узъ, за которыя нужно бы было и стоило бы умереть. Говорю вообще, разумѣется, потому что въ томъ или другомъ частномъ случаѣ могутъ найтись, напримѣръ, семейныя узы, достаточно сильныя и увлекательныя, чтобы потребовать и жизни, и смерти. Но это частности, не имѣющія общаго значенія. И положеніе Чешневыхъ, конечно, очень печальное. Они и рады бы найти такія реальныя узы, которыя могли бы служить объединяющимъ знаменемъ для всѣхъ русскихъ людей, но не находятъ. И сами они, вслѣдствіе этого, за отсутствіемъ руководящей и зовущей на жизнь и смерть идеи, играютъ роль не дисциплинированнаго войска, а какой-то милиціи, которая не умѣетъ ходить въ ногу, зря машетъ саблями, стрѣляетъ какъ попало. А иной, даже изъ Чешневыхъ, въ этой странной свалкѣ, до того спутается, что примкнетъ къ Красноперовымъ и Трухинымъ и крикнетъ: «пошли за полиціей»!

Не знаю, къ какому разряду собесѣдниковъ «Литературнаго вечера» долженъ быть причисленъ кievскій профессоръ г. Хлѣбниковъ, но что онъ милиціонеръ—это вѣрно.

Г. Хлѣбниковъ, будучи еще профессоромъ варшавскаго университета, началъ свою учено-литературную дѣятельность двумя сочиненіями по русской исторіи, которыя общали въ немъ недюжиннаго дѣятеля на скудной нивѣ русской науки. Но затѣмъ г. Хлѣбниковъ, уклонившись отъ своей первоначальной специальности, издалъ большой томъ, подъ заглавіемъ «Право и государство», уже ровно ничего не общавшій. Еще одинъ шагъ, и г. Хлѣбниковъ сталъ почти ежемѣсячно ратовать на страницахъ кievскихъ «Университетскихъ извѣстій» противъ разнаго рода «измовъ». Много онъ ихъ побилъ и нието этого не замѣтилъ, даже сами побитые. Не буду и я ворошить эту грудку писаній, изданныхъ, кажется, недавно отдѣльной книгой. Остановлю вниманіе читателя только на новѣйшемъ, послѣднемъ эпизодѣ изъ учено-литературной дѣятельности г. Хлѣбникова.

Кievскій приватъ-доцентъ Загоровскій защищалъ диссертацию на степерь магистра, подъ заглавіемъ «Незаконнорожденные по саксонскому и французскому гражданскимъ кодексамъ, въ связи съ принципиальнымъ рѣшеніемъ вопроса о незаконнорожденныхъ вообще». Объ этой диссертации читатели «Отечественныхъ Записокъ» были въ свое время поставлены въ извѣстность. Въ № 11 кievскихъ «Университетскихъ извѣстій» находимъ разборъ этой диссертации, принадлежащій перу г. Хлѣбникова, и въ придачу къ нему «Замѣтку о правилахъ и формахъ литературной борьбы». Начинается эта замѣтка такъ: «Прочитавъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», а также въ журналѣ «Гражданскаго

и уголовного права» отчетъ о диспутѣ г. Загоровскаго, въ которомъ искажены мнѣнія, высказанныя мною и моими товарищами, а также замѣтку въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» о моей статьѣ о цивилизаціи, я считаю нужнымъ высказать слѣдующее».

Мнѣ неизвѣстны отчеты и замѣтка Юридическаго Вѣстника и журнала Гражданскаго и Уголовнаго права. Изъ «Замѣтки» г. Хлѣбникова съ ними тоже познакомиться нельзя, потому что, преподавая общія «правила и формы литературной борьбы», г. Хлѣбниковъ не дѣлаетъ ни одного указанія какъ именно эти «правила и формы» были нарушены въ означенныхъ специальныхъ изданіяхъ. Судя, однако, по тону «замѣтки», можно думать, что не г. Хлѣбниковъ остался побѣдителемъ въ этой распрѣ. Онъ только хочетъ доказать, повидимому, что побѣжденъ онъ неправильно, дурными средствами, каковыя, дескать, и вообще въ нашей литературѣ господствуютъ.

«Въ чемъ же (чѣмъ же?) отличается честная литературная и политическая борьба отъ нечестной? спрашиваетъ г. Хлѣбниковъ и отвѣчаетъ такъ: «Въ честной борьбѣ противники нападаютъ не на слабыя стороны противоположнаго ученія, но, наоборотъ, на его сильныя стороны, оставляя слабыя безъ вниманія, ибо только побѣда надъ сильными сторонами противника есть честная побѣда, достойная человѣка». Вотъ совершенно новое и, можно сказать, неожиданное въ своей рыцарственности правило полемики. Безъ сомнѣнія, сильныя стороны противника должны быть подвергнуты тщательному анализу, но вѣдь полемика не рыцарскій турниръ, въ которомъ требуется только обнаруженіе силы, ловкости, удалства, умѣнія владѣть оружіемъ. Совершенно непонятно, почему въ литературной и политической борьбѣ слабыя стороны противника, то есть наиболѣе нелѣпыя должны быть оставляемы «безъ вниманія». Это было бы, конечно, очень выгодно для писателей и ученыхъ, богатыхъ «слабыми сторонами», но не особенно выгодно для истины и для публики, среди которой нелѣпости имѣли бы странную привилегію распространяться безданнымъ и безошлинно. Ну, а если какая-нибудь доктрина или книга сплошь состоитъ изъ «слабыхъ сторонъ»? О, въ такомъ случаѣ она неприкосновенна! Пусть она гуляетъ по бѣлому свѣту безъ узды и кнута, пусть заражаетъ незрѣлые и неподготовленные умы, ибо критикъ долженъ быть рыцаремъ и прежде всего заботиться о сохраненіи рыцарскаго достоинства, а не о уясненіи истины! Боже, какая Аркадія процвѣла бы тогда въ печальной юдоли нашей науки и литературы и какъ хорошо жилось бы въ этой Аркадіи гг. Хлѣбниковымъ, которымъ, однако, и теперь живется недурно, ибо они и безъ того имѣютъ привилегію говорить о вещахъ, для другихъ недоступныхъ. Но таково уже положеніе всѣхъ привилегированныхъ: избаловавшись, они хотятъ все новыхъ и новыхъ привилегій и доходятъ, наконецъ, до того, что требуютъ привилегій даже для такихъ своихъ «сторонъ», которыя сами вынуждены признать «слабыми»! Дайте

имъ только это право безпрепятственно говорить нелѣпости, и они спасутъ отечество. А отечество въ опасности! Катилина у воротъ! Да какое у воротъ?! «Посмотрите на нашу литературу, что она представляетъ? восклицаетъ г. Хлѣбниковъ. На высочайшія идеи человѣческой жизни, какъ-то: религія, философія, нравственность надѣты чудовищныя и отвратительныя маскарадные хари и эти хари намѣренно выставляются за истинныя фізіономіи этихъ великихъ идей, причѣмъ публика намѣренно и ловко одурачивается. Это дѣлаютъ среди бѣлаго дня тѣ же лица, которыя съ пѣной у рта говорятъ объ іезуитахъ, какъ будто это не есть самаго худшаго вида іезуитизмъ, дѣйствование по правилу: цѣль оправдываетъ средства... Именно такимъ способомъ одержана въ нашемъ обществѣ побѣда реализма надъ идеализмомъ съ его религіозными, философскими и нравственными формами».

Въ виду столь ужаснаго положенія дѣла, г. Хлѣбниковъ, независимо отъ «права слабыхъ сторонъ», предлагаетъ слѣдующій кодексъ полемики:

«Писатель, не соблюдающій слѣдующихъ условій, не можетъ требовать къ себѣ уваженія: 1) если упрекаетъ другого писателя за его религію, національность, сословное происхожденіе, образъ жизни, форму занятій, мѣсто воспитанія; 2) если упрекаетъ въ незнаніи и непониманіи, въ тупости или бездарности; 3) если, обходя существо книги или статьи, нападаетъ только на мелочи, подробности или недосмотры; 4) если искажаетъ текстъ сочиненія или умышленно невѣрно передаетъ его содержаніе; 5) если упрекаетъ въ не нравственномъ происхожденіи религіозныхъ, философскихъ или политическихъ убѣжденій противника; 6) если, выбирая отдѣльныя мѣста или фразы, вставляетъ ихъ въ другія сочетанія, придавая имъ иной смыслъ; 7) если сопровождаетъ свою критику бранью; 8) если называетъ доносчикомъ или подкупленнымъ писателемъ. Писатель, грѣшащій противъ первыхъ трехъ пунктовъ виновенъ въ литературномъ неприличіи; грѣшащій противъ 3-го пункта виновенъ въ недобросовѣстности; грѣшащій же противъ послѣднихъ пяти пунктовъ виновенъ въ безчестномъ веденіи литературной борьбы. Въ литературной борьбѣ дозвоительно: 1) доказывать, что приведенные факты недостаточны, односторонни, невѣрны; 2) что не приведены противоположные факты; 3) что принципы писателя противорѣчатъ такимъ-то основаніямъ науки; 4) что изъ этихъ принциповъ слѣдуютъ нелѣпыя послѣдствія; 5) что принципы автора ведутъ къ такому-то общественному злу; 6) что они находятся во взаимномъ противорѣчии; 7) что ущущены изъ вниманія слѣдующія литературныя работы; 8) что принципы автора находятся въ противорѣчии съ основами государственности, религіи, нравственности, но никоимъ образомъ нельзя доказывать, что авторъ намѣренно подрываетъ государство, религію, нравственность, ибо это можетъ доказывать лишь прокуроръ, а не критикъ».

Говоря вообще, этот кодексъ вовсе не такъ дуренъ, какъ можно бы было ожидать отъ творца права слабыхъ сторонъ. Напротивъ, нѣкоторые параграфы кодекса по истинѣ драгоценны; и, конечно, не тѣ, кого г. Хлѣбниковъ называетъ реалистами, стали бы возставать противъ обузданія гг. Катковыхъ, Цитовичей и иныхъ, а обузданіе это само собой вытекаетъ изъ кодекса. И весьма любопытнымъ представляется то обстоятельство, что г. Хлѣбниковъ не замѣчаетъ, до какой степени большинство параграфовъ его кодекса самою силою вещей направляется не на тѣхъ, кто, по его словамъ, надѣваетъ маскарадныя хари на высочайшія идеи человѣческой жизни, а напротивъ, на самозванныхъ защитниковъ этихъ идей. Это невольное признаніе, дѣлая величайшую честь добросовѣстности г. Хлѣбникова, не дѣлаетъ чести его сообразительности. Виданное ли дѣйствительно дѣло, чтобы «реалисты» (будемъ ужъ для краткости употреблять эту кличку) упрекали своихъ противниковъ, напримѣръ, въ намѣренномъ подрываніи основъ религіи, государственности, или попрекали ихъ иноземнымъ происхожденіемъ и т. п.? Ну, а «идеалисты» забавляются этимъ дерѣдко. Такимъ образомъ, картина средствъ, при помощи которыхъ будто бы «одержана въ нашемъ обществѣ побѣда реализма надъ идеализмомъ съ его религіозными, философскими и нравственными формами»—должна быть, кажется понимаема нѣсколько наоборотъ. Это обнаружилось тотчасъ же, какъ только г. Хлѣбниковъ отъ общихъ фразъ о «маскарадныхъ харяхъ» перешелъ къ конкретнымъ подробностямъ добропорядочной и недобропорядочной полемики. За всѣмъ тѣмъ кодексъ не обошелся безъ слабыхъ сторонъ. Непонятно, почему, напримѣръ, доказательства незнанія и непониманія, обнаруженныхъ противникомъ, должны быть исключены изъ полемики, или почему нельзя назвать человѣка доносчикомъ, если онъ дѣйствительно доносчикъ. Это, однако, мелочи, съ которыми легко примириться, если другіе параграфы кодекса будутъ приняты въ руководство господами, занимающимися срываніемъ «маскарадныхъ харь».

Посмотримъ, какъ занимается этимъ дѣломъ самъ г. Хлѣбниковъ. Какъ извѣстно читателямъ, диссертація г. Загоровскаго есть плодъ добросовѣстнаго изученія французскаго и саксонскаго законодательства о незаконнорожденныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ, по тенденціи, нѣчто крайне скромное и умѣренное. Такъ, г. Загоровскій полагаетъ, что различіе правъ законныхъ и незаконныхъ дѣтей есть законный продуктъ цивилизаціи; что онъ «имѣетъ глубокой смыслъ и крѣпкія основы»; что онъ вполне объясняется стремленіемъ всѣхъ законодательствъ поддержать моногамическій бракъ, стоящій «во главѣ угла соціальной жизни». Затѣмъ, въ практическомъ отношеніи, г. Загоровскій рекомендуетъ русскому законодательству усвоить саксонскій принципъ *Paternität*'а, въ силу котораго незаконнорожденный или его мать могутъ судебнымъ порядкомъ разыскивать отца и получать отъ него, при извѣстныхъ условіяхъ

и съ извѣстными ограниченіями, матеріальное обезпеченіе. Кажется, что можетъ быть скромнѣе? Но г. Хлѣбниковъ смотритъ на дѣло иначе.

Г. Загоровскій задалъ себѣ задачу въ предѣлахъ законодательства о незаконнорожденныхъ. Хлѣбниковъ этимъ недоволенъ. Онъ находитъ, что магистрантъ долженъ былъ расширить свою задачу и ввести въ нее изслѣдованіе вообще о значеніи семейства и его роли въ государствѣ. Мало того. Г. Хлѣбниковъ утверждаетъ, что магистрантъ *«не прочелъ, какъ видно, ни одного сочиненія, трактующаго о бракѣ и семействѣ вообще, а читалъ только то, что писали цивилисты спеціально по вопросу о незаконнорожденныхъ»*. Съ чисто фактической точки зрѣнія, это утверженіе по малой мѣрѣ смѣло. Не то, что г. Загоровскій, доцентъ, надо думать, гражданскаго права, а и нашъ братъ имѣлъ бы полное право обидѣться, еслибы ему въ упоръ брякнули, что онъ не читалъ ни одного сочиненія, трактующаго о бракѣ и семействѣ. Не знаю только, какимъ изъ параграфовъ кодекса г. Хлѣбникова разрѣшается такой полемической приемъ. Должно быть хорошій приемъ, потому, какіе же иные можетъ употреблять самъ законодатель честной полемики? А вотъ и другіе приемы.

«На первой же страницѣ своего трактата, говоритъ г. Хлѣбниковъ:—авторъ критикуетъ нашъ мѣткій терминъ «незаконнорожденныя», употребляемый для дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и находитъ, что этотъ терминъ «страненъ, потому что роженіе чловѣка не можетъ быть беззаконіемъ». Очевидно, что г. Загоровскій натуралистъ, признающій лишь дѣйствительность физическихъ законовъ и отрицающій бытіе нравственныхъ законовъ. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія физическихъ законовъ, роженіе чловѣка не можетъ быть беззаконіемъ, но со стороны нравственныхъ законовъ, признающихъ лишь одну связь мужчины и женщины дозволенной, законной, правомѣрной, это связь въ бракѣ, весьма естественно, что дѣти, рожденныя внѣ брака, будутъ дѣти незаконнорожденныя... Натуралистическая теорія, признавая бракъ лишь договорнымъ, а не религіозно-нравственнымъ союзомъ, естественно выводитъ отсюда послѣдствія, вытекающія изъ идеи договора, природѣ котораго противны атрибуты вѣчности и неизмѣнности. Если бракъ есть только договоръ, то онъ долженъ быть, какъ и всякій договоръ, лишь временнымъ и уничтожаемымъ по волѣ договаривающихся сторонъ. Далѣе, изъ натуралистической идеи брака необходимо слѣдуетъ, что въ бракъ могутъ вступать всѣ лица, имѣющія необходимыя физическія качества, безъ отношенія въ степенямъ родства и свойства. Принявши эти два положенія, мы уничтожаемъ бракъ, какъ вѣчный союзъ мужчины и женщины, и учреждаемъ конкубинатъ, какъ новую форму, замѣняющую бракъ».

Остановимся на минуту. Въ кодексѣ честной и добропорядочной полемики значитъ, между прочимъ, что недозволительно пререкать противника «нравственнымъ происхожденіемъ его ре-

лигіозныхъ, философскихъ или политическихъ убѣжденій». Поступаетъ ли г. Хлѣбниковъ сообразно этому параграфу, когда утверждаетъ, что критикуемый имъ писатель «отрицаетъ бытіе нравственныхъ законовъ» и что его убѣжденія имѣютъ не нравственное, а какое-то «натуралистическое» происхожденіе? И это по поводу того, что г. Загоровскій отрицаетъ, по мнѣнію г. Хлѣбникова, «мѣткій», а въ сущности грамматически и логически невѣрный и ненужно-оскорбительный терминъ «незаконнорожденныя»? Къ счастью для г. Загоровскаго, онъ можетъ сослаться на примѣры императрицы Маріи Федоровны, которая, конечно, не придерживаясь «натуралистической теоріи брака», тѣмъ не менѣе рѣшительно отрицала терминъ «незаконнорожденныя», а употребляла и другимъ рекомендовала употреблять термины: «несчастнорожденныя» и «сироты при родителяхъ своихъ». Но г. Хлѣбниковъ уже закусилъ удила и мчится далѣе. Навязавъ противнику натуралистическую теорію брака, объ которой у того и помину нѣтъ, г. Хлѣбниковъ уже отъ себя начинаетъ развивать подробности этой теоріи, ставя ихъ, разумѣется, на счетъ противнику. При этомъ онъ говорить... не знаю, какъ выразиться, потому что желалъ бы держаться кодекса г. Хлѣбникова, а этимъ кодексомъ упреки въ незнаніи и непониманіи не допускаются... Г. Хлѣбниковъ утверждаетъ, что «изъ натуралистической идеи брака *необходимо* слѣдуетъ, что въ бракъ могутъ вступать всѣ лица, имѣющія необходимыя физическія качества, безъ отношенія къ степенямъ родства и свойства». Осмѣливаюсь думать, что г. Хлѣбниковъ не имѣлъ ни малѣйшаго права навязывать этотъ выводъ не только г. Загоровскому, но и «натуралистической идеѣ брака»; ибо натуралисты и до сихъ поръ спорятъ о значеніи браковъ между родственниками, и большинство ихъ склоняется къ тому заключенію, что подобные браки не должны быть терпимы. А между тѣмъ г. Хлѣбниковъ и далѣе вертится на этомъ столь несчастномъ для него пунктѣ и, вѣроятно, къ величайшему изумленію г. Загоровскаго, поучаетъ его: «Уничтоженіе родства и свойства, какъ препятствій для брака, вносить развратъ въ самыя нѣдра семействъ, дозволяя превращаться родственной любви въ чувственную; этотъ принципъ ведетъ къ тому, что двоюродные братья и сестры уже съ раннихъ лѣтъ начинаютъ упражняться въ кокетствѣ и смотрятъ другъ на друга, какъ на будущихъ жениховъ и невѣстъ». Откуда мнѣ сіе? могъ бы спросить г. Загоровскій; съ какой стати этотъ чловѣкъ слабыхъ сторонъ читаетъ мнѣ лекцію о кокетствѣ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ и проч, когда я не только ничего подобнаго не говорилъ, но когда этого и вывести изъ моей работы нельзя, даже въ томъ случаѣ, если толковать основную мысль этой работы именно такъ, какъ ее толкуетъ г. Хлѣбниковъ?!

Вотъ приемы, помощью которыхъ «идеалистъ» г. Хлѣбниковъ срываетъ «маскарадныя хари», надѣтыя іезуитствующими людьми на «высочайшія идеи человѣческой жизни». Вотъ рыцарь-

ская борьба, которую ведетъ этотъ авторъ кодекса благоприличной полемики. Что же касается «истинныхъ физиономій» тѣхъ «высочайшихъ идей», то я приведу только одинъ образчикъ.

По мнѣнію г. Хлѣбникова, «женщина, вступающая въ конкубинатъ, необходимо имѣетъ другія воззрѣнія на жизнь въ сравненіи съ женщиной, соглашающейся вступить только въ бракъ. Первая очевидно есть чувственная женщина, женщина, потерявшая стыдливость и цѣломудріе, а потеря этихъ качествъ низводитъ женщину до самки, т. е. до существа, *словамъ котораю нельзя придавать ни малѣйшаго значенія*. Нравственно падшая женщина *не можетъ говорить истину*, потому что, падая, она приучилась придумывать разныя невѣроятныя исторіи, чтобы оправдать стыдъ своего поведенія въ глазахъ другихъ».

Преклоняюсь передъ несокрушимой логикой г. Хлѣбникова, но нахожу, что напрасно онъ не довелъ своего дѣла до конца. Почему въ самомъ дѣлѣ не идти дальше? Почему, напримѣръ, не постановить, чтобы свидѣтельскія показанія женщинъ, находящихся въ небрачномъ сожителѣствѣ съ мужчиной, не принимались судомъ? или, еще лучше, почему не понимать этихъ показаній всегда наоборотъ, ибо вѣдь такая женщина «не можетъ говорить истину»?

Написаль я все это, да и струсилъ: чтò, если г. Хлѣбниковъ, съ моей легкой руки, пойдетъ по слѣдамъ г. Цитовича и, ослѣпивъ современниковъ летучими брошюрами, написанными по всѣмъ правиламъ кодекса честной полемики, дойдетъ до изданія политической газеты «съ большимъ бюджетомъ», какъ пишутъ о предпріятіи г. Цитовича?.. Э! видно такая моя судьба! Авось либо мои крестники когда-нибудь припомнятъ, что я, малый, послужилъ невольною причиною ихъ величія...

Н. М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Абсолютныя права земства по нѣкоторымъ предметамъ, «злоупотребленія которыми (правами) не могутъ быть устранены ни постановкою современнаго земства, ни закономъ.—Причина почему они не предусмотрены въ законѣ.—Временное положеніе нынѣшняго земства.—Вредъ, наносимый странѣ изолированностью земства отъ соприкасающихся съ сферою его дѣятельности властей и учреждений.—Вліяніе изолированности земства на его внутреннее состояніе.—Засѣданіе московскаго губернскаго земскаго собранія по разсмотрѣнію проекта московскаго уѣзднаго собранія объ учрежденіи земской кассы для содѣйствія крестьянскимъ обществамъ въ приобрѣтеніи земли.

Я уже говорилъ разъ въ одномъ изъ своимъ обозрѣній, что наше земство по тѣмъ предметамъ своего вѣденія, относительно которыхъ границы правъ его неопредѣлены Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, пользуется такими абсолютными полномочіями, какихъ въ представительныхъ правленіяхъ не имѣтъ ни которая изъ палатъ, отдѣльно взятая. Ибо каждая изъ этихъ палатъ представляетъ одинъ изъ трехъ факторовъ законодательства, земство же, по указаннымъ нами предметамъ, само себѣ господинъ: оно опредѣляетъ, что хочетъ, и приводитъ немедленно въ исполненіе свое опредѣленіе. Представимъ себѣ, напримѣръ, что какое-нибудь земство, удовлетворяя болѣе или менѣе достаточно всѣ возложенныя на него закономъ, такъ называемыя, обязательныя потребности, постановило бы всѣ остающіяся затѣмъ земскія суммы употреблять исключительно на благолѣпіе храмовъ божьихъ, какъ то: на церковныя облаченія, иконы, на постройку церквей, колоколенъ, колоколовъ и т. п. Оно могло бы свободно сдѣлать все это безъ всякихъ протестовъ и стѣсненій со стороны администраціи. Ибо само по себѣ попеченіе объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей народа, дѣло хорошае и общій законъ, конечно, поощряетъ подобную дѣятельность, а ужъ никакъ не ограничиваетъ. Специально въ положеніи о

земскихъ учрежденійхъ земству предоставлено право заботиться о постройкѣ церквей. Если же бы со стороны частныхъ земцевъ появились протесты противъ подобнаго односторонняго направленія земскихъ суммъ, которое неизбѣжно было бы соединено съ пренебреженіемъ другихъ болѣе существенныхъ и настоятельныхъ потребностей населенія, то эти протесты не имѣли бы ровно никакого значенія и не могли бы получить не только никакого удовлетворенія, но не могли даже быть какою властію приняты къ разсмотрѣнію и обсужденію. Ибо, во-первыхъ, правящая часть земства совершенно полноправна и безконтрольна въ расходованіи земскихъ суммъ на какіе ей вздумается предметы, только бы это было не противъ закона; а, во-вторыхъ, если бы нашлось и немало протестантовъ противъ подобнаго односторонняго расходованія земскихъ суммъ, то, съ другой стороны, столько же, если не болѣе, нашлось бы и сочувственниковъ и защитниковъ употребленія всѣхъ земскихъ суммъ на благолѣпіе церковное, и притомъ не только среди крестьянъ, но даже въ интеллигентномъ классѣ общества.

Примѣръ этого мы отчасти можемъ видѣть теперь въ московскомъ губернскомъ земствѣ. Это земство, въ виду недостатка священниковъ для преподаванія закона Божія въ начальныхъ земскихъ школахъ, а также и въ виду вообще поднятія нравственнаго и религіознаго уровня въ народѣ, постановило: ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобы на будущее время было остановлено сокращеніе церковныхъ приходовъ, которое до сихъ поръ практиковалось для того, чтобы соединеніемъ двухъ мелкихъ приходовъ дать священникамъ и вообще церковному причту болѣе обезпеченное матерьяльное существованіе. Надобно полагать, что это постановленіе земства нашло себѣ сочувствіе въ значительной части московскаго общества. Недаромъ же въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» г. Гиларовъ-Платоновъ позволяетъ себѣ иронизировать надъ существующимъ страннымъ, по его мнѣнію, способомъ возвышать матерьяльное благосостояніе духовенства черезъ подрывъ народной нравственности, что, дескать, немедленно должно слѣдовать за сокращеніемъ приходовъ.

Духовное вліяніе, говоритъ онъ, стоитъ прямо въ обратной пропорціи съ численностью прихода. Въдомство, въ которомъ находится духовенство, или такъ называемое «въдомство православнаго исповѣданія», вмѣстѣ съ дѣлами церкви вѣдаетъ и училищную часть, по крайней мѣрѣ, духовно-училищную; да и все народное образованіе стоитъ подъ управленіемъ министра, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и оберъ-прокуроръ Синода. Въ училищной половинѣ того же въдомства, можетъ быть, даже съ излишкомъ, оцѣнивается правило, что одинъ учитель не долженъ быть нагружаемъ слишкомъ большимъ числомъ учениковъ, и что, чѣмъ меньше ихъ у учителя, тѣмъ достигимѣе педагогическія дѣла училища. Когда же дѣло доходитъ до численнаго отношенія пасомыхъ къ пастырямъ, правило принимается обратное: идутъ не къ раздѣленію приходовъ на два, подобно открытію параллельныхъ классовъ въ училищахъ, а къ соеди-

*

невию уже существующихъ параллельныхъ, несмотря даже на то, что для каждаго изъ нихъ и классная зала (церковь) искони существуетъ. Тамъ положень предѣлъ, дагѣ котораго нельзя увеличивать числа учениковъ; здѣсь предѣлъ, менѣ котораго не позволено быть прихожанамъ. Нѣтъ сомнѣннй, гдѣ наоборотъ многочисленность прихода превышаетъ даже предѣлы новыхъ штатовъ, тамъ не столь безпрепятственно достигается желаніе прихожанъ объ открытіи новаго прихода (отъ самого духовенства такихъ желаній, понятно, не поступаетъ). Назначено будетъ цѣлое слѣдствіе; прихожане обязаны будутъ доказать, что такой-то младенецъ умеръ безъ крещенія, взрослый безъ исповѣди, и такъ дагѣ; очень много усилій придется употребить, чтобы удовлетворить столь естественному для христіанина желанію—имѣть вблизи церковь и удовлетворять своимъ духовнымъ потребностямъ безъ препятствій, полагаемыхъ многочисленностью прихожанъ, отдаленностью разстояній и отсутствіемъ удобныхъ сообщеній.

Очень можетъ быть, что люди, единомысленные съ г. Гилларовымъ-Платоновымъ относительно значенія приходоу въ дѣлѣ нравственнаго развитія, не нашли бы ничего страннаго даже въ томъ, еслибы численность прихожанъ въ каждомъ приходѣ не превышала численности учениковъ въ классахъ учебныхъ заведеній, т. е. не восходила выше 40 человекъ.

Все это ясно показываетъ, что мы еще должны быть благодарны нашимъ земствамъ, что они не настолько широко злоупотребляютъ своими полномочіями по расходованію земскихъ суммъ на излюбленные предметы, насколько могли бы злоупотреблять. Тѣмъ не менѣ, мы должны при этомъ постоянно помнить, что эта умѣренность злоупотребленийъ есть не болѣе, какъ счастливая случайность, и что никакъ нельзя ручаться, чтобы какое-нибудь земство, въ одинъ прекрасный день, не закрыло всѣхъ своихъ школъ и не постановило всѣ земскія суммы, остающіяся за удовлетвореніемъ обязательныхъ потребностей, употреблять на постройку въ своемъ районѣ мужскихъ и женскихъ обитателей, подъ благовиднымъ предлогомъ поднятія народной нравственности, а въ дѣйствительности, можетъ быть, ради своихъ личныхъ цѣлей, настолько же низкихъ, насколько преступныхъ. Ибо, при настоящей постановкѣ земства, нѣтъ никакой ни нравственной, ни юридической гарантіи противъ подобныхъ печальныхъ возможностей.

Начать съ того, что выборы въ земскіе гласные, производимые на сѣздахъ сельскихъ обществъ, въ большей части случаются могутъ быть названы крестьянскими только по имени; въ дѣйствительности же они заправляются и направляются ближайшимъ крестьянскимъ земскимъ и даже полицейскимъ начальствомъ, какъ-то: мировыми посредниками или непремѣнными членами присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, мировыми судьями и исправниками. Понятно, что при такомъ давленіи на выборы сельскихъ обществъ въ гласные отъ нихъ изъ крестьянъ ли, землевладѣльцевъ ли или духовенства, выбираются только лица, удобныя для заправителей и направителей выборовъ, которыя

остаются вѣрными и послушными орудіями послѣднихъ и въ своемъ новомъ чинѣ—выбирая на различные земскіе вліятельные посты тѣхъ только, кто имъ будетъ указанъ ихъ патронами, равно какъ и при рѣшеніи дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, подавая голосъ въ пользу тѣхъ мнѣній, которыя угодны послѣднимъ. При такомъ формализмѣ выборовъ, гдѣ не принято никакихъ мѣръ для отстраненія вліянія на выборахъ ближайшаго крестьянскаго начальства и, благодаря заботности, неразвитости и даже безграмотности нашего крестьянства, очень нерѣдко, нѣскольکو ловкихъ землевладѣльцевъ, разсадивъ своихъ родственниковъ, сватовъ и кумовьевъ на властные посты среди крестьянъ, забираютъ весь уѣздъ въ свои руки и образуютъ изъ земства нѣчто въ родѣ древняго шотландскаго родового клана или родовой сатрапіи. А то случается иногда нѣчто еще и болѣе удивительное. Случается, что цѣлымъ земствомъ завладѣваетъ одинъ ловкій человекъ и становится чѣмъ-то въ родѣ безсмѣннаго диктатора, распоряжаясь дѣлами земства на полной своей волѣ. Такъ, не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, «Русскимъ Вѣдомостямъ», въ видѣ радостной вѣсти, сообщали изъ города Яренска Вологодской губерніи, что Яренскій уѣздъ, благодаря заступничеству губернатора, избавился отъ одного изъ такихъ диктаторовъ, вѣжкого Ламберга, бывшаго мирового посредника, нынѣ непремѣннаго члена, владѣвшаго земствомъ цѣлыя десять лѣтъ. Благодаря тому, что въ Яренскѣ нѣтъ предводителя дворянства, которому по закону принадлежитъ право предсѣдательства на земскихъ собраніяхъ, эту должность сряду впродолженіи трехъ трех-лѣтій въ яренскомъ земствѣ, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ, занималъ г. Ламбергъ. А такъ какъ въ качествѣ мирового посредника, а потомъ непремѣннаго члена, онъ былъ лицомъ очень властнымъ среди крестьянства, то за все это время земское собраніе, состоящее изъ крестьянъ, избирало его же и предсѣдателемъ управы. Понятно, что при такомъ положеніи земства все исходило отъ г. Ламберга и все совершалось и дѣлалось по его волѣ. Наконецъ, губернаторъ, чтобы дать какую-нибудь самостоятельность земству, вошелъ въ его положеніе (*странно одно: почему такъ поздно? по истеченіи цѣлыхъ трехъ трех-лѣтій!!*) и, какъ выражается корреспондентъ, «съ успѣхомъ провелъ мысль объ удаленіи непремѣнныхъ членовъ изъ состава земскихъ собраній». И такъ, вотъ какой чрезвычайный потребовался способъ, чтобы свалить земскаго диктатора. Само собою разумѣется, что, по паденіи его, какъ у насъ и всегда бываетъ, начали всплывать и раскрываться разныя злоупотребленія за время его управленія. Вѣроятно, съ теченіемъ времени, обнаружится, таковыхъ и еще не мало. Тѣмъ не менѣе, назначенный предсѣдателемъ земскаго собранія на новое трех-лѣтіе мѣстный городской голова, купецъ Гуляевъ, внесъ въ земское собраніе предложеніе о назначеніи бывшему предсѣдателю управы г. Лам

бергу, за его десятилѣтнюю дѣятельность, 300 руб. пенсіи!! Если г. Гуляевъ не приходится ни кумомъ, ни сватомъ г. Ламбергу и не состоялъ во время управленія послѣдняго подрядчикомъ по разнымъ земскимъ заготовленіямъ, то нельзя не порадоваться, что яренское правящее земство, состоящее изъ крестьянъ, приобрѣло себѣ предсѣдателя въ лицѣ г. Гуляева—человѣка, очевидно, или крайне добродушнаго, или недалекаго. Оно теперь оживеть, ибо будетъ имѣть возможность вести земскія дѣла къ пользѣ крестьянства, а не къ раззоренію. Оно и теперь уже успѣло кое-что сдѣлать, сокративъ, на примѣръ, жалованье членамъ управы, хотя изъ трехъ членовъ управы двое, въ томъ числѣ и предсѣдатель, крестьяне. А главное, предложенія г. Гуляева о назначеніи пенсіи Ламбергу оно не только не приняло, но исключило его даже изъ числа предложеній, подлежащихъ обсужденію.

Изъ представленнаго нами примѣра видно, подъ какииъ тяжелымъ давленіемъ производятся выборы въ земскіе гласные отъ сельскихъ обществъ и въ какомъ зависимомъ положеніи находятся эти гласные при рѣшеніи земскихъ дѣлъ. Повѣстно, что отъ подобнаго представительства трудно ожидать, чтобы оно могло сколько-нибудь удовлетворительно представлять потребности, нужды и желанія народа, горячо защищать ихъ и тѣмъ болѣе имѣть успѣхъ въ приведеніи мѣръ, которыя могли бы дать имъ соотвѣтствующее удовлетвореніе.

Но какъ никакъ, въ земствахъ уѣздныхъ есть все-таки хоть какое-нибудь представительство отъ сельскихъ обществъ. И случайно, повременамъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ особенности, если въ земской сессіи попадается кой-кто изъ дворянъ, сочувствующихъ крестьянамъ, и оно можетъ получать кой-какое значеніе и можетъ кой въ чемъ успѣвать. Но въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ представительство отъ сельскихъ обществъ совершенно уже исчезаетъ, не по закону, впрочемъ, который отрываетъ и въ губернскія земскія собранія доступъ и крестьянскимъ гласнымъ наравнѣ съ другими, а потому что крестьяне, по бѣдности своей, не имѣютъ возможности на свой счетъ ѣхать въ губернской городъ и проживать тамъ во время земскихъ сессій. А такъ какъ исхода бѣдности крестьянъ не предвидится и на будущее время, то отсутствіе крестьянства въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ *de facto* и становится равносильнымъ исключенію его отсюда *de jure*. Вслѣдствіе этого, губернскія земскія собранія, вопреки духу и буквѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, мало чѣмъ отличаются отъ совѣщаній по крестьянскимъ дѣламъ крѣпостнаго времени, гдѣ представителями за крестьянъ являлись исключительно дворяне и устраивали крестьянъ, какъ желалось и было выгодно имъ самимъ, а не какъ желалось и было выгодно крестьянамъ. И какъ бы ни были благожелательны гласные губернскихъ земскихъ собраній къ крестьянамъ, имъ трудно отрѣшиться въ своей

дѣятельности отъ подобнаго направленія. Потому что, во-первыхъ, интересы крупнаго и средняго землевладѣнія совершенно противоположны интересамъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія; а во-вторыхъ, еслибы и допустить такое невѣроятное предположеніе, что крупные и средніе землевладѣльцы готовы будутъ отчасти жертвовать своими интересами ради благосостоянія крестьянъ, то условія быта тѣхъ и другихъ экономическія, социальныя и т. п., а также потребности, возрѣнія такъ разнородны, что крупный и средній землевладѣлецъ не всегда можетъ понимать, что въ томъ или въ другомъ случаѣ лучше сдѣлать для устройства крестьянъ и какъ сдѣлать. Примѣръ этого мы видѣли недавно при разсмотрѣніи дебатовъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія; повтореніе того же увидимъ ниже, когда будемъ говорить о московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Вообще надобно принять за неподлежащую никакому сомнѣнію аксіому, что всякое поползновеніе благородныхъ людей осчастливить крестьянство по собственному образу мыслей и по способу, ими самими придуманному, безъ участія крестьянъ, если случайно и можетъ иногда удаваться, то очень рѣдко, вообще же оно ведетъ почти всегда къ ущербу. Это доказываютъ всѣ и большіе, и малые опыты прошедшаго, предпринимавшіяся для осчастливленія крестьянъ по тому или другому способу, начиная съ уничтоженія Юрьева дня и кончая самоновѣйшимъ временемъ. Земскія собранія до тѣхъ поръ, пока они будутъ чуждаться крестьянскаго элемента или стараться затирать его здѣсь, будутъ только повторять ошибку прежняго времени, т. е. дѣлать въ большей части случаевъ не то, что надобно дѣлать для улучшенія общаго благосостоянія и что впослѣдствіи надобно будетъ опять передѣлывать. Что касается въ частности до губернскихъ земскихъ собраній, то всякія предпринимаемыя ими узкословныя затѣи, въ ущербъ прямымъ и настоятельнымъ потребностямъ крестьянства, наносятъ тѣмъ громаднѣйшее зло, что они ложатся гнетомъ на цѣлую губернію и что этотъ гнетъ свалить нельзя никоимъ образомъ, ибо, какъ я уже сказалъ выше, на все, что бы земство ни измыслило, разъ это не противно закону, земство имѣетъ право тратить свои суммы, и такія постановленія земства нигдѣ и никому нельзя обжаловать. Губернаторъ имѣетъ право останавливать исполненіе только тѣхъ постановленій земства, которыя «или противны законамъ, или общимъ государственнымъ пользамъ».

Этотъ пунктъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ такъ широко раздвигаетъ границы дозволеннаго для земства, что оно могло бы всѣ свои суммы, остающіяся за исполненіемъ обязательныхъ повинностей, по прихоти, недомыслию и т. п., убивать на безчисленное множество предметовъ, которые не стоятъ ни въ какомъ противорѣчій съ этою статьею и которые, однако-жь, для прямыхъ цѣлей и задачъ земства не только не нужны, без-

полезны, но даже вредны, потому что трата на нихъ отнимаеъ у земства средства на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей, попеченіе о которыхъ возложено на земство, входитъ въ кругъ прямыхъ его обязанностей, отмѣченныхъ въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, хотя потребности эти и называются несбызательными какъ потому, что удовлетвореніе ихъ можетъ происходить только на деньги, остающіяся за покрытиеъ необходимыхъ потребностей, прямо признанныхъ таковыми въ законѣ, такъ и потому, что удовлетвореніе тѣхъ или другихъ изъ несбызательныхъ потребностей предоставлено выбору самого земства.

Недавно писали въ газетахъ, что тульское земство намѣрено воздвигнуть памятникъ на Куликовомъ полѣ въ память побѣды, одержанной здѣсь Дмитріемъ Донскимъ надъ Мамаемъ въ 1380 году, т. е. назадъ тому ровно 500 лѣтъ. Не знаемъ, приведетъ ли тульское земство это свое намѣреніе въ исполненіе или нѣтъ. Но еслибы и привело, то въ этомъ не было бы ничего ни противузаконнаго, ни противнаго пользамъ государства. Точно такъ же, какъ не было бы ничего противузаконнаго и противнаго общимъ пользамъ государства, еслибы другое земство употребило свои деньги на основаніе археологическаго музея, третье—этнографическаго, четвертое—зоологическаго и т. д., и т. д. Протестовать противъ подобныхъ затѣй земства губернаторъ не имѣлъ бы никакого законнаго основанія, а между тѣмъ, расхищеніе земскихъ денегъ на подобныя затѣи нельзя назвать иначе, какъ транжиреніемъ самымъ безпутнымъ, потому что оно отвлекаетъ вниманіе земства отъ его прямыхъ обязанностей, отнимаетъ у него средства на исполненіе его настоящихъ задачъ, составляя такимъ образомъ въ сущности косвенный налогъ на платежныя силы земства для цѣлей, совершенно чуждыхъ земскому дѣлу.

Многимъ можетъ показаться страннымъ: почему подобная безпутная трата земскихъ денегъ не предусмотрена въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ и не предупреждена назначеніемъ контроля? Между тѣмъ, это весьма понятно. Еслибы каждое постановленіе земства подчинить контролю губернатора или другого какого-нибудь административнаго лица, то земство перестало бы быть органомъ самоуправленія—оно превратилось бы въ обыкновенный административный органъ. Контроль надъ земствомъ, какъ органомъ самоуправленія, могъ бы быть ввѣренъ только высшей инстанціи самоуправленія же; но самую высшую инстанцію земскаго самоуправленія въ настоящее время составляетъ каждое губернское земство; каждое изъ нихъ снабжено означенными нами выше полномочіями относительно своихъ внутреннихъ дѣлъ—и каждое изъ нихъ поставлено внѣ всякаго отношенія къ другимъ; точно также всѣмъ имъ запрещено «вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учреждений». Эта полная изолированность земствъ, какъ другъ отъ друга, такъ и въ особенности

отъ административныхъ, судебныхъ и т. п. дѣйствующихъ съ ними въ одномъ и томъ же районѣ лицъ и учреждений, необходимо должна ставить безчисленные на каждомъ шагѣ препятствія въ правильномъ веденіи земскаго хозяйства. Земское хозяйство, какъ и всякое хозяйство, тогда только и можетъ идти хорошо и процвѣтать, когда все окружающее его и соприкасающееся съ нимъ находится съ нимъ въ полной гармоніи, такъ поставлено, что оно содѣйствуетъ его улучшенію и возвышенію. Но если это хозяйство то и дѣло несетъ вредъ и претерпѣваетъ опустошенія, по бездѣйствію ли тѣхъ или другихъ властей и учреждений, по ихъ ли злоупотребленіямъ, если, въ виду этого, принятіе какихъ-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ для улучшенія хозяйства дѣлается невозможнымъ или бесполезнымъ, то при такомъ положеніи дѣла развѣ можно ожидать улучшенія хозяйства? Но съ другой стороны законъ стоитъ совершенно на правильной точкѣ зрѣнія, ставя губернскія земства въ изолированное положеніе, воспрещая имъ вмѣшиваться въ дѣла окружающихъ ихъ и соприкасающихся съ ними различныхъ властей и учреждений. Губернскія земства составляютъ такую же среднюю инстанцію въ порядкѣ управленія, какъ и всѣ другія губернскія административныя и общественныя учрежденія. Нельзя же первымъ предоста- вить власть надъ послѣдними.

Во всемъ этомъ, есть, несомнѣнно, много неулаженнаго, много противорѣчающаго одно другому, одно другое исключющаго. Но мы не должны забывать, что мы присутствуемъ, такъ сказать, во временной хранилѣ земства, въ начальномъ періодѣ его образованія, когда идетъ черновая, а бы сказалъ даже, только примѣрная работа надъ укладкою его основанія и ближайшихъ надъ этимъ основаніемъ этажей, отъ которыхъ до вершины зданія, а тѣмъ болѣе до окончательной его отдѣлки, еще очень далеко. Когда будетъ возведена вершина зданія, изолированность земствъ между собою, сдѣлается невозможною. Ибо невозможно же, чтобы въ русской землѣ различныя губернскія земства представляли нѣчто въ родѣ американскихъ штатовъ, дѣйствуя по вопросамъ, болѣе или менѣе общимъ для всего государства, независимо другъ отъ друга и въ полномъ противорѣчій другъ другу, какъ это случается нерѣдко теперь, — чтобы одно, напримѣръ, земство стремилось къ обезземеленію крестьянъ, другое — къ надѣленію ихъ землею, одно изыскивало мѣры къ распространенію общиннаго землевладѣнія, другое — къ его разрушенію, одно придумывало мѣры, какъ бы увеличить число церковныхъ приходовъ, назначая на содержаніе духовенства очень значительную сумму изъ своихъ скудныхъ доходовъ, преимущественно въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть достаточное число законоучителей-священниковъ для начальныхъ школъ, другое, напротивъ, старалось, по возможности, устранить священниковъ отъ законоучительства, убѣдившись долгимъ опытомъ, что священники, по множеству занятій и внезапности ду-

ховныхъ требъ, не могутъ регулярно вести этого дѣла, не говоря уже о томъ, что нѣкоторые относятся къ нему и прямо небрежно, посылая, вмѣсто себя, на уроки въ школы своихъ родственниковъ и т. п. Такая противорѣчивая практика въ дѣятельности земства временно, конечно, можетъ быть допущена, но навсегда едва ли бы была пользительна. Точно то же должно сказать и объ отношеніи земства къ другимъ учрежденіямъ и властямъ. Вообще только тогда, когда зданіе земства будетъ доведено до вершины, и органы самоуправленія и администраціи, начиная сверху и до низу, будутъ дѣйствовать солидарно, земство будетъ поставлено правильно и въ своей внутренней дѣятельности, и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ учрежденіямъ и властямъ; ибо тогда только немислимы сдѣлаются мѣры и постановленія какихъ бы ни было высшихъ вѣдомствъ, которыя стояли бы въ дисгармоніи съ задачами земства, точно такъ же, какъ будутъ—немедленно или по крайней мѣрѣ, весьма быстро—прекращаться всѣ случайныя злоупотребленія, нарушающія правильный ходъ земскаго дѣла.

Отсюда выводъ для настоящаго времени, когда земство находится еще такъ сказать въ зародышѣ своей дѣятельности, самый неутѣшительный. Несмотря на существованіе земства, оно въ настоящее время полнымъ хозяиномъ своего дѣла быть не можетъ. Земство въ настоящей его формѣ поставлено внѣ всякой возможности устранять тѣ вредныя вліянія на его хозяйство, которыя происходятъ отъ бездѣйствія властей, небреженія ихъ, злоупотребленій, неприспособленности постановленій и узаконеній разныхъ вѣдомствъ къ условіямъ и задачамъ этого хозяйства и т. п. А такихъ вліаній безчисленное множество, и притомъ большинство ихъ такого рода, что они не только тормозятъ развитіе крестьянскаго благосостоянія, но или постоянно, изо дня въ день, подтачиваютъ и ведутъ его къ окончательному разоренію, или прямо вдругъ ех abrupto разрушаютъ его. Когда учреждалось земство, всѣ возлагали на него великія надежды и упованія. Созерцаая дѣятельность земства въ отвлеченной идеѣ самоуправленія, всѣ думали, во-первыхъ, что теперь настала конецъ всѣмъ хищникамъ и разорителямъ, что земство зорко будетъ сторожить за каждымъ посягательствомъ на крестьянское добро и, возстановляя немедленно совершаемыя правонарушенія, предавать хищниковъ и разорителей въ руки правосудія. Ничего этого не случилось. Мы видимъ, напротивъ, дѣлаемая, то и дѣло, въ газетахъ сообщенія, что, благодаря невѣжеству и простотѣ крестьянъ, разными кулаками, аферистами, при помощи волостныхъ, полицейскихъ и другихъ начальствъ, а также разныхъ темныхъ аблакатовъ, этихъ хриstopродавцевъ новаго времени, закабаляется крестьянскій трудъ почти задаромъ, закабаляются крестьянскія земли, иногда же и совсѣмъ отчуждаются. И все это остается безнаказаннымъ. Даже въ печати попадаетъ только изрѣдка, случайно. Земство, для котораго раззо-

реніе крестьянъ есть его собственное раззореніе, видитъ все это и поставлено въ невозможность предпринять что-нибудь противъ этого самимъ закономъ. А между тѣмъ факты этого раззоренія бывають такіе вопіющіе, что разъ возможность ихъ появленія не устранена разъ навсегда, даже у лучшихъ изъ земскихъ дѣятелей должно рождаться сомнѣніе: не напрасны ли всѣ ихъ заботы о поднятіи благосостоянія, и опускаться руки...

Чтобъ читатель имѣлъ понятіе, что за это факты, я передамъ здѣсь одинъ изъ нихъ, сообщенный намъ на дняхъ извѣстнымъ представителемъ оппозиціи въ Старобѣльскомъ земствѣ, маіоромъ Мариновымъ.

Ново-Боровской волости, селенія Садковъ, крестьянское общество приговоромъ своимъ уполномочило волостного старшину своего Соловьева (по его предложенію) заложить землю, всему обществу принадлежащую, въ городской Старобѣльскій банкъ съ тѣмъ, чтобы сумму залоговую употребить на уплату долга владѣльцы, у которой куплена самая та земля. Соловьевъ, не взирая на то, что довѣренность и приговоръ общественный составленъ не всѣми владѣльцами земельного участка, заложивъ землю, назадъ тому пять лѣтъ, получилъ сумму и до сей поры не далъ подробнаго отчета. Затѣмъ, по случаю цѣлаго ряда неблагоприятныхъ для хозяйства нашего Старобѣльскаго уѣзда годовъ, крестьяне не могли аккуратно производить уплату банку, и банкъ опубликовалъ къ продажѣ ихъ землю. Соловьевъ, имѣющій свое землевладѣніе въ размѣрѣ пяти-сотъ десятинъ, по смежности съ заложенымъ участкомъ, собралъ садковскихъ крестьянъ и раскрылъ имъ лазѣнку, посредствомъ которой они могутъ затормозить продажу земли и свободно владѣть ею. Онъ склонилъ отдать землю въ аренду на 10—12 лѣтъ сосѣднему помѣщику г. Г.—ну, для одного близира, какъ объяснилъ имъ. Понятно, объяснялъ онъ имъ, кто же купить такую землю, которая будетъ находиться въ чужомъ владѣніи 10—12 лѣтъ. Такое предложеніе соблазнило крестьянъ; они поддались совѣтнику и на другой день, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, на его тележкѣ привезенъ былъ помѣщикъ Г...нъ, предложившій свое содѣйствіе обществу, устроить близирную аренду, по 50-ти к. за десятину, но что и этихъ 50-ти копеекъ платить онъ имъ не будетъ, а землей пользоваться по прежнему будутъ крестьяне сами, какъ и пользовались. Дѣло сладилось, поѣхали въ г. Старобѣльскъ къ нотаріусу; заключили контрактъ съ Г...мъ, нѣсколько человекъ за все общество: волостной старшина это видѣлъ и допустилъ, зная, что люди эти не были уполномочены довѣренностію отъ всего общества на сдачу общественного участка земли; а на другой же день этого совершенія контракта, г. Г...нъ передалъ аренду Соловьеву и этотъ послѣдній обложилъ землю 3-хъ рублевой ежегодной рентой за право пользования ею настоящими ея хозяевами крестьянами. Цѣль этого старшины очевидна; ему открылась полная возможность пріобрѣсть за безцѣнокъ землю и онъ достигнетъ этого. На объявленные торги на землю садковскихъ крестьянъ явилось много желающихъ купить ее: торги должны были производиться съ ночной цѣны, т. е. съ 30 р., за десятину, но когда публика узнала, что земля находится въ арендномъ содержаніи на длинный срокъ, то никто не приступилъ къ торгамъ. Теперь, при вторичныхъ торгахъ, объявится цѣна съ одного рубля; посторонніе покупщики не могутъ конкурировать съ Соловьевымъ и онъ легко, съ помощію подставнаго покупателя, оставитъ за собой по 5—6 руб. за десятину. Крестьяне въ полномъ находятся туманѣ; нѣкоторые изъ нихъ запротестовали противъ требованія платы за землю, но несостоявшіеся торги

сбили ихъ съ толку, имъ объяснили, что услуга помѣщика Г...на принесла видную пользу, и что никогда не продается ихъ чрезъ это земля. Не повѣрила только изъ всего общества одна баба, солдатка Настасья Ивановъ, имѣющая уже внуковъ; она поняла, что часть общества, безъ приговора, безъ довѣренности, не имѣла права распорядиться отдачей общественной земли въ аренду, что г. Г...нъ, подговорившій крестьянъ не такую сдѣлку, ни болѣе ни менѣе, какъ споспобникъ Соловьева, устраивающаго благосостояніе свое насчетъ цѣлаго общества, что этотъ баринъ, котораго имѣніе публикуется въ теченіи 12-ти лѣтъ, по два раза въ годъ къ продажѣ, не даромъ явился благодѣтельствовать крестьянамъ, и по этому подала прошеніе еще 2-го января 1879 года въ крестьянское присутствіе на дѣйствіе старшины Соловьева, а присутствіе только 31-го марта того же года, потребовало объясненія отъ Соловьева, но до сихъ поръ отвѣта никакого не послѣдовало, не взирая на двухкратныя повторенія требованія, что видно изъ прилагаемой записки, полученной отъ Старобѣльскаго крестьянскаго присутствія по этому дѣлу.

Будь земство въ своемъ окончателно устроенномъ видѣ, подобный опытъ широко задуманнаго и систематически совершаемаго впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ грабежа крестьянъ былъ бы положительно немислимъ. Онъ былъ бы оборванъ немедленно на первомъ же году, оборванъ былъ бы съ помпою, огласился бы во всѣхъ концахъ и углахъ Россіи и повтореніе чего-либо подобнаго сдѣлалось бы невозможнымъ на будущее время. Теперь, вѣроятно, многое множество подобныхъ грабежей совершается во всѣхъ концахъ Россіи съ полною надеждою на успѣхъ. И какъ не надѣяться! Взгляните въ извѣстіе, сообщаемое г. Мариновымъ. Три года тянется плутня, обдѣлываемая г. Соловьевымъ надъ цѣлымъ обществомъ. Можетъ ли этого не знать исправникъ. когда каждый, конечно, мужикъ, съ котораго взыскивается неплатежъ банку, доказываетъ исправнику, что деньги уже заплачены и рассказываетъ всю исторію дѣла отъ начала до конца? Но исправникъ молчитъ. Наконецъ, благодаря скептицизму и храбрости одной солдатки, дѣло достигаетъ до уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Что же дѣлаетъ это присутствіе по такому чрезвычайной важности дѣлу? Прошеніе подано 2-го января 1879 года. Уѣздное присутствіе только 3-го марта дѣлаетъ постановленіе: потребовать отъ старшины Соловьева объясненіе на содержаніе жалобы, и посылаетъ бумагу объ этомъ въ Ново-Боровское волостное правленіе *только* 31-го марта! Старшина молчитъ. Уѣздное присутствіе 31-го августа посылаетъ подтвержденіе. Старшина опять молчитъ. 29-го сентября уѣздное присутствіе посылаетъ еще подтвержденіе. Старшина опять молчитъ, и до сихъ поръ молчитъ. Подумайте: насколько благовидна вся эта канитель? Въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи засѣдаютъ и непосредственный начальникъ крестьянства — непремѣнный членъ, и исправникъ. Почему, вмѣсто того, чтобы переписываться, не поручить тому или другому немедленно лично произвести дознаніе по дѣлу, тѣмъ болѣе, что земля *en question* поступила уже на продажу. Мы, конечно, не имѣемъ данныхъ,

чтобы положительно обвинять уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ неблаговидныхъ намѣреніяхъ, но видимость стоитъ такимъ образомъ, что точно оно ждетъ, пока земля будетъ продана съ торговь, дѣло сдѣлается непоправимымъ — и тогда оно примется рѣшать. Конечно, и на уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе управу найти можно. Но какая будетъ отъ этого польза? Дѣло будетъ ходить по разнымъ инстанціямъ еще три-четыре года... Ходьба, хлопоты, издержки... Положимъ, виновные будутъ суду преданы, а крестьяне землю все-таки потеряютъ, да сверхъ того, опишутъ ихъ имущество на восполненіе банковаго долга.

Далѣе, при появленіи земскихъ учреждений, всѣ надѣялись, что земство, на которое возложено попеченіе о матеріальномъ благосостояніи своего уѣзда, положить предѣлъ тѣмъ безчисленнымъ источеніямъ или даже раззореніямъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя дѣлаются хотя и законными, но производимыми не во-время или не на точномъ основаніи закона, сборами, также отвлеченіемъ крестьянъ въ самое горячее время работъ отъ дѣла совершенно безъ нужды или безъ особенной нужды для какихъ-нибудь надобностей случайныхъ, наконецъ, стѣсненіями въ выдачѣ паспортовъ для заработковъ на сторонѣ и т. п. Всѣмъ извѣстно, что раззорить бѣдное крестьянское хозяйство очень легко. Отнимите у него въ уплату текущихъ сборовъ или недоимокъ послѣднюю лошадь, корову, земледѣльческія орудія—и хозяйство его кончено. Онъ остается безъ пропитанія и безъ надежды встать когда-нибудь на ноги. Закономъ и высшимъ правительствомъ строго воспрещается раззорять крестьянскія хозяйства при взыскаіи податей и недоимокъ. Но полицейскія чины, чтобы показать свое усердіе и ревность по службѣ, сплошь и рядомъ обходятъ этотъ законъ, доводя крестьянина разными стѣснительными и энергическими мѣрами до того, что онъ самъ якобы по своей волѣ раззоряется, т. е. продаетъ для уплаты податей и недоимокъ то, что воспрещено продавать закономъ. Тѣ же полицейскіе чины, а также посредники, непремѣнные члены, а за ними даже мировые судьи нисколько не затрудняются часто за десятки верстъ сзывать къ себѣ народъ въ самую горячую пору работъ по ничтожнымъ надобностямъ или и по дѣйствительнымъ надобностямъ, которыя могли бы быть отложены до другого времени, и держатъ ихъ сколько вздумается; иногда по чистой прихоти сзывающихъ, дѣло, для котораго собранъ народъ, отлагается до другого раза, и онъ долженъ терять и еще день на такое же путешествіе. И все это происходитъ на глазахъ земства, поставленнаго именно для того, чтобы пещись о благосостояніи крестьянскихъ хозяйствъ!

Наконецъ, считаемъ не лишнимъ упомянуть о той дисгармоніи, въ которой стоятъ постановленія нашихъ различныхъ вѣдомствъ съ задачею земствъ, заботиться о поднятіи крестьянскаго хозяйства. Вотъ теперъ уже много лѣтъ идутъ толки о недо-

статочности крестьянскихъ надѣловъ, и, повидимому, въ этомъ убѣждено теперь все общество, такъ что въ нашихъ земствахъ поднять вопросъ о необходимости помочь крестьянамъ въ прикупкѣ земель. Прикупка при помощи земства, дѣло, конечно, хорошее, если только оно хорошо будетъ обставлено; но прикупка прикушкой, да и состоится ли это дѣло, а если состоится, то вездѣ ли найдутся свободныя помѣщичьи земли, которыя купить будетъ выгодно. Между тѣмъ, въ распоряженіи министерства государственныхъ имуществъ находится, какъ видно это изъ «Доклада комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи», въ одной только Европейской Россіи казенныхъ земель и притомъ только отдаваемыхъ въ оброкъ 4.093,303 десятины, въ томъ числѣ болѣе 2,000,000 десятинъ въ губерніяхъ черноземныхъ, и притомъ нѣкоторыхъ самыхъ малоземельныхъ изъ нихъ, гдѣ частныя арендныя цѣны за земли стоятъ очень высоко, достигаютъ до 16 р. и болѣе, между тѣмъ, казна едва ли получаетъ даже и 3 р. за десятину, такъ какъ со всѣхъ отдаваемыхъ ею въ аренду земель, т. е. 4.093,303 десятинъ, она по «Докладу комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи», получаетъ всего доходу 2.277,327 р. Если бы министерство государственныхъ имуществъ, по какимъ-нибудь причинамъ, и не хотѣло продать этихъ земель крестьянамъ, то оно могло бы, съ огромною выгодой для казны, отдать эти земли въ аренду крестьянамъ, которые платятъ теперь огромныя арендныя цѣны за аренды земель частнымъ лицамъ и которые навѣрно были бы въ большой выгодѣ, еслибы за казенныя земли дали казнѣ втрое большую цѣну, чѣмъ какую она получаетъ теперь. Отчего же казна, въ убытокъ себѣ, отдаетъ земли въ аренду частнымъ лицамъ и притомъ большею частью такимъ, которые арендуютъ казенныя земли не для собственной обработки, а для того, чтобы сдавать ихъ за громадныя цѣны крестьянамъ мелкими участками, а не отдаетъ прямо крестьянамъ? Этотъ вопросъ обратилъ на себя мое вниманіе еще въ 1878 году, вслѣдствіе свѣдѣнія, доставленнаго изъ Старобѣльскаго уѣзда тѣмъ же майоромъ Мариновымъ, что мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ отказало крестьянамъ, желавшимъ арендовать участокъ казенной земли въ 22.000 десятинъ, а отдало эту аренду какому-то промышленнику за ничтожную цѣну. Я думалъ тогда, что такія безобразія, какъ обращеніе казенныхъ земель въ средство для эксплуатаціи крестьянъ, происходятъ отъ недѣятельности нашихъ земствъ. оттого, что они не заботятся объ интересахъ крестьянъ, хотя интересы эти есть вмѣстѣ и ихъ собственные интересы, что они не оказываютъ своего содѣйствія крестьянамъ, при взятіи послѣдними изъ казны въ аренду казенныхъ участковъ. Все это было изложено мною въ моемъ іюньскомъ обзорѣ за 1878 годъ.

На это мое обзорѣніе отозвался предсѣдатель мелитопольской

земской управы г. Гофманъ. Онъ объяснилъ, что не отъ недѣлятельности земства зависитъ то, что казенныя земли не попадаютъ въ аренду крестьянамъ, что земство, съ своей стороны, по крайней мѣрѣ, мелитопольское, въ виду того, что арендаторы казенныхъ земель, обыкновенно эксплуататоры, арендуя у казны земли по 1 р. и 1 р. 50 к. за десятину, потомъ по мелочамъ раздадутъ ее крестьянамъ отъ 5 р. до 8 р. за десятину, дѣлало попытку, чтобы вырвать изъ рукъ эксплуататоровъ казенныя аренды, но здѣсь натолкнулось на неожиданное препятствіе въ новѣйшихъ постановленіяхъ министерства государственныхъ имуществъ относительно аренды казенныхъ земель.

«На основаніи прежняго закона, писалъ г. Гофманъ, было предоставлено крестьянскимъ обществамъ право брать казенныя участки, какое-бы количество десятинъ въ нихъ ни заключалось, безъ взноса залоговыхъ денегъ, лишь по мірскимъ приговорамъ. Эта заботливая мѣра министерства государственныхъ имуществъ имѣла благія послѣдствія. Но, къ сожалѣнію, законъ этотъ измѣненъ по продолженію 1869 г. ст. 62 т. VIII, и право взятія въ оброкъ казенныхъ земель, хотя и распространено на все сельское сословіе (прежде имѣли это право только государственные крестьяне), но сдѣланы слѣдующія ограниченія: чтобы участки отстояли не далѣе 15-ти верстъ, чтобы срокъ не превышалъ 6 лѣтъ, и чтобы приговоръ, замѣняющій залогъ, принимался въ суммѣ, *соразмѣрной числу душъ всего общества*, полагая на каждую душу три рубля».

Понятно, что этотъ законъ равносильнъ запрещенію крестьянскимъ обществамъ брать въ аренду казенныя земли. Потому что, при возможности крестьянину ручаться только въ суммѣ 3-хъ рублей, какой участокъ земли можетъ арендовать общество? Только самый ничтожный. Общество въ 100 душъ можетъ ручаться всего въ 300 р., — въ 1,000 душъ въ 3,000 р. Если аренда по 3 рубля десятина, то всего достанется по одной десятинѣ на брата. Г. Гофманъ недоумѣваетъ: какимъ образомъ и почему могъ явиться подобный законъ, отдававшій въ руки эксплуататоровъ, «неимѣющихъ, по его выраженію, ни одного плуга, ни одной овцы», не только крестьянъ но и крупныхъ землевладѣльцевъ овцеводовъ? Она перечисляетъ примѣры арендованія до выхода этого закона крестьянскими обществами большихъ казенныхъ участковъ и утверждаетъ, что всегда эти общества платили арендныя деньги, иногда очень большія, весьма исправно, несмотря даже на бывшіе десятилѣтніе неурожаи. Замѣчательно при этомъ, что законъ, заградившій крестьянамъ доступъ къ арендованію казенныхъ земель, послѣдовалъ въ 1869 году, когда стала уже выясняться недостаточность крестьянскихъ надѣловъ на практикѣ.

Все это очень странно! Нѣтъ сомнѣнія, что во всемъ этомъ есть какія-нибудь печальныя недоразумѣнія, которыя немедленно выяснились бы, еслибы земство существовало въ своемъ окончательномъ развитіи, и прежній законъ, настолько благодѣтельный для крестьянъ и выгодный для казны, былъ бы восстанов-

лень. Теперь же законъ 1869 года, ко вреду крестьянства и ущербу казны, продолжаетъ существовать, несмотря на попытки земства устранить его. «Мелитопольское земство, говорить г. Гофманъ:—признало справедливымъ возбудить ходатайство, чтобы сельскому сословию было *разрѣшено* вновь арендовать казенныя земли по мірскимъ приговорамъ, не ограничивая ихъ правъ на это ни *величиною* участка, ни отдаленностъю, ни временемъ содержания». Губернаторъ опротестовалъ это ходатайство и, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательно, тѣмъ не менѣе, «такъ какъ, говорить г. Гофманъ, на основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и разъясненію сената, протестъ губернатора составляетъ окончательное рѣшеніе, не дающее права на апелляцію высшему правительству, то движеніе этого дѣла приостановилось», и поднятый мелитопольскимъ земствомъ вопросъ пока, какъ выражается г. Гофманъ, «покоится лишь на страницахъ постановленій и докладовъ уѣзднаго земства».

И, вѣроятно, будетъ долго еще тамъ покоиться. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не слышно, чтобы что-нибудь дѣлалось въ министерствѣ государственныхъ имуществъ для допущенія крестьянъ къ арендѣ казенныхъ земель, хотя вотъ скоро будетъ уже два года, какъ опубликовано нами письмо г. Гофмана, которое не могло же остаться неизвѣстнымъ просвѣщенному начальству министерства государственныхъ имуществъ и не обратить его вниманія на ущербъ казны, происходящій отъ новаго 1869 года закона относительно арендъ казенныхъ земель.

Таково положеніе современнаго земства относительно соприкасающихся съ нимъ учреждений и властей. Посмотримъ теперь на него въ его внутренней хранилѣ.

Я сказалъ выше, что Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ предоставило земству очень обширную область предметовъ, гдѣ личная инициатива и дѣятельность земства ни кѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть ограничиваема, кромѣ его собственнаго благоразумія. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли, что система нашихъ земскихъ выборовъ такъ несовершенна, что она никакъ не можетъ обезпечивать для земскихъ собраній навѣрное и всегда такой значительной дозы благоразумія, которая бы предохраняла ихъ отъ разнаго рода затѣй и увлеченій не только не нужныхъ, но иногда и прямо вредныхъ для дѣла. Все здѣсь дѣло чистой случайности. Такъ какъ я, однакожъ, имѣю въ виду теперь вести рѣчь о конкретномъ земствѣ, именно о московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, то и сдѣлаю предположеніе, что выборы на сей разъ вышли самые удачные, что въ гласные этого собранія избраны люди вполне достойные, высоко стоящіе въ своемъ обществѣ по умственному и нравственному развитію, безукоризненно честные и правдивые и т. д. Достаточно ли, спрашиваю я, всего этого, чтобы гарантировать современное мѣстное земство отъ разнаго рода увлеченій?—Я думаю: нѣтъ, и вотъ

почему. Наше время обыкновенно называютъ переходнымъ временемъ, и называютъ вполне справедливо. Мы дѣйствительно стоимъ на межѣ двухъ временъ стараго крѣпостного, едва только оканчивающагося, и новаго, едва начинающагося. Современные дѣятели всѣ—были вмѣстѣ и дѣятели этого стараго времени, или по крайней мѣрѣ, воспитались подѣ сильнымъ его вліяніемъ. Несомнѣнно, или по крайней мѣрѣ, было бы нежелательно усомниться въ томъ, что, услыхавъ новое ученіе о меньшемъ братѣ, они съ искренностію кающаеяся Магдалины притекли къ этому брату, чтобы раскаяться въ своихъ прошедшихъ передъ нимъ прегрѣшеніяхъ и съ такою же искренностію сказали ему: съ сего времени ты не рабъ нашъ, а человѣкъ вполне свободный и равноправный съ нами. Но насколько была успѣшна борьба этого новаго міросозерцанія съ старымъ, насколько первое успѣло восторжествовать надъ послѣднимъ даже въ сознаніи только, и тѣмъ болѣе много ли такихъ, у которыхъ новое міросозерцаніе обратилось въ живое и дѣйственное начало всей ихъ дѣятельности, это вопросъ, конечно, неразрѣшимый. Можно сказать одно, что отъ возрѣній и предубѣжденій, на которыхъ держался весь строй общества и всѣ отношенія въ немъ, которыя въ теченіи пол-жизни служили живымъ началомъ вашей дѣятельности, вошли въ вашу плоть и кровь, обоснованы вами даже теоретически, отрѣшиться вполне очень трудно. Обыкновенно привилегированный человѣкъ носить твердое убѣжденіе, что онъ, какъ человѣкъ образованный, во всемъ стоитъ безконечно выше мужика, что онъ понимаетъ, какъ что дѣлагъ, а мужикъ нѣтъ, что ему нечему учиться у мужика, а мужикъ у него можетъ научиться многому, что онъ вслѣдствіе этого и жизнь, и бытъ мужика понимаетъ гораздо лучше, и устроить ее можетъ гораздо лучше, чѣмъ самъ мужикъ. Я вполне убѣжденъ, что и большинство членовъ нашихъ земскихъ собраній совершенно тѣхъ же самыхъ мыслей. Они смотрятъ на присутствіе мужика въ своихъ собраніяхъ, какъ на неизбежное зло, занесенное сюда въ силу идей вѣка; какъ люди воспитанные и гуманные, они обращаются съ нимъ вѣжливо, но въ душѣ своей непремѣнно думаютъ: «и на кой онъ чортъ тутъ торчитъ!» Что взглядъ большинства нашихъ земскихъ гласныхъ на мужика дѣйствительно таковъ, на это можно было бы собрать безчисленное множество доказательствъ. Но мы ограничимся только двумя слѣдующими: еслибы губернскія земскія собранія считали имѣющими какое-нибудь значеніе мнѣнія мужиковъ о крестьянскихъ надѣлахъ, развѣ возможно бы было, чтобы они давно не изыскали средствъ дать крестьянину возможность присутствовать на этихъ собраніяхъ? Далѣе, еслибы благородные земскіе гласные смотрѣли на гласныхъ изъ мужиковъ, какъ на равноправныхъ себѣ членовъ, развѣ возможенъ былъ бы такой случай, чтобы земское уѣздное собраніе дозволило во время своей сессіи исправнику схватить гласнаго изъ крестьянъ и посадить его въ

тюрьму, какъ это случалось въ старобѣльскомъ земствѣ, и оставить этотъ поступокъ исправника безъ преслѣдованія?—А между тѣмъ вѣдь земскія дѣла большею частію исключительно мужицкія дѣла. Какимъ же образомъ они могутъ вестись благоразумно, трезво, безъ затѣй и увлеченій, если здѣсь голосъ мужика, самаго компетентнаго судьи въ своихъ дѣлахъ, большинствомъ не признается, считается ничѣмъ? А современному земству, находящемуся въ изолированномъ положеніи и въ провинціальной духотѣ, непровѣтриваемой сверху, очень трудно отрѣшиться вѣчно отъ старыхъ предубѣжденій. Теперь возьмемъ и другое.

Прежняя старая жизнь, дореформенная была совершенно неподвижна. Никакихъ вопросовъ въ обществѣ тогда не возбуждалось и потому никому не нужно было ломать надъ ними головы. Если же черезъ какой-нибудь толчокъ извнѣ и намѣчалось иногда для общества возникновеніе болѣе или менѣе важныхъ внѣшнихъ вопросовъ, то и эти вопросы рѣшались быстро самимъ правительствомъ прежде, чѣмъ общество могло составить объ нихъ какое-нибудь опредѣленное представленіе. Явленія будничной жизни были такъ ординарны, безцвѣтны, однообразны въ своихъ повтореніяхъ, что не могли возбуждать ничьей мысли. Не убей, не укради, не прелюбы сотвори и т. п.—все это было давно уже предусмотрѣно, и въ уголовныхъ гражданскихъ, и военныхъ кодексахъ, и поставлено въ точное соотвѣтствіе съ пропорціональнымъ количествомъ розогъ, плетей, шпицрутеновъ и т. п. Беспорядки прежнихъ высшихъ учебныхъ заведеній — уличныя драки, пьянство, буянство, ночное шатаніе — явленія болѣе рѣдкія, были если не всегда предусмотрѣны и пропорціонально взвѣшены въ подлежащихъ училищныхъ кодексахъ, то опять-таки получали свыше такое быстрое рѣшеніе, что общество, при отсутствіи тогда всякой гласности, не только не успѣвало задуматься надъ ними, но и узнавало о нихъ рѣдко во время самого событія, а большею частію черезъ мѣсяць, два, три послѣ ихъ окончанія. Однимъ словомъ, для мысли не было ни пищи, ни дѣятельности въ области общественной жизни, а потому не возникало въ ней любознательности и къ теоріямъ, касающимся этой жизни. Она воспитывалась на теоріяхъ любви, излагавшихся въ многочисленныхъ произведеніяхъ изящной словесности, на теоріяхъ этихъ произведеній, на теоріяхъ философіи, насколько таковая была нужна для уясненія теоріи изящнаго, такъ какъ она составляетъ краеугольный камень послѣдней, и наконецъ, на отвлеченномъ и праздномъ спорѣ западниковъ съ славянофилами, кто лучше: европейцы или славяне? Исторію мы не вводимъ особой статьёй въ этотъ счетъ, ибо исторія тамъ, гдѣ всѣ занимаются изученіемъ теорій любви по произведеніямъ изящной словесности и изученіемъ теорій этихъ произведеній, и сама представляетъ собой не болѣе, какъ произведеніе изящной словесности, хотя бы она и была написана рукой Кайданова или Смарагдова. Вотъ тотъ за-

насъ знаній, которымъ довольствовались лучшіе дѣятели прежняго времени на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы до самыхъ высшихъ, большинство же не имѣло и такого знанія, и проходило жизнь не менѣе удачно. Съ этимъ же запасомъ всѣ прежніе дѣятели перешли и на межу новой жизни. Но этотъ запасъ оказался сразу ни къ чему негоднымъ. Крестьянская реформа перевернула весь строй прежней жизни, упразднила всѣ руководившія въ немъ воззрѣнія, перепутала всѣ установившіяся въ немъ положенія и отношенія. Явилось безчисленное множество не бывавшихъ никогда вопросовъ политическихъ, социальныхъ, экономическихъ, педагогическихъ и т. п., которые всѣ требовали немедленнаго разрѣшенія. Чтобы ориентироваться сколько-нибудь въ наступающемъ хаосѣ, обратились за ключемъ къ уразумѣнію всего этого, къ иностраннымъ книжкамъ, Но отсюда добыто было столько различныхъ теорій, одна другой противорѣчащихъ, одна другую исключающихъ и притомъ представляющихъ такъ мало похожего на наши историческія, бытовыя, культурныя и т. п. условія, что хаосъ только увеличился. Въ виду такого безпомощнаго положенія, контингентъ дѣятелей прежняго времени, роптавшихъ, подобно древнимъ израильтянамъ, на исходъ изъ Египта, т. е. изъ стараго порядка, и съ сожалѣніемъ вспоминающихъ о мясахъ египетскихъ, все болѣе и болѣе увеличивался, образовалась огромная партія разсѣянныхъ повсюду лицъ, тайно, систематически проводящихъ правильному движенію и развитію реформъ, стремящихся свести ихъ къ нулю, водворить подъ благовидную ихъ форму старыя порядки. Эта партія, въ своихъ высшихъ представителяхъ обладающая положеніемъ, связями, капиталомъ, не пренебрегаетъ никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Заподозриваніями, запугиваніями, тайными доносами она поселяетъ недоувѣріе и опасеніе въ имѣющихъ власть, въ обществѣ на души робкія, характеры слабыя нагоняетъ страхъ *жунгла*, людей честныхъ и способныхъ заставляетъ отстраняться отъ дѣлъ общественныхъ, вообще же распространяемою ею повсюду мерзостію запустенія производить всюду раздраженіе, озлобленіе, вражду, способствуя тѣмъ порожденію анти-государственныхъ стремленій и вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ репрессивныя мѣры, гнетъ которыхъ ложится на то же общество. Вообще смута составляетъ жизнь и силу этой партіи. Будучи, по своимъ замысламъ, спеціальнымъ врагомъ народа, она составляетъ самый вредный элементъ и въ земствѣ, тормоза и парализируя на каждомъ шагѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ охраненія, спасенія отечества и т. п., дѣло матеріальнаго и моральнаго развитія народа. Усмотрѣть ея тайныя намѣренія трудно, еще труднѣе уберечься отъ ея вліянія, а иногда даже, понявъ смыслъ ея дѣйствія, невозможно противодѣйствовать громадной ея силѣ. Въ такомъ угнетенномъ положеніи находится современное земство и будетъ находиться до тѣхъ поръ, пока останется въ своемъ изолированномъ положеніи, пока, соединившись, не освѣтитъ для

себя друзей и враговъ народа, не удалить смуты, не разчистить пути для правильнаго своего движенія...

Обращаюсь теперь къ засѣданіямъ московскаго губернскаго земскаго собранія по извѣстному уже читателю вопросу о проэктѣ московскаго же уѣзднаго земскаго собранія по учрежденіи земской кассы для содѣйствія крестьянскимъ обществамъ въ приобрѣтеніи земли.

Какъ я предсказывалъ, что проектъ московской уѣздной земской управы объ учрежденіи земской кассы для содѣйствія крестьянскимъ обществамъ въ приобрѣтеніи земли, принятый уѣзднымъ собраніемъ, будетъ похороненъ въ первой же инстанціи, гдѣ будутъ засѣдать одни благородные люди, а мужиковъ не будетъ, такъ съ нимъ и случилось. Онъ дѣйствительно нашелъ себѣ упокоеніе въ московскомъ губернскомъ собраніи. Я не предугадалъ только одного, что московское губернское земское собраніе не только похоронитъ его, но и похоронитъ прочно, на долгое время, если не навсегда. Какъ это оно ухитрилось сдѣлать, читатель сейчасъ увидитъ. Первый провозгласилъ *отъчную намять* (подлинное выраженіе) проекту г. Оленинъ. Подобно тому нѣмцу, который написалъ цѣлую книгу въ доказательство, что первая французская революція, со всѣми принесенными ей зловредными идеями, произошла отъ недосмотра парижской полиціи, которая недостаточно усердно смотрѣла за пьяными людьми, ходившими по улицамъ и болтавшими о разныхъ глупостяхъ. (что отчасти подтверждаетъ и нашъ извѣстный педагогъ г. Белярминовъ въ своемъ учебникѣ), г. Оленинъ думаетъ, что упадокъ нашего хозяйства произошелъ отъ недостаточно энергическаго взысканія полиціей податей и недоимокъ въ шестидесятихъ годахъ. «Упадокъ крестьянскаго хозяйства, говоритъ онъ: — несомнѣнно существуетъ, но основная причина ея лежитъ не въ недостаткѣ земли, а обуславливается ломкою всего строя жизни, произведенною реформою 19-го февраля 1861 года. Недоимокъ весьма много, хозяйство въ упадкѣ, но это кажущееся (!) обиднѣнне происходитъ вслѣдствіе того, что непосредственно за реформой, при наступившей безурядицѣ, не обращено было вниманія на правильное пополненіе платежей, недоимки все возростали, и когда хватились въ послѣднее время, то пришлось прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ — продажѣ скота, различнымъ понужденіямъ; и вотъ теперь-то начинаютъ отзываться эти недостатки, дошедшія до насъ съ 60-хъ годовъ». Что касается до недостаточности у народа земли, то, по мнѣнію г. Оленина, «многочисленные случаи готовности, съ которою народъ бросаетъ землю, доказываютъ фактически, что голосъ народа противъ земли. Онъ кричитъ: «возьмите у меня и ту землю, которая есть». «Вопросъ о недостаткѣ земли у народа — это вопросъ искусственно возбужденный, вздутый литературою, земству до него нѣтъ дѣла». «Общій голосъ народа противъ покупки земли.

Намъ предлагаютъ основаться на данныхъ статистики, но эти данныя о желаніи народномъ намъ ничего не говорятъ. Надо кончить съ этимъ вопросомъ, просто отказавшись обсуждать его, и *провозласить ему вѣчную память*.

Князь Щербатовъ, хотя и несогласенъ съ г. Оленинымъ, что земля не нужна народу, что онъ ищетъ, какъ бы избавиться отъ нея, что это якобы общій «гласъ народа», напротивъ, думаетъ, что земля имѣетъ великое значеніе для народа. тѣмъ не менше, онъ никакъ не можетъ признать, чтобы причиною упадка крестьянскаго хозяйства былъ единственно и даже главнымъ образомъ недостатокъ земли; тутъ вліяютъ различныя обстоятельства, потому онъ считаетъ преждевременнымъ ставить вопросъ о недостаткѣ земли на рѣшеніе, хотя и не желаетъ класть его подъ сукно. Напротивъ, онъ полагалъ бы правильнымъ немедленно учредить при земской управѣ особенную комиссію, поручивъ ей всесторонне обсудить всѣ предложенія, которая, *ничего предварительно не предпринимая*, рассмотрѣла бы всесторонне всѣ мѣры для поднятія крестьянскаго хозяйства, а также всѣ предложенія, которыя будутъ поступать къ ней со стороны по этому предмету. Только послѣ такого обсуждения комиссіи, въ которомъ *она не должна быть стѣсняема никакимъ срокомъ*, вопросъ о средствахъ какъ помочь поднятію крестьянскаго хозяйства можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія.

Гласный Д. Θ. Самаринъ также находитъ, что упадокъ крестьянскаго хозяйства зависитъ не отъ недостатка земли. Да еслибы даже и зависѣлъ отъ этого, то проектъ московской уѣздной управы помочь бы тутъ очень мало, ибо во-первыхъ, не всѣ крестьяне имѣли бы возможность прикупить земли, а во-вторыхъ, и тѣ, для которыхъ открылась бы эта возможность, получили бы эту возможность не скоро. Между тѣмъ, крестьяне нуждаются въ немедленной помощи. По его мнѣнію, скорѣе и цѣлесообразнѣе можно оказать крестьянамъ эту помощь, научивъ ихъ плодотворнѣшему хозяйству вмѣсто нынѣшняго трехпольнаго. Это, говоритъ г. Самаринъ, сдѣлать очень легко и удобно по слѣдующему рецепту: 1) Оснуите при губернской управѣ особую комиссію; 2) пригласите въ составъ ея агронома, которому поручите производить опыты многопольнаго хозяйства на крестьянскихъ надѣлахъ трехъ или четырехъ деревень съ населеніемъ отъ 300 до 400 душъ; 3) само собою разумѣется, что крестьянъ надобно присогласить на эти опыты и вознаграждать ихъ, равно какъ надобно вознаграждать и агронома, потому на все это отпускайте изъ земскихъ суммъ ежегодно по 5,000 р. 4) Опытъ этотъ продолжать на одномъ мѣстѣ, въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ.

Если опытъ удастся, тогда, говоритъ г. Самаринъ, вопросъ о поднятіи крестьянскаго хозяйства будетъ рѣшенъ. Тогда можно предпринимать подобныя все въ большихъ и большихъ размѣ-

рахъ, и такъ дѣло пойдетъ, и не только вся Московская губернія, а можетъ быть, и вся Россія будетъ вполне осчастливлена по мысли московскаго дворянства. Если же опытъ не удастся, тогда, само собою разумѣется, затѣю эту надобно бросить, истраченные на нее мужицкія деньги почитать пропавшими—потому, о случаѣ неудачи г. Самаринъ не счелъ нужнымъ упоминать. Но возможенъ еще третій случай, котораго, вѣроятно, не предусмотрѣлъ г. Самаринъ, но который предусмотрѣть слѣдовало бы, и сказать о немъ что-нибудь было необходимо. Предположимъ, что опытъ многопольнаго хозяйства, произведенный агрономомъ на мужицкихъ земляхъ, вполне удался, но какъ только агрономъ ушелъ отъ нихъ и земство перестало выдавать имъ премію за опытъ на ихъ земляхъ, мужики сейчасъ же по своему невѣжеству и привычкѣ къ рутинѣ снова обратились къ своему прежнему трехпольному хозяйству. Что тогда дѣлать? Обратиться ли къ полиціи, чтобы она понудила ихъ не оставлять прогрессивнаго земледѣланія или пригласить священниковъ, чтобы они проявили мужиковъ душевспасительнымъ словомъ и заставили радѣть о новѣйшемъ земледѣланіи? О послѣднемъ обстоятельстве я упоминаю потому, что московское земство любитъ вмѣнивать религію въ земныя дѣла, и нисколько не удивился бы, еслибы учреждаемая по мысли князя Щербатова комиссія для изысканія средствъ къ поднятію крестьянскаго хозяйства, просидѣвъ десять лѣтъ или болѣе лѣтъ надъ этимъ вопросомъ и, не найдя ничего, пришла въ концѣ-концовъ къ такому заключенію: просить духовенство всей московской епархіи служить ежедневно молебствія о ниспосланіи плодородія на крестьянскіе поземельные надѣлы. Вообще же разъ придумывается для улучшенія крестьянскаго хозяйства проэктъ, напоминающій практику военныхъ поселеній, и на осуществленіе его ассигнуется не незначительная для земства сумма, непременно должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ предусмотрѣны какія-нибудь мѣры, чтобы ученье пошло въ прокъ и деньги не пропали даромъ.

Оба предложенія и князя Щербатова, и г. Самарина были приняты земскимъ собраніемъ: первое единогласно, второе большинствомъ голосовъ съ учрежденіемъ одной комиссіи для обоихъ проэктвовъ. Предвидя еще во время дебатовъ неминуемую гибель своего дѣтища—проэкта московской уѣздной управы, и, желая спасти его, г. Скаловъ, предсѣдатель помянутой управы, онъ же и гласный московскаго губернскаго земскаго собранія изъявилъ согласіе присоединиться къ предложенію князя Щербатова, но только просилъ, чтобы «предложеніе московскаго уѣзднаго земскаго собранія было поставлено въ предполагаемой комиссіи на очередь, подвергнуто обсужденію и результаты такого обсужденія представлены были бы въ собраніе въ будущемъ году». Когда и это предложеніе было отклонено, какъ предрѣшающее вопросъ и ограничивающее комиссію срокомъ, то передъ самой баллотиров-

кой г. Скалонъ дѣлаетъ еще разъ попытку спасти предложеніе московскаго земскаго собранія, хотя въ основной его мысли. Онъ проситъ предсѣдателя собранія разъяснить: будетъ ли подлежать голосованію это предложеніе по существу, т. е. весь вопросъ о содѣйствіи вообще, или только тѣ способы, которые московское уѣздное земское собраніе предлагаетъ на разрѣшеніе? Предсѣдатель заявляетъ, что голосованію подлежитъ весь вопросъ во всемъ его объемѣ. И проектъ московскаго уѣзднаго собранія, отвергнутый при баллотировкѣ большинствомъ 24 противъ 10, былъ уничтоженъ всецѣло.

Прежде чѣмъ будемъ говорить о томъ: имѣло ли какія-нибудь основанія московское губернское земское собраніе отвергнуть проектъ московскаго уѣзднаго собранія, мы прежде посмотримъ: можно ли ожидать какихъ-нибудь полезныхъ результатовъ, хотя бы то самой незначительной пользы для крестьянскаго хозяйства отъ принятыхъ теперь губернскимъ собраніемъ предложеній князя Щербатова и г. Самарина?

Въ наше время бесполезность и бездѣйствіе комиссій вошли въ пословицу, особенно если эти комиссіи безсрочныя. Въ эти комиссіи сдаются обыкновенно или такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ или нежелательно, или, по разнаго рода препятствіямъ, невозможно, а между тѣмъ, заинтересованной въ этихъ вопросахъ, публикѣ надобно показать, что по нимъ якобы что-то дѣлается. Цѣль эта успѣшно достигается. Переданные въ комиссію вопросы вылеживаютъ тамъ по десяти и болѣе лѣтъ безъ всякаго движенія. Примѣръ такой комиссіи былъ и въ московскомъ земствѣ, и именно по вопросу о причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства. Комиссія назначена была, говоритъ г. Скалонъ еще два года тому назадъ. «Но, просуществовавъ два года, она никакой дѣятельности не проявила. Надежда на ея послѣдующую дѣятельность была тоже весьма слабая. Тогда, говоритъ г. Скалонъ, видя, что комиссія къ работамъ не приступаетъ, мы, интересуясь вопросомъ, сами принялись за дѣло. Изслѣдованія убѣдили насъ въ значеніи величины надѣла, которое въ стрѣхъ крестьянскаго хозяйства во многихъ случаяхъ проявляется весьма ясно, что и заставило насъ обратить вниманіе на устраненіе вреднаго вліянія этой причины». Губернское земское же собраніе, вмѣсто того, чтобы воспользоваться добытыми результатами и поощрить этихъ способныхъ и дѣятельныхъ людей къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, запираетъ весь вопросъ о поднятіи крестьянскаго хозяйства на безсрочное время въ тюрьму, то бишь, въ комиссію, что, впрочемъ, въ одномъ случаѣ совершенно тоже. Сама комиссія, еслибы она просидѣла двадцать лѣтъ, не придумаетъ ничего болѣе необходимаго для поднятія крестьянскаго хозяйства, какъ увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, т. е. то самое, что было представлено и уѣзднымъ земскимъ московскимъ собраніемъ. Можно, конечно, при-

думать лучшіе способы помочь крестьянамъ приобрести землю, чѣмъ какіе предлагаетъ московское уѣздное земское собраніе; но основная мысль, что улучшение крестьянскаго хозяйства должно было начаться увеличеніемъ крестьянскихъ надѣловъ, ничѣмъ равносильнымъ не можетъ быть замѣнена и устранена. Не даромъ же на этой мысли остановились всѣ земства, обратившія вниманіе на улучшение крестьянскаго хозяйства, и новгородское, и тверское, и самарское, и ярославское, и псковское. И что можно придумать кромѣ этого? Всякая экономическая цѣнность создается какъ извѣстно, тремя факторами: трудомъ, капиталомъ и натуральными фондами. Давать капиталъ крестьянамъ земство постоянно не можетъ, а содѣйствовать имъ временно въ приобретеніи необходимыхъ для работы натуральныхъ фондовъ можетъ. И это несомнѣнно самое существенное и самое важное изъ всего того, что можетъ дѣйствительно сдѣлать земство къ поднятію и улучшенію крестьянскаго хозяйства. Другое дѣло, если коммиссія будетъ придумывать какія-нибудь фиктивные мѣры для улучшения крестьянскаго хозяйства, въ родѣ того какъ заказывать духовенству молебствія о ниспосланіи особеннаго плодородія на скудные крестьянскіе надѣлы, или рекомендовать, какъ рекомендовалъ г. Оленинъ на собраніи, поднять (конечно немедленно) умственное и нравственное развитіе крестьянъ и т. п.

Была бы, впрочемъ, еще не большая бѣда, еслибы учреждена была коммиссія, хотя бы то *вѣчная* и безъ всякой надежды на каковую бы то ни было результатъ, еслибы только она не мѣшала дѣлать дѣла другимъ. Существенный вредъ учрежденной, по мысли князя Щербатова, коммисіи въ томъ и состоитъ, что она положила veto на разработку вопроса о содѣйствіи крестьянамъ въ поднятіи ихъ хозяйства на такое время, какое угодно будетъ ей существовать. Ни одно уѣздное земство Московской губерніи не можетъ заняться теперь этимъ вопросомъ и представить придуманныя имъ мѣры на разсмотрѣніе губернской земской управы. Здѣсь скажутъ: «у насъ для разсмотрѣнія этого вопроса учреждена особая коммиссія. Если хотите, мы передадимъ вашъ проэктъ туда. Но знайте, первое, что предрушенія вопросовъ не допускается; потому проэктъ вашъ можетъ быть принятъ на разсмотрѣніе въ коммисіи, и не принятъ, смотря потому, понравится ли гг. членамъ коммисіи мысль въ немъ проведенная или нѣтъ; второе, что очереди въ разсмотрѣніи проэктвовъ тамъ никакой нѣтъ; очень можетъ быть, что вашъ проэктъ будетъ разсматриваться на десятомъ году существованія коммисіи, а можетъ быть на двадцатомъ—это смотря потому, какъ она успеетъ или найдетъ нужнымъ». Единственная надежда для московскаго земства избавиться отъ этой петли, которую она на себя добровольно навлекла, остается та, что авось, Богъ дастъ, съ новымъ трех-лѣтіемъ составъ губернскаго земскаго собранія значительно измѣнится и оно найдетъ полезнымъ упразднить эту коммиссію.

Что касается до проекта г. Самарина, то весь этотъ проектъ не что иное, какъ барская затѣя, на которую брошены будутъ напрасно, попусту земскія деньги. Вопросъ о томъ, насколько основательно требованіе, чтобы крестьяне бросили трех-польное хозяйство и перешли къ рациональному, достаточно разъясненъ въ статьѣ профессора г. Костычева: «О надѣлахъ», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но чтобы не быть голословнымъ и на сей разъ, я приведу мнѣніе объ этомъ проектѣ губернскаго гласнаго Калужской губерніи г. Щербачева, бывшего помѣщика Московской губерніи, а теперь однородной съ ней по земледѣльческимъ условіямъ Калужской. Разбирая въ статьѣ, помѣщенной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», постановленія московскаго губернскаго собранія и доказывая фактами, добытыми комиссіей, занимавшейся изслѣдованіемъ крестьянскаго хозяйства въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, въ трудахъ которой и самъ состоялъ членомъ, что упадокъ крестьянскаго хозяйства зависитъ именно отъ недостатка земли, г. Щербачевъ удивляется, что московское губернское собраніе не признало этой истины и приписываетъ это только тому, что гласные московскаго собранія не довольно серьезно отнеслись къ обсуждаемому вопросу. Въ частности о проектѣ г. Самарина, г. Щербачевъ говоритъ:

Кто сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ сельскаго хозяйства въ Россіи, тотъ знаетъ, что не только у крестьянъ, но и у большинства русскихъ помѣщиковъ, обработка земли производится самымъ допотопнымъ способомъ по той простой причинѣ, что для перехода къ рациональной системѣ хозяйства нужно много времени и нуженъ капиталъ, котораго у нашихъ помѣщиковъ нѣтъ. Для увеличенія урожайности земли, надобно увеличить количество скота; для увеличенія количества скота, нужно ввести травосѣяніе, а чтобы ввести травосѣяніе, необходимо перейти отъ 3-хъ-польной системы хозяйства къ многопольной, что возможно только при уменьшеніи запашки хлѣбовъ; уменьшеніе же запашки хлѣбовъ, въ первые годы, покада урожайность земли не возвысилась, должно уменьшить и тѣ скудные запасы хлѣба, которые крестьянинъ получаетъ съ своей земли въ настоящее время. Спрашивается, возможно ли при такомъ положеніи крестьянъ улучшить ихъ полеводство?

Какимъ образомъ могли быть приняты предложенія князя Щербатова и г. Самарина даже и понять трудно. А они приняты почти безъ всякихъ дебатовъ. Надобно полагать, что оба эти лица пользуются громаднымъ вліяніемъ въ московскомъ обществѣ и, благодаря этому вліянію, какъ на вѣру приняты были ихъ предложенія, такъ на вѣру, безъ надлежащаго разсмотрѣнія, были отвергнуты и неодобренный ими проектъ московскаго уѣзднаго земства. Противниками проекта не было сдѣлано никакихъ вѣскихъ замѣчаній. Г. Оленинъ только *ярился*, точно лично заинтересованный въ томъ, что хлопочутъ объ увеличеніи крестьянскихъ надѣловъ, предсѣдатель губернской управы г. Наумовъ, писавшій докладъ о проектѣ, видимо подыскивался подъ проектъ, не пренебрегая при этомъ—да проститъ ему это Аллахъ!—даже приѣмами старинныхъ московскихъ приказовъ, князь Щербатовъ за-

мѣтилъ только, что недоувѣряетъ статистическимъ цифрамъ въ за-
щиту проэкта, тоже замѣчаніе сдѣлать и г. Самаринъ, присово-
купивъ при этомъ, какъ мы уже видѣли, что проэктъ надѣлать
не всѣхъ крестьянъ землею и что немедленной помощи не до-
ставить и тѣмъ крестьянамъ, которыхъ надѣлать землею. Изъ
32 гласныхъ, присутствовавшихъ въ собраніи, только эти четыре
лица и говорили противъ проэкта.

Самое существенное возраженіе противъ проэкта состояло въ
томъ, что проэктомъ будто бы недоказано, что главная причина
упадка крестьянскаго хозяйства—недостатокъ земли. Въ отвѣтъ
на это г. Скалонъ представилъ цѣлые ряды цифръ, которыми
неопровержимо доказывалось, что въ двухъ близъ лежащихъ мѣст-
ностяхъ, одинаковыхъ по всѣмъ другимъ условіямъ, гдѣ больше
надѣлъ, крестьяне имѣютъ больше скота, меньше недоимокъ и
на оборотъ. Цифры эти признаны были тенденціозными: можно,
дескать, прискаты и другія цифры, изъ которыхъ получатся дру-
гіе выводы. Положимъ, что и такъ, отвѣчаетъ г. Скалонъ: — но
вотъ двѣ цифры, которыя уже никакъ не могутъ быть заподозрѣны
въ тенденціозности: «въ Московской губерніи находится
до 80,000 душъ, владѣющихъ надѣломъ въ количествѣ меньшемъ
2-хъ десятинъ, изъ этого количества болѣе 7,000 душъ надѣлены
количествомъ меньше одной десятины. При такомъ надѣлѣ что
можетъ сдѣлать какая бы то ни было культура?» Но собраніе,
повидимому, и эти цифры признало тенденціозными, по всей вѣ-
роятности, оно признало бы тенденціознымъ, еслибы г. Скалонъ
заявилъ ему, что $2 \times 2 = 4!$

Далѣе возражали, что крестьяне не въ состояніи будутъ упла-
чивать сдѣланной имъ земствомъ ссуды на покупку земли, что 8%
въ годъ имъ платить будетъ тяжело, особенно въ неурожайные
годы. На это возраженіе одинъ изъ гласныхъ г. Кругликовъ пред-
ставилъ примѣръ, гдѣ крестьяне, купивъ земли на занятые деньги,
платили не 8% годовыхъ, а 5% мѣсячныхъ, а потомъ даже
10% мѣсячныхъ. Впрочемъ, это возраженіе было собственно воз-
раженіе *pop ad hom.* Крестьяне не будутъ приневоливаться къ
покупкѣ земли, а будутъ покупать ее по волѣ, слѣдовательно,
предварительно сообразивъ: въ силахъ ли они будутъ уплачивать
ссуду.

Возражали еще, что у крестьянъ нѣтъ желанія покупать земли.
Противъ этого представленъ былъ цѣлый рядъ фактовъ, доказы-
вающихъ совершенно противное.

Однимъ словомъ, всѣ возраженія противъ проэкта московскаго
уѣзднаго собранія были вполнѣ опровергнуты, и, что всего цѣн-
нѣе, опровергнуты не благородными только защитниками проэкта,
а однимъ изъ представителей, какъ выражается г. Оленинъ,
«гласа народнаго» — крестьяниномъ Калашниковымъ, который
какимъ-то чудомъ попалъ въ губернское собраніе, украшая его
собою въ качествѣ перла многоцѣннаго. Вотъ какъ отзывался
этотъ крестьянинъ на возраженія противъ проэкта:

Я не могу согласиться со словами г. Оленина о томъ, что народъ кричитъ: «возьмите отъ меня землю». Крестьянинъ только и красенъ землею и скотомъ. Земля всѣмъ нужна. Въ собраніи говорили много о кустаряхъ, но безъ земли и кустарямъ плохое житье. Я знаю много примѣровъ, что пахутъ землю не только крестьяне, но и купцы. Гдѣ только есть земля, ее разбираютъ охотно и государственные крестьяне, у нихъ земли больше, а они арендуютъ ее много. Кустарникамъ земля нужна, такъ какъ только ею обезпечиваются всѣ нужды, доставляется все необходимое для домашняго обихода. Земля даетъ возможность держать лошадей, даетъ яровое и солому для корма этой лошади, даетъ и навозъ, безъ котораго земля не родитъ, отъ земли бѣгутъ только негодяи, нерадивые люди, махнувшіе на все рукой; они и кормятся отъ челнока. Я самъ крестьянинъ и сознаю, какъ вреденъ недостатокъ въ землѣ; я знаю многія селенія, гдѣ въ землѣ крайне нуждаются; надѣлъ очень недостаточенъ, меньше одной десятины. Бываетъ такъ, что выгоновъ совсѣмъ нѣтъ и приходится нанимать подъ нихъ самую плохую землю. Мнѣ извѣстенъ случай, какъ за 30 десятинъ кочкарнику заплатили такую цѣну, которую впору было дать за вполне хорошую землю. Я полагаю, съ своей стороны, что земство не пострадаетъ, отчисливъ капиталъ для суда тѣмъ обществамъ, которыя въ землѣ очень нуждаются. Деньги за крестьянами не пропадутъ, а останутся въ цѣлости. Мы вотъ отдавали деньги въ коммерческо-ссудный банкъ, конечно полагали, что тамъ люди хорошіе, а онѣ вонъ пропали, цѣныхъ 100,000. За крестьянами же деньги будутъ вѣрнѣе, общества по напрасну ходатайствовать не будутъ, будутъ только тѣ, которымъ въ землѣ крайняя необходимость. Теперь есть много продажныхъ земель и предлагаютъ купить, да купить не на что. Мнѣ самому предлагали купить землю съ лѣсомъ, за 3,500 рублей. Мнѣ это дѣло не подошло, купилъ эту землю другой; теперь лѣсъ свели, земля стоитъ не больше 400 р. и къ ней уже присматривается одинъ кабатчикъ, если ему удастся купить, то аренды онъ возьметъ не меньше 200 р. и эту цѣну дадутъ, потому что крестьяне, около которыхъ эта земля лежитъ, очень въ ней нуждаются; а пользы отъ нея никакой другой не будетъ, кромѣ выгона. Также извѣстно мнѣ, что небольшое селеніе, всего 275 человѣкъ, платятъ за выгонъ 120 р. Много есть не воздѣлываемыхъ земель, въ которыхъ крестьяне очень нуждаются, и этимъ крестьянамъ земство могло бы оказать помощь. Крестьяне, живущіе фабричнымъ дѣломъ, какъ напримѣръ, гребневскіе, о которыхъ говорилъ В. Ю. Скалонъ, надѣленные малымъ количествомъ земли, находятся въ положеніи очень опасномъ; остановивъ фабрики, и негдѣ имъ будетъ работать, а случись при этомъ еще неурожай, негдѣмъ будетъ и кормиться, придется съ голоду умирать, тогда придется самому же земству выдавать имъ ссуды изъ предводительственнаго капитала.

Чтобы вводить новую систему необходимо было, я не согласенъ. Крестьянинъ умѣетъ обходиться съ землей, знаетъ, какъ ее обрабатывать, и теперь у исправнаго хозяина урожай бываетъ самъ-десять, тогда какъ у плохаго самъ три-четыре; все дѣло въ навозѣ, безъ него и хорошія сѣмена не помогутъ. Не изъ чего дѣлать много полей, когда въ надѣлѣ всего двѣ десятины. Теперь и лѣсъ сталъ очень дорогъ, почитай скоро будетъ дороже хлѣба, новый лѣсъ совсѣмъ не расстѣтъ, а все потому, что поросли поѣдаются скотомъ, всѣ вырубки подъ выгоны идутъ. Говорятъ, что крестьяне за землю будутъ платить дорого; дорого платитъ они не будутъ. Крестьянинъ рассчитетъ знаетъ; и теперь есть дешевыя земли, продавцы желаютъ сбыть ихъ, интересы сходятся, да купить не на что.

Жаль, что губернское земское собраніе не обратило вниманія на это заявленіе одного изъ представителей «гласа народнаго».

А слѣдовало вѣдь только провѣрить, дѣйствительно ли этотъ представитель выражаетъ «гласъ народа!» Сдѣлать же это было бы очень не трудно. Вмѣсто того, чтобы наряжать комиссію вѣчную, виноватъ, безсрочную, отъ которой нельзя ждать рѣшительно никакихъ результатовъ, стоило бы только учредить комиссію всего на два мѣсяца и командировать ее въ уѣздъ собрать у крестьянъ свѣдѣнія: желаютъ ли они прикупить себѣ земли, считаютъ ли себя въ состояніи уплачивать полученную ими на это ссуду, въ какомъ размѣрѣ и за какіе проценты и т. п. Такимъ дознаніемъ быстро и достовѣрно рѣшился бы вопросъ о томъ: насколько основателенъ или совсѣмъ неоснователенъ проектъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія.

ПРОПАЩЕ ГОДЫ.

ПОВѢСТЬ.

I.

На палубѣ маленькаго рѣчнаго парохода было тѣсно и грязно. Такъ какъ вообще на бѣломъ свѣтѣ, этомъ исполинскомъ кораблѣ, «пассажиры третьяго класса» не пользуются особенными удобствами, то, стало быть, какой-нибудь пигмей-пароходнишка и по-давно не обязанъ предоставлять имъ всякое благополучіе. Май былъ на исходѣ, а потому вся палубная публика угощалась по сезону зеленымъ лукомъ и воблой, вяленой рыбой астраханскаго происхожденія, очень похожей на лубокъ. Горластая компанія средней руки купчиковъ заняла на палубѣ лучшее мѣсто и распивала чай; тутъ же рядомъ съ чайниками красовался и родной популярный графинчикъ съ источникомъ всѣхъ радостей. Къ графинчику молодцы прикладывались какъ-то нехотя, будто для соблюденія порядка. Дѣло было раннее, часъ седьмой утра, солнце хотя и поднялось высоко, но теплота его еще боролась съ сыростью чуть-примѣтнаго пара, стоявшаго надъ рѣкой, блестящей, широкой, во всей красотѣ весенняго половодья. Тѣло пробиралъ пріятный утренній ознобъ и, слѣдовательно, графинчикъ имѣлъ нѣкоторое основаніе. Коммерсанты вели разговоры про Москву, Рыбинскъ, Нижній, но собиратель торговыхъ свѣдѣній изъ первыхъ рукъ не почерпнулъ бы изъ этихъ разговоровъ никакой добычи: купчики просто важничали на всю палубу, припоминая свои походы въ трактирахъ и иныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой компаніи, на красномъ сундукѣ сидѣла молоденькая, замѣчательно красивая женщина. По внѣшнимъ признакамъ никакъ нельзя были опредѣлить ея общественное положеніе: на ней шерстяное клѣтчатоое платье и драповый бурнусъ, изрядно заношенные, но самаго затѣливаго

фасона, со множеством пуговокъ и бантиковъ, наполовину оборванныхъ; соломенная шляпа съ полями и голубою полинялою лентой; на рукахъ лайковыя перчатки съ прорванными пальцами. Можно было подумать, что это губернская щеголиха, которая съ годъ тому назадъ зашла въ магазинъ подъ извѣстной вывѣской: «Моды мадамъ Армяновой изъ Москвы», одѣлась тамъ съ головы до ногъ по журнальной картинкѣ, да такъ цѣлый годъ и не спускала съ плечъ своей парадной формы—можетъ быть, потому, что другой у нея не имѣлось. Въ настоящей обстановкѣ смѣшныя претензіи ея туалета возбуждали какое-то очень то скливое чувство жалости. Щеголиха эта ѣхала въ третьемъ классѣ, на палубѣ, питалась булкой и богъ вѣсть какими скудными запасами, спрятанными въ ветхомъ ковровомъ мѣшкѣ; расплачиваясь за чайный приборъ, она очень долго шарила въ портмонѣ, чтобы отыскать требуемый гривенникъ. Очевидно, что это была дама въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но знавшая лучшія времена. Къ ея колѣнамъ жалась крошечная дѣвочка лѣтъ трехъ, закутанная въ безобразную кофточку и безпрестанно хныкала: «мамаса, купи булочку, ѣсть хоцу», на что мать кротко и ласково отвѣчала обѣщаніемъ купить апельсинчикъ, какъ пріѣдемъ въ городъ. Дѣвочка унималась хныкать и, весело смѣясь, цѣплялась ручонками за шею матери.

— Варюшка, нельзя! ты всю меня изомнешь, испачкаешь, ленты оборвешь, дура! вдругъ строгимъ тономъ замѣчала полинялая щеголиха, жеманно оправляя ленты и поля своей грандіозной шляпы.

Эти комично-жалкія отношенія барыни къ ребенку совершенно ускользали отъ вниманія сосѣдей. Вдохновляемые частымъ обращеніемъ къ графинчику, молодцы примѣтили только одно: что подлѣ нихъ сидитъ барыня молодая, красивая и совершенно одинокая. Рыжій кудреватый парень сообщил по секрету товарищамъ нѣкоторое замѣчаніе, касавшееся непременно хорошенькой сосѣдки — и затѣмъ она уже сдѣлалась мишенью ихъ плотоядныхъ взглядовъ; даже всѣ рѣчи ихъ направились въ ея сторону для того, чтобы порисоваться передъ нею галантерейностью, какъ-нибудь зацѣпить и вызвать ее на знакомство. Темы ихъ бесѣды становились игривѣе, сводились на кавалерскія похождения съ прекраснымъ поломъ въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Рыжій хвастался, что въ Кунавинѣ «за неуваженіе, мы ни одного цѣльнаго стекла въ домѣ не оставили, какъ есть все раскассировали».

— А ты врать-то гораздъ! замѣчали слушатели.

— Вѣрно говорю. То есть все кругомъ въ дрызгъ разнесли.

Вотъ что значить намъ не уважить! Ну, извѣстно, полиція сей-часъ актъ строчить.

— И стащили?

— Ни Боже мой! На мировую свели. Намъ не очень страшно, за все платимъ наличными—и наплевать. Опять хоша бы и актъ ихній—еще тамъ опосля разберутъ. Нонѣ порядки не тѣ, всякому даны свои права, потому — слобода! съ нѣкоторымъ азартомъ вскрикнулъ кудрявый парень, и скорѣй къ графинчику.

Не вдалькѣ на лавочкѣ сидѣли два жандарма: старшій изъ нихъ, съ бѣлыми усами, подслѣповатымъ взглядомъ и испитымъ лицомъ, былъ въ полной формѣ: сумочка съ бумагами на груди, пистолеть и пашка на своемъ мѣстѣ, всѣ крючки и пуговики застегнуты. Онъ вяло моргалъ вѣками, не глядя прямо ни на кого, но послѣднія восклицанія молодцовъ разбудили его, онъ встрепенулся, какъ человѣкъ, которому показалось, не обязанъ ли онъ въ эту минуту что-то исполнить, и вопросительно взглянулъ въ лицо своего товарища, который, грызя воблу, улыбался во весь ротъ. Широкая улыбка добродушнаго южно-русскаго лица какъ-будто успокоила встревоженнаго служаку, онъ скривилъ губы, насмѣшливо и беззвучно прошипѣлъ:

— И мы-ста туда же, новыхъ понятіевъ набрались!

— Скоробрехи! подтвердилъ товарищъ.—Желаете рыбки погрызть?

— Я бы чайку лучше. Сходите за кипяткомъ, а я тутъ все приготовлю.

Старикашка въ сѣренькомъ пальто военного покроя, пожелтѣломъ и заштопанномъ, самъ весь тоже сѣренькій и пожелтѣлый, давно уже маршировалъ по палубѣ, осторожно шагая черезъ ноги лежащихъ пассажировъ, разсматривая каждую группу и наблюдая гдѣ что дѣлается. Любопытство его часто переходило въ покушеніе вступить въ бесѣду и присосѣдиться, съ живѣйшею готовностью, къ чужому занятію. На одну женщину съ хворымъ ребенкомъ онъ посмотрѣлъ сострадательно и посоветовалъ «дать ребенку непремѣнно»; мужикамъ, считавшимъ свои копейки, подсказалъ, что 23 и 17 составить ровно 40; передъ компаніей купчиковъ долго стоялъ и подарилъ ихъ улыбкой, снисходительной, нелишенной достоинства. Никто не замѣтилъ, ѣлъ ли онъ что-нибудь на пароходѣ и имѣлъ ли какой-нибудь багажъ; видѣли только, что онъ иногда доставалъ изъ кармана мѣдную, полууженную табачницу, свертывалъ папироску дрожащими пальцами, боясь просыпать остатки сухой табачной трухи, затѣмъ, выжидалъ и непремѣнно уловлялъ пассажира перваго класса, выходившаго съ сигарой на палубу. Проговоря «pardon», онъ нарочито-мед-

*

ленно закуривалъ у сигары свою труху, а потомъ ужь считалъ себя вправѣ раскланиваться съ этимъ пассажиромъ, какъ съ знакомымъ. Онъ видимо томился своимъ одиночествомъ и искалъ всякихъ предлоговъ пріютиться къ кому-нибудь, присосѣдиться, вступить въ бесѣду и доказать, что онъ совершенно такой же полноправный членъ общества, какъ и прочіе благородные господа-пассажиры, что его потерянная аммуниція нисколько его не роняетъ, что онъ, если угодно, готовъ доказать всякому, что ветхое пальтишко можетъ прикрывать плечи человѣка образованнаго, привыкшаго къ лучшему обществу... Хотя никто не вызывалъ его на эти доказательства, никто не выказывалъ ему и тѣни пренебреженія, но эти позывы истекали изъ какой-то внутренней, неумолкающей потребности, болѣзненной и назойливой.

На жандармовъ онъ давно уже прицѣплялъ свое вниманіе; встрѣчаясь съ ними, строилъ особенную строго-серьезную мину, какъ благомыслящій гражданинъ, понимающій всю важность ихъ служебнаго дѣла. Можно было заподозрить, что онъ самъ бывалъ практически знакомъ съ порядками ихъ дѣла, потому что подошелъ къ нимъ и вполголоса спросилъ:

— Что, господа, у васъ тутъ *посты*?

— Да, есть маленько, отвѣтили ему нехотя.

— Куда, въ N? (Онъ назвалъ ближайшій губернской городъ).

— Н-да, такъ надо полагать, что въ N.

— А откуда—изъ Петербурга?

Но на это даже никакого отвѣта не послѣдовало.

Старичокъ покряхтѣлъ, покрутилъ желтые усы, поднялъ плечи по военному и пѣтушкомъ повернулся къ монахинѣ, сбравшей подаваніе, любопытствуя осведомиться, сколько именно верстъ отсюда до ея обители.

Изъ рубки вышелъ молодой человѣкъ въ очкахъ, блѣдный, обросшій легонькой бородкой; сверхъ пальто на немъ накинуть пледъ, черезъ плечо дорожная сумочка. Внѣшность его была очень изящна и обличала хорошія привычки и цвѣтущія карманныя обстоятельства. Онъ торопливо прошелъ и поднялся по лѣстницѣ на верхнюю площадку.

Старикашка все примѣчалъ и слѣдилъ за молодымъ человекомъ. — «Непремѣнно петербургскій... гм!» крикнулъ онъ и досталъ свой курительный снарядъ, подкарауливая, не зажжетъ ли этотъ «петербургскій» сигару, чтобы уловить моментъ, удобный для знакомства. Но молодой человѣкъ курить не собирался, а усѣлся на верху, сложивъ на груди руки и всматриваясь въ пробѣгающіе берега, пустынные, волнистые, перерѣзанные лѣсными оврагами; кое-гдѣ, по отлогимъ покатосямъ зеленѣли нивы

длинными полотенцами, словно куски дорогих тканей, разостланные на солнцѣ. Глазъ навольно искалъ признаковъ жилья тѣхъ людей, которые въ потѣ лица воздѣлали на пустырѣ, среди чахлаго кустарника, эти благодатные оазисы, но кругомъ до самаго гребня нагорнаго берега не видно ни одной деревушки. Утомительное безлюдье, глушь и дичь. Молодой человѣкъ перенесъ вниманіе на парходную палубу и, облокотясь на перила площадки, присматривался къ толкучкѣ нестраго народа. Спокойное, серьёзное лицо его исподволь становилось внимательнымъ, почти тревожнымъ... На палубѣ происходило слѣдующее.

Вѣроятно, старанія купцовъ зацѣпить одинокую барыню увѣнчались успѣхомъ; слушая ихъ болтовню, она имѣла неосторожность раза два улыбнуться, и этого оказалось довольно, чтобы кудрявый Донъ-Жуанъ бакалейнаго міра подеѣлъ къ ней какъ можно ближе. Его самоувѣренная смѣлость смутила и испугала хорошенькую блондинку; лицо ея загорѣлось румянцомъ стыда, въ глазахъ ходили слезы. Отворотивъ голову, она не хотѣла слушать, что онъ нашептывалъ ей на ухо; но видно молодецъ привыкъ вести дѣла свои безъ обиняковъ, потому что, постѣ нѣсколькихъ его словъ, бѣдная женщина встала съ мѣста, какъ ужаленная... Купчикъ, придерживая ее за бурнусъ, заговорилъ уже во всеуслышаніе.

— Постоите, мадамъ, вы не сибивтесь! Мы, коли что, ни за чѣмъ не стоимъ. И получше васъ да не брезговали, рыло отъ насъ не воротили. За все наличными! Ну, все равно, опосля въ городу встрѣнемся, не уйдешь! Эй, не плюй въ колодезь—пригодится воды напиться! Вишь фрѣ!

Она сдѣлала шага два, не зная въ которую сторону двинуться, гдѣ искать спасенія и защиты. За нею гналась нахальная рѣчь купчика и отвратительный хохотъ его товарищей. Все это походило на травлю... А кругомъ апатичныя лица, готовые скорѣй принять участіе въ потѣхѣ, чѣмъ протестовать противъ публичнаго безобразія. Оскорбленная женщина озиралась вокругъ и такъ крѣпко уцѣпилась за руку своей дѣвочки, что та заревѣла. Гнѣвъ и стыдъ дрожали на полукрытыхъ губахъ блондинки, изъ глазъ капали слезы. Ея убогое, полинялое щегольство и крикъ дѣвочки до нестерпимости усиливали впечатлѣніе оскорбительной сцены...

Молодой человѣкъ сбѣжалъ съ площадки и такимъ взглядомъ оглянулъ разгулявашагося купчика съ головы до ногъ, что тотъ остановился съ разинутымъ на полу-словѣ ртомъ.

— Взойдите за мною наверхъ, тихо сказалъ онъ растерявшейся женщинѣ.

Не имѣя силы поднять глазъ, не видя кто ее зоветъ и ни-

чего не сознавая, пошла она за неожиданнымъ защитникомъ; взойдя наверхъ, осмотрѣлась и пугливо прошептала:

— Ахъ, Боже мой! вѣдь намъ тутъ нельзя — мы третьяго класса. Еще прогонятъ, пожалуй...

— Успокойтесь, никто васъ не тронетъ. Сядемъ.

Она опустилась на скамью и долго, неслышно плакала, закрывъ лицо платкомъ.

Внизу опять послышались насмѣшки и вызывающія замѣчанія; молодцы прохаживались теперь на счетъ барина, но въ дѣло вмѣшался любознательный старикашка и началъ ихъ обрезаживать, а чтобъ быть убѣдительнѣе, ссылаясь на жандарма, который подошелъ къ исторіи и молча наблюдалъ, чѣмъ она кончится. Можно утвердительно сказать, что не столько краснорѣчіе старикашки, сколько молчаливая фигура блюстителя порядка угомонила разгулявшихся озорниковъ.

— Ужъ не знаю, какъ благодарить васъ. Нынче такъ рѣдко встрѣчаются благородные люди, начала незнакомка, успокоившись отъ волненія.

— О, полноте! дѣло очень простое. Но, извините, я замѣчу, что вамъ съ самаго начала не слѣдовало бы обращать вниманія на этихъ шелопаевъ, отойти дальше, или просто капитану пожаловаться.

— Ахъ, помиуйте, я и то не обращала вниманія. Смѣшно мнѣ показалось... А вы, сдѣлайте милость, не подумайте, что я какая-нибудь... Я даже очень далека отъ эдакихъ скандаловъ... Впервые въ жизни, ей-Богу, впервые! Срама одного сколько, хоть сквозь землю провалиться... Дорогой-то они ужъ раза два приставали ко мнѣ съ ихними разговорами, только я очень деликатно просила оставить меня въ покоѣ. Известно, тутъ на пароходахъ озорниковъ много, притомъ видятъ, женщина одна—долго-ли обидѣть? А со стороны, конечно, мало ли что можно подумать... Эдакой стыдъ, батюшки!

Она путалась, стараясь оправдаться, выгородить свою репутацію, защититься отъ подозрѣній, въ чемъ особенной нужды не было. Молодой человекъ отмалчивался; неизвѣстно, питалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ какія-либо подозрѣнія, любовался ли красотой ея смущеннаго лица, или забавлялся ея простонародной рѣчью, въ которой отдавался сѣверно-русской говоръ и сильно звучала гласная о.—Во всякомъ случаѣ, его занималъ вопросъ, что это за барыня?

— Въ нашихъ мѣстахъ народъ гораздо добрѣе и честнѣе.

— А вы изъ какихъ мѣстъ?

— Да мы издалеча... а теперь ѣду изъ Вятки сюда къ мужу.

— Вашъ мужъ здѣсь служить?

— Да... то-есть, нѣтъ, не знаю... Писать, что ему обѣщали мѣсто по почтовой части, только не знаю... Онъ давно ужъ тутъ, а мы тамъ... Нельзя было пріѣхать...

Она замылась, не могла или не хотѣла договаривать.

На лѣвомъ берегу показались длинные сѣрые сараи, потомъ въ зелени деревьевъ мелькнула затѣйливая дача съ китайскими башенками и флюгерами; далѣе на обрывѣ курились известковые печи. Нѣкоторое специальное зловоніе давало знать о близости благоустроеннаго города.

— Вотъ, кажись, мы и пріѣхали, замѣтила незнакомка.—Пойти собрать свои вещи. Позвольте еще поблагодарить... Вы тоже здѣсь сойдете?

— Да, здѣсь.

— Вотъ и прекрасно. Можетъ, придется еще встрѣтиться. Очень было бы пріятно... Я еще сама не знаю, какъ устроюсь и долго ли тутъ останусь... А все-таки, надѣюсь встрѣтиться. Позвольте узнать вашу фамилію?

— Очень радъ буду... желаю вамъ всего хорошаго... до свиданія! Онъ поспѣшилъ отдѣлаться и не спросилъ ея фамиліи, чтобы не сказать своей. Незнакомка сконфуженно покраснѣла и, бросивъ на него изподлобья укоризненный взглядъ — «де-свать, вы мною брезгаете, что ли?» — поспѣшила сойти съ площадки.

По мѣрѣ приближенія къ городу N, изъ-за бревенчатыхъ лачужекъ выступали колокольни и дома извѣстной обще-губернской архитектуры. Надъ городомъ стояла сонная тишина, только берегъ рѣки кипѣлъ жизнью муравейника. Кучки людей копошились на пристани около баржъ, пароходовъ и лодокъ; одни перетаскивали бочки, другіе перетаскивали двадцати-пудовые кули и ящики. Пестрые батальоны женщинъ, вооруженныхъ носилками, сновали въ лабиринтъ безконечныхъ дровяныхъ полѣнницъ, изготовленныхъ на пищу ненасытному Минотавру, сидящему въ утробѣ каждаго парохода. Извозчики и торговки съ лотками всякаго съѣстнаго добра перекрикивались и ругались, стараясь занять мѣсто ближе и виднѣе. Нищіе, калѣки всѣхъ сортовъ проползали и дрались изъ-за выгодной позиціи. Берегъ представлялъ живую кайму, за которою начинался городъ, какъ будто выплеснувшій изъ себя эту накипь, эту пѣну безпокойныхъ частичекъ своего населенія, и покоившійся въ благочестивой дремотѣ подъ мѣрный будничный благовѣсть къ ранней обѣднѣ.

Раздался продолжительный, рѣзкій свистокъ, на пароходѣ началась возня, въ каютахъ пассажиры собирали вещи, выползали на верхъ. Старикашка-наблюдатель незамѣтно въ толпѣ тоже

пробрался на верхнюю площадку. Онъ видѣлъ, какъ молодой человѣкъ, отдѣлавшись отъ незнакомой барыни, досталъ записную книжку, вписалъ нѣсколько строчекъ, потомъ вынулъ платокъ и при этомъ обронилъ перчатку. Поднять перчатку и поднести ее разбѣянному господину — для старика было дѣломъ одного мгновенія.

— Не ваша ли перчаточка? спросилъ онъ, сладко улыбаясь, словно готовясь высказать любовное признаніе.

— Ахъ, благодарю... не стоило беспокоиться.

Молодой человѣкъ поправилъ очки и опять уткнулся въ свою книжечку.

— Вотъ онъ, нашъ богоспасаемый городокъ! кто впервые его видитъ, тотъ, пожалуй, подумаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ въ немъ есть что нибудь замѣчательное. Издали ничего, чистенькій, а внутри-то, внутри—и Боже мой, сколько дикости и невѣжества!..

Эту тираду старичокъ продекларировалъ нараспѣвъ, явно стараясь обратить на себя вниманіе молодого человѣка и такъ какъ это стараніе не привело къ ожидаемому результату, то онъ рискнулъ спросить въ упоръ:

— Gardon, monsieur, вы какъ—сойдете на берегъ, или дальше изволите отправляться?

— Вы меня спрашиваете? Да, я останусь здѣсь.

— А смѣю спросить, надолго въ наши края пожаловали?

— Не знаю, право: какъ придется.

Молодой человѣкъ отвернулся довольно рѣзко. Привязчивый старикашка не унывалъ, пошелъ къ багажу, тамъ шнырять, обнюхивалъ, и наконецъ, открылъ, что на багажѣ молодого человѣка была надпись «Кольчужниковъ». Обрадовавшись своему открытію, онъ, однако, упустилъ изъ вида, какъ сошелъ этотъ господинъ Кольчужниковъ съ парохода и куда направился.

Черезъ полчаса всѣ пассажиры разбрелись, пристань опустѣла, только въ одномъ уголкѣ известная намъ полинялая щеголиха Христомъ Богомъ умоляла артельщика покараулить ея дѣвочку и два сундучка, пока она сбѣгаетъ въ городъ разузнать, гдѣ квартируютъ ея родные.

Очевидно, эта женщина заѣхала въ незнакомый городъ, безъ всякихъ средствъ, съ неопредѣленными цѣлями и надеждами — и не знала, гдѣ приклонить голову.

II.

Прежде чѣмъ будемъ продолжать наше повѣствованіе, считаемъ нужнымъ ознакомить читателя съ происхожденіемъ Кольчужникова, такъ какъ онъ человѣкъ отнюдь не безъ рода и племени, а имѣлъ всѣ права гордиться своимъ происхожденіемъ, ибо былъ сыномъ тайнаго совѣтника Ивана Гавриловича Кольчужникова, лица очень извѣстнаго въ Петербургѣ, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ. Изъ нашего разсказа читатель увидитъ, по какимъ обстоятельствамъ молодой Николай Кольчужниковъ попалъ въ городъ N. Спѣшимъ, однако, успокоить читателя, что обстоятельства эти были хотя исключительныя, но совершенно семейныя.

Кольчужниковы — многочисленная, извѣстная фамилія, члены которой подвизались на разныхъ воприщахъ государственной службѣ въ полувѣковой періодъ двухъ предыдущихъ царствованій. Еще дѣдъ Ивана Гавриловича, служа въ N—ской губерніи, приобрѣлъ тамъ нѣкоторую натурализцію и маленькое имѣніице, душъ въ двѣсти, завелъ скромное гнѣздо и назвалъ его «Убѣжище». Въ тиши этого Убѣжища нарождались, оперялись и разлетались по свѣту выводки семейства Кольчужниковыхъ. Хотя всѣ они были записаны въ родословную дворянскую книгу своей губерніи, по дворянами-помѣщикамъ были только номинально: никто изъ нихъ постоянно въ Убѣжищѣ не сидѣлъ, имѣніе не дѣлилось, по выборамъ Кольчужниковы не служили, даже на собранія не являлись, въ Приказѣ имѣнія не закладывали, не продавали, не прикупали, даже не смотрѣли на него, какъ на доходную статью, и самый актъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости совершился въ отсутствіи владѣльца, какимъ-то губернскимъ дѣльцомъ, по довѣренности. Въ складѣ жизни, понятій и привычекъ Кольчужниковыхъ не было ни малѣйшаго оттѣнка, характеризующаго нашихъ помѣщиковъ среднен руки; но въ нихъ довольно ярко отпечатался въ чистомъ видѣ типъ многочисленнаго русскаго служилаго люда, уже выработавшаго свои бытовыя и фізіологическія особенности.

Каждый Кольчужниковъ, подростая, непременно воспитывается въ казенномъ заведеніи и болѣею частью на казенный счетъ; потомъ идетъ на службу, военную или статскую, и до такой степени прочно тамъ водворяется, что свой полкъ, канцелярію, департаментъ, казарму считаетъ отчимъ домомъ, семьей, коли-

белю и, въ нѣкоторомъ родѣ, пожизненнымъ дѣломъ. Тамъ укладываются всѣ его симпатіи, надежды и огорченія, гордость и радость, и даже всѣ ресурсы существованія. Самое труднѣйшее дѣло—первый вступительный шагъ—чрезвычайно облегчено для каждаго молодого Кольчужникова. Его непременно встрѣчаютъ словами: «Скажите, это вашъ батюшка (или дядюшка) служилъ въ такихъ-то годахъ у насъ (или тамъ-то)? Да, да, помнимъ, знаемъ, почтенный, заслуженный былъ старикъ! Очень, очень рады, милости просимъ, молодой человекъ! Вамъ остается только идти по стопамъ вашего уважаемаго дядюшки. Надѣмся, что вы оправдаете... и проч., и проч.» И молодой человекъ садится какъ-будто на насиженное мѣсто и сразу акклиматизируется въ средѣ начальниковъ и товарищей, которымъ даже имя его звучитъ чѣмъ-то давно знакомымъ. Затѣмъ все идетъ какъ по маслу.

Служать они всѣ ревностно и безпорочно, не выскакивая впередъ, подвигаясь ровно, и иногда высиживая довольно крупныя мѣстечки. Почти не бываетъ, чтобы одинъ изъ Кольчужниковыхъ на полпути вдругъ подалъ въ отставку, по домашнимъ обстоятельствамъ или по разстроенному здоровью, потому что домашнихъ обстоятельствъ у нихъ никакихъ не имѣется, а здоровье только и поддерживается служебными занятіями: оно скорѣе пошатнулось бы безъ службы. Обыкновенно Кольчужниковы или умираютъ на службѣ, или доживаютъ до глубокой старости и съ полнымъ пенсіономъ поселяются на покой близъ того мѣста, гдѣ служили. Объ удаленіи подъ соломенный кровъ своего Убѣжища никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ, потому что связи съ нимъ никогда не было, да и дѣлать тамъ нечего. Одинъ Кольчужниковъ, оставшійся безъ ноги послѣ венгерской компаніи, пріѣхаль-было дожить свой вѣкъ инвалидомъ въ Убѣжище, но не выжилъ тамъ и года, чуть съ тоски не пропаль, и опредѣлился на службу становымъ приставомъ. Отставные Кольчужниковы, пустивъ дѣтокъ по той же дорогѣ, съ которой сами сошли, живутъ обыкновенно въ дешевенькихъ провинціальныхъ городахъ, получаютъ пенсіонъ, читаютъ старыя газеты и калякаютъ о новыхъ служебныхъ порядкахъ, сравнивая ихъ съ прежними, по отнюдь не порицая — они ничего не порицаютъ, а иногда только вздыхаютъ о какомъ-то блаженномъ состояніи человекъ, котораго якобы когда-то они были свидѣтелями. Больше ничего они дѣлать не могутъ, и если кто-нибудь изъ нихъ попробуетъ пуститься въ такъ-называемыя аферы, то непременно прогоритъ до тла самымъ печальнымъ образомъ. Никакихъ аферъ они отродясь не дѣлали и въ прежнее про-

степное время, а при настоящем хищничестве даже и подумать страшно—куда уж!

Изъ ихъ многочисленной фамиліи выдѣляется иногда одна особь — счастливый и блистательный экземпляръ — выдѣляется естественнымъ путемъ подбора благоприятныхъ условий. Еще съ дѣтства счастливыя случайности помогаютъ исключительному развитію одного, болѣе способнаго, на счетъ другихъ, менѣе способныхъ—и въ концѣ-концовъ, является Кольчужниковъ высшаго типа: человекъ съ хорошимъ образованіемъ, способный, ловкій, достигшій почетныхъ ступеней служебной іерархіи—даже богатый, даже по физическимъ качествамъ болѣе крупный и болѣе красивый изъ всего рода. Онъ становится представителемъ и протекторомъ своихъ обдѣленныхъ родичей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго блюдетъ, чтобы его дѣти отнюдь не утратили завоеваннаго положенія, а упрочили его за собою личными заслугами или путемъ брачныхъ связей, или, наконецъ, такою скромностью, которая даетъ право сказать о человекѣ: «да, онъ плохъ, но, по крайней мѣрѣ, не высовывается и не рохнетъ имени, которое носить.» Если дѣтямъ удастся сохранить отцовскій завѣтъ, то черезъ поколѣніе эта вѣтвь Кольчужниковыхъ уже считаетъ себя какимъ-то избраннымъ родомъ, разсадникомъ нужныхъ Россіи людей. Но, къ сожалѣнію, дѣти рѣдко удаются, и съ кончиной величаваго представителя блескъ фамиліи угасаетъ, а въ средѣ Кольчужниковыхъ, живущихъ на пенсіонѣ, остается только нескончаемая тѣма для бесѣды о томъ, что вотъ-декады и мы дали отечеству знаменитаго мужа. Передаваясь изъ устъ въ уста, тѣма эта принимаетъ нерѣдко легендарные размѣры и, въ видѣ историческаго матеріала, попадаетъ на страницы «Русской Старины».

Такимъ именно счастливымъ экземпляромъ, пышнымъ цвѣтомъ фамильнаго дерева, былъ Иванъ Гавриловичъ. Еще отецъ его нѣсколько выдвинулся изъ мрака неизвѣстности, былъ женатъ на княжнѣ Уметовой, дожилъ до предсѣдателя казенной палаты и успѣлъ нажить, безгрѣшными, разумѣется, доходами, нѣкоторый капиталецъ. Капиталецъ этотъ сформировался потихоньку къ концу жизненнаго поприща, именно къ тому времени, когда младшему сыну Ивану пришла пора становиться на ноги. Поэтому-то, изъ семи братьевъ одинъ онъ получилъ университетское образованіе и былъ прилично снаряженъ на службу въ Петербургъ, подъ покровительство сильнаго лица, которому князь Уметовъ приходились съ родни.

Маленькій, но умный и работающій чиновникъ, Иванъ Гавриловичъ женился во-время, т. е. лѣтъ въ 27. Жена его, дочь

профессора, внесла съ собою одно только интеллигентное приданое, благодаря которому мужъ-чиновникъ сохранилъ въ себѣ гуманное направленіе, данное университетомъ, старался не отставать отъ современнаго умственнаго движенія, читавъ и не застывалъ все помыслы свои въ вицъ-мундирѣ столоначальника. Счастливое супружество было, однако, не безъ печалей: у нихъ умирали дѣти въ самомъ первомъ возрастѣ. Отвезя на Смоленское кладбище три розовыхъ гробика, Иванъ Гавриловичъ крѣпко задумался надъ колыбелькой оставшагося въ живыхъ мальчика. Мать уже много ночей провела въ слезахъ, глядя безнадежно на хилаго, угасающаго Колю. Не сказавъ женѣ ни слова, Иванъ Гавриловичъ рѣшился, для спасенія послѣдняго ребенка, покинуть Петербургъ, пожертвовать честолюбивыми расчетами на блистательную карьеру и проситься куда-нибудь въ южныя губерніи, хотя бы на самую незначительную должность. Имъ дорожили, его едва отпустили и дали мѣсто съ хорошимъ окладомъ, независимое, ставившее его прямо въ ряды губернской чиновничьей знати. При этомъ взято съ него обѣщаніе, что какъ только ребенокъ подрастетъ, окрѣпнетъ, то Иванъ Гавриловичъ не откажется возвратиться въ Петербургъ, гдѣ онъ незамѣнимъ. Маленькій Коля (будущій герой нашей повѣсти) былъ спасенъ: южное солнце, теплая морская волна, аромат зеленой степи, просторъ и воля лелѣяли его дѣтство. Тамъ же родился и другой сынъ, Евгенийъ, здоровый мальчикъ, красавчикъ, пухленькій барченочекъ. Тутъ же, въ провинціи, Ивана Гавриловича постигла везанная тяжелая утрата, смерть жены, и онъ, съ осиротѣлыми дѣтьми, переѣхалъ снова въ Петербургъ, ощущая потребность въ кипучей дѣятельности, которая была бы въ состояніи заглушить его горе. Тутъ Коля поступилъ въ университетъ, а Евгенийъ, какъ сынъ чиновнаго человѣка, надѣлъ щеголеватый мундирчикъ одного изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній. Иванъ Гавриловичъ былъ принятъ прежнимъ начальствомъ съ распростертыми объятіями: теперь имъ еще болѣе дорожили, такъ какъ къ своей уже извѣстной дѣловитости онъ якобы присоединилъ много практической опытности, изучивъ ходъ дѣлъ въ провинціи. Онъ могъ быть весьма полезнымъ совѣтникомъ при обсужденіи какихъ-либо важныхъ общихъ мѣропріятій. Передъ нимъ лежалъ открытый путь къ высшимъ должностямъ. Находясь въ такихъ блестящихъ условіяхъ, онъ задумалъ и, наконецъ, призналъ необходимою во второй разъ жениться. Положеніе его обязывало жить открытымъ домомъ, да притомъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, онъ соблазнялся картиною семейнаго счастья, предполагалъ, что еще можетъ любить и быть

любимымъ. Разумѣется, ужь это (думаль онъ) будетъ любовь не взыблмошная, ничего не разбирающая, а обдумманная, основанная на положительныхъ резонахъ...

Высматривая себѣ подходящую партію, Иванъ Гавриловичъ остановился на дочери коммерціи совѣтника Вакулина, не простого купца-бородача, отъ котораго до третьяго поколѣнія отдаетъ овчиной да кислой капустой, а человѣка уже отполированного, украшеннаго за многія заслуги орденомъ, лично извѣстнаго почти всѣмъ высшимъ сановникамъ, поставившаго себя и свой домъ совершенно на дворянскіи фасонъ. Дочь его, Маня, воспитанная дома тремя гувернантками, обладала всѣми задатками свѣтской барыни, большой барыни, которая можетъ смѣло войти въ самое избранное общество и быть такою хозяйкой дома, къ которой весь Петербургъ пріѣдетъ на поклоненіе. Красавица она была поразительная; на балахъ ее, молоденькую дѣвушку-дебютантку, замѣчали всѣ высокопоставленныя особы, а въдь это знатоки.

— Какая прелесть! чмокая губами, твердили вслухъ облизывавшіеся старцы.—Кто такая?

— Дочь Вакулина.

— Ска-ажите пожалуйста! недовѣрчиво качали они головою.

Въ самомъ дѣлѣ, было странно, какъ это у Вакулина могла явиться дочь, такая породистая красавица? Про молодежь и говорить нечего: самые знаменитые франты наперерывъ добивались чести быть представленными m-lle Вакулиной. Усміху ея въ свѣтѣ, кромѣ красоты, не мало содѣйствовали и бабушкины милліоны. Искатели невѣсть чуяли, что тутъ пахнетъ крупнымъ кушемъ.

Молодая дѣвушка была не глупа, смѣтлива, находчива; она слышала весь этотъ гулъ удивленія, не растерялась, и скоро оправилась отъ перваго естественнаго смущенія, понявъ свою настоящую цѣну. Она не только не была сентиментальна и влюбчива, но отличалась какимъ-то физиологическимъ безстрастіемъ. Это не дрессировка строго-воспитанной, т. е. замороженной свѣтской барышни, не жеманство неприступной и втайнѣ развращенной кокетки, а сама натура, темпераментъ, или задержанное развитіе той нормальной доли сенсуализма, которая присуща всякой дѣвушкѣ. Ни разу сердце ея не забилося сильнѣе обыкновеннаго; на всѣхъ своихъ поклонниковъ Маня глядѣла одинаково спокойно, какъ на людей болѣе или менѣе пріятныхъ, болѣе или менѣе умныхъ, или безцвѣтныхъ, глупыхъ.

Иванъ Гавриловичъ, встрѣчавшій ее въ обществѣ и частенько бывавшій въ домѣ ея отца, подмѣтилъ всѣ ея качества и раз-

судить, что эти качества какъ разъ подходятъ къ идеалу его будущей жены. Еще онъ сдѣлалъ одно замѣчаніе, очень тонкое: не разъ, когда на балѣ какой-нибудь господинъ въ звѣздахъ, наведя на нее золотой лорнетъ, спрашивалъ безцеремонно громко, такъ что она непремѣнно слышала: «Кто это такая? Откуда взялась?» лицо ея вдругъ загоралось не краской стыдливости или обиды, а какою-то вызывающею злобой, и вслѣдъ затѣмъ она поникала головой, задумывалась, была разсѣянна, почти грустна, и оглядывала окружающихъ женщинъ съ нескрытою досадою. Въ эти минуты она навѣрно задавала себѣ такіе вопросы: «кто я такая, откуда взялась? почему же про другихъ такъ не спрашиваютъ? почему всѣхъ другихъ тутъ знаютъ, а меня не хотятъ знать? вѣдь это не первый мой выѣздъ, могли бы хоть привыкнуть... Не потому ли, что я здѣсь не своя, чужая, не имѣющая правъ полного гражданства—и такую, конечно, должна остаться навсегда?..» Иванъ Гавриловичъ наблюдалъ очень мѣтко и именно это наблюденіе подвинуло его на рѣшительный шагъ. Въ усѣбѣхъ своего предложенія онъ и прежде не сомнѣвался, но теперь увидѣлъ ясно, что сама дѣвушка приметъ его безъ малѣйшаго принужденія или внушенія со стороны почтеннаго родителя.

Такъ и случилось. Въ этомъ бракѣ обѣ стороны нашли то, что каждой было нужно. Взявъ за женою приданого полмилліона наличными деньгами, Иванъ Гавриловичъ немедленно купилъ домъ въ одной изъ лучшихъ частей Петербурга, домъ, соединявшій въ себѣ два очень рѣдко совмѣстимыя условія: хорошее помѣщеніе хозяина и хорошо помѣщенный капиталъ — и зажилъ, какъ подобаетъ крупному человѣку петербургскаго чиновнаго міра. Про Марью Алексѣевну уже никто не спрашивалъ «кто она и откуда»; она принимала у себя весь модный, мундирный и чиновный Петербургъ. Въ оперѣ ея ложу посѣщали только избранные; ей завидовали, про нее сплетничали, ее бранили, но эти сплетни и заглазная брань еще болѣе удостовѣряли ее, что она не кто-нибудь, а своего рода сила, съ которою нужно считаться. Марья Алексѣевна необыкновенно скоро освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ, твердо вошла въ роль большой свѣтской барыни и не замѣтила, что, гоняясь за этими призрачными цѣлями, подсказанными властолюбіемъ и тщеславіемъ, проглядѣла нѣчто существенно-важное.

Съ перемѣною состоянія рѣзко измѣнились привычки и характеръ Ивана Гавриловича, или, вѣрнѣе, не измѣнились, а стали проявляться рельефнѣе, въ размѣрахъ болѣе широкихъ, потому что въ основѣ ихъ все-таки лежали типическія черты, общія всѣмъ Кольчужниковымъ.

Домъ Ивана Гавриловича, биткомъ набитый жильцами, облѣпленный по нижнему этажу вывѣсками, все-таки нельзя было назвать буржуазнымъ домомъ разжившагося афериста. Это былъ именно домъ лица чиновнаго; все въ немъ, всякая деталь носила на себѣ отпечатокъ какой-то казенной форменности, механически-заведенной дисциплины, приличной любому казенному зданію. Старичокъ управляющій, въ потертомъ виц-мундирѣ, ходилъ скорѣе на департаментскаго экзекутора; письменное дѣлопроизводство было у него въ конторѣ образцовое; домовые порядки строги. Главнѣйшимъ образомъ отъ жильцовъ требовались три условія—паспорты, благонадежность и неуклонная аккуратность во взносѣ квартирной платы. Петербургскій пролетарій въ такомъ домѣ невозможенъ и ни одной мало-мальски подозрительной личности не отыскалъ бы тутъ самый чуткій сыщикъ. Самъ владѣлецъ жилъ въ бель-этажѣ; чугунный подъѣздъ съ улицы швейцарь-гвардеецъ внизу, ясеневыя форменныя скамейки и раторопный курьеръ наверху.

У Ивана Гавриловича бывали нерѣдко, по особымъ приглашеніямъ, большіе парадные обѣды и одинъ балъ въ зимній сезонъ. Обѣды эти имѣли свою традицію: Иванъ Гавриловичъ помнилъ, что у бывшаго его патрона и начальника бывали тоже обѣды, на которые и онъ, скромный чиновникъ, удостоенъ былъ раза три приглашенія. Тогда собирались тамъ сверстники его начальника, товарищи, бодренькіе, еще не совсѣмъ старыя старички; добродушно каякакали они, припоминая разные курьезныя анекдоты изъ служебной практики, спорили о датахъ указовъ и назначеній, и среди такихъ невинныхъ бесѣдъ изволили кушать весьма аппетитно. Кольчужникову показалось, что подобныя обѣды теперь для него просто обязательны и онъ повиненъ продолжать хорошій обычай предшественниковъ. По составу приглашаемыхъ лицъ, по тону общихъ разговоровъ, даже по самому выбору дней, обѣды эти никакъ не могли назваться приватными собраніями добрыхъ знакомыхъ; нѣкоторая доля официозности всегда съвозила въ нихъ. Но они не были уже рабскимъ, дословнымъ повтореніемъ недавней старины. Общественное движеніе начала шестидесятыхъ годовъ отозвалось и на характеръ этихъ почтенныхъ обѣдовъ. Сперва почувствовалась нѣкоторая неловкость, смущеніе, какъ будто нужныя слова вдругъ всѣ растерялись и даже аппетитъ гостей какъ будто ослабѣлъ; потомъ, это же самое движеніе дало и содержаніе, и энергію застольнымъ разговорамъ. Конечно, обѣдъ, во всякомъ случаѣ—часъ пріятнаго отдохновенія отъ житейскихъ трудовъ и заботъ; тутъ не до рѣшенія дѣловыхъ вопросовъ, но подъ острымъ вліяніемъ всеобщей воз-

бужденности собесѣдники невольно затрогивали новыя тѣмы, а въ толпѣ приглашаемыхъ появились новыя лица, присутствіе которыхъ еще недавно было бы вопіющею аномаліей. Прежде, на званыхъ обѣдахъ своего начальника Иванъ Гавриловичъ терялся въ толпѣ фраковъ, украшенныхъ звѣздами, мундировъ, эселебантовъ, онъ даже не находилъ себѣ подходящей ступеньки въ этой іерархической лѣстницѣ, гдѣ самая послѣдняя была занята особами не ниже новопоставленнаго губернатора: теперь же, у него самого въ это сановитое общество ворвались вдругъ какіе-то неуклюжіе провинціалы съ разныхъ концовъ Россіи, призванные объяснить ихъ мѣстные интересы и нужды, крупные промышленники, учредители акціонерныхъ компаній, должностствующихъ обогатить любезное отечество, словомъ, разные, почти безчиновные субъекты, которыхъ непременно нужно выслушать и которымъ тоже непременно нужно обѣщать все по возможности... Съ другой стороны, выдвинулись ученые чиновники не крупныхъ ранговъ, но быстрыхъ дарованій, специалисты по разнымъ вопросамъ, требовавшимъ всесторонней обработки. Позднѣе, вынырнули горячіе миссіонеры-обрусители, облюбовавшіе какую-нибудь еще не початую, пребывающую во мракѣ окраину. Наконецъ, удостоивался чести быть приглашеннымъ изрѣдка какой-либо редакторъ газеты, заявившій себя со стороны благонадежности, жаждавшій почерпнуть мудрости изъ самаго настоящаго источника. Нѣсколько совѣтъ молодыхъ итенцовъ безукоризненной внѣшности, выдержанныхъ, внимательныхъ и серьезныхъ, сидѣли въ концѣ стола и дополняли картину. Между послѣдними вскорѣ стали появляться два сына Ивана Гавриловича, Николай и Евгений, окончившіе образованіе и поступившіе на службу.

Старшій, Николай, темнаго сутуловатый, плотный мужчина, съ усталымъ взглядомъ и явною небрежностью къ своей внѣшности, обросшій рѣденькою бородкой, въ очкахъ, съ насмѣшливою, даже презрительно-сжатými губами, появлялся рѣдко на отцовскихъ обѣдахъ и всегда оставался какъ-то въ тѣни, безмолвный, но внимательно наблюдающій.

Евгений, румяный, пышавшій здоровьемъ и самоувѣренностью, обращалъ на себя особенное вниманіе. Отецъ любилъ его особенно, нѣсколько странной любовью: онъ любилъ его больше при людяхъ, на выставкѣ, на парадѣ; съ примѣтной гордостью гулялъ съ нимъ по Невскому проспекту, улыбаясь встрѣчалъ его въ знакомыхъ домахъ въ часы утреннихъ визитовъ: у себя на званыхъ обѣдахъ всегда какъ-то особенно громко вызывалъ Евгения вопросомъ о какой-нибудь служебной подробности и, торжествуя, объяснялъ, что она лучше удерживается въ молодой, свѣ-

жей памяти. Онъ тщеславился имъ и хвастался, какъ живымъ образчикомъ того, чѣмъ отчасти самъ былъ смолоду и чѣмъ долженъ быть современный молодой человѣкъ съ солидными задатками въ будущемъ. Сынъ Евгенийъ, всѣми одобряемый, очень блистательно начавшій службу, былъ его старческою и немного комическою слабостью. За то, въ кругу семейства и особливо съ глазу на глазъ, отецъ на очень дѣльно сформулированные монологи умнаго сына часто не зналъ, что отвѣчать, отдѣлывался односложными «да, конечно, такъ», потому что сказанное Евгениемъ было безупречно, кругло, правильно, лишено всякой оригинальности и юношеской горячности.

Онъ и называлъ его всегда Евгенийъ; уменьшительное имя какъ-то не шло къ его фигурѣ, тогда какъ Коля съ дѣтства и до сей минуты оставался вѣчно Колей, простымъ, сердечнымъ малымъ, въ бесѣдѣ съ которымъ забудешь всяческую формальность и незамѣтно втянешься въ юмористическія отношенія ко всякой авторитетности. Иванъ Гавриловичъ любилъ эти бесѣды на распашку, въ нихъ онъ являлся человѣкомъ умнымъ, наблюдательнымъ и независимымъ, но Боже сохрани, еслибы Коля позволилъ себѣ заговорить въ этомъ же тонѣ при постороннемъ лицѣ! Вотъ почему! Иванъ Гавриловичъ позволялъ Колѣ часто отсутствовать на парадныхъ обѣдахъ: едвали даже онъ былъ совершенно покоенъ, когда Коля на нихъ присутствовалъ. За то, когда всѣ гости разъѣдутся и Коля, закуривъ сигару, усядется въ кабинетъ отца и самымъ добродушнымъ тономъ, безъ злобы и ехидства, начнетъ группировать подмѣченныя имъ комическія стороны цестраго собранія гостей, отецъ слушаетъ его съ удовольствіемъ, чистосердечно хохочетъ и незамѣтно вторитъ сыну. Если иногда шутка покажется ему слишкомъ ѣдкою, перешедшею извѣстныя границы, онъ укоризненно остановитъ сына, даже сдѣлаетъ строгую мину, но по глазамъ его всякій бы замѣтилъ, что старецъ не сердится, а готовъ расцѣловать своего остроумнаго Колю. Въ этомъ случаѣ Иванъ Гавриловичъ давалъ поблажку не столько сыну, сколько самому себѣ: ему пріятно было, что сынъ признаетъ его умнѣе и выше всѣхъ тѣхъ, надъ кѣмъ такъ безцеремонно подтруниваетъ: вѣдь только очень умному человѣку можно говорить прямо въ глаза такія вещи.

Оба сына были милы и дороги Ивану Гавриловичу: одинъ удовлетворялъ его тщеславіе чиновнаго человѣка, который, на закатѣ служебнаго поприща, къ прочимъ своимъ заслугамъ можетъ причестъ и то, что оставляетъ въ рядахъ служащихъ под-
 ростковъ достойнаго представителя имени Кольчужниковыхъ; другой отвѣчалъ простой человѣческой, такъ сказать, домашней

потребности видѣть въ сынѣ друга, умнаго и любящаго юношу. Иванъ Гавриловичъ, съ своей точки зрѣнія, отдавалъ нѣкоторое преимущество образованію Евгенія, какъ болѣе практическому, дающему немедленно положительныя результаты, но если случайно требовалась какая-либо научная справка, онъ всегда обращался къ Колѣ, увѣренный, что ему знакома литература того предмета, о которомъ шла рѣчь. Еще съ дѣтства замѣчалась (это замѣтилъ и Иванъ Гавриловичъ) разница во взглядахъ братьевъ на цѣли образованія. Когда Коля, основательно приготовленный къ вступленію въ 4-й классъ гимназіи, выдержалъ экзаменъ и вдругъ, по справкѣ съ метрическимъ свидѣтельствомъ, ему было объявлено, что по лѣтамъ онъ въ 4-й классъ принять быть не можетъ—слишкомъ молодъ—то горю мальчика не было предѣловъ. Онъ разрыдался тутъ же у экзаменаціоннаго стола, никакъ не могъ признать справедливости такого рѣшенія, потому что въ 3-мъ классѣ дѣлать ему нечего, а онъ шелъ въ гимназію вовсе не за тѣмъ, чтобы ничего не дѣлать. Уважая честное горе сына, отецъ вмѣшался и, какъ человѣкъ вліятельный (это было еще въ губерніи), кое-какъ уладилъ это дѣло. Евгеній же, при поступленіи въ учебное заведеніе, нарочно держалъ экзаменъ классомъ ниже того, въ который могъ бы поступить. Онъ откровенно объяснялъ эту уловку очень вѣрнымъ разсчетомъ, поразительномъ въ мальчикѣ:—«въ низшемъ классѣ мнѣ будетъ легко, я все знаю и навѣрное буду первымъ ученикомъ въ классѣ, а стоитъ только сначала заручиться репутаціей отличнаго ученика, потомъ ужъ я пойду и пойду! Лишній годъ тутъ не бѣда, но выгоднѣе кончить курсъ однимъ изъ первыхъ, если не самымъ первымъ—привилегіи большія!» — И онъ кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ, и сразу завоевалъ такое положеніе на службѣ, до котораго старшему брату, кандидату университета, долго надобно было тянуть лямеу.

Вотъ тутъ-то и начинались огорченія Ивана Гавриловича: Коля не хотѣлъ надѣть никакой лямки, онъ оказался совершенно беззаботной головой относительно своего X класса... Изъ угожденія старику, онъ зачислился въ какое-то вѣдомство, но все свое время посвящалъ чтенію, посѣщенію публичныхъ лекцій, а частью и просто ничего недѣланью. Иванъ Гавриловичъ не былъ закоснѣлымъ человѣкомъ стараго покроя, держался даже либеральнымъ возрѣвіемъ на самостоятельность молодежи, но не могъ безъ сердечнаго сокрушенія глядѣть на разгильдяйство (какъ онъ выражался) своего Коли.

— Ты, братецъ, обратилъ бы на себя серьезное вниманіе: право, такъ негодится. Ну, что изъ этого выйдетъ? Молодой

человѣкъ непремѣнно долженъ подчиниться опредѣленному режиму въ занятіяхъ. Да и просто-на-просто знать, что обязанъ каждый день являться въ такомъ-то часу на службу, просидѣть тамъ до такого-то часа, и это хорошо: приучаетъ къ порядку, къ точному выполненію обязанностей, каковы бы ни были эти обязанности, хоть очинка перьевъ. Такъ мы служили — и, какъ видишь, сдѣлались людьми... Притомъ, дисциплина формируетъ характеръ. Взгляни на Евгенія, какъ онъ всегда ровень, спокоенъ, сколько въ немъ выдержки, а отъ чего? — оттого, что онъ подчинился, весь-весь подчинился!

— Я, папа, и не думаю сравнивать себя съ братомъ, кротко возражалъ Коля:—но кто-же вамъ сказалъ, что я вовсе не подчиняюсь, не признаю и не исполняю ровно никакихъ обязанностей?

И при этихъ словахъ прищуренные глаза Коли широко раскрывались и упорно останавливались на лицѣ отца. Иванъ Гавриловичъ не выносилъ этого взгляда, имъ овладѣвало какое-то безпокойство, онъ дѣлалъ нѣсколько ненужныхъ движеній и потомъ, положивъ руку на плечо сына, говорилъ уже мягкимъ, почти кающимъ голосомъ:

— Ну, полно, милый, полно! Я не о томъ... я знаю тебя... нѣтъ, это я вообще... хотѣлось бы видѣть тебя въ положеніи, котораго ты заслуживаешь по уму, по дарованіямъ, по твоимъ знаніямъ, а то что-жь, другъ мой, вѣдь это все мертвый капиталъ! а намъ теперь люди нужны, люди! подавай намъ людей!

— Если во мнѣ есть что-нибудь пригодное, то не безпокойтесь, оно не пропадетъ, выйдетъ наружу, когда явится запросъ на него; тогда и положеніе мое само-собою создастся, и пожалуй я попаду въ разрядъ тѣхъ особъ, которыхъ вы обѣдами кормите, шутливо прибавлялъ Коля:—а пока запроса нѣтъ, пусть я буду сверхштатнымъ чиновникомъ ничего-недѣланья. Мое честолюбіе удовольствуется тѣмъ, что вы считаете меня человѣкомъ хорошимъ, не правда ли?

III.

Когда Иванъ Гавриловичъ женился, Колѣ минуло 22 года, онъ только что кончилъ университетскій курсъ, а Евгеній еще донашивалъ мундирчикъ учебнаго заведенія. Къ женитбѣ отца Коля отнесся совершенно безразлично, какъ къ личному дѣлу родителя, нисколько неизмѣняющему его собственнаго положенія; мало интересовался узнать, что за особа его будущая мачиха и вообще, ни полунамекомъ не выразилъ своего взгляда на семей-

*

ное событіе. Евгений, напротивъ, былъ въ восторгѣ отъ всего: и отъ счастья, которое обрѣлъ папа въ любимой особѣ, и отъ красоты своей мачихи, и отъ нескончаемаго праздника, который непременно учредится въ ихъ домѣ съ водвореніемъ молодой хозяйки; словомъ, юноша ликовалъ. Соображая, что она принесетъ отцу въ приданое полмилліона, Евгенийъ значительно хмурилъ брови и грызъ нижнюю губу.—«Sapristi! вырвалось у него невольно:—это недурно! хоть и не Богъ знаетъ что въ сравненіи съ выгодами быть женою Кольчужникова!

Евгений сразу завоевалъ расположеніе Марьи Алексѣевны, которую называлъ *petite mère*, угождалъ ей всячески, исполнялъ ея маленькія порученія и безпрестанно цѣловалъ у ней ручки. Его всегдашняя ласковая веселость была щедро вознаграждаема маленькими подарками, цѣнными бездѣлушками и тою завидною ролью, которую, подъ протекціей мачихи, онъ занялъ въ женскомъ обществѣ, въ кругу ея великосвѣтскихъ пріятельницъ. Хотя Коля былъ чрезвычайно почтительный сынъ и по отношенію къ мачихѣ держалъ себя безупречно, но—странная вещь—его присутствіе всегда какъ-то стѣсняло Ивана Гавриловича. Если случалось, что при дѣтяхъ онъ нѣжно и ласково поцѣлуетъ жену, или съ угодливостью влюбленнаго поспѣшитъ исполнить какую-нибудь ея совершенно дѣтскую фантазію, то сейчасъ же взглянетъ на Колю съ заискивающей улыбкой, какъ будто ища въ его глазахъ оправданія, извиненія, что «вотъ-де ты не смотри, что я такой серьезный человѣкъ, дурачусь какъ юноша; это я самъ вижу и понимаю, также какъ и ты... но, другъ мой, будемъ снисходительны»...

Коля при этомъ самъ совершенно терялся и поскорѣе уходилъ. Для него было чрезвычайно тяжело, что ему навязывали роль какого-то цензора въ домѣ, роль надзирателя, который стѣсняетъ, расхолаживаетъ свободное теченіе домашней жизни. Онъ этого вовсе не хотѣлъ и, не зная какъ выйти изъ положенія, установившагося словно по общему безмолвному уговору, сталъ являться у отца только къ обѣду, проводилъ цѣлые дни внѣ дома, или въ своихъ комнатахъ, куда отецъ и мачиха никогда не заглядывали.

Время шло; счастливый Иванъ Гавриловичъ сталъ отцомъ новаго семейства: у Марьи Алексѣевны родились двѣ дочери.

Благосклонный читатель, конечно, помнить, что наша исторія относится къ недавней старинѣ, лѣтъ не болѣе 15-ти тому назадъ. Тѣ самыя общія причины, измѣнившія, какъ мы видѣли, характеръ Кольчужниковскихъ обѣденныхъ собраній, отразились на всемъ стрѣ тогдашняго общества, пробрались даже въ салоны

свѣтскихъ женщинъ. казалось бы, вовсе непричастныхъ общественнымъ движеніямъ. Въ лексиконъ женскихъ діалоговъ стали тоже заскакивать неслыханныя дотолѣ новыя словечки, и тутъ же затрогивались новыя тѣмы, ставшія модными. Что же мудренаго? Не каждый ли день отцы, мужья, братья, работая въ разныхъ комитетахъ и комиссіяхъ, заносили и подъ домашній кровъ отрывочные отголоски изъ того міра, гдѣ подготовляются событія, зрѣютъ планы, ставятся на очередь вопросы, поднимавшіеся тогда какъ роса со всѣхъ полей русской земли? Не каждый ли день газеты воспѣвали «настоящее время, когда...» поздравляли съ всеобщимъ пробужденіемъ, обличали вчерашнее невѣжество и грубость нравовъ, осмѣивали предрасудки и отсталость, предавали гласности даже ничтожныя, мизерныя скандалчики? Все кругомъ до такой степени суетилось, что женщинѣ, мало-мальски умѣющей мыслить, не было никакой возможности остаться нейтральною, игнорировать уличную суматоху, спокойно заниматься невиннымъ рукодѣльемъ, или не столь невинными будуарными шалостями.

Марью Алексѣвну, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ кого-либо изъ небольшого круга неглупыхъ женщинъ, ея пріятельницъ, тревожили разные вопросы дня: она всегда жила головой на счетъ сердца. Посредствомъ замужества достигнувъ того положенія, которое составляло цѣль ея дѣвическихъ мечтаній, она увидѣла, что остановиться на этомъ нельзя, что это даже вовсе и не цѣль, а только средство. Удовлетворено покуда только одно тщеславіе, а затѣмъ нужно что-нибудь дѣлать... Ей покоя не давала потребность что-нибудь дѣлать. Семейная жизнь не наполнила ея существованія: отношенія къ мужу были всегда ровныя, дружескія; не оказывалось даже малѣйшихъ поводовъ къ маленькимъ семейнымъ бурямъ; это было очень скучное довольство другъ другомъ, безъ взрывовъ, безъ мукъ подавленной страсти, да и безъ ея сжигающаго блеска... Дѣвочки были еще очень маленькія, жили пока растительною жизнью; съ формальной стороны, она объ нихъ заботилась, т. е. больше забавлялась ими, но положить на дѣтей всю себя, всю жизнь—для этого опять-таки требовалось преобладающее развитіе сердца, именно то, чего въ Марьѣ Алексѣвнѣ не доставало.

Принималась она усердно читать книги и журналы того времени, но это чтеніе только пуще подстрекало ее, раздражало ея недовольство собою.

Ей было необходимо повѣрить кому-нибудь свои тревоги. Задумывалась она на счетъ Коли; его всегдашняя серьезность ин-

триговала ее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пугала; а случая для сближенія все какъ-то не представлялось. Въ ожиданіи этого случая, она попробовала обратиться къ Евгенію, но и сама была не рада. Она разъ высказала ему, что ее тяготитъ эта праздная жизнь и полужизніе, что ей хотѣлось бы знать многое, все знать, и потомъ попробовать свои силы, приняться за какое-нибудь дѣло, быть полезною обществу. Евгенийъ Ивановичъ выразилъ на лицѣ крайнее изумленіе. «Откуда все сіе?» думалось ему, глядя на прелестную *petite maman*. Потомъ, сдвинувъ многозначительно брови и процѣживая слова нехотя, какъ чловѣкъ, знающій слишкомъ много, но обязанный «хранить вѣренную ему тайность», онъ сообщилъ ей, что стремленіе все узнать и заняться чѣмъ-нибудь полезнымъ, взятое само по себѣ, очень почтенно; рекомендовалъ ей серьезно обратить вниманіе на то, что она членъ многихъ благотворительныхъ обществъ, и вотъ тутъ-то можетъ проявить свою дѣятельность, самую приличную для женщины въ ея положеніи. Что же касается до нѣкоторыхъ странныхъ (чтобъ не сказать болѣе) тенденцій современнаго общества, въ особенности по такъ-называемому женскому вопросу, то «не думаю, *maman*, чтобы вы были съ нимъ знакомы, а узнаете, такъ отвернетесь съ негодованіемъ, врожденнымъ всякой порядочной женщиной. Замѣчу только, что въ высшихъ сферахъ предусмотрѣны всѣ легальныя потребности современнаго общества и имъ будетъ, по возможности, дано надлежащее удовлетвореніе; теперь еще не время; подождемъ, препятствій много, слишкомъ много, но нужно надѣяться, что съ помощію Божіей все постепенно уладится...»

Слушая длинное поученіе юнаго доктринера, которое мы только резюмировали, Марья Алексѣвна слегка зѣвнула.

Разговоръ окончился шутками. Ей стало ужасно неловко, даже стыдно, что она начала такъ серьезно. Она потомъ всякій разъ краснѣла, вспоминая объ этомъ разговорѣ, и еще нетерпѣливѣе ждала случая сблизиться съ Колей. Случай этотъ скоро представился.

IV.

Былъ у Ивана Гавриловича родной братъ, генераль-майоръ Илья Гавриловичъ, старше его лѣтами, но еще бодрый, крѣпкій старикъ, закаленный тревогами боевой жизни на Кавказѣ. Хотя онъ теперь оставался безъ должности, но, какъ истинный Кольчужниковъ, числился гдѣ-то въ запасѣ и на очень скром-

ныя средства проживалъ въ Петербургѣ, для воспитанія единственной дочери Ниночки. Самъ Илья Гавриловичъ воспитывался на казенный счетъ въ старинномъ дворянскомъ полку, гдѣ большой премудрости не учили, но, даже несмотря на это, «ефрейторъ Кольчужниковъ» оказалъ слабые успѣхи въ наукахъ и выпущенъ прапорщикомъ въ кавказскіе линейные батальоны. Отличный онъ былъ фронтовикъ, силачъ и храбрости необыкновенной. Храбрость его не вспыхивала въ исключительныхъ только случаяхъ, какъ запальчивость сорви-головы, который лѣзетъ въ огонь, ничего не помня, а была просто органическимъ свойствомъ его темперамента. У него со дня рожденія, кажется, сидѣла она въ каждомъ нервѣ и проявлялась всегда ровною, спокойною, увѣренною въ себѣ силою. Онъ одинаково мило и добродушно улыбался, глядя вокругъ себя, было ли это въ компаніи товарищей за стаканомъ чая съ кизляркой, или въ проклятыхъ лѣсныхъ тущобахъ Большой Чечни, гдѣ иной разъ отряду, окруженному массаами горцевъ, приходилось пробиваться или лечь костями. спасая не одну свою собственную кожу, а все, что пріобрѣтено кровью славныхъ предшественниковъ. Въ такой-то одной изумительной, но несчастной экспедиціи, капитанъ Кольчужниковъ не даромъ взялъ Георгія и сильно выдвинулся по службѣ. Имя его стало извѣстно по Кавказу, и близкіе товарищи прозвали его Ильею-богатыремъ. До генеральскаго чина онъ жилъ холостякомъ и вдругъ женился какъ-то незначай.

Его задушевный пріятель, полковой штабъ-лекаръ Мильковскій, заразился тифомъ въ лазаретѣ и умеръ, оставивъ жену съ ребенкомъ, дѣвочкой лѣтъ четырехъ. Средства къ жизни у вдовы Мильковской не было никакихъ, покойникъ даже пенсіи не выслужилъ; родня ея, небогатая, жила гдѣ-то подъ Кутаисомъ, но къ роднымъ докторша и ѣхать не хотѣла; она такъ полюбила походный бытъ, что готова была хоть маркитанткой остаться при своемъ полку. Жѣнщина лѣтъ тридцати, грузинка, смугленькая, невзрачная, кое-какъ умѣвшая читать и писать по-русски, она была, однако-жь, любима всѣми офицерами полка за то, что была безцеремонная, веселая барыня и гостепріимная хозяйка; молодежь находила у Мильковскихъ все, что можетъ дать родной семейный очагъ.

Бросая горсть земли въ свѣжую могилу друга, неизвѣстно о чемъ размышлялъ и что чувствовалъ Илья-богатырь, но, спустя шесть недѣль, пришелъ онъ къ вдовѣ и прямо предложилъ ей войти хозяйкой въ его генеральскую квартиру — «умру, такъ, по крайней мѣрѣ, будетъ кому оставить заслуженную пенсію;

и дѣвочкѣ воспитаніе дадимъ приличное, а меня ужь возьмите такъ, въ придачу; хоть и старъ, и нога прострѣлена, и на лбу ють шрамъ — какая-то собака пашкой *полосанули* — а все-таки мужемъ называть станутъ».

Такъ и женился.

Очень полюбилъ онъ дѣвочку, возилъ съ нею постоянно и избаловалъ до крайности. Ниночка стала домашнимъ тираномъ, командовала всѣми — отъ отца до послѣдняго деньщика и вѣстоваго. Она смѣло садилась на лошадь верхомъ, какъ мальчикъ, знала наизусть всѣ пѣхотные сигналы и презабавно наигрывала ихъ на губахъ. Что бы ни напроказничала Ниночка, прибѣжить къ отцу и начнетъ: «намъ хоть какую переправу, перейдемъ ее на славу — маршь!» или «Строить кучки и каре, строить кучки поскорѣй, съ нами пуля, съ нами Богъ!» Старикъ и рас-таетъ.

Смугленькая, въ мать, востроносенькая, съ задорными глазами, она была преграціозный ребенокъ, но въ личикѣ ея было что-то непріятное, напоминавшее птичку — дикую, хищную птичку съ острымъ коготкомъ...

Кончилась восточная война, потому Кавказъ покоренъ окончательно, Гунибъ взятъ, Шамиль отправленъ въ Калугу. Илья Гавриловичъ, видя, что ему тутъ дѣлать больше нечего, захотѣлъ отдохнуть; устроился кое-какъ съ пожалованной ему землицей и отправился въ Петербургъ исполнить свое святое на-мѣреніе на счетъ Ниночки, которая подросла и нуждалась въ систематическомъ образованіи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, генераль, разумѣется, сейчасъ же явился къ савонному брату, съ которымъ не видался лѣтъ десять, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣзжалъ еще полковникомъ въ отпускъ. Еще съ того свиданія между ними установились довольно оригинальныя отношенія: старшій братъ Илья обращался къ младшему: «Вы, братецъ, Иванъ Гавриловичъ» — а взамѣнъ получалъ: «Ну, что, братъ Илья, какъ ты нынче живешь?» — Такъ это и осталось. Генераль являлся у брата изрѣдка, и всегда одинъ; жена отзывалась нездоровьемъ. Она сдѣлала первый визитъ Марьѣ Алексѣевнѣ; но обѣ дамы взаимно другъ другу не понравились. На большихъ обѣдахъ у Ивана Гавриловича генераль появился раза два, какъ своего рода рѣдкость, которую можно показать не безъ фамильной гордости, да тѣмъ и покончилъ. Онъ въ этомъ блестящемъ обществѣ ужасно стѣснялся, былъ неловокъ, не умѣлъ говорить — словомъ, чувствовалъ, что тутъ онъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ. Самый первый дебютъ его былъ уже неудаченъ: онъ опоздалъ на полчаса,

и всѣ олимпійцы его ждали. Евгеній поглядывалъ въ окна и сдѣлалъ гримасу, увидавъ, что дядя притащился на плохомъ извозчикѣ, съ которымъ что-то долго рассчитывался у подъѣзда. Войдя въ залу, генераль, высокій, неуклюжій, обтиралъ пестрымъ фуляромъ мокрое лицо (время было дождливое) и тѣмъ же фуляромъ обмахнулъ забрызганные панталоны. Потомъ, двигаясь въ столовую, наступилъ на шлейфъ одной статс-дамѣ и усѣлся въ концѣ стола, не на мѣстѣ, ему назначенномъ, рядомъ съ племянникомъ Колей. Во время обѣда, вмѣсто интересныхъ повѣствованій о кавказской Илиадѣ (чего отъ него всѣ ожидали), онъ упорно молчалъ, или какъ-то упрямой шептался съ своимъ сосѣдомъ Колей. Повидимому, они оба остались довольны другъ другомъ.

Впоследствии, Коля одинъ изъ всего семейства часто навѣщалъ дядю и любилъ — особенно въ тѣ дни, когда у родителя большой обѣдъ—уходить на Пески въ скромную квартиру дяди Ильи Гавриловича, гдѣ, весело болтая, они уписывали вдвоемъ цѣлое блюдо шашлыка, мастерски приготовленнаго руками самой генеральши, и заливали бараній жиръ добрымъ кахетинскимъ виномъ, которое присылали генералу старые кавказскіе пріятели.

Бдучи въ Петербургѣ, Илья Гавриловичъ, правду сказать, мечталъ, что братъ и жена его примутъ самое горячее участіе въ его великой задачѣ—дать воспитаніе Ниночкѣ, которую онъ выдавалъ за родную дочь, но слышалъ очень холодный форменный совѣтъ: «разумѣется, въ институтѣ». Никто даже не поинтересовался поближе рассмотреть, что это за ребенокъ, опредѣлить ея характеръ и природныя качества. Ниночка была немедленно отдана въ институтъ, но тамъ не ужилась долго. Дитя юга, она въ 13 лѣтъ была уже совершенно развита физически; ея мальчишескія, задорныя манеры, походка, выраженія приводили въ отчаяніе воспитательницъ. Сначала она не хотѣла разстаться даже съ серебрянымъ наборнымъ поясомъ, которымъ туго стягивала талію въ перехватѣ у самыхъ бедеръ, и терпѣть не могла пелеринки, неловко торчавшей на ея высокой; не въ мѣру развитой груди. Приходилось исподволь передѣлывать, осторожно ломать неподатливую натуру дикарки, чтобы сформировать благовоспитанную дѣвицу. Илья Гавриловичъ сокрушался искренно и, приходя въ институтъ, давалъ своей Ниночкѣ совѣты и наставленія переломить себя, исправиться. Это ужъ было совсѣмъ неискренно, потому что старый солдатъ самъ не понималъ, для чего все это нужно; ему правилась Ниночка такъ, какъ она есть. Неискренность слышалась въ его назиданіяхъ

и была подмѣчена Ниночкой, вслѣдствіе чего совѣты отца производили какъ разъ обратное дѣйствіе. Однако-жь, при педагогическомъ умѣньи и великомъ терпѣньи, перевоспитаніе дикарки, пожалуй, и удалось бы съ грѣхомъ пополамъ, но дѣло усложнилось и затруднилось новой бѣдой: дѣвочка захворала тоской по родинѣ, специальной болѣзнью всѣхъ горцевъ. Похудѣла, завяла въ какіе-нибудь полгода затворнической жизни, такъ что ее узнать было невозможно. Илья Гавриловичъ пришелъ въ совершенное отчаяніе, не зная, что дѣлать и, по совѣту Коли, рѣшился взять ее изъ института, дѣло прожить въ Парголовѣ, гдѣ все-таки найдешь жалкое подобіе горъ, а съ осени пусть начнетъ Ниночка ходить въ какой-нибудь частный пансіонъ. Нельзя же, учиться все-таки надо.

Бывая у дяди, Коля мало обращалъ вниманія на подросточка-дѣвочку; она же его дичилась, выбѣгала только на минутку поздороваться съ кузеномъ, который ей, должно быть, рѣшительно не нравился. Рѣдко она и дома-то бывала: или въ пансіонѣ, или у кого-нибудь изъ пансіонскихъ подругъ, которыя тоже приходили къ ней гурьбой и, запершись въ ея комнату, щебетали и хохотали безъ умолку. Илья Гавриловичъ былъ доволенъ, что Ниночка ужъ не хвораетъ, разцвѣла и охотно учится, вѣчно возится съ книжками.

— Дома не сидить, вотъ что худо, замѣчала мать.

— Правда; но и то сказать: куда не весело дома-то ей съ нами стариками. Молодая къ молодому и льнетъ: это естественно, утѣшалъ добродушный генералъ.

Три года прошли незамѣтно — и въ одинъ прекрасный день передъ Колей стояла уже совсѣмъ взрослая дѣвица.. Онъ оглянулъ ее внимательно и вопросительно: что, дескать, ты за птица такая? А она дѣйствительно была птица: птичье хищное выраженіе ея лица стало еще характеристичнѣе. Случилось такъ, что генералъ вышелъ распорядиться насчетъ бутылочки кахетинскаго, а Коля, въ ожиданіи обѣда, сидѣлъ одинъ, просматривая газету.

— Что вы нашли интереснаго въ этой ерундѣ? окликнула Ниночка, встряхнувъ короткими волосами. Глазки ея глядѣли бойко, ноздри подергивались насмѣшливо.

Коля отложилъ газету и съ недоумѣніемъ остановилъ на ней вопросительный взглядъ. Онъ нѣсколько смутился.

— Какіе у васъ вкусы старозавѣтные: съ генералами про войну бесѣдовать, газеты читать, ха-ха! Нѣтъ чтобы ко мнѣ въ комнату заглянуть, сойтись съ нами!

— Виновать, милая кузина, дѣйствительно, я...

Онъ не договорилъ фразы, потому что приходилось сказать:

«дѣйствительно, я виноватъ—проглядѣлъ твое существованіе...» Коля совсѣмъ смѣшался. «Да когда же ты выросла? думалось ему.—Съ кѣмъ это — сойтись? кто вы такіе?..»

Видя его растерянность, она пуше и язвительнѣе расхохоталась.

— Да вы, видно, сахаръ-медовичъ... Какая же я вамъ кузина? И не родная совсѣмъ. Просто дочь какого-то плохенькаго полевого лекаря... Я думала, авось онъ изъ «хорошихъ» людей, а вы, кажется, аристократъ!..!

Она повернулась на каблучкахъ, откинула прядь волосъ за ухо и, сложивъ на груди руки, гордо пошла въ свою комнату.

Онъ провожалъ ее глазами. Смущеніе прошло; онъ улыбался какъ-то снисходительно. «Такъ вотъ ты какая! А добрякъ дядя и не воображаетъ, что скоро будетъ упраздненъ дочерью плохенькаго лекаря...»

Коля чувствовалъ и себя слегка оцарапаннымъ ноготкомъ этой птички. «Аристократъ! вертѣлось у него на умѣ.—Это ужъ, положимъ, просто глупо... Впрочемъ, дѣти всегда начинаютъ съ вѣшнихъ признаковъ, съ ярлычковъ и вывѣсокъ настоящихъ предметовъ. Ничего, подростутъ, поузнѣютъ...»

Этотъ случай, однакожъ, ни мало не подзадорилъ Колю на сближеніе съ Ниночкой; онъ встрѣчалъ ее все съ тою же снисходительною улыбкой, что, повидимому, ее ужасно злило. Не долго, впрочемъ, и встрѣчалъ-то онъ ее: предсказаніе его объ упраздненіи генерала отъ обязанностей отца послѣдовало гораздо скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

Однажды утромъ, заходить къ нему дядюшка, замѣтно разстроенный. Моргая морщинистыми вѣками, кое-какъ свертываетъ онъ толстую папироску, вкладываетъ въ черешневый муштучокъ и закуриваетъ очень флегматически, не говоря ни слова. Колю начинало тяготить это молчаніе, но онъ остерегся нескромныхъ вопросовъ, думая, не вышла ли какая непріятность у дяди съ отцомъ, отъ котораго онъ только-что вышелъ.

Илья Гавриловичъ попытѣлъ немного, выпустилъ клубъ дыма и примолвилъ тихо съ маленькой хрипотой въ горлѣ:

— А у меня вчера Нинка сбѣжала.

— Что вы, дядюшка! какъ же это сбѣжала?

— Ушла просто. Хочу, говорить, своимъ трудомъ жить. Чужой хлѣбъ—слышишь. чужой?—ѣсть даромъ стыдно! Я, видишь, взрослая, могу работать. Прощайте, не сердитесь—и была такова!

— Что-жь вы?

— Думалъ, что шутить, дурить дѣвчонка; анъ нѣтъ! Сегодня вотъ прислала цыдулку... Генералъ вытащилъ изъ кар-

мана клочокъ бумаги и, отдаливъ его на всю длину руки, едва прочелъ: «Добрѣйшій Илья Гавриловичъ... гмъ... выправьте мнѣ, пожалуйста, видъ на жительство, безъ этого нельзя. Если хотите, зайдите посмотрѣть, какъ мы устроились. Адресъ мой тамъ-то. Ваша Нина Мильковская».

— Вотъ что! «мы устроились»—съ кѣмъ же это она?

— Тамъ какія-то съ ней еще три товарки. Я ужъ развѣдалъ, заходилъ на ихъ квартиру. Ее не засталъ, ушла, говорятъ, за перепиской; это, видишь ли, за работой... Нѣтъ, ты, братъ, замѣть: Нина Мильковская!.. Ты это раскуси: Мильковская!..

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Да чтò дѣлать—ничего не дѣлать. Я, другъ любезный, съ роду ни при какихъ случаяхъ горячки не поролъ. Подождемъ—увидимъ. Старуха крѣпко плачетъ... Ужъ если мы такіе глупые, отсталые люди, съ которыми жить тяжело, такъ вспомнила бы хоть то, что я... (Старикъ поперхнулся глоткомъ табачнаго дыма). Развѣ мы ее притѣсняли? Понимаетъ ли, глупый ребенокъ, чтò она отняла у насъ? Я вонъ всю ночь шагаль по дому, какъ есть въ амуниціи, не раздвываясь; и то думалось, и другое... Душу всю ножами рѣзало при одномъ воображеніи, чтò съ ней, гдѣ она — можетъ, голодна, зябнетъ... вѣдь въ одномъ бурнусикѣ, даже ботинокъ теплыхъ не взяла. Гляжу я эдакъ — въ уголѣ ваяются ботиночки, словно ждутъ ее... Гляжу—и жалость какая-то немить... А тутъ еще старуха плачетъ—бѣда, хоть въ гробъ ложись! А она за все это: «ваша Нина Мильковская!»

Хринота въ горлѣ генерала все увеличивалась; онъ вытянулъ шею и двумя пальцами сильно растянулъ красный воротникъ, который, однакожъ, ни чуть не душилъ его.

Множество вопросовъ путалось въ головѣ Коли; онъ слыхалъ, что такіе случаи въ Петербургѣ тогда были нерѣдки, но большая разница слышать рассказы, или стоять передъ живымъ фактомъ, который втягиваетъ васъ въ свою горячую атмосферу, мѣшаетъ разсуждать спокойно.

— Сами виноваты — избаловали! прошенталь Илья Гавриловичъ.—Но опять же, еслибъ мальчикъ, ну, такъ того и подтянуть можно, а съ дѣвочкой что?—не знаешь, какъ и взяться-то за нее. Ежели теперича употребить мѣры строгости... конечно, я вправѣ, да что хорошаго? Ее вотъ эти товарки съ толку сбили. Окаянный вашъ Петербургъ—и больше ничего! А я такъ полагаю, что сама вернется... Ты какъ, Коля, думаешь — вѣдь вернется?

— Не знаю... Думаю, что вернется. Такая затѣя долго не продержится, а впрочемъ...

— Что «впрочемъ»? договаривай, сдѣлай милость.

— Ахъ, дядя... мудреная это исторія и мудреное нынче время! Рассказывать вамъ было бы долго и къ чему? Вы добрый и честный человѣкъ, сами же сознаете, не совсѣмъ правы. (Леткая краска выступила на лицѣ Коля, ему показалось, что и онъ почему-то тоже не совсѣмъ правъ). Она увлеклась тѣмъ, чего сама хорошо не понимаетъ, а мы не сумѣли приобрѣсти ея довѣрія... Да и натура у нея безпокойная. Въ прежнее время, ваша Ниночка непремѣнно сбѣжала бы съ гусаромъ, а теперь вонъ за своимъ хлѣбомъ пошла.

— А ты думаешь, что тутъ никакого гусара въ перспективѣ не имѣется?

— Нѣтъ, тутъ совсѣмъ другое. Цѣли не тѣ. Впрочемъ, это и не существенно.

— Какъ несущественно? Эхъ ты, метафизикъ! Вотъ по наукѣ-то ты разсуждаешь, какъ на бобахъ разводишь, а въ житейскомъ дѣлѣ, ей-Богу, профанъ! Ну, какъ-таки несущественно? Да я въ жизнь никогда этому не повѣрю!

— Отчего же, дядя?

— Да оттого, что это противъ природы. Ты книжки-то брось на время, да приглядишься къ жизни, увидишь, что я правъ: гусаръ непремѣнно есть... Да если и тебѣ случится попасть въ эдакое положеніе, такъ ты не вѣрь; даже самому себѣ не вѣрь; наблюдай за собой построже и увидишь.

— Что и у меня тоже гусаръ? раземѣялся Коля.

— Ну, тамъ гусаръ или гусариша—это все равно. Попомни мое слово! Такъ ты, голубчикъ, разузнай все и пособи. Правду тебѣ сказать, я уже заходилъ къ брату Ивану Гавриловичу.

— Ужь заходили? И все рассказали? эхъ, напрасно, напрасно!.. Прежде надо бы намъ самимъ все развѣдать.

— Да ужъ точно, что напрасно. Онъ на меня же напустился. Говорить, вытребуя ее, возьми силой, и убирайтесь отсюда опять на Кавказъ или куда хотите. Эдакій, говорить, скандаль! поидеть огласка, вѣдь это ляжетъ пятномъ на всю нашу фамилію. Ей-Богу, распежь меня, меня же распежь! Какъ-будто я, на старости дѣтъ, умысленно вотъ взялъ да и повредилъ нашей фамиліи—право! Согласенъ, что онъ слишкомъ видная персона, но, однако-жь, вѣдь не съ его дочерью случилось, вѣдь это даже и не Кольчужникова, а какаля-то вонъ Нина Мильковская. Нашу фамилію даже и носить не хочеть... Чего-жь онъ обижается? Горячь онъ больно у васъ сталь, да и щепетилень не въ мѣру. Видишь ли, мы его *контрпроментуруемъ!* Господь съ нимъ!

Генераль чуть не подавился мудренымъ словомъ и скоро ушелъ, взявъ съ племянника обѣщаніе разузнать и помочь.

Коля принялся соби́раться, что ему дѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ и остановился въ нерѣшимости передъ самымъ капитальнымъ вопросомъ: что лучше, возратить ли поскорѣе бѣглянку подъ кровъ родительскій или оставить ее на собственный страхъ идти по выбранной дорогѣ до конца? Теоретически онъ склонялся къ послѣднему рѣшенію; вынести все—хорошо; не вынести—тогда сама воротится съ сознѣніемъ своей непригодности къ самостоятельной жизни. Сочувствуя горю дяди, онъ желалъ, чтобы эта исторія кончилась благополучно, но какая-то тайная досада на сумасбродную дѣвчонку—тутъ, можетъ быть, и слова «сахаръ-медовичъ», «аристократъ» поставлены ей въ счетъ—нашептывала ему: «пусть же она извѣдаетъ самую суровую школу, пусть пойметъ, что не имѣетъ права третировать людей такъ высокомерно, заносчиво...»

V.

Въ тотъ же день, за вечернимъ чаемъ, въ семействѣ Ивана Гавриловича, шелъ очень оживленный разговоръ объ этой ужасной Ниночкѣ. Говорилъ больше всѣхъ самъ глава семейства; Евгенийъ вставлялъ изрѣдка насмѣшливыя замѣчанія; Марья Алексѣевна выпрашивала, интересовалась подробностями дѣла и ни единымъ словомъ не выразила своего мнѣнія; Коля тоже отмалчивался; онъ уже успѣлъ собрать въ теченіи дня кой-какія свѣдѣнія на счетъ Ниночки, не особенно утѣшительныя.

— Братъ Илья сознается, что самъ кругомъ виноватъ. Но все-таки онъ смотритъ на дѣло слишкомъ поверхностно. Ошибка сдѣлана имъ не теперь, а гораздо раньше—это ужъ все послѣдствія, такъ сказать, роковыя, неотвратимыя. Я хочу сказать: зачѣмъ ему нужно было жениться? Помилуйте, старикъ, весь вѣкъ прожилъ на бивакахъ — и вдругъ на старости лѣтъ навязать себѣ на шею обузу: нянчиться съ чужой дѣвчонкой—есть ли въ этомъ хоть капля здраваго смысла!..

Иванъ Гавриловичъ оглянулъ всѣхъ кругомъ, будто ища подтвержденія своей побѣдоносной аргументаціи; онъ даже слегка подскочилъ на стулѣ и выпятилъ грудь, но кругомъ было молчаніе, даже Евгенийъ не нашелся вставить остроумное словечко. Жена опустила свои красивые глаза, но лицу ея пробѣжало какое-то едро уловимое движеніе. Коля задумчиво стряхивалъ пепель сигары на блюдечко. Вся эта картина общаго молчанія

показалась Ивану Гавриловичу очень подозрительно. Ему представилось, что въ каждой головѣ теперь засѣла и переворачивается на всѣ лады одна только сентенція: «на старости лѣтъ жиниться глупо...»

Онѣ нетерпѣливо пощипывалъ бакенбарды, лицо сложилось въ строгія морщины.

— Коля! какія, братецъ, у тебя бурсацкія привычки! не сдержаннымъ тономъ замѣтилъ отецъ, глядя на блюдечко съ пепломъ.—Эй! подайте сюда пепельницу!

Это неожиданно рѣзкое замѣчаніе только усилило общее смущеніе. Старикъ почувствовалъ, что самъ выдалъ себя; гнѣвно-раздраженіе поднималось въ груди его. Онѣ желалъ, чтобы кто-нибудь заговорилъ — только о другомъ, постороннемъ, о какой-нибудь глупости, лишь бы выйти изъ неловкой минуты. А тутъ, какъ на зло, Евгенийъ вздумалъ показать свое глубокомысліе.

— Д-да! *Les mésalliances nous portent toujours des fruits amères... d'autant plus, qu'elles sont irréparables...*

Эту «максиму» онѣ проговорилъ будто про себя, будто припоминая, гдѣ это онѣ вычиталъ такую премудрость...

— Какой тутъ *mésalliance*? *Mésalliance* тутъ ни при чемъ! Нужна была экономка, ключница—ну, и прекрасно! А вотъ относительно дѣвочки надо было повѣрить хорошенько себя: способенъ ли нести эти обязанности... Воспитать дѣвочку—легко сказать! И какой злой духъ ему присовѣтовалъ взять ее изъ института? горячился Иванъ Гавриловичъ.

— Она тамъ захворала. Говорятъ, директрисса сама нашла невозможнымъ оставить ее въ заведеніи, сказала Марья Алексѣвна.

— Ну, ужъ лучше пускай бы тамъ хворала. Ничего! вылечили бы. Ко всему привыкають.

— Она была при смерти.

— Да ужъ, по моему, лучше смерть, чѣмъ нравственное паденіе.

Фраза была слишкомъ жестка. Всѣ знали, что Иванъ Гавриловичъ вовсе не такъ кровожаденъ. На этотъ разъ Евгенийъ уже сознательно попытался смягчить впечатлѣніе легкою шуткой.

— У нихъ свой особенный кодексъ нравственности, папа; онѣ насъ, грѣшныхъ, считаютъ безнравственными или пребывающими во тьмѣ. Но между ними, надо сознаться, есть много премиленькихъ... Жалко!

— Нельзя относиться легко къ такому болѣзненному явленію. неимѣющему никакихъ корней въ жизни... Я увѣренъ, да и всѣ мы тутъ убѣждены, что эта несчастная магія пройдетъ и скоро

пройдетъ. Всѣ эти дѣвушки горькимъ опытомъ убѣдятся въ своей несостоятельности и въ нелѣпости своихъ затѣй: но честные люди должны предупредить, указать опасность, а гдѣ есть власть, такъ и власть употребить. Братъ Илья смотритъ на дѣло очень странно, какъ-то спустя рукава, точно она безъ позволенія пошла по Невскому побѣгать и воротится, загрязнивъ только свои батинки. Я никакъ не могъ ему растолковать, что его положеніе даже обязываетъ принять нѣкоторыя мѣры. Кто знаетъ? Эта самая Ниночка черезъ два-три мѣсяца не будетъ ли фигурировать въ такомъ дѣлѣ, которое повредитъ... ему повредитъ: вѣдь онъ — отчимъ, воспитатель! Впрочемъ, надѣюсь, онъ вникнетъ глубже, пойметъ меня. Я все сказалъ—это былъ мой священный долгъ— а тамъ себѣ какъ хотите.

Въ этихъ словахъ такъ и слышалось: «я глава и радѣтель всѣхъ Кольчужниковыхъ: безъ меня всѣ вы пропадете...»

— Коля, ты вѣдь его фаворитъ и вѣрно ужъ сегодня видѣлся съ нимъ; чтѣ онъ, какъ?

Коля, съ начала вечера давшій себѣ слово молчать, теперь очутился въ необходимости сказать что-нибудь. Такъ какъ отецъ затронулъ его отношенія къ дядѣ, то уклониться отъ прямыхъ объясненій было бы постыднымъ малодушіемъ.

— Не могу сказать, какъ именно поступить дядя, но онъ положительно чуждается всякихъ насильственныхъ мѣръ.

— Насильственныхъ мѣръ—прекрасно! однако-жь... не по головкѣ же гладить?

— Вы сами, папа, сказали сейчасъ, что «онъ горькимъ опытомъ убѣдятся въ своей несостоятельности» — чего же лучше? Пусть и убѣждаются: опытъ лучшей учитель. Притѣсненія порождаютъ только большее упорство, даютъ живучесть...

— Это вы по Боклю — очень хорошо-съ! какъ нельзя болѣе вѣрно! (Иванъ Гавриловичъ даже покорно склонилъ голову). Не знаю, гдѣ Илья Гавриловичъ набрался такой либеральной философіи, ужъ не въ войнѣ ли съ горцами?

— Нѣтъ, папа, не въ войнѣ съ горцами, а въ простомъ и добромъ сердцѣ...

Спокойный, твердый тонъ Коли, казалось, положилъ бы конецъ дальнѣйшему разговору, еслибъ опять Евгеній не ввернулъ шуточки наивно-язвительной...

— Признаться сказать, опустивъ глаза и играя по столу ножомъ, промолвилъ онъ:—мы думали... то есть, такъ слегка предполагали, что ужъ не подь твоимъ ли, братъ, руководствомъ развивалась эта передовая черкешенка? Ты часто бываешь у дяди, тамъ вѣдь скука—воображаю! Ну, а отъ скуки мало ли что!

Коля вспыхнулъ. Особенно его кольнуло это «мы». Мы думали, мы предполагали...

— А, вотъ что! Поворнѣйше благодарю! Дѣйствительно, ужъ послѣ этой роли для меня и придумать трудно... Развиватель юныхъ барышень—ха-ха-ха!

Онъ нервно смѣялся, поправляя очки. Отецъ примѣтилъ это и обратился къ нему мягко, почти нѣжно:

— Полно, милый другъ, что за пустяки! Это было сказано, конечно, въ шутку. Какъ это можно? Евгенийъ Ивановичъ вѣчно остроумничаетъ и, замѣчу, иногда весьма не кстати. Неужели ты обидѣлся? Полно, пожалуйста, я слишкомъ уважаю и тебя, и себя, чтобъ допустить подобную нелѣпость. Однако, господа, у меня есть дѣло.

Иванъ Гавриловичъ торопливо взглянулъ на часы и пошелъ на свою половину. Онъ въ душѣ не одобрялъ ни того, ни другого сына, но боялся хоть малѣйшимъ пристрастіемъ въ одну сторону поколебать свой авторитетъ, а потому и удалился: раздѣлывайтесь, дескать, какъ знаете. Такъ онъ и всегда поступалъ.

Братья, однако-жь, не пожелали раздѣлываться. Евгенийъ тотчасъ поднялся; ему оказалось необходимо ѣхать къ своему директору департамента. Коля молча въ раздумьи курить сигару.

— Пойдемте ко мнѣ, Коля; докурите у меня вашу сигару.

— Ахъ, папан, позвольте мнѣ удалиться: я такъ... такъ устаю!

— Вы никогда не хотите посидѣть у меня... да, собственно у меня. Неужели я такая простенькая, что не найдется о чемъ и поговорить со мною? А если не найдется, такъ будемъ молчать—я не обижусь. Пойдемте.

Не ожидая отвѣта, она двинулась въ свою комнату и Коля нехотя пошелъ за нею.

Въ будуарѣ она велѣла ему сѣсть на патъ, рядомъ съ нею. Тутъ было почти совсѣмъ темно; лампа съ густымъ абажуромъ бросала круглое пятно свѣта на ея рабочій столикъ. Марья Алексѣевна заботливо разбирала всѣ принадлежности своей работы; Коля глядѣлъ, какъ въ свѣтломъ кружкѣ быстро мелькали и исчезали изящныя руки; мгновеніями появлялся въ свѣту обликъ ея лица съ прядью волосъ, упавшею надъ нахмуренною бровью. Онъ заглядѣлся на эту движущуюся картинку; недавнее волненіе его улеглось окончательно; но онъ не ощущалъ ни малѣйшаго желанія говорить и могъ бы просидѣть такъ, пожалуй,

до утра. Марья Алексѣевна успѣла наладить свою работу и разбудила Колю.

— Чѣмъ вы нынче занимаетесь?

— Какъ вамъ сказать? въ моихъ занятіяхъ нѣтъ системы, или, если хотите, есть своя особая система, пригодная только для меня лично.

— Я видѣла надняхъ, къ вамъ пронесли цѣлую корзину ка-
кихъ-то баночекъ, стекляночекъ, инструменты какіе-то.

— Да, хочу припомнить химію, потомъ приняться за физиологію.

— Развѣ въ университетѣ не читаютъ физиологію?

— Я былъ на историко-филологическомъ факультетѣ, мягко пояснилъ онъ.

— Ахъ, да... виновата! Но скажите, пожалуйста, неужели вы хотите все знать?

— Все знать—слишкомъ большая претензія, а насколько это возможно...

— А для чего?

— Чтобъ *знать*. Онъ уже совсѣмъ размѣялся наивнымъ во-
просамъ махики.

— Знать?.. да, это хорошо. Ахъ, еслибы я знала хоть поло-
вину того, что вы знаете!

— Ваши желанія слишкомъ умѣренны. Но что-жь бы вы сдѣ-
лали съ этимъ маленькимъ знаніемъ?

— Да ужъ не сидѣла бы вотъ такъ, сложа руки. Нашла бы
что дѣлать.

Не поднимая головы отъ работы, она изподлѣбя обвела серьез-
нымъ взглядомъ собесѣдника. Коля продолжалъ улыбаться.

— Чему смѣетесь? Надо мной? Скажите! надо мной?

Онъ долго отпѣкивался, наконецъ, принужденъ былъ выска-
заться.

— Мнѣ вообразилось... Глупость, конечно... ужъ не соблаз-
няетъ ли васъ подвигъ нашей зловерной Ниночки?..

— Вотъ и напрасно смѣетесь! не соблазняетъ, а дѣйствитель-
но наводитъ на много серьезныхъ мыслей. Прежде всего мнѣ хотѣ-
лось бы видѣть все это своими глазами, понять, отчего бѣгутъ
и чего добиваются, и потомъ, разумѣется...]

— Спасать заблудшую овечку...

— Непремѣнно спасать. Довольно ужъ мы сегодня ее осуж-
дали и казнили, и замѣтите—все не изъ злобы: я мало знаю та-
кихъ добрыхъ людей, какъ ваша папа. Но нужно было дать пе-
рекипѣть раздраженію, которое въ немъ очень натурально. Од-
нако, не довольно ли? Теперь не слѣдуетъ ли подать ей руку по-

мощи, дать ей оглянуться, одуматься, разобраться съ ея планами? Наконецъ, можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ поступаетъ подъ вліяніемъ чужой воли; дать ей почувствовать все достоинство самостоятельности настоящей, а не капризовъ дѣтскаго упрямства. Я вовсе не стою исключительно за возвращеніе ея къ Ильѣ Гавриловичу quand même, пусть сами обстоятельства рѣшатъ, что лучше. Наша обязанность, какъ я понимаю, содѣйствовать словомъ и дѣломъ ея отрезвленію, спасти ее отъ непоправимыхъ ошибокъ и бѣдъ. Вѣдь она не родная дочь Ильи Гавриловича—это значительно смягчаетъ ея вину... За это я готова горячо взяться, если только вы, Коля, не откажетесь помогать мнѣ, научите меня, какъ взяться за дѣло... Parce que je suis une ignorantissime, добавила она не безъ лукавства.

Насколько этотъ языкъ былъ непохожъ на тотъ, которымъ полчаса тому назадъ распинали бѣдную ничтожную и глупенькую дѣвочку и составляли грозный обвинительный актъ противъ самого добряка-дядюшки, настолько теперь Коля почувствовалъ себя свободнѣе, откровеннѣе, задушевнѣе. Безъ дальней думы, онъ какъ-то радостно и довѣрчиво принялъ ея вызовъ, на который въ иную минуту нашель бы тысячу солидныхъ возраженій. Для натуръ живыхъ, подвижныхъ, неустановившихся, настроеніе минуты рѣшаетъ многое безповоротно. Такова была эта минута, неожиданная, свѣтлая. Между ними впервые завязался разговоръ какъ между не-чужими людьми, нечаянно нашедшими другъ друга. И Коля не замѣтилъ, какъ просидѣлъ у Марьи Алексѣевны до глубокой ночи.

VI.

Замыслы Марьи Алексѣевны потерпѣли полнѣйшее фіаско. Какъ ни хитро, какъ ни тонко изобрѣтала она мотивы своего вмѣшательства въ положеніе Ниночки, видѣлась съ нею раза два при посредствѣ Коли, но ожидаемыхъ результатовъ не послѣдовало. Ниночка дичилась, тяготилась ласковымъ вниманіемъ барыни-аристократки и упорно отстаивала свое право устроить жизнь по собственному желанію, такъ какъ она совершеннолѣтняя и чужая Кольчужниковымъ. Энергія Марьи Алексѣевны пропала даромъ и была даже нѣсколько комична. Иванъ Гавриловичъ долею былъ правъ, попрекнувши впоследствии жену тѣмъ, что дѣвочки поднимали ее на смѣхъ.

*

Коля предвидѣлъ неудачу непрактическихъ попытокъ мачихи, но невольно и для самого себя незамѣтно поддался вліянію ея дѣятельнаго, самовластнаго характера. Она не могла легко помириться съ первой неудачей и увлекла его въ дальнѣйшее развитіе своихъ плановъ. Ниночка была оставлена, какъ частный случай, незначительный въ ряду многихъ другихъ явленій той же категоріи; заниматься ею одною не стоило труда. Припомнимъ, что Коля вовсе не сочувствовалъ этой Ниночкѣ и теперь еще болѣе убѣдился въ вѣрности своего первоначальнаго взгляда, т. е. оставить ее идти по избранной дорогѣ на свой собственный страхъ. Онъ сумѣлъ направить мысли и дѣятельность Марьи Алексѣевны въ другую болѣе благодарную и заманчивую сторону: нужно было попробовать найти средства бороться съ общими причинами, порождающими подобныя явленія, помочь не одной какой-нибудь Ниночкѣ, а вообще русской женщинѣ. И между ними возникла мысль объ основаніи общества пособія женскому труду.

Проектъ, написанный Колей, былъ построенъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ, обнималъ всѣ стороны и ступени общественнаго положенія женщины, а успѣхъ дѣла былъ рассчитанъ на содѣйствіи или, по крайней мѣрѣ, на энергической поддержкѣ всѣхъ живыхъ силъ общества. Въ ту горячую пору, подобныя проекты нарождались чуть не каждый день и проваливались тоже безпрестанно. И проектъ Марьи Алексѣевны, конечно, остался мертворожденнымъ.

Отъ Ивана Гавриловича всѣ эти затѣи скрывались весьма тщательно. Не разъ, поздно возвратясь изъ англійскаго клуба, или изъ служебнаго засѣданія, онъ заходилъ взглянуть, что дѣлаетъ жена—и всегда заставалъ у ней Колю. Сначала старикъ былъ этимъ доволенъ, думалъ, авось Марья Алексѣевнѣ удастся сдѣлать ручнымъ неисправимаго нелюдима; съ другой стороны, онъ считалъ, что и для нея полезнѣе бесѣда съ умнымъ молодымъ человѣкомъ, чѣмъ праздная свѣтская болтовня. Но вскорѣ зародилось особое психическое явленіе, нѣчто въ родѣ круговаго самообмана.

Боясь обнаружить свои секреты, молодые люди при появленіи Ивана Гавриловича всегда стѣснялись, теряли спокойствіе, очевидно принуждали себя перейти отъ свободнаго дружескаго *laissez-alleg* къ какому-то показному равнодушію, къ натянutoй церемонности. Иванъ Гавриловичъ не вдругъ замѣтилъ это и сначала очень удивлялся, потомъ понемногу стала заирать его досадная подозрительность. Онъ не хотѣлъ допустить мысли о такихъ отношеніяхъ, которыя составили бы общее семейное несча-

етіе, но маленькія ежедневныя случайности бросались въ глаза, и питали его сбитую съ толку подозрительность. И безъ того онъ былъ раздражителенъ; печень его была давно ужъ не въ порядкѣ, теперь онъ сталъ едва выносимъ, такъ что его появленіе, насмѣшливый и колкій тонъ, намѣренная небрежность были ужасно тяжелы, дѣйствовали на нервы Марьи Алексѣвны и парализировали въ сынѣ простую разсудительность.

Всѣ три дѣйствующія лица въ этой «комедіи недоразумѣній», не сговариваясь, увѣрвали въ фантомъ, разрушившій гармонию ихъ взаимныхъ отношеній. Что этотъ фантомъ существовалъ только въ ихъ воображеніи — убѣдиться было бы легко: стоило только назвать его по имени—и, можетъ быть, всѣ бы расхохотались. Но въ томъ-то и бѣда, что въ такъ называемыхъ щекотливыхъ, двухсмысленныхъ положеніяхъ люди болѣею частію молчатъ до послѣдней крайности, а пока до нея дойдутъ, то по дорогѣ успѣютъ испортить въ конецъ чье-нибудь существованіе.

Иванъ Гавриловичъ узналъ стороной о проэктѣ предполагаемаго общества, когда уже многіе его читали и когда Марья Алексѣвна нашла поддержку въ нѣкоторыхъ своихъ пріятельницахъ, смотрѣвшихъ на дѣло съ его чисто-филантропической стороны. Застыгнутый въ расплохъ, онъ не нашелъ въ себѣ достаточно жесткости остановить жену прямо, онъ боялся компрометировать и ее и себя, и только, для спасенія внѣшнихъ приличій, упрямилъ, чтобы дѣло шло не отъ ея имени. «Пусть хлопочутъ ваши темные сотрудники, которыхъ я и знать не хочу».

Проекъ потерпѣлъ крушеніе, можетъ быть, потому, что программа его была слишкомъ неопредѣленна и непрактична, а Марья Алексѣвна заподозрила тутъ вліяніе мужа, который съ злорадной шуточкой первый поспѣшилъ поздравить ее съ неудачей.

Раздраженная женщина мстила по своему; чувствуя себя нравственно правою, она сказала себѣ:—Да развѣ я не могу любить Колю? Не смѣю цѣнить его достоинства? Не имѣю права быть съ нимъ ближе, чѣмъ съ другими? И рѣшивъ эти вопросы утвердительно, увлеклась и чисто по женски перешла черту благородной сдержанности. А можетъ быть, не проснулись ли въ ней инстинкты, такъ рано задержанные въ своемъ развитіи? Она стала неузнаваема: въ семейныхъ разговорахъ всегда слѣпо соглашалась съ мнѣніями Коли, была къ нему исключительно, преднамѣренно ласкова; ее тѣшила эта игра, въ ней она чувствовала

свою силу. Словомъ сказать, она не замѣтила, какъ попала въ большое мѣсто главы семейства и могучаго представителя фамиліи Кольчужниковыхъ.

Но эти мелкіе удары и уколы самолюбію отца больно отражались на сынѣ, котораго положеніе въ домѣ стала почти невыносимымъ. Семейный деспотизмъ Ивана Гавриловича до сихъ поръ былъ не особенно замѣтенъ, или, по крайней мѣрѣ, неприѣятеленъ ни для кого, потому что проявлялся въ формахъ мягкихъ, бархатныхъ и даже quasi либеральныхъ; теперь онъ вдругъ поднялся во весь ростъ и на каждомъ шагу давалъ чувствовать свою силу. Не былъ ли этотъ семейный деспотизмъ источникомъ и самой ревности Ивана Гавриловича? Такое предположеніе имѣетъ всю силу достовѣрности. Женился онъ по мотивамъ, въ которыхъ любовь была совершенно постороннимъ дѣломъ; даже болѣе: она была бы помѣхою настоящему дѣлу. Въ годы спокойнаго и счастливо-обставленнаго супружества любовь тоже не пришла, ни разу не вспыхнула хотя бы искоркою страсти. Дѣло просто: Иванъ Гавриловичъ считалъ себя не только главою и радѣтелемъ своей семьи, но хотѣлъ по праву главенства стать опекуномъ мыслей и чувствъ каждаго изъ своихъ домочадцевъ, а въ сердцѣ жены занимать неоспоримо первое мѣсто. Нарушеніе этого принципа и вызвало въ немъ бурю старческой ревности.

Но въ самомъ ли дѣлѣ Коля, какъ говорится, читалъ несчастную и преступную любовь къ мачихѣ? Онъ до сихъ объ этомъ не думалъ, не формулировалъ своихъ чувствъ и отношеній, не видѣлъ въ этомъ никакой надобности. Но замѣчено, что когда начинаютъ упорно подозрѣвать человѣка въ такихъ неосязаемыхъ вещахъ, какъ извѣстная окраска мысли или извѣстное состояніе чувства, то его мысль, его чувство непременно примутъ подозрѣваемый оттѣнокъ. Не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ средой, которая не можетъ похвалиться нравственнымъ здоровьемъ, въ которой почти все искусственно, далеко отъ прямыхъ путей природы. Понявъ подозрительность отца, Коля сталъ анализировать себя, вини за собой не сознавалъ, но, какъ честнѣйшій теорикъ, отыскалъ въ самой заповѣдной глубинѣ своей внутренней жизни такія явленія, которыя не поддавались точнымъ объясненіямъ. Было время, когда онъ глядѣлъ на Марью Алексѣевну, какъ на обыкновенную свѣтскую барыню, немного взбалмошную, тщеславную, мало развитую; замужество ея казалось ему поступкомъ неодобрительнымъ, дѣломъ буржуазнаго расчета; почему же теперь, безъ всякихъ разумныхъ доводовъ и объясненій, онъ все это забылъ, со всѣмъ примирился, все оправдалъ—и сталъ считать ее едва

ли не лучшею изъ женщинъ? Почему онъ ощущалъ неодолимую потребность видѣть ее каждый день, говорить съ нею наединѣ? Отчего не только звукъ ея голоса, но шумъ шаговъ, шелестъ платья производили на него невыразимо-пріятное впечатлѣніе? Было ли тутъ вліяніе привычки, сходства вкусовъ и стремленій, или околдовала его эта раздражающая прелесть близости съ молодой, красивой женщиной, бывшая для него новизною? эта свобода обращенія, которая такъ соблазнительно-непрочна и такъ опасна? «Но вѣдь вотъ и Евгенийъ одно время пользовался тою же, если еще не большею свободой обращенія съ мачихой, позволяя себѣ тысячу маленькихъ дурачествъ, отъ которыхъ Коля покраснѣлъ бы, и однакожь братъ стоялъ внѣ всякихъ криминальныхъ подозрѣній со стороны отца»...

Подобныя размысленія и вопросы ставили бѣднаго Колю въ тупикъ, онъ путался въ нихъ больше и больше—и наконецъ, въ самомъ дѣлѣ сталъ глядѣть, какъ кругомъ виноватый. Все приводило его въ смущеніе—и рѣзкій тонъ отца, и неосторожная ласковость мачихи, и взгляды всѣхъ домашнихъ. Долго тянутъ такъ не могло; онъ рѣшился сбросить гнетъ нравственной пытки выйти изъ ложнаго положенія во что бы то ни стало.

Это рѣшеніе совпало еще съ другимъ побочнымъ, но не менѣе важнымъ обстоятельствомъ: Коля былъ вообще плохой чиновникъ, и не ладилъ съ своимъ начальствомъ. Въ послѣднее время этотъ разладъ принялъ острый характеръ; разыгралась весьма непріятная сцена и молодой Кольчужниковъ долженъ былъ подать въ отставку, т. е. измѣнить всѣмъ заповѣднымъ традиціямъ всѣхъ Кольчужниковыхъ. Начальникъ его имѣлъ долгое секретное сообщеніе съ отцомъ; на примиреніе и извиненіе Коля не пошелъ, отставка состоялась и Иванъ Гавриловичъ сталъ подумывать о какой-либо рѣшительной мѣрѣ для исправленія сына, оазывавшагося въ глазахъ начальства ненадежнымъ.

Коля предупредилъ его и самъ рѣшился на рѣзкій шагъ.

VII.

Рано утромъ, когда всѣ въ домѣ еще спали, исключая Ивана Гавриловича, привывшаго подниматься въ 7 часовъ, Коля стоялъ передъ затворенною дверью отцова кабинета. Онъ былъ блѣденъ, дрожащая рука неоднократно приподнималась, чтобы отворить массивную дверь. Прошло много минутъ. Наконецъ, волненіе

улеглось, онъ улынулся. По странной ассоціаціи представленій, ему въ этотъ мигъ припомнилось оригинальное выраженіе дяди-генерала, что во всякомъ дѣлѣ «гусарь или гусарша непремѣнно есть»... Бодро встряхнулъ онъ волосами, провелъ рукою по лбу и вошелъ. Дверной замокъ щелкнулъ за нимъ съ жалобнымъ звономъ.

Болѣе часа пробылъ онъ въ кабинетѣ. Никогда, никому не были извѣстны подробности сцены, которая произошла между сыномъ и отцомъ. Еслибы кто рѣшился подслушать ихъ, то уловилъ бы только послѣдовательные переходы то бурнаго, то примирительнаго объясненія. Коля говорилъ едва слышно, будто сдерживая свой и безъ того незвучный органъ; медленность его рѣчи обличала, что онъ обдумывалъ и взвѣшивалъ каждое слово и часто затруднялся прямо выразить слишкомъ жгучую мысль. Отецъ сперва выслушивалъ его неохотно, останавливалъ, не хотѣлъ входить въ подробныя разъясненія, но вызываемый на нихъ настоятельно, постепенно впадалъ въ раздраженный, нетерпѣливый тонъ; старческій голосъ его мѣстами звучалъ рѣзкимъ крикомъ угрозы—и потомъ вдругъ упалъ до тихаго шопота. Былъ моментъ перерыва, глухаго молчанія—вѣроятно, оба задумывались надъ тѣмъ: «что же дальше?» И опять слышался голосъ сына, звучавшій спокойствіемъ покорности, задушевными нотами кроткой просьбы. Затѣмъ, шаги, движеніе кресель, объятія, звуки крѣпкихъ поцѣлуевъ, облегчающіе грудь вздохи, сдвоенныя слезы...

Придя въ себѣ, Коля приказалъ своему человѣку какъ можно скорѣе приготовить все необходимое къ отъѣзду на долгое время. Онъ уѣзжалъ, какъ самъ выражался, въ добровольную ссылку въ N—скую губернію, на неопредѣленное время. Выборъ былъ сдѣланъ самимъ Колей. Онъ не задавалъ еще себѣ вопроса, что онъ тамъ станетъ дѣлать. Можетъ быть, поселится въ дѣдовскомъ «Убѣжищѣ» и примется за сельское хозяйство, о которомъ не имѣетъ никакого понятія. Главное, ему надо было бѣжать, скорѣе бѣжать отсюда; сгоряча онъ даже радовался этому бѣгству въ провинціальную глушь. Его манило желаніе взглянуть прямо въ лицо бѣдной, суровой жизни дальняго захолустья. — «Что я былъ здѣсь? — Чиновникъ никуда негодный, въ наукѣ диллетантъ, въ жизни... Э, Боже мой! да братъ Евгеній ведетъ свои дѣла въ тысячу разъ умнѣе и даже честнѣе; онъ себѣ не противорѣчить, а меня вѣдь всякій школяръ можетъ уличить въ незослѣдовательности! Нелѣпнѣе всего, что я, сынъ моего отца, не перестаю быть Кольчужниковымъ, попалъ въ положеніе, враж-

дебное всему Кольчужниковскому роду, да не присталь и къ другому берегу! Вотъ иронія-то жизни! Стало быть — въ путь-дорогу! Тамъ я увижу во-очію бытовую сторону народной жизни, которой совсѣмъ не знаю, и если только на что-нибудь гожусь, то современемъ возвращусь сюда не кабинетнымъ теоретикомъ, перекраивающимъ по своему дѣйствительность на бумагѣ, какъ всѣ мы, петербургскіе дѣятели, а настоящимъ человѣкомъ»...»

И много разъ онъ шопотомъ повторялъ эти слова и горькая усмѣшка скользила по губамъ его.. Ужели это невозможно? Ужели въ этомъ именно и заключается злѣйшая иронія всей нашей жизни?..

Съ Марьей Алексѣвной онъ избѣгалъ встрѣчи съ глазу на глазъ, избѣгалъ объясненій. Къ чему? она сама все должна понять.

Въ день его отъѣзда, кромѣ членовъ семьи, явился дядюшка Илья Гавриловичъ. Онъ пришелъ проводить племянника, да встати и самому попрощаться съ братцемъ, ибо черезъ нѣсколько дней покидалъ окаянный Петербургъ, отнявшій у него Ниночку. Генералъ былъ не въ духѣ, глядѣлъ на все съ суровымъ и насмѣшливымъ молчаніемъ. Улучивъ минуту а parte, онъ шепнулъ Колю:

— Все оно не такъ у васъ дѣлается, и не туда ты ѣдешь, куда бы слѣдовало. Въ прежнее время, молодые люди въ твоемъ родѣ улетали къ намъ на Кавказъ—и гораздо лучше было. Боевая жизнь да солдатская каша изъ ротнаго котла—это, братъ, самая лучшая школа. Тамъ у насъ не мало сформировалось людей, славныхъ на всю Русь людей! У насъ человѣкъ формируется; въ немъ дѣлается это, что называется, *осажé*... А то, чортъ знаетъ, что выдумали—въ губернію! мало тамъ и безъ тебя шаполаевъ, да модныхъ чиновниковъ!..

Коля глядѣлъ на все апатично и какъ сквозь сонъ выслушивалъ маленькіе совѣты, крошечныя наставленьица насчетъ дороги, насчетъ устройства жизни по пріѣздѣ на мѣсто и т. д. Точно его принимали за младенца—ему даже смѣшно стало. Евгенийъ, напримѣръ, все настаивалъ непримѣнно взять съ собою камердинера отсюда — тамъ, пожалуй, такая прислуга, что и образа человѣческаго не имѣетъ. Иванъ Гавриловичъ, запасшись свѣдѣніями изъ адресъ-календаря, выводилъ заключенія, съ кѣмъ тамъ можно познакомиться, и хотѣлъ снабдить сына письмомъ къ одному мѣстному тузу, который можетъ быть при случаѣ полезенъ. Но Коля наотрѣзъ отказался и отъ камердинера,

и отъ письма, примолвя, что ѣдетъ вовсе не для знакомства съ тузами.

— Да оно и не интересно: здѣсь у васъ, папа, я насмотрѣлся на такихъ тузовъ, передъ которыми тамошніе покажутся двойками. Матап! что вы на меня такъ смотрите, словно на смертный путь провожаете? обратился онъ къ Марьѣ Алексѣевнѣ, остававшейся все время безучастною къ общей хлопотливости и неспускавшей съ него большихъ серьезныхъ глазъ.

— Нѣтъ, Коля, совсѣмъ не то... Глядя на васъ, я все о себѣ думаю. Я увѣрена, что нигдѣ вы не погибнете, останетесь всегда тѣмъ, что вы есть... Но здѣсь, безъ васъ намъ многого будетъ недоставать.

— О, полноте!

— Нѣтъ, я говорю теперь не слова, а ту правду, которую чувствую. Къ чему притворяться? Здѣсь мы всѣ люди честные и безъ боязни можемъ говорить правду; совѣсть наша чиста. Если ужъ такъ необходимо ваше удаленіе, если оно рѣшено безповоротно—поѣзжайте!

Она поднялась съ мѣста. Лицо ея мгновенно поблѣднѣло, сініе глаза загорѣлись лихорадочнымъ блескомъ. Ставши прямо передъ Колей, она положила обѣ руки ему на плечи и продолжала, забывъ всѣхъ окружающихъ, или нарочно, чтобъ всѣ ее слышали.

— Я любила васъ, какъ брата, какъ ровню, и всегда буду такъ любить—знайте это. Вотъ, возьмите на память (она сняла съ шеи золотой медальонъ, подарокъ мужа)—тутъ портретъ вашего отца, къ нему я приложила и свой. Наклонитесь, я на васъ надѣну, съ тѣмъ, чтобы онъ всегда былъ на вашей груди! Да сохранить васъ Богъ!

Коля хотѣлъ поцѣловать ея руку, но Марья Алексѣевна обхватила его голову и такъ поцѣловала, что вся кровь его прилила къ мозгу. Не помня себя, онъ что-то вскрикнулъ и сильно, грубо прижалъ ее къ своей груди. Послѣ такого неожиданнаго, безумнаго взрыва наступила безконечная минута тяжелаго общаго оцѣпенѣнія; всѣ сильно растерялись передъ такимъ явленіемъ, которое было и дико, и обаятельно, и глубоко-трогательно и... дѣтски-неприлично.

Иванъ Гавриловичъ прислонился къ камину, низко опустивъ голову; по лицу его пробѣгала конвульсивная дрожь; можно было ожидать, что его сію минуту хватить ударъ. Евгенийъ въ мигъ сообразилъ, что необходимо положить конецъ этой сценѣ.

— Oh, chère maman! воскликнуть онъ, кинувшись цѣловать ея руки. — Какъ вы добры къ намъ! Какъ мы цѣнимъ ваше ангельское сердце! Если Богу было угодно лишить насъ матери, то и папа, и мы оба считаемъ васъ за... Но, что съ вами? Боже мой! ей дурно! Папа, Коля! дайте воды, одеколону, скорый!..

Опираясь на его руку, она, помертвѣлая, похолодѣлая, едва добрела до ближайшаго дивана. Обморокъ разрѣшился обильными слезами.

Среди общаго смятенія, Коля стоялъ какъ приговоренный къ смерти. Онъ зналъ, что Марья Алексѣевна шутить не любитъ, но не подозрѣвалъ въ ней возможности такого движенія. Нелегко ему было молчать, вынести позоръ благоразумной трусости... Онъ проклиналъ этотъ безконечный часъ, который еще оставался ему до отъѣзда...

На дебаркадерѣ желѣзной дороги Колю провожали только дядя и Евгений. Послѣдній, отвѣдя брата въ сторону, обнялъ его и говорилъ долго, серьезно, наставительно.

— Все это я давно видѣлъ и понималъ. Конечно, откровенности въ такихъ запутанныхъ положеніяхъ даже отъ брата требовать невозможно, хотя ты могъ бы ожидать отъ меня честнаго практическаго совѣта. Вотъ видишь ли, Коля, твое удаленіе надо благословлять—оно какъ нельзя болѣе полезно. Ужь отецъ лучше и глубже насъ знаетъ жизнь; его рѣшеніе по истинѣ можно назвать мудрымъ. Будь увѣренъ, время всѣхъ насъ успокоитъ, все уляжется, и ты воротись къ намъ, какъ послѣ болѣзни, бодрымъ и свѣжимъ человѣкомъ. Служебная карьера отъ тебя не уйдетъ, мы объ этомъ постараемся... Прощай, не унывай!

Второй звонокъ. Братя еще разъ обнялись; генераль проследился и перекрестилъ любимаго племянника.

Марья Алексѣевна слегла въ постель; послали за докторомъ, но Иванъ Гавриловичъ не заглядывалъ на ея половину. Онъ просто трусилъ—и заперся въ своемъ кабинетѣ. Всѣ тревоги, всѣ муки раздраженія, все въ немъ потихоньку, постепенно улеглось, остывало, затягивалось состояніемъ какого-то тупого утомленія, а оно въ свою очередь уступало мѣсто тому спокойствію болотной воды, въ которомъ уже могутъ зарождаться безформенные, обыденные, пошленькіе помыслы и желанія.

— Уфъ, все кончилось! вздохнулъ старикъ.—Теперь все пой-

дети обычнымъ порядкомъ. Этотъ узелъ, только одинъ этотъ несчастный узелъ задерживалъ правильное теченіе нашей жизни. Я развязалъ его—и слава Богу!

Ивану Гавриловичу показалось, что онъ совершилъ какой-то тяжкій гражданскій подвигъ...

А бѣдный Коля мчался на всѣхъ парахъ къ богоспасающей городу N, гдѣ мы съ нимъ впервые встрѣтились и куда за нимъ послѣдуемъ.

!А. Пальтъ.

(Окончаніе впереди).

НАРОДНЫЙ КАДАСТРЪ.

(Мѣстное изслѣдованіе).

Всѣмъ извѣстно, что тягость прямыхъ сборовъ зависитъ сколько отъ общей суммы, столько и отъ неуравнительнаго распредѣленія ихъ между плательщиками.

Въ сознаніи этого, податною комиссіею министерства финансовъ требовалось въ 1870 году отъ земскихъ учрежденій заключеніе о томъ: какія могутъ быть допущены измѣненія по мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта въ проэктированномъ тогда налогѣ, какъ уравниельнѣе распредѣлить его, какія по мѣстнымъ условіямъ слѣдуетъ назначать оклады подворнаго налога и поземельной подати въ различныхъ мѣстностяхъ губерницъ, такъ чтобы въ общемъ итогѣ вносимыя нынѣ по губерніямъ суммы сборовъ, подлежащихъ, по проэкету, раскладкѣ по дворамъ и землѣ, *не уменьшались*.

Земскія собранія въ большинствѣ, не отвѣчая прямо на эти вопросы, ограничились заявленіями противъ началъ существующей системы податей.

Такимъ образомъ, равномѣрное распредѣленіе податнаго бремени всегда было и до сего времени осталось серьезною задачею государства.

Чтобы отвѣтить на вопросы по этому предмету, оставалось обратиться къ мѣстнымъ тщательнымъ изслѣдованіямъ народнаго быта. Продолжительныя всестороннія наблюденія надъ податными единицами, какъ-то: душею, десятиною, домохозяйствомъ и общиною во всей ясности обнаружили (о чемъ мы имѣли уже случай доводить до свѣдѣнія читателей) слѣдующее:

1) Душа, оставляя за собою лишь одно названіе, совершенно утратила первоначально, 160 лѣтъ тому назадъ, данное ей значеніе. Въ общинахъ образовывались свои мірскія—окладныя души, подъ которыми разумѣются и доли рабочаго труда, какъ одного

изъ элементовъ экономической силы, и связанныя съ нимъ доли, состоящія изъ земельныхъ частицъ въ надѣлахъ общинъ.

Чтобы уяснить себѣ это, обратитесь къ процессу обложенія и раскладокъ по общинамъ.

Процессъ обложенія и раскладки по общинамъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: по полученіи въ волостномъ правленіи окладныхъ листовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, а также и сметъ отъ волостного и сельскаго сходовъ о волостныхъ и сельскихъ нуждахъ, всѣ эти цифровыя данныя складываются по каждому сельскому обществу отдѣльно въ одну общую цифру (для чего составляется каждымъ обществомъ особый раскладочный приговоръ), общая цифра эта дѣлится на число ревизскихъ или окладныхъ, такъ называемыхъ, мірскихъ душъ, опредѣляемыхъ по разуму общины; частное, получаемое отъ дѣленія общей цифры сборовъ на цифру душъ общины представляетъ ту цифру, которая всѣми крестьянами изстѣдуемаго нами края называется *душою*. Въ сельскихъ раскладочныхъ приговорахъ мы всегда находили весь этотъ процессъ раскладки, ясно выраженнымъ въ текстѣ, съ тѣмъ лишь добавленіемъ по обществамъ крестьянъ, владѣющихъ значительными оброчными статьями, что часть сбора съ душъ должна покрыться доходомъ съ оброчной статьи, въ опредѣленной цифрѣ; тогда цифра податной души уменьшалась соразмѣрно поступленію оброчнаго дохода. Обыкновенно, эта цифра вычитается изъ общей цифры, образуемой изъ цифръ разныхъ сборовъ, податей и платежей: остающаяся, такимъ образомъ, общая цифра сборовъ, за покрытіемъ изъ оброчной статьи, дѣлится на число ревизскихъ или мірскихъ душъ. Такая доходная статья уменьшаетъ цифру одной души на два, на три и болѣе рублей. Само собою разумѣется, что подобное пополненіе общей цифры сборовъ, налоговъ и платежей цифрою дохода съ оброчныхъ статей было покрытіемъ общей, а не специальной цифры какого-нибудь налога.

Когда, такимъ образомъ, изъ приговора дѣлалось для каждаго крестьянина яснымъ, сколько приходилось на каждую душу всѣхъ платежей, тогда только собранный сходъ раскладываетъ эти души по домохозяйствамъ, причемъ въ однихъ обществахъ допускаются измѣненія ежегодно, въ другихъ на извѣстные сроки, а въ третьихъ отъ ревизіи до ревизіи. Когда каждый домохозяинъ узнаетъ о цифрѣ душъ, причитающихся на него по постановленію схода, тогда только опредѣляется его экономической и податной типъ, потому что съ цифрою податныхъ душъ неразрывно связаны *непрѣменно въ той же самой цифрѣ* и души земельныя, лѣсныя и луговныя, то-есть, принятое домохозяиномъ число

долей повинностей равняется чисту долей во всѣхъ угодьяхъ земельного надѣла; тогда только онъ дѣлается полнымъ свободнымъ владѣльцемъ съ правомъ распоряженія этими душами и, въ случаѣ надобности, несутъ ихъ на рынокъ вмѣстѣ съ другими продуктами своего хозяйства. А такъ какъ онъ не одинъ, имѣющій нужду сбыть свои души, и такъ какъ желающихъ приобрести ихъ бываетъ неопредѣленное число, то онъ и сбываетъ ихъ по рыночной цѣнѣ, которая бываетъ и ниже цифры податной души, и равняется ей, и превышаетъ ее, а когда цифра всѣхъ податей, т. е. *душа*, равняется рыночной цѣнѣ души земельной, или луговой, или лѣсной, то это обыкновенно называется *продажею души изъ тям*.

Крестьяне покупаютъ души не у однихъ только однообщественниковъ, а также и въ сосѣднихъ общинахъ.

Такимъ образомъ, процессъ обложенія, или, вѣрнѣе, раскладки, не указываетъ намъ ни малѣйшей черты специализированія сборовъ, взимаемыхъ съ крестьянъ разными учрежденіями и подъ разными наименованіями; имъ нужна лишь цифра общей тяжести, и что все это естественно, нѣтъ, кажется, никакой надобности распространяться. Стоитъ взглянуть только въ любой приговоръ любой общины обширнаго края, чтобъ увидѣть, что все это подтверждается «документально». «Всѣхъ сборовъ съ нашего общества—говорится въ каждомъ приговорѣ—слѣдуетъ столько-то, на душу приходится столько-то; деньги эти собрать съ домохозяевъ по ревизскимъ, или по наличнымъ, или по рабочимъ мірскимъ душамъ».

Мы видимъ въ этомъ процессѣ, что крестьянское общество приняло за единицу общаго своего обложенія, общей своей податной тяжести, душу, т. е. извѣстную долю не подушной подати, а всего обложенія, въ томъ числѣ, разумѣется, и волостного, и сельскаго, по всему потому, на что дано ему право.

Тутъ можетъ представиться вопросъ въ томъ: имѣютъ ли крестьяне какое-нибудь основаніе называть единицу общаго разнороднаго обложенія *душою*? На это намъ представляется слѣдующее соображеніе: когда тяжесть товарнаго груза равняется 600 пудамъ, а стоимость его перевозки 300 рублямъ, то, чтобы узнать стоимость одного пуда, дѣлятъ цифру 600, означающую пуды, на цифру 300, означающую рубли, и въ частномъ получается *два рубля*, т. е. цифра, означающая стоимость перевозки одного пуда; ни товароотправитель этой тяжести, ни воцѣльщикъ не входятъ въ подробности разнородныхъ предметовъ, составляющихъ тяжесть въ 600 пудовъ.

Такъ точно въ перенесеніи тяжести податной поступаетъ и

сельская земельная община; она дѣлитъ цифру общей тяжести на цифру душъ, смотря по принятому порядку ревизскихъ, или наличныхъ, или мірскихъ рабочихъ, и въ частномъ получаетъ цифру, обозначающую стоимость души; и такъ, крестьянская сельская земельная община является арифметически правою, называя всѣ налоги въ одной долѣ—душою. Эта душа есть ни что иное, какъ доля или акція, или пай во всемъ общинномъ земельномъ имуществѣ. Каждый членъ общины принимаетъ участіе въ общинномъ хозяйствѣ, во всѣхъ прибыляхъ и убыткахъ общины, всегда по числу принадлежащихъ ему общинныхъ акцій, паевъ и т. п., подъ названіемъ душъ.

Послѣ этого сравненія должна быть понятною продажа кѣмъ-нибудь изъ членовъ общины своей акціи, своего пая (своей души) другому лицу, и естественно, что приобретатель этого пая въ общинѣ, хотя бы даже совершенно постороннее лицо, дѣлается участникомъ и въ прибыляхъ, и въ убыткахъ по приобретенному паю и т. п. Понятнымъ должно быть также и существованіе рыночныхъ цѣнъ на подобные пай, акціи и т. п. Цѣны эти подлежатъ, какъ и цѣны на всѣ другіе продукты, естественному колебанію; это зависитъ отъ различныхъ причинъ: отъ количества земельныхъ, пахатныхъ, луговыхъ и лѣсныхъ участковъ, причитающихся на пай, качества ихъ, степени предложенія и спроса на нихъ; голодный годъ вызываетъ усиленное предложеніе и пониженіе; крутыя мѣры взысканія податей также вліяютъ на пониженіе.

2) Анализъ *податной десятины*, болѣе всесторонній, чѣмъ мы могли представить въ концѣ 1878 года¹, обнаружилъ намъ, что эта единица земельной мѣры также не имѣетъ того значенія, которое даетъ ему наше законодательство; а болѣе продолжительныя изслѣдованія открыли намъ въ народномъ земельномъ хозяйствѣ другія мѣры, какъ-то: *карты, пятаки, осмяки, выти, колы, пай, круш* и т. п.

Такія земельныя мѣры постоянны, опредѣлительны для того населенія, которое ихъ приняло. Но эти мельчайшія части земли, подобно закономъ установленной десятинѣ, отдѣльно взятая, не имѣютъ податного значенія. Подобно тому, какъ никто не скажетъ, сколько съ него требуютъ повинностей съ десятины, точно также никто не суждетъ объяснить, сколько можетъ причитаться земельныхъ сборовъ съ осминника, съ карты, съ пятака, съ осмяка, съ выти, и съ кола, и съ пая и т. п.

Не вдаваясь въ подробности, составляющія предметъ дальнѣй-

¹ «Вѣстникъ Европы». Ноябрь 1878 годъ.

нихъ изслѣдованій, мы хотимъ этимъ сказать, что ни десятина и никакія другія мѣры земли одинаково не принимаются плательщиками общиннаго населенія за объектъ подати.

Подесятиннаго распредѣленія земли между членами общины не существуетъ, а потому на практикѣ не существуетъ подесятиннаго обложенія.

Земельныя угодья распредѣляются равномерно и пропорціо-нально платежной силѣ цѣлаго домохозяйства. А такъ какъ эта сила измѣняется, то измѣняется и самое количество угодій въ видахъ достиженія равномерности; платежная сила домохозяйства опредѣляется нерѣдко въ дробныхъ частяхъ; такъ встрѣчаются домохозяйства, сила которыхъ опредѣлилась въ полдуши, слѣдовательно, и земельныя угодья должны также получиться въ тѣхъ же дробяхъ.

Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что земельныя угодья, по качеству своему, необыкновенно разнообразны, побудили общину распредѣлять ихъ *по особой системѣ*, состоящей, главнымъ образомъ, въ томъ, что каждый домохозяинъ пропорціо-нально своей платежной силѣ, получаетъ въ разныхъ мѣстахъ мелкіе клочки земли разнаго качества.

Земля въ мельчайшихъ земельныхъ мѣрахъ оказалась такъ же, какъ и живая рабочая душа крестьянина, не имѣющая податнаго значенія, а лишь простого элемента экономической силы, только нераздѣльно (съ другими элементами представляющей эту силу, и тогда лишь получающей податное значеніе. А потому десятина земли, какъ и всѣ вообще земельныя угодья общинами не кадастрируются, представляя собою лишь экономическую частичку въ домохозяйствѣ и въ общинѣ и одинъ изъ элементовъ цѣлаго податнаго источника, какъ выше было объяснено. Послѣ этого нерѣдко высказываемыя понятія, какъ то, что *земель нельзя облагать, онѣ и безъ того уже слишкомъ обложены*, оказываются лишенными и почвы, и смысла.

Самое слово десятины, если упоминается когда-нибудь въ быту народномъ общинномъ, то никогда съ понятіемъ о ней не связывается понятіе о поземельномъ, земскомъ или какомъ-нибудь другомъ налогѣ.

3) Переходя къ анализу одного лишь домохозяйства ¹, мы хотя и нашли въ немъ разные экономическіе элементы легко отдѣлимые другъ отъ друга, состоящіе въ числѣ долей рабочей силы и въ числѣ долей земельныхъ угодій, но экономическая сила

¹ Мы въ разныхъ статьяхъ говорили о домохозяйствахъ, но здѣсь дѣлаемъ сводъ всего сказаннаго, въ виду существеннаго значенія въ разрѣшеніи вопроса.

присуща имъ только въ неразрывной связи; мы не нашли элемента преобладающаго, главнаго, который бы прямо указывалъ на податной источникъ, какъ это требуется финансовой наукой, во взаимной же связи этихъ элементовъ, домохозяйство являлось податнымъ, оно несло бремя общинное и волостное и земское и наконецъ, государственное, въ обложеніяхъ разныхъ названій. Но, всматриваясь поглубже, наблюдая всесторонне, представлялось яснымъ, что домохозяйство, хотя и несло въ совокупности всѣ указанные виды податного бремени, но несамостоятельно.

Одно и то же домохозяйство могло быть и сильнымъ и слабымъ. Мы всегда видѣли, что экономическія силы домохозяйства всегда пропорциональны степени участія въ общинномъ хозяйствѣ, потому что часть его основного капитала, нѣкоторые элементы его производства, лежатъ въ общинѣ.

Такъ, напримѣръ, домохозяинъ, участвующій въ пяти доляхъ разныхъ видовъ общиннаго имущества, былъ сильнымъ домохозяиномъ; если тотъ же домохозяинъ, по какимъ бы то ни было не зависящимъ ни отъ общины, ни отъ него самаго причинамъ, уменьшалъ свое участіе до одной доли, то онъ становился и по своему признанію и по приговору всей общины—маломощнымъ, слабосильнымъ. Объясненіе всему этому мы нашли въ двойственной экономической жизни домохозяевъ: одновременно сепаратной и общинной, въ двойственныхъ взаимно связанныхъ нуждахъ и пользахъ. Но когда же этотъ домохозяинъ переставалъ принимать и малѣйшее участіе въ хозяйствѣ общины, то онъ превращался въ бездушника, всѣ тягости, которыя могли бы лежать на немъ, община несла на себѣ, безъ малѣйшаго уже участія въ ея нуждахъ. Экономическая жизнь домохозяина развивается подъ неравномѣрнымъ давленіемъ пяти, такъ сказать, атмосферъ: общинной, волостной, уѣздной земской, губернской земской и государственной. Правильное развитіе домохозяйства возможно при извѣстной закономѣрности давленій, чего еще нѣтъ, но что должна дать наука и государственная мудрость.

Съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на нашу общину, мы всегда неизмѣнно видимъ во всѣхъ ея экономическихъ, общественныхъ и государственныхъ жизненныхъ процессахъ рѣзко отличные другъ отъ друга экономическіе типы домохозяйствъ: эти типы, при всемъ различіи между собой, однако, сходятся въ томъ, что проявляютъ жизнь въ одно и то же время, и *сепаратно*, и *общинно*. Здѣсь мы войдемъ въ болѣе подробное изученіе ихъ свойствъ и постараемся проникнуть до причинъ ихъ образованія.

Преобладающими экономическими типами всегда и вездѣ, къ

какому племени и разряду ни принадлежали крестьяне-общинники, представляются собственно два типа, созданные самою природою, естественнымъ путемъ—это одинокіе и семьяные. Первые, въ свою очередь, подраздѣляются на маломощныхъ (слабосильныхъ) или просто ординарцевъ, а вторые — на просто семьяныхъ и сильно семьяныхъ.

Все домохозяйство одинокого зиждется обыкновенно на единственномъ взрослому членѣ семьи—ея представителѣ. Если подобный домохозяинъ-земледѣлецъ человекъ физически сильный, мощный, сручный и т. п., имѣеть двѣ лошади, двѣ коровы, отъ 6 до 10 овецъ, то онъ представляетъ типъ просто одинокого, обыкновенно пользуется двумя долями въ общинномъ имуществѣ, несетъ бремя въ двухъ доляхъ всѣхъ повинностей, лежащихъ на общинѣ. Къ этому типу одинокихъ принадлежать обыкновенно люди энергичны, ума и физической силы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и небольшого капитала, оставленнаго дѣдомъ, отцомъ или старшимъ братомъ.

Маломощные одинокіе это или бездушные,⁹ совершенно неспособные къ труду по старости, тѣлеснымъ недостаткамъ и т. п., они же такъ-называемые неугодные, освобожденные міромъ отъ повинностей, или безлошадные, способные только личнымъ физическимъ трудомъ снискивать себѣ съ семьей пропитаніе; они обыкновенно платятъ одну долю всѣхъ повинностей, лежащихъ на общинѣ, и слабосильные, обыкновенно имѣющіе одну лошаденку, одну коровенку, двѣ-три овцы, а если лошаденки нѣтъ, то есть подростокъ сынъ, который обыкновенно сдается въ подпаски или другіе недорогіе заработки. Такіе домохозяева обыкновенно пользуются 1½ долями въ общинномъ имуществѣ и несутъ 1½ доли всѣхъ повинностей въ общинѣ. Такіе домохозяева, когда у нихъ дѣти-подпаски дѣлаются совершеннолѣтними и оставляютъ своихъ отцовъ, то эти отцы, за неимѣніемъ необходимаго инвентаря, чтобы вести полное семьяное хозяйство, обыкновенно такъ опредѣляютъ свое положеніе: сынъ по волѣ—отецъ по міру! Они продаютъ свой хлѣбъ всегда осенью, не выжидая цѣнъ и всегда дешевле другихъ семьяныхъ домохозяевъ; продаютъ же они не излишки, а все то количество, какое только получится отъ урожая, оставляя иногда на прокормленіе зимою; многого же получится не можетъ, такъ какъ весь ихъ посѣвъ ограничивается нѣсколькими осьминниками (¼ десятины) земли. Къ веснѣ у нихъ хлѣба уже не хватаетъ и они принуждены покупать его дорогой цѣной, такъ какъ подобныхъ покупателей является много, по той самой причинѣ, по какой подобныхъ продавцовъ было много осенью, когда цѣны на хлѣбъ были низки.

*

Къ типу семьяныхъ принадлежатъ преимущественно домохозяйства двурабочія, у которыхъ 3 — 4 лошади, 15 — 20 овецъ; они состоятъ или изъ отца съ сыномъ, или двухъ братьевъ, или тестя съ зятемъ, или дяди съ племянникомъ.

Домохозяйства сильно семьяныя состоятъ изъ трехъ и болѣе рабочихъ членовъ; или изъ дѣда съ внуками, или отца съ сыновьями, или трехъ братьевъ, или отца съ сыномъ и зятемъ; у нихъ обыкновенно 5 — 6 лошадей, 5—7 коровъ, 30—40 овецъ. Такія домохозяйства прозваны народомъ артельными.

Ознакомившись съ типами домохозяйствъ, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то: бездушныя, безлошадныя, маломощныя (однолошадныя) изображаютъ типы, по опредѣленію самихъ крестьянъ, ненормальные, болѣзненные въ ихъ экономической жизни. Они не могутъ отлучаться отъ своихъ дворовъ, а если и отлучаются, то, продавъ свои земельныя доли, проживаютъ на сторонѣ, въ рабочихъ; оставаясь же дома, ограничены въ заработкахъ, или по безлошадности, или по однолошадности. Извозъ для нихъ не существуетъ, такъ какъ онъ обуславливается двулошаднымъ хозяйствомъ; въ полевыхъ работахъ своихъ они также страдаютъ нерѣдко отъ неуспѣха въ пашнѣ и одновременной бороньбѣ, какъ необходимаго условія для благопріятныхъ всходовъ въ засухи. Малѣйшая неудача въ урожаѣ ведетъ ихъ въ кабалу. Словомъ, это тѣ несчастные, у которыхъ ничто не спорится, они ни въ полѣ, ни въ домѣ. На сторону пойдешь, говорить одинокій, дома некому, дома останешься—копейки не добьешься.

Независимо отъ домохозяйствъ подворныхъ, домовыхъ; наблюдениями открываются семьи-хозяйства бездомовыя, какъ явленіе совершенно нормальное, встрѣчаемое почти въ каждой общинѣ.

Они такъ же, какъ и домохозяйства, указанныя выше, подраздѣляются на бездушныхъ, одинокихъ, маломощныхъ и семьяныхъ. Не имѣя усадебъ въ общинѣ, они, по своему типу, опредѣленному общиной, сохраняютъ всѣ права въ общинномъ хозяйствѣ и одинаково со всѣми несутъ ея тягости; по своему экономическому типу, бездомовые одинокіе, маломощные, сохраняютъ право пользованія одною долею во всѣхъ угодьяхъ, и платятъ одну долю всѣхъ повинностей. Бездомовые семьяные не лишены права пользованія на четыре и пять долей въ угодьяхъ и платятъ четыре и пять долей всѣхъ повинностей. Въ этомъ рядѣ семей, собственно одна бездомовость не составляетъ ненормальнаго, болѣзненнаго явленія, между ними — какъ и между домохозяйствами подворными — ненормальное патологическое явленіе представляютъ только неутодные маломощные одинокіе.

Обращаясь къ сравненію типовъ домохозяйствъ по отношенію

ихъ хозяйствованія, мы должны привести еще слѣдующее: во время ростополя, какъ выражаются крестьяне, всѣ домохозяева держатся больше дома и каждый копошится вокругъ двора. Въ артельномъ домохозяйствѣ, одинъ членъ чиститъ дворъ и ходитъ за скотиной, другой поправляетъ крышу, заборы и т. п., а третій чинить сохи, бороны, везетъ ихъ въ кузницу и тамъ проводить не рѣдко цѣлый день. Словомъ, это артельное домохозяйство ведется на началахъ раздѣленія труда. Одинокій же все это долженъ успѣть самъ сдѣлать. Вотъ почему про нихъ говорятъ: люди землю пахутъ, а мы сохи чинимъ.

Вотъ земля пробѣтралась на столько, что пора приступить къ паши: въ назначенный день нужно идти въ поле на жеребевку земли, по домохозяйствамъ. Отъ артельныхъ идетъ обыкновенно кто-нибудь одинъ, а другіе остаются дома для разныхъ другихъ дѣлъ. Кто-нибудь изъ семьи непременно старается воспользоваться первымъ колѣснымъ путемъ, и отвести что-нибудь на дальній рынокъ, куда подвозъ продуктовъ невеликъ и барышъ вѣрнѣе и больше. Одинокій же долженъ быть на дѣлѣхъ земли самъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ есть сопайщики и когда они входятъ въ положеніе одинокаго; но и въ послѣднемъ случаѣ, одинокій отъ дому отлучаться не можетъ, если только онъ занимается посѣвомъ своей души и не продать ея по обыкновенію.

Какъ только открылись полевая работы, здѣсь представляется наблюдателю двѣ категоріи сохъ: сохи ретивыя и сохи лѣнныя. Первыя принадлежатъ преимущественно домохозяевамъ артельнымъ, а вторыя одинокимъ. Первыя — это тѣ сохи, которыя ходятъ въ поле какъ только представляется малѣйшая возможность пахать, а вторыя поневолѣ должны запаздывать. Случается нерѣдко, что погода простоятъ благоприятная нѣсколько дней и только сохи ретивыя успѣютъ сдѣлать свое дѣло, а лѣнныя поневолѣ выѣзжаютъ тогда, когда уже миновали хорошіе дни.

Пожалуй, паши, говорятъ крестьяне, а толку никакого — сѣи въ грязь — будешь князь.

Немаловажное значеніе въ полевомъ хозяйствѣ между одинокимъ и артельнымъ домохозяйствомъ состоитъ еще въ томъ, что какъ у одинокаго нѣсколько загоновъ въ полѣ и въ разныхъ мѣстахъ, такъ и у артельнаго; но у одинокаго на одну или на двѣ души маленькіе загоны часто по $\frac{1}{2}$ осминника, т. е. $\frac{1}{8}$ часть сороковой десятины, и онъ принужденъ переѣзжать отъ одного загона до другого большія пространства, а у семьянаго на четыре или болѣе душъ, большіе загоны по 2 осминника, т. е. по $\frac{1}{2}$ десятины въ каждомъ мѣстѣ, такъ что домохозяинъ-пахарь или членъ артельной семьи выѣзжаетъ на одинъ загонъ безъ пере-

ѣздовъ, а на другой загонъ такой же мѣры одновременно съ нимъ выѣзжаетъ другой членъ его семьи, потому что одинъ рабочій можетъ успѣть вспахать только $\frac{1}{2}$ десятины въ день. Смотри же по времени года и по величинѣ загона, оба пахаря отъ артельного домохозяйства выѣзжаютъ разомъ на одинъ загонъ.

Тоже самое рѣдкое отличіе между домохозяйствами усматривается и по уборкѣ хлѣба.

Въ изслѣдуемой мѣстности бывають случаи, что овесъ созреваетъ такъ, что его можно косить только на зорькахъ до восхода солнца и по утрамъ, когда замѣчается роса на растеніи; позднѣйшій овесъ получаетъ свойство надламываться въ шейкѣ между стеблемъ и колосомъ. Въ этихъ случаяхъ артельное домохозяйство успѣваетъ убирать свой овесъ безъ потери, а у одинокого бываетъ, какъ выражаются крестьяне: *много истери*.

Раздѣленіе труда въ домохозяйствѣ артельного кустаря проявляется въ томъ, что одинъ отправляется на базары и ярмарки для сбыта издѣлій и покупку матеріала, а другой остается дома въ сараѣ за издѣліемъ, при помощи цѣлой семьи, а третій занятъ или въ полѣ за чищебой (расчистка лѣса), или за удобреніемъ и т. п., а въ случаѣ надобности, то участіемъ на сходахъ или другихъ общественныхъ обязанностяхъ, какъ-то: въ понятыхъ, въ крестьянскомъ судѣ, въ добросовѣстныхъ и т. п.

Экономическое положеніе крестьянскаго двора обыкновенно принято опредѣлять — чему было сдѣлано нѣсколько попытокъ — посредствомъ бюджета; но подобные бюджеты были или вымысленными, или уже очень гадательными.

Бюджетъ лица, живущаго одними опредѣленными денежными приходами, въ какой бы формѣ эти приходы ни выражались: жалованьемъ, доходомъ съ капитала и т. п., при извѣстныхъ потребностяхъ составить не трудно.

Крестьянинъ же — домохозяинъ земельной общины, составляющій предметъ нашего изслѣдованія, является производителемъ множества продуктовъ, приэтомъ онъ же является потребителемъ имъ же самимъ производимаго; а главное, это то, что часть его основного капитала, нѣкоторые элементы его производства лежать въ общинѣ, его интересы неразрывно связаны съ ея интересами. Посторонній наблюдатель можетъ не замѣтить разницы въ расчетѣ между покупнымъ хлѣбомъ и между хлѣбомъ, полученнымъ отъ своего посѣва; крестьянинъ же, какъ извѣстно, говоритъ: купленный хлѣбъ ѣшь *скорѣе*, а свой ѣшь *спорѣе*.

Все это навело насъ на мысль вести изслѣдованіе экономическаго положенія домохозяйства по другому приему, которымъ мы и воспользовались и который построенъ на слѣдующемъ основаніи:

Принимая всякую земельную общину за мельчайшую часть въ организмъ государства, мы нашли возможнымъ и вполне удобнымъ, держаться при собираніи данныхъ и проектированіи статистическихъ таблицъ той самой точки зрѣнія и тѣхъ же самыхъ приѣмовъ, какіе приняты обыкновенно при изслѣдованіи цѣлаго государственнаго тѣла.

Такъ нами собраны были свѣдѣнія, независимо отъ организаціи и территоріи общины: 1) О ввозныхъ продуктахъ для мѣстнаго потребленія общины; 2) о вывозныхъ продуктахъ мѣстнаго ея производства, и 3) о продуктахъ мѣстнаго производства и мѣстнаго ихъ потребленія.

Всякая же земельная община, составляя мельчайшую часть государства, въ тоже время и сама состоитъ изъ правильно организованныхъ домохозяйствъ, двухъ преобладающихъ экономическихъ типовъ, такъ что данныя, изображающія ввозные продукты потребленія общины, вывозные продукты ея производства и продукты ея производства и потребленія, были ни чѣмъ инымъ, какъ суммою данныхъ, полученныхъ по каждому отдѣльному домохозяйству.

Мы не нашли никакого повода ни отвергать этотъ приѣмъ вначалѣ, ни отказаться отъ него впоследствии при изслѣдованіи домохозяйствъ въ общинѣ.

Разумѣется, подобный приѣмъ изслѣдованія можетъ практиковаться въ Россіи, гдѣ обширная часть хотя и населена разными племенами, но всегда земельными общинами, гдѣ ведется единоеобразное земельное и промышленное хозяйства, гдѣ на нѣсколько градусовъ широты и долготы живутъ люди, ведущіе свои домохозяйства въ однихъ экономическихъ условіяхъ, гдѣ по цѣлымъ областямъ бытовья явленія подчинены однимъ и тѣмъ же постояннымъ и переходящимъ причинамъ. Такимъ образомъ, изслѣдованіемъ обнаружено, что домохозяйства одинокія и артельныя представляются въ двухъ различныхъ экономическихъ положеніяхъ и условіяхъ, и по принятому нами приѣму изслѣдованія, а именно:

1) *Ввозные продукты для одинокаго* были: обувь, сукно, казинець, ситець, пльсь, платки, пояса, шапки, гребни, мыло, иглы, нитки, бусы, принадлежности для куренья, спиртъ, соль, рыба, принадлежности для перевозки, земледѣльческія орудія, принадлежности тканья и пряденья, принадлежности стряпни и инструменты для хозяйства. Предметы эти подраздѣляются на двѣ категоріи, а именно: на ввозимые ежегодно и на болѣе продолжительные сроки.

Первыхъ было на сорокъ-два рубля шестьдесятъ-три копейки,

а послѣднихъ на тридцать-восемь рублей семьдесятъ-двѣ копейки.

2) *Продукты производства и потребления въ хозяйствахъ одинокаго* были: лапти, самодѣльное сукно, самодѣльный холстъ, принадлежности домашняго и полевого хозяйства, съѣстные припасы, одежда, всего на сумму сто-тридцать-девять рублей.

3) *Вывозные продукты производства хозяйства одинокаго* были: рожь¹, гречиха, просо, овесъ, ржаная мука, гречишная мука, крупа гречишная, пшено, конопля, посковный холстъ, шерсть, овчины, сырыя кожи; всего на сумму восемнадцать рублей семьдесятъ-двѣ копейки.

Въ хозяйствѣ артельномъ замѣчается по ввознымъ продуктамъ не только двойное, тройное количество ихъ, смотря по наличному составу членовъ домохозяйства артельнаго противъ одинокаго, но и значительное количество разныхъ другихъ продуктовъ, несоставляющихъ предмета потребления семьи.

Эти *ввозные* продукты, какъ-то: уголь, конопляное сѣмя, лѣсные матеріалы, пенька и т. п., или, оставаясь не передѣланными, прямо тутъ же поступаютъ въ разрядъ продуктовъ *вывозныхъ* или же поступаютъ въ этотъ разрядъ, но уже передѣланными.

Если такихъ продуктовъ было ввезено, на примѣръ, на 100 рублей, то по вывозѣ они получаютъ въ томъ или другомъ видѣ уже цѣнность 120—130 и болѣе рублей.

Балансъ по каждому изъ приведенныхъ домохозяйствъ намъ показываетъ, что домохозяйство одинокаго ввозитъ для своего потребления на 42 руб. ежегодно, само производитъ и потребляетъ на 139 руб., а вывозитъ на 18 руб., такъ что разница между ввозомъ и вывозомъ образуется въ двадцать-четыре рубля сереб., которые и представляютъ цифру дефицита въ его домохозяйствѣ.

Артельное домохозяйство для своего потребления ввозитъ на 84 руб. Для вывоза или для переработки — на 200 руб.; итого на 284 р. Это же домохозяйство производитъ и потребляетъ на 225 руб. Вывозитъ же оно на 296 и болѣе рублей. Такимъ образомъ, въ домохозяйствѣ артельномъ не замѣчается не только дефицитъ, но и излишекъ на 12 руб. сер.

При этомъ нельзя не обратить вниманія также и на то, что одинокое домохозяйство должно производить для своего потребления продуктовъ на большую цѣнность сравнительно, чѣмъ

¹) Поименованные здѣсь вывозные хлѣбные продукты вывозятся осенью, а опять ввозятся весной за недостаткомъ.

артельное; такъ, мы видѣли выше, что одинокое производило для своего потребленія на 139 рублей, тогда какъ артельное, состоящее изъ двойнаго числа людей, потребляло не на 278 рублей, какъ слѣдовало бы противъ одинокаго, а всего лишь на 225 рублей серебр.

Это странное на первый взглядъ явленіе объясняется вытгрышемъ продукта въ большой массѣ; такъ напримѣръ, если одинокому нужно израсходовать въ теченіи года на гостей три ведра вина, то артельное, вмѣсто шести ведеръ, которыя слѣдовало бы израсходовать по расчету одинокаго, израсходуетъ не болѣе пяти, у него явится экономія на одно ведро; такимъ же образомъ расходуется и мясо, и пшено, и крупа, и т. п.

Обращаясь къ вѣковому опыту народа, къ его мудрости, мы находимъ цѣлый рядъ опредѣленій по предмету указанныхъ двухъ законодательныхъ типовъ домохозяйствъ: «1) одинъ ни въ полѣ, ни въ домѣ; 2) одинъ въ полѣ—не воинъ; 3) одинъ горюетъ, а семеро воюютъ; 4) одинокаго послѣхъ не беретъ; 5) люди пахутъ, а мы сохи чинимъ; 6) у одинокаго спорости нѣтъ, а у семьяныхъ все спорится». Самъ одинокій, ссылаясь на свое безсиліе, опредѣляетъ себя и семьяныхъ такъ: «мое дѣло одинокое, а ихъ дѣло артельное; у нихъ каша гуще, въ нихъ спорости много».

Податная земельная община, обнаружила, что къ какому бы племени и разряду она ни принадлежала, при указанной экономической разнородности податныхъ домохозяйствъ, распредѣляетъ общинное имущество между ними равномѣрнѣйшимъ образомъ: все бремя разнородныхъ податей, повинностей и сборовъ подъ разными наименованіями принимается безъ всякаго различія, нераздѣльно цѣлою общиной, затѣмъ распредѣляется по ея системѣ, по ея разуму, равномѣрно между составными частями—домохозяйствами, всегда пропорціонально экономической ихъ силѣ.

Обложеніе принято всюду въ одной величинѣ, состоящей изъ числа всѣхъ сборовъ; эта общая величина всюду дѣлится на равное число долей, а самое число долей опредѣляется по усмотрѣнію общинъ или по ревизскому числу душъ, или по наличному числу работниковъ, или по числу ревизскихъ наличныхъ работниковъ; эти способы опредѣленія числа душъ не всегда постоянны. Нерѣдко однѣ и тѣ же общины держатся сначала одного, а потомъ другого порядка опредѣленія числа душъ. Всѣ доли общинной раскладки, по какому бы числу они не опредѣлялись, носятъ названіе *міроплатимыхъ душъ*.

Такимъ образомъ, обложеніе и раскладка производятся въ общинѣ не только по государственнымъ обложеніямъ и раскладамъ,

но и по мѣстнымъ, какъ-то: земскимъ, волостнымъ и общиннымъ; въ міроплатимой душѣ содержитсяъ часть и величина государственныхъ обложеній, и земскихъ, и волостныхъ, и общинныхъ.

Все это безъ всякихъ исключеній подтвердилось при послѣднихъ нашихъ личныхъ повѣрочныхъ изслѣдованіяхъ въ десятикахъ волостей и сотняхъ сельскихъ обществъ, входящихъ въ податную область, предѣлы которой не ограничились одною только губерніею.

Сравнивая данныя по распредѣленію домохозяйствъ въ общинахъ и по распредѣленію между ними міроплатимыхъ душъ, а также лежащихъ на нихъ разнородныхъ платежей, намъ представилось, какъ и нужно было ожидать, естественное разнообразіе, но во всемъ этомъ разнообразіи бросалось въ глаза повтореніе всюду одного и того же явленія: міроплатимыя души, по какому бы расчету онѣ ни опредѣлялись, всегда падали въ большіхъ числахъ платежа на меньшія числа домохозяйствъ.

Для примѣра приведемъ три общины:

Кузнецкій уѣздъ, въ Кулясовъ: 148 домохозяйствъ, платящихъ общей суммы повинностей 4,686 р. 4 к., но изъ нихъ 89 домохозяйствъ платятъ 1,960 р. 61 к., а 59 домохозяйствъ платятъ 2,725 р. 43 к.

Сердобскій уѣздъ, въ с. Бакуръ: 587 домохозяйствъ, платящихъ всѣхъ повинностей 18,267 р., 99 к., но изъ нихъ 305 домохозяйствъ платятъ 5,465 руб. 68¹/₂ коп., а 282 домохозяйствъ — 12,802 у. 31 к.

Петровскій уѣздъ, въ с. Козловкѣ: 526 домохозяйствъ, платящихъ всего 12,596 руб. 15 к., но изъ нихъ 322 домохозяйствъ платятъ 5,075 р., а 204 домохозяйства—7,521 р. 15 к.

По изслѣдованіи обнаружилось, что группа домохозяйствъ, платящихъ меньшія противъ другихъ цифры податей, принадлежала къ экономическому типу одинокихъ, а другая группа домохозяйствъ, платящая большія цифры податей, принадлежала къ экономическому типу семьянхъ.

Ю. О. Самаринъ еще въ 1857 году, въ крѣпостной русской общинѣ предположилъ существованіе пѣлой теоріи тяглового падѣла, выработанной тогда самимъ народомъ, или по крайней мѣрѣ, смысла, извлеченнаго имъ изъ внимательныхъ наблюденій и частыхъ распросовъ.

Въ предупрежденіе возраженій со стороны тѣхъ, которые въ русскомъ крестьянинѣ предполагаютъ безсиліе смысла, подавленнаго привычкою, Ю. О. Самаринъ оговорился, что, конечно, народъ дѣйствуетъ не по теоріи, точно такъ, какъ онъ склоняетъ

существительныи, спрягаетъ глаголы, строить періоды, не зная грамматики; но что понятіе числа, мѣры, пропорціональности, народу присущи на степени врожденныхъ идей; что не должно смѣшивать смысла съ сознаниемъ, облеченнымъ въ логическую форму, наконецъ, что самый обычай есть ни что иное, какъ одно изъ выраженій народнаго смысла.

Теорія тягловаго надѣла, говоритъ Самаринъ:—на практикѣ рѣдко гдѣ осуществлялась во всей своей чистотѣ и строгости.

Постороннія вмѣшательства и побочныя обстоятельства разнаго рода очень часто возмущали ея примѣненіе. Въ такихъ случаяхъ обычай хотя и уступаетъ давленію и, такъ сказать, сжимается, но не вымираетъ; живучесть его знаменуется въ немногихъ остающихся проявленіяхъ, и, какъ упругое тѣло, онъ наполняетъ собою болѣе или менѣе тѣсныя предѣлы, въ которые заключена его свобода.

Подобно тому, какъ русскій народъ, по наблюденію Ю. О. Самарина, извлекалъ изъ понятія о сельскомъ обществѣ—понятіе о рабочей силѣ и средствахъ пропитанія и создавалъ себѣ условную единицу, называемую тягломъ, такъ и изслѣдуемый нами тотъ же самый, но уже свободный русскій народъ извлекаетъ, какъ ясно свидѣтельствуютъ приведенныя данныя, изъ понятія о податной земельной общинѣ понятіе о рабочей силѣ и средствахъ пропитанія, и создаетъ себѣ условную единицу, такъ называемую міроплатимую душу. Душевая теорія уже не встрѣчаетъ, подобно тягловой, такъ много постороннихъ вмѣшательствъ и побочныхъ обстоятельствъ, а безпрепятственно народомъ примѣняется, а потому и подлежитъ точному опредѣленію.

Обращаясь къ сравненію условныхъ единицъ, созданныхъ разумомъ самого народа, мы находимъ, что тягло представляло, во-первыхъ, извѣстное количество рабочихъ силъ и потому въ тяглѣ считался полный здоровый работникъ, совершеннолѣтній, не убогій или увѣчный; душа такъ же представляетъ единицу рабочей силы, но въ душѣ считается всякій работникъ, какой бы онъ ни былъ и несовершеннолѣтній, убогій и увѣчный; тяглу какъ всегда предполагалось, соответствуетъ извѣстная сумма потребности, домохозяйственныхъ пользъ и нуждъ, а потому тягловымъ считался крестьянинъ женатый и семейный, а душѣ, предполагается, что соответствуетъ не столь значительная сумма потребностей, не полная самостоятельныя домохозяйственныя пользы и нужды, а потому душевымъ бываетъ и холостой и бездомникъ.

Тягло накладывалось и по женитьбѣ и въ случаѣ смерти бабы, съ мужика, по его востребованію, скидывалось полъ тягла.

Душа же накладывается и на шестнадцати-лѣтняго юношу, а

скидывается по безсилію, по разнымъ причинамъ, даже и при жизни бабы.

По такой единицѣ, какъ тягло, опредѣлялось отношеніе домохозяйствъ къ мірскому обществу, дѣлалось переложеніе хозяйствъ на тягла, такъ и въ такой единицѣ, какъ душа, опредѣляется отношеніе домохозяйствъ къ общинѣ, дѣлается переложеніе домохозяйствъ на души.

Каждое домохозяйство, переложенное какъ на тягло, такъ и на душу, получаетъ значеніе дроби, въ которой знаменатель выражаетъ сумму единицъ, состоящихъ въ цѣломъ обществѣ, а числитель—количество такихъ единицъ, приходящихся на домохозяйство; между тѣмъ, какъ общество, міръ представляютъ цѣлое, совокупность всѣхъ дробныхъ долей.

Чтобы избѣжать рѣзкаго перехода отъ общины къ общимъ выгодамъ по государству, мы обратились къ мельчайшей административной единицѣ—къ волости, и провѣрили по ней то обложеніе, которое принадлежало исключительно ея разуму, въ лицѣ волостного схода.

Кулясовская волость, состоящая нынѣ изъ 14 общинъ самаго разнообразнаго населенія и по племенамъ и по разрядамъ крестьянскаго положенія, обложила себя сборомъ на однѣ лишь волостныя нужды въ количествѣ 1,618 р. 20 к.

Эту волость составляютъ 2,697 душъ, образующихъ 630 домохозяйствъ одинокихъ, и 422 домохозяйства семейныхъ; на первыя легло 600 р. 20 к., а на вторыя 1,018 руб. Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что на первыя вообще всѣхъ сборовъ легло 10,873 р. 79½ к., а на вторыя 18,549 р. 84½ к.

Въ составъ этой волости вошли общины по числу домохозяйствъ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, такъ, напримѣръ. Кулясовская община состоитъ изъ 148 домохозяйствъ, а Дмитриевская изъ 19 домохозяйствъ; общины эти обложены волостнымъ сборомъ не одинаково: первая 231 р. 60 к., а вторая лишь 25 р. 20 к.

Такимъ образомъ, своимъ практическимъ смысломъ тягольный, а нынѣ душевой народъ, принятою имъ системою обложенія и раскладки по домохозяйствамъ въ общинѣ, косвенно указываетъ государству на систему «раскладокъ по общинамъ въ государствѣ». А чтобы убѣдиться въ этомъ болѣе нагляднымъ образомъ, мы сдѣлали слѣдующія предположенія, а именно: допустимъ, что государство представляетъ намъ только три разнородные типа общинъ, совершенно сходныхъ между собою и въ числѣ мірскихъ душъ, и въ количествѣ земельного надѣла и въ количествѣ домохозяйствъ.

Во всѣхъ трехъ мы предположили по 150 душъ, по 600 десятинъ (полагая по 4 дес., на душу) и по 50 домохозяйствъ.

Единственная отличительная черта между избранными тремя типами общинъ будетъ заключаться въ различныхъ числахъ, показывающихъ отношенія домохозяйствъ семьяныхъ къ общему числу домохозяйствъ въ общинѣ.

1) Такъ, напримѣръ, въ первой Ивановской общинѣ при 150 мірскихъ душахъ и 600 десятинъ земли, будетъ заключаться 50 домохозяйствъ, но изъ нихъ 17 домохозяйствъ одинокихъ, а 33 домохозяйства семьяныхъ.

2) Въ другой Сергѣевской общинѣ, при 150-ти мірскихъ душахъ и 600 дес. земельного надѣла, будетъ заключаться также 50 домохозяйствъ, но изъ нихъ 25 домохозяйствъ одинокихъ и 25 семьяныхъ.

3) Въ третей Павловской общинѣ, при 150 мірскихъ душахъ и 600 десятинахъ земельного надѣла, будетъ также заключаться 50 домохозяйствъ, но изъ нихъ 33 одинокихъ и 17 только семьяныхъ.

Естественно, что всѣ эти три общины, по существующимъ нынѣ системамъ обложенія, должны платить *подушно* одинаково по 300 руб. каждая, полагая съ души 2 р. также одинаково они платили бы и *подесятинно*, по 2,400 р. каждая, полагая всѣхъ земскихъ повинностей волостныхъ и мірскихъ сборовъ (по 4 р. съ десятины).

Словомъ все государство, изображенное лишь въ составѣ трехъ типичныхъ общинъ и подушные оклады въ суммѣ 900 р., и подесятинный налогъ въ суммѣ 7,200 р., всего 8,100 р., и, къ какому бы типу они ни принадлежали, должны будутъ, по существующимъ системамъ обложенія, вносить по равной части 2,700 р. сер.

Обращаясь къ указаніямъ народного смысла, практикуемаго имъ нынѣ, окажется, что по этому смыслу раскладка общей суммы 8,100 р., должна представиться въ совершенно другомъ видѣ.

Мы увидимъ, что три основныхъ избранныхъ нами разнородныхъ типа общинъ въ государствѣ, при одинаковомъ количествѣ десятинъ и одинаковомъ количествѣ мірскихъ душъ, внесутъ и по народной теоріи, въ общей сложности ту сумму, какая внеслась бы и по отвлеченнымъ нормамъ обложенія государственныхъ и земскихъ учреждений, но съ тою только существенною разницею, что община перваго типа (Ивановская), состоя изъ 33-хъ домохозяевъ семьяныхъ, и 17 одинокихъ, должна будетъ принять на себя, или вѣрнѣе, сама себя обложить значительно больше той, которая имѣетъ только 17 семьяныхъ и 33 одно-

ких домохозяйствъ, а община третьяго типа, имѣющая по ровну одинокихъ и семейныхъ домохозяйствъ (по 25 каждаго разряда,) приметъ на себя среднюю цифру между означенными двумя величинами, т. е. изъ 8,100 руб. общаго обложенія въ государствѣ община перваго типа должна будетъ принять на себя болѣе 3,000 руб., а община втораго типа менѣе 2,000 руб., а третья среднюю между тремя и двумя тысячами.

Все это только покуда расчетъ приблизительный, основанный на указаніяхъ, приведенныхъ въ трехъ общинахъ, гдѣ мы видѣли только, что семейныя домохозяйства имѣютъ существенное значеніе въ обложеніи, въ несеніи всѣхъ податныхъ тягостей.

Но если, согласно мнѣнію Ю. Э. Самарина, допустить, что на роду присущи понятія числа, мѣры и пропорціональности, на степени врожденныхъ идей, то сами собой должны представиться къ разрѣшенію слѣдующіе вопросы: по какому расчету, по какимъ вычисленіямъ могутъ образоваться точныя цифры различнаго распредѣленія налоговъ по общинамъ, можетъ ли народъ въ правѣ спросить всякій, доказать свою теорію, представить свой законъ обложенія въ формулѣ, для всякаго понятной и всегда примѣнимой, безъ чего всякая теорія и всякій законъ не могутъ имѣть никакого значенія.

Вотъ къ какимъ вычисленіямъ привела насъ народная теорія, какъ только мы поближе вникнули въ ея смыслъ.

Мы видѣли изъ данныхъ, приведенныхъ выше, что факторомъ общинной экономической силы являлось не только число душъ. для несенія раздѣльно отъ другихъ подушнаго бремени и не только число десятинъ, для несенія также раздѣльно поземельнаго бремени, мы встрѣтили въ каждой общинѣ три числа: число душъ, число десятинъ и отношеніе числа домохозяйствъ семейныхъ къ числу домохозяйствъ въ общинѣ. Произведеніе всѣхъ этихъ чиселъ давало величину общей экономической силы для несенія *нераздѣльно общаго податнаго бремени*:

Такъ, если экономическую силу первой общины мы означимъ черезъ букву n , а второй черезъ n' , а третьей n'' , то получимъ:

$$n = (150 \times 600) \times \frac{33}{50} = 59,400$$

$$n' = (150 \times 600) \times \frac{25}{50} = 45,000$$

$$n'' = (150 \times 600) \times \frac{17}{50} = 30,600$$

Полученныя такимъ образомъ три произведенія (59,400, 45,000 и 30,600) суть ни что другое, какъ величины общей экономической, а слѣдовательно и общей податной силы каждой общины, которыя представляютъ идею кадастровой величины и которыя мы позволимъ себѣ назвать *кадастровыми величинами* общинъ.

Если мы обозначимъ сумму этихъ величинъ черезъ букву N, то получимъ:

$$N=59,400+45,000+30,600=135,000.$$

Величина 135,000, обозначающая сумму изъ кадастровыхъ величинъ общинъ, будетъ выражать кадастровую величину цѣлаго государства въ его общинномъ населеніи. Нѣтъ надобности, кажется, распространяться въ томъ, что въ массѣ нашихъ общинъ будутъ встрѣчаться, по различію въ надѣлѣ, въ душахъ, и въ домохозяйствахъ, самые разнообразныя множители, но что это нисколько не измѣнитъ общей формулы для полученія кадастровой величины по каждой общинѣ и по цѣлому государству.

Считаемъ долгомъ указать здѣсь на сдѣланныя намъ замѣчанія по поводу этого новаго закона и отвѣтимъ на каждое изъ нихъ отдѣльно.

1) *Что практикуемый* нашимъ народомъ законъ, для опредѣленія кадастровой величины, а слѣдовательно и равномѣрнаго обложенія, долженъ будетъ утратить свое значеніе при введеніи кадастра на тѣхъ началахъ, какъ онъ существуетъ въ Европѣ. Что бы отвѣчать на это, мы должны обратиться къ опыту той же Европы.

Изъ личныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, г. Заблоцкаго-Десятоскаго, изложенныхъ въ его капитальномъ и обширномъ трудѣ *Финансы Пруссіи*, между прочимъ, находимъ, что въ Пруссіи, гдѣ кадастръ земли произведенъ очень быстро, въ теченіи пяти лѣтъ, и обошелся сравнительно очень дешево, два зилбергроша на моргенъ, въ послѣднее время, между нѣкоторыми экономистами явились противники, если не поземельной подати, то способа ея раскладки или кадастра.

Кадастръ, говорятъ они, съ его сложными приемами классификаціи и оцѣнки угодій, имѣетъ цѣлью установить правильную раскладку налоговъ; но правильность эта скоропреходяща, ибо доходность различныхъ участковъ измѣняется подъ вліяніемъ измѣняющихся системъ хозяйствъ.

Правительство доселѣ не имѣетъ въ виду производить безпрестанную повѣрку кадастра, требующаго множество рукъ и большихъ расходовъ и все-таки оставляющихъ уравнительность сомнительною. Вотъ почему экономисты думаютъ, что современемъ поземельная подать должны войти въ составъ промысловъ, но такъ, что оцѣнивать должно не землю отдѣльно, а *каждое хозяйство, сообразно его доходности, зависящей отъ взаимнаго дѣйствія многихъ элементовъ.*

Эти слова развѣ не выражаютъ идеи того кадастра, къ которому пришелъ разумъ цѣлаго народа.

Чиновники финансоваго управленія Пруссіи, не возражая противъ основаній этой мысли, стоятъ за сохраненіе кадастра, такъ какъ онъ уже введенъ и такъ какъ они считаютъ его наилучшимъ изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ; но вводить кадастръ тамъ, гдѣ его еще нѣтъ, они не совѣтуютъ.

Еслибы наше правительство, увлеченное примѣромъ Пруссіи, напругло всѣ силы, чтобы ввести поземельную подать на началахъ кадастра, то оно бросило бы бесполезно десятки милліоновъ рублей, ибо въ Пруссіи съ 1861—1865 г., производство работъ обошлось въ однѣхъ восточныхъ провинціяхъ 8.282,005 тал. или по 2 зильб. 9 пф. на моргенъ.

2) Что приведенные въ трехъ типахъ общинъ, одинаковые множители 150 и 600 (количество душъ и десятинъ), ариметически излишни, такъ какъ полученныя кадастровыя величины и выводы по нимъ, могли бы получиться съ однимъ множителемъ домохозяйствъ, выраженномъ въ видѣ дроби.

Мы предупредили читателя, что одинаковые множители 150 и 600 приведены нами для наглядности, причемъ имѣлось въ виду доказать лишь значеніе третьяго множителя, при которомъ измѣнялась экономическая, а слѣдовательно и податная сила общинъ; чтобы избѣжать этого возраженія, для наибольшей наглядности, мы приводимъ 8 примѣровъ, но не съ вымышленными, а съ фактически существующими общинами съ самыми разнообразными множителями, какъ душевыми рабочими, такъ и десятинными земельными и домохозяйственными.

№№ общинъ.	Число душъ.	Число десятинъ.	Число домохозяйствъ. семьяныхъ.	Кадастровыя величины общинъ. всѣхъ.
1	42	42	3	19 278
2	212	845	30	87 61,772
3	211	1,233	33	82 105,102
4	353	1,850	68	130 341,595
5	386	1,628	72	125 361,963
6	386	1,899	59	148 292,215
7	723	3,920	122	283 1.221,793
8	1,431	8,006	204	666 3,509,224
итого	3,744	19,423	591	1,540 5,893,942

По этой таблицѣ можно убѣдиться въ томъ, что каждый множитель внесъ свое вліяніе на измѣненіе кадастровой величины каждой общины и что выраженное въ дроби отношеніе домохозяйствъ семьяныхъ къ общему числу домохозяйствъ общинъ вошло въ кадастровую величину, въ формѣ третьяго множителя, выражая, такъ сказать, одно изъ существенныхъ началъ общин-

ной организаціи или одинъ изъ вліятельныхъ элементовъ, опредѣляющихъ плотность общественнаго тѣла.

Если въ массѣ общинъ цѣлаго государства и встрѣтятся, можетъ быть, въ видѣ исключеній, нѣкоторыя несообразности по отношенію котораго-либо изъ множителей, то въ подобномъ случаѣ, не должна подрываться закономѣрность народнаго смысла; нужно прежде всего доискаться причинъ несообразности, которыя могутъ скрываться или въ исторіи или въ ошибкахъ законодательства, словомъ, слѣдуетъ принять въ соображеніе, не происекли ли эти несообразности изъ несообразностей.

3) *Что у насъ встрѣчаются такія мѣстности, которыя, по своей непродуцительности, не подходятъ ни подъ какой законъ обложенія.*

Нѣтъ правилъ безъ исключеній; а потому исключительная мѣстность въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, не можетъ исключать закономѣрности повсюду принятыхъ податныхъ основаній и должна остаться исключеніемъ.

4) *Принятіе семьяныхъ домохозяйствъ за элементъ податной силы можетъ подать поводъ къ увеличенію раздѣловъ.*

Въ опроверженіе этого замѣчанія, мы приведемъ самый фактъ принятія народомъ семьянаго домохозяйства за одинъ изъ вліятельныхъ элементовъ, опредѣляющихъ плотность общественнаго тѣла.

Введеніе отношенія семьянаго домохозяйства къ общему числу домохозяйствъ въ общинѣ — третьимъ множителемъ можетъ отразиться увеличеніемъ податей въ домохозяйствѣ на нѣсколько рублей, тогда какъ лишній рабочій членъ въ семьѣ представляетъ въ быту крестьянъ хлѣбопашцевъ и промышленниковъ значительный капиталъ производства; не даромъ говоритъ крестьянинъ: *раздѣлимся — раззоримся.*

Итакъ, кадастровая величина каждой общины должна равняться произведенію трехъ множителей: числа душъ, числа десятинъ и дроби, у которой числитель есть число семьяныхъ домохозяйствъ, а знаменатель число домохозяйствъ въ общинѣ.

Обращаясь къ вопросу равномѣрнаго общиннаго обложенія въ государствѣ или, вѣрнѣе, къ общинной раскладкѣ всей суммы прямого государственнаго обложенія, намъ, для распредѣленія 8,100 руб. суммы прямыхъ налоговъ, придется только обратиться къ извѣстному ариметическому правилу пропорціональнаго дѣленія, а именно, если мы обозначимъ черезъ букву *M* величину прямого обложенія цѣлаго государства, равную 8,100 руб., то искомыя величины обложенія каждой общины, *X*, *Y* и *Z*, получатся по слѣдующимъ формуламъ:

$$N : n = M : X$$

$$N : n' = M : Y$$

$$N : n'' = M : Z$$

то есть

$$X = \frac{M \cdot n}{N}$$

$$Y = \frac{M \cdot n'}{N}$$

$$Z = \frac{M \cdot n''}{N}$$

Замѣняя все это известными намъ вышеприведенными числовыми данными:

$$135,000 : 59,400 = 8,100 : X$$

$$135,000 : 45,000 = 8,100 : Y$$

$$135,000 : 30,600 = 8,100 : Z$$

то есть

$$\left. \begin{aligned} X &= 8,100 \times \frac{59,400}{135,000} = 3,564 \text{ руб.} \\ Y &= 8,100 \times \frac{45,000}{135,000} = 2,700 \text{ } \\ Z &= 8,100 \times \frac{30,600}{135,000} = 1,836 \text{ } \end{aligned} \right\} = 8,100 \text{ р.}$$

Итакъ, искомая величина обложения каждой земельной общины должна равняться величинѣ обложения въ государствѣ, помноженной на кадастровую величину той общины и разделенной на кадастровую величину государства.

Не долженъ ли этотъ законъ сдѣлаться регуляторомъ всѣхъ обложений общиннаго населенія въ государствѣ, къ какому бы роду данное обложение ни принадлежало: къ государственному, къ земскому, волостному и общинному.

Мы не считаемъ себя вправѣ входить теперь въ обсужденіе этого закона, а также касаться устойчивости вызвавшихъ его началъ или его всеобщности; мы довольствуемся знаніемъ, что законъ, усвоенный народомъ, и начала, имъ руководящія, давно свободно и открыто примѣняются въ его податной жизни, благодаря мудрому дозволенію «Положенія» 19-го февраля 1861 года. Мы находимъ преждевременнымъ входить въ обсужденіе порядка и способовъ для введенія усматриваемаго въ народной жизни закона въ государственную практику, въ томъ простомъ соображеніи, что разрѣшенію вопроса о примѣненіи должно неизбѣжно предшествовать признаніе самого факта существованія подобнаго закона и его правотѣрности.

Мы позволимъ лишь себѣ замѣтить, что каждая отдѣльная община могла познакомить насъ съ основаніями ея внутренней раскладки величины общаго податнаго бремени, которое наложено на нее, по разнымъ системамъ, разными облагателями, безъ взаимнаго согласія между ними послѣдними.

Что же касается вопроса, въ какой степени величины общей податной тяжести соразмѣрены съ общинными экономическими силами, то не усматривается ли указаній по этому въ заявленіи, сообщавшемся часто намъ крестьянами при исполненіи служебныхъ обязанностей (мирового посредника и члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія): *теперь насъ не по силамъ деньгами донимать стали.*

Интересующіяся настоящимъ предметомъ лица, которымъ мы имѣли случай сообщить содержаніе этой записки, между прочимъ, сдѣлали намъ существенно важное замѣчаніе.

Они допустили, что опредѣленіе указаннымъ способомъ кадастровыхъ величинъ и общинъ, и государства будетъ точно и послужитъ вѣрнымъ основаніемъ для раскладки по общинамъ извѣстной уже величины налоговъ въ государствѣ, и что, такимъ образомъ, вполне разрѣшатся заданные податною комиссіею вопросы, но что съ другой стороны, замѣтили намъ эти лица: — государству необходимо также знать точно и величину, выражающую въ денежномъ знакѣ ту тяжесть, которая, можетъ быть, справедливо разложена на общины, чтобы и при равномѣрной раскладкѣ не подавить ихъ податнымъ бременемъ, другими словами, чтобы не дать мѣста къ приведенному въ запискѣ заявленію крестьянъ о *дониманіи ихъ не по силамъ деньгами.*

Заглядывая поглубже въ смыслъ опредѣленія уже извѣстныхъ кадастровыхъ величинъ общинъ и государства, намъ представилась возможность опредѣлить въ денежномъ знакѣ величину, выражающую общую платежную способность въ государствѣ, въ его общинномъ населеніи. Для этого необходимо получить лишь еще одну величину, выражающую платежную способность лишь одной избранной общины во всемъ государствѣ; эта величина можетъ быть или минимальною, или максимальной, или среднею. Открытіе такой величины не можетъ представить затрудненій для финансоваго учрежденія, какъ провинціальнаго, такъ и центральнаго. Для полной наглядности, допустимъ, что всѣ наши новѣйшія вычисленія производятся по даннымъ уже извѣстнаго намъ государства, состоящаго изъ трехъ общинъ разныхъ кадастровыхъ типовъ.

Слѣдовательно, мы будемъ имѣть основанія допустить также,

*

что величина платежной силы одной изъ общинъ, именно Ивановской, и, по точному изслѣдованію, опредѣлилась совершенно такъ же, какъ и по прежнимъ вычисленіямъ, въ количествѣ 3564 руб. Тогда, если мы обозначимъ эту какъ бы новую величину буквою *k*, то величина обложенія цѣлаго государства опредѣлится по тому же самому правилу пропорціональнаго дѣленія, къ которому мы обращались въ предыдущихъ вычисленіяхъ; въ такомъ случаѣ мы должны получить, припоминая, что буквою *n* обозначена кадастровая величина Ивановской общины, буквою *N*—кадастровая величина государства:

$$n : k = N : X$$

то есть

$$X = \frac{k \cdot N}{n}$$

Или, замѣняя эти знаки извѣстными величинами:

$$59,400 : 3,564 = 135,000 : X$$

то есть

$$X = \frac{3,564 \cdot 135,000}{59,400} X = 8,100 \text{ рублямъ.}$$

Величина 8,100 представляетъ ту самую величину государственнаго обложенія, которая извѣстна намъ по прежнимъ вычисленіямъ.

Такимъ образомъ, искомая величина обложенія государства должна равняться произведенію кадастровой величины государства на величину платежной силы одной общины, раздѣленному на кадастровую величину той же общины.

Передавая настоящее изслѣдованіе на всеобщее обсужденіе, мы считаемъ нужнымъ объяснить слѣдующее: въ этомъ изслѣдованіи мы имѣли одну лишь цѣль—представить податной законъ, выработанный самобытно разумомъ народа и уже давно свободно, открыто и одинаково примѣненный населеніемъ обширнаго края, помимо всякихъ отличій племенныхъ, по вѣроисповѣданію и разрядамъ крестьянскаго положенія. Чтобы не усложнить предмета и не увеличить объема статьи другими вытекающими изъ ея содержанія вопросами, мы вслѣдствіи старались не выходить за предѣлы изучаемаго края; вотъ почему мы должны были удержаться отъ обсужденія народнаго закона и отъ указанія способовъ его введенія въ государственную практику. Еслибы мы позволили себѣ выйти за предѣлы нашего края, то

намъ, по всей вѣроятности, пришлось бы согласиться съ мнѣніемъ компетентныхъ лицъ, знакомыхъ съ содержаніемъ настоящей статьи, на установленіе нѣсколькихъ податныхъ областей, въ виду лишь исключительнаго положенія нашего государства, по рѣзкимъ въ немъ почвеннымъ и климатическимъ отличіямъ. Тогда во всѣхъ приведенныхъ вычисленіяхъ, эти области будутъ отличаться другъ отъ друга только тѣмъ, что къ ихъ множителямъ земли допустятся различные коэффициенты производительности почвы. Что касается вопроса о введеніи въ государственную практику народнаго податнаго закона, то намъ пришлось бы доказывать, что въ этомъ не должно встрѣтиться препятствій, при повсемѣстномъ существованіи требуемыхъ данныхъ. Еслибы даже необходимыя данныя и были лишены желаемой точности, всегда съ трудомъ достижимой на государственныхъ статистическихъ вѣсахъ, то во всякомъ случаѣ примѣненіе по нимъ народныхъ правилъ будетъ первымъ твердымъ шагомъ государства къ выходу изъ существующихъ податныхъ несообразностей — повсюду очень пагубныхъ — на законную народную твердую почву, которая ясно указываетъ на основанія къ опредѣленію и величины экономической силы общинъ, и величины государственнаго обложенія, и, наконецъ, уравнительной его раскладки по общинамъ.

В. Грироговъ.

Грустно смотрю я на жизнь, какъ въ окно на ненастную осень.
Словно холодный туманъ, всю природу сокрывшій отъ взора,
Нравственной мглы пелена облакаетъ весь міръ нашъ духовный.
Разума яркое солнце не можетъ лучемъ благотворнымъ
Эту мглу пронизать и достигнуть до нашей юдоли.
Помню: когда-то просторъ разстилался красиво предъ нами;
Помню: видѣлись намъ насъ зовущіе въ даль горизонты...
Нынѣ жъ, взгляну ли вокругъ, посмотрю ли тоскливо на небо—
Мгла! непроглядная мгла!.. Ничего нигде не видно,
Кромѣ безжизненной, сѣрой, отовсюду нахлынувшей мутн.
Жизни явленья застыли. Недвижны крылатыя мысли.
Сердце любить опасается. Замерло вѣщее слово...
Страшно подумать, что жизнью зовется подобіе смерти!
Жутко, въ себя заглянувъ, сознать, что однѣ за другими
Всѣ отлетѣли, поблекнувъ, живыя когда-то надежды,
Словно въ ненастную осень послѣдніе съ дерева листья!..

Алексѣй Жемчужниковъ.

Ноябрь, 1879.

ПАУКЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

Паукъ можетъ удивительно много ѣсть; у паука восемь глазъ, для внимательнаго наблюденія за добычей, и восемь длинныхъ ногъ, съ помощію которыхъ онъ обхватываетъ ее. Если къ нему въ паутину попадетъ большое насѣкомое, съ которымъ ему не сладить и которое можетъ порвать его сѣти, онъ самъ обрываетъ ближайшія нити. Если же насѣкомое слабѣе, онъ нѣсколько выжидаетъ, пока оно, стараясь выпутаться изъ клейкихъ нитей, совершенно ослабнетъ и измучается, и тогда только приступаетъ къ поглощенію своей жертвы.

(Разсказы для дѣтей по Вагнеру.)

I.

Прошлымъ лѣтомъ, нѣсколько недѣль сряду, прогостилъ у меня въ деревнѣ одинъ мой хорошій пріятель. Это былъ молодой человѣкъ, только-что кончившій университетъ и не успѣвшій еще избрать себѣ никакого лагеря. Проведя свое дѣтство въ деревнѣ и навѣщая деревню каждыя каникулы, въ теченіи всей своей томительно-продолжительной жизни, этотъ молодой человѣкъ такъ полюбилъ деревню, что въ ней одной видѣлъ конечную цѣль всѣхъ своихъ вѣрованій, надеждъ и упованій. Ему было не болѣе двадцати-пяти лѣтъ. Это былъ человѣкъ довольно высокаго роста, довольно стройный, съ маленькой пушистой бородкой и длинными волосами, закинутыми назадъ и почти лежавшими на плечахъ. Честное, доброе лицо его было постоянно оживлено какою-то особенно-симпатичною улыбкою; глядя на это открытое лицо, а главное, на эту улыбку, какъ-то невольно становилось на душѣ легко и отрадно. Все доброе, все честное соединялось въ этомъ образѣ. Онъ и не вѣрилъ въ зло, а если

и встрѣчался съ нимъ, то объяснял существованіе его однимъ лишь недоразумѣніемъ, одной ошибкой и явленіемъ случайнымъ, но не присущимъ натурѣ человѣка. Это былъ юноша увлекавшійся, впечатлительный и, подъ минутой впечатлѣнія, быстро, съ налету рѣшавшій дѣло. Еще будучи студентомъ, онъ все свое свободное время посвящалъ изученію народнаго быта и экономическихъ явленій его. Онъ много читалъ, много писалъ по этому поводу. Статьи его охотно печатались въ нашихъ журналахъ, и имя моего пріятеля, въ извѣстномъ кружкѣ читателей, пользовалось симпатіями. Онъ изучалъ общинное владѣніе, податную систему, хуторское хозяйство и проч.

Какъ только пріятель явился ко мнѣ и объявилъ цѣль своего пріѣзда, я тотчасъ же, конечно, постарался быть ему полезнымъ. Нѣсколько дней сряду, мы буквально дома не жили. Цѣлые дни проводили мы, рассказывая по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, по хуторамъ и сосѣдямъ, стараясь всѣми путями прослѣдить бытъ окрестнаго населенія. Мы перебывали во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ, ходили по праздникамъ на сходы, заглядывали въ кабаки и трактиры, и всякому мало-мальски грамотному человѣку пріятель всучивалъ какіе-то разграфленные листы съ изложенными вопросами и просилъ по вопросамъ этимъ написать на томъ же листѣ подробные отвѣты. Когда именно пріятель мой спалъ и вообще отдыхалъ, мнѣ неизвѣстно, потому что днемъ онъ постоянно рыскалъ, а ночью приводилъ въ орядокъ все собранное днемъ. Дня два или три я слѣдовалъ за нимъ повсюду, но когда однажды, въ какомъ-то трактирчикѣ, чуть не отколотили насъ мужики, я предпочелъ отклониться отъ изслѣдованій, и на пріятеля махнулъ рукой. Съ тѣхъ поръ пріятель мой жилъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ продолжалъ шататься по деревнямъ, собиралъ нужныя ему свѣдѣнія, перетаскалъ у меня почти всю бумагу и всѣ перья, извелъ цѣлый флаконъ чернилъ, а я всецѣло предался невиннѣйшему занятію — охотѣ. Съ пріятелемъ я не встрѣчался по нѣскольку дней, а утокъ за это время переколотилъ столько, что не зналъ, куда съ ними дѣваться. Вотъ именно одну изъ этихъ-то охотъ и я хочу рассказать вамъ.

Дѣло началось съ того, что однажды влетаетъ ко мнѣ въ кабинетъ приходскій дьяконъ и, увидавъ меня лежащимъ на диванѣ, проговорилъ басомъ:

— Вы чего тутъ съ боку-то на бокъ переворачиваетесь! Вставайте-ка поскорѣе, да на Тарханскія болота поѣдете.

— А что тамъ случилось? спросилъ я.

— Вставайте, вставайте!

— Да что случилось-то?

— А то, что утокъ стрѣлять надо! Столько утокъ, что отродясь не видывалъ!

— Правда ли? Вѣрить-то вамъ вѣдь надо съ нѣкоторой осторожностію...

Дьяконъ посмотрѣлъ на меня и словно удивился.

— Что смотрѣть-то! проговорилъ я.—Мало вы меня обманывали! Давно ли во Львовку возили! Тоже говорили, что дупелей чуть не миллионы, а на дѣлѣ вышло, что ни одного не видали.

— То Львовка, а то Тарханскія болота! вскрикнулъ онъ и даже зачѣмъ-то прищелкнулъ языкомъ.

— Какая же разница?

— А та разница, государь мой, что львовскія болота на открытомъ мѣстѣ, а тарханскія въ лѣсу. Да что вамъ, лѣнь что ли съ диваномъ-то разстаться?

— Нисколько.

— А коли не лѣнь, такъ собирайтесь, а я пойду велю лошадей заложить.

И, не дождавшись отвѣта, дьяконъ съ шумомъ вышелъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса, не болѣе, мы сидѣли уже въ тележкѣ и ѣхали по направленію къ Тарханскимъ болотамъ.

Былъ третій часъ по полудни; солнце пекло немилосердно, пыль поднималась цѣлыми облаками, и такъ какъ вѣтра не было ни малѣйшаго, то пыль эта слѣдовала за нами, окутывала насъ со всѣхъ сторонъ и мѣшала свободно дышать. Несмотря, однако, на это, дьяконъ былъ въ восторгѣ. Онъ выкуривалъ одну папироску за другою и болталъ безъ умолку.

— Часовъ въ пять мы будемъ на болотахъ, говорилъ онъ.— Къ тому времени жаръ схлынетъ; мы возьмемъ вечернюю зорю, а ночевать отправимся къ Степану Ивановичу Брюханову, на мельницу. Туда и лошадей отправимъ.

— Хорошо, если Брюханова на мельницѣ не будетъ, а если онъ будетъ тамъ, то мы, пожалуй, стѣснимъ его.

— Брюханова нѣтъ, онъ въ Москвѣ.

— Такъ ли?

— Вѣрно. Онъ къ барону поѣхалъ лѣсъ покупать.

— Вотъ какъ! проговорилъ я.—Даже знаете, зачѣмъ именно поѣхалъ?

— Еще бы мнѣ да не знать!

— А вы съ нимъ знакомы?

— Вотъ это отлично! почти вскрикнулъ дьяконъ.—Дѣтей его граматѣ училъ, а вы спрашиваете, знаю ли я Брюханова. Я

*

даже на похоронахъ у него былъ. Когда покойница померла, такъ за мной нарочно прислали. Вѣдь дьякона басистѣ меня во всемъ околодкѣ нѣтъ... То-то и оно!

И потомъ, немного помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Хочу бѣжать отсюда.

— Далеко ли?

— Въ губернію махнуть хочу. Здѣсь, я вижу, никакого дьявола не выслужишь. Теперь дьяконовъ-то вовсе мало осталось, и мнѣ въ городѣ стѣить только одну свадьбу повѣнчать, такъ купцы съ руками оторвутъ! Купцы вѣдь любятъ горластыхъ.

— Будто это не вывелось?

— Что? переспросилъ дьяконъ.

— Любовь къ горластымъ дьяконамъ?

Но, вмѣсто отвѣта, дьяконъ какъ-то удивленно глянулъ на меня и только покачалъ головой: «Чудакъ, дескать, ты большой руки!»

Едва, однако, успѣли мы отѣхать двѣ, три версты, какъ позади насъ послышался стукъ экипажа. Мы оглянулись и увидали догонявшій насъ тарантасъ. Тройка рослыхъ сѣрыхъ лошадей крупной рысью катила тарантасъ по гладкой дорогѣ, поднимая цѣлое облако пыли. Дьяконъ долго всматривался и, наконецъ, проговорилъ:

— А вѣдь лошади-то Брюхановскія!

— Его и есть, подхватилъ кучеръ.

— А вы говорили, что онъ въ Москвѣ.

— Стало-быть, вернулся.

Дѣйствительно, ѣхавшій въ тарантасѣ былъ не кто иной, какъ самъ Степанъ Ивановичъ Брюхановъ.

— Стой! стой! закричалъ онъ кучеру, поравнявшись съ нами. Лошади были немедленно остановлены, и какъ только поднятая экипажами пыль миновала, такъ мы вступили въ разговоръ.

— Здравствуйте! заговорилъ Степанъ Ивановичъ. — Далеко ли пробираетесь?

— На охоту. А вы?

— Да вотъ сюда, къ баронскому управляющему.

— Въ Бѣлгазу? спросилъ дьяконъ.

— Да, въ Бѣлгазу.

— А мнѣ сказали, что вы въ Москвѣ.

— Я изъ Москвы и ѣду. Только сейчасъ изъ вагона.

— По дѣлу ѣздили?

— Мы безъ дѣла не ѣздимъ.

И вслѣдъ за тѣмъ, сдѣлавъ самую пріятнѣйшую улыбку и

какъ-то особенно лукаво прищуривъ и безъ того уже узенькіе глазки свои, онъ проговорилъ, потирая руки:

— Поздравьте-сь.

— Съ тѣмъ? спросилъ я.

— Лѣсокъ у барона купилъ; изволите знать, тотъ, который къ моей межѣ подходитъ. За тѣмъ самымъ и въ Москву ѣздилъ-сь.

— Дорого купили? спросилъ дьяконъ.

Лицо Степана Иваныча мгновенно приняло озабоченный видъ.

— Охъ, ужъ и не говорите! вздохнулъ онъ. — Погорячился... выждать бы слѣдовало, а у меня, словно у ребенка, терпѣнья не хватило.

— На срубъ? спросилъ я.

— На срубъ.

— Почему за десятину?

— По сту рублей-сь.

И Степанъ Иванычъ даже закрылъ глаза, между тѣмъ какъ дьяконъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Ты чего-же хохочешь-то, кутья проклятая! обидѣлся Степанъ Иванычъ.—Ну, чего ржешь-то, словно жеребецъ какой!..

— Да какъ же не ржать-то! кричалъ дьяконъ.—Сто рублей дорого! Тутъ вотъ, около насъ, Полозовъ тоже свой лѣсъ продалъ—супротивъ баронскаго-то хворостъ, да и то по триста рублейковъ сгладилъ... вотъ что-сь!.. А во сколько лѣтъ вырубить?

— Въ двадцать, отвѣтилъ Степанъ Иванычъ.

— Съ порослью?

— Известно, съ порослью.

— Черезъ двадцать-то лѣтъ у васъ новый лѣсъ выростеть, опять руби!

И дьяконъ снова разразился хохотомъ. Но на этотъ разъ Степанъ Иванычъ не обидѣлся, а напротивъ, даже самъ присоединилъ свой тоненькій старческій хохотъ къ громкому хохоту дьякона, слыша который захохоталъ даже и кучеръ Степана Иваныча. Но хозяинъ остановилъ послѣдняго.

— Но-но! проговорилъ онъ.—Ты знай свое дѣло, навозъ изъ конюшни вычищать, а куда не спрашиваютъ, не суйся!

И, немного погодя, онъ, какъ будто обдумавъ что-то, прибавилъ, обращаясь къ намъ:

— Оно, положимъ, сказать по правдѣ, лѣсокъ точно не дорого достался, да вѣдь, главная причина, деньги-то всѣ сразу, впередъ отданы. Вѣдь денегъ-то пятьдесятъ тысячъ, батюшка! шутка сказать какая машина! Да три управляющему! прибавилъ онъ уже шопотомъ и только меня одного посвятилъ въ эту тайну.—Онъ хоша и пріятель мнѣ, продолжалъ онъ тѣмъ же

попотомъ:—ну, а все-таки статью свою гонить. Такъ вотъ вы и сообразите! заговорилъ онъ уже громкимъ голосомъ, чтобы всѣ слышали:—сколько возни-то предстоитъ! А что будетъ впереди, черезъ двадцать-то лѣтъ, того еще мы не знаемъ, потому будущее для насъ все одно, что желѣзными вилами по водѣ писано. Будущее отъ насъ ото-всѣхъ сокрыто. Можетъ, я графомъ какимъ-нибудь буду, а можетъ быть, на мѣсто того, меня изъ собственного моего гнѣзда по шеѣ выгонять... Все это надо сообщать и отнюдь осторожности не упускать изъ виду. Ого! осторожность эта, говорятъ, мірами ворочаетъ! Деньги-то я кучей отдалъ, а собирать-то ихъ грошами придется. Ты, дьяконъ, сообрази-ка сколько этихъ грошей-то въ пятидесяти тысячахъ заключается! Когда соберешь! Хорошо, коли мы живы будемъ, да коли старые люди не помрутъ! Вѣдь мужикъ-то отошаль, спился и опаршивѣлъ... въ чемъ только душа мотается! Вѣдь онъ совсѣмъ паршивый сталъ; не токмо-что деньжонокъ, даже скотинишки не имѣетъ! Придется въ долгъ продавать, а когда долгъ-отъ соберешь! Опять возьмите вы и прикащиковъ... Вѣдь у меня сколько ихъ, прорва цѣлая, а надежныхъ-то только и есть одинъ Самойло Ивановъ. Вѣдь теперича къ такому дѣлу, какъ лѣсная операція, по крайности, надо пять, шесть человѣкъ приставить, а гдѣ ихъ, честныхъ-то, найдешь! У тебя, дьяконъ, нѣтъ ли кого на примѣтъ? А! головой небось замоталъ! То-то оно и есть! Вѣдь я ихъ всѣхъ до тонкости знаю... измошенничались, изъехидничались! Чтѣ ему? Нешто онъ хозяйское добро бережетъ? Какъ же, дожидайся, держи карманъ шире! Чтѣ ему хозяйинъ? Тѣфу! Онъ хозяйномъ-то готовъ свиное корыто вымыть и вытереть. За грошъ продать и выкупить! Вотъ они, какіе нынче прикащики-то! Ни грѣха, ни суда страшнаго ничего не боится! Да чтѣ ему судъ страшный... онъ въ него и вѣрять-то пересталъ! Нетокма хозяина—отца роднаго за деньги слопасть. Такъ-то, другъ, а ты вотъ на всю окрестность хохочешь! добавилъ онъ, укоризненно обращаясь къ дьякону.

— Что вѣрно, то вѣрно! проговорилъ тотъ. — Совсѣмъ Бога бросили.

— Ань то-то вотъ и есть! А послушалъ-бы ты, какъ я изъ-за самого изъ-за этого лѣса въ Москвѣ мытарствовалъ, такъ и вѣсье бы хохотать-то пересталъ! Охъ ужъ и комиссія только съ этими самими аристократами дѣла дѣлать! Хотъ бы баронъ къ примѣру: деньжонокъ нѣтъ, ужъ по всему видно, что нѣтъ, а гордости больше, чѣмъ у какого-нибудь миллионера кушца. Нескоро даже аудіенціи добьешься! Этихъ швейцаровъ, да лакеевъ не вотъ тотчасъ сочтешь даже... Сколько имъ однимъ денегъ

переплатилъ. Не повѣрите, даже обѣдъ имъ—хамамъ-то этимъ въ трактирѣ Тѣстова дѣлалъ... Дворника—и того приглашалъ! Что будете дѣлать, не допускаютъ, да и шабашъ! А ужъ барону этому надоѣлъ даже! Каждый день по два раза являлся; одинъ разъ утромъ, а другой разъ вечеромъ. Однажды до тѣхъ поръ разлилъ, что въ шею меня изъ кабинета вытолкалъ! Да вѣдъ какъ наклакъ-то! На другой день, сижу въ театрѣ въ первомъ ряду, а самъ чувствую, что головой поворотить не могу.—«Вонъ, говоритъ, мошенникъ такой сякой, что бы духу твоего здѣсь не было! Эй, лакеи гоните, говоритъ, его въ шею!» А я наутро опять пришелъ, стою себѣ смирнехонько въ передней, возлѣ двери кабинетной, да нарочно всѣ пятьдесятъ тысячъ въ рукахъ на виду и держу. Часовъ въ двѣнадцать выходитъ баронъ, да какъ увидалъ деньги-то, такъ даже разсмѣялся. Вѣдъ онъ добрый; вспыльчивъ, а сердце-то скоро проходитъ. Посмотрѣлъ на меня, плюнулъ и заговорилъ:—«Ты, говоритъ, опять, собачій сынъ, пришелъ!»—«Опять, говорю, ваше баронское сятельство. Деньги домой везти не хочется; чтó имъ тамъ въ степи дѣлать! деньги, говорю, вещь столичная, примите, явите божескую милость!» Ну, сердце-то у него и прошло! Теперь вотъ къ управляющему ѣду бумагу предъявить, да лѣсъ принять.

— А мы было у васъ на мельницѣ переночевать расчитывали! проговорилъ я.

— Такъ что же-съ, очень радъ! Тамъ у меня для прїѣзду флигелечикъ есть, въ моихъ фкеляхъ и расположитесь. Тамъ вамъ спокойно будетъ; Самойло Ивановъ приметъ васъ какъ слѣдуетъ; моимъ именовъ прикажите.

— А вы на мельницу не завернете?

— Нѣтъ-съ, я отъ управляющаго прямо домой на усадьбу. Признаться, и по домашнимъ соскучился; хотъ и нѣтъ у меня жены, хотъ и некого приласкать, а все-таки стосковался. Вѣдъ я безъ малаго три недѣли въ Москвѣ-то отдежуриль...

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, проговорилъ суетливо:

— Однако, чтó-же это мы, стоимъ въ степи, разговоры разговариваемъ, а ничего не выпьемъ. Давайте-ка по чарочкѣ московской выпьемъ, да московскимъ калачикомъ съ ветчинкой закусимъ. Хотъ пылъ-то въ горлѣ ополоснемъ!

И вытацивъ сакъ-воляжъ онъ вынулъ изъ него фляжку, кусокъ ветчины и калачъ.

— Пожалуйста-съ! проговорилъ онъ, подавая мнѣ налитой серебряный стаганчикъ.

— Нѣтъ, благодарю, я не хочу.

— Почему?

— Я только что пообедалъ, а послѣ обѣда водку не пью.

— Для пищеваренія-съ.

— Не могу.

— Можеть, съ иворкой желаете? У меня и иворка есть.

— Нѣтъ, и съ иворкой не хочу.

— Ну, какъ угодно-съ. А то бы выкушали...

— Нѣтъ, не просите...

— Какъ угодно-съ. Ну, а ты, отче! обратился онъ къ дьякону.—Ты какъ насчетъ этого самаго дѣла?

Дьяконъ даже захохоталъ отъ удовольствія и, соскочивъ съ тележки, въ одинъ прыжокъ очутился возлѣ тарантаса.

— Я насчетъ этого—ничего! проговорилъ онъ.

И, раскланявшись другъ другу, они выпили и закусили.

— Ахъ да, и забылъ! вдругъ вскрикнулъ Степанъ Ивановичъ и принялся рыться въ огромномъ сакъ-воважѣ.— Коли вы послѣ обѣда водку не уважаете, такъ у насъ и другое вино найдется, отъ котораго ужъ вы никоимъ образомъ не откажетесь.

И, вытащивъ изъ сакъ-воважа бутылку, онъ вышелъ изъ тарантаса и подошелъ къ тележкѣ.

— Коньякъ финъ-шампань, отъ Депре, самый высшій сортъ, никакъ пять рублей содралъ! проговорилъ онъ и, улыбнувшись самой сладкой улыбкой, посмотрѣлъ на меня вопросительно. Я тоже вышелъ изъ тележки.

— Могу просить-съ? проговорилъ Брюхановъ.

— Коньяку, пожалуй, выпью.

Степанъ Ивановичъ ополоснулъ стаканчикъ, вытеръ его салфеткой, налилъ коньяку и, подавая мнѣ стаканчикъ, проговорилъ:

— А вотъ и лимончикъ съ сахаркомъ.

Послѣ меня, выпилъ Степанъ Ивановичъ и, снова закупоривъ бутылку и даже похлопавъ по пробкѣ ладонью, отправился съ нею къ тарантасу.

— А мнѣ-то! крикнулъ дьяконъ.

— Мы съ тобой лучше водочки выпьемъ! проговорилъ Степанъ Ивановичъ, продолжая похлопывать по пробкѣ.—Мы вѣдь съ тобой не господа...

— Ну, ладно! согласился дьяконъ.

И они опять вѣжливо раскланялись и выпили.

— А теперь, до свиданья! проговорилъ, наконецъ, Степанъ Ивановичъ, протягивая мнѣ руку. Но, замѣтивъ проѣзжавшаго мимо, верхомъ на влячѣ, какого-то мужиченку, въ грязной холщовой рубахѣ, босикомъ и въ мохнатой овчинной шапкѣ, вдругъ опустилъ протянутую мнѣ руку и крикнулъ:

— Эй ты, Сафонка! Любезный другъ! аль не узналъ?

Сафонка быстро остановилъ лошадь, соскочилъ на землю и съ какимъ-то испуганнымъ видомъ подошелъ къ Степану Ивановичу, держа въ поводу лошадь.

— Аль не узналъ, что даже и шапки не ломаешь! продолжалъ Степанъ Ивановичъ.

Мужиченко поспѣшно снялъ шапку.

— Какъ не узнать, батюшка Степанъ Ивановичъ, ваше высокое степенство! проговорилъ онъ, запинаясь и переваливаясь съ ноги на ногу.—Какъ не узнать! да, признаться, поопасился маленько.

— Чего? шапку-то снять? гнѣвно крикнулъ Степанъ Ивановичъ и даже зубами заскрипѣлъ.—А вотъ на пахату-то небось не поопасился не выѣхать, хоша и взялъ всѣ денежки впередъ! На сходкѣ-то, когда я о кабакѣ хлопоталъ, тоже не поопасился глотку-то драть, чтобы мнѣ кабака не сдавали! Чего морду-то перекосилъ!

— Виновать, Степанъ Ивановичъ, ваше высокое степенство. Въ тѣ поры больно хмѣленъ былъ, не помню, хошь убей, не помню...

— Убей!.. Чего тебя бить-то! съ презрѣніемъ проговорилъ Степанъ Ивановичъ.—Я не баринъ... драться не учился!.. А припомнить припомню... Ты это знай!..

— Твоя воля, ваше степенство...

— Извѣстно, моя! перебилъ его Брюхановъ.—Что хочу съ тобой, то и сдѣлаю. Хочу кашать совью, а хочу расластаю, да по-солю. что бы не протухъ!

И потомъ, немного помолчавъ, добавилъ:

— На пахату почему не выѣхалъ? Кажись, Самойло Ивановъ за тобой разъ десять гонялъ.

— Управка не взяла, батюшка Степанъ Ивановичъ, ваше высокое степенство. Лошадка одна подохла, парня лихоманка трепала, безъ памяти лежалъ. Свой загонъ и то насилу всковырялъ...

— Свой-то всковырялъ небось!..

— Какъ-же быть-то! Свой-то не всковыряешь, такъ подохнешь!..

— А деньги-то впередъ умѣешь брать!

— Я не деньгами бралъ, батюшка ваше высокое степенство!..

— А не все едино, чѣмъ-бы не взять?

— Заработаемъ, батюшка, Степанъ Ивановичъ!

— Знаемъ мы, какъ вы зарабатываете!

— Ей-ей заработаемъ!

— Ладно. Только ты меня помянешь, поооомянешь!

Мужиченко бухнулся было въ ноги, но Степанъ Ивановичъ даже и вниманія на него не обратилъ. Простившись съ нами, онъ уложилъ свой сакъ-воляжъ, сѣлъ въ тарантасъ и, крикнувъ

вечеру: пошелъ!—покатылъ по дорогѣ, обдавъ насъ густымъ облакомъ пыли. Мы тоже тронулись, а за нами затрусилъ и мужеченко на своей клячѣ, болтая и руками и ногами.

— Раззорилъ, совсѣмъ раззорилъ! нылъ мужикъ, слѣдуя за нами.—По міру какъ есть пустилъ. А все водка да баранина виновата.

— Какъ, баранина? спросилъ дьяконъ, закуривая папиросу.⁴

— Свадьбу справлялъ я, дочь замужъ выдавалъ и пришла нужда взять у него водки да баранины на двадцать семь рублей. Цѣлыхъ три года работалъ на него, а на мѣсто того, долгу теперь насчитываютъ на мнѣ ужъ не двадцать семь, а индо тридцать шесть рублей...

— Вотъ тѣ на! вскрикнулъ дьяконъ.—Какъ же такъ?

— Да выходитъ такъ. Взявши баранины и водки, я проработалъ на Степана Иваныча все лѣто, а на второй-то годъ не пошелъ. За это за самое, что я не пошелъ, всю мою работу въ счетъ не положили, и опричь того, оштрафовали. Другіе два года работалъ я оба лѣта, и за мной оставалось всего семь рублей. Семь рублей эти я долженъ былъ молотью заработать; взялся, значить, семьдесятъ копенъ ржи обмолотить, да на грѣхъ пошло ненастье, обмолотить-то мнѣ и не привелось, вотъ на меня и накинули штрафу по шестидесяти копейкѣ за копну и вышло за мной долгу сорокъ два да семь, сорокъ девять рублей... Спасибо тринадцать рублей простили, такъ и выходитъ, что за мной теперь тридцать шесть только...

— А ты бы къ мировому! проговорилъ дьяконъ.

Но кучеръ перебилъ его.

— Чтò это, отецъ дьяконъ, проговорилъ онъ, внимательно осматривая окрестность.—Намъ, по примѣтамъ, теперича кабытъ направо повернуть надо, вѣтъ по самой по этой дорожкѣ, прибавилъ онъ, указывая кнутомъ на дорогу, круто повернувшую направо.

— А вы куда ѣдете? спросилъ вдругъ мужикъ громкимъ голосомъ, словно проснулся.

— На болота на Тарханскія.

— Коли на болота, такъ вѣстимо направо!.. Это за утками значить... Часъ добрый...

Мы повернули направо, а мужиченко поплелся шагомъ по только-что оставленной нами дорогѣ. Духота все еще стояла невыносимая, но вѣтеръ сталъ уже не попутнымъ, а боковымъ и мы избавились отъ преслѣдовавшей насъ пыли...

II.

Степанъ Иванычъ Брюхановъ, котораго только-что мы встрѣтили, былъ однимъ изъ важныхъ людей описываемой мѣстности. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, благообразный, сѣдой какъ лунь, худой какъ скелеть, но съ свѣжимъ румянымъ лицомъ и самыми вкрадчивыми, кошачьими манерами. Сапоговъ съ каблуками онъ не носилъ, и потому подходилъ всегда какъ-то неслышно. Подойдетъ и начнетъ крѣпко жать вашу руку обѣими костлявыми, холодными своими руками, и пожимая, улыбается отъ счастья встрѣтиться съ вами. Его сѣдой хохоль, всегда торчавшій кверху, напоминалъ знаменитыя хохолы фельд-маршала Суворова и придавалъ лицу Степана Иваныча весьма характерную особенность. Одѣвался Степанъ Иванычъ щегольски, хотя и носилъ долгополые сюртуки, и, несмотря на свои почтенныя лѣта, любилъ покутить и покуролѣситься съ женщинами. Важнымъ лицомъ Брюхановъ сдѣлался потому, что имѣлъ въ настоящее время тысячъ восемь десятинъ земли, роскошную барскую усадьбу, купленную имъ вмѣстѣ съ землей у прогорѣвшаго барина, и сверхъ того, потому что держалъ въ арендѣ громадную крупчатую мельницу. Мельницу эту арендовалъ онъ такъ давно, что всѣ называли ее не по фамилии настоящаго ея владѣльца, а прямо «Брюхановской». Всего этого, однако, конечно, было бы еще недостаточно для того, чтобы сдѣлаться важнымъ лицомъ, еслибы Степанъ Иванычъ не обладалъ капиталами, а главное, ловкостью, которая умѣетъ капиталы эти не просаривать, а значительно приумножать. Вслѣдствіе таковой ловкости къ приумноженію, росло, конечно, и влияніе Степана Иваныча. Онъ былъ земскимъ гласнымъ какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ; былъ членомъ училищнаго совѣта, хотя и не умѣетъ писать, былъ директоромъ тюремнаго комитета, былъ членомъ духовно-просвѣтительнаго союза и даже почетнымъ мировымъ судьей, хотя и смѣшивалъ синодъ съ сенатомъ, а дворянскую опеку съ опекунскимъ совѣтомъ. На земскихъ собраніяхъ Степанъ Иванычъ говорилъ мало, но слушалъ со вниманіемъ и свои соображенія высказывалъ кому слѣдуетъ. Большею частью, его даже и не замѣтно было, а глядишь все, что требовалось ему провести, онъ провелъ, хотя и не говорилъ никакихъ громкихъ рѣчей. Всѣхъ окрестныхъ мужиковъ, Степанъ Иванычъ держалъ на крѣпкихъ возжахъ и возжами этими управлялъ съ рѣдкимъ умѣньемъ. Не было ни одного мужика, который не состоялъ бы ему должнымъ. Хотя и плакались мужики на Степана Иваныча,

хотя заочно и ругали его ругательски, но при встрѣчѣ преклонялись, и какъ бы чувствуя надъ собою несокрушимую его силу, хватались за шапки и величали вашимъ высокимъ степенствомъ. Его степенство, какъ и подобаетъ, конечно, такому человѣку, былъ украшенъ нѣсколькими медалями, былъ пріятельски знакомъ съ властями, какъ гражданскими, такъ военными и духовными, имѣлъ у себя ихъ фотографическіе портреты, подаренные самими оригиналами съ надписями: *на память, въ знакъ моего уваженія или дорогому Степану Ивановичу*, и, пріѣзжая въ городъ, бывалъ у нихъ запросто, обѣдывалъ, выпивалъ и отплачивалъ тѣмъ же гостепримствомъ, когда власти пріѣзжали въ уѣздъ. Вслѣдствіе этого, Степанъ Ивановичъ опредѣлялъ становыхъ, квартальныхъ, поповъ, дьяконовъ, учителей и другихъ должностныхъ лицъ, а равно и увольнялъ таковыхъ отъ занимаемыхъ должностей. Патриотъ Степанъ Ивановичъ былъ тоже примѣрный. Какъ только требовалась жертва или патриотическое торжество, стояло только лицу, власть имѣющему, шепнуть объ этомъ Степану Ивановичу, какъ онъ являлся на выручку. Стоило только шепнуть, что хорошо было бы сотворить то-то и то-то, что не мѣшало бы достойно проводить отъѣзжающаго любимаго начальника, что слѣдовало бы поторжественнѣе встрѣтить такой-то имѣющей возвратиться полкъ, какъ Степанъ Ивановичъ немедленно откликнулся на призывный гласъ, собиралъ вокругъ себя свою братію патриотовъ, шушукался съ ними, подмигивалъ, дѣлалъ намеки, хлопалъ щетами, божился, клялся, сообщалъ опасенія и надежды, могущія послѣдовать отъ отказа, и затѣмъ, обдѣлавъ дѣло, являлся къ кому слѣдуетъ и озаренный пріятной улыбкой докладывалъ, что онъ и все купеческое сословіе готовы принести лепту на алтарь отечества. Поэтому-то Степанъ Ивановичъ, какъ только рѣчь касалась патриотизма, немедленно поднималъ голову и съ гордостью называлъ себя патриотомъ.

Таковой безграничный патриотизмъ нисколько не мѣшалъ, однако, его высокому степенству прилагать все свое вліяніе къ открытію сколь можно большаго количества заведеній съ продажей питій распивочно и на выносъ. Не было села, не было сколько-нибудь сносной деревушки, въ которыхъ не развѣвалось бы кабацкое знамя Степана Ивановича. Знамя это было не ахти какое, оно состояло иногда просто изъ какого-нибудь лоскута коленкора, но за то оно было всѣмъ знакомо, царило надъ мѣстнымъ населеніемъ и заставляло преклоняться передъ собою. Сколько подъ знаменъ этимъ было выпито, сколько подъ стѣну его было перетаскано разнаго добра мужичьяго—сосчитать не легко, но во всякомъ случаѣ добра этого было несравненно бо-

дѣе того, которое было пожертвовано на встрѣчу полка въ совокупности съ проводами любимаго начальника.

Всѣ эти кабаки, фотографическіе портреты, громадныя посѣвы, а равно мельницы и гурты рогатаго и мелкаго скота собирали въ карманы Степана Иваныча всѣ деньги околodka, и легко приплывая, въ незначительныхъ сравнительно размѣрахъ выпускались вонъ. За то не было такой большой дороги, не было такого глухого поселка, по которому не двигались бы обозы съ добромъ Степана Иваныча. Тамъ ползеть обозъ съ пшеницей, тамъ съ мѣшками муки, тамъ обозы съ бочками спирта и водки, тамъ по чугунѣ гремятъ вагоны, нагруженные мѣшками, и на вагонахъ этихъ мѣломъ написано: *Брюхановъ, Ревель, Москва*. Тамъ на лихихъ тройкахъ скачутъ кабацкіе ревизоры, тамъ по полямъ, словно черкесы съ нагайками, летаютъ приказчики и объѣздчики. А здѣсь, по раздольнымъ дѣвственнымъ степямъ, позванивая волокольчиками, нагуливается *товаръ*, т. е. гурты. Рослые быки съ громадными рогами и отвислыми зобами, медленно и сонно переступая съ ноги на ногу, щиплютъ траву; вокругъ нихъ гуртоправы, съ длинными кнутами въ рукахъ съ загорѣлыми и чумазыми лицами, а не подалеку въ сторонѣ, возлѣ огороженнаго «тырла» стоитъ съ поднятыми кверху оглоблями кибитка, раскинутъ шатерьъ, а въ шатрѣ спитъ богатырскимъ сномъ распотѣвшій приказчикъ. И все это принадлежитъ Степану Иванычу, ему одному.

Несмотря, однако, на столь солидное положеніе, несмотря на сѣдину, убѣлявшую его голову, онъ не прочь былъ при случаѣ тряхнуть стариной и вспомнить давно миновавшую молодость. Стоило только попасть ему въ городъ, какъ, подобравъ компанію (компанію онъ подбиралъ большею частію изъ благородныхъ и людей военныхъ предпочиталъ штатскимъ), объѣзжалъ всѣ имѣющіяся увеселительныя заведенія, всѣ монъ-плезиры, эрмитажи, тропическіе сады, и во всѣхъ заведеніяхъ этихъ, съ появленіемъ Степана Иваныча, вино лилось рѣкой, и самъ Степанъ Иванычъ, такъ сказать, исчезалъ въ объятіяхъ арфистовъ, пѣвицъ и цыганокъ. Пѣли «чоботы», пѣли «пропадай моя телега, всѣ четыре колеса» и Степанъ Иванычъ былъ вполне счастливъ. Находилъ на Степана Иваныча иногда такой-же «стихъ» и въ деревнѣ, но тамъ это дѣлалось иначе, онъ покидалъ тогда свою усадьбу и уѣзжалъ на крупчатку. Тамъ, на этой крупчаткѣ, въ небольшомъ скромномъ флигелечкѣ, подъ стонъ мельничныхъ снастей, подъ шумъ падающей воды, въ кругу своихъ деревенскихъ друзей, Степанъ Иванычъ предавался оргіи. Къ сѣдовласому сластолюбцу являлись намѣченныя имъ красавицы и

мельничный домикъ оглашался пѣснями, оглашался звуками скрипки и кларнета, на которыхъ играли двое изъ его «молодцовъ», и раздавался топотъ пляски. Вокругъ Степана Ивановича собирались въ то время мѣстные адвокаты, становые и судебные пристава, учителя, фельдшера, и все это пило и безобразничало въ счетъ Степана Ивановича, потѣшало его, потакало ему, и вмѣстѣ съ тѣмъ, упивалось поцѣлуями и объятіями сельскихъ красавицъ.

Брюхановская мельница была одною изъ лучшихъ на рѣкѣ Иволгѣ. Она состояла изъ двухъ громадныхъ крупчатыхъ амбаровъ, одного раструснаго съ просяной дранкой и одного сукновальнаго. Особенно пеголеватой постройкой отличались крупчатые амбары, т. е. тѣ, на которыхъ выдѣлывалась разныхъ сортовъ крупчатая мука. Они были срублены изъ красиваго сосноваго лѣса, крыты желѣзомъ и украшены самыми затѣйливыми рѣзными коньками, карнизами и наличниками. Неподалеку отъ этихъ амбаровъ, у подножія праваго гористаго берега, среди разбросанныхъ здѣсь и тамъ громадныхъ ветель, помѣщались избы рабочихъ, хлѣбные магазины, кузницы, слесарни и небольшой домикъ на случай пріѣзда Степана Ивановича. Домикъ этотъ, хотя и былъ покрытъ соломой, но все-таки наружностью не походилъ на остальные домики мельницы. Большими просторными сѣнями раздѣлялся онъ на двѣ половины. Въ одной половинѣ помѣщался старшій приказчикъ Самойло Ивановичъ съ семействомъ, а въ другой, состоявшей изъ двухъ, трехъ комнатъ, останавливался Степанъ Ивановичъ. Окна домика этого украшались створчатými расписными ставнями, а посреди выступало крылечко, въ родѣ балкончика, съ навѣсомъ, колонками и рѣзною рѣшеткой.

Живописнѣе мельницы этой трудно было что-либо встрѣтить, особливо лѣтомъ, когда мельница не работаетъ и когда рѣка, перепруженная широкой, прочной плотиной, полна водой. Въ это глухое время, когда вода накапливается на зиму, ея къ концу лѣта набирается столько, что при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка она выплескивается вонъ изъ береговъ. Мельница эта была кругомъ въ лѣсу, въ особенности же былъ красивъ правый нагорный берегъ. Горы словно громоздились другъ на другѣ, перерѣзывались глубокими каменистыми оврагами, краснѣли кое-гдѣ глинистыми обвалами и словно грозили съ минуты на минуту рухнуть и похоронить подъ собою и эту мельницу и эти домики, лѣжившіеся у ихъ подножій.

Кажется, я говорилъ уже, что мельницей этой управлялъ старшій приказчикъ Брюханова, Самойло Ивановичъ Урвачевъ. Урва-

чевъ этотъ былъ малый лѣтъ сорока, чуть ли не съ дѣдства служившій у Брюханова. Это былъ мужчина средняго роста, плотный, коренастый съ кудрявой головой, съ лицомъ лоснящимся и краснымъ и бѣгающими волчьими глазами. Глаза эти бѣгали такъ быстро, что перескакивая съ одного предмета на другой и не останавливаясь ни на одномъ особенно, дѣлались положительно неуловимыми. На сколько быстры были глаза его, на столько же быстры и его движенія. Онъ ни минуты не постоитъ спокойно; то поправлялъ онъ свою кудрявую голову, то застегивалъ поддевку, то шупалъ платокъ, намотанный на шею, то шарилъ въ карманахъ, то прикрывалъ ротъ рукой и начиналъ кашлять, то садился, то вскакивалъ и затѣмъ, какъ-будто вспомнивъ что-то, куда-то убѣгалъ. Мужики называли его волкомъ, билъ онъ ихъ немилосердно нагайкой почему попало, но когда за побои эти привлекался къ суду, притворялся передъ судьей смиреннымъ, опускалъ глаза, говорилъ о нападкахъ, о томъ, что «творецъ небесный видитъ все», и такъ какъ билъ всегда мужиковъ безъ свидѣтелей, то и оставался правымъ. Самойло Иванычъ былъ женатъ и имѣлъ человѣкъ пять дѣтей. Когда-то жена его была красавицей, и такъ какъ Самойло Иванычъ былъ преданъ всей душой Брюханову, то онъ жертвовалъ для него даже и женой своей. Въ настоящее время, однако, ничего этого уже нѣтъ. Отъ тяжелой жизни несчастная женщина безвременно постарѣла, подурнѣла, щеки ея ввалились, носъ какъ-то заострился, и брошенная, какъ негодная вещь, она доканчивала жизнь за перегородкой, лежа на постели, стоная и кашляя. Въ народѣ ходили толки, что Самойло Иванычъ нажилъ большія деньги, завѣдуя дѣлами Брюханова; что деньги эти отъ людей тайлъ, что онъ зарыты гдѣ-то въ лѣсу съ тяжелыми заклинаніями; что Самойло Иванычъ ждетъ только смерти Брюханова, чтобы тотчасъ же послѣ того записаться въ купцы и сдѣлаться, въ свою очередь, именитымъ лицомъ въ уѣздѣ. Но пока все это было еще покрыто «мракомъ неизвѣстности» и Самойло Иванычъ продолжалъ быть лишь прикащикомъ и не выходилъ изъ «чернаго тѣла». Несмотря, однако, на всѣ толки, нельзя было не согласиться, что Самойло Иванычъ былъ самымъ преданнымъ слугою Брюханова. Онъ хотя и жилъ на мельницѣ, но это нисколько не мѣшало ему зорко слѣдить и за остальными коммерческими операціями своего хозяина, и за посявомъ, и за кабаками. Онъ былъ правою рукою Степана Иваныча и ничего безъ его совѣта послѣдній не предпринималъ и не завершалъ.

Не подалеку отъ этой-то мельницы, находились тѣ Тарханскія

болота, на которыя пробирались мы съ дьякономъ въ описываемый день. Добрались мы до нихъ часовъ въ пять по полудни, и, отправивъ лошадей на мельницу, начали охоту.

Болота эти считаются въ нашей мѣстности самыми богатыми притонами всевозможной дичи. Названіе свое получили они отъ села Тарханы, возлѣ котораго расположены, или, правильнѣе сказать разбросаны по вырубленному дубовому лѣсу, покрывающему берега рѣки Иволги. Поросшія камышами и окруженныя мелко-лѣсьемъ, болота эти представляютъ самое удобное мѣсто для вывода дичи. Здѣсь имѣются утки, бекасы, дупеля, кулики, куропатки. Когда-то выводились даже гуси и лебеди и только въ послѣднее время, когда лѣсъ былъ вырубленъ, птица эта покинула тарханскія болота, промѣнявъ ихъ на мѣста болѣе глухія и отдаленныя. Охота начинается здѣсь съ самаго начала весны и продолжается до поздней осени, вплоть до того самаго времени, когда птица, почувявъ приближеніе зимы, покидаетъ нашу холодную родину и длинными вереницами съ шумомъ и крикомъ потянетъ въ страны, болѣе теплыя и привѣтливныя.

Первыми вѣстниками наступающей охоты являются, конечно, вальдшнепы. Еще снѣгъ не успѣетъ сойти путемъ, какъ они осыпаютъ лѣсъ. Словно по командѣ являются они, продержатся десять, пятнадцать дней и потомъ вдругъ опять исчезаютъ вплоть до осенняго перелета. Нынѣшней весной было такъ много вальдшнеповъ, что такого пролета я даже не помню. Въ два ружья убили мы до полутора ста штукъ и это въ какихъ-нибудь два, три дня. Затѣмъ начинается охота по бекасамъ, дупелямъ, уткамъ и куропаткамъ. Утокъ на тарханскихъ болотахъ до того много, что, кажется, со всего свѣта собрались онѣ сюда, на эти болота, не найдя себѣ нигдѣ ничего лучшаго. Колотятъ этихъ утокъ сотнями и, несмотря на все это, онѣ не уменьшаются, а напротивъ, съ каждымъ днемъ какъ-будто прибываютъ все болѣе и болѣе.

Точно такое же изобиліе утокъ встрѣтили мы съ дьякономъ и теперь. Охоту начали мы часовъ въ пять вечера, а часамъ къ семи ягдташи наши были до того переполнены дичью, что таскать ихъ на своихъ плечахъ становилось весьма не легко. Внору было половину повыкидать, лишь бы только облегчить тяжесть ноши, и, будь я одинъ, я, по всей вѣроятности, и сдѣлалъ бы это, но дьяконъ былъ у меня какъ бѣльмо на глазу. Онъ съ такимъ усердіемъ таскалъ свой ягдташъ, съ такимъ наслажденіемъ похлопывалъ по немъ рукой и съ такой любовью поглядывалъ на мой, что мысль объ облегченіи ноши становилась невозможною. А между тѣмъ жаръ, несмотря на то, что день клонился уже къ вечеру, былъ нестершимый. Солнце такъ и па-

лило и ко всему этому ни малѣйшаго вѣтра. Словно все кругомъ замерло и изжарилось. Я насилу передвигалъ ноги, потъ ручьями катился съ лица моего, во рту пересохло и только мысль поскорѣе добраться до мельницы, напиться чаю и завалиться спать. поддерживала мои силы.

Такъ переходили мы отъ одного болота къ другому, какъ вдругъ неподалеку за кустами раздался выстрѣлъ и въ ту же секунду мимо насъ заковылялъ на трехъ ногахъ заяцъ.

— Держите его подлеца, держите! послышался за кустами чей-то голосъ.

Я схватилъ ружье, выстрѣлилъ и заяцъ покотился кубаремъ, убитый на повалъ.

— Съ полемъ! съ полемъ! кричалъ тотъ же голосъ и изъ-за кустовъ вышелъ довольно плотный мужчина лѣтъ пятидесяти, въ парусинномъ пальто и такихъ же панталонахъ, заправленныхъ за рыжія голенища смазныхъ сапогъ. На немъ была потертая пуховая шляпа въ родѣ гриба, черезъ плечо перевѣшивался пустой яхдташъ, а въ рукахъ двуствольное ружье весьма сомнительнаго качества.

— Ба! Иванъ Федорычъ! прокричалъ онъ, увидавъ дьякона. — Кумъ любезный! Вотъ не ожидалъ-то! Какими судьбами!

И онъ протянулъ дьякону руку.

— Извѣстно какими! отвѣчалъ дьяконъ. — Самому стрѣлять нельзя, такъ хожу смотрѣть, какъ другіе стрѣляютъ.

Кумъ оглядѣлъ меня, какъ-то помигалъ глазами, зачѣмъ-то прикашлянулъ и, понизивъ голосъ, спросилъ, кивнувъ головой по направленію ко мнѣ:

— Съ ними охотишься?

— Да, съ ними.

— Они кто такіе будутъ?

Дьяконъ назвалъ меня.

— Познакомиться можно?

— Почему же нельзя?

— Такъ познакомъ...

Мы познакомились и, пожавъ другъ другу руки (причемъ кумъ пробормоталъ: «весьма пріятно»), усѣлись на траву.

III.

Оказалось, что это былъ купецъ Василій Игнатичъ Орѣшкинъ. На купца, по крайней мѣрѣ, наружностію, онъ нисколько не походилъ, а скорѣе смахивалъ на управляющаго средней руки изъ обрусѣвшихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Круглое, какъ арбузъ, лицо

его было тщательно выбрито; подстриженные усы какой-то особенно прямой линіей желтѣли подъ широкимъ носомъ; голубые узенькіе глазки поминутно мигали и бѣгали въ разныя стороны. Онъ безпрестанно то фыркалъ носомъ, то отплеывался и поминутно прикашливался и чмокалъ губами. Галстука на немъ не было; даже воротъ сорочки былъ разстегнутъ, и потому жирный двухъ-этажный подбородокъ былъ весь на виду. Съ лѣвой стороны, изъ подъ шляпы, висѣла длинная прядь жиденькихъ волосъ, какъ видно, нарочно прибереженная для прикрытія лысины. Такъ оно и вышло, ибо какъ только Орѣшкѣнъ снялъ шляпу, такъ въ ту же минуту досталъ изъ кармана гребешечекъ, и, подобравъ прядь, уложилъ ее поперегъ лысины; онъ изъ пряди этой вывелъ даже какой-то височекъ.

— Очень пріятно-съ, говорилъ онъ.—Очень пріятно-съ...

— Пріятно-то, пріятно, подхватилъ дьяконъ: — только ужъ никакъ не тебѣ, потому что ты, кумъ любезный, какъ видно, охотился не такъ удачно, какъ мы...

— А что?

— А то, что наши яхдташи биткомъ набиты, а въ твоемъ нѣтъ ни болячки! Чтѣ, видно, глазами слабъ сталъ?

— Есть тотъ грѣхъ. Зрѣніе, точно, притушается... Но вѣдь я, собственно говоря, и не охотился. Я ходилъ въ Тарханы къ аптекарю, относилъ ему «Тайны мадридскаго двора», а на обратномъ пути завернулъ въ лѣсъ. Лѣсомъ-то мнѣ вѣдь ближе до хутора.

И вслѣдъ за тѣмъ, обратясь ко мнѣ, онъ спросилъ:

— Вы изволили читать этотъ романъ?

— Тайны мадридскаго двора?

— Точно такъ-съ.

— Читалъ.

— Чтѣ за увлекательное произведеніе, не правда ли? Этотъ вампиръ, напримѣръ—какая низкая и подлая душа! Какъ великолѣпно описана эта придворная охота, когда королева падаетъ въ обморокъ и когда генералъ Примъ подаетъ ей первое медицинское пособіе! Страсти-то какія! Когда читаешь, такъ чувствуешь даже, какъ кровь приливаетъ къ головѣ и какъ сердце начинаетъ бить тревогу. Того же самаго автора я читалъ «Евгенію». Хорошо написано, но до «Изабеллы» далеко. Слабѣе, много слабѣе... есть сценки, а все не то! Читалъ я и «Донъ-Карлоса», а вотъ теперъ аптекарь сказывалъ, что еще новый романъ того же автора вышелъ, «Тайны Серала», кажется... Должно полагать этотъ еще интереснѣе будетъ...

— А вы, однако, охотникъ до романовъ!

— Большой-съ, большой охотникъ. Я ихъ столько перечиталъ, что теперь въ головѣ у меня точно каша. Обыденная жизнь меня не интересуесть; мнѣ даже скучно глядѣть на эти мелочи. Чортъ знаетъ что такое! И чѣмъ больше я читаю, тѣмъ болѣе жажду страшнаго... Обыкновеннымъ романомъ теперь ужь меня не проймешь. Нѣтъ-съ, не проймешь! Вотъ еще господинъ Дюма мнѣ очень нравится; сына я не одобряю, а отца читаю съ увлеченіемъ. «Монтекристо», напримѣръ, «Три мушкетера», «Маркиза д'Эскоманъ», «Виконтъ де Бражелонъ»... А дю-Террайль-то! Экъ, дьяволь, пишетъ! Вѣдь наградить же Богъ такимъ талантомъ! «Черная волчица», «Местъ Амори», «Заклятая гостинница»...

Дьяконъ вдругъ захохоталъ.

— Ты это что хохочешь-то? спросилъ Орѣшникъ.

— Степана Иваныча Брюханова вспомнилъ! отвѣтилъ дьяконъ, продолжая хохотать. — Ужь очень хорошо представляетъ онъ, какъ ходишь ты по комнатѣ съ романомъ въ рукѣ, какъ въ это время подходить къ тебѣ прикащикъ за распоряженіемъ и какъ ты начинаешь кричать на него:—вонъ, подлець! вонъ, не мѣшай!

И дьяконъ захохоталъ еще пуще.

— Слушай, кумъ! почти вскрикнулъ Орѣшникъ, потрясая въ воздухѣ кулакомъ.—Ты можешь потѣшаться надо мной сколько тебѣ угодно, но поминать Брюханова, этого «вампира» въ своемъ родѣ—не дерзай. Кровь стынетъ въ жилахъ моихъ при одномъ воспоминаніи объ немъ! Я нищъ и убогъ. А по чьей милости, какъ не по милости этого «вампира»! Но, прибавилъ онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь:—когда-нибудь восторжествую и я!

И, перемѣнивъ тонъ, онъ быстро замигалъ, поплевалъ, почмокалъ губами и проговорилъ:

— Я съ нимъ судиться хочу.

— Съ Брюхановымъ?

— Да.

— Напрасно.

— Почему?

— А потому что есть пословица: «съ сильнымъ не борись»...

— А съ «богатымъ не судись»? перебилъ его Орѣшникъ. — Знаю я, да не то, братецъ, нынче время. Я уже объяснилъ свое дѣло адвокату и не дальше, какъ вчера, получилъ отъ него письмо.

И вынувъ изъ кармана панталонъ письмо, онъ хлопнулъ по немъ рукой и, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— Дозволите прочесть?

— Сдѣлайте одолженіе.

Орѣшникъ отгашлялся и, отнеся подальше отъ глазъ письмо,

*

прочель: «Милостивый государь Василій Игнатьичъ! Записку вашу я разсмотрѣлъ и думаю, что если повести дѣло уголовнымъ порядкомъ (гражданскимъ, сохрани Богъ), то съ Божію помощію и опираясь на законы, отчаяваться въ выигрышѣ дѣла нетолько преждевременно, но даже неосновательно. Напротивъ, скорѣе возможно выиграть, нежели проиграть. Поэтому, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы пріѣхали въ городъ для окончательныхъ со мною переговоровъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Вести дѣло на свой счетъ я согласенъ. Вашъ покорный слуга присяжный повѣренный такой-то».

Прочтя это письмо, Орѣшкинъ вопросительно посмотрѣлъ сначала на дьякона, а потомъ на меня.

— Въ чемъ же ваше дѣло? спросилъ я.

— Вы развѣ не изволили слышать?

— Не слыхалъ.

— Вотъ это отлично! Весь околodoкъ знаетъ, а вы нѣтъ.

— Я живу здѣсь временно...

— Да чего тутъ знать-то! перебилъ дьяконъ. — Брюхановъ обобралъ моего кума — вотъ и все! Покажѣсть кумъ занимался чтеніемъ Монтекристовъ, да Мушкатеровъ, Брюхановъ отобралъ у него мельницу и участокъ земли.

— Но дѣло-то въ томъ, какимъ именно образомъ все это совершилось! почти вскрикнулъ Орѣшкинъ: — вотъ что! Вамъ известна мельница, что возлѣ самаго села Тарханы?

— Да, я знаю ее.

— А участокъ земли, прежде принадлежавшій господину Кондыреву?

— Знаю и участокъ.

— Такъ вотъ-съ. И мельница и участокъ когда-то были мои. Мельницей владѣлъ я въ долѣ съ братомъ, а участкомъ одинъ.

— А у васъ и братъ есть?

— Былъ-съ, но померъ. Вотъ съ этимъ-то братомъ владѣлъ я мельницей; когда же братъ померъ, я домашнимъ образомъ раздѣлился съ наслѣдниками брата, т. е. съ его малолѣтними дѣтьми. Такъ какъ Брюхановъ намъ съ родни, а именно когда-то былъ женатъ на нашей родной сестрѣ, то старушка родительница наша пожелала, чтобы опекуномъ въ малолѣтнимъ былъ назначенъ онъ, Брюхановъ.—«Онъ, де, самъ крупчатникъ, стало дѣло это знаетъ до тонкости! а такъ какъ сиротамъ онъ не чужой, а родной дядя, то и будетъ радѣть объ нихъ!»

— Ха, ха, ха! захохоталъ дьяконъ.

— Ну, что ты хохочешь-то! обидѣлся Орѣшкинъ.

И, немного помигавъ и пожевавъ губами, онъ продолжалъ:

— Какъ только Брюхановъ сдѣлался омеуномъ, такъ въ ту же минуту прислалъ къ намъ на мельницу своего прикащика Самойлу Иваныча, такого-то бестію, что не приведи Господи! Онъ теперь у него всѣми дѣлами заправляетъ. Приславъ Самойла Иваныча, Брюхановъ объявилъ мнѣ, чтобы я въ мельничное хозяйство не вмѣшивался, слушался бы во всемъ одного его и что всѣ дѣла, какъ мои, такъ и сиротскія, онъ устроить въ лучшемъ видѣ. Я поклонился ему въ ножки, взялъ съ собою старушку родительницу и переселился на хуторъ, доходъ же съ мельницы, который приходился на мою долю, долженъ былъ поступать въ уплату по закладной...

— Стало быть, мельница ваша была заложена? спросилъ я.

— Точно такъ-съ, была заложена на восемь лѣтъ купцу Хряпову. Но долгъ этотъ нисколько насъ не тревожилъ; Хряповъ намъ тоже съ родни приходился, свой человекъ былъ, мягкій и склонный къ подвигамъ добродѣтели. Сверхъ того, вѣрующій въ Господа и робкій относительно гнѣва Божьяго...

— Христіанинъ настоящій, значить! перебилъ его дьяконъ, и закурилъ папиросу.

— Такъ точно-съ, подхватилъ Орѣшкинъ.— Въ романахъ только встрѣчаются такія личности, а въ жизни весьма рѣдко. Позволь-ка закурить!

И, закуривъ папиросу, Орѣшкинъ пыхнулъ мнѣ въ лицо дымомъ, снялъ шляпу, поправилъ снова свалившуюся прядь волосъ и, помигавъ глазами, продолжалъ:

— Итакъ, долгъ этотъ насъ не тревожилъ, ибо уплата его, согласно закладной, должна была совершиться слѣдующимъ образомъ. Мы обязаны были перемалывать Хряпову ежегодно по восьми тысячъ четвертей пшеницы и деньги, которыя слѣдовали намъ за помолъ, должны были поступать въ уплату по закладной. Если же, почему либо долгъ этотъ означеннымъ способомъ въ теченіи восьми лѣтъ не погасится, то продолжать помолъ впредь до уплаты долга. Хряповскую пшеницу мы работали на маломъ амбарѣ, а такъ какъ у насъ былъ еще большой амбаръ, на которомъ перемалывалось до двѣнадцати тысячъ четвертей, да еще третій амбаръ раструсный, слѣдовательно, мы могли располагать своими дѣлами совершенно свободно. Но смерть брата, послѣдовавшая на третій годъ послѣ совершенія закладной, совершенно повернула дѣло...

— Вверхъ брюхомъ? замѣтилъ дьяконъ.

— Именно, что вверхъ брюхомъ.

И Орѣшкинъ сдѣлалъ руками жестъ, объяснявшій, какъ именно дѣло перевернулось. Продѣлавъ штуку эту, онъ снова началъ:

— Надо вамъ сказать, что Брюхановъ давно ужъ точилъ зубы на нашу мельницу, онъ даже когда-то предлагалъ намъ за нее семьдесятъ пять тысячъ, но такъ какъ продавать мельницу намъ не было надобности, то онъ и порѣшилъ теперь воспользоваться случаемъ и на этотъ разъ приобрести ее уже не за семьдесятъ пять тысячъ, а за сорокъ, т. е. за ту именно сумму, за которую она была заложена Хряпову. Съ этой цѣлю, принявъ опеку, онъ тутъ же заварилъ съ Хряповымъ такія непріятности и дразги, что вынудилъ его подать закладную ко взысканію. Согласитесь сами, кому же охота за свои деньги чуть не каждый день вести войну съ опекуномъ. Понятное дѣло, всякое терпѣніе лопнетъ. Этого только Брюхановъ и добивался и какъ только провѣдалъ, что закладная подана ко взысканію, такъ онъ въ ту же минуту маршъ въ городъ къ Хряпову. Надо вамъ сказать, что Хряповъ постоянно жилъ въ городѣ, мельничныхъ дѣлъ не понималъ и въ деревняхъ отродясь не жилъ. — «Вы закладную-то, слышь, ко взысканію подали?» спрашиваетъ его Брюхановъ. — «Да, говоритъ, подаль». — «Вы чего же именно желаете? спрашиваетъ опять Брюхановъ. — Мельницу ли за собой оставить, или же только свои деньги выручить?» — «Извѣстно, мнѣ деньги нужны, говоритъ Хряповъ. — На кой мнѣ мельница! я съ мельницей и справится-то не съумѣю!» — «И очень хорошо придумали, говоритъ Брюхановъ. — А потому позвольте предложить слѣдующую комбинацію: мнѣ, какъ опекуну, мельницу купить нельзя, но вы оставьте ее за собой, а затѣмъ я вручу вамъ деньги, а мельницу вы продадите мнѣ отъ себя ужъ». Ударили по рукамъ и разстались. На торги Брюхановъ прислалъ своего сына. Тотъ для виду накинулъ сотню, другую и шабашъ, мельница и осталась, конечно, за Хряповымъ. Брюхановъ радъ-радѣшенекъ! Кладетъ въ карманъ деньги и маршъ къ Хряпову. Но тутъ произошло нѣчто такое, чего Брюхановъ даже и не ожидалъ...

— Воръ у вора дубинку укралъ! вскрикнулъ дьяконъ, да такъ громко, что Орѣшкинъ даже вздрогнулъ.

— Эго у тебя глотка-то какая! проговорилъ онъ. — Перепугалъ даже.

Дьяконъ захохоталъ во все горло. Онъ радъ былъ похвастаться голосомъ.

— Что же случилось-то? спросилъ я, заинтересованный разговоромъ.

— А то, что Хряповъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, мельницу оставилъ за собой. Неудача эта разозлила Брюханова. Онъ всячески принялся ругать Хряпова; называлъ его разбойникомъ, ограбившимъ сиротъ малолѣтнихъ, и поклялся отомстить за нихъ.

Долго не показывался намъ Брюхановъ; мы всё, конечно, ходимъ, какъ убитые, вдова плачетъ, жена плачетъ, старушка родительница тоже... Только однажды, смотримъ ѣдетъ къ намъ Брюхановъ. Приѣхаль, прикинулся такимъ добрымъ, ласковымъ и говорить мнѣ:—«Ну, братъ, мельницы мы лишились. Я было хотѣлъ ее перекупить у Хряпона, чтобы послѣ опять вамъ передать, но разбойникъ надулъ. Я виноватъ тѣмъ, что повѣрилъ честному слову его, и за это за самое долженъ вину свою исправить. Надо, братецъ, сиротъ пожалѣть, вѣдь они съ голоду помрутъ. Все это время я ночи не спалъ, объ васъ думалъ. Ты вотъ что сдѣлай. Ты имъ дядя родной; человѣкъ ты добрый... Ты уступи имъ изъ своего участка 200 десятинъ, а за это я такъ устрою твои собственныя дѣла, что у тебя никакихъ долговъ не будетъ!»—«Какъ же это такъ? спрашиваю его.—«Очень, говоритъ, просто. Ты, говоритъ, надавай мнѣ побольше векселей безденежныхъ, я тихохонько представлю ихъ ко взыскаю, получу исполнительные листы, а ты тѣмъ временемъ въ поземельный банкъ процентовъ-то не плати и доведи имѣніе свое до аукціонной продажи. Когда торги будутъ назначены, я отправлюсь въ Питеръ и имѣніе твое куплю. Если что-нибудь переплачу, то я повладѣю твоимъ участкомъ, выберу свои деньги, а потомъ по купчей крѣпости двѣсти десятинъ передамъ сиротамъ, а остальную тысячу десятинъ твоей женѣ. Вотъ кредиторы твои и останутся ни при чемъ, а у твоей жены-то, да у сиротъ-то будутъ чистенькіе участочки безъ долговъ, безъ хлопотъ, и заживете вы припѣваючи, да меня всю жизнь добромъ поминаючи! Подумай, говоритъ, вѣдь у тебя десять человѣкъ дѣтей! Коли ты этого не сдѣлаешь, то вѣдь кредиторы не нынче, такъ завтра оберутъ тебя, и тебѣ съ малыми дѣтьми жрать нечего будетъ! Вѣдь мельницы-то у тебя нѣтъ теперь, денегъ-то ждаты не откуда!..» Выслушалъ я эти его рѣчи, раскинулъ умишкомъ и сообразилъ, что дѣйствительно комбинація, заслуживающая уваженія. Только опасался я, какъ бы этотъ самый благодѣтель не понагрѣлъ меня: стелеть-то онъ мягко, только спать-то не жестко-ли будетъ! Усумнился, значить. Брюхановъ смѣтилъ это. Пошелъ къ старухѣ, родительницѣ, пошелъ къ моей женѣ, къ братниной вдовѣ, развелъ передъ ними всю эту антимонію, да и напустилъ ихъ всёхъ на меня. Бабы въ голосъ завыли! «Да что же это ты дѣлаешь! Да что же ты, по міру насъ что ли съ малыми сиротами пустить хочешь! Сердца что ли въ тебѣ нѣтъ! али ты извелъ его на свои дурацкіе романы! Положись во всемъ на благодѣтеля. Что онъ, худа что ли желаетъ намъ! Чай, не чужой человѣкъ! Въ твоей землѣ что ли нуждается онъ! По-

дикась невидаль какая! У него и своей-то царство цѣлое, а денегъ-то куры не клевали, а ты сомнѣваешься, дуралей лысый! Брюхановъ тутъ же по комнатѣ ходить, закинулъ руки за спину и на меня съ презрѣніемъ смотритъ: «свинья, дескать, больше ничего!» Я сдался. «Ну, ладно, говорю. — Векселя я тебѣ выдамъ на какую угодно сумму, только съ тѣмъ, чтобы и ты мнѣ кошъ росписочку какую-нибудь далъ, для памяти!» Но Брюхановъ даже и кончить не далъ. — «А! такъ ты вотъ какъ! закричалъ онъ, и словно ракъ красный сталъ. Ты вотъ какъ! Ну, такъ чортъ съ тобой, плевать я на тебя хотѣлъ. Не вѣришь и не надоть!» Взялъ шапку, сѣлъ въ тарантасъ и былъ таковъ. Цѣлую недѣлю бабы не давали мнѣ покою; мало того, дѣтей всѣхъ настрочили. Только, бывало, встанешь, романчикъ какой-нибудь возьмешь, уединишься куда-нибудь, а они всѣ гурьбой окружать и завопятъ: — «Поѣзжай, повинись передъ благодѣтелемъ, повинись, не дай намъ съ голоду помереть!» Да такъ-то весь Божій день! Ночи, бывало, ждешь не дождешься, отдохнуть думаешь, а ночью жена цилить начнетъ. Задумаешь, грѣшнымъ дѣломъ, поласкаться къ ней, а она тебя ногой лягнетъ: «Нечего, говорить, приставать, коли не любишь!» Что тутъ будешь дѣлать! Пришлось идти съ повинной... и пошелъ! Прихожу на мельницу, а онъ тамъ въ домикѣ гуляетъ во всю руку. Бабы, дѣвки вокругъ него. Все это пьяно, кричить, въ ладоши хлопаетъ. Бабы плянугъ, дѣвки у него на колѣняхъ сидятъ. Самойло Иванычъ на гармоникѣ валяется. Увидалъ меня Брюхановъ и закричалъ во все горло:—«А! это ты, лысая собака! Чтѣ, ахъ съ повинной?»—«Съ повинной», говорю.—«Нѣтъ, говорить, врешь подлець, теперь ужъ я не хочу. Тогда ты не хотѣлъ, а теперь—я!» Что-жъ, вы думаете, дня три я прогулялъ съ нимъ, спился до того, что разумъ потерялъ, про законъ забылъ, съ дѣвкой связался... Чуть не подохъ отъ пьянства! Холодной водой ужъ отливали! И только, когда всѣ разѣхались, онъ позвалъ меня къ себѣ въ комнату, приказалъ три раза въ ноги поклониться, отправилъ Самойлу Иваныча въ городъ за вексельной бумагой, и когда бумага была привезена, взялъ съ меня векселей на сто тысячъ. Тутъ и Самойло Иванычъ былъ...

— А росписку взяли? неволью спросилъ я.

Но Орѣшкинъ только рукой махнулъ.

— Какая тамъ росписка! Сказано, что съ повинной пришелъ!

И, немного помолчавъ, онъ снова заговорилъ:

— Брюхановъ представилъ векселя ко взысканію, получилъ исполнительные листы, а тѣмъ временемъ мое имѣніе, за неплатежъ процентовъ, было назначено къ аукціонной продажѣ. Все

это творили мы тихонько, смиренхонько, чтобы, значить, кредиторы какъ-нибудь не пронюхали, а когда срокъ торговъ пристиѣлъ, Брюхановъ полетѣлъ въ Питеръ. Имѣніе мое купилъ онъ съ переводомъ долга, деньгами же доплатилъ тридцать восемь тысячъ. Деньги эти были отосланы въ окружной судъ и выданы Брюханову въ уплату по исполнительнымъ листамъ. Брюханова ввели во владѣніе, да до сихъ поръ имѣніемъ этимъ онъ и владѣеть. Когда померла наша родительница, я началъ приставать къ нему настойчиво и сталъ требовать исполненія обѣщаннаго, но Брюхановъ все водилъ меня, нынче, да завтра, а потомъ вдругъ объявилъ однажды, что ежели я не дамъ ему десяти тысячъ отсталого, то имѣнія онъ мнѣ не возвратитъ. Я бросился къ роднымъ, родные обѣщали дать, но Брюхановъ, прослышавъ про это, загнулъ уже сорокъ тысячъ. «Не хочу!» заревѣлъ я.— «А коли не хочешь, говоритъ, такъ иди просить на меня; только врядъ ли найдется такой судъ на землѣ, который повѣрилъ бы тебѣ на слово!»

Орѣшкинъ замолчалъ, снялъ шляпу, перекинулъ черезъ лысину свалившуюся прядь волосъ, посмотрѣлъ на меня прищуренными глазками, помигалъ, посмаковалъ губами и вдругъ спросилъ:

— Какъ на вашъ вкусъ?

Но, не дождавшись отвѣта, снова заговорилъ:

— Я даже по этому поводу стихи сочинилъ.

— Какіе?

— Коротенькіе, но забористые. Слушайте:

Есть у насъ баша-бузукъ,
И зачастую на Русь
Творятъ они такіа штуки,
Что просто Боже упаси!..

— Ловко?

— Еще бы!

Орѣшкинъ улыбнулся самой довольной улыбкой.

— Я даже, началъ онъ, немного погодя:—цѣлую повѣсть написалъ объ этомъ, носилъ ее въ мѣстную газету...

— И что же?

— Развѣ наши газетчики понимаютъ что-нибудь!

И, переиначивъ тонъ, добавилъ:

— Нашли, будто бы нелитературно написано. Вздоръ, написано хорошо, бойко, отчетливо. Ну, да ничего, пускай ихъ, а я все-таки рукопись-то передалъ одному человѣчку.

— Кому это? спросилъ я.

— Я право не спросилъ, кто онъ такой... Онъ ко мнѣ на хуторъ заходилъ, разспрашивалъ меня про хозяйство.

— Не съ длинными ли волосами онъ? спросилъ я, догадываясь, что дѣло идетъ о моемъ пріятелѣ.

— Съ длинными, съ длинными. Такой ласковый, разговорчивый. Онъ у меня рукопись взялъ и хотѣлъ прочесть. Надо полагать, что писатель какой-нибудь заѣзжій...

Но тутъ рѣчь Орѣшкина была вдругъ прервана какимъ-то неистовымъ храпомъ. Я оглянулся по направленію этого храпа и увидалъ дьякона. Закинувъ обѣ руки подъ голову и, вытянувшись во весь ростъ, съ раскинутыми врозь ногами, лежалъ онъ на спинѣ и спалъ самымъ богатырскимъ сномъ. Онъ и похожъ былъ на богатыря съ своими львиными волосами и могучей грудью. Полуоткрытый ротъ его былъ облѣпленъ мухами, закрытые глаза тоже, между тѣмъ, какъ носдри, то сжимаясь, то раздуваясь, издавали храпъ, походившій на трубные звуки. Орѣшкинъ укоризненно посмотрѣлъ на дьякона и, покачавъ головой, проговорилъ:

— А еще кумъ!..

Но вслѣдъ же за тѣмъ онъ вдругъ засуетился, схватилъ зайца, подвязалъ его къ ягдташу и, вскочивъ на ноги, торопливо проговорилъ:

— Однако, я съ вами заболтался; солнышко сѣло, а къ утру мнѣ надо быть на желѣзной дорогѣ. Очень радъ, что имѣлъ случай познакомиться. Когда-нибудь ко мнѣ прошу покорно. Я живу въ бѣдности, въ нищетѣ, но и въ хижинѣ нищаго можно встрѣтить радушіе. До свиданья!

И, пожавъ мнѣ руку, онъ скрылся за кустами; но скорѣ снова вернулся.

— Вы на мельницу? спросилъ онъ.

— Да, на мельницу. Хотимъ тамъ переночевать...

— Если увидите Брюханова, скажите ему отъ меня... Или нѣтъ, не говорите ничего. Я самъ поговорю съ нимъ... самъ! И посмотримъ, что-то онъ мнѣ отвѣтитъ

И, кивнувъ мнѣ головой, онъ повернулся и быстрыми шагами пошелъ по лѣсной тропинкѣ.

IV.

Я разбудилъ дьякона и мы отправились на мельницу. Дневной жаръ смѣнился вечерней прохладой. Воздухъ наполнился запахомъ лѣса и легко дышалось этимъ благодатнымъ воздухомъ. Дорога шла по мѣстности, изрытой разливами весенней воды. Кое-гдѣ черезъ образовавшіеся овраги были перекинуты мостики, а кое-гдѣ мостиковъ не было и черезъ топкое дно овра-

говъ приходилось перебираться по набросаннымъ тонкимъ жердямъ. Молодая, густая поросль, перевитая павиликой и роскошными лозами хмѣля, густой стѣной возвышалась по обѣимъ сторонамъ дороги, причудливо извивавшейся и разбѣгавшейся въ разные стороны. Но развѣтвленія эти были не что иное, какъ только объѣзды трудныхъ мѣстъ и, въ концѣ-концовъ, миновавъ трудныя мѣста, объѣзды опять выходили на главную дорогу. Сумерки сгущались. На темно-синемъ небѣ одна за другою загорались звѣздочки, а въ густой травѣ искрились свѣтящіеся жучки. Словно брилліанты горѣли они въ травѣ этой, испуская лучи фосфорическаго свѣта. Все было тихо и все, окутанное сумерками, словно предавалось отдыху. Только гдѣ-то страстный перепелъ настойчиво отдергивалъ свою короткую пѣсню и, замолкнувъ, ожидалъ отвѣта самки. Но самка не откликалась и раздосадованный сеицеъ снова принимался за свой крикъ. Слестолубцы эти, какъ сумасшедшіе, выбѣгали иногда на дорогу, останавливались, оглядывались во всѣ стороны и, не находя того, чего жаждали найти, снова убѣгали въ чащу кустарника.

Немного погодя, мы подходили уже къ мельницѣ. Тамъ во всѣхъ домикахъ горѣли уже огоньки и, отражаясь въ гладкомъ зеркалѣ рѣки, представляли волшебную картину. На заднемъ планѣ громоздились горы. Яснымъ контуромъ рисовались эти горы на прозрачномъ фонѣ неба, тогда какъ внизу, у подошвы горъ этихъ все было окутано мракомъ и только красный блескъ огней, словно шкалики иллюминаціи, обрисовывая квадраты оконъ, указывали, что во мракѣ скрываются жилые дома. Мы перешли плотину, миновали мельничные амбары и повернули по направленію къ извѣстному намъ домику. Но каково же было наше изумленіе, когда у крылечка домика мы увидели отложенный тарантасъ, тотъ самый, въ которомъ встрѣтили Степана Ивановича Брюханова. Тутъ же рядомъ стояла и моя тележка.

— Вѣдь это, кажется, тарантасъ-то Брюханова? спросилъ я.

— Его, отвѣтилъ дьяконъ.—Какъ же онъ попалъ сюда?

— Неужели онъ здѣсь!

Дѣйствительно, Степанъ Ивановичъ былъ здѣсь, потому что, какъ только подошли мы къ домику, такъ немедленно увидели сѣдую голову его, высунувшуюся въ растворенное окно.

— Кто это? крикнулъ онъ, сисясь разсмотрѣть насъ.

— Мы, отвѣчалъ дьяконъ.

— Да кто вы?

— Аль не узнали! прокричалъ дьяконъ, и на этотъ разъ такъ громко, что Степанъ Ивановичъ тотчасъ же узналъ насъ.

— А! закричалъ онъ. — Охотнички, гости дорогіе! Милости прошу!

— А вы здѣсь? спросилъ я.

— Здѣсь.

— Вы, кажется, прямо домой хотѣли проѣхать?

— Хотѣть-то хотѣлъ, а потомъ раздумалъ. Чего мнѣ домог торопиться! Чтò меня, жена молодая ждетъ, что ли! Цѣловать-то мнѣ некого. Успѣю и дома натосковаться. А тутъ еще Оскаръ Петровичъ присталъ. Надо, говорить, покупочку спрыснуть. Я и завернулъ сюда.

— Конечно, спрыснуть необходимо! раздался изъ комнаты чей-то звучный баритонъ.

— Это кто тамъ говорить? спросилъ дьяконъ, понизивъ голосъ.

— Оскаръ Петровичъ, управляющій баронскій, отвѣтилъ Степанъ Иванычъ, и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ шопотомъ: — за деньгами приѣхалъ, три тысячи я обѣщалъ ему. Изъ нѣмцевъ онъ, но человекъ хоррройшій. Однако, что же это мы въ окно-то разговариваемъ. Пожалуйте въ горницу, милости прошу. Эй ты, дьяконъ! ты чего тамъ на крылечкѣ усѣлся... прошу покорнѣйше!

— А старику-то въ голову попало ужъ! шепнулъ мнѣ дьяконъ.

— Чтò вы!

— Вѣрно.

Мы вошли въ комнату и, увидавъ Степана Иваныча, его разгорѣвшіеся глаза, его пылавшія румянцемъ щеки, его растрепанные сѣдые волосы и торчавшій вверху суворовскій хохоль, я убѣдился, что дѣйствительно старику уже «попало», и что мы какъ разъ угодили на гулянку. Желая какъ-нибудь отдѣлаться отъ этого удовольствія, я вринялся объяснять, что намѣреніе свое ночевать на мельницѣ я перемѣнилъ, что пришелъ только за лошадьми, что мнѣ необходимо быть дома, но всѣ мои доводы оказались напрасными. Степанъ Иванычъ прямо объявилъ, что домой онъ меня не отпуститъ, что кучеръ мой давнымъ-давно пьянъ и спитъ, какъ убитый, и затѣмъ, подведя меня къ сидѣвшему на диванѣ Оскару Петровичу, проговорилъ:

— Рекомендую, Оскаръ Петровичъ Блюмъ.

— Очень пріятно познакомиться! проговорилъ тотъ, вставая и подавая мнѣ руку.—Кажется, тоже сосѣди...

— Да, живемъ по сосѣдству.

— Очень пріятно! повторилъ онъ и снова пожалъ мнѣ руку, но на этотъ разъ такъ крѣпко, что у меня даже кости захрустѣли.

— А вотъ это, проговорилъ Брюхановъ, подводя къ Оскару Петровичу дьякона:—нашъ дьяконъ, краса нашей церкви.

— Знакомы ужъ! перебилъ его дьяконъ, махнувъ рукой.

— Да, мы знакомы! проговорилъ Оскаръ Петровичъ и за-смѣялся.

— Какъ такъ?

— Стригъ я ихъ раза два! вскрикнулъ дьяконъ и тоже захо-хоталъ.

— Ахъ да, вѣдь я и забылъ, что дьяконъ у насъ парикмахер-ствомъ занимается!

И затѣмъ, переѣмивъ тонъ, Степанъ Ивановичъ прибавилъ:

— Ну, господа, вы тутъ побесѣдуйте, а я пойду распорядиться по хозяйству...

И, проговоривъ это, онъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты.

Оскаръ Петровичъ Блюмъ былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, плотный, коренастый, съ краснымъ, дышащимъ здоровьемъ лицомъ и узенькими черными глазками. Несмотря на эту коренастость, сложенъ онъ былъ пропорціонально, имѣлъ высокую грудь и хорошую талию. Держалъ онъ себя какимъ-то козыремъ; точно собирался налетѣть и толкнуть вась грудью. Голову держалъ высоко, на носу носилъ золотое пенсъ-не и черезъ пенсъ-не смотрѣлъ съ какимъ-то особеннымъ гоноромъ. На немъ была изящно сидѣвшая визитка, темные панталоны и жилетъ одной матеріи съ визиткой. Снѣжной бѣлизны бѣлье, небрежно повязанный галстухъ и маленькія золотыя запонки, блестящія на груди сорочки, какъ-то особенно пріятно бросались въ глаза. Онъ носилъ небольшую бородку, небольшіе усики, изъ подъ которыхъ виднѣлись прелестные бѣлые зубы. Словомъ, Оскаръ Петровичъ, по крайней мѣрѣ, на мельницѣ Брюханова, казался чело-вѣкомъ не отъ «мира сего».

До сихъ поръ, я не былъ съ нимъ знакомъ, но слышалъ весьма многое. Онъ управлялъ имѣніемъ тысячъ въ двадцать десятинъ земли, при которомъ имѣлся винокуренный заводъ, конный заводъ и громадное овцеводство. Пріѣхалъ онъ въ имѣніе совершенно молодымъ чело-вѣкомъ, только-что соскочившимъ со школьной скамьи. Пріѣхавъ, сдѣлалъ сосѣдямъ визиты и тѣмъ, которыхъ не засталъ дома, оставилъ глянцевитыя визитныя карточки, на которыхъ значилось: «Оскаръ Петровичъ Блюмъ, ученый агрономъ». Затѣмъ, онъ больше ни къ кому съ визитомъ не ѣздилъ и, поселившись въ небольшомъ флигелькѣ, принялся за управленіе имѣніемъ. Посѣвы онъ дѣлалъ громадные; сотни плуговъ взрѣзали никогда еще не паханную ковыльную землю и по землѣ этой, по этимъ дѣвственнымъ пластамъ разбрасывалось просо. Съ утра до ночи находился Оскаръ Петровичъ полѣ въ при работахъ. Запрягутъ ему, бывало, какія-то старенькія бѣговныя дрожки, сунуть въ руки узелокъ съ провизіей, и Оскаръ Петро-

вичь, вскочивъ на дрожки, ѣхалъ въ поле. Рассказываютъ, что въ то время Оскаръ Петровичъ былъ не такимъ, какимъ онъ глядитъ въ настоящую минуту. Тогда, это былъ молодой человекъ худой, поджарый, съ матово-блѣднымъ лицомъ, живой, энергичный и до крайности дѣятельный. Онъ поспѣвалъ повсюду, все видѣлъ, все разумѣлъ и строго взыскивалъ за малѣйшее упущеніе. Проходить нѣсколько верстъ пѣшкомъ, пробить цѣлый день въ сѣдлѣ ему ничего не стоило; у него и ноги не уставали и полсница не болѣла.

Нечего говорить, что при такихъ громадныхъ посѣвахъ, какіе производилъ Блюмъ, въ имѣніе барона стекались тысячи рабочихъ людей и люди эти пахали, сѣяли, косили, жали и молотили. Какой именно доходъ давалъ управляющій своему доверителю, никому не было извѣстно, но, по словамъ Блюма, доходъ былъ громадный. Чуть не горы золота посылалъ онъ ему. Самъ баронъ никогда въ имѣніе не заглядывалъ и потому управляющій былъ полнымъ властелиномъ. Кромѣ экономической записки, Оскаръ Петровичъ въ громадномъ же количествѣ сдавалъ землю нуждавшимся въ ней крестьянамъ (вся окрестность была на маломъ надѣлѣ), но землю эту сдавалъ не за деньги, а подъ работы. Землю сдавалъ дорого, а трудъ цѣнилъ дешево. На все на это онъ совершалъ контракты, свидѣтельствовалъ ихъ въ волостныхъ правленіяхъ, обезпечивалъ неустойками и строго слѣдилъ за точнымъ выполненіемъ таковыхъ. На этотъ предметъ при конторѣ имѣлся даже особый адвокатъ изъ мѣстныхъ *брехуновъ*, на обязанности котораго лежало неисправныхъ привлекать къ суду и обдѣлывать по закону. Брехуна этого мужики видѣть не могли равнодушно; нѣсколько разъ колотили его, но брехунъ, получавшій отъ конторы, на всемъ готовомъ, пятьсотъ рублей въ годъ, и сверхъ того, будучи атлетическаго тѣлосложенія, на побои особаго вниманія не обращалъ, а ограничивался лишь привлеченіемъ къ суду виновныхъ въ «оскорбленіи дѣйствіемъ». Когда же виновныхъ постигала заслуженная кара, онъ мирился съ ними за ничтожное денежное вознагражденіе и прекращалъ преслѣдованіе.

При такомъ положеніи дѣла, окрестное населеніе стало видимо бѣднѣть. У кого прежде было тридцать, сорокъ овецъ, тотъ оставался теперь при трехъ, четырехъ. У кого было пять, шесть лошадей, у того оставалась одна. Кто прежде засѣвалъ по нѣсколькимъ десятинамъ пшеницы, тотъ или вовсе бросилъ сѣять таковую, или же засѣвалъ ея незначительное количество, ограничиваясь посѣвомъ ржи и овса. У котораго прежде была изба съ *тесовой крыш-кой*, у того, какъ говорить извѣстная пѣсня, *остался только*

ность съ шишкой. Аристократъ баронъ, жившій постоянно въ Москвѣ, конечно, обо всемъ этомъ ничего не вѣдалъ. Ему высылались доходы, ему высылались собственнаго завода кровные рысаки, и ватая на рыскахъ этикъ по катушкѣ бѣлокаменной, онъ былъ вполне счастливъ и щедро награждалъ труженника управляющаго.

Однако, какъ-то разъ пріѣхалъ баронъ въ имѣніе, но пробылъ не долго, всего два, три дня не болѣе. Годовые рабочіе, переедѣтые въ мужиковъ, встрѣтили барона съ хлѣбомъ и солью; приходскій попъ отслужилъ обѣдню и принесъ барону вынутую за его здоровье просвиру, причемъ кстатѣ выпросилъ дровецъ на зиму. Но настоящіе мужики, нѣсколько разъ собиравшіеся было «поговорить съ барономъ о своей большой нуждѣ», были каждый разъ прогоняемы предусмотрительнымъ управляющимъ.

Отдавъ визитъ попу, у котораго баронъ, желая блеснуть благоговѣніемъ, поцѣловалъ даже руку; осмотрѣвъ имѣніе, винокуренный и конный заводы, и сдѣлавъ лучшимъ жеребцамъ проѣздку; осмотрѣвъ овчарни, и убѣдившись, что въ имѣніи все обстоитъ благополучно, что народу живется хорошо, что народъ его благословляетъ, баронъ уѣхалъ. А когда на границѣ владѣній онъ вдругъ неожиданно-негаданно былъ встрѣченъ толпою переедѣтыхъ мужиками конюховъ, овчарей, столяровъ и кузнецовъ, и когда мужики эти остановили карету, выпрягли лошадей и на своихъ плечахъ вывели экипажъ въ гору, то баронъ даже прослезился. Онъ обнялъ и расцѣловалъ провожавшаго его Оскара Петровича, а «добрымъ русскимъ мужичкамъ» сказалъ русское «спасибо» и выкинулъ сотенный билетъ на водку. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ободренный поощрительнымъ посѣщеніемъ владѣльца, Оскаръ Петровичъ принялся за дѣло еще съ большимъ усердіемъ. У мировыхъ стали появляться жалобы на «смертные бой», наносимые Оскаромъ Петровичемъ разнымъ мужикамъ и бабамъ, приобщались къ жалобамъ этимъ выдранные волосы, «почтительнѣйше» объяснялось, что Оскаръ Петровичъ, отобравъ у просителей выданные имъ конторой ерлычки «и не учинивъ по онымъ надлежащаго, какъ совѣсть повелѣваетъ, законнаго разсчета», ерлычки тѣ собственноручно порвалъ, а просителей «съ азартомъ вытолкалъ вонъ въ шею». Полетѣли повѣстки и мировые судьи кряхтѣли, разбирая эти «непріятныя дѣла». На судъ являлся брехунъ, предъявлялъ довѣренность, живописно складывалъ руки, еще живописнѣе отставлялъ ногу и, выслушавъ обвиненіе, съ недоумѣніемъ пожималъ плечами и требовалъ доказательствъ. Мужики кричали, указывали на приобщенные къ прошенію во-

лосы и зубы, разввали рты, указывая на пустыя десна, предъявляли плѣши на головахъ и бородахъ и только возбуждали всеобщій смѣхъ. Судьи требовали свидѣтельскихъ подтвержденій, а когда обвинители говорили на это:—«Какихъ же мы можемъ выставить свидѣтелей, коли дѣло это было съ глазу на глазъ», то судьи превращали пренія и рѣшали: «за непредставленіемъ надлежащихъ доказательствъ, считать Оскара Блюма по суду оправданнымъ».

Несмотря однако на всѣ эти непріятности (онъ очень сердился за это на мужиковъ), тоненькій Оскаръ Петровичъ началъ замѣтно толстѣть. Онъ наѣлъ себѣ брюшко, сухія руки сдѣлались пухлыми, щеки раздулись, шея словно укоротилась, а матово-блѣдный цвѣтъ лица превратился въ багровый. Ходить пѣшкомъ онъ пересталъ совершенно, въ поля ѣздилъ рѣдко, а когда выѣзжалъ, то уже не на бѣговыхъ дрожжахъ, а въ фаэтонѣ на лежачихъ рессорахъ, причемъ отъ пыли накидывалъ на себя шелковое *тардесю*, голову накрывалъ соломенной шляпой съ большими полями, а на носъ накидывалъ золотое *пенсъ-не*. Старый, перекосившійся и словно вросшій въ землю флигель съ тесовой кровлей, покрытый мхами и лишаями, сдѣлался ему ненавистнымъ. нагонялъ на него тоску и порождалъ меланхолію. Онъ выстроилъ себѣ новый помѣстительный, съ крытымъ балкономъ; обмелбировалъ этотъ домъ, по стѣнамъ развѣсилъ гравюры, кабинетъ убралъ коврами, а передъ балкономъ развелъ роскошный цвѣтникъ, благоухавшій всевозможными ароматами. Постройка этого флигеля породила въ немъ страсть архитектора. Онъ принялся за постройки. Принялся заново перестраивать барскій домъ, конный заводъ, овчарни, скотные дворы, малотильные сараи, хлѣбные магазины, флигеля рабочихъ и въ имѣніе барона потянулись тысячи подводъ съ брусьями, тесомъ, известкой, алебастромъ. Нахлынули мастеровые: плотники, каменщики, кровельщики, столяры и работа закипѣла. Весело было смотрѣть на эту суету. Молчаливая, полуразрушившаяся, умирающая усадьба словно ожила. Она огласилась стукомъ топоровъ, туканьемъ кирокъ, лязгомъ стальныхъ пилъ, визжаніемъ рубанковъ, крикомъ рабочихъ, шумомъ построекъ. Веденіе отчетовъ по всѣмъ этимъ постройкамъ Оскаръ Петровичъ принялъ на себя. Онъ купилъ нѣсколько тяжелыхъ изящно переплетенныхъ конторскихъ книгъ, съ мѣдными угольниками и замшевыми корешками, и красивымъ почеркомъ вносилъ въ нихъ поступленіе матеріала и расходъ денегъ, причемъ каждую статью очищаль платежными квитанціями и росписками. Работа была нелегкая и, принимаясь за нее преимущественно по вечерамъ, онъ засиживался надъ нею не рѣдко

до глубокой ночи. Несмотря, однако, на трудность этихъ занятій, которыя даже и не входили въ кругъ его обязательныхъ работъ, онъ не ропталъ и не требовалъ себѣ ни прибавки жалованья, ни командированія архитектора.

Въ настоящее время, Оскаръ Петровичъ сдѣлался уже семьяниномъ. Онъ женился, взявъ за женой порядочное приданое и, купивъ себѣ участокъ земли, на землѣ этой, одновременно съ возводимыми въ имѣніи барона постройками, началъ устраивать и собственное гнѣздо. Какъ-то разъ, проѣзжая мимо этой вновь возведенной усадьбы, я невольно засмотрѣлся на нее. Кокетливо помѣщалась она возлѣ небольшой березовой рощицы и невольно привлекала на себя вниманіе щеголеватостію построекъ. Усадьба имѣла характеръ дачи; но тѣмъ не менѣе все было выстроено прочно, хозяйственно и повсюду была видна рука опытнаго строителя. Красивый домикъ съ небольшой башенкой и съ разными выступами и углубленіями, украшенный нѣсколькими балкончиками, вычурными рѣзными карнизами и коньками тонулъ въ опушкѣ рощицы, такъ-что вокругъ него здѣсь и тамъ разбрасывались старыя кудрявыя березы, накидывая на усадьбу мягкую зеленую тѣнь. Возлѣ балконовъ пестрѣли клумбы цвѣтовъ съ высокими сочными георгинами, ночной красавицей и душистыми левкоями и петуніей. Клумбы эти были красиво обложены дикими камнями; такими же камнями украшенъ былъ и бассейнъ небольшого фонтана. Здѣсь и тамъ, подѣ тѣнью березъ, стояли чугунные диванчики и столики. Какъ-то особенно уютно выглядѣла эта усадьба, благоухавшая запахомъ цвѣтовъ. Поодаль отъ усадьбы помѣщались службы, небольшой конный заводъ и низенькія каменные овчарни. Проѣзжая по владѣніямъ Оскара Петровича, я видѣлъ и овецъ его. Овцы эти раздѣлялись на нѣсколько гуртовъ. Тутъ были и шпенскія овцы, и рамбулье, (и негрети съ короткими ногами, съ глубокими складками на отвислыхъ зобахъ и шеѣ, съ мордами, заросшими шерстью. Впереди гуртовъ этихъ важно выступалъ возель и, позванивая висѣвшимъ на шеѣ колокольчикомъ, водилъ за собою гуртъ по роскошнымъ пастбищамъ. Дороги всѣ были окопаны канавами; поля убраны и воздѣланы словно огороды и разбитыя столбиками на клѣтки, точно шахматная доска, ясно показывали, что не мало труда и заботъ было положено на обработку этихъ полей. За то и хлѣбъ на поляхъ Оскара Петровича рѣзко отдѣлялся отъ сосѣднихъ хлѣбовъ. Рядомъ, у сосѣдей рожь была чуть не по колѣно, а здѣсь она была такъ густа и высока, что промчавшійся мимо меня наѣздникъ Оскара Петровича, наѣзжавшій кровнаго-вороного рысака, какъ только обогналъ меня, такъ тутъ же и скрылся за стѣной высокой

ржи и лишь верхушка дуги, летѣвшая надъ этимъ зеленымъ волнующимся моремъ, давала знать о быстротѣ коня.

V.

Оскаръ Петровичъ оказался прелюбезнымъ собесѣдникомъ, большимъ говоруномъ и остроумнымъ рассказчикомъ. Пока Степанъ Иванычъ отсутствовалъ, побѣжавъ «похлопотать по хозяйству», мы съ Оскаромъ Петровичемъ успѣли и ознакомиться и наговориться. Говоря о себѣ, онъ постоянно говорилъ *мы*, и *мы* это произносили съ такимъ удареніемъ, что невольно выставляли его какъ-то наружу. Это *мы* такъ и высказывало изъ его плавной, пѣвучей рѣчи. Оскаръ Петровичъ рассказалъ мнѣ, какъ онъ пріѣхалъ сюда въ эту мѣстность, какъ, будучи еще новичкомъ, незнакомымъ практически ни съ дѣломъ, ни съ людьми, онъ нѣсколько разъ оказывался жертвою обмановъ; рассказалъ, какъ однажды надуль его самъ Степанъ Иванычъ при пріемкѣ пшеницы, долго хохоталъ, рассказавъ этотъ случай, и кончилъ слѣдующей тирадой:

— Но теперь насъ не проведешь. Мы узнали людей и насъ люди узнали... Мы теперь разобрали всѣхъ этихъ Степанъ Иванычей, всѣхъ этихъ Самойлъ Иванычей, всѣхъ этихъ мѣстныхъ воротилъ и умѣемъ себя держать съ ними. Мы теперь зазнаваться имъ не позволяемъ, а зазнался... въ шею, и конецъ дѣлу...

И Оскаръ Петровичъ залился самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Неужто и Степана Иваныча въ шею? спросилъ дьяконъ, тоже хохотавшій.

— Мы его однажды въ шею вытолкали.

— И что же?

— Съѣлъ, ничего!

Оскаръ Петровичъ снова захохоталъ. Но, немного погодя, вздохнувъ, онъ прибавилъ:

— Но, сказать по правдѣ, намъ все это надоѣло. Работать на людей нѣтъ охоты. Мы устали и намъ пора отдохнуть.

— Вы хотите отказать отъ мѣста? спросилъ я.

— Думаемъ! словно оборвалъ Оскаръ Иванычъ.

— Почему же это?

— Потому что мы серьезно устали. Сверхъ этого, такъ какъ у жены моей есть небольшой клочокъ земли, то несравненно приличнѣе заняться своимъ малымъ, нежели большимъ чужимъ. Будетъ, поработали надъ чужимъ, пора и о себѣ подумать. Не такъ ли, отецъ дьяконъ?

— Sic! крикнулъ тотъ, и оба захохотали.

— О чемъ это смѣтаетесь? вдругъ спросилъ вошедшій въ комнату Степанъ Иванычъ.

— Да вотъ, рассказывалъ между прочимъ, какъ вы меня пше-
ницей надули! вдругъ ляпнулъ Оскаръ Петровичъ и опять за-
хохоталъ.

— Помню, помню! заговорилъ весело Степанъ Иванычъ.—Какъ
не помнить! Только вотъ что, любезный другъ, добавилъ онъ,
грозя пальцемъ—кто старое помянетъ, тому знаешь что?

— Глазъ выколотъ! Знаемъ, штука не новая!

— То-то вотъ и есть! подхватилъ Степанъ Иванычъ и потомъ
вдругъ, какъ будто озаренный какою-то счастливою мыслью, за-
говорилъ:

— Это что еще! Нешто такія штуки продѣлываютъ. Ты вотъ
поговори-ка съ моимъ Самойломъ Иванычемъ, такъ онъ тебѣ по-
расскажетъ, какъ дѣла-то обдѣлывать надо. Никогда не забуду.
Разъ принималъ онъ у мужичка пшеничку. Доставить пшеничку
на мельницу мужикъ не захотѣлъ, побоялся вишь, что надумутъ
его здѣсь: «принимай молъ у меня въ амбарѣ, изъ сусѣка!»
Ладно, въ амбарѣ, такъ въ амбарѣ. Пшеница была куплена на
пуды, чтобы, значить, обмѣра не было. Самойло Иванычъ отпра-
вился, пристроили вѣсы въ амбарѣ, мужикъ вывѣрилъ ихъ и по-
шла приемка. Принимаютъ и мужикъ дивится, что пшеница больно
легка у него; хлѣбъ какъ будто хорошій, тяжелый, а его въ ка-
душку-то сыплотъ, сыплотъ... Глазамъ невѣрить мужикъ! Надо
бы быть пудовъ полтора, а вышло всего сто двадцать. Такъ
за сто двадцать и расчетъ получилъ. Долго не говорилъ мнѣ
Самойло Ивановъ про эту штуку, да ужъ послѣ покаялся...

— Что-жъ онъ сдѣлалъ? спросилъ дьяконъ.

— Очень просто! Мигнулъ молодцу, тотъ залѣзъ подъ амбаръ
да снизу изъ подъ пола сквозь щелку, кадушку-то съ пше-
ничкой палочкой и подпиралъ. Штука-то пустая, а вышло ловко!

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ заговорилъ:

— Ну, гости дорогие! прошу не взыскать, коли угощеніе бу-
детъ не настоящее. Здѣсь я какъ на бивакахъ, настоящего хо-
зяйства нѣтъ. Съ голоду не уморю, да и досыта не накормлю...
ужъ извините! Здѣсь у меня и хаты, видите, какія, кошку за
хвостъ повернуть негдѣ. Вотъ еслибы ко мнѣ пожаловали на
мою усадьбу, тамъ было бы дѣло иное. Тамъ у меня и мебель
бархатная и зеркала...

— По моему, у васъ и здѣсь очень хорошо! проговорилъ я.

— Онъ безъ бархату не можетъ! замѣтилъ Оскаръ Петро-
вичъ.—Онъ вѣдъ тоже аристократомъ считается!

— За свои деньги всякій себѣ аристократъ! перебилъ его
Степанъ Иванычъ.—Впрочемъ, къ чему мнѣ здѣсь бархатная ме-

*

бель. Приѣзжаю я сюда на день, много на два, собственно по хозяйству...

Оскаръ Петровичъ даже захохоталъ.

— Чего хочешь-то! перебилъ его Степанъ Иванычъ, оскаливъ зубы.

— Знаемъ мы это хозяйство!

— Чего ты знаешь-то! ничего не знаешь!

— Доводилось какъ-то и мнѣ тутъ хозяйничать съ вами.

— Что-жъ такое! эка важность! Случилось какъ-то разъ покуралѣсить! Не вѣкъ же въ самомъ дѣлѣ работать. Надо когда-нибудь и суставчики порасправить, а здѣсь-то оно удобно, въ лѣсу никто не увидитъ!

— Только всѣ знаютъ! перебилъ его Оскаръ Петровичъ.

— А шутъ съ ними! Что я, на краденныя деньги гуляю что ли! Ужъ у меня натура такая! Работать я не лѣнивъ, хоть камни посылай ворочать, а ужъ коли подошла линия, такъ не мѣшай никто. Всего подавай, что хочешь бери, а чтобы было!..

И, пригнувшись къ уху Оскара Петровича, онъ что-то прошепталъ ему.

Оскаръ Иванычъ захохоталъ.

— Мы видѣли! проговорилъ онъ.

Степанъ Иванычъ опять пошепталъ.

— Знаемъ, не дурна! замѣтилъ Оскаръ Петровичъ.

— Гмъ! не дурна! вскрикнулъ Степанъ Иванычъ.—Красавица, а ты говоришь не дурна. Сегодня здѣсь будетъ!

И лицо Степана Иваныча перекоксилось отъ недоброй, нехорошей улыбки, точно у сатира на картинѣ Брюлова «Діана и Эндиміонъ».

Въ это время въ комнату вошелъ Самойло Иванычъ съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояли ставаны съ чаемъ и бутылка рому.

— А, Самойло Иванычъ! крикнулъ Брюхановъ, увидавъ своего любимаго приказчика.—Ну-ка, ну-ка, расскажи-ка, какъ ты у мужичка-то пшеничку принималъ.

Самойло Иванычъ даже глаза потупилъ.

— Будетъ вамъ, ваше степенство! проговорилъ онъ скромно.— Мало ли, что люди насмѣхъ болтаютъ!

Степанъ Иванычъ захохоталъ.

— Ахъ ты, смиренникъ, смиренникъ! воскликнулъ онъ.— На лицо-то посмотришь, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ дѣвушка красивая! Ну, да ладно, ладно! Богъ съ тобой, будь по твоему! Господа, пожалуйста-съ прибавилъ онъ, указывая рукой на ставаны.— Прошу повернѣйше съ ромкомъ. Ромокъ, рекомендую, вмѣстѣ со мной изъ Москвы пріѣхалъ.

И, наливъ намъ рому, при чемъ, конечно, не забывъ и себя, онъ вдругъ обратился къ Самойлу Иванычу.

— А что, *этотъ* сухой-то ромъ будетъ что ли?

Самойло Иванычъ только головой мотнулъ.

— Послалъ? спросилъ Брюхановъ.

— Послалъ-съ.

— Агафья пошла?

— Она-съ.

— Смотри, чтобы было.

— Будьте благонадежны-съ.

— Дьяконъ! крикнулъ вдругъ Степанъ Иванычъ.—Ты почему же рому-то себѣ не нальешь? Валяй! теперь все валяй! теперь я добрый, слова не скажу!

— Ну, ладно! пробасилъ дьяконъ, скромно сидѣвшій до сихъ поръ въ углу комнаты, и, отпивъ половину стакана, дополнилъ его ромомъ.

— Вотъ за это люблю! ай да дьяконъ! Валяй знай; рому у меня много!

Дьяконъ обрадовался и, подсѣвъ къ столу, принялся за чай, а Степанъ Иванычъ обратился къ Самойлу Иванову:

— Ты что же стоишь? ступай, мы тогда крикнемъ...

— Я хотѣлъ вамъ доложить, ваше степенство, проговорилъ Самойло Ивановъ, замигавъ глазами:—завтра отъ насъ въ городъ ѣдутъ, такъ не дозволите ли аршинчика три разноцвѣтнаго колѣнкорцу купить-съ?..

— Зачѣмъ это?

— Въ селѣ Инясевѣ кабачекъ снялъ-съ, такъ знамьеце кабацкое хочу устроить-съ...

— А! радостно вскрикнулъ Степанъ Иванычъ.—Снялъ-таки?

— Точно такъ-съ. И кабакъ и лавочку, что на площади стоитъ. Теперича не худо бы базарецъ развести-съ.

— Гдѣ?

— Да все тамъ же, въ Инясевѣ-съ. Вѣдь лавочку-то я съ площадкой снялъ на двѣнадцать лѣтъ: ужъ извините, что безъ вашего дозволенія. Съ инясевскими мужиченками ничего не подѣлаешь... совсѣмъ проклятые отъ рукъ отбились! Бабы даже—и тѣ знать насъ не хотятъ-съ. Ни за какую даже работу не берутся; работаютъ себѣ на желѣзной дорогѣ, да и на поди!—Намѣдни ленъ продолоть хотѣлъ, все село изъ двора въ дворъ прошелъ, хотъ бы одна шельма пошла. Говорить даже не хотятъ, такъ морды на сторону и воротятъ. Надо же ихъ сократить маленичко-съ. Я и хочу базарецъ развести, да гостинный дворикъ небольшой построить-съ! Торгово-промышленный элементъ—первое

дѣло-сь! Какъ только все это заведемъ-сь, такъ ужь мужикъ въ нашихъ рукахъ будетъ-сь. Въ тѣ поры и трактирчикъ съ ар-
фянками безпремѣнно пойдетъ въ ходъ-сь, и тогда ужь мое поч-
тенье-сь...

— Вѣрно! проговорилъ глубокомысленно Степанъ Иванычъ.

— Такъ дозвольте коленкорцу-то купить-сь?

— Валяй!

— Я хочу, ваше степенство, трехъ-цвѣтное знаменьеце сдѣ-
лать-сь: бѣлое, красное и зеленое, да на длинный шестигъ-сь и
привязать-сь. Мѣшать-то оно не будетъ никому-сь, а смотрѣть—
веселѣе-сь!

— Вѣрно.

— Такъ я прикажу-сь?

— Приказывай.

Разговоръ повидимому кончился, но Самойло Иванычъ все еще
не уходилъ и, переминаясь съ ноги на ногу, собирался какъ-
будто еще о чемъ-то доложить. Брюхановъ замѣтилъ это и спро-
силъ.

— Что, аль еще есть что-нибудь?

— Особеннаго-то покудова ничего нѣтъ-сь, а все-таки подо-
зрительно-сь...

— Что такое?

Самойло Иванычъ посмотрѣлъ на всѣхъ насъ какъ-то особенно
таинственно и, понизивъ голосъ, проговорилъ:

— Доподлинно вѣрнаго-сь я ничего доложить не могу-сь, а
только смутьянщикъ у насъ объявился...

— Какъ, гдѣ? воскликнулъ Степанъ Иванычъ.

— Да, почитай, изъ деревни въ деревню ходить-сь. Баринъ
не баринъ и на простого человѣка тоже не похожъ. Одѣтъ хо-
рошо по нѣмецкому-сь, въ шляпѣ, съ тросточкой и все съ му-
жиками ризговариваетъ. Намѣдни, когда я въ Иняевѣ насчетъ
этого самаго кабака сходку собиралъ-сь, такъ и онъ туда явился.
Узналъ въ чемъ дѣло и говоритъ-сь: «Напрасно, ребята, кабакъ
у себя допускаете; кабакъ — это мужицкая погибель, мужицкія
слезы!» Да спасибо мужики-то въ куражѣ были, не послушали.
Въ деревнѣ Григорьевѣ тоже съ мужиками не хорошо говорить;
разспрашивалъ, сколько у нихъ земли, сколько овецъ, коровъ,
лошадей; занимаются ли промысломъ какимъ и совѣтывалъ со-
ставлять артели. Точно также былъ и въ селѣ Ростохахъ и тоже
съ мужиками о мужицкихъ нуждахъ говорилъ...

— И ты говоришь, что ничего особеннаго нѣтъ! вскрикнулъ
Степанъ Иванычъ.—Ты чего же дожидаясь-то!

— Я, ничего-сь...

— Ты чего же не поймалъ его! Поймалъ бы, да къ становому и представилъ. И давно ходить?

— Давненько-съ. Недѣли двѣ будетъ, если не больше...

— Недѣли двѣ! подхватилъ Степанъ Иванычъ. — Шутка сказать! Да онъ въ двѣ-то недѣли всѣхъ насъ слопаеетъ и костей не оставитъ. Эхъ, Самойло Иванычъ, Самойло Иванычъ! шустрый ты малый, а на этотъ разъ сплеховалъ! За шиворотъ бы его, да къ становому.

— Это точно, виновать-съ, маленичко не спохватился...

— Ну, да ладно! Становой сейчасъ сюда прѣдетъ, я ему шепну. Я вѣдь тоже членъ духовно-просвѣтительнаго союза...

Но не успѣлъ Степанъ Иванычъ досказать начатой фразы, какъ дьяконъ, давно посматривавшій на меня, не вытерпѣлъ и разразился такимъ хохотомъ, что заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Степанъ Иванычъ даже на ноги вскочилъ.

— Это что такое! вскрикнулъ онъ.—Ужь не надо мной ли ты смѣешься!..

— Нѣтъ, нѣтъ! бормоталъ дьяконъ, все еще продолжая хохотать. — Нѣтъ, не надъ вами. А хотите, я вамъ отерю гдѣ этотъ самый смутьянщикъ проживаетъ?

— Гдѣ?

— Вотъ у нихъ! ерикнулъ дьяконъ и, указавъ на меня пальцемъ, снова разразился хохотомъ.

Всѣ обернулись ко мнѣ.

— Правда? спросили въ одинъ голосъ Брюхановъ и Оскаръ Петровичъ.

— Правда! отвѣчалъ я. — По разсказу Самойла Иваныча, я догадываюсь, что человекъ въ шляпѣ и съ тросточкой, встрѣченный имъ въ Иняевѣ, дѣйствительно мой пріятель.

— Позвольте, позвольте! перебилъ меня Оскаръ Петровичъ.— Такъ это и я слышалъ про этого господина. Дѣйствительно, теперь я припоминаю, мнѣ объ немъ говорили. Дѣйствительно, онъ ходитъ по деревнямъ, по трактирамъ, по хуторамъ и собираетъ какія-то свѣдѣнія. Я даже самъ видѣлъ его, только издали.

— Но кто же онъ таковъ? спросилъ Степанъ Иванычъ.

— Я тоже хотѣлъ васъ объ этомъ спросить, подхватилъ Оскаръ Петровичъ.

Я назвалъ его фамилію.

— Ахъ, позвольте! перебилъ меня Оскаръ Петровичъ.— Не его ли имя встрѣчается иногда въ журналахъ?

— Да, онъ пишетъ.

— Читалъ, читалъ! перебилъ меня Оскаръ Петровичъ.— Пишетъ не дурно, стиль хорошій, читается легко. Но, воля ваша

видно по всему, что быть народный знает поверхностно. Однако, дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ. Вы знаете, что вашъ пріятель очень заинтересовалъ нашего станового, господина Абрикосова?

— Чѣмъ же? спросилъ я.

— Своими бесѣдами съ крестьянами...

Степанъ Иванычъ сомнительно покачалъ головой, вздохнулъ и потомъ вдругъ, оборотясь къ Самойлу Иванычу, все еще почтительно стоявшему посреди комнаты съ подносомъ въ рукахъ, спросилъ:

— А что, на мельницѣ-то у насъ баринъ-то этотъ не былъ?

— Не бывали-съ.

— То-то! ты тогда доложи.

— Первымъ долгомъ-съ.

— А покажѣсть, давай-ка намъ чайку.

Собравъ стаканы, Самойло Иванычъ мелкой, но быстрой походкой вышелъ изъ комнаты.

— Бриллиантъ! проговорилъ Степанъ Иванычъ и, озаренный какою-то особенно восторженной улыбкой, кивнулъ головой по направленію къ двери, за которою скрылся Самойло Иванычъ.

Часамъ къ одиннадцати вечера все было уже готово. Подѣхалъ становой, г. Абрикосовъ, судебный приставъ, земскій фельдшеръ, учитель сельской школы и вся эта компанія, выпивъ съ чаемъ бутылки двѣ рому, а затѣмъ, нѣсколько графиновъ водки и нѣсколько бутылокъ разнаго вина и наливокъ, помѣщавшихся на столѣ, уставленномъ закусками отъ Генералова, а равно и домашняго приготовленія, была въ самомъ наилучшемъ расположеніи духа. Расходившійся Степанъ Иванычъ съ растрепанными сѣдыми волосами и съ суворовскимъ хохломъ, совершенно уже поднявшимся кверху, радовался, глядя на дорогихъ гостей, обнималъ ихъ, цѣловалъ, величалъ завадышными друзьями и обильно накатывалъ водкой и винами. Оскаръ Петровичъ, багровый, какъ ракъ, хохоталъ, глядя на Степана Иваныча, но отъ компаніи не отставалъ, пилъ все, кромѣ водки, и, выпивая, говорилъ: «Мы можемъ пить все, только не водку. Мы пьемъ много, но такъ какъ при этомъ мы всегда много ѣдимъ, мы и не бываемъ пьяны!» Дьяконъ, глаза котораго собирались выскочить вонъ, basilъ на всю комнату, что онъ ѣдетъ въ городъ и что стоитъ ему повѣнчать тамъ хоть одну свадьбу, такъ кушцы тотчасъ же оторвутъ его съ руками. Становой, г. Абрикосовъ, гремѣлъ шашкой, бряцалъ шпорами и пимурыгалъ шнурокъ, на которомъ висѣлъ револьверъ. Онъ себя держалъ сдержанно, посматривалъ на меня искоса и о пріятелѣ моемъ ничего не спрашивалъ, хотя

Степанъ Ивановичъ, представляя меня г. Абрикосову, и добавилъ, что я тотъ самый, у котораго гостилъ пріѣзжій баринъ. Г. Абрикосовъ поминутно выходилъ зачѣмъ-то въ сѣни, поминутно зачѣмъ-то спрашивалъ Самойла Ивановича, не пріѣзжалъ ли урядникъ, и когда Самойло Ивановичъ отвѣчалъ ему: «не видать чтой-то, ваше высокоблагородіе», съ недоумѣніемъ пожималъ плечами и еще судорожнѣе принимался шмурыгать шнурокъ револьвера. Фельдшеръ и учитель сельской школы сидѣли на полу, танулись на палкѣ и кончили дравой, которая, впрочемъ, тутъ же была прекращена. По комнатѣ разстиралось и колыхалось цѣлое облако дыма отъ выкуренныхъ папирось и сигаръ Крафта, не взирая на то, что всѣ окна были растворены, «Бриллиантъ» сбился съ ногъ. Онъ то и дѣло бѣгалъ изъ одной половины флигеля въ другую, не поспѣвая откупоривать бутылки и замѣнять исчезавшія закуски новыми. Откупоривать бутылки онъ всегда уходилъ въ уголъ, завинчивалъ штопоръ и, ущемивъ бутылку колѣнками, вытаскивалъ съ натугой пробку и, отеревъ ладонью горлышко, ставилъ бутылку на столъ. Приглашена была и музыка, какъ намъ уже извѣстно, состоявшая изъ скрипки и кларнета. Музыка была поставлена у входной двери, и какъ только раздались звуки экой музыки, такъ общество оживилось еще болѣе. Степанъ Ивановичъ дрябленькимъ старческимъ голосочкомъ затянулъ хоровую пѣсню, которую подхватила компанія и хоръ загремѣлъ.

Я воспользовался этимъ случаемъ и незамѣтно вышелъ изъ комнаты, но едва переступилъ черезъ порогъ, какъ увидалъ въ сѣняхъ цѣлую толпу бабъ и дѣвокъ. Всѣ онѣ были разряжены въ праздничные пестрые сарафаны, и, скучившись въ уголъ, хихикали, ахали и охали.

— Ну, идите же! командовалъ «бриллиантъ». — Чего жметесь-то, словно бараны какіе. Агафья! чего смотришь, тащи ихъ!

— Идите, красавицы, идите! раздался звонкій голосъ Агафьи.

— Ой, боязно! Родимые мои... Куда это мы зашли-то! раздалось въ толпѣ красавицъ.

— Боязно! передразнилъ ихъ «бриллиантъ». — Словно впервой!

— Идите, идите! кричала Агафья, отворяя дверь. — Идите смѣлѣе!..

Толпа скучилась возлѣ двери, пріостановилась, заколыхалась и, наконецъ, ввалилась въ комнату, и только одна, повидимому, дѣвушка, съ роскошной косой, матовымъ лицомъ и большущими черными глазами, осталась-было въ сѣняхъ, но подлетѣвшій «бриллиантъ» схватилъ ее въ охапку и втокнулъ въ комнату.

— Иди! проговорилъ онъ.

— А-а-а-а! раздался вслѣдъ затѣмъ радостный крикъ изъ комнаты и далеко-далеко разнесся по уснувшей окрестности.

Желая розыскать кучера, я прошелъ на половину Самойла Иваныча. Тамъ все было тихо. Стеариновая свѣча, горѣвшая на столѣ, тускло освѣщала комнату. На диванахъ и на полу спали дѣти «бриллианта» и тихое сопѣніе ихъ смѣшивалось съ однообразнымъ чиваньемъ стѣнныхъ часовъ. За перегородкой слышалось оханье. Я заглянулъ туда и увидалъ лежавшую на кровати жену «бриллианта». Словно мертвая лежала она, закутавшись одѣяломъ и оставя наружи только одно желтое, худое лицо съ острымъ, выдававшимся носомъ. Небольшая лампочка, стоявшая на столикѣ, освѣщала это лицо.

— Здравствуйте, Елена Ивановна! проговорилъ я тихо.

Она устала на меня свои ввалившіеся большіе глаза.

— Не узнаете?

— Какъ не узнать, узнала! проговорила она едва слышно.

— Чтò, хвораете?

— Нѣтъ, я ничего...

— Почему же стонете?..

— Мочи нѣтъ, разломило всеё...

— Давно?

— Давно ужъ... третій мѣсяць.—Такъ вотъ и валяюсь здѣсь.

— Съ постели-то встаете?..

— Встаю когда, да плохо... голова кружится.

— Что же вы за докторомъ не пошлете? Кромѣ того, и сейчасъ здѣсь фельдшеръ... хоть бы его позвали.

Елена Ивановна замотала головой.

— Былъ онъ здѣсь.

— Что же?

— Ну, его! пьяный онъ, насилу языкомъ ворочаетъ. Я ему говорю: «Мочи мнѣ нѣтъ, душа съ тѣломъ разстается!» а онъ смотритъ на меня пьяными глазами, да смѣется. — «Какія вы, говорить, красавицы были, а теперь какія дурныя!»

За перегородку вбѣжалъ «бриллиантъ».

— Нашли съ кѣмъ заниматься! съострилъ онъ, увидавъ меня, и тутъ же, обратясь къ женѣ, спросилъ:—Ленинька! гдѣ ключи отъ краснаго комода?

— Я не знаю...

«Бриллиантъ» даже разсердился.

— Не знаю, да не знаю! только отъ тебя и слышишь! Эхъ, головушка горькая! хоть бы померла что ли скорѣе!

— На столѣ посмотри... тамъ нѣтъ ли! простонала Елена Ивановна.

«Бриллиантъ» вбѣжалъ, нашелъ на столѣ ключи и, гремя ими, хлопнулъ сѣнной дверью.

— На грѣхъ-то еще хозяйина принесло!.. проговорила больная.

— А что? спросилъ я.

— Какъ что!.. вѣдь это теперь дня на три пойдетъ, покоя не дадутъ!.. Слышите, музыка вакая, пѣніе какое... Слышь, и Парашу Колобову привели... Жаль мнѣ ее, крестница она мнѣ, скромная такая.

— Зачѣмъ же ее пустили сюда?

— Кому за ней смотрѣть-то! У нея только и есть одна мать старуха, да и та слѣпая...

— А вы-то что же?

— Что я могу сдѣлать! Пьяною, вишь, напоили ее, обманули.

Въ это время за перегородкой кто-то хлопнулъ дверью, слышалось бряцаніе шпоръ и топотъ чьихъ-то сапогъ.

— Розыскаль? спросилъ чей-то голосъ, въ которомъ я узналъ тотчасъ же голосъ становаго Абрикосова.

— Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе. У священника въ селѣ Покровкѣ ночевать оставался.

— Лошади поданы?

— У крыльца-съ.

— Шинель!

Послышалось суетливое топанье сапогъ и кричаніе г. Абрикосова.

— Калоши!

Топотъ снова повторился, затѣмъ что-то два раза стукнуло, заскрипѣла дверь, а немного погодя, зазвенѣлъ колокольчикъ, застучали колеса и все стихло.

— Становой-то уѣхать должно быть! простонала Елена Ивановна и закашлялась.

VI.

Я едва розыскаль своего кучера. Гдѣ-то подъ навѣсомъ лежалъ этотъ бѣдняга, на голой землѣ, съ растрепанными волосами и окровавленнымъ лицомъ. Степанъ Ивановичъ не солгалъ, объявивъ, что кучеръ мой пьянъ. Дѣйствительно, онъ напился до таковой степени, что не выказывалъ никакихъ признаковъ жизни, и какъ ни старался я разбудить его, но всѣ старанія мои оказались тщетными. Я принялся розыскивать лошадей, съ цѣлю, хотя бы безъ кучера, добраться домой, но и лошадей мнѣ розыскать не удалось. Всѣ, буквально всѣ, къ кому я ни обращался, были до того пьяны, что никакого путнаго отвѣта дать мнѣ не могли.

Пришлось или оставаться ночевать, или идти пѣшкомъ. Я выбралъ послѣднее.

Что за чудная ночь была въ то время. Темно-голубое небо было совершенно чисто; только два-три облачка, легкія и воздушныя, какъ кружево,плыли по немъ,плыли и, становясь все прозрачнѣе и прозрачнѣе, словно таяли и затѣмъ исчезали. Нѣсколько фосфорически дрожащихъ звѣздочекъ и круглый дискъ луны освѣщали окрестность, серебрили ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наполняли какимъ-то страннымъ смѣшеніемъ свѣта и тѣни. Вода въ рѣкѣ стояла неподвижно, словно громадное зеркало лежало передъ вами и отражало въ себѣ серебристый снопъ луны, окрестныя темныя горы и массу домиковъ съ красными огоньками, горѣвшими въ окнахъ. Все было тихо, все словно замерло, притаилось, боясь нарушить эту живую тишину ночи! Только гдѣ-то далеко въ сосѣднемъ селѣ таяла собака. Я прошелъ плотину и углубился въ лѣсъ. Тамъ ночь казалась еще волшебнѣе; тамъ нѣмая тишина смѣнилась какимъ-то чуть слышнымъ таинственнымъ шопотомъ, словно кто-то шепталъ, спрятавшись за кустами... Это дрожали листья осинокъ и, дрожа, производили шопотъ. Здѣсь въ лѣсу было больше и тѣни и свѣта. Вдругъ гдѣ-то впереди скринуло колесо. Я приостановился и началъ прислушиваться. Все было тихо. Почудилось! подумалъ я и пошелъ дальше. Я шелъ по той же самой дорогѣ, по которой съ дьякономъ пришли на мельницу. По мѣрѣ того, какъ я углублялся въ лѣсъ, деревья становились все гуще и гуще; дорога то суживалась, то разбѣгалась въ объѣзды. На одномъ изъ такихъ-то объѣздовъ мнѣ опять послышался скрипъ колеса, но на этотъ разъ скрипъ раздался уже несравненно ближе. Можно было даже догадаться, что скрипѣла телега, силившаяся выбраться изъ колеи, даже слышно было чье-то понуканье и тупой ударъ кнута. Я пошелъ дальше и, немного погодя, дѣйствительно увидалъ въ далекѣ двѣ телеги. Телеги эти ползли не по той дорогѣ, по которой я шелъ, а по другой, объѣздной. Только мелкій кустарникъ раздѣлялъ эти два пути. Я остановился, пахло дегтемъ, телеги поровнялись со мной и, поскрипѣвъ, вскорѣ миновали. Но мнѣ показалось, что въ одной изъ нихъ, а именно въ передней, сидѣлъ какъ будто бы Орѣшкинъ съ какими-то двумя-тремя неизвѣстными фигурами, а въ другой, задней, цѣлая куча какихъ-то ребятъ. Орѣшкина заподозрѣлъ я по шляпѣ, но кто были остальные я разсмотрѣть не могъ. Завернувъ за кусты, телеги скрылись изъ вида. Но какъ только скрылись онѣ и, по мѣрѣ того, какъ скрипъ ихъ удалялся все даьше, все любопытство мое возбуждалось сильнѣе и сильнѣе. Точно ли проѣхавшій былъ Орѣшкинъ и кто былъ съ нимъ? Орѣшкинъ собирался въ городъ, дорога въ городъ шла мимо мельницы, но кто же былъ съ нимъ?

Я остановился. И опять кругомъ нѣмая тишина, заставляющая вздрагивать и озираться. Даже скрипъ телеги пересталъ доноситься, даже шопотъ деревьевъ словно замолкъ, и слышалъ я, именно слышалъ, а не чувствовалъ бѣненіе собственного сердца. Ужь не задумалъ ли чего этотъ Орѣшкинъ, этотъ начитавшійся романовъ человекъ! Ужь не дѣтей ли своихъ онъ забралъ съ собою! И картины одна другой нелѣпѣе стали рисоваться въ моемъ возбужденномъ воображеніи. Меня тянуло вернуться, но оргія, происходившая въ домикѣ, эта грязь, этотъ цинизмъ разгулявшихся людей, этотъ кларнетъ и скрипка, этотъ «бриллиантъ» со штопоромъ и бутылками удерживали меня. Я пошелъ дальше. Но чѣмъ дальше шелъ я, чѣмъ дальше отходилъ отъ мельницы, тѣмъ сильнѣе начинало овладѣвать мною любопытство. Мнѣ даже представилось, что мой кучеръ успѣлъ проспаться, что онъ въ состояніи будетъ заложить лошадей и что на лошадяхъ я, конечно, скорѣе буду дома, нежели идя пѣшкомъ. И я вернулся.

Минутъ черезъ двадцать, я опять былъ на мельницѣ и подходилъ къ домику. Тамъ было все тихо, не слышно было ни музыки, ни пѣнія, ни пляски. Словно что-то особенное происходило тамъ, по крайней мѣрѣ, не то, что происходило прежде. У крыльца стояли двѣ телеги, именно тѣ самыя, которыя встрѣтились мнѣ въ лѣсу. Сердцѣ мое забилося еще сильнѣе и я поспѣшилъ къ мальчугану, стоявшему возлѣ одной изъ телегъ.

— Слушай! обратился я къ нему.—Это твои лошади?

— Мои.

— Кого ты привезъ?

— Орѣшкина.

— А еще кто былъ съ нимъ?

— Не знай! Мотри, дѣти его. Самъ-то онъ на чугунку поѣдетъ, а ребятъ-то отсюда домой отправить.

— Гдѣ же они?

— Да туды въ домъ пошли.

Я подошелъ къ растворенному окну и увидалъ слѣдующую картину: всѣ гости сидѣли смиренно, кто гдѣ пональ. Дьяконъ хранѣлъ, ноложивъ голову на столъ съ закусками. Въ углу столпились дѣвки и прятали свои лица фартуками и рукавами. Рядомъ съ ними стояли кларнетъ и скрипка. Возлѣ двери «бриллиантъ», покорно закинувшій назадъ руки. Степанъ Иванычъ сидѣлъ, важно развалился на диванѣ, а передъ нимъ, среди комнаты, окруженный толпою дѣтей различнаго возраста, стоялъ Орѣшкинъ. Онъ былъ страшно взволнованъ; свалившаяся съ лысины прядь волосъ какъ-то особенно безобразно лежала на плечѣ, глаза его были полны слезъ. Прижавъ къ себѣ лѣвой рукой

двух-трехъ мальчугановъ, а правую, поднявъ кверху, онъ говорилъ дрожавшимъ голосомъ.

— Да, люди добрые! Я нарочно зашелъ сюда, нарочно взялъ дѣтей своихъ! Я ѣду въ городъ, чтобы тамъ найти защиту суда и законовъ. Но прежде чѣмъ отдать себя въ руки правосудія, я обращаюсь къ тебѣ, Степанъ Иванычъ, какъ къ родственнику и старому другу. Когда-то вѣдь вмѣстѣ хлѣбъ-соль водили! Ты не чужой дѣтямъ этимъ! Посмотри, вонъ вѣдь ихъ сколько, да дома еще жена съ груднымъ ребенкомъ... всѣ они безъ куска хлѣба! Другъ! будь милосердъ! Тебя украшаютъ почести, а они прикрыты рубищемъ! Ты богатъ, не отнимай же у дѣтей послѣдняго куска хлѣба! Ты силенъ, дай же окрѣпить и птенцамъ!

И вдругъ, опустившись на колѣни вмѣстѣ съ толпою дѣтей, онъ заговорилъ, оглашая комнату рыданиями:

— Смотри, на колѣняхъ мы передъ тобою... протани же намъ свою руку и дай намъ отдохнуть на груди твоей!

Степанъ Иванычъ вскочилъ съ мѣста. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно; глаза его горѣли, суворовскій хохоль запрокинулся назадъ: такъ лошадь, собираясь укусить, прикладываетъ уши. Онъ сжалъ кулаки и, трясясь всѣмъ тѣломъ, крикнулъ какимъ-то злымъ, разбитымъ голосомъ:

— Самойло Ивановъ! И вдругъ, протанувъ руку по направлению къ Орѣшкину, все еще стоявшему на колѣняхъ, прибавилъ, задыхаясь отъ гнѣва:—выведи вонъ этого комедіанта!

Орѣшкинъ быстро вскочилъ на ноги.

— Прочь, не прикасайся!.. закричалъ онъ. — Я и самъ уйду! Да разразятся же надъ тобою...

Въ комнатѣ послышался какой-то не то шумъ, не то стонъ, раздались топанье ногъ, полетѣли на полъ бутылки, раздались проклятія и вопль дѣтей, и все это, слившись въ одно нестройное, превратилось, наконецъ, въ какой-то возмутительный хаосъ.

Немного погодя, Орѣшкинъ былъ уже на крыльцѣ; рядомъ съ нимъ шелъ Самойло Иванычъ, а сзади толпились дѣти.

— Грѣхъ вамъ, Василій Игнатьичъ, ей-Богу грѣхъ-съ! говорилъ «бриллиантъ». — Ужъ меня-то бы не тревожили. Помилуйте, никакихъ я этихъ вашихъ дѣловъ не знаю, а вы, замѣсто того, меня въ свидѣтели-съ... За вексельной бумагой точно я ѣздилъ-съ, а какіе это были векселя, денежные или нѣтъ-съ, мнѣ это неизвестно-съ.

— И на судѣ такъ будешь говорить? раздался голосъ Орѣшкина.

— Какъ же иначе-то-съ?

— А присяга?

— Потому-то я и долженъ говорить правду-съ... Вѣдь при-
сягу-то принять не мутовку облизать. За нее передъ Господомъ
Богомъ отвѣчать придется, а я еще не хочу свою душу погу-
бить-съ.

Немного погода, мнѣ удалось-таки разбудить своего кучера.
Кое-какъ заложилъ онъ лошадей и я, нигѣмъ не замѣченный,
отправился домой. Домой приѣхалъ я часу въ седьмомъ утра и,
къ великому моему огорченію, узналъ, что пріятеля моего дома
нѣтъ. Вспомнивъ разговоръ становаго Абрикосова съ урядни-
комъ, я послалъ нарочнаго къ покровскому священнику. Оказа-
лось, что пріятель мой у священника этого ночевалъ, а утромъ,
по приглашенію становаго Абрикосова, долженъ былъ ѣхать въ
городъ для личныхъ объясненій съ исправникомъ. Наконецъ, на
пятый день, часовъ въ одиннадцать утра, подѣхала къ крыльцу
тележка, въ которой сидѣли мой пріятель и дьяконъ съ ягдта-
нами въ рукахъ. Я даже на крыльцо выскочилъ.

— Гдѣ это ты пропадалъ? крикнулъ я.

Но пріятель, вмѣсто отвѣта, разразился самымъ добродушнѣй-
шимъ и веселымъ смѣхомъ. Я насилу дождался, когда онъ пере-
сталъ хохотать.

— Гдѣ ты былъ? повторилъ я вопросъ.

— Въ городѣ, вотъ гдѣ! отвѣтилъ онъ, поднимаясь на крыльцо.
И потомъ, обратясь къ ямщику и подавая ему два двугривенныхъ,
проговорилъ: — эй ты, любезный! На-ка на чай или на водку,
какъ тамъ вздумаешь, такъ и распорядишься... бери! А я къ
тебѣ дьякона привезъ, на дорогѣ поймалъ! Страдаетъ бѣдняга!

— Ты мнѣ Расскажи, зачѣмъ ты въ городъ-то ѣздилъ?

— Къ исправнику...

— Такъ это правда?

— Конечно, правда. Я съ нимъ познакомился, отличный ма-
лый, гостепріимный, хлѣбосоль. Сначала онъ меня за какого-то
зловреднаго человѣка принялъ, ну, а потомъ, когда узналъ, кто
я такой, чѣмъ занимаюсь, гдѣ живу и проч., сталъ разсыпаться
въ извиненіяхъ и тотчасъ же отпустилъ.

— Что же ты въ городѣ-то до сихъ поръ дѣлалъ?

— Какъ что? Во-первыхъ, я со всѣми ознакомился, во-вторыхъ,
всѣмъ сдѣлалъ визиты, а въ-третьихъ, сряду три вечера уча-
ствовалъ въ пикникахъ... Пилъ, ѣлъ, плясалъ и даже игралъ въ
карты.

— Ну, а вы какъ? спросилъ я, обратясь къ дьякону.

Онъ только рукой махнулъ. Я взглянулъ на него и изумился.
Лицо его распухло, бѣлки глазъ были налиты кровью, онъ весь

трясса, между тѣмъ, какъ потъ крупными ручьями катился по лицу его.

— Что съ вами? неволью вырвалось у меня, глядя на несчастнаго дьякона.

— Страдаетъ, не видишь развѣ! проговорилъ пріятель и захохоталъ.

— Неужели до сихъ поръ все пили? спросилъ я дьякона.

— Нѣтъ, гдѣ же! вчера еще кончили! Оно, пожалуй, бы и не кончили, да случай одинъ помѣшалъ...

— Какой такой случай?

Дьяконъ какъ будто замаялся, но, немного погодя, проговорилъ:

— Преставилась одна...

— Кто?

— Прикащикова жена, Елена Ивановна.

— Какъ, умерла?

— Засохла!

И потомъ, вдругъ захохотавъ, дьяконъ прибавилъ:

— А Степанъ Иванычъ смерть боится покойниковъ. Какъ только услыхалъ, что въ домѣ покойникъ, такъ въ ту же минуту шапку въ охапку, да пьяный, не дождавшись лошадей, побѣжалъ домой. Мы это всѣ на крыльцѣ стоимъ, помираемъ со смѣху, а онъ-то подобралъ фалды, да что есть мочи по плотинѣ дуесть; побѣжалъ къ мостику, да какъ вдругъ споткнется, да прямо носомъ-то о бревна, такъ всю рожу въ кровь и разбилъ. Мы думали, что онъ не встанетъ, а онъ, замѣсто того, какъ всоचितъ, да еще шибче припустилъ!

И дьяконъ захохоталъ.

— А вѣдь я къ вамъ вотъ зачѣмъ пришелъ-то! проговорилъ онъ, немного погодя. — Вы утокъ-то тогда взяли, что ли?

— Какихъ утокъ? спросилъ я.

— Да которыхъ вы на Тарханскихъ-то болотахъ убили!

— Какія тамъ утки я и ягдташъ-то забылъ!..

— Ягдташи-то я привезъ, вотъ они!.. Только утокъ-то въ нихъ не было.

И, немного подумавъ, онъ проговорилъ.

— А вѣдь это безпремѣнно Самойло Иванычъ уперъ!

И дьяконъ даже плюнулъ.

Минуть черезъ десять, мы были въ саду и подъ тѣнью роскошнаго вяза принялись за завтракъ...

И. Салювъ.

О жизнь!.. я вновь ее люблю,
И ею вновь любимъ взаимно...
Природы другъ, я въ ней ловлю
Всѣ звуки жизненнаго гимна;

И исцѣленъ отъ слѣпоты,
Красу весны я вижу снова
И подмѣчаю всѣ черты .
Ея стремленія живаго.

На нивѣ колосъ ужъ высокъ,
Уже густа трава въ полянѣ;
Уже пчела и мотылекъ
Съ цвѣтовъ собираютъ много дани;

Ужъ тѣнь дастъ зеленый лѣсъ
И, полонъ тайны, шепчетъ что-то;
Ужъ полдень пламенный съ небесъ
Все кроетъ знойной позолотой;

Съ душистой яблони уже
Доль убѣленъ слетѣвшимъ цвѣтомъ...
Весна стоитъ на рубежѣ,
Гдѣ ждать ее сліянье съ лѣтомъ.

Бродить я вышелъ вдоль полей,
Весь впечатлѣньямъ преданъ вѣшнимъ;
Заботы всѣ души моей —
О настоящемъ и о здѣшнемъ.

Заботъ я этихъ не гоню,
Иныхъ пока не призываю —
Весь преданъ солнечному дню,
Весь преданъ радостному маю!

Кровь льется въ жилахъ горячо;
Есть чувство бодрости и мощи;
Кукушка много лѣтъ еще
Сулить любезно мнѣ изъ рощи;

Привѣтъ мнѣ добрый шлютъ поля,
Подобный дружбы поцалую,
И вѣтерокъ, со мной шала,
Мнѣ треплетъ бороду сѣдую...

О жизнь!.. Я ея вновь любимъ,
И вновь люблю ее взаимно...
Стихомъ участвую моимъ
Я въ хорѣ жизненнаго гимна.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Май.

Близъ Фрейбурга, въ Швейцаріи.

ОСКУДѢНІЕ.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Раціональные хозяева.

Одинъ и тотъ же фактъ, какъ извѣстно, производитъ иногда совершенно разныя послѣдствія. Тутъ все дѣло въ индивидуальности тѣхъ, кто столкнулся съ фактомъ. Такъ точно случилось и теперь, т. е. объявленіе положенія 19-го февраля, одинаково близко коснувшееся матеріальнаго и нравственнаго быта всѣхъ помѣщиковъ, вообще, произвело на нихъ впечатлѣніе чрезвычайно разнообразное, и въ своихъ поискахъ за лучшимъ устройствомъ будущаго всѣ они разошлись по разнымъ дорогамъ.

И это было совершенно естественно и иначе даже не могло быть.

Въ прошломъ очеркѣ я говорилъ, что многіе довольно скоро убѣдились, что жить «все-таки» еще можно, стѣдить лишь помириться съ тѣмъ, что мужиковъ отнынѣ наказывать нельзя ни у себя дома, ни посылать для этого съ письмомъ къ становому или исправнику. Это уступка со стороны, такъ сказать, нравственной. Что же касается стороны матеріальной, то и тутъ дѣло можетъ уладиться, если, вмѣсто прежняго хозяйства, завести новое, «раціональное».

Что разумѣлось подъ словомъ «раціональное», это мы сейчасъ увидимъ, а теперь надѣмся, что всѣ, помнящіе это время, засвидѣтельствуютъ, что всѣ тогдашнія надежды возлагались именно исключительно на это самое «раціональное хозяйство». «Легкомысленные» погибли отъ того, что, вмѣсто дѣла, ощу-

тили какой-то восторгъ, почувствовали потребность отдыха отъ томившаго ихъ страха и неумѣренно предалися этому отдыху, причеъ мимоходомъ, вмѣсто образованія, развратили своихъ дѣтей. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, т. е. отдыху и дѣтямъ, они захудали, лишились своихъ Ивановокоъ и Семеновокоъ и принуждены теперь кончать дни въ табачныхъ лавочкахъ. Когда они вспоминаютъ о безвозвратномъ прошломъ, то говорятъ: вотъ еслибы мы, вмѣсто отдыха и воспитанія дѣтей, занялись «раціональнымъ хозяйствомъ», мы, во-первыхъ, не надѣлали бы при этомъ такихъ ошибокъ, какія надѣлалъ Иванъ Петровичъ или Петръ Ивановичъ, и наша Ивановка была бы цѣла, и сами бы мы жили прилично званію, а не въ табачной лавочкѣ.

Но легкомысленные въ одномъ легкомысленны и во всемъ. Они никогда не понимали и никогда не поймутъ, что какъ только поставятъ ихъ на ноги, они непременно захудаютъ. Они никогда не поймутъ, что они оскудѣли вовсе не потому, что занялись не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало бы заняться, т. е. хозяйствомъ на новый образецъ, а потому, что и сами они, и дѣти ихъ ни къ какому самостоятельному труду совершенно не были подготовлены. Были нѣкоторые болѣе энергичные, но и они, въ свою очередь, лишились своихъ Ивановокоъ, ужъ не по недостатку энергіи, а все по той же причинѣ, т. е. вслѣдствіе полной неспособности ориентироваться въ новомъ положеніи, а также вслѣдствіе отсутствія научныхъ и практическихъ знаній.

Все это до такой степени ясно и просто, что становится непонятнымъ, какъ это взрослые и нерѣдко умные даже люди могутъ не понимать самыхъ очевидныхъ истинъ.

Когда первый моментъ испуга прошелъ, всѣ начали мало по малу оглядываться, ощупывать, что у нихъ подъ ногами и соображать, на что или на кого можно опереться, гдѣ и въ чемъ искать выхода. Т. е. собственно опять-таки гдѣ найти средство, которое могло бы возратить старое, блаженное время, когда все хозяйственное мудрствованіе заключалось въ приказаніи старостѣ или приказчику. Съ положеніемъ 19-го февраля, если мужики и оставались на издѣльной повинности, то въ распоряженіи у помѣщика, вмѣсто семи рабочихъ мужицкихъ дней въ недѣлѣ, осталось всего только три, да и тѣми надо было пользоваться крайне ограниченно. Старики, старухи, дѣвчонки, мальчики были совершенно исключены изъ рядовъ той арміи,

которая называлась барщиной, и которая являлась прежде въ полномъ комплектѣ, со всѣми ветеранами и новобранцами.

Недостатокъ рабочихъ рукъ почувствовался, такимъ образомъ, прежде всего, и оттого прежде всего начали искать суррогатъ мужика.

Гдѣ его найти?

Помѣщицья логика отвѣчала на это такъ:

Что такое мужикъ? Мужикъ, конечно — человѣкъ, но, какъ хотите, а все-таки не вполнѣ. Мужикъ грязенъ, грубъ, пьянъ, дѣлаетъ все изъ-подъ палки. Трудно замѣнить умъ, но вѣдь у насъ «отняли» не умъ, а грубую рабочую силу. Стало-быть, эту силу и надо замѣнить, а чѣмъ она замѣняется? Конечно, машинами. И вотъ съ того момента, какъ пришла въ голову мысль замѣнить мужика машиной, помѣщики до того прониклись твердой увѣренностью, что «зло» поправимо, что у иныхъ эта увѣренность доходила до какой-то дѣтской наивности. Совершенно серьезные и неглупые даже люди сидѣли съ каталогами бр. Бутеновъ изъ Москвы и Ратсона и Симса изъ Петербурга и вербовали себѣ барщину, въ видѣ сѣноворошилокъ, почво-углубителей, окучниковъ, молотилокъ, сѣялокъ, косилокъ и т. д., и т. д.

Разумѣется, все это кусается и такая барщина обойдется недешево, но за то вѣдь чуть не на вѣкъ, а сверхъ того, грубостей, пьянства—ничего не будетъ. Съ мужикомъ еще кое-какъ можно было справляться, когда онъ зналъ, что его сейчасъ же можно и наказать, а извольте-ка ладить съ нимъ теперь! Да, все наше спасеніе въ машинахъ. Конечно, сами мы и всѣ присѣшники наши понятія не имѣютъ ни объ одной машинѣ, какъ бы проста и немногосложна она ни была; но это еще ровно ничего не значить. Вѣдь не умѣемъ же мы сами косить, а поля наши все-таки всегда были скошены. Такъ и тутъ: наймемъ одного или двухъ машинистовъ-нѣмцевъ — непременно нѣмцевъ (они аккуратны и не пьяницы)—и все пойдетъ отлично.

Когда, такимъ образомъ, Господь просвѣтилъ умы наши и стало ясно, что суррогатъ мужика найденъ, явилось нѣкоторое затрудненіе: а деньги на покупку машинъ гдѣ?

Денегъ, какъ извѣстно, въ то время ни у кого не было, банковъ, гдѣ можно бы было ихъ достать, то же не было. Поэтому, «раціональнымъ хозяевамъ» ничего другого не оставалось, какъ послѣдовать примѣру легкомысленныхъ, т. е. пустить мужика на выкупъ и на выкупныя деньги закупить сѣноворошилокъ, почвеуглубителей и проч., и нанять соответствующее количество аккуратныхъ нѣмцевъ. Какъ ни неприятно, но другого выхода не было, да, кромѣ того, предвидѣлось, что, при Божіей

помощи, машины должны были въ какой-нибудь годъ, два окупить себя, такъ что останавливаться и задумываться надъ этимъ было глупостью. Такъ и было сдѣлано.

Одно было досадно: выкупныя операціи, вначалѣ, по крайней мѣрѣ, тянулись долго. Еслибы не это, то въ нынѣшнемъ же году можно было бы обойтись безъ мужиковъ. Пока подавались разныя бумаги и вообще шла вся процедура пусканія мужиковъ на выкупъ, «раціональные хозяева» разгорячались все болѣе и болѣе. Шли переписки съ Бутенопами, дѣлались расчеты — сколько такая-то машина замѣнитъ мужиковъ. И потомъ вѣдь машинами можно работать и ночью — стоитъ только выписать нѣмцевъ... Эти фантазіи тоже шли за здравую мысль и ею восторгались, смаковали ее. А братья Бутенопы расписывали да расхваливали свои плуги, сѣялки и вѣялки.

Я знаю, что фирма «Бр. Бутенопы въ Москвѣ» нажила въ то время огромныя деньги, и она была не единственная, чрезъ которую получались машины, и точно также, конечно, огромныя деньги нажили и другія фирмы. Любопытно, сколько просадили мы на это денегъ, сколько потеряли, благодаря этимъ машинамъ, дохода, сравнительно даже съ той формой хозяйства, когда землю просто отдають въ аренду?

Но на это, конечно, никто не отвѣтитъ съ приблизительной даже точностью. Но вѣрно, что миллионы и крупныя миллионы ушли на эти игрушки.

Наконецъ, выкупныя были получены, проданы; можно, значитъ, выписывать и машины и нѣмцевъ. А, не лучше ли самому съѣздить? Все-таки самъ увидишь въ натурѣ, что покупаешь.

И большая часть, повинаясь голосу разсудка, рѣшила съѣздить за машинами собственно лично. Къ упомянутому выше соображенію прибавилось кстатѣ и другое: выборъ нѣмцевъ механиковъ. Тоже вѣдь покойнѣе, когда такого нужнаго человѣка самъ выберешь...

И какое-то благодарно восторженное чувство овладѣвало при этомъ будущимъ гостемъ бр. Бутенопъ.

Я ни разу не былъ у бр. Бутенопъ, но знаю, что при вѣздѣ въ Москву со стороны Рязани, съ права неволью бросается въ глаза колоссальная вывѣска, на которой громадными буквами написана эта фирма. Теперь, всякій разъ когда я проѣзжаю мимо этихъ складовъ машинъ и читаю эту фамилію, у меня сердце обливается кровью. Сколько похоронено здѣсь помѣщичьихъ де-

негъ и самыхъ розовыхъ помѣщичьихъ надеждъ! Помилуйте! удайся намъ замѣнить машинами мужика, чего бы мы только ни надѣлали! Мужики работали бы сами по себѣ, а мы съ машинами и нѣмцами машинистами тоже сами по себѣ... и т. д. и т. д. И ничему этому не суждено было осуществиться, даже въ сотой долѣ! Но этого, конечно, никто не предвидѣлъ тогда, и потому, повторяю, всѣ только и хлопотали о томъ, какъ бы поскорѣе, раньше другихъ, попасть къ Бутенопамъ, и застать у нихъ болѣе полный выборъ. Посылали предупредительныя письма Бутенопамъ, чтобы ихъ ждали и имѣли бы въ запасѣ такія и такія-то машины. И Бутенопы свои заводы и склады уподобили бездонной прорвѣ. Такъ какъ въ первое же лѣто по объявленіи Положенія 19-го февраля, всѣ разомъ почувствовали недостатокъ рабочихъ руей, а зимой додумались до необходимости замѣнить мужика сѣноворошилкой и почвоуглубителемъ, и затѣмъ ранней весной поѣхали закупать машины, то, очевидно ошибка оказалась не единичною, а общою, и деньги потерялъ по пусту, зря, не одинъ человекъ, а масса. Въ этомъ-то и вся суть. Еслибы надѣлалъ глупостей одинъ человекъ—это было бы, пожалуй, только смѣшно, но тутъ ужъ было не до смѣха. Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ, и расскажу какъ привезли машины и съ ними нѣмцевъ.

Не въ писаной, а въ живой, конечно, драмѣ, элементъ комической удивительно какъ любить сосѣдство драматическаго. Такъ было и тутъ. Среди общаго разочарованія происходили неподражаемо комическія сцены. И это продолжалось цѣлое лѣто и повторилось, на тѣхъ же инструментахъ, поправленныхъ и починенныхъ, и въ слѣдующее. Чтобы дать читателю, хоть маленькое понятіе о томъ, что это были за сцены, я расскажу здѣсь нѣсколько ихъ.

Въ томъ уѣздѣ, гдѣ я живу, первымъ вернулся отъ Бутеноповъ мой ближайшій сосѣдъ, нѣкто Дмитрій Павловичъ, отставной поручикъ какого-то армейскаго кавалерійскаго полка, человекъ очень добрый, съ хорошими средствами (въ смыслѣ количества десятинъ), но совершенно безцвѣтный. Любилъ цвѣты, путешествія Дюмонъ Дюрвиля, левретокъ и гувернантокъ, за что не пользовался уваженіемъ жены и, уличенный въ преступленіи, чистосердечно каялся передъ ней. Вотъ у жены этого-то невиннѣйшаго изъ людей, какъ-то въ концѣ апрѣля, я обѣдалъ и она при мнѣ получила изъ Москвы отъ мужа письмо, извѣщавшее, что онъ все устроилъ, т. е. накупилъ всевозможныхъ машинъ, нашель къ нимъ четырехъ машинистовъ нѣмцевъ (одного въ томъ

числѣ, старшаго, съ двойнымъ жалованьемъ) и завтра къ вечеру будетъ дома.

Она начала почему-то просить, чтобы завтра же къ вечеру пріѣхалъ и я.

На другой день я, конечно, пріѣхалъ. Помню, былъ великолѣпный весенній вечеръ, теплый, какіе бывають у насъ въ маѣ.

— Чтѣ-то онъ привезетъ... я понятія не имѣю о машинахъ. говорила Любовь Васильевна.—Нѣмцамъ я велѣла флигель правый очистить. Это на первое время, а потомъ пусть ужъ самъ Дмитрій Павловичъ, куда знаетъ, ихъ помѣститъ. Только вотъ бѣда: чѣмъ кормить ихъ?

Я посоветовалъ картофелю съ селедкой, да кофе сварить.

— Чтѣ вы, помилуйте! Ну, а супъ какой же къ ужину?

Бьегъ, между тѣмъ, девять часовъ, а Дмитрія Павловича нѣтъ какъ нѣтъ. Стало свѣжѣть. Закрыли окна, дѣтей уложили спать.

— Вѣрно онъ завтра пріѣдетъ — опоздалъ!

И я хотѣлъ ужъ собираться домой, когда изъ дѣтской гурьбой выбѣжали дѣти съ крикомъ: Папа ѣдетъ! нашъ колокольчикъ.

Дѣйствительно, колокольчикъ былъ ихъ (мы по звуку колокольчика узнаемъ всегда, какой сосѣдъ ѣдетъ), слѣдовательно, лошади, высланныя на встрѣчу, теперъ везли барина. Одного или съ нѣмцами?

Мнѣ ужасно хотѣлось, чтобы онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ нѣмцами. Онъ ни слова не знаетъ по нѣмецки—какъ-то онъ будетъ объясняться съ ними, если и они не говорятъ по русски? Когда я высказалъ это желаніе, Любовь Васильевна, указывая глазами на губернантку, проговорила:

— А Амалія Ивановна на что же?

— Да, помилуйте, гдѣ же ей и съ дѣтьми, и въ полѣ на работѣ!

— Ну, теперъ не до дѣтей, дѣти и подождутъ! Надо сперва это дѣло наладить.

Колокольчикъ звѣнѣлъ все ближе и ближе; вотъ ужъ они ѣдутъ черезъ мостъ, сейчасъ за садомъ. Колокольчикъ звякаетъ рѣдко, стучать копыта по деревянному намостнику, ѣдутъ шагомъ. Дѣти, а за ними и Амалія Ивановна, побѣжали на крыльцо. Пошла туда же и улыбающаяся Любовь Васильевна; пошелъ и я.

— Господи, еслибы онъ одинъ пріѣхалъ безъ нѣмцевъ! говорила Любовь Васильевна: — я, право, не знаю, чтѣ съ ними дѣлать.

— Да чтѣ вы такъ безпокоитесь объ нихъ? Ну, завтра лучше ихъ устройте, не пропадутъ же они у васъ за ночь.

— Вамъ смѣшно, а вѣдъ вся наша судьба въ ихъ рукахъ...

Наконецъ, въ ночной темнотѣ обозначалась широкая фигура тарантаса и тройки. Послышались голоса.

— Такъ и есть, съ нѣмцами! съ отчаяніемъ почти воскликнула Любовь Васильевна.

Дѣйствительно, когда тарантасъ подбегалъ къ крыльцу, мы увидали въ немъ какія-то четыре фигуры — это были: Дмитрій Павловичъ и съ нимъ три нѣмца. Когда прошла первая суматоха встрѣчи, т. е. когда жена и дѣти были перецалованы, а мнѣ объявлена самая горячая благодарность за любезность, и затѣмъ нужно было идти Дмитрію Павловичу въ домъ, жена тихонько спросила его:

— А куда же нѣмцевъ—ихъ можно наверхъ?

— Конечно. Это премилые люди; одинъ даже на флейтѣ играетъ! Онъ прежде былъ прикащикомъ въ потномъ магазинѣ. Коммень зи! обратился Дмитрій Павловичъ къ нѣмцамъ, стоявшимъ въ кучкѣ, нѣсколько поодаль отъ насъ.

На крыльцѣ было темно и я не могъ хорошо разобрать ихъ лицъ, а замѣтилъ только, что всѣ трое дѣтины здоровые, коренастые. Но когда они вошли въ освѣщенный залъ, я узналъ знакомый типъ обыкновеннаго нѣмца-мужика. Одно я сразу не понималъ: какъ могъ одинъ изъ нихъ быть прикащикомъ въ потномъ магазинѣ?—но и это скоро выяснилось, когда онъ рассказалъ, что завѣдывалъ въ магазинѣ отправкой тюковъ съ нотами въ провинцію. «А на флейтахъ у насъ въ деревнѣ, играютъ почти всѣ», какъ будто даже съ гордостью добавилъ онъ.

Мы съ Амаліей Ивановной переводили нѣмцамъ, чуть не въ перегонку, слѣдовавшія одно за другимъ угощенія хозяина и хозяйки. Дали имъ и ветчины, и яицъ, и масла, и картофелю, и телятины, и чаю и кофе, дали имъ и водки и вина—а они все это ѣли и пили съ самымъ серьезнымъ видомъ. Вообще, были ужасно серьезны и съѣли ужасно много. Дѣти сидѣли тутъ же съ нами за круглымъ столомъ. По случаю благополучнаго возвращенія папеньки и прибытія съ нимъ нѣмцевъ, имъ позволили не сейчасъ ложиться спать. А главная причина — Амалія Ивановна: она была нужна, какъ переводчикъ — какъ же ее отпустить, ради дѣтей? Но долго имъ нельзя было сидѣть. Черезъ пятнадцать-двадцать минутъ, когда нѣмцы и половины еще не съѣли того, что съѣли потомъ — дѣти начали, что называется, клевать носами, а маленькая дочка Оля даже совсѣмъ заснула.

— Ну, идите спать, дѣти! Амалія Ивановна! ведите ихъ. укладывайте и приходите къ намъ поскорѣй, рѣшилъ Дмитрій Павловичъ.

Дѣти пошли прощаться съ отцомъ, съ бабушкой, со мной, за-

тѣмъ Амалія Ивановна что-то спросила шопотомъ у Любовь Васильевны, а эта въ свою очередь у Дмитрія Павловича.

— Отчего же! они хорошіе люди, не то что наши мужики.

Вслѣдствіе этого разрѣшенія, мальчики начали «шаркать погами», а дѣвочки «присѣдать» по очередно передъ нѣмцами.

— *Schönes Kind!* сказалъ старшій нѣмецъ и огромной широкой ладонью погладилъ по головкѣ Олю.

— *Das wird auch ein braver Soldat sein,* проговорилъ другой нѣмецъ и тоже погладилъ по головкѣ Петю, когда тотъ шаркнулъ передъ ними ножкой и поклонился.

— Амалія Ивановна, что онъ замѣтилъ про Петю? робко и въ тоже время сладостно спросила Любовь Васильевна.

— «Они» сказали, что Коля будетъ храбрый офицеръ.

— Ахъ, какъ это трудно знать, что еще изъ него выйдетъ! съ сладкимъ, благодарнымъ вздохомъ проговорила Любовь Васильевна.

Наконецъ, дѣтей увели спать, а нѣмцы, освободившись отъ нихъ, снова принялись за ѣду.

Торопливо вставшій и куда-то ушедшій, передъ тѣмъ за нѣсколько минутъ, Дмитрій Павловичъ, возвратился съ какимъ-то ящичкомъ, немного поменьше обыкновеннаго чайнаго цибика. Онъ и лакей Иванъ Носовъ несли его и грузно поставили возлѣ Любови Васильевны. Очевидно было, что тамъ уложено что-то очень тяжелое.

— Это что такое?

— А, вотъ угадай... Ну, вы, Сергѣй Николаичъ угадайте, что это такое? обратился ко мнѣ Дмитрій Павловичъ.

Я; совершенно не думая, сказалъ: машины.

— Почему же вы узнали?

— Да вѣдь вы за ними поѣхали.

— Такъ вѣдь, батюшка вы мой, развѣ тѣ въ такой ящикъ уложишь!.. Но вы все-таки угадали: машины. А вотъ ты, Любинька, крошка моя (пудовъ въ шесть, по крайней мѣрѣ), не отгадала, а для тебя-то я ихъ и привезъ. Только это не отъ Бутеноповъ—у нихъ такихъ нѣтъ!

Иванъ привнесъ молотокъ, старый источенный столовый ножикъ и общими усилиями съ Дмитріемъ Павловичемъ откупили и открыли ящикъ.

Всѣ, кому было можно, запустили въ этотъ ящикъ глаза. Наверху, кромѣ соломы, ничего не было. Дмитрій Павловичъ осторожно снялъ ее и началъ вынимать изъ ящика какіе-то завернутые въ бумагу кружки, рогульки и проч. Когда онъ ихъ развернулъ, а ихъ было, по крайней мѣрѣ, штукъ пятьдесятъ, оба-

залось, что это были все машинки для кухни. Тутъ чего ужъ только не было, и машинки чистить яблоки, машинки рубить мясо и проч.

Любовь Васильевна была въ восторгѣ. Нѣмцы тоже брали въ руки ту или другую машинку, поворачивали ее и такъ и этакъ, и ставили обратно на столъ.

Ивану велѣно было позвать повара. Надо вѣдь и ему это показать.

— А знаешь что, какъ-то жалобно началъ Дмитрій Павловичъ:—ты, Люба, не отдавай ихъ ему. Вѣдь ты знаешь нашъ народъ; все живо изгадить, все у нихъ заржавить и черезъ недѣлю ничего не соберешь, а вещи-то дорогія. Съ меня, по знакомству, по рекомендаціи, и то взяли болѣе пятисотъ рублей. Вѣдь это все настоящая нѣмецкая работа!

— И въ самомъ дѣлѣ, согласилась жена:—ужъ я сама, когда придется, буду на нихъ работать.

Возвратилась Амалія Ивановна, уложивши дѣтей, и принесла съ собой вѣчную работу: какое-то полосатое гарусное одѣяло. Нѣмцы поѣли, т. е. лучше сказать все съѣли и выпили, и закурили свои бѣлыя фарфоровыя трубки.

Дмитрій Павловичъ, между тѣмъ, началъ мнѣ рассказывать сколько и какихъ машинъ онъ накупилъ; что, по его расчету, ихъ будетъ совершенно достаточно, чтобы обойтись безъ мужика, что ихъ, т. е. эти машины привезутъ ровно черезъ двѣ недѣли, и онъ хочетъ въ этотъ день собрать всѣхъ сосѣдей, отслужить молебень и начать тутъ же работы и проч., и проч.

Становилось скучно. Къ этому восторженному фантазированію я ужъ привыкъ, и оно надоѣло мнѣ. Нѣмцы сидѣли съ сонными глазами и сосали свои люльки, изрѣдка перебрасываясь другъ съ другомъ какой-нибудь коротенькой фразой. Любовь Васильевна, при помощи Амаліи Ивановны, задала имъ два-три вопроса; они, чрезъ ту же Амалію Ивановну отвѣтили ей. Спать пора. Надо домой ѣхать.

— Дмитрій Павловичъ! который изъ нихъ на флейтѣ играетъ? спросила его жена.

— А вотъ этотъ, Иванъ Богданычъ!

При словѣ Иванъ Богданычъ, молодой изъ нѣмцевъ, краснощекай, голубоглазый, посмотрѣлъ на всѣхъ и глупо осклабился.

— Амалія Ивановна! попросите его что-нибудь сыграть намъ.

Начались переговоры; нѣмецъ ушелъ въ переднюю, чтобы достать изъ чемодана свой инструментъ, который оказался чѣмъ-то гораздо болѣе положимъ на обыкновенную желейку, чѣмъ на

флейту; тѣмъ не менѣе, онъ началъ на ней дудить что-то совсѣмъ невыносимое.

Любовь Васильевна находила, что это совершенно оригинальный инструментъ и вечеромъ въ полѣ долженъ быть недурень.

— Да, именно вечеромъ, въ полѣ, согласился я.

— Но, согласитесь, вѣдь нельзя же отъ него большого и требовать! нашъ мужикъ, и проч.

Я не знаю, чѣмъ кончился этотъ концертъ. Мнѣ подали лошадей и я уѣхалъ.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго вечера, я ѣздилъ за душелями въ Березовку, сосѣднюю съ имѣніемъ Дмитрія Павловича деревню.

— Чтò, ребята, не слышали, не привезли еще Сосновскому барину машины изъ Москвы?

— Не слышно; должно, еще нѣтъ. Нѣмцы къ нимъ, къ этимъ машинамъ, пріѣхали, а машинъ еще нѣтъ!

— А вотъ что хотѣли мы тебя спросить: чтò если эти нѣмцы озорничать и у насъ начнутъ, какъ по положенію поступать съ ними?

— То есть какъ же это и у насъ? развѣ гдѣ они ужъ наболовали?

— И не говори! Вчера я ѣздилъ въ Сосновку, къ попу: стоимъ это мы съ нимъ у воротъ, подходитъ дьячокъ. Сейчасъ, говорить, къ барину жаловаться на нѣмцевъ ходилъ. Попъ и спрашиваетъ: а что? Да житья, говорить, женѣ моей нѣтъ отъ нихъ: куда ни пойдеть — гоняются за ней, просто срамота выходить.

Я разсмѣялся.

— Нѣтъ ты скажи, если они къ намъ повадятся, какъ на счетъ ихъ въ положеніи сказано?

— Ничего объ нихъ въ положеніи не сказано!

— Значить, озорничать могутъ сколько душѣ угодно?

— Зачѣмъ же. Если набалуютъ что, свяжите ихъ, да и представте къ мировому посреднику.

— А отвѣчать за нихъ проклятыхъ не придется опослѣ?

— Не придется.

— То-то. Третьяго дня, глядимъ, ѣдутъ это они на барсвихъ дрожкахъ всѣ трое у насъ по селу. Проѣхали вдоль по улицѣ и назадъ повернули. Что имъ у насъ высматривать? Мы ихъ вѣдь не трогаемъ? Сняли передъ нами шапки, поклонились имъ честь честью—съ Богомъ!.. А это вѣрно, что озорничать имъ въ положеніи не предоставлено?

— Да вѣдь ужъ я сказалъ, что не придется отвѣчать, и озорничать никому нигдѣ не показано!

— Эхъ, милый другъ, мы люди темные — ну, куда на нихъ жаловаться? А ты послушай-ка, что про нихъ рассказываютъ: съ господами, говорятъ, и пьютъ, и ѣдятъ, и лакеишки имъ прислуживаютъ. Одно слово—сила. Гдѣ намъ!

Пронло еще съ недѣлю. Получаю отъ Дмитрія Павловича обѣщанное приглашеніе. Пишетъ, что машины привезли, завтра ихъ будутъ собирать и пробовать. Разумѣется, поѣхалъ. На дворѣ, на лугу, передъ домомъ была цѣлая выставка сельско-хозяйственныхъ машинъ, выкрашенныхъ во всевозможныя краски: были и синія, и красныя, и зеленыя, и черныя. Дмитрій Павловичъ и человѣкъ пять сосѣдей, раньше меня пріѣхавшихъ, ходили вокругъ нихъ и рассматривали. Три нѣмца и еще два машиниста, прибывшіе съ машинами, разбирали и собирали ихъ. Амалія Ивановна совсѣмъ съ ума сошла. То дѣтей оттаскивала отъ острыхъ зубьевъ какихъ-нибудь конныхъ граблей, то, по просьбѣ какого-нибудь Петра Петровича, переводила его вопросы нѣмцамъ и машинистамъ, буквально ни слова не понимавшимъ по-русски. Я вылѣзъ изъ тарантаса и присоединился къ этой группѣ.

— Сейчасъ будетъ молебень: ихъ окропятъ святой водой, потомъ закусимъ по русскому обычаю и съ Богомъ, сказалъ мнѣ Дмитрій Павловичъ.

Дѣйствительно, вскорѣ на дворъ въѣхалъ въ зеленой тележкѣ батюшка съ дьячкомъ.

— А вотъ и батюшка! Дмитрій Павловичъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

Батюшка, разумѣется, всѣхъ насъ зналъ, со всѣми поздоровался. Пріемлющихъ православіе благословилъ, съ другими ограничился рукопожатіемъ и сказалъ:—А покажите-ка мнѣ эти чудеса заморскія!

Дмитрій Павловичъ началъ объяснять чуть ли ужъ не въ двадцатый разъ дивныя качества каждой машины, а мы, вмѣстѣ съ батюшкой, такое же число разъ удивлялись всему этому. Нѣсколько поодаль ото всѣхъ прочихъ стояла какая-то огромная машина, пузатая, выкрашенная въ зеленую краску, съ красными кантами, съ безчисленнымъ множествомъ зубьевъ, колесъ и колесиковъ.

— Вотъ это такъ чудо дѣйствительно! сказалъ Дмитрій Павловичъ. — Она и молотить, и вѣетъ, и зерно прямо въ мѣшки насыпаетъ. Къ ней есть еще другая паровая машина, которая

ее въ дѣйствіе приводитъ. Обѣ онѣ восемь тысячъ стоятъ, за то въ сутки, если работать на ней и днемъ, и ночью, до двухсотъ копенъ обмолотить.

Батюшка коснулся перстомъ какаго-то колеса, оно легко повернулось, зубья поднялись, какъ у живой, внутри послышалось какое-то стучаніе.

— И малому ребенку она послушаніе, по всему этому, оказывать должна! проговорилъ батюшка.

Вновь прибывшіе машинисты и прежніе нѣмцы все еще продолжали возиться и стучать молотками вокругъ машинъ. Очевидно было, что они еще не скоро ихъ соберутъ, а всѣ ужъ чувствовали, что не худо бы было теперь и позавтракать. Батюшка вывелъ всѣхъ изъ неловкаго положенія вопросомъ: Чтò же, приступать можно? Или сперва благословить и преломить, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль?

Амалии Ивановнѣ поручено было узнать, скоро ли все будетъ готово, и когда она передала отвѣтъ нѣмцевъ, что они надѣются все кончить часа черезъ три, вопросъ о томъ, чему прежде быть — молебну или преломленію, по русскому обычаю, хлѣбасоли, рѣшился самъ собою. Да и самъ батюшка поддержалъ такое рѣшеніе, давъ заключеніе въ томъ смыслѣ, что молебенъ отслужить въ данномъ случаѣ «все единственно», что предъ закуской, что послѣ оной.

И всѣ мы направились къ дому. Въ залѣ ужъ былъ раздвинутъ и накрытъ безконечно длинный старинный, краснаго дерева банкетный столъ. Свои и прїѣзжіе съ гостями лакеи устанавливали тарелки, стаканы, рюмки, бокалы. Любовь Васильевна, съ сознаниемъ торжественности случая, вся озабоченная и серьезная, дѣлала, проходя мимо ихъ, разныя указанія. А гости, между тѣмъ, все подѣзжали и подѣзжали. Собралось ужъ чѣловѣкъ тридцать. На дворѣ передъ конюшнею стоялъ ужъ цѣлый рядъ отпряженныхъ тарантасовъ. Кучера, снимавшіе армяки, въ красныхъ и розовыхъ ситцевыхъ рубашкахъ, вываживали свои усталыя, взмыленные тройки. Оживленіе вида было полное. Когда минутъ черезъ десять, я вошелъ въ кабинетъ, выходящій окнами на дворъ и теперь биткомъ набитый сосѣдями, и посмотрѣлъ въ окно, вокругъ машинъ и нѣмцевъ была уже цѣлая толпа дворни своей и наѣхавшей съ господами. Все это тѣснилось, разсматривало, гудѣло. Даже горничныя, ключница, жены поваровъ, конюховъ—и тѣмъ захотѣлось посмотрѣть на невиданныя диковинки. Кто-то замѣтилъ, что эта толпа, пожалуй, еще съ дуру, а то, чего добраго, и по злому умыслу, какъ бы чего не напортила. Послали сказать, чтобы близко не

подходили, что если хотять смотрѣть, то чтобы приходили ужò, послѣ молебна, когда все будетъ готово, и когда машины будутъ пробовать господа. Я видѣлъ въ окно, какъ лакей съ салфеткой подъ мышкой спрыгнулъ съ крыльца и побѣжалъ на дворъ, гдѣ были разложены машины и гдѣ собралась теперь эта толпа. Онъ что-то имъ говорилъ, жестикуюлировалъ, потомъ началъ любезничать съ прекраснымъ поломъ. Толпа помалась на мѣстѣ еще минутъ пять и начала расходиться въ разныя стороны, точно что-то разсуждала и разводила руками.

Въ кабинетѣ, разумѣется, шелъ разговоръ самый оживленный, полный надеждъ и какой-то затаенной радости, что теперь «никому» не придется кланяться и проч., и проч.

— Кушать готово-сь, объявилъ, появляясь въ дверяхъ, буфетчикъ Ермолай.

— Господа! батюшка! благословите! Господа, закусимъ пока, а тамъ и съ Богомъ! приглашалъ Дмитрій Павловичъ.

Всѣ тронулись въ залъ. Только что кончилось усаживанье, и мы принялись за супъ (завтракъ, по неволѣ, былъ обращенъ въ обѣдъ), какъ къ Дмитрію Павловичу подошелъ лакей и что-то сказалъ ему на ухо. Онъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ, нижняя губа какъ-то отвалилась; глаза безмысленно расплзлись по всѣмъ намъ, сидѣвшимъ противъ него.

Я совершенно безтактно и необдуманно чуть не крикнулъ: что съ вами?

— А? Они пришли...

— Кто пришелъ? Что такое? послышалось со всѣхъ сторонъ. Лакей шопотомъ объяснилъ, что на дворъ пришли мужики, вся деревня.

— Такъ что же?

— Они хотять-сь машины видѣть.

— Ну, и что-жь изъ этого?

— Ничего-сь, замаялся лакей.

— Такъ ступай, спроси, чего они хотять?

Я въ жизни моей не видывалъ такого перепуга, такого паническаго страха, овладѣвшаго цѣлымъ обществомъ, и рѣшительно не могъ понять его причины. Въ эти пять, десять минутъ, которыя прошли со времени ухода лакея къ мужикамъ и до возвращенія его съ отвѣтомъ, что они просятъ, чтобы имъ позволили посмотреть, какъ будутъ пробовать машины, было высказано столько жалкихъ, отчаянныхъ словъ, что можно было бы подумать, что ихъ сказали люди, настигнутые врасплохъ на мѣстѣ какого-нибудь преступленія, а вовсе не невиннѣйшіе Петры

*

Ивановичи и Иваны Петровичи, собравшіеся заниматься такимъ похвальнымъ дѣломъ, какъ «раціональное хозяйство».

— А много ихъ?

— Вся, почитай, деревня.

— Человѣкъ двѣсти?

— Пожалуй, будетъ.

Я и еще двое посовѣтовали Дмитрію Павловичу выйти къ нимъ и вызвались сопровождать его при этомъ.

Когда мы вышли на крыльцо, весь дворъ, дѣйствительно, былъ полонъ мужиками, но всѣ безъ шапокъ, въ самомъ миролюбивѣйшемъ настроеніи.

— Дмитрій Павловичъ! позволь, батюшка, машинки твои поглядѣть! ужъ то-то про нихъ рассказываютъ, что и подумать невозможно....

— Машины? Да... оно, конечно... Однако, что-жь я вамъ сдѣлалъ?

Я дернулъ его за рукавъ. Онъ стоялъ совершеннымъ дуракомъ передъ мужиками: растерянный, перепуганный. Тѣ тоже смотрѣли на него и ничего не понимали, что съ нимъ подѣялось. Имъ объявили, что машины не собраны, что сегодня врядъ ли и будутъ ихъ пробовать, а когда все будетъ готово—отчего же, милости просимъ, очень рады.

— Нельзя ли сегодня посмотреть? День сегодня праздничный—вотъ мы и пришли, а завтра на работу надо.

— Да зачѣмъ же это вы всей деревней-то пришли? спросилъ я.

— А сегодня у насъ старшина былъ, сходъ собиралъ; порѣшили это мы дѣла всѣ, а тутъ ѣдетъ Ефимка кузнецъ, подѣхалъ къ сходу, да и говоритъ: у насъ сегодня господа со всего уѣзда съѣхались — машины аглицкія пробовать привезли. Ну, дѣло праздничное, пойдѣмъ, ребята, и мы — можетъ и мы что увидимъ. Такъ вотъ всѣ и пришли. И старшина тутъ съ нами волостной. Вонъ онъ тамъ на нѣмцевъ съ писаремъ смотритъ, какъ они машины чинятъ.

Позвали старшину. Этотъ тоже началъ просить позволить ему посмотреть, какъ будутъ машины пробовать. Дмитрій Павловичъ, мало-по-малу, наконецъ, пришелъ въ себя, и первымъ чувствомъ, какъ всегда это бываетъ у трусовъ, явилась заносчивость.

— Какъ вы смѣли приходите скопомъ? Я сейчасъ пошлю за посредникомъ. Я, и проч.

Но это выходило ужъ до такой степени глупо, что мы, ассистенты, просто увели его, объявивъ удивленнымъ мужикамъ, что когда все будетъ готово и машины будутъ въ ходу, имъ дадутъ знать, а теперь чтобы шли себѣ домой и долѣе понапрасну не

топтались. И ничего не понимающая, полуниспуганная толпа, сопровождаемая насмѣшками собравшейся дворни, моментально склынула со двора.

А Дмитрій Павловичъ, за обѣдомъ, ужъ совершенно оправившійся, рассказывалъ, какъ онъ усмирилъ мужиковъ, приходившихъ, очевидно, переломать и вообще испортить машины.

Затѣмъ, по обыкновенію, начались шутки, хохоть. Такъ какъ за обѣдомъ было нѣкоторое выпитіе, то имѣющіе обычай хлѣбнуть, хлѣбнули болѣе, чѣмъ слѣдовало, и потому торжественный характеръ, который носило собраніе до обѣда, скоро утратился и замѣнился добродушно-пикантнымъ съ поползновеніемъ на дальнѣйшую выпивку.

Дѣло выходило дрянъ. И Дмитрій Павловичъ, какъ человекъ непьющій, сразу понялъ, что если скандала и не будетъ, то ужъ во всякомъ случаѣ престижъ потерянь, и опыты, долженствовавшіе носить характеръ чего-то въ родѣ священнодѣйствія, теперь, чего добраго, сдѣлаются посмѣшищемъ пьяной толпы. «Господи! молился онъ:—хоть бы тамъ у нихъ (т. е. у нѣмцевъ) что-нибудь разладилось, чтобы можно было отложить опыты до завтра!»

И Богъ услышалъ его молитву. Когда кончился обѣдъ и гости разбрелись по комнатамъ, онъ незамѣтно исчезъ и очутился у машинъ. Попрежнему, нѣмцы стучали молотками, но и на его неопытный глазъ было ясно, что у нихъ что-то не совсѣмъ ладно, что или машины присланы не въ порядкѣ, или нѣмцы этого порядка устроить не могутъ. Спрошенные чрезъ Амалію Ивановну, нѣмцы отвѣчали, что сегодня невозможно все собрать, но завтра все будетъ готово.

Такой отвѣтъ съ одной стороны былъ пріятенъ, а съ другой—скверная мысль мелькнула у него въ головѣ.

— Амалія Ивановна, да вы спросите у нихъ: почему же не готово?

Амалія Ивановна спрашиваетъ и потомъ отвѣчаетъ: потому не готово, что по рисункамъ очень трудно собирать машины, а они ихъ никогда не собирали, а только работать на этихъ машинахъ умѣютъ.

Такъ онъ и ахнулъ, какъ услышалъ это. Да вѣдь они, эти Бутенопы, должны были прислать такихъ нѣмцевъ, которые бы могли не только собрать машины, но въ случаѣ порчи и починить даже? А вмѣсто этого, что они сдѣлали, кого прислали?

— Они говорятъ, переводитъ Амалія Ивановна:—что Gebgüder Бутенопъ всѣхъ своихъ механикусовъ уже разослалъ къ помѣщикамъ, которые раньше Дмитрія Павловича купили у нихъ

машины, а теперь у них остались одни подмастерья, но они все-таки надѣются собрать машины и думаютъ, что выписывать механикуса не придется, развѣ вотъ только для паровой молотилки...

Извѣстiе было отчаянное, убійственное. Блѣдный, потерянный возвратился онъ къ намъ.

— Чтò съ вами опять?

— Это ужасно! Это только съ нами, русскими, могутъ дѣлать! Только, ради Бога, никому не говорите.—И онъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло.—Пойдемте, ради Бога, подумаемъ, что надо дѣлать?

Подумали-подумали и рѣшили: сказать гостямъ, что, по ошибкѣ, нѣкоторыхъ частей къ машинамъ не прислали и что за ними завтра ѣдетъ нѣмецъ въ Москву. А когда будетъ все готово, то Дмитрiй Павлычъ дастъ знать и будетъ очень радъ, если кто прiдетъ.

Гости развѣхались съ страннымъ впечатлѣнiемъ. Кто посмѣивался, кто досадовалъ, но вѣра въ машины и нѣмецъ была такъ сильна, что отъ этой неудачи нисколько не поколебалась. Развѣжаясь, всѣ условливались быть черезъ пять дней у другого сосѣда, Василя Михайлыча, который тоже получилъ машины и нѣмецъ, и тоже звалъ на опыты.

Дѣйствительно, черезъ пять дней, весь уѣздъ собрался на опыты къ Василю Михайлычу. Наканунѣ еще мы получили пригласительныя письма и на конторскомъ бланкѣ писанную красивымъ почеркомъ программу испытанiй машинъ. Письмо это какъ-то уцѣлѣло до сихъ поръ у меня. Строго говоря, это собственно даже не письмо, а какая-то прокламацiя, призывъ на борьбу. Тамъ говорится и о томъ, что дворяне должны вспомнить, что они потомки славныхъ предковъ, что они должны стряхнуть съ себя обуявшую ихъ лѣнь, соединить свои силы на борьбу съ одолюющей насъ грубой физической силой (читай: съ мужиками), что побѣда за нами, потому что въ нашихъ рукахъ, въ нашемъ распоряженiи машины, это послѣднее слово современной науки и т. д., и т. д.

Василiй Михайлычъ, къ которому мы теперь ѣхали, былъ человѣкъ совершенно другого типа, чѣмъ Дмитрiй Павлычъ. Это былъ молодой статскiй совѣтникъ, оставившiй департаментъ по случаю кончины своего родителя и поселившiйся теперь въ большомъ и прекрасномъ имѣнiи. Свои распоряженiя онъ началъ съ

того, что на все неутомимо сталъ накладывать печать порядка, благонамѣренности и благоустройства. Были заведены конторы, выписаны изъ Петербурга всевозможныя канцелярскія принадлежности и такъ какъ пользоваться всѣмъ этимъ никто изъ мѣстныхъ писарей не умѣлъ и, кромѣ того, никто не обаялся способнымъ проникнуться его идеями порядка и проч., то онъ выписалъ изъ Петербурга и того своего департаментскаго подчиненнаго, у котораго однажды крестилъ ребенка, прельстился его (т. е. ребенка) матерью и вступилъ съ нею въ амурныя отношенія. По прибытіи этого старательнаго по службѣ и преданнаго чиновника, дѣла, разумѣется, сейчасъ же пошли надлежащимъ образомъ. Не было во всемъ уѣздѣ ни одного помѣщика, у котораго не валялись бы въ кабинетѣ, по крайней мѣрѣ, десятки разныхъ циркуляровъ, извѣщеній отъ этой замѣчательной конторы. И все это на великолѣпныхъ бланкахъ, на атласной бумагѣ, написано прекраснымъ почеркомъ, засыпано золотымъ пескомъ, перенумеровано и скрѣплено подписями главно-управляющаго конторою, его помощника и писаря.

Садъ, огороды, дворъ и цвѣтникъ передъ домомъ представляли тоже картину полного и невиданнаго въ нашихъ краяхъ благополучія: всѣ деревья были подстрижены, газончики точно выбриты, у каждаго цвѣточка зеленая палочка. Въ глаза сразу бросалось, что хозяинъ доходитъ до всего самъ. Впрочемъ, здѣсь надо оговориться: идея садоваго и цвѣточнаго порядка принадлежала, конечно, самому Василию Михайлычу, но исполненіе или надзоръ за исполненіемъ возлежали на Еленѣ Прокосьевнѣ, женѣ того самаго старательнаго чиновника, о которомъ было упомянуто выше. Она помѣщалась въ премиленькомъ флигелѣ, гдѣ благодарный и очарованный ею хозяинъ свилъ ей тепленькое, уютное гнѣздышко, выходившее окнами на цвѣтникъ. И хотя она была, повидимому, добрѣйшее существо, однако, жены сосѣдей (у которыхъ она, разумѣется, не бывала), встрѣчая ее въ церкви, отворачивались отъ нея, называли ее Иродіадой и зорко смотрѣли, чтобы священникъ не далъ ей первой приложиться ко кресту, или чтобы дьяконъ, вынося изъ алтаря просвиры, посылаемая батюшкой почетнѣйшимъ прихожанамъ, не подалъ бы ей прежде другихъ.

Но на все это она плевать хотѣла. Завела себѣ рыжую кобылу, и какъ угорѣлая скакала на ней, къ великому соблазну сосѣдей и ихъ женъ.

Очень понятно, послѣ этого, что съ ней, «безстыжей», болели даже встрѣчаться (разумѣется, дамы), а нетолько знакомиться. Оттого и теперь на опыты съѣхались одни мужчины.

Единственная дама между нами была она, Елена Прокофьевна, съ своимъ непопозволительно-роскошнымъ бюстомъ, съ невѣроятнопширокими бедрами, какъ у французенокъ на рисункахъ въ «Journal Amusant» и съ посоловѣлыми глазами, какъ у московскихъ жупчихъ послѣ блиновъ. Она одна насъ всѣхъ оживляла и согрѣвала, потому что Василий Михайлычъ, подобно Дмитрію Павлычу, далъ нашему собранію характеръ какого-то священнодѣйствія. Въѣзжая во дворъ, я опять увидѣлъ то же оживленіе, по здѣсь болѣе, такъ сказать, сдержанное и регулированное. Благоустройство и порядокъ такъ и метались въ глаза на каждомъ шагу. У самаго крыльца куча людей въ какихъ-то странныхъ костюмахъ—въ синихъ курткахъ, въ красныхъ жилетахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ; у каждаго въ рукѣ по бѣлой фарфоровой трубкѣ, точно такой, какую носятъ всегда съ собою всѣ нѣмцы. Когда я выходилъ изъ тарантаса, одинъ изъ нихъ назвалъ меня по имени. Я всмотрѣлся и узналъ его. Онъ прежде жилъ у меня работникомъ, потомъ женился и отошелъ. Хорошій, толковый малый.

— Что это ты такъ нарядился, Ефимъ?

— А это, батюшка, ужъ всѣмъ съ сегодняшняго дня такое положеніе отъ барина вышло. Въ нѣмцевъ произвели.

— Зачѣмъ?

— А такъ, машины нѣмецкія—оттого, значить, и платье на работникахъ тоже по нѣмецкому должно быть.

— А настоящіе нѣмцы у васъ выписаны?

— А то какъ же? Шесть нѣмцевъ настоящихъ, да вотъ насъ десять человекъ ряженныхъ...

Въ залѣ меня привѣтствовалъ Василий Михайлычъ.

— Очень, очень радъ говорилъ онъ, пожимая мнѣ руку. — Наше сегодняшнее собраніе прекрасно доказываетъ, что всѣ эти розказни о нашей апатіи — вздоръ, вымыселъ. Мы понимаемъ наши дѣйствительные интересы и нужды, и когда представляется серьезная работа, то не уклоняемся отъ нея и трудовъ не щадимъ и т. д., и т. д.

Онъ былъ хорошъ, даже величественъ въ это время, какъ бываетъ величественъ молодой, но уже прославившійся администраторъ, крото и мудро правящій ввѣреннымъ ему краемъ. Все въ немъ и на немъ было безукоризненно, начиная съ великолѣпныхъ бакенбардовъ, прекрасно расчесанныхъ, до прекрасно сшитаго лѣтяго сѣреньяго сюртучка и удивительно изящныхъ башмаковъ, съ серебрянной пряжкой. Сколько пользы могъ бы онъ принести, управляя какимъ-нибудь столь или не столь отдаленнымъ мѣстомъ?..

— Вы незнакомы? Вы—нехорошій сосѣдъ. Вы рѣдко у насъ бываете.

— А какъ хорошо здѣсь у васъ! Какой климатъ, какой воздухъ! говоритъ «безстыжая», какъ-то выпирая свой непозволительно-развитой бюстъ изъ еле-еле сдерживающаго его чорнаго, поло-сатаго гренадиноваго лифа съ вырѣзкой отъ шеи до половины груди.—Василій Михайлычъ, сослуживецъ моего мужа, пригласилъ насъ погостить къ себѣ. А я такъ рада отдохнуть въ деревнѣ, да и Григорію Иванычу это полезно. Вы не служили въ департаментѣ? О, еслибы вы знали, что такое эта служба! Вы незнакомы съ моимъ мужемъ? Григорій Иванычъ!

Подходить человекъ средняго роста, средней полноты, съ умѣренно-блѣклыми волосами, съ безпредѣльной преданностью въ глазахъ, съ необыкновенно длинной верхней губой, отчего такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ свиснетъ. И мы знакомимся съ нимъ.

— Григорій Иванычъ! раздается голосъ Василя Михайловича:—скажите, мой милѣйшій, сколько вы приказали собрать мужиковъ на опыты?

— Согласно указанію вашего превосходительства, я сдѣлалъ распоряженіе о предоставленіи права въ селѣ каждаму тремъ крестьянскимъ дворамъ имѣть при опытахъ по одному представителю, а для поселковъ Угорѣлова и Прогорѣлова—по одному отъ двухъ дворовъ.

— Почему-жъ такая разница?

— Ваше превосходительство, обсуждая данный вопросъ, изволили замѣтить, что крестьяне села, какъ находящіеся въ ближайшемъ разстояніи отъ района дѣйствія машинъ, могутъ иногда быть совершенно даже случайными свидѣтелями работы того или другого сельско-хозяйственнаго орудія или машины; крестьяне же поселковъ Угорѣлова и Прогорѣлова, удаленные на болѣе значительное разстояніе, естественно имѣютъ меньше на это шансовъ. Принимая это обстоятельство въ соображеніе, вы изволили найти нужнымъ шансы ихъ въ этомъ отношеніи уравнивать. Поэтому и сдѣлано мною такое распоряженіе, какъ соотвѣтствующее виданъ и узананіямъ вашего превосходительства.

Всю эту тираду Василій Михайлычъ прослушалъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ, какъ бы что-то припоминая.

— Да, да, проговорилъ онъ.—Ну, а не знаете ли вы, депутаты ихъ преимущественно какой партіи?.. Я спрашиваю и интересуюсь этимъ, потому что вотъ нѣкоторые изъ нашихъ дорогихъ гостей были дней пять тому назадъ на неудавшихся, къ сожалѣнію, опытахъ у добрѣйшаго нашего Дмитрія Павлыча и раз-

сказываютъ, что тамъ со стороны крестьянъ были попытки сдѣлать демонстрацію, для чего они скопились и явились на барскій дворъ и, только благодаря присутствію духа и энергіи помѣщика, замыселъ ихъ былъ разрушенъ и порядокъ восстановленъ, не прибѣгая къ нежелательнымъ мѣрамъ строгости. Въ виду этого, прежде чѣмъ мы отправимся на опыты, я былъ бы крайне доволенъ, еслибы вы, милѣйшій Григорій Ивановичъ, съ свойственнымъ вамъ тактомъ и умѣньемъ переговорили бы съ депутатами отъ крестьянъ, ознакомились бы изъ разговоровъ съ ихъ образомъ мыслей, цѣлями, направленіемъ, вообще съ ихъ духомъ... Это очень важно, потому что, имѣя подъ собою прозондированную почву, я буду поступать какъ того требуютъ обстоятельства.

И вотъ, согласно желанію его превосходительства, Григорій Ивановичъ отправился зондировать почву, а мы, гости, были приглашены въ столовую на легкую закуску.

Наконецъ, явился Григорій Ивановичъ съ лицомъ до крайности серьезнымъ. Вся фигура его, казалось, была исполнена сознаниемъ важности принесеннаго имъ извѣстія. Василій Михайлычъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу. Разумѣется, ихъ окружили тотчасъ же со всѣхъ сторонъ.

— Ну, что?

Содержаніе рѣчи—именно рѣчи—Григорія Ивановича было таково, что хотя, съ одной стороны, по кратковременности, онъ не успѣлъ основательно проникнуть намѣренія мужиковъ, а потому взять на себя отвѣтственность за нашу безопасность не можетъ, но, съ другой, онъ все-таки полагаетъ возможнымъ немедленно приступить къ опытамъ, такъ какъ состояніе духа депутатовъ, по мнѣнію его, достаточно благопріятно.

Увы! депутаты, прибывшіе изъ поселковъ Прогорѣлова и Погорѣлова съ самаго ранняго утра и не захватившіе съ собою никакой провизіи, уже проголодались и просили дать имъ хоть хлѣба.

— Я сдѣлалъ зависящее распоряженіе, добавилъ Григорій Ивановичъ:—какъ относительно дачи имъ по три фунта хлѣба на человѣка, такъ равно и объ отпускѣ съ огородовъ вашего превосходительства нѣкотораго количества луку, а изъ погребовъ квасу. Кромѣ того, желая поощрить ихъ, я обѣщаль, по окончаніи опытовъ, отъ имени вашего превосходительства, ведро

водки, что было принято ими съ выраженіемъ живѣйшей признательности и даже восторга...

Послѣ этого, онъ вдругъ какъ-то встрепенулся, схватился за часы и, воскликнувъ: Господа! господа! ринулся на другой конецъ комнаты, къ окну, гдѣ стоялъ Василій Михайлычъ, разговаривая съ «безстыжей». «Его превосходительство», выслушавъ напоминовеніе Григорія Иваныча, въ свою очередь посмотрѣлъ на часы и обратился къ намъ. «Господа, время, назначенное для производства опытовъ, наступило и намъ предстоитъ сейчасъ совершить маленькую поѣздку въ поле за двѣ версты отсюда! Милости просимъ!»

Передъ крыльцомъ уже стояла цѣлая вереница колясокъ, колясочекъ, дрожекъ, тарантасовъ, кабріолетовъ и проч. Можно сказать, цѣлый уѣздъ — вся его интеллигенція, краса и гордость — отправлялся дать генеральное сраженіе «грубой физической» силѣ. И моментъ и картина были дѣйствительно торжественны. Впереди, въ изящномъ кабріолетѣ тронулся Григорій Иванычъ, потомъ коляска съ его превосходительствомъ и нашимъ уѣзднымъ предводителемъ, а тамъ ужъ и мы всѣ. «Безстыжая» влѣзла на свою рыжую кобылу и, вся сотрясаясь, проскакала впереди мимо насъ такъ скоро, что мы могли только замѣтить нѣчто круглое и крупное. День былъ чудесный, ясный, даже жаркій, хотя май еще только начинался. По обѣ стороны дороги тянулись озимыя зеленыя, ужъ на четверть поднявшіяся отъ земли. Двѣ какія-то спутанныя лошади прыгали по нимъ. Это возмутило сидѣвшаго со мною маленькаго, кругленькаго, пузатенькаго и ужасно раздражительнаго человѣчка, который почему-то пользовался въ уѣздѣ репутаціей отчаяннаго дуэлиста, хотя въ сущности просто былъ шутъ гороховый.

— Я не могу, кричалъ онъ: — хоть и не мои это зеленыя, а я все-таки не могу этого видѣть. Стой, братецъ! закричалъ онъ кучеру. — Давай возжи, я подержу, а ты сгони лошадей—вѣдь это хуже воровства, денной грабежъ! кипятился онъ.

Покуда кучерь вытаскивалъ изъ-подъ себя возжи, и слѣзаль съ возель, слышался грохотъ нѣсколькихъ телегъ. Я оглянулся. Пять телегъ, запряженныхъ парами, биткомъ набитыхъ мужиками, въ скокъ мчались за нами. Тпру!.. тпру!.. и шапки одна за другой начали слетать съ головъ.

— Вы куда же спѣшите? спросилъ я.

— На опыты приказано, мы въ эти самые епутаты выбраны.

И мы цѣлымъ поѣздомъ отправились догонять опередившихъ насъ гостей.

На широкомъ зеленомъ лугу былъ теперь цѣлый таборъ. На-

право рядъ нашихъ экипажей, потомъ какія-то приспособленія къ чему-то, потомъ что-то въ родѣ походной кухни и наконецъ положительно цѣлая походная канцелярія. Громадный столъ, покрытый новенькимъ зеленымъ сукномъ, былъ устроенъ подковою, кругомъ—болѣе полусотни стульевъ... Передъ каждымъ мѣстомъ листъ бумаги и карандашъ, какія-то книги, планы; нѣсколько полѣвѣе еще столъ, челоуѣкъ на пять—это для писарей, привезенныхъ изъ конторы его превосходительства на случай несомнѣнно предстоящихъ писаній. Писаря стояли возлѣ етола, не смѣя сѣсть въ нашемъ присутствіи. Его превосходительство, подъ руку съ нашимъ предводителемъ, направился къ столу и занялъ мѣсто посрединѣ; направо и налево помѣстилось дворянство.

Предводитель-предсѣдатель счелъ нужнымъ предпослать запискѣ его превосходительства «нѣсколько словъ». Пока говорили эти нѣсколько словъ и пока Василій Михайлычъ читалъ свою записку, я отъ нечего дѣлать разсматривалъ выраженіе на лицахъ депутатовъ, и оглядывалъ картину нашего табора.

Впереди, шагахъ во ста, были врыты въ землю полосатые столбы, а по правую и по лѣвую сторону отъ нихъ стянулся длинный рядъ шестовъ, тоже полосатыхъ, на которыхъ развѣвались желтые, красные, синіе флаги. Очевидно, это были мѣста, на которыхъ сейчасъ начнутся опыты Бутеноповскихъ машинъ, выкрашенныхъ точно также, какъ и у Дмитрія Павлыча, въ разные колера, которыя были разставлены тоже рядами. Тутъ же помѣщалось до двадцати лошадей и пыхтѣлъ и посвистывалъ локомотивъ. Люди, закостюмированные нѣмцами, и настоящіе нѣмцы прохаживались взадъ и впередъ, въ ожиданіи, когда кончится чтеніе.

Наконецъ, оно кончилось, раздались аплодисменты, начались пожатія рукъ и всѣ загалдѣли; Григорій Иванычъ, стоявшій все время возлѣ депутатовъ, что-то такое сказалъ имъ и они закричали: ура! Въ средѣ дворянства послышался хохотъ. Къ мѣсту, огороженному флагами, мы двинулись ужъ толпой; нѣкоторые подошли къ депутатамъ и говорили съ ними.

— Ну, что, ребята, вы не боитесь машинъ? спросилъ я ихъ.

— Эти-то машины—ничего, отвѣчали разомъ нѣсколько челоуѣкъ, указывая на англійскіе плуги, конныя грабли и проч.: — а вотъ ту, говорятъ, (это про локомотивъ) безпремѣнно когда-нибудь разорветъ... къ той не подходи.

— Нѣтъ, не про то я говорю. Боитесь ли вы, что они у васъ работу отобьютъ, т. е. заработки?

— Какіе же заработки? теперь каждому своего дѣла не передѣлать. Господь съ ними!

— Господа! воскликнулъ Григорій Иванычъ: — согласно программѣ, опыты начинаются испытаніемъ сѣялки!

Къ намъ приблизились пять нѣмцевъ, къ животамъ которыхъ была привязаны на помочахъ какія-то плетушки съ ручками съ боку, какъ у шарманки.

— При помощи этой сѣялки, одинъ сѣятель можетъ въ день посѣять до пяти десятинъ. Цѣна такая-то. Начинать! скомандовать Григорій Иванычъ.

Нѣмцы сдѣлали направо кругомъ, завертѣли ручки и два жиденькихъ фонтанчика ржаныхъ сѣмянъ посыпались направо и лѣво черезъ голову каждаго изъ нихъ.

Нѣмцы шагали стройно, нога въ ногу и Григорій Иванычъ и Его Превосходительство сіяли радостью.

— Хорошо? обратился я опять къ мужикамъ.

— А Господь ее знаетъ, какъ она сѣетъ-то. Развѣ на лугу, въ травѣ можно замѣтить, какъ зерно падаетъ?... На будущій годъ, коли уродится, увидимъ.

— Василий Михайлычъ, послушайте-ка, чтò говорятъ! Вѣдь дѣло; а никому изъ насъ и въ голову не пришло.

— Что такое?

Мужикъ повторилъ свои слова и ему.

— Вѣрно, вѣрно! воскликнулъ онъ.—Природнаго ума у нихъ нельзя отнять! какъ-то даже съ грустью добавилъ онъ.— Григорій Иванычъ!

И ему передается замѣчаніе депутата. А нѣмцы все идутъ дальше и разсыпаютъ рожь по травѣ.

— Остановите же ихъ! кричитъ Василий Михайлычъ.— Это обстоятельство, милѣйшій Григорій Иванычъ, надо было предусмотрѣть. Вѣдь мы компрометируемъ себя передъ ними.— И онъ злобно повелъ глазами въ сторону депутатовъ.

Григорій Иванычъ оторопѣлъ до того, что самъ побѣжалъ догонять ужъ далеко отошедшихъ нѣмцевъ.

Разумѣется, всѣ сейчасъ узнали, въ чемъ дѣло; послышался смѣхъ, шутки. Позвали мужика, который сдѣлалъ замѣчаніе. Тотъ даже немножко струсилъ, снялъ шапку и началъ оправдываться. Хохотъ.

— Да нѣтъ, ты что же? Ты правду замѣтилъ!

Кто-то пришелъ въ такой восторгъ, что даже далъ депутату три рубля на водку.

— Какъ же быть теперь? Расчищеннаго мѣста нѣтъ. Ахъ, какая досада! И какъ это глупо все вышло! бормоталъ Василий Михайлычъ.

Но, подобно тому, какъ одинъ мужикъ провормилъ двухъ ге-

нераловъ, такъ и теперь одинъ мужикъ вывелъ насъ всѣхъ изъ затрудненія.

— Да вы, ваше превосходительство, обратился онъ къ Василю Михайлычу:—прикажите одному какому нѣмцу съ машинкой по дорогѣ пройти, травы на ней нѣтъ—оно и будетъ видно, какъ гдѣ каждое зернушко легло.

Задача разрѣшалась такъ просто и такъ скоро, что генераль на нѣсколько мгновеній чисто опалѣлъ. Уставился на мужика и молчить.

— Да ты знаешь ли, изъ какого затрудненія меня вывелъ? наконецъ воскликнулъ онъ.—Тебя какъ зовутъ? Ты откуда?

— Тутюшнй, ваше превосходительство, Оедьва.

— Вотъ это отъ меня возьми. Онъ далъ ему красненьбуу.— Ты, пожалуйста, если что замѣтишь, сейчасъ говори мнѣ. Я вижу, ты, братецъ, не дуракъ.

Пустили нѣмца на дорогу и всѣ стали по бовамъ ея. Что будетъ? Сѣялка сѣяла дѣйствительно превосходно, ровно.

— Руками такъ не посѣешь? спрашивали депутатовъ.

— Я?—нѣтъ; а вотъ Филька Корявый—тотъ посѣеть.

— А онъ здѣсь?

— Здѣсь.

Позвали Фильку Коряваго.

— Можешь такъ посѣеть?

Онъ посмотрѣлъ, почесалъ въ головѣ, встряхнулъ волосами.

— Могу.

Дали ему въ подолъ рубашки ржи и онъ дѣйствительно точно по зернушку разложилъ всѣ зерна.

Это произвело нѣсколько охлаждающее впечатлѣнiе. Авторитетъ сѣялки поколебался.

— Нѣтъ, это штука, все-таки, хорошая. Это ничего, это подспорье; вотъ только, можетъ, она ломкая какая. А то ничего, твердили мужики, къ великой радости Василя Михайлыча, начавшаго относиться къ нимъ и добродушнѣе и осмотрительнѣе. Правда, опыты сразу утратили характеръ департаментскаго священнодѣйствiя, но за то получили хоть какую-нибудь разумность и смыслъ. Дѣло стало походить на дѣло. Григорій Иванычъ, въ душѣ-котораго, по случаю вышеупомянутой непредусмотрительности, былъ настоящій адъ, теперь какъ-то ступевался, потерялъ апломбъ, я хотя былъ тутъ же, но въ то же время, казался, какъ будто его тутъ и не было.

Затѣмъ начались опыты надъ плугами разныхъ системъ, нароконными, четырехконными, шестиконными и т. д.

Широкія и глубокія борозды проводили они по лугу; цѣлые

пласты дерна вырѣзывали и клали на траву землю вверхъ. Всѣ присутствующіе были въ восторгѣ, а мужики и подавно. Василій Михайлычъ ликовалъ. Никто не находилъ нужнымъ желать чего-либо лучшаго. Но дѣйствительность, эта проклятая дѣйствительность, устами другого какого-то депутата, опять отравила нашъ восторгъ. А вопросъ былъ самый простой, самый очевидный.

— Хорошо-то хорошо, словъ нѣтъ, а только это нашимъ лошадямъ не подь силу... Вѣдь теперь какія лошади-то запряжены? Заводскія! гдѣ жъ нашей рабочей лошади такую пахоту выдержать. Вѣдь въ этотъ паровонный плугъ, толковалъ мужикъ:— нашихъ лошадей надо развѣ пару заложить? И четырехъ мало.

И это было вѣрно и всѣ съ этимъ поневолѣ соглашались. Съ этимъ согласился даже и самъ Василій Михайлычъ, бывавшій за-границей, выдавшій тамошнихъ рабочихъ лошадей-гигантовъ, и открывшій теперь намъ Америку извѣстіемъ, что дѣйствительно наши рабочія лошади ни черта не стоятъ, въ сравненіи съ этими заграничными чудовищами.

— Мы заведемъ, мы должны, господа, общими усиліями завести такихъ лошадей и у себя — это необходимо, хотя это и страшно дорого. Цѣны на нихъ и тамъ громадныя. Одно средство—это постепенно разводить ихъ.

— А что же дѣлать пока съ плугами?

— Запрягать по четыре лошади вмѣсто двухъ.

— Передѣлать, приспособить.

— Да можетъ, Бутенопы назадъ ихъ возьмутъ, со скидкой, разумѣется?

— Мнѣ кажется, если я осмѣлюсь вамъ предложить, ваше превосходительство... началъ Григорій Иванычъ.

— Конечно, говорите.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, хотя вы и изволили предположить составить, по окончаніи опытовъ, одинъ общій, за подписью всѣхъ гг. помѣщиковъ, протоколъ объ испытаніи машинъ, но не найдете ли, въ виду нѣкоторыхъ соображеній, болѣе полезнымъ составлять отдѣльные протоколы по испытанію каждой машины или орудія?

— Ахъ, опять начинается эта канцелярія! невольно вырвалось у меня.

— Что вы сказали? обратился ко мнѣ Василій Михайлычъ.

Какъ ни неловко было повторить сказанное прямо ему въ глаза, однако, нечего дѣлать, пришлось это сдѣлать.

— Вы лучше хорошенько мужиковъ распросите, вѣдь имъ работать придется, они лучше насъ знаютъ. Вы только прилас-

кайте ихъ, а то они вонъ другъ съ другомъ говорятъ, а передъ вами не высказываются, добавилъ я.

Но замѣчаніе мое подѣйствовало только въ половину.

— Вотъ, изволите видѣть, сказалъ Василій Михайлычъ: — съ одной стороны нельзя не обратить вниманія на слова Григорія Иваныча, а съ другой, конечно, совершенно справедливо и ваше замѣчаніе. Поэтому, я полагалъ бы принять оба предложенія. Поручить сейчасъ же Григорію Иванычу заготовленіе одобрительныхъ и неодобрительныхъ протоколовъ, а между тѣмъ, принять мѣры, чтобы депутаты отъ крестьянъ высказывались болѣе свободно, т. е. откровенно предъявляли свои замѣчанія и взгляды на то или другое орудіе, и чтобы кто-нибудь принялъ на себя трудъ записывать эти ихъ замѣчанія. Не хотите ли вы?

— Съ удовольствіемъ.

Григорій Иванычъ, торжествующій, ушелъ къ столу заготовлять протоколы, куда за нимъ же послѣдоваль и нашъ предсѣдатель-предводитель, старикъ, ужъ лѣтъ пять совершенно почти выжившій изъ ума. Само собою разумѣется, что я не помню теперь достоинствъ и недостатковъ каждаго орудія или машины, которыя испытывались, да это теперь и ни къ чему не нужно. Сами по себѣ, всѣ онѣ, конечно, были хороши и даже очень хороши, но вопросъ былъ совсѣмъ не въ этомъ. Примѣнны ли онѣ у насъ, можно ли намъ обойтись безъ мужика?—вотъ что въ то время требовалось знать.

На это получался отвѣтъ безошадно отрицательный.

На опытахъ можно еще было сохранить кое-какія розовыя надежды, въ расчетъ на авось, но дѣйствительность скоро разочаровала всѣхъ. Да и тутъ, на опытахъ, кто же сохранилъ розовыя надежды? Они уцѣлѣли только у совершенно ужъ наивныхъ людей. Мужики были всѣ поголовно въ восторгѣ отъ машинъ, но и всѣ поголовно же сказали, что намъ онѣ пока не пригодны. И сказали они это не зря, а подтвердили такими соображеніями, которыя потомъ на практикѣ совершенно оправдали ихъ слова. Такъ, напримѣръ, я запомнилъ сцену съ конными граблями. Орудіе безусловно хорошее, практическое, и мужики его хвалили, но для насъ оно не годится по той простой причинѣ, что имъ работать можно только на совершенно ровной почвѣ, гдѣ не должно быть, что называется, ни сучка, ни задоринки, т. е. какъ разъ наоборотъ съ тѣмъ, что представляютъ обыкновенно наши сѣнокосы, всегда по берегамъ рѣкъ, по низамъ, заливаемымъ водой весною, и усаженнымъ кочками, какъ бородавками. Въ Англіи, во Франціи, гдѣ трава сѣется, эти грабли вещь прекрасная и совершенно кстати, а зачѣмъ, спраши-

вається, купилъ ихъ Василій Михайлычъ? Между тѣмъ, онъ купилъ ихъ тридцать штукъ и, если память мнѣ не измѣняется, онѣ стоили тогда по двадцати съ чѣмъ-то рублей штука.

Вообще, закушена была масса всего, потому что никто и мысли не допускалъ, что управлять машинами гораздо труднѣе чѣмъ крѣпостными мужиками; никто не хотѣлъ понять, что ради машинъ нужно все у себя передѣлать въ хозяйствѣ, и что тогда только эти машины, дѣлающія такія чудеса въ Европѣ, будутъ дѣлать ихъ и у насъ.

И такой именно результатъ, т. е. напрасная трата капитала, получался у всѣхъ, кто покупалъ тогда машины.

Я привелъ въ примѣръ опыты у Василія Михайлыча, потому что онъ ухлопалъ на машины до пятидесяти тысячъ и изъ этой затраты все-таки ровно-ровно ничего не вышло. И волей-неволей, съ страшной досадой, съ глубоко оскорбленнымъ самолюбіемъ, пришлось, въ концѣ концовъ, обратиться опять къ тѣмъ же мужикамъ. Надо было имѣть много характера, чтобы пережить это униженіе, такъ неожиданно смѣнившее розовыя, свѣтлыя и, какъ казалось, такія близкія къ осуществленію мечты. Но кто же былъ виноватъ во всемъ этомъ, какъ не сами же мы?

Теперь дѣло прошлое, стараго не воротить. «Разувасвъ» Осиновку, конечно, не возвратитъ, но, положи руку на сердце, какъ говорится, пусть каждый самъ себя, въ душѣ отвѣтитъ на этотъ вопросъ: неужели можно винить въ своемъ раззореніи кого-нибудь, кромѣ себя, т. е. своей положительной неподготовленности къ дѣлу?

Въ заключеніе, еще нѣсколько строкъ по поводу заведенія у насъ этого несчастнаго «раціональнаго хозяйства».

Такъ какъ подъ этимъ злополучнымъ терминомъ понималось совсѣмъ не то, что слѣдовало понимать, т. е. не разумное веденіе хозяйства съ постепеннымъ усовершенствованіемъ производства, принятіемъ во вниманіе мѣстныхъ условій труда, условій сбыта, а подразумевалась просто пересадка въ нашу Осиновку или Семеновку совершенно произвольно французскаго, швейцарскаго, англійскаго или нѣмецкаго хозяйства, то очень естественно, что при такомъ наивнѣйшемъ взглядѣ на затѣянное дѣло, мы, по своему, пожалуй, даже и логично, пришли къ сознанію необходимости завести у себя и иностранное скотоводство. Тутъ, разумѣется, повторилось совершенно тоже самое, что и съ машинами. Покупались тонкорунныя, нѣжныя овцы, привозились къ намъ, помѣщались въ нашихъ холодныхъ овчарняхъ и гибли, какъ мухи. Если начать рассказывать всѣ случаи такихъ дурачествъ—какъ же это иначе назвать?—мнѣ, кажется, никогда бы

не кончить. Тоже было съ поѣвами заграничныхъ кормовыхъ травъ и хлѣбовъ. Таже необъяснимая самоувѣренность, тотъ же удивительный апломбъ въ перемѣшку съ «авось», вмѣсто знанія и опыта.

И вотъ, усталые отъ такой донкихотской борьбы, убитые нравственно, мы почувствовали непреодолимое отвращеніе къ своимъ родовымъ Осиновкамъ и Семеновкамъ.

Какъ съ ними развязаться?

Купецъ Луповъ покупаетъ.

Аптекарь Карлъ Богдановичъ снимаетъ на аренду.

Кабатчикъ—и то и другое.

Мужики снимаютъ на аренду одну землю.

Все равно, приходи любой!

Сергѣй Атава.

(Продолженіе впереди).

ДѢТСКІЙ И ЖЕНСКІЙ ФАБРИЧНЫЙ ТРУДЪ

ВЪ АНГЛІИ И РОССІИ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, наше министерство финансовъ обратилось къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, близкимъ къ фабрично-заводскому дѣлу, съ рядомъ вопросовъ, касающихся способовъ и средствъ развитія профессиональныхъ знаній и технического образованія между рабочими на фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Такихъ вопросовъ министерствомъ поставлено тринадцать, и всѣ они вращаются около одного и того же пункта; возможно ли и желательно ли у насъ учрежденіе школъ при фабрикахъ съ программой болѣе широкой, нежели какую имѣетъ начальная школа, и притомъ на началахъ обязательныхъ, съ помощью спеціальнаго для того налога. По своей важности, бросаются въ глаза два послѣдніе вопроса, изъ которыхъ 12-й содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Такъ какъ занятіе на фабрикахъ и заводахъ поглощаетъ почти весь рабочий день, то какіе именно часы считались бы удобнѣйшимъ удѣлять на школьныя занятія и какой вообще порядокъ или очередь должны быть приняты, чтобы занятія въ школѣ могли не влечь за собой временнаго прерыва въ ходѣ фабричной работы». Загнѣтъ 13-й и послѣдній вопросъ гласитъ: «Не слѣдуетъ ли установить принципъ обязательнаго посѣщенія школъ для малолѣтнихъ рабочихъ?».

Вопросы эти важны потому, что разрѣшеніе ихъ наводитъ на весьма разнообразныя размышленія, далекія отъ задачи, прямо поставленной въ запросныхъ пунктахъ министерства. Всѣмъ извѣстно, что на нашихъ фабрикахъ (не исключая казенныхъ, на-примѣръ, экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ) дѣти работаютъ столько же, сколько и взрослые, т. е. десять, двѣнад-

*

цать и даже пятнадцать часовъ въ день и, слѣдовательно, къ такой продолжительной работѣ еще прибавить школьный трудъ— просто нѣтъ времени. Это обстоятельство не можетъ, конечно, не быть извѣстно и нашему министерству финансовъ, а потому вопросъ 12-й можно считать не иначе, какъ за признаніе съ его стороны и, слѣдовательно, своего рода официальное заявленіе о неудовлетворительности распорядка времени на нашихъ фабрикахъ и чрезмѣрной длиннотѣ рабочаго дня, поглощающаго у рабочихъ дѣтей самую возможность учиться въ школѣ. Еще любопытнѣе слѣдующій вопросъ, который прямо выставляетъ на видъ право правительства установить принципъ обязательнаго посѣщенія начальныхъ школъ, чего, очевидно, нельзя сдѣлать, не измѣнивши существующей теперь на нашихъ фабрикахъ длины рабочаго дня.

Такимъ образомъ, разрѣшеніе вопроса о школьномъ образованіи оказывается въ тѣсной зависимости отъ правильной постановки болѣе общаго и важнаго вопроса: о работѣ малолѣтнихъ на нашихъ фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ. Первый вопросъ настолько тѣсно связанъ со вторымъ, что не можетъ быть разрѣшенъ особо, какъ это слѣдуетъ и изъ официального заявленія. И, дѣйствительно, нельзя задѣть самаго мелкаго вопроса, имѣющаго отношеніе къ рабочему классу, безъ того, чтобы не убѣдиться въ этой внутренней неразрывности всѣхъ вопросовъ, относящихся къ благоустройству фабрикъ, въ интересахъ рабочаго населенія и въ настоятельной необходимости пересмотра русскаго фабричнаго законодательства. Изъ пунктовъ, поставленныхъ министерствомъ, слѣдуетъ несомнѣнно, что въ вопросѣ о начальномъ образованіи фабричнаго населенія центръ тяжести всего дѣла лежитъ именно въ предварительномъ разрѣшеніи разнообразныхъ вопросовъ, касающихся до работы малолѣтнихъ на фабрикахъ и до отношенія ихъ къ предпринимателямъ. Между тѣмъ, именно въ этомъ отношеніи наше законодательство представляетъ весьма крупныя и существенныя пробѣлы, которые даже нельзя объяснить одною лишь юностью нашей мануфактурной промышленности. Уже съ Петра Великаго правительствомъ обратило особое вниманіе на важность развитія для Россіи промышленности и съ этою цѣлью не щадило ни средствъ, находившихся въ его распоряженіи, ни самыхъ разнообразныхъ способовъ, рекомендуемыхъ западно-европейскою практикою и личными соображеніями правителей: лицамъ, заводившимъ тѣ или другія фабрики или основывавшимъ новыя промышленныя предприятия, выдавались казенныя субсидіи, раздавались крестьяне, жаловались льготы, привилегіи, ссуды и т. д., и т. д. Нако-

нець, въ пользу мануфактурной промышленности заключались болѣе или менѣе выгодные договоры съ иностранными государствами и вводились запретительные и покровительственные тарифы, стоющіе русскому народу многихъ миллионѣвъ лишняго расхода въ пользу промышленниковъ, а для казны представляющіе значительное ограниченіе въ доходахъ. При всѣхъ этихъ многочисленныхъ жертвахъ со стороны народа и государства, однакожь, обязанности, которыя несутъ промышленники по отношенію какъ къ своимъ рабочимъ, такъ и вообще къ странѣ, поражаютъ своею незначительностью. Въ то время, какъ на западѣ отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ строго регулированы и подчинены очень часто стѣснительному и иногда убыточному для фабрикантовъ надзору особыхъ правительственныхъ чиновниковъ (фабричныхъ и санитарныхъ инспекторовъ), наше законодательство представляетъ въ этомъ отношеніи почти сплошной пробѣлъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ, время работы, принятіе мѣръ предосторожности отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и т. д., русское законодательство (за ничтожными оговорками) прямо избавляетъ предпринимателей отъ всякой обязанности и предоставляетъ все дѣло ихъ личному усмотрѣнію или произволу; въ другихъ же отношеніяхъ, напримѣръ, касательно санитарныхъ условій существованія производствъ, хотя и существуютъ нѣкоторыя законодательныя мѣропріятія, но они крайне несовершенны, неполны и въ большинствѣ на практикѣ сводятся ни къ чему, благодаря отсутствію надлежащаго надзора. Эту исключительную свободу отъ правительственнаго вмѣшательства, гдѣ оно всего нужнѣе, нельзя даже объяснить какими-либо особыми тягостями, которыя несетъ наша промышленность въ отношеніи къ государству. Какъ извѣстно, фабричная промышленность Россіи свои обязанности относительно интересовъ фиска выполняетъ далеко не въ должной мѣрѣ: весь доходъ, получаемый казной отъ промышленности, несмотря на ея быстрый ростъ въ настоящее царствованіе, по расчету г. Львова, не превосходитъ какихъ-нибудь ничтожныхъ *трехъ*, много *четырехъ* % съ чистаго дохода, тогда какъ крестьянинъ во многихъ мѣстностяхъ отдаетъ 50% и болѣе всего своего дохода, не пользуясь ровно никакими льготами или казенными субсидіями для своей, такъ-называемой, кустарной промышленности ¹.

Общее юридическое положеніе гласитъ, что извѣстныя права подразумеваютъ непремѣнно существованіе и извѣстныхъ обя-

¹ Д. Львовъ: Промысловый налогъ и методъ его установленія. Казань, 1879, стр. 223.

занностей. Въ данномъ же случаѣ замѣчается совершенная аномалія. Государство даетъ промышленникамъ всѣ права и даже преимущества, почти не возлагая на нихъ никакихъ обязанностей. Государство заинтересовано, чтобы, напримѣръ, фабрика содержалась въ санитарномъ отношеніи наилучшимъ образомъ съ наименьшимъ вредомъ какъ для здоровья рабочихъ, такъ и для окружающаго населенія; государство заинтересовано, чтобы на фабрикѣ были приняты всѣ мѣры предосторожности отъ опасностей, возможныхъ для жизни и здоровья рабочихъ отъ огня и машинъ; государство, наконецъ, заинтересовано, чтобы время труда не было чрезмерно велико, не истощало силъ рабочихъ и не вредило ихъ здоровью. Между тѣмъ, во многихъ изъ указанныхъ случаевъ, интересы фабрикантовъ далеко не всегда солидарны съ выгодами рабочихъ и часто не совпадаютъ съ интересами страны: фабрикантъ прежде всего заинтересованъ, чтобы помѣщеніе фабрики обходилось ему возможно дешево, соблюденіе же многихъ санитарныхъ условій стѣитъ ему лишннихъ денегъ. Точно также онъ заинтересованъ, чтобы трудъ обходился какъ можно дешевле и, слѣдовательно, чтобы рабочий день былъ длиннѣе. Отсюда очевидно, что нельзя предоставить разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ на волю самихъ промышленниковъ и нельзя обойтись безъ разумно-устроенной государственной регламентаціи: личный и частный интересъ не могутъ привести здѣсь къ желаемымъ результатамъ, и только государство можетъ установить и регулировать съ должнымъ безпристрастіемъ взаимныя отношенія рабочихъ и предпринимателей и завести тотъ порядокъ, который наиболѣе желателенъ въ интересахъ цѣлой страны. Такъ и поняли эту задачу государства Западной Европы, гдѣ промышленность развилась раньше нашего и успѣла ранѣе обнаружить нѣкоторые свои недостатки. Вездѣ почти существуютъ нынѣ болѣе или менѣе полные фабричныя кодексы; отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ строго регулированы и установленъ правильный надзоръ за фабриками, заводами и всякими ремесленными заведеніями, и почти лишь одна Россія представляетъ собой въ этомъ отношеніи рѣзкое исключеніе. Очевидно, что и наше русское законодательство должно, наконецъ, обратиться на тотъ же самый путь. Но вѣдь наша фабричная промышленность не развивалась органически, а до извѣстной степени представляетъ плодъ, съ помощью искусственныхъ мѣръ пересаженный съ Запада. Весьма естественно отсюда, что и въ данномъ вопросѣ удобнѣе всего намъ обратиться на тотъ же Западъ, откуда Россія получила и самую форму крупной промышленности, чтобы

поискать тамъ наилучшихъ способовъ восполнить и исправить означенные пробѣлы ¹.

Ни одна страна въ этомъ отношеніи не можетъ быть лучшимъ образцомъ, какъ Англія—родина фабрично-заводской промышленности. Ей принадлежитъ честь тѣхъ великихъ техническихъ изобрѣтеній, которыя создали машинное производство, и въ ней же, несмотря на самую сильную нелюбовь къ государственному вмѣшательству въ чисто-экономическія отношенія, въ ней же появились первые законы, ограничившіе свободу частныхъ сдѣлокъ во взаимныхъ отношеніяхъ предпринимателя съ рабочими. Какихъ-нибудь десять лѣтъ назадъ, англійское фабричное законодательство было единственнымъ достаточно полнымъ и выработаннымъ по всей Европѣ. Почти всѣ континентальныя государства Европы, въ болѣе или меньшей мѣрѣ, подражали ему и даже цѣликомъ, какъ напримѣръ, германское, пересаживали многія положенія англійскаго фабричнаго законодательства на свою почву. Въ настоящее время, нѣкоторыя страны, напримѣръ, Швейцарія, а отчасти и Германія, имѣютъ фабричныя кодексы даже во многихъ отношеніяхъ болѣе совершенныя, нежели Англія, но за послѣдней все-таки остается честь историческаго развитія и выработки этихъ законовъ, при отсутствіи чужаго опыта и достойныхъ прецедентовъ. Когда Адамъ Смитъ, въ концѣ третьей четверти прошлаго вѣка, писалъ свою знаменитую книгу «О богатствѣ народовъ», то всѣ условія промышленности въ то время были весьма непохожи на настоящія. Во всемъ своемъ обширномъ трудѣ А. Смитъ нигдѣ не упоминаетъ о *промышленномъ трудѣ женщины*: говоря о мануфактурѣ, онъ имѣетъ всегда въ виду только одну половину человѣческаго рода—одинъ *мужской трудъ*, а женщинѣ онъ отводитъ мѣсто у домашняго очага лишь какъ хозяйкѣ семейства (the mistress of family) съ соотвѣтствующими этому положенію заботами ². Извѣстно, между тѣмъ, какое великое значеніе въ современной мануфактурѣ имѣетъ женскій, а также дѣтскій трудъ: нѣкоторыя отрасли промышленности преимущественно держатся этимъ трудомъ, а въ другихъ онъ играетъ роль весьма немаловажную. Во всѣхъ, напримѣръ, великобританскихъ фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, въ 1874 г.

¹ Замѣтимъ, что въ настоящей статьѣ (равно какъ ея продолженіи) имѣются исключительно въ виду такъ-называемыя *фабричныя законы* въ тѣсномъ смыслѣ. Законы же *рабочіе* (Labour Laws), трактующіе, напримѣръ, объ условіяхъ между рабочими и предпринимателями, рабочихъ союзахъ и т. п., въ виду обширности и своеобразности послѣднихъ вопросовъ, мы совершенно исключаемъ изъ предѣловъ нашей статьи.

² См. Т. Е. Cliffe Leslie: Essays in Political Economy, 1879 г., стр. 166.

считалось рабочихъ для всего соединеннаго Королевства 1.005,685 человекъ, изъ которыхъ на долю женщинъ приходилось 61%, а на долю мужчинъ только 39%; изъ этого общаго числа насчитывалось 125,886 дѣтей обоого пола, моложе 13 лѣтъ; въ частности, напримѣръ, въ Шотландіи, пропорція женщинъ была еще значительнѣе—71½%¹. Этотъ громадный наплывъ на фабрики женщинъ и дѣтей произошелъ постепенно съ конца прошлаго вѣка, вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ многихъ машинъ, совершенно измѣнившихъ условія промышленнаго труда. Ничтожная сравнительно заработная плата и возможность работы около машины при малой физической силѣ привели къ сказанной замѣнѣ мужского труда женскимъ и дѣтскимъ. Слабыя зависима существа заступили въ промышленности мѣсто сильныхъ и сравнительно самостоятельныхъ мужчинъ и естественно вызвали мысль о необходимости покровительства и внимательства закона въ ихъ пользу. Вотъ причина сравнительно поздняго происхожденія англійскаго фабричнаго законодательства и его своеобразнаго характера.

Фабричное законодательство складывалось постепенно лишь вмѣстѣ съ ростомъ промышленности и расширеніемъ сферы женскаго и дѣтскаго труда и всегда вызывалось на свѣтъ въ формѣ особыхъ актовъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности частными злоупотребленіями, которыя успѣли почему-либо привлечь къ себѣ общественное вниманіе. Главнѣйшія заботы законодательства при этомъ всегда сосредоточивались на болѣе слабой части рабочаго населенія—на дѣтяхъ и женщинахъ. Вполнѣ понятно, что всѣ вредныя вліянія фабричной работы наиболѣе отражаются на слабомъ, еще неразвитомъ организмѣ ребенка и на болѣе слабомъ сравнительно съ мужчиной организмѣ женщины. «Почти вездѣ, говоритъ извѣстный гигиенистъ Эстерленъ:—мы находимъ, что организмъ фабричныхъ рабочихъ преждевременно разрушается и получаетъ большое предрасположеніе къ заболѣванію всякаго рода. Еще больше, чѣмъ мужчины, добавляетъ онъ:—страдаютъ женщины-работницы, подъ давленіемъ своего положенія, и чаще первыхъ онѣ погибаютъ физически и нравственно, отчасти вслѣдствіе своего черезъ-чуръ низкаго заработка, принуждающаго ихъ искать поддержки въ постороннихъ доходахъ, отчасти же вслѣдствіе того, что онѣ менѣе способны переносить непосильный трудъ и физическія лишенія, нежели мужчины²». Еще того менѣе, конечно, способны переносить усилен-

¹ *Fred. Martin's*. Statesman's Yearbook for 1877 г., стр. 267.

² См. *Ф. Эрисманъ*: Профессіональная гигиена или гигиена умственнаго и физическаго труда, 1871 г., стр. 234.

ный трудъ дѣти, которымъ между тѣмъ въ Россіи теперь, а въ Англии прежде, приходилось работать одинаковое число часовъ со взрослыми. Чѣмъ раньше ребенокъ подвергается неблагоприятному вліянію промышленнаго труда, тѣмъ сильнѣе выражается вредное дѣйствіе послѣдняго, тѣмъ быстрѣе разрушается рабочая сила дитяти и тѣмъ менѣе дается ему возможности умственнаго развитія. Таковы тѣ причины, которыя сосредоточили вниманіе англійскаго законодательства преимущественно на двухъ пунктахъ, во-первыхъ, на общихъ санитарныхъ условіяхъ промышленнаго труда, и во-вторыхъ, на условіяхъ собственно женскаго и дѣтскаго труда. Англійское законодательство, какъ мы говорили, складывалось постепенно въ формѣ особыхъ законодательныхъ актовъ, отвосившихся къ отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, въ которыхъ неблагоприятное положеніе дѣтей или женщинъ особенно возбуждало общее вниманіе. Въ этомъ отношеніи исторія англійскаго фабричнаго законодательства очень любопытна, уже потому, что нигдѣ нельзя найти столько матеріала, какъ въ Англии, гдѣ многочисленны слѣдственные комиссіи, назначаемыя періодически парламентомъ, раскрывали такія неслыханныя злоупотребленія, которымъ мудрено было бы повѣрить, еслибы извѣстія о нихъ не происходили изъ источниковъ вполне достоверныхъ.

Чтобы познакомиться съ общимъ характеромъ англійскаго фабричнаго законодательства, достаточно будетъ указать, какимъ образомъ появились на свѣтъ хотя нѣкоторые изъ главнѣйшихъ актовъ, послужившихъ основаніемъ дѣйствующему законодательству¹. Фабричная система производства и необходимость фабричныхъ законовъ имѣютъ, какъ было упомянуто, одно общее происхожденіе, которое заключается во введеніи машинъ и въ постановкѣ механической силы на мѣсто ручной работы. Великія изобрѣтенія конца прошлаго вѣка—Джона Уайта, Аркрайта, Харгрэвса и др. создали громадную хлопчато-бумажную мануфактуру и произвели революцію въ цѣлой системѣ и условіяхъ мануфактурнаго производства. Прежде нежели распространились паровые двигатели, давшіе возможность сосредоточить хлопчато-бумажныи

¹ Главнѣйшіе источники: *J. Henderson: Industrial Legislation, 1879*; рядъ статей въ *Great Industries of Great-Britain by Cassell Patter. and Galpin*; *Dr. Ernst v. Piener: Die englische Fabrikgesetzgebung, 1871*; *Die arbeitenden Klassen Englands von Luulow и Lloyd Jones, 1868*; *Engels: Die Lage der arbeitenden Klassen in England, 1849*; *Karl Marx: Das Kapital, 1873. Zweite Ausgabe. «Пролетаріи и пауеризмъ въ Англии и во Франціи»*; рядъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ», томъ I, и «Новѣйшее фабричное законодательство Великобританіи»: «Отечествен. Зап.» за 1877 годъ.

«фабрики въ городахъ, онѣ были разбросаны въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Ланкашира и Честера, гдѣ только могли пользоваться водяною силою. Быстрый ростъ этой промышленности опережалъ ходъ изобрѣтеній и требовалъ въ тѣхъ отдаленныхъ и малонаселенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ появились фабрики, большаго количества рабочихъ рукъ; но взрослыхъ рабочихъ было мало и они были дороги, и наконецъ, самыя свойства работы требовали настолько малыхъ усилій, что могли исполняться дѣтми и женщинами. Начался наборъ на дѣтей и женщинъ, и прежде всего на дѣтей бѣдныхъ, которыя содержались на счетъ приходоѡ. Вотъ какъ описывалъ ихъ страданія, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, одинъ изъ богатѣйшихъ англійскихъ фабрикантоѡ, отецъ знаменитаго сэра Роберта Пила: «Фабрики заведены были сначала, писалъ онъ: — въ мѣстахъ мало населенныхъ; для того, чтобы приводить машины въ дѣйствиѡ, надобно было занять у большихъ городовъ избытокъ ихъ народонаселенія: и вслѣдствіѡ того, нѣсколько тысячъ дѣтей, отпавшихъ приходами въ ученье, присланы были на эти фабрики изъ Лондона, Бирмингама и другихъ дистриктоѡ. Компанія, въ которой я участвовалъ, одна вызвала для себя тысячу такихъ ученикоѡ. Въ свободное время, я иногда посѣщалъ и осматривалъ наши фабрики, и при этихъ осмотрахъ меня всякій разъ поражалъ болѣзненный видъ этихъ дѣтей и малый ростъ ихъ. Продолжительность ихъ занятій опредѣлялась личнымъ интересомъ управителя фабрики. Чѣмъ больше производилъ работникъ, тѣмъ больше получалъ онъ жалованья, а потому онъ для собственной своей выгоды принуждалъ дѣтей къ чрезмѣрно продолжительнымъ занятіямъ, а чтобы они не жаловались, онъ давалъ имъ незначительное вознагражденіѡ. Скоро я убѣдился, что эти злоупотребленія существовали не на однѣхъ нашихъ фабрикахъ; я узналъ, что и въ другихъ заведеніяхъ изнуряютъ дѣтей слишкомъ продолжительной работой и вовсе не заботятся о чистотѣ рабочихъ комнатъ и возобновленіи въ нихъ воздуха. Тогда я предложилъ парламенту билль объ искорененіи этихъ злоупотребленій и постановленіи извѣстныхъ правилъ для работы дѣтей на фабрикахъ». Актъ, установленный парламентомъ по инициативѣ Роберта Пила въ 1802 году, является предтечею всего англійскаго фабричнаго законодательства. Онъ заключалъ въ себѣ прежде всего предписанія относительно содержанія хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ фабрикъ, къ которымъ онъ только относится, въ чистотѣ и опрятности и обязалъ устраивать должную вентиляцію. Ученики и ученицы, какъ назывались приходскія дѣти, нанятія фабрикою, должны быть, согласно акту

1802 года, прилично одѣты и содержимы, и работа ихъ не должна простираться болѣе двѣнадцати часовъ въ день и въ промежутокъ отъ 6-ти часовъ утра до 9-ти часовъ вечера. Каждый ученикъ или ученица должна была часть дня, въ теченіи четырехъ первыхъ лѣтъ ученичества, посвящать на изученіе чтенія, письма, ариѳметики и закона Божія. Наконецъ, актъ устанавливалъ въ лицѣ мирового съѣзда надзоръ за фабриками. Съѣздъ этотъ на четвертныхъ сессіяхъ назначалъ надзирателей за выполненіемъ закона, изъ которыхъ обязательно одинъ былъ мѣстный мировой судья, другой—священникъ.

Актъ 1802 года важенъ, какъ первый памятникъ законодательства, признавшій обязанность и право государства вмѣшиваться и регулировать отношенія предпринимателя и рабочихъ. Практическое его значеніе было ничтожно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, по неудовлетворительности установленнаго актомъ надзора, невозможно было ожидать отъ мировыхъ судей (часто изъ тѣхъ же фабрикантовъ) и священниковъ охотнаго и настойчиваго исполненія такихъ непріятныхъ и трудныхъ обязанностей, которыя возлагались на нихъ этимъ закономъ. Кромѣ того, какъ сказано, актъ распространялся только на учениковъ изъ сиротъ, раздаваемыхъ приходскими властями по контракту фабриканта: всѣ дѣти, отдаваемые безъ такихъ контрактовъ, на обыкновенныхъ началахъ родителями и родственниками ихъ, не подходятъ подъ предписанія этого акта. Поэтому, когда усовершенствованіе паровой машины дало возможность перенести центры фабричнаго производства въ большіе города, законъ объ ученикахъ 1802 года потерялъ почти все свое значеніе, и родители толпами приводили своихъ дѣтей на фабрики, при чемъ новый законъ на нихъ не распространялся. Тотъ же сэръ Робертъ Пиль, въ виду продолжавшагося зла, которое онъ еще раньше предвидѣлъ и предсказывалъ, потребовалъ назначенія парламентской слѣдственной комиссіи для изслѣдованія положенія дѣтскаго труда на фабрикахъ. Первый отчетъ въ этомъ родѣ, вышедшій черезъ нѣсколько лѣтъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ излагаетъ вредное вліяніе фабричной работы на здоровье дѣтей и неэффективность мѣръ, принятыхъ прежде вышедшимъ закономъ. Въ 1819 и въ 1825 году, выходятъ новые законы, дополняющіе дѣйствіе акта 1802 года. Такъ, они въ первый разъ назначаютъ предѣльный возрастъ 9 лѣтъ, раньше котораго дѣти не допускаются на фабрику, и запрещаютъ работу по воскресеньямъ, продолжая, впрочемъ, ограничиваться преимущественно хлопчато-бумажными фабриками. Эти законы такимъ образомъ прямо устанавливаютъ принципы права вмѣ-

шательства общественной власти въ это дѣло: на государство съ этихъ поръ палагалась обязанность оказывать покровительство тѣмъ, которые не могутъ сами располагать произвольно своею участіемъ. Въ 1831 году, для противодѣйствія вновь возникшимъ злоупотребленіямъ, парламентъ запретилъ употреблять дѣтей для ночныхъ работъ; сами работники въ первый разъ обратили вниманіе на это дѣло, близко до нихъ касавшееся, и рѣшились принять участіе не только въ судьбѣ дѣтей, но сократить и собственные часы работы. Съ этой цѣлью въ значительнѣйшихъ городахъ Великобританіи, Манчестерѣ, Глазго, Лидсѣ и др., пошла сильная агитація, составились комитеты, такъ, напримѣръ, short-time committees, которые посредствомъ митинговъ и адресовъ старались склонить общественное мнѣніе на свою сторону. Комиссія, на которую парламентъ возложилъ вновь обязанность изслѣдовать положеніе дѣтей на фабрикахъ, занималась въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и обнародовала отчеты, которые произвели сильное впечатлѣніе не только въ Англіи, но и во всей Европѣ. Данныя, сообщаемыя этими отчетами о положеніи дѣлъ, представили его въ такомъ ужасномъ видѣ, что возбудили недоувѣріе къ своей правдивости и жалобы фабрикантовъ на пристрастіе показаній, вслѣдствіе чего была назначена новая комиссія. Къ этому времени относится агитація извѣстнаго Роберта Оуена и Ричарда Остлера (Oastler) въ пользу сокращенія времени дѣтскаго фабричнаго труда и вообще пополненія и измѣненія фабричнаго законодательства. Дѣятельность Роберта Оуена слишкомъ всемъ извѣстна, чтобы о ней распространяться: замѣтимъ только, что многое изъ того, къ чему онъ стремился въ измѣненіи законодательства своей страны и что казалось тогда многимъ невыполнимой утопіей, напримѣръ, исключеніе совсѣмъ дѣтей до 10-ти лѣтъ изъ фабрикъ, сокращеніе труда дѣтей до *шести* часовъ и подростковъ до *десяти* часовъ въ день и т. п., признано въ настоящее время дѣйствующимъ закономъ Англіи.

Другой замѣчательный дѣятель, Ричардъ Остлеръ, обратилъ свое вниманіе на положеніе дѣтей на шерстяныхъ и суконныхъ фабрикахъ, на которыя не распространялось дѣйствовавшее законодательство. Шагъ за шагомъ вслѣдъ за хлопчато-бумажной мануфактурой, примѣненіе паровой силы и улучшеніе машинъ увеличили производительность въ этихъ отрасляхъ промышленности и привлекли сюда массу рабочихъ женщинъ и дѣтей. Отсутствие всякихъ законодательныхъ ограниченій создало и здѣсь массу тѣхъ злоупотребленій, которыя привлекли вниманіе общественнаго мнѣнія къ хлопчато-бумажной мануфактурѣ. Слѣдуетъ

замѣтить, что въ это время англійская нація слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за уничтоженіемъ рабства черныхъ невольниковъ: и вотъ, воспользовавшись этой популярной тѣмой, Остлеръ, въ газетѣ «Лидскій Меркурій» (Leeds Mercury) выступилъ съ горячей, пламенной статьей, въ которой раскрылъ близорукость публики, увлекшейся уничтоженіемъ рабства на какихъ-то дальнихъ островахъ и забывавшей о существованіи маленькихъ бѣлыхъ рабовъ у себя дома, влчавшихъ жалкую жизнь на англійскихъ фабрикахъ. «Тысячи маленькихъ дѣтей, писалъ онъ (приводимъ небольшой отрывокъ): — тысячи маленькихъ дѣтей мужскаго и женскаго пола вынуждены работать отъ 7-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, единственно съ антрактомъ (вспомните, британцы, когда вы будете читать это!) въ тридцать минутъ для ѣды и отдыха! Бѣдныя дѣти! вы приносите на жертву жадности, даже безъ утѣшенія, которое имѣетъ петръ-рабъ: вы свободны не болѣе его; вы вынуждены работать такъ долго, какъ того потребуетъ необходимость вашихъ нуждающихся родителей или хладнокровная жадность вашихъ хуже пегели варваровъ-хозяевъ! Вы живете въ хваленой странѣ свободы, а чувствуете и сознаете, что вы рабы, и даже безъ единственнаго утѣшенія, которое имѣетъ петръ. Онъ знаетъ, что собственный корыстный расчетъ его хозяина заключается въ томъ, чтобы онъ жилъ, былъ силенъ и здоровъ. Не то съ вами; вы осуждены работать съ утра до ночи для человѣка, который нисколько не заботится, когда ваши слабые и нѣжные члены надломятся... Черные рабы могутъ быть сравнены съ выючными животными, содержащими для собственнаго употребленія хозяина; бѣлые рабы равняются тѣмъ животнымъ, которыхъ держатъ для отдачи внаймы... Если мнѣ удалось обратить вниманіе моихъ читателей на ужасную и зловредную систему, по которой ведутся нами суконныя фабрики, заключаетъ Остлеръ:—то я уже сдѣлалъ нѣкоторую долю добра. Отчего въ самомъ дѣлѣ дѣти, работающія на нихъ, не должны пользоваться тѣмъ же покровительствомъ отъ законодательныхъ мѣръ, какъ и работающія на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ?»

Письмо Остлера произвело чрезвычайный эффектъ и усилило агитацію въ пользу ограниченія дѣтскаго труда на суконныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ. Въ 1831 году прынсетъ, хотя сильно урѣзанный, билль сэра Робгауга, который ограничилъ продолжительность дѣтскаго труда и запретилъ ночную работу, къ сожалѣнію—противно его стремленіямъ—только для однихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ. Черезъ два года послѣ продолжительной борьбы, во главѣ которой стоялъ лордъ Этли (позднѣе графъ Шэфтсбери) и помянутый Остлеръ, прошелъ новый, самый важ-

ный изъ бывшихъ до тѣхъ поръ законъ, распространявшій свое дѣйствіе на всѣ виды фабрикъ, обрабатывающихъ вологнистыя вещества. Прохожденію новаго закона много способствовало слѣдствіе, произведенное, какъ мы упоминали, новыми комиссарами. Свѣдѣнія, ими собранныя, оказались, противъ ожиданія фабрикантовъ, для нихъ весьма неблагопріятными: по большей части, они подтверждали тѣ показанія, на которыхъ были основаны прежніе отчеты. Комиссары объявляли, что дѣти, употребляемыя на фабрикахъ, работали столько же, сколько и взрослые люди, и что эта чрезмѣрная продолжительность занятія сопровождалась для нихъ слѣдующими послѣдствіями: во-первыхъ, потерей здоровья, во-вторыхъ, болѣзнями, часто неизлечимыми, и въ-третьихъ, совершенною невозможностью получить надлежащее воспитаніе. Они прибавляли при этомъ, что дѣти дѣйствовали не по своей волѣ, что ихъ продавали фабрикантамъ родители, которые присвоивали себѣ зарабатываемыя ими деньги. Комиссары приходили къ тому заключенію, что вмѣшательство законодательной власти было рѣшительно необходимо, чтобы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, и требовали, чтобы работа дѣтей была ограничена восемь или девятью часами въ день.

Новый законъ 1833 года распространился, какъ было сказано, на фабрики, обрабатывающія вологнистыя вещества, слѣдовательно, и здѣсь имѣлъ частный характеръ, хотя болѣе широкій. Въ немногихъ словахъ законодательный актъ 1833 года—единственный изъ старыхъ законовъ, который удержалъ силу до послѣдняго времени, 1878 года—заключается въ слѣдующемъ: онъ въ первый разъ проводитъ рѣзкую границу между такъ называемымъ дѣтскимъ возрастомъ, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ, и возрастомъ подростка, отъ 13-ти до 18-ти! Дѣти должны работать, согласно ему, не болѣе *восьми* часовъ въ день, подростки — не болѣе *двѣнадцати*. До 18-го лѣтняго возраста никто не могъ быть принятъ на фабрику, если не имѣлъ аттестата о своемъ возрастѣ и здоровьѣ. Аттестатъ этотъ долженъ быть подписанъ докторомъ и засвидѣтельствованъ мѣстнымъ начальствомъ. Уменьшая такимъ образомъ для дѣтей число рабочихъ часовъ, актъ хотѣлъ не только оградить ихъ здоровье и физическія силы, но и имѣлъ въ виду сберечь для нихъ время, нужное на воспитаніе. Съ этой послѣдней цѣлью установлено обязательное посѣщеніе школы не менѣе, какъ по два часа въ день. Самая большая польза, принесенная закономъ 1833 года, заключается, впрочемъ, въ томъ, что для исполненія предписанныхъ правилъ принята была мѣра во всѣхъ отношеніяхъ благотѣль-

ная, а именно: правительство получило отъ парламента право назначать четырехъ инспекторовъ для постоянного надзора за фабриками, заводами и мастерскими. Эти инспектора имѣли право посѣщать малолѣтнихъ работниковъ во время ихъ занятій во всякій часъ дня и ночи, предписывать фабрикантамъ правила для обращенія съ ними, наблюдать за веденіемъ счетныхъ книгъ, ревизовать школы и призывать къ суду фабрикантовъ и родителей, виновныхъ въ нарушеніи закона.

Это новое учрежденіе сначала многимъ не понравилось, но нѣтъ сомнѣнія, что если въ Англіи фабричные законы въ настоящее время существуютъ не на одной бумагѣ, а строго выполняются, то этимъ Великобританія обязана хорошей организации института фабричныхъ инспекторовъ; поэтому, конечно, учрежденіе фабричныхъ инспекторовъ и пашло всего больше подражанія въ законодательствахъ континентальной Европы.

Понятно, что нельзя было ожидать первое время строгого выполнения новыхъ законовъ. Тридцатые и сороковые года въ Англіи можно назвать въ численномъ отношеніи уже временемъ господства дѣтскаго и женскаго труда. Такъ, число женщинъ, работавшихъ въ 1841 г., на англійскихъ фабрикахъ составляло въ хлопчато-бумажной промышленности 48%, въ шерстяной—29%. Число дѣтей моложе 20-ти лѣтъ, составляло въ хлопчато-бумажной промышленности 30% на 100, въ шелковой—30%, въ льняной—29%, въ шерстяной—26%. При такомъ множествѣ рабочихъ дѣтей трудно было услѣдить за точнымъ выполненіемъ закона, и кромѣ того, женщины заступали на покровительствуемыхъ закономъ фабрикахъ мѣсто дѣтей, а эти послѣднія, при частномъ характерѣ законодательства, переходили въ тѣ отрасли промышленности, на которыя новые законы не распространялись.

Первое дѣйствіе, которое произвели новые законы, выразилось въ томъ, по донесенію инспекторовъ въ 1837 году, что всѣ фабриканты, чтобы не подчиниться предписаніямъ новаго закона, исключали изъ своихъ заведеній всѣхъ дѣтей, моложе 12-ти лѣтъ. Въ 1835 г., напримѣръ, во всѣхъ фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, было занято 27,715 мальчиковъ и 28,378 дѣвочекъ моложе 13-ти лѣтъ; въ 1850 г. — уже только 21,137 мальчиковъ и 19,638 дѣвочекъ этого возраста, что составляетъ уменьшеніе числа занятыхъ дѣтей на 15,318. Другіе фабриканты пускались на хитрости и посредствомъ фальшивыхъ аттестатовъ относили къ категоріи подростковъ дѣтей, имѣвшихъ въ дѣйствительности не болѣе 11-ти или 12-ти лѣтъ. Кромѣ того, пользуясь недомолвкой закона, не указав-

шаго точно времени начала дѣтской работы, многие фабриканты завели систему такъ называемыхъ фальшивыхъ очередей (false relay), причѣмъ дѣти начинали и кончали работу въ разные часы особыми произвольной численности группами, что создавало такую путаницу и затрудненіе для контроля, что фабричные инспектора не въ состояніи были услѣдить за правильнымъ исполненіемъ закона относительно продолжительности работы. Точно также обходились многіе законы по отношенію къ подросткамъ: на нѣкоторыхъ фабрикахъ заставляли ихъ чистить машины во время часовъ, назначенныхъ для обѣда или для отдыха; или въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ подростки и дѣти не покидали заведенія въ время обѣда, потому что машина ни на минуту не останавливалась; наконецъ, на другихъ фабрикахъ, гдѣ взрослые работали по двѣнадцати часовъ въ день, подростки моложе 18-ти лѣтъ, какъ оказывалось, покидали заведеніе вмѣстѣ со всѣми другими. кромѣ тѣхъ случаевъ, когда на фабрикѣ ожидалось посѣщеніе инспектора.

Въ нашу задачу вовсе не входитъ излагать исторію англійскаго законодательства по данному вопросу, и мы имѣемъ въ виду только познакомить съ общимъ характеромъ, который выражался, какъ было сказано. въ отдѣльныхъ законодательныхъ предписаніяхъ по частнымъ случаямъ. Поэтому мы особенно остановились на первыхъ опытахъ этого законодательства и ограничимся еще лишь двумя болѣе характерными примѣрами; именно, расскажем, какъ явились на свѣтъ законы, регулирующие трудъ дѣтей-трубочистовъ и женщинъ и дѣтей въ рудникахъ.

Первый вопросъ—дѣтская работа трубочистовъ — привлекалъ вниманіе общественнаго мнѣнія очень рано, еще задолго до установленія общихъ фабричныхъ законовъ. Общество было возмущено жалкимъ положеніемъ мальчиковъ, лазающихъ въ каминныя трубы для ихъ чистки (climbing boys) еще въ 1788 году. Нѣкто Иона Генвей, членъ парламента, отнесся съ серьезнымъ интересомъ къ этому вопросу, но, къ сожалѣнію, законъ, имъ предложенный, не принесъ никакой практической пользы. Въ 1800 году и послѣдующее за тѣмъ время, по англійскому обычаю образовались спеціальныя общества единственно съ цѣлью улучшить бытъ маленькихъ трубочистовъ, но опять-таки безъ всякихъ серьезныхъ результатовъ. Донесеніе избраннаго комитета при палатѣ общинъ въ 1817 г. обратило, наконецъ, самое широкое вниманіе всего англійскаго народа на жалкое положеніе несчастныхъ дѣтей, исправлявшихъ обязанность трубочистовъ. Какъ оказалось изъ слѣдствія, мальчики и дѣвочки продавались своими родителями за двѣ или три гинеи мастеру трубочисту. Номинально они закл-

трактовывались, какъ ученики, до достиженія совершеннолѣтія (21 годъ), но огромное большинство изъ нихъ гибло задолго до достиженія этого возраста, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условий жизни, жестокаго обращенія и полнаго пренебреженія къ ихъ судьбѣ. Обыкновенный возрастъ, въ который дѣтей принимали для занятія чисткой трубъ, было 6 или 7 лѣтъ, но какъ исключеніе встрѣчались дѣти-трубочисты 4½ лѣтъ; дѣти болѣе нѣжнаго сложенія при этомъ постоянно предпочитались, потому что они могли удобнѣе карабкаться черезъ узкія отверстія трубъ. О несчастной ихъ судьбѣ донесенія парламентскихъ комиссій сообщаютъ невѣроятныя исторіи, еслибы онѣ не имѣли официальнаго подтвержденія. Обученіе ремеслу, напримѣръ, происходило такимъ образомъ; чтобы заставить ребенка лѣзть въ каминъ хозяинъ-трубочистъ или его старшій помощникъ слѣдовалъ за ребенкомъ и втыкалъ булавки въ его подошвы, дабы заставить лѣзть выше и выше; иногда, какъ выяснило слѣдствіе, этотъ безчеловѣчный способъ замѣнялся иной болѣе ужасной пыткой, а именно, къ подошвамъ маленькихъ дѣтскихъ ногъ прикладывалась зажженная солома! Единственное средство прокладывать себѣ дорогу въ каминъ для маленькаго трубочиста—это карабкаться по трубѣ, опираясь въ ея стѣны локтями и колѣнями. Первые усилія при этомъ всегда стоили содранной кожи, и проходило не менѣе шести мѣсяцевъ, пока указанные части приобрѣтали твердость и жесткость подошвъ, и ребенокъ могъ карабкаться, не причиняя себѣ сильной боли. Мученія же, которыя ему приходилось испытывать въ первые шесть мѣсяцевъ работы, были невообразимо ужасны. Измятые, окровавленные члены натирались солью для того, чтобы, какъ выражались трубочисты, кожа «закалилась» скорѣе. По общему правилу, маленькіе трубочисты въ Лондонѣ помѣщались въ погребахъ, гдѣ спали на мѣшкахъ съ сажей; во многихъ случаяхъ жестокосердые хозяева отправляли ихъ въ баню не чаще, какъ въ шесть мѣсяцевъ разъ. Нужно ли удивляться, что полу-голодные, дурно одѣтые, жестоко избиваемые и окруженные невообразимою грязью, эти маленькіе бѣлые рабы весьма рѣдко выживали длинный срокъ своего ученичества. Тѣ изъ нихъ, которые переживали свои страданія до 14-ти или 15-ти лѣтъ, очень часто были возвращаемы въ приходъ (т. е. въ рабочіе дома) ихъ безсердечными хозяевами. Они выросли изъ того возраста, чтобы продолжать лазать по трубамъ, но ихъ полуизломанные члены и ослабѣвшее тѣло дѣлало ихъ неспособными для всякаго другого занятія. Рабочій домъ оставался единственнымъ прибѣжищемъ для этихъ несчастныхъ дѣтей. Во многихъ случаяхъ смерть предпочиталась этой жалкой, несчастной жизни,

и уголовныя лѣтописи Лондона могутъ доставить длинныя списки убійць и самоубійць трубочистовъ... Въ 1834 году Фоксъ Моль (Maule) внесъ въ палату общинъ проектъ закона, запрещающаго употреблять въ эту работу маленькихъ дѣтей. Лордъ Этли энергично поддерживалъ его предложеніе; но проектъ встрѣтилъ горячее сопротивленіе въ палатѣ лордовъ. Лордъ Гаттингтонъ и лордъ Сеймуръ протестовали, указывая на большую опасность, которой могла подвергнуться вся собственность страны — опасность отъ огня, благодаря значительному уменьшенію, вслѣдствіе принятія этого закона, числа трубочистовъ. Лордамъ удалось затянуть дѣло въ долгій ящикъ, и не раньше, какъ въ 1840 году прошелъ актъ, который запретилъ принятіе въ ученики трубочистовъ ранѣе 16-ти лѣтъ и лазаніе въ трубахъ раньше 21-го года.

Другой характеристичный примѣръ для знакомства съ сущностью исторіи англійскаго фабричнаго законодательства представляетъ собой исторія законовъ, регулировавшихъ трудъ женщинъ и дѣтей въ рудникахъ. Въ 1840 году, по предложенію лорда Этли, палата общинъ обратилась къ королевѣ съ просьбою, чтобы правительство произвело слѣдствіе о состояніи дѣтей и подростковъ употребляемыхъ на работу въ рудникахъ и въ тѣхъ мастерскихъ, на которыя не распространялось дѣйствіе закона, изданнаго въ 1833 году. Отчеты этой комиссіи показали, что законодательство оставляло безъ вниманія тѣхъ, которые всего болѣе нуждались въ его покровительствѣ, и что работа дѣтей на фабрикахъ можетъ показаться даже здоровой и легкой сравнительно съ работой на заводахъ и рудникахъ. «Въ каменно-угольныхъ кояхъ дѣти начинали работать съ 4-хъ лѣтняго возраста; ихъ употребляли тамъ въ качествѣ *трапперовъ* (trapper): они помѣщались въ подземельи въ маленькой узкой нишѣ, находившейся возлѣ двери; обязанность ихъ была весьма немногосложна: они должны были отворять дверь, за которой стояли, чтобы пропускать вагоны съ каменнымъ углемъ и потомъ тотчасъ же закрывать ее снова. Еслибы трапперъ на одну минуту позабылся и не исполнилъ своей обязанности, то газы, отдѣляющіеся отъ угля, могли бы разгорячиться и взорвать все заведеніе на воздухъ. Такимъ образомъ, это маленькое существо, въ которомъ единеніе убивало по большей части всѣ умственныя способности, отвѣчало и за цѣлость руды и за жизнь всѣхъ работниковъ. Нельзя вообразить себѣ ничего печальнѣе существованія такого ребенка. Въ 3 ч. утра онъ уже покидалъ свою жесткую постель и спускался въ шахту, въ которой долженъ былъ оставаться до 5-ти или 6-ти часовъ вечера. Онъ только по воскресеньямъ ви-

дѣлать свѣтъ и дышала тѣмъ чистымъ воздухомъ, который оживляетъ дѣтей такъ же какъ растенія». Когда ребенку наступало 8 или 9 лѣтъ, онъ изъ траппера дѣлался драйверомъ (driver): его заставляли возить на себѣ вагоны изъ того мѣста, откуда работники доставали каменный уголь въ тѣ галлерей, которыя служили для склада. Для этой работы употреблялись безразлично какъ дѣти, такъ и женщины всѣхъ возрастовъ. Всѣ они впрягались въ цѣпь, которая проходила между ногъ и, карабкаясь частью на четверенькахъ и нерѣдко по отвѣсной поверхности, цѣпый день возили на себѣ уголь въ тѣсныхъ, душныхъ и сырыхъ галлерейхъ. Нерѣдко высота галлерей не превосходила 24 дюймовъ, изъ которыхъ не менѣе 6 д. были покрыты водой. Нечего говорить, что всѣ работающіе, безъ различія пола, были полунаги, и уровень нравственности, какъ и умственнаго развитія, поражалъ своею низкостью. Первый законъ, который прошелъ, благодаря этимъ даннымъ, добытымъ слѣдствіемъ комиссіи, прошелъ лишь въ 1842 году, уступая требованіямъ общественнаго мнѣнія. Онъ запретилъ совсѣмъ употреблять женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ для подземной работы въ рудникахъ.

Немногихъ приведенныхъ нами примѣровъ достаточно для знакомства съ характеромъ англійскаго фабричнаго законодательства и его происхожденіемъ. Такимъ образомъ, законы эти появлялись въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда общественное мнѣніе сосредоточивало почему-либо свое вниманіе на существующихъ злоупотребленіяхъ, какъ это видно на приведенныхъ примѣрахъ. Нѣсколько разъ иногда законодательство возвращается втеченіи короткаго времени къ одной и той же отрасли, постепенно расширяя право вмѣшательства въ частную экономическую дѣятельность: первоначально, какъ мы видѣли, идетъ регламентація фабрикъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, гдѣ раньше и въ большей степени сосредоточился дѣтскій и женскій трудъ; сюда относятся законы 1802, 1819, 1825, 1833, 1844 и 1845 гг. Другіе позднѣйшіе акты, напримѣръ, 64 и 67 гг. имѣютъ цѣлью регулировать фабрики и заводы, обрабатывающіе неволокнистыя вещества. Наконецъ, существуютъ спеціальныя законы, имѣющіе въ виду какую-нибудь тѣсную, ограниченную цѣль, какъ, напримѣръ, законъ о регулированіи рабочаго времени женщинъ и дѣтей въ мастерскихъ, 1867 года, или законъ объ освобожденіи отъ празднованія воскресенья лицъ іудейскаго вѣрованія, 1871 года и т. п. Одинъ актъ частью или всецѣло уничтожалъ или урѣзывалъ другой актъ, что, разумѣется, производило крайнюю путаницу въ законодательствѣ и затрудняло съ нимъ знакомство. Многіе акты, вышедшіе по одному и тому же вопросу

*

или для одной и той же отрасли промышленности за разное время до нѣкоторой степени даже могли противорѣчить другъ другу. Однимъ словомъ, все англійское законодательство представляло собой, по справедливому замѣчанію Ломана, «лабиринтъ постановленій, въ которомъ едва могъ ориентироваться специально призванный для руководства ими чиновникъ, а тѣмъ менѣе интересующаяся ими публика»¹. Все это давно вызвало потребность въ консолидаціи и упрощеніи фабричнаго законодательства, и, наконецъ, произошелъ въ своемъ родѣ знаменательный фактъ: 27-го мая 1878 года вышелъ «Актъ о фабрикахъ и мастерскихъ», уничтожившій и замѣнившій собой всё до сихъ поръ дѣйствовавшіе фабричныя законы.

Законъ 1878 года, который вступилъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1879 г., важенъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ уничтожилъ прежнюю путаницу, затруднявшую изученіе англійскихъ фабричныхъ законовъ, и въ ста съ небольшимъ параграфахъ представляетъ въ настоящее время хорошо выработанный кодексъ законодательныхъ правилъ и мѣръ, легко и удобно усвоиваемыхъ. Законъ этотъ раздѣляется на четыре части, почти одинаковаго объема. Первая часть—*общіе законы, относящіеся къ фабрикамъ и мастерскимъ*—обнимаетъ собой правила, соблюденіе которыхъ требуется для всѣхъ фабрикъ и мастерскихъ безъ исключенія; сюда относятся мѣры относительно здоровья, безопасности, времени занятія, часовъ принятія пищи, праздничныхъ дней, образованія дѣтей, аттестатовъ о годности къ работѣ, относительно несчастій. Вторая часть—*спеціальныя предписанія, прилагаемая къ отдѣльнымъ категоріямъ фабрикъ и мастерскихъ*—указываетъ на спеціальныя исключенія относительно времени занятія дѣтей, часовъ на принятіе пищи и аттестатовъ физической годности, частныя исключенія, ослабляющія общій законъ для нѣкоторыхъ фабрикъ и мастерскихъ, добавочный трудъ, ночной трудъ и частныя исключенія въ пользу домашнихъ промышленныхъ заведеній. Третья часть—*администрація, наказанія и судопроизводство*—обнимаетъ предписанія, относящіеся до исполненія обязанностей инспекціи и врачей, выдающихъ свидѣтельства, до порядка, который долженъ быть соблюдаемъ фабрикантомъ, опредѣляетъ штрафы и ходъ судебного разбирательства. Четвертая часть—*опредѣленіе терминовъ, отступленія, мѣстныя примѣненія закона и отмена его въ нѣкоторыхъ случаяхъ*. Эта часть заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ опредѣленіе выражений,

¹ Th. Lohman: Die Fabrik-Gesetzgebungen der Staaten des europäischen Kontinents. Berlin. 1878, стр. 4.

законѣ, специальное изъятіе извѣстныхъ ремеслъ, нѣкоторыя оговорки, примѣненіе закона въ Шотландіи и Ирландіи и, наконецъ, отмѣну предшествовавшихъ актовъ. Кромѣ того, существуетъ особый отдѣлъ приложений, подъ именемъ Schedules, который содержитъ разныя объясненія и главное до-
полненіе къ дѣйствующему закону.

Законъ о фабрикахъ и мастерскихъ 1878 года не имѣетъ той внѣшней стройности и систематичности, которой отличаются нѣкоторыя французскіе и особенно нѣмецкіе законодательные акты. Нельзя однакоже отрицать, чтобы англійское законодательство не имѣло своего рода внутренней системы, которая заключается въ важности трактуемой матеріи. На первомъ планѣ, конечно, должно стоять общее удовлетворительное состояніе фабрикъ и мастерскихъ въ санитарномъ отношеніи, и дѣйствительно, первые же параграфы закона трактуютъ именно объ этомъ. Прежде всего говорится, что во всякой фабрикѣ или мастерской должна быть соблюдаема чистота, вентиляція воздуха и немедленное удаленіе всякихъ выдѣленій и нечистотъ, и затѣмъ что они не должны быть чрезмѣрно переполнены народомъ. Несоблюденіе этихъ правилъ влечетъ за собой штрафъ. Для того же, чтобы обезпечить соблюденіе этихъ предписаній, имѣются во второй части закона болѣе точныя указанія, требующія въ извѣстные сроки бѣленія, крашенія и мытья стѣнъ и половъ фабрики или мастерской, запрещающія употреблять извѣстныя заведенія или части ихъ (напримѣръ булочныя) какъ спальни для рабочихъ, и дѣлающія обязательнымъ устройство вѣровъ или вентиляторовъ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ происходитъ точеніе, полированіе на колесѣ и т. п. процессы, при которыхъ отдѣляется вредная для дыханія пыль.

Затѣмъ, по важности для всѣхъ работающихъ на фабрикѣ, слѣдуетъ *узаконеніе о безопасности*. Машины и разнаго рода механическія приспособленія, это великое благо нашего вѣка, очень часто являются и причиной великихъ несчастій, потери человѣческихъ жизней, увѣчій и изуродованій. Въ Англии давно поняли, что, при усиленной однообразной фабричной работѣ, самая бдительная осторожность не можетъ гарантировать отъ несчастныхъ случаевъ, если не принять должныхъ мѣръ предосторожности со стороны владѣльцевъ промышленныхъ заведеній. На этомъ основаніи англійскій фабричный актъ 1878 г. заключаетъ въ себѣ точныя предписанія о такъ называемомъ *безопасномъ огражденіи* всѣхъ механизмовъ, могущихъ произвести несчастія. Такъ, всѣ подъемныя машины, маховыя колеса, приводы, передачи, чаны, котлы должны быть безопасно ограждены и вообще нахо-

даться въ такомъ положеніи и быть такой конструкціи, чтобы, по возможности, не наносить никакого вреда работающимъ. Всякій предприниматель, нарушившій это предписаніе, штрафуется и, по приказанію инспектора, должно быть немедленно устроено огражденіе всякаго, по его мнѣнію, опаснаго механизма. Впрочемъ, окончательно объ этомъ вопросѣ можетъ быть рѣшено избраннѣйшимъ посредникомъ.

Забываясь, такимъ образомъ, о предотвращеніи несчастій при работѣ на фабрикахъ и мастерскихъ, фабричный актъ въ то же время заключаетъ въ себѣ и нѣкоторыя руководства для поведенія въ этихъ случаяхъ владѣльцевъ съ одной стороны и должностныхъ лицъ—съ другой. Если, вопреки всѣмъ огражденіямъ и предосторожностямъ, случится несчастіе, причиняющее увѣчья или смерть кому-либо изъ работающихъ лицъ, то владѣлецъ, подъ страхомъ штрафа, долженъ немедленно послать письменное извѣщеніе о случившемся несчастіи фабричному инспектору и мѣстному врачу, выдающему свидѣтельство для работы на его фабрикѣ, съ обозначеніемъ мѣстожителства лица поврежденнаго или убитаго и того мѣста, куда онъ перенесенъ послѣ несчастія. Врачъ же, по полученіи такого извѣщенія, долженъ, по возможности, безотлагательно отправиться въ фабрику или мастерскую и произвести слѣдствіе относительно характера и причины смерти или увѣчья, произведенныхъ этимъ несчастнымъ случаемъ, и, въ свою очередь, онъ долженъ въ теченіи двадцати-четырехъ часовъ послать донесеніе обо всемъ фабричному инспектору.

Одна изъ частыхъ причинъ несчастій отъ машинъ замѣчается въ ихъ чисткѣ и смазкѣ во время дѣйствія, и англійское законодательство поэтому категорически запрещаетъ такую работу дѣтямъ, подросткамъ и женщинамъ. Вообще весь фабричный актъ направленъ преимущественно къ покровительству этимъ тремъ категоріямъ лицъ, причемъ подъ словомъ «дитя» разумѣется лицо моложе 14 лѣтъ, «подростокъ»—дѣти обоого пола отъ 14 до 18 лѣтъ и женщина—лицо женскаго пола старше 18 лѣтъ; предписанія измѣняются сообразно характеру промышленныхъ заведеній, на которыя распространяется актъ. Онъ имѣетъ силу, во-первыхъ, для такъ называемыхъ фабрикъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, куда относятся всѣ промышленныя заведенія, гдѣ вода, паръ или другая механическая сила являются двигателями машинъ при обработкѣ хлопка, шерсти, шелка, льна и вообще разнаго рода волокнистыхъ продуктовъ. Во-вторыхъ, актъ имѣетъ силу для фабрикъ, обрабатывающихъ неволокнистыя вещества, куда относятся, во-первыхъ,

двадцать-шесть мануфактурныхъ процессовъ, поименно названныхъ въ актѣ, и во-вторыхъ—всякое промышленное заведеніе, въ которомъ производится приготовленіе, передѣлка, починка или отдѣлка иныхъ предметовъ, съ употребленіемъ въ этихъ процессахъ механической силы въ видѣ воды, пара и т. п. Третью и послѣднюю категорію заведеній, къ которымъ относятся предписанія фабричнаго акта, составляютъ мастерскія, отличающіяся отъ фабрикъ, обрабатывающихъ неволокнистыя вещества, тѣмъ, что въ нихъ производится ручной трудъ, безъ помощи такой механической силы, какъ паръ и вода.

Періодъ занятія работой составляетъ вопросъ первостепенной важности какъ для дѣтей и подростковъ, такъ и для женщинъ, во-первыхъ, потому, что ограниченіе времени труда сберегаетъ здоровье и силы работающихъ и во-вторыхъ, даетъ возможность дѣтямъ имѣть время, необходимое для ученія. До 10 лѣтъ ребенокъ совершенно исключается изъ фабрики; отъ 10 до 14 лѣтъ онъ пользуется правами *ребенка* и періодъ занятій не превосходить *шести* или въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ *семи* часовъ въ обѣихъ категоріяхъ фабрикъ и въ мастерскихъ. При этомъ дѣтская работа совершается смѣнами: ребенокъ занятъ или въ утреннюю смѣну, отъ 6 или 7 часовъ утра до 1 часу, или въ послѣобѣденную смѣну—отъ 1 часу до 6 или 7 часовъ и только въ такъ называемыхъ домашнихъ заведеніяхъ—до 8 часовъ вечера. Существуетъ еще другая система дѣтской работы, такъ называемая система очередныхъ дней: тутъ ребенокъ работаетъ въ одинъ день цѣлыхъ *десять* часовъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующій за этимъ день быть совершенно свободнымъ. При этомъ ребенокъ не можетъ быть занятъ работою долѣе *четыре*хъ съ *половиною* или *пяти* часовъ, смотря по роду фабрикъ, безъ отдыха, по крайней мѣрѣ, въ *полъ-часа*.

Работа подростковъ и женщинъ продолжается двѣнадцать часовъ въ день, изъ которыхъ *два часа* на фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, и *полтора* на другихъ идетъ на обѣдъ и отдыхъ, значить, собственно періодъ занятія продолжается отъ *десяти* до *десяти съ половиною* часовъ.

Въ извѣстныхъ случаяхъ, впрочемъ, существуютъ отступленія, въ которыхъ законъ или ослабляется или, напротивъ, строгость его усиливается относительно періода занятій и другихъ связанныхъ съ нимъ вопросовъ. Такъ, въ указанныхъ во второй части закона случаяхъ рабочее время можетъ кончатся часомъ позднѣе, начинаясь часомъ позднѣе, а государственный секретарь (министръ внутреннихъ дѣлъ), которому принадлежитъ высшій контроль и надзоръ за исполненіемъ этихъ законовъ, можетъ, если

найдеть это нужнымъ, отодвинуть періодъ занятій еще на одинъ часъ въ началѣ и концѣ. Подобныя же отступленія допускаются съ еще большими измѣненіями времени въ кружевныхъ фабрикахъ, пекарняхъ и нѣкоторыхъ иныхъ заведеніяхъ. Точно также, хотя по общему закону, дѣти, подростки и женщины должны имѣть время на принятіе пищи въ одинъ и тотъ же часъ и внѣ фабричнаго помѣщенія, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, а также, по усмотрѣнію государственнаго секретаря, дозволяются отступленія. Такое же отступление, смотря по свойству работъ, имѣется относительно періода занятій для подростковъ и женщинъ, а именно: въ извѣстныхъ, указанныхъ закономъ случаяхъ онъ можетъ быть продолженъ вмѣсто двѣнадцати до четырнадцати часовъ въ сутки. Одинаково съ этимъ, въ то время, какъ общій законъ запрещаетъ ночную работу для дѣтей, подростковъ и женщинъ, существуютъ спеціальныя ослабленія закона, допускающія ночную работу для мальчиковъ 14 лѣтъ и старше на металлическихъ заводахъ, въ типографіяхъ и стеклянныхъ заводахъ.

Обратно съ приведенными примѣрами, относящимися къ ослабленію закона, въ нѣкоторыхъ случаяхъ его строгость усиливается, гдѣ это нужно въ интересахъ сбереженія здоровья работающихъ. Такъ, въ извѣстныхъ производствахъ, каково серебряніе зеркалъ, приготовленіе ртутныхъ бѣлилъ, плавленіе стеколъ, приготовленіе кирпичей и т. д., дѣти и подростки отнюдь не допускаются къ работѣ. Очевидно, законъ постановляетъ это запрещеніе, имѣя въ виду вредное вліяніе означенныхъ производствъ на еще неокрѣпшіе организмы дѣтей и сравнительно слабое здоровье женщинъ.

Далѣе, въ тѣхъ же видахъ сбереженія силъ работниковъ, законъ предусматриваетъ съ пунктуальностью извѣстное количество въ году праздниковъ и полу-праздниковъ, сверхъ которыхъ каждая суббота разсматривается какъ полу-праздникъ и работа оканчивается, за немногими исключеніями, въ 1 и 2 часа пополудни. Въ воскресенье для дѣтей, подростковъ и женщинъ работа безусловно запрещена, исключая когда хозяинъ и рабочіе въ промышленномъ заведеніи принадлежатъ къ еврейскому вѣроисповѣданію; въ послѣднемъ случаѣ, мѣсто воскресенья замѣняетъ обыкновенно суббота, а мѣсто субботы—пятница.

Весь внутренній распорядокъ на фабрикахъ, какъ-то: система работы, часы начала и окончанія работы, время на принятіе пищи, долженъ быть въ формѣ объявленной неперемѣнно вывѣшенъ на фабрикѣ, такъ чтобы быть доступнымъ для лицъ, работающихъ тамъ, и для инспекторовъ, и такой порядокъ не долженъ

быть нарушаемъ произвольно. Кромѣ этихъ объявленій, въ каждой фабрикѣ или мастерской должно быть вывѣшено извлеченіе изъ настоящаго фабричнаго акта.

Вообще фабричный актъ 1878 года относительно дѣтей и подростовъ мудро преслѣдуетъ двѣ цѣли: охраненіе ихъ здоровья и возможность ихъ образованія, и эти два начала бѣлой ниткой проходятъ чрезъ весь законъ. Поэтому, для выполненія первой задачи является важнымъ вопросъ о физической зрѣлости и здоровьи въ моментъ поступленія ребенка на фабрику. Имѣя въ виду такую задачу, законъ постановляетъ, что никакой ребенокъ или подростокъ до 16-ти-лѣтняго возраста не можетъ быть принятъ на фабрику безъ представленія отъ мѣстнаго (особо для того назначеннаго) врача свидѣтельства о своемъ здоровьи и годности для фабричной работы. При этомъ врачу представляется метрическое свидѣтельство, узаконеннымъ образомъ составленное.

Весьма разумнымъ является въ англійскомъ законодательствѣ по этому поводу одно особое постановленіе. Ребенокъ можетъ быть принятъ на фабрику совершенно здоровымъ и въ этомъ смыслѣ получить должное медицинское свидѣтельство; но затѣмъ, въ весьма частыхъ случаяхъ, фабричная работа можетъ губительно отразиться на его здоровьи и единственнымъ для него спасеніемъ можетъ явиться лишь совершенное прекращеніе работы на фабрикѣ; въ этомъ случаѣ англійское законодательство предоставило широкое право фабричному инспектору: каждый разъ, когда по внѣшнему виду ребенокъ или подростокъ моложе 16 лѣтъ покажется ему слабымъ или нездоровымъ, онъ можетъ потребовать его переосвидѣтствованія врачомъ, и только послѣ вторичнаго удовлетворительнаго свидѣтельства работа его на фабрикѣ допускается; въ противномъ же случаѣ, хозяинъ долженъ немедленно отпустить его съ фабрики. Наконецъ, когда ребенокъ переходитъ въ возрастъ подростка (въ 14 лѣтъ), непременно требуется возобновленіе свидѣтельства о годности къ работѣ.

Забота объ образованіи дѣтей, работающихъ на фабрикѣ, выражается въ слѣдующихъ постановленіяхъ. Каждый ребенокъ, работающій на фабрикѣ¹, обязательно долженъ посѣщать, по выбору родителей, какую-нибудь признанную школу, т. е. такую школу, которую правительство признаетъ удовлетворительной для обученія фабричныхъ дѣтей. При этомъ соблюдаются относительно посѣщенія школы такія правила: если ребенокъ занятъ на фабрикѣ по системѣ утреннихъ и послѣполуденныхъ

¹ Къ сожалѣнію, дѣти, работающія въ мастерскихъ, за нѣкоторыми исключеніями, избавлены отъ посѣщенія школъ.

сѣтъ, то обязанъ посѣщать школу каждый день, по меньшей мѣрѣ, одинъ разъ; если же онъ занятъ по системѣ очередныхъ дней, то обязанъ въ каждый будничныи день, предшествующій дню его занятій на фабрикѣ, посѣщать школу не менѣе двухъ разъ въ день. Непосѣщеніе школы допускается только въ праздники и полу-праздники, по причинѣ болѣзни и такъ называемыхъ чрезвычайныхъ случаевъ, непременно удостовѣренныхъ учителемъ. Владѣлецъ фабрики, въ которой дитя работаетъ, долженъ требовать каждую недѣлю отъ учителя школы, посѣщаемой дѣтьми съ его фабрики, представленія свидѣтельства, составленнаго по известной формѣ, объ исправномъ посѣщеніи школы. Несоблюденіе правилъ о посѣщеніи школы падаетъ на отвѣтственность владѣльца фабрики; если же въ данномъ случаѣ оказываются виновными родители, то они подвергаются за это штрафу. Слѣдуетъ добавить, что школьные успѣхи въ обученіи одинаково выгодны въ матерьяльномъ отношеніи какъ для фабриканта, такъ и для ребенка. Въ случаѣ доказанныхъ успѣховъ въ обученіи, дитя 13 лѣтъ можетъ быть переведено въ этомъ возрастѣ (слѣдовательно, за годъ до положеннаго времени) въ категорію подростковъ.

Для того, чтобы всѣ изложенныя мѣры, служація къ огражденію здоровья и жизни и къ образованію рабочихъ, были постоянно исполняемы, фабричный актъ 1878 года подробно излагаетъ права и обязанности тѣхъ лицъ, которымъ поручается наблюденіе за исполненіемъ закона. Лица эти, носяція названіе фабричныхъ инспекторовъ, назначаются отъ времени до времени государственнымъ секретаремъ (или министромъ внутреннихъ дѣлъ) съ согласія государственнаго казначейства относительно числа инспекторовъ и цифры ихъ жалованья. Притомъ, впрочемъ, существуетъ правило, что инспекторомъ не можетъ быть никакое лицо, состоящее владѣльцемъ фабрики или мастерской, или имѣющее какой-нибудь прямой или косвенный интересъ въ какомъ-либо фабричномъ производствѣ. Въ свою очередь, лицо, исполняющее должность фабричнаго инспектора, избавляется отъ всякой приходской и иной выборной службы. Ежегодный отчетъ о дѣятельности инспекторовъ подъ руководствомъ государственнаго секретаря долженъ быть представляемъ парламенту.

Въ цѣляхъ исполненія своихъ обязанностей и приведенія въ дѣйствіе фабричнаго закона, фабричные инспектора имѣютъ право входить и осматривать въ любое время дня и ночи всякую фабрику или мастерскую, если имѣютъ достаточное основаніе думать, что тамъ кто-нибудь занятъ работой; днемъ же инспектора могутъ взойти во всякое иное помѣщеніе, относительно котораго

имѣется основаніе предполагать, что оно представляетъ изъ себя фабрику или мастерскую. Право это — весьма важно, если припомнить извѣстную щекотливость свободолюбивыхъ англичанъ относительно священной неприкосновенности частнаго жилища: *My house is my castle*, «мой домъ—мой замокъ!» говоритъ каждый британецъ. Но мало того: если фабричные инспектора, имѣющіе основаніе опасаться сезьезнаго сопротивленія, то имѣютъ право приглашать съ собой полицейскаго чиновника. Они требуютъ на просмотръ всякіе списки, аттестаты, объявленія и иные документы, веденіе которыхъ обязательно по закону; они производятъ слѣдствія относительно того, исполняются ли на фабрикѣ какъ общія дѣйствующія предписанія относительно общественнаго здоровья, а также спеціально предписанія настоящаго фабричнаго акта; одинаково они могутъ входить и въ ту школу, гдѣ въ данное время учатся фабричныя дѣти. Наконецъ, инспектора имѣютъ право допрашивать всякое лицо, занятое на фабрикѣ или мастерской, и требовать отъ него, буде пожелаютъ, подписи данныхъ показаній.

Владѣлецъ всякой фабрики и мастерской, его агенты и слуги должны доставлять, конечно, фабричному инспектору всѣ необходимыя ему для исполненія его обязанностей средства. Всякое же лицо, которое сопротивляется законнымъ требованіямъ инспектора, или не соблюдаетъ его предписанія, или утаиваетъ какія-нибудь обстоятельства, подвергаются по закону денежному взысканію или иному наказанію.

Единственное ограниченіе въ правѣ входа фабричнаго инспектора въ фабрики и мастерскія дѣлается для тѣхъ помѣщеній, которыя употребляются столько же какъ жилье для извѣстнаго семейства, сколько, какъ фабрика или мастерская. Тутъ онъ долженъ, изложивши предварительно свои резоны, получить право входа отъ государственнаго секретаря или отъ мѣстнаго мирового судьи.

Всякій фабричный инспекторъ долженъ быть снабженъ свидѣтельствомъ о своемъ назначеніи и при исполненіи своихъ обязанностей долженъ, по требованію, предъявлять это свидѣтельство. Всякая поддѣлка такового свидѣтельства, разумѣется, строго наказуется.

Относительно наказанія штрафомъ лицъ, дѣйствующихъ вопреки закону, Англія устанавливаетъ извѣстныя нормы, смотря по характеру нарушеній. Такъ, если фабрика или мастерская содержится вообще не по правиламъ закона, то владѣлецъ ея подвергается штрафу до 10 фунтовъ стерлинговъ. Если онъ занимаетъ работою дѣтей, подростковъ и женщинъ незаконнымъ.

образомъ, то платитъ штрафу 3 или 5 ф. с., смотря потому, происходитъ ли это днемъ или ночью, за каждаго ребенка, подростка или женщину, такимъ образомъ занятую, причемъ, если повтореніе закононарушенія продолжается послѣ того, какъ ему уже дано предостереженіе, то штрафъ этотъ умножается на число разъ или дней, какое повторяется означенное нарушеніе закона. Самый большой штрафъ несетъ владѣлецъ въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь оказывается убитымъ или искалѣченнымъ по милости несоблюденія съ его стороны должнаго огражденія механизмовъ. Денежное взысканіе съ фабриканта въ этомъ случаѣ доходитъ до 100 фунтовъ, которые цѣликомъ или отчасти, по усмотрѣнію государственнаго секретаря, поступаютъ въ пользу семьи лица пострадавшаго.

Не всегда, впрочемъ, денежные взысканія за нарушеніе закона падаютъ на владѣльца фабрики: если ему удастся доказать, что нарушеніе это совершено помимо его воли и знанія, то штрафъ перекладывается на то лицо, которое будетъ признано виновнымъ. Кромѣ того, какъ мы видѣли въ дѣлѣ посѣщенія школь дѣтьми, отъ наказанія за неисполненіе фабричнаго закона не избавляются и родители ихъ; какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ томъ, когда дѣти заняты незаконнымъ образомъ на фабрикѣ съ согласія родителей, послѣдніе подвергаются денежному взысканію до 20 шил. за всякій разъ нарушенія закона.

Въ заключеніе мы добавимъ, что государственный секретарь— въ видахъ того, что законъ не можетъ предусмотрѣть всѣхъ подробностей, видоизмѣняющихъ въ томъ или другомъ отношеніи цѣлесобразность мѣръ, имъ постановленныхъ— получаетъ, согласно акту 1878 года, весьма немаловажныя полномочія и власть. Въ извѣстныхъ указанныхъ закономъ случаяхъ и въ тѣхъ размѣрахъ, которые для того установлены, онъ можетъ, путемъ особыхъ распоряженій, получающихъ значеніе временнаго закона, ослаблять или усиливать и до нѣкоторой степени измѣнять строгость дѣйствующихъ постановленій. Такъ напримѣръ, распоряженіемъ 10-го декабря 1878 г., государственный секретарь Кроссъ предоставилъ нѣкоторымъ фабрикамъ, напримѣръ, типографіямъ, печатающимъ газеты, замѣнять полу-праздникъ субботы, въ виду сильной потребности субботней работы, другимъ днемъ недѣли. Въ другомъ случаѣ, въ виду невозможности точнаго опредѣленія срока окончанія процесса печенія хлѣба и сухарей, государственный секретарь воспользовался своею властью и распространилъ на нѣкоторыя булочныя имѣющееся уже въ законѣ исключеніе о добавочномъ получасѣ работы.

Трудно перечислить всѣ тѣ зловѣщія предсказанія, которыми

встрѣчали противники фабричнаго законодательства появленіе въ Англии въ различное время отдѣльныхъ законовъ, увѣнчанныхъ актомъ 27-го мая 1878 года. Съ ограниченіемъ часовъ дѣтскаго и женскаго труда, на примѣръ, предсказывали сокращеніе мануфактурнаго производства, уменьшеніе англійской промышленности и невозможность для Англии конкурировать со странами континента, гдѣ подобное законодательство еще не было установлено. Мало того, утверждали что самыя рабочіе классы ничего не выиграютъ отъ установленія новыхъ законовъ, что заработная плата неминуемо падеть и, слѣдовательно, матерьяльное положеніе этихъ классовъ ухудшится, свободные же часы времени, какъ результатъ новыхъ законовъ будутъ тратиться задаромъ на пьянство и пустое времяпрепровожденіе, не къ выигрышу, а, напротивъ, къ ущербу для здоровья.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти пророчанія не только не сбылись, но благопріятные результаты превзошли самыя пылкія ожиданія защитниковъ фабричнаго законодательства. Ограниченіе дѣтскаго и женскаго труда во многихъ производствахъ, изъ которыхъ главное—хлопчато-бумажное, немедленно отразилось на условіяхъ труда взрослыхъ рабочихъ мужчинъ. Такъ какъ дѣти во многихъ родахъ мануфактуры служатъ ближайшими непосредственными помощниками взрослыхъ, то сокращеніе часовъ дѣтской работы до шести часовъ повлекло за собой сокращеніе часовъ работъ для взрослыхъ до двѣнадцати и десяти часовъ и, слѣдовательно, видимая опасность въ смыслѣ дурныхъ предзнаменованій какъ бы увеличилась. Въ дѣйствительности же какіе результаты мы видимъ? По единогласному удостовѣренію массы свидѣтельствъ, уменьшеніе времени труда и большая физическая бодрость вслѣдствіе того рабочихъ усилили интенсивность труда: рабочіе, особенно дѣти и подростки, въ болѣе короткое время при поштучной платѣ стали производить большее количество продуктовъ, къ выгодѣ собственной и предпринимателей, нежели какое были въ состояніи производить при прежнемъ длинномъ рабочемъ днѣ. Даже въ первые годы, какъ это утверждаетъ лордъ Шэфтсбѣри, благодаря одному только увеличенію внимательности и прилежанія со стороны взрослыхъ рабочихъ при сокращеніи періода ихъ занятій съ двѣнадцати на десять часовъ, производство уменьшилось всего лишь на $\frac{1}{12}$ часть вмѣсто $\frac{1}{6}$, какъ этого слѣдовало бы ожидать.

Первое дѣйствіе фабричныхъ законовъ, установившихъ строгія требованія о медицинскомъ освидѣтельствованіи дѣтей и объ обязательномъ образованіи, выразилось въ томъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности, для которыхъ эти законы вводились

въ разное время, что наемъ дѣтей на фабрики уменьшился къ обоюдной выгодѣ какъ дѣтей, такъ и фабрикантовъ. Дѣти, исключенныя съ фабрики, въ виду ничтожности своего заработка, приносили весьма малый ущербъ своимъ семействамъ; имѣя возможность въ то же время болѣе набираться здоровьемъ и силою, прежде нежели ихъ возрастъ дозволить имъ опять поступить на фабрику. Кромѣ того, уменьшеніе количества дѣтей равносильно было для взрослыхъ рабочихъ уменьшенію въ нѣкоторомъ родѣ конкуренціи, и, слѣдовательно, не могло не отразиться на заработной платѣ взрослыхъ рабочихъ. Наконецъ, фабриканты, уменьшивши число рабочихъ дѣтей на своихъ фабрикахъ, устремили вниманіе на усовершенствованіе и изобрѣтеніе машинъ, могущихъ замѣнить дѣтскій трудъ, и въ этомъ смыслѣ значительно успѣли. Многочисленные успѣхи машиннаго дѣла въ первой половинѣ этого столѣтія, особенно въ прядильныхъ и ткацкихъ машинахъ, привели къ чрезвычайному усиленію интенсивности производства и наглядно опровергли всѣ опасенія противниковъ фабричнаго законодательства. Въ 1833 году, при среднемъ рабочемъ времени 74 часа въ недѣлю, весь вывозъ изъ Англіи хлопчато-бумажныхъ матерій равнялся 444 мил. ярдовъ, а въ 1860 году, при 50-ти часахъ еженедѣльной работы, вывозъ составлялъ 2,775 милл. ярдовъ. Число фабрикъ хлопчато-бумажныхъ въ 1835 году равнялось всего 987, а въ 1861 году—2887. При этомъ цѣна фабрикатовъ уменьшалась въ то время, какъ прибыль предпринимателя росла. Хлопчато-бумажная матерія въ 1830 году среднимъ числомъ стоила $7\frac{5}{8}$ пенсовъ за ярдъ, въ 1860 году она стоила $3\frac{1}{2}$ пенса. Въ 30 лѣтъ общіе размѣры хлопчато-бумажнаго производства выросли на 384%, тогда какъ цѣна продукта попизилась вдвое. Увеличеніе прибыли предпринимателей доказывается какъ фактомъ увеличенія числа самыхъ фабрикъ, такъ и быстрымъ возростаніемъ доли подоходнаго налога, которая получается отъ промышленнаго класса.

Одинаково ложны оказались опасенія относительно вліянія фабричныхъ законовъ на уменьшеніе заработной платы. Во многихъ случаяхъ заработная плата прямо увеличилась. Такъ, по свидѣтельству доктора Джона Уатса, въ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, отъ 1844 до 1860 года, ея возрастаніе составляетъ отъ 10 до 20%. Въ другихъ случаяхъ, при поштучной или задѣльной платѣ, плата за отдѣльную штуку работы уменьшилась вмѣстѣ съ цѣною продукта, но, благодаря увеличенію интенсивности труда и усовершенствованію машинъ, общій заработокъ рабочаго, какъ свидѣтельствуеъ Пленеръ, увеличился.

Еще благодѣтельныѣе и очевиднѣе результатъ фабричныхъ за-

коновъ отразился на здоровьѣ рабочихъ классовъ. Намъ извѣстно изъ исторіи этихъ законовъ самыя печальныя страницы, представляющія собою описаніе физическаго здоровья рабочихъ классовъ. Длинный рабочій день и ночная работа въ дурно вентилируемыхъ помѣщеніяхъ, утомительное и однообразное занятіе въ извѣстныхъ позахъ тѣла, ухудшало и создавало многія специфическія болѣзни фабричнаго населенія. Тридцати-лѣтній опытъ существованія фабричныхъ законовъ, особенно ограниченія приѣма дѣтей на фабрики до извѣстнаго возраста и сокращенія рабочаго дня, оказалъ въ этомъ отношеніи самыя благопріятныя послѣдствія. Такъ, самое обыкновенное у фабричныхъ рабочихъ уродство—Factory leg (искривленіе ноги), по общему свидѣтельству врачей, нынѣ почти всецѣло исчезло, и всѣ официальные дописанія, обратно со старымъ временемъ, единогласно свидѣлствуютъ о большихъ успѣхахъ въ санитарномъ устройствѣ и положеніи промышленныхъ заведеній. Вентиляція, удаленіе разныхъ отбросовъ, вредныхъ испареній, усовершенствованныя для того аппараты и приспособленія составляютъ отличительную черту почти всякой англійской фабрики, тогда какъ тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ все это являлось исключеніемъ. Вотъ какую перемену къ лучшему въ здоровьѣ фабричныхъ женщинъ отмѣчаетъ докторъ Смитъ, старшій хирургъ въ больницѣ въ Лидсѣ, сравнивая настоящее время съ прежнимъ: «Что меня поражаетъ, говорить онъ:—это удивительное преобразованіе, происшедшее въ строеніи женской половины населенія со времени проведенія этихъ актовъ. Онѣ теперь красивы и цвѣтущи, сильны и мускулисты—не только веселы, но и шутливы. вмѣсто острыхъ угловъ, которые замѣчались прежде въ ихъ фигурахъ, теперь всѣ линіи получили должную округлость, особенно въ плечахъ. Я бы не повѣрилъ такой рѣзкой разницѣ за какіе-нибудь двадцать пять лѣтъ, еслибы мнѣ не пришлось видѣть ее своими собственными глазами». Насколько, вслѣдствіе фабричныхъ законовъ, улучшилось здоровье и увеличились силы дѣтей, можно видѣть изъ слѣдующихъ официальныхъ данныхъ, основанныхъ на многочисленныхъ наблюденіяхъ. Вѣсъ тѣла фабричныхъ дѣтей 10-ти-лѣтняго возраста среднимъ числомъ составлялъ въ 1835 году всего 57 англ. фунтовъ, въ 1874 году этотъ вѣсъ равняется уже 62—74 фунтамъ, въ то время, какъ дѣти земледѣльческаго населенія въ 1873 г. въ этомъ же возрастѣ вѣсятъ 65,29 фунтовъ, а дѣти въ богатѣльняхъ вѣсятъ всего 54,53 фунта, несмотря на сравнительно порядочное содержаніе и умѣренное физическое упражненіе. Почти одинаковая пропорція существуетъ и для остальныхъ дѣтскихъ возрастовъ. Такимъ образомъ, дѣти, работающія

теперь половину того времени, которое дѣти работали въ 1835 году на фабрикахъ, какъ это провѣрено многими тысячами взвѣшиваній, несравненно тяжелѣе и физически крѣпче, и уступаютъ только дѣтямъ природы, каковы дѣти сельскаго населенія. 10-лѣтній фабричный ребенокъ въ настоящее время вѣситъ гораздо больше, нежели 11-ти-лѣтній въ 1835 году и т. д. въ той же пропорціи. Фабричные законы, слѣдовательно, какъ бы на цѣлый годъ увеличили развитіе физическихъ силъ фабричныхъ дѣтей.

Другая сторона фабричныхъ законовъ, касающаяся физической безопасности рабочихъ, а именно законодательство объ огражденіи опасныхъ механизмовъ и обязанности черезъ врача сообщать немедленно инспектору о каждомъ несчастномъ случаѣ, оказала не менѣе полезное дѣйствіе. Эти строгія постановленія, связанная вмѣстѣ съ улучшеніемъ конструкціи новыхъ машинъ, значительно уменьшили число несчастныхъ случаевъ. Напримѣръ, съ 1850 по 1860 годъ, число фабрикъ, подлежащихъ надзору, увеличилось на 38%, количество же несчастныхъ случаевъ—только на 6%, т. е. рациональному, выполняемому не на одной бумагѣ законодательству, Англія обязана, примѣрно, уменьшеніемъ на 32% увѣчій и потерь жизни на своихъ фабрикахъ.

Вліяніе фабричныхъ законовъ на образованіе дѣтей не менѣе благотвѣтельно, чѣмъ и на ихъ физическое здоровье. Первоначально дѣло шло туго по нѣсколькимъ причинамъ. Школьные предписанія первыхъ актовъ, отличались большой неопредѣленностью и не означали съ точностью часа начала и конца дѣтской работы. Кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ школы отсутствовали, и фабриканты не заботились ихъ устраивать, находя возможность обходить законъ. Дѣло измѣнилось съ обязательнымъ введеніемъ дѣтскаго фабричнаго труда только въ утреннюю или послѣполуденную смѣну (не говоря о системѣ очередныхъ дней, уже объясненной): посѣщеніе строго и настоятельно требовалось неподкупными фабричными инспекторами, и вотъ правительство устраиваетъ въ фабричныхъ округахъ само школы, раздаетъ субсидіи частнымъ школамъ, и наконецъ, фабриканты сами принимаются устраивать школы и всячески покровительствуютъ имъ для того, чтобы не лишиться дѣтскаго труда. Въ 1835 году число фабричныхъ дѣтей, обучавшихся въ школахъ не превосходило 47,373, а въ 1868 году, несмотря на значительное уменьшеніе дѣтскаго труда на фабрикахъ, оно увеличилось слишкомъ до 80,000.

Прежде нежели прошелъ фабричный законъ, говоритъ извѣстный фабричный инспекторъ, Редгрэвъ, въ 1862 году, на международномъ конгрессѣ благотворительности, только немногія дѣти

имѣли случай посѣщать школу; послѣдніе же тридцать лѣтъ, каждое дитя моложе 13-ти лѣтняго возраста работаетъ на фабрикѣ только полъ дня, а другое полъ-дня сидитъ въ школѣ не менѣе трехъ часовъ и одновременно дѣлаетъ тамъ хорошіе успѣхи, не теряя возможности увеличивать заработокъ семьи. Дѣти посѣщаютъ теперь несомнѣнно лучшаго сорта школы, нежели тѣ, которыя существовали въ первые дни фабричной инспекціи... Общественныя школы вообще несравненно выше частныхъ, и между тѣмъ въ 1843 году только 19% всѣхъ фабричныхъ дѣтей посѣщали школы перваго рода, тогда какъ нынѣ число посѣщающихъ ихъ достигло 70% общаго числа фабричныхъ дѣтей.

Вообще фабричное законодательство, можно смѣло сказать, оказало на весь англійскій рабочій классъ самое благотѣльное дѣйствіе, особенно благодаря однообразному и сокращенному времени занятія. Ограниченіе строго опредѣленными часами начала и конца работы дѣйствуетъ какъ цѣлебное средство—какъ противъ лѣни, такъ и чрезмѣрной напряженности въ работѣ, одинаково пагубныхъ для нравственности и здоровья, справедливо замѣчаетъ Пленеръ. Болѣе долгіе часы отдыха, въ которыхъ поневоля принимаютъ участіе и взрослые рабочіе, трудъ которыхъ останавливается безъ помощи дѣтей, подростковъ и женщинъ, даютъ болѣе досуга и случая для развитія общечеловѣческихъ сторонъ общественной и семейной жизни, а сокращеніе рабочаго дня, такъ какъ рабочіе классы пользуются имъ надлежащимъ образомъ, служатъ лучшимъ средствомъ къ поднятію ихъ умственнаго уровня. Къ счастью, какъ рабочіе, такъ и предприниматели въ Англии начинаютъ сознавать пользу регулированія работы и образа жизни для обоюдныхъ интересовъ, и фабричное законодательство, возбуждившее негодованіе при своемъ возникновеніи, какъ несправедливое вторженіе въ личную и экономическую свободу, признается нынѣ въ Англии какъ одна изъ основныхъ общественныхъ реформъ и одно изъ благотѣльнѣйшихъ государственныхъ учреждений.

Изъ приведенныхъ данныхъ читатель долженъ достаточно оцѣнить значеніе и важность англійскаго фабричнаго законодательства, послужившаго во многихъ случаяхъ прототипомъ для остальной Европы. Нѣтъ основанія въ этомъ случаѣ и Россіи составить исключеніе; разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь не о слѣпомъ подражаніи, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ новыя законодательныя кодексы другихъ странъ имѣютъ даже преимущество передъ Англійей, почему, конечно, созданіе русскаго фабричнаго кодекса должно основываться на изученіи русской

жизни и потребностей русской промышленности, что, однако, отнюдь не исключает пользования готовым примѣромъ и опытомъ чужихъ странъ.

Въ слѣдующей статьѣ я постараюсь очертить санитарное положеніе нашихъ фабрикъ и усиленно отвѣтить на вопросъ объ условіяхъ дѣтскаго и женскаго труда въ Россіи, и насколько намъ нужно новое фабричное законодательство.

Иванъ Янмуль.

ФРАНЦУЗСКІЕ РОМАНТИКИ.

(Историко-литературные очерки).

Викторъ Гюго.

II.

Роялистскіе мотивы и альтруистическіе идеалы одъ и первыхъ романовъ В. Гюго.—Особенности юношескихъ произведеній его и различныя причины этихъ особенностей.—Переходъ къ бонапартизму и значеніе культа Наполеона въ молодой Франціи въ эту эпоху.—Бонапартистскія оды. Переходъ къ романтическимъ доктринамъ.—Senasle.—Ученіе о значеніи безобразнаго въ искусствѣ. Драма «Кромвель». — Сходныя черты поэзій перваго періода дѣятельности В. Гюго съ поэзіею нашихъ романтиковъ.—Взглядъ В. Гюго на этотъ періодъ его дѣятельности.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что «Оды и баллады» снискали молодому поэту такой быстрый и блистательный успѣхъ и сдѣлали его любимцемъ высшихъ классовъ: въ сжатыхъ поэтическихъ формахъ этихъ одъ роялисты нашли весь свой символъ вѣры, всѣ свои завѣтныя симпатіи и антипатіи, и все это было выражено тѣми роскошно-яркими красками, тѣмъ блестящимъ языкомъ, исполненнымъ сильныхъ и рѣзкихъ метафоръ, какія свойственны перу В. Гюго. Нѣсколько выдержекъ дадутъ намъ понятіе о содержаніи этихъ одъ.

Такъ въ первой же одѣ «Le poète dans les révolutions» (1821). В. Гюго очень эффектно приравниваетъ себя къ Андрею Шенье, выражая готовность снискать своими пѣснями такой-же мучени-

ческій вѣнецъ, какимъ увѣнчался этотъ излюбленный пѣвецъ роялизма. Ода написана въ разговорной формѣ, при чемъ строфы чередуются такимъ образомъ, что черезъ строфу чей-то невѣдомый голосъ усовѣщиваетъ поэта—не присоединять бѣдствій міра къ его собственнымъ несчастіямъ, довольствуясь угрызениями за свои собственные проступки и слезами о своемъ личномъ горѣ, жить въ тиши и мирѣ, наслаждаясь природою и любовью. «Люди, говорить этотъ голосъ:—стремятся къ пропасти, но твои пѣсни не спасутъ ихъ. Для чего же тебѣ блуждать съ ними вдали отъ ясныхъ небесъ. Можешь ли ты прервать цѣпь твоихъ молодыхъ дней, не погубивъ чьей-нибудь доли? Юноша, неужели, у тебя нѣтъ матери? Поэтъ, неужели, ты не знаешь любви?

Но поэтъ черезъ каждую строфу прерываетъ умиротворяющій голосъ гордыми возраженіями, въ родѣ слѣдующихъ:

«Какъ? Неужели мои пѣсни слишкомъ дерзки? Неужели въ дни ужаса оставаться глухимъ къ стонамъ ближнихъ и страдать только за себя? Нѣтъ, поэтъ, добровольный изгнанникъ, утѣшаетъ стонущихъ въ оковахъ; вооруженный своею лирою, онъ бросается въ толпу разъяреннаго народа, подобно Орфею, ринувшемуся въ адъ.

«Если я умру, небо раскроется мнѣ навстрѣчу. Чистая же любовь возвеличиваетъ душу: кто умѣетъ любить, умѣетъ и умирать. Поэтъ, въ дни преступленья, вѣрный гонимымъ за правду, славить героевъ и подражаетъ имъ. Въ жаждѣ мученичества онъ имѣетъ лиру для жертвъ и голову для палачей. Пусть другіе предпочитаютъ небесному мученичеству безчестный покой! Цѣль же, къ которой я стремлюсь, слава, а къ славіи не ведетъ путь счастья. Когда бушуетъ океанъ, альціона трепещетъ, чтобы буря не нарушила ея мирнаго сна на тихо-колеблющейся волнѣ; орелъ же, сынъ бурь, смѣло устремляетъ свой полетъ къ солнцу сквозь мглу тучъ».

Согласно этому идеалу поета въ духѣ Андрея Шенье, В. Гюго цѣлый рядъ одъ посвящаетъ выраженію своихъ легитимистскихъ чувствъ по поводу прошлыхъ и настоящихъ историческихъ событій. Такова ода «La Vendée» (1819 г.), въ которой старый священникъ благословляетъ на смерть горсть вѣрныхъ вандейцевъ, возставшихъ за своего короля, и при этомъ обращается къ нимъ съ слѣдующаго рода предсказаніями:

«Вандея, о благородная земля! о моя несчастная родина! Дорого придется тебѣ заплатить за возвращеніе твоихъ королей. Прежде чѣмъ на нашихъ берегахъ расцвѣтетъ нашъ милый цвѣтокъ (лилія), твоя кровь дважды ороситъ его. Но когда, наконецъ, Европа общими силами истребитъ отростки дерева тира-

ни, всѣ короли будутъ превозноситься, кто арміями, кто громадными флотами, лишь одинъ христіанскій король положить на вѣсы смиренный мечъ старыхъ Бретонцевъ».

Въ одѣ «Louis XVII» (1822 г.) описывается вознесеніе на небо высочайшаго отрока послѣ казни. Оказывается, что въ эту минуту «растворились золотыя врата неба, разверзлась святая святыхъ во всемъ своемъ блескѣ, и праведники увидѣли вознесеніе молодой души въ сонмѣ ангеловъ подѣ звѣзднымъ портикѣмъ, при чемъ раздались съ небесъ голоса: невинный ангелъ, Господь привѣтствуетъ твою молодую славу. Слѣши въ его лоно, чтобы навсегда остаться тамъ, а вы, серафимы, пророки, архангелы, возвѣщающіе хвалы Всевышнему, склоните главы ваши, передъ вами король! Воспойте: передъ вами мученикъ» и т. д.

Въ одѣ «La mort du duc-de-Berry» (1820) слѣдующими красками описывается сцена убійства, происшедшая, какъ извѣстно, при выходѣ герцога изъ цирка:

«Сверкаетъ сталь... Раздается голосъ: войны къ оружію!.. Свершилось. Прибѣгаетъ герцогиня, блѣдная отъ ужаса. Она поддерживаетъ своею рукою герцога, орошая его слезами, а онъ орошаетъ ея кровью. Стелите печальный одръ. Есть ли какая-нибудь надежда? Увы! мертвое молчаніе приговариваетъ къ смерти ея несчастнаго супруга. Не отходите отъ него, герцогиня, въ эту страшную минуту: жестокія попеченія медицины способны сдѣлать смерть еще болѣе ужасною, а ваши—смягчатъ ея ужасъ. Сѣдовласый монархъ, слѣши, время не ждетъ: Бурбонъ готовится низойти къ предкамъ» и т. д.

Кончается же ода слѣдующею библейскою надеждою, возлагаемою поэтомъ на герцогиню и ея дочь:

«Но если Богъ захочетъ выразить свое всемогущество черезъ тебя, о, хрупкая опора королевской отрасли! ты можешь спасти Францію и снова обмануть гнусную надежду адской гидры. Такъ, когда змѣй, источникъ всѣхъ преступленій, заранѣе обрезаеъ своимъ мрачнымъ безднамъ человѣческой родъ, погубленный его коварствомъ, Всевышній упизилъ его сатанинскую гордость: слабая и незащитная женщина попраля пятою его проклятое чело».

Совершенно въ такомъ же родѣ и духѣ являются оды и на прочія современныя событія, относящіяся къ царствовавшей династии. Таковы оды «La naissance du Duc de Bordeaux», «Le baptême du duc de Bordeaux», «Les funérailles de Louis XVIII», «Le sacre de Charles X» и пр. Минуя всѣ эти высокопарныя выраженія роялистскихъ восторговъ, мы остановимся лишь на трехъ одахъ, въ которыхъ наиболѣе рѣзко выставляется міросозерцаніе поэта въ этотъ періодъ его жизни, особенно же отношеніе

его къ прошлому отечества. Таковы оды «La liberté» (1823), «La bande noire» (1823) и «Buonaparte» (1822).

Въ одѣ «La liberté» В. Гюго вотъ въ какомъ образѣ рисуется свободу революціонной эпохи:

«О Боже! Ихъ свобода была безобразнымъ чудовищемъ. Оно именовалось Правдою, потому что было обнажено. раздражалось криками слѣпого безумія и признаніями разнузданнаго порока. Басня могла бы олицетворить кощунственныя неистовства его въ видѣ гнусныхъ когтей Гарцій и тысячи рукъ Эгеона. Добыча разграбленнаго Рима украшала смрадный идолъ. Коршунъ замѣнялъ орла въ его Капитоліи. Адъ населялъ его Пантеонъ.

«Смѣшавъ законы Спарты съ оргіями Содома, готовое посягнуть на все и вся, оно мечтало возвеличить человѣка, отвергнувши его душу и воскрешая древній хаосъ. Дерзая рубить головы королей, гибнувшихъ въ бурѣ, съ цѣлю срывать съ нихъ короны, оно разрушало ихъ оскорбленные троны. Самому Богу. безмолвному въ его небесномъ изгнаніи, оно соблаговолило предложить въ награду, въ видѣ жалкаго клочка вѣчности, вѣчное забвеніе.

«А мудрецы говорили: — слава нашей мудрости. Наступили снова дни Рима и Греціи. Народы, разрывайте ваши постыдныя цѣпи! Свобода! У васъ нѣтъ болѣе господъ кромѣ васъ самихъ. Ибо наша власть зависитъ отъ тебя, державный народъ: будь же счастливъ и свободенъ!

«Лѣстивые тираны! лицемерные ласкатели! О, позоръ! Азія. Африка, гдѣ всѣ ваши султаны! Какъ кротки ихъ скипетры и легки цѣпи сравнительно съ этими ночными палачами» и т. д.

Ода «La bande noire», написанная въ видѣ разговора поэта съ своею лирой, посвящена памятникамъ минувшей, дореволюціонной, феодальной Франціи.

«О стѣны, зубцы и бойницы! восклицаетъ лира поэта:—о валы, рвы и подъемные мосты! Величавые ряды стройныхъ колоннъ! Гордые замки! Смиранные монастыри! Пыльные корридоры и старинныя залы, которые оглашались то священными гимнами, то звуками веселыхъ пировъ! Мѣста, которыя сердце населяютъ химерами! Церкви, въ которыхъ молились наши матери, башни, въ которыхъ сражались наши отцы!

«О, французы! отнесемъ съ благоговѣніемъ къ этимъ развалинамъ! Небо благословляетъ благочестивыхъ дѣтей, которыя сохраняютъ наслѣдіе предковъ въ черныя дни. Будемъ смотрѣть на каждый упавшій камень, какъ на похищенную славу. Заставимъ время приостановиться со своимъ закономъ разрушенія.

Возвратимъ Галловъ Франціи, отдадимъ старые дворцы молодому королю».

Но поэтъ прерываетъ увѣщанія своей лиры слѣдующими словами:

«Замолчи, лира! Ахъ, оставь эти славныя развалины спокойго ниспадать въ бездну, и пусть ни одинъ другъ въ нѣмой скорби не слѣдитъ уныло за ихъ паденіемъ! Свидѣтели, оставленные древностью намъ, стражи оскорбленнаго прошлаго, бѣгите изъ нашего враждебнаго вѣка! Разсыпайтесь, священные останки! Зачѣмъ вамъ бодрствовать, послѣдніе стражи на вѣкъ заснувшаго лагеря?

«И пусть время ускорить свои шаги. И еще бы: развѣ мало среди насъ героевъ, которые изгоняли королей изъ ихъ оскорбленныхъ могилъ и являлись палачами мертвыхъ! Слава и честь этимъ храбрецамъ, этой гордости нашего вѣка! Спарта и Римъ никогда не видали такихъ прекрасныхъ подвиговъ! Они восторжествовали надъ могильными камнями, раздробили кости и рассыпали прахъ! Слава имъ: они приговорили къ смерти могилы!

«Ну, что-жь, собирайтесь готовьтесь къ наступленію, закаленные въ бояхъ воины! Передъ вами врагъ, достойный вашей храбрости: развалины и останки! Входите безъ страха въ открытыя ворота, осаждайте пустыя башни; подобныя побѣды безопасны. Но не будьте богатырей этихъ тѣнъ; эти тѣни, которыя нѣкогда выигрывали битвы, примутъ васъ за иностранцевъ...»

Не менѣе мрачными красками изображаетъ онъ и Наполеона въ одѣ «*Вуонапарте*». По его мнѣнію, это былъ одинъ изъ тѣхъ живыхъ бичей, которые посылаетъ разгнѣванное Небо, когда люди, усыпленные его долготерпѣніемъ, пренебрегаютъ мертвыми бичами, въ видѣ урагана, чумы или землетрясенія. «Не разъ уже, говоритъ поэтъ:—возставали среди народовъ эти страшныя лица небесной грозы, и то самое проклятіе, которое возносило ихъ на высоту величія, потомъ низвергало ихъ. Страшныя исчадія Немврода, они господствовали надъ народами мечемъ и огнемъ. Въ своей нечестивой славѣ, обильной бѣдствіями, эти посланники неба казались выходцами изъ ада». Одною изъ подосынныхъ выходцевъ изъ ада видитъ поэтъ и въ Наполеонѣ.

По этимъ выдержкамъ читатели могутъ судить, съ какимъ восторгомъ должны были читаться оды молодого поэта въ роялистскихъ салонахъ. Онѣ задѣвали самыя слабыя струны сердца всѣхъ этихъ жрецовъ прошлаго и били по этимъ струнамъ во всю мощь пробуждавшагося генія. Правда, что между Андреемъ Шенье, пѣвшимъ свои пѣсни въ моментъ полного разгара революціонной бури и положившимъ голову на плаху за нихъ,

и В. Гюго, выступившимъ со своими роялистскими восторгами въ эпоху реставраціи и списавшимъ этимъ земныя блага, была нѣкоторая разница. Но въ этомъ виновато было время, а не самъ поэтъ. По крайней мѣрѣ, въ одахъ этихъ не замѣтно ни тѣни какой-либо задней мысли, въ видѣ замаскированного желанія поддѣлаться къ господствующему режиму и выиграть этимъ. Напротивъ того, каждая строка ихъ дышетъ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Вы такъ и видите передъ собою юношу, воспитаннаго въ духѣ строгаго роялизма и выкладывающаго передъ вами всю свою душу. Безъ сомнѣнія, въ эти годы онъ одинъ въ неизмѣримо большей степени вѣрилъ во все, что воспѣвалъ, чѣмъ всѣ его читатели, взятые вмѣстѣ. Этотъ непосредственный и чистый юношескій энтузіазмъ придавалъ, конечно, еще болѣе обаянія одамъ. Утомленные холодною, ходульною риторикою тогдашнихъ литературныхъ корифеевъ, читатели эти давно уже не слыхали такихъ искреннихъ и горячихъ звуковъ. Среди геттоши и гнили, на нихъ вдругъ повѣяло благоухающею свѣжестью молодой жизни.

Къ тому же, не одними только роялистскими восторгами наполнены эти оды. Вы встрѣчаете въ нихъ выраженія такихъ высокихъ идеаловъ и молодыхъ честныхъ стремленій, которыя не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ режимомъ, который воспѣвалъ В. Гюго. Такъ, напримѣръ, этотъ режимъ, если и допускалъ идеалъ поэта, въ видѣ мученика за идеи, но лишь въ особенныя, исключительныя минуты, въ родѣ смерти А. Шенье. Но, конечно, частое повтореніе подобныхъ моментовъ крайне было бы нежелательно съ точки зрѣнія этого режима; оно равнялась бы отреченію самаго режима. Совершенно иной идеалъ поэта изстари былъ взлелѣянъ на его почвѣ, именно идеалъ поэта-эпикурейца, исполненнаго тонкой лести и подобострастія, чуждаго всякихъ дразгъ жизни и вѣчно пребывающаго въ волшебномъ мірѣ воздушныхъ грѣзъ. А между тѣмъ, какъ только заходитъ рѣчь о томъ, каковъ долженъ быть поэтъ, В. Гюго, съ своею обычною рѣзкостью, отрицаетъ этотъ излюбленный идеалъ господствовавшего режима и выставляетъ поэта то мученикомъ за правду, то другомъ гонимыхъ, то пророкомъ, бичующимъ общество. Мы видѣли уже, чего требуетъ онъ отъ поэта въ моменты общественныхъ бурь. Есть и другая ода, въ которой В. Гюго еще въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ, безъ всякой роялистской окраски рисуетъ свой идеалъ поэта. Это именно—«*La lyre et la hague*» (1822). Здѣсь, въ разговорѣ лиры и арфы, рѣзко рисуются два идеала поэзіи—языческій и христіанскій. Вотъ въ какой противоположности представлены они:

Ли́ра. Покойся, о сынъ Аполлона! Лавры его вѣнчаютъ тебя! Спи въ мирѣ! Девять сестеръ чтутъ тебя, какъ короля. Ихъ воздушныя хоры окружаютъ тебя грѣзами и лира звучитъ надъ тобою.

Арфа. Пробудись юноша, дитя горя! Мечты заслоняютъ день отъ твоихъ отуманенныхъ очей, и въ то время, какъ ты спишь, твой убогій братъ тщетно ждетъ у дверей твоихъ!

Ли́ра. Твои юныя грѣзы стремятся къ славѣ! Дитя, муза раскрыла твои очи и безсмертной памятью увѣнчала твое лучезарное имя! Напрасно угрожаетъ тебѣ Сатурнъ; Олимпъ произошелъ отъ Парнаса, поэты творятъ боговъ.

Арфа. Человѣкъ, женщина была твоею матерью. Она плакала надъ твоею колыбелью. Стдадай и ты. Твоя эфемерная жизнь дрожить и таетъ, какъ свѣча. Твой путь на землѣ строго предначертанъ свыше и мѣсто могилы твоей опредѣлено.

Ли́ра. Твоя кроткая муза зоветъ тебя въ пустыню. Удались въ какой-нибудь мирный и плѣнительный уголокъ. Мудрецъ бѣжитъ отъ людей въ этотъ желѣзный вѣкъ. Бѣги и ты. Тамъ, близъ своихъ скромныхъ ларь, внимай, какъ стонетъ вдали среди городовъ стоголосая вражда. Что за дѣло счастливному отшельнику, что буря опустошаетъ землю, если она едва колышетъ верхушки его лѣса.

Арфа. Богъ, воздающій каждому по дѣламъ его, пребываетъ съ тѣмъ, кто ему служить. Ступай въ среду нечестивой толпы, какъ Иоаннъ, явившійся изъ пустыни. Ступай и проповѣдуй суетному народу, въ грохотѣ бури возвыщай ему гнѣвъ Божій и чтобы голосъ твой поражалъ ихъ слухъ, пусть онъ заглушаетъ шумъ городской жизни.

Ли́ра. Наслаждайся! Рѣка жизни струитъ свои волны въ рѣку тѣней. Мудрый, если встрѣчаются ему на пути мрачныя дни, посвящаетъ ихъ богамъ, бросаетъ ихъ на вѣтеръ, и наконецъ, когда блѣдная смерть приходитъ къ нему неожиданной гостьей, онъ протягиваетъ ей руку съ своего ложа, и, смѣясь надъ невѣдомымъ, погружается въ безпробудный сонъ, мечтая о сладостномъ утрѣ.

Арфа. Поддержи твоего брата, если онъ шатается, плачь, когда видишь его страданія, усердно бодрствуй и ревностно молись, живи, непрестанно памятуя, что должно умереть, и т. д.

Рядомъ съ подобнымъ высокимъ идеаломъ поэта встрѣчаются въ его одахъ прославленія подобныхъ же идеаловъ мученическаго героизма и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ жизни. Такова, на-примѣръ, ода его «Le dévouement» (1821), которую онъ заканчиваетъ слѣдующими двумя пламенными строками:

«О счастливые смертные, вы, которые презираете смерть и пренебрегаете ея ударами, кто может сравниться съ вами? Когда толпа смѣетъ роптать на васъ, удивляясь вамъ, я не спускаю съ васъ своихъ глазъ, полныхъ слезъ зависти. Несчастный, никогда не придется мнѣ добровольной жертвой идти спасать міръ, пренебрегая мучительными пытками, или облегчать своими попеченіями страданія умирающаго, и, расточая нѣжныя увѣщанія и чистыя молитвы, вдыхать смрадь заразы.

«Увы! Неужели не могу я принести себя въ жертву своимъ ближнимъ? Развѣ нѣтъ гонимыхъ? Развѣ нѣтъ палачей? Неужели не найду я нигдѣ ни славнаго эшафота, ни темницы, чтобы умереть смертью героя? О еслибы, разрывая мое тѣло на крестѣ, кровавая пытка предложила бы желчь моей пожирающей жаждѣ, гордый и довольный, я воздалъ бы тебѣ хвалу, Создатель, потому что ангелъ мученичества—самый прекрасный изъ всѣхъ ангеловъ, которые возносятъ души на небо».

Совершенно такую же амальгаму ролястическихъ тенденцій и альтруистическихъ идеаловъ находимъ мы и въ двухъ юношескихъ романахъ В. Гюго—Bug-Jargal, въ первый разъ изданномъ отдѣльно въ 1826 году и Nan d'Islande, изданномъ въ 1823 году. Въ Bug-Jargal изображается возстаніе невольниковъ на Сень-Домингъ въ эпоху революціи, причемъ во главѣ возстанія мы видимъ двухъ вождей: одинъ Жанъ Биассу, негръ низкаго плебейскаго происхожденія, отличается кровожадными инстинктами и вѣроломною, низкою душою, за то Бюгъ-Жаргаль, хотя тоже черный невольникъ, но царской крови, блеститъ разными высокими добродѣтелями въ духѣ гуманности, великодушія и самоотверженія. Такъ въ началѣ романа онъ является влюбленнымъ въ Марію, дочь своего господина, и когда счастливый соперникъ его, племянникъ плантатора, Д'Оверньи, спасаетъ его изъ пасти крокодила, онъ платитъ ему неизмѣнною дружбою и покровительствомъ, въ свою очередь, спасаетъ его и Марію отъ смерти и самъ платится своею жизнію за нихъ.

Въ романѣ «Ганъ-Исландецъ» подобный же идеаль страданія за правду и самоотверженія олицетворяется въ лицѣ сына норвежскаго вице-короля Орденера Гульденлева. Въ то время, какъ при дворѣ отца ожидаютъ его почести и блестящая партія, онъ чуждается всего этого, влюбляется въ дочь опальнаго и заключеннаго въ темницу вельможи Шумахера и скитается по разнымъ норвежскимъ труппамъ странствующимъ рыцаремъ, защищая слабыхъ и угнетенныхъ и борясь съ разными видами зла, тяготящегося надъ людьми и странюю, какъ, напримѣръ, съ разбойникомъ Ганомъ Исландцемъ, этимъ фантастическимъ олице-

твореніемъ адской ненависти и злобы. Когда враги Шумахера устраиваютъ возстаніе рудокоповъ, нарочно для того, чтобы потомъ виновникомъ этого возстанія выставить Шумахера и тѣмъ погубить его, Орденеръ разстраиваетъ всѣ ихъ ковы, принимая на самого себя вину этого возстанія и, спасая Шумахера и свою возлюбленную, идетъ за нихъ на эшафотъ.

Конечно, было бы странно видѣть что-нибудь особенно новое и небывалое въ этомъ воплощеніи идеаловъ самоотверженія и мученичества за правду: въ европейскихъ литературахъ всѣхъ временъ и народовъ вы встрѣтите не мало подобныхъ же идеаловъ. Но хотя бы и старымъ, но тѣмъ не менѣе никогда не старѣющимъ и вѣчно являющимся чѣмъ-то новымъ и оригинальнымъ вѣтъ въ этихъ романахъ, въ видѣ того молодого, свѣжаго и страстнаго энтузіазма, съ которымъ авторъ относится къ подобнымъ идеаламъ. Этотъ энтузіазмъ выручаетъ всѣ недостатки этихъ романовъ: и отсутствіе въ нихъ реальной исторической правды, и преобладаніе необузданной фантастики, доходящей до чудовищныхъ преувеличеній, и погоню за трескучими и дикими эффектами. Несмотря, я говорю, на всѣ эти недостатки, вы выносите изъ этихъ романовъ такой подъемъ вашихъ нравственныхъ силъ, такое ободряющее и радостное чувство, какъ будто вы пробесѣдовали съ часъ съ юношей умнымъ, горячимъ, страстнымъ, исполненнымъ необузданныхъ силъ, которыя такъ и рвутся совершить что-нибудь доброе и прекрасное, невольно увлекая и васъ за собою.

При этомъ нужно еще взять во вниманіе вотъ какое обстоятельство весьма замѣчательное. Феодализмъ, выродившійся въ извѣженную аристократію XVIII вѣка, сломленный затѣмъ революціей, въ своей реставраціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, завѣщаль міру два типа, вполне характеризующіе его вырожденіе: именно типъ пожившаго когда-то, но во всемъ разочарованнаго скептика, отъ всего отстранившагося, надменно сложившаго на груди ненужныя руки, мрачнаго, полного угрызеній преступной совѣсти, носящаго на челѣ печать какого-то рокового проклятія, съ гордостью смотрящаго на прошлое, съ презрѣніемъ на настоящее и съ безнадежнымъ отчаяніемъ на будущее; съ другой стороны—типъ необузданнаго бонвивана, махнувшаго на все рукою и беззавѣтно предавшагося чувственнымъ наслажденіямъ, безъ малѣйшей заботы о завтрашнемъ днѣ, однимъ словомъ, типъ Чайльдъ-Гарольда съ одной стороны, Донъ-Жуана—съ другой. Геніальное воплощеніе этихъ двухъ типовъ и составляетъ, какъ извѣстно, міровое значеніе Байрона, и въ эпоху, о которой идетъ наша рѣчь, всѣ европейскія литературы находились

подъ сильнымъ вліяніемъ британскаго поэта: по всей Европѣ только и дѣлали въ то время, что изображали Чайльдъ-Гарольдовъ и Донъ-Жуановъ. Даже и такія литературы, которыя наименѣе были подчинены вліянію Байрона, какова нѣмецкая, были проникнуты тѣмъ же унылымъ духомъ надломленности и разочарованности. Вѣчныя душевныя сумерки и порыванія въ туманную даль, тоска по бренности всего земного, по непрочности человѣческаго счастья, составляютъ банальную принадлежность романтизма. Не говоря уже о Фаустѣ, который въ одномъ своемъ лицѣ олицетворяетъ разомъ и Чайльдъ-Гарольда въ мантии ученаго схоластика съ его мрачнымъ разочарованіемъ среди своихъ реторть и пыльных фоліантовъ, и Донъ-Жуана, отдающагося безавѣтной чувственности въ объятіяхъ Маргариты, но даже и идеальныя герои Шиллера не могутъ найти полного удовлетворенія въ своихъ высокихъ подвигахъ и вѣчно тоскуютъ, путаясь въ разныхъ противорѣчіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

Совсѣмъ инымъ духомъ вѣетъ отъ произведеній В. Гюго: здѣсь и тѣни нѣтъ чего-либо чайльд-гарольдовскаго или донъ-жуанскаго, фаустовскаго или вертеровскаго, ничего въ то же время мистически неопредѣленнаго, рисующагося вдали въ заманчивомъ туманѣ и обманывающаго по мѣрѣ приближенія. Напротивъ того: все здѣсь ясно, опредѣлено, взвѣшено, всѣ пути открыты и указаны, и преобладающимъ характеромъ является свѣтлый энтузіазмъ альтруистическихъ стремленій. Поклоняясь феодализму, поэтъ реставрируетъ его въ своихъ произведеніяхъ не въ тѣхъ элементахъ разочарованія и раслѣвнія, какіе характеризуетъ его вырожденіе, а воскрешаетъ тѣ давно забытыя идеалы, которыми увлекалось рыцарство въ эпоху своего процвѣтанія, въ глубинѣ среднихъ вѣковъ: каковы, гордое чувство своего человѣческаго достоинства, неподкупная честность, вѣрность данному слову, непреклонная стойкость въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, посвященіе жизни высокимъ подвигамъ добра и чести, презрѣніе опасностей и готовность каждую минуту пожертвовать жизнью для счастья ближнихъ. Таковъ передъ нами Орденеръ, который принимаетъ на себя чужую вину и идетъ на плаху не потому, чтобы жизнь ему претила, чтобы ему было все равно, «страдать или наслаждаться», или чтобы надъ нимъ отъ рожденія уже тяготѣла какая-нибудь особенная печать проклятій и ему суждено было искупить смертію праотеческія грѣхи. Орденеръ любитъ жизнь, цѣнитъ всѣ ея блага; если же изъ всѣхъ ея чашъ онъ выбираетъ чашу смерти, то единственно потому, что она представляется ему самою доблестною и сладчайшею при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена его жизнь, и при-

ступаетъ онъ къ этой чашѣ безъ малѣйшихъ колебаній и сомнѣній, съ тѣмъ же страстнымъ восторгомъ, съ какимъ пили изъ нея мученики христіанства и иныхъ міровыхъ идей.

Замѣчательно при этомъ, что самая фантастика, къ которой прибѣгаетъ нерѣдко поэтъ, въ свою очередь, не имѣетъ ни малѣйшаго слѣда чего-либо туманно-мистическаго и безформеннаго. Напротивъ того, она поражаетъ 'васъ своими осязательными и грубо матеріальными формами, все равно, является ли она въ видѣ ортодоксально-католической фантастики съ разверстыми небесами, серафимами, добрыми и злыми духами, или авторъ прибѣгаетъ къ народной мифологіи, въ видѣ фей, силфовъ и проч. Такъ, напримѣръ, въ своемъ романѣ, желая изобразить генія зла, В. Гюго, вмѣсто обычнаго въ то время «духа отрицанія, духа сомнѣнія, летающаго надъ грѣшной землей», представляетъ мифическаго Гана Исландца, изображая его въ видѣ грубаго и дикаго антропофага, безобразнаго чудовища, обросшаго шерстью, и съ желѣзными когтями, которыми ему ничего не стѣитъ разорвать человѣка. А чтобы поразить читателя степенью злобы къ человѣчеству, кипящей въ этомъ чудовищѣ, авторъ заставляетъ его жить въ пещерѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ, бросать съ высоты горъ цѣлыя скалы на деревни, раздроблять о камни черепы умерщвленныхъ жертвъ и съ наслажденіемъ высасывать изъ нихъ мозгъ.

Всѣ эти особенности поэзіи В. Гюго, обнаружившіяся въ первыхъ произведеніяхъ его, обуславливаются разными общими и частными причинами. Такъ, матеріальность фантастики и отсутствіе въ ней туманнаго мистицизма, безъ сомнѣнія, прямо простираются отъ того католическаго духа, въ которомъ было воспитано французское общество. Католицизмъ, по самой сущности своей, не допускаетъ ничего таинственно-туманнаго: все въ немъ ясно и опредѣленно, все взвѣшено, разрѣшено и всему подведены итоги, и католическая фантастика, по матеріальной грубости и пластичности своихъ представленій, мало уступаетъ тому языческому политеизму, мѣсто котораго заняло католичество. Къ этому нужно присоединить еще немаловажную роль философскаго матеріализма XVIII вѣка, положившаго свою неизгладимую печать на французскую интеллигенцію того времени. Всѣ эти роялисты, которые въ эпоху реставраціи разыгрывали роль горячихъ приверженцевъ католицизма и набожныхъ святошъ, въ молодости своей были вольтерьянцами и зачитывались энциклопедіей. Теперь, возвратившись снова подъ лоно церкви, они смотрѣли на религію, какъ на политическое знамя, какъ на могущественное орудіе въ рукахъ власти для обузданія народа, и исповѣдывали ее

болѣе холоднымъ разсудкомъ, чѣмъ воображеніемъ и сердцемъ. Мать В. Гюго, въ свою очередь, въ молодости была вольтерьянкою, и то религиозное воспитаніе, которое получилъ въ дѣтствѣ В. Гюго, заключалось лишь въ наполненіи его фантазіи разными изящными представленіями въ религиозномъ духѣ. Подъ радужною же виѣшностью этихъ представлений лежало не какое-либо индивидуальное сердечное стремленіе въ таинственный міръ грёзъ, а политическая догма.

Въ то же самое время французское общество жило слишкомъ горячею политической жизнію и было такъ взволновано, что людямъ, конечно, не было времени заниматься стремленіями въ гуманную даль или какими-либо унылыми копаньями въ своемъ сердцѣ. Родившись и воспитавшись въ семьѣ, все существованіе и благосостояніе которой было основано на интересахъ политики, словно на кратерѣ вулкана, и которая распалась исключительно вслѣдствіе одного изъ политическихъ землетрясеній, понятно, что В. Гюго тѣмъ сильнѣе былъ заинтересованъ политическими вопросами страны. Онъ съ молокомъ матери напитался опредѣленными политическими симпатіями и антипатіями, и съ первыхъ же опытовъ прямо выступилъ горячимъ защитникомъ той политической догмы, въ духѣ которой былъ воспитанъ, и съ своимъ идеаломъ поэта-борца.

Затѣмъ остается еще одна особенность первыхъ произведеній В. Гюго, весьма существенная, но которая не объясняется всѣми вышеприведенными причинами — именно преобладаніе альтруистическихъ стремленій, появившихся вдругъ на такой почвѣ, которая, по самой сути своей, въ эту эпоху развивала стремленія ультра-эгоистическія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ другихъ передовыхъ писателей Франціи этой эпохи и того же лагеря, именно Шатобріана и Ламартина, то мы увидимъ, что во всѣхъ вышеприведенныхъ особенностяхъ они сходятся съ В. Гюго: фантастика ихъ носитъ такой же пластически-материальный характеръ, въ ихъ произведеніяхъ тоже преобладаетъ политическій нервъ въ томъ смыслѣ, что они являются въ нихъ прежде всего и, главнымъ образомъ, защитниками своей политической догмы. Но вы не найдете у нихъ и слѣда того альтруизма, съ которымъ выступилъ В. Гюго. Напротивъ того, въ лицѣ этихъ писателей, Франція заплатила свою дань господствовавшему въ это время во всѣхъ европейскихъ литературахъ тону эгоистическаго унынія и разочарованія. Шатобріановскій Рене — это тотъ же Чайльдъ-Гарольдъ во французскомъ духѣ.

Ключъ къ разгадкѣ этой особенности В. Гюго слѣдуетъ искать, по моему мнѣнію, въ общемъ духѣ французской молодежи эпохи

реставраціи. Положительно можно сказать, что ни до того времени, ни послѣ него во Франціи не было молодого поколѣнія, такого чистаго, идеальнаго и такъ горячо и беззавѣтно отдавашагося всѣмъ высокимъ стремленіямъ, какъ въ эту эпоху. Все, что было наиболѣе сильнаго и доблестнаго въ предшествовавшія 40 лѣтъ, было скошено косою политическихъ бурь, и на развалинахъ стараго выросло это новое поколѣніе, словно молодая травка изъ подъ снѣга, свѣжая, нѣжная и ярко-зеленая. Большинство дѣятелей предшествующей эпохи отличались тѣмъ, что при всѣхъ своихъ страстныхъ порываніяхъ къ новому, они носили на себѣ не мало старой грязи, усгѣвшей слоями налипнуть на нихъ въ до-революціонный періодъ. Молодое же поколѣніе возросло на новой расчищенной почвѣ и было чисто, какъ снѣгъ и прозрачно, какъ хрусталь. Всѣ усилія были употреблены, чтобы воспитать его въ духъ старыхъ традицій, но оно тотчасъ же сбрасывало ихъ, какъ только сходило съ школьной скамьи. Напрасно старались, подтасовавъ всѣ историческіе факты, скрыть отъ него все прошлое, что не гармонировало съ господствовавшимъ режимомъ и компрометировало его, этимъ еще болѣе разжигали въ немъ стремленіе узнать истину и увидѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Такъ какъ запретный плодъ всегда бываетъ особенно сладокъ, то понятно, что все то, что узнали юноши вопреки волѣ старшихъ, казалось имъ необыкновенно заманчивымъ и прекраснымъ. Люди и событія, при всемъ ихъ историческомъ значеніи, въ дѣйствительности носившіе не мало грязи своего вѣка то въ видѣ тщеславія и грубаго эгоизма, то въ видѣ нетерпимости, излишней жестокости, педантизма или подкупуности и т. п., рисовались передъ ихъ воображеніемъ въ безукоризненно лучезарномъ блескѣ высокаго героизма. Куда ни обращали они свои взоры, повсюду имъ грезились мученики и жертвы, жизнь свою положившіе за благо и славу своей родины, и они въ свою очередь исполнялись стремленія поскорѣе и во что бы то ни стало сдѣлаться героями доблестнаго самоотверженія.

Но не одно прошлое вдохновляло это юношество. Въ то время, какъ отцы его продолжали биться другъ съ другомъ изъ-за своихъ старыхъ и продырявленныхъ знаменъ, въ средѣ его начинали уже бродить смутные задатки новыхъ идей. Если оно и ставило въ оппозицію господствовавшему режиму культъ Наполеона, которому патриотически поклонялось, какъ гонимому представителю минувшей славы отечества въ укоръ современному политическому ничтожеству Франціи, то оно лишь начинало этимъ культомъ свое развитіе, но не останавливалось на немъ. Уже

тогда въ его средѣ начинали смутно бродить вопросы о равноправности и самостоятельности женщинъ, о необходимости поднятія уровня народнаго благосостоянія и образованія, и въ связи съ этими вопросами возникла критика экономическихъ, юридическихъ и моральныхъ основъ общества. Слово буржуазія въ этихъ кружкахъ уже тогда начало употребляться, какъ позорное понятіе узкаго эгоизма, мелкодушія и застоя. В. Гюго знакомитъ насъ въ своемъ романѣ «Misérables» съ нѣсколькими выдающимися типами тогдашней молодежи, кружкомъ «Друзей А. В. С.» Это было, по его словамъ, общество, которое, по наружности, имѣло цѣлю воспитаніе дѣтей, а въ сущности возрожденіе человечества; поэтому оно и имѣло такой двухсмысленный девизъ: повидимому, три первыя буквы азбуки, а если ихъ прочесть подрядъ, то выходило *abaissé*, т. е. какъ бы *les amis de l'abaissé*, друзья униженнаго. Такихъ кружковъ было много въ то время въ Парижѣ, и вотъ среди нихъ-то В. Гюго, въ эпоху своего цыганства и борьбы за существованіе, и проникся идеалами самоотверженія.

«Въ эту эпоху, говорить онъ:—по наружности совершенно безмятежную, въ воздухѣ чувствовалось смутное содроганіе, словно отдаленный подземный гулъ, выходящій изъ глубины 89 и 92 годовъ. Юношество было на готовѣ къ метаморфозамъ. Преобразовывались совершенно безотчетно самымъ теченіемъ времени. Стрѣлка, двигавшаяся по циферблату, двигалась и въ каждой дуплѣ. Каждый дѣлалъ свой шагъ впередъ: роялисты обращались въ либераловъ, либералы дѣлались демократами.

«Это былъ словно водоворотъ, въ которомъ воздымающійся приливъ смѣшивался съ тысячею отливовъ. Отсюда проистекали оригинальныя смѣшенія идей: такъ, въ одно и тоже время поклонялись Наполеону и свободѣ. Мы стоимъ здѣсь на почвѣ исторіи: таковы были миражи этой эпохи. Идеи извращали смыслъ словъ. Въ вольтеріанскомъ роялизмѣ была такая же странная путаница, какъ и въ бонапартистскомъ либерализмѣ.

«Но были иныя группы идей, болѣе серьезныя. Тамъ сондировали самый принципъ, изслѣдовали право. Тамъ увлекались абсолютнымъ и предвидѣли осуществленіе безконечнаго. Абсолютъ самую свою необъятностью влечетъ умы за облака и побуждаетъ ихъ блуждать въ безпредѣльности. Ничто такъ не питаетъ мечты, какъ догматъ. И ничто неспособно въ такой степени наполнить собою будущее, какъ мечта. То, что сегодня — утопія, завтра можетъ явиться мясомъ и костями».

Очень понятно, что и В. Гюго долженъ былъ въ свою очередь сдѣлать свой шагъ впередъ и подвергнуться метаморфозѣ,

которую переживалъ въ то время всякій, кто былъ молодъ, свѣжъ и не испорченъ. Самое проникновеніе альтруистическими идеалами было уже своего рода шагомъ. Разъ оно произошло, юноша не могъ не почувствовать страшнаго разлада и во внутреннемъ своемъ мірѣ, и во внѣшней жизни, какъ прямого результата несоотвѣтствія альтруистическихъ идеаловъ съ господствовавшимъ режимомъ. Сознаніе этого разлада должно было все болѣе и болѣе утверждаться, по мѣрѣ того, какъ знакомился юноша съ прошлымъ и настоящимъ своего отечества изъ чтенія и разсказовъ и узнавалъ вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. А событія въ тоже время шли быстрою чередою и съ каждымъ днемъ господствовавшая партія теряла почву подъ ногами, дѣлая ошибки за ошибками и выказывая всю несостоятельность своихъ отжившихъ принциповъ, возбуждая все большее и большее ожесточеніе противъ себя и въ обществѣ, и въ народѣ. Изъ ея лагеря бѣжали люди, успѣвшіе посѣдѣть подъ ея знаменемъ, какъ, на примѣръ, Шатобрианъ, что ужъ говорить о двадцатилѣтнемъ юношѣ, которому принципы ея были навязаны дѣтскимъ воспитаніемъ. Наконецъ, и личныя обстоятельства жизни В. Гюго способствовали къ перелому: въ 1821 году онъ потерялъ мать. Это событіе имѣло двойной результатъ въ его жизни: съ одной стороны въ лицѣ матери оборвалась та главная узда, которая привязывала его къ роялистамъ; онъ потерялъ вдохновительницу, которая съ дѣтскихъ лѣтъ настраивала его въ легитимистскомъ духѣ; съ другой же стороны—это обстоятельство сблизило его съ отцомъ. Но обратимся опять къ роману «Les Misérables», гдѣ В. Гюго вотъ въ какомъ видѣ представляетъ подобнаго же рода переворотъ въ своемъ героѣ Маріѣ:

«Онъ прочелъ «Мониторъ», прочелъ исторію республики и имперіи, дневникъ на островѣ Елены, всѣ мемуары, журналы, бюллетени, прокламаціи, все проглотилъ. Въ первый разъ, какъ онъ встрѣтилъ имя отца въ бюллетеняхъ великой арміи, съ нимъ сдѣлалась лихорадка...

«Въ то же время началъ совершаться удивительный переворотъ въ его идеяхъ. Фазы этого переворота были многочисленны и постепенны, и такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ исторію многихъ умовъ этого времени, то не бесполезно очертить ихъ въ полномъ составѣ.

«Исторія, которая развернулась передъ его глазами, привела его въ смятеніе. Первый эффектъ — было ослѣпленіе. До той поры республика, имперія были для него страшными словами: республика—это гильотина въ сумеркамъ, имперія—это сабля въ ночной мглѣ. Онъ заглянулъ въ этотъ ужасъ, и тамъ, гдѣ

мечталъ ничего не различить, кромѣ мрака и хаоса, увидалъ въ неописанномъ удивленіи, со страхомъ и радостью пополамъ, блескъ такихъ свѣтилъ, какъ Мирабо, Верньо, Сен-Жюсть, Робеспьеръ, Камиль-Демуленъ, Дантонъ, и такое восходящее солнце, какъ Наполеонъ. Онъ не зналъ, гдѣ находился, бросился назадъ, ослѣпленный блескомъ. Но мало по малу изумленіе утихло, онъ привыкъ къ этому блеску, разсматривалъ событія безъ остолбенѣнія и лица—безъ страха. Революція и имперія встали передъ его умственнымъ взоромъ въ озаренной свѣтомъ перспективѣ. Обѣ эти группы событий и людей резюмировались въ его глазахъ въ два колоссальные факта: республика въ видѣ утвержденія господства гражданскихъ правъ въ массахъ, имперія въ видѣ утвержденія французскихъ идей въ Европѣ. Изъ революціи передъ его взорами вырисовалась колоссальная фигура народа, изъ имперіи—колоссальная фигура Франціи. И въ своемъ внутреннемъ сознаніи онъ нашель, что все это было благо.

«Мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь, что много было упущено имъ изъ вида въ его ослѣпленіи въ этихъ первыхъ слишкомъ синтетическихъ заключеніяхъ. Мы вѣдь очерчиваемъ состояніе ума въ его развитіи. Фазы же умственного развитія не сосредоточиваются всѣ на одномъ этапѣ. Разъ, сказавши это, какъ для всего предшествовавшего, такъ и для всего послѣдующаго, мы будемъ продолжать.

«Тогда онъ убѣдился, что до сей поры онъ не понималъ ни своей родины, ни своего отца. Онъ не сознавалъ ни того, ни другого и передъ его очами былъ мракъ предрасудковъ. Теперь его очи раскрылись, и съ одной стороны, онъ исполнился изумленія, съ другой—обожанія.

«Въ то же время онъ сдѣлался серьезнѣе, солиднѣе, самоувереннѣе въ своихъ размышленіяхъ. Съ каждой минутой свѣтъ истины все болѣе и болѣе усовершенствовалъ его разумъ. Въ немъ совершался своего рода внутренній ростъ; онъ чувствовалъ, какъ онъ становится все выше и выше подъ вліяніемъ этихъ двухъ новыхъ для него вещей: отца и родины.

«Разъ имѣя ключъ въ рукахъ, ничего не стоить растворить все, что залерто имъ. Такъ и ему раскрылось все, что ненавидѣлъ онъ прежде, и проникъ онъ во все, къ чему имѣлъ отвращеніе. Ему представилось во всей ясности божественное и челоуѣческое предназначеніе въ великихъ событіяхъ, на которыя учили его смотрѣть съ презрѣніемъ, и въ великихъ людяхъ, которыхъ внушали ему проклинать. Когда онъ вспомнилъ объ этихъ предрасудочныхъ мнѣніяхъ, которыя раздѣлялъ не далѣе какъ вчера, но которыя теперь казались ему отдаленнымъ про-

илымъ, онъ проникался негодованіемъ и смѣхомъ. Отъ обожанія отца онъ вполнѣ естественно перешелъ къ обожанію Наполеона.

«Слѣдуетъ, однакоже, замѣтить, что этотъ переворотъ произошелъ въ немъ не безъ труда. Съ дѣтства напитали его сужденіями партіи 1814 года о Бонапартѣ. Всѣ предразсудки, интересы, инстинкты реставраціи клонились къ тому, чтобы исказить образъ Наполеона. Она проклинала его еще болѣе, чѣмъ Робеспьера. Она очень ловко эксплуатировала съ этою цѣлью усталость народа и ненависть матерей. Бонапартъ обратился въ какое-то баснословное чудовище, и для того, чтобы наиболѣе поразить имъ воображеніе народа, похожее на воображеніе дѣтей, партія 1814 года послѣдовательно показывала ему разныя ужасающія маски, начиная съ тѣхъ, которыя казались страшными, оставаясь грандіозными, и кончая тѣми, въ которыхъ ужасъ соединялся съ комизмомъ, начиная Тиберіемъ и кончая букою. Говоря о Бонапартѣ, дозволялось плакать или смѣяться, лишь бы въ основѣ лежала ненависть. Марій никогда не имѣлъ объ этомъ человѣкѣ иныхъ идей въ своей головѣ. Онъ коренился въ немъ съ тѣмъ упорствомъ, какое было свойственно его природѣ. Въ немъ плотно усьялся упрямый маленькій человѣчекъ, который невидѣлъ Наполеона.

«Но по мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ исторіею, изучая ее по документамъ и источникамъ, завѣса, которая скрывала Наполеона отъ его глазъ, мало по малу раздиралась. Ему представилось нѣчто колоссальное и у него явилось подозрѣніе, что онъ обманывался до настоящаго времени въ Бонапартѣ, какъ и во всемъ другомъ. Съ каждымъ днемъ передъ нимъ становилось все яснѣе и яснѣе, и медленно, шагъ за шагомъ, сначала съ сожалѣніемъ, а потомъ съ ошьяненіемъ, какъ-будто влекомый какими-то неуправляемыми чарами, онъ переходилъ изъ мрака въ сумерки и, наконецъ, въ ослѣпительный блескъ энтузіазма.

«Однажды ночью онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ подъ крышею у открытаго окна и читалъ, облокотившись локтями на столъ, передъ горящей свѣчей. Всевозможныя грѣзы вѣяли на него изъ пространства и смѣшивались съ его мыслями. Дивное и грозное впечатлѣніе производило зрѣлище ночи. Откуда-то долетали какіе-то смѣшанные глухіе звуки. Черное небо было усьяно звѣздами. Онъ читалъ бюлетени великой арміи, эти героическія строки, написанныя на полѣ битвы; нерѣдко онъ встрѣчалъ среди нихъ имя своего отца и постоянно имя императора. И вдругъ ему представилась имперія во всемъ своемъ величій. Словно будто морской приливъ вздувался въ немъ все выше и выше. Онъ пришелъ въ какое-то изступленіе. Ему казалось, что онъ

*

слышать звуки литавровъ и трубъ, пушечную пальбу, мѣрные шаги батальоновъ, глухой, отдаленный голосъ конницы. Время отъ времени онъ подымалъ глаза къ небу и смотрѣлъ, какъ въ бездонныхъ глубинахъ сверкали величественныя созвѣздія, и когда потомъ онъ снова углублялся въ книгу, передъ нимъ смутно рисовались вещи, въ своемъ родѣ грандіозныя. Сердце его сжималось въ груди. Онъ былъ внѣ себя, дрожалъ, задыхался. И вдругъ совершенно безотчетно, словно повинувся какой-то силѣ, онъ вскочилъ съ своего стула, протянулъ обѣ руки за окошко, вперилъ свой взоръ въ звѣздный мракъ, въ эту безмолвную и вѣчную безпредѣльность, и вскричалъ: «Vive l'empereur!».

«И этимъ словомъ все было сказано: корсиканскій людоѣдъ, узурпаторъ, тиранъ, извергъ-кровосмѣситель, комедіантъ, бравшій уроки у Тальмы, отравитель Іаффы, тигръ, Бонапарте, все это сразу исчезло и уступило мѣсто величественному и ослѣпительному сіянію, въ лучахъ котораго на недосягаемомъ пьедесталѣ, возвышался мраморный бюстъ Цезаря. Для отца его императоръ былъ лишь возлюбленнымъ полководцомъ, которому дивились и для котораго жертвовали жизнію. Въ глазахъ же Марія онъ получилъ иное значеніе: былъ избранникомъ судьбы для того, чтобы поставить французскій геній на мѣсто римскаго въ влстителя міра, былъ продолжателемъ Карла Великаго, Людовика XI, Генриха IV, Ришелье, Людовика XIV и комитета общественной безопасности, имѣлъ, безъ сомнѣнія, свои пятна, свои слабости и даже преступленія, такъ какъ былъ человѣкомъ, но былъ божественъ въ слабостяхъ, блестящъ въ пятнахъ и великъ въ самыхъ преступленіяхъ.

«Онъ былъ избранникомъ судьбы, заставившимъ народы воскликнуть—великій народъ, имѣлъ еще высшее значеніе: былъ воплощеніемъ самой Франціи, завоевателемъ Европы мечемъ и міра блескомъ, который отбрасывалъ отъ себя. Марій видѣлъ въ Бонапартѣ ослѣпительный радужный спектръ, который вѣчно будетъ возвышаться на рубежѣ и стеречь будущее. Деспотъ, но диктаторъ; деспотъ, вышедшій изъ республики и сосредоточившій въ себѣ революцію. Наполеонъ сдѣлался въ его глазахъ народочеловѣкомъ, подобно тому, какъ Иисусъ былъ богочеловѣкъ.

«Какъ и всѣхъ новыхъ адептовъ религій, обращеніе оцѣняло его и онъ дошелъ въ своей ревности до крайнихъ предѣловъ. Такова ужъ была его природа: разъ пойдя по какой-нибудь поватости, онъ не въ силахъ былъ удержаться. Увлеченію мечемъ, смѣшалось въ его мысляхъ съ энтузіазмомъ идеи. Онъ не замѣтилъ, что вмѣстѣ съ геніемъ онъ поклоняется силѣ, что идолъ его имѣетъ два лика, одинъ божественный, другой

звѣрскій. Онъ все допустилъ и все оптомъ призналъ въ своей необузданной вѣрѣ. Въ томъ новомъ пути, по которому онъ пошелъ, сравнивая славу Наполеона съ нелѣпостями стараго режима, онъ оставилъ въ пренебреженіи смягчающія обстоятельства.

«Какъ бы то ни было, но важный шагъ былъ сдѣланъ. Въ томъ, въ чемъ онъ видалъ прежнее паденіе монархіи, онъ узрѣлъ теперь возвышеніе Франціи. Стрѣлка компаса его обратилась въ противоположную сторону. То, что было западомъ, сдѣлалось въ его глазахъ востокомъ. Онъ перевернулся».

Эти выдержки свидѣтельствуютъ намъ, какое совершенно особенное значеніе имѣлъ для французской молодежи тотъ самый культъ Наполеона, который въ эту эпоху былъ всеобщимъ по всей Европѣ. Извѣстно, что всѣ поэты, жившіе въ ту эпоху, взапуски воспѣвали Наполеона, посвящая ему и оды, и элегіи, и баллады. Но для поэтовъ иныхъ странъ, какъ напримѣръ, у насъ для Пушкина и Лермонтова, Наполеонъ могъ имѣть значеніе лишь грандіознаго поэтическаго образа, тѣмъ болѣе сподручнаго, что при господствѣ вліянія Байрона, образу этому очень легко было придавать самую эффектную байроновскую окраску. Во Франціи же этотъ самый образъ имѣлъ глубокое жизненное значеніе: кромѣ того патріотическаго обаянія, какое онъ производилъ, какъ воспоминаніе минувшей военной славы отечества, онъ представлялъ еще собою характеръ тенденціозно-политическій. Культъ Наполеона, какъ мы видимъ изъ приведенной выдержки, былъ шагомъ въ юношескомъ развитіи: отрицаніемъ всѣхъ дикихъ предразсудковъ, навязанныхъ домашнимъ и школьнымъ, воспитаніемъ и первымъ проблескомъ самостоятельности мысли. Это была переходная ступень, черезъ которую переходилъ молодой умъ, увлекаясь на первыхъ порахъ естественно болѣе обаяніемъ наружнаго блеска, чѣмъ внутреннею сущностью вещей. Послѣ этого перваго энтузіазма увлеченіемъ гонимымъ кумиромъ, мысль, разъ выступившая на самостоятельный путь, неминуемо приступала къ анализу самого предмета своего поклоненія и выводила изъ этого анализа идеи, еще болѣе расходившіяся съ господствовавшимъ режимомъ, чѣмъ самый культъ.

Понятно въ то же время, что и воспѣваніе Наполеона въ эпоху реставраціи имѣло значеніе во Франціи не только эстетическое, но и политико-тенденціозное, носило оппозиціонный характеръ демонстраціи. Но оно могло еще быть въ силу привычки терпимо подъ перомъ такого отпѣтаго и несправимаго врага господствовавшаго режима, каковъ былъ Беранже. Когда же поэтъ реставраціи, прославившійся своими произведеніями въ духъ строгаго

роялизма и предавшій нѣкогда Наполеона всевозможнымъ проклятіямъ, появился вдругъ съ хвалебными гимнами въ честь этого самаго Наполеона, то это должно было произвести впечатлѣніе скандала.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, когда совершился этотъ переворотъ въ В. Гюго; можемъ только предполагать, что поэтъ переживалъ его очень медленно, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, пяти лѣтъ, начиная съ 1822 года. Такъ въ 1824 году, онъ писалъ еще роялистскія оды по случаю смерти Людовика XVIII и коронаціи Карла X, но въ этихъ одахъ онъ относится къ Наполеону значительно уже мягче, чѣмъ въ одѣ «*Вuonaparte*». Онъ иоризааетъ, правда, его гордость; въ фактѣ низверженія его и заточенія на островѣ св. Елены видитъ наказаніе свыше, равно, какъ на реставрацію Бурбоновъ смотритъ, какъ на дѣло Провидѣнія, которое возстановило этимъ путемъ нарушенную справедливость и вознаградило попранныю законность, но во всякомъ случаѣ Наполеонъ не является уже здѣсь исчадіемъ ада, напротивъ того, рисуется въ величественномъ свѣтѣ. Такъ, въ одѣ «*Les funérailles de Louis XVIII*» онъ говоритъ про Наполеона:— «Въ своихъ пламенныхъ объятіяхъ орелъ его молньеносными когтями задушилъ римскаго орла. Побѣда была его постоянной спутницей и держава Карла Великаго была слишкомъ легка для его руки».

Въ 1825 году была написана имъ ода «*Les deux îles*», которая ясно обнаруживаетъ переходное, колебательное состояніе ума поэта по отношенію къ Наполеону. Такъ здѣсь рядомъ выставляются всѣ тѣ восхваленія, которыя сопутствовали Наполеону въ моментъ его славы и могущества, и всѣ тѣ порицанія, которыми осыпали его послѣ его паденія. Самъ же поэтъ не пристаётъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ и остается на нейтральной почвѣ, размышляя о бренности человѣческой славы: «Вотъ, говоритъ онъ:— образъ славы! Сначала радужная призма, а потомъ обличительное зеркало, въ которомъ пурпуръ принимаетъ видъ крови! Сначала всемогущій, потомъ поработенный, вотъ какое противоположное зрѣлище представляетъ жизнь его въ двухъ возрастахъ. Съ именемъ его соединены двѣ исторіи: молодой онъ измышлялъ свои побѣды, въ старости проклиналъ свои несчастія».

Что же касается до двухъ острововъ, которымъ посвящена ода, то вотъ въ какомъ поэтическомъ ореолѣ рисуются они: «Тамъ была его колыбель! Здѣсь его могила! Этого достаточно для грядущихъ вѣковъ. Слова эти не сотрутся, пусть рушится міръ и снова родится. На эти острова, на зовъ его тѣни, будутъ приходить всѣ народы будущаго на мрачное зрѣлище. Молніи, пора-

жающія ихъ вершины, ихъ скалы и бури—все это отнынѣ будетъ служить памятью его».

Наконецъ, въ одѣ «A la colonne de la place Vendôme», относящейся къ 1827 году, вполне уже рѣзко выставляется культъ Наполеона. «Обломокъ великой имперіи и великой арміи, говоритъ онъ между прочимъ:—колонна, съ высоты которой вѣщаетъ слава, я люблю тебя; иностранецъ любитъ тебя со страхомъ. Люблю я твоихъ старыхъ героевъ, отчеканенныхъ побѣдою, и всѣ эти призраки славы, которые тѣснятъ вокругъ тебя. Люблю я видѣть на твоихъ бокахъ, о славная колонна, этихъ возродившихся воиновъ, которыхъ погребли кровавыя волны Дуная, Рейна и По! Ты, какъ побѣдитель, поставила свою пятую на свои трофеи. Люблю я твой пьедесталь изъ доспѣховъ и главу съ развѣвающимся знаменемъ вмѣсто султана».

А ниже онъ смѣло ставитъ рядомъ Наполеона и Бурбоновъ, называя послѣднихъ наслѣдниками побѣдъ имперіи. «По какому праву, говоритъ онъ объ иностранцахъ:—покушаются они развѣнчать нашу славу? Бурбоны всегда наслѣдовали побѣды. Наши короли защитятъ тебя, о трофей, отъ трепещущаго врага. Твои пальмы покоятся у ихъ ногъ и твои четыре орла отдыхаютъ подъ сѣнью бѣлаго знамени».

Хотя поэтъ и является здѣсь все еще роялистомъ, но уже одно это поставленіе Бурбоновъ на одну доску съ корсиканскимъ людоедомъ должно было казаться крайне неприличною и возмутительною выходкою въ глазахъ каждаго строгаго роялиста и ставило поэта въ ряды либеральной оппозиціи, и даже придавало ему, съ легитимистическихъ точекъ зрѣнія того времени, нѣсколько красный оттѣнокъ.

Къ этой же эпохѣ жизни В. Гюго, отъ 1822 по 1828 г., относится рѣшительный переходъ его въ лагерь романтической школы. Уже въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, одахъ, балладахъ и романахъ, онъ является романтикомъ и по формѣ, и по содержанію, но все еще не отваживается открыто встать на сторону романтизма и признать себя романтикомъ, хотя въ предисловіяхъ къ своимъ изданіямъ и высказываетъ нѣкоторыя теоретическія положенія, общія съ романтизмомъ. Такъ во второмъ изданіи своихъ одъ въ 1822 г., между прочимъ, онъ говоритъ слѣдующее:

«Убѣжденный, что каждый писатель, въ какой бы сферѣ онъ ни подвизался, главнымъ своимъ принципомъ долженъ имѣть принесеніе пользы, и, надѣясь, что благая цѣль оправдываетъ дерзость этихъ опытовъ, авторъ рѣшился прославить нѣкоторыя выдающіяся воспоминанія нашей эпохи, которыя могутъ послужить

уроками для потомства. Для того, чтобы воспѣть эти событія, онъ принялъ форму оды, потому что именно въ этой формѣ первые поэты древности изливали свое вдохновеніе передъ первыми народами.

«Но французская ода, всѣми обвиняемая въ холодности и монотонности, представлялась автору мало подходящею для выраженія всего, что послѣднія тридцать лѣтъ представляютъ въ нашей исторіи трогательнаго и страшнаго, мрачнаго и блистательнаго, чудовищнаго и чудеснаго. Авторъ этого изданія, размышляя объ этомъ затрудненіи, пришелъ къ такому заключенію, что эта холодность зависитъ вовсе не отъ сущности оды, а лишь отъ той формы, какую придавали ей до сей поры лирическіе поэты, что причина монотонности лежитъ въ злоупотребленіи апострофами, восклицаніями, прозопопеями и прочими фигурами, рачетчаемыми въ одѣ безъ мѣры: всѣ эти средства для усиленія жара замораживаютъ, когда они слишкомъ усердно прилагаются, и отягощаютъ, вмѣсто того, чтобы ускорять движеніе. Вслѣдствіе этого авторъ предположилъ, что если содержаніе оды будетъ заключаться болѣе въ идеяхъ, чѣмъ въ словахъ, и въ особенности если въ основаніи будетъ положена какая-нибудь фундаментальная идея, соответствующая сюжету, а развитіе оды во всѣхъ ея частяхъ будетъ опираться на развитіе событія, которое изображается, и если полиняли и фальшивыя краски языческой мѣологіи будутъ замѣнены новыми и истинными красками христіанской еогоніи, то одѣ такимъ путемъ можно придать своего рода драматическій интересъ, и заставить ее, кромѣ того, говорить тѣмъ суровымъ, утѣшительнымъ, религіознымъ языкомъ, въ которомъ такъ нуждается наше дряхлое общество, выступающее все еще колеблющимися шагами изъ сатурналіи атеизма и анархіи».

Здѣсь В. Гюго, являясь уже въ нѣкоторомъ родѣ новаторомъ, еще не употребляетъ и слова романтизмъ, напротивъ, заканчиваетъ свое предисловіе просьбою, чтобы не подумали, что онъ имѣетъ претензію открыть новый путь или создать новый жанръ.

Но, между тѣмъ, литературная борьба между молодыми романтиками, приверженцами Сталь, и классиками уже началась и все болѣе и болѣе разгоралась. Какъ это всегда бываетъ при подобныхъ случаяхъ, строгіе приверженцы старой школы не замедлили обвинить новаторовъ въ неблагонамѣренности и наклонности къ всяческому колебаніямъ и разрушеніямъ, объявивши романтическую школу исчадіемъ революціи. Какъ ни скромно выступилъ В. Гюго со своимъ новаторствомъ, но и оно было тотчасъ же подхвачено строгими приверженцами классицизма, прировнено къ

романтизму и осыпано порицаніями. И вотъ въ 1824 году, В. Гюго выпускаетъ изданіе своихъ одъ съ новымъ предисловіемъ, въ которомъ, становясь между классиками и романтиками на нейтральную почву, онъ въ тоже время защищаетъ романтиковъ отъ чрезмѣрныхъ нападковъ противниковъ.

«Несмотря на свою малоизвѣстность, говоритъ онъ: — авторъ имѣлъ уже несчастіе видѣть свои литературные принципы, которые онъ считалъ безупречными, оклеветанными или, по крайней мѣрѣ, дурно истолкованными. Это побуждаетъ его предположить повому изданію его трудовъ простое и законное разъясненіе, которое избавило бы его отъ всякаго подозрѣнія въ ереси въ томъ спорѣ, который нынѣ раздѣляетъ на два лагеря образованную публику. Въ настоящее время, въ литературѣ, подобно тому, какъ и въ государствѣ, враждуютъ двѣ партіи, и поэтическая распря представляется не въ примѣръ ожесточеннѣе общественной. Оба лагеря расположены болѣе къ тому, чтобы драться, чѣмъ вести споръ. Они упорствуютъ въ стремленіи говорить на разныхъ языкахъ, и не допускаютъ иного языка, какъ призыва къ повиновенію внутри стаи и воинственнаго влеча снаружи. Такимъ путемъ трудно понять другъ друга.

«Несмотря на это, нѣсколько солидныхъ голосовъ возвысилось съ нѣкотораго времени среди криковъ двухъ армій. Появились примирители съ благоразумными словами между двумя спшибающимися рядами. Можетъ быть, имъ суждено быть первыми жертвами; но это ничего не значитъ: авторъ желаетъ встать въ ихъ ряды, хотя бы это грозило ему быть смятымъ въ общей схваткѣ. Онъ будетъ оспаривать, хотя и не съ тѣмъ же авторитетомъ, но съ равнымъ усердіемъ. Онъ предвидитъ напередъ, какимъ чудовищнымъ нареканіямъ и обвиненіямъ подвергнется онъ. Ему извѣстно, что при томъ волненіи, въ какомъ находятся умы, говорить бываетъ опаснѣе, чѣмъ молчать. Но когда дѣло касается того, чтобы разъяснить и быть поняту, слѣдуетъ заботиться о долгѣ, а не объ опасности. И поэтому онъ рѣшается. Безъ малѣйшихъ колебаній онъ затронетъ самые страшные вопросы, и, какъ евскій ребенокъ, дерзнетъ потрясти львиную шкуру.

«Прежде всего, чтобы придать значеніе нейтральному обсужденію, въ которомъ онъ ищетъ свѣта, онъ отбрасываетъ всѣ эти условные термины, которыми партіи перебрасываются взаимно, какъ пустыми мячиками, всѣ эти знаки безъ всякаго значенія, выраженія безъ всякаго выраженія, неопредѣленные слова, которыя каждый объясняетъ сообразно своимъ антипатіямъ и предразсудкамъ и которыя заключаютъ въ себѣ смыслъ лишь для тѣхъ, которые сами не имѣютъ въ головѣ ни малѣйшаго смысла. Такъ онъ рѣ-

нительно отвергаетъ такія выраженія, какъ школы классическая и романтическая. Геніальная женщина, впервые употребившая во Франціи слово *романтическая литература*, подразумѣвала двѣ великія историческія эры—до и послѣ утвержденія христіанства. По буквальному же смыслу употребляемаго нынѣ этого термина выходитъ, что «Потерянный рай»—поэма классическая, а «Генріада»—романтическая. И никто не опровергнетъ, что эти слова, введенныя m-me де Сталь, употребляются нынѣ именно въ такомъ извращенномъ смыслѣ.

«Въ литературѣ, какъ и во всемъ другомъ, есть только хорошее и дурное, прекрасное и безобразное, истинное и ложное. Все прекрасное въ Шекспирѣ можно назвать въ такой же степени классическимъ (если подъ классическимъ подразумѣвать все, достойное изученія), какъ и прекрасное въ Расинѣ, а ложное у Вольтера въ такой же степени можно назвать романтическимъ (если опять-таки подъ романтизмомъ понимать все дурное), какъ ложное у Кальдерона. Все это наивныя истины, которыя болѣе походятъ на плеоназмы, чѣмъ на аксіомы. Но приходится спускаться къ азбукѣ, чтобы опровергнуть заблужденіе и предразсудокъ».

Ниже авторъ приводитъ слѣдующія возраженія противъ обвиненій романтической школы, что она представляетъ собою наслѣдіе революціи:

«Надо сознаться, говоритъ онъ:—что глубокое и сильное движеніе совершается въ литературѣ нашего вѣка. Нѣкоторые вліятельные люди удивляются этому, а въ сущности здѣсь только и можетъ быть удивительнаго, что ихъ собственное удивленіе. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣ политической революціи, которая потрясла общество въ самыхъ его основаніяхъ, не оставивъ ни одного камня на своемъ мѣстѣ, не произошло бы ни въ умахъ, ни въ нравахъ народа ни малѣйшаго измѣненія, вотъ бы когда слѣдовало предаваться безграничному удивленію. Здѣсь представляется одно специальное возраженіе, развиваемое съ апломбомъ почтенными людьми, вооруженными талантомъ и авторитетомъ. Именно потому, говорятъ они, что *литературная революція* есть результатъ *политической*, мы оплакиваемъ ея триумфъ и осуждаемъ ея произведенія. Но это заключеніе несправедливо. Нынѣшняя литература можетъ быть отчасти результатомъ революціи, вовсе не будучи ея выраженіемъ. Общество революціи имѣло свою литературу, такую же безобразную и нелѣпую, каково было само. Эта литература умерла со своимъ обществомъ и никогда они не воскреснутъ. Во всѣхъ учрежденіяхъ возстановленъ порядокъ, въ томъ числѣ и въ литературѣ. Религія

освятила свободу; мы имѣемъ гражданъ. Вѣра очистила воображеніе; мы имѣемъ поэтовъ. Повсюду, и въ нравахъ и въ законахъ, и въ учрежденіяхъ воцарилась истина. Новая литература дышетъ истиною. И что-жъ такое, что она результатъ революціи? Развѣ жатва можетъ быть менѣе прекрасна потому лишь, что она возросла на вулканѣ? Какое отношеніе находите вы между лавою, которая уничтожила вашъ домъ, и пшеницею, питающею васъ?»

Эти выдержки показываютъ намъ, что и въ 1824 году В. Гюго, будучи уже вполне романтикомъ въ своихъ произведеніяхъ, еще не признавалъ этого и держался въ сторонѣ отъ борющихся партій, стараясь поставить себя въ особенное нейтральное положеніе. Это странное сидѣніе между двумя стульями вполне обуславливается тѣмъ переходнымъ состояніемъ, которое въ это время переживалъ поэтъ. Какимъ онъ былъ въ это время въ политикѣ, такимъ же является онъ передъ нами и въ своихъ литературныхъ теоріяхъ. Какъ въ политикѣ онъ въ эту эпоху проповѣдывалъ альтруистическія теоріи самоотверженія, страданія за правду, а самъ пользовался благами, списываемыми поклоненіемъ господствовавшему режиму, раздражался анаемами противъ революціонныхъ гидръ, а самъ предлагалъ у себя убѣжище для революціонеровъ, присужденныхъ къ смерти, воспѣвалъ въ одно и то же время и Бурбоновъ, и Наполеона, также точно и въ своихъ эстетическихъ принципахъ, онъ мало того, что писалъ произведенія, не имѣвшія ничего общаго съ классицизмомъ, но признавалъ существованіе переворота въ литературѣ, какъ результата революціи, исповѣдывалъ разныя эстетическія доктрины, которыя составляли въ то время главныя основанія романтической школы, и въ то же время отрицалъ самое слово романтизмъ. Дѣло было въ томъ, что хотя В. Гюго и смѣялся надъ пустыми и ничего незначащими словами, которымъ каждый придаетъ какой кому вздумается смыслъ, но онъ самъ въ это время былъ невольно зараженъ тѣмъ же фетишизмомъ терминовъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что въ роялистскомъ словарѣ не было слова романтизмъ, а существовалъ лишь одинъ классицизмъ; романтизмъ же, по недоразумѣнію, былъ занесенъ въ революціонный словарь. Объявить себя прямо романтикомъ значило вступить въ ряды оппозиціи и скомпрометировать себя въ качествѣ роялиста; а признать себя классикомъ, согласно завѣту отцовъ и дѣдовъ, В. Гюго опять-таки не имѣлъ ни малѣйшаго права, потому что ни въ одномъ своемъ произведеніи не держался шитики Буало. Вообще, положеніе было довольно

непріятное, въ которомъ только и оставалось, что измышлять разными нейтральныя эживои.

Между тѣмъ, молодые романтики съ каждымъ годомъ становились крѣпче и крѣпче на ноги и побѣдоносно завоевывали поля битвы. Въ 1825 году, они утвердились въ доктринерской газетѣ «Globe», гдѣ они свободно развивали свои теоріи, добывая послѣдніе остатки классицизма. Самъ В. Гюго становился годъ отъ году либеральнѣе, и склонялся на сторону оппозиціи. Ужь одно авторское самолюбіе влекло его въ лагерь романтиковъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что сѣдовласые классики, съ самаго выступленія его на литературное поприще, не переставали осыпать его порицаніями, какъ дерзкаго новатора, въ то время, какъ романтики привѣтствовали его, какъ восходящее свѣтило новаго направленія. И вотъ мы видимъ, что въ предисловіи къ изданію одъ 1826 года В. Гюго, еще въ большей степени исповѣдуетъ романтическіе принципы и ратуетъ противъ классицизма. Такъ, въ самомъ началѣ предисловія онъ отрицаетъ всѣ тѣ загородки, какими классики отдѣляли одинъ родъ поэзіи отъ другого, утверждая, что трагедія не допускаетъ того, что терпитъ романъ, что пѣснь свойственно одно, а одъ—другое. «Авторъ, гласитъ предисловіе:—имѣетъ несчастье ничего не смыслить въ этомъ. Ему кажется, что все, что дѣйствительно прекрасно, годится для всѣхъ родовъ: что драматично въ романѣ, драматично и на сценѣ, что прочувствовано въ куплетѣ останется такимъ же и въ строфѣ. Мысль представляетъ собою дѣвственную и плодородную почву, продукты которой стремятся расти свободно и по волѣ случая, безъ всякой классификаціи, не замыкаясь въ размѣренныя клумбы, подобно цвѣтамъ въ ботаническомъ саду, или тропамъ и фигурамъ въ учебникѣ риторики. Но не надо думать, чтобы подобная свобода вела къ безпорядку».

Далѣе онъ приводитъ очень часто въ то время повторявшееся сравненіе между версальскими садами и дѣвственнымъ лѣсомъ для того, чтобы показать, что истинный порядокъ и красота при-сущи отнюдь не монотонной правильности, которой увлекаются классики, а той свободѣ, какая, царя въ природѣ, должна господствовать и въ литературѣ.

«Въ литературѣ, какъ и въ политикѣ, говоритъ онъ:—порядокъ таинственнымъ образомъ соединяется со свободою и даже вытекаетъ изъ нея, и къ тому же слѣдуетъ остерегаться смѣшивать порядокъ съ правильностью: правильность относится лишь къ внѣшнимъ формамъ, тогда какъ порядокъ вытекаетъ изъ сущности вещей, изъ разумнаго расположенія внутреннихъ элемен-

товъ сюжета. Въ правильности заключается вкусъ посредственности, въ порядкѣ—вкусъ гения...»

Ниже онъ возстаеъ противъ того духа подражательности, въ которомъ классики видѣли спасеніе школь, а, по его мнѣнію, въ этомъ духѣ—гибель искусства, и онъ не рекомендуетъ подражательности ни писателямъ, именующимъ себя классиками, ни причисляющимъ себя къ романтикамъ. «Кто, говоритъ онъ:—подражаетъ романтическому поэту, ужь этимъ самымъ дѣлается классикомъ. Представляете ли вы собою эхо Расина или Шекспира, вы все-таки остаетесь лишь эхомъ и рефлексомъ. Если вы вздумаете такого поэта причислить къ гениальнымъ, то ему будетъ не хватать самой главной основы гениальности—оригинальности. Будемъ удивляться великимъ мастерамъ, но не подражать имъ: пойдемъ своей дорогой. Удастся намъ—ладно, не удастся—что за важность!..»

Заканчиваетъ же онъ свое предисловіе слѣдующими словами: *«Поэтъ долженъ имѣть лишь одинъ образецъ подражанія—природу, лишь одну путеводительницу—правду. Онъ долженъ писать, какъ ему внушаетъ сердце, а не другіе писатели. Изъ всѣхъ книгъ, вращающихся среди людей, онъ долженъ постоянно изучать лишь двѣ: Гомера и Библию. Эти двѣ почтенныя книги, первая изъ всѣхъ по достоинству и по времени, такія же древнія, какъ самъ міръ, сами по себѣ представляются двумя мірами для мысли»*, и т. д.

Я нарочно подчеркнулъ здѣсь слова, многозначительныя въ томъ отношеніи, что каждая новая школа, начиная ратовать противъ старой, постоянно выставляетъ на своемъ знамени одинъ и тотъ же неизмѣнный девизъ: вѣрность природѣ и правдѣ. Каждая молодая школа наивно думаетъ, что только съ нея начинается эта вѣрность, а зади нея—была одна сплошная ложь и искаженіе природы. Такъ думали романтики двадцатыхъ годовъ о ложно-классикахъ, и буквально тоже самое повторяютъ и современные французскіе натуралисты относительно романтиковъ.

Выдержки, приведенныя изъ предисловія къ изданію одъ 1826 года, показываютъ намъ, какъ далеко шагнулъ В. Гюго въ исповѣданіи романтическихъ доктринъ въ этомъ году. И еще бы: въ это время онъ окончательно сблизился уже съ молодыми романтиками (Сент-Бёвомъ, А и Е. Дешапами, Буланжѣ, Альфредомъ-де-Мюссе и пр.) и всталъ во главѣ этого кружка, окрестившаго себя библейскимъ названіемъ «Cenacle». Недоставало только открытаго поднятія знамени романтизма. И этотъ рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ въ 1827 году, когда В. Гюго выпустилъ въ свѣтъ свою первую драму «Кромвель», посвятивъ ее

отцу и предпославъ ей предисловіе въ видѣ цѣлаго трактата объ историческомъ развитіи поэзіи. Въ этомъ трактатѣ онъ, безъ всякихъ уже экивоковъ, становится на почву романтизма.

Такъ, В. Гюго дѣлитъ исторію развитія поэзіи на три возраста: дѣтство, юность и старость. Къ дѣтству онъ причисляетъ первобытныя, патриархальныя времена; въ этотъ періодъ главнымъ содержаніемъ жизни была религія, а преобладающимъ элементомъ поэзіи является ода, и всѣ прочіе роды поэзіи болѣе или менѣе подчиняются этому элементу. Затѣмъ слѣдуетъ возрастъ юности, времена Греціи и Рима, эпоха классицизма, когда преобладающимъ элементомъ въ жизни была война, а въ поэзіи — эпось. Наконецъ, съ утвержденіемъ христіанства наступаетъ возрастъ старости, эпоха романтизма, когда главнымъ элементомъ жизни является стремленіе къ истинѣ, анализъ, размышленіе, меланхолія, а въ поэзіи соотвѣтствуетъ этому періоду преобладаніе драмы. Въ каждый изъ этихъ трехъ періодовъ поэзія вытекаетъ изъ трехъ громаднхъ источниковъ: Библии, Гомера, Шекспира.

Такъ какъ современная, романтическая поэзія стремится къ истинѣ, къ изображенію жизни всесторонне въ ея внутренней правдѣ, жизнь же состоитъ не изъ одного прекраснаго, но и безобразнаго (grotesque), то вслѣдствіе этого съ наступленіемъ третьяго, романтическаго періода особенно сильно развивается въ искусствѣ комическій элементъ, который былъ лишь въ зародышѣ въ первыхъ двухъ возрастахъ поэзіи.

Исходя изъ этого положенія, В. Гюго особенно сильно настаиваетъ на томъ, что истинное искусство должно преслѣдовать не одну цѣль — прекрасное, а рядомъ съ нимъ и безобразное, такъ какъ сама жизнь заключается въ постоянныхъ контрастахъ высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, прекраснаго и безобразнаго. «Какъ средство контраста для отгбненія высокаго — безобразное, говоритъ онъ: — по нашему мнѣнію, представляетъ самый богатый источникъ, который природа предоставляетъ искусству. Рубенсъ безъ сомнѣнія понималъ это, когда при изображеніи блестящихъ королевскихъ церемоній, въ родѣ коронацій и т. п. помѣщалъ въ своихъ картинахъ какую-нибудь ужасающую фигуру придворнаго карла. Эта всеобщая красота, въ которую древность облекала весь міръ, была не безъ монотонности; выраженіе одного и того же, вѣчно повторяемое, можетъ утомить до крайности. Высокое на высокомъ перестаетъ производить впечатлѣніе высокаго; необходимо имѣть отдыхъ отъ всего, даже отъ прекраснаго. Безобразное же тѣмъ и хорошо, что даетъ возможность передохнуть, сравнить, и затѣмъ вознестись къ прекрас-

ному съ большею свѣжестью и воспримчивостью. Саламандра выставляетъ передъ нами Ундицу во всей ея прелести, гномъ дѣлаетъ Сильфа еще прекраснѣе».

Изъ этой выдержки можно ясно видѣть, что, выставляя прекрасное и безобразное рядомъ, какъ два существенные элемента искусства, В. Гюго отнюдь въ то же время не смѣшиваетъ ихъ. Между тѣмъ враги В. Гюго и приверженцы старой школы особенно набросились на него за эту неслыханную ересь: постановленіе безобразнаго наравнѣ съ прекраснымъ, какъ цѣли искусства, произвели впечатлѣніе скандала.

У французовъ, какъ истыхъ любителей каламбуровъ и всяческой игры словъ, существуетъ особенная страсть какое-нибудь новое ученіе облечь въ парадоксальную формулу, которая рѣзала бы вамъ ухо сопоставленіемъ двухъ противорѣчивыхъ понятій. Иногда сами аденты новаго ученія употребляютъ подобный эффектъ. Таково знаменитое изреченіе Прудона: «*la propriété c'est le vol*». Но чаще всего къ этому прибѣгаютъ враги ради осмѣянія противныхъ имъ идей и нагляднаго представленія ихъ нелѣпости. Такъ въ настоящемъ случаѣ произошло и съ В. Гюго. Враги подхватили на смѣхъ его ученіе о значеніи въ искусствѣ безобразнаго и, исказивши это ученіе, облекли его въ формулу, тоже въ своемъ родѣ знаменитую—«*le beau c'est le laid*», т. е. какъ будто Гюго утверждалъ, что искусство должно стремиться къ безобразному, потому что въ этомъ безобразномъ и заключается все прекрасное.

Какъ бы то ни было, но первый опытъ примѣненія этой эстетической теоріи въ драмѣ «Кромвель» не отличается особенною удачею. Драму эту можно, по всей справедливости, причислить въ числу самыхъ слабыхъ произведеній поэта. Постановка нарочно, на зло классическимъ требованіямъ. внѣ великихъ сценическихъ рамокъ, она поражаетъ васъ прежде всего своими размѣрами: это цѣлый томъ, написанный въ драматической формѣ. Постановка ея на сцену, конечно, невозможна безъ сокращенія, но крайней мѣрѣ, въ половину, но и въ чтеніи она утомительна крайнею растянутостью своихъ сценъ и монологовъ. Для соблюденія контраста прекраснаго и безобразнаго, послѣ каждой патетической сцены выходятъ шуты; но такъ какъ комическимъ элементомъ талантъ В. Гюго не особенно богатъ, то длинные ихъ разговоры, исполненные тяжелыхъ и натянутыхъ шутокъ, дѣлаютъ драму еще менѣе удобочитаемою.

Что касается содержанія, то это—послѣднее произведеніе, замыкающее собою первый періодъ дѣятельности В. Гюго, и въ которомъ вы еще найдете кое-какіе слѣды реализма. Такъ во

главѣ драмы стоитъ, въ лицѣ Кромвеля, неукротимый честолюбецъ, который отъ первой страницы до послѣдней только и помышляетъ о томъ, какъ бы сѣсть на престолъ, имъ же самимъ обогранный кровью. Въ тоже время члены его же семейства упрекаютъ его за пролитую кровь Карла II. Такъ, младшая его дочь Фрэнсисъ, воспитанная въ уединеніи и полномъ невѣдѣніи историческихъ событій, на его намекъ о желаніи вступить на престолъ, раздражается вдругъ слѣдующею тирадою:

«Вы облечены временною властью. Это бѣдствіе нашего времени, отъ котораго вы сами страдаете! Но присвоить себѣ діадему короля-мученика, присоединиться къ его палачамъ, царствовать на его могилѣ! А-а!»

И въ заключеніе сцены, не зная объ участіи самого Кромвеля въ смерти короля, она раздражается проклятіями противъ убійцы Карла, приравнивая его къ Каину; Кромвель же, подъ вліяніемъ этихъ проклятій, восклицаетъ а parte: «Неумолимая невинность! А меня считаютъ безнаказаннымъ! Моя возлюбленная, послѣдняя дочь представляется совѣстью, слѣдующею по моимъ ожесточеннымъ пятнамъ! Чистота ребенка, ея наивный взглядъ, голосъ заставляютъ трепетать того самаго Кромвеля, передъ которымъ трепещутъ короли! Ея непорочность парализируетъ все мое могущество» и т. д.

Но роляизмъ возвеличивается здѣсь лишь въ одномъ своемъ принципѣ. Что же касается до самихъ роляистовъ, то въ лицѣ кавалеровъ они рисуются не совсѣмъ уже въ благовидномъ свѣтѣ. Въ этой драмѣ вы впервые встрѣчаете ту силу обобщенія, которая составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ таланта В. Гюго. Такъ здѣсь поставлены рядомъ два заговора, направленные противъ Кромвеля — заговоръ кавалеровъ и пуританъ. Оба эти заговора не удаются, причемъ неудача каждого зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ существенныхъ недостатковъ, какіе коренятся въ этихъ двухъ сословіяхъ. Кавалеры составляютъ безумный планъ опохитъ Кромвеля соннымъ зельемъ, увести его изъ Англіи и доставить живаго Карлу; исполненіе же этого отчаяннаго предпріятія поручаютъ лорду Рочестеру, кутилѣ, волокитѣ, у котораго голова только и набита, что женщинами и стихами; онъ волочится за лэди Фрэнсисъ, и, вмѣсто признанія, написаннаго стихами, нечаянно подсовываетъ ей политическое письмо, которое онъ готовился отправить своимъ сообщникамъ, и письмо это раскрываетъ весь заговоръ. Въ лицѣ же пуританъ на первый планъ выступаютъ передъ вами та трусость и скарденность, какія характеризуютъ буржуазію. Они всѣ потрясаютъ воздухъ страшными словами, говоря о необходимости смерти тирана, а когда доходитъ

до дѣла, прячутся другъ за друга и одинъ на другого сваливаетъ исполненіе. Особенно же отличается кожевникъ Баребонъ, который обивалъ тронъ, приготовленный для Кромвеля, пурпуромъ. Онъ соображаетъ, что если Кромвель будетъ убитъ на самомъ тронѣ, и пурпуръ, обогранный его кровью будетъ испорченъ, ему никто потомъ не заплатитъ за его пурпуръ и онъ будетъ раззоренъ, и вотъ онъ начинаетъ торговаться съ своими сообщниками:

«Ради Христа, выслушайте меня, братья! Избавляя Израиля отъ лжекороля, умерщвляя Кромвеля, не портите этого трона! Этотъ бархатъ очень дорогъ: онъ стоитъ десять пиастровъ аршинъ! Нанося ударъ, позаботьтесь о томъ, чтобы не задѣть этой драпировки!.. Устройте, если можно такъ, чтобы онъ упалъ на спину чтобы кровь этого воплощеннаго Молоха какъ можно меньше запятнала мою алепскую ткань!..»

Въ концѣ драмы В. Гюго предвосхитилъ у Пушкина совершенно тотъ самый эффектъ, которымъ такъ удачно заканчивается драма Борисъ Годуновъ — именно народное безмолвіе. Подобно тому, какъ народъ въ Кремлѣ, при объявленіи о воцареніи Дмитрія, отвѣчаетъ глубокимъ молчаніемъ, такъ и здѣсь зало Вестминстерскаго аббатства и толпа на площади хранить мертвое молчаніе послѣ предложенія со стороны парламента Кромвелю короны, и это заставляетъ его опомниться, отвергнуть корону, произнести рѣчь въ самомъ республиканскомъ духѣ.

Но и кромѣ этого частнаго совпаденія, въ видѣ употребленія одного и того же эффекта, В. Гюго въ этотъ первый періодъ своей дѣятельности, имѣетъ не мало общихъ точекъ соприкосновенія какъ съ Пушкинымъ, такъ и со всѣми прочими нашими романтиками. Главное значеніе въ это первое десятилѣтіе его дѣятельности заключается въ томъ же самомъ: онъ очистилъ литературу отъ классической ветоши и гнили, заговорилъ простымъ, живымъ и душевнымъ языкомъ о предметахъ, равно доступныхъ и интересныхъ для всѣхъ и cadaго. Его политическія оды высказывали подобныя же тенденціи и симпатіи и имѣли такое же значеніе, какъ и у насъ произведенія, въ родѣ «Клеветникамъ Россіи» или «Бородинская годовщина». Онъ, не задумавшись, съ радостью въ это время подписался бы подъ слѣдующими стихами Лермонтова, обращенными къ французскому народу:

Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемерья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча.

Совершенно то же самое и онъ говорилъ въ эту эпоху своему народу. А рядомъ съ политическими произведеніями вы найдете у него массу личныхъ и безтенденціозныхъ стихотвореній, относящихся къ этому же времени, любовныхъ элегій, воспоминаній дѣтства, балладъ, картиновъ природы, очень граціозныхъ, прелестныхъ, простыхъ и задушевныхъ, которыя еще болѣе напоминаютъ вамъ подобныя же стихотворенія Пушкина. Таковы: «Premier soupir», «Regret», «Le nuage», «Le sauchemar», «Le matin», «Mon enfance», «Le voyage», «Pluie d'été» и проч. Таковъ же сборникъ стихотвореній, изданный имъ въ 1828 году, подъ заглавіемъ: «Les orientales». Этимъ сборникомъ онъ заплатилъ дань господствовавшей въ то время по всей Европѣ страсти къ картинамъ и сюжетамъ изъ восточной жизни. Онъ воспѣваетъ здѣсь греческое движеніе и представляетъ цѣлый рядъ историческихъ эпизодовъ, сценъ, легендъ и всякаго рода описательныхъ стихотвореній изъ жизни Востока.

Но при всемъ этомъ сходствѣ, есть одно весьма существенное различіе между В. Гюго и нашими романтиками: различіе это заключается въ томъ, что характеръ и направленіе литературной дѣятельности, которые обнимаютъ всю жизнь ихъ, у В. Гюго укладываются лишь въ первыя десять лѣтъ его дѣятельности. Уже около 30-го года нынѣшняго столѣтія, онъ перегоняетъ ихъ на цѣлыя мили, а послѣ 1848 года уходитъ отъ нихъ на неизмѣримое разстояніе.

Въ уваженіе къ этому непрестанному слѣдованію за вѣкомъ и въ послѣдствіи даже впереди движенія, мы можемъ заключить характеристику перваго періода дѣятельности В. Гюго слѣдующимъ гордымъ сознаниемъ, высказаннымъ въ предисловіи къ изданію своихъ юношескихъ одъ 1853 года:

«Исторія восхищается Михаиломъ Неємъ, который, родившись бочаромъ, сдѣлался маршаломъ Франціи, и Мюратомъ, который изъ конюшаго мальчишки достигъ трона. Мракъ ихъ точки исхода засчитывается имъ, какъ знакъ большого уваженія, и увеличиваетъ блескъ ихъ высоты.

«Но изъ всѣхъ путей, ведущихъ изъ мрака къ свѣту, самый труднѣйшій и почтеннѣйшій — это родиться аристократомъ и роялистомъ и сдѣлаться демократомъ.

«Попасть изъ лачужки во дворецъ—случай рѣдкій и прекрасный, если вамъ угодно. Но возвыситься изъ лжи къ истинѣ — это еще рѣже и еще прекраснѣе. Въ первомъ изъ этихъ двухъ возвышеній при каждомъ новомъ шагѣ что-нибудь пріобрѣтается, увеличивается и благосостояніе, и могущество; во второмъ же случаѣ совершенно наоборотъ. Въ этой суровой борьбѣ противъ

предразсудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, въ этомъ долгомъ и тяжеломъ возвышеніи отъ лжи къ истинѣ, которое изъ жизни человѣка и развитія его сознанія дѣлаетъ символъ общечеловѣческаго прогресса, при каждой ступени приходится платиться за нравственное возвышеніе, жертвуя интересами, отказываясь отъ приманокъ богатства и почестей, рискуя своимъ благосостояніемъ, домашнимъ очагомъ и самою жизнію. Но развѣ эти трудности преодолены, развѣ не позволительно гордиться этимъ? И если правда, что Мюратъ могъ бы положить свой ямщицкій кнутъ рядомъ со скипетромъ и сказать: «Вотъ откуда я вышелъ!» то съ гордостью, еще въ большей степени законною и съ сознаніемъ еще болѣе сладкимъ могу я положить свои дѣтскія и юношескія роялистскія оды рядомъ съ демократическими поэмами зрѣлаго человѣка. И въ особенности эта гордость позволительна, если принять во вниманіе, что на верху блеска своего возвышенія я нашелъ проскрипцію и помѣчаю это изданіе мѣстомъ своего изгнанія».

А. Слабичевскій.

ЗАБВЕНІЕ.

Въ чѣду утѣхъ, надеждъ и обольщеній
Не забывай, гордяся избыткомъ силъ,
Тяжелыхъ дней, мучительныхъ мгновеній
Всего, что сердцемъ пережилъ!

Для тайнаго грядущаго—науку
Ты въ памяти былаго обрѣтешь,
Обманъ надеждъ, измѣну и разлуку—
Все горькое—смѣлѣй перенесешь.

Не обновить души твоей забвенье:
Нѣтъ блага въ немъ—о, не желай его!
Оно—иссохшій ключъ, оцѣпѣненье,
Могила сердца твоего.

Мигъ счастья съ утратою былюю
Тайнственно въ тебѣ сопряжены;
Сжилась печаль, какъ старый другъ, съ тобою,
Утративъ горечь новизны.

Кто горе зналъ, тому полнѣе радость
Но разорви съ былымъ живую нить—
Насущныхъ благъ цѣлительную сладость
Безсиленъ будешь ты цѣнить.

Какъ чередой полуночныя тѣни
Смѣняетъ дня животворящій свѣтъ,
Такъ нѣтъ безъ горя наслажденій
И безъ слезы—улыбки нѣтъ.

А. Яхонтовъ.

МАЛЫЕ РЕБЯТА.

(Изъ памятной книжки).

I.

Одинъ изъ моихъ давнишнихъ знакомыхъ, нѣкто Иванъ Ивановичъ Полумраковъ, чиновникъ, занимающій въ настоящее время довольно видное мѣсто въ одномъ изъ петербургскихъ министерствъ, въ высшей степени озабоченъ вопросомъ объ участи, которая можетъ ожидать въ будущемъ собственныхъ его дѣтей. Много на своемъ вѣку приходилось мнѣ встрѣчать чадолюбивыхъ родителей, но Иванъ Ивановичъ отличается отъ нихъ не столько особенностію въ чадолюбіи, сколько именно озабоченностію, повидимому, недающею ему покоя, надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о томъ, что нужно дѣтямъ образованнаго и болѣе или менѣе обеспеченнаго человѣка въ предстоящей имъ жизни? чему ихъ учить? къ чему готовить? въ какомъ направленіи вести нравственное развитіе? Авторъ этого очерка, имѣя намѣреніе сказать нѣсколько словъ о томъ подростающемъ поколѣніи, которое въ настоящее время, сидя на стулѣ, еще не достаетъ ногами до полу, не можетъ оставить безъ нѣкотораго вниманія такого «озабоченнаго» тѣмъ же вопросомъ родителя, какъ Иванъ Ивановичъ Полумраковъ, тѣмъ болѣе, что «озабоченность» его не ограничивалась только размышленіями, умозаключеніями и т. д., но выражалась и въ нѣкоторыхъ опытахъ, на дѣлѣ пояснявшихъ то, до чего Иванъ Ивановичъ доходилъ путемъ продолжительныхъ размышленій.

Прежде всего, необходимо объяснить причину происхожденія въ Иванѣ Ивановичѣ такой «особенной» заботливости о собственныхъ дѣтяхъ; необходимо потому, что—надо говорить правду—было время, когда Иванъ Ивановичъ не блисталъ ни чадолю-

бѣемъ, ни «заботливостью» въ той степени, въ какой блестятъ онъ и тѣмъ, и другимъ въ настоящее время. Правда, онъ всегда былъ добрый и ласковый отецъ, но чтобы такъ обременять себя вопросами, касающимися иногда самыхъ мелкихъ сторонъ дѣтской жизни, дѣтской души, дѣтскаго будущаго—этого не было и въ поминѣ. Говоря откровенно, происхождение этой заботливости находится въ тѣсной связи съ однимъ нестолько неприятнымъ, сколько неожиданнымъ эпизодомъ, случившимся въ жизни Ивана Ивановича нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Дѣло въ томъ, что три года тому назадъ, зимой, въ пять часовъ утра, въ квартиру Ивана Ивановича позвонили, затѣмъ вошли въ кабинетъ и спросили: «Знакомъ ли онъ, и давно ли, съ акушеркою N, запутавшейся, какъ оказалось, въ какомъ-то непрактическомъ предпріятіи?» Иванъ Ивановичъ, ободренный необыкновенной вѣжливостью и почтительностью, съ которыми былъ предложенъ этотъ вопросъ, оправился и съ достоинствомъ отвѣчалъ, что акушерку N онъ точно знаетъ, такъ какъ семейному человѣку трудно обойтись безъ этого знакомства, но что знакомство это основано только на профессіи г-жи N, что ни коимъ образомъ не можетъ имѣть ни малѣйшей связи съ личными взглядами этой госпожи, такъ какъ Ивану Ивановичу якобы совершенно неизвѣстно, какіе-такіе г-жа N имѣетъ взгляды. На томъ все дѣло и кончилось; все произошло вѣжливо и деликатно; деликатно до того, что, напримѣръ, лицо, посѣтившее Ивана Ивановича, дабы не пачкать окуркомъ папиросы очень изящную пепельницу, само открыло заслонку печки и, нагнувшись, бросило окурокъ въ самую глубину. Наконецъ, чтобы замаять неприятный разговоръ, лицо это обратило вниманіе на олеографію Куинджи и выказало большой вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ, указавъ прикосновеніемъ кончиковъ пальцевъ къ полотну картины, нѣсколько дѣйствительно блистательныхъ, эффектныхъ чертъ, касавшихся освѣщенія. Повторяю, посѣщеніе прошло такъ тихо и любезно, что въ Иванъ Ивановичъ не могло и не должно было остаться послѣ него ни малѣйшей тревоги. Кромѣ того, даже и высшее начальство того министерства, въ которомъ служилъ Иванъ Ивановичъ, только мимоходомъ и спустя долго послѣ событія, напомнило ему о немъ, и притомъ съ единственною цѣлюю ободрить. Словомъ, все и началось, и кончилось превосходно, а Иванъ Ивановичъ, несмотря на это... призадумался!.. Показалось ему, изволите видѣть, что въ лѣвомъ глазу того высшаго начальства, второе шутя намекнуло ему на неожиданное обстоятельство, что-то какъ-будто мелькнуло, какая-то будто черта, и черта неожиданная. Правый глазъ — Иванъ Ивановичъ очень хорошо это

помнить—ласкалъ и улыбался совершенно безкорыстно, искренно; а въ лѣвомъ глазу шмыгнуло что-то, шмыгнула какая-то неожиданная точка.—«Однако, въ ту же минуту подумалось Ивану Ивановичу,—Шутки—шутки, а дѣло-то, кажется, вѣдь въ самомъ дѣлѣ...» На словахъ «въ самомъ дѣлѣ» Иванъ Ивановичъ остановился, такъ какъ его внезапно осѣнила, даже поразила мысль: «А что если все это—«въ самомъ дѣлѣ»? т. е. и акушерка, и визитъ, и то, что шмыгнуло въ лѣвомъ глазу? Что, если все это не случайность, не праздная игра воображенія, а подлинныя явленія, имѣющія какія-нибудь основанія? Словомъ, опять-таки, что если все это—«въ самомъ дѣлѣ»? Мысль эта была такъ сильна своей внезапностію и значительностію, что Иванъ Ивановичъ почувствовалъ, какъ горячая испарина разлилась у него по спинѣ и выступила на затылкѣ, и съ этого же момента не иначе сталъ смотрѣть на явленія дѣйствительности, какъ на такія, которыя происходятъ въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ результаты и основанія. Кромѣ того, если мы прибавимъ, что увѣреніе Ивана Ивановича въ томъ, будто бы онъ никакихъ убѣжденій г-жи N, акушерки, не знаетъ, ложно, то читателю будетъ понятно, что Иванъ Ивановичъ въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ впасть въ значительную озабоченность, сначала относительно собственной особы, а затѣмъ и относительно неразрывно связаннаго съ нимъ семейства.

Впослѣдствіи мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о томъ, къ чему привели размышленія Ивана Ивановича, основаніемъ которыхъ былъ рассказанный нами незначительный эпизодъ; тебѣ же мы должны сказать, что, не случись этого эпизода, и тогда Иванъ Ивановичъ, какъ и всякій человѣкъ, болѣе или менѣе обеспеченный, не могъ бы просуществовать безъ нѣкоторой озабоченности уже по одному тому, что человѣкъ этотъ живетъ не двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, а въ настоящіе дни и годы. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, вопросы личности и нравственности стояли прочно и ясно, или, по крайней мѣрѣ, для всякаго была совершенно ясна «ненужность» этихъ вопросовъ нравственности. Центромъ и идеаломъ жизни былъ баринъ, а нравственность заключалась въ ерѣпостномъ правѣ. Все, что не было ни бариномъ, ненуждавшимся въ нравственности по праву, ни мужикомъ, неразработавшимъ этого тонкаго предмета *по недосу*, все, что жило «вокругъ» барина и мужика, также не разрабатывало означенныхъ вопросовъ, по ненадобности. Чиновникъ, говорилось въ то блаженное время: — служи, купецъ — торгуй, шатунъ—шатайся. Вопросъ: какъ? и другой: зачѣмъ? не могли стоять въ общественномъ вниманіи на первомъ планѣ, въ виду

того, что, «выслужившись», «расторговавшись», человекъ могъ отдохнуть, только самъ сдѣлавшись баринномъ. Толкись, бейся, изловчайся въ той тѣсной клѣткѣ, которую судьба отвела тебѣ на жительство, а выбьешься, достучишься, дотолкаешься — твое счастье. Все ясно и точно, опредѣленно и покойно. Съ Божьей помощью жизнь идетъ по торной колеѣ. Въ то блаженное время Ивану Ивановичу—да и не одному ему—было жить легко. На душѣ его не лежало бы никакой отвѣтственности ни за одинъ поступокъ, ни за одно помышление, разъ они не выходили изъ предѣловъ желаній дослужиться или расторговаться, т. е. приблизиться къ завѣтному идеалу. Въ воспитаніи дѣтей родителю стоило только приводить въ примѣръ дѣтямъ себя, свою неустанную заботу о благѣ своемъ и своей семьи, а самое благо было ясно, всѣмъ лѣзло въ глаза. Теперь—увы!—не то. Съ устраненіемъ этого, всѣмъ понятнаго, вѣками установленнаго представленія о благѣ, олицетворенно баринномъ—въ нравственномъ мірѣ русскаго человекъ образовалось пустое мѣсто, которое необходимо было волей-неволей чѣмъ-нибудь наполнить. Волей-неволей пришлось знакомиться съ нравственностію. Всякому, по прежнему, предоставлялось право расторговываться и выслуживаться, но отсутствіе идеала заставляло задумываться надъ вопросомъ: зачѣмъ? и за этимъ вопросомъ самъ собою пришелъ другой—какъ? какимъ путемъ? Общественное вниманіе волей-неволей было заинтересовано вопросами о принципахъ чести, совѣсти. Пришлось размышлять надъ этими вопросами иногда противъ охоты и желанія.

Иванъ Ивановичъ Полумраковъ, какъ и масса его сверстниковъ, достигнутыхъ старыми временами на школьной скамѣ, и новыми—на первыхъ путяхъ жизненнаго поприща, не принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣшительныхъ натуръ, которыя, однажды давъ себѣ отвѣты на поставленные жизнью вопросы, продолжаютъ твердо слѣдовать имъ и идти до конца. Нѣтъ, не сдѣлался онъ ни яримъ либераломъ, ни яримъ консерваторомъ, а, благодаря мягкости своего характера, подчинился вліяніямъ времени, не слишкомъ выясняя настоящее и будущее, и въ то же время какъ-бы не расставаясь и съ симпатіями, вынесенными изъ прошлаго. Долгое время онъ очень чистосердечно симпатизировалъ и г-жѣ N, и одновременно съ тѣмъ успѣвалъ по службѣ, и ни г-жѣ N, ни пачальству не казалось это страннымъ. Иванъ Ивановичъ мягкій характеромъ и духомъ, мягко принималъ не очень еще жесткія вліянія времени, и жилъ, чувствуя себя порядочнымъ человекомъ. Да не подумаетъ читатель, что Иванъ Ивановичъ, какъ говорятъ, «вилялъ» между этими вліяніями. Ничуть; онъ

жилъ этими вліяніями, принималъ ихъ и отзывался на нихъ, но въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ требовали еще несовсѣмъ выясненныя общественныя явленія. Явленія эти были робки, неопредѣленны, атмосфера туманна, а Иванъ Ивановичъ не особенно дальнзорокъ. Но то, что онъ видѣлъ, онъ принималъ.

Такъ какъ рѣчь наша касается спеціальнаго предмета, именно *дѣтей*, то мы не будемъ распространяться здѣсь о тѣхъ новыхъ вліяніяхъ времени, которыя Иванъ Ивановичъ долженъ былъ принять въ свое сознаніе, а ограничимся только тѣми, которыя касаются избранной нами тѣмы и остановимся только на томъ новомъ, что уже вошло въ кругъ современнаго воспитанія дѣтей, имѣющихъ родителей, съ такимъ же, болѣе или менѣе обезпеченнымъ положеніемъ, какъ и положеніе нашего Ивана Ивановича.

II.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самую существеннѣйшею новизною въ этомъ дѣлѣ является присутствіе, такъ сказать, народнаго элемента. Если новыя времена, которыя мы переживаемъ, именно только и новы, главнымъ образомъ, благодаря «новому положенію мужика, то, разумѣется, что вліяніе, или, вѣрнѣе, какое-то легкое отдаленное дыханіе этой новизны не могло не коснуться и того круга людей, который и выросъ, и держался на свѣтѣ, благодаря только старинному положенію мужика. Изъ этой-то мужицкой новизны вышло все то новое, что обнаружилось впоследствии въ новизнахъ немужицкихъ; отсюда вышли на свѣтъ и непрактическая акушерка, и непрактическій студентъ, и ожесточенный ненавистникъ живыхъ людей, и такіе либеральные страдальцы, какъ мягкосердый Иванъ Ивановичъ. Всѣ эти представители новыхъ временъ, конечно, немедленно бы опредѣлили свою собственную задачу, опредѣлили бы ее съ величайшею простотою и точностію, еслибы самое новое и самое главное дѣйствующее лицо, открывшее новую эру жизни, вымолвило бы хоть единое словечко въ объясненіе того, чего, молъ, желаетъ оно теперь достигать? Еслибы такое словечко было сказано—простота и вмѣстѣ осмысленность жизни для всѣхъ сдѣлалась бы ясною, всякому предлежала бы своя дорога и, разумѣется, не было бы сомнительныхъ комбинацій въ людскихъ отношеніяхъ, не было бы того запутаннаго, тягостнаго, досаднаго и вообще въ высшей степени мучительнаго положенія, которое впоследствии пришлось переживать образованному обще-

ству. Но драма началась и продолжалась, а главное дѣйствующее лицо молчало, какъ мертвое.

Понятно, что такое положеніе дѣла ставило людей, подобныхъ Ивану Ивановичу, въ величайшее затрудненіе; приходилось почти только «чутьемъ» руководствоваться въ собственныхъ поступкахъ, идти впередъ безъ всякихъ опредѣленныхъ указаній. И точно. Иванъ Ивановичъ не столько *зналъ* доподлинно о значеніи начавшейся драмы, сколько *чуялъ* это значеніе. Только этимъ чутьемъ и можно объяснить тѣ маленькія новости въ домашнемъ и общественномъ воспитаніи малыхъ ребятъ, которыя извѣстны, на вѣрное, всѣмъ, имѣющимъ въ числѣ своихъ знакомыхъ такихъ чадолюбивыхъ родителей, какъ изображаемый мною Иванъ Ивановичъ. Намъ кажется, что именно благодаря этому чутью (практическая черта, наслѣдованная отъ П. И. Чичикова), явилась на свѣтъ и эта простота обращенія родителей съ дѣтьми, этотъ «папка» вмѣсто «папа», это «ты», вмѣсто «пожалуйте ручку». Отсюда же вышли эти токарныя станки, эти ящики съ сапожными инструментами въ «благоустроенныхъ» семействахъ, этотъ скрипъ пилы въ худенькихъ рукахъ ребенка, для поправленія здоровья котораго, по совѣту доктора, ежедневно покупаютъ куриныя яйца въ шесть рублей десятокъ. Всѣ подобные эксперименты въ народномъ духѣ производилъ надъ своими дѣтьми и Иванъ Ивановичъ, такъ какъ онъ, хотя и не получалъ еще такого оклада, который бы позволилъ ему питать своихъ дѣтей вышеупомянутыми золотыми яйцами, но принадлежалъ къ числу людей обеспеченныхъ, или образованныхъ, и все-таки имѣлъ чутье и практиковалъ его.

Неразъ, глядя на всѣ эти сапожныя шилья, гвозди и молотки, валявшіеся на паркетномъ полу довольно дорогой квартиры Ивана Ивановича, на эту дратву, топоры и рубанки, забравшіеся иногда даже въ гостиную, я подумывалъ надъ вопросомъ: къ чему такой прочно поставленный человѣкъ, какъ Иванъ Ивановичъ, разыгрываетъ всю эту комедію? Вѣдь не допускаетъ же онъ въ серьезъ мысли о томъ, чтобы его дѣти, содержаніе которыхъ уже теперь, когда они едва въ силахъ поднять обѣими руками крошечный сапожный молотокъ, обходится втрое дороже содержанія цѣлой артели въ пять человѣкъ не игрушечныхъ, а настоящихъ сапожниковъ, что они, эти *дорогія* дѣти, будутъ когда-нибудь «въ самомъ дѣлѣ» добывать себѣ хлѣбъ сапожнымъ молоткомъ, или шиломъ, или топоромъ, или пилой? Думаетъ ли онъ, что они когда-нибудь могутъ быть сапожниками, дроворубами, столярами?.. «—Почемъ знать! отвѣтствовала на мой вопросъ по этому поводу Иванъ Ивановичъ. А можетъ быть!» Или еще

проще: «—Все может случиться!» Но, очевидно, это были, какъ говорится, не отвѣты, и только одно ничтожное обстоятельство, одна небольшая сценка, свидѣтелемъ которой мнѣ случайно пришлось быть въ квартирѣ Ивана Ивановича, дала мнѣ нѣкоторую возможность услѣдить «подлинное» направленіе мыслей Ивана Ивановича въ этомъ дѣлѣ.

Какъ-то однажды мнѣ пришлось ночевать у Ивана Ивановича. Мы спали въ его кабинетѣ, выходявшемъ окнами на дворъ и поутру проснулись рано, проснулись отъ необыкновеннаго тепла и необыкновеннаго солнечнаго блеска, наполнившихъ комнату до ослѣпленія и духоты. Немедленно было открыто окно, въ комнату пахнула теплая влага великолѣпнѣйшаго майскаго утра, а вмѣстѣ съ нею со двора ворвались въ комнату и чистый звукъ колокола и какой-то веселый шумъ, и гамъ, и смѣхъ. Внизу, на дворѣ, очевидно, происходило что-то такое же веселое, какъ веселы были день, небо, солнце, воздухъ. Иванъ Ивановичъ, отворивши окно, повидимому залюбовался тѣмъ, что происходило на дворѣ; и при новомъ взрывѣ смѣха торопливо позвалъ меня. Вотъ что тамъ происходило. Дворники, кучера, конюхи, кухарки, горничныя и прочій рабочій людъ петербургскаго дома (изъ числа такихъ, гдѣ живутъ хорошіе господа) кто съ ведромъ въ рукѣ, кто съ метлой, кто съ лопатой и т. п., все народъ ражій, хорошо кормленный, хорошо выспавшійся, въ разныхъ позахъ остановились въ разныхъ пунктахъ двора, и, какъ говорится, «помирали со смѣху», хохотали безъ удержа, потѣшаясь надъ тѣмъ, что происходило въ верху въ окнѣ четвертаго этажа. А тамъ, какой-то румяный, ражій дѣтина, не то маляръ, не то плотникъ, работавшій въ квартирѣ, изъ которой господа начали выѣзжать на дачу, стоя на краю подоконника, держалъ въ объятіяхъ красивую, плотную, франтоватую горничную, которая воила благимъ матомъ, не забывая въ тоже время почти ежеминутно наносить своему похитителю звонкіе, сильные удары голой и крѣпкой рукой по физиономіи—или нѣтъ, не по физиономіи, а прямо «по мордѣ».

Не обращая на эти удары ни малѣйшаго вниманія, ражій дѣтина хохоталъ во всю пасть и, потрясая горничную надъ четырехъ-этажной бездной, оралъ, обращаясь къ зрителямъ.

— Подставляй фартукъ, я ее кину!.. Эй ребята, держи, подхватывай!

— Давай, давай! азартно бросая метлу и потряхивая фартукомъ, во все горло откликался одинъ изъ зрителей, дворникъ:—кидай! готово!

— Размахнись хорошенько! совѣтовали конюхи.

— Хватай! ораль дѣтина, въ самомъ дѣлѣ размахиваясь горничной, какъ неодушевленнымъ предметомъ.

— Дуй его, Авдотья, по мордѣ! Чего онъ безобразничаетъ! визжали бабы.

— Авдотья! обдерни хвостъ!

— Бей его!

— Махай ее черезъ крышу!

Хоть неударжимый и искреннѣйшій визгъ горничной, чувствовавшей, однако, что все это «въ шутку» и «любя»; звонкія оплеухи «въ шутку», искреннѣйшее веселое оранье, хохоть, остроты, румяныя, оживленныя здоровьемъ лица парня и горничной и публики, и ко всему этому солнце, блескъ воздуха и неба, могучая сила и дѣтская простота и въ природѣ, и въ людяхъ, все это такъ плѣнило Ивана Ивановича, что, отойдя отъ окна, онъ въ сильномъ волненіи могъ только произнести:

— Пар-ршивая цивилизація!..

И сбросилъ рукою на полъ только-что принесенную и лежавшую на столѣ газету, впрочемъ, можетъ быть, и не нарочно.

— Ну, гдѣ вы (предполагается: въ этой цивилизаціи) найдете это... эту... эти... лепеталь Иванъ Ивановичъ, и, не договоривъ фразы, опять произнесъ:

— Какое же сравненіе съ этой паршивой цивилизаціей?

Эта сцена не была, конечно, поводомъ къ полному уясненію взглядовъ Ивана Ивановича на необходимость введенія въ дѣло воспитанія дѣтей нѣкоторыхъ новинокъ въ народномъ духѣ, но все-таки она дала нѣкоторую путеводную нить къ объясненію. Игра во всё эти шила, дратвы и топоры не была пустою комедіей, а имѣла въ основаніи почти опредѣленный расчетъ. Дѣти Ивана Ивановича, очевидно, никогда не будутъ ни сапожниками, ни портными; за спиной ихъ никогда не будетъ болтаться мѣшокъ съ кускомъ чернаго хлѣба и рубанкомъ... Объ этомъ Иванъ Ивановичъ не допускалъ даже мысли. Но эта шила нужна для того, чтобы маленькія обезпеченныя ручки были такъ же крѣпки, какъ и тѣ, которыя въ силахъ играть горничной, какъ перомъ. Это дерганье дратвой расширяетъ грудныя мышцы. Въ этомъ только отношеніи, то есть въ отношеніи физическаго благополучія, и понятна какая-то туманная вѣра Ивана Ивановича въ необходимость какого-то вниманія ко всему трудовому люду, вступившему на новый путь. Но, не понимая во всей широтѣ значенія этого явленія, и только чутьемъ догадываясь о немъ, мягкосердечный Иванъ Ивановичъ, однакоже, и тутъ, какъ видите, умѣлъ извлечь нѣкоторую пользу для себя, сумѣлъ, такъ сказать, взять съ мужика взятку, и принести ее въ домъ свой.

III.

Недолго, однако, пришлось Ивану Иванычу довольствоваться въ своихъ житейскихъ и служебныхъ поступкахъ исключительно чутьемъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ явленія дѣйствительности совершенно выяснились, вышли изъ тумана, и добираться до ихъ еще недавно темнаго смысла ошупью уже не было никакой надобности: они стояли на лицо. Пришлось серьезно обдумать свои къ нимъ отношенія. Иванъ Иванычъ началъ испытывать эту необходимость и сознавать всю ея серьезность со времени извѣстнаго уже читателямъ эпизода, описаннаго въ началѣ первой главы настоящаго отрывка. Какъ только Иванъ Иванычъ убѣдился, что все совершающееся совершается въ самомъ дѣлѣ, исходить изъ извѣстныхъ причинъ, а главное (вотъ именно, гдѣ главное-то!) имѣть извѣстные результаты, вполне неминучіе, тотчасъ же ему пришлось опредѣлить собственныя свои отношенія къ этимъ явленіямъ, пришлось обдумать ихъ всесторонне, со всей искренностью и тщательно опредѣлить свое мѣсто въ людскомъ обществѣ. И тотчасъ же, какъ только Иванъ Иванычъ сталъ думать объ этомъ серьезно и по совѣсти, такъ напала на него тоска, въ душу закрался ледяной холодъ, бѣлый свѣтъ опостылѣлъ и все его существо стало какъ-то «саднить» въ бесплоднѣйшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тягостнѣйшихъ страданіяхъ. Прежде всего, опредѣляя свои отношенія къ начальству и припоминая знакомство съ акушеркой г-жей Н., Иванъ Иванычъ сразу увидалъ, что онъ жестоко виновать передъ начальствомъ, что онъ изъ года въ годъ обманываетъ его довѣріе, что онъ, однимъ словомъ, лжець, на котораго, въ трудную минуту, едва ли можетъ это начальство положиться. Онъ убѣдился, что онъ видѣлъ въ начальствѣ тольк окладъ, что не будь тутъ оклада, оно не имѣло бы такого преданнаго слуги, какимъ считался Иванъ Иванычъ. Съ другой стороны, припоминая свою служебную дѣятельность, которая оплачивалась хорошимъ окладомъ, Иванъ Иванычъ также мгновенно убѣдился и въ своей виновности передъ акушеркой, такъ какъ, открывши ей всю подноготную и всѣ послѣдствія своей дѣятельности, онъ долженъ былъ бы оказаться ея явнымъ врагомъ, а вовсе не «сочувствующимъ», каковымъ его считала непрактическая и увлекающаяся г-жа Н. Словомъ, въ обоихъ случаяхъ, почтенный, добрый, мягкій и либеральный Иванъ Иванычъ вдругъ, какъ только пришлось подумать серьезно,

оказывался просто-на-просто лгуномъ, да еще какимъ — корыстнымъ! Развѣ все это не изъ-за оклада? Да! у Ивана Иваныча не оказывалось никакихъ нравственныхъ убѣжденій. Онъ боялся потерять окладъ, рѣшительно не зная, на какую сторону въ опредѣлившихся людскихъ отношеніяхъ могъ бы онъ стать по убѣжденіямъ. Не было у Ивана Иваныча никакихъ убѣжденій, никакой нравственности. Былъ только страхъ передъ акушеркой и передъ начальствомъ — главное, передъ окладомъ.

Въ эти минуты было жалко смотрѣть на Ивана Иваныча, особенно въ отношеніяхъ его къ дѣтямъ. Однажды въ кабинетѣ у него совершенно случайно столкнулись: эта самая акушерка Н., генераль изъ того министерства, гдѣ Иванъ Иванычъ служилъ, и студентъ-технологъ, въ высокихъ сапогахъ. Иванъ Иванычъ вертѣлся на своемъ креслѣ, какъ на иголкахъ, чувствуя, что настала минута, когда надобно «дать отвѣтъ», т. е. при малѣйшей случайности въ разговорѣ о текущихъ событіяхъ, необходимо поступить безпристрастно и по совѣсти. На бѣду Ивана Иваныча, въ комнату вбѣжалъ его шестилѣтній сынъ и задалъ одинъ изъ неожиданныхъ дѣтскихъ вопросовъ. Что было дѣлать Ивану Иванычу? Съ одной стороны, студентъ и акушерка, а съ другой—генераль. Иванъ Иванычъ вспыхнулъ и вывернулся, сказавъ: «Чаю! чаю! скажи, чтобы чаю намъ давали! Философъ!» И такимъ образомъ, выпроводилъ ребенка вонъ, оставшись невредимымъ.

Но оставаясь до нѣкоторой степени невредимымъ лично, Иванъ Иванычъ чувствовалъ, что относительно своихъ дѣтей онъ поступаетъ безнравственно. Свои житейскія связи и отношенія, онъ еще могъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, оправдать тѣмъ, что у него на плечахъ семья. Ради семьи онъ тянетъ ламку, хотя сочувствуетъ. И если поступаетъ при этомъ не совсѣмъ добросовѣстно и искренно, то опять же потому, что у него семья, что онъ не одинъ. Но принося такія жертвы ради семьи, естественно было подумать о томъ, что же получаетъ въ самомъ дѣлѣ эта семья? И тутъ Иванъ Иванычъ совсѣмъ терзалъ голову, прежде всего потому, что себя, свою дѣятельность онъ ни коимъ образомъ не могъ бы рекомендовать дѣтямъ: это значило рекомендовать искусство лгать изъ-за оклада. Сказать же что-нибудь по совѣсти боялся. Дѣти росли поэтому въ какой-то невозможнѣйшей атмосферѣ либеральныхъ недомолвокъ и умолчаній по самымъ существеннѣйшимъ вопросамъ нравственности. А нравственность—въ этомъ Иванъ Иванычъ убѣждался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе—необходима. Начинается жизнь, жизнь «въ самомъ дѣлѣ» и чтобы перенести ея случайности,

недостаточно однихъ вѣтвистыхъ мускуловъ, румяныхъ щекъ, а нужно нѣчто сильнѣе ихъ. Но Иванъ Ивановичъ не могъ дать ничего подобнаго. Ничего подобнаго не давали ни пилы, ни дратвы, ни станки, ни дѣтскіе сады, ни кубики, ни «жестяникъ», ни плетеніе, ни клееніе, ни молотки, ни загадки, ни ребусы, ни анаграммы и проч. Иванъ Ивановичъ пробовалъ было углубиться въ область современной печатной педагогіи, но во-первыхъ, приходилось зарыться въ книгахъ, которымъ нѣтъ конца и края, а во-вторыхъ, Иванъ Ивановичъ на первыхъ порахъ встрѣтилъ тутъ такія вещи, которыя совершенно охладили его намѣреніе что-нибудь позаимствовать у педагогіи. Такъ, въ одномъ изъ самыхъ почтенныхъ педагогическихъ журналовъ, пользующихся упроченною репутаціею, Иванъ Ивановичъ натолкнулся на слѣдующую *живую бесѣду* (какъ сказано въ журналѣ) учителя съ учениками по поводу молитвы Господней. *Учитель*: Гдѣ Богъ? *Ученикъ*: Вездѣ. *Учитель*: А особенно? *Ученикъ*: На небѣ. Учителю, который, какъ видно изъ статьи, не желаетъ, чтобы ученики *задавливали слова*, необходимо, помощью *живой бесѣды*, выяснитъ основательность именованія Бога *Отцомъ Небеснымъ*, и вотъ онъ, какъ видите, смотритъ на это именованіе только, какъ на *имя прилагательное*. О дьяволѣ бесѣды еще проще: *Учитель*: «Кто намъ болѣе всего дѣлаетъ зла?» *Ученикъ*: «Дьяволы!» И все тутъ. Безъ разсужденій и разговоровъ, просто оказывается, что существуетъ дьяволъ и дѣлаетъ людямъ вредъ. Простота поразительная, но Ивану Ивановичу показалася она слишкомъ топорной.

И такъ, гдѣ же добыть этой нравственности? Какимъ способомъ, въ душѣ подросткающаго молодого поколѣнія, образовать тотъ прочный, нравственный фундаментъ, который выдержалъ бы то, что время воздвигнетъ на немъ? Иванъ Ивановичъ думалъ только объ этомъ фундаментѣ, а о томъ, что выстроить на немъ — не рѣшался думать, умывалъ руки, да и не могъ онъ предвидѣть, что будутъ строить: живой ли домъ, или гаубтвахту, тюрьму или храмъ. Лишь бы устоять подъ напоромъ тяжести. Долго думалъ Иванъ Ивановичъ, но, наконецъ, придумалъ.

Онъ рѣшилъ такъ: Анна Петровна, его жена, съ дѣтьми большую часть года будетъ проводить въ деревнѣ, а онъ, Иванъ Ивановичъ, всецѣло отдастся служебнымъ обязанностямъ — да и не обязанностямъ вовсе, а просто служебному заработку... Иванъ Ивановичъ рѣшился лечь грудью въ эту лямку, для того, чтобы современемъ приобрести собственную усадьбу, а съ нею и прочную почву какъ для себя, такъ и для потомства.

И такъ, какъ видить читатель, этотъ планъ на счетъ деревни, усадьбы и т. д., просто-на-просто означалъ только то, что Иванъ Ивановичъ, не найдя въ себѣ никакой нравственности и не найдя ее въ педагогическихъ лучинкахъ и бумажкахъ, рѣшилъ. повинуясь тому же, наслѣдованному отъ П. И. Чичикова, дару молотить рожь на обухѣ, позаимствоваться означенной нравственностью у мужика. Позаимствовать и утащить въ домъ свой.

Но, увы!..

Впрочемъ, такъ какъ опытъ съ позаимствованіемъ у мужиковъ нравственныхъ началъ частію происходилъ на моихъ глазахъ, частію извѣстенъ мнѣ изъ обстоятельныхъ разсказовъ Ивана Ивановича, и, наконецъ, такъ какъ опытъ этотъ представляетъ нѣкоторый интересъ вообще, то я позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько поподробнѣе.

IV.

Рѣшивъ «позаимствовать», Иванъ Ивановичъ всю зиму довольно прилежно слѣдилъ за газетными объявленіями: не отдается ли гдѣ въ аренду помѣщичья усадьба? И къ концу зимы такихъ объявленій было найдено довольно много. Усадьбы отдавались и въ степяхъ, и въ глуши непроходимой, и по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Иванъ Ивановичъ выбралъ нѣсколько адресовъ такихъ усадьбъ, которыя лежали не слишкомъ далеко отъ Петербурга, такъ часахъ въ семи, и не слишкомъ близко къ желѣзной дорогѣ, то есть къ цивилизаціи, которую онъ не иначе представлялъ себѣ въ настоящее время, какъ въ видѣ какой-то непрестанной необходимости врать съ утра до ночи. Рѣшено было осмотрѣть эти усадьбы тотчасъ, какъ только мало-мальски стаеъ снѣгъ. Но такъ какъ въ то время въ Петербургѣ весну сдѣлали ранѣе обыкновенной, мѣсяца на полтора, то въ половинѣ марта въ булочныхъ уже появились жаворонки, а въ началѣ апрѣля уже приходилось привыкаться за поливку улицъ, потому что появилась пыль... Въ виду всего этого, едва только прошла святая недѣля, какъ Иванъ Ивановичъ и я, приглашенный имъ, тронулись въ путь.

Мы выѣхали съ вечернимъ поѣздомъ, а въ 6 часовъ утра должны были выйдти на одномъ маленькомъ полустанкѣ и затѣмъ на лошадахъ ѣхать верстъ за двѣнадцать въ усадьбу, которую предполагалось осмотрѣть, а если понравится, то и нанять. По истинѣ, какая-то дѣтская радость охватила насъ обоихъ, едва мы очутились въ вагонѣ, и не покидала насъ вплоть до слѣдую-

щаго вечера, когда мы опять вошли въ вагонъ, чтобы возвратиться въ Петербургъ. Я несомнѣнно былъ зараженъ этимъ дѣтски-радостнымъ расположеніемъ духа, благодаря Ивану Ивановичу, которому въ самомъ дѣлѣ было отчего радоваться. Всѣ нравственныя муки, всѣ неразрѣшимыя нравственныя загадки для него оканчивались съ поселеніемъ въ деревнѣ. Она, эта самая деревня, должна дать дѣтямъ Ивана Ивановича, во-первыхъ, физическое здоровье, котораго не дадутъ ни гимнастики, ни прогулки въ скверахъ, ни дорогіе доктора. Деревня дастъ все это такъ, задаромъ. Во-вторыхъ, она дастъ необходимыя прочныя начала нравственности. Въ то время, когда ни педагогія, ни тѣмъ менѣе самъ Иванъ Ивановичъ, не могутъ просто и ясно познакомить дѣтей съ причинностью явленій и человѣческихъ отношеній, деревня дастъ все это, простосердечно передавъ дѣтямъ теллую вѣру въ Бога, и зародивъ, такимъ образомъ, зачатокъ связной мысли, пробудить искренность чувства и дать ему пищу въ простотѣ и деревенской откровенности человѣческихъ отношеній. Въ-третьихъ, она же, эта самая деревня, уничтожить ненужное и гибельное въ дѣтяхъ сознание неравенства между людьми, котораго нельзя никоимъ образомъ избѣжать въ столицѣ. Дѣти будутъ въ толпѣ крестьянскихъ дѣтей, приучаться жить въ обществѣ человѣческомъ, начнутъ понимать, что такое жизнь.

Словомъ, Иванъ Ивановичъ рѣшивъ «позаимствовать», черпалъ, въ своихъ планахъ, конечно, щедрою рукою изъ непечатой деревенской жизни. По крайней мѣрѣ, по пятнадцати существеннѣйшимъ вопросамъ, деревня должна была позаботиться услужить измучившемуся въ безплодныхъ страданіяхъ Ивану Ивановичу. И мы были ужасно рады, что обуза, наконецъ, снята съ плечъ, или будетъ снята въ самомъ скоромъ времени. Петербургъ, и вообще «*паришная цивилизація*», само собою разумѣется, подвергались величайшей критикѣ, такъ какъ они рѣшительно не даютъ ни малѣйшей возможности къ мало-мальски здоровому нравственному развитію и совѣстливому существованію на бѣломъ свѣтѣ. «—Что такое, въ самомъ дѣлѣ, эта хваленая цивилизація, этотъ великолѣпный Петербургъ? Одна ложь — больше ничего! Вражье, жадность и ложь съ утра до ночи. Иванъ Ивановичъ приводилъ въ примѣръ себя: оказывается, что онъ, на примѣръ, ничего иного не дѣлаетъ, какъ вретъ направо и налево, съ утра до ночи, конечно, если смотрѣть на дѣло безпристрастно. Тогда какъ деревня...» Но, попавъ на дорогу всевозможныхъ сравненій, мы до такой степени были подавлены обиліемъ матерьяла, что стали перескакивать съ одного предмета на другой, хвататься за

что попало и пусть, поэтому, читатель извинить, если найдетъ въ отрывкахъ этихъ сравненій, слѣдующихъ ниже, недостатокъ послѣдовательности въ мысляхъ, а иногда, повидимому, и просто бессмыслицу. Это такъ только кажется, глядя поверхностно, на дѣлѣ же нами руководила совершенно ясная для насъ мысль, именно: въ Петербургѣ, вообще, въ городѣ, все ложь, а въ деревнѣ—все правда. Ложь вся эта жадная ежедневная суета, этотъ шумъ и блескъ—все ложь. Солдаты идутъ съ барабаннымъ боемъ—ложь! Чиновникъ съ портфелемъ бѣжитъ, какъ помѣшанный—ложь! барыня съ собачкой—чистая комедія! А въ деревнѣ нѣтъ ни стуку, ни грома, ни блеску; все здѣсь чистосердечно и правдиво. Вонъ на горѣ храмъ, бѣдная сельская церковь... трогательный жалобный звукъ колокола... искреннія слезы старушки... кресты надъ могилами истинныхъ труженниковъ... Пастырь, сѣденькій старичокъ, идетъ по косогору... съ палочкой... все просто, хорошо, правдиво!... И солнце свѣтитъ привѣтливо. А въ Петербургѣ? А въ Петербургѣ, чтобы солнце-то видѣть, и то надо ѣхать на лошадахъ верстѣ за двадцать, на пуантъ, да и на пуантъ-то оно закатывается не въ море, а за полицейскую будку. Нечего сказать, природа! А въ деревнѣ, дѣйствительно, если природа, такъ природа, а не будка; лошадь такъ лошадь, овца такъ овца; вѣтеръ, птица на вѣткѣ, рыба въ рѣчкѣ, козель, баранъ, или, на примѣръ, дерево—все это натурально, просто, все сущая правда. Это вовсе не то, что какіе-нибудь кубики, лучинки, плетение и вообще всякая ерунда и т. д., и т. д.

До глубокой полуночи продолжали мы разговаривать, дѣлая эти нѣсколько безпорядочныя, но въ высшей степени оживленныя и яркія параллели, между лживыми явленіями цивилизаціи, которая олицетворялась Иваномъ Ивановичемъ въ видѣ неусыпающаго лганья, и деревенскими добрыми и простыми нравами. Я не привожу ихъ во всей подробности, потому что боюсь утомить читателя, но, говоря вообще, въ пользу деревни оказалось такое множество всевозможныхъ преимуществъ, что болѣе или менѣе понимающему человѣку, въ родѣ Ивана Ивановича, было бы просто глупо не поживиться чѣмъ-нибудь у такой богачки, какъ деревня.

Радостное состояніе наше, прерванное на нѣсколько часовъ сномъ, вновь возобновилось утромъ, когда мы, наконецъ, доѣхали до станціи, гдѣ должны были выйдти. Было чудеснѣйшее весеннее утро. Весна была въ самомъ началѣ, вода бѣшеными потоками бурлила въ оврагахъ, и бойко, непрерывно журчала подъ рыхлыми, но еще толстыми слоями снѣга, котораго вездѣ и въ полѣ, и на дорогѣ было довольно. Выйдя на крыльцо станціи, мы были поражены необыкновенной тишиной, въ которой

отчетливо слышалось стоявшее въ воздухѣ непрестанное журчаніе—точно щебетанье таявшаго снѣга. И небо было молодое, даже молоденькое, и деревья влажныя, точно выкупавшіяся и отдыхающія. А воздухъ! воздухъ такъ и ломилъ въ грудь, ломилъ такою массою здоровья и свѣжести, что не хватало крови и легкихъ, чтобы поглотить ее. Онъ пьянилъ, утомлялъ.

Полустанокъ былъ маленькій, незначительный; около него лѣпилось всего два, три домика, изъ которыхъ одинъ былъ постоянный дворъ. Домики были опрятные, зеленые какіе-то съ желтыми цвѣтами на ставняхъ и съ ярко-малиновыми крышами. Какой-то сѣденькій мужичекъ, въ лаптяхъ и армякѣ, старый, сухенькій, но легкій на ногу и проворный, подбѣжалъ къ намъ, точно по воздуху прилетѣлъ, такъ не слышно и легко ступалъ онъ своими лаптями по проталинкѣ, и пригласилъ на постоянный дворъ. Этотъ мужичокъ какъ нельзя лучше поддерживалъ наше дѣтское расположеніе духа. Онъ проводилъ насъ на постоянный дворъ, привелъ въ чистую комнату наверхъ, добылъ хозяйку и все проворно, но не спѣша—такая у него была натура «легкая». Молоко, которое принесла намъ степенная хозяйка, было въ самомъ дѣлѣ въ высшей степени ароматическое и такое густое, что облипало губы, какъ самая густая масляная краска и стиралось съ величайшимъ трудомъ. Маленькій, кособокий, но ясный, какъ солнце, мгновенно вскипѣвшій подъ руководствомъ проворнаго старичка, самоваръ былъ для насъ милъ въ эти минуты необыкновенно. Но всего былъ милѣй старичокъ, котораго звали Карпиемъ. Онъ самъ называлъ себя такъ, не Карпомъ, а Карпиемъ.

Напившись чаю, мы вышли на крыльцо, около котораго Карпій запрягалъ намъ лошадь. И тутъ въ нѣсколько минутъ, съ свойственною всей его натурѣ легкостію и проворствомъ, онъ успѣлъ познакомить насъ чуть ли не со всей своей исторіей и съ задушевнѣйшими своими убѣжденіями.

Оказалось, что этотъ человекъ былъ почти не отъ міра сего. Не по немъ, не по его впечатлительной душѣ была тяжелая крестьянская лямка, докучливая жизнь на міру... Его съ дѣтства тянуло странствовать, перемѣнять мѣста, не грѣшится съ людьми, что неизбежно для человекѣа, прилѣпившагося къ мѣсту; и, повинувшись этимъ влеченіямъ природы, онъ много видѣлъ на своемъ вѣку и людей и мѣстъ, выработывая кусокъ хлѣба чѣмъ придется. «Поживу покуда поживется, а отъ худова—уйду!» Была въ его глазахъ, какая-то, такъ сказать, придурковатость, но придурковатость нѣжная. «—Уйду, не люблю ссоры, потому въ ссорѣ, храни Богъ, сорвется съ языка нечистое слово—а ужъ это

*

хуже всего!» Карпій объяснилъ намъ, что во многомъ онъ грѣшенъ, а чтобы обругать кого — нѣтъ! этого Богъ миловалъ! Ни разу въ жизни онъ никого не обозвалъ худымъ словомъ, не то чтобы лукаваго помянуть! При послѣднемъ словѣ, Карпій плюнулъ даже. Какъ доказательство своей непоколебимой вѣрности этому убѣжденію, онъ показалъ намъ руку, кисть и палецъ которой были всѣ переломаны и срослись въ какія-то удивительныя комбинаціи. Эту руку лѣтъ 20 тому назадъ, ему изуродовали на Волгѣ. Былъ онъ въ партіи бурлаковъ, и на ночлегѣ, на берегу, Карпіева партія изъ-за какихъ-то причинъ затѣяла драку съ другой партіей, ночевавшей неподалеку. Драка съ берега перешла на воду; Карпій, очутившись въ водѣ, сталъ хвататься руками за край какой-то лодки, а его колотили весломъ по рукамъ:—«И тутъ я вытерпѣлъ, черного слова не молвилъ!» Карпій тряхнулъ сѣдой головой и радовалось его лицо этому хорошему, угодному Богу поступку!

Не мало удивлялъ онъ насъ въ пути удивительнѣйшими сообщеніями объ удивительнѣйшихъ вещахъ. Переѣзжали мы небольшую рѣчку по синему рыхлому уже льду, разговоръ неволью зашелъ объ опасности этой переправы. Карпій увѣрилъ, что рѣчка неглубока, но когда мы перебрались на другой берегъ, завелъ рѣчь о томъ, что нечего пугаться, что Господь навѣрное умудритъ человѣка. Человѣкъ, своимъ человѣческимъ умомъ, ничего не придумалъ, а Богъ умудритъ, да такъ, что только диву дашься. И въ доказательство своихъ словъ загадалъ такую задачу: что бы, напримѣръ, надо было дѣлать, ежели бы паче чаянія пришлось провалиться не на эдакой рѣченкѣ, а на широкой и глубокой рѣкѣ? Положимъ, человѣкъ тотъ уползетъ по льду, а какъ съ лошадейю быть? тащить ее — силъ нѣтъ; подводить веревку подъ животъ—напрешъ на края полыньи, провалишься и съ лошадейю. Какъ тутъ быть?

Задавъ загадку, Карпій помолчалъ, выжидая, и произнесъ, хитро улыбаясь:

- А есть средство.
- Есть?
- Е-есть!

И объяснилъ это средство. Оказалось въ самомъ дѣлѣ нѣчто удивительное: надо, по его словамъ, просто удавить лошадь, сразу захлестнуть ей «удавную» петлю; приэтомъ она заглотитъ такое количество воздуха, что ее всю «вспучить» вдругъ и она сама выплыветъ, какъ пузырь; тутъ ее тащи за хвостъ, и петлю отпущай по капелькѣ, по вершечку. Съ полчаса полежитъ и встанетъ.

Если это и неправдоподобно, то все-таки весьма остроумно придумано. И мы съ Иваномъ Иванычемъ не мало разговаривали о народномъ, непосредственномъ умѣ, его нетронутыхъ, природныхъ богатствахъ, и опять убѣдились, что есть тутъ чѣмъ поживиться образованному и обезпеченному человѣку.

Но Карпій скоро еще болѣе поразилъ насъ, сообщивъ такое «средствіе», въ которомъ не было нисколько человѣческаго смысла, и которое въ то же время было весьма занимательно.

— Такіе ли еще бываютъ средствія-то! таинственно и ласково заговорилъ онъ, слушая наши разсужденія объ «удавной» петлѣ.— Есть, господа вы мои, такія средствія, только—а-ахъ!..

— Есть?

— И-и!

— Какія, напримѣръ?

Карпій обернулся къ намъ, поѣхалъ тихо и сказалъ, почему-то понизивъ голосъ:

— Объ чемъ, спрошу я тебя, скотина разговариваетъ?

Иванъ Иванычъ, повидимому, совершенно не ожидалъ такого вопроса.

— Я не знаю! сказалъ онъ, какъ ребенокъ, застигнутый въ распλοхъ.

— А вотъ есть средствіе!.. Узнаешь, что говорятъ, примѣрно овцы, коровы, лошади; всѣ ихнія мысли—все!

— Да зачѣмъ же это?

— Какъ зачѣмъ? Мало ли что человѣку знать желательно, да Богомъ ему не дано. Примѣромъ скажемъ, падежъ, болѣзнь, хворь какая. Пойдетъ скотина валиться, человѣкъ не знаетъ причины, а скотина знаетъ. Она еще когда знаетъ это! Примѣромъ, возьми такъ: ѣдешь ты со двора, а лошадь нейдетъ, упирается—что моль такое? Ударилъ ее кнутомъ, побилъ, поѣхалъ—хватъ, волки напали! Видишь вотъ, она-то знала, а ты-то не зналъ. Вотъ человѣкъ и добивается...

— И точно есть средствіе?

— Есть. Но только ужъ извини, ужъ это не отъ Бога!.. Нѣтъ! Богъ не положилъ этого человѣку. А это ужъ дѣло... того самаго... чорненькаго! Его! Вотъ то, что я напередъ сказывалъ, объ лошади,—то отъ Бога, а это—отъ черномазаго... Это ужъ онъ науцаетъ.

— А все-таки науцаетъ?

— Вотъ!.. Ка-акъ!..

— Ну, какое же средствіе-то?

— А вотъ какое: первое дѣло, надобно сказать, скотина разговариваетъ всего-на-всего разъ въ годъ, какъ разъ подъ новый

годъ, въ полночь. Тутъ у ней идетъ предсказаніе, что съ кѣмъ будетъ. Видишь. Вотъ, другъ ты мой, подъ самый-то подъ новый годъ требуется тебѣ первымъ долгомъ хлѣбецъ благовѣщенскій скушать съ четверговою солью. Первое это дѣло. Скушалъ ты хлѣбецъ, надѣвай шапку и шубу, шерстью вверхъ; а самый корень всему дѣлу—кость человѣчья; откуда хочешь достань кость отъ лѣвой человѣчьей ноги; и какъ ты кость досталъ, иди въ полночь въ хлѣвъ и садись въ уголь; а кость приставь къ уху—тутъ все и окажется. Сейчасъ и услышишь, какъ одна лошадь другой говоритъ:—«А меня, напримѣръ, на Покровъ волежь будетъ поджидать». Другая ей: «Гдѣ моль?»—«Тамъ-то!» Ну, кто знаетъ, и не ѣдетъ тѣмъ мѣстомъ. Вотъ какое средство! Ну, только ужъ отъ нечистаго, отъ него! Это дѣло не Божіе, говоритъ нечего...

— Да вѣдь это... изобрѣтеніе! воскликнулъ Иванъ Ивановичъ:— вѣдь это—телефонъ какой-то! Помилуйте, съѣшь то-то, надѣнь такъ-то, приставь къ уху... Какая точность, опредѣленность!..

И опять мы поговорили о народѣ и похвалили...

Усадьба, въ которую мы доѣхали часа черезъ два, была какъ нельзя больше подходяща къ нашему тогдашнему настроенію. Особенно поразило насъ обоихъ то, что она совершенно соотвѣтствовала нашимъ дорожнымъ мечтаніямъ, даже по внѣшнему виду—и горка, и на горѣ храмъ сельскій, ветхій, съ жалобнымъ колоколомъ. Даже старичокъ, съ палочкой, и тотъ оказался на своемъ мѣстѣ: именно шель по косоугору ко храму... Солнце тоже было и на своемъ мѣстѣ, и въ томъ самомъ видѣ, какъ рисовалъ себѣ Иванъ Ивановичъ, т. е. оно привѣтливо щедро разсыпало свои благотворные лучи. Усадьба, стоявшая на пригоркѣ, въ саду, была вся залита солнечными лучами; словомъ, все было привѣтливо, просто, тихо и покойно, все и всѣ намъ понравились. Понравилась усадьба, понравились мужики, снимавшіе шапки, и видъ мѣстности, и храмъ, и рѣчка, которая еще только вздувалась подо льдомъ, словомъ, все какъ нельзя больше соотвѣтствовало нашимъ желаніямъ. Иванъ Ивановичъ былъ просто въ восхищеніи... Съ двухъ словъ усадьба была нанята на круглый годъ, задатокъ данъ, условились о времени переѣзда, о необходимыхъ починкахъ; постояли на крыльцѣ, выходявшемъ въ садъ, помечтали о томъ, какъ все это будетъ хорошо лѣтомъ, закусили у арендаторши усадьбы чѣмъ Богъ благословилъ, но съ удовольствіемъ, и неимовѣрнымъ аппетитомъ, и тронулись въ обратный путь. Необходимость возвратиться въ Петербургъ заставляла насъ вновь заводить рѣчь о прелестяхъ деревни, и о непріятностяхъ столицы, но я передавать ихъ не буду.

V.

Къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ не пришлось быть личнымъ свидѣтелемъ опыта, предпринятаго Иваномъ Ивановичемъ и начатаго, казалось, при весьма благоприятной обстановкѣ, такъ какъ все лѣто я провелъ совершенно въ другой мѣстности Россіи. Передаю, поэтому, о результатахъ опыта со словъ Ивана Ивановича, съ которымъ мы встрѣтились уже осенью. Заглянувъ какъ-то, въ началѣ сентября, въ его квартиру, я нашелъ не только самого Ивана Ивановича, но и все его семейство, которое, по первоначальному плану, должно бы было жить еще въ деревнѣ. Разумѣется, первое, о чемъ спросилъ я, было: какъ онъ провелъ лѣто въ деревнѣ, увѣнчались ли его надежды какимъ-либо успѣхомъ, и почему, наконецъ, его семейство такъ рано возвратилось въ городъ? На послѣдній вопросъ Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ просто: «неприходится», потомъ сослался на темныя осеннія ночи, непривычныя для людей, жившихъ десятки лѣтъ въ городѣ; на вопросъ же о томъ, хорошо ли ему было въ деревнѣ, отвѣчалъ: «Ни-че-го», но при этомъ произнесъ: «Но...» и умолкъ. Вскорѣ, когда мы усѣлись за чай въ его кабинетѣ, онъ опять нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что «вообще ничего», но опять всякій разъ прибавлялъ частицу *но*, а къ этой частицѣ какую-нибудь сценку, замѣчаніе, фактъ. Слушая эти отрывочные замѣтки, факты, сценки, рассказываемыя безъ всякой послѣдовательности и, очевидно, безъ достаточной яркости, я тѣмъ не менѣе пришелъ къ убѣжденію, что Иванъ Ивановичъ потерпѣлъ полное фіаско, что ему на этотъ разъ не удалось «пожизвиться», и, сколько я могу судить, основываясь на сообщеніяхъ, весьма отрывочныхъ, по слѣдующимъ причинамъ.

Главнѣйшею причиною неудачи Ивана Ивановича было то, что онъ никоимъ образомъ не могъ добиться отъ народа мало-мальски искреннихъ человѣческихъ отношеній, такихъ, при которыхъ, съ одной стороны, Иванъ Ивановичъ могъ бы открыть свою душу и чистосердечно сказать: «бери!», а съ другой, чтобы и народъ деревенскій также бы распахнулъ свое нутро, также бы радушно сказалъ Ивану Ивановичу:—«получай, баринъ, тепло-то!» Даже и тѣни такихъ отношеній онъ не могъ добиться отъ народа. И немудрено: у Ивана Ивановича — большой окладъ. Поэтому, едва Иванъ Ивановичъ поселился въ деревнѣ, какъ деревня поняла, что за ея долготерпѣніе Господь послалъ ей доходную статью. Очевидно, баринъ живетъ на готовые деньги, очевидно, онъ дол-

женъ потреблять, тратить деньги—и вотъ, съ первыхъ же дней по прїѣздѣ, между усадьбой, гдѣ жилъ Иванъ Ивановичъ, и деревней, гдѣ обитали мужики, установились самыя неискреннія отношенія: ни одинъ человѣкъ не приближался къ усадьбѣ «безъ своекорыстныхъ цѣлей». Вотъ идетъ мужичекъ, идетъ, повидимому, просто поговорить, побесѣдовать—что особенно было бы прїятно Ивану Ивановичу, который съ удовольствіемъ вспоминалъ простосердечнаго Карпія—а глядишь, на дѣлѣ окажется, что онъ. этотъ простосердечный-то человѣкъ, пришолъ только затѣмъ. чтобъ заставить Ивана Ивановича брать у него мясо. Случилось Ивану Ивановичу отказать, этотъ человѣкъ, встрѣтившись на другой день, и не поклонился, точно въ глаза не видалъ онъ Ивана Ивановича. Съ первыхъ же дней, вокругъ усадьбы образовалась кабая-то непрерывная цѣпь «своекорыстныхъ» людей, которые толпились вокругъ прїѣзжей семьи именно только потому, что она платила за масло, за куръ, за мясо, за рыбу, за ягоды и т. д., Сквозь эту цѣпь своекорыстныхъ людей, не было никакой возможности пробраться къ настоящему безкорыстному деревенскому люду, а впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ убѣдился, что еслибы ему и удалось прорвать цѣпь и пробиться сквозъ ряды непрїятеля, то и тамъ, въ деревнѣ, гдѣ безкорыстіе-то должно находиться, и тамъ, едва только Иванъ Ивановичъ приближался къ безкорыстному человѣку, какъ этотъ человѣкъ превращался въ корыстолюбиваго и съ первыхъ же словъ говорилъ что-нибудь, въ родѣ слѣдующаго:—«Эхъ, баринъ, связались вы съ этимъ мерзавцемъ Антошкой! Позвольте, я вамъ на пробу зарѣжу теленка?» Словомъ, вездѣ и всюду Ивана Ивановича преслѣдовала жажда деревенскихъ людей «пожиться», не по части нравственныхъ богатствъ, какъ хотѣлъ пожить самъ Иванъ Ивановичъ, а просто насчетъ денегъ. Старушка ли придетъ, расскажетъ сказочку—проситъ внучкамъ на гостинцы, проситъ старыхъ сапогъ, шапки... Старичокъ ли придетъ про старыя времена поговорить—тоже проситъ, а чуть Иванъ Ивановичъ не дастъ—пересталь ходить. Словомъ, какъ только прерывалась денежная связь, такъ прерывалось даже шапочное знакомство. Одинъ фактъ возмутилъ Ивана Ивановича жестокостію, въ отношеніи корыстолюбія, до глубины души. Старичокъ со старушкой доставляли молоко дѣтямъ Ивана Ивановича, доставляли по извѣстной цѣнѣ. Однажды, по случаю прїѣзда гостей, второпяхъ взяли молоко не у старичка и старушки, а въ другомъ мѣстѣ, поближе взяли, чтобъ не идти далеко, а главное, заплатили тремя копейками дороже. И что же? Старичокъ со старушкой прекратили носить молоко, зная, что отъ этого разстроится здоровье ребенка, для котораго оно бра-

лось, зная, что дѣти даже умирають отъ перемѣны молока, и все для того, чтобы «припереть» Ивана Иваныча и заставить его платить тремя копейками дороже. Очевидно, онъ можетъ платить, если заплатилъ. — «Ты отчего же мнѣ просто и откровенно не сказалъ, что тебѣ нужно три копейки? Зачѣмъ же мучить ребенка-то?» протестовалъ Иванъ Иванычъ. — «А ты-то, отвѣчалъ старичокъ: — отчего мнѣ откровенно по одиннадцати-то копеекъ не платилъ? Небось по восьми все время платилъ... тоже, поди, откровенно!» Что дѣлалъ мужичокъ, поставлявшій мясо — уму непостижимо. Обыкновенно, зарѣзавъ теленка, онъ развозилъ его пунета въ три, но лѣтомъ, когда рабочая пора и время дорого, этотъ мужичокъ рѣшилъ не ѣздить никуда, а всю телушку вручить Ивану Иванычу. Онъ такъ и сдѣлалъ. Основываясь на томъ, что «семейству безъ мяса невозможно», а достать его негдѣ, приходилось брать цѣлую телушку и болѣе половины выкидывать собакамъ. Въ теченіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, Иванъ Иванычъ съ семействомъ «сѣли» двадцать восемь телятъ и пять коровъ, что достаточно было бы для баталіона солдатъ. Но что это! это пустяки. Одинъ парень, который почему-то «понравился» Ивану Иванычу и которому послѣдній однажды сказалъ объ этомъ—какъ-то подгулявъ во время сельскаго праздника, прямо потребовалъ отъ Ивана Иваныча «деньжонокъ!»—«За что?»—«Да такъ. Самъ говоришь, понравился, а денегъ не платишь! Это, братецъ мой, не модель—такъ-то! Не по господски!..»

А дѣти Ивана Иваныча?

Дѣти, конечно, не подозрѣвали о тѣхъ терзаніяхъ, которыя испытывалъ ихъ родитель, и безопасно «играли» на вольномъ деревенскомъ воздухѣ; но Иванъ Иванычъ ясно видѣлъ, что имъ такъ же, какъ и ему, ничего, пожалуй, не придется позаимствовать. Конечно, воздухъ былъ чудесный, здоровый, солнце закатывалось не за будку, а за лѣсъ, освѣщая его, какъ роскошный дворецъ, чудными, какъ золото, яркими лучами; травы и цвѣточки были, дѣйствительно, настоящія, чистенькія, душистыя, а ключъ, журчавшій изъ-подъ горы, былъ чистъ, какъ слеза. Все это было хорошо и благотворно дѣйствовало на душу, молоко тоже было душистое и густое. Но не хорошо то, что къ концу лѣта на дѣтяхъ обнаружилась какая-то сыпь, которая, по словамъ нарочно выписаннаго врача, оказалась весьма подозрительною. Не хорошо, что старичокъ и старушка, которые все лѣто доставляли душистое молоко, по разслѣдованію доктора, оказались не совсѣмъ здоровыми, и едва ли не принесли съ собою нездоровье въ семью Ивана Иваныча. У старичка и у старушки

оказались на рукахъ и на ногахъ какія-то раны, надъ которыми докторъ только покачалъ головой. — «Отчего-жь вы не лечитесь?» — «Какъ не лечимся—лечимся». — «Я, сказалъ старикъ, двадцать седьмой годъ лечусь!» — «Чѣмъ?» — «А слюнями мажу, да золой присыпаю! Оно и подсыхаетъ!» У старичка и у старушки оказались дѣти, женатые и семейные, маленькіе внучата, игравшіе вмѣстѣ съ дѣтьми Ивана Иваныча, и у всѣхъ ихъ послѣдовательно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, переходилъ одинъ и тотъ же способъ леченія, конечно, вмѣстѣ съ недугомъ. Разумѣется, Иванъ Иванычъ долженъ былъ устранить и старичка, и внучатъ, и сосредоточился на леченіи, позабывъ, что цѣль его состояла не въ позайствованіи болѣзни, а въ чемъ-то, другомъ.

Тѣмъ не менѣе, все лѣто, вплоть до обнаруженія злосчастной сыпи, дѣти Ивана Иваныча ежедневно находились въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, играли въ ихъ игры, но и тутъ Иванъ Иванычъ видѣлъ, что въ расчетахъ своихъ ошибся. Дѣти крестьянскія были чисты духомъ и сердцемъ, но въ этой крестьянской чистотѣ отражалась только голая дѣйствительность, которая къ тому же отражалась съ безопадной фотографической вѣрностью. Дѣтскій умъ и душа принимали все, что эта дѣйствительность предлагала имъ, а она предлагала въ большинствѣ случаевъ матерьялъ далеко не кристальнаго достоинства.

Въ деревнѣ, напримѣръ, поймали почталыона, который хотѣлъ было утащить сумку съ деньгами. Ребятишки играютъ въ вора, и блистательно, т. е. художественно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фотографически вѣрно исполняютъ это представленіе. По всѣмъ комнатамъ, и черезъ комнаты на дворъ, несется въ садъ толпа ребятишекъ, лѣтъ до десяти въ среднемъ возрастѣ, догоняютъ вора. Воръ, какъ вѣтеръ несется съ сумкой, закинувъ голову назадъ, прижавъ сумку къ груди, весь потный и блѣдный. Вотъ онъ спотыкнулся о бревно, и вся орава, гнавшаяся за нимъ, наваливается на него: «Веревку!» давай кушакъ! вяжи ему руки! А! ты отбиваться! Утымай, Егорка, сумку, отдавай начальнику!» Сумка отнята, воръ связанъ; онъ усталъ, онъ еле стоитъ на ногахъ, волоса у него спутаны; словомъ, онъ отлично исполняетъ роль вора, котораго «поймали», «связали». Но и не одинъ онъ, а вся толпа вѣрна дѣйствительности до мелочей. Кто такой воръ? Сынъ одного деревенскаго бобыля, красильщика, человѣка, который просидѣлъ годъ въ острогѣ. Ему быть воромъ; два сына лавочника—полицейскіе. Дѣти простыхъ крестьянъ, какъ и въ дѣйствительности, толпа, которая «содѣйствуетъ», бѣжить, галдитъ, исполняетъ что прикажутъ. А дѣти Ивана Иваныча? Разумѣется,

они исполняютъ господскія роли; одинъ оказывается исправникомъ, другой—становымъ. И ихъ заставляютъ съ точностью выполнить возложенныя на нихъ обязанности.

Вора поймали, связали.

— Что теперь? спрашиваютъ мужики.

— Теперь къ становому! отвѣчаютъ лавочники. Мы — десятскіе, вы — свидѣтели, а Володя съ Колей — становой и исправникъ. Володя! садись на стулъ, допрашивай!

Володя садится на стулъ, но не знаетъ, что дѣлать.

— Ругай! совѣтуютъ ему. — Ругай его наперво: мошенникъ! каналья! упеку!

Володя ругаетъ.

— Ударь его по мордѣ!

Но Володя конфузится, а лавочники говорятъ:

— Это исправникъ его ударить! Володя! ты говори: ведите его, подлеца, къ исправнику.

Ведутъ къ исправнику, по дорогѣ толкая вора въ спину.

Коля—исправникъ сидитъ на стулѣ, но также не знаетъ, что ему дѣлать.

— Бей его сначала по щекѣ! совѣтуютъ знатоки.

Коля затрудняется, но ему говорятъ:

— Ты такъ, невзправду, коснись только! Ну, теперь приказывай: «въ холодную его, шельму!»

— Въ холодную его, шельму!

Вора сажаютъ въ холодную, на лѣстницу, ведущую на чердакъ, и лавочниковы дѣти припираютъ дверь палкой.

— Вотъ такъ-то, говоритъ десятскій:—посиди-ка, другъ любезный, въ теплое мѣстѣ.

— Что-жъ теперь? спрашиваетъ исправникъ.

— Ты молчи; теперь онъ прощенья будетъ просить, а ты не слушай.

И точно, запертой въ холодной вору, такимъ рыдающимъ голосомъ, съ такими надрывающими душу мольбами начинаетъ умолять о помилованіи, что у исправника немедленно же глаза наливаются слезами.

— Выходи, Миша! говоритъ онъ жалобно, забывая, что онъ исправникъ.

Но тутъ уже самъ вору дѣлаетъ ему замѣчаніе.

— Такъ нельзя скоро, уже своимъ и нѣсколько обиженнымъ голосомъ отзывается онъ изъ-за двери.—Какая же это игра будетъ! Ты меня до-олго не пушай! Я буду вопить, а ты мнѣ кричи: «нѣтъ тебѣ, подлецу, пощады!»

И начинается вошь. Мальчикъ-воръ, навѣрное, слышалъ этотъ

воплъ, раздирающій душу отъ отца, котораго тоже сажали въ острогъ, отъ матери, которая, навѣрно, рыдала и выла, горюя объ участи мужа, и онъ истинно артистически выполняетъ эту сцену. Но исправникъ уже старается не плакать, чтобы не испортить игры, пріучается не слышать этихъ воплей, и твердитъ: «нѣтъ! нѣтъ!»

— Ну, будетъ! говорить самъ воръ и толкаетъ дверь. Его выпускаютъ.

Порядокъ спектакля требуетъ, чтобы за тюрмой слѣдовало наказаніе «скрозь строй!».

— Сколько прикажете дать ударовъ? спрашиваютъ лавочники.

— Сто! говоритъ исправникъ, не умѣющій считать до десяти.

— Ну, что больно много! возражаетъ воръ.—Эва!

— Двадцать—будетъ! говорятъ мужики.

Приносятъ прутья, «силомъ» валятъ вора на полъ. Исправнику совѣтуютъ кричать: «бей сильнѣй!» Воръ, само собой разумѣется, «вопить», но все слабѣй и слабѣй, это, значить, что его «засѣваютъ». Наконецъ, онъ умолкаетъ. Онъ безъ памяти. Десятскіе и мужики на рукахъ несутъ его и кладутъ на большую плетеную корзину.

— Это лазаретъ!

Игра кончилась.

Не нравится вамъ эта игра—вотъ другая. «Пропиваютъ» невѣсту, сватья ѣздятъ изъ одной деревни въ другую, останавливаются въ кабакахъ, выпиваютъ, шатаются, валяются... Словомъ, все, что даетъ дѣйствительность, все переносится въ игру. А жестока и тяжела эта дѣйствительность, и, что всего обиднѣе казалось Ивану Иванычу, что его дѣтямъ, какъ дѣтямъ господскимъ, отводилась въ этой дѣйствительности, во имя самой сущей правды, болшею частію неблагодарная, непріятная роль барина, причемъ этими играми развивались иногда самыя нежелательныя качества. Баринъ бьетъ, наказываетъ—это нехорошо, но и право миловать, въ которомъ игра увѣряла дѣтей, благодаря своей правдивости—тоже не особенно нравственное право.

Плоха, забита, груба была жизнь; жестки ея впечатлѣнія. И въ результатъ, какъ казалось Ивану Иванычу—извѣстная доля жестокосердія или, по крайней мѣрѣ, равнодушія ко многому, что требуетъ сочувствія и должно вызывать страданіе. Вотъ, напримѣръ, сценка:

Пріѣхалъ подъ окна усадьбы мужикъ. На телегѣ стоитъ кадушка, а въ кадушкѣ теленокъ.

Дѣти и ихъ деревенская компанія смотрятъ на мужика, на телегу и на кадушку, стоя въ садикѣ.

— Теленочка продаю! говоритъ мужикъ.

— Гдѣ теленочекъ?

— А вотъ, въ кадушкѣ.

— Зачѣмъ въ кадушкѣ?

— Да еще онъ маленекъ, двухъ недѣль нѣту... Онъ еще и на ногахъ не стоитъ.

— Покажи намъ теленочка.

— А поглядите, съ моимъ удовольствіемъ.

Дѣти облѣпили телегу. Мужикъ открылъ дерюгу и оттуда выглянула красивенькая мордочка, тепло дохнула на дѣтскую руку, поглядѣла добрыми дѣтскими глазами, какой-то звукъ издала.

— Какой хорошенькій!..

— Славный теленочекъ, только мало кормленъ. Что ребенокъ малый! ему теперь молочка надобно, а нѣту молока-то, вотъ и продаю.

Выходитъ кухарка и торгуетъ теленка.

— Куш, купи! кричатъ дѣти.

Теленка покупаютъ.

Мужикъ на рукахъ несетъ его неуклюжую дѣтскую фигуру, кое-какъ устанавливаетъ на слабыхъ ногахъ къ частоколу полисадника, и когда всѣ любятъся имъ, спрашиваетъ кухарку:

— Сами рѣзать будете, али мнѣ?

И привыкаютъ дѣти не плакать и смотрѣть, «какъ рѣжутъ», и потомъ кушать.

Не посчастливилось Ивану Иванычу и по части того старичка, который по кособору, съ палочкой въ рукахъ, обыкновенно направлялся къ ветхому храму. Отецъ Іоаннъ былъ точно старичокъ и съ палочкой; нѣсколько разъ заходилъ онъ къ Ивану Иванычу попить чаю, но, увы! не вносилъ никакого «простога міросозерцанія о премудрости творца въ твореніяхъ его!», а, напротивъ, велъ самую практическую бесѣду. То расскажетъ, какъ одинъ телеграфистъ, воспользовавшись тѣмъ, что телеграммы пишутся карандашемъ, стеръ текстъ у старой телеграммы и написалъ на имя извѣстнаго въ городѣ богача «выдать такому-то полторы тысячи»—предъявилъ и получилъ. «Ловко! Нѣтъ, вѣдь какъ ловко-то!» присовокуплялъ старичокъ съ палочкой. То попроситъ сочинить ему (самъ старичокъ слѣпъ) доносъ на благочиннаго или отвезти на станцію и бросить въ ящикъ сочиненный доносъ имъ самимъ... Вообще мало было теплаго и дѣтски-наивнаго въ словахъ старичка. Копейка и добродушно-дѣтская зависть къ копейкѣ—это слышалось чаще въ его рѣчахъ.

Въ общихъ чертахъ, въ деревнѣ дѣти Ивана Иваныча узнали,

что они не мужики, а господа, и имѣютъ поэтому право карать, прощать и не прощать; получили нѣкоторую крѣпость нервовъ, приучившихся быть нечувствительными во многихъ, весьма драматическихъ случаяхъ; затѣмъ, получили какую-то сыпь, требующую серьезнаго леченія, и, наконецъ, приобрѣли самое обстоятельное, всестороннее знакомство съ чортомъ. Если педагогія, какъ мы видѣли, только сухо констатировала фактъ существованія дьявола, то деревня разрабатывала этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ. Деревенскій чортъ былъ такое же дѣйствительно существующее лицо, какъ вотъ этотъ лавочникъ или кузнецъ, или становой. Всѣ видѣли его собственными глазами; одного онъ схватилъ въ водѣ за ногу, другой наткнулся на него въ банѣ, третьяго онъ водилъ цѣлую ночь вокругъ болота и чуть не утопилъ, четвертый «своими глазами» видѣлъ, какъ чортъ ходилъ у него по крышѣ, и ростомъ былъ болѣе четырехъ сажень и т. д. Разказы обо всемъ этомъ отличались, конечно, необыкновенною реальностью, а слѣдовательно, неотразимо дѣйствовали на воображеніе. Чувство страха, почти паническаго, до сихъ поръ совершенно незнакомаго дѣтямъ Ивана Иваныча, передъ невѣдомымъ, таинственнымъ зломъ, было также однимъ изъ приобрѣтеній, «позаимствованныхъ» у деревни. Правда, дѣти Ивана Иваныча совершенно отвыкли врать, къ чему начали было привыкать въ городѣ; деревня во всемъ поступала совершенно правдиво, по сущей совѣсти, но Иванъ Иванычъ въ концѣ-концовъ, всѣмъ этимъ далеко былъ неудовлетворенъ и въ его головѣ зрѣло новое рѣшеніе, о которомъ мы своевременно узнаемъ.

Г. Ивановъ.

ЖЕНЩИНА ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Очерки нравовъ. По Гонкуру).

III.

ПРОСТОЛЮДИНКА.

На послѣднихъ ступеняхъ этого общества, пониже мелкой буржуазіи, обрисовывается женщина, какъ бы стоящая внѣ XVIII вѣка, какъ бы принадлежащая къ другой расѣ, нежели всѣ женщины ея времени. Загрубѣлая въ суровой мужской работѣ, вѣчно на улицѣ, на вѣтру, сильная, мускулистая, она можетъ назваться женщиной только по своему полу; она прежде «народъ», чѣмъ женщина. И въ нравственномъ отношеніи простолюдинка, начиная съ рыночной торговли и кончая несчастнымъ существомъ, цѣлый день продающимъ дрова на Сен-Бернардской площади, также неотесана, какъ и физически. Посреди полной цивилизаціи эпохи, въ самомъ центрѣ просвѣщенія и интеллигенціи, она является по своимъ понятіямъ недалеко ушедшей отъ готтентотки. Понятіе о правительствѣ давала ей казнь на Гревской площади; правосудіе олицетворялось для нея въ комиссарѣ; въ христіанствѣ она видѣла хожденіе вокругъ раки Св. Женеьевы. Только повременамъ сердце ея просвѣтлялось на мгновеніе; горесть, сожалѣніе, негодованіе пробуждались въ немъ вдругъ. Но это были мимолетные порывы, и простолюдинка черствѣла посреди домашнихъ невзгодъ и дразгъ, гнетущей нужды, суровостей обыденной жизни, непрестанныхъ ссоръ, гдѣ лилась потоками брань, гдѣ слышался этотъ особый, своеобразный

языкъ, изобрѣтенный и распространенный огромной корпораціей пуассардокъ. Крикъ, побои, ругань—это домашній очагъ. Дѣти растутъ здѣсь въ вѣчномъ страхѣ и трепетѣ передъ занесенной надъ ними рукой, забытая, угнетаемая, ушедшія въ себя. Въ противоположность дѣтямъ достаточныхъ классовъ, которыя слишкомъ рано становятся взрослыми, они, по замѣчанію одного наблюдателя, слишкомъ долго остаются дѣтьми, словно душа и умъ ихъ спеленаты. Какой мракъ, какая глубина невѣжества у дѣвочекъ, которыхъ не всегда учатъ грамотѣ монахини. Поразительнымъ примѣромъ наивности въ идиотизмъ служитъ исторія этой Лизы, съ которой рѣзецъ Гудона сдѣлалъ бѣсть глупости. Когда, по случаю бракосочетанія графа д'Артуа, устраивались городскія свадьбы, она явилась также, и на вопросъ чиновника: «Гдѣ же ея женихъ?» отвѣчала съ удивленіемъ: «У меня нѣтъ... Я думала, что городъ поставляетъ все...»

Утѣшеніе, нравственную силу и физическую выносливость, терпѣніе, мужество, забвеніе горя, усталости, голода — все это находятъ простолюдинки въ томъ огнѣ, который поддерживаетъ, подерѣвливаетъ, возбуждаетъ ихъ—въ водкѣ; и уличныя торговки, продающія ее, кричатъ: «Жизни! жизни!». Какого страшнаго значенія исполнено это народное названіе! Пьянство—это праздникъ для всего этого люда, это единственная мечта его. Въ воскресномъ днѣ только опьяненіе и улыбается ему. Его семейныя воспоминанія не идутъ дальше разсказа о томъ, какъ на свадьбѣ вино лилось рѣкой, въ какомъ-нибудь загородномъ кабацѣ; всѣ его удовольствія вертятся около оловяннаго жбана, въ которомъ матери, взрослыя дѣвушки, и даже ребята, въ дни отдыха и развлечения, черпаютъ шумную веселость или буйство. Прошло воскресенье, и для женщины опять потянулись неприглядные будни, опять начинается та же исторія: нескончаемый трудъ, болѣзни, голодъ и холодъ; квартира безъ топлива, дѣти безъ хлѣба... Ужасное, беспощадное, убійственное существованіе, притушлявшее подъ конецъ умъ и сердце, способности и чувства старой простолюдинки. Послушаемъ разсказъ одной изъ нихъ о смерти своего мужа, инвалида. На вопросъ: «Какъ чувствуетъ себя мужъ вашъ?» «Хорошо, сударь, хорошо. О! очень хорошо. Вчера его схоронили, голубчика. Въ четвергъ утромъ онъ говоритъ мнѣ: «Я задыхаюсь!» Ты задыхаешься, «бѣднымъ Жакъ» — я его называла такъ иногда въ шутку — я тебѣ говорила: это твоя одышка. Попробуй, однакожь — вдохни. «Не могу.» Ну, вотъ еще! Не разыгрывай изъ себя такого нѣженку. Господи! какъ мнѣ жаль, что я ему сказала это. Онъ въ самомъ дѣлѣ не могъ. Точно свинецъ стоялъ у него въ горлѣ. Я при-

несла ему питье, которое далъ мнѣ лекаръ. Тридцать-два су-
стоило—ни больше ни меньше—не въ видѣ попрека будь ска-
зано... Однако, не помогло. Тогда я говорю: не послать ли за
попомъ? «Какъ хочешь.» Послала за попомъ. Исповѣдался мой
голубчикъ... Да какіе у него грѣхи-то были; все одно, что ма-
лый ребенокъ... Я ему говорю послѣ исповѣди: видишь ли, му-
женекъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; неизвѣстно, кто помретъ,
кто живъ будетъ; такъ оно не мѣшается... вѣдь отъ этого ни
добра, ни худа. Въ десять часовъ принесли ему причастіе. Онъ
былъ довольно спокоенъ. Я думала, что онъ заснетъ. Минуту
спустя онъ кликнулъ: «Жена, жена!» Что тебѣ? спрашиваю.
«Ахъ, Боже мой!.. Что это сковородки вертятся!» А у меня на
стѣнѣ, передъ самой его постелью, сковородки висѣли. Ахъ,
Господи! вскрикнула я, и побѣжала за сосѣдями. Прихожу — а
ужь онъ умеръ. Кто бы могъ думать... и агоніи-то у него ни-
какой не было, и по лицу его нельзя было догадаться. Теперь
я совсѣмъ одна осталась. Я уже видѣла, что долго онъ не протя-
нетъ; когда мы съ квартиры съѣзжали—во вторникъ этому не-
дѣля была—онъ только четыре стула и могъ захватить за разъ,
да и то потѣлъ. Онъ былъ лѣнивъ—это правда; но никогда ни
въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ. Дѣлай хоть такъ, хоть этакъ—ему
все одно было. Теперь я все его добро должна въ роту сдать...
до послѣдняго галстука. Я два затеряла; а, можетъ быть, онъ
самъ продалъ ихъ, когда ему не на что было выпить, бѣднягѣ.
У него только одинъ этотъ порокъ и былъ. О, Господи! Нѣтъ
мужа, нѣтъ мужа! Не много онъ разговаривалъ, а все-таки утѣ-
шеніе было, что онъ тутъ, со мной. Онъ мнѣ всегда говорилъ:
ужь сыграетъ со мной штуку эта одышка! Вотъ и сыграла.
Еще еслибы онъ былъ какъ другіе мужчины; а то никогда ни-
чего; въ двадцать лѣтъ онъ у меня одно зеркало разбилъ; да и
то потому, что я его разсердила, назвала дылдой, разиней. Боз-
отвѣтныи онъ былъ, вотъ какъ эта печка. Теперь-то ужь я бра-
ню себя... Охъ, Господи! Нѣтъ мужа... Я никогда не найду та-
кого. Но это еще не все; онъ непременно кого-нибудь уведетъ
за собой изъ семьи, потому что одна нога у него была длиннѣе
другой, когда его въ гробъ клали. А ужь вѣрнѣе этой примѣты
нѣтъ».

И, однакожь, отсюда, изъ этой среды, гдѣ женщина, грубѣя
подъ вѣчнымъ гнетомъ нужды и труда, утрачивала всю при-
влекательность своего пола, выходили всѣ эти обольстительныя
красавицы галантнаго міра, передъ которыми преклонялся вѣкъ—
какая-нибудь Лагерръ, дочь пирожницы, или д'Эрвьѣ, дочь
прачки, или Контѣ, дочь рыбной торговки. Софи Арну почти

одна вышла изъ буржуазной семьи. Колыбелью всѣхъ остальныхъ былъ рынокъ, была улица.

Съ дѣтства эти дочери простолюдинокъ растутъ для оболъщенія. Грубыя чувства, цинизмъ языка и поступковъ, развращающіе примѣры, окружаютъ ихъ. Ни что ихъ не защищаетъ, не охраняетъ, ни что не способствуетъ развитію въ нихъ добрыхъ инстинктовъ, не поселяетъ въ нихъ чувства чести. Стыдливость, цѣломудріе исчезаютъ чуть не въ отрочествѣ. Вся религія ихъ состоитъ въ исполненіи нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Такъ, напримѣръ, онѣ каждую субботу непремѣнно служатъ молебенъ Богородицѣ, и сохраняютъ втайнѣ этотъ обычай даже посреди самой разгульной жизни. Понятіе о долгѣ, о женской добродѣтели онѣ почерпаютъ только изъ пересудовъ сосѣдей, изъ ихъ шуточекъ и насмѣшекъ, изъ обыкновенія дѣлать на улицѣ рожки дѣвушкамъ, дурно себя ведущимъ. Самый бракъ представляется имъ въ отталкивающей формѣ; онѣ видятъ въ немъ только домашнія дразги, ругательства и побой.

Къ искушеніямъ, которымъ подвергалась дѣвушка изъ народа, лишенная поддержки и нравственнаго сознанія, присоединялось еще и зрѣлище разнузданныхъ удовольствій. Родители, отправляясь въ праздничный день съ утра въ какое-нибудь увеселительное заведеніе, въ залы Рампонна, гдѣ и самыя стѣны украшены были скабресными изображеніями, брали туда съ собой своихъ дѣтей, привыкавшихъ такимъ образомъ и получавшихъ наклонность къ этого рода жизни. Сколько опасностей! Какая школа! Здѣсь маленькія дѣвочки пробовали свои ножонки, танцуютъ la Frigassée. Женщина просыпалась въ ребенкѣ. Чувственность, кокетство, честолюбивыя желанія зарождались въ этой горячей атмосферѣ, пропитанной ваннымъ запахомъ и табачнымъ дымомъ. Если у дѣвушки была красивая фигурка и склонность къ танцамъ, она вскорѣ дѣлалась мѣстной знаменитостью, пріобрѣтала особый тонъ и замашки, показывавшія, что она знаетъ себя цѣну. Ретифъ де-Ла-Бретонъ изобразилъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ эту «danseuse de guinguette»—танцовщицу въ кабацкѣ, которой принадлежит такая важная роль въ народныхъ увеселеніяхъ, и которую онъ заставляетъ кричать: «Гарсонъ! утку! Да чтобъ была хорошая; а не то я тебя лбомъ объ стѣну!» Она являлась зачинщицей всѣхъ разбитныхъ танцевъ и пріобрѣтала право приводить съ собой кого угодно, получать кушанье «по своей цѣнѣ» и хорошо поужинать вдвоемъ за 18 су.

Разумѣется, при этомъ образѣ жизни, дѣло не обходилось безъ связи съ какимъ-нибудь красавцемъ низшаго полета, рыночнымъ

дон-жуаномъ, лакеемъ или сержантомъ. Многія дѣвушки послѣ подобныхъ связей окончательно погрязали въ развратѣ, который становился для нихъ ремесломъ. Они попадали въ какой-нибудь вертепъ или въ сумерки блуждали по улицѣ. Болѣе счастливымъ и менѣе безстыднымъ изъ нихъ какой-нибудь лекарскій ученикъ или прокуроръ, избѣгающій женѣ, нанималъ небольшую меблированную квартиру, составлявшую завѣтную мечту простолюдинки. Другихъ какой-нибудь старикъ помѣщалъ въ монастырь, который соскабливалъ съ нихъ всю грязь прошедшаго, отучалъ ихъ отъ прежнихъ привычекъ, и, по выходѣ оттуда, онѣ дѣлились тѣмъ, что на языкѣ вѣка называлось *une fille du monde*.

Справедливость требуетъ сказать, что немногія дѣвушки по своей собственной винѣ доходили до крайняго позора. Очень часто нищета толкала ихъ постепенно, или сразу ввергала въ бездну. За всѣмъ этимъ развратомъ какъ бы сквозить отчаяніе. Женщина зарабатывала отъ 10 до 12 су въ день, и должна была жить на это. Да и этотъ заработокъ былъ невѣренъ; ему угрожала подрывомъ мода, сдѣлавшаяся въ концѣ вѣка почти повсемѣстной: за трудъ, наиболѣе свойственный женскимъ рукамъ—начали браться мужчины; явились дамскіе портные, башмачники, куаферы. Чѣмъ могла женщина добывать себѣ хлѣбъ, если съ ней конкурировали мужчины даже въ такомъ занятіи, какъ вышиванье; если, какъ на это указываетъ *Linguet* въ своей книгѣ *Causes du désordre public*, лакеи вышивали въ переднихъ, и гренадеры въ казармахъ—изготавливали маншетки, которыми потомъ набивали себѣ карманы, и которыя навязывали прохожимъ.

Надъ головами всѣхъ этихъ женщинъ, вышедшихъ изъ народа, и которымъ послѣ долгихъ мытарствъ, удалось, наконецъ, избѣжать нищеты, кое-какъ устроиться и какъ будто занять нѣкоторое мѣсто въ обществѣ, всегда тяготѣла рука и угроза полиціи, ея грубость, ея произволь. Въ перспективѣ содержанка всегда видѣла передъ собой этотъ ужасный домъ «*Salpêtrière*», двери котораго такъ легко отворялись передъ ней за какую-нибудь «вакханалію», въ которой она была неповинна, за любовь какого-нибудь юноши изъ хорошей фамиліи, посѣщавшаго ее часто, за какія-нибудь пустяки, иногда просто по подозрѣнію. Изъ собственнаго опыта или по рассказамъ подругъ, она знала, что такое была эта страшная «больница», она знала какъ быстро приводится въ исполненіе сентенція полицейскаго трибунала; какъ вслѣдъ за чтеніемъ писмоводителя: такая-то, взятая въ 10 час. вечера, когда она дѣлала то-то.... Или просто: такая-то, обвиняемая въ томъ-то....» изъ устъ неумолимаго правосудія, глухаго ко всѣмъ мольбамъ и рыданіямъ—раздавалось одно только слово: въ Боль-

ницу! въ Больницу! въ Больницу! Въ больницѣ царствовала жестокость иного вѣка—почти варварская дисциплина. Женщинѣ тамъ брили голову, а въ случаѣ рецидива—ее наказывали тѣлесно. Какъ ни умѣрялась буква закона снисходительностью общества, какъ ни успокоивала женщину обычная терпимость властей, отъ которыхъ она зависѣла, и съ которыми всегда возможно было столковаться, но женщины не забывали, что эта дремлющая строгость вдругъ могла пробудиться. Появленіе какой-нибудь книги, направленной противъ администраціи, голосъ какого-нибудь «друга нравственности», возлагавшаго на полицію отвѣтственность за раздоры, вносимые въ семейство женщинами легкаго поведенія или, наконецъ, просто требованіе архіепископа, могли побудить полицію выказать свое рвеніе, и тогда вдругъ безъ всякой причины, безъ всякаго повода, забирали содержанокъ толпами, у нихъ на квартирахъ, при выходѣ изъ театровъ, на ярмаркахъ... исключеніе дѣлали только для тѣхъ, которыя нанимали карету помѣсячно.

Но въ противоположность этимъ полицейскимъ законамъ существовали другіе, болѣе дѣйствительные и болѣе опиравшіеся на одобреніе публики, которые избавляли содержанку отъ этихъ случайныхъ строгостей, отъ этихъ похищеній, увеличивавшихъ число обитателей въ Сельпетриерѣ, въ Сент-Мартенѣ и въ Сент-Пелажи. До ноября 1774 г., женщинѣ достаточно было принадлежать къ личному составу оперы или французской комедіи, для того, чтобы избавиться отъ полицейскаго произвола, пользоваться неприкосновенностью наравнѣ со всѣми, и безусловно располагать своей личностью. Послѣдняя хористка, послѣдняя фигурантка—была свободна по праву. Отецъ или мать, недовольные ея поведеніемъ, не могли прибѣгнуть къ своей родительской власти; ей дозволялось не повиноваться мужу, если она была замужемъ. И за то, какъ порывались всѣ эти женщины къ этимъ подмосткамъ, дарившимъ независимость, избавлявшимъ отъ власти семьи, спасающимъ отъ донесеній надзирателя Кидора. Попасть сюда—было сокровеннымъ желаніемъ каждой изъ нихъ. Всѣ покровительства, какими онѣ только могли заручиться, пускались ими въ ходъ, для того, чтобы проникнуть въ этотъ знаменитый и страшный кабинетъ директора. Не даромъ Бодуэнъ, живописецъ и историкъ полудобродѣтели, помѣстилъ въ этомъ кабинетѣ, хозяинъ котораго величаво сидѣлъ въ халатѣ, окруженный шлемами, щитами, парчой, раскрытыми партитурами и т. д., свой «Путь къ счастью». Обыкновенно, директоръ былъ человѣкъ, какъ и всѣ люди; молодое личико, пріятная улыбка, маленькая ножка, не могли не подѣйствовать на него; и если при этомъ просительница была

мила, или обнаруживала много доброй воли, то онъ соглашался принять ее. Разъ директоръ былъ заинтересованъ ею, то какъ бы ни мало у ней оказалось способности, не черезъ два-три мѣсяца, благодаря усиліямъ какого-нибудь искуснаго балетмейстера, принявшагося за нее—она была въ состояніи появиться въ балетѣ, костюмированная цвѣткомъ, ручейкомъ, лучомъ, въ коротенькой юпкѣ, полунагая, окутанная газомъ, увѣнчанная гирляндами, и поклонники не заставляли ждать себя. Но еще больше, чѣмъ на самыхъ представленіяхъ, она уловляла сердца во время длинныхъ зимнихъ репетицій. Сидя около самаго оркестра на стулѣ, не безъ труда добытого, въ небрежной позѣ, положивъ ножки на пунцовую бархатную грѣлку, поднося къ носу флаконъ изъ горнаго хрустала съ горькой солью, кидая украдкой взоры на окружающихъ, за кулисы, гдѣ топились мужчины, она тутъ въ особенности пріобрѣтала цѣну, и становилась предметомъ вниманія богатыхъ иностранцевъ или высшей финансовой буржуазіи. Часто, послѣ одной такой репетиціи, карьера ея была обезпечена.

Это былъ великій шагъ въ ея жизни. Она вступала теперь въ большой свѣтъ; въ міръ куртизанокъ высшаго полѣта, міръ, имѣвшій своихъ поэтовъ, своихъ артистовъ, своихъ докторовъ, свои салоны, своихъ духовниковъ и даже церкви! У куртизанки были гайдуки, которые удивляли своимъ ростомъ; была парадная ложа на торжественные спектакли, были мѣста на академическихъ засѣданіяхъ, куда она являлась вся сверкающая брильянтами. Художественныя выставки изобиловали портретами этихъ женщинъ. Рѣзецъ скульптора дарилъ имъ безсмертіе. Архитекторы мечтали воздвигнуть въ честь ихъ Партеоны. Роскошь ихъ на публичныхъ гуляньяхъ бросалась въ глаза. Эти великолѣпныя фарфоровыя кареты и марказитовая сбруя приводили всѣхъ въ восхищеніе. На аукціонахъ самыя знатныя и богатыя дамы перебивали другъ у друга вещи, принадлежавшія какой-нибудь раззорившейся куртизанкѣ. Этотъ міръ съ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ, шумомъ, движеніемъ, съ своими быстрыми, внезапными возвышеніями и превращеніями представлялъ какое-то волшебное зрѣлище, какую-то феерію. Его огромныя связи, его соприкосновеніе со всѣми возможными сферами, его вліяніе на тѣхъ, кто подчинялся его очарованію, сдѣлали изъ него силу. Онъ занималъ и развлекалъ короля, который передъ отходомъ ко сну, любилъ слушать анекдоты изъ этого міра; и пробѣгалъ съ улыбкой романы, изображавшіе его нравы. Имъ интересовался весь дворъ и намѣреніе какой-нибудь Разетти удалиться отъ свѣта производили въ Версалѣ сенсацію. Онъ достигъ такого

могущества, что могъ составить дипломатическую карьеру Рошонъ-де-ла-Шабанну, и засадить въ Бастилю Шансене. Страшное дѣло! Эти женщины, взятыя съ улицы, вносятъ въ развратъ изящество, грацію, блескъ, напоминающія куртизанокъ древности; и превращаютъ проституцію въ знаменитую «galanterie» XVIII вѣка. Онѣ не только являются законодательницами моды и вкуса, но блистаютъ и своимъ остроуміемъ. Слова какой-нибудь Софи Арну, ея сужденія о вещахъ и людяхъ можно порой приписать Шанфору. Онѣ пишутъ безыскусственныя письма, которыя у однѣхъ возвышаются до тона Рабле, у другихъ отличаются веселостью Лафонтена. Онѣ жили въ атмосферѣ модной оперы, новой пьесы, послѣдней книги. Онѣ стояли близко къ литературѣ, окружали себя писателями. На ихъ ужинахъ толпились философы, развивали свои идеи, пили за будущее. Популярность этихъ фаворитокъ общественнаго мнѣнія, репутація ихъ атицизма росла съ каждымъ днемъ во всей Европѣ.

Въ лицѣ пѣвицъ, танцовщицъ, актрисъ, всѣхъ этихъ женщинъ, принадлежавшихъ къ театру, которому ихъ таланты, ихъ знаменитость придавали такой блескъ, этотъ міръ «падшихъ созданий» (des «impures») проникаетъ въ самомъ началѣ вѣка въ общество, и даже въ высшій, избранный кругъ. Общество восемнадцатаго вѣка, отказывающаго актрисамъ въ брачномъ благословеніи, бросающаго тѣла знаменитѣйшихъ между ними въ Сену, не раздѣляетъ того презрѣнія или даже того отвращенія, съ которымъ относится къ нимъ законъ¹. Актриса не встрѣчаетъ вокругъ себя брезгливости буржуазныхъ предрасудковъ. Общество не только не запираетъ передъ ней дверей своихъ, но идетъ на встрѣчу ея уму, ея веселости. Мадмуазель Лекуврёръ рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, какихъ усилій ей стоить

¹ Если актеръ или актриса хотѣли вступить въ бракъ, они должны были отказаться отъ театра. Но случалось, что послѣ отказа, первый камеръ-юнкеръ двора присылалъ новобрачной королевское повелѣніе снова возвратиться на сцену, и актриса повиновалась королевскому повелѣнію. Тогда парижскій архіепископъ объявлялъ, что онъ не дастъ впередъ разрѣшенія ни одному актеру жениться и ни одной актрисѣ выходить замужъ, прежде чѣмъ они не принесутъ ему удостовѣренія, подписаннаго четырьмя камеръ-юнкерами, что они не пришлютъ новобрачнымъ королевскаго повелѣнія снова поступить на театр. Такъ было отказано въ разрѣшенія Массе и дѣвицъ д'Энни, которые не принесли требуемаго удостовѣренія за подписью четырехъ камеръ-юнкеровъ. Правда, что друзья какъ-то подсунули потомъ это разрѣшеніе архіепископу между другими бумагами, и тотъ подписалъ его по недосмотру; но, узнавъ объ этой хитрости, воспретилъ священнику, совершавшему брачный обрядъ, служить; для того, чтобы духовенство впередъ не ограничивалось въ подобныхъ случаяхъ однимъ письменнымъ разрѣшеніемъ».

избавиться отъ приглашеній великосвѣтскихъ дамъ, старающихся наперерывъ одна передъ другой залучить ее къ себѣ, и оторвать отъ тихихъ радостей дружбы и домашняго круга, столь дорогихъ ея сердцу. Актриса Пелисье рассказываетъ самыя потѣшныя, самыя глупыя сцены изъ своего репертуара въ отелѣ Бульонъ. На сельскомъ балѣ, данномъ актрисой Антье, по случаю выздоровленія короля на Отельскомъ лугу, дамы большого свѣта, носящія самыя громкія имена, танцуютъ до разсвѣта подъ иллюминированными деревьями.

Замужество также открываетъ этимъ женщинамъ доступъ въ общество, и даже во дворъ. Человѣкъ, страстно влюбленный, или раззорившійся, которому уже нечего продать, кромѣ своего имени, предлагалъ имъ свою руку и онѣ, разорвавъ окончательно связь съ своимъ прошлымъ, дѣлались знатными дамами, пользовались почетомъ, привилегіями, сопряженными съ титуломъ— правомъ на ливрею, на мѣсто въ церкви и т. д.

Рядомъ съ этой «galanterie», торжествующей, ослѣпительной, дѣлающей столько шуму, выставляющей себя на показъ при дневномъ свѣтѣ, существовала еще другая; рядомъ съ этими жрицами наслажденія, блестящими, гордыми, циничными, обрисовывается другой типъ куртизанки, болѣе скромный, какъ бы остающійся нѣсколько въ тѣни. Ея молодая привычка и вкусы, воздухъ, которымъ она дышетъ, деревня, гдѣ она живетъ, сообщаетъ ея продажной любви какой-то идиллической оттѣнокъ. Тамъ и сямъ въ ея жизни виднѣются уголки, напоминающіе пейзажи Буше, съ нарядной пастушкой въ лентахъ; или эти эскизы Фрагонара, гдѣ онъ рисуетъ сладострастіе бѣгающимъ по травѣ въ одеждѣ крестьянки, и выглядывающимъ изъ-за раздвинутыхъ вѣтвей. Представительницей этого типа можетъ служить маленькая и изящная, живая и граціозная Мазарелли, съ своей стройной фигуркой и крошечной ручкой, съ бойкими, говорящими глазами, нѣсколько вздернутымъ носикомъ и ямочкой посреди подбородка. Мы видимъ ее всегда подъ тѣнью большихъ деревьевъ на лугу, сидящую вечеромъ на стогѣ сѣна, гуляющей по берегу рѣвки, исчезающей въ тростникѣ, на одномъ изъ острововъ Сены близъ Шарантона; потомъ опять появляющейся въ хорошенькой лодочкѣ и порой, ради шутки, принимающейся грести. Веселая, кокетливая, сопровождаемая толпой молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ, какъ и она, крестьянками, но крестьянками, напоминающими балетъ, который она недавно покинула, она проводила всѣ лѣтніе дни въ прогулкахъ, устраивала балы на лужайкѣ, праздники на водѣ, развѣзжала по ярмаркамъ. У ней былъ деревенскій домикъ, трое слугъ, свой экипажъ, своя пара лоша-

дей; въ свой хорошенькій садикъ, открытый во всё часы дня. Она зазывала скрипачей, всю деревню, всѣхъ влюбленныхъ. Она предсѣдательствовала на всѣхъ сельскихъ празднествахъ; и въ день ея именинъ, въ день св. Клары, комнаты ея были наполнены пирогами, цвѣтами, принесенными въ подарокъ деревенскимъ людомъ, между тѣмъ, какъ на рѣкѣ лодочники пускали въ честь ея фейерверкъ. Она была патронессой этой мѣстности. По большимъ праздникамъ ее приглашали раздавать въ церкви артусъ. Церковный староста отводилъ ей особое мѣсто въ церкви.

Но на свѣжемъ молодомъ лицѣ этой веселой куртизанки, которая повидимому такъ счастлива, что можетъ распространять вокругъ себя радость и удовольствіе, лежала тѣнь какой-то задумчивости, какой-то грустной мысли, казалось, нуждавшейся въ развлеченіи. И вотъ именно этотъ-то характеръ меланхолической нѣжности, можетъ быть, вычитанной въ какомъ-нибудь романѣ и сдѣлавшейся у ней привычкой тона, ума, души, добросовѣстной комедіей, составлялъ главную привлекательность ея, главное очарованіе, внушившее маркизу де-Бово столь сильную страсть, что онъ умолялъ Мазарелли сдѣлаться его женой. И какія письма, исполненные благоговѣнія, писалъ маркизь во время войны изъ Фландріи къ этой женщинѣ, которую онъ называлъ своимъ богомъ, своей вселенной, своей «маленькой женой». Какъ онъ страдалъ, когда ему казалось, что она на него сердится. Сколько бессонныхъ ночей провелъ онъ въ ожиданіи ея отвѣтовъ. Какъ онъ клялся ей живо похоронить себя въ монастырѣ, удалиться отъ свѣта, если она не выйдетъ за него замужъ. И это длилось семь лѣтъ! И по смерти маркиза Бово, эта женщина сохраняла еще такое обаяніе, что, несмотря на скандальные процессы и на открытую связь съ Монкерифомъ—она сдѣлалась баронессой де-Сен-Шомонъ. Мы встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ цѣлую группу подобныхъ куртизанокъ, которымъ настолько удалось уберечь въ себѣ скромности, приличія и постоянства въ любви, насколько еще можетъ уберечь ихъ женщина посреди порочной жизни.

Всѣ эти образы куртизанокъ, блестящихъ или скромныхъ, нѣжныхъ или циническихъ, заслоняетъ собой одинъ, который, когда вы расшевелите эту исторію развратныхъ женщинъ, этотъ пепелъ порока, этотъ прахъ проституціи, тихо встаетъ передъ вами, какъ благоуханный цвѣтокъ, выросшій изъ тлѣнія и гнили—это поэтической образъ героини безсмертнаго романа: Манонъ Леско. Но мы, однакоже, должны остерегаться обаянія гевія, и отдѣлять истину, что является плодомъ наблюденія писателя отъ вымысла творческой фантазіи. Манонъ Леско типъ романической, прежде чѣмъ исторической,¹ и на него отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть,

какъ на полное воспроизведеніе проституціи XVIII вѣка, какъ на вѣрное изображеніе нравственнаго характера куртизанки того времени. Безспорно, что первая половина ея исторіи прямо выхвачена изъ дѣйствительности; Манонъ, ищущую только удовольствій и развлеченія, Прево списалъ съ натуры; она говоритъ, поступаетъ, очаровываетъ, какъ тогдашняя куртизанка. Мы, дѣйствительно, находимъ въ ней душу куртизанки. Но возрожденіе ея, искупленіе посредствомъ несчастія, пытки, униженія, позора, агоніи; но Магдалина, за которой Догриѣ слѣдуетъ въ Америку; женщина, для которой онъ копаетъ могилу своей шпагой, эта куртизанка, умирающая со словами любви и раскаянія, эта Манонъ-мученица создана гениемъ, сердцемъ Прево. XVIII вѣкъ не зналъ ее.

Шутки, пѣсни, смѣхъ, гривуазные разговоры, ужины, гдѣ хлопаютъ пробками, гдѣ бьютъ фарфоръ и стекла, шумъ, гамъ — вотъ что наполняло дни, ночи, умъ и даже сердце этихъ женщинъ. Онѣ занимались только перелистываніемъ романа, разговорами о кружевахъ, о матеріяхъ, или играли въ «*médiateur*». Онѣ приходятъ, уходятъ, улыбаются, бросаютъ взглядъ, поцѣлуй, подставляютъ щеку. Въ исторіи этихъ женщинъ, которыхъ жизнь балуетъ, какъ дѣтей; за немногими исключеніями—ничего мрачнаго; едва, едва слезы; ни преданности, ни жертвъ. ни катастрофъ, только маленькія несчастія, иногда заключеніе въ монастырь, гдѣ онѣ болтаютъ, какъ Верверъ, и откуда выходятъ, обнимая и цѣлуя сестеръ. По выходѣ, въ тотъ же вечеръ, онѣ воскресаютъ для свѣта, за веселымъ ужиномъ съ стаканомъ шампанскаго. Онѣ начинаютъ плакать, если любовникъ покидаетъ ихъ, и утѣшаться, если онъ не возвращается. Удастся ли имъ сколотить нѣсколько тысячъ ливровъ, онѣ выходятъ замужъ за какого-нибудь купца; привязываются къ торговлѣ, даже къ мужу. Конецъ ихъ также далекъ отъ конца Манонъ, какъ пески Новаго Орлеана отъ канавки улицы Сент-Оноре. Только въ романахъ, этихъ женщинъ перерождало какое-нибудь великое несчастіе или сильное чувство. Живя удовольствіемъ, онѣ, казалось, созданы были единственно для него. Только оно и воодушевляло ихъ. Онѣ какъ-будто не сознавали своего позора. Онѣ были чувствительны лишь къ матерьяльнымъ невзгодамъ, постигшимъ ихъ: къ тюрьмѣ, къ побоямъ мужчины.

У нихъ не было сознанія своего позора; краска не выступала у нихъ на лицѣ, когда ихъ вели въ Сальпетриеръ и рыночныя торговки подымали ихъ на смѣхъ. Онѣ сохраняли въ продолженіи всей своей жизни и при всѣхъ обстоятельствахъ пассивность неразмышляющаго, безличнаго, управляемаго инстинктами су-

щества. Имъ какъ будто казалось, что онѣ рождены на свѣтъ единственно для того, чтобы, подобно цвѣтку, благоухать, улыбаться и сгнить. И развѣ вѣкъ не являлся въ этомъ ихъ пособникомъ? Развѣ эта безпечность, эта спокойная безсознательность — развратъ женщины, не встрѣчали въ немъ поощренія? Развѣ куртизанку не окружали снисходительность, кроткая терпимость, даже симпатія общества? Казалось, XVIII вѣкъ еще уважаетъ полъ женщины, даже въ тѣхъ, которыя позорятъ его, и любовь въ тѣхъ, которыя продаютъ ее. Общественная совѣсть ставила публичную женщину внѣ закона, но не внѣ человѣчества, даже почти не внѣ общества. Строгость полиціи, съ каждымъ днемъ, впрочемъ, ослабѣвавшая, и больница — вотъ все, чему она подвергалась; общество не прибавляло къ этому оскорбленій, не предавало ее позору; оно не присоединялось къ преслѣдованію проституціи. Оно не вызывало ее, но терпѣло. Рѣже всего въ этомъ вѣкѣ можно было услышать слова негодованія, гнѣва, проклятія противъ публичной женщины, которую всегда называютъ мягко: «une fille du monde». Развѣ маршалъ Ришелье не требовалъ, чтобы къ ней относились съ особенной любезностью, потому что она «болѣе женщина, нежели всякая другая». Прикосновеніе «нечистой» женщины не грязнило, и имя самой послѣдней любовницы, часто вытащенной изъ грязи, не позорило громкаго имени принца крови или героя, возвышавшаго ее до себя. Сожалѣніе почти ласковое — вотъ что встрѣчала всю жизнь свою и со всѣхъ сторонъ женщина, которая въ глазахъ вѣка представляла собой удовольствіе и которую удовольствіе какъ бы освящало. И не одно общество относилось къ ней съ кротостью. Самая религія казалась обезоруженной передъ нею. Чувство милосердія къ Магдалинамъ жило въ сердцѣ тогдашняго католицизма. Ригоризмъ — менѣе католическій, нежели протестантскій, менѣе французскій, нежели женевскій — еще не дѣлалъ его строгимъ къ заблужденіямъ женщины. Самыя честныя, добродѣтельныя женщины не смотрѣли свысока на этихъ несчастныхъ. Манонъ еще была для нихъ женщиной и онѣ плакали надъ романомъ ея жизни, какъ надъ невзгодами ихъ пола. Да и какъ же было тогда проституткѣ не встрѣчать повсюду снисхожденія и прощенія — какіе, посреди этихъ необузданныхъ версальскихъ оргій, этого царства порока и нравственнаго растлѣнія — удѣляли принципы, во имя которыхъ можно бы было осудить безпощадно уличный развратъ?

IV.

КОРОЛЕВСКІЯ ФАВОРИТКИ.

Титулованныя королевскія фаворитки были при старомъ режимѣ настоящимъ учрежденіемъ—нѣкоторымъ орудіемъ управленія. Для изслѣдователя тогдашнихъ нравовъ и общества, исторія ихъ представляетъ драгоцѣнный матерьялъ, изобилующій характеристическими подробностями.

Людовикъ XV женился пятнадцати съ половиной лѣтъ, въ 1725 г., и со всей юношеской страстностью отдался чувственнымъ наслажденіямъ, которыхъ требовала его кипучая кровь. Въ 1732 г., т. е. двадцати двухъ лѣтъ, онъ былъ уже отцомъ шестерыхъ дѣтей—четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Вслѣдствіе неизбѣжной реакціи—жена его, добрая, но нѣсколько буржуазная и скучная Марія Лещинская, не замедлила ему надоесть. Она была старше его шестью годами. Набожная, управляемая своимъ духовникомъ, покорная, видѣвшая въ бракѣ только долгъ, она не обладала тѣми качествами, посредствомъ которыхъ могла бы поработить себѣ этого скучающаго, нервнаго, полнокровнаго, жившаго только ощущеніями, юнаго властителя Франціи. Ласки, кокетство, вѣрачивость, женскія хитрости и уловки—все это было ей чуждо. Она и сама тяготилась этой ролью королевы-насъдки, сама чувствовала утомленіе, заставлявшее ее говорить: «Какая тоска! все лежать, все быть беременной, все родить!» Наконецъ, однажды она положительно отказалась отъ исполненія своихъ супружескихъ обязанностей и король, вспыхнувъ гнѣвомъ, объявилъ, что отнынѣ не будетъ никогда болѣе имѣть съ ней сношеній. Весь дворъ всполошился. Начиная съ пэровъ и герцоговъ и кончая всемогущимъ камердинеромъ Башелье, толстымъ и важнымъ, имѣвшимъ 50 тысячъ ливровъ дохода—всѣ давно уже слѣдили за постепеннымъ охлажденіемъ между супругами и нетерпѣливо ждали появленія какой-нибудь фаворитки, которая бы произвела въ Версалѣ переворотъ, дала другое направленіе королевскимъ милостямъ и обновила бы составъ правительства, свергнувъ девяностолѣтняго кардинала Флери, который, на зло врагамъ своимъ, рѣшительно не хотѣлъ умирать.

Въ этотъ-то моментъ Людовикъ XV увидѣлъ дочерей маркиза де-Нель-Мальи и полюбилъ ихъ, или, лучше сказать, вообразилъ себѣ, что полюбилъ. Ихъ было пять сестеръ: г-жа де-Мальи,

г-жа де-Вентимиль, г-жа де-Лорагэ, г-жа де-ла-Турнель и г-жа де-Флавакуръ. Онъ началъ съ г-жи де-Мальи.

Это была тридцатилѣтняя женщина, съ прекрасными черными глазами, которые въ минуту страсти и нѣжности вспыхивали огнемъ, казалась, созданнымъ для ободренія застѣнчивой любви, съ смуглымъ худощавымъ лицомъ, покрытымъ густымъ румянцемъ, и съ густыми бровями. Все въ этой фizioномiи, въ этой вызывающей, раздражающей, чувственной красотѣ обольстительно дѣйствовало на молодыхъ людей. Она принадлежала къ тому типу женщинъ, который мы находимъ у живописцевъ времянъ регентства на всѣхъ ихъ женскихъ портретахъ. Окутанныя газомъ, съ звѣздой на лбу, съ румянцемъ на щекахъ, съ блестящими большими, какъ у Юоны, глазами, полу-обнаженныя, съ гордымъ и наглымъ видомъ, онѣ выходять изъ мрака прошедшаго, подобно божествамъ вакханалии... По странной противоположности, эта женщина, съ почти мужскими аллюрами, была въ дѣйствительности кроткой и нѣжной, преданной и любящей, и способной на всевозможныя жертвы. Выданная замужъ противъ воли, шестнадцати лѣтъ, за своего кузена, графа де-Мальи, развратника, она вскорѣ сдѣлалась любовницей маркиза де-Пионзье, а потомъ королевской.

Г-жа де-Мальи обладала свойствомъ, драгоценнымъ въ глазахъ этого короля. Она умѣла его «занять», что было очень трудно. Характеръ ея былъ наивный и шаловливый, разговоръ отличался остроумiемъ и язвительностью. Она любила короля искренней, нѣжной любовью; въ ласкахъ ея было что-то материнское. Въмѣстѣ съ тѣмъ, она была безкорытна — она требовала очень мало и для себя, и для своихъ—не высокоумна и вовсе не честолюбива. У ней былъ одинъ недостатокъ—она имѣла большую слабость къ шампанскому, такъ что ужины, которыя она давала королю и на которыхъ предсѣдательствовала, оканчивались иногда въ пять или шесть часовъ утра за недостаткомъ собесѣдниковъ, которые всѣ безъ исключенiя лежали подъ столомъ. Но, можетъ быть, она искала въ этихъ оргiяхъ забвенiя, хотѣла заглушить ими тоску, снѣдавшую ее, потому что она далеко не была счастлива въ своей роли фаворитки. Всѣ удивлялись, и довольно громко, что король могъ любить эту женщину уже не первой молодости и очень сомнительной красоты. Дворцовое эхо доносило до нея эти сужденiя, и она, зная, что любовникъ ея не столько жаждалъ привязанности, сколько наслажденiя, каждую минуту опасалась, чтобы онъ не покинулъ ее для какой-нибудь новой страсти, прихоти, мимолетный вспышки. Матерiальное положенiе г-жи де-Мальи еще болѣе способствовало этому униженiю.

Внѣшность ея была блистательна, туалеты роскошны, но рубашки разлѣзлись, а король оставлялъ ее безъ эки въ карманѣ. И эта кроткая женщина, выведенная изъ терпѣнія, мстила иногда, въ припадкѣ хандры, своему коронованному любовнику тѣмъ, что говорила ему публично самыя обидныя колкости.

Между тѣмъ, въ это самое время въ одномъ изъ монастырей воспитывалась молоденькая пансіонерка, въ маленькой головкѣ которой родился громаднй честолюбивый замыселъ. Она мечтала объ окончательномъ удаленіи Флери, о сверженіи министерства, намѣревалась овладѣть сердцемъ короля и поработить себѣ дворъ. И это не было какимъ-нибудь смутнымъ порываніемъ, неясной мечтой. Это былъ совершенно созрѣвшій, холодно обдуманнй планъ. Она рассчитывала не на красоту свою—она знала, что была дурна, съ рѣзкими чертами и лишена граціи—но на умъ, съ помощью котораго надѣялась прибрать къ рукамъ празднаго и лѣниваго короля¹.

Эта пансіонерка была Фелиситэ де-Нель, сестра г-жи де-Мальи. Добрая и довѣрчивая г-жа де-Мальи часто брала ее къ себѣ изъ монастыря; это была любимая сестра ея, притомъ же, въ настоящую минуту, когда звѣзда ея начала блѣднѣть, она нуждалась въ нравственной опорѣ, въ преданномъ, близкомъ существѣ. Она повсюду превозносила свою младшую сестру; это возбуждало въ королѣ любопытство и онъ пожелалъ познакомиться съ ней. 8-го іюня 1739 г. Фелиситэ въ первый разъ ужинала съ кородемъ и вскорѣ онъ не могъ уже обходиться безъ нея, и однажды объявилъ г-жѣ де-Мальи, что «любить ея сестру такъ же, какъ ее самое».

Любимая кородемъ, Фелиситэ де-Нель становилась выгодной партией, и потому архіепископъ парижскій, которому хотѣлось быть кардиналомъ, просилъ руки ея для своего внучатнаго племянника, г. де-Люкя. 27-го сентября состоялась свадьба и Фелиситэ де-Нель сдѣлалась г-жей де-Вентимиль. Людовикъ XV далъ ей 200,000 ливровъ въ приданое, пенсію въ 6,000 франковъ, квартиру въ Версалѣ и самъ пріѣхалъ изъ «La Muette» для того, чтобы подарить новобрачному рубашку—почесть, которую онъ еще никому не оказывалъ; и, какъ говорили, въ ту же ночь занялъ мѣсто мужа, отправившагося вмѣсто короля ночевать въ la Muette.

Странная загадка человѣческое сердце! Чѣмъ болѣе король отдалялся отъ г-жи де-Мальи, тѣмъ болѣе она чувствовала

¹ Ея собственная сестра, г-жа де-Флавакуръ, такъ изображаетъ ее: У ней лицо гренадера, шея журавля и запахъ обезьяны.

къ нему влеченія, и, съ разбитымъ сердцемъ, согласилась раздѣлить съ сестрой ласки своего любовника. Что касается до той, то она вскорѣ совѣмъ овладѣла умомъ короля; дѣйствовала въ интересахъ друзей своихъ, графа де-Граммона и герцога Флери; подготавливала вступленіе въ министерство Шовлена и маршала Бель-Иля, представлявшихъ партію, враждебную Австріи, т. е. партію войны и оппозицію малодушной политикѣ старика-кардинала. Когда Людовикъ XV получилъ въ наслѣдство отъ принцессы Конти замокъ Шуази, г-жа Вентимиль увезла его туда и скрывала тамъ, стараясь укрѣпить его волю, удалить его отъ вліянія иностранцевъ и вскорѣ это увеселительное мѣсто становится серьезнымъ Версальемъ, гдѣ король занимается государственными дѣлами и собираетъ совѣтъ.

Между тѣмъ, фаворитка сдѣлалась беременной и предстояшіе роды ея внушали большія опасенія. Возвратясь, въ концѣ августа, въ Версаль, она, 1-го сентября, родила сына, а 9-го умирала въ страшныхъ мученіяхъ, преслѣдуемая мыслью, что она отравлена. Романъ ея любви и честолюбія былъ коротокъ, какъ сонъ.

Все въ этой смерти было ужасно. Вскрытый и плохо зашитый трупъ былъ оставленъ совершенно нагой въ комнатѣ, куда всѣ входили. Потомъ, изъ дворца, гдѣ никогда не должны были находиться покойники, его унесли въ какой-то сарай и бросили въ уголь. И это тѣло, эта голова, не сохранившая уже ничего человѣческаго, это лицо, казавшееся карриатурой смерти, этотъ ротъ, искривленный конвульсіей, и который два человѣка съ усиленіемъ держали закрытымъ при снятіи маски—словомъ, всѣ эти макабрскіе и разложившіеся останки г-жи Вентимиль служили предметомъ глумленія для версальскаго простонародія.

Людовика XV эта внезапная смерть его фаворитки повергла въ отчаяніе. Сожалѣлъ ли онъ о женщинѣ, искусной въ политикѣ и интересовавшейся умственными вопросами, или о любовницѣ, дарившей ему наслажденіе—конечно, трудно рѣшить. Сначала онъ не хотѣлъ никого принимать, потомъ, въ тотъ же вечеръ, отправился въ свой маленькій домикъ въ Сен-Леже, и погруженный въ свою печаль, принялся перечитывать записочки, которыя получалъ отъ г-жи Вентимиль или писалъ къ ней, и которыхъ у него накопилось до 2,000. Г-жа де-Мальи, послѣдовавшая за нимъ, оплакивала не менѣе искренно, нежели онъ, свою сестру и соперницу, и король, при видѣ этой скорби, отвѣчавшей его собственной, снова почувствовалъ влеченіе къ предмету своей первой страсти. Кредитъ г-жи де-Мальи, мало-по-малу, сталъ возрастать, и вскорѣ она до такой степени восторжество-

вала надъ своими врагами, Флѣри и Морепа, что выхлопотала Бель-Илю наслѣдственное герцогство.

Къ несчастью, лѣта оказывали свое вліяніе на ея красоту. Только честнымъ женщинамъ позволительно старѣться. Для куртизанки потерять свою красоту — значитъ потерять за одно и власть. По мѣрѣ того, какъ она дурнѣла, скука возвращалась къ Людовику XV, и онъ вымещалъ свою собственную безхарактерность на фавориткѣ, съ которой сталъ обращаться грубо. Тогда герцогъ Ришельё, воспользовавшись этимъ охлажденіемъ, соединился съ г-жей де-Тансенъ, для того, чтобы замѣнить ея непріятельницу новой фавориткой. Выборъ ихъ палъ на женщину, заставившую Людовика XV, когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, воскликнуть: Боже мой! какъ она хороша!

Эта красавица была третья сестра г-жи де-Мальи, семнадцати лѣтъ вышедшая замужъ за маркиза де-ла-Турнель.

Помѣщенная вскорѣ въ Версаль, подобно г-жамъ де-Мальи и Вентимиль, она черезъ нѣсколько недѣль была объявлена придворной дамой королевы. Въ то же самое время г-жа де-Мальи отказалась добровольно и безъ всякаго вознагражденія отъ своего мѣста придворной дамы въ пользу другой сестры своей, г-жи Флавакуръ.

Людовикъ XV влюбленный въ новую обитательницу Версальскаго дворца, но по прежнему застѣнчивый, неловкій, тяготившійся связью съ г-жей де-Мальи, и не имѣвшій довольно характера, чтобы порвать эту связь, жестоко вымещалъ на своей старой любовницѣ эту нерѣшительность. Онъ положительно начиналъ ее ненавидѣть. Что касается до нея, то мысль о разлуцѣ съ нимъ была для нея такъ ужасна, что она покорялась этому недостойному положенію, и продолжала вымаливать у короля взглядъ, слово, знакъ вниманія. Въ ней соединялась въ то время глубокая нѣжность состарѣвшейся женщины, чувствующей, что что она любить въ послѣдній разъ, съ приниженной страстностью куртизанки, любящей въ первый разъ. И она общалась, безъ всякаго стыда, все позволять, все терпѣть, быть слѣпой и нѣмой, лишь бы остаться. Но властелинъ отвѣчалъ холодно: — нужно удалиться, и сегодня же. Она, однако же, вымолила нѣкоторую отсрочку, но, наконецъ, уѣхала, обезумѣвшая отъ горя, и поселилась въ Парижѣ у своихъ вѣрныхъ друзей Ноалей.

Торжество г-жи де-ла-Турнель было полное. Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда сестры, она пишетъ къ г. Ришельё письмо, вполне обрисовывающее весь колоссальный нравственный цинизмъ новой фаворитки, все хладнокровіе и безстыдство ея неблагодарности, насмѣшливую жестокость ея ума и сердца. Это

было одно изъ тѣхъ созданий, которыя съ легкимъ сердцемъ, и не моргнувъ, будутъ смотрѣть на гибель и разрушеніе всего, что препятствуетъ имъ достигнуть цѣли. На свою связь съ королемъ, она смотритъ главнымъ образомъ, какъ на выгодное дѣло, въ которомъ ей нужны гарантіи. Она хочетъ получить сколь возможно болѣе прежде, чѣмъ уступить что-нибудь. Черезъ нѣсколько дней, г-жа де-ла-Турнель открыто, почти торжественно отправилась съ королемъ въ Шуази. Влюбленный король ожидалъ, что, наконецъ, настала для него минута блаженства. Но маркиза, какъ женщина, знающая свое ремесло, уступила не сразу. Сопротивляться — значитъ заставить желать себя сильнѣй. Старая хитрость, которая всегда удается. Напрасно стучалъ король въ дверь ея, она не отворяла. И только послѣ третьей поѣздки въ Шуази, цѣломудренная нимфа рѣшилась развязать свой поясъ.

Между тѣмъ, умеръ Флѣри, къ великому удовольствію короля, которому давно наскучили безконечныя іереміады его стараго наставника. Г-жа де-ла-Турнель, избавившись отъ такого сильнаго противника, не особенно торопилась, однакоже, осуществленіемъ своихъ плановъ. Ея честолюбіе было спокойное, терпѣливое, и тѣмъ болѣе вѣрное. Быстро разгадавъ характеръ короля, она не сомнѣвалась въ своемъ полномъ успѣхѣ. Но, впрочемъ, одно обстоятельство все-таки тревожило ее нѣсколько. Дѣло въ томъ, что сестра ея, г-жа де-Лорагэ, поселилась при дворѣ, и имѣла даръ прояснять королевское чело. Это была коротенькая, жирная кумушка, дурная собой, но обладавшая чисто народной веселостью, вѣчно болтающая, вѣчно готовая смѣяться надъ всѣми. Начинали ходить слухи, что она пользуется расположеніемъ короля въ одинаковой степени съ г-жей де-ла-Турнель. И кажется, что она, дѣйствительно, находилась въ связи съ нимъ. По крайней мѣрѣ, д'Аржансонъ пишетъ прямо:—Его величество иногда не гнушался этой жирной, гадкой Лорагэ.

Вскорѣ, однако же, красота г-жи де-ла-Турнель окончательно восторжествовала надъ всѣми и надъ всѣмъ. И нужно было видѣть, говорить современникъ, эту женщину съ ослѣпительной бѣлизной ея кожи, съ ея небрежной походкой, очаровательными голубыми глазами, дѣтской улыбкой, съ ея страстной, сентиментальной и въ то же время капризной фізіономіей, съ ея влажными губами и высоко дышащей грудью. За такую красоту нужно было взять какъ можно дороже, и, конечно, она стоила герцогства. Сдѣлаться герцогиней—къ этому были направлены всѣ стремленія фаворитки. Послѣ многихъ затрудненій и отсрочекъ, герцогство было, наконецъ, найдено и даровано. Это было помѣстье Шатору, въ департаментѣ Indre, приносившее 85,000 ливровъ до-

ходу. Представленіе состоялось съ подобающей торжественностью. Враги фаворитки, съ Морепа во главѣ, были побѣждены.

Ришельё, этотъ типъ придворнаго въ разваливающейся монархіи, не замедлилъ получить награду за оказанную услугу; его назначили первымъ камеръ-юнкеромъ (*premier gentilhomme de la chambre*). Но не довольствуясь придворными почестями и желая попробовать счастья въ военной карьерѣ, онъ внушилъ новой герцогинѣ мысль взять на себя роль, достойную ея: попытаться вывести короля изъ апатіи и убѣдить его, чтобы онъ всталъ во главѣ своихъ войскъ. Этотъ планъ привелъ въ восторгъ фаворитку, отличавшуюся, несмотря на свою лѣнивую внѣшность, честолюбіемъ и энергіей. Она превратилась въ другую женщину. Съ этой минуты всѣ ея усилія, заботы, вся ея ловкость клонятся лишь къ тому, чтобы «воскресить короля». Даже враги ея, какъ Морепа, помогали ей въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Наконецъ, это ей удается, и осенью 1743 года, Людовикъ XV объявилъ о своемъ отъѣздѣ на слѣдующую весну.

2 мая 1744 года, онъ дѣйствительно, оставилъ Версаль и отправился во фландрскую армію, запретивъ королевѣ слѣдовать за собой подъ тѣмъ предлогомъ, что «это сопряжено съ слишкомъ большими расходами». 4 онъ былъ въ Валансьенѣ, гдѣ его веселость, дѣятельность, и заботливость о войскахъ снискали ему всеобщую любовь. «И, главное, нѣтъ помину о женщинахъ», радостно повторяли буржуа и народъ. Какъ вдругъ, герцогиня Шатору является къ королю въ Лилль.

Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ онъ уѣхалъ, и не вызывалъ ее къ себѣ. Фаворитка была въ ярости. Она писала къ Ришельё, и въ письмѣ ея сказывались ея нетерпѣніе, ея ненависть къ Морепа, «составляющему мученіе всей ея жизни», ея ревность къ сестрѣ своей г-жѣ Флавакуръ. Эта послѣдняя дѣйствительно могла ей внушать опасенія. Она была красивѣе фаворитки, близка къ королевѣ, пріятельница Морепа; король отличалъ ее, и вель съ ней переписку. Несмотря на свою репутацію добродѣтельной женщины, она, повидимому, не прочь была уступить настояніямъ монарха, и между ними, уже едва ли не пларѣчь объ «условіяхъ». Слѣдовательно, нужно было спѣшить. 8 іюня она выѣхала во Фландрію съ сестрой своей Лорагъ, которой она не боялась, несмотря на отношенія ея къ королю. Прибытіе этихъ двухъ сестеръ возбудило столь сильное негодованіе въ Парижѣ и Лиллѣ, что король, по соглашенію съ фавориткой, призналъ за лучшее показать, что онъ уступаетъ всеобщимъ требованіямъ. Онъ разстался съ своей любовницей и отправился осаждать Ипръ.

По взятіи этого города, г-жа Шатору должна была ожидать короля въ Дюнкирхенѣ. Но не успѣла она туда пріѣхать, какъ переходъ непріятельскихъ войскъ черезъ Рейнъ заставилъ короля поспѣшить на помощь Эльзасу. Фаворитка слѣдовала за нимъ всюду, во всѣ города, и, наконецъ, пріѣхала въ Мецъ, куда онъ прибылъ нѣсколько ранѣе.

Вдругъ, въ этомъ городѣ, скандализированномъ поведеніемъ короля и его любовницы, которые открыто, не стѣсняясь, почти цинически выказываютъ существующіе между ними отношенія. разнесся слухъ, что король очень боленъ. Послѣ осмотра укрѣпленій, въ сильную жару, послѣ долгаго ужина и многочисленныхъ тостовъ за прусскаго короля, его нового союзника, послѣ ночи, проведенной, какъ утверждали съ обѣими сестрами, король проснулся съ лихорадкой и сильной головной болью.

Положеніе его вскорѣ сдѣлалось такъ опасно, что онъ не могъ никого принимать. Г-жа Шатору тѣмъ не менѣе продолжала оставаться вмѣстѣ съ Ришелье въ комнатѣ больного; и Ришелье одинъ присутствовалъ при консультаціяхъ. Это не совсѣмъ нравилось ихъ противникамъ. Партія принцевъ и высшихъ сановниковъ государства, герцогъ Шартрскій, графъ Клермонскій, Бульонъ, Виллеруа часто совѣщались на этотъ счетъ съ епископомъ Суассонскимъ, Фицъ-Джемсомъ, прелатомъ весьма строгихъ нравовъ, и съ королевскимъ духовникомъ, іезуитомъ Перюссо. Главнымъ образомъ, имъ хотѣлось, чтобы духовникъ былъ допущенъ къ постели больного. Они, наконецъ, добились этого, и епископъ Суассонскій рѣзко сказалъ обѣимъ сестрамъ: «Король приказываетъ вамъ немедленно удалиться». Умирающаго причастили только тогда, когда сестры выѣхали въ вaretъ съ опущенными столами, сопровождаемыя угрожающими криками народа.

Но въ ту минуту, какъ положеніе короля считали уже безнадежнымъ, какой-то эльзасскій лекарь далъ ему рвотнаго, которое спасло его; и Людовикъ XV, благодаря рыночному стихотворцу Ваде, сдѣлался вдругъ Louis le Bien-Aimé. При вѣсти о его выздоровленіи, въ герцогинѣ Шатору, возвратившейся тайно въ Парижъ, снова проснулась надежда завоевать свое прежнее мѣсто въ Версалѣ, и она съ усиленной энергіей пустилась интриговать, подстрекаемая не любовью, не самолюбіемъ, а ненавистью къ своимъ врагамъ и желаніемъ отомстить имъ.

Король, окончательно выздоровѣвшій, впалъ въ меланхолію, возвратившую Ришелье его смѣлость. Ему извѣстна была причина этой меланхоліи и онъ поспѣшилъ написать герцогинѣ, чтобы она приготовилась къ свиданію съ королемъ. Служа ей, онъ, разумѣется, всего болѣе работалъ для себя самого, надѣясь въ

случаѣ возвращенія фаворитки, получить званіе коннетабля. Что касается до нея, то, зная характеръ и темпераментъ монарха, она ожидала его, но не звала, въ полной увѣренности, что онъ прїѣдетъ. И, дѣйствительно, на другой день послѣ своего прибытія въ Парижъ, онъ, въ сопровожденіи Рихелье, отправился въ улицу du Васъ къ герцогинѣ. «Каково они обошлись съ нами!» повторяла она нѣсколько разъ задыхающимся голосомъ, и не иначе соглашалась возвратиться въ Версаль, какъ съ тѣмъ, чтобы враги ея, въ которыхъ, впрочемъ, король видѣлъ и своихъ собственныхъ, получили достойное возмездіе. Она говорила даже о смертной казни; но до этого не дошло. Герцогъ Шатильонъ, епископъ Фицъ-Джемсъ, Бульонъ, Ларошфуко и др. были изгнаны или подверглись опалѣ. Съ отцомъ Перюссо ничего не сдѣлали, но ему долгое время угрожали, что замѣнятъ его другимъ. Что касается до Морепà, то король непремѣнно желалъ, чтобы онъ оставался министромъ, и герцогиня, наконецъ, согласилась, но потребовала отъ него унижительныхъ извиненій, съ которыми онъ къ ней и явился.

Она приняла министра въ постелѣ, чувствуя себя нездоровой; вскорѣ болѣзнь усилится и оказалась смертельной. Что это было такое? Лихорадка, усложненная судорогами; невыносимыя головныя боли и страшный бредъ. 8-го декабря 1744 года, герцогиня Шатору умерла. Ей было 27 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мемуарахъ того времени, смерть эту приписываютъ попыткѣ отравленія плода. «Презрѣніе убиваетъ меня», говорила фаворитка въ минуту смерти. «А меня—любовь», отвѣчала г-жа де-Мальи, влачившая свое печальное существованіе до 1751 года. Умирая, она потребовала, чтобы ее схоронили на кладбищѣ «Des Innocents» между бѣдными. Что касается до остальныхъ двухъ сестеръ, то г-жа Лорагэ, смѣявшаяся надъ всѣмъ, умерла 55 лѣтъ, а г-жа де-Флавакуръ, которой какимъ-то образомъ, благодаря ея добродѣтели или осторожности, удалось избѣжать связи съ королемъ, дожила до 1800 года, т. е. до 85 лѣтъ. Такова «почетливая» исторія пяти дочерей маркиза де-Нель-Мальи.

Преемницей герцогини Шатору является г-жа д'Этіоль, маркиза де-Помпадуръ. Г-жа д'Этіоль до замужества мадмуазель Пуассонъ, происходила отъ не совсѣмъ почтенныхъ родителей. Отецъ ея за лихоимство былъ приговоренъ къ повѣшенію, а развратное поведеніе ея матери вошло въ пословицу. Но такъ какъ эти родители все же принадлежали къ буржуазіи, то въ

*

эпоху, когда третье сословіе, до тѣхъ поръ ничего не значившее, начинало играть роль, подобное происхожденіе, такъ сказать, было козыремъ въ игрѣ дѣвицы Пуассонъ.

Очень рано выданная замужъ, вслѣдствіе семейныхъ расчетовъ, за г. Ленорманъ-Этіоля, она отлично уживалась съ состояніемъ своего мужа, но очень плохо съ его особой, далеко не походившей на Антиноя или Аполлона Бельведерскаго. Г. д'Этіоль былъ маленькаго роста, дурень собой и весьма мало образованъ. Жена его, напротивъ, была красавица и обладала всевозможными талантами, дѣлавшими изъ нея то, что XVIII вѣкъ называлъ «виртуозкой». Музыка, пѣніе, танцы, декламация, рисованье, верховая ѣзда — все удавалось ей въ совершенствѣ. И за то, съ какимъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ свѣтъ ея появленіе! Нужно было сознаться, что супруги не подходили другъ къ другу. Но подъ этой очаровательной, поэтической наружностью скрывалась холодная, черствая натура, всего менѣе романическая, и отлично умѣвшая владѣть собой. Честолюбіе соединялось въ ней съ необычайнымъ упорствомъ и неразборчивостью въ средствахъ. Чугъ не съ дѣтства ею овладѣло желаніе сдѣлаться королевской любовницей; и впослѣдствіи, послѣ замужества, она говорила, что «только одинъ король могъ бы заставить ее измѣнить своему мужу». Рѣшившись сдѣлать себѣ карьеру позоромъ, она, какъ только замужество эманципировало ее, составила себѣ смѣлый, безстыдный планъ обольщенія короля. Всѣ усилія ея направлены были къ тому, чтобы какъ можно чаще попадаться ему на глаза, чтобы быть имъ замѣченной, обратить на себя его вниманіе, и потому, когда онъ охотился, передъ нимъ то и дѣло мелькалъ этотъ обольстительный бѣсенокъ въ самыхъ оригинальныхъ, фантастическихъ костюмахъ. Благодаря вмѣшательству королевскаго камердинера Бине, которому помогала г-жа де-Тансенъ, обладавшая гениемъ придворной интриги, король, наконецъ, согласился принять г-жу д'Этіоль. Онъ ужиналъ съ ней вдвоемъ и завѣтная мечта ея осуществилась.

Уѣзжая во Фландрію, король обѣщалъ ей, что немедленно по его возвращеніи, она будетъ помѣщена въ Версали и открыто признана фавориткой. Онъ писалъ къ ней почти каждый день, и одно изъ послѣднихъ писемъ его было адресовано «маркизѣ Помпадуръ». Оно содержало въ себѣ патентъ на этотъ титулъ.

Представленіе г-жи д'Этіоль происходило въ Версалѣ, 14-го сентября 1745 года. Ее вела принцесса Конти, очень гордившаяся этой ролью и привычная къ ней. Она прежде всего представилась королю, при этомъ нѣсколько покраснѣвшему, потомъ королевы, которая давно уже покорилась своей участи, и обошлась

съ ней ласково, что заставило новую фаворитку смутиться. Что касается до дофина, степеннаго и набожнаго, то онъ ограничился тѣмъ, что холодно сказалъ г-жѣ д'Этиоль нѣсколько словъ, относящихся къ ея туалету.

Сначала она держала себя, въ своемъ новомъ положеніи, скромно, почти незамѣтно. Положеніе это было нелегкое. Придворные встрѣтили ее враждебно. Она сдѣлалась предметомъ сарказмовъ и эпиграммъ. Они смотрѣли на нее, какъ на выскочку — рагвенец, обходились съ ней свысока; ихъ возмущало то, что Людовикъ XV нарушалъ монархическія традиціи, избравъ въ фаворитки пришлую женщину, безъ громкаго имени, тогда какъ до сихъ поръ фаворитками являлись исключительно женщины, принадлежавшія къ аристократіи. Ни одна изъ четырехъ дочерей маркиза де-Нель не встрѣтила такого враждебнаго отношенія. Но энергическая любовница короля, однакоже, не смутилась и, смѣло взглянувъ въ лицо своимъ противникамъ, мало-по-малу успѣла восторжествовать надъ ними. Презрѣнію Морепа, д'Аржансона, генераль-контролера Орри, она противопоставила дружбу и преданность Конти, финансистовъ братьевъ Пари, Ноалей, кардинала Тансенъ, министровъ Сен-Северина и маркиза Пуизье, маршала Бель-Иля. Ей удалось даже на время обезоружить непримиримаго врага своего Ришелье; мало того, завоевать благосклонность Маріи Лещинской. Г-жа д'Этиоль побѣдила. Теперь нужно было воспользоваться побѣдой. И это было самое трудное.

Ей предстояло каждый день, каждый часъ, каждую минуту оспаривать короля у снѣдавшей его скуки, занимать, развлекать его, не давая ему окончательно погрузиться въ апатію, въ спячку. И она умѣла сдѣлать это. Въ этомъ заключается вся тайна его расположенія къ ней. Она овладѣла его существованіемъ, его временемъ, увлекла его въ вихрь удовольствій. Нештощима въ изобрѣтеніи ихъ, она то устраиваетъ въ его покояхъ концерты, то строитъ въ Версалѣ театръ, составляетъ изъ придворныхъ труппу, сама играетъ съ огромнымъ успѣхомъ — она была во всѣхъ отношеніяхъ отличная актриса — и, съ помощью этого театра, который становится въ Версалѣ чуть не правительствомъ, постоянно занимаетъ сердце, воображеніе, глаза короля.

Она начинала царствовать и дѣлалась наглой. Послѣ того, какъ ей удалось выхлопотать у короля *lettre de cochet* противъ Морепа, честолюбіе ее уже не знаетъ предѣловъ. Она начинаетъ выводить въ люди свою родню. Отецъ ея получаетъ помѣстье Мариньи, братъ — титулъ маркиза де-Вадьеръ. Своей дочери, де-

ситилѣтней дѣвочкѣ, которую она воспитывала, какъ принцессу, она уже начинаетъ отыскивать мужа, останавливаясь то на графѣ де-Люкѣ, побочномъ сынѣ короля, то на сынѣ Ришелье, то на сынѣ герцога de Chaulnes. Дѣло съ послѣднимъ было уже почти слажено, какъ дѣвочка схватила простуду и умерла.

Въ то же время фаворитка не забываетъ и о своемъ имуществѣ, которое вскорѣ доходить до громадныхъ размѣровъ. Она приобретаетъ землю Креси за 650 тысячъ ливровъ, потомъ Монтрету и Селль за 260 тысячъ ливровъ. Три эрмитажа въ Версалѣ, Фонтенбло и Кампъенѣ, изъ которыхъ первый стоилъ 283,013 ливровъ, второй—216,382 и третій—30,000. Отель въ Версалѣ (теперешній отель Резервуаровъ), постройка котораго обошлась ей въ 210,844 ливра. Въ Парижѣ отель д'Эвре, купленный ею за 730,000 ливровъ и на который она истратила въ одинъ годъ 95,169 ливровъ. Наконецъ, множество еще разныхъ помѣстій. На устройство всѣхъ этихъ имуществъ, на ихъ поддержку и сбереженіе, на задѣльную плату потрачено было 36 милліоновъ. И для удовлетворенія этихъ безумныхъ прихотей фаворитки несчастный народъ съ голоднымъ брюхомъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, работалъ въ потѣ лица, часто умирая отъ истощенія на улицѣ, какъ собака!

И, однако-жь, г-жа Помпадуръ, несмотря на свое высокое положеніе и всю эту роскошь, не была счастлива. Она должна была непрерывно отстаивать свою власть, бороться съ тайными врагами, съ партіями, съ дворомъ, съ королевской семьей, съ министерствомъ, наконецъ, съ измѣнчивыми вкусами короля. Подъ этимъ бѣлокурнымъ напудреннымъ парикомъ и жемчужной діадемой была вѣчная буря. Фаворитка жила въ постоянномъ страхѣ, сторожа каждый взглядъ короля, брошенный на другую женщину. Холодный потъ выступалъ у ней на лбу, когда она находила въ карманѣ Людовика XV какое-нибудь письмо. Повсюду—въ обществѣ, при дворѣ, въ Парижѣ—она видѣла встающую передъ ней тѣнь соперницы. Наконецъ, она должна была насиловать свой холодный темпераментъ, потому что король «придавалъ большую цѣну извѣстнымъ вещамъ», *attachait beaucoup de prix à certaines choses*, какъ говорится въ тогдашнихъ мемуарахъ. Въ борьбѣ противъ возраста, отвращенія, усталости, противъ природы своей, она прибѣгала къ разнымъ снадобьямъ, возбуждающимъ средствамъ, травамъ, индійскому перцу, ко всему, что искусственно зажигаетъ въ крови желаніе...

И, однако-же, насталъ день, когда это несчастное тѣло, измененное слишкомъ жгучими ласками, оказалось неспособнымъ къ наслаженію... Тогда, чтобъ сохранить свою власть, свое вліяніе,

гордая г-жа де-Помпадуръ рѣшается не только смотрѣть сквозь пальцы на новыя связи своего любовника, но даже содѣйствовать имъ, взять на себя роль посредницы.

Эти платоническія отношенія, замѣнившія страсть, только укрѣпили взаимную симпатію, связывавшую короля съ фавориткой. Она радовалась, что власть ея не находится болѣе въ зависимости отъ измѣненій, капризовъ, непостоянства чувства, и, помышляя теперь преимущественно о вліяніи политическомъ, хотѣла создать изъ своего новаго положенія нѣчто въ родѣ царства «королевской компаньонки», «*dame de compagnie du roi*».

Для достиженія своихъ цѣлей, она прежде всего рѣшилась испросить прощенія церкви, которое и было ей октроировано въ формѣ «отпущенія грѣховъ» честнымъ іезуитомъ отцомъ Саси. Она предварительно заставила своего супруга, который сдѣлался теперь «философомъ», не думать болѣе о женѣ и топилъ прошедшее и будущее въ кутежахъ—отвергнуть ее. Нѣсколько дней спустя послѣ своего новаго торжества, она была назначена «придворной дамой королевы».

Увѣренная теперь въ прочности своего положенія, она посвятила себя всецѣло осуществленію своихъ честолюбивыхъ плановъ. Мечты о славѣ начали рано преслѣдовать ее... ей хотѣлось «бессмертія» и потому она вошла въ сношеніе съ знаменитостями вѣка, съ Вольтеромъ, Кребиллономъ, Бюффономъ, Мармонтелемъ, Даламберомъ, Дидро и даже «эта сова» — Руссо не чуждался ее. Въ то же время она создаетъ севрскую мануфактуру, имѣвшую цѣлью убить саксонскую, и основываетъ Военную школу для дѣтей офицеровъ, убитыхъ на войнѣ или обѣднѣвшихъ на службѣ.

Вліяніе ея на дѣла внѣшней политики было въ высшей степени пагубно для Франціи, которой во время семилѣтней войны пришлось тяжело поплатиться за свое слѣпое довѣріе къ Австріи. Интересы Франціи требовали, чтобы она искала союза съ юной Прусской монархіей; а между тѣмъ, фаворитка, изъ жепскаго самолюбія, изъ честолюбиваго желанія дать новое направленіе политикѣ, изъ близорукаго заискиванія передъ Маріей Терезіей и ея хитрымъ и неразборчивымъ на средства министромъ, Кауницомъ, съ свойственнымъ женщинамъ пыломъ вмѣшалась въ дѣло громадной важности, котораго совсѣмъ не понимала. Результаты извѣстны: это легендарныя пораженія при Росбахѣ и Кревелѣ (*Crevelt*), потеря трехъ сотъ тысячъ человекъ и огромныя финансовыя затрудненія для Франціи, растрата двухъ милліардовъ и потеря милліона людей для Европы. Вотъ плоды вмѣшательства благородной маркизы въ область политики!

Между тѣмъ, какъ на границѣ дрались, внутри Франціи вспыхнула страшная междоусобная война умовъ и мнѣній по поводу налога на церковныя имущества, которымъ министръ Машо хотѣлъ пополнить опустѣвшую казну. Духовенство и парламентъ, парламентъ и король боролись между собою на-смерть. Общественное негодованіе противъ фаворитки «la coquine du roi» открыто выражалось повсюду въ разговорахъ, въ уличныхъ пѣсняхъ. Г-жа Помпадуръ была, дѣйствительно, душою войны. Машо былъ ея креатурой; Вольтеръ—ея орудіемъ и мстителемъ. Большая часть памфлетовъ, направленныхъ имъ противъ враговъ своихъ, бичевала въ то же время и враговъ маркизы, этой «счастливой гризетки», которую онъ такъ пикантно изобразилъ въ своей «Pucelle». Что касается до нея самой, то, зная, какую ненависть питала къ ней партія клерикаловъ, она находила особенное удовольствіе выводить ихъ изъ себя покровительствомъ, которое оказывала всѣмъ друзьямъ Вольтера, невѣрующимъ, энциклопедистамъ, наконецъ, экономистамъ. Глава послѣднихъ, домашній докторъ — короля и ея—Кене, жилъ въ Версалѣ, въ знаменитомъ антресолѣ, примыкавшемъ къ покоямъ фаворитки. «Это былъ первый клубъ, гдѣ въ первый разъ обсуждались самыя жгучіе вопросы». Конечно, фаворитка безсознательно содѣйствовала разрушенію стараго режима, но результаты все-таки должны быть зачтены ей.

Здѣсь оканчивается хорошая сторона ея вліянія, потому что ничего не могло быть пагубнѣе ея всемогущаго вмѣшательства во внутреннія и внѣшнія дѣла страны. Нечего удивляться, что война была такъ несчастна для Франціи, когда вліяніе маркизы тяготѣло даже надъ арміею; назначенія, награды, чуть не самое расположеніе войскъ — все зависѣло отъ нея. Повинуясь своему тщеславію, своимъ капризамъ, она смѣняетъ министровъ, выводитъ своихъ креатуръ, добивается удаленія д'Аржансона, возвышаетъ и потомъ опять удаляетъ Машо... и, наконецъ, находитъ въ безобразномъ, но «неотразимомъ» Шуазелѣ, этомъ гениальномъ комедіантѣ, министра по своему вкусу—покорное орудіе своей политики, человѣка, который довелъ до конца осуществленіе и послѣдствія ея идей.

Но, несмотря на всю свою хитрость, на все свое искусство, на всѣ свои усилія, фаворитка видѣла, что почва подъ ногами ея съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе колебалась и что звѣзда ея видимо начинала меркнуть. Расположеніе короля къ своей прежней любовницѣ, наконецъ, совершенно исчезло, и она слишкомъ хорошо понимала это. Его часто грубое обращеніе съ ней, неблагодарность Шуазеля, окончательная неудача всѣхъ ея по-

рываній къ славѣ, занимавшихъ такое огромное мѣсто въ ея жизни — всѣ эти разочарованія привели къ преждевременному разрушенію ея организма. Она еще въ дни ранней молодости харкала кровью; теперь у ней присоединились къ этому страшныя сердцебіенія, и она должна была лечь въ постель. Осужденная вскорѣ докторами на смерть, она спокойно обсуждала, вмѣстѣ съ юрѣ, свое завѣщаніе, и, продолжая почти до послѣдней минуты заниматься государственными дѣлами, умерла очень бодро, 15-го апрѣля 1754 г. Ей было 43 года.

«Погода не благопріятствуетъ путешествію маркизы», сказалъ король, смотря на похоронный кортежъ съ бранными останками маркизы де-Помпадуръ, двигавшійся по направленію къ монастырю капуцинокъ, посреди проливного дождя. Эти циническія слова были единственной данью сожалѣнія, отданной скучающимъ королемъ своей любовницѣ...

Что же такое была въ концѣ-концовъ эта женщина? оставила ли она по себѣ какой-нибудь болѣе или менѣе видимый, но дѣйствительный слѣдъ, свидѣтельствующій объ ея пребываніи въ этомъ мірѣ, подобный тому, какой пытаются оставить всѣ люди труда, физическаго или умственнаго, темные или знаменитые? Въ ней нужно различать два существа — женщину и артистку; первая представляетъ абсолютную сухость, постоянное и полнѣйшее самообладаніе, умѣнье владѣть первыми движеніями, инстинктами, порывами. Все въ ней лгало, все было комедіей: способности, даже органы, слова, жесты, взгляды, улыбки, чувства души, равно какъ и тѣла. Совершеннѣйшій эгоизмъ, умъ политика, душа, гдѣ все планъ, проектъ, расчетъ. Характеръ дряблый, способный покоряться, не возмущаясь, деспотизму и прихотямъ властелина; сердце философа, ироническое, скептическое, хладнокровное, гдѣ не шевелится ничего нѣжнаго, гдѣ молчатъ всѣ женскія вѣрованія; сердце—ласка и дружба котораго—притворство; сердце, чуждое милосердія—не прощающее, неумолимое въ ненависти и мщениі... Такова сущность этой натуры.

Что касается до артистки, то она еще можетъ рассчитывать на нѣкоторое снисхожденіе потомства. Г-жа Помпадуръ дѣйствительно любила искусство, покровительствовала ему, сама занималась имъ, хотя не совсѣмъ удачно, отдавала ему всѣ досуги своей мысли, все время, которое похищала у дѣла, часть своей жизни; искусство — ея развлеченіе, ея утѣшеніе даже. Она на него тратится и разоряется. Благодаря фаворитѣ, король осыпаетъ милостями артистическій міръ. Она нетолько поощряетъ живописцевъ, скульпторовъ, граверовъ, архитекторовъ; но про-

мышленность искусства, т. е. искусство домашнее, практическое, преимущественно связанное съ вседневной жизнью человѣка, которое точно такъ же въ высшей степени интересуетъ ее. Словомъ, она была, въ свой вѣкъ, великой патронессой роскоши, царицей моды.

Но слѣдуетъ ли придавать вліянію ея, какъ лицу, офиціозно завѣдывавшему, изящными искусствами, дѣйствительно серьезное значеніе? Увы! нѣтъ. И на этомъ поприщѣ, какъ на политическомъ, г-жѣ Помпадуръ не удалось сдѣлать ничего великаго. Фаворитка Людовика XV любила искусство и даже создала стиль; но это было искусство, клонившееся къ упадку, этотъ стиль былъ роково!

Послѣдней фавориткой Людовика XV является г-жа Дюбарри. Она представляетъ совершенную противоположность Помпадуръ. Это фаворитка, которая царствуетъ, но не управляетъ.

Жанна, побочная дочь Анны Бекю, родилась въ 1744 г. въ Вокулёрѣ. Кто былъ отецъ ея—остается неизвѣстнымъ. Она носить имя Жанны Бекю вплоть до своего замужства, когда какой-то бѣдняга аббатъ Гомаръ смастерилъ ей за деньги метрическое свидѣтельство, въ которомъ показалъ ее дочерью своего родного брата, Жанъ-Жака Гомара изъ Вобернье, давно умершаго. Нищета, въ которой находились мать съ дочерью, по смерти отца, заставила мать оставить Вокулёръ и пріѣхать въ Парижъ, гдѣ одинъ финансистъ, Дюмансо, поставщикъ провіанта для арміи, пораженный прелестнымъ личикомъ ребенка и его шаловливой рѣзвостью, принялъ въ немъ участіе. Онъ далъ матери, которую еще знавалъ въ Вокулёрѣ, 12 ливровъ и обѣщаль ей, что она будетъ получать ежемѣсячно такую сумму на обученіе маленькой Жанны грамотѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, этотъ добродѣтельный финансистъ простеръ свое милосердіе до того, что помѣстилъ мать и дочь къ своей любовницѣ, мадмуазель Фредерикѣ, куртизанкѣ, пользовавшейся въ то время нѣкоторой извѣстностью въ галантномъ мірѣ. Хорошенькій ребенокъ началъ превращаться въ красивую дѣвушку, и мадмуазель Фредерика, какъ особа умная, замѣчая, что Жанна слишкомъ быстро растетъ, и, побаиваясь за свое будущее, убѣдила Дюмансо отдать ее въ монастырь de Sainte-Aure. Назначеніемъ этой строгой общины было «предупреждать паденія». Въ нее принимались дѣти, которыя, происходя отъ честныхъ родителей, находились въ такихъ условіяхъ, что «имъ могла угрожать опасность». И вотъ, Жаннѣ пришлось проститься съ нарядными

платыцами, съ блестящей обстановкой мадмуазель Фредерик и подчиниться самому суровому режиму. За каждую шутку, за громкій смѣхъ, за насмѣшливую фразу въ монастырѣ строго наказывали. Разумѣется, дѣвочка не ужилась тамъ. Никакія внушенія, никакія взысканія не дѣйствовали на нее, и сестры, побившись съ ней нѣкоторое время, отправили ее назадъ, къ Фредерикѣ. Куртизанка, найдя свою protégée еще болѣе сформировавшейся и еще болѣе для себя опасной и подозрѣвая ея мать въ шпионствѣ за собой, рѣшилась отдѣлаться отъ нихъ обѣихъ. Она увѣрила Дюмансо, что мать Жанны находится въ интимныхъ сношеніяхъ съ нѣкимъ монахомъ Гомаромъ, и финансистъ, возмущенный такимъ скандаломъ, выбросилъ мать и дочь на мостовую.

Дѣвочкѣ было 15 лѣтъ. Лишенная всякихъ средствъ, предоставленная случаю, она съ этого времени стала появляться на парижскихъ улицахъ, предлагая прохожимъ разныя бездѣлушки: коробки, бусы, блестящія булавки, словомъ, все, что покупается ради хорошенькаго личика разнощицы. Опасное ремесло, подвергающее дѣвушку насмѣшкамъ, двусмысленнымъ любезностямъ уличныхъ ловеласовъ, предложеніямъ лакеевъ, ищущихъ добычи для своихъ господъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, графъ де-Жанлисъ, одинъ изъ тогдашнихъ кутилъ, рассказывалъ съ удивленіемъ своему пріятелю, графу д'Аланвилю, что онъ узналъ въ женщинѣ, которой его представили въ Версалѣ, уличную дѣвочку, которую ему приводилъ однажды лакей его.

Между тѣмъ, ея мнимый дядя, Гомаръ, получилъ мѣсто священника въ замкѣ Cour-Neuve, гдѣ онъ въ то же время — характеристическая черта вѣка — исполнялъ обязанность суфлера на домашнемъ театрѣ старой владѣтельницы замка, г-жи Лагардъ, жены откупщика. Разказы его о Жаннѣ заинтересовали старушку; она выписала ее къ себѣ, и, плѣнившись ея красивымъ личикомъ, оставила у себя, въ качествѣ компаньонки. Но, къ несчастью, у г-жи Лагардъ были взрослые сыновья, и въ замкѣ, разумѣется, завязался романъ, кончившійся тѣмъ, что мать и дочь опять очутились на улицѣ. Потомъ, Жаннѣ удалось поступить въ модный магазинъ въ улицѣ С. Оноре, подъ именемъ мадмуазель Рансонъ, такъ какъ ея мать тогда вышла за нѣкоего Рансона. Исторія магазинщицъ извѣстна. Прохожіе, заглядывающіе къ нимъ въ окна, вступающіе съ ними въ разговоръ, когда онѣ запираютъ магазинъ, записочки, предложенія — и мало по малу дѣло кончается тѣмъ, что хорошенкія магазинщицы исчезаютъ съ какимъ-нибудь франтомъ. Такъ было и съ Жанной, первымъ открытымъ любовникомъ которой назы-

ваютъ Лавовенардъера. Затѣмъ мы видимъ ее въ связи съ куаферомъ Ламе, промотавшимъ на нее всѣ свои деньги и бѣжавшимъ въ Англию. Наконецъ, она попадаетъ въ игорный домъ къ г-жѣ Дюкене, съ которой свела ее мать. Женщины легкаго поведенія всегда считали игорный домъ мѣстомъ, гдѣ всего скорѣе можно составить себѣ карьеру. Такъ было и съ прекрасной Жанной. Она не замедлила овладѣть тамъ сердцемъ графа Дю-Барри, прозваннаго за свою расточительную, необузданную, цинически-развратную жизнь *le Roué*. Онъ былъ женатъ, но жена его, принадлежавшая къ честной семьѣ, жила въ Тулузѣ и, по словамъ современниковъ, не хотѣла ничѣмъ быть обязанной ни кому изъ Дю-Барри. Графъ обезпечивалъ за Жанной мѣсто любимой султанши въ своемъ парижскомъ сералѣ.

Но графу прежде всего нужны были деньги. Несмотря на то, что онъ участвовалъ въ разныхъ подрядахъ, жизнь, которую онъ велъ, очень быстро истощила его кассу. Однажды въ его присутствіи, Ришельё высказалъ, что Людовикъ XV, съ тѣхъ поръ, какъ умерла Помпадуръ, занимается мелкими интрижками, и что желательно было бы, чтобы онъ взялъ открытую фаворитку. Слова эти навели графа дю-Барри на мысль, извлечь выгоду изъ своей любовницы. Воображеніе его принялось сильно работать и онъ нѣсколько разъ привозилъ ее ужинать къ герцогу Ришельё. Однажды, восхваляя ея красоту, онъ полу-серьезно, полу-шутя объявилъ герцогу, что предназначаетъ ее для Людовика XV. Ришельё, сначала порицавшій короля за выборъ г-жи Помпадуръ, потому что она была не знатнаго происхожденія, и желавшій замѣнить ее женщиной, представленной ко двору, смѣялся надъ этими претензіями графа, и далъ ему понять, что если онъ не имѣетъ другихъ средствъ поправить свое состояніе, то не скоро поправитъ его. Но графъ не отчаявался. Его циническая увѣренность въ успѣхѣ сказывалась въ тысячи разныхъ дурачествъ и шутокъ, о которыхъ часто потомъ вспоминалъ и рассказывалъ Ришельё. Дю-Барри во всеуслышаніе объявилъ, что онъ способенъ былъ привести «Ланжъ» (имя, которое взяла себѣ Жанна) къ королю, если никто другой не согласится этого сдѣлать. Наконецъ, Ришельё сказалъ ему шутя: «Ступай къ Лебелю (королевскому комердинеру), можетъ быть, онъ поможетъ тебѣ устроить это дѣло.

Нѣсколько времени спустя, у Лебеля происходилъ ужинъ, на которомъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ женщинъ, присутствовала и Ланжъ. Шампанское привело ее въ возбужденное состояніе, придало ей смѣлости, и она, ничѣмъ не стѣсняясь, позволяла себѣ самыя шаловливыя выходки. Она не подозрѣвала, что

король смотрѣлъ на нее въ маленькое отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ. Впечатлѣніе, произведенное ею на Людовика XV, было такъ сильно, что онъ въ тотъ же вечеръ потребовалъ ее къ себѣ.

Любовница дю-Барри была настолько умна, что не сочла нужнымъ обманывать короля напускнымъ смущеніемъ, которое достаточно пріѣлось ему. Она не разыгрывала наивности, не притворялась неловкой, робѣющей, не ломалась. Она оставалась тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности, и обошлась съ королемъ, какъ съ человѣкомъ, и король былъ очарованъ ей послѣ этого перваго свиданія. Лебелъ не ожидалъ такой полной удачи. Онъ думалъ, что это одна изъ тѣхъ прихотей, которыя длятся не болѣе дня. Испуганный тѣмъ, что король все больше и больше привязывается къ ней и считая такую привязанность недостойной, онъ сознался, что обманулъ его, что эта женщина, съ которой онъ его познакомилъ, вовсе не знатная и не замужняя. Король остановилъ его; онъ велѣлъ ему выдать ее поскорѣй замужъ и послѣ свадьбы привезти къ себѣ въ Кампень.

Женихъ вскорѣ нашелся. Это былъ братъ графа дю-Барри, Гильомъ, бѣдный Гасконскій офицеръ. Онъ, по вызову брата, пріѣхалъ изъ Тулузы въ Парижъ, женился, подписалъ контрактъ и возвратился къ себѣ, оставивъ жену свою королю, въ обмѣнъ на большую ренту. Жанна Бекю или Ланжъ, сдѣлавшаяся г-жей дю-Барри, поселилась въ Версалѣ, во второмъ этажѣ, въ комнатахъ, сообщавшихся съ покоями короля, который могъ во всякое время, не будучи ни къмъ замѣченнымъ, приходилъ къ ней. Это была женщина поразительной красоты. Ея бѣлокурые, пепельнаго цвѣта волосы, необычайно мягкіе, шелковистые, вились отъ природы, подобно волосамъ ребенка, что придавало ея хорошенькой головкѣ дѣтскій видъ, между тѣмъ, какъ брови и длинныя, загнутыя къ верху рѣсницы ея были совершенно черныя. Прекрасные голубые глаза нивогда почти не были совсѣмъ открыты, и взглядъ ихъ былъ взглядомъ сладострастія. Прибавьте къ этому тонко-очерченный носъ, маленькій ротъ, цвѣтъ кожи, который современники сравнивали съ розовымъ листкомъ, упавшимъ въ молоко, шею античной статуи и круглыя плечи—такова была наружность новой фаворитки; въ ней была побѣдоносная молодость, жизнь, обаятельная прелесть Гебы.

Парижскій буржуа XVIII вѣка, Арди, имѣвшій терпѣніе ежедневно заносить въ свой рукописный дневникъ (до сихъ поръ неизданный) все, что онъ видѣлъ и слышалъ, что ему удалось узнать, рассказываетъ:—что 1 февраля 1769 года, наканунѣ Срѣтенія, одинъ изъ его пріятелей, священникъ, отправился обѣдать къ какому-то своимъ знакомымъ, которыхъ онъ не назвалъ Арди.

Это происходило въ тотъ моментъ, когда весь Парижъ только и толковалъ, что о графинѣ дю-Барри. За десертомъ другой священникъ, обѣдавшій въ этомъ домѣ, вмѣстѣ съ двумя своими сотоварищами, предложилъ пріятелю Арди и всему обществу: «выпить за представленіе». Пріятель Арди не понималъ, что это значить, и спросилъ: «о какомъ представленіи идетъ рѣчь». Тогда священникъ, предложившій тостъ, отвѣчалъ: «о томъ, которое должно произойти сегодня или завтра»; о представленіи новой Эсфири, которая должна свергнуть Амана, и избавить народъ Божій отъ угнетенія.

Новая Эсфирь была г-жа дю-Барри, Аманъ, герцогъ Шуазель. Эта сцена и эти слова объясняютъ намъ причину успѣховъ г-жи дю-Барри. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что Субизы, Мопу, старый герцогъ Ришелье, герцоги Брольи, д'Эгильонъ, и прочая знать, были у ногъ побочной дочери Анны Бекю? Но дѣло въ томъ, что они видѣли въ ней орудіе, посредствомъ котораго одна партія уничтожаетъ другую. Фаворитка сдѣлалась безсознательно опорой и надеждой иезуитовъ, которыхъ такъ жестоко преслѣдовалъ Шуазель. Подобно тѣмъ проституткамъ, которыя не ложатся спать безъ того, чтобы не прошептать молитву, дю-Барри имѣла нѣкоторую склонность къ ханжеству, и каждый старался извлечь изъ этого для себя выгоду.

Всѣ пресмыкались передъ ней, льстили ея попугаю, ея обезьянѣ, даже ея безобразному, злому негртенку Замору. Безпечная куртизанка съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе понимала, сколько низости скрывается въ этихъ льстецахъ, и смѣлость ея замѣтно росла. Она сама не прочь была подчасъ унижить нѣкоторыхъ изъ нихъ по своему. Однажды, вскочивъ съ постели полунагая, она заставила папскаго нунція и кардинала де-ла-Рошъ-Гюйона, явившихся къ ней съ визитомъ, подать себѣ туфли! Посреди этого официального міра одна только личность нашла въ себѣ смѣлость протестовать. Это былъ священникъ. Между тѣмъ, какъ въ предъидущемъ вѣкѣ Боссюэтъ не осмѣлился возстать противъ незаконной связи великаго короля, аббатъ Бове, говоря въ великій четвергъ 1773 года проповѣдь, вдругъ произнесъ въ присутствіи многочисленныхъ придворныхъ слѣдующія слова: «Пресыщенный Соломонъ, испробовавъ для возбужденія своихъ притупившихся чувствъ, всѣ роды наслажденій, окружающихъ тронъ, кончилъ тѣмъ, что сталъ искать ихъ въ грязныхъ остаткахъ уличнаго разврата». На жалобы дю-Барри король отвѣчалъ: «аббатъ Бове дѣлаетъ свое дѣло», и смѣлаго проповѣдника оставили въ покоѣ.

Эта связь Людовика XV съ дю-Барри была гибельна для мо-

нархическаго режима. Она окончательно разрушила уваженіе къ королевской власти — поразительный примѣръ того, что короли, давая волю низменнымъ инстинктамъ своей природы, своимъ аппетитамъ, не могутъ не компрометировать самаго принципа, котораго они служатъ олицетвореніемъ. Отъ прикосновенія къ Дю-Барри, все незамѣтно грязнится и рушится около короля. Версальская дисциплина исчезаетъ; между тѣмъ, какъ любопытство Парижа дѣлается все сильнѣй и сильнѣй! Святилище королевской власти дѣлается альковомъ. Народъ теряетъ вѣру и иллюзію, слыша, какъ куртизанка, опьяненная шампанскимъ, бьетъ дворцовыя стекла. Въ этомъ хохотѣ, въ этихъ шалостяхъ, въ этой товарищеской фамильярности, въ этихъ то наивныхъ то дерзкихъ выходкахъ, въ этомъ недовольствѣ всякой іерархіей, въ этомъ приниженіи всякаго величія, въ этомъ презрѣніи къ мужчинамъ и женщинамъ двора, видится роковое мщеніе падшаго существа, что-то такое напоминающее руку ребенка сорви-головы, который бьетъ и ломаетъ вещи, шутя и посмѣиваясь. Однажды, когда она пила пуншъ съ ложки, которую опять опускала въ пуншевую чашу, король упрекнулъ ее, что она заставляетъ всѣхъ пить ея слюни. «Ну, такъ что-жь, отвѣчала она:—я хочу, чтобы всѣ пили мои слюни». Невольно, по своей натурѣ, она роляетъ достоинство всего, что приближается къ ней и прикасается къ ней. Что бы она ни дѣлала—велитъ ли она своему Заморю запустить руку въ парикъ канцлера и насажать туда жуковъ, или, полураздѣтая, заставляетъ папскаго нунція подавать себѣ туфли, она все исполняетъ одну и ту же роль, дѣлаетъ одно и то же дѣло, т. е. бичуетъ, умаляетъ, принижаетъ до своего уровня, до своего тона, учрежденія, традиціи, характеры, даже *cours d'états* французской монархіи. Перегородки, престижъ и торжественность «представленія», королевской воли, самой любви короля... все, что ставитъ короля выше простыхъ смертныхъ, даже когда онъ къ нимъ приближается, падаетъ подъ шутками и капризами послѣдней изъ королевскихъ фаворитокъ. Дайте пройти годамъ, и корона, говорить одинъ англичанинъ:—превратится въ ночной колпакъ двухъ любовниковъ. Тронъ, вокругъ котораго Людовикъ XIV поддерживалъ этикетъ Адюльтера, на которомъ г-жа Помпадуръ возсѣдала еще съ нѣкоторымъ приличіемъ, будетъ при Дю-Барри проходить на ту орденскую ленту св. Людовика, на которую куртизанка Лакуръ заставила плюнуть стараго герцога Лавальера.

Иногда, сбросивъ съ себя маску фаворитки, она являлась прежнею Ланжъ... и версальскіе своды съ удивленіемъ и стыдомъ внимали, какъ женщина говорила королю Франціи: «*La France, ton café f... le camp!*»

Невольно приходитъ при этомъ въ голову вопросъ: не состояло ли назначеніе этой женщины, перенесшей въ Версаль языкъ рыночныхъ торговекъ, въ томъ, чтобы быть привратницей во дворцѣ французскихъ королей и отворить ворота его революціи?

Но за всѣмъ тѣмъ, у фаворитки были хорошія стороны, и даже въ книгахъ, современныхъ революціи, отдается ей справедливость, «что она не унижала даже и тѣхъ, кого могла погубить». Она была не мстительна, не злопамятна, не прибѣгала къ *lettre de cachet*, не посылала въ Бастилію тѣхъ, кто позволялъ себѣ отпустить на ея счетъ какую-нибудь язвительную шутку. Она не имѣла претензіи оказывать вліяніе на судьбы Франціи и Европы, и если, благодаря ей, *полетѣли*, какъ она выражалась, Шуазель и Праленъ и потерпѣлъ крушеніе въ борьбѣ съ королемъ парламентъ, то она дѣйствовала тутъ безъ всякой личной вражды и, вѣроятно, даже не понимала хорошенько той роли, какую ее заставляли играть. Мопу подстрекалъ ее, настраивалъ на извѣстный ладъ и она поддавалась его настояніямъ. Въ сущности же она была тѣмъ, что народъ называетъ «доброй дѣвкой». Это вульгарное выраженіе какъ нельзя лучше подходитъ къ ней. Она была щедра, какъ всякая куртизанка, которая не скупа; всѣ, кто зналъ ее, кто оказывалъ ей услугу или нравился ей, могли рассчитывать на ея кошелекъ. Родственные чувства, привязанность къ семьѣ были въ ней очень сильны—черта, вообще свойственная простолюдинамъ. Она каждыя двѣ недѣли посѣщала свою мать, изъ которой сдѣлала маркизу де-Монтрабль и проводила у ней цѣлый день. По смерти матери она выхлопотала пожизненную пенсію въ 2,000 ливровъ мужу ея Ралоену, за то, «что онъ хорошо обходился съ своей супругой». Она обезпечила также тетку, сестру своей матери, г-жу Кантини и пристроила всѣхъ дѣтей ея. Она взяла съ улицы какую-то дѣвочку и воспитывала ее, какъ дочь.

Правда, что Дю-Барри могла черпать полной горстью изъ королевской казны и вся эта щедрость ничего ей не стоила. На себя самоѣ она тратила колоссальныя суммы, выказывая безумную, ослѣпительную роскошь. Мотовство ея положительно не знало предѣловъ. Заказы, покупки, счета; милліоны, ухидившіе на портныхъ, модистокъ, золотошвейекъ — вотъ вся ея жизнь. Ея счета, въ четырехъ томахъ, находятся въ національной библіотекѣ; ничего не можетъ быть поучительнѣе этого инвентаря. Въ то время, какъ народъ голодалъ, она платила за горчицицу 5,148 ливр., за двѣ ложки для сахара 2,054 л., за четыре канделябра 11,837 л., за коверъ 12,496 л., за серьги 120,000 л., за платья по 12,000 л., за маншетки по 1,000 л. и пр., и пр. На 50,000 ливровъ куп-

лено ею однихъ духовъ! Г. Леруа высчиталъ, что она, въ теченіи шести лѣтъ, истратила 12.500,000 ливровъ, т. е. нынѣшнихъ 30 милліоновъ. У ней были пажи, музыканты, священники, домъ, замки и этотъ дворець-будуаръ Люсьеннъ, построенный въ три мѣсяца и въ которомъ одна только бромза стоила 176,000 ливровъ. Стало быть, вычисленіе г. Леруа еще далеко не можетъ считаться точнымъ.

Какъ въ политикѣ фаворитка повинуется силѣ вещей, не имѣя ни личнаго взгляда, ни идеи, ни системы, ни инициативы, такъ и въ дѣлѣ искусства она идетъ по теченію, слѣдуетъ модѣ. У ней были вкусъ и наклонности гризетки. Она покровительствуетъ не оперѣ, а куплету, не живописцамъ и скульпторамъ, а бронзовщикамъ и рѣзчикамъ по дереву; общество ея составляютъ не художники, не философы, не поэты, а мимы, фиגляры, танцовщицы, комедіанты. Она входитъ въ ихъ интимную жизнь, въ ихъ дѣла; помѣщаетъ ихъ деньги, интересуется ихъ интрижками, ихъ сплетнями. Какъ бы удивились эти несчастные польскіе послы, явившіеся къ фавориткѣ умолять ее о спасеніи ихъ отечества, о заступничествѣ за него, еслибъ они могли знать, что въ этотъ моментъ занимала ее. Всѣ мысли ея принадлежали актѣру Добервалю, собиравшемуся уѣхать въ Россію, и мадмуазель Дюбуа, которую ей хотѣлось выдать за него замужъ! Изъ всѣхъ знаменитостей вѣка только одинъ живописецъ Дойенъ присутствуетъ на ея «*petit lever*», да и то онъ обязанъ этой честью не столько своему таланту, сколько своему пикантному, гривуазному разговору.

По смерти Людовика XV, фаворитка получила отъ его преемника приказаніе удалиться въ монастырь *Pont aux Dames*. Хотя приказаніе это было ей передано въ довольно мягкихъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ (въ *lettre de cachet* говорится, что его величество позволялъ г-жѣ Дю-Барри посѣтить въ монастырѣ ея тетюшку), но когда чиновникъ явился къ ней съ нимъ, у ней вырвалось восклицаніе: «Хорошо царствованіе, которое начинается съ *lettre de cachet*. (*Le beau f... règne qui commence par une lettre de cachet!*)».

При первыхъ лучахъ новаго царствованія, вся родня, всѣ, окружавшіе фаворитку, разлетѣлись, какъ стая птицъ. Не оставалось болѣе никакихъ Дю-Барри! Онѣ спасались, краснѣли, прятались. Жану Дю-Барри «*le roué*» грозила Перпиньянская крѣпость, и онъ спѣшилъ покинуть своихъ четырехъ любовницъ и Парижъ, гдѣ онъ съ того дня, какъ его *belle-soeur* сдѣлалась фавориткой, по собственному его признанію, прокутилъ 18 милліоновъ! Онъ бѣжалъ въ Швейцарію и могъ свободно вздохнуть

лишь въ Лозаннѣ. И какими свистками, какимъ негодованіемъ сопровождалось это бѣгство! Какъ радовалась публика своему избавленію отъ этого человѣка. Вспоминали его картежную игру, его нахальство, его цинизмъ... и то, что онъ осмѣливался называть короля «братишкой» (frèrot)? Извительныя насмѣшки, остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Въ то же самое время въ Тулузѣ всеобщее презрѣніе преслѣдовало мужа фаворитки, графа Гильома. Но, однакожь, «рыженькая» и «дурно воспитанный малый», какъ называла когда-то фаворитка Марію Антуанету и будущаго короля Франціи, оказались къ ней довольно снисходительными. Они сначала оставили ей пенсію въ 150,000 ливровъ, потомъ дозволили ей приблизиться къ Парижу и, два года спустя, она могла поселиться въ Люсьеннѣ, гдѣ она начала вести попрежнему безопасную, расточительную жизнь, т. е. веселилась, играла, любила. Она внушила одному знатному англичанину, английскому посланнику во Франціи, лорду Сеймуру, довольно сильную страсть, хотя и не продолжительную. Его смѣнилъ герцогъ Бриссонъ, «le dernier greux de France», искренняя, глубокая, почти восторженная привязанность котораго къ ней кончилась только съ его смертью. Дю-Барри платила ему взаимностью, и эта любовь нѣсколько облагораживаетъ послѣднія страницы хроники ея жизни.

Грянула революція. Дю-Барри не обладала ни смѣлостью, ни надеждащей осторожностью, которая однѣ только могутъ спасти въ смутныя времена. Она неспособна была скрыть своего богатства, воздержаться отъ мотовства, притворяться стѣсненной, нуждающейся, словомъ, ступешаться, заставить забыть себя. Съ другой стороны, у ней не было достаточно энергіи и рѣшимости для того, чтобъ, разставшись съ своими привычками оставить отечество. Нѣсколько кражъ, случившихся въ Люсьеннѣ, обратили вниманіе на ея богатство. Одна изъ нихъ была такъ значительна, что Дю-Барри предложила 50 тысячъ франковъ въ награду тому, кто откроетъ вивовнаго. Вслѣдствіе этой кражи, она четыре раза ѣздила въ Англію; и эти поѣздки должны были навлечь на нее обвиненіе въ эмиграціи, въ тайной миссіи, въ сношеніяхъ съ врагами республики. Ея связь съ Бриссакомъ, умерщвленнымъ въ сентябрѣ 1792 г. въ Версалѣ, уже значительно компрометировала ее. Наконецъ, 27-го сентября 1793 г. она была арестована, въ своемъ замкѣ. Конвентъ, можетъ быть, позабылъ бы ее въ тюрьмѣ, но люсьенскій муниципалитетъ, настаивалъ, съ необыкновеннымъ рвеніемъ, чтобы поспѣшили разсмотрѣть ея дѣло. Ея негръ Заморъ, котораго она осыпала благодѣяніями, желая

выказать свой цинизмъ, преслѣдовалъ ее съ особеннымъ ожесточеніемъ.

То было время, когда мужество не имѣло пола; когда женщины, которыхъ осуждали на смерть наравнѣ съ мужчинами, умирали какъ мужчины. У всѣхъ было что-нибудь поддерживавшее, укрѣпляющее духъ, дававшее силу встрѣтить безтрепетно смерть: идея, принципъ, вѣрованіе, долгъ, право, страсть, иллюзія... У Дю-Барри не было ничего, что бы ей помогло умереть, и если въ ея исторіи есть скандалъ, который можно простить ей; то это скандалъ ея смерти, тронувшей терроръ.

Сядь въ тележку, г-жи Дю-Барри, которой еще въ то утро судья Денизо намекнулъ на возможность помилованія, и которая даже тогда, когда у нея уже были обрѣзаны волосы, все еще не вѣрила, что она должна умереть, была блѣдна, какъ платъе на ней надѣтое.

Толпа—праздничная толпа воскреснаго дня, ожидала несчастную. Лошади медленно двинулись шагомъ.

Народъ тѣснился, желая взглянуть на куртизанку «du ci-de-vent tuan». Но та, на которую смотрѣли, ничего не видѣла. Она только вздыхала, всхлипывала, задыхалась. Ея попутчики, Вандениверы и членъ конвента Ноэль старались ободрить ее. Она отвѣчала имъ только тупымъ взглядомъ, инертнымъ движеніемъ губъ.

Вдругъ около Пале-Рояля, у заставы Сержантовъ, поднявъ глаза, она увидала балконъ моднаго магазина, гдѣ работницы выстроились въ рядъ, чтобъ въ послѣдній разъ взглянуть на ту, которая была г-жей Дю-Барри. Это былъ тотъ самый магазинъ, гдѣ она была ученицей. Можетъ быть, въ эту минуту все ея прошлое мгновенно промелькнуло въ ея головѣ... ея молодость, потомъ Версаль... потомъ Люсьеннъ... минутный сонъ, послѣ котораго дѣйствительность должна была показаться еще страшнѣй. Оглянувшись, она стала кричать и ея пронзительные, раздирающіе крики оглашали улицу Сент-Оноре отъ одного конца до другого.

Палачъ и двое помощниковъ его насилу могли удержать осужденную въ тележкѣ, изъ которой она порывалась броситься. За криками слѣдовали мольбы, смѣшанныя со слезами. И эта женщина, съ падавшими ей на лобъ и глаза короткими волосами, нагибалась къ любопытной толпѣ, говоря: «Друзья мои... спасите меня... Я никогда никому не дѣлала зла... ради Бога, спасите меня». Толпа удивлялась. Столько людей умирало на ея глазахъ, бодро, спокойно, даже бравируя («à la bravade»), что

*

она словно въ первый разъ видѣла женщину, которую везутъ на казнь.

А осужденная, между тѣмъ, все повторяла въ слезахъ: «Жизнь! Жизнь! Оставьте мнѣ жизнь. Я отдаю все свое состояніе націи!»— Твое состояніе! раздался чей-то голосъ.—Но ты отдаешь націи только то, что ей принадлежитъ и безъ того.

Въ молчаливыхъ, пораженныхъ группахъ началъ слышаться ропотъ, словно говорившій о сожалѣніи. Офицеръ велѣлъ ѣхать скорѣй. Тележка достигла площади Революціи въ 4¹/₂ часа. Г-жа Дю-Барри сошла первая. На ступеняхъ эшафота, обезумѣвшая отъ ужаса, она билась, рвалась, умоляла: «Еще одну минуту, господинъ палачъ». И потомъ, подъ ножомъ гильотины, она, какъ женщина, на которую напали на улицѣ, кричала: «Бо мнѣ! Ко мнѣ!..»

Графъ Жанъ Дю-Барри, почти одновременно, былъ казненъ въ Тулузѣ. Мужъ Дю-Барри, Гильомъ, болѣе счастливый, избѣгъ гильотины, и, женившись вторично, умеръ въ Тулузѣ же, въ 1811 году, семидесяти лѣтъ отъ роду.

А. П.

(Окончаніе будетъ).

ФАНТАСТИЧЕСКІЕ ЗАМЫСЛЫ МИНАЯ.

Одинъ разъ, обозрѣвая губернію, его превосходительство остановился въ парашкинскомъ волостномъ правленіи. Его превосходительство утомился отъ дороги, и торопился ѣхать обозрѣвать дальше. Такъ и уѣхалъ бы его превосходительство отъ парашкинцевъ, не составивъ о нихъ никакого мнѣнія, еслибы ему не попался на глаза одинъ необыкновенно веселый человѣкъ.

Этотъ парашкинецъ проходилъ мимо окна волостного правленія и беззаботно свистѣлъ. Шапка у него была на бекрень, кафтанъ въ накидку, руки за поясомъ, и глаза смѣялись. Оборванецъ и головой не кивнулъ, проходя передъ окномъ, и его превосходительству показалось, что онъ даже какъ будто подмигнулъ. Пораженный этимъ, его превосходительство, высказавъ радость по поводу встрѣченнаго имъ въ парашкинцахъ веселонравія, обратился къ сопровождавшему его лицу за объясненіемъ; но сопровождавшее лицо совершенно растерялось и ничего не могло объяснить, хотя знало Сысойскій уѣздъ такъ же хорошо, какъ хорошо знаетъ хозяинъ свой свотный дворъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого необыкновеннаго случая было ирреватное мнѣніе, увезенное съ собой его превосходительствомъ, который сталъ считать парашкинцевъ самымъ веселымъ въ мірѣ народомъ.

Что касается веселаго оборвыша, то въ этотъ памятный для него день онъ легко отдѣлался. Сопровождавшее лицо, завидѣвъ его въ томъ же видѣ, т. е. съ шапкой на бекрень, только крикнуло:

— Я тебѣ! Я тебѣ... посвищу!

Но это мало подѣйствовало. Оборванецъ остановился, смахнулъ съ себя шапку, почесалъ затылокъ и пустился бѣжать, поддерживая обѣими руками полы кафтана, надѣтаго въ накидку. Тѣмъ дѣло и кончилось. Его превосходительство уѣхалъ, сопровождавшее его лицо также...

Впослѣдствіи, по справкамъ оказалось, что это былъ Минай, по прозванію Осиповъ, который всюду появлялся на сцену въ такомъ образѣ.

Нельзя отрицать, что Минай мечталъ; факты немедленно же опровергли бы подобное отрицаніе. Минай мечталъ вездѣ и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, мечталъ даже тогда, когда для другого человѣка рѣшительно не было матеріала для мечтаній. Невозможно отыскать въ его жизни ни одного момента, когда онъ плюнулъ бы на все и одѣпенѣлъ. Въ его жизни постоянно давали о себѣ знать весьма плачевныя обстоятельства; но всѣмъ имъ вмѣстѣ и каждому порознь онъ показывалъ языкъ. Что съ нимъ подѣлаешь? — онъ былъ неуязвимъ. Представить себѣ его окончательно оглушеннымъ, повѣсившимъ носъ и осовѣвшимъ — невозможно и чудовищно. Развѣ у него было время отчаяваться? Очевидно, нѣтъ. Трудно даже и вообразить себѣ всѣ ужасныя послѣдствія отчаянія, еслибы только Минай предался ему. На него постоянно обрушивались «обстоятельства»; онъ вѣчно вертѣлся подъ перекрестнымъ огнемъ разныхъ невзгодъ, сыпавшихся на него разомъ со всѣхъ сторонъ. Досугъ ему отчаяваться! Предайся онъ мрачному отчаянію — и онъ погибъ. Что ему тогда дѣлать? Ложиться и помирать. О, Минай понималъ это!

Что онъ свистѣлъ и необузданно фантазировалъ—этого отрицать нельзя. Все это такъ и было въ дѣйствительности. Онъ вѣчно ходилъ съ шапкой на бекрень, въ кафтанѣ въ накидку, съ засунутыми за поясъ руками и свистѣлъ. Въ такомъ видѣ онъ всюду появлялся. Такова ужь природа его была; такимъ онъ раньше жилъ, такимъ и теперь живетъ.

Самостоятельно сохранять животы свои онъ началъ прямо послѣ освобожденія крѣпостныхъ. Въ ту пору ему было двадцать пять, двадцать шесть лѣтъ. Семья его состояла изъ стариковъ его, имѣвшихъ вмѣстѣ болѣе полутора ста лѣтъ, и меньшаго брата, который рано ушелъ въ городъ, потомъ взятъ былъ въ солдаты и навсегда исчезъ изъ глазъ Миная. Несмотря на свой возрастъ, Минай еще не былъ женатъ, хотя онъ ежеминутно думалъ объ этомъ. Но въ особенности старикъ, отецъ его, сокрушался о своемъ Минаикѣ. Въ его потухающихъ глазахъ часто проглядывала грусть, когда онъ сознавалъ всю невозможность женить сына. Онъ оставлялъ ему все, что самъ получилъ отъ крѣпостного состоянія: двѣ лошади, двѣ коровы, пять овецъ, полуповалившіеся плетни и полуразрушившуюся избушку; и только жены не могъ прискаты. Смекалъ онъ и такъ, и сякъ—

и все ничего не выходило, и Минайка все оставался холостымъ. Подвернулась-было разъ старику одна бабенка: «гладкая, здоровенная баба! кладъ, можно сказать, баба!» (росписывалъ старикъ свою находку), но Минай наотрѣвъ отказался отъ нея. Онъ самъ устроилъ себя.

Дѣло произошло возлѣ рѣки, въ то самое время, когда тамъ стиралось разное вонючее тряпье.

Минай могъ, конечно, прямо подойти къ Ѳедосьѣ и открыто объяснить, но онъ предпочелъ подкрасться, вытянуть ладонью вдоль ея спины и во все горло захохотать въ тотъ моментъ, когда, взвизгнувъ отъ ужаса, она повернулась лицомъ къ нему.

— Что ты, лѣшій! Одурѣлъ? вскричала, наконецъ, Ѳедосья, оправившись отъ испуга.

— А ты что кричишь? Ай больно?

Ѳедосья съ негодованіемъ смотрѣла на одурѣвшаго и, собравъ все мокрое тряпье въ руки, мазнула имъ по лицу Миная. Но послѣдній, повидимому, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на это и глупо ухмылялся своимъ мокрымъ лицомъ.

— Слушай, Ѳедось! хочешь за меня замужъ? сказалъ онъ.

— Вотъ еще что выдумалъ! возразила Ѳедосья, красная до ушей и опустила руку съ тряпьемъ, которое она держала до сихъ поръ въ угрожающемъ положеніи.

— А ты говори прямо, не отлынивай!

— Нечего мнѣ сказать тебѣ; уйди—вотъ и сказъ весь! возразила еще разъ Ѳедосья, однако, съ мѣста не трогалась.

— То-то бы мы зажили! а? самымъ лучшимъ манеромъ! Чай, тоже знаешь меня... продолжалъ Минай и, не кончивъ начатой рѣчи, громко поцѣловалъ Ѳедосью. Послѣ этого, Ѳедосья ужъ ничего не могла возразить.

Черезъ недѣлю, Минай женился «увозомъ», таинственно выкравъ свою невѣсту; еще чрезъ недѣлю раздѣлался съ родителями ея и черезъ мѣсяцъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ всего наслѣдства. Въ это время умеръ его старикъ-отецъ, счастливый, что увидалъ своего Минайку поженившимся.

И Минай принялся орудовать. Жена его была въ то время здоровая баба, ни въ чемъ не уступавшая ему; она не отставала отъ него въ работѣ, только никогда не высказывала своихъ надеждъ. Это было уже дѣло Миная. Онъ одинъ работалъ надъ проэктми будущаго; мечталъ онъ почти всегда вслухъ, передъ Ѳедосьей, такъ какъ никакими силами не могъ удержать въ себѣ свои проэкты, которые, надо замѣтить, тутъ же и осуществлялись «самымъ превосходнымъ манеромъ». «Теперь ужъ не тѣ времена, рассказывалъ онъ Ѳедосьѣ: — теперь крѣпости этой

нѣтъ... воля! Текерь только дуракъ отощаетъ... Ты что молчишь? Ай мы дурачье? Это мы-то!?)

Въ такомъ родѣ восторгался Минай, удивляясь только тому, что Ѳедосья все молчить. Ѳедосья на самомъ дѣлѣ все отмагчивалась—это было въ ея характерѣ—но она не думала сомнѣваться въ восторженныхъ словахъ Миная. Разказы Миная были до того пламенны и заразительны, что и она по временамъ улыбалась, работала сильнѣе лошади и ничего не возражала, когда Минай хлопалъ ее по синиѣ; только по привычкѣ говорила: «п-шелъ, одѣръ!» Но эта утрюмость была только напускная, и Ѳедосья тотчасъ же выдавала себя, раздвигая ротъ до ушей. Тоже самое было и тогда, когда родился Яшка. Ѳедосья молчала; появленію его на свѣтъ она, повидимому, совсѣмъ не обрадовалась. Можетъ, она чувствовала, что Яшка, прежде чѣмъ сдѣлается ревизской душой, высосетъ ее и истомитъ? Кто ее знаетъ! Но зато Минай восхищался. Яшка былъ въ его глазахъ необыкновенное существо. «О, о, о! какой бутузъ! Гляди, ручищи-то? Знатный мужичина!» говорилъ онъ, осматривая необыкновенныя ручищи и тыкая пальцемъ въ брюхо Яшки.

Собственно говоря, съ этого времени и начинаются мечты Миная.

Конечно, и въ эту пору у Миная были черные дни, когда онъ опускалъ носъ и мрачно молчалъ. Но это не одинъ онъ испытывалъ, и черные дни были общими обстоятельствами, которыя обрушивались на всѣхъ парашкинцевъ. А въ такомъ случаѣ могъ ли онъ совершенно и окончательно опустить носъ?

Начались эти обстоятельства съ упорства, выказаннаго обѣими половинами, разорванными послѣ уничтоженія крѣпостного права, начались съ той самой минуты, когда парашкинцы рѣшили не поддаваться увѣщаніямъ ихъ прежняго господина. Главное несчастіе для обѣихъ сторонъ заключалось въ томъ, что одна сторона предлагала болотца, другая съ тѣмъ же упорствомъ отказывалась отъ болотцевъ.

Цѣлыхъ полгода обѣ стороны мучились такъ. Баринъ былъ сѣдой уже старикъ, голова котораго постоянно тряслась, отъ негодованія, какъ думали парашкинцы, не знавшіе его прежней жизни. Онъ бился совсѣмъ не изъ-за выгоды, а изъ-за того только, чтобы насолить «мошенникамъ». Тѣмъ не менѣе, онъ словно желалъ поскорѣе развязаться и совсѣмъ уѣхать изъ деревни. Каждую недѣлю онъ собиралъ парашкинцевъ и толковалъ съ ними, но все ничего не выходило; и эта канитель тянулась цѣлыхъ полгода! Придутъ парашкинцы всей кучей, встанутъ возлѣ крыльца и молчатъ, напряженно слушая сѣдого ба-

рина. А съдой баринъ стоитъ на крыльцѣ, размахиваетъ руками, трясеть головой—и все тутъ! Уйдетъ съдой баринъ, побраняется между собой парашкинцы и также уходятъ всея кучей, не оставивъ послѣ себя никакого отвѣта.

Наконецъ, терпѣніе барина допнуло. Одинъ разъ, собравъ около своего крыльца парашкинцевъ, онъ категорически спросилъ у нихъ, соглашаются ли они на предлагаемый надѣлъ, или нѣтъ; и когда парашкинцы, по своему обычаю, уклонились отъ отвѣта, баринъ крикнулъ: «лошадей!» сълъ въ карету и поѣхалъ. Проѣзжая мимо парашкинцевъ, онъ крикнулъ имъ, съ негодованіемъ тряся головой:

— Останетесь вы... Останетесь! Останетесь!

Это было зловѣщее предсказаніе, пророчество вороны. Парашкинцы немедленно же поняли свою глупость. Долгое время они молча смотрѣли другъ на друга и думали, каждый про себя: вотъ-то дураки! Они готовы были уже начать, по своему обыкновенію, злобную перебранку; но въ это время Миная крикнулъ: «уѣхалъ... ну, и пушай!» Этого было достаточно, чтобы парашкинцы вышли изъ того молчаливаго оцѣпенѣнія, находясь въ которомъ, невозможно принять какого-либо рѣшенія. Парашкинцы заговорили:

— И пушай его!

— И не надо!

— И Господь съ нимъ!

— Способнѣ же опосля всего ницій надѣлъ!

— Ницій что ли?

— Ницій, такъ ницій! одинъ конецъ... Фроль! пиши гумагу!

Но «ницій надѣлъ» былъ только объектомъ, на который парашкинцы вылили накипѣвшую горечь; въ сущности же, они понимали, что взять ницій надѣлъ тоже самое, что повѣсить черезъ плечо кошель. Къ тому же, и Фроль наотрѣзъ отказался писать «гумагу», сказавъ, что этакому дурачю онъ служить не намѣренъ и потакать глупости не будетъ. Парашкинцы простояли на томъ же мѣстѣ, около барскаго крыльца, весь этотъ день, весь вечеръ и всю ночь и только подъ утро мочи не стало — охрипли. Расходясь по домамъ, они рѣшили завтра же изъяснить согласіе на предложенный надѣлъ.

Миная въ этотъ разъ кричалъ больше всѣхъ; даже въ то время, когда всѣ прочіе охрипли и по необходимости умоляли, только тихо перебраниваясь, онъ все еще оралъ. Раньше этого рѣшенія онъ убѣждалъ стоять твердо. По его мнѣнію, баринъ отминивалъ. «Приперли его отгѣдова, съ самага верху, вотъ онъ и вялетъ хвостомъ-то», рассказывалъ Миная, воплиъ убѣжденный,

что баринъ припертъ, что сунуться ему некуда, и что въ концѣ-концовъ, какъ онъ ни отлынивай, а уступить долженъ. Поэтому, рѣшеніемъ парашкинцевъ Минай былъ ошеломленъ страшно. Если бы ему кто наплевалъ въ лицо, то онъ чувствовалъ бы меньшее удивленіе, чѣмъ въ тотъ день, когда парашкинцы рѣшили, что они дѣйствительно набитое дурачье. Долго послѣ этого, Минай ходилъ съ повѣшеннымъ носомъ и съ одурѣвшими глазами.

Когда онъ мечталъ, то прежде всего рисовалъ себѣ землю, много земли, и былъ увѣренъ, что надѣлъ положенъ будетъ способный во всѣхъ смыслахъ. На этомъ онъ и проэскты свои основывалъ, на одномъ этомъ. И избу построить, и соху починить въ кузницѣ, и рукавицы купить, и хозяйкѣ платокъ приобрести — все это можно было сдѣлать только при землѣ. И вдругъ — болотца! Мгновенно всѣ предположенія и мечты Минная разлетѣлись прахомъ. Такъ и самъ Минай думалъ, признаваясь, что «теперь ужь что-жь... теперь ужь больше ничего». Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Эта мысль, полная недоумѣній и тоски, до такой степени поразила его, что онъ долгое время никуда не показывался изъ дому. Чтò онъ за это время дѣлалъ и какой процессъ совершался въ его головѣ — трудно сказать.

Извѣстно только, что чрезъ нѣкоторое время все обошлось благополучно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Минай, со своей Ѳедосьей уже покрывалъ старую избу новой соломой; соломѣ подавала наверхъ Ѳедосья, а самъ Минай стоялъ на крышѣ и притаптывалъ ногами подаваемые ему огромные навильники, причемъ, въ промежуткахъ между двумя навильниками, онъ глазѣлъ по сторонамъ и свистѣлъ.

Черезъ полгода или черезъ годъ, онъ сдѣлался прежнимъ Минаемъ.

Вообще, оглушить его было трудно. Онъ какъ будто въ крови отъ прародителей получилъ привычку глядѣть легкомысленно.

Такому настроенію Минная помогало и отсутствіе времени для обдумыванья. Все лѣто и осень онъ совался и дурѣлъ, какъ подхлыстываемая лошадь. Онъ едва успѣвалъ отмахиваться отъ всевозможныхъ кредиторовъ, раздиравшихъ его на части, такъ что у него не оставалось ни одной свободной минуты, чтобы ономниться. Зимой онъ отправлялся въ извозъ и утопалъ въ ухабахъ, привозя домой пряниковъ дѣтишкамъ, да заѣзженную лошаденку. Однимъ словомъ, думать было мало времени.

Когда же у него выпадала свободная минута — а это было всегда зимой, во время длинныхъ и тоскливыхъ вечеровъ — то, вмѣсто обдумыванія, онъ мечталъ. Физически мучающійся чело-

вѣкъ не станетъ мучиться еще духомъ; онъ постарается, напротивъ, выбросить изъ головы все, что способно терзать, и сосредоточится только на одномъ легкомъ и увеселительномъ. Минай постоянно баловалъ себя такимъ именно образомъ.

Приѣдетъ онъ съ зимняго извоза, раздѣнется, разуется, ляжетъ на полаты и начинаетъ фантазировать. Придумываетъ онъ тутъ разныя измышленія, высчитываетъ безчисленные счастливые случаи и самъ восхищается своими созданіями. Прежде всего его занимаетъ ожидающійся урожай. Полосы уже засѣяны; теперь только ждать надо. У Миная какъ-то выходитъ, что и дождичекъ леть вѣ-ремя, и сухое время настаеъ въ пору; однимъ словомъ, урожай будетъ превосходный. Съ этого осьминника онъ получить столько-то, а съ этого вотъ сколько. Хлѣба будетъ довольно. Потомъ, Минай начинаетъ распредѣлять баснословный урожай. Туда онъ заплатитъ, этому отдастъ, сюда сунетъ, на подати опять продастъ — и все выходитъ какъ нельзя лучше. Но Минай не хочетъ на обумъ рѣшать сложныя задачи, не высчитываетъ. Р-разъ! шепчетъ онъ про себя, отыскивая счастливый случай, и загибаетъ на ладони палецъ. Затѣмъ, начинаетъ прибирать другіе неестественные случаи хлѣбныхъ остатковъ... Два! радостно шепчетъ онъ, загибая другой палецъ. Онъ непремѣнно смотритъ на пальцы и выказываетъ необычайное волненіе, когда ему не удастся загнуть слѣдующаго пальца. Но это рѣдко бываетъ. Фантазія его ни передъ чѣмъ не останавливается, лишь бы загнуть всѣ пальцы. Въ концѣ концовъ, всегда оказывается, что пятерня вся загнута, хлѣба достанетъ, и подати будутъ уплачены.

Достигнувъ такого блестящаго результата, Минай перевертывается на брюхо, болтаетъ босыми ногами и, свѣсивъ голову съ полатей, начинаетъ веселый разговоръ съ Яшкой, который сидитъ на лавкѣ, возлѣ ночника.

— Яшка!

Яшка не можетъ произнести ни одного слова; въ рукѣ его кусокъ страннаго хлѣба, и ротъ набить.

— Что ты, дуракъ, безперечъ ѣшь?

— Хотца, разсудительно отвѣчаетъ, наконецъ, Яшка. Яшка дѣйствительно съ утра до ночи ходитъ съ кускомъ страннаго хлѣба и, походя, жретъ. Если мать не дастъ ему хлѣба, онъ отыскиваетъ какія-то нечистоты и все-таки жретъ. Брюхо у него, какъ у австралійца, на подобіе мѣшка, прикрѣпленнаго снаружи.

— Ну, гляди, братъ! Вонъ какъ пузо-то у тебя распучило!

Яшка не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на слова отца.

— Небось распуचितъ!.. хлѣбецъ-то батюшка — камень! встав-

лгать свое слово Ѳедосья, которая, по бѣльшей части, молчить и только изрѣдка буркнетъ что-нибудь.

Минаю неприятно; онъ покашливаетъ. Картины, сейчасъ нарисованныя имъ, заволакиваются туманомъ. Но это непродолжительно; вѣдь онъ уже высчиталъ, что на будущій годъ ему достанетъ хлѣба на всю зиму, при томъ хлѣба чистаго, «святаго хлѣба», какъ онъ выражается, говоря о хлѣбѣ безъ пригѣсей.

— Дай срокъ... На ту зиму, Богъ дастъ, не станемъ жевать такой-то...

— Хотъ бы молчалъ, что ли, коли разумомъ обиженъ! возражаетъ Ѳедосья, которая уже перестала вѣрить «пустомелъ», какъ она называетъ подъ сердитую руку Миная.

Но Минай не унываетъ и отъ своихъ фантастическихъ замковъ отказаться не хочетъ. Онъ уже все высчиталъ! Потерпѣвъ неудачу въ разговорѣ съ Яшкой, онъ, по прежнему, смотреть искрящимися глазами на ночникъ, на Яшку и спокоенъ.

Разумѣется, онъ не въ состояніи скрыть отъ себя плохаго качества землишки, которую онъ нынче расковырялъ и засѣялъ. Главное, навозу нѣтъ. Навозъ—это съ нѣкоторыхъ поръ его постоянная мечта, мучительная, неумолимая и назойливая. У парашкинцевъ вся земля истощена; они выжали изъ нее все, что было можно. И Минай знаетъ это, отлично знаетъ, что безъ навозу «никакъ невозможно». Поэтому, онъ каждый день почти возвращается къ навозу въ своихъ воображаемыхъ «случаяхъ».

Скотины у него осталось мало; изъѣзженная лошаденка, которую онъ въ своихъ развѣздахъ измоталъ такъ, что у ней круглый годъ наружу торчали ребра, коровенка, нѣсколько овчишекъ, одна свинья— вотъ и весь скотъ. Какой тутъ навозъ! Но Минай все-таки ухитряется создать въ своемъ воображеніи несметное число навозныхъ кучъ; передъ его умственными взорами носится даже самая картина возки навоза на поля и удобреніе имъ земли. Конечно, изъ всего этого ровно ничего не выходитъ, и онъ только успокоиваетъ себя несметными кучами.

Когда онъ отправляется въ загонъ, чтобы собственными глазами удостовѣриться, сколько его скотъ натопталъ ему навозу, то немедленно же приходитъ къ заключенію, что навоза нѣтъ, ибо ничего и никто ему не навалитъ даромъ. Именно даромъ, потому что кормить свой скотъ ему было нечѣмъ, кромѣ гнилой соломы, да и то впроголодь. Навозу никакого нѣтъ. «Вѣдь такая сатанинская утроба! Словно въ прорву валишь кормъ!» изумленно говорилъ онъ, съ негодованіемъ глядя на ни въ чемъ неповинную корову, пережевывающую жвачку.

Еслибы кто подумалъ, что Минай въ такомъ случаѣ отчая-

вался или, по меньшей мѣрѣ, убѣждался въ отсутствіи удобренія, какъ необходимаго средства нѣсколько исправить землю, то онъ ошибся бы. Минай отчаявался? Ничуть не бывало. Неизвѣстно какъ, но у него въ результатъ размышленій всегда выходило, что навозъ у него будетъ, земля удобрится и «рожь уродится преотличная». Трудно повѣрить такому легкомыслию, но необходимо принимать въ расчетъ нежеланіе Миная лечь и начать помирать. О, Минай обѣими руками цѣплялся за тѣнь, которую онъ называлъ «жистью».

И такъ во всемъ.

Изба его совершенно изветшала; ткни ее пальцемъ, и она, казалось, разсыпется. Еслибы ее сломать, такъ она и на дрова не годилась бы; ничего не дала бы, кромѣ ѣдкой и вонючей копоти. Снаружи она была еще ничего, но внутри... Изъ нутра ея бревенъ сыпались гнилушки, явленіе, которое ежедневно напоминало хозяину, что давно ее надо сломать и построить новую, потому что, того и гляди, рухнетъ. Зимой, въ морозы, она насквозь промерзала, а лѣтомъ, въ сырые дни, по стѣнамъ ея росли грибы. А Минай ничего, и въ усъ не дуетъ. Новую избу построить ему не на что; вмѣсто этого, онъ починяетъ старую. Сначала, передъ сквернымъ зрѣлищемъ осыпающихся гнилушекъ, Минай стоитъ нѣкоторое время въ изумленіи: на него нападаетъ тоска. Но это недолго. Потешетъ онъ дощечку, прилѣпить ее гвоздочками къ провалившемуся мѣсту и потомъ хвастается: «Чудесно! вѣку не будетъ!»

А то еще былъ у него плетень. Минай просто ненавидѣлъ его. Въ плетнѣ постоянно образовывались дыры, въ которыя пролѣзали чужія свиньи, забирались на дворъ и поѣдали тамъ все, что попадалось подъ рыло. Но у Миная загородить плетень было не чѣмъ. Возъ хворосту всего-то стѣилъ гривенникъ въ барскомъ лѣсу; но у Миная нетолько гривенника, а часто и заржавленнаго гроша не было. Такъ дыры и оставались незагороженными. Придумывалъ, придумывалъ Минай, какъ бы зачинить дворъ, и, наконецъ, придумалъ. Привязалъ на веревку Полкана, глухѣйшую собаку, которая рѣдко и дома-то жила, и посадилъ ее къ самой большой дырѣ. Полканъ постоянно отрывался и уходилъ, Минай постоянно ловилъ его и садилъ на старое мѣсто. Цѣлыхъ три мѣсяца бился онъ такъ; наконецъ, песь смирился. Послѣ устройства такой засады, свиньи, познакомившіяся съ зубами лютаго пса, котораго рѣдко кормили, перестали шлѣться на дворъ. И вся эта исторія—изъ-за гривенника! Но Минаю весело было смотрѣть, какъ Полканъ хваталъ какую-нибудь неосторожную хавронью за глотку; Минай захо-

таль надъ выдумкой. Только по ночамъ было неприятно слушать жалобное завываніе.

Минай съ виду всегда казался беззаботнымъ; по крайней мѣрѣ, никто еще не видалъ, чтобы онъ тосковалъ и терзался пытками безнадежности. Онъ всегда былъ ровень, шапка на бевренъ, руки засунуты за поясъ. Въ самыя тяжкія минуты на лицѣ ничего нельзя было прочесть; лицо его въ эти минуты дѣлалось безмысленнымъ, одурѣлымъ—и только.

Такая способность Миная прямо зависѣла отъ того, что онъ жилъ среди парашкинцевъ.

Парашкинцы имѣютъ такое жизнеустройство, которое помогаетъ человѣку въ самыя отчаянныя времена на что-то надѣяться. Помощь эта не только матеріальная, но и нравственная, и послѣдняя, пожалуй, гораздо важнѣе первой. Правда, что у парашкинцевъ есть общій животъ, брюхо, которое питаетъ цѣлое «опчесво». Правда также, что этотъ мірской животъ игралъ и играетъ значительную роль въ жизни парашкинцевъ. Когда парашкинцы лишилась личныхъ животешекъ, на выручку имъ являлся общій животъ; когда ихъ разбивали и разсѣвали, они снова собирались около общаго живота и, къ удивленію всѣхъ, снова устроивались. Все это правда.

Тѣмъ не менѣе, нравственная помощь парашкинскаго жизнеустройства для Миная была гораздо важнѣе всего этого. Благодаря только этой помощи, Минай способенъ былъ еще хохотать и показывать языкъ. Бѣдъ у Миная было много; сыпались онѣ на него, какъ еловыя шишки на Макара; но онъ ежеминутно чувствовалъ за своей спиной силу. Этой силой былъ міръ. Онъ въ него такъ вѣрилъ, что, когда у него ничего не оставалось, то все-таки оставался міръ. Если повременамъ изъ его легкомысленной души исчезала надежда, онъ обращалъ глаза на міръ и ждалъ: вотъ-вотъ міръ что ни на есть придумаетъ. Міръ для него былъ крѣпостью, гдѣ онъ спасался отъ непріятелей. А непріятелей у него было много, и спастись отъ нихъ можно только въ крѣпостяхъ. Не будь у Миная укрѣпленнаго мѣста, отъ него давнымъ давно остались бы одни порты. Можетъ быть, впоследствии крѣпости будутъ и не нужны, и парашкинскій міръ обратится въ цвѣтущее гражданскаго вѣдомства мѣсто, но объ этомъ Минай пока и не мечталъ, хотя отъ природы былъ награжденъ необузданной фантазіей.

Очевидно, что Минай совсѣмъ предаться отчаянію не могъ. Онъ крѣпко лѣпился къ «опчесву». Нельзя сказать, чтобы парашкинское «опчесво» было особенно укрѣпленное мѣсто—часто Минай подвергался участи страуса, спрятавшего голову и оста-

вившаго свободнымъ задъ—но важна увѣренность въ нѣкоторой безопасности. А Минай вѣрилъ въ крѣпость, и потому не могъ навсегда упасть духомъ, лечь и начать помирать.

Онъ не пропускалъ ни одной сходки и слылъ за самаго отчаяннаго горлодера. Даже въ тѣ дни, когда его разрывали на части, и когда ему приходилось бороться съ уныніемъ, онъ все же появлялся на сходѣ. Всего вѣрнѣе, потому и появлялся, что боролся съ уныніемъ. Тамъ онъ былъ въ своей сферѣ. Горло у него было широкое; ругался онъ такъ, что даже опытные въ этомъ дѣлѣ становились въ тупикъ и умолкали. Онъ раньше всѣхъ приходилъ на сходъ, позже всѣхъ уходилъ оттуда. Прямо по приходѣ на сходъ, онъ точилъ ляды и балагурилъ; потомъ ругался. Прислонится къ чему-нибудь, къ плетню или къ забору, и ореть, пламенно ореть, не глядя ни на кого и не слушая ни другихъ, ни, повидимому, даже самого себя; ореть до тѣхъ поръ, пока всѣ прочіе не умолкнутъ въ изнеможеніи, бессильно хлопая глазами: его поневолѣ слушали. На міру онъ такъ и слылъ «горлодеромъ», «горлопаномъ», т. е. человѣкомъ, который во всякій часъ дня и ночи можетъ разинуть ротъ и сколько угодно орать.

Всего яростнѣе Минай нападалъ на Епишку. Епишка былъ кабатчикъ, небольшой, вертлявый, съ пронзительными глазами человѣчишко. Сначала онъ чуть не со слезами на глазахъ умолялъ у парашкинцевъ право держать кабакъ; а потомъ ему удалось какими-то подвохами купить землю у барина (старика-барина давно не было въ живыхъ—имѣнье было въ рукахъ его сына), и съ тѣхъ поръ Епишка преобразился. Кабака онъ не бросилъ; напротивъ, сдѣлалъ его центромъ своего хищничества. Здѣсь онъ жилъ, отсюда онъ дѣлалъ набѣги на парашкинцевъ. Сюда тащилъ все, что ему удавалось, тѣмъ или другимъ путемъ, выудить. Въ концѣ-концовъ, онъ опуталъ парашкинцевъ обязательствами, и вытурить его было уже невозможно.

— Чего вы смотрите? кричалъ Минай на сходѣ:—чего смотрите? Куда у васъ разумъ-то дѣвался? Нонѣ онъ на хвостъ намъ сѣлъ, а завтра наплюетъ намъ въ бороды! Чего наплюетъ! онъ прямо въ ротъ затешется, Епишка-то! Ахъ, вы...

Но парашкинцы были уже бессильны вытурить Епишку. Епишка утвердился. Это зналъ и Минай и, что всего удивительнѣе, противъ самого Епишки онъ ровно ничего не имѣлъ. На міру онъ ругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, а встрѣчаясь съ нимъ, балагурилъ. И надо оговориться, Минай вездѣ былъ такимъ. Онъ можетъ ругаться, но не можетъ ненавидѣть. За минуту пылая ненавистью въ врагу, онъ потомъ хохочетъ съ

нимъ и шутки шутить, и въ пьяномъ видѣ лѣзеть даже цѣловаться. Съ такимъ же безстыдствомъ, или легкомысліемъ, онъ и съ Епишкой поступалъ.

Противъ Епишки онъ металъ массу самыхъ ѣдкихъ ругательствъ, но иногда почти немедленно же отправлялся въ кабакъ и просилъ у Епишки водки косушку въ долгъ...

— Епишка, дай! просилъ онъ.

Епишка сверкаетъ пронзительными глазами; онъ знаетъ, что на сходѣ Минай оралъ противъ него, и отказываетъ въ просьбѣ.

— Ни за-што!

— Дай!

— Ни за рупь!

— Будь другъ милый!

— Не дамъ, говорю, не дамъ, и проваливай!

— Отчего?

Епишка снова сверкаетъ глазами и хочетъ отмолчаться, но не выдерживаетъ.

— А кто на сходѣ глотку дралъ? Кто супротивъ Епифана Колупаева бунтовалъ? Кто м-мина безпутными словами безчестилъ? Кто, безстыжіе твои глаза? Управы на васъ нѣтъ, голоштанники, право! Не дамъ!

— Тамъ, братъ, апчественное дѣло; по совѣсти тамъ, братецъ ты мой... Тамъ съ нечистымъ рыломъ невозможно!

— Лучше и не проси! Уходи отъ грѣха! кричитъ Епишка, выходя изъ себя.

— Ну, лѣпшій тебя возьми! говорить, наконецъ, Минай и уходитъ. Ему сначала неловко, совѣстно, да и выпить хочется; но потомъ ничего. Идя домой, онъ уже свистить.

Чтобы нѣсколько оправдать безстыдство Минай, надо замѣтить, что въ «апчественныхъ дѣлахъ» онъ всегда старался поступать по совѣсти, «съ чистымъ рыломъ»; дома же онъ никогда не слѣдилъ за собой; дома онъ даже привыкъ ходить нечистымъ. Это какъ разъ наоборотъ тому, что происходитъ среди большинства празднопатающихся.

Пилъ Минай только мимоходомъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда можно урвать косушку. До безобразія же напивался всего раза три въ годъ. Собственно говоря, онъ и не напивался даже, а только показывалъ видъ, что необыкновенно пьянъ, хвастался. Если пьянъ, стало быть, есть на что, стало быть, деньги водятся, стало быть, человекъ онъ не кой-какой... Минай упорно стремился сохранить за собой репутацію не «кой-какого».

Поэтому, онъ всегда бушевалъ, когда напивался. Но бушевалъ онъ, такъ сказать, въ пространствѣ: оралъ, стучалъ объ столъ

булаками, словесно бѣсновался, но никого не задѣвалъ. За то, онъ фантазировалъ, и тутъ ужъ не зналъ никакого удержа. Фантазія его, и безъ того часто необузданная, въ этомъ случаѣ совершенно выходила изъ предѣловъ натурального. Онъ лгалъ, хвастался, создавалъ въ слухъ небылицы, громко мечталъ и иногда самъ запутывался въ своемъ вранѣ. Онъ фантазировалъ безразлично—передъ пріятелемъ, если онъ былъ, или передъ Ѳедосьей, если она слушала его; а иногда мечталъ самъ съ собой, въ слухъ рассказывая себѣ невѣроятные случаи того, какъ онъ поправится и заживетъ.

Начиналъ онъ всегда съ плетня. Плетень—это былъ его личный врагъ. Его онъ сломаетъ и поставитъ новый... нѣтъ, не плетень, а прямо заборъ. А старый плетень на дрова; сколько будетъ дровъ! на годъ хватить! Полкашкѣ тоже надо отдыхъ дать—бѣдный Полканъ!.. А потомъ онъ примется за избу; гнилушки—въ щепы, въ прахъ! Будетъ, послужили свой вѣкъ—и честь пора знать. Новыхъ бревенъ онъ прямо изъ города привезетъ; онъ выждетъ случай; онъ не промахнется—шалишь! Крышу онъ тесовую положить, а солому по боку. Какъ же можно сравнить тесъ съ соломой?! То тесъ, а то солома. Тесъ—любезное дѣло, а солома прѣтъ... ну, и вонь! Коровенку еще надо прикупить... расходъ большой... но за то корова! Суммы у него хватить на все. Да онъ, ежели прямо говорить, двѣ коровы купить, три! Молока тогда будетъ вдосталь, масло же... ну, масло въ городъ, по прямой линіи въ городъ, почему, что брюхо крестьянское непривычно къ нему... Молоко, простокваша—это такъ, это можно. Дунька тогда поправится; Дунькѣ тогда—лафа; Дунька тогда—сыта. А и пользы отъ коровъ ожидать должно, въ смыслѣ, на примѣръ, навоза. Тогда онъ не пожалѣетъ ста кучъ, двѣсти кучъ! Тогда этого добра дѣвать будетъ некуда—вали, знай! И хлѣбъ свой... цѣлый годъ свой! И нетолько этакій, со всѣми, на примѣръ, подостаями, а чистый, какъ слѣдуетъ, хлѣбъ... Расходу—прорва! Ну, за то лошади... Этотъ самый одѣръ, теперешній, только хвостомъ вертитъ! ты его жарь кнутомъ, дубиной его жарь, а онъ вертитъ... одѣръ естественный!.. А онъ купитъ теперь лошадь какъ слѣдуетъ... ха-аррошаго мерина! Онъ двѣ лошади купитъ! ужъ за одно, въ масть...

Минаю, повидимому, легко было обманывать себя въ пьяномъ видѣ. Воображеніе, воспламененное косушкой сивухи, дѣйствовало безъ всякой узды, и Минай могъ предаваться, безъ зазрѣнія совѣсти, лжи и хвастовству передъ собой. Но, къ удивленію, дѣло было иначе. Трезвый, Минай никогда почти не сознавалъ себя во лжи и не признавалъ себя пустомелей, тогда какъ въ пья-

номъ видѣ онъ очень часто спускался въ область дѣйствительности и нылъ. Фантастическія настроенія его куда-то исчезали, и на днѣ его пьяной души оставалось одно только ѣдкое и болѣзненное сознаніе «жисти».

По большей части, это происходило по вечерамъ, когда и грезы сосредоточиваются, и всякая боль дѣлается острѣе. Приходя домой, Минай грузно садится за столъ и опалѣлыми глазами осматриваетъ стѣны. Онъ сопить и вздыхаетъ.

Горитъ ночникъ, наполняя атмосферу копотью коноплянаго масла. Ѳедосья сидитъ за пряжей. Подлѣ нея копошится Дунька, починая какое-то тряпье. А Яшка сидитъ возлѣ двери, рядомъ съ теленкомъ и плететъ лапти. Минай сперва ничего не замѣчаетъ и ничего не отвѣчаетъ на грозное лицо Ѳедосьи.

— Дунька! вдругъ почему-то обращается онъ къ дочери, поднимая на нее отяжелѣвшія вѣки.

— Ты, тятка, пьянехонекъ... ужь молчалъ бы ни то! отвѣчаетъ Дунька, не поднимая головы и все продолжая работать надъ тряпьемъ. Дунька уже выросла; ей пятнадцатый годъ. Но ей никто не далъ бы столькожъ лѣтъ, до такой степени она мала и тщедушна.

— А я тебѣ говорю — цыцъ, дура! съ неожиданнымъ бѣшенствомъ кричитъ Минай, раздраженный возраженіемъ; но немедленно же опускается за столъ, забываетъ обиду и долго молчитъ, смотря въ пространство опалѣлыми глазами.

— Слышь, Дунька! снова вспоминаетъ разговоръ Минай.

Дунька молчитъ по прежнему; только глаза ея, устремленные на ночникъ, шуртятся.

— Слышь, Дунька! А хлѣба-то у насъ не будетъ... ни въ единомъ разѣ!

Дунька еще болѣе шуртятся и молчитъ. Молчать и другіе члены семьи.

— Не будетъ хлѣба у насъ... настаиваетъ Минай, какъ будто кто ему возражаетъ.

— Ни въ единомъ разѣ... ни въ единственномъ... продолжаетъ онъ, ни къ кому не обращаясь, и безчисленное число разъ повторяетъ: «ни въ единомъ, ни въ единственномъ». Потомъ онъ умолкаетъ, а тамъ снова начинается безконечное повтореніе:

— Не будетъ...

— Ни въ единомъ разѣ...

— Хлѣба-то...

— Не будетъ и не будетъ!.. Хлѣба-то... и не-е-е-будетъ!

Минай вдругъ начинаетъ плакать. Голова его медленно опускается на руки, лежащія на столѣ; тѣло вздрагиваетъ; изъ устъ

слышатся всхлипыванія и икота. Когда онъ снова поднимаетъ голову и смотритъ въ пространство опалѣлыми глазами, на рукавѣ его полушубка вырисовывается большое мокрое пятно.

— Легъ бы ты, Осипычъ! прерываетъ вдругъ молчаніе Федосья, и Миная скоро дѣйствительно засыпалъ.

И снова горитъ ночникъ, пропитывая смрадомъ атмосферу избы. Яшка долго еще плететъ лапти; Дунька починовываетъ тряпье, а Федосья тянетъ безконечную посконную нить.

Федосья съ теченіемъ времени дѣлалась все болѣе и болѣе молчаливою. Вѣрила ли она фантазіямъ мужа, или только тянула лямку парашкинской «жисти», никто этого опредѣленно сказать не можетъ. Лицо ея сдѣлалось угловатымъ, морщинистымъ и дряблымъ; глаза потускнѣли и стали бессмысленными, руки отвердѣли, какъ старыя подошвы. Она никогда не сидитъ безъ дѣла, все надъ чѣмъ нибудь копошится; лѣтомъ же она по прежнему—лошадь. Но всякая работа дѣлалась ею молча и тупо, какъ заведенной машиной. На ея лицѣ ничего нельзя было прочесть; только губы ея все что-то шептали, словно она съ кѣмъ-то говоритъ.

Для Миная это было все одно; онъ мало обращалъ вниманія на Федосью. Они такъ тѣсно жили, что уже не замѣчали другъ друга. Минаю и некогда было замѣчать разныя мелочи; у него едва хватало времени на то, чтобы затыкать дыры «жисти» ключьями своего воображенія. Еслибы ему велѣно было обо всемъ думать, все увидеть и понять — такъ тогда что-жъ бы отъ него осталось!

Такимъ образомъ, проблески лютаго сознанія проявлялись въ немъ только тогда, когда онъ выпивать. На другое утро послѣ этого, онъ вставалъ, какъ встрепанный и принимался за какое нибудь дѣло, и по прежнему свистѣлъ. Когда же его и въ явь въ «тверезомъ образѣ» застигаетъ трезвое сознаніе, онъ хитритъ, старается обогатъ себя и ускользаетъ отъ казни.

Онъ находитъ ресурсы обольщать себя даже и въ такихъ положеніяхъ, гдѣ онъ казался совершенно припертымъ въ стѣнѣ. Однимъ изъ такихъ обстоятельствъ были недоимки. Въ какой мѣрѣ можно мечтать объ уплатѣ ихъ? Безъ мѣры; потому что и копить ихъ онъ безъ мѣры. Миная, повидимому, это зналъ; онъ фантазировалъ въ этомъ случаѣ крайне неумѣренно, безъ всякаго воздержанія. Накопивъ недоимки въ такомъ размѣрѣ, что выплатить ихъ не представлялось возможности, онъ тѣмъ не менѣе думалъ, что это ничего,..

Здѣсь повторялась таже исторія пятерни. Онъ загибалъ пальцы и приходилъ въ восторгъ. Разъ! шепталъ онъ, отыскивая какую

*

нибудь фантастическую вѣроятность уплаты—и загибалъ палець. Два! шепталъ онъ... Три!.. Пятерня загнута и Минай успокоивается. Выходило, впрочемъ, всегда такъ, что не успѣвалъ онъ загнуть всѣ пальцы, какъ уже всѣмъ тѣломъ чувствовалъ, что его вѣдутъ въ волость...

Про него иногда распускали слухъ, въ особенности писарь Семенычъ, что онъ злонамѣренно уклоняется отъ уплаты. Кромѣ простой глупости, здѣсь заключается еще непониманіе вообще человѣка, всегда готоваго подвергнуть себя неприятностямъ, чтобы избѣгнуть мучительствъ. Кромѣ того, Минай никогда не могъ примириться съ мыслью, что онъ голышъ и взять съ него нечего. Онъ обижался, когда его называли недоимщикомъ. Онъ даже не останавливался передъ живыми увѣреніями, что онъ «чистъ», что «онъ, братъ, не любитъ этакъ-то валандаться»... Говорилъ такъ онъ, разумѣется, не съ парашкинцемъ, который могъ бы его уличить, а съ какимъ-нибудь постороннимъ человѣкомъ, не знавшимъ, что «чистый», не тропутый парашкинецъ — миѳъ, или нѣчто въ родѣ привидѣнія.

Минай любилъ хвастаться, если не тѣмъ, что онъ чистъ, то по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ будетъ чистъ. Мечтатель всегда ухитряется забывать настоящее и вперяетъ глаза только въ будущее. Минай держался именно этого способа. Возвращаясь изъ волости, онъ немедленно забывалъ, что его тамъ «тово»... Онъ принимался высчитывать мѣры и возможности къ уплатѣ въ будущемъ году, и увлекался этимъ высчитываніемъ. У него всегда оказывалось множество способовъ уплаты, и онъ неминуемо приходилъ къ заключенію, что на будущій разъ онъ чистъ. Будущее обращалось въ настоящее, фантастическія видѣнія въ фактъ, и Минай забывалъ обиду, надѣвалъ шапку на бекрень и весело свистѣлъ. И это спустя часъ послѣ «тово»!

Что всего удивительнѣе, Минай стыдился не того, что онъ вѣчно изображаетъ изъ себя лицу, а одного только имени недоимщика. Онъ въ этомъ случаѣ нисколько не походилъ на Ивана Иванова. Иванъ Ивановъ, послѣ того, какъ закопалъ на огородѣ книжки, ожесточенно плюнулъ на все и нагло отказывался отъ уплаты. Когда его спрашивали: ну что, дурья голова, пороли? Онъ отвѣчалъ:— а то какъ же. — Здорово? — Пороли-то? Пороли, братецъ ты мой, знатно; пороли, надо прямо говорить, нѣбу жарко, отвѣчалъ онъ, ковыряя пальцемъ въ трубкѣ. Для него существовало что-нибудь одно изъ двухъ: «тово», или уплата; вмѣстѣ, рядомъ эти два явленія не могли существовать. Иванъ Ивановъ такъ утвердился на этой точкѣ, что никто не въ состояніи былъ сбить его съ нея. Такъ онъ и не платилъ

хотя ежедневно думаль о недоимкахъ и ныль. Но Минай стыдился быть недоимщикомъ, и если ему не удавалось уплатить, дѣйствительно, то онъ платилъ въ воображеніи.

По этому поводу онъ всегда рисоваль себѣ картину, созерцаніе которой доставляло ему величайшее наслажденіе.

Картина была, дѣйствительно, густо окрашена. Минай стоитъ въ волостномъ правленіи и ехидничаетъ про себя; ехидничаетъ насчетъ того, какъ старшина будетъ приведенъ сейчасъ въ конфузь. О, Минай наслаждается этимъ моментомъ! Минай стоитъ поодаль отъ недоимщиковъ и высокоотърно на нихъ поглядываетъ. Старшина то и дѣло кричитъ; «валяй его!» Очередь доходить до Миная.—Минай Осиповъ здѣсь? кричитъ старшина.—Я Минай Осиповъ.—Деньги принесъ?—Минай нарочно съ злымъ умысломъ молчитъ... — За тобой, голубь мой, причитается... Ого-го! причитается, голубь мой, вонъ сколько!—Минай, молча достаетъ деньги, показывая, однако, видъ, что платить ему нечѣмъ.—А! у тебя нѣту!..—Минай медленно копошится, наконецъ, вынимаетъ требуемую сумму и бережно подаетъ ее старшинѣ. Старшина оглушенъ; это очевидно; это ясно; это видно по его вытаращеннымъ глазамъ; онъ даже слова не можетъ вымолвить!—Ну, другъ, извини... говорить, наконецъ, онъ: — я думаль... что-жъ ты молчишь, чудакъ! право, чудакъ!—Минай злорадно отвѣчаетъ:—я, Сазонъ Акимычъ, завсегда... я съ удовольствіемъ! Я этой самой пакости, прямо сказать, не люблю!—Это, братъ, хорошо... Это ужъ, на что же лучше, какъ ежели отдалъ — и чистъ.—Минай весело глядитъ и уходитъ, сопровождаемый всеобщимъ удивленіемъ...

Нарисовавъ эту картину и размазавъ ее густыми колерами, Минай уже спокоенъ за будущій годъ; только спокойствія ему и надо. Добившись его, онъ предается обычнымъ своимъ домашнимъ занятіямъ, а между дѣломъ, по прежнему смѣется, хвастается, жметъ передъ собой и передъ другими, тянетъ свою «жисть», безъ особенной тревоги и безъ смущенія, не отчаивается, во что-то вѣрить и свистить.

Съ нѣкотораго времени Минай сталъ невольно и помимо сознанія направлять свою фантазію въ другую сторону. Онъ уже готовъ былъ выйти изъ того круга ожиданій и желаній, въ которомъ весь вѣкъ топтался. Для него явился соблазнъ, которому онъ ежеминутно готовъ былъ поддаться. Передъ его глазами постоянно мелькаль живой примѣръ, надъ которымъ онъ задумывался.

То былъ Епишка.

Епишка, дѣйствительно, былъ соблазномъ, перевертывавшимъ

наизнанку всё фантазмагоріи Миная. Епишка — это человекъ, получающій во всемъ удачу. У Епишки всегда есть хлѣбъ. Епишка не нуждается въ гривенникѣ; цѣлковые сами текутъ къ Епишкѣ. Епишка пользуется уваженіемъ, ему всё парашкинцы шапки снимають. Епишку никто не трогаеть; напротивъ, онъ самъ всёхъ задѣваетъ. Епишку не сѣкутъ; у Епишки нивогда нѣтъ недоимокъ, да и платитъ ли онъ какія-нибудь подати! Епишка содержитъ кабакъ... ну, это ужъ отъ его поскудства! — но, еслибы онъ и кабака не держалъ, то и тогда онъ катался бы, какъ сыръ въ маслѣ. Но, главное, Епишка самъ по себѣ владѣеть землей—вотъ чего Минай не могъ переварить!

Кто такой Епишка? Прощалыга, который въ Сысойскѣ продавалъ воблу, вырабатывая за весь день не болѣе гривны. Тѣ парашкинцы, которые часто ѣздили на базаръ въ Сысойскъ, знавали его и раньше. Епишка въ то время выглядѣлъ необыкновенно жалкимъ оборванцемъ; просто жалко было плюнуть на него. Сидѣлъ онъ всегда около небольшой кучки протухлой воблы и жалобно заманивалъ къ себѣ пьяныхъ покупателей; лѣтомъ ли то было, или зимой, онъ вѣчно потиралъ себѣ руки, словно не надѣялся на свои рубища и боялся, что замерзнетъ. И вдругъ этотъ самый Епишка, этотъ прощалыга, этотъ торговецъ воблы, этотъ не материнъ сынъ, вдругъ онъ, по волѣ попутнаго вѣтра, приносится къ парашкинцамъ, садится на хребты ихъ и самоувѣренно говоритъ: «н-но, милые, трогай!» И парашкинцы везутъ его и, навѣрно, вывезутъ; вывезутъ туда, куда только пожелаетъ алчная душа его! Развѣ это не соблазнъ?

Минай часто надолго забывалъ Епишку; но, когда ему приходилось жутко, онъ вспоминалъ его. Епишка самъ лѣзъ къ нему, мельвалъ передъ его глазами, расшибалъ всё старыя его представленія и направлялъ мечты его въ другую сторону. Главное, Епишка во всемъ успѣвалъ; не потому ли успѣвалъ, что никакого «опчисва» у него нѣтъ?

Епишка имѣлъ землю, но не имѣлъ недоимокъ; онъ драгъ, а не его сѣкли... Этотъ рядъ мыслей неминуемо торчалъ въ головѣ Миная и смущалъ его. А далѣе слѣдовалъ новый рядъ мыслей: Епишка оборванецъ, Епишка выкидышъ; Епишка не имѣетъ ни сродственниковъ, ни знакомыхъ, ни «опчисва»... а имѣетъ землю. Почему?

Этотъ оглушительный вопросъ долго оставался безъ отвѣта въ головѣ Миная, и Минай пытался все дѣло свести къ счастью. Но это мало помогало. Далѣе Минай уже начиналъ думать, что онъ нашелъ причину удачи Епишки. Епишка ни съ чѣмъ не связанъ, Епишка никуда не прикрѣпленъ; Епишка можетъ всюду

болтаться. Вздумаетъ онъ землю снять—снимаетъ; захочетъ вонять на всю деревню кабачнымъ смрадомъ — и воняетъ. Были бы только деньги, а въ остальномъ прочемъ ему все тринь-трава. «Ахъ, дуй его горой! Ловкій шельмецъ!» оканчивалъ свои размышленія Минай.

Минай неминуемо приходилъ къ выводу, что для получения удачи необходимы слѣдующія условія: не имѣть ни сродственникововъ, ни знакомыхъ, ни «опчисва» — жить самому по себѣ. Быть отъ всего оторваннымъ и болтаться гдѣ хочешь. Это вывѣдь, который приводилъ въ изумленіе самого Миная.

Но Епишка теперь уже не гуляетъ по волѣ попутнаго вѣтра; онъ утвердился. Главная его сила въ томъ, что онъ знаетъ никого не хочетъ. Сидитъ себѣ на своей землѣ и въ усь не дуется. Онъ завелъ у себя стаи цсовъ, посадилъ ихъ на цѣпь, окопался, огородился и живетъ себѣ. Никто не смѣетъ къ нему носу сунуть, потому что онъ немедленно тяпнетъ по носу, высунувшемуся далеко. Онъ одинъ—и больше ни до кого ему дѣла нѣтъ. «Апчесвенной» тяготы на немъ нѣтъ, ни за кого онъ не болѣетъ; знай себѣ хватаетъ въ обѣ руки. И нѣтъ на него никакой узды; и чего она ни захочетъ, все у него выходитъ ладно, никто его не коритъ. «Ну, песъ! Да онъ отроститъ такое брюхо, такое брюхо»... оканчивалъ свои размышленія Минай.

И здѣсь выходитъ все одинъ конецъ. Чтобы хорошо жить, надо быть отъ всего оторваннымъ, гулять по волѣ вѣтра и все дѣлать одному и на свой страхъ. Для Миная Епишка былъ фактъ, которымъ онъ поражался до глубины души. Сдѣлавъ свой доморощенный выводъ изъ факта, онъ принимался размышлять дальше. Но здѣсь, впрочемъ, размышленія его прекращались; далѣе шли однѣ фантазіи, какъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ его размышленій былъ онъ самъ, Минай. О себѣ онъ не могъ думать; онъ только разнудывалъ свое воображеніе.

«А что, ежели удрать, къ примѣру?» спрашивалъ онъ себя и начиналъ обдумывать послѣдствія этого необычайнаго поступка. Онъ будетъ воленъ; копейку онъ станетъ зашибать ужъ лично на себя. Но что копейка? копейка — тьфу! Онъ на вѣчныя времена сниметъ землю и сидеть на ней... А приобрести землишку — дѣло не хитрое, механику-то эту онъ знаетъ! Вѣдь Епишка какъ присвоилъ? вѣдь онъ гроша за душой не имѣлъ! Такъ и тутъ... А свом землишка — ужъ лучше этого и ничего нѣтъ. Вонъ онъ, Епишка-то, какъ вознесся!.. «Безпремѣнно надо удрать, только до лѣта дотянуть, а тамъ поминай какъ звали! Безпремѣнно надо! Черезъ годикъ, черезъ

два—землишка... Тогда кланяться-то я не стану, шалишь! Хлѣбъ-отъ у меня свой тогда... Я тогда чистъ... тогда рыло-то отъ меня вороти въ сторону... тогда, живымъ манеромъ, передо мной шапку долой! Маршъ! сволочь!»

Минай вдругъ начиналъ размахивать руками; глаза его горѣли съ несвойственной ему яростью, а съ языка срывался цѣлый потокъ ругательствъ. Но тѣмъ дѣло и оканчивалось. Злоба, накипѣвшая противъ кого-то, выливалась, онъ отводилъ душу и успокоивался. А на слѣдующемъ же сходѣ честилъ Епишку.

Замѣчательно, впрочемъ, не это. Важно то, что когда онъ рисовалъ себѣ Епишку, «опчисво» на минуту являлось передъ нимъ, какъ врагъ, отъ котораго надо удрать. Всѣ его старыя понятія, или ощущенія куда-то провалились, а на ихъ мѣсто явился одинъ голый фактъ—Епишка, и ослѣплялъ Миная.

Тѣмъ не менѣе, Минай еще не собирався въ плотную послѣдовать по пути Епишки. Этому было много причинъ.

Прежде всего копейка; Минай хоть и плевалъ на нее, но яснѣе, чѣмъ кто другой, сознавалъ, что именно копейки-то и не видать ему, какъ ушей своихъ, и что безъ нея онъ станетъ всегда ѣсть странный хлѣбъ.

Удерживало еще одно представленіе. На какомъ бы мѣстѣ ни садился Минай въ своемъ воображеніи, передъ нимъ всегда мелькала такая картина: — Минай Осиповъ здѣсь? — Я Минай Осиповъ. — Ложись... Это представленіе преслѣдовало его, какъ тѣнь. Куда бы онъ ни залеталъ въ своихъ фантастическихъ поѣздкахъ, но, въ концѣ-концовъ, онъ соглашался, что его найдутъ, привезутъ и положить. Онъ, такимъ образомъ, невольно объяснялъ причину удачъ Епишки, котораго никто не трогаетъ, и неудачи Миная, котораго всюду найдутъ.

Самую же важную роль въ охлажденіи къ одиночеству играло все-таки «опчисво». Минай только на минуту забывалъ его. Когда же онъ долго останавливался на какой-нибудь картинѣ одиночной «жисти», его вдругъ охватывала тоска. «Какъ же это такъ можно? съ изумленіемъ спрашивалъ онъ себя.—Стало быть, я волкъ? И окромя, стало быть, берлоги, мнѣ ужъ некуда будетъ сунуть носа?» У него тогда не будетъ ни завалинки, на которой онъ по праздникамъ шутки шутитъ и разговоры разговариваетъ со всѣми парашкинцами, ни схода, на которомъ онъ пламенно оретъ и бушуетъ, ничего не будетъ! «Волкъ и есть», оканчиваетъ свои размышленія Минай. Тоска, понятная только ему одному, охватывала его такъ сильно, что онъ яростно плевалъ на Епишку и ужъ больше не думалъ подражать ему.

Конечно, это только временная узда. Придетъ время, когда

парашкинское общество растаетъ, потому что Епишка не даромъ пришелъ. Какъ лазутчикъ сысоевской цивилизаціи, онъ знаменуетъ собой пришествіе другого Епишки, множество Епишекъ, которые загадаютъ парашкинское общество.

Минай жилъ подъ массой вліяній, которыя дѣйствовали на него одурающимъ образомъ. Однако, Епишка, фигурирующий въ числѣ этихъ вліяній, не занялъ еще первенствующаго мѣста въ мысляхъ Миная. Епишка только еще землю захватилъ, но не успѣлъ еще прокрасться въ область мысли. Минай имѣлъ силу отбиться отъ него. Нужно видѣть, какъ онъ на сходѣ оретъ противъ Епишки! Онъ тамъ честилъ его на всѣ корки; нѣтъ брани, которая не обрушивалась бы на голову Епишки со стороны Миная. На словахъ Минай терзалъ на части Епишку.

Если Минай и мечталъ на счетъ Епишкиныхъ воровскихъ дѣлъ, то лишь въ тѣ времена, когда ему приходилось туго, когда обыденныя самообольщенія не спасали его, когда онъ готовъ былъ лѣзть въ первую попавшуюся петлю, лишь бы она душила его не въ такой степени, какъ та, въ которой онъ бился. Тугія времена дѣйствовали на него одурающимъ образомъ. Ежедневныя фантастическія настроенія тогда уже не удовлетворяли его; онъ жаждалъ въ это время чего-нибудь диковиннаго и захватывающаго духъ. Онъ старался забыть свою «жизнь» и выдумать другую, неслыханную. Всѣ мечты его принимали болѣзненный и придурковатый характеръ.

Самъ по себѣ онъ мало надѣялся; но за то онъ ждалъ; и эти ожиданія также принимали большой видъ, и со стороны казались просто глупыми и невѣжественными.

То онъ выдумаетъ, что ему позволятъ переселиться въ Азію, то онъ вѣритъ, что недомки будутъ съ него сняты, то онъ убѣждаетъ себя, что земли прирѣжутъ. Онъ ловилъ малѣйшій слухъ, который не былъ очевидно нелѣпостью и фантазировалъ на его счетъ. Показывая видъ, что онъ нисколько не вѣрилъ болтовнѣ бабъ, онъ въ тайнѣ предавался мечтаніямъ на счетъ какой-нибудь утки, пущенной какимъ нибудь солдатикомъ, и въ тоже время съ жаромъ ловилъ новую утку, волнуясь при ея появленіи до глубины души. Въ этомъ случаѣ онъ даже и не лгалъ передъ собой: онъ вѣрилъ. Это спасало его на время, позволяя ему ожидать чего-то.

Чуткость Миная къ нелѣпостямъ была необычайна. Какой бы ни проносился слухъ, Минай на лету хваталъ его и задумывался. Слухи удилъ онъ по большей части на базарѣ, отъ прохожихъ солдатиковъ, или изъ устъ господъ, съ которыми приходилось ему сталкиваться. Каждую нелѣпость, подхваченную на

лету, онъ дѣлалъ еще болѣе нелѣпно, безсознательно перевирая ее. Удержать же слухъ въ себѣ онъ не имѣлъ силы, развѣ слухъ ужъ слишкомъ нелѣпъ; онъ рассказывалъ его другимъ и незамѣтно для себя приплеталъ что-нибудь отъ себя.

Разъ онъ вылилъ душу передъ Фроломъ. Фроль былъ человѣкъ основательный, который во всякомъ дѣлѣ скажетъ вѣрное слово. Правда, говорить онъ не любилъ; но это Минаю и не больно нужно: Минай охотнѣе говорить, чѣмъ слушаетъ. Минай немного побаивался Фрола, въ особенности за способность послѣдняго обливать холодной водой; но желая во что бы то ни стало найти хотя какое-нибудь подтвержденіе копошившихся въ его головѣ нелѣпостей, онъ разболтался.

Фроль, по обыкновенію, работалъ надъ сапогами. Онъ съ теченіемъ времени сталъ шить сапоги и на другихъ, и въ этомъ дѣлѣ творилъ такіа чудеса, что приобрѣлъ громкую извѣстность. Онъ могъ сдѣлать и такіе сапоги, въ которые легко посадить человѣка, и такіе, которые негодны были никакому ребенку.

Минай часто забѣгалъ къ Фролу; придетъ, посидитъ, расскажетъ какую-нибудь фантастическую невозможность и уходитъ облегченнымъ. На этотъ разъ ему и встати было зайти: сапоги его обшлепались до такой степени, что странно было смотрѣть на его ноги.

— Ну, Фроль, къ тебѣ! началъ Минай, снимая сапогъ и подавая его Фролу: — чистая бѣда! Почини, братъ... тутотка только заплаточки!

Фроль взялъ сапогъ, внимательно осмотрѣлъ и молча подаль его обратно хозяину. Послѣдній изумился.

— Можно? спросилъ онъ, растерянно держа сапогъ.

— Нелзя.

— Какъ нелзя?! Экъ хватилъ, какъ обухомъ! Нелзя! Тутъ заплаточку, въ другомъ мѣстѣ заплаточку—анъ сапогъ и въ цѣлости... Этакій-то сапогъ нелзя? Эка!

Минай все еще растерянно смотрѣлъ на невозможный сапогъ и удивлялся, почему же нелзя починить. Онъ до сихъ поръ воображалъ иначе.

— Да ты вотки буркалы-то! сказалъ, наконецъ, Фроль, снова беря сапогъ и просовывая руку въ одну изъ его дыръ: — вотки буркалы-то! Тутъ ста заплатъ мало, а онъ съ заплаточками со своими... на!

Фроль подаль сапогъ Минаю и принялся за работу. А Минай долго еще перевертывалъ во всѣ стороны сапогъ, пока своими глазами не убѣдился, что починить его дѣйствительно нѣтъ никакой возможности. Онъ надѣлъ его. Воцарилось надолго мол-

чаніе, въ продолженіи котораго Фроль дѣйствовалъ шиломъ и съ шумомъ размахивалъ обѣими руками, а Минай безцѣльно водилъ глазами по избѣ; у него подъ ложечкой начало ныть. Фроль огорошилъ его сапогами.

— Ай земля-то рожонъ вострый показала ноне, ежели этакое сокровище вздумалъ чинить? не поднимая головы, насмѣшливо спросилъ Фроль.

— Что-жь, сокровище такъ сокровище... А что касательно земли, точно, что хлѣба, дай Господи, до Микола хватить... возразилъ Минай и совершенно смутился. Онъ сейчасъ только узналъ, что хлѣба у него чуть-чуть «до Микола хватить».

— Да, братъ, не родить наша матушка; опаскудили мы ее! продолжалъ Фроль, не работая.

— Опаскудили — это вѣрно.

— Такъ опаскудили, что и приступить къ ней совѣстно.

Разговоръ долго стоитъ на томъ, какъ и въ какой мѣрѣ парашкинцы опаскудили свою землю. Наконецъ, Фроль пережѣнилъ разговоръ.

— Земля-то не рождаетъ задаромъ.

— Какъ же можно! Ежели къ ней съ пустыми руками сунуться, такъ окромя пырею—что-жь получишь?

— Земля поитъ, кормитъ, ну, тоже и ее надо поить-кормить.

— Да какъ же безъ этого? Безъ этого бросай все—и больше ничего, подтвердилъ и Минай.

Снова настало молчаніе. На этотъ разъ оно не прошло даромъ для Миная. Эти сапоги, этотъ хлѣбъ, котораго до Микола не хватить, обезкуражили Миная. Онъ порылся въ головѣ и припомнилъ.

— Слыхалъ я... сказывалъ мнѣ на базарѣ... Какъ его? шутъ его возьми! совѣмъ изъ памяти вонъ имя-то... Какъ его, лѣшаго?.. Еще лысый мужиченко-то, семѣй дворъ у его отъ конца въ Кочкахъ. Говоря это, Минай вопросительно и съ отчаяніемъ водилъ глазами по избѣ и старался припомнить имя лысаго.

— Захаръ что ли?

— Во, во, во! Захаръ... онъ самый Захаръ и есть! Ну, сказывалъ: придѣлъ, говорить, скоро будетъ; ужъ это, говорить, вѣрно!

— Такъ, сказалъ Фроль, не отрываясь отъ работы.

— Безпрежѣнно, говорить.

— Такъ, такъ. Фроль видимо начинаетъ злиться. Когда онъ говоритъ «такъ», то всякій знаетъ, что онъ думаетъ иначе. Минай также это зналъ, и потому вдругъ пришелъ въ смятеніе

чувствуя, что хлѣба нетолько до Микола, а и до Покрова не хватить.

— Ты какъ на этотъ счетъ, Фроль? спросилъ Минай.

— Что-жь на этотъ... по моему разсужденію лучше лежа на печи сказки сказывать, а не то чтобы... возразилъ Фроль и умолекъ; такъ что Минаю, хотя и взволнованному его словами, говорить больше нечего. Онъ начинаетъ о другомъ.

— А то еще сказывалъ мнѣ онъ, этотъ самый Захаръ, быдто черную банку заведутъ, выпалилъ Минай.

На этотъ разъ пораженъ былъ Фроль. Онъ пересталъ работать и съ выпученными глазами смотрѣлъ на Миная. Какъ онъ ни привыкъ хранить все внутри себя, но сообщеніе Миная ошеломило его.

— Это что-жь такое?

— Черная банка; для черняди, стало быть, банка, для хрестьянъ, пояснилъ Минай, довольный тѣмъ, что Фроль смотреть на него во всѣ глаза.

— А для какой надобности?

— Банка-то? А гляди: желаемъ мы всѣмъ опчисвомъ прикупъ земли сдѣлать, и сейчасъ, другъ милый, первымъ дѣломъ въ банку...—Что, голубчики, надо?—Такъ и такъ, земли прикупить желаемъ.—А станете ли платить?—Платить станемъ, ужъ безъ этого нельзя.—Ну, хорошо, ребята, дѣло доброе; сколько вамъ?—Столько-то... Вотъ она какого роду банка! кончилъ Минай.

Минай во время этого поясненія поднимался, снова садился, ерзалъ по лавкѣ и волновался. Очевидно, онъ вѣрилъ въ свою «банку» и старался убѣдить Фрола въ дѣйствительномъ существованіи ея. Онъ желалъ бы еще нахвастать съ три короба о своей чудесной «черной банкѣ», но Фроль остановилъ его вопросомъ:

— А скоро?

— Заведутъ, говорить, скоро.

— Такъ.

Надо питать глубокое отвращеніе къ «жисти», чтобы схватить на лету слухъ, перелгать его и превратить въ «черную банку». Откуда Минай почерпнулъ этотъ слухъ и какъ обращался съ нимъ, неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ крѣпко осѣдлалъ его и ѣздилъ на немъ очень долго, добившись одного: онъ забылъ на время «Миколу», потому что ждалъ «черной банки».

Уходя на этотъ разъ отъ Фрола, онъ былъ въ полной увѣренности, что теперь уже не долго мотаться ему и что голодухѣ скоро придетъ конецъ. Однако, находясь уже около двери, онъ спросилъ у Фрола:

— Заплаточки, стало, нельзя?

— Никакъ нельзя, отвѣчалъ Фроль.

Это очень огорчило Миная; но, разумѣется, не на долго. Прошелъ день, и Миная снова глядѣлъ на Божій міръ легкомысленными глазами.

А легкомысліе его день ото дня становилось поразительнѣе. Фантазіи о «черныхъ банкахъ»—это еще что! Это только потребность замазать трещины «жисти». Дѣло становилось хуже. Миная все рѣже и рѣже ѣздилъ въ чудесныя сферы—некогда было. Онъ только топтался на одномъ мѣстѣ. Ему приходилось считаться *только* съ настоящей минутой, отбросивъ всѣ помыслы о будущемъ.

Онъ теперь уже жилъ изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день, не больше. Проживетъ день—и радъ, а что дальше—плевать. По большей части выходило такъ, что въ началѣ дня онъ мрачно выглядѣлъ, а подъ конецъ весело и легкомысленно хлопалъ глазами. Это происходило оттого, что въ началѣ дня или недѣли, онъ мѣтался, отыскивая полъ мѣшка муки, а подъ исходъ этого времени мука находилась. Онъ быстро переходилъ изъ одной крайности въ другую; то беззаботно свистѣлъ (мука есть), то ходилъ съ осовѣвшими взорами (муки нѣтъ). Отъ отчаянія онъ быстро переходилъ къ радости, которая была необходима, какъ отдыхъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. У Миная постоянно на готовѣ былъ мѣшокъ, съ которымъ онъ ходилъ одолажаться мукой. Приходилось толкаться въ двери барина, или Епишки, или нѣкоторыхъ другихъ богачей. Выбора не было. Но баринъ всегда нажималъ; неумѣлый, онъ то зря бросалъ деньги, то нажималъ. А Епишка былъ еще хуже; онъ просто опутывалъ человѣка такъ, что послѣ этой операціи тотъ и шевельнуться не могъ.

Думалъ Миная ѣздить по прежнему въ извозъ; но и этого нельзя. Его «естественный одѣръ» больше не годился для извоза. Миная разъ думалъ отправиться на заработки, но и это оказалось невысказано. На одну зиму уйти не стоитъ, а на годъ не пустятъ. Миная кругомъ былъ въ долгахъ, и кредиторы растерзали бы его. Онъ самъ зналъ, что уйди онъ — его найдутъ, привезутъ и положить.

Пробившись такъ нѣсколько лѣтъ, Миная совсѣмъ измотался. Вышли очень скверныя вещи. Онъ отказался платить не только недоимки—онъ ничего больше не платилъ!

— А! ты не хочешь платить? спрашивали у него.

— Н-ни магу!

Минаю уже некогда было мечтать о будущемъ. Онъ ничег

больше не желать, кромѣ одного—сохранить свои животы, хоть еще одинъ годикъ. А тамъ, что Богъ дастъ! Это не голодъ и не «жить»; это судороги.

Наконецъ, настало время, когда Минаю нельзя было двинуться ни взадъ, ни впередъ; оставалось только топтаться на одномъ мѣстѣ и прислушиваться къ урчанію желудка; настало время, когда только и оставалось, что начать помирать.

Что же это такое? Почему? Что случилось? Очень немногое. Но Минай не въ силахъ былъ понять этого немногаго, некогда было. Да и случилось это немногое гдѣ-то далеко, далеко за предѣлами парашкинскаго зрѣнія, куда даже Минаева фантазія никогда не заѣзжала. Что же это такое? спрашивалъ иногда себя Минай:—бѣда, да и только; прямо, можно сказать, ложись и помирай». Но и такія разсужденія не часто приходили Минаю. Его единственнымъ вопросомъ было: «будетъ ли завтра хлѣбово?» Съ утра до ночи онъ только и помышлялъ о томъ, скоро ли выйдетъ полмѣшка? Въ головѣ его только и торчалъ онъ одинъ, этотъ самый мѣшокъ, который выходитъ, выходитъ... вышель!

А случилось, дѣйствительно, немногое. Пришла новая масса людей и тоже предъявила права на ѣду. Впрочемъ, для какого-нибудь Миная это даже и не событіе, потому что около него не произошло никакой перемѣны...

До Миная и парашкинцевъ это событіе дошло понемногу, по мелочамъ, въ розницу и донимало ихъ по легоньку. Минай началъ помышлять о такихъ вещахъ, о которыхъ раньше онъ никогда не думалъ, хотя время и не давало ему одуматься.

Ему въ пору было лишь одно: сохраненіе живота и топтаніе на одномъ мѣстѣ. Когда онъ находилъ свободную минуту отъ мучительныхъ думъ о полмѣшкѣ, онъ отдыхалъ, т. е. фантазировалъ; а когда минуты этой не было, онъ судорожно бился, прискивая способъ обогатъ себя.

Одинъ разъ, когда Минай уже совсѣмъ было отправился въ невѣдомую область фантазмагоріи, Ѳедосья коротко заявила ему: — Займешь что ли хлѣба-то на завтра?

Это было вечеромъ въ началѣ зимы. Минай раздѣлся, разулся и полѣзъ уже на полати; но сообщеніе Ѳедосьи такъ неожиданно тягнуло его по головѣ, что онъ, какъ закинулъ босую ногу на приступку печи, такъ и окаменѣлъ.

— Хлѣба-то? Развѣ уже весь? спросилъ онъ и ошалѣлыми глазами глядѣлъ на Ѳедосью.

— Ъли и съѣли; что тутъ говорить!

— Ахъ, грѣхъ какой... весь... экъ сказала! Полмѣшка — и

весь!.. Что-жь это такое!.. Эгъ рѣзнула... весь!.. А молчала до сей поры!

Говоря эти бессмысленныя фразы, Миная бессмысленно глядѣль на Ѳедосью, безъ счету повторяя: «весь... эгъ сказала!» Но это были только слова, праздныя слова, явившіяся потому, что мысли Миная спутались, и говорить ему больше было нечего. Онъ, наконецъ, спустиль ногу съ приступка, надѣль сапоги, полушубокъ, сѣль, положиль руки на колѣни и бессмысленно впериль глаза въ пространство, переводя ихъ по временамъ на Ѳедосью. Семья была вся въ сборѣ; но никто ничего не говорилъ.

Идти за хлѣбомъ ему было некуда, онъ вездѣ задолжалъ. Много побралъ онъ и изъ «магазеи». Просить у кого-нибудь изъ своихъ стыдно и невозможно. Онъ много похваталъ мѣшковъ у барина, все подъ лѣтнюю работу. Толкнуться ему еще разъ къ барину невозможно—не повѣрять. Миная продалъ все будущее лѣто, почти ни одного дня не осталось свободнаго. А что касается Елишки, то какъ теперь къ нему пристроиться? Прогонить, непременно прогонить. Долженъ онъ ему много, ругаетъ его здорово, ну, и не дастъ онъ, ни за что не дастъ.

И уйти невозможно было Минаю. Еслибы онъ ушелъ на заработки теперь, то позади его осталась бы семья, которая помираетъ. Покинуть ее нельзя. Притомъ, разъ онъ уйдетъ, это значитъ уже на всегда провалится; семья его тогда разбредется, хозяйство пропадетъ, и онъ будетъ одинъ болтаться по свѣту, какъ старый волкъ. На Миная вдругъ напала такая тоска, что онъ не зналъ, что и дѣлать съ собой.

Въ этотъ вечеръ Миная никуда не пошелъ. Онъ раздѣлся, залѣзъ на полати и всю ночь пролежалъ, чувствуя, что тоска поѣдомъ его ѣсть.

Прошелъ слѣдующій день. Минаю совѣстно было взглянуть на кого-нибудь изъ домашнихъ. «Какой ты такой отецъ есть?» спрашивалъ онъ себя и находиль, что онъ плохой отецъ. Онъ толкался въ этотъ день въ разныя мѣста, но отовсюду былъ выпроженъ. Когда онъ воротился домой, то немедленно же, не глядя ни на кого, залѣзъ на печь и о чемъ-то разсуждалъ съ собой, часто въ слухъ.

Прошелъ еще одинъ день. Съ утра Ѳедосья жарко затопила печь и на всю деревню стучала горшками, показывая видъ, что она стряпаетъ; но изъ этого шума ровно ничего не вышло. Миная не выдержалъ и отправился къ Елишкѣ.

Елишка въ это время жилъ на хуторѣ, отстоявшемъ отъ деревни версты за три. Вечеръ былъ холодный, морозный и Ми-

наю приходилось дорогою корчиться и по временамъ прятать свои руки за пазуху. Надежды получить хлѣбъ было мало— Епишка былъ сердитъ на Миная. Минай даже старался совсѣмъ не вѣрить въ хороший исходъ просьбы; онъ ежеминутно твердилъ про себя:—«не дастъ, ни за что не дастъ!» Отчаяніе его было полное.

Но это отчаяніе, граничащее съ смертельнымъ ужасомъ, неожиданно было выбито изъ головы его. Когда онъ подошелъ къ воротамъ хутора, на него кинулась вся стая Епишкиныхъ собакъ. Это все были жирные, откормленные псы, которые начали просто бѣсноваться вокругъ Миная, оглушивъ его своимъ ревомъ. Минай съ минуту стоялъ какъ вкопанный. Но увидѣвъ, что псы вотъ-вотъ схватятъ его за глотку, онъ принялся обороняться, яростно размахивая руками. Онъ хваталъ снѣжные комья, леденныя сосульки, щепки, прутья и все это пускалъ въ остервенившуюся свору. Во время борьбы у Миная слетѣла съ головы шапка, псы немедленно подхватили и растерзали ее въ клочья. Наконецъ, ему удалось схватить длинный пруть; имъ онъ и сталъ обороняться, съ визгомъ размахивая его по воздуху.

— Что ты тутъ дѣлаешь? закричалъ Епишка, отгоняя псовъ.

— Ну, собаки! возразилъ Минай и растерянно смотрѣлъ на Епишку.

— Да что ты тутъ дѣлаешь, песъ?!

Минай оправился отъ ужаса; хотѣлъ по привычкѣ снять шапку передъ Епишкой, но только провелъ рукой по заиндевелымъ волосамъ.

— За хлѣбцемъ, Епифанъ Ивановичъ, пришелъ; за' хлѣбцемъ... Сдѣлай милость!

— За хлѣбцемъ! Вонъ какая ноне гордыня-то у насъ! Безстыжіе твои глаза! А кто м-мина?.. началъ обычную свою рѣчь Епишка.]

— Вѣришь ли... хошь подыхать... сдѣлай милость! Минай говорилъ медленно и какъ будто задыхался.

— И путь съ тобой! съ юморомъ замѣтилъ Епишка:—нѣтъ, потоль только вы и смирны, поколь лопать нечего.

Епишка, наконецъ, сжалился надъ прозябшимъ Минаемъ и повелъ его въ домъ; къ тому же ему пріятно было видѣть Миная такимъ смиреннымъ.

Епишка принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ ровно ничего не стоитъ получить по мордѣ, лишь бы заплатили за это. Сдѣлка, поэтому, скоро была заключена; Минай соглашался на все и изъявилъ готовность работать на Епишку хоть все лѣто. Епишка, въ восторгѣ отъ сдѣлки, наполнилъ Миная ча-

емъ и взаѣмнѣ разорванной собаками шапки подарить ему другую, отъ чего и Миная, въ свою очередь, немедленно повеселѣлъ и, уходя съ хутора, «покорно благодарилъ».

Была уже ночь, когда Миная возвращался домой. Морозъ былъ лютый. Но Миная ничего не чувствовалъ. Онъ пощупывалъ съ довольствомъ мѣшокъ, лежавшій у него на спинѣ и рисовалъ себѣ картину того, какъ обрадуется Дунька, Яшка и Ѳедосья хлѣбу. По обычаю, онъ пытался было засвистѣть, и если не привелъ въ исполненіе этого намѣренія, то потому лишь, что морозъ слишкомъ былъ лютъ. По временамъ, уставая, онъ снималъ со спины мѣшокъ, садился возлѣ него на снѣгъ и весело глядѣлъ. Небо было чистое, глубокое; выплыла луна; заблестали звѣзды, и Миная совсѣмъ повеселѣлъ. Онъ глядѣлъ на деревню, едва замѣтную по немногимъ огонькамъ, хлопалъ рукой по мѣшку, взглядывалъ на небо и воображалъ, что и звѣзды, мигая, радуются вмѣстѣ съ нимъ его вымученной радостью.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этой сдѣлки, домашній скоть, изба и всѣ строенія Минаева хозяйства были описаны и проданы за долги. Ѳедосья, вмѣстѣ съ Яшкой и Дунькой, осталась на улицѣ и стала думать о томъ, куда ей теперь дѣться, потому что Миная, уходя на заработки въ одну изъ столицъ, никакихъ инструкцій на этотъ счетъ не оставилъ.

Миная утекъ изъ деревни за день до того момента, когда занятый имъ у Епишки мѣшокъ муки весь вышелъ и таеъ какъ исчезновенію Миная предшествовали нѣкоторые спѣшные и таинственные переговоры съ Семеничемъ, выдавшимъ ему годовой паспортъ, то понятно, что давать подробныя инструкціи семьѣ ему и некогда было.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, однако, прислалъ письмо, гдѣ по прежнему строилъ фантастическіе замки и выглядѣлъ беззаботнымъ. Вотъ это письмо, писанное, очевидно, какимъ-нибудь «землякомъ» въ шинели и съ краснымъ носомъ.

«Любезной супругѣ моей, Ѳедосьѣ Назаровнѣ, посылаю нижайшій поклонъ до сырой земли и цѣлую ее крѣпко; и еще любезному сыночку моему шлю нижайшій поклонъ и мое родительское благословеніе, во вѣки нерушимое; и еще любезной дочкѣ моей, Авдотѣ Минаевнѣ, низко, до сырой земли кланяюсь и посылаю мое родительское благословеніе нерушимо. Заказываю я ей, Ѳедосьѣ Назаровнѣ, не тужить горько, а во всемъ полагаться на волю Господню и милостивыхъ чудотворцовъ; и пусть она дожидаетъ меня. А ноне посылаю ей деньги и приказываю сказать ей, яко-бы больше у меня нѣту. Которыя тутъ суммы на

подати посылаю, и къ тѣмъ касательства не имѣть ей, а прямо отдать въ волость; а Федосьѣ Назаровнѣ взять три цѣлковыхъ: а когда будутъ, то пошлю еще безпремѣнно. И сказать ей еще: буду къ той Святой дома, и купимъ мы избу и станемъ жить семейственно, съ нашими дѣтками».

Но эти фантастическія надежды принесли мало пользы Федосьѣ. Съ этихъ поръ, она не имѣла ни опредѣленнаго мѣстожителства, ни опредѣленной ѣды. Яшка ходилъ то въ батракахъ, то пастухомъ и самъ едва пропитывался. Дунька жила въ господскомъ дворѣ въ прислугахъ и очень мало помогала Федосьѣ.

Федосья ходила изъ двора во дворъ и кое-какъ колотилась. Работала она много, еще больше прежняго, но толку изъ этого никакого не выходило.

Она еще болѣе сдѣлалась молчаливою. Когда какая-нибудь баба украдкой совала ей кусокъ хлѣба, она не благодарила, а молча прятала милостыню, растерянно смотря въ сторону. Лицо ея совсѣмъ сморщилось, и изъ подъ платка выбивались пряди сѣдыхъ волосъ. Она все что-то шептала про себя; но ждала ли она Миная—неизвѣстно.

С. Каролингъ.

Вышла и разослана подписчикамъ II-я, февральская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНІЕ: I. Двадцатипятилѣтняя годовщина восшествія на престолъ Государя Императора, 19-е февраля 1880 г.—II. Подробный планъ ученія Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, составленный въ 1826 г. В. А. Жуковскимъ.—III. **Протоіерей Павскій**—законоучитель Наслѣдника Цесаревича (1826—1835 гг.), статья профессора Н. И. Барсова.—IV. **Кавказъ и покореніе восточной его части** (1859—1861 гг.). Изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго.—V. **Крестьянское дѣло: Начало** его въ 1856 г.—Секретный Комитетъ 1857 г.—Комитеты Главный и Губернскіе, 1858 г.—Образованіе Редакціонныхъ Комиссій, 1859 г. Изъ записокъ сенатора Я. А. Соловьева.—VI. Непремѣнные два члена Редакціонныхъ Комиссій: С. М. Жуковский и Я. А. Соловьѣвъ.—Первый предсѣдатель комиссій—Я. И. Ростовцевъ.—Министръ внутреннихъ дѣлъ—С. С. Ланской.—Товарищъ министра—Н. А. Милютинъ.—VII. **Слова Его Императорскаго Величества Государя Императора**, произнесенныя Его Величествомъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 28-го января 1861 г., передъ началомъ разсмотрѣнія совѣтомъ проектовъ законоположеній объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.—VIII. **Новые суды и Судебные Уставы** 1862—1864 гг.—IX. **Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи** въ 1855—1880 гг. Очеркъ профессора Андреевскаго.—X. **Русская историческая наука** въ періодъ 1855—1880 гг. Обзорѣніе, составилъ профессоръ В. С. Иконниковъ.—Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора **АЛЕКСАНДРА II.**

Гравировалъ въ Нидцѣ академикъ граверъ Его Императорскаго Величества Лаврентій Сѣряковъ.

Въ мартовской книгѣ «Русской Старины» будутъ, между прочими статьями, помѣщены: Записки профессора Д. И. Ростиславова (продолженіе); Записки сельскаго священника (окончаніе); статья Н. И. Костомарова и друг.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» 1880 года (одинадцатый годъ изданія) продолжается. Цѣна за 12 книгъ въ годъ—
ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Многогородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. *непрерывно* при каждой книгѣ) **восемь** руб. съ пересылкою.

Можно получить «Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книгѣ портретами. Цѣна за каждый годъ **восемь** руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семеvскій.

19 ФЕВРАЛЯ.

Событіемъ настоящей минуты служить 25-ти-лѣтній юбилей царствованія Государя Императора. Юбилейное празднованіе, естественно, наводитъ на воспоминанія о реформахъ, совершенныхъ въ теченіи этого двадцатипятилѣтія. Всѣ онѣ давно уже перестали быть новыми, вошли въ жизнь общества и сами—такъ или иначе—оказали на нее вліяніе. Короче, общій строй гражданской жизни почти во всемъ измѣнился сравнительно съ 1855 годомъ. Главною причиною такого измѣненія было, конечно, уничтоженіе крѣпостнаго права и послѣдствія этого уничтоженія какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Что касается этого послѣдняго, то несомнѣнно поднятіе нравственнаго уровня не только среди освобожденнаго крестьянства, которое можетъ теперь имѣть личную самостоятельность, работать на себя, приобретать имущество и проч., но и для всего общественнаго склада, въ которомъ прежде господствовалъ тотъ же крѣпостной духъ, дѣлившій тогдашніе образованные круги на чиновниковъ и помѣщиковъ, при чемъ такъ называемыя «свободныя» профессіи, какъ самостоятельныя и прибыльныя занятія, почти совсѣмъ не существовали.

Но эти нравственныя выгоды отмѣны крѣпостнаго права не были бы такъ очевидны, еслибы не находили гарантію своего осуществленія на практикѣ въ судебной реформѣ. Крестьянская и судебная реформы одна другую дополняютъ, и для успѣшнаго хода первой необходимо было созданіе той и другой. Нельзя себѣ представить, какая неурядица господствовала въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ, когда мировые посредники и судебные слѣдователи, окруженные старыми судебными и полицейскими учрежденіями, должны были проводить въ жизнь новыя начала—первые по опредѣленію отношеній крестьянъ

янь къ помѣщикамъ, вторые по производству слѣдствій о правонарушеніяхъ, разбирать которые должны были старые суды. Неудивительно, что учрежденіе судебныхъ слѣдователей, въ началѣ, оказалось неудавшимся, не пользовалось въ обществѣ ни малѣйшимъ сочувствіемъ, пока не вошло въ систему другихъ, новыхъ судебныхъ учреждений, и даже, по выраженію одного почтеннаго изслѣдователя, представляло собою лишній контингентъ стеновыхъ приставовъ. Учрежденіе мировыхъ посредниковъ въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ пошло удачѣе, но причиною того было лишь сочувствіе лучшихъ людей общества самому факту освобожденія—сочувствіе, побуждавшее этихъ людей къ нѣкоторому самопожертвованію, необходимому для дѣятельности, окруженной со всѣхъ сторонъ разнообразными препятствіями. Вотъ почему первый составъ посредниковъ просуществовалъ очень недолго, годъ или два. Съ открытіемъ судебныхъ и земскихъ учреждений, люди самостоятельныя и дѣлавшіе дѣло для самаго дѣла, устремились туда, и институтъ мировыхъ посредниковъ быстро палъ въ общественномъ мнѣніи. Какъ бы то ни было, всѣ эти вновь открывшіяся поприща общественнаго дѣла на первыхъ порахъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовали выгодно въ нравственномъ отношеніи на наше общество, непривыкшее вовсе ни къ какой самостоятельности, кромѣ нѣкоторыхъ, преимущественно выборныхъ, правъ дворянства.

Экономическій переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ съ землею, былъ громаденъ, и послѣдствія его очень чувствуются до сихъ поръ. Только впечатлѣніе на общество въ разные періоды этого переворота было не на всѣ сословія одинакое. Въ первый періодъ послѣ освобожденія особенно почувствовали на себѣ экономическую тягость помѣщики, изъ которыхъ большинство не въ состояніи было, безъ полнаго хозяйственнаго потрясенія, перенести замѣну дароваго труда вольнонаемнымъ. Помѣщичьи имѣнія, барскія усадьбы распродавались. Была минута, когда цѣны на земли упали страшно. Но тутъ дѣйствовала больше паника, чѣмъ правильное сознаніе положенія дѣлъ, потому что вскорѣ помѣщики поняли, что главный нервъ хозяйства съ вольнонаемными рабочими — деньги, и что успѣхъ возможенъ еще и теперь, подъ условіемъ нѣсколько болѣе скромныхъ привычекъ жизни. Правда, изъ-за недостатка денегъ, множество имѣній перешло и до сихъ поръ переходитъ въ руки купцовъ-кулаковъ, а въ южныхъ губерніяхъ—въ руки евреевъ, но болѣе дальновидные сельскіе хозяева нашли подспорье для падавшихъ своихъ хозяйствъ въ земскихъ и мировыхъ должностяхъ, соединенныхъ съ хорошими окладами. Позже, стали мало-по-малу являться и еще подспорья со стороны самихъ крестьянъ, которые частію брали въ аренду помѣщичьи земли, по недостатку своихъ, частію являлись сравнительно дешевыми вольнонаемными рабочими по той же причинѣ.

Хозяйственное положеніе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ подобно помѣщичьему, также переживаетъ, въ настоящее время, кризисъ. Упадокъ хозяйства у крестьянъ былъ обнаруженъ въ извѣстной комиссіи 1872 года. Быть можетъ, не малая доля вины въ этомъ упадкѣ приходится на дѣятельность мировыхъ посредниковъ и крестьянскихъ учреждений позднѣйшаго состава. Затѣмъ, стали слышаться нареканія на крестьянское самоуправленіе, волостные суды и проч. Заговорили о вотчинной полиціи и всесословной волости, какъ желанныхъ средствахъ исхода. Къ этому присоединялось еще стремленіе облегчить замѣну общиннаго землевладенія подворнымъ. Общій выводъ крестьянской реформы пока таковъ, что новые собственники-крестьяне нуждаются въ увеличеніи своихъ земель. Быть можетъ, поможетъ тутъ и кредитъ; но, кромѣ него, должно пожелать распространенія сельскохозяйственныхъ знаній, скорѣйшаго опредѣленія правилъ о переселеніяхъ и повѣрки современной доходности крестьянскихъ земель сравнительно съ падающими на нихъ платежами.

Результаты судебной реформы должно признать наиболѣе сильными по дѣйствию на политическій ростъ общества. Гласное судопроизводство обнаружило много нашихъ домашнихъ и общественныхъ язвъ, а впервые внесло въ русское общество сознаніе равноправности всѣхъ передъ судомъ. Учрежденіе присяжныхъ засѣдателей, несмотря на свою новизну для послѣднихъ наслоеній бюрократически-крѣпостной Россіи, несмотря даже на свою матеріальную обременительность для бѣдняковъ, особенно изъ крестьянъ, все-таки уже приобрѣло себѣ общее сочувствіе.

Земское и городское самоуправленіе до сихъ поръ находятся въ неопредѣленномъ состояніи, быть можетъ, вслѣдствіе преувеличенныхъ отъ нихъ ожиданій. Особенно это должно сказать о земствѣ. Но нельзя отрицать, что за шестнадцатилѣтній періодъ своего существованія наши земства сдѣлали не мало для мѣстныхъ пользъ, разумѣя подъ ними школы, больницы, мосты и т. п. Могли бы сдѣлать еще больше, еслибы не стѣснялась гласность земскихъ дѣйствій и еслибы не было частыхъ столкновеній съ администраціей.

Таковы главнѣйшія реформы послѣдняго двадцатипятилѣтія. Можно бы указать еще на всесословную воинскую повинность, на преобразованіе системы контроля и отчетности и т. п., но это уже вещи болѣе второстепенныя, хотя и несомнѣнно благотворнымъ образомъ повліявшія на общій строй русской жизни.

Во всякомъ случаѣ, одной крестьянской реформы было бы достаточно, что внести одну изъ славнѣйшихъ страницъ въ исторію нашего отечества, и чтобы навсегда установить прочную и неразрывную связь любви между Русскимъ Государемъ и Русскимъ Народомъ. .

Въ виду торжественнаго празднованія Юбилея, которому посвящены предыдущія страницы, какъ-то особенно тяжело и прискорбно возвращаться мыслью за двѣ недѣли назадъ, къ 5-му февралю.

Этотъ день навсегда останется памятнымъ русскому народу по новому и ужаснѣйшему изъ покушеній, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. На этотъ разъ, злоумышленіе выбрало для себя арену собственное жилище Государя Императора и по размѣрамъ и замыслу своему представляло нѣчто неслыханное.

Читателямъ нашимъ, конечно, извѣстны изъ газетъ подробности этого возмутительнаго дѣла и потому мы напомнимъ о нихъ здѣсь лишь въ краткихъ чертахъ. Вечеромъ, около половины седьмого, въ зимнемъ дворцѣ, подъ столовыми комнатами Его Императорскаго Величества произошелъ взрывъ, отъ котораго въ комнатѣ, гдѣ былъ сервированъ обѣденный столъ, приподнять паркетъ и треснула стѣна. Къ счастью, обѣдъ Его Величества, который обыкновенно бываетъ въ 6 часовъ, былъ въ этотъ день отложенъ до прибытія его высочества принца Гессенскаго, и въ минуту взрыва Государь Императоръ изволилъ встрѣчать принца, только что прибывшаго съ желѣзной дороги. Затѣмъ, изъ осмотра помѣщеній, пострадавшихъ отъ взрыва, оказалось, что онъ произошелъ въ подвальномъ этажѣ, въ которомъ значительная часть сводовъ и печь въ жиломъ помѣщеніи разрушены, двери всѣ вырваны, деревянная обшивка трубъ оторвана и тамбуръ у входа уничтоженъ; въ первомъ этажѣ, гдѣ помѣщались нижніе чины караула, оказались въ нижнемъ сводѣ потолка, имѣющемъ поверхъ еще вторые, легкіе своды, двѣ пробойны и большая часть пола провалилась; во второмъ же этажѣ, въ столовой комнатѣ, приподнять паркетъ на мѣстѣ, соответствующемъ упомянутой пробойнѣ, и треснула стѣна. Значительное число стеколъ въ зданіи дворца оказалось разбитыми. По мнѣнію экспертовъ, взрывъ произведенъ динамитомъ, количество котораго предполагается до двухъ пудовъ. Динамитъ, вѣроятно, находился передъ взрывомъ въ печи или на ней, въ жиломъ помѣщеніи нижняго этажа. Изъ бывшихъ въ караульной комнатѣ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка 10 человекъ убито и 44 ранено, въ томъ числѣ 8 тяжело.

7-го февраля, Государь Императоръ изволилъ посѣтить раненыхъ въ мѣстахъ ихъ призрѣнія, а 8-го февраля былъ совершенъ печальный обрядъ погребенія убитыхъ.

Этотъ рассказъ говоритъ самъ за себя, и намъ остается только прибавить, что повторяющіяся преступленія, независимо отъ того, что цѣль, которую они преслѣдуютъ, по истинѣ ужасна, заставляютъ русское общество жить тяжелою и ненормальною жизнью, а это не можетъ не отразиться пагубнымъ образомъ и на дальнѣйшемъ его развитіи.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЧАСТНАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Никогда еще сквозь руки нашего частнаго землевладѣнія не проскользало такой массы денегъ и никогда еще оно не чувствовало въ нихъ такой жгучей жажды, какъ нынѣ. Деньгъ, денегъ, какъ можно больше денегъ—вотъ тотъ вопль, который одинаково раздастся и въ верхнихъ и въ нижнихъ слояхъ земледѣльческаго населенія. Казалось бы, только одни крестьяне, выкупающіе землю, должны были всего сильнѣе гнаться за рублемъ, какъ единственною гарантіею отъ неприяностей, сопряженныхъ съ недоимками. Но, если обратиться къ помѣстному дворянству, которое еще до сихъ поръ сумѣло удержать за собою огромную массу земель, оставшихся за надѣломъ крестьянъ, то, пожалуй, его погоня за каждымъ лишнимъ рублемъ будетъ имѣть едва ли меньшія основанія. Это обстоятельство весьма важное, потому что касается не только народнаго хозяйства, но и многихъ другихъ сторонъ нашей общественной жизни: мы говоримъ о быстромъ возрастаніи долга на земляхъ частнаго владѣнія, которому принадлежитъ теперь столь видное участіе въ дѣлахъ нашей общественной жизни.

На сѣздѣ дворянъ Тульской губерніи, въ 1877 году, А. В. Шереметевъ, одинъ изъ землевладѣльцевъ Новосильскаго уѣзда, внесъ записку, въ которой, между прочимъ, дѣлитъ послѣреформенную исторію дворянскаго землевладѣнія на три періода: первый, по его мнѣнію, обнимаетъ время уничтоженія выкупныхъ бумагъ, полученныхъ въ обмѣнъ оборотнаго капитала—дароваго труда; второй прошелъ въ истребленіи закладныхъ листовъ, взятыхъ взамѣнъ половины капитала основнаго, т. е. земли, оставшейся за надѣломъ; третій наступаетъ теперь и состоитъ въ пріисканіи денегъ въ частныхъ рукахъ подъ вторыя закладныя. Авторъ записки при этомъ выразилъ опасеніе, какъ бы эта вто-

рая закладная не была и послѣднимъ актомъ экономической дѣятельности помѣстнаго дворянства.

Въ этихъ краткихъ и весьма опредѣлительныхъ выраженіяхъ г. Шереметевъ, повидимому, выразилъ лишь то, что уже давно было продумано и прочувствовано большинствомъ помѣщиковъ, особенно на югѣ Россіи. Но если ближе вникнуть въ исторію выкупныхъ суммъ, то окажется, что значительная часть ихъ была истреблена еще за долго до того времени, когда въ воздухъ потянуло реформю. Дѣло въ томъ, что упоминаемый г. Шереметевымъ оборотный капиталъ, въ видѣ крестьянскихъ душъ, уже былъ заложенъ въ сохранныхъ казнахъ.

У Кауфмана, въ его «Статистикѣ русскихъ баневоѣ», мы находимъ, что въ 1841 году было заложено въ названныхъ учрежденіяхъ около пяти милліоновъ душъ, а въ 1856 году число заложанныхъ душъ было еще больше 6.855,520; выданная же подъ нихъ ссуда равнялась 426 милліонамъ рублей. Таковъ былъ канунъ реформы для помѣстнаго дворянства. Эти 426 милліоновъ, какъ жалуются финансисты, отравили нашъ новый государственный банкъ, взваливъ на его плечи тяжелое дѣло ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учреждений. Эти же самые милліоны были отравой и для помѣстнаго дворянства, которому земская реформа предназначала столь видную и столь благодарную роль—стать руководителемъ въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія началъ самоуправленія.

Подушный кредитъ представлялъ массу такихъ особенностей, которыя ни коимъ образомъ не улаживались въ обыкновенныя формы кредита. Подушный залогъ имѣлъ свойство самъ очищать себя, не освобождаясь въ то же время ни отъ барщины, ни отъ оброча, и потому не могъ найти соизмѣримой величины въ выкупныхъ бумагахъ, которыми онъ долженъ былъ погашаться постѣ реформы. Эта несоизмѣримость возбуждала въ средѣ помѣстнаго дворянства не мало горькихъ чувствъ, противъ которыхъ оказывались мало дѣйствительными и многія уступки, сдѣланныя въ его пользу при практическомъ примѣненіи положенія 19-го февраля.

Подъ вліяніемъ этого горькаго чувства, землевладѣльцамъ надлежало начинать новую жизнь, въ новой еще обстановкѣ, безъ средствъ и притомъ—это всего обиднѣе—на глазахъ своихъ вчерашнихъ крѣпостныхъ, которые теперь могли безнаказанно выражать свое злорадство при каждомъ ихъ неумѣломъ шагѣ, при каждой ихъ ошибкѣ. Немногіе изъ помѣщиковъ, особенно въ первое время рѣшались выносить эту нравственную пытку въ своемъ же родномъ гнѣздѣ и массами потянулись въ города, чтобы затереться среди сѣренькой, почти безличной мѣщанско-бюрократической обстановки.

Выкупные платежи, однако же, не для всѣхъ были мнѣомъ. По 1-е января 1877 года, было выдано въ ссуду крестьянамъ 695 1/2 милліоновъ рублей; въ погашеніе же долговъ помѣщиковъ

бывшимъ кредитнымъ установленіямъ поступило всего 290¹/₂ милліоновъ рублей. Оставалось выкупной ссуды для выдачи помѣщикамъ болѣе 400 милліоновъ. Получая изъ этихъ денегъ лишь ³/₄, помѣстное дворянство располагало огромнымъ оборотнымъ капиталомъ въ 300 милліоновъ рублей, равняющимся 20% стоимости ежегоднаго посѣва и продовольствія населенія Россіи. Это былъ капиталъ чистый, свободный отъ всякихъ долговъ и поступалъ въ распоряженіе владѣльцевъ имѣній, очищенныхъ отъ всякой ипотеки.

Три года спустя послѣ реформы, на югѣ Россіи вспыхнула заря новаго поземельнаго кредита, освѣтивъ первоначально благодатныя степи Новороссіи. Возникъ, колоссальный нынѣ по оборотамъ земскій банкъ Херсонской губерніи; два года спустя, открывается въ С.-Петербургѣ еще болѣе могущественное общество взаимнаго поземельнаго кредита, за которымъ слѣдуетъ цѣлый рядъ акціонерныхъ банковъ земельного кредита: харьковскій, тульскій, полтавскій, кіевскій, нижегородскій, самарскій и пр. Починъ былъ сдѣланъ въ добрый часъ. Молодой поземельный кредитъ быстро принялся, освоился съ почвою и климатомъ Россіи и, къ началу 1877 года, опуталъ своими сѣтями четвертую часть земель частнаго владѣнія въ Россіи. Къ этому времени мы имѣли 12 земельныхъ банковъ различнаго типа, которые на перерывъ спѣшили облагодѣтельствовать частное землевладѣніе. Въ теченіи этихъ неполныхъ тринадцати лѣтъ, земельные банки успѣли выдать въ ссуду подъ сельскую недвижимую собственность въ Европейской Россіи (исключая Привислянскія и Прибалтійскія губерніи) 281¹/₂ милліонъ рублей, а крупные землевладѣльцы—заложить 14¹/₂ милліонъ десятинъ, и обременить свои земли ежегодными платежами въ 22¹/₂ милліона рублей, въ видѣ ежегодной дани банкамъ. Такимъ образомъ, благодаря земельному кредиту, привилегированность частнаго землевладѣнія, трудно сглаживавшаяся земскими сборами и государственнымъ поземельнымъ налогомъ, быстро исчезаетъ и если кредитъ будетъ расти съ тою же быстротою и въ послѣдующее время, то лѣтъ черезъ десять окончательно исчезнетъ. Въ 1876 году землевладѣльцы должны были платить банкамъ по 35 копеекъ съ каждой десятины частнаго владѣнія; земскихъ сборовъ въ тридцати трехъ губерніяхъ, среднимъ числомъ платилось по 6,6 коп. и государственнаго поземельнаго налога около 3¹/₄ коп., итого, почти 45 копеекъ съ десятины, не считая словныхъ.

Мы привыкли думать, что потребность въ поземельномъ кредитѣ всегда вызывается необходимостью увеличить капиталъ производства въ имѣніи, т. е. завести лучшій скотъ, обезпечить его лучшимъ, болѣе питательнымъ кормомъ, лучше защитить его отъ непогоды, закупить необходимыя машины и усовершенствованныя орудія для облегченія и увеличенія производительности труда рабочихъ, дать имъ лучшую пищу, а землѣ — лучшее и

болѣе обильное удобреніе и пр. Словомъ, мы полагали, что земельный кредитъ можетъ оказать дѣйствительную помощь лишь въ томъ случаѣ, когда является необходимость перейти къ высшей, усовершенствованной и болѣе доходной формѣ хозяйства. Последняя же всегда зависитъ отъ степени густоты населенія. Чѣмъ гуще, тѣснѣе живетъ населеніе, тѣмъ оно должно быть богаче, тѣмъ разнообразнѣе, дешевле и вмѣстѣ съ тѣмъ, производительнѣе трудъ и особая форма этого труда — деньги, тѣмъ дороже земля, тѣмъ болѣе затратъ требуетъ она для своей обработки и больше приносить дохода. Помня эту азбуку народнаго хозяйства, мы, конечно, должны были искать наибольшаго спроса на поземельный кредитъ и наибольшаго его развитія, главнымъ образомъ, въ нашихъ всего гуще населенныхъ губерніяхъ, лежащихъ въ полосѣ чернозема. Здѣсь, казалось, долженъ былъ быть самый сильный спросъ на ссудные капиталы и здѣсь должно быть всего болѣе заложенныхъ земель. Такова теорія, но практика говоритъ совершенно другое; до такой степени сильны и своеобразны условія помѣстнаго хозяйства, такъ могущественны, сказали бы статистики, случайныя причины, вліяющія на ходъ нашего хозяйства.

Если исключить мѣстности, гдѣ земледѣліе играетъ роль второстепенную, каковы сѣверныя и среднія нечерноземныя губерніи и гдѣ земельный кредитъ долженъ быть слабымъ по малой цѣнности земли, то для остальной земледѣльческой Россіи дѣйствительное положеніе дѣла поземельнаго кредита можетъ быть обрисовано въ общихъ чертахъ такимъ образомъ: чѣмъ рѣже населеніе и чѣмъ дальше мы будемъ углубляться въ степи юга и востока Россіи, тѣмъ большія пространства земли мы найдемъ заложенными въ банкахъ, или говоря языкомъ сельскихъ хозяевъ, чѣмъ болѣе удаляться отъ трехпольнаго хозяйства и входить въ область перелоговъ, залежей, тѣмъ болѣе наши землевладѣльцы чувствовали нужду въ деньгахъ, для веденія хозяйства, тѣмъ настойчивѣе они добивались залога своихъ земель въ банкахъ.

Среднія черноземныя губерніи составляютъ самую земледѣльческую часть Россіи. При густомъ населеніи въ 46 душъ на квадратную версту все, что могло быть распаханно, было распаханно и вся эта полоса представляется почти сплошнымъ пахатымъ полемъ. Подъ пашнею исчезли выгоны и сѣновосы до такой степени, что подъ лугами во многихъ мѣстностяхъ остались одни лишь заливные луга, которыхъ уже нельзя пахать. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курской губерніи, какъ, напримѣръ, въ Тимскомъ распаханы не только крутые склоны балокъ, но даже стали спускать пруды, чтобы на осушенныхъ пространствахъ разводить багчи, дающія хорошій доходъ. Нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи не представляется болѣе настоятельной необходимости замѣнить трехполье инымъ болѣе совершеннымъ способомъ хозяйства, какъ именно здѣсь. И, тѣмъ не менѣе, иску-

ственно поднятыя цѣны найма земли, вслѣдствіе чрезвычайно стѣсненнаго положенія крестьянъ ¹, до сихъ поръ удерживаютъ

¹ Цѣны на землю въ Тамбовской губерніи, пишутъ въ «Новое Время» (№ 1008-й), поднялись до 100 — 125 рублей, а мѣстами и выше; въ аренду десятина ходитъ кругомъ на долгіе сроки по 6 — 7 руб. и на короткіе по 8—9 руб., подъ озимое же десятина сдается за 17—18 руб. «Еще ли не житье землевладѣльцамъ! съ горечью восклицаетъ авторъ письма. Крестьяне разбираютъ земли на расхватъ за 10—15 верстъ отъ жилья. Огромная съемная плата поглощаетъ въ большинствѣ случаевъ весь доходъ съ земли и, слава тебѣ Господи, если за тяжкіе труды останется въ чистый доходъ солома да кобылье. Если же мало-мальски недородъ, то крестьянину непременно придется приплачивать. Не удивительно, что крестьянское хозяйство обогащаетъ всѣхъ, кого хотите, только не своихъ крестьянъ. Не удивительно также и то, что изъ года въ годъ сокращается у крестьянъ количество рабочаго и всякаго скота, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и производительность и той несчастной десятины, которая составляетъ фундаментъ его существованія и что, наконецъ, крестьянскій бюджетъ страдаетъ хроническимъ, постепенно увеличивающимся дефицитомъ. Результатомъ всего этого является слѣдующее: обыкновенно съ половины зимы у крестьянина уже ощущается полнѣйшій недостатокъ въ топливѣ (въ соломѣ преимущественно), въ кормѣ для скота, въ хлѣбѣ для себя и семьи. И вотъ часть крестьянской семьи идетъ побираться Христовымъ именемъ. Но такъ какъ это подспорье ненадежное, то хозяинъ волей-неволей долженъ признать и соломы, и зерна. Самое обыкновенное для него кредитное учрежденіе это—барскій дворъ, гдѣ онъ получить и то, и другое, съ обязательствомъ въ 2½, а иногда и вѣтеро болѣе противъ занятаго. Есть, по свидѣтельству того же корреспондента, цѣлыя имѣнія, въ которыхъ обработка земли производится исключительно должниками за проценты и соломѣ, такъ что весь урожай, за исключеніемъ сѣменъ, поступаетъ въ чистый доходъ землевладѣльцу. Во многихъ, преимущественно крупныхъ имѣніяхъ, обработка земли этимъ путемъ возведена въ стройную систему, такъ что обязанныхъ отработывать проценты по займамъ оказывается даже значительный избытокъ и уже самъ землевладѣлецъ распоряжается, чтобы должники отложили уплату процентовъ отработками до будущихъ лѣтъ. Есть имѣнія, гдѣ уборка земли обезпечена такимъ образомъ впередъ на три-четыре года.

Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ Курской губерніи. Нормальная цѣна на землю стоитъ теперь 150—200 руб., а наемная плата 15—20 руб. Благодаря такой дороговизнѣ земли, писалъ въ маѣ прошлаго года А. Молчановъ въ «Новое Время», здѣсь даже банки не довели помѣщиковъ до раззоренія. Вслѣдствіе тѣхъ же способовъ хозяйничанья, какъ и въ Тамбовской губерніи, погва даже въ Курской губерніи начинаетъ истощаться: прежде, въ 20—30 годахъ, овесъ давалъ 25, 30 и даже 40 копенъ, теперь даетъ 10—12, съ такою же разницею въ умотѣ. Прежде не было мужика, который бы не баловался, по выраженію одного курскаго помѣщика, пшеничкою, а теперь даже многіе помѣщики рѣшились бросить ея воздѣлываніе. Гречиха теперь не родится лѣтъ по пяти сряду, тогда какъ прежде ее не куда было дѣвать.

Наши богатства изсякаютъ, жалуются изъ той же Тамбовской губерніи («Новое Время» № 379), арендованіе начало ухудшаться. Прежде крестьяне платили часть арендныхъ денегъ впередъ, а теперь уплата впередъ стала непосильною. Отсрочки въ платежахъ за аренду все увеличиваются. Сначала уменьшались размѣры задатковъ, дагбѣ разсрочивались на болѣе долгое время платежи всей суммы арендной платы, затѣмъ земля сдавалась съ условіемъ уплаты денегъ по съемкѣ хлѣба; нынѣ же во многихъ хозяйствахъ дѣло дошло до того, что за землю, сданную въ аренду, почти ничего не получаютъ.

помѣщиковъ отъ затраты капиталовъ на улучшение хозяйства, несмотря на сокращеніе урожаевъ. Можно было бы ожидать, что при такихъ условіяхъ помѣщики, увеличившіе свои доходы вдвое, втрое противъ прежняго, не станутъ пользоваться земельнымъ кредитомъ, нужда въ которомъ предстоитъ еще впереди. Однако, на дѣлѣ мы видимъ другое: изъ 12½ миллионѣвъ десятинъ, частнаго владѣнія въ этихъ губерніяхъ заложено 3½ миллионѣвъ десятинъ, что составляетъ 27% общаго числа земель частнаго владѣнія или, говоря другими словами, изъ каждыѣхъ четырехъ десятинъ помѣщичьей земли заложена одна. Подъ залогъ этихъ земель въ ссуду выдано было болѣе 79 миллионѣвъ рублей. Если сравнить банковые платежи съ каждою заложеною десятиною, составляющіе круглымъ счетомъ 2 руб. 28 коп. съ среднею доходностію земли, по земскимъ оцѣнкамъ (2 руб. 81 коп.), то чистаго дохода землевладѣльцамъ будетъ оставаться весьма немного, особенно, когда изъ того же дохода надо уплачивать земскіе сборы въ количествѣ 15½ коп. съ десятины и государственный поземельный налогъ. Но земскія оцѣнки доходности для этой полосы очевидно весьма низки, или, наоборотъ, нынѣшняя доходность земель искусственно поднята до послѣдней возможности, и потому можно думать, что банковые платежи, даже въ нынѣшнихъ размѣрахъ, пока еще оказываются раззорительными только для стемпщиковъ-крестьянъ, а не для землевладѣльцевъ этихъ мѣстностей.

Въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ: Кіевской Подольской и Волынской, изъ 5.691,254 десятинъ, находящихса во владѣніи помѣщиковъ, заложено 1.328,687 дес., т. е. 24% всѣхъ земель частнаго владѣнія. Подъ нихъ выдано въ ссуду 31.943,925 руб. въ среднемъ по 24 руб. 4 коп. за десятину. Банковые платежи равняются здѣсь 1 руб. 92 коп. Эти три губерніи, по отношенію къ земельному кредиту, должны стоять въ болѣе правильныхъ отношеніяхъ, такъ какъ большая часть долга, сдѣланнаго землевладѣльцами, вызвана сильнымъ развитіемъ свеклосахарнаго производства.

Южными уѣздами Полтавской, Воронежской и Харьковской губерніи мы выходимъ изъ полосы трехполья, малоземелья и избытка рабочихъ рукъ и вступаемъ въ область рѣдкаго населенія (по 16 человекъ на версту), болѣе дешевой земли, болѣе дорогого труда, взаимнаго обирания и обмана хозяевъ рабочими и рабочихъ хозяевами, поземельной собственности, получившей характеръ подвижности, войны всѣхъ противъ всѣхъ, словомъ, мы вступаемъ во владѣнія кузки, суслика и кредита всевозможныхъ родовъ, видовъ и разновидностей. Въ этихъ мѣстностяхъ изъ 10½ миллионѣвъ десятинъ частнаго владѣнія заложено болѣе 4 миллионѣвъ т. е. 38,7% или изъ трехъ десятинъ одна. Подъ эти земли выдано въ ссуду болѣе 78 миллионѣвъ рублей. Есть мѣстности, гдѣ почти не осталось въ частномъ владѣніи ни одного незаложеннаго клочка земли. Одинъ изъ заемщиковъ Херсонскаго банка П. П. Сокальскій, въ сентябрѣ 1878 года, заявлялъ, что

Херсонская губернія частнаго владѣнія заложена вся; и что моментъ насыщенія кредитомъ для нея наступилъ: для поступательнаго движенія кредита, говорилъ онъ, нѣтъ болѣе поприща и назначенныя для этого колеса будутъ вертѣться въ пустошорожнемъ пространствѣ¹. Что въ этихъ губерніяхъ кредитъ ис-

¹ Тѣ же самыя приемы, та же азартная игра урожаявъ создали уже на югѣ Россіи положеніе, близкое къ критическому. Г. Бодянский, разсуждая на пятomъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ о причинахъ современнаго кризиса сельскаго хозяйства на югѣ Россіи, видитъ одну изъ нихъ, и притомъ коренную, въ системѣ вымогательства возможно большихъ доходовъ, которой не придерживаются лишь немногіе изъ землевладѣльцевъ въ Новороссіи. Хозяйства, дѣлая посѣвы не по срокамъ, нерѣдко, вслѣдствіе невозможности убрать жатву во-время, теряютъ ее на корню. Въ памятный не на одномъ югѣ Россіи урожайный 1874 г. многіе хозяева понесли большіе убытки именно вслѣдствіе весьма обильнаго урожая. Уборка хлѣбовъ на югѣ — самое трудное время: хозяева, для найма рабочихъ, мечутся, отыскивая денегъ и, конечно, могутъ находить ихъ лишь на весьма обременительныхъ условіяхъ подъ запорожу на корню за безцѣнокъ своей часто роскошной жатвы, и, оставаясь, по обыкновенію, въ убыткѣ. Почва, истощаемая этимъ, такъ называемымъ изъ деликатности, коммерческимъ способомъ хозяйства, конечно, даетъ урожай все слабѣе и слабѣе, барыши поэтому уменьшаются, что, въ свою очередь, побуждаетъ къ дальнѣйшему расширенію посѣвовъ, къ увеличенію ставки на карту. Урожай и нѣсколько удовлетворительное состояніе рынка рабочихъ рукъ, что бываетъ, однако же, очень рѣдко, позволяютъ иногда сразу выигрывать крупныя куши, за которыми неизбѣжно слѣдуетъ сокращеніе посѣвовъ, такъ какъ при хорошемъ урожаѣ никогда не бываетъ достаточнаго количества рабочихъ, чтобы утолить жадность землевладѣльцевъ. Для привлеченія рабочихъ въ это время пускаются всѣ средства, какія только можетъ придумать изобрѣтательность еврея-коммиссіонера. Какимъ возвращающимъ образомъ все это дѣйствуетъ на рабочихъ, можно судить по той глубокой взаимной ненависти, которую искренне питаютъ хозяева и рабочіе другъ къ другу, какъ было заявлено на пятomъ съѣздѣ.

Но это одна сторона дѣла, чисто земледѣльческая. Южный хозяинъ имѣетъ дѣло еще съ арендаторомъ, съ десятинщикомъ, съ обладателями ссудныхъ капиталовъ, ростовщиками, банками. Перенесемся на берега тихаго Дона и приглядимся нѣсколько пристальнѣе къ самому ходу работы кредита на югѣ. Вотъ что писали оттуда въ «Московскія Вѣдомости» въ 1876 году (№ 426): 1870 годъ былъ роковымъ для донскаго хозяйства. Въ этомъ году праздновался 300-лѣтній юбилей войска и срочные участки (которыхъ, по свѣдѣніямъ 1871 года, было 1.187,898 десятинъ) были пожалованы въ потомственное владѣніе. Получивъ голую землю въ свое неограниченное владѣніе, большинство новыхъ собственниковъ массою кинулись закладывать и продавать участки, сбывая цѣну до смѣшнаго минимума. Банки земельныя и общества взаимнаго кредита выдавали ссуды подъ эти участки по существовавшей цѣнности на землю, не принимая въ расчетъ количества предложеній». По словамъ того же корреспондента, на протяженіи какихъ-нибудь 105 верстъ, въ городахъ Новочеркаскѣ, Ростовѣ и Таганрогѣ выросло девять банковъ, услужливо снабжавшихъ деньгами изъ 9, 10 и даже 12% въ годъ, которые должны были уплачиваться изъ урожая. Вся надежда поправиться основывалась на урожаѣ и землевладѣльцы буквально начали играть на урожай, какъ играютъ въ банкъ. Если отыграться такимъ образомъ не удалось, то на выручку готовы новыя кредиторы: вексель и заемное письмо оказались вещь слишкомъ старомодною и

черпанъ, можно уже судить потому, что банковые платежи, равняющіеся здѣсь 1 руб. 50 коп., превышаютъ опредѣляемую земствами доходность на 8 коп. Слѣдовательно, на уплату земскихъ сборовъ по 10¹/₄ коп. съ десятины, повидимому ничего не остается.

Еще большій успѣхъ достигнуть земельнымъ кредитомъ въ нижеволжскихъ и заволжскихъ губерніяхъ, имѣющихъ въ этомъ отношеніи много сходства съ Новороссією. Рѣдкое населеніе этихъ мѣстностей, 11-ти человекъ на квадратную версту, пугливо жметса въ огромныя, но весьма рѣдкія селенія, и какъ бы боится разбрестись особенно за Волгою по необозримымъ степямъ, теряющимся въ глубинѣ Средней Азіи. Чѣмъ объяснить эту жадность поземельнаго кредита къ захвату степей частнаго владѣнія въ этихъ губерніяхъ, какъ не тою же спекуляціею на урожай, что въ Новороссіи. Благодаря единственно этому, кредитъ успѣлъ уже наложить свою руку на 3.115,000 изъ 7.947,313 десятинъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и взвалить на эти земли долгъ въ 33.188,057 руб. Положеніе землевладѣльцевъ въ этихъ губерніяхъ, однако же, гораздо менѣе затруднительно, чѣмъ на югѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что критическое время, переживаемое нынѣ Югомъ Россіи, скоро наступитъ и для Заволжья.

И такъ, мы имѣемъ въ залогъ земель:

1) Въ *среднихъ черноземныхъ губерніяхъ* ¹ 3.411,894 десятины изъ 12.416,245 дес. частнаго владѣнія. Подъ нихъ выдано въ ссуду 97.060,014 рублей. Ссуда на каждую десятину заложеной земли среднимъ числомъ простирается до 28 рублей 48 коп., банковыхъ платежей 2 руб. 28 коп., а средняя доходность земель въ этихъ губерніяхъ по земскимъ свѣдѣніямъ опредѣлена въ 2 руб. 81 коп., земскихъ сборовъ среднимъ числомъ уплачивается по 15¹/₂ коп. съ десятины. Если прибавить сюда государственный поземельный налогъ, то каждая десятина, заложеной въ банкахъ, должна изъ своего дохода въ 2 руб. 81 коп., уплачивать 2 руб. 47 коп. Землевладѣльцу же остается 34 копейки.

2) Въ *юго-западныхъ губерніяхъ* ² 1.328,687 дес. изъ 5.691,254 дес. Подъ нихъ выдано въ ссуду 31.943,925 руб. Ссуда на каждую десятину 24 руб. 4 коп., банковыхъ платежей 1 руб. 92 коп. Средняя доходность десятины 3 руб. 22 коп.

3) Въ *южныхъ степныхъ* ³ 4.073,329 десятинъ изъ общаго

были совершенно изгнаны изъ употребленія; деньги занимать подъ фиктивные контракты, запродажныя записи и тому подобныя акты съ неустойками, превышающими всякое вѣроятіе. Корреспондентъ названной газеты самъ былъ очевидцемъ мировой сдѣлки землевладѣльца съ ростовскимъ грекомъ въ 3,500 по иску въ 150,000 рублей.

¹ Сюда входятъ губерніи: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская.

² Волынская, Кіевская, Подольская.

³ Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Донская область.

числа 10.525,225 дес., находящихся въ частномъ владѣніи. Подъ эти земли выдано въ ссуду 78,294,700 руб., банковаго долга на десятины 19 руб. 24 коп. Средняя доходность по земской оцѣнкѣ 1 руб. 46 коп., банковыхъ платежей 1 руб. 54 коп., земскаго сбора съ десятины 10 $\frac{1}{2}$ коп. Такимъ образомъ, землевладелецъ платитъ съ заложенной десятины до 1 руб. 68 коп., дефицитъ 22 коп. съ десятины.

4) Въ *нижневолжскихъ и заволжскихъ* губерніяхъ ¹ 3.114,758 десятины изъ 7.947,313, принадлежащихъ помѣщикамъ. Подъ нихъ выдано въ ссуду 33.188,057 руб., изъ коихъ на каждую десятину заложенной земли приходится долга банкамъ 10 руб. 66 коп. Банковые платежи 85 коп., земскіе сборы 8 $\frac{1}{4}$ коп. ². Всѣхъ же платежей 96 коп. Доходность земли 1 руб. 16 коп., въ остаткѣ изъ дохода 20 коп. съ десятины.

Это голое изложеніе цифровыхъ выводовъ относительно дѣятельности поземельнаго кредита за первые тринадцать лѣтъ такъ полно красотами, такъ живо характеризуетъ положеніе дѣла, что добавлять отъ себя еще что либо было бы совершенно излишне. Замѣтимъ мимоходомъ лишь одно. Пока государство собирается по возможности равномерно распредѣлить тяготы нашихъ финансовъ на всѣ сословія, поземельный кредитъ, болѣе живой, подвижный, чѣмъ всѣ вообще комиссіи, а въ томъ числѣ и податная, успѣлъ уже обложить въ пользу свою четвертую часть земель частнаго владѣнія и если комиссія не поторопится, то къ половинѣ восьмидесятихъ годовъ землевладѣльцамъ нельзя будетъ и полущки удѣлить въ пользу государства.

Цифровые выводы, полученные здѣсь, можно изложить въ слѣдующемъ очеркѣ настоящаго положенія сельскаго и полевого хозяйства, мастерски набросанномъ А. С. Ермоловымъ въ его новомъ трудѣ подъ заглавіемъ: Организация полевого хозяйства. Подчеркнемъ въ этой главѣ нѣсколько наиболѣе характерныхъ мѣстъ. «Съ отмѣною крѣпостнаго права сельское хозяйство внезапно очутилась на новой почвѣ, къ которой оно не было приготовлено, для которой не было запасено хозяевами ни знанія, ни капитала, произошелъ извѣстный кризисъ. Принужденные отказаться отъ эксплуатаціи дароваго труда и не умѣя организовать своихъ хозяйствъ на правильныхъ сельско-хозяйственно-экономическихъ основаніяхъ, хозяева обратились тогда къ *эксплуатации силъ природы*. Центръ тяжести сельско-хозяйственнаго производства перемѣстился туда, гдѣ можно было получать доходъ опять таки безъ правильной организаціи имѣній, безъ труда, безъ знаній, безъ затратъ, благодаря одному только естественному плодородію почвы. Стоимость земель въ сѣверныхъ и среднихъ нечерноземныхъ губерніяхъ, откуда помѣщики бѣжали, упала

¹ Казанская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Уфимская.

² Для губерній Казанской, Саратовской, Симбирской, Уфимской.

мѣстами едва ли не до нуля; въ тоже время, въ большей части средних и южныхъ черноземныхъ губерній, наиболѣе плодородныхъ и потому требовавшихъ всего менѣе труда и затратъ, цѣнность земель стала возрастать съ невѣроятною быстротою. Но и въ этихъ губерніяхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, *доходность имѣній*, помимо плодородія почвы, *обусловливается* почти исключительно двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тою *неизбѣжною необходимостію*, въ которую поставлены крестьяне, вслѣдствіе густоты населенія, отсутствія заработковъ, низкой цѣны рабочей платы, *нанимать у помещиковъ землю по цѣнѣ, какую они назначатъ*. Цѣны эти, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно высоки и далеко не всегда покрываются продуктами, получаемыми съ земли; напротивъ того, онѣ зачастую не окупаютъ затратъ и не вознаграждаютъ труда, положеннаго крестьяниномъ на обработку земли. Известно, что нерѣдко у насъ, въ этихъ именно благословенныхъ губерніяхъ, крестьяне остаются довольны уже тогда, когда на снятой землѣ ихъ трудъ хотя только оплачивается. *Низкая заработная плата* — другое, что даетъ возможность для нашихъ хозяевъ существовать и получать доходъ, при обыкновенныхъ нашихъ условіяхъ хозяйства. При существующемъ въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи обычаѣ дешевой наемки рабочихъ съ зимы, *расходъ на рабочую силу у насъ доведенъ до минимума*. Правда, работы при этомъ исполняются дурно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ не исполняются, но изъ того, что этотъ обычай удерживается и, повидимому, еще годъ отъ году укрѣпляется, можно заключить, что хозяева все-таки предпочитаютъ двѣлствоваться такою невѣрною и плохую работою, вмѣсто того, чтобы измѣнить систему и весь строй своихъ хозяйствъ и организовать потребную имъ рабочую силу на такихъ условіяхъ, при которыхъ трудъ рабочихъ вознаграждался бы правильно и были бы обезпечены интересы обѣихъ сторонъ».

Ботъ безпристрастное свидѣтельство одного изъ нашихъ передовыхъ сельскихъ хозяевъ ¹.

Нужно ли говорить о послѣдствіяхъ, въ которыхъ приводить нынѣшнее положеніе частнаго землевладѣнія? Результаты коммерческаго веденія хозяйства, по отношенію къ почвѣ, одинъ изъ южныхъ землевладѣльцевъ рисуетъ въ слѣдующихъ, быть мо-

¹ В. В. Черняевъ, въ своихъ «Бѣглыхъ очеркахъ нѣсколькихъ хозяйствъ», напечатанныхъ, въ 1876 году, въ журналѣ «Сельское хозяйство и дѣловодство», съ величайшею похвалою отзываясь о хозяйствѣ А. С. Ермолова въ его имѣніяхъ Бобровскаго и Воронежскаго уѣздовъ Воронежской губерніи. «Мы видѣли, говоритъ г. Черняевъ:—примѣръ того, въ какихъ хорошихъ результатахъ можетъ привести трудъ хозяина, дѣйствующаго осмысленно, при затратѣ сравнительно весьма небольшого капитала. Здѣсь мы ни разу не слышали жалобъ на безвыходное положеніе относительно рабочихъ, дороговизну ихъ, на крайнюю ихъ неисполнительность — жалобъ, которыя намъ приходилось слышать въ нѣкоторыхъ другихъ имѣніяхъ».

жетъ, нѣсколько преувеличенно темныхъ краскахъ. Среднеазиатская пустыня подвигается медленно, но неуклонно въ нашу сторону и грозитъ окончательно поглотить плодородныя равнины Южной Россіи. Гдѣ былъ тучный, прибыльный малороссійскій «степь», тамъ водворяется сожженная солнцемъ степь со всѣми ея ужасами: безплодіемъ, безводіемъ, вредными для культуры животными и скотскими падежами, происходящими, главнымъ образомъ, отъ безкормицы и недостатка хорошихъ водопоевъ. Мы ничего не сдѣлаемъ и не дѣлаемъ, чтобы остановить ея движеніе; напротивъ, сами растворяемъ ей настѣжь ворота, уничтожая на пути ея всѣ преграды¹.

Что же касается эксплуатаціи одного земледѣльческаго класса другимъ, то послѣдствія его очевидны, разореніе сначала эксплуатируемаго класса, а затѣмъ и эксплуатирующаго. Торопливый, нервическій сбытъ крестьянскаго хлѣба за что попало роняетъ цѣны и на хлѣбъ помѣщиковъ; въ результатѣ—общій недочетъ въ доходахъ, а при крайней нуждѣ въ деньгахъ для тѣхъ и другихъ — продажа запасовъ продовольствія. Берется поэтому больше, чѣмъ можно было дать. Отсюда колоссальное расхищеніе основнаго капитала народнаго хозяйства. Эксплуатація силъ природы и бѣдственнаго положенія крестьянина—таковы въ сущности выводы, зачатнывающіе нынѣшнее положеніе частнаго хозяйства въ Россіи.

Куда же дѣвались огромные капиталы, полученные частнымъ землевладѣніемъ въ послѣднія двадцать лѣтъ? Состояніе хозяйства землевладѣльческаго не даетъ намъ права думать, чтобы на нихъ была затрачена даже сотая доля изъ того полумилліарда, который былъ полученъ взамятъ дароваго труда и подъ залогъ земли. Утверждать, что эта масса денегъ изведена на агрономическіе опыты, какъ утверждалъ г. Шереметевъ въ своей запискѣ, значило бы отказывать землевладѣльцамъ въ присутствіи не только здраваго, но и всякаго смысла. Не дворянство ли само было ближайшимъ сотрудникомъ во всѣхъ преобразованіяхъ нынѣшняго царствованія, не ему ли поручено, предпочтительно передъ всѣми другими сословіями, вѣдать мѣстныя пользы и нужды, въ лицѣ земскихъ учреждений? Подобное объясненіе было бы и оскорбительно, и несправедливо. Не лучше ли искать корень зла въ томъ, что оно бросило безъ призора свои земли, или же поручило ихъ невѣждамъ-управляющимъ и экономамъ, которые, во имя своихъ хозяевъ, обдираютъ мужика до послѣдней нитки, до послѣдняго зерна и закабаляютъ его на три, на четыре года впередъ за взятую займы четверть хлѣба. Исключенія, конечно, бываютъ всюду. Объ уродливомъ типѣ помѣщика-кулака даже появлялось кое-что въ печати, а это не типъ, а единичный случай. Даже тамъ на Югѣ, гдѣ въ пылу азартной игры, въ кото-

¹ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1879 г., № 189, г. Алферава: «О положеніи сельскаго хозяйства въ юго-восточномъ краѣ».

рую, къ сожалѣнiю, вдались крупныя землевладѣльцы, и во время которой такъ легко забыться, особенно при неудачахъ, даже тамъ, къ чести помѣстнаго дворянства связать, типъ мiроѣда ему не извѣстенъ, что и было, какъ намъ говорятъ и опять несправедливо, причиною паденiя этого сословія. Неужели въ самомъ дѣлѣ условія жизни на югѣ Россіи таковы, что непременно нужно принадлежать къ пожирающимъ, если осталась еще привязанность къ жизни? Не мiроѣдъ или ростовщикъ погубятъ нынѣшнее помѣстное сословіе, а ихъ отвращеніе лично вести свое хозяйство или, говоря точнѣе, имѣть дѣло съ своимъ недавнимъ крѣпостнымъ, какъ съ человѣкомъ свободнымъ, отвращеніе, которое до сихъ поръ еще сохранилось подъ разными формами. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ живетъ у себя въ имѣнiи, все хозяйство обыкновенно ведется черезъ приказчика, который всегда сдумѣетъ свалить самую неприятную сторону дѣла на хозяина. Приказчикъ выдаетъ въ суду хлѣбъ нуждающимся крестьянамъ за диковинные проценты, приказчикъ сдумѣетъ заставить крестьянина проработать цѣлое лѣто за охалку хвороста и положить наемную плату въ свой карманъ, приказчикъ сдумѣетъ испортить и машины, особенно если онѣ грозятъ сокращеніемъ числа рабочихъ. Все это онъ сдумѣетъ сдѣлать въ присутствіи хозяина, если только послѣдній привыкъ лишь подводить конечные результаты хозяйства, учитывать лишь прибыли и убытки. Но приказчикъ—избранный, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, изъ малограмотныхъ проходимцевъ случайно, чаще по дешевизнѣ—не сдумѣетъ лишь поставить хозяйство на правильную ногу, стать въ разумныя отношенія къ окружающему. Прижимки, дожимки и набиваніе себѣ всѣми неправдами кармана, вотъ предметы, на которыхъ чаще всего сосредоточивалась его мысль и сдумѣла разработать ихъ до виртуозности.

Наша хозяйственная литература въ настоящее время уже достаточно знаетъ примѣровъ того, какъ иногда достаточно бываетъ землевладѣльцу, получившему общее образованіе, побороть это чувство, чувство отвращенія къ непосредственному веденію дѣла, чтобы хозяйство превратилось почти мгновенно изъ убыточнаго въ доходное. А. В. Совѣтовъ, въ очеркѣ своего агрономическаго путешествія по черноземной полосѣ, описываетъ, между прочимъ, хозяйство князя В. И. Васильчикова въ с. Трубетчино Тамбовской губерніи Лебедянскаго уѣзда. До крестьянской реформы это имѣніе, въ 9 тысячъ десятинъ земли, давало дохода среднимъ числомъ до 14,000 рублей, въ теченіи слѣдующихъ лѣтъ послѣ реформы, тоже имѣніе, сократившееся вслѣдствіе отрѣзки земли крестьянамъ до 5-ти тысячъ десятинъ (въ томъ числѣ 2,000 дес. лѣса), приносило дохода среднимъ числомъ 28 тысячъ; въ началѣ же семидесятыхъ годовъ, доходъ отъ имѣнiя возросъ до 100,000 рублей. Изъ описанія можно заключить, что доходъ извлекался лишь благодаря знанію и труду, а не на

счетъ обѣднѣнія сосѣднихъ крестьянъ, какъ это обыкновенно практикуется въ хозяйствахъ Тамбовской губерніи.

Кромѣ единичныхъ образцовыхъ хозяйствъ изъ различныхъ угловъ Россіи, можно указать и на цѣлый оазисъ, состоящій изъ нѣсколькихъ уѣздовъ, гдѣ въ выборѣ способа хозяйства, говоря словами М. В. Неручева, проведена опредѣлительная черта между тѣмъ, гдѣ кончается дѣятельность сельско-хозяйственная, развитіе которой можетъ приносить пользу всѣмъ сторонамъ, участвующимъ въ производствѣ, и гдѣ начинается дѣятельность барышническая, ростовщическая. Этотъ оазисъ состоитъ изъ трехъ уѣздовъ Грязовецкаго, Вологодскаго и Кадниковскаго. Благодаря нѣсколькимъ ученикамъ изъ основанной Н. В. Верещагинимъ Едимоновской молочной школы, въ этихъ трехъ уѣздахъ быстро развилось молочное дѣло, которое съ перваго же раза было такъ поставлено, что крестьяне получили возможность почти тотчасъ же примкнуть къ нему: взглядъ на содержаніе скота сталъ измѣняться кореннымъ образомъ; стали вводить травосѣяніе, хозяйство оживилось и цѣнность земель въ послѣднее время поднялась въ полтора раза. Жалѣютъ ли помѣщики, что крестьяне не превращены въ воздушный народъ и батраковъ, думаютъ ли крестьяне о всеобщемъ передѣлѣ земли?

Куда же дѣвались капиталы, полученные помѣщиками въ послѣднія двадцать лѣтъ? Мы сказали, что самымъ тяжкимъ грѣхомъ ихъ передъ родиною былъ абсентеизмъ, было бѣгство изъ имѣній и, конечно, не съ пустыми руками. Они уносили съ собою и выкупныя бумаги, и деньги, полученные подъ залогъ имѣній. Даже на югѣ Россіи, гдѣ помѣщики лично присутствуютъ при разореніи своихъ имѣній прикащиками, и тамъ, какъ было заявлено на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Одессѣ, землевладѣльцы не затратили и десятой части изъ капиталовъ, полученныхъ въ ссуду. Что же сказать о донскихъ землевладѣльцахъ, а еще болѣе о самарскихъ и оренбургскихъ, изъ которыхъ многіе ни разу не были въ имѣніяхъ. Да и какія затраты въ степяхъ, гдѣ хозяйство ведется черезъ посредство цѣлой лѣстницы арендаторовъ, изъ которыхъ лишь самый крупный имѣетъ дѣло съ довѣреннымъ отъ помѣщика? Не лучше ли предположить, что капиталы землевладѣльцевъ почти полностью оставались въ городахъ, гдѣ послѣ реформы дѣла также было не мало. Съ появленіемъ выкупныхъ бумагъ въ рукахъ у помѣщиковъ, какъ извѣстно, совпадаетъ первый приступъ учредительской лихорадки, какія сословія доставили наибольшій контингентъ участниковъ въ этой еще новой игрѣ и неужели помѣщики, бѣжавшіе изъ имѣній, ограничивались поѣданіемъ выкупныхъ бумагъ, смиренно сидя на диванахъ въ своихъ городскихъ квартирахъ? Выкупные платежи послужили дрожжами для закваски различныхъ кредитныхъ учреждений; они дали своимъ владѣльцамъ возможность со всею пылею русскаго человѣка броситься въ круговоротъ спекуляцій на все, даже на поземельную собственность. И вотъ мы

видимъ массы дворянъ въ числѣ концессионеровъ, учредителей, директоровъ, членовъ правленій, различныхъ кредитныхъ и торговопромышленныхъ предпріятій, прямо рассчитанныхъ или на эксплуатацію земли, или населенія.

Такимъ образомъ, сословіе, преимущественно передъ прочими призванное къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ польвъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, отказалось, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ, болѣе образованныхъ и способныхъ представителей, отъ этого ближайшаго участія въ дѣлахъ земскаго устройства и поспѣшило стать въ ряды нарождавшейся тогда плутократіи—этого сословія существенно космополитическаго, глухаго къ скорбямъ и радостямъ своей родины.

Не всѣмъ, конечно, удалось примкнуть къ этому новому потоку, многіе были затерты, смяты, потеряли все, что имѣли, и если не удавалось пристроиться на государственной службѣ, то озлобленные возвращались въ свое заглухшее, заброшенное пепелище съ развившеюся безъ границъ жаждою денегъ, отвыкшіе сосредоточиваться на одномъ дѣлѣ и рѣшительно незнакомые съ трудомъ. Своя родовая усадьба, свое имѣніе представлялось этимъ невольникамъ отшельникамъ чѣмъ-то въ родѣ не то арестантской, не то этапа или засады въ охотѣ за окладомъ. Земская дѣятельность, для этихъ неудачниковъ и отсталыхъ изъ арміи искателей окладовъ, тоже представлялась лишь въ видѣ окладовъ. Можно оказаться негоднымъ въ частной службѣ, гдѣ требуется знакомство съ дѣломъ, исполнительность и аккуратность, т. е. не только болѣе или менѣе значительный запасъ знаній, но и навыкъ къ труду, можно быть выгнаннымъ по неспособности даже изъ государственной службы, но въ земствѣ всегда найдется мѣсто, если имѣется достаточное количество десятинъ земли, хотя бы заложеной и перезаложеной, обремененной и закладными первыми, и вторыми, запродажными записями, и другими обязательствами, которыя ставятъ должника въ полнѣйшее распоряженіе ростовщика, барышника, кулака. Опытный ростовщикъ, имѣющій возможность опутать крупныхъ землевладѣльцевъ своими ссудами, можетъ дѣлать съ земствомъ, что захочетъ. Онъ проведетъ и желѣзную дорогу къ своему заводу, подъ гарантію земства и сдѣлаетъ что угодно, если только въ числѣ гласныхъ будетъ нѣсколько изъ его неисправныхъ должниковъ.

Все это чувствуется, особенно же на югѣ Россіи, крупными землевладѣльцами, которые заложили и перезаложили все, что можно, не исключая скота и прочаго инвентаря. Крупное землевладѣніе ограблено собственными руками землевладѣльцевъ, говорилось на пятомъ сѣздѣ, и отдано въ кабалу разнымъ счастливымъ міра сего: банкирамъ, биржевымъ игрокамъ, основателямъ банковъ, получающимъ преміи за свои мудрыя учрежденія, и другимъ лицамъ, властвующимъ закладными листами, но не имѣющимъ, да и не могущимъ имѣть никакого отношенія къ со-

стоянію той промышленности, которая вырабатываетъ проценты на ихъ капиталы. Землевладѣніе, разъ запутавшись въ кредитъ, неизбѣжно должно погрязать въ немъ все болѣе и болѣе, пока не утонетъ въ этой бездонной пропасти.

А. В. Шереметевъ еще раньше сѣзда высказывалъ опасеніе, что не будетъ ли вторая закладная, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отходною для помѣстнаго дворянства. Вторая закладная можетъ быть, дѣйствительно, страшна для землевладѣльцевъ, особенно въ нынѣшнемъ ея видѣ, неорганизованнаго кредита. На истинной родинѣ поземельнаго кредита, въ Пруссіи, эти вторыя закладныя регулированы прекрасно. Тамъ есть цѣлая серія банковъ, специально выдающая ссуды подъ документы этого рода, вслѣдствіе чего тамъ нерѣдко встрѣтитъ имѣнія, заложенные за сумму, которая значительно превышаетъ стоимость имѣнія, и землевладѣльцевъ, превращенныхъ въ простыхъ сборщиковъ и передатчиковъ доходовъ съ своихъ земель. Такимъ образомъ, есть еще возможность превратиться въ агента земельного банка и сохранить за собою, по крайней мѣрѣ, титулъ землевладѣльца, а слѣдовательно, и значительныя политическія права, сопряженныя съ землевладѣніемъ. На югѣ, повидимому, позабыли объ этомъ; однако же, твердо убѣжденные въ томъ, что спасти отъ напастей кредита можетъ только кредитъ, южныя сельскіе хозяева стали разрабатывать переходныя формы кредита, среднія между поземельнымъ и коммерческимъ. До какой степени тонкости и изящества въ разработкѣ этого предмета дошли на пятомъ сѣздѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго: въ засѣданіи перваго отдѣленія, 10-го декабря, избранный предсѣдателемъ А. М. Бухтѣевъ весьма успѣшно доказалъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ, даже несмотря на вторую закладную, еще можно найти кредитивную способность. Даже въ крайнихъ примѣрахъ затрудненія, говорилъ онъ, тамъ, гдѣ земли заложены въ банкахъ, обременены вторыми закладными и владѣльцы ихъ выпустили векселя на себя, тамъ, гдѣ даже круговая порука безсильна, для обезпеченія исправности платежей, и въ этихъ крайнихъ случаяхъ можно найти, по крайней мѣрѣ, временную кредитивность, это въ то время, когда земледѣлецъ собралъ свою жатву. Развѣ можно отказать въ нѣсколькихъ сотняхъ рублей подъ залогъ пшеницы? Этою кредитивностію, по мнѣнію г. Бухтѣева, и нужно пользоваться, на ней и строить заботы о кредитѣ для сельскаго хозяйства. Съ свойственною ему ясностію онъ формулировалъ свое предложеніе относительно учрежденія сельско-хозяйственныхъ товариществъ, которое потомъ буквально перешло въ постановленія сѣзда. Эта «прочная ломбардная форма кредита съ полнымъ устраненіемъ неподвижности обезпеченія» явилась у г. Бухтѣева, «какъ плодъ многолѣтнихъ наблюденій у кредитнаго дѣла». Но предложеніе г. Бухтѣева, выразивши собою желанія золотой середины землевладѣльцевъ, присутствовавшихъ на сѣздѣ, было, конечно, предложеніемъ среднимъ. Крайняя лѣвая, напротивъ того, считала съ продажей

закладнаго листа кредитъ исчерпаннымъ, послѣ чего остается только погашать долги и, по возможности, скорѣе отдѣлаться отъ благодѣяній кредита, если только петля, добровольно накинута, не затянется и не прекратитъ ихъ существованіе въ качествѣ землевладѣльцевъ. Крайняя правая смотритъ на жизнь далеко не съ такимъ мрачнымъ отчаяніемъ; она какъ будто теперь только начинаетъ расправлять крылья своей изобрѣтательности относительно формъ кредита. Представителемъ этихъ правыхъ явился г. Бодянский. Онъ указалъ на возможность ссудъ земледѣльческаго кредита трехъ родовъ: а) ссуды съ погашеніемъ; б) ссуды долгосрочныя и в) ссуды краткосрочныя. Ссуды съ погашеніемъ онъ предлагаетъ выдавать на 15 лѣтъ подъ залогъ построекъ изъ 12⁰/₀; ссуды долгосрочныя выдаются на время до трехъ лѣтъ подъ залогъ движимости и инвентаря; ссуды краткосрочныя на время до одного года — подъ залогъ результатовъ произведенныхъ работъ, напримѣръ, пахаты, посѣва и проч. Къ этому онъ дѣлаетъ оговорку, что для частныхъ де собственниковъ ссуды должны быть неограниченны* величиной.

Итакъ, впереди есть ссуды съ погашеніемъ, ссуды безъ погашенія, подъ чтеніе одного перечня которыхъ могутъ лопнуть банки и порваться общественный и частный кредитъ. Но и тутъ еще не конецъ кредиту, какъ утѣшаетъ насъ одинъ изъ степняковъ-помѣщиковъ, г. Алфераки. По его словамъ, когда будетъ паставать развязка, тогда государство выступитъ, какъ Deus ex machina и уладитъ дѣло между лопнувшими банками и ихъ кредиторами. Такое посредничество при всеобщемъ замѣшательствѣ можетъ потребовать отъ правительства жертвъ, размѣра которыхъ трудно предвидѣть. Оно должно будетъ выкупить всѣ долгосрочные закладные листы земельныхъ банковъ и выпустить взамѣнъ свои, либо скупить акціи земельныхъ банковъ и стать, такъ сказать, единственнымъ акціонеромъ одного всероссійскаго земельного банка, уступивъ при этомъ въ пользу заемщиковъ, 1⁰/₀ интереса, идущій теперь въ дивидендъ акціонерамъ. Что касается средствъ для такой операціи, то наиболѣе скорымъ и неизбѣжнымъ средствомъ должно быть обложеніе возвышенными сборами — кого? но объ этомъ стоить ли толковать. Вмѣстѣ съ этимъ правительство обязано будетъ развести гѣса на южно-русскихъ пескахъ, которые къ тому времени превратятся въ богатѣйшія степи нашего юга, оросить ихъ, густо заселить крестьянами, изрѣзать желѣзными дорогами, каналами, подѣздными путями и шоссированными проселками и въ завершеніе установить правильныя отношенія между нанимателями и нанимаемыми¹.

Это послѣднее средство для многихъ землевладѣльцевъ кажется самымъ радикальнымъ. Со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, говорятъ намъ они, большинство дворянъ

¹ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1879 г. № 190, 192 и 193.

помѣщиковъ, жившихъ исключительно доходами отъ своихъ имѣній, пришло къ горькому разочарованію относительно принятыхъ ими мѣръ по преобразованію своихъ хозяйствъ. Причиной этому ошибка законодателя, сдѣланная въ нѣкоторыхъ подробностяхъ Положенія 19-го февраля и послѣдующихъ узаконеній, относящихся спеціально до поземельнаго устройства крестьянъ. Законодатель спуталъ земледѣльца и землевладѣльца въ одномъ лицѣ крестьянина-собственника, вслѣдствіе чего нѣтъ правильного отношенія между основнымъ капиталомъ, представляемымъ землею, и оборотнымъ, коего простѣйшая и наиболѣе доступная форма есть трудъ. А между тѣмъ только разграниченіе основнаго и оборотнаго капиталовъ, другъ другу содѣйствующихъ, доводитъ земледѣліе до того высокаго уровня, который считается за образцовый, причемъ основнымъ правиломъ признается то начало, что землевладѣлецъ можетъ быть земледѣльцемъ только въ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ, и что истинная роль его должна ограничиваться полученіемъ надежной ренты, правильнаго дохода отъ своего капитала—земли¹. Такимъ образомъ, установленіе правильнаго отношенія между нанимателями и нанимаемыми значитъ точное разграниченіе между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ, собственностію и трудомъ, получателемъ земельнаго дохода и извлекателемъ его, батракомъ, какъ представителемъ голаго труда. Теорія въ высшей степени простая. Что можетъ быть проще, какъ не сосредоточить на одной сторонѣ всѣ права, на другой— всѣ обязанности; на сторонѣ земледѣльца работать, а землевладѣльцу предоставить пользованіе результатами работъ, дать возможность спекулянтамъ играть на биржѣ землею и крестьянскимъ трудомъ, проигрываться и дѣлать долги, а на государство взвалить обязанность расквитываться за нихъ.

Нужно обезумѣть отъ благодѣяній кредита, нужно придти въ умоизступленіе отъ бѣшеной погони за деньгами, чтобы рассчитывать на подобный выходъ изъ затрудненій, въ которыхъ поставили себя сами же землевладѣльцы, и такъ нагло предлагать себя на содержаніе хотя бы даже государству.

Въ такомъ видѣ въ сущности представлялся вопросъ и на одесскомъ сѣздѣ. Г. Бодянской, одинъ изъ героевъ этого сѣзда, усмотрѣлъ корень зла въ нашемъ современномъ соціально-экономическомъ строѣ вообще, «аграрныхъ порядкахъ въ особенности», которые онъ формулировалъ въ словахъ: «деспотизмъ землевладѣнія и рабочій вопросъ». Средства къ устраненію зла у г. Бодянскаго давнишня, старомодныя, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно новымъ требованіямъ. Прежде всего онъ предлагаетъ устроить эти аграрные порядки такимъ образомъ, чтобы положеніе владѣльческихъ хозяйствъ не зависѣло отъ благосостоянія самихъ хозяевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы хозяева и рабочіе имѣли бы прямой матеріальный интересъ въ дѣлѣ производства. Этого

¹ «Московскія Вѣдомости» 1877 г. № 16.
Т. ССXLVIII. — Отд. II.

достигнуть очень просто: нужно только, чтобы сельско-хозяйственная промышленность была обязана обеспечить материальное существование лишь такого числа рабочих, которое необходимо для ее производства, но не больше того. Для общества же необходимым трудом, по выражению степного политико-эконома и реформатора, должна быть признаваема только выгодная затрата труда, производительность которого превышает потребление лиц, затрачивающих этот труд¹. Если какой либо промышленник занимается исключительно своею промышленностью и при томъ въ такихъ размѣрахъ, что все добываемое самъ же потребляетъ, а если и добавитъ излишекъ, то едва достаточный на покрытие первыхъ жизненныхъ нуждъ, такой промышленникъ, по его мнѣнiю, почти лишній членъ общества и существуетъ только для счета. Такими именно промышленниками являются всѣ тѣ наши крестьяне-общинники, которые занимаются хозяйствомъ исключительно на собственномъ своемъ надѣлѣ и тянутъ ляму изъ года въ годъ, лишь бы прохарчиться². Ихъ трудъ приноситъ обществу наиболѣе пользы, если она равняется взимаемымъ съ крестьянъ налогамъ, да представляетъ имъ возможность существовать для счета населенiя³. Указавъ затѣмъ, что крестьяне затрачиваютъ въ своихъ хозяйствахъ отъ 60% до 80% лишняго рабочаго труда, г. Бодянский восклицаетъ: еслибы возможно было отторгнуть отъ сельско-хозяйственной промышленности излишнее число рукъ, нынѣ занятыхъ веденiемъ ея! Они бы обратились къ видамъ промышленности фабричной, заводской и кустарнымъ промысламъ и какой бы прекрасный вышелъ результатъ для нашего отечества! Незначительность земельной крестьянской собственности явленiе ненормальное и еслибы устранить задерживающiя причины по отношенiю къ нашимъ общиннымъ земельнымъ участкамъ, то г. Бодянский речется, что не прошло бы и десятка лѣтъ, какъ большая часть этихъ участковъ преобразилась бы въ хозяйственныя единицы, несравненно большей величины, чѣмъ нынѣ существующiе крестьянскiе надѣлы⁴. По его мнѣнiю, для юга Россiи эти единицы были бы отъ 100 и болѣе десятинъ въ каждой.

При такихъ условiяхъ, конечно, должно образоваться въ своемъ чистѣйшемъ рафинированномъ видѣ тѣ два класса, которые въ сущности явились бы представителями оборотнаго и основнаго капиталовъ народнаго хозяйства—рабочiе и хозяева. Г. Бодянский, разбирая далѣе, въ чемъ должны заключаться право и обязанность каждаго изъ этихъ классовъ, формулируетъ ихъ приблизительно такимъ образомъ: рабочiй обладаетъ правомъ свободнаго приложенiя труда, а хозяинъ землевладѣлецъ: 1) правомъ полу-

¹ Стр. 42.

² Стр. 28.

³ Стр. 29.

⁴ Стр. 31.

ченія доходовъ; 2) правомъ передачи этой собственности другимъ лицамъ; 3) правомъ ея залога и 4) правомъ достиженія увеличенія доходовъ отъ эксплуатаціи земли и вообще отъ отраслей занятій, на ней производящихся. Если всѣ остальные права земельной собственности, кромѣ четырехъ вышеисчисленныхъ, будутъ изъяты отъ землевладѣльца (въ томъ и заключается собственно конституціонализмъ землевладѣнія въ противность нынѣшнему деспотизму) и если взаменъ утерянныхъ правъ имъ будетъ предложено получение большихъ доходовъ, съ однимъ только условіемъ, что этотъ большій доходъ будетъ соответствовать степени затратъ или умственного труда на хозяйственныя дѣла (?), то г. Бодянский полагаетъ, что мало найдется землевладѣльцевъ, которые бы въ этихъ случаяхъ не отказались отъ остальныхъ ненужныхъ имъ правъ. Этимъ путемъ, именно конфискаціей всѣхъ правъ поземельной собственности, кромѣ права полученія, увеличенія, передачи и залога доходовъ, г. Бодянский старается достигнуть и второй гарантіи въ конституціонномъ землевладѣніи, именно уничтоженія тѣсной связи между земледѣльческимъ производствомъ и благосостояніемъ лицъ, отъ которыхъ производство нынѣ стоитъ въ зависимости.

Аргументація г. Бодянскаго, сущность которого мы старались изложить, была завернута въ чрезвычайно либеральную обертку, Казалось бы все было направлено къ тому, чтобы создать классъ людей, облеченныхъ лишь правомъ приложенія своего труда, т. е. къ созданію класса людей совершенно свободныхъ отъ всякой собственности ¹ и, къ величайшему удивленію, въ концѣ концовъ, выходитъ, что онъ желаетъ только привлечь рабочихъ къ тому участию въ прибыляхъ и убыткахъ владѣльческихъ хозяйствъ и для этого предлагаетъ основать ассоціаціи рабочихъ съ хозяевами такъ, чтобы первые пользовались извѣстною частію дохода. Крестьяне, принятые въ ассоціацію г. Бодянскаго, весьма вѣроятно будутъ благославлять судьбу своего добраго хозяина-реформатора. Но пускай только приняты будутъ предложенныя г. Бодянскимъ основанія, то едва ли не прежде возблагодарятъ судьбу сами хозяева, облеченные правами владѣнія, пользованія и распоряженія земельнымъ доходомъ-рентою. Скажетъ ли тогда г. де-Карьеръ, что на югѣ Россіи капиталъ эксплуатируется трудомъ. Прирожденные рентьеры ни слова не возразятъ и не могутъ возразить г. Бодянскому, тѣмъ болѣе, что предложенныя имъ добровольныя ассоціаціи хозяевъ и рабочихъ должны быть въ послѣдствіи укрѣплены закономъ. У него, между прочимъ, въ докладѣ встрѣчается слѣдующее весьма характерное мѣсто: «Примѣненіе изложенныхъ социально-экономическихъ порядковъ должно быть

¹ Какъ это откровенно высказалъ г. де-Карьеръ при обсужденіи на сѣздѣ уголовныхъ наказаній для рабочихъ, нарушающихъ договоръ. Зажиточное население намъ не нужно, это не рабочіе, а вѣдь самая главная нужда наша—это рабочія руки.

произведено по добровольному желанію и соглашенію крестьянъ и землевладѣльцевъ, т. е. по чисто частной инициативѣ. Для этого необходимо только законная возможность дѣйствія частной инициативы, законное укрѣпленіе того, что будетъ сдѣлано этой инициативой, и наконецъ, существованіе общихъ законныхъ основаній, которыми могла и должна была бы руководствоваться частная инициатива.

Итакъ, время создало намъ обстоятельства, среди которыхъ кредитъ широко раскинулъ паутину, гдѣ мы, запутавшись какъ муха, трепещемъ и жужжимъ въ ожиданіи смертельныхъ объятій паука. Намъ раскинули широкую сѣть всевозможныхъ видовъ кредита, государственнаго, общественнаго и частнаго, взаимнаго и акціонернаго, ипотечнаго и коммерческаго, явнаго и тайнаго. Намъ облегчили доступъ къ нему; мы получили возможность занимать не изъ 36% годовыхъ, какъ было въ первую половину шестидесятыхъ годовъ, а изъ 6—7½ и, несмотря на то, мы болѣе, чѣмъ когда-либо, жалуемся на дороговизну кредита. Въ сущности же остается лишь дивиться такому быстрому уменьшенію ссуднаго процента за послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ, при столь низкой доходности земли, какую мы имѣемъ въ среднемъ выводѣ для всей Россіи, и которая, по видимому, скорѣе уменьшается, чѣмъ возрастаетъ.

Однимъ словомъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что наши землевладѣльцы въ настоящее время почти исключительно работаютъ на содержаніе огромной сѣти кредита, ими же самими созданной на свои и берлинскіе капиталы, и что они отдали себя въ кабалу, которая подъ изящными формами оказывается несравненно болѣе жестокою, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ было для крестьянъ крѣпостное право. Кредитъ—страшное орудіе и пользованіе имъ, какъ пользованіе опиумомъ, можетъ быть, допущено лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Еще въ 1873 году, въ одномъ изъ засѣданій комитета общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, покойный Шавровъ, этотъ неутомимый и честный борецъ противъ хищниковъ, говорилъ, что современное положеніе поземельной собственности не имѣетъ ничего общаго съ ея критическимъ положеніемъ, но при этомъ считалъ своимъ долгомъ предостеречь, что въ иныхъ государствахъ десяткамъ новыхъ поземельныхъ банковъ не помочь землевладѣльцу, если биржевая спекуляція, плутовство и грабежъ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ, а не трудъ, бережливость и честность будутъ считаться единственными средствами къ достиженію богатства.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Новое министерство.—Парламентское значеніе лѣваго центра.—Конституціонный образъ дѣйствій президента республики.—Сенаръ и Гамбетта.—Усиленіе значенія Ферри и его законопроекта.—Декретъ 29-го декабря о министерствѣ финансовъ.—Планъ Казо объ очищеніи судебнаго вѣдомства.—Дѣятельность генерала Фарра.—Новый министръ общественныхъ работъ и прозекты Варруа.—Новый товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и представленіе 1-го января 1880 года.—Благопріятное впечатлѣніе, произведенное новымъ кабинетомъ.—Какъ онъ можетъ гарантировать за собою большинство?

Наконецъ, наступилъ 1880 годъ, годъ, на который уже нѣсколько лѣтъ сряду возлагали всѣ свои надежды республиканцы, говоря: «до этого срока приходится только ждать, по его наступленію все должно быть преобразовано». Конечно, невольная отставка Мак-Магона уже сократила этотъ срокъ на 9 мѣсяцевъ и значительно смягчила тотъ переполохъ, который предвидѣли предусмотрительные политики при ожидавшейся перемѣнѣ декораций въ траги-комедіи политической дѣйствительности. Самый переходъ потерялъ всю свою рѣзкость, такъ какъ за кабинетомъ Дюфора послѣдовалъ кабинетъ Ваддингтона, а настоящій кабинетъ Фрейсинэ явился уже вслѣдъ за нимъ. Въ парламентской и печатной полемикѣ было, можетъ быть, уже нѣсколько преувеличено безсиліе министерства Ваддингтона, такъ же, какъ теперь преувеличивается всемогущество новаго кабинета. Онъ можетъ удержаться надолго, если съумѣетъ отгадать общественныя потребности, именно въ той мѣрѣ, въ какой этого ожидаетъ отъ него благоразумная часть націи, и тогда онъ приведетъ республику на ту ступень развитія, переходъ къ которой, безъ этой градаціи кабинетовъ, былъ бы крутъ и рѣзокъ; но тоже министерство своими дѣйствіями можетъ подать поводъ и къ новымъ министерскимъ и парламентскимъ кризисамъ и такимъ образомъ способствовать распушенію палаты 1877 года и приближенію новыхъ общихъ законодательныхъ выборовъ. Съ 1870

года, республикѣ удалось съ необыкновеннымъ счастьемъ выйти побѣдительницей изъ всѣхъ опасностей, какими она была окружена. Теперь враги ея воображаютъ, что настала минута, когда республиканцы начнутъ враждовать между собою и уничтожать другъ друга; но друзья республики и благоразумное большинство націи надѣются, что настало время, когда страна можетъ уже самымъ мирнымъ образомъ идти впередъ вѣрными шагами отъ извѣстнаго къ тому, что предстоитъ испытать и испробовать на практикѣ. Конечно, тѣ, которые захотѣли бы видѣть сразу осуществленными всѣ тѣ реформы, какія признаются въ теоріи полезными, ошибутся въ своихъ расчетахъ; но не ошибутся тѣ, которые хотѣли бы, чтобы правительство, наконецъ, стало окончательно освобождаться отъ всѣхъ ошибокъ и заблужденій прежнихъ монархическихъ режимовъ и этимъ подготовило бы прочную почву, если не для быстрого, то для вѣрнаго осуществленія всѣхъ интеллектуальныхъ и социальныхъ благъ, какія требуются логикою демократическаго развитія.

Лѣвый центръ, образовавшійся въ 1871 году въ Бордо изъ бывшихъ орлеанистовъ, остававшихся либералами во все время имперіи, охотно помогъ бы Тьеру въ реставраціи монархіи 1830 года, еслибы «маленькій буржуа» захотѣлъ этого въ то время, когда могъ ее произвести. «Сліяніе» обѣихъ бурбонскихъ линий, т. е. присоединеніе монархическаго конституціонализма къ легитимизму, произвело между орлеанистами расколъ, обусловившій сначала возможность событій 24-го мая 1873 года, потомъ воспрепятствовавшій реставраціи Генриха V и, наконецъ, приведшій къ республиканской конституціи 1875 года, прошедшей при большинствѣ одного голоса. Этотъ единственный голосъ, обусловившій общественное спасеніе, далъ возможность лѣвому центру, освобожденному отъ фузіонистовъ и разошедшемуся съ принципами орлеанскими, занять преобладающую роль въ относительно либеральномъ кабинетѣ, который неудачный реставраторъ Макъ-Магонъ вынужденъ былъ принять подъ вліяніемъ январскихъ выборовъ 1876 года, а также послѣ неудачи попытки 16-го мая, приведшей къ выборамъ 14-го октября 1877 года. Обратясь въ окончательно и вполне республиканскій присоединеніемъ своимъ къ другимъ республиканскимъ группамъ въ извѣстной борьбѣ и побѣдѣ 363, лѣвый центръ сохранилъ преобладающее значеніе въ первомъ кабинетѣ, образованномъ Гревю. Не организовавъ, при своемъ возведеніи на постъ президента, такого кабинета, въ составъ котораго вошли бы министры, дѣйствительно представлявшіе интересы союза четырехъ лѣвыхъ группъ. Гревю и черезъ 11 мѣсяцевъ не прибѣгъ бы къ такой мѣрѣ, въ которой не было особенной надобности. Ему, какъ не отвѣтственному главѣ государства, и не пришлось измѣнять министерство, такъ какъ его отвѣтственные министры не были въ парламентскомъ смыслѣ низвергнуты. Но само это министерство, замѣчая, что большинство, благоприятное ему, становится недостаточнымъ,

почувствовало необходимость усилиться между двумя сессиями и нашло благоприятный для себя случай возродиться при посредствѣ частной отставки двухъ министровъ: юстиціи Ле-Ройэ и военнаго Грелэ. При началѣ кризиса, Гриви, впродолженіи двухъ дней, усердно совѣщался съ старымъ Сенаромъ, хотя объ этихъ совѣщаніяхъ и не говорилось ничего въ газетахъ. Совѣты эти не мало способствовали первоначальному плану преобразования министерства Ваддингтона, при которомъ предполагалось сохранить власть за лѣвымъ центромъ и удаленіемъ министра юстиціи Ле-Ройэ ограничить вліяніе республиканскаго союза. Но когда этотъ планъ готовъ былъ уже осуществиться, Гриви посѣтилъ Гамбетта и продолжительное совѣщаніе между ними обусловило успѣхъ комбинаціи Фрейсинз, передъ тѣмъ неудавшейся. Президентъ республики во время этихъ переговоровъ держался строго конституціоннаго образа дѣйствій. Такъ онъ нисколько не требовалъ отставки министерства, которое не было низвергнуто парламентскимъ голосованіемъ, совершенно не вмѣшивался въ дѣло распределенія министерскихъ портфелей, предоставивъ въ этомъ вопросѣ полную свободу выбраному имъ президенту совѣта. Отставка Ваддингтона и Сэ уменьшила нѣсколько вліяніе лѣваго центра въ пользу умѣренной лѣвой; значеніе же республиканскаго союза, подтвержденное вступленіемъ въ министерство сенатора Казо и назначеніемъ нѣсколькихъ новыхъ товарищей министровъ, поднялось только относительно той части этой группы, которая никогда не голосовала противъ предшествовавшаго министерства. Такой комбинаціей, отдаляющей отъ министерства только незначительное число членовъ центровъ обѣихъ палатъ, предполагалось привлечь къ нему почти все республиканское большинство, подъ условіемъ широкаго удовлетворенія слѣдующихъ требованій: полнаго очищенія административнаго, судебнаго и военнаго персонала, осуществленія значительныхъ общественныхъ работъ, о которыхъ было уже заявлено, усмиренія влерикальныхъ претензій и организаціи свѣтскаго образованія, какъ низшаго и средняго, такъ и высшаго.

Загадочнымъ и необъяснимымъ, относительно состава кабинета 28-го декабря, остается пока только одно: почему за адмираломъ Жорегиберри сохраненъ портфель морскаго министра и колоній, тогда какъ новымъ назначеніемъ въ это министерство были бы заглажены слѣды недавней исторіи съ Жантомъ, недавно вновь выбраннымъ въ депутаты, и прекратились бы толки о результатахъ слѣдствія Жоржа Перрена, о жестокостяхъ регламента и агентовъ, которымъ подчинена участь ссыльныхъ. Леперь считался самымъ передовымъ человекомъ предшествовавшаго министерства и пользовался наибольшимъ сочувствіемъ лѣвыхъ, почему и было весьма естественно сохранить его въ кабинетѣ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Кошери и Тираръ такъ управляли почтами и телеграфами, земледѣльемъ и торговлей,

что со времени назначенія ихъ министрами не возбуждали противъ себя никакой оппозиціи, такъ что объ ихъ смѣщеніи не могло быть и рѣчи. Ферри же и въ новомъ кабинетѣ сохранилъ свое вліяніе и занимаетъ тотъ же боевой постъ, и по вопросу объ его антиклерикальномъ законопроектѣ должна закончиться въ сенатѣ та битва, которая уже имъ выиграна въ палатѣ депутатовъ. Послѣ доклада Жюля Симона, седьмая статья законопроекта получила особенное значеніе и ея авторъ могъ выйти изъ состава министерства только въ такомъ случаѣ, еслибы правительственныя воззрѣнія, вмѣсто того, чтобы принять болѣе рѣзкую республиканскую окраску, полиняли до взглядовъ лѣваго центра. Это же объясняетъ, почему Фрейсинъ, для обезпеченія въ сенатѣ торжества идей Жюля Ферри, избралъ въ число своихъ товарищей по кабинету больше сенаторовъ (5), чѣмъ депутатовъ (4).

Маньенъ, новый министръ финансовъ, замѣнившій Леона Сэ, былъ назначенъ въ 1875 году пожизненнымъ сенаторомъ. Съ 1863 года онъ состоитъ депутатомъ отъ Котъ-д'Ора, а 4-го сентября 1870 былъ назначенъ министромъ торговли и земледѣлія. Въ то время онъ принималъ главнѣйшее участіе въ снабженіи Парижа, которому угрожала осада, съѣстными припасами и завѣдывалъ въ февралѣ 1871 года продовольствіемъ парижанъ. Онъ всю жизнь былъ республиканцемъ, республиканцемъ, такъ сказать, по крови, и, благодаря какъ его вліянію, такъ и вліянію его отца, съ 1848 года началось постепенное присоединеніе Бургундіи къ республиканскимъ идеямъ. Почти во все время существованія имперіи онъ стоялъ внѣ политической дѣятельности и, завѣдуя желѣзно-дѣлательными заводами, приобрѣлъ какъ весьма солидныя свѣдѣнія въ промышленности, такъ и хорошее состояніе. Онъ какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ и имѣетъ весьма дѣятельнаго помощника въ государственномъ секретарѣ Вильсонѣ, депутатѣ съ 1869 года, обладателѣ историческаго замка Шенонсо и личномъ другѣ Греви, одномъ изъ трудолюбивѣйшихъ и дѣловитѣйшихъ депутатовъ, стяжавшемъ извѣстность въ качествѣ докладчика бюджетной и главнѣйшей желѣзно-дорожной комиссіи. Тотчасъ же по своемъ вступленіи въ министерство, Маньенъ и Вильсонъ весьма ясно опредѣлили, что новаго они намѣрены внести въ свое управленіе. Уже 29-го декабря появился президентскій декретъ, которымъ непосредственному вѣдѣнію товарища государственнаго секретаря министерства финансовъ передавался весь персоналъ министерства и подчиненныя ему администраціи: таможенъ, государственныхъ имуществъ и податей и сборовъ. До тѣхъ поръ, эти отдѣльныя вѣдомства составляли какъ бы пашалыки, на которые почти не распространялось вліяніе отвѣтственнаго министра. Всѣ назначенія на мѣста въ нихъ производились помимо его, по представленіямъ управлявшихъ этими частями, которыя всегда и утверждались главою государства. Такимъ образомъ, эти вѣдомства, для службы въ которыхъ требовались какія-то якобы

необычайныя, спеціальныя знанія, представляли собой надежныя пріюты для самыхъ заклятыхъ враговъ республики. Особенно пагубно было вліяніе на народъ мелкихъ чиновниковъ этихъ вѣдомствъ, находившихся съ нимъ въ постоянномъ общеніи и имѣвшихъ полную возможность поддерживать въ массахъ недовольство противъ настоящаго порядка вещей только однимъ усугубленіемъ усердія въ исполненіи своихъ антипатичныхъ народу обязанностей. Представьте себѣ, какъ легко было какому-нибудь сборщику податей изъ бонапартистовъ раздражать республиканцевъ-плательщиковъ, какъ легко было ревизору-клерикалу преслѣдовать свободно-мыслящихъ винодѣловъ и виноторговцевъ, или какому-нибудь таможенному стражнику-легитимисту глядѣть сквозъ пальцы на продѣлки своихъ единомышленниковъ и накидываться со всякими якобы законными придирками на тѣхъ бѣдняковъ, образъ мысли и дѣйствій которыхъ былъ имъ не понутру. Новый министръ и его товарищъ рѣшили сразу покончить со всѣми подобными продѣлками и произвести полное очищеніе во всѣхъ отрасляхъ финансовой администраціи. Принимая высшихъ представителей этихъ администрацій, они заявили, что потребуютъ отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, чтобы они имѣли въ виду одну только общественную пользу, и умѣли внушить населенію привязанность къ тому правительству, у котораго они состоятъ на жалованіи. Хранитель государственной печати Казо еще впервые получаетъ министерскій портфель. Онъ родился въ 1821 году въ Гарскомъ департаментѣ, а во время второй республики былъ уже докторомъ правъ и имѣлъ значительное политическое вліяніе; за что послѣ государственнаго переворота и былъ присужденъ никуда не выѣзжать изъ Монпелье. Въ концѣ 60-хъ годовъ ему удалось, однако, поселиться въ Парижѣ, гдѣ онъ занялся частной профессурою права, а въ 1869 году его нѣмскіе земляки выставили его кандидатуру въ законодательный корпусъ. Имѣя своимъ соперникомъ официальнаго кандидата, онъ понятно былъ побѣжденъ. Гамбетта 4-го сентября въ Парижѣ, а потомъ въ Турѣ и Бордо, приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ генеральнаго секретаря министерства внутреннихъ дѣлъ. Потерявъ свое мѣсто одновременно съ Гамбеттой въ февралѣ 1871 года, онъ въ іюль того же года былъ выбранъ въ національное собраніе депутатомъ отъ Гарскаго департамента. Ставъ членомъ республиканскаго союза, онъ былъ назначенъ въ декабрѣ 1875 года пожизненнымъ сенаторомъ. Его энергическая вѣщность произвела подавляющее впечатлѣніе на представителей судебного вѣдомства, явившихся къ нему съ обычнымъ поздравленіемъ. Онъ очень сухо принялъ заявленія членовъ кассационнаго и апелляціоннаго судовъ объ ихъ преданности къ республикѣ и отвѣчалъ имъ въ выраженіяхъ, изъ которыхъ явствовало, что онъ ничего другого и не потерпитъ. Своего вступленія въ министерство онъ не ознаменовалъ, однако, какъ другіе его товарищи, значительнымъ числомъ отставокъ подвѣдомственныхъ

ему чиновниковъ; даже въ своей канцеляріи онъ сохранилъ почти всѣкъ лицъ, назначенныхъ его предшественникомъ Ле-Ройэ, но впрочемъ, всѣ они искренніе республиканцы и въ числѣ ихъ особенно выдается Антонэнъ Дюбость, уважаемый авторъ книги «Дантонъ и современная политика». Обладающій серьезными знаніями и небоящейся усидчиваго труда, Казо въ теченіи 10-ти дней, успѣлъ закончить всѣ перемѣны, которыя оставалось сдѣлать въ персоналѣ судебнаго вѣдомства, назначаемаго правительствомъ, и произвелъ также много новыхъ назначеній въ составѣ мировой юстиціи, а въ 20 дней составилъ планъ измѣненій относительно состава несмѣняемыхъ судей, который поступилъ уже въ палатскую комиссію для совмѣстнаго разсмотрѣнія съ депутатскими предложеніями этого же рода. По мнѣнію Казо, закрытіемъ нѣкоторыхъ мелкихъ судовъ, ограниченіемъ числа судей въ судахъ, гдѣ въ производствѣ находится не особенно много дѣлъ, и перемѣщеніями нѣкоторыхъ изъ наиболѣе неисправимыхъ судей изъ однихъ мѣстностей въ другія, можно легко достигнуть того, что и всѣ остальные несмѣняемые подчинятся наконецъ вполне республиканской конституціи и станутъ первыми исполнителями законовъ.

Генераль Фарръ, новый военный министръ, уже знакомъ читателямъ, такъ какъ я уже упоминалъ объ немъ въ то время, когда Гамбетта старался ввести его въ кабинетъ Дюфора. Онъ родился въ 1816 году и всю свою карьеру составилъ въ инженерномъ вѣдомствѣ. Когда возникла война 1870 года, онъ начальствовалъ надъ инженерами въ Лиллѣ и сдѣлался помощникомъ префекта народной защиты, Тестелена. Поправивъ непротительную ошибку имперіи, оставившей Лилль безъ всякой защиты, и сдѣлавъ его укврѣпленнымъ мѣстомъ, онъ организовалъ при Федэробѣ сѣверную армію. Въ славныхъ дѣлахъ при Сен-Кантенѣ, Бапомѣ и Амьенѣ онъ заслужилъ званіе сначала, бригаднаго, а потомъ и дивизіоннаго генерала, которое военная комиссія реакціоннаго въ то время національнаго собранія, впрочемъ, у него оспаривала. Но онъ снова заслужилъ это повышеніе уже правильнымъ служебнымъ порядкомъ въ Алжиріи, откуда былъ вызванъ для предоставленія его управленію политехнической школы. Управленіе это онъ долженъ былъ оставить въ прошломъ году, такъ какъ назначенъ былъ корпуснымъ командиромъ въ Ліонѣ, вмѣсто Бурбаки. Совершенно наоборотъ своему предшественнику, онъ съумѣлъ быстро заслужить популарность въ Ліонѣ, благодаря своему открыто республиканскому образу дѣйствій. Вступленіе свое въ министерство Фарръ ознаменовалъ цѣлымъ рядомъ энергическихъ мѣръ. Однимъ подписомъ пера онъ сразу отставилъ начальника генеральнаго главнаго штаба и 5 его помощниковъ изъ шести. Канроберовскій вопросъ онъ разрѣшилъ назначеніемъ де-Сиссе председателемъ комитета производства военныхъ чиновъ. Герцога Омальскаго онъ отстранилъ отъ послѣдней изъ занимаемыхъ имъ должностей въ арміи. Точно

такъ же, какъ и министръ финансовъ, онъ вытребовалъ себѣ у президента декрета, которымъ его непосредственной власти подчиняются всѣ побочныя администраціи военного вѣдомства. Реакціонеры поняли, что дѣло плохо и подняли единодушный стонъ въ своей печати, но отчаяніе ихъ еще значительно усилится, а реорганизация арміи и всего военного управленія, наконецъ, вполнѣ увѣнчается успѣхомъ, если генераль Фарръ исполнить приписываемую ему мысль избрать помощникомъ государственнаго секретаря по военному министерству кого либо изъ депутатовъ республиканскаго союза.

Относительно министерства общественныхъ работъ представлялся вопросъ, можетъ ли президентъ совѣта оставаться въ управленіи имъ до окончанія начатыхъ имъ преобразованій, чего никогда еще не бывало во Франціи. Фрейсинэ можетъ быть и отважился бы на такое нововведеніе, еслибы ему удалось или удержать Вадингтона министромъ иностранныхъ дѣлъ, или ввести въ кабинетъ Шальмель-Лакура. Но такъ какъ ни та, ни другая комбинація не удалась, то онъ и поручилъ министерство общественныхъ работъ сенатору Варруа, докладчику въ сенатѣ бюджетовъ двухъ послѣднихъ годовъ, инженеру путей сообщенія, старшему своему товарищу по политехнической школѣ и чело-вѣку, вполнѣ способному осуществить широкіе планы Фрейсинэ, которому онъ вполнѣ сочувствуетъ. Прощальный циркуляръ Фрейсинэ и вступительная рѣчь Варруа немедленно успокоили общественное мнѣніе въ томъ смыслѣ, что относительно громад-ныхъ общественныхъ работъ не произойдетъ никакой остановки и онъ немедленно же откроются для блага нуждающихся въ работѣ, подъ главнымъ наблюденіемъ министра.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Леперъ избралъ себѣ помощникомъ депутата республиканскаго союза Констана, профессора права, начавшаго свою парламентскую дѣятельность только съ 1875 года, и назначеніе это весьма благопріятно подѣйствовало на республиканцевъ. При представленіи министромъ своему товарищу персонала министерства, былъ произнесенъ весьма лестный отзывъ объ управленіи печатью, которая, вмѣсто того, чтобы претендовать на направленіе общественнаго мнѣнія, довольствуется въ настоящее время тѣмъ, что сообщаетъ правительству обо всемъ, въ чемъ выражается стремленіе страны, и что можетъ вызвать полезныя реформы. Въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отозвался Леперъ и о департаментской и муниципальной парижской администраціи за энергію, которую они выказали въ недавней борьбѣ съ ужасами, вызванными стужей въ средѣ нуждающихся классовъ. Когда начальникъ пожарной команды, выхваляя республиканскій духъ пожарныхъ, высказалъ мысль, что они могутъ «пригодиться и не при тушеніи однихъ пожаровъ», Леперъ, дружески улыбнувшись, отвѣчалъ ему такъ: «Сильная почти единодушнымъ признаніемъ цѣлой Франціи, республика нисколько не опасается своихъ враговъ, а военная сила совер-

пенно бесполезна тамъ, гдѣ господствуетъ народное самодержавіе, выражающееся подачею голосовыхъ бюллетеней».

Констанъ, которому специально порученъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ персоналъ министерства, какъ въ министерствѣ финансовъ Вильсону, успѣшилъ немедленно уволить въ отставку нѣкоего барона Нормана, который со временъ имперіи состоялъ во главѣ счетнаго секретариата, распоряжался совершеннымъ диктаторомъ и всячески гналъ республиканцевъ въ числѣ своихъ подчиненныхъ. Теперь на его мѣсто назначенъ бывший префектъ верхней Савойи, Руассо, человекъ съ знаніями и искренній республиканецъ. Другой республиканецъ, бывший префектъ Па-де-Калэ, Камескасъ, назначенъ директоромъ департаментской и общинной администраціи, вѣдѣнію котораго подчинены, кромѣ проселочныхъ дорогъ, благотворительныя и общественныя заведенія. Это мѣсто занималъ до настоящаго времени де-Крезинуа, опредѣленный Марсеромъ, и Леперъ былъ съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, такъ какъ его образъ дѣйствія былъ вполнѣ либераленъ; но онъ оказался неудобнымъ со времени присоединенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ министерства исповѣданій, такъ какъ выказывалъ явную оппозицію 7-й статьѣ законопроектовъ Ферри. Очищеніе департаментской администраціи тоже произведено въ весьма значительныхъ размѣрахъ; хотя въ чистую отставку уволенъ одинъ только префектъ, но 6 подпрефектовъ-республиканцевъ сдѣланы префектами, и уволено отъ службы 7 генеральныхъ секретарей, 16 подпрефектовъ и 41 совѣтникъ префектуры. На этомъ дѣло еще не остановилось, такъ какъ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подчиненные котораго пользуются значительнымъ политическимъ вліяніемъ, также необходимо полное очищеніе персонала.

Фрейсинэ, оставляя министерство общественныхъ работъ для министерства иностранныхъ дѣлъ, заявилъ, что онъ принимается за новое для себя дѣло въ самомъ миролюбивомъ настроеніи. Поэтому-то при новогоднемъ приемѣ, всѣ члены дипломатическаго корпуса заявили ему полнѣйшее сочувствіе. Никогда еще папскій нунцій, говоря отъ имени всѣхъ посланниковъ, не выказывалъ такой утонченной любезности. Фон-Гоенлоэ, жена котораго очень дружна съ женой Фрейсинэ, напомнилъ ему въ разговорѣ объ этой дружбѣ ихъ семействъ и передалъ новому министру депешу Висмарка, которою заявлялось, что назначеніе во главѣ министерства бывшаго сотрудника Гамбетты въ дѣлѣ народной обороны нисколько не послужило поводомъ къ охлажденію отношеній между Берлиномъ и Парижемъ. Говорятъ, что Фрейсинэ еще болѣе Ваддингтона сторонникъ невмѣшательства Франціи въ европейскія дѣла, что весьма понятно, такъ какъ онъ нуждается въ продолжительномъ мирѣ для осуществленія задуманныхъ имъ общественныхъ работъ, которыя, по крайней мѣрѣ, на 10 лѣтъ должны предохранить французскихъ рабочихъ отъ пагубныхъ послѣдствій промышленныхъ и земледѣльческихъ кризи-

совѣ, и по своемъ окончаніи доставить Франці полную сеть желѣзнодорожныхъ путей и водяныхъ коммуникацій. Съ другой стороны, если англійское происхождение Ваддингтона имѣло нѣкоторое влияние на его образъ дѣйствій во вѣдѣшней политикѣ, то ничего подобнаго нельзя опасаться относительно Фрейсина, уроженца Жиронды. Онъ вступилъ въ управление министерствомъ безъ всякихъ расовыхъ предразсудковъ, безъ всякихъ дипломатическихъ традицій, съ единственною заботою предохранять Францію отъ всякихъ политическихъ столкновеній, пока она нуждается въ отдыхѣ для полнаго нравственнаго и матеріальнаго возрожденія.

Между всѣми членами кабинета 28 декабря нѣтъ ни одного искренній республиканскій образъ мыслей котораго могъ бы быть заподозрѣнъ; поэтому-то всѣ они и привялись съ такимъ жаромъ за очищеніе персонала своихъ управленій; успѣхъ кабинета, слѣдовательно, былъ бы вполне обезпеченъ... еслибы республиканское большинство обѣихъ палатъ представляло собою такое же согласіе, какое выказало оно годъ тому назадъ, наканунѣ и послѣ смѣщенія Мак-Магона. Но, какъ я не разъ уже послѣдовательно рассказывалъ, это образцовое согласіе стало уже преданіемъ, и разладъ, начавшійся по поводу вопроса объ амнистіи, и въ настоящее время еще обострившійся, усилился сверхъ того отъ сильныхъ соперничествъ. Дѣло въ томъ, что союзъ 363 боролся только противъ интриги 16 мая, и депутаты, выбранные въ 1876 году, были снова выбраны, такъ сказать, гуртомъ въ 1877, потому что они представляли собою гуртовое отрицаніе существовавшей системы. Весьма естественно, что въ вопросахъ положительныхъ у нихъ были различные взгляды, но до этого въ то время избирателямъ ихъ не было и дѣла. Логика вещей требовала бы въ настоящее время новаго обращенія къ народу, чтобы узнать, какой именно республики онъ хочетъ, но въ виду тѣхъ комбинацій, какія можетъ вызвать всеобщее голосованіе, при существованіи остатковъ различныхъ монархическихъ партій, побѣжденных, но не уничтоженныхъ, нашимъ національнымъ и демократическимъ интересомъ должно быть: не приближеніе, а возможное отдаленіе срока новыхъ общихъ выборовъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ честолюбцевъ, которыхъ гораздо болѣе въ средѣ лѣваго центра, чѣмъ между крайними лѣвыми, республиканское большинство очень хорошо понимаетъ, что для страны въ настоящее время важнѣе всего мирное сохраненіе существующей республики; поэтому почти всѣ лица, ея составляющія, согласятся на нѣкоторыя жертвы и на продолжительныя ожиданія, если министерство Фрейсина, ставши во главѣ управленія, съумѣетъ сдѣлать то, что не удалось предъидущему кабинету, т. е. вмѣсто того, чтобы занимать парламентъ рѣшеніемъ чисто политическихъ вопросовъ, подвергать его обсужденію дѣловыя реформы, но такія, къ которымъ общественное мнѣніе могло бы отнестись съ полнымъ сочувствіемъ.

II.

Начало обыкновенной сессии 1880 года.—Избрание бюро. — 259 голосовъ за Гамбетту.—Министерское заявленіе 16 января.—Новыя газеты.—Виѣ-парламентскіе переговоры для образованія постоянного правительственнаго большинства. — Монархическія несогласія: мессы легитимистовъ и мессы бонапартистовъ.

Согласно съ параграфомъ конституціи, назначающимъ открытіе обыкновенной сессіи во второй январской вторникъ, палаты начали свои засѣданія 13 января. Только къ 15, или 16 числу онѣ окончили составленіе своихъ бюро, занявшее больше противъ обыкновеннаго времени, потому, что весьма многіе сенаторы и депутаты явились въ палаты, кто на вторые, а кто и на третьи сутки по ихъ открытіи.

Произошла между прочимъ и одна случайность, весьма раздутая печатью и заставившая усиленно работать европейскіе телеграфы. Гамбетта, получившій въ прошломъ году, при избраніи его президентомъ палаты, 314 голосовъ, получилъ ихъ въ настоящемъ году только 259, что не составляетъ даже половины + 1 всего числа депутатовъ, имѣющихъ право засѣдать (533). Многіе думали, что онъ поэтому откажется отъ своего избранія, а одна маленькая газета непримиримыхъ напечатала даже сенсационную новость «объ отставкѣ депутата 20 округа», о которой ея разносчики и прокричали въ Бельвильскомъ кварталѣ! Но когда это голосованіе было серьезно рассмотрѣно, хотя оно и было закрытымъ и подавалось съ трибуны, то Гамбетта не могъ не убѣдиться, что оно и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ смыслѣ нисколько не нарушало достоинства его избранія, такъ какъ за него подали голоса почти всѣ республиканцы, находившіеся въ собраніи и въ числѣ 40 бѣлыхъ, или неблагопріятныхъ для него бюллетеней, республиканцамъ едва ли принадлежало больше двухъ третей. Вѣроятно, человекъ 15 членовъ лѣваго центра хотѣли заявить ими свое неудовольствіе за исчезновеніе кабинета Ваддингтона, а отъ 6 до 8 непримиримыхъ затѣяли выразить свое сожалѣніе къ тому, что глава «оппортунизма» продолжаетъ заявлять желаніе сохраненія за собой почетнаго поста, вмѣсто принятія дѣятельнаго участія въ политикѣ. Требовать новаго голосованія для Гамбетты было бы неудобно, такъ какъ, получи онъ въ этотъ разъ хотя нѣсколькими голосами менѣе 314, общественное мнѣніе приписало бы это упадку его вліянія. Поэтому, Гамбетта, какъ въ видахъ личнаго своего достоинства, такъ еще болѣе въ интересахъ союза лѣвыхъ, единодушіе которыхъ можетъ еще понадобиться для сохраненія республики при какихъ-нибудь случайныхъ, опасныхъ осложненіяхъ, сдѣлалъ видъ, что не замѣ-

тилъ ни лѣности весьма многихъ, ни недовольства нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по борьбѣ и побѣдѣ. Еще не дождавшись окончанія назначенія вице-президента, секретарей и квесторовъ, которые оказались неблагопріятными для лѣваго центра и благопріятными для республиканскаго союза и даже для крайней лѣвой, такъ какъ однимъ изъ квесторовъ сдѣлался Мадье де-Монжо—Гамбетта занялъ предсѣдательское мѣсто. Но онъ не произнесъ никакой рѣчи, какъ дѣлалъ это дважды въ прошломъ году, а удовольствовался заявленіемъ всей палатѣ «глубочайшей признательности за свой выборъ» и обѣщаніемъ посвятить ей всю свою дѣятельность и безпристрастіе въ продолженіи сессіи, которая, по его мнѣнію, должна быть особенно важною и, какъ онъ хочетъ надѣяться, «*рѣшительною* для дѣлъ и интересовъ страны». При этомъ, послѣднимъ словамъ своимъ онъ постарался придать какъ можно болѣе выраженія.

Въ сенатѣ лѣвый центръ имѣлъ нѣкоторое вознагражденіе за неуспѣхъ его единомышленниковъ въ палатѣ. Никто изъ кандидатовъ правыхъ не прошелъ въ вице-президенты, тогда какъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, изъ простой парламентской любви, хотя одинъ изъ нихъ былъ бы назначенъ на этотъ постъ. Ни роялисты де-Кердрель, ни клерикалы де-Ларси не прошли. Нѣкоторые лѣвые подавали голоса за бывшаго уже вице-президента генерала де-Ладмиро, но онъ отказался отъ избранія, обидѣвшись, что правые не поддерживаютъ его единодушно. Въмѣсто него, назначенъ не Кранцъ, котораго поддерживалъ Жюль Симонъ, а Бартеlemi Сент-Илеръ, такъ что теперь изъ четырехъ сенатскихъ вице-президентовъ трое члены лѣваго центра. Противъ сохраненія за Мартелемъ (тоже членъ лѣваго центра) званія президента сената подано было всего два голоса (одинъ за Жюля Симона, другой за Толэна), и онъ снова выбранъ въ президенты 168 голосами. Во все время экстраординарной сессіи, онъ, какъ извѣстно, не могъ предсѣдательствовать, такъ какъ былъ сильно боленъ. И теперь, еще не совсѣмъ поправившись, онъ могъ явиться въ сенатъ только 16-го, чтобы заявить, что его бюро организовано, и тѣмъ дать возможность къ прочтенію министерскаго заявленія.

Это заявленіе было прочтано въ обѣихъ палатахъ президентомъ совѣта; оно произвело самое благопріятное впечатлѣніе на сенатское большинство, но лѣвые въ палатѣ приняли его холодно. Заявленіе это составлено не въ видѣ краснорѣчиваго манифеста, какъ это обыкновенно водится во Франціи, но представляетъ собой какъ бы простое изложеніе на американскій манеръ того, что правительство считаетъ необходимымъ и возможнымъ сдѣлать до окончанія полномочій парламента настоящаго созыва. Перегѣна кабинета — опредѣленно объясняется въ этомъ заявленіи — «не должна служить признакомъ оставленія благоразумной и умѣренной внутренней и внѣшней политики, вполнѣ соотвѣтствующей настоящему положенію Франціи», а показываетъ только то, что

республиканскія учрежденія до того окрѣпли, что дали прочную почву, на которой «Франція можетъ отнынѣ съ увѣренностью подвигаться впередъ по пути необходимыхъ реформъ и послѣдовательныхъ улучшеній». Онѣ будутъ осуществляться «безъ торопливости, но и безъ колебаній», если *союзъ и искреннее соласіе* различныхъ фракцій большинства окажутъ правительству «постоянное содѣйствіе и энергическую поддержку». Министерство въ самомъ скоромъ времени представитъ въ сенатъ законопроектъ объ общественномъ образованіи, уже принятые палатою, и вновь выработанные законопроектъ объ образованіи первоначальномъ. Оно употребитъ всѣ усилія, чтобы составъ магистратуры состоялъ изъ лицъ «сильныхъ, всѣми уважаемыхъ и вполне подчиняющихся существующимъ учреждениямъ». Оно закончитъ очищеніе административнаго персонала «хорошимъ выборомъ лицъ, стоящихъ у вершинъ управленія, и ежедневною твѣрдою, зоркою бдительностью за дѣйствіями чиновниковъ всѣхъ степеней іерархіи»; оно будетъ поддерживать проектъ будущаго кабинета о правѣ сходакъ и въ самомъ скоромъ времени представитъ свой законопроектъ о печати, «внушенный стремленіемъ къ самой широкой свободѣ, но не приводящій къ безваканности».

Вотъ все, что заключается въ заявленіи относительно политики; объ амнистіи въ немъ не упомянуто ни однимъ словомъ. Затѣмъ, правительство заявляетъ о своемъ желаніи въ самомъ скоромъ времени приступить къ осуществленію широкой программы общественныхъ работъ, уже одобренныхъ палатами. Оно желаетъ обсудить, совмѣстно съ парламентомъ, новый таможенный уставъ, «близкій, по характеру, съ существующимъ», подъ чѣмъ подразумѣвается, что, соглашаясь сдѣлать нѣкоторыя уступки протекціонистамъ въ тарифѣ при заключеніи новыхъ торговыхъ трактатовъ, оно желаетъ удержать въ то же время въ общемъ принципъ свободной торговли, какъ это ведется съ 1860 года. Правительство намѣрено поторопиться съ окончаніемъ организаціи арміи. Постоянный избытокъ въ бюджетныхъ поступленіяхъ (141 милл. въ 1879 г.) даетъ ему возможность значительно сократить наиболѣе тяжелыя для плательщиковъ обложенія. Желая быть только «вѣрными исполнителями рѣшеній палатъ», министры обѣщаютъ, въ дѣлѣ приложенія законовъ, «умѣренность, безпристрастіе и постоянный духъ свободы». Вышею заботою ихъ будетъ забота о доставленіи странѣ «мира и спокойствія», такъ же, какъ и поддержаніе такой республики, «къ которой могли бы присоединиться послѣдовательно всѣ французы». Правительство обращается «къ систематичности, послѣдовательности и рѣшительности» республиканскаго большинства, чтобы исполнить, при его содѣйствіи, всѣ выраженные имъ желанія до окончанія срока полномочій народныхъ представителей настоящаго созыва и, такимъ образомъ, достигнуть того, чтобы, во времени новыхъ общихъ выборовъ, избиратели могли убѣдиться, что «время

власти настоящего кабинета было употреблено хорошо и что представители народа оправдали выборъ страны».

Само собою разумѣется, что «République Française» отозвалась съ похвалою о заявленіи Фрейсина, выражающемъ собой вполне оппортунистскую программу Гамбетты. «Правительство, говорится въ ней: — не выступаетъ съ обѣщаніемъ исполненія всѣхъ требованій народа, но твердо рѣшается осуществить, при пособіи большинства, все то, что оно обѣщаетъ въ своемъ заявленіи. Чѣмъ скромнѣе его образъ выраженій, тѣмъ больше энергіи предчувствуется при приведеніи въ исполненіе его обѣщаній. Но для того, чтобы оно могло быть именно такимъ, какимъ желаетъ, т. е. твердымъ, прочнымъ и способнымъ выполнить свои обѣщанія, необходимо, чтобы республиканское большинство, съ своей стороны, оставалось единодушнымъ, сильнымъ, дѣятельнымъ и постояннымъ. Тяжелая отвѣтственность передъ страной падеть на народныхъ представителей, если они своими раздорами, непослѣдовательностью и отсутствіемъ государственнаго смысла станутъ препятствовать министерству въ исполненіи имъ его задачъ и, такимъ образомъ, парализуютъ его дѣятельность». «République Française» нисколько не сомнѣвается въ томъ, что министерское заявленіе произвело «глубокое и благотворное впечатлѣніе какъ на палаты, такъ и на всю страну». «1880 годъ, говорится въ заключеніи:—начнется при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Почва для политической дѣятельности съ каждымъ днемъ будетъ упрочняться... и довѣріе страны къ правительству представляется вполне законнымъ и основательнымъ». Въ отдѣльной статьѣ той же газеты, посвященной вопросу о полной амнистіи, которой она недавно требовала и о которой не упомянуто въ министерскомъ заявленіи, говорится, что рѣшеніе этого вопроса должно быть на нѣкоторое время отложено, такъ какъ неловкія дѣйствія нѣкоторыхъ изъ членовъ парламента сдѣлали его для настоящей минуты рѣшительно неразрѣшимымъ не только въ сенатѣ, но и въ палатѣ. Въ статьѣ совѣтуется правительству произвести какъ можно болѣе помилованій, а радикальной оппозиціи поощрять съ своими требованіями до конца года, когда, «съ возвращеніемъ почти всѣхъ осужденныхъ, гуманитарная сторона вопроса будетъ удовлетворена и съ политической его стороны будетъ уже легко покончить. Газета надѣется, что всѣ республиканцы, за незначительнымъ исключеніемъ нѣсколькихъ честолюбцевъ и слишкомъ горячихъ головъ, хорошо понимаютъ всю опасность, если съ этимъ вопросомъ не будетъ покончено до наступленія новаго всеобщаго голосованія. Политическія разногласія по вопросу объ амнистіи грозятъ произвести ожесточеніе между избирательными комитетами и вызвать такое же разъединеніе, какое уже и теперь произошло между группами лѣвыхъ палатъ. Это принесетъ пользу только одной монархической и клерикальной реакціи, которая уже съ настоящаго времени разсчитываетъ на возможный раз-

доть между республиканцами, какъ на послѣдній и единствен- ный для нея шансъ отмщенія республикѣ за свое пораженіе.

«Journal des Débats», подѣ влияніемъ бывшаго министра Леона Сэ, находитъ, что исполненіе задачи кабинета Фрейсинэ весьма затруднительно при настоящихъ обстоятельствахъ, но что тѣмъ выше будетъ заслуга его, если ему удастся удовлетво- рительно рѣшить ее. «XIX Вѣкъ» и «Temps» одобряютъ заяв- леніе безъ всякой задней мысли и выражаютъ надежду, что пра- вительство приобрететъ прочное большинство, даже ежели бы крайняя лѣвая и была противъ него. «Parlement», органъ се- натора Дюфора и депутата Рибо, очень не въ духѣ; ему, оче- видно, не по нутру потеря министерства Ваддингтона, такъ какъ надежда коноводовъ этой газеты добиться когда-нибудь снова власти должна была отъ такой перемѣны значительно поблекнуть. Изъ отношеній къ новому министерству различныхъ орлеанист- скихъ, легитимистскихъ и империалистскихъ газетъ нельзя не вывести заключенія, что они смотрятъ, какъ на величайшее не- счастье для партій, выразителями мнѣній которыхъ онѣ служатъ, возникновеніе умѣренного, но дѣятельнаго министерства. Онѣ наперерывъ стараются сѣять раздоры и несогласія между рес- публиканцами, для чего и перепечатаваютъ на своихъ столб- цахъ чуть не цѣлыми разныя зажитательныя статьи изъ де- шевыхъ революціонныхъ газетъ, какими стали, напримѣръ, «Rap- pel» и «Mot d'Ordre».

Наибольшаго вниманія изъ всѣхъ неблагопріятныхъ правитель- ству отзывовъ заслуживаетъ мнѣніе «Justice», большой газеты, начавшей издаваться съ 15-го января, подѣ политическимъ влияніемъ Клемансо. Сущность взглядовъ этой газеты на каби- нетъ Фрейсинэ весьма характерно выражается нѣсколькими сло- вами въ слѣдующей ея замѣткѣ: «У насъ собственно ничего не перемѣнилось, кромѣ нѣкоторыхъ министровъ... Вчера у насъ было министерство Дюфора—безъ Дюфора, сегодня министерство Ваддингтона—безъ Ваддингтона. Это только какая-то заплатка». Вообще отъ новаго органа ожидали гораздо болѣе, чѣмъ оказа- лось на дѣлѣ. Какъ публицистъ, Клемансо оказался ниже, чѣмъ парламентскій ораторъ. Умѣренный тонъ новой газеты также не мало всѣхъ удивилъ. Въ одномъ изъ первыхъ ну- меровъ, разъясняя свою программу, газета говорила, что бу- детъ органомъ «свободной политики въ обширномъ и народ- номъ смыслѣ этого слова и станетъ требовать равенства ре- формъ и свободы», а между тѣмъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ, объясняя противодѣйствіе крайней лѣвой избранію Гамбетты президентомъ палаты, газета говорить: «Мѣсто почет- наго отдыха не для Гамбетты: онъ долженъ стоять во главѣ дѣ- ятельной политики Франціи». Заявивъ себя въ предыдущей сессіи противникомъ «опортунизма», Клемансо, очевидно, могъ высказать подобную мысль только потому, что самъ можетъ до- биться власти не иначе, какъ послѣ паденія министерства Гам-

бетты, на которое уже давно рассчитываютъ публицисты, въ родѣ Эмиля де-Жирардена, и всякіе враги республики съ Полемъ де-Кассаньякомъ во главѣ. Но если Клемансо и не прочь сдѣлать «Justice» органомъ своихъ честолюбивыхъ плановъ, то у него, какъ у настоящаго демократа и дальновиднаго политика, есть и другіе, болѣе почтенныя цѣли, а именно, подготовить, посредствомъ своего журнала, почву для радикально-патріотической республики, въ которую, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, должна перелиться существующая ея форма переходнаго времени. Онъ стремится всѣ существующія опасныя стремленія преобразовать въ болѣе терпимыя, очищая ихъ отъ всего утопическаго, чтобы такимъ образомъ предотвратить возможность чего-либо въ родѣ новой коммуны, что могло бы привести къ паденію республики и новому водворенію во Франціи монархіи. Поэтому-то «Justice», соперничая съ «République Française», еще болѣе враждуетъ съ «Mot d'Ordre». Такъ какъ главнымъ редакторомъ «Justice» сдѣлался Камилль Пелльтанъ, талантливѣйшій изъ сотрудниковъ «Rappel'я», то «Rappel», въ свою очередь, переманилъ къ себѣ изъ «Mot d'Ordre» Рошфора, звѣзда котораго за послѣднее время значительно, впрочемъ, поблекла, такъ что во всей этой исторіи оказался въ накладѣ одинъ «Mot d'Ordre», у котораго теперь только два даровитыхъ сотрудника Лепелетье и Юмбёръ, недавно попавшій на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму Сен-Пелажи за дуэль съ однимъ изъ редакторовъ «Фонаря». Кромѣ того, въ конкуренцію съ «Mot d'Ordre», появились еще новыя газеты «Journal à un sou» Тоня Ревильона съ ежедневнымъ фельетономъ Жюля Валлеса и «Le citoyen» — газета, предпринятая нѣкимъ Сегондинь, при главномъ сотрудничествѣ Бенжамена Гатино, въ которой работаютъ нѣкоторые изъ амнистированныхъ.

Въ тоже время появилась и новая большая газета по дешевой цѣнѣ (5 сантимовъ за номеръ) «Opinion Publique», программой которой — «обновленіе социальныхъ учреждений безъ общественныхъ потрясеній». Затѣяна она совершенно неизвѣстнымъ въ литературѣ, бывшимъ префектомъ Серромъ, и, по всей вѣроятности, на скудныя средства, такъ какъ уже успѣла выказать неаккуратность въ выходѣ своихъ номеровъ. Несмотря на то, что въ газетѣ этой не участвуетъ никто изъ извѣстностей, статьи въ ней составляются весьма талантливо и въ авторахъ ихъ видны знаніе и изученіе тѣхъ вопросовъ, о которыхъ они трактуютъ. Но такъ какъ эта газета вполнѣ независима и не выражаетъ мнѣній которой-либо изъ парламентскихъ группъ, да сверхъ того и отступила отъ обычной у насъ газетной рутинны, т. е. не помѣщаетъ ни скандальныхъ фельетоновъ, ни личностей, ни ожесточенной полемики, то она почти совсѣмъ не раскупается въ Парижѣ и, кажется, очень туго расходится и въ провинціяхъ. Такимъ образомъ, газетѣ придется весьма долго ждать такой подписки, которая бы ее обезпечила, и она, вѣроятно, погибнетъ въ

этихъ ожиданіяхъ, если ее не купить какой-нибудь финансистъ-спекуляторъ и не передѣляетъ на свой ладъ для проведенія интересовъ какого-либо финансоваго предпріятія. Страніе финансистовъ захватывать въ свои руки газеты составляетъ въ настоящее время у насъ весьма характерный признакъ времени. Едва ли въ наши дни существуетъ во Франціи хотя одинъ банкъ, который не старался бы обзавестись своимъ собственнымъ политическимъ органомъ. Такъ, недавно, одинъ весьма незначительный банкъ учредилъ газету совсѣмъ въ особенномъ родѣ («Le Petit Journal du Soir»), объявленіе о которой, напечатанное огромными буквами, развизится по Парижу въ особенномъ экипажѣ, запряженномъ въ нѣсколько лошадей, и издатели которой сулятъ, въ видѣ преміи, посеребренные ложки всѣмъ тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, которые, въ числѣ первыхъ 50-ти человекъ, станутъ доставлять ежедневно въ редакцію разгадки шарадъ, помѣщаемыхъ въ предъидущихъ номерахъ. Одинъ изъ большихъ магазиновъ готоваго платья, помѣщающійся въ шести этажахъ огромнаго дома, на углу улицы Монтескье, обратился, съ мѣсяцъ тому назадъ, въ богато убранный отель «какого-то «Grand Journal», котораго парижане еще не видали въ глаза, такъ какъ весь его 10-ти-тысячный тиражъ разсылается подписчикамъ въ департаменты для услажденія ихъ досуговъ, пока издатель этой газеты, директоръ общества національнаго кредита, не выйдетъ изъ тюрьмы Сен-Пелажи, куда попалъ за свои предпріятія. Что касается до «Globe», дѣйствительно самой большой изъ парижскихъ газетъ, то она перестала быть органомъ лѣваго центра и сдѣлалась выразительницей идей Гамбетты и оппортунизма. Такимъ образомъ, вмѣсто одного органа «République Française», оппортунизмъ насчитываетъ уже цѣлую группу органовъ, куда входятъ ежедневная «Petite République Française», еженедѣльные: «La Semaine populaire» и «Famille illustrée», выходящая три раза въ недѣлю «l'Armée française» и небольшая газетка, статьи которой пишутся простонароднымъ нарѣчіемъ (patois) «Le Lampron de Berluron», начавшая издаваться вмѣсто «La Lanterne de Voquillon», измѣнившей своему прежнему направленію. Такимъ сосредоточеніемъ въ одной типографіи и подъ однимъ политическимъ влияніемъ различныхъ формъ публикацій, расходящихся въ различныхъ слояхъ общества, къ политической печати еще впервые примѣняется приемъ, введенный въ финансовую сферу Эмилемъ де-Жиранденомъ, Жибіа, Жанти и Субейраномъ, которые въ «Petit Journal», «Soir», «Pays» и «France» припрягли еще около дюжины газетъ самыхъ противоположныхъ направленій для дружной проповѣди взглядовъ, распространеніе которыхъ начато ими въ видахъ процвѣтанія финансовыхъ предпріятій.

Расширеніе свободы печати, котораго должно ждать отъ новаго закона, долженствующаго пройти въ настоящую сессію, при чемъ можно надѣяться на отмѣну штемпельной платы и налога на бумагу, произведетъ серьезную конкуренцію подобному нововведе-

нію, предоставивъ большій просторъ личной инициативѣ при основаніи независимыхъ газетъ. Въ настоящее время, чтобы начать въ Парижѣ газету въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ, необходимо предварительно затратить минимумъ 30 — 40 тысячъ франковъ. Свобода печати, безъ сомнѣнія, увеличить у насъ количество газетъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ, до того числа, въ какомъ онѣ издаются въ Швейцаріи, Бельгіи, Италіи, Англии и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ существуютъ органы мнѣній чуть не каждой незначительной мѣстности и представителей всякихъ специальностей. Разумѣется, что при быстро усиливающимся образованіи во всѣхъ классахъ, при полной свободѣ печати, не произойдетъ никакихъ волненій и у насъ, какъ не происходило ихъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ подобная свобода уже существуетъ.

Но я, изъ-за новыхъ газетъ, отвлекся отъ описанія хода дѣлъ въ палатахъ, почему и возвращаюсь къ нему снова. 16-го и 17-го три новые министра имѣли успѣхъ въ палатѣ депутатовъ. Прежде всего, министру внутреннихъ дѣлъ удалось провести простой переходъ къ очередному порядку, въ отвѣтъ на запросъ вандейца Бодри-д'Ассона объ увольненіи мэрсовъ, участвовавшихъ въ легитимистскихъ банкетахъ. Затѣмъ, министръ финансовъ заставилъ замолчать бонапартистовъ Гентьенса и Лангле, покушавшихся втянуть министерство въ вопросъ объ обращеніи ренты, не удостоивъ ихъ даже отвѣтомъ. Наконецъ, военный министръ внесъ законъ объ уничтоженіи званія полковыхъ священниковъ, который и прошелъ при большинствѣ 342-хъ голосовъ противъ 111-ти и такимъ образомъ сразу уничтожилъ вліяніе на войско іезуитовъ, которые, на основаніи закона 1874 г., имѣли возможность имѣть своихъ агентовъ въ каждомъ полку.

Между тѣмъ, между республиканцами палаты, за исключеніемъ около 30 членовъ крайней лѣвой и человекъ 13 изъ лѣваго центра, возникъ вопросъ: нѣтъ ли для нихъ возможности организовать, на основаніи министерскаго заявленія, въ постоянное правительственное большинство голосовъ въ 275, или 300? Не будетъ ли также для этого необходимымъ уничтожить барьеръ, отдѣляющій республиканскій союзъ отъ республиканской лѣвой и составить одну большую группу «союза лѣвыхъ». Предложеніе это, переданное умѣренной лѣвой, было ею принято уже въ соображеніе, какъ вдругъ въ лѣвомъ центрѣ и въ крайней лѣвой возникла противъ него сильная оппозиція. Республиканскій союзъ, добрая треть котораго подчиняется одновременно вліяніямъ какъ Бриссона и Флокэ, такъ и Клемансо, не принялъ проекта прямого и простого соединенія. Послѣ долгихъ и оживленныхъ преній, большинство его, однако, приняло идею общихъ собраній четырехъ лѣвыхъ группъ, предложенную Антоненомъ Прустомъ, подъ вліяніемъ Гамбетты; но въ ту минуту, когда я оканчиваю эту корреспонденцію, вопросъ объ этомъ соглашеніи, вмѣсто разрѣшенія его, начинаетъ повидимому усложняться. Лѣвый центръ

снова измышляетъ какія-то препятствія, крайніе лѣвыя тоже, и Луи-Бланъ снова рѣшился поднять жгучій вопросъ о полной амнистіи. Вы, конечно, не забыли, что это предложеніе уже потерпѣло фіаско въ прошедшую сессію, когда за него оказалось всего на всего 59 голосовъ. Новое предложеніе подписало только 49 человекъ, изъ которыхъ 26 принадлежать къ крайней лѣвой, 20 къ республиканскому союзу, 2 къ умѣренной лѣвой и 1 къ лѣвому центру. Изъ 25-ти сенскихъ депутатовъ подписалось только 14. Палата приняла неотложность этого предложенія и, какъ предварительное обсужденіе его въ бюро, такъ и публичныя пренія въ засѣданіи палаты произойдутъ на дняхъ. Предложеніе это очевидно провалится, но успѣхъ въ этомъ щевотливомъ дѣлѣ также мало послужитъ къ подрѣзленію кабинета Фрейсинэ, какъ онъ мало послужилъ въ пользу кабинета Ваддингтона. Настоящему министерству необходимо заявленіе довѣрія палаты въ несравненно болѣе широкомъ смыслѣ, особливо въ ту минуту, когда въ сенатѣ готова вспыхнуть рѣшительная борьба по поводу законопроектвъ Ферри.

Въ сенатѣ большинство правыхъ рѣшило положительно организовать въ общее собраніе и избрать комиссію изъ 12 делегатовъ, на обязанности которыхъ должно быть принятіе общихъ рѣшеній во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ. Этотъ центральный комитетъ реакціи состоитъ изъ 6 членовъ правой, 4 праваго центра и 2 бонапартистовъ. Для того, чтобы онъ имѣлъ компетентность пришлось избѣгать назначенія въ него лицъ, участвовавшихъ въ интригѣ 16-го мая, начиная съ самаго герцога де-Брольи. Этотъ сенатскій отрицательный союзъ долженъ бы былъ послужить весьма внушительнымъ примѣромъ для лѣвыхъ палаты, тѣмъ болѣе, что онъ возникаетъ въ такое время, когда всѣ парламентскіе реакціонеры чуть не ѣдятъ другъ друга. Мессы роялистовъ въ память Людовика XVI и мессы въ память Наполеона III чередуются одна за другой. Мало того, бонапартистскія мессы въ Парижѣ въ церкви Августина и св. Филиппа сопровождались процессіями изъ полусотни продавцовъ фіалокъ, провозглашавшихъ громогласно заслуги Поля Кассаньяка и Жюля Амига. Публика только смѣялась и полиція также, но органъ Наполеона V и «Ordre», газета бывшаго префекта Паскаля, не на шутку перетрусилы. Опасаясь, чтобы за такія ребячeskія выходки не заплатился принцъ Жеромъ своимъ изгнаніемъ изъ Франціи, они стали обвинять Амига и Кассаньяка въ провокаторствѣ, называя ихъ чуть не шпіонами, за что, въ свою очередь, получили названія трусовъ и республиканскихъ «подошволизателей». «Раусъ» гласно заявилъ, что его редакторъ «имѣетъ обыкновеніе защищаться, когда на него нападаютъ» и, дѣйстви-тельно, знаменитый корсиканецъ сталъ выходить на улицу не иначе, какъ съ заряженнымъ револьверомъ, чтобы, говоря его выраженіемъ, «начинать свинцомъ пустяга головы».

Какъ разъ во время этихъ пердрагъ между бонапартистами

и легитимистами, изъ которыхъ послѣдніе хвастались тѣмъ, что орлеанскіе принцы присутствовали на мессъ въ память Людовика XVI, «Фигаро» напечаталъ длинную статью, подъ названіемъ «Политика въ Шантильи», написанную, очевидно, кѣмъ-либо изъ приближенныхъ герцога Омальскаго. Въ статьѣ этой заявляется, что отказъ Генриха V отъ трехцѣтнаго знамени совершенно освобождаетъ орлеанистовъ отъ всякаго содѣйствія планамъ легитимистовъ, что сочувствіе Мак-Магона бонапартистамъ помѣшало имъ поддерживать Мак-Магона, что они никогда не намѣрены помогать чѣмъ-либо имперіалистской реставраціи и нисколько не желаютъ поддерживать постоянной оппозиціи противъ правительства. Вся статья эта, очевидно, написана для того, чтобы заявить, что герцогъ Омальскій, точно такъ же, какъ и принцъ Жеромъ, желаетъ прежде всего избѣжать изгнанія изъ Франціи и рѣшился, въ ожиданіи будущаго, наслаждаться настоящимъ. Что и требовалось доказать.

III.

Литература, театры, искусства и некрологъ. — Приемъ Тэна въ академію. — Костюмированный балъ «Nouvelle Revue». — Карнавалъ. — Театральныя и музыкальныя новости. — Празднованіе годовщины Мольера. — Шедѣвръ Эрмана-Шатриана: «Эльзасъ», недозволенный цензурою къ представленію. — Выставка Верещагина. — Новыя книги. — Некрологи Брандцгага, Монталиве, герцога Грамона, Лаверня и Жюля Фавра.

15-го января происходилъ торжественный приемъ Ипполита Адольфа Тэна въ академію. Его «dignus est intrare» произнесень былъ съ подобающею торжественностью химикомъ Дюма. На обязанность Тэна выпало тяжелое дѣло — похвала его предшественнику Ломени, личности крайне ничтожной. Тэнъ очень ловко вывернулся изъ своего затруднительнаго положенія, оставивъ совершенно въ сторонѣ философскіе и политическіе взгляды біографа Бомарше и Мирабо, а разсказалъ только его біографію, которую расцѣпятилъ различными историческими чертами этого интереснаго времени. Благодаря такому приему, онъ удовлетворилъ всѣхъ своихъ слушателей и не возбудилъ къ себѣ недовольства даже въ тѣхъ, которые не прощаютъ Тэну, какъ того, что свой этюдъ о французской революціи онъ написалъ подъ вліяніемъ страха, произведеннаго на него коммуной, такъ и тѣхъ старческихъ уступокъ, какія онъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ сдѣлалъ спиритуалистамъ, послѣ того, какъ въ молодости разбивалъ въ пухъ и прахъ всѣ ихъ узенькія системы міросозерпанія. Успѣхъ его былъ полный, такъ какъ былъ исключительно литературнымъ и его первая академическая рѣчь надолго сохранится въ литературѣ, благодаря художественности, которую исполнены нѣкоторыя заключающіяся

въ ней историческія описанія въ родѣ, напримѣръ, описанія салона г-жи Рекамье.

Этотъ салонъ, обыкновенно слабо освѣщавшійся и куда собирались съ единственною цѣлью обмѣна мыслей, гдѣ постояннымъ гостемъ и всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ въ отдаленномъ углу появлялся догоравшій въ то время Шатобрианъ—составляетъ совершенную противоположность съ салономъ г-жи Эдмонъ Адамъ, (Жюльеты Ламбергъ), издательницы «Nouvelle Revue», объ открытіи котораго я вамъ уже сообщалъ, и который, оживленнымъ характеромъ происходящихъ въ немъ собраній, напоминаетъ самыя шумныя и веселыя салоны временъ директоріи. 17-го января происходилъ въ этомъ салонѣ костюмированный балъ, для присутствія на которомъ самыя серьезныя государственныя дѣятели обязаны были являться, по крайней мѣрѣ, въ домино и бѣлыхъ бумажныхъ колпакахъ. Хозяйка и ея дочь были замаскированы цыганками и г-жа Адамъ предсказывала каждому гостю его будущность. Танцовали часовъ до 4-хъ, а ужинали чуть не утромъ. Къ сожалѣнію, самая интересная политическая маска (Гамбетта) на балѣ не присутствовала.

За то официальное открытіе карнавала маскарадомъ въ большой оперѣ было весьма неудачно. Публики въ этомъ маскарадѣ было такъ мало, что за входные билеты собрано на 13 тысячъ франковъ меньше, чѣмъ въ прошломъ году. Какъ въ высшемъ обществѣ, такъ и въ средѣ дамъ полусвѣта принято лозунгомъ въ нынѣшній карнавалъ «сидѣть дома», чтобы воспрепятствовать этимъ торговому оживленію при республикѣ. За то официальные приемы республиканскихъ властей общаются быть чрезвычайно оживленными и будутъ до конца зимы слѣдовать одни за другими непрерывно. Президентъ республики предполагаетъ организовать въ Елисейскомъ дворцѣ два большіе бала, на каждый изъ которыхъ будетъ разослано по 5 тысячъ приглашеній. Нѣсколько баловъ будетъ дано также въ февралѣ въ бурбонскомъ и люксембургскомъ дворцахъ Гамбеттою и Мартелемъ. Новые министры тоже ожидаютъ только сформированія постоянного правительственнаго большинства, чтобы устроить цѣлую серію баловъ.

Замѣчательныхъ театральныхъ новостей все еще приходится только ожидать. Новая комическая опера: «Les Voltigeurs de la 32-е» композитора Планкета оказалась, и по музыкѣ и по либретто, несравненно слабѣе «Корнвильскихъ колоколовъ» того же автора, такъ что даже участіе въ ней такихъ исполнительницъ и исполнителей, какъ Гранье, Деклоза, Милли Мейеръ и Измазя не обезпечило за ней прочнаго успѣха. Въ большой оперѣ идутъ репетиціи «Аиды» Верди, переведенной на французскій языкъ, и возобновленъ моцартовскій «Донъ-Жуанъ», въ которомъ Фора окончательно замѣнилъ Морель, замѣчательныя качества голоса и игры котораго съ каждымъ днемъ все больше и больше обнаруживаются. Изъ-за постановки Донъ-Жуана воз-

ники несогласія между директоромъ оперы Вокорбейлемъ и капельмейстеромъ Ламурё, окончившіяся весьма печально, такъ какъ Ламурё, этотъ замѣчательно знающій музыкантъ, оставилъ управление оркестромъ Большой Оперы. На канцертахъ Паделу былъ исполненъ весьма замѣчательный въ драматическомъ смыслѣ отрывокъ изъ неизданной еще оперы Жиро: «le Feu» и симфоническая поэма Сень-Санса на слова Виктора Гюго «Лира и арфа», написанная для фестиваля, происходившаго въ Бирмингамъ въ 1878 году, и совершенно неизвѣстная въ Парижѣ. На концертахъ въ консерваторіи совершенно неизвѣстный артистъ Жилле великолѣпно исполнилъ концертъ Генделя, написанный для гобоя. Оказалось, что этотъ юноша такъ владѣетъ гобоемъ, какъ едва ли до него кто-нибудь владѣлъ имъ, за что и удостоился необычайной оваціи отъ своихъ товарищей. Весь персоналъ оркестра, состоящій по большей части изъ стариковъ, всталъ, какъ одинъ человекъ, и преклонился предъ восходящею звѣздою. На сценѣ народной оперы, «Гвидо и Женевру» смѣнилось возобновленіе «Павла и Виргиніи», съ г-жею Сесилією Риттеръ, но увъ! безъ Капуля, Буи и г-жи Энгалли. Съ февраля мѣсяца на этой сценѣ представленія французскихъ оперъ будутъ чередоваться съ представленіями оперы итальянской, съ участіемъ Патти. Нужно ли говорить, что на всѣ послѣднія уже впередъ разобраны чуть не всѣ мѣста. Какъ дирекція театра, такъ и публика весьма долго опасались, что маркизь Ко снова наложитъ свое veto на появленіе передъ французской публикой своей бывшей подруги жизни. Но теперь эти опасенія вполнѣ разсѣялись, такъ какъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ стало извѣстнымъ, что какъ маркизь съ одной стороны, такъ и г-жа Николини съ другой совершили торжественное примиреніе, положивъ болѣе уже не обращаться къ Омидѣ и сожгли на алтарѣ искусства всѣ судебные документы, свидѣтельствовавшіе объ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ.

Освобождаю себя и васъ на этотъ разъ отъ отчета о новыхъ пьесахъ, изъ которыхъ даже лучшія — «Господинъ Барлизонъ» (Пале-Рояль); «Банкаль и К^о», мелодрама Эрнеста Мореля (Клюни); «Честныя женщины», комедія въ одномъ дѣйствіи Анри Бека (Гуппазе) и четырехъ-актная комедія Альберта Дельпи: «Сынъ Коралии» (тотъ же театр) — имѣли весьма слабый успѣхъ. За это же время окончательно провалился, въ качествѣ драматическаго писателя, извѣстный романистъ Кларети, со своею попыткой передѣлки одного изъ своихъ романовъ: «Красавецъ Солиньякъ», для сцены театра Шателё.

258-я годовщина дня рожденія Мольера была торжественно отпразднована 15-го на сценахъ театра Французской Комедіи, Одеона и Клюни. Въ первомъ изъ этихъ театровъ шла, по обыкновенію, пьеска, написанная на случай однимъ начинающимъ писателемъ: «Скапенъ и Діогенъ», въ которой оба брата Ковелены были неподражаемо хороши. Для сцены Клюни тоже на-

рочно была написана пьеса въ стихахъ: «Кладбище Св. Іосифа» молодымъ писателемъ Гюставомъ Риве, въ которой выведены на сцену Альцестъ и Тартюфъ и олицетворенія Франціи, комедіи и свободной мысли. Пьеска эта произвела рѣшительный фуроръ въ средѣ своихъ зрителей, состоявшихъ изъ студентовъ и рабочихъ. Театръ Ambigu, послѣ успѣха Assomoir'a, заручился пьескою совсѣмъ въ другомъ родѣ, но которая должна была совершенно затмить успѣхъ реальной попытки Золя, и, вѣроятно, на цѣлый годъ обезпечила бы сборы дирекціи этого театра. Пьеса эта, называющаяся «Эльзась», написана Эрмагомъ и Шатрианомъ. Но появленію на сценѣ «Эльзаса» не удалось осуществиться; вмѣшалась цензура, и правительство нашло невозможнымъ исполненіе этой драмы, опасаясь, что она произведетъ слишкомъ сильный взрывъ патріотизма. Другой никакой вины за пьесой нѣтъ, такъ какъ ни въ содержаніи ея, ни въ изложеніи нѣтъ рѣшительно ничего, что могло бы раздражать противъ насъ берлинскій кабинетъ и подать поводъ къ какой-нибудь непріятной дипломатической нотѣ. Пруссія въ ней даже не названа и объ ней напоминаетъ развѣ одинъ пушечный выстрѣлъ, слышавшійся издалека при окончаніи одного изъ актовъ. Въ ней нѣтъ ни одного измѣнника, котораго публика могла бы прозвать нѣмцемъ, и нѣтъ ни одного слова о международной борьбѣ. Вся пьеса, такъ сказать, носитъ интимный характеръ, и основной ея мотивъ — та скорбь, какую испытывали эльзасцы при своей экспатріаціи. Національное бѣдствіе это разстраиваетъ весь бытъ одной семьи и препятствуетъ браку дѣвушки съ дорогимъ для нея человѣкомъ. Шатрианъ читалъ главные отрывки изъ этой пьесы въ залѣ эльзась-лотарингской массонской ложи, и трудно передать тотъ энтузіазмъ, какой она произвела на 900 человѣкъ слушателей этого чтенія. Шатрианъ до нельзя былъ растроганъ сдѣланной ему оваціей, и, благодаря за нее рукоплескавшихъ ему лицъ, сказалъ съ глубокимъ чувствомъ: «Да, господа, вы сдѣлали для меня понятнымъ, что наша пьеса могла бы быть недурна на сценѣ. Ее, вѣроятно, и поставятъ гдѣ-нибудь въ Брюссель, въ Лондонѣ, Голландіи, Австріи или Америкѣ; но намъ, какъ авторамъ, это не принесетъ ни радости, ни удовольствія. Когда мы ее писали, мы думали объ одной Франціи». Я вамъ писалъ уже нѣкогда, въ чемъ состояли главнѣйшія достоинства, обусловившія такой громадный успѣхъ «Друга Фрица» на сценѣ театра Французской Комедіи. Достоинства эти: искренность чувства и простота выраженія. Этими же достоинствами преисполненъ и «Эльзась», но авторы его выказывали въ новой своей драмѣ еще необычайное умѣнье высказывать, безъ всякихъ громкихъ фразъ, самые широкіе взгляды и глубокія мысли. Я не знаю, читалъ ли я что-нибудь въ жизни, что бы такъ сильно захватывало чувство и дѣйствовало такъ прямо на сердце, и совершенно увѣрять, что ни одинъ читатель, не лишенный человѣческихъ чувствъ, къ какой бы націи онъ ни при-

надлежалъ, не прочтеть ея хладнокровно. Лучшею сценою пьесы должно признать ту, въ которой происходитъ сдача Фальдбурга. Въ Hôtel de Ville этого героическаго, укрѣпленнаго мѣстечка происходитъ послѣдній военный совѣтъ. Комендантъ читаетъ письмо, которое рѣшено отправить къ главнокомандующему непріятельскихъ войскъ: «Черезъ 24 часа наши запасы провизіи будутъ совершенно истощены; завтра съ утра городскія ворота будутъ открыты. Себя лично отдаю совершенно въ ваше распоряженіе». Потомъ онъ обращается поочередно къ каждому изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ защитѣ мѣстечка, съ такими вопросами:

— Уничтоженъ ли волосъ изъ матрасовъ, и приведена ли въ негодность вся утварь въ домахъ?

— Исполнено, г. комендантъ.

— Завлечены ли пушки? Истреблены ли заряды? Затоплены ли порохи?

— Исполнено, господинъ комендантъ.

— Сломаны ли всѣ ружья?

— Исполнено, господинъ комендантъ.

— Сожжены ли знамена?

— Исполнено, господинъ комендантъ.

— Отлично, всѣ исполнили свой долгъ. Теперь пусть военный совѣтъ судить меня и рѣшить, исполненъ ли долгъ и мною.»

Послѣднее знамя, еще развѣвавшееся надъ зданіемъ Hôtel de Ville, медленно спускаютъ; офицеры склоняютъ передъ нимъ шпаги, вынутыя изъ ноженъ. Отъ знамени побѣжденные отрываютъ лоскутья, которыя и прячутъ тутъ же на груди. Остатки знамени и древко его тотчасъ же сожигаются. Занавѣсъ падаетъ.

Я опасаясь, не слишкомъ ли далеко зашло миролюбіе правительства, запретившаго эту патриотическую пьесу, и мнѣ кажется, что этимъ случаемъ оно могло бы совершенно иначе воспользоваться, отмѣнивъ драматическую цензуру и заявивъ этимъ, что оно не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности за чувства, выражаемыя въ театрахъ авторами пьесъ и зрителями. Дирекція Ambigu въ совершенномъ отчаяніи отъ запрещенія «Эльзаса», и чтобы сколько-нибудь возмѣстить ущербъ, причиненный ей этимъ, ухватила руками и ногами за только-что написанную романистомъ Лермина, въ сотрудничествѣ съ опытнымъ драматургомъ Делакуромъ, патриотическую драму: «Тюреннъ». Дѣло въ ней идетъ также объ отечествѣ и Эльзасѣ, но отечество является побѣдителемъ, а Эльзасъ только-что завоеваннымъ; а такъ какъ въ пьесѣ выведенъ и самъ Людовикъ XIV, то у Германскаго императора этимъ отнять всякій предлогъ искать въ пьесѣ какихъ-нибудь намековъ на Наполеона III и Базена. «Тюреннъ» пойдетъ еще въ февралѣ, и если онъ будетъ имѣть успѣхъ, то я объ немъ еще буду говорить.

Въ помѣщеніи общества изящныхъ искусствъ улицы Вальнэ происходила выставка картинъ вашего соотечественника Вере-

цагина, имѣвшая огромный успѣхъ. Всѣ значительные журналы посвятили его картинамъ изъ турецко-русской войны и путешествію въ Индію большія статьи, съ подробнымъ критическимъ ихъ анализомъ. Такъ какъ рядомъ съ большими, вполне оконченными картинами выставлено было множество и на-скоро набросанныхъ этюдовъ, то, разумѣется, кое-что въ работахъ художника подвергалось и нѣкоторому осужденію; но всѣ наши художественные критики единодушно отдали полную справедливость изумительной искренности изображеній неутомимаго художника-наблюдателя, умѣющаго такъ реально передавать все, что онъ видѣлъ. Особо много похвалъ вызвали своею страшною правдою его изображенія полей битвъ, и тѣ картины, на которыхъ имъ представлены блуждающіе плѣнные, погибающіе отъ холода и голода. Подобными картинами недурно было бы украшать стѣны филантропическихъ или мирныхъ конгрессовъ, а еще лучше, залу международныхъ засѣданій, куда собираются европейскіе дипломаты, якобы для устройства мирнаго окончанія войнъ, а въ сущности для установленія новыхъ заблужденій, могущихъ давать поводъ для новыхъ войнъ.

Мнѣ очень досадно, что недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ много говорить о новыхъ книгахъ. Мнѣ бы очень хотѣлось поподробнѣе поговорить, какъ о «Запискахъ г-жи Ремюза», изданіе которыхъ только-что окончено Мишелемъ Леви, такъ и о французскомъ изданіи «Записокъ Меттерниха», начатомъ книгопродавцемъ Плономъ. Еслибы и тѣ, и другіе мемуары появились въ 1848 году, то Наполеону III врядъ ли удалось бы достигнуть цезарской власти. Благодаря обѣимъ этимъ книгамъ, легенда о Наполеонѣ I разрушена окончательно и навсегда; правда, нѣсколько поздно, но все-таки не безъ пользы. Отъ Наполеона V эти «Записки» отнимаютъ и послѣдніе шансы когда-нибудь достигнуть власти, и общественная нравственность, наконецъ, отмщена.

Скажу, между прочимъ, о появленіи «Исторіи современныхъ славянскихъ литературъ» не безъизвѣстнаго вамъ Куррьера. Судить о ней я не берусь, замѣчу только, что составитель ея въ одномъ мѣстѣ своей книги очень подробно говоритъ о симпатіяхъ, издавна существующихъ между французскимъ и русскимъ народомъ. Между тѣмъ, какъ національная ненависть французовъ къ нѣмцамъ и англичанамъ всасывалась цѣлымъ рядомъ поколѣній чуть не съ молокомъ матери и выражалась изустно и письменно, въ стихахъ и въ прозѣ, во всевозможныхъ формахъ, ни въ чемъ подобномъ французы не могутъ упрекнуть себя относительно Россіи. Даже послѣ нашествія 1814 года все дѣло ограничивалось нѣсколькими банальными и невинными шутками и выходками на счетъ казаковъ и калмыковъ. Авторъ такъ опредѣляетъ двойную причину этого явленія: «Во-первыхъ, Россія слишкомъ отдалена отъ насъ, и намъ, чтобы враждебно встрѣтиться, по крайней мѣрѣ, на континентѣ необходимо пройти обширное

и могущественное государство, куда намъ заказанъ и самый входъ; во-вторыхъ, это самое государство составляетъ общаго противника и Франціи, и Россіи, и этого одного уже было бы достаточно для нашего соединенія съ русскими. Авторъ «Славянскихъ національностей», о которомъ я вамъ писалъ въ прошломъ году, графъ Ксаверій Корсакъ Браницкій, еще въ октябрѣ присутствовавшій на юбилей Крашевскаго, въ концѣ ноября, скоропостижно умеръ. Онъ погибъ въ Египтѣ, отъ мѣстной злокачественной лихорадки. Тѣло его будетъ привезено во Францію для погребенія въ фамильномъ склепѣ принадлежавшаго ему замка Монтрезоръ на берегу Луары. Онъ не былъ женатъ и не оставилъ законныхъ дѣтей и наслѣдуетъ какъ его имя, такъ и четвертую часть его состоянія, незаконный его сынъ, съ которымъ онъ во время жизни велъ продолжительную тяжбу. Состояніе же его оцѣниваютъ стоимостью отъ 10 до 20 милліоновъ. Послѣ него осталась совершенно оконченная «Исторія Гусса», которая была отдана имъ при жизни для предварительнаго просмотра другу его, Александру Голынскому. Эта книга будетъ напечатана точно такъ же, какъ, вѣроятно, и записки его, въ которыхъ, какъ говорятъ, заключается чрезвычайно много мало кому извѣстныхъ свѣдѣній изъ политической жизни Россіи, Польши и Франціи, съ 1815 г. до нашихъ дней. Смерть безпощадно свосила у насъ въ январѣ мѣсяцѣ нѣсколько выдающихся дѣятелей; погибъ Монталиве, всѣми уважаемый въ званіи республиканскаго сенатора, послѣ того, какъ былъ министромъ Луи Филиппа и вѣрнѣйшимъ изъ его друзей. На той же недѣлѣ погибъ герцогъ де-Граммонъ, о которомъ (если только не о Беннедети) Бисмаркъ выразился, что это «первый дуракъ во всей Европѣ», такъ какъ онъ своимъ объявленіемъ войны 1870 г. далъ Германіи поводъ, котораго она такъ долго искала, унижить и разбить Францію. Затѣмъ умеръ агрономъ и историкъ Лавернь, пожизненный сенаторъ, бывший орлеанистомъ до времени знаменитаго слиянія и ставшій искреннимъ республиканцемъ съ того дня, когда ему пришла патриотическая мысль способствовать обращенію конституціи 1875 года, составленной монархистами, въ республиканскую. Наконецъ, въ Версалѣ умеръ почти въ одиночествѣ и всѣми оставленный Жюль Фавръ, пользовавшійся почти 30 лѣтъ громадною извѣстностью. Его назначеніе вице-президентомъ правительства народной обороны и вступленіе въ первое министерство Тьера были причиною того, что во Франціи, во всѣхъ классахъ населенія, единодушно раздавались самые презрительные отзывы о чловѣкѣ, который послѣ торжественнаго заявленія о томъ, что Франція не уступитъ «ни одной пяди своей территоріи, ни одного камня своихъ крѣпостей», вынужденъ былъ вести дѣло о капитуляціи Парижа и при составленіи перемирія сдѣлалъ роковую ошибку, забывъ о существованіи восточной арміи. Его безчисленные враги безпрестанно вспоминаютъ о казни Милльера безъ суда, изъ-за личной мести; рабочіе, идоломъ которыхъ онъ былъ

такъ долго, въ то время, когда, во главѣ згаменитой оппозиціи, разрушалъ своимъ мощнымъ словомъ раболѣпное молчаніе, господствовавшее въ имперіи, не могутъ ему простить его жестокаго образа дѣйствій во время коммуны и при ея преслѣдованіи. Онъ самъ, кажется, упрекалъ себя за то, что сознавалъ себя однимъ изъ виновниковъ современнаго усиленія клерикальной реакціи, такъ какъ въ 1848 году способствовалъ злосчастной римской экспедиціи, да кромѣ того, произнесъ на судѣ знаменитую защитительную рѣчь въ дѣлѣ о Салетскомъ чудѣ. Последними статьями его для печати были анонимныя статьи, помѣщенные въ «République française» въ защиту 7-й статьи законопроекта Ферри, въ которыхъ онъ разрушилъ всю аргументацію Жюля Симона и Лабулэ. Всѣ его некрологисты отозвались о немъ неблагопріятно. Но республиканцы многое прощаютъ ему за то, что, признавъ республику въ 1830 г. и въ 1835 году, онъ въ этомъ смыслѣ до старости оставался вѣрнымъ своимъ юношескимъ убѣжденіямъ. Онъ былъ генеральнымъ секретаремъ министерства внутреннихъ дѣлъ, когда Ледрю-Ролланъ учредилъ систему всеобщаго голосованія, и первое приложеніе этой системы производилось подъ его наблюденіемъ. Во все время существованія имперіи, ни на минуту не уставая, онъ громилъ цезаризмъ. Слово его въ то время было сильно и вліятельно, и можетъ быть, благодаря ему, многие во Франціи спаслись отъ губительной язвы бонапартизма. Краснорѣчье его носило совершенно литературный характеръ и въ палатѣ весьма немногихъ ораторовъ, которые могли бы съ нимъ равняться. По красотѣ выраженій, онъ часто напоминалъ Верньо, но ему недоставало сердечнаго увлеченія и политической прозорливости Дантона.

Парижъ, 26-го января 1890 г.

Людвигъ.

КРИТИКА УТИЛИТАРИЗМА.

Нравственная философія утилитаризма. Историко-критическое изслѣдованіе А. Мальцева. Спб. 1879.

Книга г. Мальцева принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ обезужденія которыхъ мы систематически уклоняемся. На оберткѣ ея напечатано: «Печатать дозволяется по опредѣленію с.-петербургской духовной академіи, 2-го декабря 1878 г. Ректоръ академіи протоіерей Іоаннъ Янышевъ». Наше воздержаніе совершенно естественно, въ виду тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ стоитъ русская литература, и тѣхъ особенныхъ условій, которыми обставлены сочиненія духовнаго содержанія. Мы и на этотъ разъ не думаемъ измѣнять своему правилу, столь настоятельно рекомендуемому обстоятельствами: многое въ книгѣ г. Мальцева останется для насъ неприкосновеннымъ. Но книга эта отличается нѣкоторыми такими качествами, которыя не только должны остановить на себѣ вниманіе читателя, но и даютъ матеріалъ для соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ собственно духовнымъ содержаніемъ книги.

Книга г. Мальцева состоитъ изъ двухъ частей. Первая занимается историческимъ изложеніемъ системъ утилитарной нравственности, вторая представляетъ критическій разборъ основныхъ началъ нравственной философіи утилитаризма. Для насъ, да, вѣроятно, и для большинства читателей, особенный интересъ представляетъ первая часть. По тому ли, по сему ли, но наша жизнь сложилась такъ, что нравственные вопросы имѣютъ особенную привлекательность для русскаго человѣка. Къ чисто политической мысли онъ пристраститься не имѣлъ ни времени, ни возможности. Отвлеченное философское мышленіе и точное знаніе также требуютъ для своей разработки такихъ условій, которыхъ въ достаточномъ размѣрѣ нѣтъ подъ руками у русскаго человѣка. И если читатель потрудится возстановить въ своей памяти подробную картину нашего увлеченія, лѣтъ 12—15 тому назадъ, естественными науками, то онъ безъ сомнѣнія убѣдится, что источникъ этого увлеченія былъ чисто нравственнаго характера. Равнымъ образомъ наши толки объ искусствѣ, которыми мы всѣ,

кажется, до нельзя надобли другъ другу, истекали изъ нравственнаго принципа и къ нему же возвращались. Такъ ужъ какъ-то на роду написано русскому человѣку класть душу свою въ нравственные вопросы. Оно и понятно. Это именно такіе вопросы, правильному разрѣшенію которыхъ неблагоприятныя внѣшнія условія очень и очень, конечно, препятствуютъ, но интересъ къ которымъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ довольно независимъ. Мало того, тяжелыя внѣшнія условія могутъ съ особенною силою направить мысль внутрь души и сосредоточить весь интересъ духовной жизни на нравственномъ вопросѣ. А между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ обстоятельной исторіи нравственныхъ ученій. Мы хорошенъко не знаемъ, какъ излюбленные нами и самой исторіей нашей и текущей дѣйствительностью навязываемые намъ вопросы, рѣшались въ разныя времена. Историческій очеркъ системъ утилитарной нравственности, составляющей первую часть книги г. Мальцева, конечно, не восполняетъ этого пробѣла, но при своей сжатой обстоятельности, добросовѣстности и относительной полнотѣ, онъ все-таки будетъ полезенъ. Этому много способствуетъ и точка зрѣнія автора на послѣдовательное развитіе разбираемаго имъ ученія.

Извѣстно, что утилитаризмъ находится у насъ въ числѣ опасныхъ «измовъ». «Утилитаризмъ» есть въ устахъ нѣкоторыхъ нашихъ дѣятелей науки и литературы почти бранное слово, хотя ни одинъ изъ этихъ господъ не потрудился толкомъ уяснить, что это собственно значить «утилитаризмъ» и почему онъ такъ вреденъ. Тѣмъ болѣе чести г. Мальцеву, который рѣшился отнестись нравственно къ нравственной доктринѣ. Небольшая заслуга, говоря вообще, но у насъ не малая. Вотъ какъ резюмируетъ г. Мальцевъ исторію развитія доктрины утилитаризма:

«Она начала съ системъ самаго грубаго эгоизма и абсолютно отвергла существованіе какихъ бы то ни было безкорыстныхъ мотивовъ въ человѣческой природѣ и кончила признаніемъ самыхъ высокихъ и благородныхъ свойствъ, коренящихся въ симпатіи и благожелательности. *Личное* эгоистическое счастье, какъ единственная цѣль дѣятельности, мало по малу перешло сначала въ *національное*, а затѣмъ, наконецъ, въ *общее* или, говоря точнѣе, въ счастье «наивозможно большаго числа людей» и даже не только людей, то есть существъ мыслящихъ, но и всѣхъ вообще существъ, одаренныхъ *чувствомъ*, куда, очевидно, включается даже все обширное царство животныхъ. Грубый *мотивъ* дѣятельности: «все для *меня* самого и *только* для *меня*» переходитъ чрезъ дѣйствіе ассоціаціи идей, мало по малу, въ мотивъ болѣе или менѣе гуманный, альтруистическій, пова, наконецъ, болѣе безпристрастный и тонкій анализъ не открываетъ въ душѣ человѣка съ самаго начала существованіе подобныхъ безкорыстныхъ мотивовъ поведения. Начавши съ прямого антитезиса доктринѣ стоицизма, утилитарная доктрина, сглаживая свои наиболѣе грубыя и рѣзкія черты, мало по малу, старается приблизиться

не только къ стоицизму, но и усвоить себѣ всѣ лучшія качества и стороны ученія другихъ системъ нравственности и, въ концѣ концовъ, въ лицѣ доктрины Милля, дойти до тѣснѣйшаго сближенія или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчія ученію христіанства. Подводя итогъ изложенному нами историческому развитію утилитарной доктрины, мы не можемъ не закончить словами одного современнаго французскаго изслѣдователя-моралиста, утверждавшаго, что «мало было такихъ системъ, исторія которыхъ представляла бы собою видъ прогресса, болѣе правильный и постоянный, чѣмъ какой даетъ намъ исторія системъ утилитарной нравственности».

Такое отношеніе къ изучаемой доктринѣ гарантируетъ, если не вѣрность критики, то, по крайней мѣрѣ, добросовѣстность и безпристрастіе ея, безпристрастіе въ лучшемъ смыслѣ слова. И дѣйствительно, г. Мальцевъ обнаруживаетъ въ своемъ трудѣ эти качества въ такой мѣрѣ, въ какой онѣ не особенно часто встрѣчаются въ нашей ученой литературѣ. Вслѣдствіе этого, не только общій тонъ книги г. Мальцева, но и многія отдѣльныя его замѣчанія, даже такія, съ которыми по существу мудрено согласиться, очень поучительны. Но г. Мальцевъ обладаетъ и еще однимъ, не зауряднымъ у насъ качествомъ, а именно онъ ни мало не зараженъ педантократическими предрасудками. Европейскій ученый, будучи, говоря вообще, гораздо болѣе ученымъ, чѣмъ нашъ, давно уже отказался отъ дикой идеи, что изъ Велеема не можетъ быть ничего путнаго. Онъ беретъ интересный фактъ, новое наблюденіе, плодотворную идею, вѣрное обобщеніе, правильный выводъ тамъ, гдѣ ихъ находятъ, и не думаетъ, чтобы все это составляло исключительную и неотъемлемую собственность педантократическаго цеха. У насъ не такъ. У насъ, напримѣръ, г. Хлѣбниковъ говоритъ, что, хотя вопросы, касающіеся брака и семейства, нерѣдко затрогиваются въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, «но нельзя же, въ самомъ дѣлѣ рѣшать ихъ на основаніи легкой фельетонной болтовни»; надо, дескать, наше, настоящихъ ученыхъ людей, участіе. И затѣмъ уже, то есть обливъ журналистику презрѣніемъ за неосновательность, г. Хлѣбниковъ начинаетъ излагать тотъ неосновательный и возмутительный вздоръ, образцы котораго приведены въ январской книжкѣ «Отеч. Записокъ». Или вотъ, напримѣръ, г. Слонимскій, ученый, вѣроятно, очень заслуженный, хотя и весьма мало извѣстный, напечаталъ въ январскомъ номерѣ «Слова» статью «Политико-экономическія школы», въ которую не преминулъ инкрустировать такую фразу: «странно искать «науку» въ горячихъ разсужденіяхъ журнальнаго бойца или требовать добросовѣстной солидности отъ увлекающагося фельетониста». Можетъ быть и странно. Можетъ быть еще страннѣе то обстоятельство, что въ статьѣ г. Слонимскаго, статьѣ, мимоходомъ сказать, очень недурной, нѣтъ ни одной мысли и ни одного указанія, которыя бы не были уже развиты въ разныхъ горячихъ разсужденіяхъ журнальныхъ бойцовъ.

Такихъ примѣровъ можно отыскать множество. Между русскими учеными считается признакомъ хорошаго тона, прежде чѣмъ изложить свой собственный вздоръ, назвать вздоромъ то, что говорилось по данному вопросу журналистикой; или, повторяя давнымъ давно заявленное журналистикой, лягнуть «журнальныхъ бойцовъ». C'est du bon ton. Г. Мальцевъ не раздѣляетъ такого взгляда. Онъ, не обинуясь, цитируетъ «журнальныхъ бойцовъ». если находить у нихъ что-нибудь, по его мнѣнію, дѣльное. И я думаю, что онъ поступаетъ правильно, а господа педантократы не понимаютъ, сколь они смѣшны.

Какъ уже сказано, многое въ книгѣ г. Мальцева останется для насъ неприкосновеннымъ. Не разборъ этой книги предлагается читателю, а лишь нѣсколько мыслей по одному изъ вопросовъ, затрогиваемыхъ ею, а именно, по вопросу объ отношеніи утилитаризма къ эгоизму.

Въ противность ходячему мнѣнію, отождествляющему утилитаризмъ и эгоизмъ, г. Мальцевъ полагаетъ, что только первыя грубѣйшія системы утилитарной нравственности были окрашены эгоистическимъ характеромъ, отъ котораго утилитаризмъ постепенно освобождался, по мѣрѣ своего развитія; а именно, въ нравственномъ ученіи Гельвеція утилитаризмъ впервые выросъ до утилитаризма національнаго, а, начиная съ Юма, становится универсальнымъ. Мы думаемъ, что ходячее мнѣніе совсѣмъ не вѣрно, но едва ли также вполне правъ и г. Мальцевъ. Онъ подводитъ всѣ нравственныя ученія къ двумъ типамъ или школамъ: стоической, интуитивной или рациональной съ одной стороны, и эпикурейской, индуктивной или утилитарной—съ другой. Первая признаетъ нравственные принципы апіорными, прирожденными человѣку, непосредственно различаемыми, не требующими доказательствъ и независимыми отъ опыта. Вторая школа, напротивъ того, видитъ въ нравственныхъ требованіяхъ нѣчто выведенное изъ опыта, нѣчто вытекающее изъ стремленія человѣка къ счастью. Эта классификація нравственныхъ теорій не нова, и, можетъ быть, по этому самому г. Мальцевъ не счелъ нужнымъ сколько-нибудь обстоятельно мотивировать ее. Нельзя не замѣтить въ самомъ дѣлѣ, что онъ довольствуется въ этомъ отношеніи соображеніями, крайне скудными и, такъ сказать, тусклыми. Онъ находитъ именно, что принимаемая имъ классификація нравственныхъ ученій «какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ существующему дѣленію принциповъ въ области познавательной или теоретической, гдѣ идеалистическое и реалистическое, формальное и матеріальное, апіорное и апостериорное знаніе разсматриваются всегда, какъ противоположныя между собой; при томъ же нужно замѣтить, что сенсуализмъ въ познавательной области всегда шель рука объ руку съ утилитаризмомъ въ области практической, нравственной». Вотъ и всѣ основанія, по которымъ г. Мальцевъ предлагаетъ своимъ читателямъ остановиться именно на такой, а не иной классификаціи нрав-

ственныхъ ученій. Онъ приводитъ нѣкоторыя другія классификаціи (между прочимъ, и такія, о которыхъ и говорить не стоить), но при этомъ остается вѣренъ самому себѣ, то есть не упоминаетъ о мотивахъ тѣхъ классификацій. Отъ такой послѣдовательности читателю, разумѣется, не легче. Видитъ онъ, что есть люди, классифицирующіе нравственныя теоріи совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлаетъ г. Мальцевъ, и имѣющіе, конечно, свои резоны. Но въ чемъ эти резоны состоятъ—остается неизвѣстнымъ. Вотъ на примѣръ, г. Мальцевъ упоминаетъ, въ числѣ прочихъ, классификацію одного изъ новѣйшихъ утилитаристовъ, Сиджвика. Этотъ «авторъ замѣчательнаго сочиненія «The Methods of Ethics» (Lond., 1874), соотвѣтственно тремъ главнымъ методамъ въ области нравственныхъ изслѣдованій, дѣлитъ нравственные принципы на эгоистическіе, интуитивные и утилитарные». Почему Сиджвикъ выдѣлилъ эгоистическіе нравственные принципы въ особую самостоятельную группу, а г. Мальцевъ не выдѣлилъ, читатель не знаетъ. Что же касается оправдательныхъ соображеній, приводимыхъ самимъ г. Мальцевымъ въ пользу своего дѣленія, то слабость ихъ очевидна. Г. Мальцевъ очень доволенъ аналогіей между его классификаціей и «существующимъ дѣленіемъ принциповъ въ области познавательной, теоретической». Между тѣмъ, это даже не аналогія, а чистое тождество, ибо въ характеристикахъ интуитивной и индуктивной школь онъ довольствуется исключительно теоретическимъ, познавательнымъ моментомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о происхожденіи нравственныхъ понятій изъ опыта или изъ непосредственнаго врожденнаго чувства есть вопросъ чисто-теоретическій, и очень, значить, натурально, что различныя его рѣшенія подходятъ подъ рубрики «существующаго дѣленія принциповъ въ области познавательной». Но, собственно говоря, вопросъ о происхожденіи нравственныхъ понятій только косвеннымъ образомъ входитъ въ область этики. Ученіе о нравственности, о *должномъ* только косвенно затрогивается тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи нравственныхъ понятій. Два человѣка, рѣшающіе этотъ послѣдній вопросъ единогласно въ пользу, положимъ, опыта, то есть полагающіе, что источникъ нравственныхъ понятій есть не интуиція, а опытъ, могутъ, тѣмъ не мене, совершенно различно смотрѣть на самое содержаніе нравственности, на правила поведенія. И наоборотъ, люди, исповѣдующіе одну и ту же практическую мораль, могутъ расходиться въ пониманіи источника этой морали. Ясно, слѣдовательно, что классификація нравственныхъ ученій, имѣющая въ виду только вопросъ о происхожденіи нравственности, никомъ образомъ не можетъ обнять весь подлежащій изслѣдованію предметъ и необходимо должна въ подробностяхъ болѣе или менѣе запутать изслѣдователя.

Это дѣйствительно и случилось съ г. Мальцевымъ, какъ видно даже изъ вышеприведенной выписки, резюмирующей про-

грессъ системъ утилитарной нравственности. По сколько рѣчь идетъ о все болѣе и болѣе совершенномъ разумнѣи опыта, какъ источника нравственныхъ понятій, дѣло совершенно понятно. Тутъ мы въ самомъ дѣлѣ видимъ ровный и непрерывный прогрессъ. Но за то въ этомъ смыслѣ нѣтъ никакого сближенія утилитаризма съ какими бы то ни было другими, интуитивными школами, ибо опытъ, какъ источникъ нравственности, есть позиція, съ которой утилитаризмъ никогда не сходилъ; онъ только лучше, прочнѣе устроивается на ней при помощи болѣе тонкаго анализа и новыхъ научныхъ данныхъ. Что же касается, такъ сказать, повелительнаго наклоненія утилитаризма, то есть его правилъ морали, то, безъ сомнѣнія, онъ въ этомъ отношеніи, въ теченіи своей исторіи, неоднократно сближался съ разными интуитивными школами. Но за то эта его сторона не представляетъ такой ровности, постепенности въ своемъ развитіи, какъ изображаетъ г. Мальцевъ. По его мнѣнію, въ утилитарныхъ системахъ «*личное*, эгоистическое счастье, какъ единственная цѣль дѣятельности, мало по малу перешло сначала въ *національное*, а затѣмъ, наконецъ, въ *общее* или, говоря точнѣе, въ счастье «наивозможно большаго числа людей», и даже не только людей, то есть существъ мыслящихъ, но и всѣхъ вообще существъ, одаренныхъ чувствомъ, куда, очевидно, включается даже все обширное царство животныхъ». Можно, однако, съ увѣренностью сказать, что дѣйствительная картина наслоеній утилитарныхъ системъ далеко не столь проста, что она гораздо пестрѣе. Подтвержденіе этой относительной пестроты можно найти въ книгѣ самого г. Мальцева, не говоря уже о томъ весьма обширномъ матеріалѣ, который этою книгою, къ сожалѣнію, не затрогивается.

Г. Мальцевъ, характеризуя образъ мыслей основателя Киренской школы Аристиппа, между прочимъ, замѣчаетъ: «Само собою понятно, что всѣ удовольствія должны имѣть и имѣютъ, по Аристиппу, чисто *эгоистическій* (курсивъ г. Мальцева) характеръ, направляются исключительно на наше «я». «Какъ можетъ мнѣ придти на умъ, если только я не лишонъ его, заботиться о другихъ, въ особенности же о цѣломъ государствѣ, восклицаетъ Аристиппъ:—государствѣ, которое относится ко всякому человѣку, занятому какою-либо должностью общественною, какъ къ своему рабу?» «Поелику въ государствѣ, продолжаетъ онъ:—испытываютъ только притѣсненія, то самое лучшее, чтобы избѣгнуть зла, это не привязываться ни къ какому государству, но вездѣ быть какъ бы чужимъ и жить только для себя».

Этому противопоставленію личности государству или какому другому общественному цѣлому можетъ быть и приличествуетъ названіе эгоизма. Но печальная судьба всѣхъ «измовъ» состоитъ въ томъ, что они, гуляя по бѣлому свѣту, переходя изъ одной головы въ другую и съ одного языка на другой, обшаркиваются до неузнаваемости: всѣ говорятъ одно и то же слово, но каждый

разумѣть его по своему. Поэтому нѣтъ нужды спорить о словахъ, но всегда есть большая нужда уговориться, въ какомъ смыслѣ данное слово понимается. Будемъ же разумѣть подъ эгоизмомъ то именно противопоставленіе личности государству, которое выразилось въ приведенныхъ словахъ Аристиппа, и посмотримъ, насколько повинны въ такомъ эгоизмѣ утилитаристы.

Прежде всего замѣтимъ мимоходомъ, что такая же постановка вопроса и такое же его рѣшеніе, какое мы находимъ у Аристиппа, встрѣчается въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ у нѣмецкихъ метафизиковъ (съ особенною опредѣленностью у Фихте), которыхъ г. Мальцевъ, конечно, не зачислитъ въ «эпикурейскую, индуктивную или утилитарную» школу. Этотъ любопытный пунктъ мы, однако, обойдемъ, потому что онъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Остановимся только на матеріалѣ самого г. Мальцева. Мы видѣли, что онъ считаетъ доктрину Гельвеція поворотнымъ пунктомъ, съ котораго утилитаризмъ разстается съ окраскою личнаго эгоизма. Но уже за сто лѣтъ до Гельвеція мы встрѣчаемъ нравственно-политическое ученіе Гоббса, которое, будучи несомнѣнно утилитарнымъ, тѣмъ не менѣе рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи личности къ государству въ смыслѣ совершенно противоположномъ рѣшенію Аристиппа. Для Гоббса государство есть «смертный богъ», «великій Левіаѳанъ», поглощающій и долженствующій поглощать личность. Это громадное, чудовищное животное, живущее своею собственною жизнью. Какъ бы ни была сформирована его голова, то есть верховная власть, имѣетъ ли она видъ монархіи, олигархіи или демократіи, она во всякомъ случаѣ абсолютна. Подданные не имѣютъ ни собственности, ни права распоряжаться своими силами и способностями, ни даже собственного сужденія о добрѣ и злѣ: критерій того и другого опредѣляется головою Левіаѳана, верховною властью. Наконецъ, «мое самое первое право, право на мою жизнь принадлежитъ также государству». «Далѣе этого идти уже некуда», замѣчаетъ по этому поводу г. Мальцевъ. Дѣйствительно некуда, если идти въ сторону, противоположную Аристиппу. Тамъ провозглашалось верховенство личнаго мѣстоименія, здѣсь оно безъ остатка тонетъ въ Левіаѳанѣ. Если мнѣнія Аристиппа слѣдуетъ считать выраженіемъ крайняго эгоизма, то въ доктринѣ Гоббса надо признать полное отреченіе отъ всякаго эгоизма. А такъ какъ и Аристиппъ и Гоббсъ несомнѣнно утилитаристы, то изъ этого видно, что отношенія между утилитаризмомъ и эгоизмомъ совсѣмъ не такъ просты, какъ кажется г. Мальцеву.

Пойдемъ дальше. Слѣдомъ за Гоббсомъ выступаетъ Бернардъ Мандевиль, авторъ у насъ мало извѣстной, но въ высокой степени замѣчательной «Васни о пчелахъ».

Быль когда-то большой улей, Жизнь въ немъ была устроена на манеръ человѣческихъ обществъ: тутъ были человѣческіе нравы и обычай, человѣческіе пороки и добродѣтели. Врачи были въ ульѣ настоящіе шарлатаны, проповѣдники—лицемѣры, вла-

стителю изъ исцелительныхъ и честолюбивыхъ вельможъ; справедливость была какъ нельзя легче доступна поддугу и злоупотребленіямъ; словомъ, каждая часть государства была добычею явной испорченности и растлвнія. Но при всемъ томъ это было цвѣтущее и совершенно организованное государство, былъ, говоря словами Мандевила, «истинный рай». Но случилось какъ-то разъ, что одинъ изъ членовъ этого общества, разбогатѣвшій несомнѣмъ честнымъ путемъ, вознегодовалъ, увидѣвши, что перчаточникъ поставилъ ему вмѣсто козлиной кожи баранью, и началъ проповѣдывать, что вслѣдствіе подобныхъ мошенничествъ страна и народъ неминуемо погибнуть. Тотчасъ же этому стали слѣдовать и другіе, болѣе плутоватыя члены: они вздыхали о всеобщей несправедливости и единогласно зывали къ честности. Юпитеръ вынулъ ихъ мольбамъ и избавилъ отъ обмановъ и мошенничествъ этотъ крикливый и недовольный улей. Нравы измѣнились, воцарились всюду миръ и довольство, но зато прекратились искусства и многія отрасли промышленности; прежніе вельможи, утопавшіе въ роскоши и удовольствіяхъ, исчезли безслѣдно. Вмѣстѣ съ этимъ общество утратило весь свой прежній блескъ и могущество, такъ что, столкнувшись однажды съ многочисленнымъ непріателемъ, оно не могло уже противостоятъ ему. Большинство пчелъ было избито, а остальные уцѣлѣвшіе, члены общества возвратились въ дупло своего дерева и стали влacity скучную, длинную жизнь, на которую ихъ обрекла добродѣтель.

Такъ излагаетъ г. Мальцевъ содержаніе «басни о пчелахъ». Въ Геттнеровой исторіи англійской литературы XVIII столѣтія, читатель найдетъ изложеніе болѣе полное и, въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностяхъ, не совсѣмъ совпадающее съ редакціей г. Мальцева. Это, конечно, зависитъ отъ того, что «басня о пчелахъ» имѣла нѣсколько изданій, которыя авторъ пополнялъ и измѣнялъ. Басня сопровождается предисловіемъ и послѣсловіемъ отчасти догматическаго, отчасти полемическаго характера, гдѣ развиваются теоретическія положенія по предмету этики. Всю эту доктрину, если ее только можно такъ назвать, г. Мальцевъ признаетъ «узко-эгоистическою и мрачною». Въ этомъ отношеніи онъ не обнаруживаетъ оригинальности, ибо таково всеобщее мнѣніе о произведеніи Мандевила. Однако, мнѣніе это совсѣмъ несправедливо. Какъ бы мы ни смотрѣли на «басню о пчелахъ», увидимъ ли мы въ ней сатиру, просто откровенно высказанное мнѣніе, мизантропическій парадоксъ, выходку à la Геростратъ — мы, во всякомъ случаѣ, должны признать за Мандевилемъ очень тонкій, аналитическій и смѣлый умъ, не останавливающийся въ своемъ анализѣ передъ ходячими предрассудками. Но этого мало. Если, какъ думаетъ г. Мальцевъ, Мандевилъ серьезно утверждалъ, что развратъ и пороки отдѣльныхъ личностей нужны для общаго блага, то здѣсь нѣтъ эгоизма, по крайней мѣрѣ, въ томъ условномъ смыслѣ, который мы приняли вслѣдъ за г. Мальцевымъ. Аристиппъ рекомендовалъ мудрецу не

связывать себя государствомъ, не прилѣпляться къ нему, а Мандевилъ, напротивъ, хочетъ, чтобы однѣ пчелы работали до третьяго пота, другія пожинали плоды этихъ трудовъ, однѣ сидѣли на акридахъ и дивою медъ, другія утопали въ роскоши и т. д., и все это во имя и ради улья. Въ этомъ всеобщемъ жертвоприношеніи онѣ должны сжечь и свою личную нравственность и быть ворами и мошенниками, развратниками, потому что таковы требованія силы, могущества, богатства улья. До такой степени пчелы должны прилѣпиться къ улью и утонуть въ немъ. Если эта доктрина эгоистическая, то Аристиппъ не эгоистъ, а если Аристиппъ теоретикъ эгоизма, то ученіе Мандевила не эгоистическое. Надо выбирать что-нибудь одно, а ставить ихъ за общую свободу очевидно нельзя. Г. Мальцевъ подводитъ ихъ подъ одну рубрику единственно по недоразумѣнію, состоящему въ томъ, что онъ недостаточно разграничиваетъ познавательную, теоретическую и практическую стороны нравственныхъ ученій. Справедливо, что въ теоретическомъ разумѣніи свойствъ человѣческой природы Аристиппъ, Гоббсъ и Мандевилъ болѣе или менѣе сходятся между собою. Но въ смыслѣ практическихъ идеаловъ и разумѣнія *должнаго*, между ними весьма мало общаго.

Что же касается специально Мандевила, то тутъ недоразумѣніе г. Мальцева идетъ еще дальше. Авторъ «басни о пчелахъ» не далъ законченной системы морали. Онъ какъ бы наѣздомъ вторгся въ область этики, бросивъ въ нее басню и нѣсколько отрывочныхъ мыслей. Эта недоговоренность, недодѣланность, въ связи съ иносказательною фрмою *pièce de resistance* работы — самой басни, безъ сомнѣнія, и составляетъ причину рѣшительности мнѣнія г. Мальцева и другихъ, что Мандевилъ сознательно рекомендовалъ безнравственность. Мы видѣли, что и при такомъ толкованіи г. Мальцевъ все-таки не правъ, называя ученіе Мандевила «узко-эгоистическимъ», ибо при этомъ толкованіи Мандевилъ приноситъ личное «я» каждой пчелы въ жертву цѣлому улью. Но это толкованіе не совсѣмъ вѣрно. Спрашивается, какъ связать съ нимъ слѣдующую, наримѣръ, замѣчательную мысль Мандевила: «Пованія о благородствѣ и неблагородствѣ, честности и безчестности не болѣе какъ произведенія мудрыхъ людей, преслѣдующихъ свои личные интересы». Общая идеальная блага, въ родѣ чести и похвалы со стороны другихъ, они (мудрецы) убѣдили простодушныхъ людей *отказаться отъ своего личного блага въ пользу цѣлаго общества*. Многие увлеклись подобной идеей, и вотъ явилось искусственное раздѣленіе общества на благородные и неблагородные классы—раздѣленіе, которое и было, по Мандевилю, потомъ перенесено на самую природу человѣка». Въ напечатанныхъ курсивомъ словахъ слышится ясный протестъ противъ той самой идеи, которая обыкновенно усваивается «басней о пчелахъ», а затѣмъ во всей тирадѣ не менѣе ясный протестъ противъ «морали джентльменовъ», какъ называлъ Мандевилъ модное въ его время нравственное ученіе Шафтсбѣри, и противъ

вульгарнаго положенія, что при данномъ строѣ общества личная добродѣтель совпадаетъ съ общимъ благомъ. Анализъ отношеній между личною нравственностью и благомъ общественнаго цѣлаго составляетъ наиболѣе цѣнную и, быть можетъ, единственную цѣнную сторону произведенія Мандевиля. Она должна быть разсмотрѣна совершенно независимо отъ того или другого кодекса морали, который могъ имѣть и проповѣдывать самъ Мандевиль. Училъ ли Мандевиль такой чудовищной вещи, что добродѣтель есть порокъ, а порокъ—добродѣтель, это дѣло довольно безразличное, хотя бы уже потому, что столь неприкрытое прославление порока не можетъ рассчитывать на маломальски широкое распространеніе. Для этого нужно хотъ и то же слово, да иначе молвить. Но для историка утилитаризма въ высшей степени важно то обстоятельство, что Мандевиль первый съ такою рѣзкостью, съ такою безповоротною рѣшительностью выразилъ мнѣніе о противорѣчии между личнымъ благомъ пчелы и благомъ улья, какъ цѣлаго. Для историка утилитаризма это потому въ особенности важно, что позднѣйшіе утилитаристы, главнымъ образомъ, Бентамъ, твердо вѣрили въ такъ называемую гармонию интересовъ, въ силу которой личное счастье, личное благо, личная добродѣтель совершенно совпадаютъ съ благомъ цѣлаго, и на этомъ именно совпаденіи основывали свою этику. Можетъ показаться, что и Мандевиль есть сторонникъ идеи гармоніи интересовъ, только въ нѣсколько своеобразной формѣ, а именно онъ полагаетъ, что частные пороки, какъ и частная нищета, гармонически сливаются въ благополучіе цѣлаго. Еслибы г. Мальцевъ подробнѣе изложилъ басню о пчелахъ и примѣчанія къ ней, дѣло было бы яснѣе. Вотъ, на примѣръ, что говоритъ, между прочимъ, Мандевиль: «Если рабочихъ надо предохранять отъ голодной смерти, то, съ другой стороны, они ничего не должны получать, что стоило бы сбереженія. Если кто нибудь изъ низшихъ классовъ общества необыкновеннымъ прилежаніемъ и воздержаніемъ возвышается изъ того состоянія, въ которое былъ поставленъ, то этому никто не долженъ препятствовать: несомнѣнно, что каждому частному лицу, каждому отдѣльному семейству въ обществѣ всего благоразумнѣе быть бережливымъ, но интересъ всѣхъ богатыхъ націй требуетъ, чтобы бѣднѣйшая часть бѣдныхъ никогда не оставалась безъ дѣла и чтобы они всегда проживали то, что они получаютъ... У тѣхъ, кто живетъ поденнымъ трудомъ, нѣтъ ничего, что бы подстрекало ихъ быть услужливыми, кромѣ ихъ нуждъ, смягчать которыя благоразумно, но удовлетворять вполне было бы глупо. Единственная вещь, которая можетъ сдѣлать прилежнымъ рабочаго человѣка, это умѣренная рабочая плата. Слишкомъ малая дѣлаетъ его, смотря по характеру, малодушнымъ или повергаетъ въ отчаяніе, слишкомъ же большая—лѣнивымъ и безпечнымъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ свободной націи, гдѣ рабство запрещено; самое вѣрное богатство заключается во множествѣ трудолюбивыхъ

бѣдныхъ. Кромѣ того, что они образуютъ неисчерпаемый источникъ для пополненія арміи и флота, безъ нихъ не было бы наслажденій и произведенія страны не могли бы приобрѣтать стоимость. Чтобы сдѣлать общество счастливымъ, а народъ довольнымъ даже своимъ жалкимъ положеніемъ, необходимо, чтобы громадное большинство оставалось какъ въ бѣдности, такъ и въ невѣжествѣ. Знаніе расширяетъ и умножаетъ наши желанія, а чѣмъ менѣе у человѣка желаній, тѣмъ легче будутъ удовлетворены его нужды».

По поводу этихъ именно словъ Мандевила, Маркъ называетъ его «свѣтлой головой и честнымъ человѣкомъ». И какъ нельзя болѣе справедливо. Надо помнить, что басня о пчелахъ написана до систематизаціи экономическихъ явленій, предпринятой Адамомъ Смитомъ, который, хотя и относитъ въ своей «Теоріи нравственныхъ чувствъ» нравственное ученіе Мандевила къ «системамъ легкомысленнымъ», но въ «Богатствѣ народовъ» многое заимствуетъ изъ басни о пчелахъ. Мандевилъ дѣйствительно свѣтлая голова, потому что даже въ приведенной только выпискѣ заключается въ сжатомъ, такъ сказать, зародышевомъ видѣ значительная и притомъ одна изъ существеннѣйшихъ частей всей классической экономіи. Мандевилъ дѣйствительно честный человѣкъ, потому что онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ архитектурнымъ украшеніямъ для приданія горькимъ и жесткимъ результатамъ своего анализа изящнаго вида кондитерскаго печенія, на манеръ Бастіа и цѣлой фаланги позднѣйшихъ экономистовъ. Тоже и въ области морали. Если позднѣйшіе утилитаристы, въ особенности Бентамъ, увѣряли людей, а можетъ быть и самихъ себя (тутъ дѣло въ ихъ нравственныхъ и умственныхъ качествахъ), что, въ силу начала пользы, какъ субстрата всей и всякой нравственности, человѣкъ заботится и долженъ заботиться исключительно о себѣ, изъ чего само сабою возникаетъ наивозможно большее счастье наивозможно большаго числа людей, то Мандевилъ заранѣе приготовилъ рамку для разрушенія этой иллюзіи: если, по мнѣнію Бентама, быть нравственнымъ человѣкомъ самое легкое дѣло изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, то, по мнѣнію Мандевила, та форма общежитія, которая достаточно рельефно обозначалась уже въ его время, требуетъ безнравственности, какъ необходимѣйшаго условія своего существованія. Разница опять-таки выходитъ слишкомъ большая, чтобы Мандевила и Бентама можно было поставить безъ дальнихъ разговоровъ за одну свобку, хотя оба они сходятся на томъ положеніи, что первичное, присущее человѣческой природѣ свойство есть стремленіе къ личному счастью. Внимательно слѣдя за этою послѣднею стороною дѣла, г. Мальцевъ часто упускаетъ совсѣмъ изъ виду такія стороны, которыя, заслуживая неменьшаго вниманія сами по себѣ, отчасти навязываются ему его собственной задачей. Разъ человѣкъ взялся оцѣнить отношенія эгоизма къ утилитаризму и прослѣдить тотъ, по его мнѣнію, очень ровный

путь, которымъ эгоизмъ первыхъ утилитаристовъ постепенно осложнялся общественнымъ моментомъ, отъ него можно требовать, чтобы онъ не валилъ въ одну кучу Аристиппа, Гоббса, Мандевила и Бентама. Общественный моментъ занимаетъ въ системахъ этихъ четырехъ мыслителей совсѣмъ не однородную роль. Напротивъ, въ каждой изъ нихъ личный и общественный моменты комбинируются такъ рѣзко своеобразно, что немислимо представить ихъ въ видѣ какихъ-то верстовыхъ столбовъ, ровно, однообразно отмѣчающихъ размѣры пройденнаго пути.

Переходя къ новѣйшему времени и, останавливаясь на Спенсерѣ, котораго онъ совершенно справедливо признаетъ утилитаристомъ, г. Мальцевъ пользуется, между прочимъ, нѣкоторыми указаніями, сдѣланными кое-гдѣ въ нашей журналистикѣ. Передаетъ онъ ихъ такъ.

«Стѣдуетъ только вникнуть, въ чемъ состоитъ «прогрессъ» по опредѣленію Спенсера, какъ представителя эволюціонной теоріи, и въ чемъ онъ состоитъ по опредѣленію Спенсера же, стоящаго на точкѣ зрѣнія утилитаризма, чтобы видѣть, что между этими двумя теоріями не только не существуетъ никакой аналогіи, но что онѣ совершенно враждебны одна другой. То дифференцированіе общества, та разнородность функций, въ которыхъ Спенсеръ полагаетъ общественный прогрессъ и совершенствованіе, отнюдь не совпадаютъ съ увеличеніемъ индивидуальнаго счастья, составляющаго идеаль и исключительную цѣль прогресса, понимаемаго утилитарной школой. Развѣтіе *общества*, происходящее по типу развѣтія органическаго, то есть путемъ перехода отъ простаго и однороднаго къ сложному и разнородному, путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій, сталкивается враждебно съ развѣтіемъ *личности*, совершающимся по тому же закону, и влечетъ за собой необходимо сокращеніе суммы индивидуальнаго счастья. Всякій разъ, когда общество испытываетъ рядъ измѣненій, подобныхъ измѣненіямъ развивающагося организма, входящія въ составъ его недѣлимая измѣняются по направленію, какъ разъ противоположному. Чѣмъ болѣе осуществляется дифференцированіе органическихъ, общественныхъ функций, чѣмъ болѣе достигаютъ онѣ разнородности и усовершенствованія, тѣмъ, пропорціонально этому, очевидно, болѣе уменьшаются разнообразіе и сложность жизни каждаго индивидуальнаго члена такого спеціализирующагося въ своихъ функцияхъ общества, тѣмъ уже и монотоннѣе становится жизнь этого члена, а, становясь уже и монотоннѣе, она становится очевидно и менѣе счастливою. Въ самыхъ совершенныхъ обществахъ, гдѣ каждая функція спеціализировалась до *pes plus ultra*, личность низводится на степень простаго подчиненнаго органа, изъ самостоятельнаго цѣлаго превращается въ часть, въ атомъ, незамѣтно стираясь и исчезая въ общей массѣ».

Эта аргументація, за воспроизведеніе которой мы можемъ, конечно, только благодарить г. Мальцева, въ данномъ случаѣ, до-

казываетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Утилитаризмъ и эгоизмъ, какъ справедливо понимаетъ г. Мальцевъ, двѣ вещи разныя, хотя въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ они и могутъ совпадать. Утилитаризмъ есть система, полагающая основой нравственности пользу, но при этомъ вопросъ: чью пользу?—остается совершенно открытымъ. Это, можетъ быть, польза личности, но можетъ быть и польза сословія, государства, націи, польза единицы безформенной и чисто-абстрактной, зоологическаго вида, наконецъ, сложная комбинація пользы личности, какъ цѣли, и пользы государства, какъ средства, причемъ (какъ у Гоббса) топія коровы могутъ пожрать тучныхъ, то есть средство поглотить цѣль. Ни одной изъ нравственныхъ системъ, построенныхъ на подобныхъ основаніяхъ, нельзя будетъ отказать въ названіи системы утилитарной. Можно только требовать, чтобы каждая изъ нихъ строго держалась разъ принятого отвѣта на вопросъ: «чья польза?»; чтобы, значитъ, напримѣръ, система эгоистической нравственности не выпускала ни на минуту изъ рукъ своего знамени и съ безповоротною послѣдовательностью вела къ ногамъ личности пользу и націи, и государства, и вида, и всякой другой единицы, если между ними и пользою личности произойдетъ столкновение. Точно также, разумѣется, и всякая другая утилитарная система, жертвующая пользою личности для пользы лица юридическаго или абстрактной единицы. Только тогда устранится то смѣшеніе языковъ относительно утилитаризма, которое господствуетъ теперь.

Поэтому едва ли г. Мальцевъ имѣетъ право упрекать Спенсера въ томъ, что тотъ въ своей теоріи прогресса противорѣчитъ «идеалу и исключительной цѣли прогресса, понимаемыхъ утилитарною школою», то есть индивидуальному счастью. Вполнѣ мыслима утилитарная система, которая, оставаясь утилитарною, требуетъ ломки индивидуальнаго счастья. Еслибы г. Мальцевъ обратилъ больше вниманія на ученія многихъ экономистовъ и на дарвинизмъ (о первомъ изъ этихъ несомнѣнныхъ отроговъ утилитаризма, иногда принимающихъ видъ прямо трактатовъ о нравственности, г. Мальцевъ не говоритъ совѣмъ, а о второмъ только вскользь), онъ несомнѣнно взялъ бы свой упрекъ Спенсеру назадъ. Еслибы онъ, напримѣръ, по поводу басни о пчелахъ Мандевиля припомнилъ хоть извѣстное изрѣченіе Дарвина, что мы должны восхищаться злобой пчелиной матки, потому что она полезна для строя пчелинаго улья, то онъ имѣлъ бы очень наглядный случай утилитаризма, построеннаго на убитомъ индивидуальномъ счастьи и на индивидуальномъ зломъ чувствѣ. Зато г. Мальцевъ имѣлъ бы полное право сдѣлать съ гораздо даже большею рѣзкостью, чѣмъ онъ дѣлаетъ, другой упрекъ Спенсеру. Дѣйствительно, несмотря на кажущуюся ясность и единство взгляда на всѣ явленія міра видимаго и невидимаго, Спенсеръ больше, чѣмъ кто-нибудь изъ выдающихся умовъ, грѣшитъ невыдержанностью разъ принятой точки зрѣнія. Онъ просто игнори-

руеть указанное выше враждебное столкновение личнаго и общественаго совершенствованія, не обинуясь, называя и то, и другое совершенствованіемъ и, съ удивительнымъ для такого ума легкомысліемъ перепархивая съ точки зрѣнія личнаго утилитаризма, личной пользы на точку зрѣнія пользы «системы наибольшаго производства» или вообще той или другой формы общезжитія. Тоже самое можно сказать и о дарвинизмѣ, съ тою разницей, что дарвинисты бываютъ всякіе, умные и глупые, а законченнаго нравственнаго ученія, опирающагося на дарвинизмъ, пока еще нѣтъ; значитъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если мы тутъ встрѣчаемъ цѣлую массу противорѣчій.

И такъ, аргументація, приводимая г. Мальцевымъ для уясненія внутренняго противорѣчія доктрины Спенсера, доказываетъ слишкомъ мало: жертвуя личнымъ благомъ для блага цѣлаго. Спенсеръ еще не становится въ противорѣчіе съ утилитаризмомъ. Но, съ другой стороны, аргументація эта доказываетъ въ настоящемъ случаѣ, пожалуй, и слишкомъ много. Вѣрнѣе сказать, она требуетъ слишкомъ много отъ самого г. Мальцева. Если отношенія между личнымъ благомъ и благомъ господствующихъ формъ общественнаго цѣлаго, дѣйствительно, таковы, какими они освѣщаются этою аргументаціей, и какъ ихъ наглядно изобразилъ хоть тотъ же Мандевилъ, то критикъ утилитаризма необходимо долженъ произвести имъ тщательную оцѣнку за свой собственный счетъ. Полученная въ результатъ этого анализа точка зрѣнія будетъ его руководительницей по всей исторіи утилитаризма и самостоятельно освѣтитъ для него такія важныя стороны различныхъ утилитарныхъ системъ, которыхъ нынѣ оставлены г. Мальцевымъ почти безъ вниманія. Правда, онъ можетъ возразить, что законъ развитія, «эволюціи», лежащій въ основаніи теоріи прогресса Спенсера, онъ, г. Мальцевъ, допускаетъ только условно, чтобы показать, что даже и въ такомъ случаѣ Спенсеръ неправъ. Самъ же онъ полагаетъ этотъ законъ недостаточно доказаннымъ вообще и въ приложеніи къ нравственной области въ особенности. Однако, это, собственно говоря, вовсе не возраженіе, ибо Мандевилъ, не зная закона развитія, тѣмъ не менѣе изъ простаго анализа текущей дѣйствительности вывелъ противорѣчіе личнаго блага и блага общественнаго цѣлаго. А со временъ Мандевила цѣлый рядъ писателей по предмету политической экономіи подтвердилъ и развилъ его анализъ. Г. Мальцевъ не воспользовался этими результатами умственной работы, такъ близко соприкасающейся съ предметомъ его изслѣдованія. Этимъ онъ лишилъ себя нетолько одной изъ общихъ руководящихъ нитей, но и возможности правильно отнестись ко многимъ частнымъ вопросамъ.

Подобно всѣмъ критикамъ утилитаризма, г. Мальцевъ естественно наталкивается на вопросъ: какимъ образомъ полезное превращается въ нравственно-обязательное и справедливое? На каждомъ шагѣ мы видимъ, что эти двѣ категоріи отнюдь не со-

впадаютъ. Сплошь и рядомъ понятія о справедливости и честности совсѣмъ не мирятся съ понятіями о выгодѣ, пользѣ или удовольствіи. Утилитаристы, разумѣется, новѣйшіе, имѣютъ очень благовидныя объясненія этого таинственнаго перехода полезнаго въ нравственно-обязательное. Г. Мальцевъ этими объясненіями недоволенъ. Почему онъ недоволенъ, и какъ критикуетъ, правильно или неправильно, это для цѣли нашей замѣтки довольно безразлично. Вѣрно то, что объясненія утилитаристовъ по малой мѣрѣ неполны, именно потому, что въ нихъ никогда почти не вводится элементъ противорѣчія личнаго блага и блага общественнаго цѣлаго и не обращается строго-выдержаннаго вниманія на отвѣтъ на вопросъ: чья польза? Однако, кое-что въ этомъ отношеніи поучительное все-таки есть. Для примѣра возьмемъ Бэна.

По мнѣнію этого писателя, первичный источникъ нравственнаго чувства составляютъ благоразуміе и симпатія, вспомошествоваемые нѣкоторыми «нѣжными эмоціями». Но затѣмъ законъ и общество направляютъ всѣ естественные импульсы къ добру «по искусственному руслу». Власть, законъ, общество, вооруженные наказаніемъ, съ одной стороны, и наградой, съ другой, ассоціируютъ въ умѣ личности представленія о добромъ съ тѣмъ, что награждается, а представленіе о зломъ съ тѣмъ, что наказуется. При продолжительномъ и постоянномъ дѣйствіи такой ассоціаціи идей, дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что личная совѣсть становится какъ бы «*fac simile* самого закона или правленія, подъ которымъ мы живемъ». Теперешняя нравственность не есть ни благоразуміе, ни симпатія въ ихъ примитивныхъ и свободныхъ проявленіяхъ, а систематическое узаконеніе, кодификація этихъ благоразумныхъ и благожелательныхъ дѣйствій, которыя сдѣлались теперь обязательными черезъ санкцію наказанія. Теперь образовался, вслѣдствіе этого, совершенно отдѣльный мотивъ, созданный человѣческимъ обществомъ искусственно, но сдѣлавшійся затѣмъ столь обычнымъ для каждаго члена общества, какъ вторая природа. Ни одинъ человѣкъ не опредѣляется теперь къ проявленіямъ благоразумія или симпатіи по ихъ собственнымъ чистымъ мотивамъ, но болѣе всего и прежде всего руководится ассоціированной съ ними санкціей обязательности. Однако, формы нравственнаго чувства подлежатъ еще и дальнѣйшему развитію. Подобно тому, какъ ученикъ, начинающій свое развитіе усвоеніемъ взглядовъ учителя и даже внѣшнихъ его пріемовъ, впоследствии, съ расширеніемъ круга знаній и степени наблюдательности, уже далеко не все, передаваемое ему, беретъ на слово, а подвергаетъ оцѣнкѣ, въ одномъ сомнѣвается, другое находитъ прямо несостоятельнымъ и отрицаетъ; такъ и форма нравственнаго чувства, начавшаяся съ покорности авторитету, становится на совершенно независимую точку опоры и кончается нерѣдко противорѣчіемъ прежнему авторитету. Ассоціація между добромъ и наградой, зломъ и наказаніемъ разслаб-

ляется, расшатывается. Вырабатывается «независимая или самообразовавшаяся» совѣсть, которая можетъ побудить человѣка сознательно отречься отъ величайшей награды и одобренія и сознательно пожертвовать жизнью.

Мы передаемъ, разумѣется, только въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ мысли Бэна. Подвергая ихъ критику, г. Мальцевъ замѣчаетъ, между прочимъ, что законодательства Будды, Конфуція, Солона, Ликурга, Магомета, на которыя ссылается Бэнъ, какъ на прототипы, по которымъ образуется совѣсть послѣдователя Будды, Конфуція, Магомета и проч., эти законодательства, какъ и всѣ другія, вовсе не суть всецѣло произведенія ума одного какого-либо законодателя. Законодатель всегда самъ вырастаетъ на извѣстной почвѣ и въ ней же находитъ уже готовыми вѣхами воспитанныя формы нравственного сознанія и вѣлѣнія индивидуальной совѣсти. «Законы сами суть результатъ и продуктъ индивидуальныхъ совѣстей, но никакъ не причинъ ихъ», говоритъ г. Мальцевъ. Это, конечно, поправка, требующая, однако, сама нѣкоторой поправки. Когда г. Мальцевъ говоритъ, что законодательства Солона, Ликурга сами представляютъ только «сборники древнихъ юнійскихъ и дорійскимъ институтовъ», а Конфуцій есть «послѣдователь и собиратель древнихъ преданій, имѣвшихъ священный характеръ и пользовавшихся уваженіемъ въ Китаѣ», то Бэнъ могъ бы ему возразить, что это не измѣняетъ рѣшенія вопроса, а только отодвигаетъ его назадъ. Это значитъ только, что соображенія Бэна должны быть приложены къ болѣе древнимъ юридическимъ нормамъ и религиознымъ постановленіямъ. Затѣмъ совершенно возможно, что юридическая норма или религиозное постановленіе, совершенно чуждыя личной совѣсти членовъ даннаго общества, тѣмъ не менѣе вводятся, сначала, разумѣется, выдерживая борьбу, встрѣчая препятствія, а по прошествіи нѣкотораго времени, не встрѣчая уже ничего, кромѣ покорности и даже энтузіазма. Въ концѣ-концовъ, г. Мальцевъ не можетъ не признать, что власть, законъ, общественныя учрежденія, давая на личную совѣсть всею своею силою, вооруженною наказаніемъ и наградой, должны оказывать весьма значительное, по крайней мѣрѣ, вторичное вліяніе на формы нравственного чувства. Какъ бы ни было, напримѣръ, крѣпостное право подготовлено въ личныхъ совѣстяхъ рабовъ и господъ, оно было, во-первыхъ, подготовлено все-таки формами общественныхъ отношеній, во-вторыхъ было навязано рабамъ силою, а въ-третьихъ, такъ опутало съ теченіемъ времени личную совѣсть обѣихъ сторонъ, что владѣть людьми, какъ вещью, и покоряться людямъ, какъ господамъ, не представлялось дѣломъ безнравственнымъ для огромнаго большинства. Въ концѣ-концовъ, вопросъ о причинномъ отношеніи индивидуальной совѣсти къ давленію закона и общественныхъ учрежденій, какъ его ставить г. Мальцевъ, нѣсколько напоминаетъ споръ объ томъ, что явилось раньше на свѣтъ, что составляетъ причину, и что составляетъ

слѣдствіе: курица или яйцо? Курица развивается не иначе, какъ изъ яйца, а яйцо непременно несетъ курицей. Въ этомъ заколдованномъ кругѣ мы будемъ бесплодно вертѣться до тѣхъ поръ, пока не признаемъ, что и курица и яйцо составляютъ продуктъ длиннаго процесса органическаго развитія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Нынѣшняя, данная индивидуальная совѣсть есть отчасти продуктъ формъ общежитія, а формы общежитія составляютъ отчасти продуктъ нравственнаго сознанія членовъ общества. Выходъ изъ этого логическаго круга заключается въ томъ, что и данная личная совѣсть, и данныя общественныя учрежденія, и ихъ взаимныя, враждебныя или мирныя отношенія составляютъ продуктъ длиннаго процесса борьбы различныхъ формъ общежитія между собою и съ личностью. Для утилитариста слѣдовательно дѣло опять таки сводится въ отвѣту на вопросъ: чья польза? А для историка и критика утилитаризма объявляется новая точка зрѣнія, на столько возвышенная, что съ нея, какъ съ вершины высокой горы, открываются во всѣ стороны далекія перспективы. При этомъ, оцѣняя ту или другую утилитарную систему, онъ долженъ будетъ сводить на очную ставку заключающіеся въ ней личный и общественный моменты и, путемъ разложенія общественнаго момента на его составныя части, опредѣлять практической характеръ системы.

Какъ уже сказано въ началѣ статьи, мы вовсе не имѣли въ виду всего содержанія книги г. Мальцева. Мы намѣренно оставили въ сторонѣ не только его положительныя идеалы, но и преимущественно занимающій автора вопросъ о происхожденіи нравственности. Разрастаются ли нравственныя понятія изъ опыта и личнаго стремленія къ счастью, или въ насъ съизначала вложено сѣмя древа познанія добра и зла—выше сдѣланныя замѣчанія о задачахъ исторіи и критики утилитаризма остаются, кажется, въ своей силѣ. Но само собою разумѣется, что этимъ не устраняется для критика и историка утилитаризма вопросъ о происхожденіи нравственности. Мы оставили этотъ вопросъ въ сторонѣ во-первыхъ, удобства и краткости ради, а во-вторыхъ, потому, что г. Мальцевъ не даетъ ничего въ этомъ смыслѣ новаго и оригинальнаго. По этому поводу мнѣ хочется прибавить только нѣсколько словъ.

Обыкновенно думаютъ, что, приписывая нравственнымъ понятіямъ опытное происхожденіе, мы тѣмъ самымъ унижаемъ, грязнимъ нравственность. Наоборотъ, усваивая нравственности интуитивное происхожденіе, то есть, собственно говоря отрицая всякое происхожденіе, мы, гласить общепринятое мнѣніе, ставимъ нравственность на высокой и прекрасный пьедесталъ. Станный взглядъ! Очень ужъ онъ низко цѣнитъ многовѣковую трудъ всего человѣчества, многовѣковую работу мысли и совѣсти, безконечную цѣпь страданій и наслажденій человѣческихъ, цѣпля мори крови и слезъ... Всего этого будто бы мало для созданія нравственности! Г. Мальцевъ не совѣмъ, повидимому, раздѣляетъ

этотъ взглядъ. Онъ думаетъ, что системы нравственности, полагающія основу нравственныхъ понятій въ комбинаціи личнаго и наслѣдственнаго опыта, поднимаются иногда до чрезвычайно высокихъ идеаловъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что эти высокіе идеалы суть, собственно говоря, логически незаконнорожденные дѣти утилитаризма и другихъ, по существу болѣе высокихъ, интуитивныхъ нравственныхъ ученій. Эти идеалы противорѣчатъ самой природѣ и внутреннему смыслу утилитаризма: его представители, имѣя лучшее сердце, чѣмъ голову, храня въ душѣ своей всѣмъ съизначала розданное сѣмя древа познанія добра и зла, воруютъ жемчугъ и алмазы у другихъ нравственныхъ системъ и на живую нитку нашиваютъ ихъ на грубую ткань своего собственнаго ученія. Не будемъ спорить. Просто посмотримъ лучше на какомъ-нибудь конкретномъ примѣрѣ, какъ судять и рядять о житейскихъ дѣлахъ самостоятельные носители высокихъ идеаловъ, какъ напримѣръ, самъ г. Мальцевъ.

Г. Мальцевъ не довольствуется сухими, отвлеченными формулами морали и чисто логическимъ ихъ обоснованіемъ и таковою же критикою. Онъ иллюстрируетъ время отъ времени свое изложеніе драматическими эпизодами жизни. Это придаетъ, конечно, извѣстную живость и привлекательность изложенію, но нельзя, къ сожалѣнію, сказать, чтобы выборъ и оцѣнка драматическихъ эпизодовъ были у него всегда удачны. Прежде всего, разъ они допущены, ихъ въ книгѣ г. Мальцева слишкомъ мало, и страдаютъ они вдобавокъ случайностью: такъ, неизвѣстно почему выхваченъ изъ жизни одинъ, а пропущены сотни. Но возьмемъ изъ того, что есть.

Герой романа г. Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе», Раскольниковъ очень занимаетъ нашего автора. «Рѣшаясь, говорить г. Мальцевъ: — на убійство старухи закладчицы, пользующейся страданіями ближнихъ, высасывающей ихъ послѣдніе соки и наконецъ берущей съ него самого—находящагося наканунѣ голодной смерти, проценты за мѣсяцъ впередъ на закладываемые имъ за полтора рубля послѣдніе отцовскіе часы, Раскольниковъ, съ точки зрѣнія утилитарной, былъ бы, безъ сомнѣнія, совершенно правъ. Въ его воспримчивой душѣ возбуждаются съ одной стороны картины глубокихъ несчастій весьма многихъ людей, несчастій, имѣвшихъ своей причиной ростовщичество этой старухи, паука въ человѣческомъ образѣ, какъ весьма мѣтко называетъ ее одинъ критикъ; съ другой, ему представляется полная возможность, положивши конецъ существованію этого, какъ ему кажется, самаго вреднаго члена общества, осчастливить всю ту массу бѣдняковъ, слезы которыхъ чуялись ему въ хищническихъ деньгахъ старухи». Разбирая за тѣмъ душевное состояніе Раскольникова, г. Мальцевъ останавливается на фразѣ романиста: «при всемъ сознаніи неумолимаго долга убить старуху, Раскольникову хочется уклониться отъ исполненія этого долга». При этомъ г. Мальцевъ слово *долгъ* подчеркиваетъ и прибавляетъ вопрошатель-

ный знак. Въ концѣ концовъ, онъ рѣшаетъ, что поступокъ Раскольникова «могъ бы найти себѣ нѣкоторое оправданіе въ криминальномъ кодексѣ утилитаризма». Ну, едва ли! Бентамъ, напѣрръ, строгій защитникъ всякой, добытой законными средствами собственности, не погладилъ бы по головкѣ Раскольникова. Тотъ же Бентамъ, при помощи своей «моральной ариѳметики», доказалъ бы, что Раскольниковъ плохо рассчиталъ, потому что съ убійствомъ старухи-закладчицы весьма мало измѣненій произойдетъ подъ луной. Какъ бы, однако, ни было, взяли ли бы утилитаристы подъ свою защиту героя «Преступленія и наказанія» или нѣтъ, но они навѣрное откажутъ въ своемъ одобреніи другому преступнику, котораго, вѣроятно по недоразумѣнію, беретъ подъ свою защиту нашъ авторъ.

Въ 1878 году въ маѣ въ газетахъ было напечатано слѣдующее извѣстіе. 9-лѣтній мальчикъ, «глубоко оскорбленный неуваженіемъ со стороны матери къ памяти его отца, послѣ неоднократныхъ упрековъ, рѣшается на самое ужасное преступленіе— на убійство матери. Съ этою цѣлью онъ собственноручно вырываетъ въ погребѣ яму, намѣреваясь скрыть въ ней впослѣдствіи трупъ матери. Въ одну изъ ночей, когда мать его спитъ, онъ беретъ топоръ, приближается къ постели, но, не вполне увѣренный въ крѣпкомъ снѣ жертвы, остается ждать. Слабые первы ребенка, однако же, не выдерживаютъ такого напряженія и онъ засыпаетъ. Но съ пробужденіемъ въ немъ все-таки не исчезаетъ идея неудовольствительнаго чувства справедливости. На слѣдующую ночь онъ снова подходитъ къ крѣпко спящей матери и на этотъ разъ ударомъ топора убиваетъ ее съ разу».

По этому возмущающему душу поводу г. Мальцевъ уже не подчеркиваетъ иронически слова *справедливость* или *долгъ* и не ставитъ при нихъ вопросительнаго знака. Напротивъ, отъ ироніи онъ переходитъ къ паѳосу. Онъ спрашиваетъ: «Найдется ли въ этомъ преступленіи, мотивированномъ такою высоко перевоспроизведенною идеею справедливости, хотя какая либо іота утилитарной подкладки? Какимъ образомъ могли входить сюда и реагировать хотя бы отдаленныя соображенія полезности? Вопросъ этотъ остается безотвѣтнымъ со стороны утилитарной доктрины и это потому, что она не удѣляетъ особаго, самостоятельнаго мѣста идеѣ справедливости, стараясь урѣзать ея истинное значеніе, свести все содержаніе ея къ тому же принципу пользы или общаго счастья. Недаромъ Кантъ, пораженный высотой и, такъ сказать, неподкупностью нравственныхъ требованій, восклицалъ: «Чувство долга! чудное понятіе, дѣйствующее на душу не посредствомъ увлекательныхъ доводовъ лести или угрозъ...» и т. д., и т. д.

И подумаешь, что всѣ эти прекрасныя слова, и паѳосъ Канта, и «долгъ», и «справедливость» тратятся по тому поводу, что девятилѣтній щенокъ осмѣлился судить и казнить вольнаго чело-вѣка за вольное чувство, за безобидное счастье, за жизнь, за

«неуваженіе» къ трупѣ! Г. Мальцевъ вызываетъ по этому случаю на бой утилитаристовъ, доказывая, что у нихъ не найдется отвѣта на его вопросъ о поступкѣ паршиваго щенка. Онъ забываетъ, что съ точки зрѣнія утилитаризма, какъ и со всякой другой, есть не только добрыя, а и злыя дѣла, не только справедливость, а и мерзость, и что съ ихъ точки зрѣнія безполезность очень часто совпадаетъ съ мерзостью. А что восхищающее его событіе есть дѣйствительно нѣчто возмутительное, это такъ ясно, что даже доказывать трудно. Одно развѣ могу привести доказательство. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Болеславъ Маркевичъ написалъ романъ (не помню заглавія), въ которомъ идеализировалъ подобный же судъ подобнаго же щенка надъ матерью. Болеславъ Маркевичъ, какъ самостоятельный носитель высокихъ идеаловъ нравственности! Тотъ самый г. Маркевичъ, который еще недавно рѣшительно пристыдилъ г. Тургенева, публично заявивъ, что вѣдь, дескать, вы меня другомъ называли!

Да не приметъ, впрочемъ, этого въ обиду г. Мальцевъ...

Н. М.

НОВЫЯ КНИГИ.

Четверть вѣка назадъ. Правдивая исторія, соч. *Б. М. Маркевича*, части I и II, Москва, 1879 г.

Въ нашей журналистикѣ еще не такъ давно на всѣ лады и по всякому поводу повторялся пригвѣвъ, что «наше время — не время широкихъ задачъ». Дни проходятъ, но другъ на друга не походятъ, какъ извѣстно, и вотъ теперь, кажется, только лѣнивый не мечтаетъ о задачахъ, которыя съ полнымъ правомъ можно назвать широкими, и даже иногда черезчуръ широкими. Съ одной стороны, это, разумѣется, прекрасно, потому что свидѣтельствуешь о полетѣ мысли, о нѣкоторой игрѣ ума, хотя бы то и «ума» г. Маркевича. Но съ другой стороны, это и нѣсколько неудобно, потому что понапрасну наводитъ смущеніе на добрыхъ людей. Хорошо бы, напримѣръ, возвратиться, какъ о томъ часто мечтаютъ теперь, къ доброму, старому времени, но это идеаль, о средствахъ осуществленія котораго даже самыя сильныя наши умы говорятъ почти всегда какъ-то неохотно и уже рѣшительно всегда — невразумительно и необстоятельно. «Еслибы да кабы» — изъ этого шубы себѣ не сошьешь. Кабы вернуться къ «тихимъ радостямъ» прошлаго! Кабы возвратить

себѣ этотъ потерянный рай невинности, непостыднаго и мирнаго житія, безъ всякихъ такихъ «проклятыхъ вопросовъ»:

Кабы Волга-матушка вспять побѣжала,
Кабы можно было жить начать сначала.

Такия платоническія желанія и такіе фантастическіе проэекты свидѣтельствуютъ только о досужествѣ ихъ творцовъ, и ничего больше. Говоримъ мы все это къ тому, что романъ, заголовокъ котораго выписанъ выше, представляетъ собою длинную-длинную и слезную-слезную беллетристическую ламентацию на тѣму «кабы», какой-то глубокой и продолжительный вздохъ объ утраченномъ счастьи, однакожь, не безъ примѣси надежды на хорошее поведение Волги-матушки въ ближайшемъ будущемъ.

Разсказъ г. Маркевича относится къ эпохѣ за «четверть вѣка назадъ». Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что г. Маркевичъ всѣ свои симпатіи отдаетъ той эпохѣ. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что г. Маркевичъ отталкиваетъ отъ предмета своего обожанія каждаго читателя, хотя бы то съ самымъ неразвитымъ литературнымъ вкусомъ, но не лишеннаго нѣкотораго нравственнаго чутья. Колеры г. Маркевича до того густы, что мы были бы готовы заподозрить его въ сатирической тенденціозности и утрировкѣ, еслибы общіе принципы его міросозерпанія, достаточно извѣстные, не исключали возможности такого поклепа на него. Если его «исторія», въ самомъ дѣлѣ, «правдива», то какая же это ужасная правда! Дѣло въ томъ, что между всѣми разнокалиберными и разномастными персонажами г. Маркевича нѣтъ ни одного, буквально ни одного, честнаго человѣка. Одни изъ нихъ дѣлаютъ подлости по расчету, другіе—по влеченію, третьи—по глупости, но дѣлаютъ ихъ рѣшительно всѣ, и однообразіе этой печати, отмѣчающей собою, подобно бубновому тузу, всѣхъ дѣйствующихъ лицъ г. Маркевича, мы затрудняемся объяснить: искать ли ей причину въ объективной «правдѣ», въ свойствахъ сюжета, избраннаго авторомъ — и тогда, повторяемъ, это, по истинѣ, ужасно, какою глубокою пропастью мы ни отдѣлены отъ той эпохи—или же первое мѣсто тутъ принадлежитъ субъективному элементу, и тогда, конечно, печалиться особенно не о чемъ. Не то важно, что г. Маркевичъ не замѣчаетъ повальной безиравственности своихъ героевъ, важно то, что всѣ эти одержимые и зараженные искренно считаютъ себя порядочными, а иные такъ даже образцовыми людьми. Главный герой разсказа, нѣкій Гундуровъ, профессоръ in spe, славянофилъ и народолюбецъ (послѣднее качество, въ скобкахъ сказать, нисколько не мѣшаетъ ему получать до десяти тысячъ рублей въ годъ съ этого «недаромъ любимаго» народа), относительно говоря, сноситъ другихъ, вѣроятно, потому, что безцвѣтнѣе. Это не человѣкъ, а какая-то жеванная бумага, расплывающася тѣсто, изъ котораго, при подходящихъ

обстоятельствахъ, можетъ выпечься и взяточникъ, и шпионъ, и наушникъ, и всякая другая мерзость, но которое, при иныхъ влияніяхъ, можетъ до конца сохранить свое безформенное состояніе, что для людей этого разряда значить наилучшимъ образомъ сохраниться. Мы не будемъ, конечно, останавливаться на разборѣ тѣхъ плоскостей и пошлостей, которыя Гундуровъ отпускаетъ относительно народа, удивительной «силы» его «смирения», его мистической будущности и т. д. Не будемъ останавливаться и на его личности: конечно, онъ прихвостничаетъ передъ нѣкоей великосвѣтской графиней Воротынцевой, (II, 8,) мучить бессмысленными капризами любимую дѣвушку, носится, какъ съ писаной торбой, съ своимъ происхожденіемъ отъ Рюрика и т. д., и т. д. Все это въ порядкѣ вещей. Мелкая душа мелка и въ своихъ низостяхъ. Авторъ, правда, смотритъ на своего героя совершенно иначе, находитъ у него и «здоровую голову» и «чистое, гордое сердце» (I, 59), но это его дѣло и спорить съ нимъ мы считаемъ дѣломъ излишнимъ. Гораздо интереснѣе—потому что крупнѣе—нѣкоторые другіе персонажи, также пользующіеся симпатіями автора. Таковъ, напримѣръ, красавецъ Ашанинъ, другъ Гундурова, обладавшій, по замѣчательной характеристикѣ автора, «золотымъ, пыльнымъ и великодушнымъ сердцемъ» и въ тоже время «донельзя распущенный въ нравственномъ отношеніи» (II, 220). Остается, такимъ образомъ, неизвѣстнымъ, что называетъ авторъ «сердцемъ» и, что разумѣетъ подъ «нравственностью». Оригинальность возрѣній автора на Ашанина, которому онъ много разъ даетъ ласковый эпитетъ «шалуна», тѣмъ замѣчательнѣе, что этотъ Ашанинъ въ сущности безсердечный негодяй и феноменальный развратникъ. Его такъ называемыя авторомъ «шалости» состоятъ въ томъ, что онъ соблазняетъ и тѣхъ женщинъ, которыя ему нравятся, и тѣхъ, которыя ему почему-нибудь нужны. А его *нужды* бываютъ, напримѣръ, такіа: «у насъ, видите ли, объясняетъ въ одномъ мѣстѣ Ашанинъ, матери Гамлета не было и некому кромѣ нея играть. А она (гувернантка, старая дѣва) уперлась, какъ коза: не хочу, да и все тутъ! Я собою и пожертвовалъ» (I, 121). Потомъ онъ, разумѣется, осмѣялъ эту несчастную, которая, опозоренная и униженная, должна была оставить барскій домъ, въ которомъ до тѣхъ поръ жила. Г. Маркевичъ съ большимъ юморомъ описываетъ обмороки и истерическіе припадки старой дѣвы; описывая ея искаженное отъ муки лицо, онъ говоритъ: ея «страданіемъ измятыя черты» (II, 100) и ставитъ это выраженіе въ ироническія ковычки. Не знаемъ, зачѣмъ тутъ иронія. Если авторъ полагаетъ, что только то страданіе симпатично и почтено, которое искажаетъ собою миловидныя «черты» — такъ это онъ напрасно. Эстетика въ нравственныхъ вопросахъ неумѣстна и даже неприлична. И, несмотря на то, что его излюбленный «шалунъ» Ашанинъ «красивъ, какъ молодой богъ», порядочные люди такимъ господамъ руки не подають и на порогъ къ себѣ не пу-

скажутъ. За то—и съ своей точки зрѣнія весьма, разумѣется, послѣдовательно—авторъ не находитъ достаточно яркихъ красокъ и сильныхъ словъ, чтобы поэтизировать и даже апотезировать героиню разсказа, нѣкую княжну Лину. Она хороша собой, очень богата и очень знатна—всѣ права на поэтическій апотеозъ. И нашъ авторъ усердствуетъ даже до пота лица. По его мнѣнiю, эта княжна—«совсѣмъ особенная, непонятная... недосыгаемая...» (I, 170). Каждому купцу естественно хвалить свой товаръ, но наивенъ тотъ покупатель, который повѣритъ ему на слово. «Особенность» княжны заключается въ ея привилегированномъ положенiи, ставщемъ ее, по мнѣнiю гг. Маркевича и Гундурова, далеко выше всѣхъ простыхъ, т. е. не титулованныхъ смертныхъ; въ этомъ же заключается и ея «недосыгаемость» — для провинциальныхъ жениховъ, въ томъ числѣ и для Гундурова. Но въ чемъ состоитъ «непонятность» этой восемнадцатилѣтней особы? Конечно, героиня «приноситъ въ жертву памяти отца счастье всей своей жизни» (I, 325), что, бесспорно, очень «непонятно»; достаточно «непонятны» и афоризмы княжны, вродѣ слѣдующаго: «тамъ въ Германiи, въ Европѣ, все такъ узко... тамъ перегорожки вездѣ поставлены... А здѣсь... здѣсь какимъ-то безбрежьемъ пахнетъ...» (I, 183). Если «непонятность» *такою* рода служить, какъ полагаетъ авторъ, признакомъ такъ называемыхъ «высшихъ» натуръ, тогда придется ставить на пьедесталъ всѣхъ сантиментальныхъ куколокъ, во вкусѣ г-жъ Коттенъ и Жанлисъ, и всѣхъ нервничавшихъ резонерокъ, во вкусѣ беллетристовъ «Рускаго Вѣстника». Точно слѣдуя трафарету всѣхъ суздальскихъ беллетристовъ, г. Маркевичъ, конечно, заставляетъ свою поэтическую княжну умереть, не доводя дѣло до того неизбежнаго и прозаическаго фазиса жизни всѣхъ подобныхъ госпожь, когда презвiная «Селина» начинаетъ зваться попросту «Акулькой» и т. п. Передъ кончиною, для пушлага эффекта, авторъ заставляетъ героиню декламировать:

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ отъ міра перешла,
Мой другъ, я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила.

Торжество суздальскаго художества надъ бѣднымъ здравымъ смысломъ, такимъ образомъ, блистательно совершено. Чувствительные стишки маскируютъ печальный комизмъ этого изломаннаго существа, этой тепличной княжны, восемнадцати лѣтъ отъ роду съ убѣжденiемъ утверждающей, что она «все земное совершила».

Мы не имѣемъ ни мѣста, ни охоты останавливаться на характеристикѣ другихъ персонажей г. Маркевича. Мы выбрали между ними лишь тѣхъ, къ которымъ авторъ особенно благоволяетъ. Но любопытно и, въ извѣстномъ смыслѣ, не лишено поучительности понятiе нашего автора объ общемъ характерѣ той

эпохи. Если вѣрить г. Маркевичу—какого эдема лишились мы! Все было тогда просто и въ то же время цѣлесообразно и въ высшей степени согласно съ началами строжайшей справедливости. Самодурство приносило благодѣтельные результаты, а произволъ помогалъ справедливости и охранялъ невинность. «Въ тѣ блаженныя времена правили съ произволомъ трехбунчузнаго паши и съ мудрою простотою Санхо-Пансы на островѣ Баратаріи»—подлинныя слова нашего автора (I, 188). Бѣдетъ исправникъ по проселку, встрѣчается со мужицкимъ возомъ, который, разумѣется, немедленно отлетаетъ въ канаву, со всею своею кладью и «миски и кадушки покатались подъ ноги исправниковой тройки». Сцена обыкновенная, сотни разъ описанная. Но г. Маркевичъ придѣлываетъ къ ней такой финалъ: «за уронъ получи!» величественно крикнулъ исправникъ и смята имъ въ комъ красненькая бумажка завертѣлась въ воздухъ и опустилась къ ногамъ растеряннаго извозчика» (I, 75). Вотъ какъ тогда дѣла-то дѣлались, а совсѣмъ не такъ, какъ рассказываютъ какіе-нибудь гоголевцы! Понятно, что извозчикъ говоритъ: «дай имъ Богъ здоровья, не обидѣли!» и на будущій разъ нарочно постарается встрѣтиться съ благодѣтельнымъ исправникомъ. Тогдашній весильный управитель Москвы, отправляясь въ свое имѣніе, мимоѣздомъ и въ пять минутъ рѣшаетъ одно кляузное дѣло, рѣшаетъ его, быть можетъ, и не вполне согласно съ закономъ, но вполне согласно съ справедливостью. Кто это изъ русскихъ писателей сказалъ, что «законы святы, да исполнители лихіе супостаты»? Совершенно наоборотъ: законы оставляли многого желать, но ихъ недостатки исправлялись «мудрою простотою» правосудныхъ Санхо-Пансо. Такъ, по крайней мѣрѣ, г. Маркевичъ говоритъ. Впрочемъ, заветнѣйшихъ идеаловъ г. Маркевича надо искать не тутъ, а въ «мудрой простотѣ». Драгоценнѣйшимъ воспоминаніемъ прошлаго является въ его глазахъ архивеликосвѣтская и архиизящная графиня Воротынцева. «Отъ дворцовыхъ вершинъ, говоритъ онъ: — и до бородача купца, мимо котораго морознымъ яснымъ днемъ мчались ея сани по Невскому проспекту—все какъ бы чувствовало на себѣ обаяніе ея прелести, ея власти. «Графиня Воротынцева» произносилось съ особенной улыбкой, какъ бы всѣмъ близкій, всѣмъ любезный лозунгъ... Разказы о ней, ея мѣткія слова доносились до самыхъ глухихъ угловъ города, до далекихъ провинціальныхъ весей и селъ» (I, 320). Даже до далекихъ селъ! Г. Маркевичъ, очевидно, фанатикъ бонтонности и этимъ все объясняется, если не оправдывается. Его храмъ—бальная зала, его молитва—causerie, его священнодѣйствіе — французская кадрили, его оиміамъ — духи послѣдней моды.

По новому. Повѣсть. Сочиненіе *Ольги В. Л—и*. Москва 1880.

Г-жа Ольга В. Л—и твердо увѣрена, что «по новому» не хорошо. Что это, однако, за штука «по новому», сказать доволь-

но трудно, потому что едва ли это и сама г-жа Ольга В. Л—и знает.

Нѣкоторой княгини Мери Ридигеръ «коснулось повѣтріе времени, она готова была повергаться въ прахъ передъ проповѣдникомъ любви, свободы и равенства» («По новому», стр. 38). Однако, это самая княгиня Мери Ридигеръ «не особенно сочувствовала сліянію сословій: ей казалось, что сословный предразсудокъ долженъ существовать; ей казалось, что онъ лучше всякаго внутренняго голоса поддерживаетъ чувство долга и чести» (стр. 42). Что касается князя Александра Ратмирова, то «прирожденная доброта, прекрасно развитое сердце и понятія, направленныя на чувство долга нравственнаго и внѣшняго, выражавшагося словами: *poblesse oblige*, охраняли его отъ вліянія вѣка—страсти къ живѣ и обогащенія» (стр. 56). Вотъ жена одного плебея или «плебы», какъ пишетъ г-жа Ольга В. Л—и, такъ та была «подруга совершенно въ духѣ времени, которая могла нести и несла, на сколько слѣдовало, жизненныя тягости съ мужемъ пополамъ; поддавалась она вліянію вѣка, гнѣздили въ ней духъ отрицанія нѣкоторыхъ привычекъ и возрѣній, освѣщенныхъ преданіями старины глубокой» (стр. 70). Мировой судья Ольхинъ «вообще былъ человекъ изъ новыхъ: дѣленъ, дѣятеленъ, уменъ, но не симпатиченъ» (стр. 89). Когда умеръ графъ Искра-Загорѣльскій, то окружающіе «позабыли и даже ни разу не упомянули о тѣхъ древнихъ старцахъ, живыхъ мощахъ, которые находили себѣ пріютъ и повои отъ щедротъ графскихъ и которыхъ хорошо сдѣлалъ бы графъ, одновременно уведя съ собою въ ту страну, гдѣ никому невѣдома печаль. Но стояло ли толковать объ отжившихъ, когда всѣ стремленія человека должны быть направлены впередъ и впередъ: это было бы ретроградство, несомнѣнное съ передовыми понятіями» (стр. 239). Послѣ этого графа Искры-Загорѣльскаго осталась незаконная дочь, Людмила, которую онъ билъ, а мать которой даже прямо собственноручно убилъ. Но за то Людмила получила прекрасное воспитаніе. «Нравственное развитіе Людмилы не простиралось далѣе той чуткости сердца и поэтичности души, которыми одарила ее природа и которыя не изуродовало нынѣшнее воспитаніе, основанное *на видимыхъ данныхъ, на непровержимыхъ фактахъ* (курсовъ г-жи Ольги В. Л—и) и т. п., ей совершенно непонятныхъ фраззахъ» (стр. 303). Когда отецъ Людмилы умеръ, она пріютилась въ семьѣ князей Ратмировыхъ. «Сколько людей изъ нынѣшней молодежи, такъ называемыхъ передовыми, заклеями бы Людмилу кличкой «кисейная барышня, ретроградка», за то, что она можетъ безъ зазрѣнія совѣсти сидѣть безъ *дыла* и ѣсть дармовой хлѣбъ; но едва ли смутилась бы Людмила, услыхавъ собственными ушами подобный упрекъ. Она убѣждена была, что должна идти по тому прямому пути, который невидимо указываетъ ей Господь, и что отыскиваніе дорогъ и протаптываніе сте-

зей можетъ только сбить съ истиннаго, прямого пути и навести на ложный путь» (стр. 305).

Въ концѣ концовъ, если всѣмъ этимъ «вліяніямъ времени», «вѣяніямъ вѣка», «нынѣшнему», «новому», «передовому» подвести итогъ, то выйдетъ, кажется, что «рано утромъ, вечеромъ, поздно на разсвѣтѣ, Фекла ѣхала верхомъ въ раскидной каретѣ». Если прибавить къ этому значительную долю безграмотности и полное отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ дарованія, то повѣсть г-жи Ольги В. Л—и будетъ характеризована вполне. До такой степени вполне, что иной читатель можетъ пожалуй, даже обидѣться, что ему указываютъ на такую новую книгу, которая есть не книга, а макулатура. Нѣтъ, милостивые государи, это не макулатура, а отраженіе солнца въ малой каплѣ водъ. Тотъ забавный винегретъ, который г-жа Ольга В. Л—и изготовляетъ изъ любви къ людямъ и презрѣнія къ людямъ, изъ труда и наживы и другихъ несомѣщающихся вещей и который она затѣмъ, обливъ уксусомъ своего неудовольствія и елеемъ своихъ идеаловъ, подаетъ читателю подъ именемъ «по новому»; этотъ винегретъ совсѣмъ не изобрѣтеніе нашего малограмотнаго и наивнаго автора. Онъ подается вамъ довольно часто. И вы кушаете его иногда не безъ аппетита, потому что онъ бываетъ приготовленъ искусившимися въ своемъ дѣлѣ поварами, не жалующими ни перцу, ни другихъ приностей. Посмотрите же на него поближе, когда онъ чисто «домашняго приготовленія», когда онъ приправленъ только уксусомъ неудовольствія г-жи Ольги В. Л—и и елеемъ ея же, г-жи Ольги В. Л—и, идеаловъ. Это довольно поучительно.

Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества. Сочиненіе *Эдуарда Даудена*. Переводъ Л. Д. Черновой. Сиб. 1880.

Прежде всего отдадимъ справедливость г-жѣ Черновой: она отнеслась къ своей задачѣ въ высшей степени добросовѣстно. Ея тщательный переводъ стоилъ ей массы труда, всевозможныхъ справокъ, провѣрокъ, сличеній и т. п., и она имѣла полное право сказать, что «старалась сдѣлать все, что могла». Но техническая сторона—только часть и притомъ меньшая часть дѣла. Относительно цѣли своего перевода г-жа Чернова не даетъ почти никакихъ объясненій. Она находитъ, что объ этомъ бесполезно даже и говорить, такъ какъ «достоинство книги Даудена о Шекспирѣ слишкомъ признано уже всѣми». Мы ни малѣйше не оспариваемъ достоинствъ книги Даудена — въ *своемъ родѣ* она дѣйствительно хороша — но наши недоумѣнія и сомнѣнія остаются во всей силѣ. Западная литературы безспорно богаче нашей и въ качественномъ и, еще гораздо того болѣе, въ количественномъ отношеніи, но именно потому, что онѣ богаче, ихъ цѣли, средства и приемы далеко не тѣ же, что у насъ. Западная литературы пережили тотъ фазисъ развитія, когда на первомъ планѣ стоятъ общія идеи; по крайней мѣрѣ, выработка

такихъ идей идетъ у нихъ параллельно съ накопленіемъ и разработкою фактическаго матеріала. У насъ пока еще дѣло поставлено иначе. У насъ требуется не установленіе той или другой частности, а выясненіе общаго внутренняго смысла жизненнаго или литературнаго явленія. Таковы наши умственныя потребности, да таково и самое положеніе дѣла. Западныя литературы, какъ настоящіе богачи, вправѣ позволить себѣ нѣкоторую расточительность умственныхъ силъ. Нѣтъ ничего ни страннаго, ни предосудительнаго, что въ густыхъ и многочисленныхъ рядахъ литературныхъ работниковъ Запада имѣются люди, которые употребляютъ свое время на изысканія чисто фактическаго и притомъ мелко фактическаго свойства. Нашей литературѣ, смѣемъ думать, эта роскошь мельчайшихъ спеціалитовъ совсѣмъ не по плечу. Мы не обозрѣли еще, какъ слѣдуетъ, слона, чтобы имѣть возможность разглядывать въ душу крохотныхъ коровокъ.

Шекспиръ—писатель великій и знакомство съ нимъ обязательно для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка—это не подлежитъ сомнѣнію. Но если г-жа Чернова полагаетъ, что сочиненіе Даудена можетъ въ какомъ-нибудь отношеніи помочь читателю уяснить идеи, духъ, смыслъ произведеній великаго драматурга, то она очень ошибается. Какъ извѣстно, въ Англии существуетъ цѣлая литература относительно Шекспира. Какъ ни глубоко и ни разнообразенъ гений Шекспира, все-таки сомнительно, чтобы для его истолкованія было необходимо и столько умовъ, и столько томовъ. Но въ томъ-то и дѣло, что огромное большинство этихъ писателей—не критики, а только комментаторы великаго поэта. А комментировать, при усердіи и досугѣ, можно что угодно и сколько угодно. Тотъ же Дауденъ, указывая на разныхъ «критиковъ» Шекспира, сообщаетъ и объ ихъ критическихъ заслугахъ, напримѣръ, такого рода: «Спэддингъ впервые приложилъ количественную критику версификаціи къ изученію произведеній Шекспира; Чарльзъ Батзѣрстъ обратилъ вниманіе на то, что Шекспиръ, по мѣрѣ своего развитія, сталъ переходить отъ стиха, конецъ котораго совпадаетъ съ концомъ предложенія, къ стиху, гдѣ предложеніе переходило изъ одного стиха въ другой; Герцбергъ даетъ процентное содержаніе женскихъ стиховъ въ 17 драмахъ» и т. д., и т. д. Вотъ что называется вполнѣ «основательною» критикой! Идя далѣе по этому пути, можно будетъ сосчитать число словъ въ шекспировскихъ драмахъ, потомъ число буквъ, число запятыхъ и точекъ, вставить между итогами кое-какія соображенія собственнаго производства, десятокъ пышныхъ сравненій и гиперболей, и готово новое сочиненіе о Шекспирѣ, которое г-жа Чернова не замедлитъ прекрасно перевести на русскій языкъ.

Между Дауденомъ и этимъ интереснымъ г. Герцбергомъ, считавшимъ шекспировскіе стихи, разстояніе не особенно большое. Дауденъ отнюдь не критикъ, а обстоятельный и толковый комментаторъ и никакого «критическаго изслѣдованія» въ его книгѣ

найти нельзя. Заглавіе книги указываетъ только на намѣреніа и претензіи автора и нисколько не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Какого изслѣдованія «мысли» поэта можно ждать отъ критика, который смотритъ на художественное литературное произведеніе *исключительно* съ точки зрѣнія чистой эстетики? А взглядъ Даудена именно таковъ. «Для насъ, говоритъ онъ, невозможно выразить словами рядъ истинъ, которымъ насъ поучаетъ драма «Король Лиръ». Но развѣ мы можемъ высказать словами точное нравственное значеніе фуги Гайдена или симфоніи Бетховена? Трагедія или музыкальное произведеніе не есть кодексъ какихъ-либо правилъ или системы какого-либо ученія, это—фокусъ, въ которомъ нѣсколько жизненныхъ силъ сходится въ самомъ чистомъ своемъ проявленіи». Это, по крайней мѣрѣ, откровенно. Ясно, что для читателя съ Даудена взятки гладки. Никакихъ задачъ, по мнѣнію Даудена, Шекспиръ не ставитъ, ни къ какимъ нравственнымъ вопросамъ ключа не даетъ, а даетъ лишь рядъ ощущеній, подобно какой-нибудь «фугѣ». При такомъ взглядѣ на задачи и средства поэзіи вообще и Шекспира въ частности, думать и разсуждать о художественныхъ произведеніяхъ, очевидно, незачѣмъ и нельзя. Остается только называть, какъ бусы, многословныя фразы и ухищренныя сравненія, чѣмъ Дауденъ, подобно всѣмъ чистымъ эстетикамъ, и занимается исключительно.

Безъ похвалы говоря, мы, русскіе, отъ такой «критики» давнымъ давно отвыкли. Мы давно пріучились ставить содержаніе выше формы и трагедію, полную живыхъ образовъ, т. е. воплощенныхъ и индивидуализированныхъ идей, не поставимъ на одну доску съ «фугою». Такимъ образомъ, послѣ откровеннаго «не можемъ» авторъ, все значеніе его для насъ сводится къ значенію библиографа, биографа и комментатора. Въ этихъ роляхъ Дауденъ гораздо болѣе въ своей тарелкѣ, нежели въ превосходящей его средства роли критика, но въ этихъ роляхъ его значеніе совершенно микроскопично. Въ Англіи, для которой Шекспиръ не просто великій поэтъ, но и предметъ національной гордости, гдѣ его имя окружено положительно культомъ, тамъ, очень естественно, каждая новая, хорошо констатированная подробность, касающаяся его личности или его сочиненій, считается серьезнымъ пріобрѣтеніемъ. Никто не въ правѣ требовать отъ русскаго и вообще не англійскаго читателя такого интереса къ личности англійскаго поэта. Въ конечномъ результатѣ для насъ, книга Даудена въ одной своей части, въ мелко-библиографической и комментаторской—безполезна, въ другой, биографической—стара, въ третьей—эстетико-критической, можно сказать, просто наивна. Честь тщательнаго и добросовѣстнаго перевода, выпавшая на ея долю—честь вполне незаслуженная.

Библиотека западной полосы Россіи. Томъ II. Спб. 1879.

Въ свое время мы дали отчетъ о «Библиотецѣ» и тогда же выразили желаніе успѣха ей, какъ органу провинціи, все настоя-

тельнѣе и настоятельнѣе требующей освѣщенія своихъ угловъ и закоулковъ. Въ то же время мы высказали сомнѣніе, что этотъ успѣхъ будетъ ею когда-нибудь приобрѣтенъ. Второй томъ, говоря откровенно, очень сильно ослабилъ эти добрыя пожеланія наши и очень сильно усилилъ наше сомнѣніе. Начать съ того, что съ «Библиотекой» произошла метаморфоза. Въ программѣ этого сборника, насколько о ней можно было судить по первому тому и насколько она выразилась въ самомъ заглавіи, разработка вопросовъ еврейской жизни была только частною задачею, какъ само еврейство есть только одинъ изъ элементовъ населенія западной половины Россіи. Нынѣ редакция «смѣло заявляетъ», что «беретъ на себя великую миссію быть посредникомъ между русскимъ и еврейскимъ народомъ». Это дѣйствительно смѣлое заявленіе редакция дѣлаетъ съ величайшей помпой, «зрѣло обдумавъ, а потому находясь во всеоружіи». «Этой серьезной задачи, прибавляетъ редакция:—конечно мы не могли бы взять на себя, если бы не то (sic!), что заручились уже сотрудничествомъ лучшихъ, талантливыхъ и извѣстной цѣлой Россіи людей». Мимоходомъ замѣтитъ, этихъ «лучшихъ, талантливыхъ» людей, «знаменитыхъ писателей» и т. д. въ послѣднее время нѣкоторыя редакціи просто на части рвутъ. «Гражданинъ» г. Пуцковича тоже заручился «содѣйствіемъ» и «согласіемъ» этихъ людей—такъ онъ объявляетъ по крайней мѣрѣ—но читателямъ отъ того не легче. Таково же значеніе и другого, довольно неожиданнаго, заявленія редакция «Библиотеки»: «ей Богу, у насъ и въ роду не было евреевъ и они не только не подкупали насъ, но даже очень мало выписываютъ нашу «Библиотеку» (буквально — см. стр. 5). Все это, впрочемъ, только внѣшніе, неприличные и безтактные, конечно, но особеннаго значенія не имѣющіе издательскіе приемы. Посмотримъ на самое существо дѣла. И такъ, «Библиотека» превратилась въ органъ русскаго еврейства, какъ замѣтили мы выше, и это обстоятельство, съ какою стороны ни смотрѣть на него, представляется очень страннымъ. Во-первыхъ, неужели интересы русской, польской, литовской народностей не заслуживаютъ со стороны редакціи никакого вниманія и не даютъ ей никакого матерьяла? Во-вторыхъ, умѣстна ли эта метаморфоза «Библиотеки» именно теперь, когда въ Петербургѣ возникли два новыхъ специальныхъ еврейскихъ органа, исполняющихъ къ тому же свою задачу гораздо толковѣе, нежели г. Н. Шигоринъ, редакторъ и главный сотрудникъ «Библиотеки»? На счетъ послѣдняго обстоятельства намъ особенно бы хотѣлось вывести г. Шигорина изъ его пріятнаго самообольщенія. Онъ находитъ, что ни «Разсвѣтъ», ни «Русскій Еврей» не удовлетворяютъ своимъ цѣлямъ, а о себѣ говоритъ—«мы понимаемъ эти цѣли вполне» (2), заявивши выше о своемъ «всеоружіи». Свое «полное пониманіе» задачъ, подлежащихъ вѣдѣнію еврейскихъ органовъ, г. Шигоринъ выразилъ въ томъ, что, побросавши въ кучу фразы о необходимости работы, борьбы и самопожертвованія, фразъ, какихъ можно

написать сколько угодно и по поводу чего угодно, онъ переходитъ къ сообщенію свѣдѣній, положимъ, не всѣмъ доступныхъ, но за то интересныхъ развѣ только для одного г. Шигорина. Такъ, онъ сообщаетъ, что «Разсвѣтъ» «имѣеть нынѣ одну тысячу триста подписчиковъ», а «Русскій Еврей» — «двѣ тысячи четыреста, изъ числа коихъ около четырехсотъ русскихъ». Далѣе, онъ доводитъ до свѣдѣнія читателя, что издатель «Разсвѣта», г. Цедербаумъ, «переуступилъ право изданія ассоціаціи, въ составъ коей вошли: гг. Богровъ, Кулишеръ, Виленкинъ, Розенфельдъ, Оршанскій, Левинзонъ, Ительсонъ и Варшавскій. Одинъ только г. Кулишеръ получаетъ изъ подписныхъ денегъ въ мѣсяцъ, кажется, сто рублей, прочіе же члены ассоціаціи работаютъ даромъ, въ надеждѣ будущихъ благъ». Затѣмъ — все въ видахъ уясненія «цѣлей» — сообщается, что личныя качества г. Цедербаума «ежеминутно грозятъ разрывомъ между нимъ и его арендаторами» и что, какъ только «газета будетъ имѣть чистый доходъ, г. Цедербаумъ неминуемо сейчасъ же дастъ своимъ арендаторамъ отставку». Потомъ говорится о «личныхъ достоинствахъ» г. Рабиновича, издателя «Русскаго Еврея», потомъ о какихъ-то происшедшихъ между евреями-журналистами «интригахъ, сплетняхъ и клеветахъ» и т. д., и т. д. Все это не только мелочно, но и пошло, и не только пошло, а и прямо-таки — грязно. И съ такимъ-то багажемъ за плечами, г. Шигоринъ, очень прозрачно намекая на свою горемычную «Библиотеку», говоритъ объ «изданіяхъ, которыя имѣють основой своей гуманность и истину и которыя, конецъ концовъ, восторжествуютъ, любимыми и благословляемыми всѣми лучшими людьми». Excusez du peu!

Останавливаться на детальномъ разборѣ отдѣльныхъ статей «Библиотеки» — напрасный трудъ. Все это — или переводы, или произведения, относящіяся не къ литературѣ, а къ макулатурѣ.

Третій губернской сѣздъ врачей московскаго земства. Москва. 1879 г.

Закрывая засѣданія третьяго сѣзда московскихъ земскихъ врачей, предсѣдатель губернскаго управления Наумовъ выразилъ желаніе, чтобы на будущее время делегаты «заручались болѣе всестороннимъ знакомствомъ съ положеніемъ медицины въ своихъ уѣздахъ». Просматривая отчеты гг. делегатовъ, нельзя не присоединить своего голоса къ этому пожеланію. Мы далеки отъ мысли обвинять врачей въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу. Понятно, что когда земскій врачъ остается одинъ на цѣлый уѣздъ, или «командируется» на сѣздъ черезъ два мѣсяца по своемъ поступленіи на должность — нельзя отъ него требовать сколько-нибудь обстоятельныхъ наблюденій. Гораздо болѣе виновато само земство. Не говоря ужъ о необходимости усиленія медицинскаго персонала, слѣдовало бы хотя ужъ имѣющихся врачей не ставить въ необходимость «внезапно» исчезать при первой возможности, ибо при этомъ внезапномъ исчезаніи, т. е. при непрерывной смѣнѣ врачей, они никогда не ознакомятся съ положеніемъ

данной мѣстности. Точно также, какой смысл имѣть это начальническое «командированіе» врача на съѣздъ, словно на осмотръ мертвѣго тѣла, несмотря на то, что санитарная коммисія просила управленіе *выбирать* делегатовъ совмѣстно со всѣми наличными врачами уѣзда. Понятно, что скоропалительно посланный, неподготовившійся врачъ не имѣть для съѣзда никакого значенія. Эта неподготовленность и обнаруживалась на съѣздѣ постоянно. Г. Пузиновскій, напримѣръ, заявляетъ, что по такимъ-то причинамъ его свѣдѣнія о положеніи уѣзда крайне недостаточны. Г. Сырейщиковъ говоритъ, что знаетъ положеніе дѣлъ только по завѣдуемой имъ больницѣ. Г. Тихоміровъ ссылается на то, что по причинѣ поздняго полученія повѣстки «трудно было приготовить что-нибудь болѣе обстоятельное», и пр., и пр. Въ отчетахъ делегатовъ повсюду замѣчается крайняя неполнота. Съѣздъ не имѣетъ точныхъ данныхъ даже по такимъ вопросамъ, какъ положеніе въ губерніи оспопрививанія, не говоря ужъ объ эпидеміяхъ. Обо всемъ этомъ приходится составлять понятіе только по общимъ отзывамъ врачей.

Благодаря этому, центръ тяжести работъ съѣзда сосредоточился около выработки нормальнаго состава и распредѣленія врачей-учрежденій. Но такъ какъ самыя прекрасныя прозеты интересны собственно лишь постольку, поскольку ихъ выполняютъ на дѣлѣ, то гораздо любопытнѣе будетъ ознакомиться съ фактическимъ положеніемъ вещей, насколько оно выясняется хотя бы далеко неполными отчетами съѣзда. Положеніе земской медицины въ московской губерніи возбуждаетъ, разумѣется, особенное вниманіе именно потому, что дѣло происходитъ подъ Москвою, въ самомъ центрѣ Россіи, въ мѣстахъ, куда стягиваются огромныя матеріальныя богатства и масса умственныхъ силъ страны. Здѣсь, стало быть, мы должны разсчитывать найти максимальную точку помощи, которую земство способно дать народу въ медицинскомъ отношеніи. Различныя медвѣжьи пансіоны Костромской или Олонецкой губерній или тамбовскія захоlustья заранѣе возбуждаютъ въ насъ сожалѣніе по сравненію съ счастливыми обитателями колыбели русской земли. Посмотримъ же, что намъ скажутъ отчеты врачей делегатовъ отъ всѣхъ уѣздовъ Московской губерніи, кромѣ Рузскаго (Руза не сочла нужнымъ отправить своего представителя).

Согласно докладамъ всѣхъ врачей, оспенная эпидемія является однимъ изъ самыхъ страшныхъ бичей крестьянскаго населенія. Поэтому мы обратимъ вниманіе прежде всего на оспопрививаніе. «Оспопрививаніе въ *Верейскомъ* уѣздѣ, говоритъ г. Архангельскій:—находится въ самомъ печальномъ положеніи: въ Кубинской волости оно производится нанятымъ оспопрививателемъ и неизвѣстно съ какимъ успѣхомъ. При петровской лечебницѣ и верейской больницѣ вмѣстѣ оспа привита 63 младенцамъ». Значеніе послѣдней цифры сдѣлается для насъ болѣе вразумительнымъ, если мы вспомнимъ, что, напримѣръ, въ 8 районахъ Мос-

ковскаго уѣзда производится отъ 2,500 до 4,000 съ лишнимъ оспопрививаній въ годъ. «Оспопрививаніе въ *Дмитровскомъ* уѣздѣ находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи: оспопрививатели лица или совершенно неграмотные или же полуграмотные, исполняющіе одну форму... прививающіе сифилисъ» (Прилож. стр. 12). Г. Сырейчиковъ (Протоколы, стр. 26) сообщаетъ, что вообще нѣкоторые оспопрививатели прививаютъ *рвотный камень*, получая за производимые имъ волдыри и рубцы, какъ бы за оспенные пустулы и рубцы. О случаяхъ привитія сифилиса, вмѣсто оспы, въ отчетахъ сѣзда имѣется также достаточно указаній. Въ *Звенигородскомъ* уѣздѣ, говоритъ г. Стеценко, оспопрививаніе находится въ рукахъ двухъ земскихъ оспопрививателей на весь уѣздъ и еще нѣсколькихъ нанятыхъ волостями самостоятельно (изъ тѣхъ, что прививаютъ сифилисъ, рвотный камень и пр.). Въ *Клинскомъ* уѣздѣ оспенная эпидемія свирѣпствовала повсюду, и потому г. Морель (земскій врачъ и делегатъ) принималъ самыя энергическія мѣры для привитія оспы, но, во-первыхъ, не могъ достать лимфы вплоть до іюля (т. е. до самаго разгара полевыхъ работъ, когда прививанія производить неудобно), во-вторыхъ, дѣйствовалъ вдвоемъ съ фельдшеромъ, а потому успѣлъ, разумѣется, сдѣлать прививку всего 298 дѣтямъ. Въ *Можайскомъ* уѣздѣ «оспопрививаніе находится въ примитивномъ состояніи и едва ли $\frac{1}{4}$ дѣтей оказывается съ привитой оспой» (Прилож. стр. 38). Въ *Серпуховскомъ* уѣздѣ, какъ можно усмотрѣть изъ скуднаго отчета г. Редрикова, оспопрививаніемъ на цѣлый уѣздъ занимаются три фельдшера: не трудно представить себѣ результаты. Въ немногихъ мѣстахъ (какъ въ *Московскомъ* уѣздѣ) дѣло обставлено удовлетворительно. О другихъ уѣздахъ нельзя себѣ составить даже представленія, но уже одно это отсутствіе свѣдѣній, указывая на крайній недостатокъ врачебнаго персонала, поселаетъ увѣренность, что попеченіе о народномъ здоровіи не можетъ быть здѣсь въ сколько-нибудь удовлетворительномъ состояніи.

Переходя далѣе, мы усматриваемъ изъ тѣхъ же отчетовъ, что почти по всей губерніи (исключая Московскаго уѣзда) населеніе совершенно не обезпечено въ отношеніи медицинской помощи. Въ *Бронницкомъ*, на примѣръ, уѣздѣ на весь уѣздъ въ различныхъ (земскихъ, фабричныхъ и пр.) лечебницахъ имѣется всего около 80 кроватей; притомъ въ Гжели, на примѣръ, врачъ посѣщаетъ лечебницу два раза въ мѣсяцъ (!); милютинскую лечебницу посѣщаетъ врачъ изъ Москвы, фельдшерскіе пункты видятъ врача разъ въ недѣлю. *Подольскій* уѣздъ (2,159 квадр. верстъ) раздѣленъ всего на два медицинскіе участка. Въ *Волоколамскомъ* уѣздѣ два врача, и посѣщаютъ фельдшерскіе пункты разъ въ мѣсяцъ. Въ *Дмитровскомъ* уѣздѣ «врачебная часть неполнѣе удовлетворяетъ своему назначенію», какъ скромно выражается г. Розенталь; это «неполнѣе» состоитъ въ томъ, что изъ двухъ участковъ, на которые раздѣленъ уѣздъ, въ первомъ вовсе не

было врача, а во второмъ врачъ бывалъ только наѣздами. Въ *Клинскомъ* уѣздѣ два врача: одинъ находится при больницѣ, т. е. занятъ, а другой наѣзжаетъ собственно изъ Москвы. Въ *Можайскомъ* уѣздѣ два врача: одинъ поглощенъ городской больницей, на рукахъ другого весь уѣздъ; больница, между прочимъ, «рѣшительно не удовлетворяетъ требованіямъ» и никакихъ измѣненій къ лучшему въ уѣздной медицинѣ не произошло. «Въ *Звенигородѣ* по прежнему одинъ земскій врачъ на весь уѣздъ. Онъ обязанъ слѣдить за больницей, ѣздить на эпидеміи, давать совѣты какъ въ больницѣ, такъ и на дому приходящимъ больнымъ, наблюдать за оспопрививаніемъ, и дѣлать, кромѣ того, медицинскіе объѣзды по уѣзду, въ которомъ нѣтъ ни лечебницъ... ни настоящихъ фельдшерскихъ пунктовъ» (прил. 23 стр.). «Звенигородская больница въ прежнему видѣ... будучи дурно устроена, ветха... съ плохой вентиляціей, она содержитъ 580 куб. ф. воздуха на больного. Самая желательная реформа—это ея уничтоженіе и постройка новой» (24 стр.). Отчетъ изъ *Верейскаго* уѣзда проникнуть еще болѣе мрачнымъ духомъ: «Вопросъ о нормальномъ устройствѣ земской медицины остался пока безъ движенія, а что будетъ дальше — Богъ знаетъ. Изъ перемѣнъ въ Верейской медицинѣ могу сказать объ одномъ ухудшеніи... это о томъ что установлена плата за пользованіе... а также плата съ приходящихъ бѣдныхъ больныхъ за лекарства... Больше перемѣнъ у насъ нѣтъ никакихъ. Какъ петровская сельская лечебница, такъ и верейская городская больница остаются въ такомъ же плохомъ видѣ, какъ были прежде». Невеселыя картины, невеселое положеніе. За отсутствіемъ правильной медицинской помощи, крестьяне лечатся у тѣхъ же знаменитыхъ вольныхъ оспопрививателей, которые сами же доставляютъ и «лекарство», т. е., по выраженію отчета, «лечать нетолько какъ угодно, но и чѣмъ угодно». Въ общей сложности, по расчетамъ г. Осипова (крайне розово смотрящаго на дѣло), Московская губернія, за исключеніемъ города Москвы, нуждается въ видѣ *minimum'a* въ 40 лечебницахъ: въ наличности же больницъ и лечебницъ имѣется только 19, считая тутъ 12 городскихъ больницъ, такъ что на долю земства остается всего 7 лечебницъ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ, да вдобавокъ при крайне плохомъ экономическомъ положеніи мѣстнаго рабочаго населенія, подъ самой Москвой находится пунктъ съ наивысшей на всемъ земномъ шарѣ смертностью. Эта достопримѣчательная мѣстность—Дурыкинская волость. Изъ всѣхъ странъ, имѣющихъ сколько-нибудь точную статистику, Россія по смертности занимаетъ первое мѣсто; въ Россіи высшее мѣсто занимаетъ Московскій уѣздъ, въ немъ — Дурыкинская волость. Печальная знаменитость!

Несмотря на такую высокую смертность Московскаго уѣзда, онъ, по аттестаціи сѣзда, наилучше обставленъ въ медицинскомъ отношеніи. И это справедливо. Достаточно сказать, что изъ 7 земскихъ лечебницъ три находятся въ Московскомъ уѣздѣ.

Сверхъ того, по уѣзду предполагается ввести еще многія улучшенія въ организациі врачебнаго дѣла. Вообще благихъ намѣреній у московскаго земства не мало. Настоящій сѣздъ, между прочимъ именно долженъ былъ (что и сдѣлалъ) выработать примѣрную сѣтъ врачебныхъ учрежденій, по осуществленіи которыхъ ни одинъ населенный пунктъ губерніи не долженъ отстоять дальѣе 20 верстъ отъ лечебницы или фельдшерскаго пункта. Планъ выработанъ очень старательно. Въмѣстѣ съ тѣмъ губернское земство, принимая во вниманіе недостаточность уѣздныхъ средствъ, ассигновало 18,000 руб. въ помощь уѣзднымъ земствамъ для устройства лечебницъ; изъ этихъ суммъ половина уже ушла на вновь заведенную воскресенскую больницу. Пожелаемъ же, чтобы благія намѣренія поскорѣе переходили въ дѣло и начинали приносить дѣйствительную помощь населенію, до сихъ поръ заброшенному на произволъ судьбы, на истребленіе всевозможными оспами, сифилисами, тифами и иными лихими болѣстями.

Нужды русскаго народа, сочиненіе Ивана Кашкарова. Спб., 1880 г.

«Сочиненіе» Ивана Кашкарова—это собственно не сочиненіе, а сборникъ статей по различнымъ вопросамъ русскаго хозяйства и общественнаго быта. Иванъ Кашкаровъ — человекъ прее оригинальный, и книжка его весьма интересна. Оригиналенъ нашъ авторъ собственно по сравненію съ обычнымъ типомъ литературной братіи. Нашъ публицистъ обыкновенно человекъ, если не со свѣдѣніями, то, по крайней мѣрѣ, съ вѣтшней литературной шлифовкой, и затѣмъ съ «направленіемъ». Г Кашкаровъ иногда просто безграмотенъ, такъ что съ трудомъ его и поймешь. По свѣдѣніямъ своимъ онъ производитъ впечатлѣніе самоучки: многое онъ, очевидно, читаетъ, читаетъ съ жаромъ и вниманіемъ человека, еще не разочаровавшагося въ безднахъ премудрости, но нигдѣ еще до конца не дочитался. «Направленія» — у г. Кашкарова абсолютно никакого, или, лучше сказать, всевозможныя направленія у него перемѣшиваются иногда самымъ невообразимымъ манеромъ. Наивность — самая трогательная. И въ то же время, въ противность приглашеннымъ и выдержаннымъ публицистамъ «заправской» литературы, которые не станутъ, конечно, цитировать Шерра, въ доказательство того, что революція 1848 года вызвала за собою реакцію, не станутъ доказывать и того, что на вербѣ родятся отличныя груши, г. Кашкаровъ невольно вызываетъ у васъ уваженіе къ себѣ: убѣжденіе, исканіе истины, увѣренность въ томъ, что должна же гдѣ-нибудь быть истина, любовь къ людямъ — все это такъ и дышетъ у этого наивнаго, малознающаго и въ 9/10 случаевъ заблуждающагося человека. Оригиналь. Сейчасъ видно, что не изболтавшійся присяжный руководитель общества, а человекъ жизни и дѣла, человекъ самаго общества, которое плохо учили, которому мало дали возможности думать, но для котораго наука, истина, общественное благо—не прискучившія и опошленныя об-

ція мѣста. Въ этомъ характерѣ и заключается весь интересъ «сочиненія».

Говорить о мѣрахъ, предлагаемыхъ авторомъ, разбирать его взгляды—не стоить, конечно. Все это вещи жеванныя и пережеванные, развитыя другими гораздо лучше и полнѣе. Новаго ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ г. Кашкаровъ ничего не даетъ. Оригинальной чертой у него является собственно отсутствіе общаго плана, безъ котораго частныя мѣры, конечно, оказываются висящими въ безвоздушномъ пространствѣ. Если вѣрно наше предположеніе, что научная сторона общественныхъ явленій только недавно обратила на себя вниманіе г. Кашкарова, то, безъ сомнѣнія, онъ скоро дойдетъ до опредѣленной общей системы, и тогда откажется отъ многого хорошаго или отъ дурного въ своихъ теперешнихъ возрѣніяхъ. Въ какихъ итогахъ тогда сведетъ свои счеты г. Кашкаровъ — вопросъ, конечно, праздный. Въ настоящій моментъ г. Кашкаровъ интересенъ во всякомъ случаѣ, какъ образчикъ средняго русскаго человѣка, съ честными намѣреніями въ душѣ, съ страшнымъ сумбуромъ въ головѣ.

Странное чувство возбуждаетъ русскій человѣкъ при размышленіи о немъ. Съ одной стороны, видишь человѣка несомнѣнно хорошаго, которому притомъ самимъ Богомъ вложены въ душу многія здравыя чувства. И въ то же время—ну что тутъ подѣлаешь, когда міръ стоитъ у русскаго человѣка до сихъ поръ на трехъ китахъ, когда самыя элементарныя основанія общественной жизни остаются для него невѣдомой тарабарщиной, и свой таинственный историческій путь русскій человѣкъ совершаетъ такъ, какъ совершаетъ переселеніе «на теплыя воды», «на вольную землю», на какую-то «бѣдную рѣку» и проч. Гдѣ эти теплыя воды и вольныя земли, какъ къ нимъ идти, что тамъ хорошаго или дурного — ничего неизвѣстно. Цѣлый рой фантастическихъ представленій, неимѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительностью, окружаетъ російскаго человѣка съ дѣтства до самой смерти и заставляетъ его, словно въ заколдованномъ лѣсу, принимать болото за торную дорогу, своего брата — за хищнаго звѣря, а медвѣдя — за «отца-вратаря», держащаго въ рукахъ ключъ отъ обители блаженныхъ. Какая тутъ польза отъ всевозможныхъ добродѣтелей, если околдованное зрѣніе заставить рубнуть топоромъ, вмѣсто медвѣдя, своего собственнаго спутника и подойти подъ благословеніе еъ медвѣдю, вмѣсто отца-вратаря?

Отсутствіе сознательной исторической жизни составляетъ все зло, способное привести къ нулю наилучшія свойства природы. Вотъ и г. Кашкаровъ разсуждаетъ чрезвычайно здраво въ предѣлахъ того района, который видѣлъ собственными глазами (особенно любопытны его соображенія о размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ). Но стоить ему выйти изъ этихъ узкихъ предѣловъ личнаго опыта, и у него уже нѣтъ другихъ общихъ основаній

для разсужденія, кромѣ тѣхъ же традиционныхъ трехъ китовъ и бѣлыхъ рѣкъ. Положимъ, для г. Кашкарова это дѣло легко поправимое: годъ, два усиленной работы, и онъ такъ или иначе будетъ стоять прочно. Но масса общества? Масса не имѣетъ времени и возможности самостоятельно работать теоретически. Значить, ей волей-неволей приходится думать или по старымъ тремъ китамъ отцовъ и дѣдовъ, или по такимъ же китамъ популярной публицистики «Московскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени» и пр. Чѣмъ это кончится? Тайнственный незнакомецъ, русскій человѣкъ, выйдешь ли ты изъ своего очарованнаго лѣса?

Русское богатство, ежемѣсячный журналъ, 1880 г., Январь.

«Русское богатство» журналъ не новый, но нынѣ онъ является въ совершенно обновленномъ видѣ, при новомъ составѣ сотрудниковъ и подъ редакціей талантливаго беллетриста г. Златовратскаго. Въ первомъ номерѣ напечатаны: начало романа г. Засодимскаго: «Степныя тайны», очеркъ г. Наумова: «Кающійся», рассказъ: «Attalea princeps» г. Гаршина, рассказъ: «Деревенскій Лиръ» г. Златовратскаго, критическая статья г. Скабичевскаго, два стихотворенія г. Курочкина и проч. Все это имена очень знакомыя русской читающей публикѣ и сами по себѣ достаточно опредѣляющія общій характеръ новаго журнала. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы постараемся отбѣнить мѣсто «Русскаго богатства» въ ряду другихъ новостей періодической литературы, а теперь ограничимся пожеланіемъ новому журналу всякаго успѣха. Кромѣ исчисленныхъ именъ сотрудниковъ, успѣхъ этотъ отчасти предопредѣляется дешевизной журнала: 8 руб. въ годъ, при 15-ти-листномъ объемѣ книжекъ.

ФИНАНСОВЫЕ ИТОГИ ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ.

(Государственная роспись на 1880 г. Отчетъ госуд., контроля по исполненію росписи 1878 г.).

Денегъ нѣту—передъ деньгами,
Денегъ много—передъ злыми дьями.

Передъ нами два государственныхъ документа, при разсмотрѣніи которыхъ невольно приходитъ на умъ первая половина поговорки, приведенной выше. Мы говоримъ объ отчетѣ государственнаго контроля по исполненію росписи 1878 года, и почти одновременно съ нимъ появившейся государственной росписи на текущій 1880 годъ. Въ первомъ документѣ сведены финансовыя итоги послѣдняго законченнаго сметнаго періода, во второмъ излагаются, основанные на этихъ итогахъ и фактахъ непосредственно предшествовавшаго 1879 г. (въ финансовомъ отношеніи еще не вполне заключеннаго), предположенія о предстоящихъ годовыхъ оборотахъ государственнаго хозяйства. И тотъ и другой документъ отличаются въ общемъ однимъ и тѣмъ же характеромъ: оба они указываютъ на изобиліе денегъ въ государственномъ казначействѣ послѣ тягостнаго безденежья 1876 и 1877 годовъ. Балансъ 1878 г., въ отчетѣ государственнаго контроля, еведенъ, вмѣсто ожидавшагося дефицита, съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ 25,7 милл. рублей. По росписи 1880 г., хотя и не предвидится такого значительнаго излишка доходовъ (превышеніе ихъ надъ расходами исчислено только въ 195,000 р.), но абсолютная цифра предполагаемыхъ поступленій достигаетъ громаднаго размѣра 653,4 милл. р.,¹ оставляя далеко за собою цифры самыхъ благопріятныхъ въ финансовомъ отношеніи годовъ.

Эти блестящіе результаты не являются впрочемъ вполне неожиданными. Еще прошлогодняя государственная роспись рисовала предъ нами утѣшительную картину быстро возстановленнаго, послѣ военнаго погрома, финансоваго благополучія. Но, во-

¹ Не принимая въ расчетъ чрезвычайныхъ поступленій на постройку желѣзныхъ дорогъ, составляющихъ особый фондъ.

первыхъ, въ бюджетѣ 1879 г., равновѣсіе доходовъ съ расходами достигалось въ значительной степени путемъ установленія новыхъ налоговъ (на 18-ть милл. р.); въ новой же росписи превышеніе доходовъ обуславливается преимущественно «естественнымъ ихъ ростомъ»; во-вторыхъ, предположенія прошлагодней росписи, основанныя на неполныхъ еще данныхъ за 1878 г., представлялись довольно гадательными и возбуждали совершенно законный скептицизмъ. Въ настоящее время, предположенія эти обратились уже въ факты, хотя и не вполне еще констатированные, съ другой стороны, счета 1878 г. выяснены съ доступною при существующей системѣ точностью. Такимъ образомъ, картина финансоваго благополучія является уже болѣе отчетливою. Остается только подъ вопросомъ, зиждется ли это благополучіе на прочныхъ опорахъ, или же, наоборотъ, мы имѣемъ основаніе опасаться, что «злые дни» смѣнятъ наше денежное изобиліе, точно также, какъ это изобиліе смѣнило недавнее безденежье. Поищемъ отвѣта на этотъ вопросъ въ данныхъ росписи 1880 г. и отчета за 1878 г.

Главныя черты государственной росписи 1880 г. заключаются въ слѣдующемъ:

Общая сумма *обыкновенныхъ* государственныхъ доходовъ, исчисленныхъ по росписи, составляетъ 653,4 милл. р.

Цифра эта превышаетъ на 32,8 милл. руб. сметныя предположенія прошлаго года и на 27,4 милл. руб. итогъ дѣйствительныхъ поступленій 1878 г., (показанный по отчету государственнаго контроля въ 626 милл. руб.). Увеличеніе доходовъ въ 1880 г. обуславливается въ росписи главнымъ образомъ предполагаемымъ ростомъ двухъ налоговъ: питейнаго и таможеннаго.

Питейный доходъ опредѣленъ въ размѣрѣ 225,5 милл., болѣе противъ сметы прошлаго года на 12,9 милл. руб., и противъ дѣйствительнаго поступленія 1878 г., (213 милл. руб.) на 15,3 милл. руб. Увеличеніе это въ докладѣ министра финансовъ, сопровождающемъ роспись, объясняется отчасти, какъ послѣдствіе «новыхъ мѣропріятій, въ виду коихъ прибавлено: а) 2 милл. руб., ожидаемыхъ отъ уменьшенія съ періода 1880—81 гг. размѣра безакцизнаго перекура, представляемаго въ пользу винокуренныхъ заводчиковъ, и б) 2 милл. руб., вслѣдствіе возвышенія акциза съ пива; главное же увеличеніе сего дохода 8.863,900 руб. основано на возвышеніи цифры поступленія питейнаго дохода въ теченіи 1879 г.».

«На такое возвышеніе, прибавляетъ министръ финансовъ: — имѣло безспорное вліяніе, кромѣ хорошаго урожая прошлаго года и выгодныхъ заработковъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, установленіе особаго налога на водочныя издѣлія. Хотя на основаніи имѣющихся доселѣ свѣдѣній, поступленіе его исчислено на 1880 г. на 900,000 руб. менѣе исчисления 1879 г., по уменьшеніе потребленія низко-пробныхъ и часто вредныхъ для здоровья водокъ замѣнилось значительнымъ увеличеніемъ потре-

нія вина установленной крѣпости, не содержащаго въ себѣ вредныхъ примѣсей».

Таможенный доходъ предположенъ въ суммѣ 88,5 милл. руб., большей противъ сметной цифры 1879 г. на 13 милл. руб., и противъ дѣйствительнаго поступления 1878 г. (79,3 милл. руб.) на 9,2 милл. руб. «Опредѣленіе цифры ожидаемаго въ 1880 г. поступления (таможеннаго дохода)—объясняется въ докладѣ министра финансовъ—основано на томъ же приемѣ исчисления, который принятъ былъ въ 1879 г., именно на соображеніи съ дѣйствительнымъ поступленіемъ его въ періодъ ближайшихъ 12-ти мѣсяцевъ. Съ 28-го сентября 1878 и по 27-го сентября 1879 г., поступленіе таможенныхъ пошлинъ составило 90.521,029 руб., и хотя можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что доходъ этотъ поступитъ въ 1880 г. въ цифрѣ не менѣе приведенной, но въ видахъ осторожности, необходимой въ сметныхъ исчисленіяхъ, признано нужнымъ ограничиться внесеніемъ въ роспись на 1880 годъ 88.544,000 рублей».

Принятіе этой цифры, какъ полагаетъ министръ финансовъ, должно устранить «опасеніе въ преувеличеніи, такъ какъ вызванный неудовлетворительнымъ въ 1879 г. урожаемъ въ западной Европѣ значительный вывозъ хлѣбовъ во второй половинѣ настоящаго года, и высокая цѣны, по которымъ производился отпускъ, дадутъ поводъ разсчитывать на то, что привозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію въ 1880 г. будетъ вообще не менѣе привоза текущаго (1879) года».

Остальные затѣмъ 8 милл. превышенія доходовъ сметы 1880 г., противъ предъидущей распредѣляются между 26-ти различными подраздѣленіями росписи. Болѣе крупное относительно увеличеніе (1,4 милл. руб.) предположено въ цифрѣ лѣсного дохода, въ виду роста этого дохода за послѣднее время, объясняемаго развитіемъ фабричной и заводской промышленности и увеличеніемъ числа возводимыхъ построекъ, т. е. такими обстоятельствами, на продолженіе которыхъ нѣтъ повода не разсчитывать и въ 1880 г.».

Итогъ *государственныхъ расходовъ* по росписи 1880 г. точно также выше, нежели въ какой-нибудь изъ предшествовавшихъ годовъ. Онъ достигаетъ 653,4 милл. руб., превосходя такимъ образомъ предположенія росписи 1879 г. на 32,1 милл. руб., и дѣйствительное исполненіе росписи 1880 г., (600,5 милл. руб.) почти на 53 милл. руб.

Такой ростъ государственныхъ расходовъ объясняется главнымъ образомъ увеличеніемъ издержекъ на уплаты по государственнымъ займамъ и на военныя потребности. Расходъ на проценты и погашеніе по государственному долгу исчисленъ по сметѣ 1880 г. въ 171,5 милл. руб., на 15 милл. руб. болѣе сметы 1879 г., и на 21,2 милл. руб. болѣе противъ дѣйствительнаго расхода, показаннаго по отчету 1878 года (150,3 милл. руб.). Увеличеніе это вызвано главнымъ образомъ внесеніемъ въ

роспись платежей по восточнымъ займамъ. Издержки военныя исчисляются по сметамъ военнаго и морского министерства. По первой, въ 1880 г., назначено 189,7 милл. руб., болѣе противъ росписи предъидущаго года на 8,1 милл., но противъ дѣйствительнаго расхода 1878 г. (186,5 милл. руб.) только на 3,2 милл. руб. Въ частности самое значительное увеличеніе военныхъ расходовъ предположено по статьямъ: на провіантъ и приварокъ (4,4 милл. руб.) и фуражъ (3,4 милл. руб.), отъ возвышенія цѣнъ на эти предметы, а также на денежное довольствіе войскъ, наемъ и содержаніе помѣщеній и на госпитальную часть, отъ продолженія предпринятыхъ въ войскахъ по плану 1873 г. преобразованій. Наоборотъ, по статьѣ на обмундированіе, назначеніе уменьшено противъ 1879 г., на 4,2 милл. руб., преимущественно отъ зачета имѣющихся въ складахъ военнаго вѣдомства запасовъ. По морскому министерству ассигновано на 1880 г. 28,5 милл. руб., болѣе противъ 1879 г. на 2,3 милл. руб., и противъ 1878 г. (26 милл. руб.) на 2,5 милл. руб., главнымъ образомъ, отъ увеличенія расходовъ на кораблестроеніе.

Кромѣ расходовъ по займамъ и на военныя потребности, болѣе или менѣе значительное возвышеніе ассигнованій въ 1880 г., оказывается по сметамъ: министерства внутреннихъ дѣлъ (въ общемъ выводѣ на 2,2 милл. руб. противъ сметы 1879 г., и на 3,8 милл. руб. противъ отчета 1878 г.), министерства финансовъ (на 1,3 милл. болѣе противъ 1879 г., противъ же исполненія 1878 г., на 15,9 милл. руб., *меньше*) и министерства юстиціи (на 900,000 руб. болѣе 1879 г. и на 600,000 болѣе 1878 г.).

Балансъ росписи 1880 г. сведенъ съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами на 195,000 руб. Въ 1879 г., превышеніе это предполагалось въ 383,000 руб.; а отчетъ 1878 г. заключенъ государственнѣмъ контролемъ съ излишкомъ доходовъ въ 25,7 милл. рублей.

Мы остановились только на самыхъ крупныхъ, выдающихся данныхъ государственной росписи. Для нашей цѣли этого достаточно, такъ какъ мы не задаемся подробнымъ разборомъ бюджета, а имѣемъ въ виду только установить правильную точку зрѣній на главнѣйшія явленія, замѣчаемая въ направленіи нашихъ финансовыхъ дѣлъ послѣ войны. На основаніи приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ, мы можемъ опредѣлить эти явленія такимъ образомъ. Во-первыхъ, за послѣдніе три года государственные расходы вообще и въ особенности та ихъ часть, которая идетъ на платежи по займамъ и на военныя потребности, значительно возросли. Ростъ этотъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны и ничего неожиданнаго не представляетъ. Но до извѣстной степени неожиданнымъ представляется другое, параллельное явленіе, именно возрастаніе государственныхъ дохо-

довъ, въ особенности питейнаго и таможеннаго — столь же быстрое, какъ и ростъ издержекъ; вслѣдствіе чего, въ-третьихъ, непосредственно послѣ войны оказалось возможнымъ возобновить равновѣсіе въ бюджетѣ, не прибѣгая ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, кромѣ введенія нѣсколькихъ новыхъ налоговъ второстепеннаго значенія.

Этому послѣднему обстоятельству и причинѣ, его вызвавшей (росту доходовъ), придается не только въ извѣстной части журналистики, но и въ руководящихъ сферахъ очень большое значеніе. Такъ въ докладѣ министра финансовъ, сопровождающемъ роспись нынѣшняго года, мы находимъ слѣдующія разсужденія по поводу увеличенія исчисленныхъ по сметамъ двухъ послѣднихъ лѣтъ доходовъ:

«Эта благоприятная сторона нашихъ финансовъ, говоритъ генераль-адъютантъ Грейгъ:—заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что возвышеніе доходовъ, какъ въ текущемъ 1879 году, такъ и въ особенности въ наступающемъ 1880 году, основано въ значительной степени на естественномъ ихъ ростѣ. Дѣйствительно, если для сведенія государственной росписи 1879 г. потребовалось установленіе новыхъ налоговъ, которые вошли въ нее въ суммѣ 18.000.000 р., то въ росписи 1880 г. новое усиленіе налоговъ выражается всего въ суммѣ 4.000.000 р., изъ коихъ 2.000.000 р. приходятся на акцизъ съ пива и 2.000.000 руб. на акцизъ съ вина, вслѣдствіе уменьшенія перекура, безакцизно уступаемаго заводчикамъ. Такой естественный ростъ доходовъ, по мнѣнію министра финансовъ, не можетъ не радовать, какъ въ отношеніи финансовомъ, такъ и въ отношеніи народнохозяйственномъ, потому что онъ свидѣтельствуетъ о быстромъ послѣ войны возстановленіи производительныхъ силъ Россіи и о возрастаніи народнаго благосостоянія».

Взглядъ, выражаемый министромъ финансовъ въ приведенномъ отрывкѣ, раздѣляется и нѣкоторою частью прессы. Онъ высказывался еще по поводу росписи прошлаго года. Въ свое время мы имѣли случай касаться этой росписи и, къ сожалѣнію, не могли найти въ ней данныхъ, достаточно подтверждающихъ оптимистическія воззрѣнія о быстромъ послѣ войны ростѣ народнаго благосостоянія. Теперь въ нашемъ распоряженіи болѣе фактовъ, чѣмъ было тогда, но намъ все-таки кажется, что факты эти могутъ только укрѣпить убѣжденіе, что подъ видимою, блестящею оболочкою нашихъ финансовыхъ дѣлъ замѣчаются признаки, способные внушить скорѣе серьезныя опасенія, нежели розовыя надежды на будущее. Мы видимъ эти признаки и въ быстромъ ростѣ расходнаго бюджета, и въ условіяхъ возрастанія доходовъ и, наконецъ, какъ это ни можетъ показаться парадоксальнымъ, въ самой легкости возстановленія бюджетнаго баланса.

Что касается возрастанія расходнаго бюджета, то относительно экономическаго значенія этого факта, едва ли могутъ существовать разныя воззрѣнія. Никто не споритъ, что для страны, ко-

торой богатство еще «въ будущемъ», нести въ настоящемъ съ каждымъ годомъ все большія и большія государственныя тягости очень трудно. Весь вопросъ только въ оцѣнкѣ степени этой трудности. Чтобы сколько-нибудь освѣтить этотъ вопросъ, приведемъ нѣсколько данныхъ, показывающихъ, во-первыхъ, въ какихъ размѣрахъ имѣло мѣсто возрастаніе государственныхъ издержекъ въ послѣднее время и, во-вторыхъ, какими потребностями вызывалось это возрастаніе.

За послѣднія 10 лѣтъ нашъ расходный бюджетъ опредѣлялся слѣдующими цифрами:

	млн. рублей.
1871 годъ	499,7
1872 »	523,1
1873 »	539,1
1874 »	543,3
1875 »	543,2
1876 »	573,1
1877 »	585,0
1878 »	600,5
1879 »	619,2
1880 »	653,2

) сметныя предположенія.

Если взять для сравненія два крайнихъ года 1871 и 1880, мы получимъ, что государственные расходы возросли слишкомъ на 150 млн. рублей, т. е. болѣе чѣмъ на 30% своего первоначальнаго размѣра. Особенно сильный ростъ замѣчается при этомъ во второмъ пятилѣтїи; въ два послѣдніе года перваго пятилѣтїя возрастаніе расходовъ приостановилось, но, начиная съ 1876 г., оно возобновляется опять; только за три послѣдніе года, увеличеніе бюджета выражается цифрою въ 68 слишкомъ милліоновъ. Но мы должны еще внести въ эту цифру нѣкоторыя поправки. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ припомнить, что за 1879 и 1880 гг. мы имѣемъ дѣло съ *бюджетными предположеніями*, а опытъ всѣхъ предшествовавшихъ лѣтъ показываетъ, что предположенія эти никогда не сбываются вполнѣ въ дѣйствительности и что на самомъ дѣлѣ *исполненный* бюджетъ всегда нѣсколько выше предположеннаго ¹. Но и помимо этихъ указаній прошлаго, стоитъ всмотрѣться въ самый бюджетъ 1880 года, чтобы придти къ заключенію, что мы должны накинуть на него нѣсколько процентовъ. Такъ напримѣръ, мы видимъ, что расходы заграничныя (на платежи по займамъ) по росписи 1880 г. исчислены по тому же курсу 26 пенсовъ за рубль, который былъ

¹ Сверхсметные расходы за послѣдніе годы состояли: въ 1874 г. 23,7 м. р. (4¹/₂% назначеній по росписи); въ 1875—15,7 м. р. (2³/₄%); въ 1876—21,6 м. р. (3³/₄%), въ 1877—32,9 м. р. (5¹/₂%) и въ 1878 г.—20,5 м. руб. (3¹/₂%); среднимъ числомъ, за пятилѣтіе около 4% отъ всей суммн сметнаго назначенія.

принять и въ 1879 г., но какъ въ 1879 г. въ дѣйствительности курсъ никогда не достигалъ такого размѣра, такъ же точно трудно предположить, чтобы онъ сталъ на немъ и въ 1880 г., а въ такомъ случаѣ расходы по займамъ будутъ на нѣсколько милліоновъ болѣе, чѣмъ предположено по росписи. Далѣе, при объясненіи причинъ увеличенія расходовъ на провіантъ и фуражъ войскамъ, въ росписи сдѣлано совершенно основательная ссылка на возрастающія цѣны этихъ предметовъ; но болѣе чѣмъ странно, что обстоятельство это (возрастающая дороговизна) не принята во вниманіе при опредѣленіи всѣхъ вообще, такъ-называемыхъ, «операционныхъ расходовъ». Возвышеніе цѣнъ должно оказывать вліяніе во всѣхъ случаяхъ, гдѣ казпа является покупщицею, а случаи эти не ограничиваются пріобрѣтеніемъ провіанта и фуража. Впрочемъ, какъ бы ни было вѣроятно превышеніе сметныхъ нормъ при исполненіи бюджета 1880 г., мы вовсе не настаиваемъ особенно на этомъ выводѣ: положеніе дѣлъ представляется достаточно серьезнымъ даже и въ томъ случаѣ, если расходы достигнутъ и предположеннаго размѣра 653 милл. И при этомъ, какъ уже было упомянуто, нашъ бюджетъ будетъ почти *на цѣлую треть* выше, чѣмъ онъ былъ еще 10 лѣтъ назадъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что съ каждымъ годомъ—и въ послѣднее время особенно сильно—государственные потребности все болѣе и болѣе растутъ и требуютъ для своего удовлетворенія все большихъ и большихъ издержекъ. И нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы издержки эти остановились хотя бы на той относительно громадной цифрѣ, которой онѣ достигли въ росписи 1880 года. Напротивъ, не становясь вовсе въ роль пророка, можно сказать съ увѣренностью, что бюджетъ нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ долженъ быть еще выше настоящаго. Дѣйствительно, многіе причины, вызывавшія увеличеніе расходовъ, не оказали еще до настоящаго времени своего полного дѣйствія. Такъ, не говоря уже ни о чемъ другомъ, возвышеніе цѣнъ, происходящее отъ обилія денежныхъ знаковъ, должно прогрессировать еще болѣе. Конечно, можно предположить (хотя это и мало вѣроятно), что будутъ приняты какія-нибудь мѣры для поднятія денежной валюты; но вѣдь этого нельзя сдѣлать безъ

извѣстныхъ, весьма крупныхъ пожертвованій, такъ что, выигравъ на однихъ статьяхъ расхода, фискъ долженъ будетъ нести новыя издержки по другимъ. Далѣе въ самой росписи мы находимъ указанія на предстоящія еще увеличенія расходовъ. Такъ выше было упомянуто, что одною изъ причинъ возвышенія издержекъ по военному вѣдомству является «продолженіе предпринятыхъ въ войскахъ, по плану 1873 г., преобразованій»; эти преобразованія въ нынѣшнемъ году еще далеко не закончены и должны вызвать и дальнѣйшія издержки. Наконецъ, въ той же сметѣ военнаго вѣдомства мы видимъ совершенно случайное сбереженіе въ расходахъ на обмундированіе, на 4¼ милл. руб., происшедшее «отъ зачота имѣющихся въ складахъ военнаго вѣдомства запасовъ». Въ сущности это равнозначительно искусственному усиленію текущей сметы на счетъ предъидущихъ (и притомъ по всей вѣроятности «чрезвычайныхъ» на военныя потребности). Разсчитывать на подобныя случайности и въ будущемъ, конечно, нельзя.

Ростъ *доходнаго бюджета* представляется фактомъ болѣе сложнымъ и требующимъ болѣе всесторонняго разсмотрѣнія, нежели возрастаніе расходовъ. Какъ мы уже упоминали выше, именно на этомъ ростѣ и основаны главнымъ образомъ выводы о быстромъ подъемѣ послѣ войны народнаго благосостояніи въ Россіи. Всмотримся же нѣсколько ближе въ тѣ условія, которыми вызвано упомянутое возрастаніе государственныхъ доходовъ и постараемся разъяснить, насколько оправдываютъ они приведенные выводы. Мы можемъ ограничиться при этомъ только двумя видами доходовъ: таможеннымъ и питейнымъ, такъ какъ около нихъ сосредоточенъ главный интересъ доходнаго бюджета въ послѣдніе годы.

Таможенныя пошлины принадлежали уже давно къ числу наиболѣе прогрессирующихъ статей бюджета. Въ послѣднее десятилѣтіе поступленіе ихъ постоянно возросло, хотя и не особенно

быстро, до 1876 г. включительно. Въ 1877 г., вмѣстѣ со введеніемъ металлической пошлины, возвысившей въ полтора раза размѣръ налога, таможенный доходъ значительно упалъ (до 52,1 милл. руб. противъ 71,1 милл. руб., поступившихъ въ 1876 г. и 62,4 руб. поступившихъ въ 1875 г.); но уже съ 1878 г. возобновляется прежній ростъ таможенныхъ пошлинъ. Въ 1878 г. таможенный доходъ составилъ 79,3 милл. руб., а въ 1879 г., по послѣдне опубликованнымъ свѣдѣніямъ, итогъ поступления дошелъ до 88,4 милл. руб. Приблизительно такая же цифра назначена, какъ мы видѣли выше, и по росписи настоящаго года (88,5 милл. рублей).

Ростъ таможеннаго дохода до 1876 г. объясняется постоянно увеличивавшимся ввозомъ иностранныхъ товаровъ и слѣдовательно можетъ быть названъ «естественнымъ», но сказать тоже о двухъ послѣднихъ годахъ (1878 и 1879) можно только въ очень условномъ смыслѣ. Увеличеніе дохода этихъ лѣтъ относительно поступленій 1877 г. дѣйствительно зависѣло отъ усилившагося ввоза; но, по отношенію къ предшествовавшимъ годамъ, это увеличеніе является простымъ результатомъ возвышенія налога. Известно, что съ 1877 г., таможенные пошлины взимаются вмѣстѣ кредитныхъ рублей металлическими. Это-то усиленіе налога (весьма значительное, такъ какъ разница между кредитнымъ и металлическимъ рублемъ въ послѣднее время была очень велика) и объясняетъ собою высокую цифру таможеннаго дохода въ 1878 и 1879 гг. Благопріятныя экономическія обстоятельства дѣйствовали при этомъ только косвенно, не позволяя ввозу упасть, какъ этого можно было ожидать, и парализуя такимъ образомъ вредное вліяніе, которое могло быть оказано возвышеніемъ пошлины. Благодаря стеченію этихъ обстоятельствъ, ввозъ, значительно сократившійся было въ 1877 г.—первомъ по введеніи золотой пошлины—въ слѣдующемъ, 1878 г., вновь достигъ тѣхъ же, и даже нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ прежде (именно въ 1878 г. привезено товаровъ и цѣнностей на 595 милл. руб., а въ 1875 г. на 531 милл. руб.), а вмѣстѣ съ тѣмъ и цифра таможенныхъ сборовъ должна была возрасти на всю разницу между прежнимъ и новымъ обложеніемъ.

Мы назвали обстоятельства, содѣйствовавшія поддержанію ввоза на прежней высотѣ *благопріятными*. Но, конечно, и это надо понимать только условно. Несомнѣнно, что всякія «конъюктуры», которыя ведутъ къ увеличенію доходовъ, являются благопріятными, въ отношеніи финансовомъ, но не всегда онѣ отличаются тѣмъ же характеромъ и въ народохозяйственномъ отношеніи. Это можно сказать и о тѣхъ причинахъ, которыя способствовали росту ввоза въ 1878—1879 гг. Главною изъ такихъ причинъ являлось чрезвычайное усиленіе нашего вывоза, въ особенности вывоза земледѣльческихъ продуктовъ. Въ 1875 г. вывезено было товаровъ на 382 милл. руб., а въ 1878 г. на 618 милл. Вывозъ хлѣба въ 1875 г. достигалъ только 23 милл. четв., въ 1878 г. вы-

везено около 42 милл. четв., а въ 11 мѣсяцевъ 1879 г. (за которые имѣются опубликованныя свѣдѣнія) 37,7 милл. четвертей. Этимъ усиленнымъ вывозомъ мы купили то, что количество *возвизимыхъ* товаровъ не уменьшилось, несмотря на возвышеніе налога. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ счетѣ прибавочную таможенную пошлину уплатила русская промышленность—или лучше сказать нуждающееся въ продовольствіи населеніе—въ видѣ излишняго количества хлѣба, отпущеннаго за-границу, взаменъ за то же количество товаровъ, которое покупалось прежде съ меньшими затратами. Такой результатъ таможенной политики едва ли можетъ быть названъ вообще экономически благопріятнымъ, но онъ пріобрѣтаетъ еще особое значеніе, если припомнить, что за-границу мы вывозимъ вовсе не излишки хлѣба, и что значительное усиленіе вывоза идетъ въ прямой ущербъ народному потребленію. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробное доказательство этого положенія, которому въ нашемъ журналѣ была уже посвящена особая статья, но не можемъ не привести, собственно въ видѣ иллюстраціи, одинъ конкретный примѣръ того, какъ отражается иногда на нуждахъ населенія усиленный отпускъ хлѣбовъ.

На дняхъ мы встрѣтили въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» правительственное сообщеніе, которое приводимъ цѣликомъ.

«По собраннымъ, къ бывшему въ декабрѣ минушаго года очередному харьковскому губернскому земскому собранію, даннымъ относительно положенія продовольственной части въ губерніи — говорится въ этомъ сообщеніи — оказалось, что при среднемъ урожаѣ хлѣбовъ по губерніи въ истекшемъ году и при имѣвшихся на мѣстахъ запасныхъ продовольственныхъ средствахъ, не могло бы встрѣтиться особыхъ затрудненій въ отношеніи продовольствія губерніи. *Между тѣмъ, вслѣдствіе усилившагося вывоза мѣстнаго зерна за-границу, цѣны на хлѣбъ въ такой степени возвысились, что нѣкоторыя мѣстности губерніи, особенно въ уѣздахъ Купянскомъ, Старобѣльскомъ, Змиевскомъ и Изюмскомъ, могли бы быть поставлены въ затруднительное положеніе въ продовольственномъ отношеніи.* Посему для населенія сихъ мѣстностей въ распоряженіе губернской управы былъ открытъ кредитъ на всю наличную сумму губернскаго продовольственнаго капитала въ 193,000 рублей. Затѣмъ, при обсужденіи способовъ пріобрѣтенія, на болѣе выгодныхъ условіяхъ, хлѣба въ поименованныхъ мѣстностяхъ, было, между прочимъ, признано необходимымъ допустить позимствованія хлѣба или покупку его изъ сельскихъ магазиновъ однихъ уѣздовъ въ пользу другихъ, на установленныхъ для того основаніяхъ. О такомъ предположеніи земства и было представлено на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ своей стороны, министерство нашло изъясненную мѣру, *по исключительнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ*, вполне цѣлесообразною, и потому входило съ представлениемъ по настоящему предмету въ

комитетъ министровъ, по положенію коего, Высочайше утвержденному 25-го января текущаго года, осуществленіе этой мѣры разрѣшено съ тѣмъ: 1) чтобы она имѣла примѣненіе лишь въ случаяхъ настоятельной потребности и не иначе, какъ съ согласія подлежащихъ сельскихъ обществъ; 2) чтобы позаимствованія хлѣба, подъ отвѣтственностью земства, были возмѣщены изъ перваго урожая; 3) чтобы при покупкѣ земствомъ хлѣба, вырученные за него суммы были передаваемы въ вѣдѣніе уѣздныхъ земскихъ управъ, по принадлежности, соотвѣтственно принятому порядку храненія сословныхъ и общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ; 4) чтобы передача означенныхъ суммъ крестьянамъ была допускаема не прежде, какъ по возмѣщеніи ими самими сдѣланныхъ для продажи заимствованій или же въ уплату за вновь купленный изъ новаго урожая хлѣбъ для пополненія магазиновъ, съ предоставленіемъ, въ семъ послѣднемъ случаѣ, въ распоряженіе крестьянскихъ обществъ собственно разницы между продажною и покупною цѣною хлѣба».

Такимъ образомъ, въ то время, когда изъ харьковской губерніи усиленно вывозятъ хлѣбъ за-границу, харьковскому мужику недостаетъ хлѣба, и именно вслѣдствіе того, что хлѣбъ, нужный для мѣстнаго потребленія, идетъ за море.

Но не только съ точки зрѣнія интересовъ народнаго благосостоянія ростъ таможенныхъ сборовъ за послѣдніе годы не можетъ быть названъ явленіемъ благопріятнымъ; ему нельзя приписывать особаго значенія и въ отношенія чисто фискальномъ. Въ самомъ дѣлѣ, высокіе размѣры вывоза и ввоза за это время, обусловившіе собою и размѣры поступленій сборовъ, въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ причинъ чисто случайныхъ. Въ два послѣдніе года всѣ условія сложились такъ, что и ввозъ и особенно отпускъ товаровъ должны были искусственно подняться: два урожайныхъ года у насъ совпали съ сильнымъ спросомъ за границую, затѣмъ окончаніе войны и въ особенности обиліе денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, не могли не создать временнаго оживленія промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ. Всѣ эти причины далеко не такого характера, чтобы ихъ можно было считать прочными и оказывающими долговременное вліяніе. Трудно даже поручиться, чтобы и въ настоящемъ году, предположенія росписи о размѣрахъ ожидаемаго таможеннаго дохода оправдались въ дѣйствительности; въ будущемъ же мы имѣемъ предъ собою такую дилемму: или несоотвѣтствующій средствамъ страны вывозъ нашъ долженъ сократиться, а вмѣстѣ съ нимъ долженъ упасть ввозъ и таможенные пошлины, или же, если подъ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ, отпускъ хлѣба будетъ поддерживаться на ненормальной высотѣ, ростъ таможенныхъ доходовъ будетъ совершаться въ ущербъ народному потребленію, а этоть ущербъ, въ концѣ-концовъ, долженъ неминуемо отразиться и на той или другой статьѣ государственнаго бюджета.

Другую отрасль дохода, способствовавшую наиболѣе росту доходнаго бюджета послѣдняго времени, составляет *питейный акцизъ*. Питейный акцизъ достигъ въ 1878 г. небывалой до того цифры 213 милліоновъ рублей. По росписи 1879 г., поступленіе его было предположено въ 212,4 милл. р., но въ дѣйствительности превзошло эту цифру; вслѣдствіе чего, по нынѣшней росписи, питейный доходъ исчисленъ уже въ гораздо высшемъ размѣрѣ, 225,3 милл. рубл. Возрастаніе питейнаго дохода обращаетъ на себя тѣмъ больше вниманія, что, начиная съ 1874 г., доходъ этотъ постоянно падалъ изъ года въ годъ. Именно въ 1874 г. (который могъ считаться до послѣдняго времени, по поступленію акциза, самымъ благопріятнымъ), питейныхъ доходовъ поступило 200,9 милл. р. Въ 1875 г. акцизъ упалъ до 197,5 милл. р.; въ 1876 г. до 191,3 милл. р., наконецъ, въ 1877 г. питейный доходъ составлялъ уже только 189,7 милл. р. Съ этой цифры, въ 1878 г., питейный доходъ поднялся, какъ сказано выше, до 213 милл., т. е. на 23 милл. р.; поступленіе же нынѣшняго года, если предвидѣнія росписи оправдаются, превыситъ поступленіе 1877 г. на 35,6 милл. рубл.

Чѣмъ же объясняется такой быстрый ростъ настоящей отрасли дохода? Его слѣдуетъ отнести къ дѣйствию двухъ причинъ: во-1-хъ, увеличенія обложенія и во-2-хъ, усилившагося потребленія вина. Увеличеніе обложенія выразилось двухкратнымъ (въ 1878 и въ 1880 г.) увеличеніемъ нормъ выхода спирта и сокращеніемъ размѣровъ безакцизнаго перекура въ пользу заводчиковъ, а также установленіемъ (въ 1879 г.) особаго налога на спеціальныя водки и возвышеніемъ (съ нынѣшняго года) акциза на пиво.

На долю всѣхъ этихъ финансовыхъ мѣръ должно отнести значительную часть роста питейнаго дохода, но, во всякомъ случаѣ, ростъ этотъ не можетъ быть объясненъ исключительно ими, и извѣстное значеніе въ данномъ случаѣ необходимо приписать прямо усилившемуся потребленію вина.

Увеличеніе народнаго потребленія представляетъ несомнѣнно фактъ благопріятный, и ростъ питейнаго дохода, по скольку онъ зависить отъ этого факта, не можетъ не быть признанъ явленіемъ утѣшительнымъ. Но затѣмъ остается вопросъ: чѣмъ именно вызвано это усилившееся потребленіе вина; составляетъ ли оно результатъ дѣйствительнаго подъема народнаго благосостоянія, болѣе или менѣе ровно распредѣляющагося на всю массу, или же является только временнымъ случайнымъ послѣдствіемъ стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ? Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ, гораздо скорѣе можно видѣть дѣйствіе причинъ второй, нежели первой категоріи. Уже одна внезапность возвышенія дохода заставляетъ искать какого-нибудь иного объясненія этого возвышенія, нежели естественный ростъ народнаго благосостоянія, вліяніе котораго проявляется медленно и постепенно. Затѣмъ, мы видимъ, что потребленіе другихъ предметовъ первой необходимости не только не возрасло рядомъ съ потребленіемъ

вина, но, напротивъ, даже упало. Такъ это можно сказать о соли. Уменьшеніе потребленія соли доказывается какъ паденіемъ акциза съ соли внутренняго производства, такъ и сокращеніемъ ввоза соли иностранной. Соляной акцизъ въ 1876 году составлялъ 11,4 милліоновъ рублей. Въ 1877 году онъ упалъ до 10,2 милліоновъ, а въ 1878—до 10 милліоновъ. Сокращеніе ввоза иностранной соли еще замѣтнѣе: въ 1875 году соли ввезено было 11,8 милліоновъ пудовъ; въ 1878—только 10 милліоновъ пудовъ; въ 1879 году ввозъ соли упалъ еще (на 134,000 пудовъ въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ, противъ поступленія за соотвѣтствующій періодъ 1879 года). Еслибы усиленіе потребленія вина обусловливалось поднятіемъ покупной силы среди всей массы населенія, та же причина, конечно, воздѣйствовала бы и на усиленіе потребленія соли; мы видимъ, однако, совершенно обратное явленіе: потребленіе соли не только не поднимается, а, напротивъ, падаетъ. Это прямо доказываетъ, что значительная часть населенія терпитъ крайнюю нужду и должна отказываться себѣ въ предметахъ первой необходимости.

Сопоставляя всѣ эти факты, мы не можемъ не придти къ заключенію, что главною причиною возвышенія питейнаго дохода является вовсе не особый ростъ народнаго благосостоянія за послѣдніе годы, а все то же обиліе денежныхъ знаковъ, которое играло извѣстную роль и въ увеличеніи таможенныхъ сборовъ. Изобиліе это вызвало извѣстное промышленное движеніе, въ результатъ котораго часть денегъ перешла въ руки рабочаго люда, занятого во вновь возникшихъ предпріятіяхъ. Такъ какъ упомянутое промышленное движеніе развилось очень быстро послѣ войны, то, понятно, также быстро могло возрасти и усиленное потребленіе вина. Но это усиленіе потребленія должно было ограничиться только тою частью населенія, на долю которой достались новые заработки. Покупательной силы массы населенія промышленное движеніе 1878—79 годовъ увеличить не могло, поэтому-то мы и не замѣчаемъ за это время увеличенія спроса на предметы необходимости вообще.

Кромѣ обилія кредитныхъ денегъ, извѣстное участіе въ возвышеніи питейнаго дохода слѣдуетъ приписать, конечно, и другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, въ особенности хорошимъ урожаямъ послѣднихъ лѣтъ. Но, какъ бы то ни было, это обиліе и вызванное имъ искусственное оживленіе торговли и промышленности является самою главною, воздѣйствующею въ данномъ случаѣ причиною.

Намъ нѣтъ надобности доказывать, что эта причина вовсе не принадлежитъ къ числу такихъ, на долговременное дѣйствіе которыхъ можно возлагать надежды. Оживленіе, вызванное обиліемъ денежныхъ знаковъ—металлическихъ или кредитныхъ, все равно—всегда искусственно, и за нимъ наступаетъ обыкновенно болѣе или менѣе чувствительная реакція, а вмѣстѣ съ этой реакціей, мы должны ожидать и новаго паденія тѣхъ доходовъ,

которые поднялись вверхъ, именно благодаря чрезмѣрному количеству обращающихся денегъ. Относительно питейнаго налога опасеніе, что онъ не удержится на своей настоящей высотѣ, можетъ въ особенности имѣть мѣсто, такъ какъ это вообще налогъ очень чувствительный. Онъ можетъ значительно сократиться даже и помимо предполагаемой промышленной реакціи, просто подъ влияніемъ одного-двухъ неурожаевъ или тому подобныхъ причинъ.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе прочихъ статей доходнаго бюджета, такъ какъ общій характеръ тѣхъ перемѣнъ въ этомъ бюджетѣ, которыя имѣли мѣсто въ послѣднее время, опредѣляется именно ростомъ питейныхъ и таможенныхъ сборовъ.

Подведемъ въ нѣсколькихъ словахъ итогъ всему сказанному нами какъ о расходномъ, такъ и доходномъ бюджетѣ.

Мы видѣли, что основную черту того и другого составляетъ быстрый ихъ ростъ послѣ войны. Причины этого роста болѣе или менѣе общаго характера и для расходовъ, и для доходовъ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ война и ея эконоическія послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, увеличеніе платежей по государственному займу и возвышеніе цѣнъ, поднявшее многія статьи расхода, вызваны именно бывшею войною; точно также и ростъ доходовъ обусловливался въ главной мѣрѣ временнымъ оживленіемъ промышленности, явившимся какъ слѣдствіе обильнаго выпуска кредитныхъ денегъ во время войны. Но затѣмъ является значительная разница въ характерѣ воздѣйствія упомянутыхъ общихъ причинъ на расходный и доходный бюджетъ. Въ то время, какъ въ расходномъ бюджетѣ является *постоянный* или, по крайней мѣрѣ, весьма прочный приростъ, увеличеніе доходовъ не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ *временное*, имѣющее мѣсто только въ теченіи болѣе или менѣе короткаго періода, непосредственно слѣдующаго за войною. Это временное возвышеніе доходовъ можетъ обратиться въ постоянное только въ одномъ случаѣ: еслибы дѣйствительно выросла платежная и покупательная сила массы населеній. Тогда и промышленность имѣла бы спросъ, такъ что нечего было бы опасаться реакціи послѣ недавней горячки и поступленія фиска являлись бы обезпеченными. Но, какъ мы видѣли, никакихъ указаній на дѣйствительный ростъ народнаго благосостоянія нельзя найти ни въ докладѣ росписи нынѣшняго года, ни въ отчетѣ государственнаго контроля за 1878 г.

Нѣтъ нужды разъяснять, что при такихъ условіяхъ *балансъ* доходовъ, возстановленный въ бюджетѣ съ 1878 г., является далеко не прочнымъ. Мы даже собственно не имѣемъ права и говорить

о «возстановленномъ» балансѣ за предѣлами 1878 г., такъ какъ равновѣсіе расходовъ съ доходами въ 1879 и 1880 г. еще въ очень значительной степени проблематично. Въ самомъ дѣлѣ, если мы имѣемъ удостовѣреніе министра финансовъ, что доходы въ 1879 г. оправдали ожиданія росписи, то свѣденій о томъ, какъ заключился расходный бюджетъ, еще нѣтъ; что же касается бюджета нынѣшняго года, то и доходная и расходная его часть можетъ, какъ мы видѣли, сильно измѣниться при исполненіи и къ концу года, вмѣсто ожидаемаго излишка, мы можемъ встрѣтиться съ болѣе или менѣе крупнымъ дефицитомъ.

Мы, впрочемъ, вовсе не намѣрены оспаривать выведеннаго по росписи баланса, напротивъ, мы готовы даже допустить, что излишекъ доходовъ окажется еще болѣе, нежели предполагается. Но это нисколько не измѣняетъ, по нашему мнѣнію, общаго положенія дѣлъ. Скажемъ болѣе: легкость возстановленія нарушеннаго бюджетнаго равновѣсія кажется намъ скорѣе тревожнымъ, чѣмъ утѣшительнымъ симптомомъ. Уже очень давно однимъ изъ основныхъ грѣховъ нашей финансовой политики является извѣстнаго рода оппортунизмъ, наклонность къ полумѣрамъ и паллятивамъ. Мы привыкли жить только настоящимъ днемъ, предоставляя заботу о будущемъ самому будущему. При подобной тенденціи, *призракъ* благополучія легко принять за дѣйствительное благополучіе и успокоиться на лаврахъ тамъ, гдѣ нужна безотлагательная и серьезная работа. Что такая опасность дѣйствительно существуетъ, мы можемъ убѣдиться на фактахъ. Такъ, уже много лѣтъ казалось общепризнаннымъ, что безъ измѣненія самыхъ источниковъ и способовъ взиманія нашихъ налоговъ немислима прочная постановка бюджета. Но пока доходы продолжали расти и покрывали расходы, коренная реформа системы постоянно откладывалась въ долгій ящикъ. Наступилъ финансовый кризисъ 1876—77 гг. Два дефицита подрядъ въ бюджетѣ и ожиданіе третьяго, еще большаго, заставили обратить вниманіе на большыя мѣста государственнаго хозяйства. Немедленно по наступленіи мирнаго времени и интересъ къ финансовымъ вопросамъ въ обществѣ и дѣятельность руководящихъ сферъ въ этомъ отношеніи получили замѣтное оживленіе. Проекты установленія новыхъ налоговъ и реформъ въ старыхъ являлись одинъ за другимъ, чуть не каждый день; долго лежавшій безъ движенія проектъ податной реформы выплылъ на свѣтъ божій; была образована «высшая коммиссія» для изысканія способовъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ и вслѣдъ за нею другая, посвященная разработкѣ вопроса о казенныхъ подрядахъ, опять-таки съ цѣлью сокращенія издержекъ. Что же мы видимъ затѣмъ? По мѣрѣ того, какъ стало выясняться, что въ ближайшемъ будущемъ не грозитъ острыхъ финансовыхъ бѣдствій и что концы съ концами въ росписи можно свести кое-какъ, и не прибѣгая къ ради-

Т. ССXLVIII. — Отд. II. 16

кальнымъ мѣрамъ — недавнее оживленіе и трезвое отношеніе къ дѣйствительному положенію государственнаго хозяйства смѣняется замѣтною реакціею въ другую сторону. Уже въ самой росписи проглядываетъ возрастающій оптимизмъ. Тѣ источники дохода, которые еще недавно официально признавались завершившими свой циклъ развитія, выступили снова, какъ опора для расширяшагося расходнаго бюджета. И если въ росписи 1879 г. усиленное поступленіе доходовъ относится еще отчасти къ вліянію *искусственному* возбужденія промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ, вызваннаго обиліемъ денегъ, то въ послѣдней росписи мы встрѣчаемся уже съ прямымъ указаніемъ на «естественный ростъ поступленій», благодаря «возвышенію уровня народнаго благосостоянія». Что касается начавшихся преобразованій, то въ нихъ замѣчается полный застой. О дѣятельности податной и подрядной комиссіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Извѣстія же о «высшей комиссіи» для сокращенія расходовъ далеко не утѣшительны. Не говоря уже о томъ, что никакихъ результатовъ дѣятельности этой комиссіи на росписи нынѣшняго года не обнаружилось, трудно ожидать, чтобы и въ будущемъ результаты эти были особенно велики. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только принять въ соображеніе, какіе второстепенные вопросы занимали ее до настоящаго времени. Вотъ перечень этихъ вопросовъ, который мы заимствуемъ изъ недавно появившагося въ газетахъ извѣстія о работахъ комиссіи.

Комиссіею рассмотрѣны до настоящаго времени вопросы: «о состоящихъ при министерствахъ и главныхъ управленіяхъ софтахъ министровъ и равныхъ имъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, а также о числѣ чиновниковъ особыхъ порученій и вообще количествѣ лицъ, причисленныхъ къ разнымъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ, пользующихся нерѣдко содержаніемъ безъ соотвѣтственной работы или несвязанномъ съ обязательными занятіями. Выработанныя комиссіею соображенія, какъ о постоянномъ штатномъ составѣ совѣтовъ министровъ и другихъ соотвѣтствующихъ имъ коллегіальныхъ учреждений, такъ равно и по поводу собранныхъ ею подробныхъ свѣдѣній о причисленныхъ къ разнымъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ лицахъ, предположено окончателно обсудить въ наступившемъ году, при предстоящемъ рассмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ отдѣльныхъ сметъ на 1881 годъ каждаго вѣдомства, за исключеніемъ лишь сметъ вѣдомствъ: морского, военнаго, императорскаго двора и вообще всѣхъ учреждений, состоящихъ на Кавказѣ, которыя совершенно изъяты изъ вѣдѣнія высшей комиссіи по сокращенію государственныхъ расходовъ» (Новое Время).

Нѣтъ надобности прибавлять, что далеко не такія надежды возлагались на комиссію при ея учрежденіи.

ОБЩЕСТВО

ДЛЯ ПОСОВІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Годовое общее собраніе 2-го февраля 1880 г.

(Присутствовали 43 члена).

По прочтеніи отчетовъ секретаря и казначая за 1879 годъ, журнала ревизионной комиссиі и объясненій комитета, были избраны въ члены общества: Е. М. Базина, К. А. Бяльбасовъ, В. М. Володиміровъ, Н. В. Гаевскій, В. Ф. Демаковъ, Е. М. Димо, Ф. В. Езерскій, П. А. Ильинскій, Л. В. Ильшевничъ, В. Д. Косинскій, Н. Л. Муромцевъ, Г. Е. Павленковъ, В. Б. Пассекъ, Н. К. Поповъ, Е. А. Протасевъ, С. П. Сермягинъ, Н. Е. Славинскій, С. П. Якубовичъ.

Въ члены комитета, взагнѣнъ выбывающихъ на основаніи § 20 устава общества, избраны по большинству голосовъ: М. Е. Салтыковъ, А. А. Потѣкинъ, Д. В. Григоровичъ и И. С. Тургеневъ.

На 1880 годъ избраны: председателемъ В. П. Гаевскій, помощникомъ председателя А. А. Краевскій, секретаремъ Н. К. Михайловскій, казначеемъ Ф. Ф. Воропоновъ.

ОТЧЕТЪ

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОВІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ ЗА 1879 ГОДЪ.

I. Личный составъ.

Къ 1-му января 1879 года числилось въ обществѣ 585 членовъ. Въ теченіи 1879 г. избрано вновь 108. Исключено изъ списка: умершихъ членовъ общества десять, а именно: П. И. Варгунинъ, П. В. Васильевъ, Р. И. Габерцеттель, А. Ф. Кавелина, Л. О. Котелянскій, М. В. Кюхельбекеръ, А. И. Левшинъ, П. Н. Меньшиковъ, Н. И. Погребовъ и М. П. Стамеровъ; сложившихъ съ себя званіе членовъ общества 3. А всего, за исключеніемъ 13-ти лицъ и поступле

*

ніємъ вновь 103, къ 1-му января числилось въ спискѣ 675 лицъ, т. е. болѣе противъ прошлаго года на 90.

Послѣ выборовъ 7-го февраля 1879 г. комитетъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя В. П. Гаевского, помощника предсѣдателя А. А. Краевского, секретаря Н. К. Михайловскаго, казначея Э. К. Ватсона и членовъ: А. Н. Бекетова, Ф. Ф. Воропонова, П. А. Гайдебурова, А. Д. Градовскаго, Е. П. Карновича, В. Ф. Корша, В. А. Манассейна и Л. А. Полонскаго. 2-го февраля 1880 г. должны выбыть изъ состава комитета, на основаніи § 20-го устава общества: Э. К. Ватсонъ, В. Ф. Коршъ, В. А. Манассейнъ и Л. А. Полонскій. Для замѣщенія открывающихся вакансій комитетъ избралъ слѣдующихъ лицъ: Н. В. Гербея, Д. В. Григоровича, А. А. Потѣхина, М. Е. Салтыкова, М. И. Семевского, К. М. Станюковича, И. Р. Тарханова и И. С. Тургенева.

Общихъ собраній въ 1879 г. было четыре: одно годовое (2-го февраля) и три обыкновенныхъ (8-го апрѣля, 7-го октября и 30-го декабря). 30-го декабря, вслѣдъ за обыкновеннымъ общимъ собраніемъ было открыто чрезвычайное для обсужденія замѣчаній министра народнаго просвѣщенія на проектъ устава ссудо-сберегательной кассы при обществѣ и записки, составленной Е. П. Карновичемъ, о мѣрахъ для присканія занятій переводчикамъ.

Комитетъ имѣлъ 25 засѣданій: 15-го и 29-го января, 2-го и 19-го февраля, 5-го и 19-го марта, 8-го и 23-го апрѣля, 9-го и 26-го мая, 7-го и 28-го іюня, 12-го и 27-го іюля, 4-го и 23-го августа, 6-го и 24-го сентября, 7-го и 22-го октября, 5-го и 19-го ноября, 3-го, 17-го и 30-го декабря.

II. Занятія членовъ общества.

На общихъ собраніяхъ присутствовало: 2-го февраля 28 членовъ, 8-го апрѣля 25, 7-го октября 19, 30-го декабря 25 членовъ.

Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», «Вѣстника Европы», «Недѣли», «Голоса», «Молвы» и «Русскихъ Вѣдомостей» печатали извлеченія изъ журналовъ комитета и общихъ собраній и годовыхъ отчетовъ секретаря и казначея. Редакціи «Голоса», «Новаго Времени» и «Молвы», кромѣ того, помѣщали въ своихъ изданіяхъ приглашенія членовъ общества въ общія собранія и объявленія о публичныхъ чтеніяхъ въ пользу общества.

Редакція «Донской Газеты» (нынѣ прекратившейся) напечатала уставъ общества.

Редакція газеты «Сибирь» выразила готовность содѣйствовать цѣлямъ общества.

Редакція «Критическаго Обзорнія» изъявила согласіе печатать годовые отчеты вполнѣ или въ извлеченіи.

Типографія М. М. Стасюлевича бесплатно напечатала отчетъ общества за 1878—79 годъ.

Кромѣ того, многіе члены общества, вмѣстѣ съ нѣкоторыми посторонними лицами, способствовали успѣху данныхъ въ пользу общества публичныхъ чтеній и спектаклей, объ чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Въ общемъ собраніи 30-го декабря членами ревизіонной комиссіи для обривизованія отчетовъ и дѣятельности комитета избраны по большинству голосовъ: Н. С. Таганцевъ, А. А. Потѣхинъ, О. Ф. Миллеръ, К. М. Станюковичъ, В. А. Полегая, Г. К. Градовскій и М. Е. Салтыковъ.

III. Занятія комитета.

А. Денежныя пособія.

1) Пенсіи.

По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, пенсіи производились 12-ти лицамъ по 300 руб. (въ томъ числѣ Дружининская), тремъ по 240 руб., одному 210, одному 200, двумъ по 180, тремъ по 150 и пяти по 120 руб. въ годъ. Всего въ теченіи 1879 года пенсіонеровъ общества было 27, а сумма получаемыхъ ими пенсій составляла 6,140 руб. въ годъ. Но въ теченіи года одна изъ пенсіонерокъ, именно г-жа Дубенская, получавшая Дружининскую пенсію, умерла, вслѣдствіе чего пенсія за послѣднюю треть, уже отправленная къ ней, была возвращена. Затѣмъ одному лицу, получавшему пенсію въ размѣрѣ 180 руб., она увеличена на будущее время до 300 руб.

2) На воспитаніе и ученіе.

По назначенію прежнихъ лѣтъ было выдано шести лицамъ или семействамъ пособій на сумму 738 руб.

Въ отчетномъ году возобновлены, продолжены и вновь назначены слѣдующія пособія:

За обученіе въ школъ кройки и шитья дочери писателя, которую, по ея неподготовленности, комитету не удалось помѣстить въ гимназію г-жи Спѣшневой, 150 р.; на воспитаніе дѣтей престарѣлаго и больного писателя 240 р., за обученіе дочери писательницы въ гимназіи 30 р. и за право слушанія ея же лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ 25 р.; на воспитаніе дѣтей умершаго писателя продолжено пособие по 15 р. въ мѣсяць; на воспитаніе дѣтей умершаго профессора одновременно 80 р.; на воспитаніе дѣтей писателя 56 р.; на обученіе и воспитаніе сына умершаго писателя 92 р.; на воспитаніе дочери умершаго писателя продолжено на годъ пособие въ 120 р.; на воспитаніе пріемыша умершаго писателя продолжено такое же пособие въ 120 р. на одинъ годъ; на воспитаніе сына переводчицы и учительницы 60 р.; на мелкіе расходы по воспитанію сына умершаго писателя 18 р. 45 к.; на воспитаніе сына писательницы 100 р.; на воспитаніе дѣтей умершаго писателя получаемое ими пособие въ 120 р. въ годъ увеличено до 180; на воспитаніе дочери умершаго писателя 50 р. въ годъ на 3½ года.

Стипендіатами общества въ Петербургскомъ университетѣ назначены студенты перваго курса: Дьяконовъ, Антушевичъ, Сергѣевскій и Высоцкій; стипендія имени В. Θ. Корша предоставлена студенту 2-го курса Машуркѣ.

3) Продолжительныя и смѣшанныя пособія.

Вдовѣ писателя назначено по 20 р. въ мѣсяць на одинъ годъ; больному писателю назначено 100 р. одновременно и затѣмъ по 50 р. въ мѣсяць въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ; вдовѣ писателя продолжено на одинъ годъ пособие по 15 р. въ мѣсяць; больному писателю по 20 р. въ мѣсяць на полгода; женѣ писателя 100 р. одновременно и по 10 р. въ мѣсяць въ теченіи года.

4) Единоновременныя пособія

выданы въ теченіи года 54 раза, всего на сумму 3550 р., въ томъ числѣ: 200 р. одинъ разъ; по 150 р. три раза; по 100 р. тринадцать разъ; по 75 р.

три раза; по 60 р. два раза; по 50 р. девятнадцать разъ; 40 р. одинъ разъ; 30 р. одинъ разъ; по 25 р. восемь разъ; 15 р. одинъ разъ; по 10 р. два раза.

Въ числѣ этихъ пособій нѣкоторыя имѣли специальное назначеніе. Такъ одно изъ пособій въ 50 р. распадается на двѣ части: половина была выдана просителю, а другая половина внесена въ университетъ за право слушанія лекцій. Въ составъ одного пособия въ 100 р. и одного въ 150 входятъ по 50 р. ассигнованныхъ на похороны. 15 р. выдано на похороны дочери писателя.

По поводу этого послѣдняго назначенія и двухъ другихъ еще болѣе мелкихъ выдачъ (по 10 р.) комитетъ считаетъ нужнымъ объяснить, что они только по-видимому противорѣчатъ постоянному стремленію комитета оказывать нуждающимся литераторамъ и ученымъ дѣйствительную помощь, насколько это дозволяется средствами общества. Подобныя мелкія выдачи, при всемъ желаніи комитета избѣгать ихъ, обуславливаются иногда точными указаніями самихъ просителей. Такъ именно было въ дѣлѣ назначенія пособия въ 15 р. и одного изъ пособій въ 10 р. При томъ же лицѣ, получившее пособие въ 15 р. на похороны дочери, пользовалось и пользуется другими видами помощи со стороны нашего общества. Что касается другого пособия въ 10 р., то хотя лицо, получившее его, просило больше, но комитетъ назначилъ ему 10 р. собственно на проѣздъ въ недалекую провинцію, откуда оно пріѣхало, по его словамъ, для представленія просьбы. Такимъ образомъ, ходатайство его надо, собственно оворя, считать отклоненнымъ.

Въ безсрочную ссуду, равносильную, по правиламъ о ссудахъ, безвозвратному пособию, выдано всего 1610 р.; въ томъ числѣ одинъ разъ 300 р., два раза по 200 р., одинъ разъ 150 р., пять разъ по 100 р., два раза по 60 р., два раза по 50 р., одинъ разъ 25 р. и одинъ разъ 15 р.

Всего же назначено въ единовременное пособие и въ безсрочную ссуду 66-ти лицамъ и семействамъ 5,160 р., причеиъ двумъ лицамъ назначены упомянутые виды пособія по два раза и одному три раза.

5) Ссуды (срочныя).

Всего въ ссуду выдано въ теченіи 1879 г. девяти лицамъ 2,348 р., въ томъ числѣ: одному лицу 600 р., тремъ по 300 р., двумъ по 200 р., двумъ по 150 р. и одному 148 р.

Б. Не денежные пособія.

Комитетъ неоднократно сносился съ редакціями и издателями по просьбамъ сотрудниковъ о посредничествѣ для полученія гонорара. Сношенія эти имѣли слѣдующіе результаты: пять просителей были совершенно удовлетворены; относительно одного комитетъ получилъ обѣщаніе постепенной уплаты гонорара; въ одномъ случаѣ исходъ посредничества былъ рѣшительно неблагоприятный; въ трехъ случаяхъ исходъ остался въ отчетномъ году комитету неизвѣстнымъ.

По ходатайству комитета въ истекшемъ году помѣщены въ гимназію г-жи Спѣшневой на бесплатныя вакансіи три дочери писателей и освобождена отъ платы ученица гимназіи княгини Оболенской, дочь переводчицы. Сверхъ того комитетъ ходатайствовалъ о помѣщеніи въ гимназію княгини Оболенской на одну изъ предоставленныхъ ею комитету бесплатныхъ вакансій дочери умершаго писателя, но воспользовалась ли мать дѣвочки этимъ ходатайствомъ комитету неизвѣстно.

Дочь умершаго писателя помѣщена, по ходатайству комитета, въ Ивановское дѣвичье училище челоуѣколюбиваго общества за уменьшенную плату, въ размѣръ получаемого ею отъ нашего общества пособія.

Комитетъ хлопоталъ о помѣщеніи малолѣтняго сына умершаго писателя въ пріютъ, но до сихъ поръ дѣло это еще не выяснилось. Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи находится дѣло вдовы писателя, которой, независимо отъ выданнаго ей денежнаго пособия, комитетъ старался оказать помощь ходатайствомъ о пособіи изъ другихъ источниковъ и помѣщеніи ея сына въ учебное заведеніе.

Хлопоты комитета о поступленіи вдовы писателя на женскіе медицинскіе курсы на нѣкоторыхъ льготныхъ условіяхъ—оказались безуспѣшными.

Независимо отъ назначенія денежнаго пособия въ 60 р. на воспитаніе сына переводчицы и помѣщенія дочери ея на бесплатную вакансію въ гимназію княгини Оболенской, комитетъ, за смертію самой переводчицы, входилъ въ сношенія съ частнымъ лицомъ, принимающимъ участіе въ судьбѣ ея сиротъ, о способахъ ихъ обезпеченія. Но въ настоящее время дальнѣйшая помощь со стороны комитета оказывается излишнею, такъ какъ дѣвочка взята на воспитаніе однимъ изъ членовъ комитета, а воспитаніе мальчика обезпечено частною подпиской.

Однимъ изъ членовъ комитета были рассмотрѣны присланныя въ комитетъ двѣ рукописи, одна изъ которыхъ, будучи признана для печати удобною, передана въ редакцію періодическаго изданія.

Одному писателю, кромѣ денежнаго пособия, была оказана медицинская помощь и бесплатное леченіе въ водолечебницѣ д-ра Афанасьева.

Въ пріютѣ г. Мартянова помѣщены два писателя. Третій, ходатайствовавшій о помѣщеніи его въ тотъ пріютъ, вполнѣдствіи, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отказался поселиться тамъ, равно какъ и четвертый, которому комитетъ самъ предложилъ одну изъ комнатъ въ домѣ г. Мартянова.

В. Отказы.

Отклонено комитетомъ въ 1879 г. 64 просьбы 54 лицъ, въ томъ числѣ: 47 просьбъ о пособіи, 8 о ссудѣ, 4 о безсрочной ссудѣ, 2 о присканіи занятій, одна о помѣщеніи въ учебное заведеніе, одна объ отсрочкѣ ссуды и одна о пенсіи.

Подводя итоги своей дѣятельности за истекшій годъ, комитетъ считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность лицамъ, оказавшимъ ему многостороннее содѣйствіе. Принявъ въ руководство замѣчанія прошлогодней ревизіонной комиссіи, комитетъ постоянно заботился объ увеличеніи средствъ общества, привлеченіи новыхъ членовъ и болѣе широкомъ ознакомленіи публики съ дѣятельностью общества. Усилія комитета не встрѣтили равнодушія въ средѣ лицъ, интересующихся положеніемъ нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Возрастающее сочувствіе къ дѣламъ нашего общества составляетъ самый выдающійся фактъ въ жизни литературнаго фонда за истекшій годъ. Оно выразилось въ очень разнообразныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще небывалыхъ до сихъ поръ формахъ и размѣрахъ.

Въ отчетномъ году избрано вновь 103 члена. Чтобы оцѣнить эту цифру вспомнимъ, что въ теченіи 1872 г. было избрано 41, въ 1873—45, въ 1874—67, въ 1875—81, въ 1876—54, въ 1877—24, въ 1878—43 новыхъ члена. Такимъ образомъ приростъ личнаго состава общества въ истекшемъ году далеко превышаетъ цифры новыхъ членовъ за предыдущіе годы.

Изъ денежныхъ пожертвованій, общую сумму и подробности которыхъ вы узнаете изъ отчета казначея, обращаютъ на себя вниманіе: 1) пожертвованіе въ 1,000 р., завѣщанныхъ пенсіонеркою общества Дубенскою, получавшею такъ

называемую Дружининскую пенсію; деньги эти комитетъ постановилъ присоединить къ неприкосновенному капиталу общества подъ именемъ капитала отца завѣщательницы, профессора московскаго университета Д. Н. Дубенскаго; 2) пожертвованіе въ 6,152 р. 7 к., завѣщанныхъ инженеръ-генералъ-майоромъ Н. П. Мартыновымъ; комитетъ постановилъ зачислить изъ этихъ денегъ 52 р. 7 к. въ расходный капиталъ, а остальные 6,100 р. обратить въ неприкосновенный капиталъ, подъ именемъ капитала Н. П. Мартынова.

Изъ неденежныхъ пожертвованій на первомъ планѣ стоитъ предложеніе П. К. Мартынова, который предоставилъ въ распоряженіе комитета часть своего дома на Малой Охтѣ съ тѣмъ, чтобы помѣщеніе это бесплатно отводилось нуждающимся литераторамъ и ученымъ или ихъ семьямъ. Сверхъ помѣщенія, г. Мартыновъ даетъ отъ себя отопленіе и прислугу.

Княгиня Оболенская предоставила въ распоряженіе комитета три бесплатныя вакансіи въ своей гимназіи.

С. С. Поляковъ предоставилъ двѣ стипендіи въ учрежденныхъ имъ желѣзнодорожномъ и горнозаводскомъ училищахъ.

Т. П. Пассекъ пожертвовала 10 экземпляровъ своихъ воспоминаній «Изъ дальнихъ лѣтъ».

С. И. Черепановъ пожертвовалъ 50 экземпляровъ своей брошюры «Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака».

Екатеринославское общество любителей музыки, пѣнія и драматическаго искусства устроило въ пользу нашего общества вечеръ, давшій чистой выручки 72 р. 90 к.—Н. В. Альбертини устроилъ въ Ревелѣ 20-го мая въ пользу общества литературно-музыкальный вечеръ, давшій 150 р.—Г. К. Градовскій доставилъ 68 р. 57 к., вырученные со спектакля, даннаго въ пользу общества 29-го іюля въ Любани.—П. И. Вейнбергъ устроилъ въ пользу общества литературно-музыкальный вечеръ въ Мереклѣ 31-го іюля, отъ котораго очистилось 248 р. 50 к.—Всѣмъ участвовавшимъ въ этихъ вечерахъ и способствовавшимъ ихъ успѣху комитетъ выразилъ глубокую благодарность.

Самимъ комитетомъ были устроены два литературные вечера (9-го и 16-го марта), давшіе 4,856 р. 47 к.; спектакль въ Павловскѣ (24-го іюля), отъ котораго очистилось 1,062 р. 50 к.; литературное утро (28-го декабря), давшее 1,104 р. 30 к. Комитетъ выразилъ глубокую благодарность: П. И. Вейнбергу, Д. В. Григоровичу, Ф. М. Достоевскому, А. И. Пальму, А. Н. Плещееву, Я. П. Полонскому, А. А. Потѣхину, М. Г. Савиной, М. Е. Салтыкову и И. С. Тургеневу, принимавшимъ участіе въ чтеніяхъ; М. В. Ватсонъ, Ж. А. Полонской и А. В. Топорову, содѣйствовавшимъ устройству литературнаго утра; артистамъ: Г. Н. Ѳедотовой, Е. А. Семеновой, Е. А. Яблочкиной, Ф. П. Гореву, Н. А. Журину, А. И. Трофимову и Ф. Ф. Тихомирову, отказавшимся отъ платы за участіе въ спектаклѣ.

Забывая о расширеніи дѣятельности общества, комитетъ не упускалъ изъ виду своей прямой задачи — улучшенія положенія нуждающихся литераторовъ и ученыхъ.

До сихъ поръ всѣ поступающія въ комитетъ просьбы о присканіи работы, преимущественно переводной, отклонялись, такъ какъ, за исключеніемъ весьма немногихъ частныхъ случаевъ, комитетъ не имѣлъ возможности удовлетворить просителей. Въ виду этого комитетъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, Е. П. Карновичу, составить записку о мѣрахъ для присканія занятій переводчикамъ и переводчицамъ. Записка эта была прочитана въ общемъ собраніи 30-го декабря и принята единогласно.

Въ томъ же общемъ собраніи были прочитаны и единогласно приняты записки г. министра народнаго просвѣщенія на проектъ устава ссудо-сберегательной кассы.

ОТЧЕТЪ

КАЗНАЧЕЯ ОБЩЕСТВА ЗА 1879 ГОДЪ.

I. Состояніе кассы къ началу года.

Къ 1-му января 1879 г. въ кассѣ общества состояло. Руб. К.
74,669 69

Въ томъ числѣ:

	Руб.	К.
а) Процентными бумагами.	73,025	—
б) Наличными и на текущемъ счету	1,644	69
	<hr/>	
	74,669	69

Въ означенной суммѣ состояло капиталовъ:

а) Расходнаго	36,968	40
б) Неприкосновеннаго (въ томъ числѣ имени: А. А. Краевского—2,250 р., В. П. Гаевского, И. Т. Лисенкова, Б. И. Утина и С. Я. Чер- нышева—по 1,000 р. и Н. В. Василевскаго— 300 р.)	24,981	99
с) Капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго	10,553	25
д) „ „ В. О. Корша.	2,166	5
	<hr/>	
	74,669	69

Къ 1-му января 1879 года изъ вышеозначенной суммы 73,025 р., представляющей собою капиталы общества различныхъ наименованій въ процентныхъ бумагахъ, было заложено бумагъ на номинальную сумму 5,200 р., за которыя общество состояло должнымъ 3,780 р.

II. Приходъ.

Въ теченіи 1879 года на приходъ записано. 36,774 62¹

Въ томъ числѣ:

А) Дѣйствительный приходъ.

	Руб.	К.
1) Пожалованія особъ высочайшей фамиліи: Изъ кабинета Его Величества	1,000	—
Отъ Е. И. В. Государыни Императрицы	300	—
„ Е. И. В. В. К. Владиміра Александровича за 1878 и 1879 годъ	400	—
„ Е. И. В. В. К. Константина Николаевича и В. К. Александры Іосифовны.	100	—
„ Е. И. В. В. К. Алексія Александровича	100	—
	<hr/>	
	1,900	—

¹ По ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ 37,774 р. 62 к., такъ какъ перечисленный изъ расходнаго въ неприкосновенный капиталъ Д. Н. Дубенскаго, записанъ въ вѣдомостяхъ на приходъ и выписанъ въ расходъ.

	Руб.	К.
2) Отъ министерства народнаго просвѣщенія . . .	1,000	—
	<hr/>	
	1,000	—
3) Единовременны пожертвованія частныхъ лицъ:		
Отъ Н. П. Мартынова по завѣщанію	6,152	7
» Н. Д. Дубенской по завѣщанію въ память отца ея Д. Н. Дубенскаго	1,000	—
» С. С. Полякова	1,000	—
» И. С. Блюха	500	—
» Н. Р. Тарханова	260	—
» А. О. Баумана (редактора «Невы») . . .	100	—
» А. Ферд. Шульца	100	—
» А. В. Г. черезъ редакцію «Вѣстника Ев- ропы»	95	—
» редакціи «Отеч. Записокъ» %о деньги за 1879 годъ	80	—
» Ѳ. Ѳ. Резенера черезъ картографическое заведеніе А. А. Ильина	80	—
» любителей драм. искуc. въ Екатеринославѣ	72	90
» редакціи «Вѣстника Европы» %о деньги за 1879 годъ	63	—
» П. В. Я.	60	—
» одного изъ сотрудниковъ «Слова» черезъ редакцію журнала	28	20
» М. Г. Савиной	25	—
» П. А. Штейнгарта	15	—
» Ю. А. Кавецкаго	10	—
» редактора «Новаго Времени» М. П. Фе- дорова (одинъ золотой)	8	65
» г. Войцеховскаго	6	—
» О. Н. Мейнгарта	5	—
» кн. П. П. Ц—ва	5	—
» А. А. Пыхтухина	3	—
» неизвѣстнаго черезъ кон. «Нов. Врем.»	62	40
» неизвѣстнаго	30	—
» неизвѣстнаго	5	75
» неизвѣстнаго	1	—
» продажи пожертвованныхъ Т. П. Пассекъ книгъ	40	—
» продажи пожертвованныхъ Д. Л. Миха- ловскимъ книгъ	12	94
» продажи пожертвованныхъ С. П. Черепан- новымъ книгъ	4	—
	<hr/>	
	9,824	91
Итого по рубрикѣ пожертвованій . . .	12,724	91
4) Годовые членскіе взносы	5,567	—
(Въ томъ числѣ: отъ П. П. Демидова князя Санъ-Дonato — 500 р., отъ И. С. Блюха за 1879 и 1880 гг. — 200 р., отъ М. И. Услѣв- скаго за 1879 г. — 100 р., отъ А. Н. Бекунова за 1879 и 1880 гг. — 100 р., отъ барона Г. О.		

Общество для пособія нуждающимъ. ЛИТЕР. и УЧЕНЫМЪ. 247

Гинцбурга, С. Г. Голенищевой, И. Д. Делянова, К. Т. Солдатенкова, А. В. Станкевича и Ф. Е. Фельдмана за 1879 г. по 50 р. и отъ К. К. Арсеньева за 1879 г.—40 р.).	Руб. К.
5) Пожизненные членскіе взносы	600 —
6) Отъ литературныхъ чтеній, спектаклей и пр.	7,490 34
7) Доходы съ капиталовъ:	
а) Общества	3,521 р. 12 к.
б) Стипендіи Е. П. Ковалевскаго	556 » 50 »
в) » В. Θ. Корша	122 » 50 »
	<hr/>
А всего	4,200 12
8) Возврата пособій, безсрочныхъ ссудъ и пенсій	200 —
9) Проценты по срочнымъ ссудамъ	114 —
10) Возвращены % при выкупѣ заложени. бумагъ	28 25
	<hr/>
Итого дѣйствительнаго прихода	30,924 62

В. По оборотамъ кассы.

11) Возвратъ срочныхъ ссудъ	1,750 —
12) Куплено % бумагъ для расход. кап. общества	1,700 —
13) » » » » неприкосновен. капитал.	1,800 —
14) » » » » капитала Е. П. Кова- левскаго	600 —
	<hr/>
Итого по оборотамъ	5,850 —
Всего записано на приходъ	36,774 62

III. Расходъ.

Въ теченіи 1879 года въ расходъ выписано Руб. К. 26,864 25 *

Въ томъ числѣ:

А. Дѣйствительнаго расхода.

	Руб. К.
1) Единовременныя пособія	3,012 50
2) Безсрочныя ссуды	2,265 —
3) Пособія на воспитаніе	2,906 45
4) Тоже изъ капитала Е. П. Ковалевскаго	450 —
5) » » » » В. Θ. Корша	140 —
6) Продолжительныя пособія	920 ¹
7) Пенсіи	6,140 —
8) Пересылка суммъ (въ томъ числѣ 2 р. 56 к. изъ суммъ Ковалевскаго)	39 49
9) За храненіе капитала (въ томъ числѣ 2 р. 95 к. изъ суммъ Ковалевскаго и 2 р. 15 к. изъ ка- питала Корша) и за гербовыя марки	18 40
10) Проценты по залугу бумагъ	24 15
	<hr/>
Итого дѣйствительнаго расхода	15,915 99

¹ По приходорасходной книгѣ—25,868 р. 41 к.

В. По оборотамъ.

	Руб.	К.
1) Срочныя ссуды	2,348	—
2) Выкуплены заложеныя % бумаги общества на номинальную сумму 5,200 р.	3,780	42
3) Заплачено за купленныя для общества % бумаги на номинальную сумму 3,500 р.	3,250	88
4) Заплачено за купленныя для капитала Е. П. Ковалевского % бумаги на номинальную сумму 600 р.	568	96
Итого по оборотамъ	9,948	26
А всего выписано въ расходъ	25,868	41

IV. Состояніе массы къ 1-му января 1880 года.

	Руб.	К.
Къ 1-му января 1880 года записано на приходъ	111,444	31
» » » » » выписано въ расходъ	25,868	41
Затѣмъ состоитъ къ 1-му января на лицо	85,575	90

Въ томъ числѣ:

	Руб.	К.
a) Процентныя бумагами	83,325	—
b) Наличными и на текущемъ счету	2,250	90
Въ означенной суммѣ состоитъ: расходнаго капитала общества—39,969 р. 11 к.; неприкосновеннаго капитала (въ томъ числѣ имени: Н. П. Мартынова—6,100 р., А. А. Краевского—2,250 р., В. П. Гаевского, Д. Н. Дубенскаго, И. Т. Лисенкова, Б. И. Утина и С. Я. Чернышева—по 1,000 р., и Н. М. Василевскаго—300 р.)—32,775 р. 11 к., капитала Е. П. Ковалевскаго—10,685 р. 28 к. и капитала В. Θ. Корша—2,146 р. 40.		

Къ 1-му января 1880 года общество ничего не состоитъ должнымъ по заложенымъ процентнымъ бумагамъ.

Къ 1-му января 1880 года общество имѣетъ въ долгу за разными лицами по срочнымъ ссудамъ—1,508 р.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

III 26 1976 III
~~CANCELLED~~

Widener Library

3 2044 079 310 074